THE YEAR'S BEST

ЛУЧШЕЕ ЗА ГОД

XXIII

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА • КОСМИЧЕСКИЙ БОЕВИК • КИБЕРПАНК

Лиз ВИЛЬЯМС, Джин ВУЛФ, Брюс СТЕРЛИНГ,
Майкл СУЭНВИК, Джо ХОЛДЕМАН и многие другие

Под редакцией Гарднера Дозуа

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Прославленные мастера жанра, такие как Майкл Суэнвик, Брюс Стерлинг, Джо Холдеман, Джин Вулф, Гарри Тертлдав и многие другие, приглашают читателей в увлекательные путешествия по далекому будущему и альтернативному прошлому. Тайны инопланетных миров и величайшие достижения научной мысли представлены на страницах знаменитого ежегодного сборника, обладателя многочисленных престижных наград. Только самое новое и лучшее достойно оказаться под обложкой «The Year's Best Science Fiction», признанного бренда в мире фантастики!

- Йен Макдональд
- Паоло Бачигалупи
- Аластер Рейнольдс
- Дэрил Грегори
- Джей Лейк, Рут Нестволд
- Майкл Суэнвик
- Роберт Рид
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
  - XII
  - XIII
  - XIV
  - XV
  - XVI
  - XVII
  - XVIII
- Кен Маклеод
- Брюс Стерлинг
- Уильям Сандерс
- Мэри Розенблюм
- Крис Бекетт

- Дэвид Джерролд
- Лиз Вильямс
- Стивен Бакстер
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
- Вонда Макинтайр
- Джин Вулф
- Гарри Тертлдав
- Ханну Райяниеми
- Стивен Попкес
- Нил Эшер
- Аластер Рейнольдс
- Дэвид Моулз
- Доминик Грин
- Крис Роберсон
- Гвинет Джонс
- Питер Уоттс, Дэррил Мерфи
- Элизабет Бир
- Джо Холдеман
- Джеймс Патрик Келли
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
  - XII
  - XIII
  - XIV
  - XV
  - XVI
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92

- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136

- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180

- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224

- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268

- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288

Лучшее за год XXIII: Научная фантастика, космический боевик, киберпанк

Йен Макдональд
Маленькая богиня[1]

Я запомнила ночь, когда стала богиней. Мужчины забрали меня из отеля на закате. Голова кружилась от голода, потому что оценщик детей не велел есть в день испытания. Я была на ногах с рассвета: умывание, одевание, раскраска — долгое и трудное дело. Родители вымыли мне ноги в биде. Мы впервые увидели эту штуку и сочли такое ее применение самым естественным. Никто из нас до того не останавливался в отеле. Он показался нам роскошным, хотя теперь я понимаю, что это был дешевый отель туристической компании. Помню, когда мы спустились в лифте, там пахло готовившимся на *ги*[2] луком. Я решила, что это запах лучшей в мире пищи.

Знаю, что те мужчины являлись жрецами, но не запомнила, как они были одеты. В вестибюле мама расплакалась; отец поджал губы и таращил глаза, как делают взрослые, когда им хочется плакать, но нельзя показывать слез. В том же отеле ждали испытания еще две девочки. Я их не знала: они приехали из других деревень, где могут жить *деви*.[3] Их родители не скрывали слез. Я дивилась — отчего: ведь их дочери могли стать богинями!

На улице водители рикш и прохожие гудели и махали руками, приметив наши красные платья и «третий глаз» на лбу. Деви, смотрите, деви! Другие девочки крепко уцепились за руки мужчин. Я подобрала подол и шагнула в машину с затемненными стеклами.

Нас отвезли к Хануман Дхока.[4] Полиция и механизмы оттесняли народ с площади Дурбар.[5] Я, помнится, долго глазела на машины с куриными ногами и обнаженными клинками в руках. Личные боевые автоматы короля. Потом я увидела храм, его крыши уходили все выше и выше в алый закат, и на мгновение мне показалась, что выгнутые вверх карнизы кровоточат.

В длинной сумрачной комнате стояло душное тепло. Пыльные лучи вечернего света пробивались в трещины и щели резного дерева с такой яркостью, что казалось, оно загорелось. Снаружи доносились шум машин и гомон туристов. Стены казались тонкими и в то же время словно километровой толщины. Площадь Дурбар осталась в целом мире от нас. В комнате пахло кислой медью. Тогда я не узнавала запаха, но теперь мне известно, что так пахнет кровь. Сквозь запах крови просачивался другой: времени, слежавшейся толстыми слоями

пыли. Одна из двух женщин, которым предстояло опекать меня, если я пройду испытание, сказала, что храму пятьсот лет. Это была маленькая полная женщина с лицом, которое казалось улыбчивым, но, присмотревшись, вы не находили улыбки. Она усадила нас на красные подушки на полу, дожидаться, пока мужчины приведут остальных девочек. Кое-кто из них уже плакал. Когда нас собралось десять, женщины ушли, и двери за ними закрылись. Мы долго сидели в жаркой длинной комнате. Некоторые девочки вертелись и болтали, но я посвятила все внимание деревянной резьбе и вскоре забылась. Мне всегда легко было впасть в забытье: в деревне *шакья*[6] я на много часов растворялась в движении облаков над горами, в ряби серой реки далеко внизу, в хлопках молитвенных знамен на ветру. Родители видели в этом знак моей врожденной божественности — один из тридцати двух признаков, отмечающих девочку, в которой живет богиня.

В меркнущем свете я читала рассказ о том, как Джайапракаш Малла играл в кости с деви Таледжу Бхавани, явившейся к нему в образе красной змеи и поклявшейся, уходя, что станет возвращаться к королям Катманду лишь в образе юной девственницы самой низкой касты, чтобы посрамить их высокомерие. Темнота помешала мне дочитать до конца, но я в этом и не нуждалась. Я сама была окончанием истории — или одна из других девяти девочек низшей касты, собранных в святом доме богини.

Потом дверь распахнулась, захлопали петарды, и сквозь грохот и дым в зал ворвались красные демоны. За их спинами люди в багровых одеждах били в сковородки, трещотки и гонги. Две девочки сразу расплакались, и две женщины вошли и увели их. Но я-то знала, что чудовища — просто глупые мужчины. В масках. Они были даже и не похожи на демонов. Я повидала демонов, когда дождевые тучи уходили, и косой свет падал в долину, и горы разом вырастали над нами. Каменных демонов многокилометровой высоты. Я слышала их голоса, и дыхание их не пахло луком. Глупые мужчины плясали передо мной, потрясая красными гривами, но я видела их глаза в отверстиях раскрашенных масок, и в их глазах плескался страх передо мной.

С новым хлопком петард опять загремела дверь, и из дыма появились новые мужчины. Они несли корзины, укрытые красными полотнищами. Поставив их перед нами, они сдернули ткань. Головы буйволов, отрубленные совсем недавно, так что кровь блестела ярким шелком. Глаза закачены, вываленные языки еще теплые, носы еще влажные. И мухи вились у рассеченных шей.

Мужчина подтолкнул корзину к моей подушке, словно блюдо со священной пищей. Грохот и гул за дверью слились в рев, звон металла до боли резал уши. Девочка из моей деревни завизжала, ее крик заразил другую, и еще одну, и четвертую. Женщина, высокая, плоская, с кожей, подобной коже старого кошелька, вошла забрать их, заботливо придерживая им подолы, чтобы не измазать кровью. Танцоры вились вокруг, как языки пламени, а мужчина, опустившийся на колени, поднял из корзины голову буйвола. Он поднес ее к моему лицу, глаза к глазам, но я думала только о том, какая она, наверно, тяжелая: у него мышцы вздулись жгутами и руки дрожали. Мухи походили на черные самоцветы. За дверью что-то хлопнуло, и мужчины опустили головы в корзины, укрыли их материей и ушли вместе с глупыми демонами, извивавшимися и скакавшими вокруг них.

Теперь на подушке осталась всего одна девочка. Незнакомая. Она была из семьи Варджьяна, из неварской деревни ниже по ущелью. Мы сидели долго, и нам хотелось поговорить, но мы не знали, не полагается ли по условиям испытания молчать. Потом дверь отворилась в третий раз, и двое мужчин ввели в зал деви белого козла. Они поставили его прямо передо мной и неварской девочкой. Я видела, как он поводит злыми глазами со щелями зрачков. Один мужчина держал козла за путы, а другой достал из кожаных ножен большой церемониальный *кукри.* Он благословил нож и одним коротким сильным ударом отсек козлу голову. Я чуть не рассмеялась, потому что козел выглядел таким смешным: тело не знало, где оно, а голова искала свое тело, а потом тело догадалось, что у него нет головы, и повалилось, брыкнув ногами, и почему же визжит эта девочка, разве она не видит, как это смешно, или она завидует, что я первая разгадала шутку?

Как бы то ни было, улыбчивая женщина и иссохшая женщина вошли и очень ласково увели ее прочь, а двое мужчин опустились на колени в луже крови и поцеловали деревянный пол. Они подняли и унесли разрубленного козла. Я предпочла бы, чтобы они этого не делали. Мне хотелось, чтобы кто-нибудь побыл со мной в большом деревянном зале. Но я осталась одна в темноте и духоте и тогда сквозь шум уличного движения услышала, как зазвонили, раскачиваясь, низкие колокола Катманду. В последний раз отворилась дверь, и вошла женщина с огнем.

— Зачем вы оставили меня одну?! — закричала я. — В чем я провинилась?

— Как ты можешь провиниться, богиня? — сказала старая морщинистая женщина, которая, вдвоем со второй, стала мне отныне отцом и матерью, и учителем, и сестрой. — Теперь идем с нами, и поспеши. Король ждет.

Улыбчивая кумарими[7] и высокая кумарими (как я стану впредь называть их) взяли меня за руки, и я вприпрыжку пошла между ними из огромного, подавляющего храма Ханумана. От ступеней храма до недалекого деревянного дворца дорогу выстелили белым шелком. Народ впустили на площадь, и люди теснились по обе стороны церемониального пути, сдерживаемые полицией и королевскими автоматами. Машины сжимали в руках горящие факелы. Огонь отражался от обнаженных клинков. На темной площади стояло великое молчание.

— Твой дом, богиня, — сказала улыбчивая кумарими, низко склоняясь, чтобы шепнуть мне в ухо. — Ступай по шелку, деви. Не сходи с него. Я держу тебя за руку. Со мной тебе нечего бояться.

Я шла между своими кумарими, напевая популярный мотивчик, слышанный по радио в отеле. Оглянувшись, я увидела, что оставляю за собой две цепочки кровавых следов.

«У тебя нет касты, нет селения, нет дома. Дворец — твой дом, и кто пожелал бы другого? Мы украсили его для тебя, ты станешь покидать его лишь шесть раз в году. Все, что тебе нужно, ты найдешь в этих стенах. У тебя нет ни отца, ни матери. Разве могут быть родители у богини? Король — твой брат, держава — твоя сестра. Жрецы, что служат тебе, — они ничто. Мы, твои кумарими, — меньше чем ничто: прах, грязь, орудия. Мы повинуемся каждому твоему слову.

Как мы сказали, ты будешь покидать дворец всего шесть раз в году. Тебя понесут в паланкине. О, как он красив: резное дерево и шелка! За пределами этого дворца ты не коснешься земли. Едва коснувшись земли, ты перестанешь быть богиней. Ты станешь одеваться в красное, убирать волосы в узел на макушке и красить ногти на руках и на ногах. Ты будешь носить на лбу красный *тилак*[8] Шивы. Мы будем помогать тебе готовиться, пока это не станет твоей второй натурой.

Ты будешь говорить только в стенах этого дворца, и даже здесь — не много. Молчание подобает Кумари. Ты не будешь улыбаться или выказывать каких-либо чувств. Ты не прольешь крови. Ни ссадины, ни царапины. В крови — могущество, и когда уходит кровь, уходит богиня. В день, когда ты прольешь первую кровь, хотя бы единую каплю, мы скажем жрецам, и они уведомят короля, что богиня удалилась. Ты потеряешь божественность и должна будешь покинуть дворец и вернуться к родителям. Ты не будешь проливать крови.

У тебя нет имени. Ты — Таледжу, ты — Кумари. Ты богиня».

Эти поучения нашептывали мне кумарими, пока мы шли между коленопреклоненными жрецами к королю, в его короне с

плюмажем, украшенном бриллиантами, и изумрудами, и жемчугом. Король приветствовал меня: «Намасте»,[9] и мы сели рядом на львином троне, и длинный зал содрогался от колоколов и барабанов с площади Дурбар. Помнится, я подумала, что король должен бы склониться передо мной, но даже для богини есть правила.

Улыбчивая кумарими и высокая кумарими. Я первой представляю в памяти высокую кумарими, потому что следует соблюдать старшинство. Она была почти такая же высокая, как люди с Запада, и тонкая, как палка в засуху. Поначалу я испугалась ее. Потом услышала ее голос и больше уж никогда не боялась: голос у нее был ласковым, как пение птицы. Стоило ей заговорить, и вы чувствовали, что теперь знаете все. Высокая кумарими жила в квартирке над лавочкой с товарами для туристов на краю площади Дурбар. Из своего окна она могла увидеть мой Кумари Гхар[10] среди ступенчатых башен *дхока*.[11] Ее муж умер от рака легких из-за загрязнения среды и дешевых индийских сигарет. Двое высоких сыновей выросли и женились, у них были свои дети старше меня. Тем временем она заменила мать пяти Кумари-Деви, пока не пришла моя очередь.

Потом я вспоминаю улыбчивую кумарими. Она была маленькой и полной и страдала одышкой, от которой лечилась ингаляторами: голубым и коричневым. Я слышала их змеиное шипение, когда площадь Дурбар становилась золотистой от смога. Она жила далеко, в новом пригороде на западных склонах, и добираться туда приходилось долго даже на машине, которую предоставил ей король. Ее детям было двенадцать, десять, девять и семь лет. Она была веселой и обходилась со мной как с пятой дочкой, маленькой любимицей, но я даже тогда чувствовала, что она, как танцующие мужчины-демоны, боялась меня. О, величайшей честью было служить матерью — в некотором смысле — богине, хотя лучше не слушать разговоров соседей по кварталу: «Заперта в этой унылой деревянной коробке, и вся эта кровь — Средневековье, Средневековье!» — но ведь они не умели понять. Кто-то должен был защитить короля от тех, кто хотел бы превратить нас во вторую Индию или, хуже того, в Китай. Кто-то должен был хранить старые обычаи божественного королевства. Я рано поняла разницу между ними. Улыбчивая кумарими была мне матерью из чувства долга. Высокая кумарими — по любви.

Я так и не узнала их настоящих имен. Распорядок и циклы их дежурств росли и убывали, как лица луны. Улыбчивая кумарими однажды застала меня, когда я выглядывала сквозь *джали*[12] на округлившуюся луну в редкую ночь, когда небо было чистым и здоровым, и накричала на меня:

— Не смотри на нее, маленькая деви, она вызовет из тебя кровь, и ты уже не будешь богиней!

В пределах деревянных стен и железного распорядка моего Кумари Гхар годы проходили неразличимо и незаметно. Теперь я думаю, я стала деви Таледжу в пять лет. Думается, это был 2034 год. Но отдельные воспоминания разбивают гладь, как цветы, пробивающиеся из-под снега.

Муссонные дожди падают на крутые скаты крыш, шумят и журчат в водостоках, и ставни каждый год распахиваются и хлопают на ветру. Тогда у нас еще бывали муссоны. Громовые демоны в горах за городом, моя комната освещается вспышками молний. Высокая кумарими заходит узнать, не спеть ли мне колыбельную на ночь, но я не боюсь. Богини не боятся грозы.

День, когда я гуляю в маленьком садике, и улыбчивая кумарими вдруг с криком падает к моим ногам, и у меня на губах уже слова: «Поднимись, не поклоняйся мне здесь», когда она поднимает между большим и указательным пальцами извивающую и корчащуюся в поисках места, куда присосаться, зеленую пиявку.

Утро, когда высокая кумарими приходит с известием, что люди просят меня показаться им. Сперва мне казалось чудесным, что люди приходят посмотреть на меня на моем маленьком балконе-*джарока,* разодетую, с краской на лице, в драгоценных украшениях. Теперь я нахожу это утомительным: все эти круглые глаза и разинутые рты. Это случилось в неделю, когда мне исполнилось десять. Высокая кумарими улыбнулась, но постаралась скрыть от меня улыбку. Она вывела меня на джарока, чтобы я помахала рукой людям во дворе, и я увидела сотни китайских лиц, обращенных вверх, ко мне, и услышала высокие возбужденные голоса. Я все ждала и ждала, но двое туристов никак не уходили. Это была непримечательная пара: темные лица местных жителей, крестьянская одежда.

— Отчего они заставляют нас ждать? — спросила я.

— Помаши им, — подсказала кумарими. — Они только этого и хотят.

Женщина первая заметила мою поднятую руку. Она обмякла и потянула своего мужа за рукав. Мужчина склонился над ней, потом поднял взгляд на меня. На его лице я прочла множество чувств: ошеломление, смятение, узнавание, отвращение, удивление, надежду. Страх. Я помахала, и мужчина затормошил жену: «Посмотри, взгляни вверх». Я помню, что, в нарушение всех правил, я улыбнулась. Женщина разразилась слезами. Высокая кумарими поспешно увела меня.

— Кто эти смешные люди? — спросила я. — Они оба в очень

белых башмаках.

— Твои отец и мать, — сказала кумарими.

Когда она уводила меня по коридору Дурги,[13] обычным порядком, чтобы я не занозила свободную руку, ведя ею по деревянной стене, я почувствовала, что ее рука дрожит.

В ту ночь мне приснился сон из жизни — не сон, а одно из самых ранних воспоминаний, которые все стучатся, стучатся, стучатся в двери памяти. Это воспоминание я не впускала к себе при дневном свете, поэтому оно приходило по ночам, через тайный ход.

Я — в клетке, над ущельем. Река бежит далеко внизу, молочная от илистой мути, сливками пенится над валунами и плитами, отколовшимися с горных склонов. От моего дома к летним пастбищам перекинут через реку стальной трос, а сижу я в проволочной клетке, в которой переправляют коз на тот берег. За спиной у меня лежит большая дорога, вечно шумная от рева грузовиков, плещутся молитвенные знамена и вывеска бутилированной воды «Кинди» над придорожным чайным домом, который содержит моя семья. Моя клетка еще раскачивается от последнего пинка дяди. Мне видно, как он висит, уцепившись за канат руками и ногами и ухмыляясь щербатой улыбкой. Лицо у него потемнело от летнего солнца, руки в трещинах и пятнах от возни с мотором грузовика. В трещины на коже въелась смазка. Он морщит нос и поднимает ногу, чтобы снова пихнуть мою скользящую на ролике клетку. Меня не раз так переправляли через ущелье. Ролик раскачивается вместе с тросом, горами, небом и рекой, но мне, в моей козьей клетке, ничто не угрожает. Дядя ползет на несколько дюймов позади меня. Так меня переправляют через реку: пинок за пинком, дюйм за дюймом.

Я так и не увидела, что убило его, — быть может, болезнь мозга вроде тех, что поражает людей из долины, когда они поднимаются высоко в горы. Просто в следующее мгновение я вижу, что дядя цепляется за трос правой рукой и ногой. Левая рука и нога повисли, дрожат, как корова с перерезанной глоткой, сотрясая и трос, и мою маленькую клетку. Мне, трехлетней, это кажется очень смешным, и, решив, что дядя со мной играет, я тоже трясусь, дергая клетку и дядю, вверх-вниз, вверх-вниз. Половина тела его не слушается, и он пытается продвинуться вперед, передвигая одну ногу, вот так, перехватывая руку так быстро, чтобы не выпустить троса, и при том непрерывно подскакивает: вверх-вниз, вверх-вниз. Дядя хочет что-то крикнуть, но слова выходят невнятным мычанием, потому что половина лица у него парализована. И вот я вижу, как разжимаются пальцы, вцепившиеся в трос. Я вижу, как его разворачивает в воздухе и

согнутая крючком нога соскальзывает. И вот он падает, ища опоры половиной тела и вопя половиной рта. Я вижу его падение, вижу, как он отскакивает от скал и уступов, — как всегда хотелось мне. Я вижу, как он падает в реку и бурая вода поглощает его. Пришел старший брат с крюком на веревке и подтянул меня обратно. Когда родители увидели, что я не ору, не плачу, не всхлипываю, даже не накуксилась, они поняли, что мне суждено стать богиней. Я улыбалась в своей проволочной клетке.

Лучше всего мне запомнились праздники, потому что только в эти дни я покидала Кумари Гхар. Самым большим праздником был Дасан, конец лета. На восемь дней город окрашивался в красный цвет. В последнюю ночь я лежала без сна, слушая, как голоса на площади сливаются в единый гул, такой, каким представлялся мне шум моря. Голоса мужчин, играющих на удачу с Лакшми, богиней счастья. Так же играли мои отец и дяди в последнюю ночь Дасана. Помнится, я сошла вниз и потребовала ответа, по какому случаю такое веселье, а они оторвались от своих карт и просто расхохотались. Я думала, во всем мире нет столько монет, сколько их валялось на столе в ту ночь, но и это было ничто по сравнению с восьмой ночью Дасана в Катманду. Улыбчивая кумарими рассказала мне, что иные жрецы целый год потом отрабатывают проигранное. Затем настал девятый день, великий день, и я выплыла из своего дворца, чтобы город поклонился мне.

Сорок мужчин несли меня на носилках, привязанных к бамбуковым стволам, не тоньше меня в обхвате. Они шли осторожно, нащупывая каждый шаг, словно улицы стали вдруг скользкими. Я, в окружении богов, жрецов и очумевших от святости *садху*,[14] восседала на золотом троне. Ближе всего ко мне шли мои кумарими, мои матери, такие нарядные в красных платьях и головных платках, с лицами, раскрашенными так, что они вовсе не напоминали людей. Но голос высокой кумарими и улыбка улыбчивой кумарими заверяли меня, что я вместе с Хануманом и Таледжу продвигаюсь сквозь приветственные крики и музыку и знамена, яркие на фоне синего неба, и запах, знакомый мне с той ночи, когда я стала богиней, — запах крови.

В тот Дасан город приветствовал меня, как не приветствовал никогда. Гул с ночи Лакшми не умолкал весь день. Мне, как деви Таледжу, не полагалась замечать ничего столь низменного, как человеческие создания, но краешком накрашенных глаз я заглядывала за ряд роботов охраны, двигавшихся вместе с моими носилками, и улицы, расходившиеся лучами от *ступы*[15] Чхетрапати, были плотно забиты людьми. Они плескали в воздух

струи и потоки воды из пластиковых бутылок, и брызги, сверкая крошечными радугами, осыпали их дождем, но они этого не замечали. Их лица обезумели в молитвенном экстазе.

Высокая кумарими заметила мое недоумение и склонилась ко мне, чтобы шепнуть:

— Они совершают *пуджа*[16] ради дождя. Второй раз не пришли муссоны, деви.

Я заговорила, и улыбчивая кумарими заслонила меня, чтобы никто не увидел движения моих губ.

— Нам не нравится дождь, — твердо заявила я.

— Богиня не может делать только то, что ей нравится, — сказала высокая кумарими. — Это серьезное дело. Людям не хватает воды. Реки пересыхают.

Я вспомнила реку, бежавшую в далекой глубине у дома, где я родилась, мутную, как сливки, воду с разводами желтой пены. Я видела, как она проглотила моего дядю, и не могла представить ее себе слабой, исхудавшей, голодной.

— Тогда зачем же они выплескивают воду? — спросила я.

— Чтобы деви дала им еще, — пояснила улыбчивая кумарими. Но я не видела в этом смысла даже для богини и насупилась, стараясь понять людей, и так вышло, что я смотрела прямо на него, когда он появился.

У него была бледная кожа горожанина, и волосы, зачесанные налево, поднимались и опускались, как крыло, когда он вынырнул из толпы. Он прижал кулаки к вороту рубахи с косыми швами, и люди отхлынули от него. Я видела, как он просунул большие пальцы в две петли черной бечевки. Я видела, как он разинул рот в громком крике. Потом робот развернулся, и я увидела серебряную вспышку. Голова юноши взлетела в воздух. Глаза и рот округлились в крике: «О!» Личный автомат короля сложил клинок, как мальчик складывает карманный нож, прежде, чем тело, как тело того смешного козла в Хануман Дхока, осознало, что мертво, и упало наземь. Мои носильщики запнулись, покачнулись, не зная в растерянности, куда идти и что делать. На миг мне показалось, они меня уронят.

Улыбчивая кумарими испустила тихий крик ужаса:

— О! О! О!

Лицо мое было забрызгано кровью.

— Это не ее кровь! — выкрикнула высокая кумарими. — Это не ее!

Она смочила слюной носовой платок и нежно стирала с моего лица кровь юноши, когда появилась королевская охрана в темных костюмах и очках и унесла меня в ожидавший автомобиль.

— Вы испортили мне выход, — сказала я королевскому стражу, когда машина тронулась с места.

Молящиеся в узких переулках с трудом уступали нам дорогу.

В тот вечер высокая кумарими пришла ко мне в комнату. Воздух гудел от винтов вертолетов, выискивающих заговорщиков. Вертолетов и механизмов, подобных личным автоматам короля, способных летать и озирать город с высоты взглядом коршуна. Она присела ко мне на кровать и положила на вышитое красным и золотым покрывало голубую прозрачную коробочку. В ней были две светлые таблетки.

— Это поможет тебе уснуть. Я покачала головой.

Высокая кумарими спрятала голубую коробочку в рукав платья.

— Кто это был?

— Фундаменталист. *Карсевак.* Глупый грустный молодой человек.

— Индус, но он хотел нам зла.

— В том-то и безумие, деви. Он и ему подобные считают, что наше королевство стало слишком западным, слишком оторвалось от корней и религиозных истин.

— И он напал на нас, на деви Таледжу. Он готов был взорвать свою богиню, но автомат лишил его головы. Это почти так же странно, как люди, выплескивающие воду ради дождя.

Высокая кумарими опустила голову. Она достала из пояса новый предмет и положила его на тяжелое покрывало с той же бережной осторожностью, как и сонные таблетки. Это была легкая перчатка без пальцев на правую руку: на ее тыльной стороне виднелся завиток пластика, похожий на крошечный зародыш козленка.

— Знаешь, что это?

Я кивнула. У каждого молящегося, совершавшего пуджа на улице, был такой на правой руке, чтобы улавливать мое изображение. Наладонник.

— Он посылает сообщения тебе в голову, — шепнула я.

— Это самое малое, на что он способен, деви. Считай его своим *джарока,* но он откроет тебе окно в широкий мир, за площадью Дурбар, за пределами Катманду и Непала. Это — ИИ, искусственный интеллект, мыслящая машина, как те, что ты видела здесь, но много умнее их. У тех хватает ума летать и выслеживать, но мало на что еще, а этот ИИ расскажет тебе все, что ты захочешь узнать. Тебе нужно только спросить. А тебе многое нужно узнать, деви. Ты не вечно будешь Кумари. Придет день, когда ты покинешь этот дворец и вернешься в мир. Я видела их до тебя. — Она протянула руки, взяла мое лицо в ладони,

потом отстранилась. — Ты особенная, моя деви, но та особость, которая делает тебя Кумари, означает, что тебе трудно придется в мире. Люди назовут ее болезнью. И хуже того…

Чтобы скрыть свои чувства, она принялась закреплять похожий на зародыш завиток приемника у меня за ухом. Я чувствовала, как скользит по коже пластик, потом высокая кумарими надела перчатку, взмахнула рукой в жесте *мудра*,[17] и я услышала у себя в голове голос. В воздухе между нами возникли светящиеся слова — слова, которые высокая кумарими так прилежно научила меня читать.

«Спрячь его ото всех, — говорила ее танцующая рука. — Не говори никому, даже улыбчивой кумарими. Я знаю, что ты так называешь ее, но она не поймет. Она сочтет это нечистым, осквернением. Кое в чем она похожа на человека, который хотел причинить тебе зло. Пусть это будет наш секрет, только между нами».

Вскоре улыбчивая кумарими пришла навестить меня, но я притворилась спящей. Перчатка и похожий на зародыш завиток прятались у меня под подушкой. Я воображала, что они говорят со мной сквозь гусиный пух и тонкий хлопок, посылают мне сны, между тем как надо мной в ночи кружат вертолеты и роботы-ищейки. Когда за кумарими защелкнулась дверь, я надела перчатку и крючок наушника и отправилась на поиски пропавшего дождя. Я нашла его в ста пятидесяти километрах выше, высмотрела глазом погодного ИИ, вращавшегося над Восточной Индией. Я увидела муссон — завиток облаков, похожий на кошачий коготь, царапающий море. У нас в деревне были кошки: недоверчивые создания, кормящиеся мышами и ячменем. В Кумари Гхар кошки не допускались. Я смотрела на свое королевство сверху, но не могла разглядеть внизу ни города, ни дворца, ни себя. Я видела горы: белые горы с голубой и серой каймой ледников. Я была их богиней. И сердце рвалось у меня из груди, так ничтожны они были — крошки камня на верхушке огромного мира, висящего под ними, как полное коровье вымя, обильное и отягощенное людьми, их блистающими городами и светлыми народами. Индия, породившая наших богов и наши имена.

Через три дня полиция поймала заговорщиков, и пошел дождь. Тучи висели низко над Катманду. С храмов площади Дурбар смыло цвета, но люди на улицах звенели жестянками и металлическими чашами, восхваляя деви Таледжу.

— Что с ними будет? — спросила я высокую кумарими. — С дурными людьми?

— Скорее всего их повесят, — отвечала она.

Осенью после, казн и изменников недовольство наконец вырвалось на улицы, как жертвенная кровь. Обе стороны претендовали на меня: полиция и демонстранты. Одни видели во мне символ всего лучшего в нашем королевстве, другие — всего, что в нем было не так. Высокая кумарими старалась мне это объяснить, но когда мой мир сошел с ума и стал угрожать мне, мысли мои обратились вдаль, к огромной древней стране на юге, расстилающейся там, как вышитое самоцветами платье. В такое время легко было поддаться соблазну ужасающей глубины ее истории, богов и воинов, пролетавших над ней, бесконечной смене империй. Мое королевство всегда было отважным и свободным, но я встречала людей, освободивших Индию от власти Последней Империи, — людей, подобных богам, — и видела, как интриги, соперничество и коррупция раскололи эту свободу на враждующие государства: Авад и Бхарат, объединенные штаты Бенгалии, Маратха, Карнатака.[18]

Имена и страны из легенд. Сияющие города, древние, как сама история. Там ИИ витали над многолюдными улицами, подобно *гандхарва*.[19] Там на каждую женщину приходились четверо мужчин. Там забыты были старые различия, и женщины брали мужей из высших каст, и мужчины искали жен по возможности не слишком многими ступенями ниже себя. Я была очарована их политиками, партиями и вождями не меньше, чем их граждане — излюбленными «мыльными операми», производившимися ИИ. Ту раннюю суровую зиму, когда полиция и королевские автоматы восстанавливали вокруг площади Дурбар старый порядок, я душой провела внизу, в Индии.

Смятение земли и трех небес. Однажды утром я проснулась и увидела в деревянном дворике снег крыши храмов на площади Дурбар хмурились им, как бровастый седой старик. Я уже знала, что странности погоды — не мое дело, а результат гигантских медленных изменений климата. Улыбчивая кумарими подошла ко мне, когда я со своего *джарока* наблюдала за сеющимися с белого неба тяжелыми и мягкими, как пепел, хлопьями. Она опустилась передо мной на колени, спрятала руки в обшлагах широких рукавов. Ей плохо приходилось в холодную и сырую погоду.

— Деви, разве ты для меня не как мое собственное дитя? Я мотнула головой, не желая произносить «да».

— Деви, разве я когда-нибудь делала для тебя не все, все, что могла?

Подобно своей напарнице месяцами раньше, она извлекла из рукава пластиковую коробочку с таблетками и положила на ладонь. Я откинулась на спинку кресла, испуганная, как никогда

не испугалась бы ничего, предложенного мне высокой кумарими.

— Я знаю, как все мы счастливы здесь, но перемены неизбежны. Меняется мир — этот снегопад, он неестественный, моя деви, так не должно быть, — меняется наш город. И мы здесь не защищены от перемен, мой цветик. Ты тоже изменишься, деви. Ты, твое тело. Ты станешь женщиной. Если бы я могла, я бы не позволила этому случиться с тобой, деви. Но я не могу. Никто не может. Я могу предложить только… отсрочку. Задержку. Возьми это. Они задержат перемены. Надеюсь, на годы. И мы все будем счастливы здесь, деви.

Согнувшись в почтительном полупоклоне, она подняла на меня взгляд:

— Разве я не всегда желала тебе самого, самого лучшего?

Я раскрыла ладонь. Улыбчивая кумарими вложила таблетки в мою руку. Я сжала кулак и соскользнула со своего резного трона. Уходя к себе, я слышала, как улыбчивая кумарими бормочет благодарственную молитву резному образу богини. Я взглянула на таблетки на ладони. Голубой цвет казался почему-то неподходящим. Потом я наполнила чашку в своей тесной умывальной и запила их двумя большими глотками.

После этого они появлялись каждый день, голубые, как владыка Кришна, чудесным образом возникали на столике у моей кровати. Почему-то я так и не призналась высокой кумарими, даже когда она заметила, какой я стала капризной, как невнимательна и рассеянна на церемониях. Я сказала ей, что виной тому — деви, нашептывающие мне из стен. Я достаточно разбиралась в своей особости, которую иные называли *отклонениями,* чтобы придумать ответ, в котором не усомнятся. В ту зиму я была усталой и сонливой. Обоняние у меня обострилось, улавливая малейшие запахи, а запрокинутые, глупо-счастливые лица людей под балконом приводили меня в бешенство. Я не показывалась неделями. Деревянные коридоры остро пахли медью старой крови. Демоническим внутренним зрением я постигала, что мое тело превратилось в поле битвы между моими собственными гормонами и подавляющими созревание химикатами улыбчивой кумарими. Весна в тот год была тяжелая и сырая, и я казалась себе разбухшей в этой жаре, как переливающийся жидкий пузырь под одеждой и восковыми красками. Я стала выкидывать голубые таблетки в туалет. Я уже седьмой Дасан была Кумари.

Казалось бы, я должна была привыкнуть, но не привыкала. Это чувство не было нездоровым, как то, что давали таблетки: это было острое, резкое осознание своего тела. Я лежала в своей деревянной кровати и ощущала, как удлиняются ноги. Я очень

отчетливо ощущала свои крошечные соски. Жара и влажность усиливались, или так мне чудилось.

Я в любую минуту могла открыть свой наладонник и спросить, что со мной происходит, но не делала этого. Я боялась услышать, что иссякает моя божественность.

Высокая кумарими, должно быть, заметила, что подол моего одеяния больше не метет пол, но не она, а улыбчивая кумарими, приотстав в коридоре, по которому мы спешили в зал Дарсана, чуть промедлила и сказала с обычной улыбкой:

— Как ты выросла, деви! Ты еще не… нет, прости, конечно же… Должно быть, это от жаркой весны дети растут как трава. Мои тоже повырастали из всего, одежды не напасешься.

На следующее утро, когда я одевалась, в дверь тихо постучали, словно мышь заскреблась или мошка ударилась.

— Деви?

Не мышь и не мошка. Я застыла с наладонником на руке, наушник выкладывал мне в голову утренние известия из Авада и Бхарата.

— Мы одеваемся.

— Да, деви, потому-то я и хотела бы войти.

Я едва успела сдернуть наладонник и запихнуть его под матрас, когда тяжелая дверь повернулась на оси.

— Мы способны одеться самостоятельно с шестилетнего возраста! — огрызнулась я.

— В самом деле, — улыбнулась улыбчивая кумарими, — но кто-то из жрецов упомянул некоторую небрежность в церемониальном одеянии.

Я встала в своей красной с золотом ночной рубахе, раскинула руки и закрутилась, как виденный из носилок пляшущий дервиш. Улыбчивая кумарими вздохнула:

— Деви, ты не хуже меня знаешь…

Я через голову сорвала рубаху и стояла раздетая, словно спрашивая, посмеет ли она разглядывать мое тело в поисках примет взросления.

— Видишь? — вызывающе спросила я.

— Да, — отозвалась улыбчивая кумарими. — Но что это у тебя за ухом?

Она потянулась к крючку наушника. В мгновение ока он очутился у меня в кулаке.

— Это то, что я думаю? — спросила улыбчивая кумарими, загораживая мягкой улыбчивой тушей пространство между мною и дверью. — Кто тебе дал?

— Это наше, — объявила я самым властным своим голосом, но я была голой двенадцатилеткой, пойманной на проступке, и

власть моя стоила меньше праха.

— Отдай.

Я крепче сжала кулак.

— Мы — богиня, ты не можешь нам приказывать.

— Богиня, если поступаешь как богиня, а сейчас ты поступаешь как сопливая девчонка. Покажи.

Она была матерью, а я — ее ребенком. Пальцы мои разжались. Улыбчивая кумарими отпрянула, как от ядовитой змеи. В глазах ее веры я такой и была.

— Скверна! — выговорила она. — Осквернена, осквернена. — И повысила голос: — Я знаю, от кого ты это получила!

Я не успела сжать пальцы, как она схватила завиток наушника с моей ладони и тут же уронила на пол, словно обжегшись. Я видела, как поднимается подол ее платья, видела, как опускается каблук, но это был мой мир, мой оракул, мое окно в прекрасное. Я нырнула, чтобы спасти крошечный пластиковый зародыш. Не помню боли, не помню удара, не помню даже, как возопила в ужасе улыбчивая кумарими, опуская каблук, но перед глазами у меня вечно стоит взорвавшийся красными брызгами кончик моего указательного пальца.

Паллав[20] моего желтого сари трепетал на ветру. Я стрелой неслась сквозь вечерний час пик в Дели. Водитель маленького *патлата*,[21] нажимая основанием ладони на гудок, протиснул раскрашенную в цвета осы машину между тяжелым грузовиком с прицепом, разрисованным яркими богами и *апсарами*,[22] и государственным «маруги» и втянулся в великую чакру движения вокруг площади Коннаут. В Аваде главный инструмент водителя — его уши. Рев гудков и клаксонов, колокольчики моторикш осаждают тебя со всех сторон. Шум возникает вместе с первыми голосами птиц и затихает только после полуночи. Водитель обогнул садху, шагающего между машинами с таким спокойствием, словно тот прогуливался вдоль священной реки Ямуна.[23] Тело его было выбелено священным пеплом сожженных мертвецов, но трезубец Шивы в закатном свете краснел как кровь. Я считала Катманду грязным городом, но золотой свет и невероятные закаты в Дели говорили о загрязнении атмосферы, превосходящем даже его. Притулившись на заднем сиденье авторикши, я не снимала дыхательной маски и защитных очков, предохранявших тонкую подводку глаз. Но складки сари развевались у меня за плечом на вечернем ветру, и позванивали маленькие серебряные бубенчики.

Нас было шестеро в нашей маленькой эскадре. Мы набрали скорость на широких авеню Британского Раджи, миновали

приземистые красные здания старой Индии, направляясь к стеклянным небоскребам Авада. Вокруг башен кружили черные коршуны, падальщики, питающиеся мертвечиной. В прохладной тени деревьев *ним* мы свернули к правительственным бунгало. Горящие факелы освещали портик с колоннами. Домашние слуги в форме раджпутов[24] проводили нас к шатру *шаади.*

Мамаджи опередила нас всех. Она суетилась и кудахтала над своими птичками: там лизнуть, здесь пригладить, ту выпрямить, ту упрекнуть:

— Стой прямее, прямее, нам здесь сутулых не надо. Мои девочки — самые милые во всем шаади, верно?

Швета, ее костлявая тонкогубая помощница, собирала наши антисмоговые маски.

— Ну, девочки, наладонники готовы?

Мы придерживались распорядка почти с военной точностью. Руку поднять, перчатку надеть, кольца надеть, крючок наушника прицепить к серьге, скрыв за бахромой покрывающих наши головы *дупатт.*[25]

— Сегодня нас почтил цвет Авада. Сливки сливок. — Я и моргнуть не успела, как перед моим внутренним взором промелькнули их резюме. — Девушки справа налево, первую дюжину на две минуты, потом переходим к следующим по списку. Скоренько! — Мамаджи хлопнула в ладоши, и мы выстроились в шеренгу.

Оркестр заиграл попурри из «Города и деревни» — «мыльной оперы», которая для просвещенных авадцев превратилась в национальную манию. Так мы и стояли, двенадцать маленьких невест, — пока слуги Раджпута подтягивали вверх заднюю стену шатра.

Аплодисменты накрыли нас дождем. Сотня мужчин выстроилась полукругом, восторженно хлопая. Их лица блестели в ярком свете праздничных светильников.

Приехав в Авад, я прежде всего обратила внимание на людей. Люди толкались, люди попрошайничали, люди разговаривали, люди обгоняли друг друга не оглянувшись, не обменявшись приветствием. Я воображала, что в Катманду народу больше, чем можно вообразить. Не видела я Старого Дели! Непрестанный шум, обыденная грубость, отсутствие всякого уважения привели меня в ужас. Второе, что я заметила: все лица были мужскими. Мой наладонник не обманывал: здесь действительно приходились четверо мужчин на каждую женщину.

Отличные мужчины, добрые мужчины, богатые мужчины, мужчины самолюбивые, делающие карьеру, обеспеченные, мужчины, обладающие властью и будущим. Мужчины без

малейшей надежды взять жену своего класса и касты. Мужчины почти без надежды вообще найти жену. Слово *шаади* когда-то означало свадьбу: жених на прекрасном белом коне так благороден, невеста мила и застенчива за своим золотистым покрывалом. Потом так стали называть брачные агентства: «Красивый светловолосый агарвалец, окончивший Университет МБА[26] в Штатах, ищет служащую с таким же образованием для брака». Теперь шаади превратился в выставку невест, брачный рынок для одиноких мужчин с большим приданым. С приданым, жирные комиссионные из которого доставались агентству шаади «Милые девушки».

«Милые девушки» выстроились по левую сторону Шелковой Стены, тянувшейся по всей длине сада. Первые двенадцать мужчин подошли справа. Они пыжились и надувались в своих лучших одеяниях, но я видела, как они нервничают. Перегородка представляла собой всего лишь ряд сари, развешанных на веревке, протянутой между пластиковыми опорами. Символическое украшение. *Пурда.*[27] Сари и шелковыми-то не были.

Решми первая вышла для беседы к Шелковой Стене. Это была девушка из деревни ядавов в Уттаранчале, с крупными руками и крупным лицом. Дочь крестьянина. Она умела готовить, шить и петь, вести домашние счета, управляться с домашними ИИ и с живыми слугами. Первый претендент был похож на ласку, одет в белый костюм государственного служащего, с шапочкой Неру на голове. У него были плохие зубы. Безнадежен. Любая из нас могла бы сказать ему, что он даром тратит деньги на *шаади,* однако они приветствовали друг друга: «Намасте» — и пошли рядом, держась, как положено, в трех шагах друг от друга. Окончив прогулку, Решми вернется назад и пристроится последней в шеренге, чтобы встретиться со следующим претендентом. На больших *шаади* вроде этого к концу ночи я стирала ноги до крови. Красные следы на мраморных полах во дворе-*хавели,*[28] принадлежащего Мамаджи.

Я вышла к Ашоку, большому шару тридцати двух лет от роду, чуть посвистывающему, катясь рядом со мной. Он оделся в просторную белую *курта*[29] по моде сезона, хоть и был пенджабцем в четвертом поколении. Его брачный наряд выражался в непокорной бороде и маслянистых волосах, благоухавших избытком помады «Даппер Дипак». Он еще не покончил с приветствием, а я уже видела, что это его первый *шаади.* Я видела, как движутся его глазные яблоки, — он читал мое резюме, по-видимому зависшее перед ним. Мне не надо было ничего читать, чтобы понять, что он — *датараджа*,[30] потому что

говорить он способен был только о себе и своих великих деяниях: разработка какого-то нового белкового процессора, разработанная им программа, ИИ, которых он вскармливал в своих конюшнях, поездка в Европу и Соединенные Штаты, где его имя известно каждому и великие люди счастливы повстречаться с ним.

— Конечно, Авад никогда не ратифицирует акт Гамильтона как бы близок ни был министр Шривастава к президенту Маколи, — но если бы ратифицировал, если мы позволим себе крошечное отступление от реальности, — это был бы конец всей экономике. Весь Авад, собственно, — тот же Массачуссетский технологический, в Мероли его выпускников больше, чем во всей Калифорнии. Американцы могут сколько угодно болтать о пародии на человеческую душу, но им не обойтись без нашего уровня два и восемь — знаешь, что это такое? ИИ может заменить человека в девяносто девяти процентах случаев — поскольку всякий знает, что никто не сравнится с нами в числовых кодах, так что меня не тревожит возможное закрытие банка данных, а даже если его закроют, всегда останется Бхарат — не могу представить, чтобы Ранас склонился перед Вашингтоном, тем более когда двадцать пять процентов их экспорта — лицензионные диски «Города и деревни»… А сериал этот стопроцентно иишный.

Этот жирный самовлюбленный шут мог бы купить мой дворец на площади Дурбар вместе со всеми жрецами, а я поймала себя на том, что молю Таледжу избавить меня от этого зануды. Он вдруг замер, не донеся ногу до земли, так внезапно, что я чуть не упала.

— Нельзя останавливаться, — прошипела я. — Таковы правила.

— Ух ты! — прошептал он, застыв как дурак с круглыми от изумления глазами. За нами скапливались пары. Боковым зрением я видела, как Мамаджи настойчиво и угрожающе машет рукой: «Веди его дальше». — Ух ты! Ты — бывшая Кумари!

— Прошу тебя, мы привлекаем к себе внимание! — Я дернула бы его за рукав, не будь это отступление от правил еще ужаснее.

— Каково это — быть богиней?

— Теперь я просто женщина, такая же как все, — сказала я. Ашок тихо хрюкнул, словно достигнув совсем крошечного просветления, и двинулся дальше, заложив руки за спину. Может, он и заговаривал со мной еще раз-другой, пока мы дошли до конца Шелковой Стены и расстались, — я не слышала его, не слышала музыки, не слышала даже вечного грохота улиц Дели. Единственным звуком в моей голове был пронзительный звон между глазами, означавший, что мне хочется плакать, но нельзя.

Толстый самовлюбленный болтун Ашок перенес меня в ту ночь, когда я перестала быть богиней. Босые ноги шлепали по полированному дереву коридоров Кумари Гхар. Бегущие ноги, приглушенные вскрики, отдалившиеся еще больше, когда я опустилась на колени, все еще раздетая для осмотра кумарими, уставившись на капли крови, стекающие с раздробленного кончика пальца на крашеный деревянный пол. Я не помню боли; скорее я смотрела на боль со стороны, как будто больно было какой-то другой девочке. Далеко-далеко от меня стояла улыбчивая кумарими, застрявшая во времени, прижав руку ко рту в сознании ужаса и вины. Голоса замолкли, и колокола площади Дурбар стали раскачиваться и звонить, взывая к своим братьям за пределами Катманду, пока вся долина от Бхактапура до Трисули-Базара не зазвенела вестью о падении Кумари Деви.

За одну ночь я снова стала человеком. Меня отвели на Хануман Дхока — на этот раз по мостовой, как всех, — и жрец сказал последнюю *пуджа.* Я вернула свое красное одеяние и драгоценности и коробочки с красками для лица — все аккуратно сложенное в стопку. Высокая кумарими принесла мне человеческое платье. Я думаю, она припасла его заранее. Король не вышел попрощаться со мной. Я больше не была его сестрой. Но королевские врачи хорошо залечили мне палец, хотя и предупредили, что он навсегда останется негибким и потеряет чувствительность.

Меня увезли на рассвете, когда подметальщики улиц мыли камни площади Дурбар под абрикосовым небом — в бесшумном королевском «мерседесе» с затемненными стеклами. Кумарими распрощались со мной у ворот дворца. Высокая кумарими коротко обняла меня, прижав к себе.

— О, как многое еще надо было сделать! Что ж, придется обойтись тем, что есть.

Я чувствовала всем телом ее дрожь — так дрожит птица, слишком крепко зажатая в руке. Улыбчивая кумарими не могла взглянуть на меня. Я и не хотела видеть ее глаз.

Пока автомобиль уносил меня через пробуждающийся город, я старалась понять, каково это — быть человеком. Я так долго была богиней, что почти не помнила, как чувствовала себя чем-то иным, но разница оказалась столь мала, что я заподозрила: «Ты божество, потому что так говорят о тебе люди».

Дорога, взбираясь по зеленым пригородам, стала извилистой, сузилась, ее заполонили раскрашенные автобусы и грузовики. Дома делались ниже и беднее — придорожные лачуги и чайные лавки, а потом мы выехали из города — в первый раз с тех пор, как меня привезли сюда семь лет назад. Я прижалась к стеклу

ладонями и лицом и смотрела на Катманду, расстелившийся под нами в золотистой дымке смога. Машина встроилась в длинный ряд автомобилей на узкой скверной дороге, проложенной по склону долины. Надо мной горы пестрели загонами для коз и каменными святилищами, над которыми развевались ветхие молитвенные знамена. Подо мной шумела коричневая, как шоколад, вода. Почти приехали. Я задумалась, далеко ли отстал от нас другой правительственный автомобиль, со жрецом, посланным на поиски маленькой девочки, отмеченной тридцатью двумя признаками совершенства. Потом машина свернула в ущелье, и я была дома, в деревне шакья, с ее стоянкой грузовиков и заправочной станцией, магазинчиками и храмом Падма Нартесвара, с пыльными деревьями, с полоской краски вокруг стволов, и между ними — каменная стена и арка, от которой ступени ведут по террасам к моему дому, и в этом окаймленном камнем треугольнике неба — мои родители, стоящие бок о бок, неловко жмущиеся друг к другу, так же как в последний раз, когда я видела их во дворике Кумари Гхар.

Мамаджи была слишком почтенна, чтобы гневаться открыто, но она располагала множеством способов выразить неудовольствие. Самая маленькая корка *роти*[31] за обедом, последний черпак *дхала.*[32] Поступают новые девушки, освободите комнаты, освободите комнаты — меня в комнату на самом верху, самую душную, дальше всего от прохлады прудика во дворе.

— Он попросил адрес моего наладонника, — сказала я.

— Мне бы получать рупии с каждого адреса! — фыркнула Мамаджи. — Ты ему просто в диковинку, дорогуша. Этнография. Он и не думал делать предложение. Нет, о нем можешь сразу забыть.

Но мое изгнание в башню оказалось небольшим наказанием, потому что я поднялась теперь над шумом и дымом старого города. Урезали порции — невелика потеря — почти два года, проведенные мной в *хавели,* нас изо дня в день кормили ужасно. Сквозь деревянные жалюзи, над цистернами для воды, над спутниковыми антеннами и над головами детей, играющих в крикет на крыше, я видела укрепления Красного Форта, минареты и купола Джами Масджида и за ними — блестящее стекло и титановые шпили Нью-Дели. И еще выше — стаи голубей, с привязанными к ногам глиняными трубочками, чтобы птицы свистели и пели, кружа над Чандни Чук.[33] И знание жизни на сей раз подвело Мамаджи, потому что Ашок засыпал меня посланиями, то расспрашивая, как я была богиней, то делясь

планами и замыслами. Его лиловые слова плыли перед моим внутренним взором на фоне резных силуэтов моей *джали,* радуя меня в то жаркое лето. Я открыла радость в спорах о политике: безоблачному оптимизму Ашока я противопоставляла вычитанное в новых каналах. Колонки обмена мнениями убедили меня, что Авад в обмен на положение возлюбленной нации Соединенных Штатов Америки непременно ратифицирует акт Гамильтона, запретив все ИИ, превосходящие разум обезьянки лангура. Мамаджи я не рассказывала о нашей переписке. Она запретила бы ее, раз он не делал предложения.

Однажды вечером в знойную предмуссонную пору, когда у мальчишек не хватало сил даже на крикет, а небо превратилось в перевернутую медную миску, Мамаджи явилась ко мне в башенку на крыше старого купеческого *хавели.* В нарушение приличий *джали* были распахнуты, и мои кисейные занавески колыхались в потоках поднимающегося из переулка раскаленного воздуха.

— Ты все еще ешь мой хлеб. — Она ногой потыкала в мой *тхали.*[34]

Было слишком жарко, чтобы есть, в такую жару можно лишь лежать и ждать дождя и прохлады, если только они наступят в этом году. Я слышала во дворе голоса девушек, болтающих ногами в бассейне. В такой день и я с удовольствием посидела бы с ними на выложенном плиткой краешке пруда, но я слишком остро сознавала, что живу в *халеви* агентства «Милые девушки» дольше их всех. Мне не хотелось становиться их кумарими. А когда шепотки в прохладных мраморных коридорах доносили до них сплетни о моем прошлом, они начинали просить меня о маленьких *пуджа,* о крошечных чудесах, чтобы помочь им найти себе подходящего мужчину. Я больше не соглашалась — не потому, что боялась, что потеряла могущество, — этого я никогда не боялась, — но сила уходила от меня к ним, оттого-то им и доставались банкиры, телепродюсеры и торговцы «мерседесами».

— Надо было мне оставить тебя в твоей непальской помойке. Богиня! Ха! Хватило же у меня глупости думать, будто ты — мое лучшее приобретение. Мужчины! Они способны выбрать акции или квартиру на Чопати-Бич, но в глубине души все они суеверны,[35] как последний деревенский *ядав.*

— Мне очень жаль, Мамаджи, — сказала я, отводя взгляд.

— А что ты можешь сделать? Такая уж ты уродилась, с тридцатью двумя отличиями. А теперь слушай. Ко мне зашел мужчина.

Мужчины всегда заходили к ней, прислушивались к смешкам и шепоткам милых девушек из-за *джали,* ожидая в прохладном дворе, пока Швета проводит их к Мамаджи. Мужчины с брачными

предложениями, мужчины с брачными контрактами, мужчины с выплатами приданого. Мужчины, просившие об особом, частном показе. И этот мужчина пришел к Мамаджи за чем-то таким.

— Отличный молодой человек, прекрасный молодой человек, всего двадцать лет. Отец — большой человек. Он просит о свидании с тобой наедине.

Я сразу что-то заподозрила, но общество милых девушек в Дели еще лучше, чем общество жрецов и кумарими, научило меня таить чувства за краской, покрывающей лицо.

— Со мной? Какая честь! И ему всего двадцать?.. И из хорошей семьи, значит, со связями.

— Он брахман.

— Я помню, что я простая девушка из шакья…

— Ты не поняла. Он — *Брахман.*

«Как многое еще надо было сделать!» — сказала высокая кумарими, когда королевский «мерседес» отъезжал от деревянных резных ворот Кумари Гхар. Один шепоток в окно сказал бы мне все, что нужно: «Проклятие Кумари».

Шакья прятались от меня. Люди переходили на другую сторону улицы, заинтересовавшись там чем-то. Старые друзья семьи беспокойно кивали и поспешно вспоминали о несделанных делах. В *чай-дхаба* меня бесплатно угощали чаем, так что я смущалась и уходила. Моими друзьями были водители грузовиков и автобусов, шоферы дальних рейсов, собирающиеся на биодизельной станции. Они, должно быть, удивлялись, отчего эта странная двенадцатилетняя девчонка болтается вокруг стоянки. Не сомневаюсь, что кое-кто из них не просто удивлялся. От деревни к деревне, от городка к городку легенда расходилась по северной дороге. Бывшая Кумари.

Потом начались несчастные случаи. Одному мальчику отрезало пол-ладони приводным ремнем двигателя «ниссан». Какого-то мужчину зажало между двумя грузовиками и раздавило. В *чай-дхаба* и в ремонтной мастерской снова заговорили о моем дяде, который летел навстречу смерти, между тем как маленькая будущая богиня подскакивала в своей проволочной люльке и смеялась, смеялась, смеялась.

Я перестала выходить из дому. Когда зима завладела верховьями долины Катманду, я неделями не покидала своей комнаты. Я проводила дни, разглядывая снежную слякоть за окном, вытянувшиеся на ветру молитвенные знамена и дергающийся трос канатной переправы. Под ним яростно бурлила река. В это время года громкие голоса демонов доносились с гор, рассказывая мне о неверных Кумари, предавших священное наследие своей деви.

В самый короткий день года через мою деревню проезжал скупщик невест. Я слышала голоса, но не разбирала слов за шумом телевизора, день и ночь бормотавшего в главной комнате. Я приоткрыла дверь — только-только чтобы впустить голоса и свет огня.

— Я и денег с вас не возьму. Вы только время теряете здесь, в Непале. Всем известна ее история, и даже если они притворяются, что не верят, то поступают как верующие.

Я услышала голос отца, но не поняла сказанного. Скупщик невест продолжал:

— Подошло бы что-нибудь на юге, Бхарад или Авад. В Дели они дошли до такого отчаяния, что берут даже неприкасаемых. Они странный народ, эти индийцы: кто-то из них может даже решить, что женитьба на богине поднимет его престиж. Но я не могу ее взять, она слишком молода, меня завернут еще на границе. У них свои правила. В Индии, представляете? Позвоните мне, когда ей исполнится четырнадцать.

Через два дня после моего четырнадцатого дня рождения торговец невестами вернулся к шакья, и я уехала с ним в японском внедорожнике. Мне не нравилось его общество, и я не доверяла его рукам, поэтому спала или притворялась спящей всю дорогу до долины Тераи. Проснулась я далеко за границей страны чудес моего детства. Я ожидала, что торговец невестами увезет меня в древний священный Варанаси,[36] новую столицу блестящей бхаратской династии Рана, но, кажется, авадцы меньше были подвержены индуистским суевериям. А потому мы въехали в гремящую несливающуюся тесноту двух Дели, подобных двум полушариям мозга, и я очутилась в агентстве *шаади* «Милые девушки». Где мужчины брачного возраста, от двадцати до сорока, были менее искушенными, по крайней мере в вопросе бывших деви. Где проклятие Кумари презирали только те, кто внушал еще больший суеверный трепет: дети, порожденные генной инженерией, называвшиеся брахманами.

Им принадлежала мудрость, им принадлежало здоровье, красота и успех и прирожденное высокое положение, и богатство, которое не обесценится, которое нельзя растратить или проиграть, потому что оно было встроено в спирали их ДНК. Дети-брахманы, индийская суперэлита, жили долго — вдвое дольше родителей, — но за все приходится платить. Они были воистину дважды рожденными,[37] кастой, стоящей над всеми другими так высоко, что это делало их новыми неприкасаемыми. Подходящий партнер для бывшей богини — новый бог!

Газовые факелы предприятий тяжелой промышленности

Тутлука освещали горизонт на западе. С вершины высокой башни мне открывался геометрический чертеж Нью-Дели, ожерелья огней вокруг площади Коннаут, огромная сверкающая сеть монументальной столицы мертвого раджи, разбросанные огоньки старого Дели на севере. Пентхаус на крыше изогнутого крыла башни Нараяна был стеклянным: стеклянная крыша, стеклянные стены, под ногами — полированный обсидиан, отражающий небесные светила. Звезды над головой и под ногами. Комната предназначалась, чтобы внушать трепет и преклонение. Только не той, кто видела, как демоны отсекают козлиную голову, кто шла по кровавым шелкам к собственному дворцу. Только не той, кто по требованию посланца была облачена в полный костюм богини. Красное платье, красные ногти, красные губы, красный глаз Шивы, выведенный над моими собственными, обведенными углем глазами, диадема из поддельного золота, увешанная фальшивым жемчугом, пальцы унизаны кольцами из лавки, торгующей дешевой бижутерией на базаре Кинари, легкая цепочка настоящего золота тянется от серьги в носу к серьге в ухе: когда-то я была Кумари Деви. Мои демоны шептались во мне.

По пути из старого города в новый Мамаджи читала мне наставления. Она закутала меня в легкую вуаль *чадор* — якобы для того, чтобы сохранить косметику, а на самом деле, чтобы спрятать меня от глаз улицы. Девушки выкрикивали молитвы и благословения вслед *патпату,* выезжавшему из дворика хавели.

— Ты будешь молчать. Если он заговорит с тобой, потупишь голову, как добрая индийская девушка. Если что-то нужно будет сказать, говорить буду я. Может, ты и богиня, зато он — Брахман. Он мог бы купить дюжину твоих паршивых дворцов. Главное, смотри, чтобы тебя не выдали глаза. Взгляд ничего не выражает. Хоть этому, надеюсь, они научили тебя в твоем Катманду? Ну вот, дорогая, теперь постарайся.

Стеклянный пентхаус был освещен только городскими огнями и скрытыми лампами, дающими неуютный голубой свет. Вед Пракаш Нараян восседал на *муснаде*[38] — на простой плите черного мрамора. Ее простота больше говорила о богатстве и власти, чем любые украшения. Мои босые ноги шуршали по освещенному звездами стеклу. Голубой свет стал сильнее, когда я подошла к помосту. Вед Пракаш Нараян был облачен в красивую *шервани* и *чуридар паджама*.[39] Он наклонился к свету, и понадобились все уроки самообладания, которые преподала мне высокая кумарими, чтобы сдержать возглас изумления.

На троне Великих Моголов сидел десятилетний мальчик.

Живи вдвое больше, но взрослей вдвое медленнее. Инженерам-генетикам Колкаты[40] не удалось заключить более

выгодной сделки с четырьмя миллионами лет развития человеческих ДНК.

Муж-ребенок для бывшей дитя-богини. Только он не был ребенком. С точки зрения закона, опыта, образования, вкусов и эмоций это был двадцатилетний человек — во всех отношениях, кроме физического развития.

Его ноги не доставали до полу.

— Весьма, весьма примечательно. — И голос был мальчишеский. Он соскользнул со своего трона, обошел меня вокруг, как выставочный экспонат. — Да, это в самом деле нечто особенное. Какие условия?

Голос Мамаджи от двери назвал сумму. Я, повинуясь наставлениям, старалась не встречаться с ним взглядом.

— Приемлемо. Мой представитель подготовит брачный контракт до конца недели. Богиня. Моя богиня.

И тогда я встретила его взгляд и увидела, куда подевались все недостающие ему годы. Глаза были голубые, нездешней голубизны, и холоднее ламп на крыше, освещавших этот дворец.

«Эти брахманы обгонят на лестнице общественного положения любого из нас, — передал мне Ашок на мой ИИ в башенке, ставшей из тюрьмы будуаром невесты. Его слова висели в воздухе над красными бастионами старого форта и растворялись в виражах голубиной стаи. — Твои будущие дети благословенны».

До тех пор я не задумывалась об исполнении супружеских обязанностей с десятилетним мальчиком. В невыносимо знойный день я вступила в брак с Ведом Пракаш Нараяном в пузыре кондиционированного воздуха на траве перед гробницей императора Гамаюна.[41] Как и в ночь знакомства, я была в костюме Кумари. Мой муж под золотым покрывалом явился на белом коне, и за ним следовали музыканты и дюжина слонов с татуированными хоботами. Роботы-охранники патрулировали местность, астрологи возглашали благоприятные знамения, и брахман в традиционном значении слова, с красным шнуром, благословил наш союз. Вокруг порхали лепестки роз, гордые мать и отец раздавали гостям драгоценные камни из Гидерабада, мои сестры по шаади плакали слезами радости и разлуки, Мамаджи хлюпнула носом, а злобная старуха Швета суетилась, разнося горы еды из буфета. Слушая аплодисменты и поздравления по приемнику, я обратила внимание на других серьезных десятилетних мальчиков с красивыми рослыми женами-иностранками. Я напомнила себе, кто из супругов — дитя. Но ни одна из них не была богиней.

Я не многое запомнила из большого *дурбара*[42] — только лица, лица, разинутые рты, шумно заглатывающие, бокал за бокалом, французское шампанское. Я не пила, потому что не любила спиртного, хотя мой молодой супруг в парадном костюме раджи выпил и закурил большую сигару. Потом мы сели в машину: *медовый месяц* — еще один перенятый нами обычай Запада, — и я спросила, позаботился ли кто-нибудь уведомить моих родителей.

Мы вылетели в Мумбаи[43] на реактивном самолете компании. Это был мой первый полет на летательном аппарате. Я прижала ладони, еще хранящие выведенный хной узор моего *мехнди,*[44] *к* стеклу, словно пытаясь ухватить каждую картину уходящего вниз Дели. Это было видение столь же божественное, как те, что я созерцала в постели Кумари Гхар, разглядывая Индию. Воистину это был подобающий богине экипаж. Но демоны, пока мы разворачивались над Нью-Дели, шептали: «Ты станешь морщинистой старухой, в то время как он едва достигнет расцвета сил». Когда лимузин от аэропорта свернул к набережной и я увидела блеск городских огней в Аравийском море, я попросила мужа задержать машину, чтобы полюбоваться и подивиться ему. Я чувствовала, как слезы выступают на глазах и думала: «В тебе та же влага». Но демоны не оставляли меня в покое: «Ты замужем за чем угодно, только не за человеком».

Мой медовый месяц был бесконечной сменой чудес: из стеклянного пентхауса открывался вид на закат над Човпатти-Бич. Мы гуляли по бульварам в новых роскошных одеждах, и звезды и божества кино улыбались нам и благословляли нас в виртуальном пространстве наших наладонников. Цвета, движение, шум, болтовня: люди, люди, люди… И за всем этим плеск и тишина и запах чужого моря.

Горничные подготовили меня к брачной ночи. Они занялись омовением и благовониями, умащениями и растираниями, они продлили поблекший уже хенный узор от ладоней к плечам, к маленьким твердым грудям и вниз, к *манипурака чакре* над пупком. Они вплели мне в волосы золотые украшения, надели браслеты на руки, кольца на пальцы рук и ног, покрыли пудрой мою темную кожу уроженки Непала. Они удлинили мне ресницы, обвели углем глаза и придали нолям форму тонкого цветного острия.

— Что мне надо делать? Я никогда не касалась мужчины, — спросила я, но они поклонились мне и выскользнули из комнаты, не ответив. Правда, старшая из них — высокая кумарими, как я ее мысленно называла, — оставила на моем диване невесты коробочку из мыльного камня.[45] В ней лежали две таблетки.

Они были добры. Я ничего другого и не ожидала. Мгновение, когда я стояла, взволнованная и испуганная, на турецком ковре под ночным, пахнущим морем ветерком, колыхавшим тонкие занавески, сменилось другим, и картины из «Кама-Сутры» засияли в моем мозгу от золотого наушника и закружились вокруг, как голуби над Чандни Чук. Я взглянула на узоры, которые мои сестры из *шаади* вывели у меня на ладонях, и линии на коже зашевелились, свиваясь кольцами. Запах моего тела и благовоний был живым и душным. Словно кожа сползала с меня, обнажая каждый нерв. Даже легчайшие прикосновения ночного ветерка стали непереносимы. Каждый гудок с набережной вливался мне в ухо каплей расплавленного серебра.

Мне было ужасно страшно.

Потом двойная дверь в гардеробную отворилась, и вошел мой муж. Он был наряжен как могольский вельможа, в украшенном самоцветами тюрбане и в складчатом красном одеянии с длинными рукавами, выгибавшемся наружу спереди.

— Моя богиня, — сказал он.

Потом он распахнул одеяние, и я увидела, *что* выступает так гордо.

Сбруя из красной кожи была искусно выложена крошечными зеркальцами. Она крепилась на талии и на плечах тоже, для пущей надежности. Пряжки из золота. Я так подробно запомнила сбрую, потому что не смогла бросить больше одного взгляда на то, что она поддерживала. Черный. Тяжелый, как у коня, но с легким изгибом вверх. Складчатый, с утолщением на конце. Все это я успела запомнить прежде, чем комната развернулась вокруг меня, как душистые лепестки лотоса, и все чувства смешались в одно, и я бросилась бежать через апартаменты отеля «Тадж-Марин».

Разве я могла вообразить, чем отличается создание с аппетитами и желаниями взрослого, но с телом десятилетнего мальчика?

Слуги и одевальщицы уставились на меня, а я бессвязно выкрикивала что-то, хватая покрывала, шали, все, что угодно, лишь бы прикрыть свой срам. Из неизмеримого далека мне слышался голос мужа, зовущего снова и снова: «Богиня! Моя богиня!»

— Шизофрения — ужасно неблагозвучное слово, — сказал Ашок. Он вертел между пальцами стебель красной розы без шипов. — Устаревший термин. Теперь это называется диссоциативными нарушениями. Даже, собственно, не нарушениями, а просто адаптивным поведением. Диссоциация.

Разделение. Стать собой и другим, чтобы сохранить рассудок.

Ночь в саду *датараджи* Ашока. Журчит вода в каменных руслах *чарбагха*.[46] Я чувствую ее запах, сладковатый и влажный. Складки занавесей удерживают смог за стеной, деревья заглушают уличный шум Дели. Я даже различаю несколько звезд. Мы сидим в открытой беседке *кхатри*,[47] мрамор еще хранит дневное тепло. На серебряном *тхалисе* — финики сорта «меджул», халва — хрустящая от мух, сверток *паан*.[48] Робот-охранник показался в полосе света из бунгало колониального стиля, скрылся в тени. Если бы не он, я готова была поверить, что мы вернулись в эпоху раджей. Время распахнулось, вспарывая воздух крыльями *кабутера.* Диссоциативное поведение. Механизм приспособления. Бежать по обсаженным пальмами бульварам Мумбаи, вцепившись в шаль, скрывающую брачное одеяние, в котором я чувствовала себя более голой, чем в собственной коже. Гудели такси, патлаты резко сворачивали, когда я перебегала шумные улицы. Даже будь у меня деньги на патлат — а зачем жене Брахмана грубые наличные? — я не знала бы, куда направить его. Но мое второе, демоническое «я», как видно, знало, потому что я оказалась в просторном мраморном вестибюле железнодорожного вокзала, одинокая неподвижная точка среди десятков тысяч спешащих пассажиров, нищих, разносчиков и служащих. Потуже завернувшись в шарфы и шали, я уставилась на купол красного камня раджи, как будто это был второй череп, полный ужасного осознания своей вины.

Что я наделала? Беглая невеста, без единой *пайсы*,[49] одна на вокзале Мумбаи Чхатрапати Шиваджи. Люди разглядывали меня — то ли продажная танцовщица, то ли бездомная неприкасаемая. Сгорая от стыда, я вспомнила о крючке за ухом.

«Ашок, — написала я на фоне песчаниковых колонн и мелькающих реклам, — помоги мне!»

— Я не хочу раскалываться, не хочу быть собой и кем-то еще, почему мне нельзя быть цельной? — Я в досаде ударила себя ладонью по лбу. — Вылечи меня, приведи в порядок!

Обрывки воспоминаний. Служащий в белой форменной куртке подает мне горячий чай в отдельном купе «Шатабди Экспресса». На платформе ожидают роботы со старинным крытым паланкином, чтобы перенести меня по улицам просыпающегося Дели в зеленую сочную геометрию садика Ашока. Но за ними встает одна неотвязная картина: побелевший кулак дяди соскальзывает с троса переправы, и он падает, колотя ногой воздух, в мутную воду реки Шакья. Страх и удар. Смех и улыбки. Как иначе можно вынести в себе богиню?

«Богиня. Моя богиня».

Ашок не понимал.

— Кто же станет лечить певца от его дара? Это не безумие, просто способ адаптации. Разум эволюционирует. Кое-кто сказал бы, что я проявляю симптомы легкого синдрома Аспергера.

Он так крутанул розу, что стебель переломился.

— Ты подумала, что тебе теперь делать?

Я только об этом и думала. Нараяну так просто не отдадут приданое. Мамаджи метлой прогонит меня от дверей. Моя деревня для меня закрыта.

— Может, на время, если бы ты мог…

— Неподходящее время… Кого станет слушать Лок Сабха? Семейство, строящее плотину, гарантирующую стабильное водоснабжение на ближайшие пятьдесят лет, или программиста с набором ИИ уровня два и восемьдесят пять, которые американское правительство приравнивает к семени шайтана? В Аваде все еще чтят семейные ценности. Тебе следовало бы знать.

Я услышала свой голос — голос совсем маленькой девочки:

— Куда же мне деваться?

По рассказам торговца невестами, Кумари, на которых никто не захотел жениться и которые не смогли вернуться домой, в конце концов попадали в клетки для женщин в Варанаси и Колкате. Китайцы платили за бывших богинь связками рупий.

Ашок облизнул губы:

— Я знаю кое-кого в Бхарате, в Варанаси. Бхарат с Авадом обычно не поддерживают отношений.

— О, спасибо, спасибо… — Я опустилась перед Ашоком на колени, сжала его руку между ладонями.

Он отвел взгляд. Несмотря на искусственную прохладу *чарбагха,* он обильно потел.

— Это не подарок. Я хочу тебя нанять. Предложить работу.

— Работу, вот хорошо. Я умею трудиться, с любой работой справлюсь, а какая работа? Не важно, я справлюсь…

— Доставка товара.

— Какого товара? Не важно, я все доставлю.

— ИИ. — Он покатал паан на серебряном подносе. — Я не собираюсь дожидаться, пока полиция Кришны приземлится в моем саду с ордером об отлучении.

— Акт Гамильтона, — наугад сказала я, хотя понятия не имела, о чем речь, какой смысл во всех намеках и шуточках Ашока.

— Ходят слухи, запретят все выше уровня два и пять. — Ашок пожевал нижнюю губу и вытаращил глаза под действием паана.

— Конечно, я все сделаю, лишь бы быть полезной.

— Я еще не сказал, каким способом их требуется доставлять.

Абсолютно надежным и безопасным, так что никакой коп Кришны их не унюхает. — Он тронул указательным пальцем свой «третий глаз».

— Ты и *другие*.

Я отправилась в Кералу и позволила вставить себе в череп процессор. Двое мужчин проделали это на переоборудованном танкере, стоявшем на якоре за пределами территориальных вод. Они сбрили мои прекрасные длинные черные волосы, откинули крышку черепа и запустили робота, меньше самого мелкого паучка, свить у меня в мозгу компьютерную паутину. Расположившись вне досягаемости керальских патрульных катеров, они могли позволить себе применить секретную хирургическую аппаратуру, в основном разработанную западными военными. Мне предоставили бунгало и девушку-австралийку, которая должна была заботиться обо мне, пока не затянулись швы и гормональные шампуни не отрастили мне прежние черные косы.

«Белковый чип: заметен только при самом высоком разрешении, но тебя никто не станет особенно разглядывать — никому не интересна очередная девица из шаади, подыскивающая себе мужа».

Я шесть недель просидела, глядя на море и размышляя, каково тонуть посреди него, одной, за тысячу километров от ближайшей помощи. За тысячу километров к северу, в Дели, человек в индийском костюме обменялся рукопожатием с человеком в американском костюме и объявил об особых отношениях, которые должны были поставить Ашока вне закона.

«Знаешь, что такое полиция Кришны? Они выслеживают ИИ. Выслеживают тех, кто их выращивает, и тех, кто их носит. Им все равно. Они не разборчивы. Но тебя они не поймают. Тебя никогда не поймают».

Я слушала голоса демонов во вздохах и гуле огромного моря. Я уже знала, что эти демоны — просто другие части меня самой. Но я их не боялась. В индуизме демоны — просто отражение богов. У богов, как и у людей, историю пишут победители. Вселенная не изменилась бы, если бы космическую битву выиграл Равана[50] со своими ракшасами.

«Никто, кроме тебя, не смог бы их перевозить. Только у тебя подходящая нейроструктура. Только ты способна нести в себе другой разум».

Девушка-австралийка оставляла у моих дверей маленькие подарки: пластмассовые браслеты, прозрачные туфельки, колечки и заколки. Она воровала все это в городском магазине. Я

понимала, что она по-своему предлагает мне дружбу, но боялась себя, какой я была и какой меня сделают устройства у меня в голове. В последний раз она украла красивую шелковую дупатту, которой я прикрыла неровно отросшие волосы, когда она отвозила меня в аэропорт. Из-под нее я разглядывала девушек в деловых сари, говоривших себе в ладошки в зале отправления, и слушала, как женщина-пилот объявляет погоду в Аваде. Потом я разглядывала из патпата девушек, уверенно шныряющих на своих скутерах в потоке машин на улицах Дели, и гадала, почему мне нельзя жить как они.

— Отлично заросло, — сказал Ашок, стоя на коленях перед моей подушечкой в *кхатри.* Это была его святыня, его храм. Он поднял руку в перчатке наладонника и коснулся указательным пальцем тилака над моим «третьим глазом». Я ощутила запах его дыхания. Лук, чеснок, прогорклое *ги.* — Возможно, ты ощутишь некоторую дезориентацию…

Я задохнулась. Все ощущения потекли, расплылись, расплавились. Я слышала, осязала, обоняла, чувствовала вкус в одном неразличимом ощущении, как ощущают боги и младенцы, цельно и чисто. Звуки были цветными, свет ощущался на ощупь, имел запах и вкус. Потом я со стороны увидела, как привстаю со своей подушки и падаю лицом вперед на твердый белый мрамор. Я услышала собственный крик. Два Ашока бросились ко мне. Нет, не так. Я видела одного Ашока двойным зрением, поместившимся у меня в голове. Этим двойным зрением я не могла различать формы и ощущения, не смогла бы сказать, которое из двух настоящее, которое из них мое, которое — я. За целую вселенную от себя я услышала голос: «Помоги мне». Я сознавала, что слуга Ашока поднимает меня и кладет на кровать. Цветной потолок, расписанный лозами, побегами и цветами, клубился надо мной, как муссонные облака, потом расцвел темнотой.

Душной ночью я вдруг проснулась как от толчка, подскочила. Все пять чувств необычайно обострились. Я знала положение каждой мошки в этой просторной комнате, где пахло биодизелем, пылью и пачули. Я была не одна. Под куполом моего черепа находился другой. Не сознаваемый, но ощутимый, как отдельное проявление моего «я». Аватара. Демон.

— Кто ты? — прошептала я. Голос мой стал громким и гулким, как колокола на площади Дурбар.

Оно не ответило — и не могло ответить, оно не сознавало себя, — но вывело меня в водяной садик *чарбагх.* Звезды, расплывшиеся от дыма в атмосфере, куполом сияли надо мной. Я подняла взгляд и провалилась в него. Чандра, Мангала, Буддха, Гуру, Шукра, Шани, Раху, Кету… Планеты были не светящимися

точками, а шарами из камня и газов, они имели имена и характеры, знали любовь и ненависть. Двадцать семь *накшатр*[51] вращались у меня над головой. Я видела их форму и природу, сложные отношения между ними, истории и драмы, не менее человечные и сложные, чем в «Городе и деревне». Я видела колесо Раши,[52] Великие Дома, дугой протянувшиеся по небу, и единое обращение, движение в движении, бесконечных колес влияний и неуловимых передач от края Вселенной к центру Земли, на которой я стояла. Планеты, звезды, созвездия — истории каждой человеческой жизни разворачивалась надо мной, и я могла прочесть их все, до последнего слова.

Всю ночь я резвилась среди звезд.

Утром, когда мне подали чай в постель, я спросила Ашока:

— Что это было?

— Рудиментарный ИИ уровня два и шесть, *джанампатри,* астрология и пермутации. Он считает, что живет среди звезд, словно космическая обезьяна. На самом деле он не так уж умен. Разбирается в гороскопах, и не более того. Теперь снимай это и собирай вещи. Тебе надо успеть на поезд.

Мне заказали сидячее место в женском *боги* скоростного «Шатабди Экспресса». Мужья брали в него билеты для жен, чтобы защитить их от внимания пассажиров-мужчин, считавших каждую женщину свободной и доступной. Несколько деловых женщин выбрали его по тем же причинам. Напротив меня через столик сидела мусульманка в строгих деловых шальварах. Она пренебрежительно поглядывала на меня, пока мы мчались по равнине Ганга со скоростью триста пятьдесят километров в час: «Чья-то маленькая беспомощная женушка».

«Ты бы не спешила так с осуждением, если бы знала, кто я на самом деле, — мысленно отвечала я. — Мы можем заглянуть в твою жизнь и рассказать обо всем, что случилось и еще случится с тобой. Все это записано в чакрах звезд».

В ту ночь среди созвездий мы с моим демоном слились воедино, и уже нельзя было сказать, где заканчивается ИИ и начинаюсь я.

Я думала, священный Варанаси отзовется во мне песней, как Катманду, дом души, город девяти миллионов богов и одной богини, разъезжающей по его улицам в патпате. А увидела я очередную индийскую столицу очередного индийского штата: стеклянные башни и бриллиантовые купола и огромные фабрики, на обозрение большому миру, а под ногами грязные трущобы *басти.* Улицы начинались в этом тысячелетии и уходили на три тысячелетия в прошлое. Машины, и толкотня, и люди, люди, люди, но в дизельном дыму, пробивавшемся под мою

антисмоговую маску, чувствовался душок благовоний.

Доверенная сотрудница Ашока встретила меня в Джантар Мантар, крупнейшей солнечной обсерватории Джай Сингха. Солнечные часы, звездные глобусы и теневые диски напоминали модернистскую скульптуру. Женщина была немногим старше меня, одета в топик из шелка-липучки и джинсы, сидевшие так низко, что мне была видна ложбинка между ее ягодицами. Я ее сразу невзлюбила, но она коснулась наладонником моего лба, и в тени звездных инструментов Джай Сингха я почувствовала, что звезды покинули меня. Небо стало мертвым. Я снова была цельной, но теперь во мне осталась только плоть. Девушка Ашока вложила мне в ладонь связку рупий. Я едва взглянула на них. Я почти не слушала ее наставлений: поесть что-нибудь, выпить *кафи,* одеться поприличнее. Я чувствовала себя обделенной. Я опомнилась на крутых каменных ступенях Самрат Янгра, не зная, куда иду, кто я такая и что делаю на полпути к циферблату солнечных часов. От меня осталась половина. Потом мой «третий глаз» открылся, и я увидела перед собой широкую голубую реку. Я видела белые пески на восточном берегу, и хижины, и костры садху, я видела *гхаты,* каменные ступени реки, уходящие вдаль от моего взора. И я видела людей. Люди мылись и молились, стирали белье и совершали *пуджа,* покупали и продавали, жили и умирали. Люди в лодках и люди на коленях, люди, зачерпывающие серебряные пригоршни воды, чтобы вылить ее себе на головы. Люди, горстями бросающие в поток цветы бархатцы, люди, зажигающие огоньки *дийа*[53] на листьях манго и отпускающие их плыть по течению, люди, несущие своих умерших, чтобы омыть их в священных водах. Я видела погребальные костры на гхате, я чувствовала аромат сандала и горящей плоти, я слышала, как лопается череп, выпуская на волю душу. Я уже слышала этот звук в Пашупатинате, когда на горящем гхате лежала мать короля. Легкий щелчок — и свобода. Это был утешительный звук. Он напомнил мне о доме.

В то лето я не раз побывала в городе на берегу Ганга. Каждый раз я оказывалась новой личностью. Счетоводы и адвокаты, механические солдаты и актеры «мыльных опер», контролеры базы данных — я была богиней тысячи искусств. С того дня, как на вокзале в Дели я увидела патрулирующих платформы полицейских Кришны с роботами-охранниками и с оружием, применяемым как против людей, так и против ИИ, Ашок стал разнообразить средства передвижения. То самолет, то поезд, то давка в ночном сельском автобусе, то «мерседес» с шофером, стоящий в длинной очереди раскрашенных грузовиков на авадо-

бхаратской границе. Грузовики, как и щелчок лопнувшего черепа, напоминали мне о доме. Но в конце пути неизменно ждала девушка с крысиным личиком, которая поднимала руку к моему тилаку, чтобы снова разъять меня на части. За эти месяцы я побывала ткачом, налоговым консультантом, редактором «мыла», диспетчером аэропорта. Она забрала всех.

А в следующей поездке полиция Кришны поджидала и на бхаратском конце. К тому времени я разбиралась в политике не хуже Ашока. Бхарат никогда не подписал бы акт Гамильтона — их многомиллиардная развлекательная индустрия зависела от ИИ, — но в то же время они не желали противостояния с Америкой. Отсюда компромисс: все ИИ выше уровня 2.8 запрещены, все прочие лицензированы, и полиция Кришны патрулирует аэропорт и вокзалы. Все равно что пытаться руками остановить течение Ганга.

Я высмотрела курьера еще в полете. Он сидел на два ряда впереди меня: молодой, с клочковатой бородкой, одетый по молодежной моде Звездной Азии, в мешковатую и слишком свободную одежду. Беспокойный-беспокойный — то и дело поглаживал нагрудный карман, проверял, проверял, проверял. Мелкий *бадмаш*,[54] ваннабский *датараджа,* везущий в кармане пару специалистов уровня 2.85, загруженных в наладонник. Я не представляла, как он умудрился проскочить контроль делийского аэропорта.

Полиция Кришны в Варанаси неизбежно должна была его выловить. Они окружили парня, когда мы проходили таможню. Он сломался. Он побежал. Женщины и дети шарахались в стороны, когда он мчался по огромному мраморному залу прибытия, пытаясь выбраться к свету, к прозрачной стене с дверями и в сумасшедшее уличное движение по ту сторону стены. Его кулаки колотили воздух. Я слышала отрывистые выкрики копов Кришны. Я видела, как они достают из кобуры оружие. Визг стал громче. Я продвигалась вперед, потупив голову. Таможенник проверил мои документы. Еще одна *шаади* прибыла на охоту. Я поспешно прошла к выходу, свернула к стоянке такси. За спиной у меня в зале прибытия встала тишина, звенящая, как храмовые колокола.

И тут я испугалась. Я возвращалась в Дели, и страх словно летел впереди меня. Город джиннов превратился в город слухов. Правительство подписало акт Гамильтона. Полиция Кришны обыскивает дом за домом. Просматривают файлы наладонников. Детские игрушки с ИИ запрещены. Самолеты доставляют морскую пехоту США. Первый министр Шривастава намерен объявить о замене рупий долларами. Буря страхов и пересудов, а посреди

них — Ашок.

— Последний раз — и я выхожу из игры. Ну ради меня. Последний раз!

Бунгало уже опустело. Вся мебель запакована, остались только сердечники процессоров. Прикрытые чехлами от пыли, они выглядели призраками живущих в них созданий. Этих полиция Кришны могла забирать.

— Мы оба едем в Бхарат?

— Нет, это слишком опасно. Ты отправишься вперед, а я догоню, когда опасность минует. — Он помолчал. В этот вечер даже шум машин за стеной звучал иначе. — Мне нужно, чтобы ты взяла больше чем обычно.

— Сколько?

— Пять.

Он видел, как я попятилась, когда он протянул руку к моему лбу.

— Это не опасно?

— Пять, и на этом все. Раз и навсегда.

— Это не опасно?

— Это серийные дополнения, у них общий основной код.

Я давно уже не обращала взгляд к самоцветам, которые Ашок нанизывал в моем черепе. Электроника. Мозг в мозгу.

— Это не опасно?

Ашок сглотнул и помотал головой: западное «нет». Я закрыла глаза. Через секунду я ощутила теплое сухое прикосновение его пальца к моему внутреннему глазу.

Мы прибыли, когда медная лента рассвета сияла сквозь *джали.* Мы сознавали, что страдаем от сильного обезвоживания. Мы понимали, что нуждаемся в медленно расщепляющихся углеводах. У нас понизился уровень ингибиторов серотонина. Проем окна, в который било солнце, был подлинной могольской аркой. Белковые цепи в моей голове являлись моделями DPMA один восемь семь девять дробь омега, с лицензией биоскана Бангладора.

Все, что возникало перед глазами, вспыхивало радугой интерпретаций. Я видела мир через странные мании своих новых постояльцев: медик, специалист по питанию, архитектор, дизайнер биочипов, инженерный ИИ, руководящий полчищами ремонтных роботов. Насатья, Вайшванара, Майа, Брихаспати, Твастри — мои личные демоны. Это был уже не *другой.* Это был *легион.* Я стала многоголовой деви.

Все утро и до вечера я мучилась, пытаясь разобраться в мире, состоящем из пяти миров, пяти впечатлений. Я сражалась. Сражалась, чтобы превратить *нас* в *меня.* Ашок суетился,

подергивал свою кудлатую бородку, пытался смотреть телевизор, просматривал почту. Боевые роботы полиции Кришны в любую минуту могли очутиться в его стенах. Они должны были появиться. Я не могла перенести гомона под черепом, муссона интерпретаций. Каждая требовала от меня иной реакции.

Я нашла Ашока сидящим перед его зачехленными процессорами, подтянув колени к груди и обхватив их руками. Он выглядел большим толстым мягкотелым мальчиком, маменькиным любимчиком.

«Норадреналиновая бледность, умеренная гипогликемия, токсины усталости», — подсказал Насатья.

«Джин-система сохраняет порядок веб-байтов», — одновременно произнес Брихаспати.

Я тронула его за плечо. Он дернулся, очнулся. Снаружи было уже совсем темно и душно, от Соединенных Штатов Бенгалии надвигался муссон.

— Мы готовы, — сказала я. — Я готова.

Темный запах гибискуса лился на крыльцо, у которого ждал «мерседес».

— Увидимся через неделю, — сказал Ашок, — в Варанаси.

— В Варанаси.

Он обнял меня ладонями за плечи и легко поцеловал в щеку. Я натянула на голову дупатту. Под ее покровом меня отвезли в службу ночных экспрессов Объединенных Провинций. Я лежала в купе спального вагона, а в голове у меня шептались ИИ, с удивлением обнаружившие друг друга, отражения отражений.

Чоукидар подал мне чай в постель на серебряном подносе. Рассвет осветил расползшиеся трущобные и промышленные районы Варанаси. Мой персональный ИИ-журналист сообщил, что Лок Сабха проголосует за принятие акта Гамильтона в десять утра, после чего посол Соединенных Штатов объявит о торговых льготах избранной нации Авада.

Поезд подтянулся к платформе под знакомым, вытканным ромбами навесом. Похоже, каждый второй пассажир занимался контрабандой. Если это было так очевидно для меня, то, конечно, и для полиции Кришны. Они оцепили пандус выхода с платформы. Я ни разу еще не видела их в таком количестве. За ними стояли солдаты, а за солдатами — роботы. Носильщик нес мой багаж на голове: свою я использовала, чтобы лавировать в напирающей толпе пассажиров ночного поезда. «Ступай прямо, как тебя учила Мамаджи. Держись прямо и гордо, словно идешь по Шелковому Пути рядом с богачом». Я из скромности накинула на голову дупатту. И тут заметила, что у пандуса толпа скапливается. Полиция Кришны сканировала всех выходящих

наладонниками.

Я видела, как пробиваются назад сквозь толпу бадмаши и контрабандисты. Но и в той стороне не было выхода. Вооруженные полицейские вместе с роботами, используемыми при уличных беспорядках, заняли дальний конец платформы. Шаг за шагом людской поток нес меня навстречу полицейским, размахивающим раскрытыми ладонями, словно благословляя пассажиров. Эти штуки способны пробраться под череп и заглянуть в мозги. Мой красный чемодан уплывал вперед, направляя меня к клетке.

Брихаспати показал мне, что они способны сделать с электронными цепями в моих мозгах.

— Помогите, — взмолилась я своим богам.

И Майя, демон-архитектор, отозвался. Его память была моей памятью, а он запомнил модель таких станций задолго до того, как механические пауки начали прясть свою электронную паутину. Два образа вокзала Варанаси наложились друг на друга. С единственным отличием, которое могло спасти мне жизнь. Майя показал мне изнанку вещей. Изнанку платформы. Трубу под люком между чайным автоматом и опорой крыши. Я протолкалась между людьми к маленькому закутку у стены. Помедлила, прежде чем опуститься на колени над люком. Одно движение толпы, толчок, падение — и меня раздавят. Щель крышки была плотно забита грязью. Обламывая и срывая ногти, я выскребла ее и откинула крышку. Из черного квадратного отверстия ударил такой мерзкий запах, что меня едва не стошнило. Я заставила себя спуститься в него, спрыгнуть с метровой высоты в доходящие до бедер отбросы. Прямоугольное пятно света показало мне, куда я попала. Я тонула в экскрементах. Туннель вынудил меня ползти на четвереньках, но в конце маячил полукрут дневного света. Я погрузила ладони в жидкие экскременты. На этот раз мне не удалось удержать в себе утренний чай. Я поползла вперед, стараясь не задохнуться. Такой мерзости я еще не видала. Я ползла на четвереньках под вокзальными путями — к свету, к свету, к свету и наружу сквозь открытое отверстие к лагуне отстойника, где на отмелях засыхающего человеческого кала копошились свиньи и старьевщики.

Я как могла отмылась в полувысохшем русле канала. *Дхоби*[55] колотили белье о каменные плиты. Я постаралась не прислушиваться к голосу Насатьи, перечислявшему инфекции, которые я могу подхватить здесь.

Я должна была встретиться с девушкой Ашока на улице *гаджра*.[56] Дети сидели в дверях и в открытых витринах лавок,

нанизывая на нитку бархатцы. За эту работу платили слишком мало даже для роботов. Цветы переливались через края клумб и пластиковых ящиков. Шины моего патпата скользили на мокрых розовых лепестках. Мы двигались под балдахином цветочных гирлянд, свисающих с шестов перед лавками. Все здесь пропахло увядшими, гниющими бутонами. Патлат свернул в узкий, совсем темный переулок и завяз в толпе. Водитель прижал ладонью гудок. Люди неохотно расступились. Спиртовый двигатель взвизгнул. Мы медленно поползли вперед. Свободный участок, а за ним путь нам преградил полицейский *яаван* в полном боевом вооружении. Брихаспати прочел данные, мелькавшие на его забрале: развертывание, связь, ордер на арест. Я прикрывала ладонью нижнюю часть лица, пока водитель переговаривался с полицейским. Что происходит? Какой-то *бадмаш.* Какой-то *датараджа.*

В конце улицы *гаджра* полицейские в форме под руководством агента полиции Кришны взламывали дверь. Оружие у них было наготове. Как только дверь подалась, распахнулись ставни *джарока* на первом этаже. Человек вскочил на деревянные перила. Толпа за моей спиной шумно вздохнула:

— Вот он, вот бадмаш, ох, глядите, это девушка!

Из складок своей дупатты я видела, как девушка Ашока на миг замерла на перилах, а потом подпрыгнула и ухватилась за веревку для сушки белья. Веревка лопнула и выбросила ее как на качелях на улицу сквозь гирлянды бархатцев. Она приземлилась на корточки, успела увидеть полицию и толпу, увидеть меня, а потом развернулась и побежала. *Яаван* бросился за ней, но нашлись другие, проворнее и опаснее, чем он. Женщина закричала, увидев робота, спрыгнувшего с крыши прямо в переулок. Хромированные конечности разогнулись, паучья голова мотнулась раз и застыла. Лепестки бархатцев порхали над бегущей девушкой, но всем было ясно, что ей не спастись от машиныубийцы. Та отставала на два шага, на шаг. Я видела, что беглянка оглянулась как раз тогда, когда робот выдвинул клинок.

Я знала, что будет дальше. Я уже видела это на засыпанной лепестками улице Катманду, по которой меня несли в паланкине в окружении моих богов и кумарими.

Клинок блеснул на солнце. Над толпой взлетел громкий крик. Девичья голова покатилась по переулку. Сильная струя крови. Жертвенная кровь. Безголовое тело сделало шаг, другой.

Я выбралась из патпата и украдкой нырнула в замершую толпу. Завершение истории я увидела по каналу новостей в *чай-дхаба* у цистерны на гхате Сциндии. Туристы, паломники, торговцы и похоронные процессии маскировали меня. Я

отхлебывала чай из пластикового стаканчика и смотрела на маленький экран над стойкой бара. Звук был приглушен, но изображение говорило мне достаточно. Полиция Дели вскрыла пресловутую сеть контрабандистов. Полиция Кришны в Варанаси произвела ряд арестов в качестве жеста бхарато-авадской дружбы. В последнем кадре мелькнул Ашок, которого, в пластиковых наручниках, заталкивали в полицейскую машину в Дели.

Я отошла и села на самый низкий гхат. Река успокоит меня, река меня направит. В ней, как и во мне, кроется божество. Бурая вода закручивалась водоворотиками вокруг унизанных кольцами пальцев ног. Вода смывает все земные грехи. На той стороне священной реки высокие трубы выбрасывали в небо желтый дым. Ко мне подошла крошечная круглолицая девочка, предложила купить цветочную гирлянду. Я снова увидела ту реку, эти гхаты, эти храмы и лодки так, как видела их из своего деревянного дворца на площади Дурбар. Теперь я видела, какую ложь скармливал мне наладонник высокой кумарими. Индия представлялась мне нарядным платьем, раскинутым в ожидании, пока я натяну его на себя. А была она скупщиком невест со связкой рупий. И Шелковым Путем, по которому ступаешь кровоточащими ногами. И мужем с телом ребенка и с аппетитами взрослого, связанного своим бессилием. Она была спасителем, которому нужна была во мне только моя болезнь. Она была головой девушки, откатившейся в канаву.

Внутри этой головы молчали мои демоны. Они не хуже меня понимали, что никогда не станет для нас домом Бхарат, Авад, Маратха и все прочие места в Индии.

Севернее Нарайангада дорога поднималась по лесистым хребтам. Медленно лезла вверх, к Муглингу, откуда сворачивала и повисала на крутом склоне долины Трисули. За три дня я сменила третий автобус. Автобусы стали привычными: сядь сзади, завернись в дупатту, смотри в окно. Прикрывай рукой деньги. Молчи.

Первый автобус я поймала у Джаунпура. Опустошив счет Ашока, я сочла за лучшее покинуть Варанаси насколько возможно быстрее и незаметнее. И без подсказки Брихаспати я видела, как выслеживают меня ИИ-сыщики. Конечно, они перекроют железнодорожные, аэро- и автобусные станции. Из священного города меня вывез таксист без лицензии. Водитель заметно обрадовался дальней поездке. Второй автобус увез меня из Горакхпура через поля *дала*[57] и банановые плантации к приграничному Наутанва. Я нарочно выбрала маленький заброшенный Наутанва и все же старательно склоняла голову и

шаркала ногами, подходя к иммиграционному чиновнику-сикху за жестяным барьером. Я затаила дыхание. Он жестом руки велел мне проходить, даже не взглянув на мои документы.

Я поднялась по пологому склону и пересекла границу. Даже слепая, я с первого шага узнала бы свое королевство. Громкий шум, приставший, кажется, к коже, смолк так внезапно, что тишина показалась гулкой. Машины обходились здесь без гудков. Они сворачивали, объезжая пешеходов и священных коров, жующих жвачку посреди дороги. Люди в обменном пункте, где я обменяла рупии Бхарата на непальские, были вежливы: не напирали, не толкались и не пытались всучить мне лишнего в магазине, где я купила пакет жирных *самоса*;[58] застенчиво улыбались мне в дешевой гостинице, где я сняла комнату на ночь. Смолкло вечное: «Давай, давай, давай».

Я спала так крепко, что сон походил на бесконечное падение сквозь белые простыни, пахнущие небом. Наутро третий автобус повез меня в Катманду. Дорога, скрытая шедшими в затылок друг другу грузовиками, вилась с обрыва на обрыв, непрестанно поднимаясь вверх, вверх, вверх. Скрипела коробка передач старенького автобуса. Мне нравился этот звук — мотор, спорящий с земным притяжением. Этот звук принадлежал к самым ранним воспоминаниям, до того как по такой же дороге явился в деревню шакья оценщик детей. Вереница грузовиков и автобусов, ночь напролет. Я смотрела из окна на придорожные *дхаба,* на каменные пирамиды святилищ, на рваные молитвенные знамена, вытянутые по ветру, на канатные переправы через видневшуюся далеко внизу реку цвета молочного шоколада, на тощих детей, перебирающих ногами по протянутым на высоте тросам. Все такое знакомое и такое чужое для демонов, населяющих мой череп.

Должно быть, младенец плакал уже давно, но его голос только теперь перекрыл ровное громыхание автобуса. Мать, сидевшая на два ряда впереди меня, шикала, баюкала и укачивала крошечную девчушку, но ее плач становился все пронзительнее.

Он заставил меня подняться и подойти к ним с Насатья.

— Дай ее мне, — сказала я, и, должно быть, уверенная властность медицинского ИИ отчасти сказалась в моем тоне, потому что мать, не задумываясь, передала мне малышку.

Я отвернула пеленку. Животик девочки болезненно вздулся, ручки и ножки обмякли и отекли.

— У нее каждый раз после еды колики, — сказала мать, но я, не дав ей помешать, уже стянула подгузник.

Запах был острый, кал твердый, комковатый и светлый.

— Чем ты ее кормишь?

Женщина показала кусок хлеба *ротпи,* разжеванный с краешка для младенца. Я сунула пальцы в рот малышки, заставляя ее показать язык, хотя специалист по питанию Вайшванара и так знал, что увидит. Язык был обложен красными выпуклыми язвочками.

— Это началось только после того, как ей стали давать твердую пищу? — спросила я. Мать закивала. — Ребенок страдает целиакией, — объявила я. Мать в ужасе закрыла лицо, принялась раскачиваться и причитать. — С ней все будет хорошо, только перестань кормить ее хлебом и пищей, сделанной из зерна, кроме только риса. Она не может переваривать белки пшеницы и ячменя. Корми ее рисом, рисом и овощами, и она скоро поправится.

Весь автобус смотрел, как я возвращаюсь к своему месту. Женщина с младенцем сошли в Наубисе. Малышка все еще вопила, хотя уже слабее, но женщина прошептала мне: «Намасте». Благословение. Я вернулась в Непал без плана и цели, без надежды, меня просто тянуло домой. Но замысел уже начал складываться.

За Наубисом дорога уверенно пошла вверх, серпантином огибая бастионы гор, окружавших Катманду. Близился вечер. Оглядываясь назад, я видела реку огней, змеящуюся по горным склонам, — фары машин. Когда автобус разворачивался на очередном изгибе серпантина, мне становилась видна та же река, уходящая вверх красными огоньками задних фар. Мне, как и всем в автобусе, слышен был посторонний шум в моторе. Мы подползали к высокой седловине, к водоразделу, откуда расходились ущелья: направо — в долину Катманду, налево — в Покхару и в Высокие Гималаи. Все медленнее и медленнее. Все чувствовали запах горелой смазки, все слышали дребезжание.

И не я бросилась к водителю и его напарнику. Это был мой демон Тривасти.

— Остановись, сейчас же остановись! — кричала я. — У тебя генератор заклинило. Ты нас всех сожжешь!

Водитель свернул на узкую обочину, вплотную к скале. С другой стороны впритирку проходили грузовики. Мы подняли крышку капота и увидели дымок, поднимающийся над генератором. Водители покачали головами и вытащили наладонники. Пассажиры столпились перед машиной, глазели и переговаривались.

— Нет, нет, нет, дайте мне ключ, — приказала я. Водитель остолбенел, но я требовательно протянула к нему раскрытую ладонь. Может, он вспомнил больную девочку. Может, прикинул,

сколько придется ждать ремонтную бригаду из Катманду. Может, подумал, как хорошо было бы оказаться дома с женой и детьми Он вложил мне в руку гаечный ключ. Через минуту я сняла ремень и отсоединила генератор.

— У него подшипник заклинило, — объяснила я. — У моделей выпуска до две тысячи тридцатого года это постоянный дефект. Еще сотня метров, и загорелся бы. Можешь вести на аккумуляторе. До Катманду дотянешь.

Они не отрываясь смотрели на маленькую девушку в индийском сари, с платком на голове, но с закатанными рукавами *чоли*[59] и с выпачканными в биосмазке пальцами.

Демоны возвратились по местам, и под темнеющим небом мне стало ясно, что я буду делать дальше. Водитель и его напарник кричали мне вслед, а я поднималась мимо вереницы машин к перевалу. Мы не слушали криков. Обгоняющие нас машины гудели мелодичными сигналами, предлагая подвезти. Я шла дальше. Уже недалеко было до развилки трех дорог. Назад в Индию, вниз, в город, и вверх, в горы.

На широкой, покрытой масляными пятнами площадке для разворота грузовиков стояла *чай-дхаба.* Она сверкала неоновой рекламой американских напитков и бхаратской минеральной воды, словно только что упала со звезд. Постукивал генератор. Телевизор знакомо журчал мирными непальскими новостями. В воздухе пахло горячим *ги* и биосоляркой.

Хозяин не знал, что и думать обо мне, странной девчонке в индийской одежде. Наконец он проговорил:

— Славная ночь.

Он был прав. Над смогом и копотью долины воздух был волшебно прозрачен. Куда ни глянь, видно на целую жизнь вперед. На западе еще теплилась полоска света. Великие вершины Манаслу и Анапурна мерцали муаром на синеве.

— Славная ночь, — подхватила я, — еще какая славная!

Машины медленно тянулись мимо, не останавливаясь на этом перекрестке на крыше мира. Я стояла в неоновом сиянии *дхаба,* заглядевшись на горы, и думала: «Здесь я буду жить». Мы поселимся в маленьком домике под деревьями, у ручья, ледяного от горных снегов. У нас будет очаг и телевизор для компании, и молитвенные знамена полетят по ветру, и со временем люди перестанут бояться и протопчут тропинку к нашей двери. Есть разные божества. Бывают великие божества торжественных обрядов, крови и ужаса. А мы будем малым божеством маленьких чудес и будничного волшебства. Починенные машины, отлаженные программы, вылеченные люди, планы новых домов, пища для тел и умов. Я стану маленькой богиней. Со временем

обо мне пройдут слухи, и люди потянутся отовсюду: непальцы и иностранцы, путешественники, туристы и монахи. Может, однажды появится и мужчина, который не станет бояться. Но если он и не придет, все будет хорошо, потому что я никогда не узнаю одиночества с живущими во мне демонами.

Я уже бежала, и удивленный хозяин *чай-дхаба* кричал мне вслед: «Эй! Эй!» — а я бежала вдоль колонны медлительных грузовиков, колотя в дверцы: «Хай, Хай! Мне в Покхару, в Покхару!» — спотыкаясь и оскальзываясь на крупном гравии дороги, ведущей вверх, к далеким сияющим горам.

Паоло Бачигалупи
Специалист по калориям [60]

Мамы нет, папы нет, бедный я сирота! Деньги? Дашь денег? Мальчишка сделал «колесо», потом перекувырнулся посреди улицы, поднимая липнущую к голому телу желтую пыль.

Лалджи остановился посмотреть на белобрысого попрошайку, который замер у него под ногами. Внимание, кажется, придало парнишке храбрости: он еще раз перекувырнулся. Улыбнулся, сидя на корточках и глядя на Лалджи снизу вверх, расчетливо и напряженно; ручейки пота и грязи стекали у него по лицу.

— Деньги? Дашь денег?

Город вокруг них был почти безмолвен в этот жаркий день. Несколько фермеров в рабочих комбинезонах вели мулов на поля. Здания, спрессованные из «всепогодного» камня, заваливались на соседей, словно пьяные, в пятнах от дождя и в трещинах от солнца, однако, как и следовало из названия материала, они все равно держались. В дальнем конце узкой улицы начинались тучные поля с «СоейПРО» и «Хай-Ростом», волны шелестящей растительности катились до самого голубого горизонта. Все было в основном так, как и во всех небольших городах, какие повидал Лалджи, путешествуя вверх по реке, просто еще один фермерский анклав, обязанный выплачивать долги за пользование интеллектуальной собственностью и отправлять калории в Новый Орлеан.

Мальчишка подполз ближе, заискивающе улыбаясь и покачивая головой, словно готовая напасть змея.

— Деньги? Деньги?

Лалджи сунул руки в карманы на случай, если у попрошайки имеются сообщники, и полностью сосредоточился на мальчишке.

— А с чего я должен давать тебе деньги?

Мальчишка уставился на него, озадаченный. Он раскрыл рот, затем снова закрыл. Наконец вернулся к тому, с чего начал: эта часть выступления была ему более привычной.

— Ни мамы? Ни папы? — Теперь это звучало скорее как вопрос, лишенный внутренней убежденности.

Лалджи поморщился от отвращения и примерился, чтобы дать парню пинка. Мальчик отшатнулся в сторону, упал на спину в отчаянной попытке увернуться, и Лалджи тут же развеселился. По крайней мере, у мальчишки быстрая реакция. Он развернулся и зашагал дальше по улице. У него за спиной завывания попрошайки звучали отчаянным эхом:

— Ма-а-амы не-е-ет! Па-а-апы не-е-ет!

Лалджи в раздражении помотал головой. Мальчишка сколько угодно мог кричать о деньгах, однако за ним он не потащился. Никакой это не настоящий попрошайка. Работает от случая к случаю, скорее всего на мысль его натолкнули какие-нибудь чужаки, забредшие в городок и проявившие щедрость к нищему светловолосому ребенку. Ученые из «Агро-Гена» или «Растениевода Среднего Запада» и прочие аграрники охотно проявляют к горожанам в провинции показную щедрость.

Сквозь дыры в убогих постройках Лалджи снова мельком увидел буйную поросль «СоиПРО» и «Хай-Роста». Все эти выставленные напоказ калории пробуждали в воображении волнующие фантазии о том, как можно было бы загрузить баржу и отправить ее вниз по течению, минуя шлюзы, в Сент-Луис или Новый Орлеан, в пасти заждавшихся мегадонтов. Напрасные мечты, конечно, зато зрелище изумрудных полей являлось более чем достаточным доказательством, что ни у одного ребенка здесь нет оснований попрошайничать. Только не рядом с «СоейПРО». Лалджи снова с неодобрением покачал головой и свернул на тропинку, зажатую между двумя домами.

В темном переулке тек едкий ручей из отработанных «всепогодных» масел. Пара чеширцев, прятавшихся в безлюдном месте, бросилась прочь и исчезла, растворившись в ярком солнечном свете. Здесь же, привалившись к своим видавшим виды соседям, стояла кинетическая мастерская, добавляющая запаха навоза и животного пота к вони «всепогодных». Лалджи навалился на дощатую дверь мастерской и протиснулся внутрь.

Солнечный свет пронзал сладко пахнущий навозом сумрак ленивыми золотыми лучами. На одной стене висело два раскрашенных вручную плаката, кое-где оторванных, но все еще читаемых. «Неучтенные калории означают голодающие семьи!» «Мы следим за отчислениями и использованием права на интеллектуальную собственность!» Фермер с семейством таращился пустыми глазами поверх суровых слов. За распространение этих плакатов платили «Чистые Калории». На другом плакате красовался коллаж из торговой марки «Агро-Гена», сжатых пружин, зеленых рядов «СоиПРО», залитых солнечным светом, и улыбающихся детишек среди слов «Мы обеспечиваем мир энергией!» Лалджи с кислым видом изучил плакаты.

— Уже вернулся? — Владелец мастерской вышел из намоточной, вытирая руки о штаны и смахивая грязь и солому с ботинок. Он посмотрел на Лалджи. — Запаса моих пружин оказалось недостаточно. Пришлось лишний раз кормить мулов,

чтобы набрать тебе джоулей.

Лалджи пожал плечами, он ожидал, что в последнюю минуту хозяин начнет торговаться, точно так же, как делал обычно Шрирам, поэтому из любопытства напустил на себя оскорбленный вид.

— Ну? И сколько?..

Хозяин покосился на Лалджи, потом втянул голову в плечи, его тело будто приготовилось к обороне.

— П-пять сотен. — Голос его сорвался, как будто кляп собственной поразительной алчности оцарапал ему горло.

Лалджи нахмурился и дернул себя за ус. Неслыханно. Калории еще даже не перевезли. Городок купается в энергии. И, несмотря на висящие в мастерской добропорядочные плакаты, то, что калории, питающие эту кинетическую мастерскую, были должным образом учтены, вызывало сильные сомнения. Только не при непосредственной близости от нее вводящих в искушение зеленых полей. Шрирам часто говорил, что использовать учтенные калории — все равно что швырять деньги в компостную яму.

Лалджи еще раз дернул себя за ус, соображая, сколько следует заплатить за джоули, не привлекая к себе чрезмерного внимания. Должно быть, богачи регулярно посещают этот городишко, раз хозяина мастерской обуяла такая алчность. Почти наверняка какие-нибудь ответственные за калории лица. Очень может быть. Городок расположен близко к центру. Может быть даже, этот самый город участвует в выращивании главных драгоценностей для энергетической монополии «Агро-Ген». Но все равно не все, кто проезжает через город, настолько богаты.

— Две сотни.

Хозяин облегченно заулыбался, показывая кривые желтые зубы: его вина сделалась очевидной, когда Лалджи начал торговаться.

— Четыре.

— Две. Я могу стать на якорь на реке, и мои собственные намотчики сделают ту же работу.

Хозяин засопел:

— На это уйдут недели. Лалджи пожал плечами:

— Время у меня есть. Можешь впустую слить джоули обратно в свои пружины. Я сам сделаю всю работу.

— У меня семья, которую нужно кормить. Три?

— У тебя под боком столько калорий, сколько и некоторым богатым семьям в Сент-Луисе не снилось. Две.

Хозяин угрюмо покачал головой, но повел Лалджи в намоточную. Навозная мгла сгустилась. Огромные, в два раза

выше человеческого роста, барабаны, хранящие кинетическую энергию, стояли в темном углу, грязь и навоз налипли на их точные, высокой емкости, сжатые пружины. Солнечные лучи проникали в зияющие дыры в крыше, там, где из нее выдуло ветром дранку. Лениво шевелились ошметки навоза.

Полдюжины гипертрофированных мулов механически выполняли свой нудный труд, их ребра медленно вздымались, на боках виднелись соленые разводы от пота, которым они истекали, заводя лодочные пружины Лалджи. Они выдували воздух через ноздри; внезапно донесшийся запах Лалджи встревожил их, и их толстые ноги замерли. Мышцы, похожие на булыжники, проступили на костлявых телах, когда они остановились. Животные смотрели на Лалджи обиженно, почти разумно. Один мул показал крепкие желтые зубы, похожие на зубы хозяина.

На лице Лалджи отразилась досада.

— Покорми их.

— Я уже кормил.

— У них все кости видны. Если хочешь получить с меня деньги, покорми еще раз.

Хозяин возмутился:

— Они и не должны быть жирными, они должны заводить твои чертовы пружины. — Но все-таки кинул по две горсти «СоиПРО» в кормушки.

Мулы засунули головы в корзинки, истекая слюной и постанывая от вожделения. В своем нетерпении один мул пошел было вперед по кругу, передавая энергию опустошенным пружинам мастерской, но потом, кажется, понял, что от него не требуется работы и он может есть без всяких помех.

— Они просто не созданы для того, чтобы жиреть, — пробормотал хозяин мастерской.

Лалджи чуть улыбнулся, отсчитывая пачку банкнот и передавая деньги хозяину. Тот снял заведенные пружины Лалджи с намоточных барабанов и поставил рядом с невольниками-мулами. Лалджи поднял одну пружину, охнув под ее тяжестью. Ее масса осталась точно такой же, как когда он принес ее в кинетическую мастерскую, но сейчас она, кажется, почти вибрировала от заключенного в ней труда мулов.

— Помочь?

Хозяин не сдвинулся с места. Он косился на кормушки мулов, все еще прикидывая, не удастся ли помешать их трапезе.

Лалджи тянул с ответом, наблюдая, как мулы приканчивают остатки своих калорий.

— Нет. — Он снова взвалил на себя пружину, ухватившись поудобнее. — За остальными придет мой помощник.

Повернувшись к двери, он услышал, как хозяин оттаскивает от мулов кормушки, а они ворчат, сражаясь за провизию. И в который раз Лалджи пожалел, что вообще согласился на эту поездку.

Предложение исходило от Шрирама. Они сидели под навесом на крыльце дома Лалджи в Новом Орлеане, сплевывая сок бетеля в сточную канаву в переулке, глядя, как льет дождь, и играя в шахматы. Вдалеке, в сером утреннем свете, мелькали велорикши и просто велосипедисты, проблески зеленого, красного и синего, проезжающие мимо входа в переулок в своих блестящих от дождя, зерненых полимерных пончо.

Игра в шахматы была многолетней традицией, ритуалом, который свершался, если Лалджи бывал в городе, а у Шрирама появлялась возможность оставить на время свою маленькую кинетическую компанию, занимавшуюся взведением домашних и лодочных пружин. Между ними существовала добрая дружба, ставшая еще и плодотворной, когда Лалджи добыл неучтенные калории, которым предстояло кануть в пасти голодного мегадонта.

Оба они играли в шахматы не слишком хорошо, и поэтому партии часто сводились к серии обменов, совершаемых в головокружительной последовательности, к непрерывному уничтожению, в результате которого поле с еще недавно аккуратно расставленными фигурами представляло собой картину полного разорения, и оба оппонента изумленно моргали, пытаясь сообразить, стоило ли подобное безобразие баталии. И вот после одного из такого «зуб за зуб» разгромов Шрирам спросил Лалджи, может ли тот подняться вверх по реке. Выше южных штатов.

Лалджи помотал головой и сплюнул кроваво-красный сок бетеля в выходящую из берегов сточную канаву.

— Нет. Невыгодно заходить так далеко. Слишком много джоулей придется потратить. Пусть лучше калории сами плывут ко мне.

Лалджи с удивлением заметил, что у него до сих пор сохранился ферзь. Он взял им пешку.

— А если вся потраченная энергия будет оплачена? Лалджи засмеялся, дожидаясь, пока Шрирам сделает свой ход.

— Это кем? «Агро-Геном»? Полицейскими, охраняющими интеллектуальную собственность? Только их лодки ходят так далеко по течению и против него.

Он нахмурился, осознав, что его ферзю теперь угрожает оставшийся конь Шрирама.

Шрирам молчал, не прикасаясь к фигурам. Лалджи оторвал взгляд от доски и изумился серьезности лица Шрирама.

— Я заплачу. Я сам и кое-кто еще. Есть один человек, которого некоторые из нас хотели бы доставить на юг. Весьма необычный человек, — произнес Шрирам.

— Так отчего бы не отправить его на юг на гребном судне? Вверх по реке идти дорого. Сколько уйдет гигаджоулей? Мне придется заменить лодочные пружины, и что тогда скажет мне полицейский патруль? «Куда это ты направляешься, странный индиец, на своей маленькой лодчонке с таким количеством пружин? Собираешься в дальнее путешествие? А с какой целью?» — Лалджи покачал головой. — Пусть этот человек сядет на паром, наймет баржу. Дешевле обойдется, разве нет? — Он махнул рукой на шахматную доску. — Твой ход. Тебе предстоит взять мою королеву.

Шрирам задумчиво наклонял голову то в одну сторону, то в другую, но не спешил продолжить игру.

— Дешевле, да…

— Но?..

Шрирам пожал плечами:

— Быстрая маленькая лодка привлечет к себе меньше внимания.

— Что же это за человек такой?

Шрирам внезапно воровато огляделся вокруг. Метановые лампы светились голубыми призрачными огоньками за закрытыми, испещренными каплями дождя окнами соседей. Дождь ручьями стекал по окрестным крышам, выбивал мокрую дробь в пустом переулке. Чеширец взывал к подруге откуда-то из мокроты, едва слышный за шумом текущей воды.

— Крео сейчас дома?

Лалджи удивленно поднял брови:

— Он отправился в спортзал. А что такое? Какое это имеет значение?

Шрирам пожал плечами и смущенно улыбнулся:

— Кое-что должно оставаться только между старыми друзьями. Людьми, связанными крепкими узами.

— Крео работает со мной много лет.

Шрирам что-то неразборчиво пробурчал, снова огляделся вокруг и вытянулся вперед, понизив голос, вынуждая и Лалджи податься ближе.

— Есть один человек, которого очень хотели бы найти энергетические компании. — Он постучал по своей лысеющей голове. — Очень умный человек. Мы хотим ему помочь.

Лалджи втянул воздух сквозь зубы:

— Потрошитель генов?

Шрирам избегал смотреть в глаза Лалджи.

— В некотором смысле. Специалист по калориям. Лалджи скроил гримасу отвращения:

— Еще одна причина не участвовать в этом деле. Я не имею ничего общего с этими убийцами.

— Нет, нет. Разумеется, нет! Однако же… когда-то ты привез с собой грандиозную вывеску, разве не так? Несколько смазанных жиром пальм, таких скользких, и ты въехал в город, и Лакшми[61] вдруг улыбнулась тебе, этакому энергетическому разбойнику, и вот теперь ты торговец антиквариатом. Какие поразительные перемены!

Лалджи пожал плечами:

— Мне повезло. Я знал одного человека, который помог мне пройти шлюзы.

— Так в чем дело? Повтори это.

— Если за ним охотятся энергетические компании, дело будет опасным.

— Но не невыполнимым. Шлюзы пройти легко. Гораздо легче, чем провезти нелицензированное зерно. Или что-нибудь такое же огромное, как вывеска. А это будет просто человек. Ни одна ищейка им ничуть не заинтересуется. Посадишь его в бочку. Все пройдет легко. А я оплачу. Все твои джоули и еще сверху.

Лалджи пожевал орех бетеля, сплюнул красным, снова сплюнул, размышляя.

— А какую пользу получит от этого специалиста по калориям такой второстепенный владелец кинетической компании, как ты? Потрошители генов охотятся на большую рыбу, мелкая рыбешка их не интересует.

Шрирам улыбнулся с несчастным видом и пожал плечами, словно осуждая себя самого.

— Тебе не кажется, что в один прекрасный день «Ганеша Кинетик» может стать крупной компанией? Вторым «Агро-Геном», может быть?

Они оба засмеялись над этим абсурдным предположением, и Шрирам сменил тему.

Полицейский с собакой преградил Лалджи путь, когда тот подходил к своей лодке, неся заведенную пружину. Псина ощетинилась при его приближении и рванулась с поводка, ее тупой нос подрагивал от желания добраться до него. Патрульный из службы по охране интеллектуальной собственности с трудом сдерживал собаку.

— Нужно тебя обнюхать.

Снятая каска уже лежала на траве, но он все равно обливался потом, запакованный в серый бронежилет и с навешенным на него тяжелым пружинным ружьем и патронташем.

Лалджи застыл. Звериный рык раздался откуда-то из глубины глотки, и собака двинулась вперед. Она обнюхала его одежду, скаля жадные зубы, обнюхала еще раз, затем черная шерсть вокруг шеи начала переливаться синим, она расслабилась и вильнула купированным хвостом. Села. Розовый язык вывалился из улыбающейся пасти. Лалджи кисло улыбнулся собаке в ответ, радуясь, что не везет с собой контрабандных калорий и ему не придется разыгрывать пантомиму послушания, когда патрульный потребует квитанции, и не придется доказывать, будто бы за зерно уплачены все пошлины и все лицензии на руках.

Когда собака поменяла цвет, патрульный тоже несколько расслабился, но все равно внимательно рассмотрел Лалджи, отыскивая в нем сходство с какой-нибудь хранящейся в памяти фотографией. Лалджи терпеливо ждал, знакомый с правилами проверки. Многие пытались присвоить честные прибыли «Агро-Гена» и ему подобных компаний, но, насколько было известно Лалджи, он не числился в картотеках полиции по охране интеллектуальной собственности. Он — торговец антиквариатом, имеющий дело с хламом предыдущего столетия, а не какой-нибудь энергетический бандит, чье изображение хранится в корпоративных фотоархивах.

Наконец патрульный махнул, чтобы он проходил. Лалджи вежливо кивнул и пошел вниз по ступеням к невысокому речному причалу, где стояла его узкая лодка. По реке проползали неуклюжие зерновые баржи, низко сидящие в воде под тяжестью груза.

Движение на реке, хотя и достаточно интенсивное, не могло сравниться с тем, что творилось во время сбора урожая. Тогда калории, выдоенные из таких городков, как этот, заполняли всю Миссисипи вниз по течению. Баржи перекрывали главные потоки речной системы в Миссури, Иллинойсе, Огайо, забивали тысячи мелких рек. Некоторые из этих калорий отправлялись только до Сент-Луиса, где их пожирали мегадонты, отрыгивая джоули, но остальные, основной поток, шли до Нового Орлеана, где ценное зерно грузили на клиперы и дирижабли крупных энергетических компаний. Оттуда они отправлялись по всей земле с попутными ветрами или по морю, чтобы поспеть обратно к следующему посевному сезону и чтобы весь мир продолжал есть.

Лалджи посмотрел, как медленно проходят мимо баржи, перегруженные, раздутые от своего богатства, затем подхватил заведенную пружину и спрыгнул на борт лодки.

Крео лежал на палубе в той же позе, в какой Лалджи оставил его, мускулистое тело намазано маслом и сверкает под солнцем: светловолосый Арджуна,[62] ожидающий славной битвы. Разделенные на косички волосы, цвета спелой пшеницы, рассыпались вокруг головы нимбом, привязанные к концам косичек кости лежали, будто фишки, брошенные гадателем, на горячей палубе. Он не шевельнулся, когда Лалджи спрыгнул на палубу. Лалджи встал перед Крео, мешая тому загорать. Молодой человек медленно открыл голубые глаза.

— Поднимайся. — Лалджи опустил свою ношу на мускулистый живот Крео.

Крео шумно выдохнул и обхватил пружину руками. Он легко сел и переложил тяжесть на палубу.

— А остальные пружины заведены?

Лалджи кивнул. Крео взял пружину и пошел вниз по узкому трапу в машинное отделение. Когда он вернулся, вставив пружину в зубчатую передачу двигателя, то заявил:

— Твои пружины полное дерьмо, все без исключения. Не понимаю, почему ты не поставил что-нибудь побольше. Нам приходится заново заводить их каждые — сколько? — двадцать четыре часа? А на паре больших пружин мы бы прошли весь путь.

Лалджи угрюмо посмотрел на Крео и мотнул головой в сторону патрульного, который все еще стоял на берегу реки, глядя на них сверху. Лалджи заговорил, понизив голос:

— И что мы потом скажем властям Среднего Запада, когда поднимемся вверх по реке? Когда все их патрульные начнут приставать с вопросом, куда это мы собрались. Будут ходить тут, интересуясь, зачем это нам такие большие пружины. И какие это у нас дела выше по течению? — Он покачал головой. — Нет, ни в коем случае. Так лучше. Маленькая лодка, небольшое расстояние, кому тогда какое дело до Лалджи и его глупого белобрысого помощника? Никому. Нет, уж лучше так.

— Ты всегда был дешевкой. Лалджи покосился на Крео.

— Тебе еще повезло, что ты не ходил по реке сорок лет назад. Тогда тебе пришлось бы грести вверх по течению вручную, вместо того чтобы бездельничать, предоставляя выполнять всю работу чудесным заводным пружинам! Вот тогда мы посмотрели бы, на что годятся твои мускулы.

— Если бы мне повезло, я родился бы во времена экспансии и мы до сих пор использовали бы бензин!

Лалджи хотел что-то возразить, но мимо них прошла патрульная лодка, оставляя за кормой глубокий след. Крео метнулся к тайнику, где у них хранились пружинные ружья. Лалджи кинулся вслед за ним и захлопнул крышку тайника.

— Они не за нами!

Крео уставился на Лалджи, какое-то мгновение не понимая, затем облегченно выдохнул. Он отошел от спрятанных ружей. Лодка с патрулем прошла вверх по реке, половина ее палубы была занята массивными высокоточными заведенными пружинами, накопленные джоули так и лились от высвобождающихся молекул. Оставленная лодкой пенная волна раскачала их суденышко. Лалджи ухватился для равновесия за фальшборт, а патрульная лодка уменьшилась до размеров пятна и затем исчезла за растянувшимися цепью баржами, заслоняющими обзор.

Крео выругался вслед лодке:

— Я бы запросто их снял. Лалджи глубоко вздохнул:

— И нас бы перебили.

Он взглянул на берег: заметил ли патрульный, как они запсиховали? Патрульного не было видно. Лалджи мысленно вознес благодарности Ганеше.[63]

— Не люблю, когда они болтаются поблизости, — сетовал Крео. — Они похожи на муравьев. На последнем шлюзе их было четырнадцать. Еще один здесь на берегу. И теперь лодки.

— Мы сейчас в центре энергетической житницы. Ничего удивительного.

— Ты сделаешь на этой поездке кучу денег?

— А почему тебя это интересует?

— Просто ты никогда раньше не брался за такую рискованную работу. — Крео вскинул руку, указывая на город, на возделанные поля, на грязную широкую реку и массивные баржи, перегораживающие ее. — Никто не поднимается так высоко по течению.

— Моей выручки хватает на то, чтобы платить тебе. Это все, что тебе следует знать. А теперь отправляйся за остальными пружинами. Когда ты слишком много думаешь, у тебя мозги размягчаются.

Крео с сомнением покачал головой, но перепрыгнул на причал и пошел вверх по лестнице к кинетической мастерской. Лалджи отвернулся к реке. Тяжело вздохнул.

Патрульная лодка была первым звоночком. Крео слишком уж рвется в драку. Им просто повезло, что они не превратились в куски рваного мяса, расстрелянные из пружинных ружей патрульных. Он устало покачал головой, вспоминая, был ли он хоть когда-нибудь таким же безрассудно самоуверенным, как Крео. Едва ли. Даже когда был мальчишкой. Наверное, Шрирам прав. Даже если Крео и заслуживает доверия, он все равно опасен.

Караван барж, груженных «тотально-питательной пшеницей»,

прополз мимо. Счастливые снопы с их логотипа улыбались по всей грязной реке, обещая «здоровое завтра» заодно с фолатами, витамином B и свиным белком. Еще одна патрульная лодка пронеслась по реке, виляя между баржами. Находившиеся на ее борту патрульные холодно оглядели Лалджи, скользя мимо. У Лалджи по коже пошли мурашки. Стоит ли овчинка выделки? Если бы он как следует подумал, его чутье дельца — взращенное в нем тысячелетним существованием кастового общества — сказало бы ему. «нет». Однако была еще Гита. Когда каждый год на Дивали[64] он подсчитывал свои долги, разве он мог сосчитать все, что задолжал ей? Как можно расплатиться за то, что стоит больше всех прибылей, полученных за всю жизнь?

«Питательная пшеница» неуклюже проползла мимо, бездумно призывая и не давая ответа.

— Ты хотел знать, есть ли что-то такое, что стоит твоего путешествия вверх по реке.

Лалджи с Шрирамом стояли в намоточной «Ганеша Кинетик», наблюдая, как попавшая не по адресу тонна «Супервкуса» обращается в джоули. Пара мегадонтов Шрирама трудилась над мотальными веретенами; громоздкие и неповоротливые, они обращали только что переработанные калории в кинетическую энергию, закручивая главные резервные пружины мастерской.

Прити и Биди. Массивные создания едва ли напоминали слонов, которые некогда снабдили их образцами своих ДНК. Потрошители генов воплотили в них идеально сбалансированное сочетание мускулатуры и аппетита с одной-единственной целью: поглощать калории и безропотно выполнять чудовищные объемы работы. Исходящий от них запах стоял повсюду. Мегадонты двигались с трудом.

«Животные стареют», — подумал Лалджи, и вслед за этой мыслью пришла другая: он и сам стареет. Каждое утро он находил новые седые волоски в усах. Он, естественно, выдирал их, но на их месте все время вырастали новые. А теперь еще и суставы стали болеть по утрам. Да и у самого Шрирама голова блестела, как полированное дерево. Он когда-то успел облысеть. Жирный и лысый. Лалджи не понимал, когда они умудрились сделаться такими старыми.

Шрирам повторил вопрос, и Лалджи отмахнулся от своих мыслей.

— Нет, мне ничего не нужно вверх по течению. Это вотчина энергетических компаний. Я уже смирился с тем, что ты развеешь мои останки над Миссисипи, а не над священным Гангом, но я не настолько сильно стремлюсь в следующую жизнь, чтобы позволить своему телу болтаться по волнам где-нибудь в Айове.

Шрирам нервно заломил руки и огляделся. Он понизил голос, хотя равномерного стона шпинделей было вполне достаточно, чтобы заглушить любой звук.

— Прошу тебя, друг, есть люди… которые хотят… убить этого человека.

— А меня это должно волновать? Шрирам успокаивающе замахал руками:

— Он знает, как делать калории. «Агро-Ген» мечтает до него добраться, и очень сильно. То же самое и «Чистые Калории». Он отрекся от них и всех подобных компаний. Его интеллект дорогого стоит. Он нуждается в ком-то надежном, кто мог бы переправить его вниз по реке. Кто не дружен с патрулями.

— И раз он враг «Агро-Гена», я должен ему помогать? Какой-нибудь бывший компаньон клики из Де-Мойна? Какой-то экс-добытчик калорий, руки которого в крови, и ты думаешь, что он поможет тебе делать деньги?

Шрирам покачал головой:

— Ты говоришь так, будто этот человек нечистый.

— Мы говорим о потрошителе генов, верно? Разве он может обладать какой-то моралью?

— Он генетик. Не потрошитель генов. Генетики дали нам мегадонтов. — Он махнул на Прити и Биди. — А мне — средства к существованию.

Лалджи развернулся к Шрираму:

— Так ты, значит, находишь утешение в подобных смысловых тонкостях? Ты, человек, погибавший от голода в Ченнаи, когда все зерно было заражено генерированным «Ниппоном» долгоносиком? Когда земля превратилась в алкоголь? Когда «Ю-Текс», «Хай-Рост» и все прочие культуры пришлись так кстати? Ты, кто с остальными торчал в порту, когда прибыло зерно, и видел, как его огородили и приставили охрану в ожидании, когда явятся люди с деньгами, чтобы его купить? Что общего может быть у меня с подобными людьми? Да я скорее плюну ему в глаза, этому специалисту по калориям. Да пусть его схватят черти из «Чистых Калорий», вот что я скажу!

Город оказался ровно таким, как описывал Шрирам. Тополя и ивы росли по берегам реки, а над ними висели остатки моста, кое-где над водой еще виднелась призрачная паутина поломанных ферм и обвалившихся опор. Лалджи с Крео глядели на ржавеющую конструкцию, паучью сеть из стали, кабелей и бетона, плавно уходящую в воду.

— Как ты думаешь, сколько можно взять за сталь? — спросил Крео.

Лалджи кинул в рот горсть семечек подсолнуха «Пест-Резист» и принялся разминать их зубами. Он сплевывал шелуху, одну за другой, в реку.

— Немного. Слишком много энергии уйдет на то, чтобы вытащить, а потом переплавить. — Он помотал головой и в очередной раз сплюнул. — Слишком убыточно связываться со сталью. Лучше использовать фастгенное твердое дерево или «всепогодные».

— Но ими не покрыть такого расстояния. Сейчас такого не делают. Разве что в Де-Мойне. Я слышал, они там жгут уголь.

— И еще у них электрические фонари, которые горят всю ночь, и компьютеры размером с дом. — Лалджи махнул рукой, решив сменить тему, и отвернулся, чтобы закончить швартовку. — Кому теперь нужен такой мост? Убыточно. Паром с мулом послужат не хуже.

Он спрыгнул на берег и полез вверх по разрушенным ступеням, уводящим от реки. Крео пошел за ним.

На вершине крутого подъема начинался разрушенный пригород. Построенный, чтобы обслуживать большие города далеко за рекой, когда поездки были делом обычным, а бензин — дешевым, сейчас пригород достиг последней стадии разрушения. Никчемный город, выстроенный из дешевых материалов, быстротечный, как вода, и легко оставленный, когда ездить из него на работу стало слишком накладно.

— Что, черт возьми, это за место? — спросил Крео. Лалджи цинично улыбнулся. Он кивнул на зеленые поля за рекой, до самого горизонта поросшие «СоейПРО» и «Хай-Ростом».

— Настоящая колыбель цивилизации, а? «Агро-Ген», «Растениевод Среднего Запада», «Чистые Калории», у всех здесь поля.

— Правда? Тебя это волнует?

Лалджи развернулся и поглядел на караван барж, идущий вниз по течению; с высокого берега они уже не казались такими чудовищно громадными.

— Если бы мы смогли превратить все эти калории в безликие джоули, то сделались бы богачами.

— Давай мечтай дальше. — Крео глубоко вдохнул и потянулся. У него в спине хрустнуло, и он поморщился от этого звука. — Я теряю форму, когда так долго правлю лодкой. Надо мне было остаться в Новом Орлеане.

Лалджи удивленно поднял брови:

— Тебе не нравится наше путешествие? — Он указал на реку. — Где-то там, может быть, на этих самых акрах, «Агро-Ген» создал «СоюПРО». И все кругом думали, какие они замечательные

люди. — Он поморщился. — А потом пришел долгоносик, и вдруг всем оказалось нечего есть.

Крео скорчил рожу:

— Я не вникаю во все эти тайные заговоры.

— Ты даже не родился, когда это произошло. — Лалджи развернулся и повел Крео в разрушенный пригород. — Зато я помню. Ничего подобного никогда раньше не случалось.

— Монокультуры. Они уязвимы.

— «Басмати»[65] не был монокультурой! — Лалджи махнул рукой назад, на зеленые поля. — «СояПРО» — монокультура. «Чистые Калории» — монокультура. Потрошители генов создают монокультуры.

— Как скажешь, Лалджи.

Лалджи мелком взглянул на Крео, пытаясь понять, собирается ли молодой человек продолжать спор, но тот внимательно оглядывал разрушенную улицу, и Лалджи ничего больше не сказал. Он пошел дальше по улице, следуя заученным указаниям.

Все улицы были нелепо широкие и совершенно одинаковые, такие просторные, что по ним могло бы запросто пройти стадо мегадонтов. Двадцать велорикш легко проехали бы по таким улицам бок о бок, а этот город был всего лишь вспомогательным пригородом. После такой мысли Лалджи побоялся размышлять дальше на тему, как сильно изменилась жизнь.

Ватага детишек наблюдала за ними из дверного проема разрушенного дома. Половины досок в нем не хватало, оставшаяся половина была разбита и торчала из фундамента, как кости скелета, с которого содрали все мясо.

Крео показал детям свое пружинное ружье, и они разбежались. Он выругался вслед удаляющимся фигурам.

— Какого лешего мы здесь ищем? Ты охотишься за какой-то очередной древностью?

Лалджи пожал плечами:

— Ну, говори уже. Все равно через пару минут мне придется тащить это на борт. К чему такие тайны?

Лалджи взглянул на Крео:

— Тебе ничего не придется тащить. Это человек. Мы ищем одного человека.

Крео недоверчиво хмыкнул. Лалджи не удосужился ответить.

Они подошли к перекрестку. Посреди дороги лежал старый разбитый светофор. Вокруг него, сквозь асфальт, пробивалась уже отцветшая трава. Торчали желтые головки одуванчиков. На другой стороне перекрестка поднималось высокое кирпичное здание, руины культурного очага, продолжающего стоять,

выстроенного из лучших материалов, чем дома, которые он обслуживал.

Чеширец промчался по зарослям сорняков. Крео попытался его подстрелить. Промазал.

Лалджи изучал кирпичное здание.

— Это здесь.

Крео проворчал что-то и выстрелил в другого промелькнувшего чеширца.

Лалджи подошел рассмотреть разбитый светофор, из праздного интереса пытаясь понять, стоит ли он чего-нибудь. Светофор был ржавый. Лалджи медленно обошел вокруг него, прикидывая, не прихватить ли что-нибудь с собой вниз по реке. В некоторых руинах периода экспансии до сих пор сохранились ценные предметы. В таком же вот месте он нашел вывеску «Коноко», в пригороде, который вскоре поглотили поля «СоиПРО». Вывеска сохранилась идеально, очевидно, она никогда не висела под открытым небом и не стала жертвой разъяренных толп во время энергетического уплотнения. Он продал ее представителю «Агро-Гена» более чем за целый контрабандный груз «Хай-Роста».

Женщину из «Агро-Гена» вывеска развеселила. Она повесила ее на стену в окружении менее значительных артефактов эпохи экспансии: пластиковых стаканов, компьютерных мониторов, фотографий с несущимися автомобилями, ярко раскрашенными детскими игрушками. Она повесила вывеску на стену, а затем отошла, пробормотав, что, судя по всему, это была мощная компания… даже международная. Международная.

Она произнесла это слово почти с сексуальным вожделением, разглядывая красочный полимер. Международная.

На какой-то миг Лалджи захватила представшая перед ней картина: компания, добывающая энергию в самых удаленных частях планеты и продающая ее еще дальше спустя какое-то время, компания, у которой покупатели и инвесторы — со всех континентов, а ее представители пересекают часовые пояса так же привычно, как Лалджи переходит улочку, чтобы навестить Шрирама.

Женщина из «Агро-Гена» повесила вывеску на стену, как голову трофейного мегадонта, и в этот момент, находясь рядом с предметом, олицетворяющим самую мощную энергетическую компанию на свете, Лалджи ощутил вдруг острую тоску из-за того, насколько измельчало человечество.

Лалджи стряхнул с себя воспоминания и снова медленно оглядел перекресток, отыскивая признаки присутствия его будущего пассажира. Полным-полно чеширцев резвилось на

руинах, их дымные мерцающие тела вспыхивали на солнце и исчезали в тени. Крео снова взвел пружину ружья и выбросил облако дисков. Мерцание дернулось и застыло, превратившись в тусклые, черно-бело-рыжие кровавые ошметки.

Крео снова перезарядил пружинное ружье.

— Так где этот тип?

— Думаю, он появится. Если не сегодня, то завтра или через день.

Лалджи поднялся по ступеням культурного центра и протиснулся между створками дверей. Внутри не было ничего, кроме пыли, сумрака и птичьего помета. Он отыскал лестницу и поднимался по ней, пока не нашел разбитое окно, из которого можно было выглянуть. Порыв ветра загромыхал рамой окна и дернул Лалджи за усы. Пара ворон кружила в голубом небе. Внизу Крео перезарядил ружье и выстрелил в очередного мерцающего чеширца. В ответ раздалось сердитое мяуканье. Кровавые пятна расползались по поросшей сорняками мостовой, стайка животных пустилась наутек.

Вдалеке окраины пригорода уже перетекали в поля. Его время сочтено. Скоро дома запашут, и все здесь покроет безупречный ковер «СоиПРО». История пригорода, пусть глупая и быстротечная, позабудется, растоптанная под пятой идущего маршем энергетического развития. Небольшая потеря с точки зрения здравого смысла, однако же где-то в глубине души Лалджи коробило от мысли о стирании времени. Он слишком много времени потратил, пытаясь вспомнить Индию своего детства, чтобы испытывать удовольствие от ее исчезновения. Он спустился по запыленной лестнице обратно к Крео.

— Никого не нашел?

Лалджи покачал головой. Крео хмыкнул и выстрелил в очередного чеширца, чуть не попал. Он хорошо стрелял, только едва видимые животные представляли собой нелегкую мишень. Крео взвел пружину и снова выстрелил.

— С ума сойти, сколько здесь чеширцев!

— Здесь их некому истреблять.

— Хочу забрать шкурки и отвезти их в Новый Орлеан.

— Только не на моей лодке.

Многие из мерцающих животных разбежались, наконец сообразив, на что способен их враг. Крео снова взвел пружину и прицелился в дрожащий огонек дальше по улице.

Лалджи с благодушным видом наблюдал.

— Ни за что не попадешь.

— Смотри. — Крео старательно целился. На них упала чья-то тень.

— Не стреляйте!

Крео развернулся вместе с ружьем. Лалджи замахал на него рукой:

— Стой! Это он!

Вновь прибывший оказался худощавым стариком, лысым, если не считать засаленного седого пуха и бровей, тяжелая нижняя челюсть густо заросла щетиной. Грязная и изодранная мешковина прикрывала его тело, в запавших глазах светилось некое знание, пробудившее в Лалджи давнее воспоминание о виденном когда-то садху,[66] посыпанном пеплом, все это — спутанные волосы, пренебрежение к одежде, отстраненность во взгляде — результат просветленности. Лалджи прогнал от себя воспоминание. Этот человек вовсе не святой старец. Просто человек, к тому же потрошитель генов.

Крео снова прицелился в далекого чеширца.

— На юге я получил бы по голубой банкноте за каждого убитого зверя.

— Здесь вам никто ничего не заплатит, — сказал старик.

— Верно, но это же вредители.

— Не их вина, что мы сделали их слишком совершенными. — Старик неуверенно улыбнулся, словно примеряя новое выражение лица. — Прошу вас. — Он опустился перед Крео на колени. — Не стреляйте.

Лалджи положил руку на пружинное ружье Крео.

— Оставь чеширцев в покое.

Крео нахмурился, но все-таки разрядил механизм, раздался вздох высвободившейся энергии.

Специалист по калориям произнес:

— Я Чарльз Бауман. — Он выжидающе смотрел на них, будто надеясь быть узнанным. — Я готов. Я могу ехать.

Гита умерла, теперь Лалджи был в этом уверен.

Временами он притворялся, будто может быть иначе. Притворялся, будто она могла обрести какую-то новую жизнь, даже после того, как он уехал.

Но она умерла, и он был в этом уверен.

Это был его тайный позор. Один из наростов на его жизни, приставший к нему, словно собачье дерьмо к ботинкам, умаляющий его в собственных глазах; как и тот случай, когда он кинул камень и разбил голову мальчику, без всякой причины, просто посмотреть, сможет ли, или когда он выкапывал из земли зерна и съедал одно за другим, слишком оголодавший, чтобы с кем-то делиться. А потом была Гита. Вечно была Гита. И то, как он бросил ее и уехал, чтобы жить поближе к калориям. И то, как

она стояла в доках и махала, когда он отчаливал, хотя она сама оплатила его переезд.

Он помнил, как догонял ее, когда был маленьким, следуя за шуршанием шальвар-камиза,[67] а она мчалась впереди, волосы черные и черные глаза и белые-пребелые зубы. Он не знал, действительно ли она была так красива, как он помнил. В самом ли деле ее умащенная черная коса блестела так, как ему казалось, когда она сидела с ним в темноте, рассказывая истории об Арджуне и Кришне,[68] Раме[69] и Ханумане.[70] Как много всего потеряно! Он задумывался иногда, правильно ли он помнит ее лицо, или же он подменил его лицом какой-нибудь болливудской актрисы[71] со старого плаката, одного из древних плакатов, которые Шрирам держал в укромном месте в мастерской и ревностно оберегал от влияния света и воздуха.

Долгое время он думал, что вернется назад и отыщет ее. Что сможет ее накормить. Что станет посылать деньги и пищу на свою истребленную насекомыми родину, существующую ныне лишь в его воображении, в его снах, когда он в полусознательном состоянии бредил пустыней, черными и красными сари, женщинами в песках, их черными волосами и серебряными браслетами и голодом, — последние его воспоминания были полны голода.

Он фантазировал, что сумеет контрабандой перевезти Гиту через сверкающее море, поближе к бухгалтерам, высчитывающим квоты на сожжение калорий для всего мира. Поближе к калориям, как однажды сказала она сама, давным-давно. Поближе к людям, которые обеспечивали стабильные цены, учитывая возможные ошибки, и управляли энергетическим рынком, защищая его от переизбытка пищи. Поближе к этим маленьким божкам, в чьей власти, большей, чем у Кали,[72] было разрушить мир.

Но теперь она уже умерла, либо от голода, либо от болезней, он был в этом уверен.

Уж не поэтому ли Шрирам обратился к нему? Шрирам знал о его жизни больше, чем кто-либо другой. Шрирам нашел его вскоре после его приезда в Новый Орлеан, узнал в нем своего соотечественника, не одного из индийцев, давно обосновавшихся в Америке, а того, кто говорит на диалектах деревень пустыни, кто все еще помнит, какой был страна до нашествия генномодифицированного долгоносика, листоверток и корневой гнили. Шрирам спал на полу рядом с ним, когда они оба работали в намоточных мастерских за одни лишь калории, и ничего больше, и были благодарны и за это, как будто бы они сами были модифицированными долгоносиками.

Естественно, Шрирам сумел подобрать слова, чтобы

отправить его вверх по течению. Шрирам знал, как сильно он хочет привести в равновесие то, что его утратило.

Они шли за Бауманом по пустым улицам, сворачивали в сохранившиеся переулки, петляли между изъеденными термитами деревянными постройками, спотыкались о бетонные фундаменты и металлическую арматуру, слишком бесполезную, чтобы брать ее с собой, и слишком упрямую, чтобы проржаветь и рассыпаться. Наконец старик заставил их протиснуться между ободранными корпусами двух ржавых автомобилей. Пройдя между ними, Лалджи с Крео ахнули.

Подсолнухи качались у них над головами. Заросли широких плотных листьев хлестали по ногам. Сухие кукурузные стебли шуршали на ветру. Бауман обернулся на их удивленные возгласы, и его улыбка, сначала неуверенная, сделалась широкой от нескрываемого удовольствия. Он засмеялся и замахал, предлагая идти дальше, продираясь через сад из цветов, и трав, и еды, цепляясь своей драной мешковиной за высохшие кочаны капусты, на которых зрели семена, и путаясь в плетях канталуп. Крео с Лалджи пробирались сквозь заросли, огибая лиловые кусты баклажанов, помидоры с алыми круглыми плодами, шуршащие оранжевые перцы. Пчелы громко гудели между подсолнухами, тяжело нагруженные пыльцой.

Лалджи остановился среди зарослей и окликнул Баумана:

— Все эти растения, они не созданы?

Бауман остановился и пошел назад, вытирая с лица пот и овощной сок, улыбаясь:

— Ну, смотря что подразумевается под словом «созданные», но нет, эти растения не принадлежат ни одной энергетической компании. Некоторые из них — даже прямые наследники настоящих. — Он снова улыбнулся. — Или очень близкие родственники.

— Как же они выжили?

— Ах, это. — Он протянул руку и сорвал помидор. — Генномодифицированные долгоносики «Ниппона», листовертки или, может быть, цибискозные бактерии, вы это имеете в виду? — Он впился зубами в помидор, и сок брызнул на его заросший седой щетиной подбородок. — На многие сотни миль нет других наследников настоящих растений. Это островок в океане «СоиПРО» и «Хай-Роста». Они образуют вокруг непреодолимый барьер. — Он задумчиво посмотрел на сад и снова откусил кусок помидора. — Но теперь, когда приехали вы, разумеется, выживут лишь немногие из этих растений. — Он покивал Лалджи и Крео. — Вы принесли с собой какую-нибудь инфекцию, а

большинство этих раритетов способно выжить только в полной изоляции. — Он сорвал еще один помидор и протянул его Лалджи. — Попробуйте.

Лалджи посмотрел на блестящую алую кожицу. Откусил кусочек и ощутил разом сладость и кислоту. Улыбаясь, он протянул помидор Крео, тот откусил кусок и поморщился от отвращения.

— Меня устраивает «СояПРО».

Он отдал помидор Лалджи, который с жадностью прикончил его.

Бауман улыбнулся аппетиту Лалджи:

— Думаю, вы достаточно пожилой человек, чтобы помнить, какой была настоящая еда. Можете есть до нашего отъезда, сколько захотите. Они все равно погибнут.

Он развернулся и снова побрел через заросший сад, отводя в стороны сухие кукурузные стебли властными движениями рук.

За садом стоял разрушенный дом, накренившийся так, будто на него сел мегадонт, прогнувшиеся стены были в дырах. Обрушившаяся крыша съехала набок, с одной стороны находился водоем, глубокий и спокойный; его гладь тревожили только водомерки. Была прорыта дренажная канава, чтобы направлять дождевую воду в пруд.

Бауман обогнул пруд по краю и исчез на ведущей вниз крошащейся лестнице. К тому времени, когда Лалджи с Крео нагнали его, он уже завел пружину фонарика, и его тусклая лампочка неровным светом заливала подвал, пока раскручивалась пружина. Он еще раз завел фонарик, озираясь кругом, потом нашарил спички и зажег лампу. Замоченный в растительном масле фитиль давал высокое пламя.

Лалджи осмотрел подвал. Здесь было пусто и сыро. Пара соломенных тюфяков лежала на разбитом бетонном полу. В углу находился компьютер, корпус красного дерева и крошечный экран поблескивали, ножной привод был истерт от частого употребления. У стены располагалась кухня, где на полках буфета во множестве выстроились банки с зерном, мешочки с продуктами свисали с потолка, чтобы до них не добрались грызуны.

Старик указал на стоящий на полу рюкзак:

— Вот мой багаж.

— А что делать с компьютером? — спросил Лалджи. Бауман хмуро посмотрел на машину:

— Ничего. Он мне не нужен.

— Но он стоит денег.

— Все, что мне требуется, заключено у меня в голове. Все, что

есть в этой машине, идет от меня. Мой жир превратился в знания. Мои калории с помощью ножного привода перешли в анализ данных. — Он поморщился. — Иногда я гляжу на этот компьютер, и все, что вижу, — себя, сходящего на нет. Я когда-то был толстяком. — Он многозначительно покачал головой. — Я не стану по нему скучать.

Лалджи начал протестовать, но тут Крео вздрогнул и вскинул пружинное ружье:

— Здесь еще кто-то есть.

Лалджи увидел ее, пока Крео говорил: девушку, сидящую на корточках в углу, скрытую тенью, худенькое, внимательно глядящее веснушчатое создание со слипшимися каштановыми волосами. Крео со вздохом опустил ружье.

Бауман помахал рукой:

— Выходи, Тази. Это те люди, о которых я тебе рассказывал.

Лалджи пытался понять, сколько времени она просидела вот так, в темноте подвала, дожидаясь. Она производила впечатление существа, которое почти срослось с этим подвалом: висящие сосульками волосы, темные глаза, почти поглощенные расширенными зрачками. Он развернулся к Бауману:

— Мне казалось, речь шла только о вас. Радостная улыбка Баумана угасла.

— И вы из-за этого повернете назад?

Лалджи рассматривал девушку. Кто она, любовница? Его дочь? Удочеренная дикарка? Он так и не решил. Девушка втиснула ладонь в ладонь Баумана. Старик успокаивающе похлопал ее по руке. Лалджи помотал головой:

— С ней нас будет слишком много. Я согласился доставить вас. Я продумал способ, как вас перевезти, как спрятать от пограничников и патрулей. А ее, — он махнул рукой в сторону девушки, — я брать не обязан. И вас-то везти — слишком рискованно, а с ней риску — в два раза больше? Нет. — Он энергично замотал головой. — Это невозможно.

— Но какая разница? — спросил Бауман. — Это ничего вам не стоит. Сила течения перевезет нас всех. У меня есть запас пищи на нас обоих. — Он подошел к буфету и принялся снимать стеклянные банки с бобами, чечевицей, кукурузой и рисом. — Вот, смотрите.

— Пищи у нас более чем достаточно, — ответил Лалджи.

— Надо полагать, «СоиПРО»? — покривился старик.

— А чем плоха «СояПРО»? — возмутился Крео.

Старик усмехнулся и взял банку зеленой фасоли, плавающей в рассоле.

— Конечно, ничем не плоха. Но человеку необходимо

разнообразие. — Он принялся набивать рюкзак новыми банками, беззаботно позволяя им стукаться друг о друга. Он уловил презрительное сопение Крео, улыбнулся и вдруг пояснил заискивающе: — На всякий случай, если вдруг все остальное закончится. — Он закинул в рюкзак еще несколько банок.

Лалджи рубанул по воздуху рукой:

— Ваша еда не проблема. Проблема — ваша девушка, с ней опасно!

Бауман покачал головой:

— Никакой опасности. Никто даже не посмотрит на нее. Она даже может ехать не прячась.

— Нет. Вам придется ее оставить. Я ее не возьму. Старик в сомнении посмотрел на девушку. Она в ответ взглянула на старика, вырвав свою руку из его.

— Я не боюсь! Я могу пока пожить здесь. Как и раньше.

Бауман нахмурился, о чем-то задумавшись, и в конце концов покачал головой:

— Нет! — Он поднял взгляд на Лалджи: — Если она не может поехать, то не могу и я. Она кормила меня, пока я работал. На мои исследования уходили те калории, которые должны были достаться ей. Я слишком многим ей обязан. Я не оставлю ее волкам, рыщущим по округе.

Он положил руки девушке на плечи и поставил ее перед собой, между ним и Лалджи. Крео поморщился:

— Какая разница-то? Возьми ее. У нас полно свободного места.

Лалджи, не соглашаясь, покачал головой. Они с Бауманом пристально глядели друг на друга.

— А может, он отдаст нам компьютер? И мы в расчете, — предложил Крео.

Лалджи упрямо мотнул головой:

— Нет. Меня не волнуют деньги. Слишком опасно везти ее с собой.

Бауман засмеялся:

— Зачем же вы проделали весь этот путь, если боитесь? Половина энергетических компаний хочет меня прикончить, а вы говорите о какой-то опасности!

Крео нахмурился:

— О чем это он толкует?

Брови Баумана поползли вверх от изумления.

— Так вы не рассказали обо мне вашему товарищу? Крео переводил взгляд с Лалджи на Баумана и обратно.

— Лалджи?

Лалджи глубоко вздохнул, все еще не сводя взгляда с

Баумана.

— Говорят, он может подорвать энергетические монополии. Может воссоздать «СоюПРО».

Крео на миг обомлел:

— Это невозможно! Бауман пожал плечами:

— Для вас, может быть. Но для человека, обладающего знаниями?.. По доброй воле посвятившего жизнь спиралям ДНК? Более чем возможно. — Он обхватил руками свою худущую девчонку и прижал к себе. Улыбнулся Лалджи. — Итак? Мы пришли к какому-нибудь соглашению?

Крео покачал головой, сбитый с толку.

— Я-то думал, ты затеял денежное дело, Лалджи, но это… — Он снова покачал головой. — Не понимаю. Как, черт побери, мы сможем сделать на таком деньги?

Лалджи одарил Крео мрачным взглядом. Бауман улыбался, терпеливо дожидаясь, а Лалджи боролся с желанием запустить лампу в лицо этому человеку, такому методичному, такому уверенному в себе, такому верному…

Он резко развернулся и пошел к лестнице.

— Бери компьютер, Крео. Если из-за его девчонки у нас будут какие-нибудь неприятности, мы вышвырнем обоих в реку, а его знания останутся с нами, — бросил он на ходу.

Лалджи помнил, как его отец отодвигал тхали,[73] притворяясь, будто бы уже сыт, хотя дал[74] едва покрывал дно стальной тарелки. Он помнил, как мать подкладывала ему лишний кусочек. Он помнил Гиту, глядевшую пристально и молча, а затем все они поднимались с общей кровати, на которой сидели с поджатыми под себя ногами, и лихорадочно принимались за какие-то дела, нарочито не обращая внимания на него, доедающего дополнительную порцию. Он помнил вкус лепешек-роти во рту, сухих, как зола, которые он все равно заставлял себя глотать.

Он помнил посадки. Он сидел на корточках рядом с отцом в знойной пустыне, весь облепленный желтой пылью, и сажал семена, которые они сберегли, сохранили, хотя их можно было бы съесть, скопили, хотя с их помощью Гита могла бы потолстеть и выйти замуж; и отец, улыбаясь, говорил:

— Эти семена породят сотни новых семян, и тогда все мы будем есть досыта.

— А сколько семян они породят? — спрашивал Лалджи.

И отец смеялся и раскидывал руки во всю ширь и казался таким сильным и большим со своими белыми крупными зубами, красными и золотыми серьгами, с морщинками вокруг глаз, когда

кричал в ответ: «Сотни! Тысячи, если ты будешь молиться!» Лалджи молился, молился Ганеше и Лакшми, Кришне и Рани Сати,[75] Раме и Вишну,[76] каждому богу, какого мог припомнить, присоединяясь к множеству крестьян, делавших то же самое, пока он поливал водой из колодца крошечные зерна или стоял на страже в темноте на случай, если кто-нибудь захочет выкопать бесценные семена и перевезти на какое-нибудь другое поле.

Он сидел там каждую ночь, пока над головой не загорались холодные звезды, глядя на ряды семян, ожидая, поливая, молясь и снова ожидая до того дня, когда отец покачал головой и сказал, что все без толку. Но он и тогда еще надеялся, пока наконец не пришел на поле и не выкопал зерна, одно за другим, и обнаружил, что они уже испортились; крошечные трупики лежали у него на ладонях, сгнившие. Такие же безжизненные, как и в тот день, когда они с отцом посадили их.

Он сидел скорчившись в темноте и поедал холодные мертвые семена, понимая, что должен поделиться ими, но был не в силах обуздать свой голод и отнести зерна домой. Он сожрал их в одиночку, наполовину сгнившие и испачканные землей, тогда он впервые ощутил истинный вкус «Чистых Калорий».

В свете раннего утра Лалджи омывался в самой священной реке усыновившей его земли. Он погружался в илистые воды Миссисипи, смывая с себя груз сна, очищая себя перед лицом богов. Он забрался обратно на палубу, скользкий от воды, — с плавок текло, коричневая кожа блестела, — насухо вытерся полотенцем, глядя на противоположный берег, где восходящее солнце кидало золотистые блики на рябую поверхность реки.

Он закончил вытираться и надел новую, чистую одежду, прежде чем отправиться к своим святыням. Он зажег перед богами благовония, положил «Ю-Тех» и «СоюПРО» перед крошечными резными идолами Кришны и его супруги, щедрой Лакшми, перед Ганешей с головой слона. Он опустился перед идолами на колени, пал ниц и молился.

Они плыли на юг по течению реки, легко расставаясь с яркими осенними деньками, глядя, как листья меняют цвет и наступает холодная погода. Умиротворенное небо висело над головой и отражалось в реке, превращая грязные воды Миссисипи в мерцающую синеву, и они двигались по этой синей дороге на юг, следуя по главному потоку реки, оставляя позади бухты и притоки и забившие их караваны барж, а сила течения увлекала лодку вперед, выполняя всю необходимую работу.

Лалджи был рад этому плавному движению вниз по реке. Первые шлюзы уже остались позади, и он был свидетелем того,

как вынюхивающие ищейки патрульных проходили мимо того места под палубой, где прятался Бауман. Лалджи начал надеяться, что поездка окажется такой легкой, как обещал Шрирам. Тем не менее он молился дольше и горячее каждый раз, когда полицейские патрули проносились мимо на своих скоростных судах, и он подкладывал дополнительную порцию «СоиПРО» идолу Ганеши, в отчаянной надежде, что Устранитель Препятствий и дальше будет их устранять.

К тому времени, когда он завершил утреннее священнодействие, зашевелились все остальные. Крео спустился вниз и отправился на камбуз. Бауман пришел вслед за ним, ругая «СоюПРО» и предлагая что-то из наследников прежних культур, которых Крео с подозрением отверг. Тази сидела на палубе, закинув в воду удочку, в надежде выловить одного из увесистых неповоротливых живолососей, которые время от времени били хвостами по днищу судна в теплой мутной воде.

Лалджи отвязал лодку и занял свое место у руля. Он снял ступоры с пружин, и лодка выбралась на стремнину, накопленные джоули сочились из драгоценных пружин ровным потоком по мере высвобождения молекул, одной за другой, надежные от первого витка до последнего. Он пристроил лодку между неуклюжими зерновыми баржами и снова застопорил пружины, ложась в дрейф.

Бауман с Крео вернулись на палубу, Крео как раз спрашивал:

— …знаешь, как вырастить «СоюПРО»? Бауман засмеялся и сел рядом с Тази.

— И что с того толку? Патрули найдут поля, потребуют лицензии, а если их не предъявишь, поля будут жечь, жечь и снова жечь.

— Так какая от тебя польза?

Бауман улыбнулся и ответил вопросом на вопрос:

— «СояПРО», каким самым ценным качеством она обладает?

— Высокой калорийностью.

Резкий смех Баумана разнесся над рекой. Он взъерошил волосы Тази, и они обменялись изумленными взглядами.

— Ты насмотрелся рекламных плакатов «Агро-Гена»! «Энергия — миру», как же, как же… О, «Агро-Ген» и им подобные должны просто обожать вас. Таких легковерных, таких… сговорчивых. — Он снова засмеялся и покачал головой. — Нет. Любой может создать высококалорийные растения. Что еще?

Крео, уязвленный, сказал:

— Они устойчивы к долгоносику.

На лице Баумана появилось хитрое выражение.

— Уже ближе, да. Непросто создать растение, устойчивое к

долгоносику, к листовой ржавчине, почвенным бактериям, поражающим корни… Сколько напастей одолевает нас в современном мире, сколько тварей покушается на наши растения, но подумай еще, за что мы больше всего любим «СоюПРО»? Мы, «Агро-Ген», который «обеспечивает мир энергией»? — Он махнул рукой на караван барж, раскрашенных рекламой «Супервкуса». — Что делает «Супервкус» настолько идеальным с точки зрения перспектив энергетических компаний? — Он повернулся к Лалджи. — Ты-то ведь знаешь, индиец, верно? Разве не поэтому ты проделал такой большой путь?

Лалджи пристально посмотрел на него. Когда он заговорил, голос его звучал хрипло:

— Их зерна стерильны.

Бауман смотрел Лалджи в глаза. Улыбка сошла с его лица. Он наклонил голову:

— Да. Именно так, именно. Генетический тупик. Дорога в один конец. Мы теперь платим за привилегию, которую природа дала нам добровольно, в обмен всего лишь на незначительный труд. — Он снова взглянул на Лалджи. — Прости. Я должен был подумать, прежде чем задавать тебе этот вопрос. Наверное, ты больше, чем кто-либо из нас, знаешь цену всем оптимистическим заявлениям.

Лалджи покачал головой:

— Можешь не извиняться. — Он кивнул на Крео. — Расскажи ему все остальное. Расскажи ему, что ты умеешь. Что ты, как мне сказали, можешь.

— Кое-что лучше оставлять не высказанным вслух. Лалджи это не обескуражило.

— Расскажи ему. Расскажи мне. Еще раз. Бауман пожал плечами.

— Если ты ему доверяешь, значит, я тоже должен ему доверять, верно? — Он повернулся к Крео. — Ты ведь знаешь чеширцев?

Крео фыркнул, выражая свое отвращение.

— Они вредители сельского хозяйства.

— Ах да! По голубой банкноте за каждого мертвого зверя. Я и забыл. Но что же делает наших чеширцев такими паразитами?

— Они линяют. Они уничтожают птиц.

— И?.. — подталкивал его Бауман. Крео пожал плечами.

— Подумать только, ради таких людей я даром растрачиваю жизнь на исследования, а свои калории — на компьютерные циклы. — Бауман покачал головой. — Ты назвал чеширцев заразой, действительно, они и есть зараза. Нашлось несколько зажиточных заказчиков, одержимых Льюисом Кэрроллом, и

чеширцы вдруг появились повсюду, прямые наследники обычных кошек, убивающие птиц, вопящие по ночам, но, что самое важное, их потомки, в поразительных девяноста двух процентах из ста, тоже чеширцы, чистокровные, абсолютные. Мы создали новый вид в мгновение ока, с точки зрения эволюции, и популяция певчих птиц исчезла почти с той же скоростью. Из-за более совершенного хищника, и, что самое важное, хищника, который размножается.

С «СоейПРО», с «Ю-Техом» энергетические компании могут выдавать патенты на растения, использовать полицию по охране интеллектуальной собственности и чувствительных псов, чтобы вынюхивать то, что им принадлежит, но даже полицейские патрули могут только лишь инспектировать все эти акры. Самое главное — семена стерильны, это вещь в себе. Кое-кто может украсть немного, там или тут, как делаете вы с Лалджи, но в конечном счете это всего лишь небольшие потери от общих чудовищно больших прибылей, поскольку никто, кроме энергетических компаний, не может вырастить из этих семян растения.

Но что произойдет, если мы придадим «СоеПРО» новые качества, тайком, как мужчина приходит к жене лучшего друга? — Он взмахнул руками, указывая на зеленые поля, тянущиеся вдоль реки. — Что, если кто-нибудь посеет неких бастардов среди этих лицензированных драгоценностей, окружающих нас? До того, как энергетические компании соберут урожай и разошлют клиперы своей могучей флотилии, груженные сжатым зерном по всему миру, до того, как лицензированные дилеры доставят патентованный урожай своим покупателям. Какого рода семена они в таком случае соберут?

Бауман начал загибать пальцы на руке, перечисляя:

— Устойчивые к долгоносику и листовертке, да. Высококалорийные, да, разумеется. Генетически отличные и, следовательно, незапатентованные? — Он коротко улыбнулся. — Может быть. Но самое главное, способные давать потомство. Необычайно плодовитые. Зрелые, калорийные, потенциально способные к воспроизводству. — Он подался вперед. — Только представьте. Семена, развезенные по всему миру теми же самыми рогоносцами, которые все время сжимали их в кулаке, все эти семена, жаждущие размножаться, жаждущие дать чудесное потомство с полным набором тех самых качеств, которыми в первую очередь им запрещалось обладать! — Он захлопал в ладоши. — О, что это будет за зараза! И с какой скоростью она распространится!

Крео смотрел во все глаза, на его лице отображалось нечто среднее между ужасом и восторгом.

— И ты можешь это сделать?

Бауман засмеялся и снова захлопал в ладоши:

— Я стану новым Джонни Яблочное Зернышко![77]

Лалджи проснулся как от толчка. Вокруг него по реке растекалась почти непроницаемая тьма. На зерновых баржах горело несколько сигнальных огней, поддерживаемых энергией течения, огибающего их неповоротливые туши. Вода била в борта лодки и плескала на берег, к которому они причалили. Рядом с Лалджи, завернувшись в одеяла, лежали все остальные.

Что его разбудило? Вдалеке перекликалась в темноте пара деревенских петухов. Лаяла собака, выведенная из себя какими-то таинственными запахами или звуками, которые заставляют собак порывисто вскакивать и охранять свою территорию. Лалджи закрыл глаза и прислушался к мягкому плеску воды, к звукам далекой деревни. Если напрячь воображение, можно представить, что он встречает рассвет рядом с другой деревней, далеко-далеко отсюда, давным-давно исчезнувшей.

Почему же он проснулся? Он снова открыл глаза и сел. Напрягая зрение, всмотрелся в темноту. На черном фоне реки возникла тень, движущееся пятно.

Лалджи затряс Баумана, зажав ему рот рукой.

— Прячься! — прошептал он.

Рядом с ними вспыхнули огни. Глаза Баумана широко раскрылись. Он скинул с себя одеяло и пополз к своему убежищу. Лалджи бросил его одеяло к своим, пытаясь скрыть количество спящих на палубе, когда ярко вспыхнули новые огни, заскользили по палубе, пригвождая их, как насекомых к доске коллекционера.

Отбросив игру в таинственность, лодка с полицейским патрулем отпустила пружины и рванулась к ним. Затормозила перед их лодкой, прижав их к берегу, и полицейские полезли на борт. Трое и две собаки.

— Всем оставаться на местах! Держать руки на виду! Лучи фонариков заскользили по палубе, ослепительно яркие.

Крео с Тази выползли из-под своих одеял и встали, изумленные. Ищейки заворчали и рванулись с поводков. Крео попятился от них, выставив перед собой руки, защищаясь. Один из полицейских осветил их фонариком.

— Кто владелец лодки? Лалджи перевел дыхание:

— Лодка моя. Это моя лодка. — Фонарик развернулся и ослепил его. Он сощурился от яркого света. — Мы сделали что-то не так?

Старший, капитан, ничего не ответил. Остальные полицейские рассыпались по палубе, водя фонариками, освещая людей на борту. Лалджи заметил, что все они, за исключением

старшего, сущие мальчишки, у них едва начали пробиваться усы и бороды. Просто новобранцы, и только пружинные ружья и бронежилеты придают им весомости.

Двое из них пошли к трапу вместе с собаками, а четвертый перепрыгнул на борт с отлично оснащенной полицейской лодки.

Лучи фонариков исчезли в недрах суденышка Лалджи, вытянутые тени заплясали по трапу. Крео, пятясь, умудрился каким-то образом добраться до того места, где находился их тайник с пружинными ружьями. Его руки как бы невзначай застыли рядом со щеколдами. Лалджи шагнул к капитану, в надежде предупредить какую-нибудь безрассудную выходку со стороны Крео. Капитан посветил на него фонариком.

— Что вы здесь делаете?

Лалджи остановился и беспомощно развел руками:

— Ничего.

— Ничего?

Лалджи гадал, сумел ли Бауман спрятаться.

— Я хотел сказать, мы просто причалили, чтобы переночевать.

— Почему вы не остановились на Ивовой излучине?

— Я не знаю этой части реки. Темнело. Мне не хотелось, чтобы нас раздавили баржи. — Он заломил руки. — Я занимаюсь продажей антиквариата. Мы осматривали старые пригороды на севере. Это же не незакон…

Его прервал крик снизу. Лалджи с тоской закрыл глаза. Миссисипи станет местом его погребения. Ему никогда не вернуться в воды Ганга.

Полицейские поднялись на палубу, таща за собой Баумана.

— Смотрите, кого мы нашли! Думал спрятаться под палубой! Бауман пытался сбросить их руки.

— Понятия не имею, о чем вы говорите…

— Заткнись! — Один из мальчишек ударил Баумана дубинкой в живот.

Старик согнулся пополам. Тази рванулась к ним, но капитан перехватил ее и крепко держал, освещая фонариком лицо Баумана. Он ахнул:

— В наручники его! Он в розыске. Держать их под прицелом! — Капитан хмуро поглядел на Лалджи. — Торговец антиквариатом! Я тебе почти поверил. — Своим подчиненным он сказал: — Это потрошитель генов. С огромным стажем. Посмотрите, нет ли на борту чего еще. Каких-нибудь дисков, компьютеров, бумаг.

— Внизу стоит компьютер с ножным приводом, — сообщил ему один из полицейских.

— Несите сюда.

Мгновение, и компьютер был на палубе. Капитан осмотрел свою добычу.

— В наручники всех.

Один из мальчишек-полицейских заставил Лалджи опуститься на колени и принялся пригибать его к палубе, пока ворчащая ищейка не оказалась над ними.

Бауман проговорил:

— Мне очень жаль. Наверное, вы совершили ошибку. Наверное…

Вдруг капитан заорал. Фонарики полицейских повернулись на звук. Тази висела на руке капитана, вцепившись в нее зубами. Он стряхивал ее, как будто она была собакой, стараясь другой рукой спустить пружину пистолета. Какой-то миг все глядели на борьбу между девушкой и довольно крупным мужчиной. Кто-то — Лалджи решил, что это кто-то из полицейских, — засмеялся. Затем Тази отлетела в сторону, капитан спустил пружину, и послышался резкий свист дисков. Фонарики упали на палубу и покатились, выбрасывая дрожащие лучи света.

В темноте просвистели еще диски. В свете перекатывающегося фонарика было видно, как упал капитан, свалился на компьютер Баумана, серебристые диски торчали из его бронежилета. Он завалился назад вместе с компьютером. Снова темнота. Всплеск. Собаки выли, то ли спущенные с цепи и готовые к нападению, то ли тоже раненные. Лалджи упал и распластался на палубе, когда над головой пожужжал металл.

— Лалджи! — Это был голос Крео.

Ружье проехало по доскам палубы. Лалджи пополз на звук.

Луч света одного из фонариков обрел уверенность. Капитан сидел на палубе, черные струйки крови потянулись ото рта, когда он поднял пистолет и прицелился в Тази. Бауман бросился на свет, закрыв девушку своим телом. Он согнулся, когда диски впились в него.

Рука Лалджи натолкнулась на пружинное ружье. Он продолжал шарить по палубе. Пальцы сомкнулись на ружье. Он взвел пружину, прицелился на звук шагов и спустил пружину. Тень одного из полицейских, мальчишки, поднялась над Лалджи, и тот упал, обливаясь кровью, умерев раньше, чем его тело успело коснуться палубы.

Кругом стояла тишина.

Лалджи ждал. Никакого движения. Он все равно ждал, вынуждая себя дышать ровно, напряженно вглядываясь в темноту, куда не попадал свет фонариков. Неужели он один остался в живых?

У раскиданных по палубе фонариков, одного за другим, кончился весь заряд. Темнота окружила их. Лодка полицейских мягко ударялась о борт их лодки. Ветер шуршал в ивах на берегу, принося с собой пронзительный запах рыбы и травы. Стрекотали кузнечики.

Лалджи поднялся. Ничего. Никакого движения. Он медленно проковылял по палубе. Оказывается, он умудрился в какой-то момент подвернуть ногу. Лалджи нащупал один из фонариков, заметил его по тусклому металлическому блеску, и завел. Поводил дрожащим лучом света по палубе.

Крео. Здоровый светловолосый парень был мертв, диск угодил ему в горло. Лужа крови натекла в том месте, где диск перерезал артерию. Рядом с ним, исполосованный дисками, лежал Бауман. Его кровь была повсюду. Компьютер исчез. Свалился за борт. Лалджи опустился на корточки рядом с телами, вздыхая. Убрал с лица Крео окровавленные косицы. Он был быстр. Точно так быстр, как сам о себе говорил. Уложить троих полицейских заодно с собаками! Лалджи снова вздохнул.

Послышалось хныканье. Лалджи направил фонарик на источник звука, боясь того, что может ему открыться, но это оказалась всего лишь девушка, судя по всему не пострадавшая, подбирающаяся к телу Баумана. Она подняла взгляд на свет фонарика Лалджи, никак не отреагировала на него и опустилась рядом с Бауманом. Она зарыдала, затем заставила себя замолчать. Лалджи зафиксировал пружину фонарика, позволяя темноте окутать их.

Он снова прислушивался к ночным звукам, молясь Ганеше, чтобы на реке не оказалось другого патруля. Глаза привыкли к темноте. На черном фоне проступила тень девушки, горестно стоящей на коленях над искалеченными телами. Он помотал головой. Сколько людей умерли из-за какой-то идеи! Такой человек, как Бауман, мог бы приносить пользу. Какие напрасные жертвы! Он прислушивался, не приближается ли другая лодка, но не слышал ничего. Видимо, одинокий патруль, чьи действия не были согласованы с другими. Не повезло. Вот и все. Одно маленькое невезение разорвало цепочку удач. Боги капризны.

Лалджи захромал к швартовам и начал отвязывать их. Тази сама подошла к нему, ее маленькие ручки принялись неумело дергать узлы. Он пошел к рулю и отпустил пружины. Лодка дернулась, когда сцепились шестерни, и они вылетели на середину черной реки. Он час несся на пружинах, впустую растрачивая джоули, только бы оказаться подальше от места убийства, затем оглядел берега, отыскал бухту и бросил якорь. Тьма была почти непроницаемой.

После того как Лалджи спрятал лодку, он нашел грузы и привязал их к ногам полицейских. То же самое проделал с собаками, потом принялся сталкивать тела с палубы. Вода легко поглотила их. Казалось нечистым выбрасывать их столь бесцеремонно, но он не намеревался тратить время на их похороны. Если повезет, тела останутся под водой и рыбы объедят их до полного исчезновения.

Когда с полицейскими было покончено, он постоял немного над Крео. Какая невероятная быстрота реакции! Он столкнул Крео за борт, жалея, что не может устроить для него погребальный костер.

Лалджи принялся драить палубу, смывая оставшуюся кровь. Взошла луна, заливая его бледным светом. Девушка сидела над телом своего покровителя. Лалджи не мог и дальше обходить ее со своей шваброй. Он опустился на колени рядом с ней:

— Ты понимаешь, что и его надо кинуть в реку? Девушка не отвечала. Лалджи воспринял это как согласие.

— Если ты хочешь оставить себе что-нибудь из его вещей, бери сейчас. — Девушка покачала головой. Лалджи, посомневавшись, положил руку ей на плечо. — Нет ничего позорного в том, чтобы быть погребенным в реке. Наоборот, это даже честь, оказаться в такой реке.

Он ждал. В конце концов она кивнула. Он поднялся и подтащил тело к краю лодки. Привязал к нему груз и перебросил ноги за борт. Старик выскользнул из его рук. Девушка молчала, уставясь на то место на воде, где исчез Бауман.

Лалджи домыл палубу. Утром придется вымыть еще раз и присыпать пятна песком, но пока что сойдет и так. Он начал выбирать якоря. Через мгновение девушка принялась делать то же самое, помогая. Лалджи сел у руля. «Какие напрасные жертвы! — думал он. — Какие ужасные напрасные жертвы!»

Течение медленно вынесло узкую лодку на стремнину. Девушка подошла и села на палубу рядом с ним.

— Они выследят нас? Лалджи пожал плечами:

— Если повезет? Нет. Они будут искать что-нибудь покрупнее нашей лодки, учитывая, сколько их людей пропало. Нас теперь всего двое, мы для них покажемся совсем мелкой, не имеющей отношения к делу рыбешкой. Если повезет.

Она кивнула, вроде бы пытаясь осознать информацию.

— Он ведь меня спас. Я сейчас уже была бы мертвой.

— Я видел.

— Ты посеешь семена?

— Теперь, когда нет его, того, кто мог бы вырастить их, никто не сможет посеять эти семена.

Тази нахмурилась:

— Но у нас их очень много.

Она поднялась и скользнула вниз по трапу. Девушка вернулась, волоча за собой рюкзак Баумана с запасами провизии. Принялась вытаскивать банки из рюкзака: рис и кукуруза, соевые бобы и зерна пшеницы.

— Это же просто еда, — запротестовал Лалджи. Тази упрямо покачала головой:

— Это и есть семена Джонни Яблочного Зернышка. Я не должна была тебе говорить. Он до самого конца не верил, что ты заберешь нас. Что возьмешь меня. Но ты ведь тоже можешь посеять их, правда?

Лалджи нахмурился и поднял банку с кукурузой. Зерна лежали, плотно прижатые друг к другу, их были сотни, все до единого без патента, все до единого — генетическая инфекция. Он закрыл глаза, и перед его мысленным взором предстало поле: ряд за рядом шуршали зеленые растения, и его отец, смеющийся, с широко раскинутыми в стороны руками, кричал: «Сотни! Тысячи, если ты будешь молиться!»

Лалджи прижал банку к груди, и его губы медленно растянулись в улыбке.

Узкая лодка шла вниз по течению, крошечное пятнышко в потоке Миссисипи. По сторонам от нее поднимались чудовищные тени зерновых барж, все они шли на юг мимо плодородных берегов к воротам Нового Орлеана; все они размеренно двигались в далекий безбрежный мир.

Аластер Рейнольдс
За Разломом Орла [78]

Грета стоит рядом, когда я вытаскиваю Сюзи из компенсаторной капсулы. — Почему ее? — спрашивает Грета. — Потому что ее я хочу разбудить первой, — отвечаю я, гадая, уж не ревнует ли Грета. Я ее не виню — Сюзи не только очень красива, но еще и умна. Лучший синтакс-штурман в «Ашанти индастриал». — Что случилось? — спрашивает Сюзи, когда у нее проходят неизбежные после пробуждения слабость и головокружение. — Нам удалось вернуться?

Я прошу ее поделиться своими последними воспоминаниями.

— Таможня, — отвечает Сюзи. — Эти кретины на Архангеле.

— А потом? Что-нибудь еще? Руны? Ты помнишь, как вычисляла их?

— Нет, — говорит она и что-то улавливает в моем голосе. Может, я лгу или не говорю всего, что ей нужно знать. — Том, еще раз спрашиваю: нам удалось вернуться?

— Да. Мы сумели вернуться.

Сюзи смотрит на звездное небо, нарисованное на ее капсуле светящимися красками — фиолетовой и желтой. Она заказала это украшение на Кариллоне. Правилами такие художества запрещаются — причиной указывается вроде бы то, что частички краски забивают воздушные фильтры. Сюзи на правила было наплевать. Она мне сказала, что рисунок обошелся ей в недельное жалованье, но потраченные деньги стоили того, чтобы придать хоть немного индивидуальности серому «дизайну» корабля компании.

— Странно, мне почему-то кажется, что я провалялась в этом гробу несколько месяцев.

Я пожимаю плечами:

— Иногда и мне так кажется.

— Значит, все в порядке?

— В полном.

Сюзи смотрит на Грету:

— Тогда кто ты такая?

Грета не отвечает. Она лишь выжидательно смотрит на меня. А меня начинает трясти, и я понимаю, что не могу такого вынести. Пока не могу.

— Заканчивай, — бросаю я Грете.

Грета делает шаг к Сюзи. Та замечает это, но не успевает отреагировать. Грета выхватывает что-то из кармана и

прикасается к руке Сюзи. Та мгновенно вырубается. Мы укладываем ее обратно в капсулу, заново подключаем и закрываем крышку.

— Она ничего не запомнит, — обещает Грета. — Разговор так и останется в ее кратковременной памяти.

— Мне кажется, я этого не переживу. Грета касается моего плеча:

— Никто и не говорил, что будет легко.

— Я лишь пытаюсь осторожно ввести ее в ситуацию. И не хочу сразу открывать правду.

— Знаю. Ты добрый, Том. Потом она меня целует.

* * *

Я тоже помнил Архангел. Именно там все и пошло наперекосяк. Просто мы тогда еще этого не знали.

Мы пропустили первое стартовое окно, когда на таможне нашли противоречие в нашей грузовой накладной. Не очень серьезное нарушение, но у них ушло немало времени, прежде чем они смогли понять, что ошиблись сами. А когда поняли, мы уже знали: предстоит ждать на планете еще восемь часов, пока диспетчерская отправит целый флот сухогрузов.

Я сообщил новость Сюзи и Рэю. Сюзи восприняла ее весьма положительно, или настолько положительно, насколько она всегда воспринимала подобные новости. Я предложил ей использовать это время с толком, отправиться в порт и поискать, есть ли там новые синтаксические «довески». Нечто такое, что могло бы сэкономить нам день-другой обратного пути.

— Лицензионные? — уточнила она.

— Мне все равно.

— А как насчет Рэя? — вопросила Сюзи. — Он так и будет здесь сидеть, попивая чаек, пока я стану отрабатывать свое жалованье?

Я улыбнулся. Эта парочка вечно цапалась между собой, балансируя на грани любви и ненависти.

— Нет, Рэй тоже может сделать кое-что полезное. Например, проверить ку-плоскости.

— Они в полном порядке, — возразил Рэй.

Я стянул потрепанную кепочку с эмблемой «Ашанти индастриал», почесал лысинку на макушке и повернулся к механику:

— Правильно. Тогда тебе не потребуется много времени на их проверку, верно?

— Как скажете, кэп.

В Рэе мне нравится то, что он легко смиряется, когда проигрывает спор. Он взял комплект инструментов и пошел осматривать плоскости. Я проследил, как он поднимается по лесенке на кран-балку с инструментами на поясе. Сюзи надела маску, длинный черный плащ и ушла, растаяв в окутывающем порт влажном тумане. Стук ее каблуков доносился еще долго после того, как она скрылась из виду.

Я вышел из «Синего гуся» и зашагал в направлении, противоположном Сюзи. Надо мной из тумана один за другим выныривали сухогрузы. Слышно их было задолго до появления — сквозь висящие над портом желтые облака пробивались скорбные низкие стоны, похожие на перекличку китов. Когда корабли снижались, показывались темные корпуса, покрытые струпьями и шрамами угловатых выступов синтаксических узоров, со втянутыми перед посадкой кран-балками и ку-плоскостями и выпущенными шасси, напоминающими когти. Сухогрузы замирали над указанными диспетчером посадочными колодцами и опускались в них под вой реактивных струй. Их корпуса скелетными пальцами сразу же крепко стискивали захваты доковых фиксаторов. Из загонов, медленно переставляя ноги, выбредали динозавры-носильщики — кто-то из них уже работал самостоятельно, а другими, сидя на загривке, все еще управлял тренер. Когда выключались двигатели, наступала шокирующая тишина — пока сквозь облака не шел на посадку очередной сухогруз.

Мне всегда нравилось смотреть, как прибывают и уходят корабли, даже если они задерживают в порту мой корабль. Я не умел читать синтаксис, но знал: эти корабли прилетели сюда от самого Разлома. Дальше Разлома в созвездии Орла не летал никто. При средних туннельных скоростях от центра Локального Пузыря добираться до него нужно примерно год.

Этот путь я проделал только раз за всю жизнь. И, подобно добропорядочному туристу, полюбовался видом, открывающимся с внутренней стороны Разлома. На мой взгляд, я забрался достаточно далеко.

Когда в посадочном конвейере образовалась пауза, я заскочил в бар и отыскал кабинку Администрации Скважин, принимающую кредиты «Ашанти». Усевшись в кабинке, записал тридцатисекундное послание для Катерины. Я сообщил ей, что мы уже возвращаемся, но застряли на Архангеле на несколько лишних часов. Предупредил, что задержка может вызвать цепочку других нестыковок на всем нашем пути сквозь туннели, в зависимости от того, как сработает АС. Судя по предыдущему

опыту, восьмичасовая задержка на планете может обернуться двухдневным ожиданием перед точкой подъема. И попросил не волноваться, если опоздаю на пару дней.

Из кабинки я увидел бредущего мимо диплодока с пристегнутым между ногами грузовым контейнером.

Я сказал Катерине, что люблю ее и с нетерпением жду встречи.

Возвращаясь на борт «Синего гуся», я думал о мчащемся домой послании. Его передали со скоростью света по местной системе связи, затем скопировали в буфер памяти очередного уходящего корабля. Вполне вероятно, что этот конкретный корабль не направляется к Барранквилле или куда-нибудь поблизости от нее. АС будет перебрасывать сообщение с корабля на корабль, пока оно наконец не достигнет пункта назначения. Я могу даже оказаться на Барранквилле раньше него, но на моей памяти такое случилось лишь однажды. Система работала вполне надежно.

Посмотрев вверх, я увидел, что в просвет между сухогрузами вклинился белый пассажирский лайнер. Я приподнял маску, чтобы разглядеть его получше, и в ноздри мне ударила смесь озона, топлива и динозаврового навоза. Да, я точно на Архангеле. Такой букет запахов не встретишь больше нигде внутри Пузыря. Там четыре сотни планет, на каждой до десятка портов, и ни в одном из них не воняет так, как здесь.

— Том!

Я обернулся и увидел стоящего возле дока Рэя.

— Ты уже закончил осмотр плоскостей? — спросил я. Рэй покачал головой:

— Как раз об этом я и хотел поговорить. Они оказались слегка не выровнены… а раз нам предстояло задержаться на восемь часов… я решил запустить полную перекалибровку.

Я кивнул:

— Поэтому я и попросил их проверить. Так в чем проблема?

— Проблема такова — нам только что открыли стартовое окно. Из диспетчерской передали: мы можем взлетать через тридцать минут.

Я пожал плечами:

— Значит, будем взлетать.

— Но я не закончил перекалибровку. И сейчас настройка еще хуже, чем раньше. Поэтому взлетать прямо сейчас — не очень удачная идея.

— Сам ведь знаешь, как работают диспетчеры. Пропусти два предложенных окна, и можешь проторчать здесь несколько дней.

— Никто не хочет вернуться домой так, как хочу этого я, —

сказал Рэй.

— Тогда порадуйся.

— Корабль растрясет в туннеле. Так что приятного возвращения не получится.

— А нам-то какая разница? Мы же будем спать.

— Да что мы спорим! Мы ведь не можем взлететь без Сюзи.

Я услышал приближающийся стук каблуков. Из тумана вышла Сюзи, на ходу стягивая маску:

— Только зря время потратила на этих портовых обезьян. Все, что они мне пытались всучить, я уже видела миллион раз.

— Ерунда, — сказал я. — Будем взлетать. Рэй выругался. Я сделал вид, что не услышал.

* * *

В компенсаторную капсулу я всегда залезаю последним. Я никогда не забирался под крышку, не убедившись сперва, что загорелся зеленый свет. А это дает мне возможность еще раз все проверить. Каким бы хорошим ни был экипаж, всегда может что-нибудь случиться.

«Синий гусь» остановился возле маяка Администрации, отмечающего точку подъема. Перед нами в очереди стояло еще несколько кораблей вперемежку с обычной стайкой служебных корабликов Администрации. Сквозь прозрачный обтекатель я мог наблюдать, как один за другим стартуют большие суда. Разгоняясь на полной тяге, они устремлялись к ничем не примечательной точке небосвода. Кран-балки у них были широко раздвинуты, а гладкие обводы корпусов бугрились загадочными инопланетными рунами маршрутного синтаксиса. При ускорении в двадцать «g» создавалось впечатление, что их зашвыривает в небо гигантская невидимая рука. А через девяносто секунд уже в тысяче километров от нас в небесах расцветала бледно-зеленая вспышка.

Я обвел взглядом кабину. Ее опоясывали уменьшенные символы нашего маршрутного синтаксиса. Каждую руну этого алфавита образовывала матрица из миллионов шестиугольных пластинок. Все пластинки, снабженные моторчиками, могли выдвигаться из корпуса или втягиваться обратно.

Спросите Администрацию, и они ответят, что в синтаксисе теперь полностью разобрались. Это правда, но до определенного предела. После двух столетий исследований созданные людьми машины теперь могут конструировать и интерпретировать синтаксис с низким уровнем ошибок. Если задать им желаемый

пункт назначения, они смогут набрать строку рун, которая, скорее всего, будет принята и обработана аппаратурой туннеля-скважины. Более того, они почти всегда могут гарантировать, что желаемый маршрут — именно тот самый, который аппаратура скважины вам обеспечит.

Короче говоря, обычно вы попадаете туда, куда хотите.

Возьмем простой перелет из одной точки в другую, например, рейс отсюда до Хаураки. В этом случае использование автоматических генераторов синтаксиса не будет реальным недостатком. Но на длинных маршрутах, которые могут состоять из шести-семи переходов между узлами в сети скважин, машины теряют преимущество. Решение они находят, но далеко не самое оптимальное. Вот тогда в дело и вступают синтакс-штурманы. Люди вроде Сюзи способны отыскивать синтаксические решения интуитивно. Они эти руны буквально во сне видят. И при взгляде на неудачно скомпонованную строку рун они воспринимают ее корявость, как зубную боль. Она их *оскорбляет.*

Хороший синтакс-штурман способен сократить путь на несколько дней. А для компании вроде «Ашанти индастриал» такая разница может оказаться весьма значительной.

Но я не был синтакс-штурманом. Я еще мог заметить, когда что-то неладное случалось с пластинками, но во всем прочем у меня не оставалось выбора: я должен верить, что Сюзи сделала свое дело правильно.

И Сюзи меня не подводила.

Обернувшись, я взглянул назад. Теперь, когда мы находились в космосе, ку-плоскости развернулись. Удерживаемые в распахнутом положении трехсотметровыми кран-балками, они напоминали половинки огромных клещей. Я убедился, что они полностью выдвинуты и зафиксированы, а все контрольные индикаторы светятся зеленым. Кран-балки относились к епархии Рэя. Он проверял выравнивание похожих на лыжи ку-плоскостей, когда я приказал ему тщательно осмотреть корабль и подготовиться к старту. Никаких видимых признаков разбалансировки я не заметил, но опять-таки, чтобы сделать наше возвращение похожим на езду по ухабам, большой разбалансировки и не требуется. Впрочем, как я уже сказал Рэю, кого это волнует? С легкой турбулентностью в туннеле «Синий гусь» вполне справится. Его и построили так, чтобы он мог ее выдержать.

Я снова взглянул на точку подъема. Перед нами только три корабля.

Вернувшись к капсулам, я снова проверил, что у Рэя и Сюзи все в порядке. Рэй украсил свою капсулу примерно в то же время,

что и Сюзи. Ее сплошь покрывали изображения, которые Сюзи прозвала БДМ — «Блаженная Дева Мария». На всех картинках БДМ изображалась в скафандре и с маленьким Иисусом (тоже в скафандре) на руках. Вокруг их шлемов художник напылил из баллончика золотые нимбы. Все это художество смотрелось дешевкой. Рэй явно поскупился, в отличие от Сюзи.

Я быстро разделся до белья, забрался в свою (никак не украшенную) капсулу и закрыл крышку. Внутрь начал поступать вязкий буферный гель, и секунд через двадцать я уже ощутил сонливость. К тому времени, когда диспетчерская даст нам зеленый свет, я уже буду спать.

Я проделывал такое тысячи раз. Поэтому не испытывал ни страха, ни мрачных предчувствий. Лишь чуточку сожаления.

Я никогда не видел скважину. Впрочем, ее вообще очень немногие видели.

Все они описывали темный углеродистый астероид в форме бублика диаметром около двух километров. Середина у него пробурена насквозь, а внутреннюю сторону кольца покрывает аппаратура ку-материи — это и есть скважина. По словам очевидцев, эта аппаратура все время подергивается и шевелится, напоминая тикающие внутренности очень сложных часов. Однако контрольные системы Администрации Скважин не засекают вообще никакого движения.

Это технология чужаков, неведомых инопланетян. Мы понятия не имеем, как она работает и кто все это сделал. А если поразмыслить, то, наверное, действительно лучше, что у тебя нет возможности это увидеть.

Вполне достаточно заснуть, а затем проснуться и знать, что ты уже где-то в другом месте.

* * *

— Попробуй иной подход, — говорит Грета. — На этот раз скажи ей правду. Может, она воспримет ее легче, чем ты думаешь.

— Да ведь невозможно сказать ей правду.

Грета прислоняется бедром к стене, одна ее рука все еще в кармане.

— Тогда скажи ей хотя бы половину правды.

Мы отключаем капсулу и вытаскиваем из нее Сюзи.

— Где мы? — спрашивает она меня. Потом Грету: — А ты кто?

Я начинаю гадать, уж не пробились ли из ее кратковременной памяти обрывки последнего разговора.

— Грета здесь работает.

— Здесь? А где?

Я вспоминаю то, что говорила мне Грета:

— Мы на станции в секторе Шедар.

— Но мы летели не туда, Том. Я киваю:

— Знаю. Произошла ошибка. Сбой в маршруте. Сюзи уже трясет головой:

— Руны были в полном…

— Знаю. Ты ни в чем не виновата. — Я помогаю ей надеть комбинезон. Она все еще дрожит — мускулы реагируют на движения после столь долгого пребывания в капсуле. — Синтаксис был хороший.

— Тогда что?

— Ошибку совершила система, а не ты.

— Сектор Шедар… Это выбило бы нас из графика дней на десять, правильно?

Я пытаюсь вспомнить, что сказала мне Грета в первый раз. Мне полагается знать все это наизусть, но специалист по маршрутам у нас на корабле не я, а Сюзи.

— Вроде бы правильно, — соглашаюсь я. Но Сюзи качает головой:

— Тогда мы не в секторе Шедар.

Я пытаюсь изобразить приятное удивление:

— Почему?

— Я провела в капсуле намного дольше, чем несколько дней, Том. Я это знаю. Потому что чувствую это каждой своей косточкой. Так где мы на самом деле?

Я поворачиваюсь к Грете. Поверить не могу, что все повторяется.

— Заканчивай, — говорю я.

Грета делает шаг к Сюзи.

* * *

Знакомо вам это клише: «Едва проснувшись, я понял — что-то не так»? Наверняка вы слышали эту фразу тысячу раз в тысяче баров по всему Пузырю, где парни из экипажей обмениваются байками, потягивая слабенькое пиво за счет компании. Проблема лишь в том, что иногда все оборачивается именно так. Проведя какое-то время в капсуле, я никогда не ощущал себя хорошо. Но до такой степени паршиво мне было всего один раз — после полета к границе Пузыря.

Размышляя над этим, но зная, что ничего не смогу сделать,

пока не выберусь из капсулы, я добрых полчаса мучительно освобождался от всех соединений. Ощущение было такое, словно каждый мускул моего тела пропустили через мясорубку, а потом затолкали фарш обратно. К сожалению, ощущение неправильности происходящего не исчезло и потом, когда я откинул крышку капсулы. В «Синем гусе» было слишком тихо. После броска через скважину нам полагалось отойти в сторону от последнего на маршруте выходного отверстия. Но я не слышал далекого и успокаивающего рокота термоядерных двигателей. А это означало, что мы в невесомости.

Хреново.

Я выплыл из капсулы, ухватился за рукоятку и развернулся, чтобы осмотреть две другие капсулы. С колпака той, где находился Рэй, на меня уставился сияющий лик самой большой из БДМ. Все индикаторы жизнедеятельности на панели светились зеленым. Рэй все еще пребывал без сознания, но в полном здравии. Такая же картина с Сюзи. Получается, что некая автоматическая система решила разбудить только меня.

Через несколько минут я вернулся в тот же наблюдательный купол, откуда проверял корабль перед броском через скважину. Сунув голову в прозрачный купол, я огляделся.

Мы куда-то прибыли. «Синий гусь» находился в огромном парко-вочном ангаре в форме вытянутого цилиндра шестиугольного сечения. Гравитации здесь не было. На стенах размещались обслуживающие машины и механизмы — приземистые модули, змеящиеся заправочные шланги, сложенные рамы свободных посадочных причалов. Куда бы я ни взглянул, повсюду на причалах располагались другие корабли. Всех мыслимых конструкций и классов, с любой возможной формой корпуса, допускающей переход через скважину. Всю эту сцену заливал теплый золотистый свет прожекторов. Время от времени ангар освещали трепетные фиолетовые вспышки электросварки.

Это был ремонтный цех.

Едва я принялся размышлять над ситуацией, как заметил нечто, вытягивающееся из стены ангара. Это был телескопический причальный туннель, приближающийся к нашему кораблю. Сквозь окошки в его стенах я различил парящие в невесомости фигурки, которые пробирались по туннелю, отталкиваясь от его стен.

Вздохнув, я направился к шлюзу.

* * *

Когда я туда добрался, они уже запустили первую стадию цикла перехода. Ничего плохого я в этом не усмотрел — у меня не было веских причин не пускать кого-либо на борт, — но все же их поведение показалось мне чуточку невежливым. Впрочем, они могли думать, что все на корабле еще спят.

Дверь шлюза скользнула в сторону.

— О, вы уже не спите, — послышался мужской голос. — Капитан «Синего гуся» Томас Гандлапет, если не ошибаюсь?

— Он самый.

— Не возражаете, если мы войдем?

Их было шестеро, и они уже вошли. На всех слегка поношенные оранжевые комбинезоны, украшенные эмблемами разных компаний. Я начал злиться: их бесцеремонность мне очень не нравилась.

— В чем дело? — осведомился я. — Где мы находимся?

— А вы как думаете? — ответил вопросом на вопрос их предводитель, небритый и с кривыми желтыми зубами, что меня весьма впечатлило. В наше время надо немало потрудиться, чтобы заиметь скверные зубы. И мне уже несколько лет не доводилось сталкиваться с чудиками, готовыми на такие жертвы ради искусства.

— Очень надеюсь не услышать от вас, что мы все еще торчим на Архангеле, — сообщил я.

— Нет, вы прошли через врата.

— И?..

— Фокус не удался. Маршрутная ошибка. Вас выбросило из неправильной скважины.

— Господи… — Я стянул кепочку. — Что-то пошло не так на входе?

— Может быть. А может, и нет. Кто знает, как эти штуковины работают… Нам известно лишь, что вы направлялись не сюда.

— Правильно. И где же мы теперь?

— На станции Саумлаки. Сектор Шедар.

Он произнес это таким тоном, словно уже потерял ко мне интерес и выполнял некую рутинную процедуру.

Возможно, он и потерял интерес. А я — нет.

Никогда не слышал о станции Саумлаки, зато прекрасно знал, где находится сектор Шедар. Звезда Шедар — это супергигант класса «К» у самой границы Локального Пузыря. А всего навигационных секторов в Пузыре семьдесят два.

Я уже упоминал Пузырь?

* * *

Вы знаете, как выглядит наша галактика Млечный Путь — вы ее тысячи раз видели на рисунках и в компьютерных симуляциях. Яркая чечевица галактического ядра в центре, из него выходят лениво изогнутые спиральные рукава: каждый состоит из сотен миллиардов звезд, от самых тусклых и едва тлеющих карликов до раскаленных супергигантов, балансирующих на грани самоуничтожения во вспышке сверхновой.

Теперь рассмотрим вблизи один рукав. Там, на расстоянии около двух третей радиуса от центра Галактики, находится оранжево-желтая звезда, наше Солнце. Полосы и складки космической пыли окутывают ее на расстоянии в десятки тысяч световых лет. Тем не менее Солнце расположено в центре огромной, диаметром в четыреста световых лет, дыры в этой пыли — Пузыря, внутри которого плотность пыли примерно в двадцать раз меньше среднего значения.

Это и есть Локальный Пузырь. Словно Господь взял и специально для нас сотворил дыру в этой пыли.

Но, разумеется, сделал это не Господь. Тут поработала сверхновая звезда примерно миллион лет назад.

Осмотревшись, мы увидим и другие пузыри, границы которых пересекаются и сливаются, образуя огромную пенообразную структуру размером в тысячи световых лет. Есть среди них структуры Петля-1, и Петля-2, и Кольцо Линдблада. Есть даже сверхплотные узлы, где пыль настолько густа, что почти не пропускает свет. Этакие черные мембраны наподобие облаков в созвездии Тельца или в районе Ро Змееносца либо сам Разлом Орла.

Расположенный за пределами Локального Пузыря, этот Разлом — самая дальняя точка Галактики, до которой люди добрались. И дело тут не в выносливости или хладнокровии. Просто-напросто способа забраться дальше не имеется, во всяком случае, не в пределах сети сверхсветовых скважин. Запутанная наподобие кроличьих нор структура возможных маршрутов дальше попросту обрывается. Основная часть конечных пунктов — включая большинство маршрутов «Синего гуся» — даже не выведет вас за пределы Локального Пузыря.

Для нас это значения не имеет. Даже в пределах сотни световых лет от Земли коммерческих рейсов вполне хватает. Но Шедар находится как раз на периферии Пузыря, где плотность пыли начинает повышаться до нормальных галактических значений. Отсюда до Земли двести двадцать восемь световых лет.

Повторю: хреново.

— Я знала, что это станет для тебя потрясением, — послышался другой голос. — Но все не так плохо, как ты

думаешь.

* * *

Я посмотрел на женщину, которая это сказала. Среднего роста, лицо из тех, что называют «миниатюрными», с раскосыми пепельно-серыми глазами. Гладкие платиновые волосы касаются плеч.

До боли знакомое лицо…

— Не так плохо?..

— Нет, Том. — Она улыбнулась. — В конце концов, у нас появился шанс вспомнить старые добрые времена. Согласен?

— Грета? — выдавил я, не веря собственным глазам. Она кивнула:

— За мои грехи.

— Господи… это в самом деле ты?

— Если честно, я не была уверена, что ты меня узнаешь. Особенно через столько лет.

— Зато ты, похоже, меня узнала без труда.

— А мне и не нужно было узнавать. Как только вы здесь оказались, поступил сигнал вашего передатчика. Он нам и поведал, как называется ваш корабль, имя его владельца, кто находится на борту, что вы везете и куда направлялись. И когда я услышала твое имя, застолбила себе местечко среди встречающих. Но не волнуйся. Ты не очень уж с тех пор изменился.

— Прими ответный комплимент.

Я немного покривил душой. Но кому нужна абсолютная правда? Я вспомнил, как она выглядела обнаженной — эти воспоминания я хранил в памяти все десять лет. Мне даже стало стыдно, что они до сих пор настолько яркие, словно некая тайная часть моего подсознания украдкой оберегала их все годы моего брака и супружеской верности.

Грета слегка улыбнулась. Будто знала, о чем я думаю.

— Ты никогда не был искусным лжецом, Том.

— Ага. Похоже, мне нужно тренироваться.

Неловкое молчание затянулось. Никто из нас явно не знал, что сказать дальше. Пока мы молчали, остальные зависли вокруг, тоже молча.

— Что ж, — выговорил я наконец, — кто бы мог подумать, что нам предстоит такая встреча?

Грета кивнула и протянула ко мне руки ладонями вверх, словно извиняясь.

— Я лишь жалею, что мы не встретились при лучших обстоятельствах, — сказала она. — Но пусть тебя утешит то, что в случившемся нет вашей вины. Мы проверили ваш синтаксис, и ошибки в нем не оказалось. Просто время от времени система дает сбой.

— Странно лишь, что никто не любит об этом говорить, — заметил я.

— Все могло обернуться хуже, Том. Я ведь помню, что ты рассказывал о космических полетах.

— Да? И какой же из перлов моей мудрости особенно запал тебе в душу?

— «Если ты оказался в ситуации, которая дает тебе право проклинать судьбу, то у тебя нет права ее проклинать».

— Господи, неужели я действительно такое сказал?

— Ага. И готова поспорить, что сейчас ты об этом сожалеешь. Но послушай, все действительно не так уж плохо. Вы отстали от графика всего на двадцать дней. — Грета кивнула на мужчину со скверными зубами. — Колдинг сказал, что вам нужен всего лишь день на ремонт, и вы сможете вылететь обратно. А потом еще дней двадцать или двадцать пять до места назначения, в зависимости от маршрутного синтаксиса. На все уйдет меньше шести недель. Ну, потеряешь ты премиальные за этот рейс. Ничего страшного. Вы все живы и здоровы, а кораблю нужен лишь небольшой ремонт. Так почему бы тебе не расслабиться и не подписать заявку на ремонт?

— Я не рассчитывал еще на двадцать дней в капсуле. К тому же есть и кое-что помимо полета.

— Что именно?

Я едва не сказал, что меня ждет Катерина. Но вместо этого ответил:

— Я беспокоюсь о других. О Сюзи и Рэе. Их ждут семьи. Они будут волноваться.

— Понимаю. Сюзи и Рэй. Они все еще спят? Все еще в капсулах?

— Да, — ответил я настороженно.

— Тогда пусть в них и остаются, пока ты не полетишь обратно. — Грета улыбнулась. — Нет смысла будить их и заставлять сходить с ума все это время. Так будет лучше.

— Ну, если ты так думаешь…

— Уж поверь мне, Том. Я ведь не в первый раз сталкиваюсь с подобной ситуацией. И вряд ли твоя станет последней.

* * *

Ночевать я отправился в отель, в другую часть станции Саумлаки. Отель представлял собой гулкое из-за пустоты многоэтажное сооружение, собранное из готовых секций и глубоко погруженное в скальную породу. Наверное, здесь могли бы разместиться сотни постояльцев, но у меня создалось впечатление, что сейчас занято лишь несколько номеров. В эту ночь я спал урывками и рано встал. В крытом портике я увидел работника в кепочке и резиновых рукавицах, который вылавливал из украшенного орнаментом прудика больного карпа. Когда я смотрел, как он достает металлически-оранжевую рыбину, на мгновение мне показалось, что эту картину я уже когда-то видел. Но когда в моей жизни могли возникнуть этот мрачный отель и умирающий карп?

До завтрака — уныло-настороженный, несмотря на легкую сонливость — я навестил Колдинга и услышал новую дату окончания ремонта.

— Два-три дня, — сказал он.

— Вчера вечером был только один. Колдинг пожал плечами:

— Если у вас проблемы с обслуживанием, попробуйте найти других ремонтников.

Затем он сунул мизинец в уголок рта и принялся ковыряться между зубами.

— Приятно видеть специалиста, который наслаждается своей работой, — заметил я на прощание и ушел, пока настроение не испортилось окончательно.

Грета предложила встретиться за завтраком и вспомнить старые времена. Когда я пришел, она уже ждала меня за столиком на «уличной» террасе под навесом в красную и белую полоску, потягивая апельсиновый сок. Над нами простирался купол шириной в несколько сотен метров — голографическая проекция безоблачного неба. Голубизна его имела жесткий эмалевый оттенок, какой бывает в середине лета.

— Как тебе отель? — поинтересовалась она, когда я заказал кофе.

— Неплохо. Только вот желающих поболтать маловато. Тут дело во мне или вся эта станция отличается радостной атмосферой тонущего океанского лайнера?

— Просто место здесь такое, — пояснила Грета. — Все, кто сюда попадает, страшно злятся. Их или переводят сюда работать, и они вскипают из-за этого, или оказываются здесь в результате ошибки в синтаксисе, и тогда они негодуют по этой причине. Так что выбирай любую.

— И ни одного счастливого лица?

— Только у тех, кто знает, что скоро отсюда отчалит.

— А к тебе это относится?

— Нет. Я, кажется, здесь застряла. Но меня это вполне устраивает. Наверное, я то самое исключение, которое подтверждает правило.

Официантами здесь были стеклянные манекены — примерно такие, что были в моде на планетах вблизи центра Пузыря лет двадцать назад. Один из них поставил передо мной тарелку с рогаликом, затем налил в чашку обжигающе горячий черный кофе.

— Что ж, рад тебя видеть, — сказал я.

— И я тебя, Том. — Грета допила сок и, не спрашивая, отщипнула кусочек моего рогалика. — Я слышала, что ты женился.

— Верно.

— Ну, и?.. Не хочешь рассказать о ней? Я глотнул кофе.

— Ее зовут Катерина.

— Хорошее имя.

— Она работает в департаменте биокоррекции на Кагаве.

— Дети?

— Пока нет. Сейчас мы очень много времени проводим вдали от дома.

— Угу. — Она прожевала рогалик. — Но когда-нибудь вы непременно решитесь…

— Окончательных решений не бывает. — Хотя мне и льстило, что Грета проявляет к моей жизни такой интерес, но от хирургической точности ее вопросов мне стало чуть-чуть неуютно. Тут не было ни попыток подловить, ни выуживания информации. Такая прямота заставляет нервничать. Зато она же дала мне право задать столь же откровенные вопросы. — А как насчет тебя?

— Так, ничего особенного. Вышла замуж примерно через год после нашей с тобой последней встречи. Его зовут Марсель.

— Марсель, — задумчиво протянул я, словно имя имело космическое значение. — Что ж, рад за тебя. Как я понял, он тоже здесь?

— Нет. Работа раскидала нас по разным углам космоса. Мы все еще женаты, но… — Грета недоговорила.

— Нелегко вам приходится.

— Если бы имелся способ это изменить, мы бы его нашли. В любом случае, не стоит нас слишком уж жалеть. У каждого из нас есть своя работа. И не могу сказать, что я менее счастлива, чем когда мы с ним виделись в последний раз.

— Вот и хорошо.

Грета подалась вперед и коснулась моей руки. Ногти у нее

были черные с голубоватым отливом.

— Послушай… Наверное, я очень самонадеянна… Одно дело — попросить тебя позавтракать со мной: не пригласить тебя стало бы грубостью. Но не хотел бы ты встретиться со мной еще раз? Ужины здесь поистине очаровательны. Свет выключают, а вид сквозь купол действительно потрясающий.

Я взглянул на бесконечное голографическое небо.

— А я подумал, что это лишь картинка.

— Конечно, картинка, — подтвердила она. — Но пусть это не портит тебе впечатление.

* * *

Я уселся перед камерой и заговорил.

— Катерина, — начал я. — Здравствуй. Надеюсь, у тебя все хорошо. И еще надеюсь, что теперь кто-нибудь из компании уже связался с тобой. А если нет, то я совершенно уверен: ты посылала им запросы. Не знаю, какой ты получила ответ, но могу заверить, что мы живы, здоровы и уже направляемся домой. Я тебе звоню со станции Саумлаки, это ремонтная база на краю сектора Шедар. Смотреть тут особо не на что — просто мешанина туннелей и центрифуг, закопанных в угольно-черный астероид типа «Д», примерно в половине светового года от ближайшей звезды. Станцию устроили здесь только потому, что рядом — вход в скважину. И по этой же причине здесь оказались мы. Неизвестно почему, но «Синий гусь» прошел через неправильный узел сети — это называется маршрутная ошибка. Мы прилетели вчера вечером по местному времени, и с тех пор я сижу в отеле. Извини, я не связался с тобой вчера: слишком устал и к тому же еще не знал, как долго мы здесь пробудем. Я решил подождать до утра, когда станет ясно, насколько сильно поврежден корабль. Ничего серьезного — так, кое-что отвалилось после перехода, однако придется проторчать здесь несколько дней. Колдинг, начальник ремонтников, обещал, что не больше трех. Однако к тому времени, когда мы ляжем на обратный курс, отставание от графика составит сорок дней.

Я замолчал, глядя на мельтешение цифр индикатора стоимости послания. Перед тем как садиться в кабинку, я всегда мысленно готовил информативное, экономное, но в то же время емкое сообщение — этакий изящный монолог. Но стоило мне открыть рот, как в голове становилось пусто, и я выглядел уже не диктором информационной программы, а мелким воришкой времени, сочиняющим жалкое алиби для проницательных

следователей. Кривовато улыбнувшись, я продолжил:

— Меня гнетет мысль о том, что это послание будет добираться до тебя очень долго. Но есть и хорошая новость — оно опередит меня совсем ненамного. К тому времени, когда ты его получишь, меня будут отделять от дома всего несколько дней пути. Так что не трать зря деньги на ответ: он не застанет меня на станции Саумлаки. Просто оставайся там, где находишься, и я обещаю скорое возвращение.

Вот и все. Говорить больше нечего, осталось лишь добавить: «Я скучаю по тебе». Как мне хотелось, чтобы фраза прозвучала эмоционально! Но при прослушивании записи впечатление создалось такое, словно я спохватился в последний момент.

Конечно, я мог бы перезаписать концовку, но вряд ли у меня получилось бы лучше, чем в первый раз. И я просто нажал кнопку отправки записанного сообщения, гадая, скоро ли оно тронется в путь. Маловероятно, что через Саумлаки течет оживленный поток стартующих и прибывающих кораблей, и «Синий гусь» вполне может стать первым из тех, кто улетит в подходящем направлении.

Я вышел из кабинки, испытывая непонятное чувство вины, словно пренебрег какой-то обязанностью. И лишь позже понял, что именно не давало мне покоя. Я сказал Катерине о станции Саумлаки. Я даже рассказал ей о Колдинге и поломке «Синего гуся». Но я умолчал о Грете.

* * *

С Сюзи у нас ничего не получается.

Она очень умна и прошла прекрасную психологическую подготовку. Я могу вешать ей на уши сколько угодно лапши, но она знает, что причиной ее столь длительного пребывания в капсуле мог стать только облом поистине эпического масштаба. Понимает, что речь идет о задержке не на недели и даже не на месяцы. Каждый нерв ее тела вопит об этом ее мозгу.

— Мне снились сны, — говорит она, когда у нее проходит слабость после пробуждения.

— Какие?

— О том, что меня постоянно будили. И ты вытаскивал меня из капсулы. Ты и еще кто-то.

Я пытаюсь улыбнуться. Я с ней наедине, но Грета поблизости. Сейчас инъектор в моем кармане.

— Когда я выбираюсь из капсулы, я тоже вспоминаю дурацкие сны.

— Но эти вспоминаются так реально… Твои слова всякий раз менялись, но ты снова и снова говорил, что мы где-то… что мы немного сбились с курса, но волноваться из-за этого не стоит.

Вот тебе и заверения Греты о том, что Сюзи ничего не запомнит. Похоже, ее память не такая уж и краткая…

— Удивительно, что ты это сказала. Ведь мы действительно немного сбились с курса.

С каждой секундой она соображает все лучше. Из нашего экипажа именно она всегда первой выбиралась из капсулы.

— Насколько, Том?

— Больше, чем мне хотелось бы.

Она стискивает кулаки. Я не могу сказать, агрессия это или нервно-мышечный спазм, реакция на пребывание в капсуле.

— И насколько дальше? За пределами Пузыря?

— Да, за пределами Пузыря.

Ее голос становится негромким и детским:

— Скажи, Том… мы за пределами Разлома?

Я слышу ее страх. Это тот кошмар, с которым приходится жить всем экипажам в каждом рейсе: что-то на маршруте даст сбой, такой серьезный сбой, что корабль окажется на самом краю сети скважин. Настолько далеко, что на возвращение уйдут не месяцы, а годы. И что несколько лет уже прошло на пути сюда, еще до того, как началось путешествие обратно.

А когда они вернутся, все близкие люди окажутся старше на несколько лет.

Если все еще будут живы. Если все еще будут помнить о тебе или захотят вспомнить. Если ты сам еще сможешь их узнать.

За пределы Разлома Орла. Это и есть сокращенное название путешествия, в которое любой из нас надеется не отправиться по воле случая. Путешествия, которое искорежит твою жизнь. Которое рождает призраков, сидящих по темным углам в барах по всему Пузырю. Мужчин и женщин, вырванных из времени, отрезанных от семьи и любимых из-за сбоя в чужой технике, которой мы пользуемся, но едва ее понимаем.

— Да, — говорю я. — Мы за пределами Разлома.

Сюзи вскрикивает, и этот вопль превращает ее лицо в маску гнева и отрицания. Мои пальцы смыкаются на холодном инъекторе. И я лихорадочно соображаю, нужно ли пускать его в ход.

* * *

Новый срок окончания ремонта от Колдинга. Пять или шесть

дней.

На этот раз я даже спорить не стал. Лишь пожал плечами и зашагал прочь, гадая, какую цифру услышу в следующий раз.

Вечером я сел за тот же столик, за которым мы с Гретой завтракали. Утром здесь все было ярко освещено, но сейчас источниками света служили только лампы на столах и неяркие осветительные панели на потолке. В дальнем конце зала стеклянный манекен перемещался от одного пустого столика к другому, играя «Asturias» на стеклянной гитаре. Кроме меня, в ресторане никого не было.

Долго ждать Грету мне не пришлось.

— Извини за опоздание, Том.

Я повернулся в ее сторону. На этой станции с низкой гравитацией ее походка отличалась особой легкостью, а приглушенный свет выгодно оттенял изгибы талии и бедер. Она села и наклонилась ко мне с видом заговорщицы. Лампа на столе превратила ее лицо в рельеф из ярких золотых пятен и красных теней, омолодив лет на десять.

— Ты не опоздала. И в любом случае мне было чем полюбоваться.

— Сейчас лучше, чем днем, правда?

— Это еще мягко сказано, — ответил я, улыбнувшись. — Ты права, сейчас здесь гораздо лучше.

— Я могу здесь всю ночь сидеть и просто смотреть. Иногда я так и делаю. Только я и бутылка вина.

— Я тебя не осуждаю.

Голографическую синеву купола теперь сменили звезды — полное небо звезд. Ничего подобного я никогда не видел на любой другой станции или из другого корабля. Здесь были яростные бело-голубые звезды, пылающие бриллиантами на полотне из черного бархата. И ярко-желтые самоцветы, и мягкие красные штрихи, словно растушеванный пальцем след воскового мелка. Были ручейки и потоки не столь ярких звезд, похожие на стаи из миллиардов неоновых рыбок, застывших на моментальной фотографии. И огромные расплывающиеся кляксы зеленых и красных облаков, пронизанные жилками и окаймленные нитями прохладной черноты. И еще скалы и горы охряной пыли, настолько богатые трехмерными структурами, что напоминали щедрые мазки масляных красок. Сквозь пыль фонариками светили красные и розовые звезды. Там и тут я видел крошечные подмигивающие точки рождающихся солнечных систем. Это были пульсары, которые вспыхивали и гасли наподобие бакенов, и диссонанс-ные ритмы их вспышек задавали всей этой картине размеренный темп, наподобие смертельного

медленного вальса. Казалось, все это зрелище содержит слишком много деталей, ошеломляющее изобилие оттенков, и все же, куда бы я ни взглянул, везде находил что-то новое, будто купол ощущал мое внимание и концентрировал все свои усилия в той точке, куда устремлялся мой взгляд. На мгновение меня охватила слабость: почувствовав головокружение, я ухватился за край стола, точно хотел удержаться от падения в бездонную глубину того, что находилось у меня над головой.

— Да, именно так это действует на людей, — улыбнулась Грета.

— Это прекрасно.

— Ты хотел сказать «прекрасно» или «ужасно»?

Я вдруг понял, что не знаю, какой из ответов выбрать.

— Это настолько огромно… — пробормотал я через какое-то время.

— Само собой, все это ненастоящее, — пояснила Грета. Она приблизилась, и теперь ее голос звучал тише. — Купол сделан из «умного» стекла. Оно повышает яркость звезд, чтобы человеческий глаз смог увидеть разницу между ними. Сами же цвета реальны. Все остальное, что ты видишь, тоже показано весьма точно, если не считать того, что определенные участки спектра смещены в видимый диапазон, а масштаб некоторых структур изменен. — Она стала показывать знакомые объекты. — Это край большого темного облака в созвездии Тельца, из-за него выглядывают Плеяды. Это волокнистая структура Локального Пузыря. Видишь открытое скопление?

Она подождала, пока я отвечу.

— Да.

— Это Гиады. Вон там Бетельгейзе и Беллатрикс.

— Я впечатлен.

— На то и рассчитано. Такое зрелище стоит кучу денег. — Она немного отодвинулась, и на ее лицо вновь упали тени. — Ты себя хорошо чувствуешь, Том? Похоже, что-то не дает тебе покоя.

Я вздохнул:

— Просто услышал очередной прогноз от твоего приятеля Кол-динга. Этого вполне достаточно.

— Жаль!

— Есть и еще кое-что. Это гложет меня с той минуты, когда я выбрался из капсулы.

Подошел манекен. Я предоставил Грете заказать что-нибудь для меня.

— Можешь со мной поделиться, — сказала она, когда манекен удалился.

— Это нелегко.

— Значит, что-то личное? Катерина? — Она помолчала. — Извини. Мне не следовало вмешиваться.

— Нет, не Катерина. Во всяком случае, не совсем. — Но уже договаривая эти слова я знал, что в каком-то смысле речь пойдет о Катерине и о том, сколько пройдет времени, пока мы увидимся вновь.

— Продолжай, Том.

— Прозвучит это глупо, но… Но я до сих пор гадаю, все ли здесь со мной откровенны. И не только Колдинг. Ты тоже. Когда я выбрался из капсулы, то чувствовал себя точно так же, как и в тот раз, когда слетал к Разлому. Пожалуй, даже хуже. И не мог отделаться от ощущения, что пролежал в капсуле долго. Очень долго.

— Иногда такое случается.

— Я знаю разницу, Грета. Можешь мне поверить.

— Так что ты этим хочешь сказать?

Проблема состояла в том, что я не был уверен в своих выводах. Одно дело — испытывать смутное подозрение по поводу того, сколько я пробыл в капсуле. И совсем другое — обвинить мою хозяйку во лжи. Особенно когда она настолько гостеприимна.

— У тебя есть хоть какая-то причина лгать мне?

— Прекрати, Том. Ты сам-то понимаешь, о чем спросил?

Едва я поделился своим подозрением, как и мне оно показалось абсурдным и оскорбительным. Очень захотелось повернуть время вспять и начать разговор сначала, избежав этой оплошности.

— Прости. Глупость ляпнул. Просто свали это на сбитые биоритмы или найди еще какую причину.

Она подалась вперед и взяла меня за руку, как уже делала утром. Только сейчас она ее не выпускала.

— Ты правда чувствуешь себя не в своей тарелке?

— Увертки Колдинга мне не помогают, уж это точно. — Официант принес вино и поставил его на столик. Бутылка звякнула от прикосновения его изящных стеклянных пальцев. Он наполнил два бокала, я глотнул из своего. — Может, если бы рядом был кто-нибудь из моей команды, и мы смогли бы вместе все обсудить, мне стало бы легче. Да, ты сказала, что не стоит будить Сюзи и Рэя, но это было до того, как однодневная задержка превратилась в неделю.

Грета пожала плечами:

— Если хочешь их разбудить, никто тебе мешать не станет. Но не думай сейчас о делах. Давай не будем портить

замечательный вечер.

Я взглянул на небо. Оно стало ярче, обретя безумную мерцающую насыщенность, достойную кисти Ван Гога.

Даже взгляд на звездный купол опьянял и наполнял восторгом.

— Да что может его испортить? — спросил я.

* * *

Кончилось все тем, что я перебрал лишнего и переспал с Гретой. По поводу Греты судить не берусь. Что тут сыграло главную роль — вино или охлаждение ее отношений с Марселем? Во всяком случае, обольстительницей стала она, ведь именно ее замужество не удалось. Я всего лишь беспомощная жертва. Да, я поддался соблазну, но в этом нет моей вины. Я был один, вдали от дома, эмоционально уязвим, а она этим воспользовалась. Размягчила меня романтическим ужином, а сама уже взвела капкан.

Хотя, если честно, все это лишь жалкое самооправдание. Если мой брак действительно настолько крепкий, то почему я не упомянул Грету в сообщении домой? Пощадил чувства жены? Да нет, теперь-то я отчетливо понимал, что умолчал о Грете по совершенно иной причине. Уже тогда я знал, что мы наверняка окажемся в одной постели.

Проблема заключалась лишь в том, что у Греты на уме было совсем иное.

* * *

— Том, — сказала Грета, пробуждая меня легким толчком. Она лежала рядом обнаженная, опираясь на локоть. Бедра были прикрыты мятыми простынями. Свет в комнате превратил ее тело в абстрактную фигуру из молочно-голубых изгибов и темно-фиолетовых теней. Проведя черным ногтем по моей груди, она сказала: — Тебе надо кое-что знать.

— Что?

— Я солгала. Колдинг солгал. Мы все солгали.

Я был еще слишком сонный, и ее слова меня лишь слегка встревожили. Я смог лишь повторить:

— Что?

— Ты не на станции Саумлаки. И не в секторе Шедар. Тут я начал просыпаться окончательно.

— Повтори.

— Маршрутная ошибка оказалась гораздо более серьезной, чем мы тебе сказали. Она перенесла вас далеко за пределы Локального Пузыря.

Я стал искать в душе гнев, хотя бы негодование, но испытал лишь головокружительное ощущение падения в бездну.

— Насколько далеко?

— Гораздо дальше, чем ты считаешь возможным. Следующий вопрос был очевиден:

— За пределы Разлома?

— Да, — подтвердила она. — За пределы Разлома Орла. И очень далеко.

— Мне нужно знать все, Грета. Она встала, потянулась к халату:

— Тогда одевайся. Я покажу.

* * *

Все еще ошеломленный, я побрел следом за Гретой.

Она снова привела меня в купол. Тут было темно, как и накануне вечером, лишь маячками светились лампы на столах. Я предположил, что освещение на станции Саумлаки (или как ее там?) подчиняется лишь прихоти своих обитателей и вовсе не обязано соответствовать какому угодно циклу «день-ночь». Но все же не очень-то приятно обнаружить, что им управляют настолько произвольно. И если Грете позволено выключать освещение, когда ей вздумается, неужели никто не станет возражать?

Но возражать здесь было попросту некому. Компанию нам составлял лишь стеклянный манекен, стоявший наготове с салфеткой, переброшенной через согнутую руку.

Мы сели за столик.

— Хочешь выпить, Том?

— Спасибо, нет. Я сейчас не в настроении. И на то есть кое-какие причины.

Она коснулась моего запястья:

— Моя ложь — во спасение. Я не могла открыть тебе правду, всю и сразу.

Я отдернул руку:

— Разве не мне об этом судить?.. Так в чем заключается твоя правда?

— Она тебе не понравится, Том.

— Ты говори, а я уж сам как-нибудь разберусь.

Я не заметил ее движения, но внезапно купол снова

наполнился звездами, совсем как накануне вечером.

Картина дрогнула и устремилась наружу. Белым снегопадом хлынул поток звезд. Разноцветными клочьями проносились мимо призрачные туманности. Ощущение движения оказалось настолько реальным, что я ухватился за стол, борясь с головокружением.

— Спокойно, Том, — прошептала Грета.

Звездный поток отклонился, сжался. Надвинулась и скрылась позади сплошная стена межзвездного газа. Теперь у меня возникло ощущение, что мы оказались за пределами чего-то, пронзив границу замкнутой сферы, обозначенную лишь расплывчатыми арками и сгустками газа в тех местах, где его плотность резко возрастала.

Конечно. Это же очевидно. Мы пересекли границу Локального Пузыря.

И продолжали удаляться. Я смотрел, как уменьшается сам Пузырь, становясь лишь одной из ячеек «вспененного» галактического рукава. Вместо отдельных звезд я теперь видел лишь светящиеся пятна и точки — скопления сотен тысяч звезд. Это напоминало взлет над лесом: поляны еще видны, но отдельные деревья сливаются в аморфную массу.

А мы все удалялись. Затем расширение замедлилось и вскоре прекратилось. Я еще различал Локальный Пузырь, но только потому, что все это время не отрывал от него взгляда. Если бы не это, то я никак не смог бы выделить его среди десятков соседних пустот.

— Неужели мы настолько далеко? — спросил я. Грета покачала головой:

— Позволь мне кое-что показать.

Я опять не заметил, что она сделала, но Пузырь внезапно наполнился путаницей красных линий, словно нарисованных рукой ребенка.

— Это структура скважин, — догадался я.

Пусть меня коробило от ее лжи, пусть я боялся узнать *всю* правду, но я все же не мог отключить профессиональную часть своего сознания — ту ее часть, которая гордилась способностью распознавать такие вещи.

Грета кивнула:

— Это главные коммерческие маршруты, хорошо картированные трассы между большими колониями и основными торговыми узлами. Теперь я добавлю все известные соединения, включая те трассы, которые были пройдены случайно.

Резкого изменения красного клубка не произошло. Добавилось несколько петель и изгибов, один из которых пронзал

стену Пузыря и касался Разлома Орла. Два других пересекали границу в иных направлениях, но ни один из них Разлома не достигал.

— Где мы?

— На конце одного из этих соединений. Видеть его ты не можешь, потому что оно направлено точно на нас. — Она слегка улыбнулась. — Мне нужно было установить шкалу, чтобы ты лучше понял. Какова ширина Локального Пузыря, Том? Примерно четыреста световых лет?

Мое терпение начало истощаться. Но мне все еще было любопытно.

— Около того.

— И хотя я знаю, что время полета через скважину меняется от точки к точке и зависит от оптимизации синтаксиса и топологии сети, правильно ли, что средняя скорость примерно в тысячу раз превышает скорость света?

— Чуть больше, чуть меньше.

— Значит, на путешествие до края Пузыря может уйти… около полугода? Скажем, пять или шесть месяцев? И год — до Разлома Орла?

— Ты хорошо это знаешь, Грета. И я это знаю.

— Ладно. Тогда взгляни сюда.

И картинка снова начала отдаляться. Пузырь съеживался, потом его скрыли несколько перекрывающихся газовых структур, края поля зрения начали заполняться темнотой, и вскоре мы увидели знакомый спиральный вихрь нашей галактики — Млечного Пути.

Сотни миллиардов звезд, взбитые в пышные белые полосы морской пены.

— Это и есть настоящий вид, — пояснила Грета. — Разумеется, подработанный. Сделанный поярче и пропущенный через фильтры, чтобы лучше воспринимался человеческим глазом. Но если бы у тебя были глаза с квантовой эффективностью, близкой к идеальной, да еще примерно метрового размера, то приблизительно такую картинку ты бы и увидел, если бы вышел из станции.

— Я тебе не верю.

Но подразумевал я совсем другое — я не *хотел* ей верить.

— Привыкай, Том. Ты сейчас очень далеко. Станция находится на орбите вокруг коричневого карлика в Большом Магеллановом облаке. Ты в 150 тысячах световых лет от дома.

— Нет, — едва не простонал я, по-детски отвергая то, чего не хотел признавать.

— Ты ощутил себя так, словно провел в капсуле много

времени. И ты чертовски прав. Сколько прошло субъективного времени? Не знаю. Годы — вероятно. Возможно, десятилетие. Но объективное время — то, которое прошло дома — рассчитать гораздо легче. Чтобы добраться сюда, «Синему гусю» понадобилось сто пятьдесят лет. Даже если ты помчишься обратно прямо сейчас, Том, твое отсутствие там продлится триста лет.

— Катерина, — проговорил я, как заклинание.

— Катерина умерла. И мертва уже столетие.

* * *

Как можно свыкнуться с таким фактом? Ответ: нельзя рассчитывать на то, что с этим вообще можно свыкнуться. Не у каждого получается. Грета рассказала, что наблюдала практически весь спектр возможных реакций и хорошо поняла лишь одно: почти невозможно предсказать, как эту новость воспримет конкретный человек. Она видела тех, кто в ответ на такое откровение лишь устало пожимал плечами, словно оно становилось последним в цепочке горьких сюрпризов, которые подбрасывала им жизнь — в каком-то смысле не страшнее болезни, тяжелой утраты или любого количества личных неудач. А видела и таких, кто просто уходил и через полчаса сводил счеты с жизнью.

Но большинство, по ее словам, со временем примирялось с реальностью, несмотря на мучительный и болезненный процесс самого примирения.

— Ты уж поверь мне, Том, — сказала она. — Я знаю, в тебе есть сила, чтобы пройти через это. Знаю, что ты можешь научиться жить и с такой правдой.

— Почему же ты не сказала ее сразу, как только я вылез из капсулы?

— Потому что тогда еще не была уверена, что ты сможешь ее принять.

— И когда ж ты обрела эту уверенность?

— После этой ночи. Я поняла, что Катерина не может значить для тебя слишком много.

— Сука!

— А ты с этой сукой переспал. О чем и речь.

Мне захотелось ее ударить. Но разозлил меня не ее цинизм, а жестокая правда ее слов. Она была права, и я это знал. Мне просто не хотелось это признавать — не больше, чем хотелось признавать то, что происходило здесь и сейчас.

Я подождал, пока не уляжется злость.

— Так ты сказала, что мы не первые? — спросил я.

— Нет. Думаю, первым стал корабль, на котором прилетела я. К счастью, он оказался хорошо оснащен. После такой же маршрутной ошибки у нас нашлось достаточно запасов, чтобы заложить самоподдерживающуюся станцию на ближайшем астероиде. Мы знали, что вернуться нам не суждено, но зато мы хотя бы смогли обеспечить себе более или менее нормальную жизнь.

— А потом?

— Первые годы у нас хватало дел, чтобы просто остаться в живых. А потом из скважины вылетел другой корабль. Поврежденный, дрейфующий — совсем как «Синий гусь». Мы отбуксировали его к себе, разбудили команду, сообщили им новость.

— И как они ее восприняли?

— Примерно так, как мы и ожидали. — Грета усмехнулась. — Двое сошли с ума. Одна покончила с собой. Но не меньше десятка из них все еще здесь. Если честно, то для нас стало благом, что сюда попал еще один корабль. И не только потому, что у них оказались припасы. Помогая им, мы помогли себе. Перестали жалеть себя, несчастненьких… И этот корабль не стал последним. С тех пор все повторялось еще раз восемь или девять. — Грета смотрела на меня, подперев голову рукой. — Улавливаешь намек, Том.

— Какой именно?

— Я знаю, как тебе сейчас тяжело. И это не пройдет так скоро. Но если тебе будет, о ком беспокоиться, то забота исцелит тебя. Сгладит переход.

— И о ком же мне заботиться?

— О ком-нибудь из твоего экипажа. Теперь ты уже можешь разбудить одного из них.

* * *

Грета стоит рядом, когда я вытаскиваю Сюзи из компенсаторной капсулы.

— Почему ее? — спрашивает Грета.

— Потому что ее я хочу разбудить первой, — отвечаю я, гадая, уж не ревнует ли Грета. Я ее не виню — Сюзи очень красива, но она еще и умна. Лучший синтакс-штурман в «Ашанти индастриал».

— Что случилось? — спрашивает Сюзи, когда у нее проходят

неизбежные после пробуждения слабость и головокружение. — Нам удалось вернуться?

Я прошу ее поделиться своими последними воспоминаниями.

— Таможня, — отвечает Сюзи. — Эти кретины на Архангеле.

— А потом? Что-нибудь еще? Руны? Ты помнишь, как вычисляла их?

— Нет, — говорит она и что-то улавливает в моем голосе. Может, я лгу или не говорю всего, что ей нужно знать. — Том, еще раз спрашиваю. Нам удалось вернуться?

Минуту спустя мы укладываем Сюзи обратно в капсулу. В первый раз не сработало. Возможно, получится в следующий раз.

* * *

Но у нас снова и снова ничего не получалось. Сюзи всегда была умнее меня, она быстрее соображала. Едва выбравшись из капсулы, она сразу догадывалась, что мы улетели гораздо дальше сектора Ше-дар. И всегда опережала мое вранье и оправдания.

— У меня было иначе, — поведал я Грете, когда мы снова лежали рядом несколько дней спустя. Сюзи все еще находилась в капсуле. — Думаю, сомнения терзали меня так же, как и ее. Но едва я увидел рядом тебя, как сразу обо всем позабыл.

Грета кивнула. Ее лицо скрывали растрепавшиеся после сна пряди волос. Одна прядка оказалась между губами.

— Тебе ведь стало легче, когда ты увидел знакомое лицо?

— Отвлекло меня от проблемы, уж это точно.

— Все равно тебе от нее никуда не деться. Кстати, с точки зрения Сюзи, ты ведь для нее тоже знакомое лицо, правильно?

— Возможно. Но меня она ожидала увидеть. А вот я, если и ожидал кого-то увидеть возле капсулы, то уж точно не тебя.

Грета провела согнутым пальцем по моей щеке. Ее гладкая кожа скользнула по щетине.

— Но тебе постепенно становится легче, так ведь? — спросила она.

— Не уверен.

— Ты сильный человек, Том. И я знаю, что ты сможешь пройти через это.

— Но пока еще не прошел, — буркнул я. Меня не покидало чувство, будто я иду по канату, натянутому над Ниагарским водопадом. Просто чудо, что я смог пройти по нему столько, сколько успел. Но это не означает, что я в безопасности.

Все же Грета права. Надежда есть. Меня не завязывала узлом тоска по поводу смерти Катерины или моего вынужденного

невозвращения — называйте, как хотите. Я испытывал лишь горько-сладкое сожаление, какое может появиться, если нечаянно сломаешь фамильную драгоценность или вспомнишь давно умершего домашнего любимца. Меня не мучила мысль, что я никогда больше не увижу жену. Но мне было очень жаль, что я не увижу многого другого. Возможно, потом мне станет хуже. Может быть, настоящий нервный срыв еще впереди. Хотя вряд ли.

А тем временем я продолжал искать способ, как сообщить обо всем Сюзи. Она стала загадкой, которая не давала мне покоя. Конечно, я мог просто разбудить ее, все рассказать, а дальше пусть она справляется, как может, но такое решение представлялось мне жестоким. Ведь Грета открыла мне истину мягко и постепенно, дав время привыкнуть к новой обстановке. И сделала необходимый шаг, отдаляющий меня от Катерины. Когда же она сообщила кошмарную истину, та уже не потрясла меня. Я был к ней подготовлен, а острота утраты притупилась. Я не мог предложить Сюзи такое же утешение, но не сомневался: способ терпеливо и деликатно открыть ей действительность отыщется непременно.

Мы будили ее снова и снова, пробовали самые разные подходы. Грета сказала, что имеется «окно» в несколько минут, прежде чем пережитые Сюзи события начнут перемещаться в ее долговременную память. Если мы «выключим» ее вовремя, то буферные воспоминания в кратковременной памяти окажутся стерты еще до того, как пересекут гиппокамп, направляясь в долговременную память. В пределах этого «окна» мы можем будить ее сколько угодно раз, пробуя бесконечные варианты сценария пробуждения.

Во всяком случае, так мне сказала Грета.

— Мы не можем проделывать это бесконечно, — сказал я.

— Почему?

— Разве она не запомнит хоть что-нибудь? Грета пожала плечами:

— Возможно. Но сомневаюсь, что она придаст этим воспоминаниям серьезное значение. Разве у тебя, когда ты вылезал из капсулы, никогда не возникало смутного впечатления, что подобное с тобой уже происходило?

— Иногда, — признал я.

— Тогда пусть это тебя не беспокоит. У нее все будет хорошо. Обещаю.

— Может, ее надо просто разбудить, и все?

— Вот это будет жестоко.

— Жестоко снова и снова будить ее, а потом выключать, словно механическую куклу.

В ответе Греты чувствовался подтекст:

— А ты старайся, Том. Я уверена: ты уже близок к правильному решению. А думая о Сюзи, ты помогаешь себе. Я всегда знала: это поможет.

Я начал было отвечать, но Грета прижала палец к моим губам.

* * *

Грета оказалась права. Ответственность за Сюзи помогала мне заглушить собственную тоску. Я вспомнил слова Греты о других экипажах, оказавшихся в той же ситуации еще до нас. Ясно, что моя подруга освоила много психологических трюков — гамбитов и кратких путей, облегчающих адаптацию. Я испытывал легкую обиду из-за того, что мною столь эффективно манипулировали. Однако с удовлетворением отмечал: мое собственное самочувствие заметно улучшается. Оторванность от дома уже не доставляла мне невыносимых страданий. Более того, я даже стал считать, что нахожусь в привилегированном положении: я оказался в космосе так далеко, как это не удавалось почти никому в истории. Я все еще был жив, и меня окружали люди — то есть любовь, партнерство и участие. И не только со стороны Греты, но и всех собратьев по несчастью.

Кстати, их оказалось гораздо больше, чем я увидел в первый день. В коридорах — сперва почти пустых — становилось все более многолюдно, а когда мы обедали в куполе под Млечным Путем, то многие столики оказывались заняты. Я вглядывался в лица сотрапезников, мне было приятно узнавать знакомые черты, и я гадал, какие истории могут рассказать эти люди, где был их дом, кто у них там остался, как они приспособились к жизни здесь. У меня будет еще много времени, чтобы познакомиться со всеми. А на этой станции никогда не станет скучно, потому что в любой момент, как сказала Грета, из скважины может появиться очередной заблудившийся корабль. Трагедия для его команды, но для нас — новые лица, свежие новости из дома.

В целом, все складывалось не так уж и плохо. А потом у меня в голове щелкнуло.

Причиной стал мужчина, достававший рыбину из прудика в вестибюле отеля.

Я его уже видел. Возле другого пруда с больными карпами. В другом отеле.

Затем я вспомнил гнилые зубы Колдинга, и как они напомнили мне о другом человеке, которого я повстречал очень

давно. Но фокус заключался в том, что это вовсе не был другой человек. Другое имя, другие обстоятельства, но во всем остальном Колдинг от него ничем не отличался. А когда я пригляделся к другим обедающим — как следует пригляделся, — то смог бы поклясться, что уже видел любого из них прежде. Здесь не оказалось ни единого лица, поразившего бы меня полной незнакомостью.

Оставалась Грета.

И я спросил ее, глотнув вина:

— Здесь все ненастоящее, так ведь?

Она ответила бесконечно печальным взглядом и кивнула.

— А как же Сюзи? — спросил я.

— Сюзи мертва. И Рэй тоже. Они скончались в капсулах.

— Но как? И почему они, а не я?

— Частички краски забили входные фильтры. На коротких маршрутах это почти не имело значения, но оказалось достаточно, чтобы убить их во время полета сюда.

Полагаю, какая-то часть моего сознания всегда это подозревала. И шок оказался слабее, чем жестокое разочарование.

— Но Сюзи выглядела такой реальной. Даже в том, как она сомневалась, сколько пролежала в капсуле… и в том, как она вспоминала предыдущие попытки ее разбудить.

К столику подошел стеклянный манекен. Взмахом руки Грета отослала его.

— А это я сделала ее убедительной.

— Ты ее *сделала?*

— Ты еще не проснулся окончательно, Том. В твой мозг закачивается информация. И вся эта станция — симуляция.

Я глотнул вина, ожидая, что вкус его вдруг станет водянистым и синтетическим, но оно и теперь имело вкус очень хорошего вина.

— Значит, я тоже мертв?

— Нет. Ты жив. И до сих пор лежишь в своей капсуле. Но я пока не привела тебя в сознание полностью.

— Ладно. Теперь поведай мне всю правду. Я смогу ее принять. Что здесь реально? Существует ли станция? Действительно ли мы настолько далеко, как ты говорила?

— Да. Как я и говорила, станция реальна. Просто она выглядит… иначе. И она действительно находится в Большом Магеллановом облаке и обращается вокруг коричневого карлика.

— А можешь показать станцию такой, какая она есть?

— Могу. Но не считаю, что ты к этому готов. Я едва удержался от невеселого смеха:

— Даже после всего, что я уже узнал?

— Ты проделал лишь половину пути, Том.

— А ты прошла его до конца.

— Прошла, Том. Но для меня он был иным. — Грета улыбнулась.

— Для меня все было иным.

Затем она снова изменила картину над нашими головами. Остальные, сидящие за столиками, словно не заметили, как изображение Млечного Пути стало приближаться и мы помчались к галактической спирали, пробиваясь сквозь скопления наружных звезд и газовые облака. Знакомый ландшафт Локального Пузыря стремительно заполнял купол.

Изображение застыло, Пузырь стал лишь одним из многих подобных структур.

Его снова заполнил спутанный красный клубок сети скважин. Но теперь эта сеть была не единственной, а лишь одним из многих клубков красной пряжи, разбросанных на десятки тысяч световых лет. Ни один из них не касался другого, но по их форме и по тому, насколько тесно они располагались, было легко представить, что когда-то они составляли единую систему. Они выглядели как очертания континентов на планете с дрейфующими тектоническими плитами.

— Когда-то эта сеть охватывала всю Галактику, — пояснила Грета.

— Потом что-то произошло. Нечто катастрофическое, чего я до сих пор не понимаю. То, что раскололо ее на совсем небольшие домены. В среднем по двести световых лет в поперечнике.

— А кто ее создал?

— Не знаю. Никто не знает. Создателей, вероятно, уже нет. Может быть, поэтому сеть и разрушилась — за ней никто не присматривал.

— Но мы ее нашли, — заметил я. — И участок вблизи от нас все еще работает.

— Да, все отдельные элементы большой сети до сих пор функционируют. Нельзя попасть из одного домена в другой, но сами скважины работают так, как было задумано. За исключением, разумеется, редких маршрутных ошибок.

— Ладно. Но если нельзя перебраться из домена в домен, то каким образом «Синий гусь» оказался настолько далеко? Мы пролетели гораздо больше двухсот световых лет.

— Ты прав. Но такие соединения между очень далекими точками могли быть созданы иначе, чем остальные. Похоже, связи с Магеллановым Облаком оказались более прочными. И когда связи между доменами разрушились, внегалактические линии

уцелели.

— В таком случае можно перебраться из домена в домен. Но для этого сперва нужно попасть сюда.

— Проблема в том, что, попав сюда, немногие хотят продолжить путешествие. Ведь никто не оказался здесь по своей воле, Том.

— Все равно не понимаю. Какая мне разница, существуют ли другие домены? Эти области Галактики находятся в тысячах световых лет от Земли, а без скважин нам до них никогда не добраться. Они не имеют значения. Там нет никого, кто ими воспользовался бы.

Грета улыбнулась:

— Почему ты в этом настолько уверен?

— Потому что в противном случае разве не стали бы выскакивать из нашей скважины инопланетные корабли? Ты сказала, что «Синий гусь» не был здесь первым. Но наш домен — Локальный Пузырь — лишь один из сотен. И если есть чужие цивилизации, каждая из которых заперта в пределах собственного домена, то почему ни один из их кораблей не прошел через эту скважину, как наш?

Вновь такая же улыбка. Но теперь от нее у меня застыла кровь.

— А с чего ты взял, что этого не было, Том?

Я подался вперед и взял ее за руку — так, как прежде брала она. Я сделал это без грубости, без угрозы, но с уверенностью, что на сей раз я действительно и искренне хочу того, о чем намеревался попросить.

Ее пальцы сжали мои.

— Покажи, — попросил я. — Я хочу увидеть все таким, каким оно выглядит в действительности. И не только станцию. Тебя тоже.

Потому что к тому времени я все понял. Грета солгала мне не только по поводу Рэя и Сюзи. Она солгала еще и о «Синем гусе». Потому что мы не были последним из попавших сюда человеческих кораблей.

Мы стали первыми.

— Ты хочешь это увидеть? — переспросила она.

— Да. Всё.

— Тебе не понравится.

— Об этом судить мне.

— Хорошо, Том. Но пойми вот что. Я уже бывала здесь прежде. Я проделывала такое миллион раз. Я забочусь обо всех потерянных душах. И знаю, как это работает. Ты будешь не в состоянии принять суровую реальность того, что с тобой

случилось. Ты съежишься, убегая от нее. И сойдешь с ума, если я не заменю правду успокоительной фикцией. Счастливым концом.

— Зачем говорить мне об этом сейчас?

— Потому что тебе не обязательно это видеть. Ты можешь остановиться там, где ты находишься, имея представление об истине. Пусть неполное и нечеткое, но представление. И ты вовсе не обязан открывать глаза.

— Сделай, о чем я прошу.

Грета пожала плечами. Налила себе вина, затем наполнила мой бокал.

— Ты сам этого захотел, — сказала она.

Мы все еще держались за руки — двое любовников в момент близости. Затем все изменилось.

Это было похоже на вспышку, нечто мимолетное и еле уловимое. Примерно как вид незнакомой комнаты, если в ней на мгновение включить свет. Предметы, силуэты, взаимосвязи между ними. Я увидел пещеры и полости, пересекающиеся коридоры, похожие на червоточины, и существ, которые перемещались по ним с суетливой целеустремленностью кротов или термитов. Создания эти редко походили друг на друга, даже в самом поверхностном смысле. Некоторые двигались за счет волнообразных перемещений многочисленных когтистых конечностей, наподобие сороконожек. Другие извивались, шурша гладкими пластинками панцирей по стеклянистому камню туннелей.

А перемещались эти существа между пещерами, в которых покоились туши чужих кораблей — слишком странные для описания.

И где-то далеко, где-то вблизи центра астероида, в собственном матриархальном помещении, нечто барабанило послания своим помощникам и собратьям, ударяя жесткими, коленчатыми и ветвящимися, словно оленьи рога, передними конечностями по кожаному барабану в мельчайших прожилках. Нечто, что ждало здесь тысячелетиями. Нечто, желающее только одного — заботиться о потерянных душах.

* * *

Катерина помогла Сюзи вытащить меня из капсулы.

Мне было хреново — одно из самых мерзких пробуждений, через которые мне довелось пройти. Впечатление создавалось такое, словно каждая вена в моем теле наполнена мелко истолченным стеклом. На мгновение, показавшееся мне

бесконечно долгим, сама мысль о дыхании стала для меня невыносимо трудной, слишком тяжелой и болезненной даже для обдумывания.

Но прошло и оно, как проходит все.

Через некоторое время я уже мог не только дышать, но даже шевелиться и говорить.

— Где…

— Спокойно, кэп, — сказала Сюзи, наклоняясь и начиная отключать меня от всех систем капсулы. Я невольно улыбнулся. Сюзи умна — она лучший синтакс-штурман в «Ашанти индастриал», — но она еще и очень красива. И сейчас за мной словно ангел ухаживает.

Хотел бы я знать, ревнует ли Катерина.

— Где мы? — делаю я вторую попытку. — У меня такое ощущение, словно я провалялся в чертовой капсуле целую вечность. Что-то случилось?

— Мелкая маршрутная ошибка, — сообщила Сюзи. — У нас небольшие повреждения, и меня решили разбудить первой. Но не переживай. Главное, что мы живы.

Маршрутные ошибки. Ты слышишь разговоры о них, но надеешься, что с тобой такое никогда не случится.

— Большая задержка?

— Сорок дней. Мне очень жаль, Том. Накрылись наши премиальные.

Я гневно бью кулаком по стенке капсулы. Но тут подходит Катерина и успокаивает меня, положив руку на мое плечо.

— Все хорошо, — говорит она. — Ты в безопасности. А это самое главное.

Я смотрю на нее и на мгновение передо мной возникает лицо какой-то другой женщины, о которой я не думал уже много лет. Я даже почти вспоминаю ее имя, но это мгновение проходит.

— В безопасности, — соглашаюсь я и киваю.

Дэрил Грегори
Второе лицо, настоящее время [79]

Если вы думаете: «Я дышу», то «я» здесь лишнее. Нет того, кто произносит «я». То, что мы называем своим «я», — это просто вращающаяся дверь, которая движется, когда мы вдыхаем и когда мы выдыхаем.

Сюнрю Судзуки[80]

Я долго думал, что мозг — самая важная часть моего организма. Потом я понял, кто внушает мне эту мысль.

Эмо Филипс

Войдя в кабинет, я вижу доктора С, который, облокотившись о стол, ведет серьезную беседу с родителями умершей девочки. Ему не до веселья, но, подняв на меня взгляд, он изображает на лице улыбку.

— А вот и она, — весело говорит он, совсем как ведущий развлекательного шоу, демонстрирующего грандиозный приз.

Сидящие на стульях люди оборачиваются, и доктор Субраманьям незаметно ободряюще подмигивает мне.

Отец встает первым, это мужчина с квадратным, в старческих пятнах лицом, с тугим, как баскетбольный мяч, животом, который он гордо несет перед собой. Как и в предыдущие наши встречи, выглядит он насупленным, но изо всех сил старается придать лицу приличествующее его чувствам выражение. А мать уже вся в слезах, лицо ее полностью открыто всем эмоциям: радости, страху, надежде, облегчению. С таким лицом идут в атаку.

— Ой, Тереза, — говорит она. — Ты готова ехать домой?

Их дочь звали Терезой. Она умерла от передозировки почти два года назад, и с тех пор Митч и Элис Класс без конца ездят в этот госпиталь, чтобы навестить ее. Им так отчаянно хочется, чтобы я была их дочерью, что они в этом уже не сомневаются.

Моя рука все еще лежит на дверной ручке. — А у меня есть выбор?

Согласно документам, мне всего семнадцать лет. У меня нет

ни денег, ни кредитных карточек, ни работы, ни машины. Только кучка одежды. Да еще Роберто, дородный палатный санитар, который стоит в коридоре у меня за спиной, отрезая мне путь к отступлению.

У матери Терезы, похоже, на мгновение перехватывает дыхание. Это стройная, худощавая женщина, из тех, что выглядят высокими лишь в сравнении с другими людьми. Митч поднимает руку к ее плечу, затем опускает.

Как всегда во время визитов Элис и Митча, у меня возникает ощущение, будто я оказалась в гуще какой-то «мыльной оперы», где никто не может подсказать, как мне играть свою роль. Я в упор смотрю на доктора С, но его лицо застыло в профессиональной улыбке. Несколько раз за последние годы он убеждал их в необходимости еще подержать меня здесь, но они больше его не слушают. Они мои законные опекуны, и у них Другие Планы. Доктор С, отвернувшись от меня, потирает кончик носа.

— Так я и думала, — говорю я.

Отец хмурится. Мать разражается новой порцией слез и не успокаивается, пока мы не выходим из здания. Доктор Субраманьям, засунув руки в карманы, стоит у входа и наблюдает за тем, как мы отъезжаем. Никогда в жизни я так не злилась на него — за все эти два года.

Название этого наркотика — дзен, или «зомби», или просто «Z». Благодаря доктору С. я довольно хорошо представляю себе, как дзен убил Терезу.

— Резко взгляни влево, — сказал мне однажды доктор. — Теперь быстро посмотри направо. Видишь ли ты комнату как бы в дымке, когда переводишь взгляд? — Он подождал, пока я проделаю это снова. — Нет никакой дымки. Никто ее не видит.

Такого рода вопросы приводят доктора в состояние возбуждения и беспокойства. Эту дымку не только никто не видел, она начисто вычеркивалась из сознания. Мозг перепрыгивал через нее — взгляд налево, затем взгляд направо, а между ними — полное отсутствие чего бы то ни было. Мозг так играет с чувством времени человека, что ему кажется, что никаких пропусков и вовсе нет.

Ученые установили, что мозг всегда вымарывает лишнее дерьмо. Они подключали пациентов к приборам, приказывая им поднять палец и подвигать им столько раз, сколько им захочется.

Каждый раз после того, как мозг направлял сигнал, проходило до ста двадцати миллисекунд, прежде чем пациент сознательно решал пошевелить пальцем. Доктор С. говорил, что можно видеть, как мозг разогревается перед тем, как человек

сознательно подумает: «Пора».

Это странно и становится еще более странным по мере того, как вы над этим размышляете. А я много об этом думала.

Вот, к примеру, сознательное желание: «Я, — думает мое «я», — да ведь я пить хочу». Я потянусь за стаканом холодной воды, но на самом деле это еще ничего не решает. К тому времени, как *вы* еще только осознаете, что вас мучит жажда, сигнал к началу движения вашей руки уже проделал половину пути. *Мышление* — это слишком поздно пришедшая в голову мысль. Между прочим, говорит мозг, мы решили двинуть вашей рукой, так что будьте добры, подумайте об этом.

Интервал обычно составляет максимум сто двадцать миллисекунд. Дзен растягивает эту цифру до минут. Часов.

Если вы столкнетесь с человеком, подсевшим на дзен, вы не очень-то это заметите. Мозг такого человека все еще принимает решения, а тело все еще следует его приказам. Вы можете разговаривать с этими людьми, и они могут с вами разговаривать. Вы можете обмениваться с ним шутками, вместе уплетать гамбургеры, выполнять домашнее задание, заниматься сексом.

Но этот человек уже не осознает себя как личность. У него нет своего «я». С таким же успехом вы можете разговаривать с компьютером. А два человека с дзеновой зависимостью — «вы» и «я» — это уже общающиеся между собой марионетки.

Комната заполнена игрушками маленькой девочки вперемешку с аксессуарами подростка На полках и подоконниках бок о бок с мягкими зверушками громоздятся стопки компакт-дисков с христианским роком, повсюду расчески и пузырьки с лаком для ногтей. Красотки из «Teen People», прикрепленные скотчем к стене, соседствуют со щитом, обвешанным футбольными наклейками и медалями любительской гимнастической лиги, восходящими ко второму классу школы. Над столом — дощечка под заголовком «Я обещаю…» с призывом к христианской молодежи воздерживаться от секса до вступления в брак. И везде прилепленные и пришпиленные к стене фотографии: Тереза в библейском лагере, Тереза на гимнастическом бревне, Тереза в обнимку с друзьями детства. Каждое утро, открывая глаза, она видела перед собой тысячу напоминаний о том, кто она такая, кем была и кем намеревалась стать.

Я беру в руки большущего медведя-панду, который занимает почетное место на кровати. Он выглядит старше меня, и мех у него на морде протерся до самого ватина. Пуговичные глазки висят на ниточках, должно быть, их пришивали уже не раз.

Отец Терезы ставит на пол мою жалкую сумочку, в которой лежит все, что я забрала с собой из госпиталя: туалетные принадлежности, пара смен белья да пять книг доктора С.

— Думаю, старина мишка Бу заждался тебя, — говорит он.

— Мишка Бу Ву.

— Да, да, Бу Ву! — Ему приятно, что я знаю это. Как будто это что-то доказывает. — Знаешь, твоя мать каждую неделю пылесосила эту комнату. Она никогда не сомневалась в том, что ты вернешься.

Я никогда не была здесь, а *она* — никогда не вернется, но я уже устала уточнять местоимения.

— Что ж, это хорошо, — говорю я.

— Для нее это было трудное время. Она знала, о чем болтали люди, возможно, они возлагали на нее ответственность, да, по правде говоря, — на нас обоих. Ее мучило то, что они говорили о тебе. Ей была ненавистна мысль о том, что они считали тебя одержимой.

— Они? Он моргает.

— Церковь.

— А-а. Церковь.

В те давние месяцы этот термин служил для Терезы вместилищем стольких чувств и сопутствующих понятий, что я уже не пыталась в них разобраться. Воплощением этого термина было красно-кирпичное здание Давенпортской христианской церкви с рядом высоких глянцевых окон, напоминавших своей формой надгробные камни. Проникавшие сквозь них лучи света призрачно дрожали внутри в пыльном полумраке. Это была церковь Всевышнего Господа и Святого Духа (но не Иисуса — он был особой святыней, в некотором роде сам по себе). Большинство ее прихожан, множество людей, знали Терезу, можно сказать, еще до того, как она родилась. Они ее любили, оберегали и оценивали каждый ее шаг. Это было все равно что иметь тысячу сверхзаботливых родителей.

Я чуть не рассмеялась:

— Церковь и вправду считает, что Тереза была одержимой? Он хмурится, но я не уверена, из-за чего, — оттого ли, что я оскорбила Церковь, или оттого, что продолжаю называть его дочь по имени.

— Нет, конечно. Просто с тобой было много хлопот. — Звучащее в его голосе здравомыслие, вероятно, никогда не давало расслабиться его дочери. — Ты знаешь, в храме каждую неделю молились за тебя.

— Молились? — Я достаточно хорошо знаю Терезу и уверена, что это унижало бы ее. Сама она молилась, но была не из тех, за

кого молились другие.

Отец Терезы наблюдает, не появится ли на моем лице краска стыда или хотя бы несколько слезинок. Раскаяние свидетельствовало бы о маленьком шажке к вере. Однако мне трудно принимать любое из этих понятий всерьез.

Я сажусь на кровать и глубоко погружаюсь в матрас. Так дело не пойдет. Эта двуспальная кровать занимает большую часть комнаты, вокруг нее лишь несколько футов свободного пространства. Где же я буду медитировать?

— Ну да ладно, — говорит отец Терезы. Голос его смягчился. Может быть, он думает, что победил. — Возможно, тебе еще захочется измениться, — добавляет он.

Митч направляется к двери, но не уходит. Я смотрю в окно и чувствую, что он явно медлит. Наконец ощущение странности ситуации заставляет меня обернуться.

Он смотрит в пол, схватившись рукой за шею. Должно быть, Тереза была способна интуитивно чувствовать его настроение, но мне такое не под силу.

— Мы хотим тебе помочь, Тереза. Но многого мы просто не в состоянии понять. Кто давал тебе наркотики, почему ты сбежала с этим парнем, почему ты… — Он трет шею тем душащим жестом, который может означать как гнев, так и всего лишь огорчение. — Это так… тяжело.

— Я знаю, — говорю я. — Мне тоже.

Выходя, он хлопает дверью, а я стаскиваю панду на пол и с облегчением валюсь спиной на кровать. Бедный мистер Класс. Он просто хочет знать, сама ли его дочь сбилась с пути истинного, или ее к этому подтолкнули.

Когда мне хочется покуражиться над собой, я начинаю думать о той «себе», что думает, будто у нее есть свое собственное «я». Единственное, что может быть дебильнее беседующих между собой марионеток, так это марионетка, которая разговаривает сама с собой.

Доктор С. говорит, что никто не знает, что такое разум и каким образом его порождает мозг, и уж поистине никому не дано ответить на вопрос, что такое сознание. Пока я была в госпитале, мы говорили об этом чуть ли не ежедневно, а после того, как он понял, что меня интересует эта материя, — да и как тут было не заинтересоваться? — то стал давать мне книги, и мы часто вели с ним беседы о мозге, о том, как он стряпает мысли, как принимает решения.

— Как я это объясняю? — обычно начинает он. И затем

обкатывает на мне метафоры для книги, над которой в тот момент работает. К моим любимым относятся «Парламент», «Страница» и «Королева».

— Мозг, безусловно, не является неделимым целым, — говорит он мне. — Это миллионы вспыхивающих клеток, сгруппированных в сотни активных зон, благодаря которым воспроизводится разум. Мозг — это средоточие массы узлов, каждый из которых старается перекричать остальных. Чтобы принять любое решение, разум с грохотом прорывается наружу, а это вызывает… как бы это получше объяснить… Ты видела когда-нибудь заседание английского Парламента на C-SPAN?[81]

Конечно же видела: телевизор в госпитале — неизменный спутник пациента.

— Так вот, эти члены умственного парламента все как один надрываются от крика под действием химических реакций и электрических разрядов до тех пор, пока достаточное количество голосов не заорет в унисон. Динг! Это уже «мысль», «решение». Парламент незамедлительно посылает сигнал телу, заставляя его действовать в соответствии с принятым решением, и одновременно дает указание Странице, чтобы та приняла новость к сведению.

— Постойте, что за Страница? Он отмахивается от меня:

— Сейчас это не так важно. — Несколькими неделями позже, во время другой дискуссии, доктор С. объяснит, что Страница — не какая-то отдельная субстанция, а целый каскад нервных событий во временном пространстве пограничной системы, сцепляющей воедино нервную карту новой мысли с существующей нервной картой. Однако к тому времени я уже знаю, что «нервная карта» — это просто еще одна метафора для другого чрезвычайно сложного понятия или процесса, и понимаю, что никогда до конца не проникну в его суть. Доктор С. сказал, что меня не должно это беспокоить, так как еще никто не докапывался до истины. — А уже Страница передает новость о принятом решении Королеве.

— Так, хорошо, и кто же такая Королева? Сознание?

— Совершенно верно. Оно самое.

Он лучезарно улыбается мне, своей внимательной студентке. Разговор об этой неразберихе, как не что иное, захватывает доктора С, и он не обращает внимания на то, что у меня распахивается ворот рубашки, когда я вытягиваюсь на кушетке. Если бы я только могла засунуть полушария своего мозга в кружевной бюстгальтер.

— Страница, — продолжает он, — докладывает о решении Парламента Ее Величеству. Королеве нет необходимости знать

обо всех предшествующих дискуссиях, обо всех вариантах, которые были отвергнуты. Ей просто надо знать, что объявить своим подданным. Именно это она и делает, отдавая приказ частям тела действовать в соответствии с решением.

— Погодите, я думала, что Парламент уже отправил сигнал. Вы раньше говорили, что можете видеть, как мозг разогревается еще до того, как его обладатель узнает об этом.

— В том-то и фокус. Королева оглашает решение и думает, что ее подданные повинуются ее командам, а на самом деле им уже было сказано, что делать. Они уже тянутся за своими стаканами воды.

Надев спортивные брюки и футболку Терезы, я босиком спускаюсь в кухню. Футболка слегка тесновата: Тереза, поборница диеты и чистки организма на олимпийском уровне, была чуть поизящнее меня.

Элис, уже одетая, с раскрытой книгой сидит за столом.

— Ну, ты заспалась сегодня, — весело говорит она.

На лице у нее легкий макияж, волосы уложены и сбрызнуты лаком. Рядом с книгой стоит пустая кофейная чашка. Элис уже давно ждет меня.

Я озираюсь по сторонам в поисках часов и обнаруживаю их над дверью. Всего лишь девять. В госпитале я обычно вставала позже.

— С голоду умираю, — говорю я.

В кухне холодильник, плита и множество шкафчиков.

Я сроду не готовила себе завтрак. Да и ланч с обедом, если уж на то пошло. Мне всю жизнь подавали еду на столовских подносах.

— У тебя есть яичница-болтунья? Она моргает.

— Яйца? Ты не… — Она внезапно встает. — Конечно. Сиди, Тереза, я приготовлю.

— Зови меня просто Терри, хорошо?

Элис останавливается, собирается что-то сказать — я почти слышу лязг шестеренок в ее голове, — потом вдруг большими шагами направляется к шкафчику, наклоняется и вытаскивает сковородку с антипригарным покрытием.

Я прикидываю, в котором из шкафчиков здесь держат кофе, безошибочно угадываю и вытряхиваю из горшочка последнюю горстку кофе.

— Тебе не надо идти на работу? — осведомляюсь я.

Элис занимается чем-то в компании, обеспечивающей ресторанные поставки; Тереза всегда была скупа на детали.

— Я взяла отпуск, — говорит она и разбивает яйца о край

сковородки, производя при этом неуловимые манипуляции со скорлупой. Из разбитого яйца выскакивает желток и плюхается на сковородку, половинки скорлупок Элис вставляет одна в другую. Все это одной рукой.

— Зачем?

Элис натянуто улыбается:

— Мы просто не могли оставить тебя одну теперь, когда ты наконец попала домой. Я подумала, что нам надо побыть какое-то время вместе. Чтобы ты привыкла.

— Так когда я должна показаться этому терапевту? Как там его?

Моему палачу.

— Это женщина. Доктор Милдоу живет в Балтиморе, так что завтра мы туда поедем.

Это ее грандиозный план. Доктор Субраманьям не сумел вернуть им Терезу, вот они и хватаются за любого, кто говорит, что сможет это сделать.

— Понимаешь, у нее большой опыт лечения таких людей, как ты. Это ее книга. — Она кивает на стол.

— Да ну? Доктор Субраманьям тоже пишет книжку.

Я беру книгу. «Дорога домой: реабилитация детей, пострадавших от дзена».

— А что, если мне это не поможет?

Она молчит, с вожделением глядя на яйца. Через четыре месяца мне будет восемнадцать. Доктор С. сказал, что тогда им стало бы сложнее держать меня в госпитале. Тиканье часов назойливо стучит у меня в голове, я уверена, что и для Элис с Митчем этот звук достаточно громкий.

— Давай все-таки начнем с доктора Милдоу.

— Начнем? А что дальше?

Она не отвечает. Я вспыхиваю, мысленно представив себя, привязанную к кровати, и священника, который осеняет крестом мое извивающееся тело. Это игра моего воображения, а не воспоминания Терезы, — я способна чувствовать разницу. Кроме того, если бы такое уже случалось с Терезой, то там был бы не священник.

— Ладно уж, — говорю я. — А что, если я сбегу?

— Если ты превратишься в рыбку, — беспечно отзывается она, — тогда я стану рыбаком и выловлю тебя.

— Что? — Я смеюсь. До сих пор я не слыхала от Элис ничего, кроме серьезных, прямолинейных фраз.

Она печально улыбается:

— Разве ты не помнишь?

— Ах да. — В памяти раздается щелчок. — «Крольчонок-

беглец».[82]

Книга доктора С. — обо мне. Да и вообще обо всех, кто получил передозировку дзеном, а нас таких всего-навсего пара тысяч. Наркотики этой группы не слишком популярны — ни в Штатах, ни где-либо еще. Это не галлюциноген. Он не вызывает ни эйфории, ни депрессии. Вы не суетитесь, вас не заносит и даже не добавляет остроты ощущений. Сложно понять, в чем его привлекательность. Откровенно говоря, *меня* это беспокоит.

Доктор С. говорит, что большинство наркотиков не обостряет ваших чувств, назначение их в том, чтобы вы вообще ничего не чувствовали. От них почти цепенеешь, уходишь от действительности. Дзен же в некотором роде — претендующая на тонкий художественный вкус спасительная дизайнерская заслонка. Дзен выводит из строя Страницу, запирает ее в своей комнате, так что она уже не может отправлять свои сообщения Королеве. За нервной картой теряется контроль, и Королева перестает получать сообщения о том, что происходит в Парламенте. А не имея возможности отдавать приказы, она замолкает. Это та тишина, которой жаждали люди, подобные Терезе.

Но по-настоящему привлекательной — опять же для таких людей — является передозировка. Наглотаешься дзена без меры, и Страница неделями не появляется на свет. А когда наконец выберется из темницы, то уже не может вспомнить дорогу к замку Королевы. Весь процесс ревизии, который из года в год шел сам собой, внезапно рушится. Хранящую молчание Королеву уже не найти.

И Страница, бедняга, делает единственное, на что еще способна. Она вырывается из плена и обращается с воззванием к первой же девочке, которую увидит перед собой.

Королева мертва. Да здравствует Королева!

— Привет, Терри. Я доктор Милдоу.

Это коренастая женщина с приятным округлым лицом, с короткими темными, с проседью, волосами. Она протягивает мне руку. У нее тонкие холодные пальцы.

— Вы назвали меня Терри.

— Мне сказали, что тебе так больше нравится. Если хочешь, могу называть тебя как-нибудь иначе.

— Нет… просто я думала, вы будете настаивать, чтобы я называла себя Терезой.

Она смеется и усаживается в красное кожаное кресло, которое выглядит мягким, но прочным.

— Думаю, от этого было бы не очень много пользы, верно? Я не могу принуждать тебя к тому, чего тебе не хочется, Терри.

— В таком случае я пошла?

— Удерживать тебя я не вправе. Но считаю своим долгом отчитаться перед твоими родителями о том, как прошла наша встреча.

Моими родителями. Она пожимает плечами:

— Это моя работа. Почему бы тебе не присесть? Мы можем побеседовать о том, что привело тебя сюда.

Кресло, стоящее напротив нее, обито тканью, а не кожей, но все равно оно лучше тех, что были в офисе доктора Субраманьяма. Да и в целом интерьер здесь гораздо приятнее. Бледно-желтые с белым рисунком стены, большие, сверкающие на солнце окна за белыми полотняными шторами, выполненные в тропической гамме картины.

Я продолжаю стоять.

— Ваша задача — превратить меня в дочь Митча и Элис. Меня это не устраивает. Так что, сколько бы времени мы ни потратили на эту фигню, оно пойдет псу под хвост.

— Терри, никто не может обратить тебя в то, чем ты не являешься.

— Ну, в таком случае нас здесь дурачат.

Я пересекаю комнату — у этой «прогулки» имеется определенная цель — и снимаю с книжной полки деревянную куклу-африканку. На полках достаточно много книг для того, чтобы произвести серьезное впечатление, однако немало и свободного места для претендующих на тонкий художественный вкус безделушек вроде подсвечников, японских вееров и табличек, афиширующих регалии хозяйки офиса и отзывы признательных пациентов. Книжные полки доктора С. предназначены исключительно для книг, они лежат там буквально штабелями. В то время как у доктора Милдоу они служат для торговли ее идеями.

— Так вы кто — психиатр, психолог или кто там еще?

Мне приходилось встречаться в госпитале со всеми этими разновидностями. Психиатры — это доктора медицины вроде доктора С, они могут дать тебе лекарство. Я так и не поняла, какой от них толк.

— Ни то и ни другое, — отвечает она. — Я консультант.

— А при чем тогда «доктор»?

— Медицинское образование.

Голос у нее не изменился, но у меня создается впечатление, что мой вопрос покоробил ее. Я чувствую себя от этого удивительно счастливой.

— Ладно, доктор консультант, так о чем вам полагается меня консультировать? Я не сумасшедшая. Я знаю, кто такая была Тереза, я знаю, чем она занималась, я знаю, что она похаживала в мое тело. — Я ставлю куклу на место рядом со стеклянным кубом, который вполне мог служить пресс-папье. — Но я — не она. Это мое тело, и я не собираюсь убивать себя только ради того, чтобы Элис и Митч могли вернуть себе свою малышку.

— Терри, никто не просит тебя убивать себя. И даже не заставляет становиться той, какой ты была прежде.

— Да? В таком случае за что же тогда они вам платят?

— Позволь мне попытаться объяснить. Сядь, прошу тебя. Пожалуйста.

Я ищу взглядом часы и наконец вижу их на верхней полке. Мысленно устанавливаю таймер на пять минут, сажусь напротив нее и кладу руки на колени.

— Валяйте.

— Твои родители просили поговорить с тобой, поскольку я уже помогала другим людям, оказавшимся в твоей ситуации, людям, которые пострадали от передозировки дзена.

— Чем помогали? Притворяться теми, кем они не являются на самом деле?

— Я помогала им вернуть их личность. Твой жизненный опыт подсказывает тебе, что Тереза была каким-то другим человеком. Никто с этим не спорит. Но сейчас ты в таком положении, когда и биологически, и юридически ты — Тереза Класс. Есть ли у тебя какие-либо планы на этот счет?

Вообще-то говоря, есть. В мои планы входит как можно скорее вырваться из этого ада.

— Я буду с этим бороться, — говорю я.

— А как же Элис с Митчем? Я пожимаю плечами:

— О чем вы?

— Они по-прежнему твои родители, а ты их ребенок. Передозировка убедила тебя в том, что ты теперь другой человек, но они-то не изменились. Они по-прежнему в ответе за тебя, по-прежнему заботятся о тебе.

— Тут уж ничего не поделаешь.

— Ты права. Это факт твоей жизни. У тебя есть два любящих тебя человека, и вы проведете вместе всю оставшуюся жизнь. Вы должны подумать о том, как сложатся ваши отношения. Дзен, возможно, сжег мост между тобой и твоей прежней жизнью, но ты можешь выстроить этот мост заново.

— Док, я не хочу его строить. Знаете, Элис и Митч вроде бы и неплохие люди, но если бы я искала себе родителей, то нашла бы кого-нибудь другого.

Доктор Милдоу улыбается:

— Никто не выбирает себе родителей, Терри. Мне не до смеха. Я киваю на часы:

— Мы понапрасну теряем время.

Доктор наклоняется вперед, похоже собираясь прикоснуться ко мне, но не делает этого.

— Терри, ты ведь не исчезнешь сейчас, когда мы с тобой обсуждаем то, что с тобой произошло. Ты ничего не теряешь. Единственная разница в том, что те воспоминания будут тобой восприниматься как твои собственные. Ты сможешь вернуть себе прежнюю жизнь и избрать новый жизненный путь.

— Ну да, что может быть проще? Смогу и продать свою душу, и держать ее при себе.

Я не помню первых недель пребывания в госпитале, хотя доктор С. говорит, что я не спала. В какой-то момент я осознала, что время движется, или, вернее, что я перемещаюсь сквозь время. Вчера я ела в обед лазанью, сегодня *я* ем мясной рулет. Девочка, лежащая в кровати, — это *я.* Думаю, я уясняла себе это, но после еще не раз забывала, прежде чем научилась удерживать все в памяти.

Было каждодневное психическое истощение, потому что все оказалось таким неумолимо новым. Я могла по полчаса пристально смотреть на дистанционный пульт телевизора, название его вертелось у меня на языке, и продолжалось это до тех пор, пока сестра не брала его и не нажимала на кнопку. Тогда в голове вспыхивало: «пульт». И иногда следом всплывала целая цепочка сопутствующих понятий: «телевизионный канал», «игровое шоу».

С людьми дело обстояло сложнее. Они называли меня каким-то странным именем и явно чего-то от меня ждали. Что же касается меня, то все посетители — от ночной дежурной медсестры до привратника, пропускавшего ко мне Элис и Митча Класс, — казались мне одинаково важными, а вернее сказать — совершенно не важными фигурами.

Все, кроме доктора С. Он был там со мной с самого начала, поэтому я считала его своим близким другом еще до того, как познакомилась с ним. Он принадлежал мне в той же степени, что и мое собственное тело.

Но все прочее, касающееся этого мира, — имена, любые подробности, факты, — должно было вытаскиваться на свет божий поодиночке. Мой мозг служил чердаком, битком набитым всяческим интересным, сваленным в кучу хламом.

И лишь постепенно я начинала понимать, что, должно быть,

кто-то до меня уже владел этим домом. А потом поняла, что этот дом посещали.

После воскресной службы меня со всех сторон охватывает людской поток. Люди перегибаются через сиденья, чтобы обнять Элис, Митча, затем меня. Они похлопывают меня по спине, пожимают руки, целуют в щеки. С помощью обрывочных погружений в память Терезы я понимаю, что многие из этих людей, судя по их эмоциям, приходятся мне тетями или дядями. И любой из них, попади вдруг Тереза в беду, приютит ее, накормит и спать положит.

Все это очень хорошо, но от бесконечных объятий и поцелуев я готова кричать.

Хочется поскорее вернуться домой и сорвать с себя эту одежду. Мне ничего не остается, как носить нелепые девчачьи наряды Терезы. Ее шкаф забит ими, и я наконец отыскала себе один, если и неудобный, то, по крайней мере, впору. Хотя ей самой эти прикиды нравились. В основном это курточки с набивным цветочным рисунком. Кто бы мог усомниться в непорочности девочки с длинной шейкой Лауры Эшли?[83]

Под непрерывным натиском людей мы постепенно выбираемся в вестибюль, затем — на тротуар и стоянку. Я уже не пытаюсь сопоставлять их лица с чем-то, извлекаемым из воспоминаний Терезы.

Группа подростков, стоящих у нашей машины, оглядывается на меня, девочки крепко обнимают, мальчики прислоняются в полуобъятии: плечи вместе, бедра врозь. Одна из девочек, веснушчатая, с мягкими рыжими, ниспадающими на плечи кудряшками, некоторое время робеет, потом неожиданно стискивает меня в объятиях и шепчет на ухо:

— Я так рада, что ты в порядке, мисс Ти. — Звучит это так пылко, будто она сообщает некую тайну.

Сквозь толпу, раскрыв объятия и широко улыбаясь, пробирается какой-то мужчина. Ему около тридцати, может быть, чуть больше. У него прическа, бывшая в моде не менее десяти лет назад, чересчур юношеская для его возраста, с торчащими, как бы растрепанными ветром и умащенными гелем вихрами. На нем отглаженные брюки цвета хаки, темно-синяя рубашка с закатанными рукавами и свободный галстук.

Мужчина, обнимая, чуть ли не душит меня, а запах одеколона обволакивает не хуже, чем еще один комплект его рук. Вот уж кого нетрудно отыскать в воспоминаниях Терезы: это Джеред, духовный пастырь молодежи. Он был самым страстным проповедником из тех, что были знакомы Терезе, и объектом ее

страсти.

— Как здорово, что ты вернулась, Тереза! — говорит он. Его щека прижимается к моей. — Мы так по тебе соскучились.

За несколько месяцев до той передозировки группа молодежи возвращалась в школьном автобусе из дальней уикендовской поездки. Ближе к полуночи Джеред сел рядом с ней, и она, вдыхая запах этого самого одеколона, заснула, прислонясь к нему.

— Бьюсь об заклад — уж ты-то точно соскучился, — говорю я. — Взгляни на свои руки, Джеред.

Улыбка его по-прежнему лучезарна, руки все еще лежат на моих плечах.

— Извини?

— Ой, ради бога, ты прекрасно слышал, что я сказала.

Он роняет руки и вопросительно смотрит на моего отца. Ему довольно удачно удается изобразить искренность.

— Я не понимаю, Тереза, но если…

Я бросаю на него взгляд, от которого он отшатывается от меня.

Позже во время той поездки Тереза, проснувшись в какой-то момент, увидела, что Джеред по-прежнему сидит рядом, ссутулившись, с закрытыми глазами и раскрытым ртом. Руки его покоились у нее между бедер, большой палец — на колене. Она была в шортах и чувствовала жар навалившейся на нее плоти. Его рука была в каких-то дюймах от ее промежности.

Тереза поверила, что он спал.

Поверила она и в то, что исключительно из-за тряски школьного автобуса рука Джереда переместилась в складку ее шортов. От возбуждения и смущения ее бросало то в жар, то в холод.

— Напряги память, Джеред, — говорю я и сажусь в машину.

— Для чего, собственно, существует сознание? Вот вопрос, на который мне хочется найти ответ, — сказал доктор С.

Или, возвращаясь к моей любимой метафоре, — если Парламент принимает все решения, зачем тогда нужна Королева?

У него, конечно, есть своя теория. Он считает, что Королева является кем-то вроде рассказчика. Мозг нуждается в пересказе, который придаст решениям ореол целенаправленности, ощущение неразрывности, так что он их запомнит и использует при принятии последующих решений. Он не накапливает в себе обилия возможных *дополнительных* вариантов, которые могут выдаваться ежесекундно. Ему требуется одно окончательное постановление, он должен знать, кем оно принято и почему. Мозг

закладывает воспоминания в свои отсеки, а в сознании они отпечатываются с предельной четкостью: «Я сделал это, *я* сделал то». Все, что сохраняется в памяти, становится официальным документом, набором примеров, которыми Парламент руководствуется при принятии будущих решений.

— Видишь ли, Королева — всего лишь подставное лицо, — сказал доктор С. — Она представляет королевство, но не правит им, она как бы сама по себе.

— Я не чувствую себя подставным лицом, — заявила я.

— Я тоже. Никто не чувствует, — засмеявшись, ответил доктор С.

Составной частью метода доктора Милдоу является проведение время от времени совместных занятий — в присутствии Элис и Митча. На этих занятиях зачитываются вслух дневники Терезы и просматриваются фильмы домашнего производства. Сегодняшний видеофильм изображает Терезу, еще не достигшую подросткового возраста. Замотанная в простыни, окруженная малышами в купальных халатах, она пристально смотрит на лежащую в яслях куклу.

Доктор Милдоу спрашивает меня, о чем думала тогда Тереза. Доставляло ли ей удовольствие играть Деву Марию? Нравилось ли ей выступать на сцене?

— Откуда мне знать?

— А ты представь себе это. Как ты считаешь, о чем Тереза думает в этой сцене?

Она снова и снова заставляет меня проделывать это. Воображать, о чем та думает. Ставить себя на ее место. Попросту притворяться. В своей книге она называет это «коррекцией». Она придумывает массу своих собственных терминов и трактует их так, как ей вздумается, не подкрепляя никакими исследованиями. В сравнении с текстами по неврологии, которые мне одалживал доктор С, книжонка доктора Милдоу — просто реплики комика Арчи.[84]

— Ну, понимаете, Тереза ведь была доброй маленькой христианкой, так что ей, наверное, это нравилось.

— Ты уверена?

На сцене появляются умудренные жизнью мужи — три маленьких мальчика. Они вываливают на пол дары и, выпалив свои реплики, настороженно глядят в лицо Терезы. Теперь очередь за ней. Бедная Тереза оцепенела от смущения. Ведь все в упор смотрели на нее. Я почти различаю прихожан, стоявших в темноте за пределами освещенной сцены. Элис и Митча среди них не видно, но они с замиранием сердца ждут каждого слова. Я

чувствую давление в груди и понимаю, что сдерживаю дыхание.

Доктор Милдоу терпеливо, без всякого выражения, смотрит мне в глаза.

— Вы знаете?..

Я понятия не имею, что говорить дальше. Некоторое время мешкаю. Ерзаю в большом бежевом кресле, шевелю ногой. Что мне нравится в буддизме, так это их понимание того, что они связаны целой вереницей предыдущих воплощений. Не мне судить, правильно ли поступила Тереза, хорошую ли, плохую ли карму она обрела.

Я часто раздумывала над этим в большой девичьей спальне Терезы.

— Понимаете, Тереза была христианкой, поэтому она, видимо, думала, что с помощью передозировки родится заново и все ее грехи будут прощены. Этот наркотик идеально подходил ей: это было самоубийство без трупа.

— Думала ли она о суициде той ночью?

— *Я* не знаю. Я могла бы еще недели две углубляться в воспоминания Терезы, но если честно — мне это неинтересно. Что бы я ни думала, а заново она не родилась. А я вот она, здесь, перед вами, и по-прежнему волоку на себе ее багаж. Я ослик Терезы. Ее кармический осел.

Доктор Милдоу кивает:

— Доктор Субраманьям буддист, не так ли?

— Да, но что… — В голове у меня что-то щелкает. Я вращаю глазами. Мы с доктором С. беседовали о переселении душ, и я понимаю, что мое увлечение им было нормальным явлением. Все верно — я часто думала, да и теперь мечтаю, о близости с этим мужчиной. Но это вовсе не значит, что я не права. — Не в этом дело, — говорю я. — Я думала об этом наедине с собой.

Она не спорит со мной.

— А не сказали бы буддисты, что у вас с Терезой одна и та же душа? Это же самообман. Так что нет ни наездника, ни осла. Есть только ты.

— Да бросьте вы, — говорю я.

— Давай проследим, Терри. Разве ты не чувствуешь ответственности перед своим прежним «я»? Перед прежними родителями, старыми друзьями? Может быть, это и есть возложенная на тебя карма?

— А перед кем вы, доктор, чувствуете ответственность? Кто ваш пациент? Тереза или я?

Она на минуту замолкает, затем произносит: — Я в ответе за тебя.

Ты.

Ты глотаешь пилюлю и удивляешься, что у нее вкус корицы. Эффект от этого наркотика поначалу прерывистый. Ты понимаешь, что сидишь на заднем сиденье машины, в руках у тебя сотовый телефон, вокруг смеются друзья. Ты разговариваешь со своей матерью. Если сосредоточишься, то можешь удержать в памяти ее ответы и сообщить ей, у которой из подруг останешься ночевать. Прежде чем попрощаться, выходишь из машины. Она припаркована, телефон у тебя в руке, и ты помнишь, как, пожелав матери доброй ночи, еще полчаса колесишь по городу, прежде чем находишь эту стоянку.

Джолли встряхивает своими рыжими кудряшками и тащит тебя к лестнице: «Пойдем, мисс Ти».

Тогда ты смотришь вверх и осознаешь, что стоишь на тротуаре у молодежного разновозрастного клуба, держа в руках десятидолларовую банкноту, и собираешься вручить ее вышибале.

Всякий раз, когда распахивается дверь, изнутри доносится грохот музыки. Ты поворачиваешься к Джолли и…

Ты уже в чьей-то машине. На автостраде. За рулем парень, с которым ты познакомилась несколько часов назад, его зовут Раш, но ты не спрашивала, это его имя или фамилия. В клубе вас потянуло друг к другу, вы громко, перекрикивая музыку, разговаривали о родителях, о еде, о разнице между вкусом свежей сигареты и запахом насквозь прокуренного помещения. Потом до тебя доходит, что у тебя во рту сигарета, которую ты сама же вытянула из пачки Раша. А ведь ты не любишь курить. Или теперь тебе это нравится? Ты не можешь ответить на этот вопрос. Следует ли тебе ее выбросить или продолжать курить? Ты копошишься в своих воспоминаниях, но не находишь причин ни тому, почему решила закурить, ни тому, каким образом оказалась в машине с этим парнем. Потом начинаешь искать себе оправдания: должно быть, этот человек заслуживает доверия, а иначе ты не села бы с ним в машину; а сигарету взяла, чтобы не обидеть его.

В этот вечер ты не хочешь быть сама собой. И тебе это нравится. Ты снова затягиваешься. Восстанавливаешь в памяти последние несколько часов и удивляешься всему происходящему, но уже без прежнего постоянного груза самоанализа: беспокойства, предчувствий, немедленного раскаяния. Без того внутреннего голоса, что непрестанно критикует тебя.

Теперь на парне одни лишь боксерские трусы. Он тянется к верхней полке за пачкой сухого завтрака. У него красивая спина.

В маленькое кухонное окошко проникает тусклый свет. Раш наливает тебе в чашку «Froot Loops»[85] и смеется. Смеется

потихоньку, потому что в соседней комнате спит его мать. Он смотрит тебе в лицо и хмурится, спрашивает, в чем дело. Ты осматриваешь себя и убеждаешься, что полностью одета. Обращаясь мыслями назад, понимаешь, что находишься в квартире этого юноши уже не один час. Ты торчала в его спальне, парень разделся, а ты целовала его грудь, гладила ноги. Ты позволяла ему шарить руками у себя под шортами и под чашечками лифчика, однако дальше этого дело не заходило. Почему ты не занималась с ним сексом? Он не интересовал тебя? Да нет — ты подмокла, ты была на взводе. Чувствовала ли ты себя виноватой? Было ли тебе стыдно? О чем ты думала?

Когда попадешь домой, тебе не поздоровится. Твои родители будут в ярости и — что еще хуже — будут молиться за тебя. Вся община будет за тебя молиться. Все узнают. И никто никогда уже не посмотрит на тебя прежним взглядом.

А теперь во рту у тебя вкус корицы, и ты снова сидишь в машине этого парня, перед каким-то магазинчиком. Уже день. Звонит твой мобильник. Ты отключаешь его и кладешь в сумочку. Чувствуешь, что сильно пересохло в горле. Этот парень — Раш — покупает тебе очередную бутылку воды. Что же такое ты проглотила? Ах да. В памяти всплывает, как одну за другой кладешь в рот пилюли. Зачем так много? Зачем глотаешь еще одну? Ах да…

Из кухни ко мне наверх доносятся голоса. Еще нет и шести часов утра. Мне хочется только пописать и снова завалиться спать, но тут я понимаю, что разговор идет обо мне.

— Она даже ходит не так, как раньше. Не так держится, не так разговаривает…

— Это все из-за книг доктора Субраманьяма. Она не засыпает раньше часа ночи. Тереза никогда столько не читала, не интересовалась *наукой*.

— Да нет, дело даже не в словах, а в том, как она говорит. Этот низкий голос… — Она рыдает. — О-хо-хо, не знаю, что из этого получится. Кажется, она права. Похоже, это вовсе не она.

Он молчит. Элис плачет все громче, затем затихает. Слышно звяканье посуды в раковине. Я отступаю назад. Митч заговаривает снова:

— Может быть, стоит попробовать лагерь.

— Нет, нет, нет! Пока нет. Доктор Милдоу говорит, что у нее наметился прогресс. Мы должны…

— Конечно, что же еще она может сказать?

— Ты говорил, что постараешься, говорил, что дашь возможность… — Сквозь рыдания прорывается гнев, и Митч что-то бормочет в свое оправдание.

Я крадусь обратно в спальню, но мне все еще хочется в туалет, так что, пробираясь туда, я производжу много шума. У подножия лестницы появляется Элис.

— Все в порядке, милая?

Я делаю сонное лицо и прохожу в ванную. Закрываю дверь и в темноте сажусь на унитаз.

«Какой еще, к дьяволу, лагерь?»

— Давай попробуем еще раз, — сказала доктор Милдоу. — Что-нибудь приятное, яркое.

Мне трудно сосредоточиться. Эта брошюра у меня в кармане — все равно что бомба. Ее нетрудно было найти, раз уж я задалась целью заполучить ее. Меня так и подмывает спросить доктора Милдоу о лагере, но я понимаю, что стоит мне задать этот вопрос, как начнутся разборки между доктором и Классами и я окажусь между двух огней.

— Закрой глаза, — говорит она. — Думай о десятом дне рождения Терезы. В своем дневнике она написала, что это был самый лучший ее день рождения. Ты помнишь «Мир Моря»?

— Смутно. — Я увидела дельфинов — они синхронно, по двое, по трое выпрыгивали из воды. Было солнечно и жарко. С каждым занятием мне становилось все легче проникать в воспоминания Терезы. Ее жизнь зафиксирована на DVD, я же пробиваюсь в нее сквозь завесу тумана.

— Ты помнишь, как вымокла на представлении с участием Наму и Шаму?

Я смеюсь:

— Кажется, помню. — Я вижу прямо перед собой металлические скамейки, стеклянную стену и огромные тела в бирюзовой воде. — Они, как киты, взмахивали громадными хвостовыми плавниками. Мы насквозь промокли.

— Ты можешь описать, кто еще был там с тобой? Где твои родители?

Там была какая-то девочка моего возраста, не могу вспомнить, как ее звали. Вода каскадами обрушивалась на нас, а мы визжали и хохотали. Потом мои родители обтирали нас полотенцем. Они, вероятно, сидели выше, и вода до них не долетала. Элис выглядела гораздо моложе: счастливее и немного полнее. Пошире в бедрах. Это было до того, как она, достигнув размеров солидной матроны, начала делать зарядку и следить за диетой.

Я резко открываю глаза и хлопаю ресницами:

— О боже!

— Что-то не так?

— Все хорошо… вот только… как вы сказали. Яркое. — Образ более молодой Элис все еще горит в сознании. Я впервые понимаю, насколько печальна она теперь. — Я хочу, чтобы в следующий раз было совместное занятие, — говорю я.

— В самом деле? Очень хорошо. Я поговорю с Элис и Митчем. Ты что-то еще хочешь сказать?

— Да. Нам надо поговорить о Терезе.

Доктор С. говорит, что каждому хотелось бы знать, может ли первоначальная нервная карта, старая Королева, вернуться в прежнее состояние. Сможете ли вы отыскать в этой карте потерянный маршрут? Если да, то что произойдет с новой нервной картой, с новой Королевой?

— Так вот, добропорядочный буддист сказал бы, что этот вопрос не так уж и важен. В конце концов, цикл существования не ограничен двумя другими жизнями. *Сансара* — вечная категория. Происходит непрерывный процесс умирания личности и ее самовозрождения.

— А вы добропорядочный буддист? — спрашиваю я. Он улыбается:

— Только по утрам в воскресенье.

— Вы ходите в церковь?

— Я играю в гольф.

Раздается стук в дверь, и я открываю глаза. В комнату входит Элис, в руках у нее груда сложенного чистого белья.

— Ой!

Я сделала перестановку — запихнула в угол кровать, чтобы на полу оставалось несколько квадратных футов свободного пространства.

Выражение ее лица то и дело меняется.

— Уж не молишься ли ты?

— Нет, конечно.

Она вздыхает, явно притворно.

— Да я и не надеялась. — Она обходит вокруг меня, пристраивает на кровати белье. Берет лежащую там книгу: «Войти в поток». — Тебе дал это доктор Субраманьям?

Она читает отрывок, который я отметила:

— «Но нежная любовь к самим себе еще не означает, что мы от чего-то избавились. Главное — не стараться изменить себя. Смысл медитации не в том, чтобы пытаться освободиться от самих себя и достичь совершенства. Он заключается в том, чтобы помочь нам таким, какие мы уже есть». Что ж, — Элис кладет книгу, оставив ее открытой на той же странице. — Это уже

немного похоже на доктора Милдоу. Я смеюсь:

— Да, точно. Она сказала, что я хочу, чтобы вы с Митчем присутствовали на следующем занятии?

— Да, мы приедем.

Подхватывая мои разбросанные повсюду футболки и нижнее белье, она мимоходом делает что-то еще. Я встаю, чтобы не мешать ей. Передвигаясь по комнате, она умудряется каким-то образом попутно наводить порядок — поднять книги, на которые натыкается, усадить мишку Бу Ву на его законное место на кровати, выбросить в мусорное ведро пустую коробку от чипсов — так что, собирая в стирку мое грязное белье, она незаметно приводит в порядок всю комнату, совсем как Кот в Шляпе.[86]

— Элис, на последнем занятии я вспомнила, как была в «Мире Моря». Там какая-то девочка сидела рядом со мной. Рядом с Терезой.

— В «Мире Моря»? А-а, да это же была дочь Хаммелов, Марси. Они в тот год брали тебя с собой на время отпуска в Огайо.

— Кто брал?

— Хаммелы. Вы путешествовали целую неделю. У тебя в тот день рождения было единственное желание — потратить деньги на эту поездку.

— А вас там не было?

Она берет джинсы, которые я бросила на кровать.

— Мы с твоим отцом всю жизнь собирались съездить в «Мир Моря», да так и не съездили.

— Это наше последнее занятие, — говорю я.

Их взгляды прикованы ко мне — я полностью владею «аудиторией».

Доктор, естественно, первой приходит в себя:

— Кажется, у тебя есть что нам сказать.

— Да уж, есть.

Элис, похоже, цепенеет от неожиданности, но все же держит себя в руках. Митч, потирая шею, с сосредоточенным видом изучает ковер.

— Я больше не собираюсь этим заниматься. — Я делаю рукой неопределенный жест. — Всем этим: упражняться с памятью, воображать, что чувствовала Тереза. Теперь мне все ясно. Вам не важно, Тереза я или не Тереза. Вам лишь хочется, чтобы я думала, что я — это она. Я не хочу продолжать эти манипуляции.

Митч качает головой:

— Дорогая, ты употребляла наркотики. — Он бросает на меня быстрый взгляд, затем опять смотрит под ноги. — Если ты

принимала ЛСД и тебе мерещился Бог, то это не значит, что ты и в самом деле Его видела. Никто не пытается тобой манипулировать. Мы просто стараемся развязать этот узел.

— Все это брехня, Митч. Вы продолжаете вести себя так, будто я шизофреничка, будто я не понимаю, где правда, а где бред. А проблема-то отчасти в том, что чем дольше я болтаю тут с доктором Милдоу, тем больше мне пудрят мозги.

Элис хватает ртом воздух.

Доктор Милдоу протягивает руку, чтобы успокоить ее, но взглядом следит за мной.

— Терри, твой отец пытается объяснить, что хотя ты и ощущаешь себя новой личностью, но, пока дело не дошло до наркотиков, существовала именно *ты.* Та самая ты, что существует и сейчас.

— Да? А известна ли вам вся правда о тех наркоманах из вашей книжонки, которые говорят, будто вернули свою прежнюю личность? А может быть, им только кажется, что они стали прежними?

— Может быть, — отвечает она. — Но я не думаю, что они дурачат себя. Эти люди поверили, что необходимо постепенно, по частям принимать себя такими, какими однажды себя утратили; как и членов семьи, которых они забыли. Это такие же ребята, как ты. — Доктор Милдоу смотрит на меня тем стандартным обеспокоенным взглядом, который врачи приобретают в придачу к своим дипломам. — Ты и в самом деле хочешь всю оставшуюся жизнь чувствовать себя сиротой?

— Что? — Из глаз у меня брызжут неизвестно откуда взявшиеся слезы. Я кашляю, чтобы снять спазм, а слезы все текут и текут. Размазывая их по лицу, я ощущаю себя побитой малявкой. — Эй, Элис, полюбуйся: совсем как ты, — говорю я.

— Это естественно, — говорит доктор Милдоу. — Когда ты очнулась в госпитале, тебе было очень одиноко. Тебе казалось, что ты какой-то совершенно другой человек, у которого нет ни семьи, ни друзей. Да и теперь ты только еще начинаешь новую жизнь. Во многих отношениях ты даже не достигла двухлетнего возраста.

— Да пошли вы к черту! — взрываюсь я. — Я не заметила, как и этот-то год прошел.

— Пожалуйста, не уходи. Давай…

— Не волнуйтесь, я еще не ухожу. — Я стою в дверях, отдирая рюкзак, зацепившийся за крючок вешалки. Затем лезу в карман и вытаскиваю брошюру. — Вам это знакомо?

Элис впервые за все время произносит:

— О милая, нет…

Доктор Милдоу, хмурясь, берет книжонку из моих рук. На обложке слащавая картинка: улыбающийся подросток обнимает своих умиротворенных родителей. Доктор смотрит на Элис и Митча.

— Вы что, подумываете об этом?

— Это их козырная карта, доктор Милдоу. Если вы вдруг выйдете у них из доверия или я сойду с дистанции, тогда — бац! — они тут же введут ее в игру. Вы знаете, что там творится?

Она перелистывает страницы, рассматривает картинки с изображенными там домиками, полосой препятствий, большими помещениями, в которых точно такие же, как я, дети принимают участие в «интенсивных групповых занятиях с опытными консультантами», где они могут «обрести свою истинную личность». Она качает головой:

— У них совсем другой подход.

— Не знаю, док. Их *подход* звучит уж очень похоже на вашу «коррекцию». Вручаю это вам. Вам, в чьи лапы я на некоторое время попала. А чего стоят эти ваши упражнения со зрительными образами? Меня довели до того, что я могла отчетливо представить себе то, чего никогда не было. Держу пари, что вы могли направить мое воображение прямиком в голову Терезы.

Я обращаюсь к Элис и Митчу:

— Вы должны принять какое-то решение. Программа доктора Милдоу — блеф. Ну так что? Будете загонять меня в этот лагерь, где промывают мозги, или как?

Митч обнимает жену. На лице у нее на удивление ни слезинки. Она, словно чужая, смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

На всем обратном пути из Балтимора льет дождь. Он все еще идет, когда мы подъезжаем к дому. Мы с Элис бежим в ярком свете фар к лестнице, ведущей на веранду. Митч, дождавшись, когда Элис отопрет дверь и мы войдем внутрь, отъезжает.

— Он часто так делает? — спрашиваю я.

— Он любит покататься, когда чем-то расстроен.

— А-а.

Элис идет впереди, включая по пути свет. Я прохожу следом за ней в кухню.

— Не волнуйся, с ним будет все в порядке. — Она открывает холодильник и наклоняется. — Просто он не знает, что с тобой делать.

— Значит, он хочет запихнуть меня в лагерь.

— Да нет, не то. Видишь ли, раньше у него не было дочери, которая бы дерзила ему. — Она несет к столу контейнер для

кекса фирмы «Tupperware»[87] — Я испекла морковный кекс. Ты не достанешь тарелки?

Она такая маленькая. Когда мы стоим лицом к лицу, она достает мне лишь до подбородка. Волосы у нее на макушке редкие, а, подмоченные дождем, кажутся еще реже, сквозь них просвечивает розовая кожа.

— Я не Тереза. И никогда не буду Терезой.

— О, я знаю, — слабо вздыхает она. Она и впрямь это знает. Я вижу это по ее лицу. — Вот только уж очень ты на нее похожа.

Я смеюсь:

— Я могу перекрасить волосы, может быть, изменить форму носа.

— Это не помогло бы. Я бы все равно узнала тебя.

Она с хлопком открывает крышку и откладывает ее в сторону. Кекс представляет собой покрытое сахарной глазурью колесо толщиной полдюйма. По краю его выложены в ряд миниатюрные леденцовые морковки.

— Вот это да! Ты сделала его еще перед нашим отъездом? Зачем?

Элис пожимает плечами и вонзает в кекс нож. Потом поворачивает его плашмя, подхватывает с его помощью большущий клин и кладет на мою тарелку.

— Я подумала, что он может нам пригодиться — в том или ином случае.

Она ставит передо мной тарелку и легонько прикасается к моей руке.

— Я знаю, ты хочешь уехать. Знаю, что, может быть, никогда не захочешь вернуться.

— Дело не в том, что я…

— Мы не собираемся тебя удерживать. Но куда бы ты ни уехала, ты по-прежнему будешь моей дочерью, нравится тебе это или нет. Не тебе решать, кому тебя любить.

— Элис…

— Ш-ш. Ешь, ешь.

Джей Лейк, Рут Нествольд
Канадец, который долетел до звезд и почти вернулся обратно [88]

Келли Макиннес оказалась хорошенькой, гораздо симпатичнее, чем я ожидал. Ладно сложенная блондинка с типичной для Среднего Запада красотой. Хотя в ее случае это была канадская прерия.

Мы вместе рассматривали гладь Изумрудного озера, одного из тех маленьких горных озер, что украшают запад Северной Америки, в окружении дугласовых пихт, болотных сосен и гранитных глыб, нацеливших острые пики в голубое летнее небо. Посреди озера образовалось видимое углубление, словно под действием огромного груза. Впадина, диаметром около сорока футов и глубиной десять футов, была идеально гладкой в основании, с перпендикулярными боковыми сторонами и в целом напоминала перевернутый вверх дном гигантский колпачок от бутылки. Она появилась через пять дней после того, как три месяца тому назад Ник Макиннес совершенно таинственным образом позвонил домой — спустя несколько лет после его предполагаемой гибели.

Вдова Ника тут же все бросила и приехала сюда, в Национальный парк Йохо, самый неизведанный уголок Британской Колумбии.

— Противоестественное зрелище.

Банальное замечание, но ничего лучше на ум не пришло. В конце концов, кто я такой — американский агент, приехал незваный-непрошеный для того, чтобы заняться впадиной, телефонным звонком, а заодно и миссис Макиннес.

— Оно и есть противоестественное, — откликнулась она. — Через две недели после его появления вся рыба в озере выбросилась на берег или подалась вверх по течению реки.

Я живо представил, какой здесь стоял смрад. Хотя подобное зловоние казалось невозможным в этом горном раю. В воздухе улавливался острый аромат покрытых снегом сосен с примесью запаха кремния от мокрых камней — в общем, пахло абсолютной чистотой Канадских Скалистых гор.

Впрочем, здесь творилось много чего невозможного. Я просматривал отчеты спутниковой разведки — НОРАДа, НАСА, Европейского Космического Агентства и даже информацию китайцев. Появилась впадина, сдохла рыба — *что-то*

произошло, — но не было ни единого доказательства входа в плотные слои атмосферы, ни единого признака какого-либо стремительного действия. Только дыра в озере, которую я теперь лицезрел.

А еще телефонный звонок, которого никак не могло быть, от мертвого человека, затерявшегося в межзвездном пространстве. — Вы говорите, что муж велел вам приехать сюда. Ей все задавали этот вопрос: и Королевская канадская полиция, особый отдел, и ФБР, и несколько высоких чиновников из ООН. Келли Макиннес познакомилась с мужем в колледже, где они оба изучали астрофизику, но ее имя ни разу не было упомянуто ни в одной из его статей или патентов. Тем не менее ей все равно задавали вопросы.

А теперь настала моя очередь, от имени Агентства Национальной Безопасности (АНБ). Мы до сих пор не знали, что там произошло в этом озере, но нам хотелось удостовериться, что и другие этого не знают. Перво-наперво пришлось освободить парк от людей — исключение было сделано только для Келли Макиннес. Моя задача состояла не столько в том, чтобы вытянуть из нее какую-то информацию, сколько в том, чтобы не допустить распространения этой информации дальше, если бы вдруг она начала говорить.

Келли смотрела не моргая на яму в воде, незаполненную могилу ее пропавшего мужа.

— Он жив. Я кивнул:

— Я читал распечатку. Мне ясно, что вы верите в это. — «Или, по крайней мере, вы заявляете, что верите». — Но, миссис Макиннес, нет никаких доказательств, что ваш муж до сих пор жив после того, как шесть лет тому назад довольно эффектно покинул Землю.

Она поплотнее запахнула клетчатую теплую куртку и медленно перевела взгляд на небо. Несмотря на яркое солнце, воздух был морозный.

— Полет должен был занять меньше недели. А потом, через шесть лет после взлета, он позвонил и велел мне ждать его здесь. Семнадцатого апреля в два тридцать ночи середина озера опустилась вниз. Вот и все, что мне известно, мистер Дидрих.

Я проследил за ее взглядом в летнее небо. Где-то там, за идеально-голубой оболочкой, находилось объяснение того, что случилось с Ником Макиннесом.

Очень жаль, что небо сегодня молчало.

Звезда Барнарда находится от Солнца на расстоянии чуть меньше шести световых лет. Эта звезда, красный карлик,

представляла интерес только благодаря своему удобному расположению в межзвездном пространстве и тому факту, что движется она заметно быстрее любого другого нашего звездного соседа. Так было до тех пор, пока Ник Макиннес не решил отправиться на нее шесть лет тому назад.

За четыре года до старта он опубликовал в «Канадском журнале аэрокосмической инженерии и технологических применений» статью под названием «Предложение рентабельного метода сверхсветовых путешествий». Этот журнал очень редко, но все-таки печатал статьи за счет авторских средств, а потому вскоре этой работе суждено было оказаться в мусорной корзине истории.

Недавно я лично проследил, чтобы все экземпляры журнала, том XXXVI, выпуск 9, были уничтожены вместе с компьютерными файлами, веб-сайтами, зеркальными сайтами, резервными копиями на магнитной ленте, платами принтера, CD-ROMами, библиотечными архивами микропленок и всем прочим, что пришло нам на ум. И все из-за того, что одним прекрасным весенним днем Ник Макиннес, некогда занимавшийся мобильными коммуникациями и заработавший на этом миллиарды, совершил космический старт с частного и до той поры никому не известного космодрома в прерии, к востоку от Калгари, вышел на орбиту с помощью неучтенной русской ракеты и разрушил при этом значительную часть мировой электронной инфраструктуры. После чего он исчез в радужной вспышке, замеченной на одном из полушарий планеты.

Вскоре стало известно, что на борту у него были четыре русские неучтенные ядерные боеголовки «М-2». «Для лазеров со взрывной накачкой», — сказали ученые, помогавшие Макиннесу, словно остальной мир занимался лишь пустяками.

Когда три месяца спустя я вернулся к Изумрудному озеру, чтобы проверить, как там Келли Макиннес и надежно ли охраняется парк, канадские ВВС и НАСА были уже на месте. Конец апреля и почти весь май канадские летчики совершали полеты над озером на самолете Р-3С «Орион», фирмы «Локхид».

Сейчас, в октябре, НАСА и Канадское Космическое Агентство навесили на самолет дополнительное оборудование. Они отказались отбуксировать гидролокатор, после того как потеряли два устройства, запутавшиеся в деревьях на берегу. Разведывательные спутники, занимавшиеся космической съемкой, обнаружили на дне Изумрудного озера внушительную гравитационную аномалию. А может, и не обнаружили. Углубление посреди озера было вызвано давлением аномалии. А

может быть, и нет.

Никакого железного предмета в озере не было, на дне находился определяемый радаром значительный маскон,[89] создававший странные перепады температуры. Тут же возникли сумасшедшие теории относительно полимеризации воды, давления на молекулярные связи, микроскопических черных дыр, временных сингулярностей и т. д., появились также и достоверные данные о повышении температуры в центре водяного кратера. В течение первых трех недель наблюдения температура понизилась до значения, превышающего температуру окружающей поверхности на девять градусов по Цельсию.

Любопытно, что дистанционное зондирование зафиксировало лед на дне озера в районе впадины. Камеры и приборы, спущенные на дно, в основном ничего не прибавили к картине: маскон был большой, инертный и искажал температурный профиль озера.

После того как обнаружился новый неопровержимый факт, помимо подъема температуры — радиоактивное излучение, был осуществлен поиск дополнительных данных. Все, кто работал на озере, подвергались воздействию радионуклидов, эквивалентному тремстам бэрам в год, что в шестьдесят раз превышало допустимый в США уровень. Этого было достаточно, чтобы заработать впоследствии рак, особенно лейкемию, но все же не настолько, чтобы тут же начали выпадать волосы или появилась розовая рвота.

Как только я об этом услышал, тут же разыскал менеджера из Канадского Космического Агентства, отвечавшего за проект на данной фазе исследования, Рэя Виттори. Я, конечно, не физик, но достаточно долго занимался технологическим шпионажем. Что-то здесь было не так.

— Как, черт возьми, вышло, что вы не заметили радиации раньше?

Виттори покачал головой:

— Все очень просто, Дидрих. Раньше ее здесь не было.

Я сцепил руки на груди, чувствуя, что у меня за спиной улыбается Келли Макиннес, но не стал оборачиваться, чтобы убедиться в своей правоте. Она не доверяла правительственным учреждениям, включая то, в котором работала, но к американскому правительству относилась с особым презрением.

При такой ситуации мы не могли предоставить убедительные доводы в пользу доставки в горы необходимого глубоководного оборудования, подводных мини-лодок и прочих приборов для дальнейшего исследования впадины. И так уже было собрано столько информации, что понадобились годы для ее обработки и

анализа. А с аномалией не происходило заметных изменений, и, видимо, еще долго не произойдет. Уровень радиации только усложнял дело.

«Орион» вернулся на свои морские просторы и продолжил выслеживать подлодки. Мозговой центр перебазировался обратно к себе и занялся другими задачами. Осталось лишь несколько камер и датчиков, смонтированных на берегу озера, сведения с которых поступали непосредственно в мое агентство в Мэриленде. Да еще спутники обеспечивали нас данными. Кроме того, иногда сюда наведывались исследовательские группы, не боявшиеся рискнуть здоровьем. Базовый контингент продолжал охранять парк по периметру. Это были сплошь добровольцы, получавшие непомерную плату, после того как подписали гарантийное обязательство не требовать впоследствии возмещения убытков, если у них когда-нибудь проявятся признаки заболевания, вызванного радиацией.

Когда выпал первый снег, я остался один наблюдать потрясающую природную красоту Национального парка Йохо и в той же степени прекрасную миссис Келли Макиннес. Персонал увез все оборудование, остались только я, дозиметр и шестнадцатифутовая деревянная лодка. Времени было навалом.

Мы сидели в сторожке и ели в звонкой тишине рагу из солонины и консервированные персики. Самая тяжелая пора зимы миновала, но все равно было чертовски холодно, поэтому мы не снимали курток, а выходя на улицу, поддевали дополнительную подкладку.

— Хорошо хоть, он выбрал Национальный парк, — сказал я, оглядывая пустую столовую.

Я всю зиму наведывался на Изумрудное озеро, и с каждым разом мои визиты становились все длиннее. Агентство меня не перегружало, так как им было трудно уговорить кого-то другого приехать сюда при такой угрозе радиации. Не говоря уже об отдаленности.

Но тут была Келли. Ник знал, что делал, когда выбирал эту женщину с верностью львицы. Хотя временами мне казалось, что выбирала-то она.

— Место тихое, все нужное под рукой, да, мистер Дидрих? — улыбнулась Келли.

— Я, скорее, имел в виду контроль за доступом. Частные владения трудно охранять и патрулировать.

Ее смех прозвучал неестественно громко под пустыми сводами сторожки.

— А разве кто-нибудь пытается нарушить вашу хваленую

секретность в этом забытом богом месте?

Я поморщился. Какой-нибудь психиатр посчитал бы за удачу получить такого пациента, как я, — агент АНБ влюбляется в замужнюю женщину, а та над ним смеется.

Но, боже мой, какой это был потрясающий смех!

Я опустил вилку с наколотым персиком, так и не донеся до рта.

— А почему вы до сих пор сидите в этом забытом богом месте?

У Келли осталось много денег: злоключения Ника на орбите почти не истощили его капиталов даже после оплаты ошеломляющих штрафов за несанкционированный полет и нарушение орбитального протокола. Она вполне могла бы проверить впадину и улететь на Таити.

Келли наклонила голову:

— У меня гораздо больше прав задать вам этот же вопрос. Лично я жду своего мужа и забочусь, чтобы ваша братия не лишила его шансов вернуться. Я присматриваю за впадиной. А вот чего ждете *вы,* мистер Дидрих? Почему вы все время возвращаетесь?

Я не смог дать ей правдивый ответ, такой, чтобы она поверила.

Таяние снега явилось как откровение.

Как раз тогда, когда приближалась первая годовщина космического телефонного звонка Ника Макиннеса, в абсолютно белом ландшафте появились первые зеленые проплешины.

В ознаменование то ли одного, то ли другого мы с Келли отправились на озеро исследовать впадину. Она так и не замерзла за зиму, хотя все остальные озера в парке покрылись твердой коркой льда, да и само это озеро было со всех сторон укутано снегом.

Несмотря на снег, впадина выглядела почти такой же, как в тот день, когда я впервые ее увидел, — широкая, противоестественная, загадочная.

А ключ к этой загадке стоял рядом со мной.

— Знаете, я в какой-то степени жду того же, что и вы, — спустя какое-то время произнес я.

Она долго молчала. Я чувствовал, что она поняла меня, — за то время, что мы провели вместе, мы научились понимать друг друга с полуслова, будто были давно женаты. Просто после своего неудавшегося брака я успел забыть, как это бывает.

Келли кивнула, указывая на впадину, и почему-то спросила невпопад:

— Вы родом из США?

Да, мы научились общаться и на таком уровне. Но я все равно не понял, куда она клонит.

— Да.

— Значит, всю свою жизнь вы провели в команде победителей. Вы даже не представляете, что такое быть канадцем и жить под боком у «большого брата».

Вдали проскакал заяц. Я видел, как он оставил следы на снегу, там где была тень!

— Соединенные Штаты, — продолжила Келли, не глядя на меня, — страна, живущая под лозунгом «Мы первые». Вы построили космический челнок, мы создали автоматический манипулятор. Канада тоже вносит свой вклад в прогресс.

Она, видимо, ожидала серьезного ответа, но я промолчал.

— А теперь ваше правительство все время присылает вас сюда, чтобы присматривать за мной как за малым ребенком. И все оттого, что ученые мужи с новейшими приборами так ничего и не выяснили.

— Меня никто не заставляет.

Она посмотрела на меня, словно спрашивая, кого я обманываю, — изогнув бровь и скривив губы в подобии улыбки.

— Верно, но я знаю, почему вы возвращаетесь. Вы ненавидите то, что здесь случилось, весь мир ненавидит, но особенно вы, янки. Вам не перенести того, что канадец первым отправился к звездам, без вас.

Отчасти она была права. Но только отчасти.

Келли была крепким орешком, хоть и отличалась ангельским смехом. Мы провели вместе почти год, прежде чем она начала обращаться ко мне по имени.

И хотя я ждал этого момента, как мне казалось, целую вечность, я чуть его не пропустил. Мы отправились на озеро, самостоятельно замерить температуру поверхности воды рядом с кратером и сравнить ее с показаниями приборов. Мой счетчик Гейгера все время барахлил — это был уже третий счетчик, присланный агентством, — но старомодные термометры не подкачали.

У меня не было никакого интереса направлять лодку к центру озера. Пришлось бы пролететь около десяти футов, прежде чем мы достигли бы плоского дна впадины, отвесные стены которой слегка напоминали кольцо водопадов.

— Сделаем круг на расстоянии примерно в пять лодочных корпусов, — предложил я.

Келли опустила в воду термометр на удочке.

— Я не возражаю, Брюс.

Я так сосредоточенно старался держаться от края впадины подальше, что даже сразу не отреагировал, когда она назвала меня Брюсом. Но как только это до меня дошло, я словно получил удар под дых и, дернув румпелем, направил лодку к опасному краю. Я тут же исправил положение, и Келли подняла на меня взгляд.

— Температура не меняется. Как вы?

— Я в порядке.

В соснах свистел горный ветер; даже в июле здесь было прохладно. Управляя лодкой, я наблюдал, как ястреб полетел к гранитному массиву, за которым скрывались верховья Кикинг-Хорс-Ривер. Со мной явно было не все в порядке, если Келли всего лишь произнесла мое имя, а мне показалось, будто я получил поцелуй.

Да, настало время связаться с боссом, Мардж Уильямс, и снова ненадолго вернуться в Мэриленд.

Так сложилось, что, удрав с Изумрудного озера, я вскоре вернулся и больше не уезжал. Предлогом остаться для меня послужила мягкая настойчивость Мардж: правительство настолько остро нуждалось в любой информации, которую могла предоставить Келли Макиннес, что готово было сделать мою командировку постоянной. Потенциальная значимость того, что совершил Ник, пусть даже с роковыми недочетами, перевешивала любые затраты на мое время и услуги.

Но настоящей причиной была Келли. Никакое агентство не могло бы меня заставить вернуться сюда, учитывая риск облучения, но ему и не пришлось заставлять.

Я вернулся в октябре. К моему удивлению, она ждала на посадочной площадке, куда приземлился вертолет.

— Как вы долго! — прокричала Келли, заглушая шум винтов, когда я выпрыгнул из кабины. — С тех пор как вы уехали, нас не меньше семи раз посещали фанаты впадины, которым удалось прорваться сквозь охрану.

— Целых семь раз! Пожалуй, мне лучше больше не уезжать. Разумеется, меня успели проинформировать насчет горстки нарушителей, которым не хватило ума испугаться радиоактивного облучения, — Мардж использовала их в качестве дополнительного аргумента, чтобы убедить меня вернуться. Ради блага всего дела, разумеется. И ради безопасности Келли. Плюс огромный бонус, который я мог бы отложить на оплату медицинских счетов, если через какой-то десяток лет, или около того, у меня все-таки разовьется рак.

Но когда я увидел, как Келли обрадовалась моему появлению, я понял, что дело стоило того. Возможно, она просто испытывала обыкновенную человеческую потребность в компании, но мне было приятно тешить себя иллюзией, что это нечто большее.

На третий год нашего пребывания у озера начало казаться, будто мир забыл о нас. Зимой попытки прорваться сквозь охрану парка сошли на нет, и даже с приходом весны, во вторую годовщину появления впадины, любопытных, желавших на нее поглазеть, не набралось бы и с десяток. Я, разумеется, по-прежнему связывался с центром каждую неделю. К тому же мы временами контактировали с обслуживающим персоналом и полицейским патрульным, сержантом Перри, который, если погода позволяла, приезжал к нам верхом на лошади и привозил старые газеты. Я регулярно наведывался в Мэриленд с квартальными отчетами, а заодно проходил там медицинский осмотр на предмет радиации. С внешним миром нас также связывал Интернет, но по большей части мы были одни.

Я, Келли и впадина.

Келли каждый день смотрела на проклятую впадину так, словно из нее в любую минуту мог появиться Ник Макиннес и обнять жену. А я просто смотрел на воду.

Мы не стали любовниками. Для меня Келли была вдовой, но сама она считала себя женой. Чрезвычайно верной женой.

Мы неплохо ладили с ней, даже, можно сказать, стали друзьями. Если не принимать во внимание тот факт, что каждую ночь мне снился ее запах.

Однажды в конце августа, в один из теплых дней, я наконец спросил ее:

— Ну и почему мы до сих пор не уехали?

Мы с Келли сидели перед сторожкой на маленькой, усыпанной галькой полоске, слишком скромной, чтобы считаться пляжем. Озерную гладь перед нами нарушала впадина, а вокруг уходили в небо горы. Было на редкость тепло, так что мне не пришлось надевать куртку.

— А *вы* почему до сих пор не уехали? Я пожал плечами:

— Вы моя работа. — «Вы и Ник», — мысленно добавил я, но вслух не стал этого произносить. Вообще старался как можно реже упоминать его имя. — Если верить моему боссу, других дел для меня пока нет.

Она опустила ладонь на мое плечо — редчайший момент физического контакта между нами.

— Наверняка у вас есть дела помимо того, чтобы ждать чего-

то у озера. Вы, американцы, всегда должны что-то исправлять. Или портить.

Я не шелохнулся, боясь, что она уберет руку.

— Я бы не стал тратить здесь столько времени только для того, чтобы удостовериться в надежности охраны. Ваш муж совершил то, чего до него никому не удавалось, и многим людям хочется знать, что же все-таки он от нас скрыл. — «Что же все-таки вы от нас скрываете». — Мардж прислала меня сюда выяснить, почему вы так пристально наблюдаете за впадиной.

Келли улыбнулась, выгнув бровь:

— Мардж?

— Ну да. Не все боятся имен так, как вы.

Она убрала руку. Какой же я все-таки болтун! Плечо слегка покалывало в том месте, которого касались ее пальцы.

— Вообще-то, — сказала она, — я жду следующего сообщения от мужа.

Я невольно расхохотался:

— Еще одного телефонного звонка? Она усмехнулась:

— Нет-нет. Ник обещал подать знак в небе.

Несмотря на ее усмешку, у меня появилось странное чувство, что она не шутит.

Следующей весной, когда растаял снег, Келли принялась упрашивать меня спуститься вместе с ней в центр впадины. В глазах ее стояла тревога. Вода в центре озера за все это время ни разу не замерзла, хотя по краям впадины иногда застывала корка льда. Тяжелый снегопад мог накрыть ее на день или два, но потом снежное одеяло все равно проваливалось в теплую воду. Впадина таращилась на небо своим огромным слепым глазом, а заодно гипнотизировала и нас.

Я изучал этот любопытный феномен, превратившийся в часть повседневной жизни.

— Как по-вашему, мы вернемся оттуда, если рискнем спуститься?

Келли задумчиво посмотрела на меня:

— Вы хороший пловец, Брюс? Я покачал головой:

— Ну уж нет, ни за что.

Она широко улыбнулась. Мне даже показалось, что и тревоги в ее взгляде никогда не было, — но только показалось.

— Закрепите трос достаточной длины, и вы наверняка сумеете вытащить лодку обратно. Вы сильный. Уверена, что и пловец вы отличный.

— Я был чемпионом в младших классах, — признался я, — и все равно я на это не пойду.

— Почему?

«О господи, Келли».

— Во-первых, я не хочу утонуть в этих проклятых водопадах. Во-вторых, я не хочу подвергаться воздействию температурного градиента, не имея защиты даже в виде лодки. Данные разведки с воздуха предполагают наличие внизу слоев льда, как раз напротив участка, где зафиксирована максимальная температура. Вот для чего нам нужны камеры и прочие приборы.

— Иногда нет ничего лучше, как самому взглянуть.

— Нет.

— Но вы и так постоянно подвергаетесь радиации, — напомнила она, флиртуя и умоляя одновременно. Вот никак не думал, что она на такое способна. — Так чего вдруг волноваться из-за простого маскона?

На этот раз я произнес вслух:

— Господи, Келли.

Она звонко рассмеялась своим прелестным смехом и взяла меня за локоть.

— Кроме того, других дел этим летом у вас нет.

Когда Келли поняла, что в ближайшее время я не полезу ради нее в воду, она решила, что нам необходимо построить «наблюдательный пункт» и следить оттуда за впадиной. Несколько дней мы таскали строевой лес из сарая егерей к росшему у воды старому клену с подходящей кроной. Пока мы возились с веревками и гвоздями, устраивая форт на дереве, звонкий смех Келли разносился эхом между деревьями и горами так часто, как никогда.

Прежде я думал, что утонул в любви, но я даже не подозревал, насколько очаровательной и забавной она могла быть.

В самый разгар работы приехал наш патрульный. В первую секунду он с серьезным видом взирал на нас со своей высокой кобылы, словно строгий родитель.

Келли вынула изо рта гвоздь и позвала сержанта:

— Идите к нам, сержант Перри. Неужели вам не хочется вспомнить, как строят домик на дереве?

Он нехотя улыбнулся и подарил нам несколько часов своего времени. Когда я заметил, что он чаще поглядывает на свой дозиметр, чем на молоток в руке, я поблагодарил его за помощь.

Как-то вечером мы с Келли жарили сосиски на костре рядом с нашим «наблюдательным пунктом», когда она снова взглянула на меня *тем особым взглядом.*

— Брюс, но неужели вы хотя бы не отвезете меня поближе к

впадине? Я хочу сама на нее взглянуть.

— Господи, Келли. — Я вынул из огня сосиску и попытался счистить с нее обгорелые места. Какого черта! Я уже подписался на рак ради нее, да и выбросил не один дозиметр, пришедший в негодность. — Так и быть.

Ее восторженный вопль сразил меня наповал. Я надеялся, что дело стоило того.

— Как глубоко вы можете нырнуть?

Я перетаскивал вещи в лодку, но, услышав вопрос, замер от неожиданности. Уже много лет мне не приходилось нырять.

— Эй, погодите секунду…

— Раз уж вы все равно спуститесь в воду, почему бы заодно не посмотреть, сможете ли вы добраться до маскона.

Я выпрямился, покачав головой.

— Аномалия находится на глубине тридцати метров. А дыхание я задержу минуты на полторы, не дольше. Этого недостаточно.

— Тогда мы привяжем к вашей лодыжке пятнадцатиметровый трос, вы прыгнете в воду с чем-то тяжелым, чтобы быстро погрузиться, а на остальное расстояние опустите шест.

Я рассмеялся:

— И что потом? Постучу им?

Она улыбнулась своей коронной улыбкой:

— Потом вы подниметесь наверх и расскажете мне, что видели, что чувствовали и вообще, как оно там, внизу.

— Вы с самого начала планировали попросить меня об этом?

Ее улыбка стала немного виноватой.

— Ну да.

Я вздохнул. Какое теперь это имело значение? Я мало что мог сделать в соревновании с ее мертвым богатым гением-мужем. По крайней мере, на это я был способен ради нее.

Я соединил проволокой концы старой дубовой сваи и двадцатифутового осинового шеста, а на другом конце шеста соорудил из шнурка петлю для запястья. Я собирался прыгнуть с лодки, прижимая к груди обод колеса для груза, и направить шест ко дну. Для начала я смазал тело смесью вазелина с грязью, чтобы как-то защититься от холода.

— Мы спятили, — сказал я.

Келли правила лодкой, держа курс прямо на впадину. За нами тянулся трос, закрепленный на берегу, длиной около двухсот футов, чтобы я мог вытянуть лодку обратно.

Я прежде не видел Келли такой счастливой.

— Ник там, внизу.

— Ни в какие двери я там стучать не собираюсь.

Грязь тем временем уже попала в некоторые очень неприятные места.

Она уже не улыбалась, а сияла как солнышко.

— Просто взгляните на то, что сможете разглядеть.

Я взглянул и увидел то, что в свое время разглядел в ней Ник Макиннес. Меня больше занимало, что же такого она разглядела в нем: судя по его досье, он был законченный псих, которому случайно удалось все сделать правильно.

Лодка соскользнула в водяную яму, и у меня в животе все подпрыгнуло — так бывает, когда преодолеваешь порог на горной реке. Келли заглушила мотор, и лодка принялась медленно кружить по основанию впадины, словно по дну огромной чаши. Вокруг нас поднимались десятифутовые стены воды в нарушение всех законов природы и разума. Странность ситуации усугубляло и то, что буксирный трос натянулся под прямым углом вверх и исчез за краем водопада.

Мы перекинули через борт ободранный осиновый шест и опустили его в воду. Дубовый блок потянул его сразу ко дну, но петля, которую я успел накинуть на крепежную утку, не позволила шесту утонуть, лодка лишь слегка закачалась. Я уставился на темную воду, покрытую рябью, под которой скрывался маскон.

— Не думайте, — сказала Келли, — а то не сможете этого сделать.

Я проверил узел спасательного троса на своей лодыжке. Я делал это только ради нее, а она делала это ради мужа, и она была права — лучше мне не задумываться.

— Досчитайте до тридцати и начинайте вытягивать трос как можно быстрее.

Я продел руку сквозь петлю, сдернул ее с утки, высвободив шест, и упал в воду головой вперед, прижимая к груди обод колеса.

Вода оказалась не холоднее, чем я ожидал, но она залилась мне в нос, причинив неимоверный дискомфорт. Слегка выдохнув через рот, я отпустил обод; меня и без того тянул вниз утяжеленный шест.

Уши раздирала дикая боль. Началась паника, мне хотелось вдохнуть полной грудью, но я старался не обращать на это внимания, позволив шесту тянуть меня в темноту.

С каждой секундой вода становилась все холоднее. Я уже не знал, на какую глубину погрузился и не перебросила ли Келли конец троса через борт, послав меня навстречу своему мужу. Тут я ощутил рывок страховочного троса и чуть не выпустил шест, но петля на запястье не позволила.

Секунду я болтался, как мячик: шест тянул меня вниз, трос — подтягивал наверх. Я постарался покрепче вцепиться в шест. Открыл глаза и увидел только зеленоватую тьму. Вода сдавливала мое тело, как гигантский кулак.

В следующую секунду я понял, что пальцам холодно, они буквально отмерзали. Я поднес свободную руку к лицу, но в темноте почти ничего не разглядел. Тогда я дотронулся пальцами до губ — сплошная наледь. Я помнил, что говорилось в отчетах, но все же… вода замерзает *сверху,* а не *снизу.*

Тут шест запрыгал у меня в руке. Он больше не тянул меня вниз, а медленно начал всплывать. Куда подевалась тяжесть? Грудь сдавили страх и кислородное голодание. Вода стала гораздо холоднее. Что там, черт возьми, делает Келли? Я попытался развернуться, но шест помешал, и я начал запутываться в веревке.

Щиколотка с обмотанным вокруг нее тросом резко дернулась.

Келли.

Слава богу!

Я держал шест, пока она тащила веревку откуда-то сверху, где было голубое небо. Я последовал за зовом сердца к яркому свету.

Когда я перевалился через борт лодки, Келли укутала меня в два одеяла, но я все равно дрожал в мохнатом коконе. У меня пока не было сил добраться до берега.

Келли внимательно рассмотрела осиновый шест.

— Похоже, он треснул.

Я покачал головой. Теперь, когда паника отступила, мне было легче сообразить, что могло случиться с шестом.

— Никакого давления не было — я бы почувствовал. Келли указала на сломанный конец. По его виду можно было предположить, что шест треснул. Неужели я сделал это собственной рукой под давлением быстро расширяющегося льда? Келли пришла к тому же выводу почти одновременно со мной.

— Холод, — сказала она почему-то с довольным видом. — Осина треснула под воздействием холода.

— Что такого прекрасного в холоде? — Я чуть не умер от холода. Голова пьяно кружилась после погружения, я замерзал под нежарким солнцем Канадских Скалистых гор.

— Очень медленная энтропийная прогрессия — вот что такого прекрасного в холоде. — Она ослепительно улыбнулась.

«Очень медленная энтропийная прогрессия». Прежде она ничего подобного не произносила.

Следующей зимой, в один из тихих вечеров, когда мы проводили время перед камином в сторожке, раздались выстрелы. Мы испуганно переглянулись, потом вскочили, натянули зимние парки и теплые штаны и кинулись к нашему снегоходу.

Меньше чем в миле от сторожки мы нашли в снегу тело сержанта Перри. Его лыжи торчали из сугроба под странным углом, брызги крови нарушили белизну ландшафта.

Келли сдавленно всхлипнула и наклонилась, чтобы закрыть ему глаза. Я едва сдержался, чтобы не обнять ее и утешить, поэтому принялся оглядывать лес, не появятся ли где признаки живого. Ничего.

Я позвонил в Мэриленд. Смысла искать укрытие не было — если стрелок не ушел, мы все равно оставались у него на мушке.

— А это не мог быть несчастный случай на охоте? — прозвучал в трубке голос Мардж, заглушаемый помехами.

— Какая охота? — Исламисты, китайцы, «зеленые» — я мог бы придумать сотню более правдоподобных объяснений, чем несчастный случай на охоте. — Мардж, здесь такое оцепление, что никто не прорвется сюда охотиться. Тебе придется провести расследование.

Келли опустилась на колени рядом с телом, по ее лицу текли слезы. Мы не очень хорошо знали сержанта, но он был одним из тех немногих людей, с кем мы контактировали последние четыре с лишним года.

В трубке послышалось, как Мардж вздохнула.

— Ты прав, это дело нужно расследовать. Я займусь им, Брюс.

— Благодарю.

Прилетел вертолет АНБ, забрал тело Перри и отвез туда, откуда он был родом. Мы с Келли смотрели вслед улетавшему вертолету, и, к моему удивлению, она обняла меня одной рукой за пояс.

Тут меня посетило странное желание умереть прямо на месте, стоя в снегу рядом с Келли Макиннес, второй половинкой нашей пары.

Впадина определенно менялась. За лето, после таинственной гибели сержанта Перри, — АНБ так и не сумело раскрыть это преступление, — впадина заметно расширилась и обмельчала. Даже наши неточные измерения указывали на значительное повышение температуры. Однако уровень радиации оставался стабильным, здесь дозиметры и мой счетчик Гейгера не противоречили друг другу.

Я предложил еще раз вызвать разведывательный самолет из агентства, но Келли и слушать не захотела.

— Какой от них толк? В том сугробе мог оказаться один из нас, а ваша драгоценная Мардж заявила, что никакой бреши в системе защиты не зафиксировано!

Конечно, она была права. Я начал повсюду таскать с собой пистолет, чего раньше никогда не делал, — я больше не доверял возможности моего агентства защитить нас. Но все это не имело никакого отношения к тому, что происходило в озере.

— Их оборудование все же могло бы предоставить нам ценные данные о впадине.

— А откуда нам знать, можно ли доверять их данным? Мне тоже не очень понравилось, как Мардж обставила все дело с нарушением в системе защиты, но все же я думал, что Келли перегибает палку.

— А что, если я попрошу канадскую авиацию прислать «Орион»?

Келли покачала головой:

— Нет, все равно это будет машина вашего АНБ.

Будь я проклят, но я позволил ей себя уговорить.

Однако с университетскими экспедициями этот ее номер не прошел. Интерес к впадине внезапно снова оживился, и мы перестали быть одни, как раньше. Повсюду сновали люди, которые постоянно выражали недовольство агентством, распоряжавшимся их оборудованием, тучами комаров и нами, за то, что мы не позволяли им пользоваться туалетом в сторожке. Правда, нам пока удавалось сдерживать натиск журналистов, никто из них не получил пропуск в парк, несмотря на шумные требования.

Келли подозрительно поглядывала на исследователей, словно те собирались отобрать у нее впадину. Она сидела в домике на дереве и наблюдала за Изумрудным озером просто в бинокль, терзаясь ревностью к любому, кто приближался к берегу. Иногда я к ней присоединялся, но чем больше изменялось озеро, тем больше она от меня отдалялась. Мне не нужно было напоминать, что она по-прежнему от меня далека, хотя совсем недавно казалась такой близкой.

Однажды поздней осенью она, как обычно, провела весь день в «наблюдательном пункте», а я принес ей сандвичи ближе к вечеру. Парк снова принадлежал нам, хотя толку от этого было мало. Кленовые листья вокруг нее окрасились всеми оттенками оранжевого, красного и желтого, но Келли видела только одно — проклятую впадину.

— Посмотрите, над озером поднимается пар, — сказала она, едва бросив на меня взгляд, перед тем как взять кусок хлеба с арахисовым маслом и желе. — Видимо, там становится жарко.

— Гм… — Я уставился на воду; над озером действительно клубился пар. Особого жара не наблюдалось, но разница температур была достаточной, чтобы в воздухе образовался небольшой туман, он клубился внутри впадины и временами выползал на поверхность озера. Первый снег еще не выпал, но дни становились холоднее, зима приближалась. — Вы чего-нибудь ждете?

— Энтропийная прогрессия ускоряется, — произнесла она вместо ответа на вопрос, — и достигнет пика в шестую годовщину возвращения Ника.

Наверное, это и был ответ.

В конце марта, когда снова начал таять снег, впадина стала такой широкой и мелкой, что выплескивалась на берега Изумрудного озера, а в самом ее центре образовалась заметная выпуклость. Вода была довольно теплая.

Почти все экспедиции за зиму разъехались. Мы с Келли снова были одни и вели размеренную жизнь женатой пары с большим стажем — недомолвки, сдерживаемая раздражительность, взаимное воздержание, — поэтому я удивился, когда однажды она явилась в мою комнату, сияя улыбкой, которую я не видел уже больше года. Я снова в нее влюбился.

— Брюс, вы не поможете мне?

Я отложил в сторону планшетный компьютер с незаконченным отчетом.

— Конечно.

Она отвела меня к «наблюдательному пункту». Перед деревом стоял большой пластмассовый ящик с ржавыми петлями. Я прежде его не видел, хотя узнал лежащие рядом с ним цепную пилу и канистру с бензином. На ящике были свежие следы грязи.

— Что это?

— То, что я закопала давным-давно, — ответила Келли, — когда впервые сюда приехала.

Почти шесть лет мы провели вдвоем в абсолютной глуши, а тут вдруг она начала выкапывать из земли ящики? Энтропийная прогрессия, как же!

Тем временем Келли отпирала замки на ящике.

— Мне нужно поднять, это наверх. Как вы думаете, нам удастся соорудить что-то вроде лебедки?

— Ладно. Но что это?

— Смотрите сами, — сказала она, открывая крышку и вынимая превосходный телескоп.

— Чего мы ждем?

Глубокой ночью в домике на дереве было чертовски холодно, а с Изумрудного озера доносились такие звуки, будто оно там кипит в темноте.

— Мы ждем, когда наступит восьмое апреля, два тридцать ночи. — Келли направила луч фонарика на свои часы. — Что произойдет минут через двадцать.

Я уставился на звезды.

— Он вам сказал что-то во время того телефонного разговора, да?

Келли едва заметно кивнула, будто тень переместилась.

— В циклограмме было нечто большее, чем мы признали. От меня не ускользнуло это «мы».

— Вы с самого начала были частью замысла.

Келли отвернулась от телескопа, настроенного на созвездие Змееносца, находящееся в это время года в южной части неба.

— У нас были планы на случай непредвиденных обстоятельств. Что там они задумали, не знаю, но она наконец демонстрировала мне свою сущность, ту часть, которую скрывала все эти годы.

— Так выкладывайте.

Она вздохнула и провела рукой по трубе телескопа.

— Естественно, мы не могли заранее протестировать полет. Ник был уверен, что мгновенно переместится на звезду Барнарда, но он не мог предсказать, когда вернется. Один прогноз предсказывал, что он сразу появится, по другим расчетам выходило, что придется выждать разницу в световом времени в состоянии уменьшенной энтропии. Ничего в природе не достается бесплатно, верно? Когда он не вернулся через секунду, я поняла, что он пережидает временной разрыв.

Если исходить из того, что он не рассыпался на частицы в далеком космосе при диком всплеске энергии, в котором стартовал его доморощенный космический корабль. Я покачал головой:

— Как ему удалось позвонить со звезды Барнарда?

Она рассмеялась своим особенным смехом. И тогда я понял: то, что сейчас находилось в озере, впадина, маскон, — не просто символ мужчины, с кем я мог бы соперничать. Нет, это была ее мечта, ее общая мечта с Ником Макиннесом.

— Те же самые эффекты сдвоенной величины, которые позволяют осуществить такой полет, можно использовать и для того, чтобы открыть электромагнитный канал, — пояснила она голосом лектора. — Мы проверили это на Земле. Добравшись до звезды Барнарда, Ник воспользовался спутниковым телефоном с виртуальной антенной, способной улавливать орбитальную сеть,

которую он создал много лет тому назад, когда мы занимались телекоммуникациями. Все это напрочь уничтожает эйнштейновскую одновременность.

Тут только до меня дошло, до чего нелепо звучит — человек отправился к звездам и оттуда дозвонился домой по мобильному телефону.

— Вернее не скажешь.

— Вот откуда я узнала, что мы не ошиблись с математическими расчетами. — В темноте я едва разглядел ее улыбку. — Он не взорвался, когда долетел до звезды. Он позвонил и пообещал вернуться домой. — Келли протянула мне толстый конверт вроде бы желтоватого цвета. — Держите.

— Что это?

— Схемы, циклограмма, данные о рентабельном полете, в который никто из вас не верил. Так, на всякий случай, если что-то не получится.

Не получится? Что именно? Вероятно, ее очень медленная энтропийная прогрессия. Я стиснул конверт, проверяя плотность бумаги, затем сунул его под рубаху.

— Почему я? Почему сейчас? Я ведь враг.

Она снова повернулась к телескопу и взглянула в окуляр.

— Да, вы враг. Вы и вся ваша правительственная братия. Но я также знаю, что вы честный парень. Я для того и провела здесь все эти годы, чтобы кто-то из ваших не испортил дела. Но вы оказались молодцом, Брюс.

Я сглотнул. Никогда не надеялся услышать от нее такое. Она продолжила:

— А кроме того, вы уцелеете. Если случится так, что мы. все-таки где-то просчитались, то вы вместо нас передадите эти данные канадскому народу.

У меня были вопросы, десятки, сотни вопросов насчет содержимого конверта, но теплый гнилостный запашок с озера не давал мне возможности их задать. Канадские Скалистые горы в апреле не должны пахнуть, как лето в Луизиане. После стольких лет пассивного наблюдения я понял, что события начали развиваться чересчур быстро.

— Созвездие Змееносца. Вы наблюдаете звезду Барнарда. Она находится на расстоянии примерно шести световых лет, верно?

— Пять целых и девяносто семь сотых, — ответила Келли, не поворачивая головы. Настроив телескоп как надо, она уже не отрывалась от него. — Пять лет и триста пятьдесят пять дней. Плюс несколько часов.

Изумрудное озеро теперь определенно вскипало, словно вода на огне.

— И срок выйдет сейчас, верно?

— Плюс-минус пять минут на небольшую погрешность.

— И вы ожидаете…

Ее улыбка на секунду мелькнула в темноте, прежде чем она вновь повернула лицо к окуляру.

— Знак, начертанный на небесах.

Я внезапно вспомнил о лазерах со взрывной накачкой. А под нами Изумрудное озеро уже вовсю кипело. Буквально. Зловоние появилось из-за того, что илистое дно медленно поджаривалось.

— Господи, — прошептал я, — вы следите, не появится ли лазерный луч. Он взорвал русские бомбы, вышел на расчетную орбиту и вернулся домой.

— Прямо в точку. Вы, американцы, оказывается, не такие тупые. Он будет дома через несколько секунд после того, как мы увидим лазерный луч.

Я наконец понял, почему в озере наблюдается медленный подъем температуры: это была утечка энергии из того, чем на самом деле являлся маскон, — каким-то диковинным блоком материи, гигантским кварком или еще чем. Ник провел на Земле последние шесть лет, загнанный в неопределяемую оболочку замедленной энтропии, исключенный из реальности из-за разницы в световом времени. Он совершил путешествие не только в космосе, но и во времени и теперь пережидал, пока уравнения придут в соответствие друг с другом и выплюнут его в реальность.

Муж Келли находился на дне озера — буквально ждал, пока наступит его час.

Дно озера.

— Он достиг звезды Барнарда в высоком вакууме, верно?

— Да… по кометной орбите… — Она слушала меня вполуха.

— Так почему не вернуться на Землю тоже в вакууме?

— Возвращение в атмосферу, — рассеянно ответила она, — сопряжено с дополнительными трудностями и новыми конструктивными требованиями. Сброс массы при запуске, другие проблемы. Мы рассчитывали на мгновенную транспортировку домой.

Прямо в центр материи, гораздо плотнее одного атома водорода на кубический сантиметр, с чем он имел дело в космосе. Выброс энергии при его появлении на Барнарде со стороны показался бы световым шоу. Другое дело здесь, на Земле… Я, конечно, не физик, но даже мне было под силу представить линию полной удельной энергии потока в тот момент, когда его волновой фронт в конце концов обрушится на озеро.

— Келли, — произнес я, стараясь говорить как можно спокойнее, — корабль Ника взрывается. Он взрывается последние шесть лет очень-очень-очень медленно — вот откуда эта впадина. Через три минуты он взорвется в реальном времени.

— Он не привез обратно ядерные бомбы, — как во сне произнесла Келли. — Корабль сбросил их перед тем, как взять обратный курс. Мы так настроили механизм на тот случай, если он не сумеет их взорвать.

— Есть там бомбы или нет, все равно произойдет взрыв. Нам нужно уходить, прямо сейчас.

Я осмотрел пути отхода, прикинул, стоит ли лезть в горы или лучше попробовать отъехать подальше на моем «форде», припаркованном у сторожки.

— Я же сказала, ядерных бомб там нет, — рассеянно ответила Келли, по-прежнему пялясь в телескоп.

— К черту эти бомбы! Он привез с собой слишком много потенциальной энергии, и здесь нет высокого вакуума, чтобы он мог ее туда слить!

Волнение не помешало мне почувствовать, что она улыбается, когда говорит:

— Математические расчеты сработали. Он добрался до звезды, он вернется домой. Я должна быть здесь, чтобы встретить его.

Она как ученый верила цифрам, будь она проклята, и как влюбленная женщина верила в будущее.

— Послушай меня, ради бога. Наплевать на расчеты, что бы они там тебе ни говорили. Корабль Ника взрывается. Через секунду все озеро обрушится нам на головы. — Интересно, существует ли такая вещь, как квантовый взрыв?

— Нет. Мы все рассчитали. Мы знали, что он доберется до звезды, что вернется обратно и… Вот! Звезда Барнарда сверкает ярче! Я вижу лазеры Ника!

— Келли, бежим!

Я нарушил свое основное правило общения с ней и попытался применить силу. Схватив Келли за руку, я оттащил ее от телескопа, но она развернулась и ткнула меня кулаком в челюсть.

— Я остаюсь, Брюс. Ты боишься, ты и беги.

И, к своему стыду, я побежал. Победил инстинкт самосохранения, и уже в следующую секунду я, сам не сознавая того, поспешно спустился с лестницы и побежал по склону, прочь от озера и той катастрофы, которая, я был уверен, неминуемо должна была произойти. Я решил не тратить времени на «форд» — пришлось бы сначала добежать до него, а потом заводить мотор — и продолжал нестись вверх по холму те несколько

секунд, что мне остались, бросив женщину, которую я любил, вместе с ее телескопом, впадиной и давно потерянным мужем.

А затем озеро взорвалось.

Я застонал и очнулся в луже грязи, не зная, как долго в ней пролежал. То, что когда-то было Изумрудным озером, теперь заливал яркий свет, а издалека доносилось тарахтение вертолета.

Я все-таки успел отбежать подальше. Я остался жив.

А Келли наверняка нет.

Примерно в четверти мили я увидел обломки сторожки, расколотые бревна в море грязи, кошмарную картину разрушения, освещенную лучом прожектора, направленным с неба. Теперь, когда радиоактивное дно озера разлетелось повсюду, это место представляло собой настоящую «горячую точку».

Я с трудом поднялся, чувствуя, как протестует каждая косточка в теле. Выдув из носа воду, а может быть, и кровь, я направился к берегу озера.

Расплывчатый силуэт впереди оказался Мардж. Она осторожно бродила между обломками, освещая себе путь красным фонариком. На ней был дорожный костюм — юбка по Колено — совершенно неподходящая одежда для такого места.

— Рада, что ты уцелел, Брюс.

А прямо за ее спиной вышагивал Рэй Виттори, менеджер проекта от Канадского Космического Агентства, — это он первым сообщил нам, что впадина радиоактивна.

Виттори был без пиджака, хотя вокруг творилось черт знает что из-за всей этой грязи. Прах меня побери, какой же я все-таки идиот! Вот тебе и радионуклиды! Неудивительно, что все мои счетчики Гейгера работали кое-как, — в агентстве их затем приходилось налаживать заново. Да что там говорить, даже *я* был способен придумать три или четыре способа, как перенастроить дозиметр.

— Приятно снова вас увидеть, агент Дидрих, — произнес Виттори. — Хотя обстоятельства определенно могли быть получше.

Ничего не говоря, я уставился на него. Он протянул руку, но не для того, чтобы поздороваться, — ладонью вверх, ожидая что-то получить.

— Я сейчас заберу документы.

— Что такое?..

Мардж улыбнулась, розово сверкнув зубами в темноте при свете сигареты.

— Микрофоны, Брюс. Мог бы и догадаться.

Да, я действительно мог догадаться. Пассивная разведка — дешевое удовольствие. Они могли натыкать «жучки» по всем камням Скалистых гор за то время, что я здесь ошивался.

Я перевел взгляд с Мардж на Виттори. Келли велела мне отдать документы канадскому народу, но думаю, она имела в виду совсем другое.

— Не было никаких радиоактивных осадков, — произнес я мертвенным голосом, впрочем, я так себя и чувствовал.

Виттори покачал головой:

— Не было.

— Тогда зачем?..

Он пожал плечами и наконец опустил руку.

— Мы собрали все данные о впадине, на какие можно было рассчитывать, Дидрих. Оставалось только одно — женщина.

Женщина.

Келли Макиннес, смеющаяся женщина, которая жила и умерла ради мечты и давно потерянного мужа.

— О господи, — произнес я, вспомнив о другой смерти. — Сержант Перри?..

Мардж как-то сразу посуровела и еще раз затянулась сигаретой.

— Погиб в результате несчастного случая на охоте, Брюс. Направился не в ту сторону, можно сказать.

Несчастный случай на охоте. Перри был готов проговориться. Я обратился к ней с тем же вопросом, который задал Виттори:

— Зачем?

— Есть много людей по обе стороны границы, которые сделают все, что угодно, ради подобного изобретения.

Ради разработок Ника Макиннеса, которые мы отвергли двенадцать лет тому назад. Ради изобретения канадца, который долетел до звезд и почти вернулся домой.

Я вздохнул и опустился на разломанное бревно, покрытое озерным илом и водорослями. По другую сторону бревна я заметил приткнувшуюся к нему пластиковую канистру с бензином. Крышечка была на месте.

— Можно стрельнуть у тебя сигаретку, Мардж?

— Ты ведь бросил несколько лет назад, — нетерпеливо огрызнулась она.

— Мне нужно сейчас затянуться.

Я обхватил себя руками, холодный и мокрый в эту темную апрельскую ночь. Под рубашкой захрустел конверт, хранивший единственную точную запись предложенного Макиннесом рентабельного метода сверхсветовых путешествий.

Мардж протянула мне зажженную сигарету. Я взял и

поблагодарил.

— Затягивайся и пошли скорее. В Вашингтоне тебя ждут очень важные люди.

Она повернулась к Виттори и прошептала что-то, но я не расслышал. Зажав сигарету в зубах, я изловчился, отвинтил крышечку канистры и вылил содержимое на землю.

Запах был не бензиновый — так пахла грязная озерная вода. Должно быть, канистра лопнула от взрыва. Я швырнул в лужу сигарету. Окурок зашипел и погас.

— Готов? — спросила Мардж.

Я кивнул. Вынув из-за пазухи конверт, я передал его канадцу. Еще тот канадец. Я не мог себя обманывать, думая, что именно этого желала Келли.

Пока мы шли к вертолету, я понял, что успел забыть ее смех.

Майкл Суэнвик
Лето с трицератопсами [90]

Динозавры, казалось, покачивались в знойном мареве, курящемся над мостовой. Их было около тридцати, небольшое стадо, похоже — трицератопсы. Они переходили дорогу (не спрашивайте меня почему), так что я выжал сцепление, резко остановил фургон и принялся ждать. Ждать и наблюдать.

Интересные создания и удивительно грациозные, при таких-то размерах. Динозавры изящно переходили дорогу, глядя прямо перед собой. Теперь я не сомневался, что правильно определил их породу: у каждого на морде было по три рога. Я был когда-то ребенком и играл пластмассовыми моделькими.

— Почему мы никуда не едем? — поинтересовалась моя соседка Грета, сидевшая в кабине рядом со мной с закрытыми глазами.

— На дороге динозавры, — ответил я. Она открыла глаза:

— Твою мать!

Затем, не успел я ее остановить, она подалась вперед и просигналила три раза. Громко.

Трицератопсы на дороге, все как один, замерли и повернули головы, чтобы взглянуть на фургон. Я едва не покатился со смеху.

— Что тут, черт побери, такого смешного? — хотела знать Грета.

Но я мог только ткнуть пальцем и беспомощно трясти головой, от смеха у меня по щекам катились слезы.

Это все их воротники. Они были не просто кричащих тонов — яркие, как цирковые афиши, с красными завитками, желтыми полосками и электрическими оранжевыми искрами: слишком много форм и расцветок, чтобы перечислить, и все совершенно разные. Они походили на китайских змеев! На бабочек с шестифутовыми крыльями! На кислотный Лас-Вегас! И вот под всем этим карнавально-ярким великолепием торчали самые глупые морды, какие только можно представить, моргающие и разевающие пасти, будто повредившиеся умом коровы. До того смешные — просто обхохочешься, но надо было видеть их своими глазами, чтобы оценить.

Грета начала закипать по-настоящему. Она вылезла из машины и захлопнула за собой дверцу. От этого звука парочка трицератопсов в волнении напустила лужу, и все они попятились на шаг-другой. Потом они начали пододвигаться ближе, чтобы посмотреть, что же будет дальше.

Грета поспешно забралась обратно в кабину.

— Ну и чего этим тварям надо теперь? — спросила она раздраженно.

Создавалось такое впечатление, будто она хочет возложить вину за их поведение на меня. Не то чтобы она произнесла это вслух, учитывая то, что она сидела в моем фургоне, а ее «BMW» по-прежнему стоял в гараже в Южном Берлингтоне.

— Они любопытные, — пояснил я. — Просто веди себя спокойно. Не двигайся, не шуми, и через некоторое время они потеряют интерес и отправятся дальше.

— Откуда ты знаешь? Ты уже видел таких тварей раньше?

— Нет, — признался я. — Но я работал на молочной ферме, в ранней юности, лет тридцать — сорок назад, коровы там вели себя похоже.

На самом деле трицератопсы уже заскучали и были готовы отправиться дальше, когда рядом с нами резко затормозил старый потрепанный «хёндай» и оттуда выскочил тощий парень с такими нечесаными волосами, каких я давно уже не видел. Трицератопсы решили остаться и посмотреть.

Парень побежал к нам, размахивая руками. Я высунулся из окна:

— В чем проблема, сынок? Он был ужасно расстроен.

— Произошла авария, я хочу сказать, несчастный случай, в институте. — Он говорил об Институте передовой физики, который находился здесь неподалеку. Институт финансировался из государственных фондов и каким-то неведомым образом присоединялся к университету Вермонта. — Пограничные стабилизаторы вышли из строя, мезополе инвертировалось и сменило вектор. Конгруэнтные факторы устремились в бесконечность и… — Он взял себя в руки. — Вам не положено видеть это.

— Так, значит, они ваши? — спросил я. — Тогда вы должны знать. Это трицератопсы, верно?

— Triceratops horridus, — рассеянно ответил он. Я без всякой причины преисполнился гордости за самого себя. — По большей части. Но среди них может оказаться и пара какого-нибудь другого вида трицератопсов. Они в этом смысле как утки. Им все равно, с какой компанией водиться.

Грета вскинула руку с часами и многозначительно посмотрела на циферблат. Часы, как и все, что она носила, были дорогие. Она работала на фирму, занимавшуюся системным анализом для тех компаний, которые подумывали о сокращении штатов. Ее работа состояла в том, чтобы выяснить точно, кто что сделал, а затем сообщить начальству, от кого именно можно

безболезненно избавиться.

— Я теряю деньги, — пробурчала она. Я не обратил на нее внимания.

— Послушайте, — сказал парень. — Вы должны молчать обо всем увиденном. Мы не можем допустить, чтобы об этом узнали. Все должно храниться в тайне.

— В тайне? — С другой стороны стада подъехали и остановились три машины. Пассажиры стояли на дороге, тараща глаза. Позади нас затормозил «форд-таурус», и водитель опустил стекло, чтобы лучше видеть. — Вы собираетесь сохранить в тайне стадо динозавров? Да их тут, должно быть, десятки.

— Сотни, — поправил он с отчаянием. — Они мигрируют. Стадо разделилось, выйдя наружу. Это только его часть.

— Тогда я не понимаю, как вы собираетесь сохранить это в тайне. Я хочу сказать, только взгляните на них. Да они размером с танк! Люди не могут их не увидеть.

— Боже мой, боже мой!

Один из зевак по другую сторону стада достал фотоаппарат и начал снимать. Я не стал говорить об этом молодому человеку.

Грета проявляла все больше нетерпения по мере развития разговора, и вот теперь она вылезла из фургона и заявила:

— Я не могу больше терять время даром. У меня работа.

— У меня тоже, Грета. Она насмешливо фыркнула:

— Вычищать сортиры и городить гору из дерьма! Я уже потеряла больше денег, чем ты зарабатываешь за неделю.

Грета вытянула руку в сторону молодого человека:

— Дайте мне ключи от вашей машины.

Парень, слегка обалдев, подчинился. Грета подошла, села в «хёндай» и развернула машину.

— Я сегодня же попрошу кого-нибудь отогнать тачку в институт.

Затем она уехала, отправилась искать другой путь в объезд стада.

Ей следовало бы подождать, потому что минуту спустя животные решили уйти, и через какой-то миг их уже нигде не было видно. Хотя найти их будет несложно. Они наверняка вытопчут все на своем пути.

Парень встряхнулся, словно выходя из транса.

— Эй! Она же забрала мою машину!

— Залезайте в кабину, — предложил я. — Дальше по дороге есть бар. Вам нужно выпить.

Он сказал, что его зовут Эверетт Маккафлан, и вцепился в свой стакан так, будто его могло снести с лица земли, если он его отпустит. Потребовалось две порции виски, чтобы вытянуть из

него всю историю. После чего я долго сидел молча. Должен признаться, что все им сказанное несколько развеселило меня.

— Сколько времени у нас есть? — спросил я наконец.

— Недель десять, самое большее — три месяца. Не дольше.

Я отхлебнул большой глоток содовой. (Я никогда не злоупотреблял выпивкой. Кроме того, было еще раннее утро.) Потом я сказал Эверетту, что сейчас вернусь.

Я дошел до фургона и достал из «бардачка» сотовый телефон.

Сначала позвонил домой. Делия уже ушла в свадебный салон, а у них там не приветствуются личные звонки в рабочее время, поэтому я просто оставил сообщение, что люблю ее. Потом я позвонил в «Грин Маунтин букс». Магазин еще не открылся, но Рэнди любит прийти пораньше, он поднял трубку, когда услышал мой голос на автоответчике. Я спросил его, есть ли у него что-нибудь по трицератопсам. Он попросил подождать минутку, затем сказал, что да, есть один экземпляр «Рогатых динозавров» Питера Додсона. Я предупредил, что заеду за этой книгой, как только снова окажусь в городе.

Затем я вернулся обратно в бар. Эверетт только что заказал себе третью порцию виски, но я отобрал у него стакан.

— Тебе достаточно, — сказал я. — Отправляйся домой, поспи. Или покопайся в саду.

— У меня нет машины, — напомнил он.

— Где ты живешь? Я тебя подброшу.

— Да и все равно мне полагается быть на работе. Я не отметил свой уход. И фактически у меня еще не закончился испытательный срок.

— Какое это имеет значение, — спросил я, — теперь?

Квартира Эверетта находилась в квартале Уинуски, на Вуленмилл, из чего следовало, что в институте ему платят хорошие деньги. Или так, или он просто не умеет их тратить. После того как я подкинул его до дому, я позвонил паре знакомых подрядчиков и договорился, что они возьмут на себя мои контракты. Затем я позвонил во «Фри пресс», снял постоянное объявление о предоставлении услуг и сообщил клиентам, что в связи с непредвиденными обстоятельствами их заказами займутся другие подрядчики. Проблемы возникли только со старой миссис Бреммер, но даже она отстала, когда я сообщил, что смог бы заняться ее джакузи не раньше конца июля.

После всего этого я пошел в банк и перезаложил дом.

У меня ушло некоторое время на то, чтобы убедить Арта Летурно в серьезности моих намерений. Я вел с ним дела довольно долго, и он знал, как я отношусь к долгам. К тому же я

очень уклончиво говорил о том, для чего мне потребовались деньги. В итоге он начал подозревать, что у меня что-то вроде запоздалого кризиса среднего возраста. Но документы были оформлены на мое имя, и цены на недвижимость в наших краях резко шли вверх, так что в итоге сделка состоялась.

По дороге домой я посетил ювелирный магазин и цветочную лавку.

Глаза Делии широко распахнулись, когда она увидела цветы, и сузились до размера камня в кольце. Она выглядела совсем не так, как, по моему мнению, должна была бы выглядеть.

— Надеюсь, новости хорошие, — сказала она.

Тогда я уселся за кухонный стол и рассказал ей все. Когда я закончил, Делия долго молчала, как молчал утром я. сам.

— И сколько времени у нас есть? — спросила она наконец.

— Три месяца, если повезет. Десять недель наверняка, так сказал Эверетт.

— Ты ему веришь?

— Похоже, он знал, о чем говорил.

Если я и обладаю какой-нибудь способностью, так это способностью верно оценивать людей, и Делия это знала. Когда Грета только въехала в отремонтированный сарай по соседству, я с самого начала сказал, что ужиться с ней будет непросто. И это произошло еще до того, как она засыпала всю траву на своем участке тремя видами разноцветной мульчи или начала вдруг ни с того ни с сего возмущаться, будто я оставляю свой фургон на подъездной дорожке.

Делия на некоторое время задумалась, хмурясь так, как она хмурилась всегда, сосредоточиваясь на чем-то, затем улыбнулась. Это была неуверенная, почти незаметная улыбка, но все-таки улыбка.

— Что ж, я всегда мечтала о том, чтобы мы смогли позволить себе первоклассный отпуск.

Я был рад услышать от нее эти слова, потому что именно в этом направлении двигались мои собственные мысли. И обрадовался еще больше, когда она всплеснула руками и воскликнула:

— Я поеду в «Диснейуорлд»!

— Черт, — сказал я, — да у нас столько денег, что мы можем поехать в «Диснейуорлд», «Диснейленд» и в «Евродисней» сразу. Кажется, что-то подобное есть еще и в Японии.

Тут мы оба расхохотались, Делия стащила меня со стула, и мы заплясали по кухне, все еще немного напуганные всем этим, но по большей части взволнованные и счастливые, как дети.

На следующее утро мы собирались поспать подольше, но от закоренелой привычки сложно избавиться, к тому же Делия чувствовала себя обязанной предупредить об уходе и отработать в свадебном салоне еще неделю. Так что, когда она уехала, я отправился на поиски трицератопсов.

Но вместо них обнаружил Эверетта, стоящего у дороги с поднятым большим пальцем.

Я притормозил.

— В институте не нашлось никого, кто смог бы тебе пригнать машину? — спросил я, пока мы снова ехали вместе.

— До института машина не добралась, — ответил он угрюмо. — Эта женщина, которая вчера была с тобой, заехала на ней в кювет, сорвала сцепление и помяла корпус. Она заявила, что не попала бы в аварию, если бы мои динозавры не вывели ее из себя. Потом она бросила трубку. Я недавно на этой работе. У меня денег не хватит на новую машину.

— Возьми напрокат, — посоветовал я. — Расплатишься кредиткой и будешь выплачивать какой-то минимум следующие два-три месяца.

— Мне это как-то в голову не приходило.

Мы какое-то время ехали молча, потом я спросил:

— А как она умудрилась найти тебя?

Грета уехала раньше, чем он успел представиться.

— Она позвонила в институт и спросила о парне с кошмарными волосами. Ей там дали мой домашний номер телефона.

Парковаться на стоянке перед Институтом передовой физики можно было только по карточкам, поэтому я высадил Эверетта на обочине.

— Спасибо, что никому не сказал, — произнес он, выбираясь из машины. — О том… Ну, ты понимаешь.

— Мне показалось, что так будет разумнее всего.

Он пошел прочь, потом внезапно развернулся и спросил:

— А у меня в самом деле настолько кошмарные волосы?

— Ничего такого, с чем не справился бы парикмахер, — сказал я.

До института мы ехали по главной трассе. Обратно я двинул в объезд, через фермы. Добравшись до того места, где мы видели трицератопсов, я подумал, что там произошла авария — столько автомобилей стояло по обочинам дороги. Но оказалось, что это в основном зеваки и телевизионщики. Значит, стадо ушло недалеко. По всей дороге были выставлены телекамеры, а перед ними суетилось множество хорошеньких молодых женщин с беспроводными микрофонами в руках.

Я подъехал ближе, чтобы посмотреть. Один трицератопс подошел к самому ограждению и щипал там высокую траву. Судя по всему, он нисколько не боялся людей, наверное, потому, что в его времена млекопитающие никогда не вырастали крупнее барсука. Я подошел поближе и похлопал его по спине, которая оказалась твердой, бугристой и теплой. Главное во всем этом было тепло. Благодаря ему ощущение приобретало реальность.

Ко мне подошла тележурналистка, за ней — оператор.

— У вас совершенно счастливый вид, — заметила журналистка.

— Что ж, я всегда мечтал увидеть настоящего живого динозавра, — сказал я, повернувшись к ней лицом, но все еще держа руку на воротнике животины. — Надо сказать, тут есть на что поглядеть. Они не умнее коров, зато наблюдать за ними гораздо интереснее.

Она задала мне несколько вопросов, и я постарался ответить на них как можно лучше. Потом, после того как съемка завершилась, она достала блокнот, записала мою фамилию и спросила, чем я занимаюсь. Я сказал, что вообще-то я подрядчик, но когда-то работал на молочной ферме. Кажется, это ей понравилось.

Я еще немного посмотрел, потом поехал в Берлингтон забрать книгу. Магазин был еще закрыт, но Рэнди открыл мне, когда я постучал.

— Ах ты негодяй! — воскликнул он, запирая за мной дверь. — Ты хоть представляешь, за сколько я мог ее продать? Тут у меня был один чужак, — я понял, что он имеет в виду кого-то из штата Нью-Йорк или, может быть, Нью-Гемпшир, — так он предлагал мне за эту книгу две сотни. И я мог бы получить еще больше, если бы мне было что дать ему взамен!

— Я твой должник, — сказал я и заплатил ему бумажными банкнотами. Он скинул с суммы налог, но удержал пять центов. — А ты уже ездил смотреть на них? — спросил я.

— Ты спятил? Тысячи людей едут в наш штат, чтобы взглянуть на этих тварей. Там будет настоящий сумасшедший дом!

— Мне показалось, что дороги несколько перегружены. Но все не настолько плохо, как ты думаешь.

— Еще слишком рано. Вот подожди немного.

Рэнди оказался прав. К вечеру образовалась такая пробка, что Делия добиралась до дому лишний час. Когда она приехала, в духовке подогревалась запеканка, а на кухонном столе передо мной лежала книга.

— У самцов более длинные, направленные вверх рога, тогда как у самок рога короче и обращены скорее вперед, — сообщил я Делии. — Кроме того, самцы крупнее самок, но самки превосходят их численностью в соотношении две к одному.

Я, улыбаясь, откинулся на стуле.

— Две к одному. Только представь себе! Делия толкнула меня:

— Дай-ка посмотреть!

Я протянул ей книгу, и это напомнило мне те времена, когда мы только поженились и ходили изучать повадки птиц. До того, как у нас появилась куча дел. Потом позвонила подруга Делии, Марта, и сказала, чтобы мы срочно включали Третий канал. Мы включили, и там я говорил свое «не умнее коров».

— Так ты, значит, теперь еще и фермер? — спросила Делия, когда сюжет подошел к концу.

— Я совсем не то говорил. Она все свалила в одну кучу. Кстати, смотри, что у меня есть. — Днем я успел побывать в трех разных туристических агентствах. И вот теперь разложил перед ней проспекты: Париж, Дубай, Рим, Австралия, Рио-де-Жанейро, Марокко. И даже «Диснейуорлд». Я брал все, что казалось мне интересным. — Выбирай, и завтра мы будем уже там.

Делия казалась смущенной.

— В чем дело? — удивился я.

— Ты же знаешь, в июне у нас горячие деньки. Столько юных невест. Франческа уговорила меня остаться до конца месяца.

— Но…

— Это не так уж долго, — сказала она.

Пару дней это было похоже на Вудсток, чемпионат Национальной футбольной лиги и Мировую серию по бейсболу, вместе взятые, дороги между штатами превратились в сплошную пробку, попытка добраться куда-либо могла стоить жизни. И тогда губернатор вызвал Национальную гвардию, и военные оцепили округ Читтенден, так что приходилось предъявлять удостоверение личности, чтобы выехать и вернуться обратно. К этому времени динозавры разбились на небольшие группки. Потом дюжину или две отловили и отправили в зоопарки разных штатов, где увидеть их было проще. Так что все вернулось на круги своя, более или менее.

В следующую субботу я подкрашивал кое-что в доме, когда заехал Эверетт на раздолбанной колымаге.

— Мне нравится твоя новая прическа, — отметил я. — Отлично смотрится. Приехал полюбоваться на трицев?

— Трицев?

— Так тут называют ваших динозавров. Трицератопс — слишком длинное слово. У нас здесь в окрестностях бродит группа в восемь-девять особей.

За нашим домом начинался лес, а за лесом было небольшое болото. Они любили пастись на опушке леса и валяться в грязи.

— Нет… э-э… я приехал узнать имя той женщины, которая была с тобой. Той, которая забрала мою машину.

— Это ты про Грету Хоук?

— Наверное. Я все обдумал и считаю, что она все-таки должна оплатить ремонт машины. Я хочу сказать, надо так надо.

— Я смотрю, ты стал брать машину напрокат.

— Мне это кажется нечестным. Эта машина дешевая. Но в плохом состоянии. Одна дверца закрывается на вешалку для одежды.

Из дома с корзинкой для пикника вышла Делия, и я познакомил их.

— Эв ищет Грету, — сказал я.

— Что ж, вы приехали очень кстати, — сказала Делия. — Мы с ней как раз собирались пойти посмотреть на трицев. Присоединяйтесь.

— О, я не могу…

— Не стоит отказываться. У нас с собой полно еды. — Потом она обратилась ко мне. — Я схожу за Гретой, пока ты приводишь себя в порядок.

Вот так получилось, что мы вместе пошли по узкой тропинке через лес и вышли на луг на косогоре над фермой Тайлера. Там на поле спали трицы. Они здорово попортили урожай. Но штат оплатил ущерб, так что Тайлер вроде остался доволен. Я невольно задался вопросом: уж не знает ли губернатор то, что знаем мы? Не переговорил ли он с ребятами из института?

Я расстелил плед, а Делия выложила холодные закуски, маринованные яйца, выставила лимонад и прочую полагающуюся на пикниках ерунду. Я прихватил с собой пару биноклей и раздал их нашим гостям. Грета пребывала в крайней степени угрюмости, и мне стало любопытно, как Делия сумела уговорить ее пойти с нами. И тут Грета вдруг воскликнула:

— Смотрите! У них детеныши!

У динозазров было три малыша, всего несколько футов высотой. Двое из них дурачились, игриво бодались, кувыркались друг через друга. Третий просто сидел на солнышке и хлопал глазами. Все они были чертовски хорошенькими, с крошечными, едва пробивающимися рожками и потрясающе громадными глазами.

Остальные трицы паслись рядом, обрывая и поедая кусты и

прочую растительность. Все, кроме одного; он стоял рядом с малышами и казался огромным, сердитым и настороженным.

— Это мама? — спросила Грета.

— Это самец, — ответил Эверетт. — Что можно определить по рогам. — Он пустился в объяснения, которых я не слушал, поскольку читал книгу.

По дороге домой Грета проворчала:

— Надо полагать, вы хотите узнать телефон моей страховой компании?

— Пожалуй, — ответил Эверетт.

Они скрылись в доме, наверное, минут на двадцать, а потом Эверетт сел в свою развалюху и уехал. После чего я сказал Делии:

— Мне казалось, этот пикник затевался ради того, чтобы мы могли наконец решить, куда все-таки поедем в отпуск.

Она даже не захватила с собой проспекты туристических компаний, которые я принес.

— Мне кажется, они приглянулись друг другу, — сказала Делия.

— И ради этого ты все и затеяла? Слушай, ты в свое время уже наделала порядочных глупостей…

— Это каких же? — возмутилась Делия. — Когда это мои поступки были чем-то иным, кроме как воплощенной мудростью?

— Ну… ты вышла за меня замуж.

— Ах это! — Она обняла меня. — Это то самое исключение, которое лишь подтверждает правило.

Так, то за одним, то за другим, проходило лето. Делия начала приманивать трицератопсов все ближе и ближе к дому с помощью капусты, черешков сельдерея и тому подобного. Больше всего они полюбили капусту. В итоге получилось так, что вечерами мы кормили трицератопсов прямо с нашего заднего крыльца. Ближе к закату они начинали собираться, в надежде на капусту, но готовые довольствоваться почти чем угодно.

Из-за них пострадал задний двор, но что с того?.. Делия немного расстроилась, когда они добрались до сада, но я потратил денек и соорудил вокруг него крепкий забор, и она высадила все заново. Она делала подкормку, разводя их навоз в воде, и воздействие этого удобрения на растения было ошеломляющим. Розы цвели, как никогда раньше, а в августе созрели потрясающие помидоры.

Я упомянул об этом в разговоре с Дэйвом Дженкинсом из «Дома и сада», и он призадумался.

— Я уверен, что на этом можно сделать деньги, — сказал он. — Я бы купил у тебя весь их навоз, который ты сможешь собрать.

— Извини, — сказал я ему. — Я в отпуске.

Я до сих пор так и не смог убедить Делию определиться с поездкой. Нельзя сказать, что я не пытался, я как раз однажды вечером рассказывал ей об отеле «Атлантис» на Райском острове, когда она вдруг сказала:

— Нет, только посмотри!

Я бросил читать о купаниях с дельфинами и специально построенных развалинах подводного города и подошел вместе с ней к двери. Машина Эверетта, новенькая, которую он купил на выплаченную компанией Греты страховку, стояла у ее двери. Свет горел только в одном окне, в кухне, потом погас и он.

Мы поняли, что эти двое сумели преодолеть все имеющиеся трудности.

Однако часом позже мы услышали, как хлопнула дверь, а потом взвизгнул автомобиль Эверетта, слишком быстро взявший с места. Затем кто-то забарабанил в нашу входную дверь. Это оказалась Грета. Когда Делия впустила ее, она, к моему изумлению, разразилась слезами. Вот уж не думал, что Эверетт способен на такое.

Я приготовил кофе, а Делия дала Грете салфетки и сумела успокоить ее настолько, что та была уже в состоянии рассказать нам, за что она выставила Эверетта из дому. Дело было не в том, что он сделал, а в том, что он ей сказал.

— Знаете, *что* он мне сказал? — прорыдала Грета.

— Мне кажется, знаем, — ответила Делия.

— О временных…

— …петлях. Да, дорогуша. Грета замерла:

— Как, и вы тоже? Почему вы мне ничего не сказали? Почему вы никому ничего не сказали?

— Я собирался, — признался я. — Но потом представил, что могут натворить люди, зная, что их поступки не будут иметь никакого значения. Многие вели бы себя достаточно благоразумно. Но вот некоторые, как мне кажется, наворотили бы дел. И мне не хотелось чувствовать себя виноватым.

Она немного помолчала.

— Расскажете мне еще раз об этих временных петлях, — попросила она наконец. — Эв пытался, но я была слишком расстроена, чтобы слушать.

— Ну, я и сам до конца не понимаю. Но как он объяснил мне, в институте собираются разрешить возникшую проблему, вернувшись обратно к моменту, когда произошел разрыв, и просто предотвратить его. Когда они это сделают, все, происшедшее с момента разрыва до того мига, когда они вернутся во времени, чтобы залатать его, окажется отделенным от

главного временного потока. Оно просто каким-то образом отделится и исчезнет в «никуда»: никогда не было, никогда не произойдет.

— А что будет с нами?

— Мы просто вернемся к тому, чем занимались, когда произошел разрыв. Ничего страшного.

— И мы ни о чем не вспомним.

— Как же можно помнить то, чего никогда не было?

— Значит, Эв и я…

— Да, моя дорогая, — мягко произнесла Делия.

— Сколько у нас времени?

— Если повезет, то до конца лета, — ответила Делия. — Вопрос в том, как ты используешь его.

— Какая разница, — бросила Грета с горечью, — если все равно все это закончится?

— В конце концов все всегда заканчивается. Но после всего сказанного и сделанного значение имеет только непосредственно сам процесс, верно?

Разговор продолжался еще какое-то время. Хотя суть его свелась приблизительно к этому.

В результате Грета достала свой сотовый телефон и позвонила Эверетту. Его номер, как я успел заметить, был у нее на кнопке «быстрого набора». Самым официальным тоном Грета отчеканила:

— Чтоб сейчас же был здесь, — после чего, не дожидаясь ответа, со щелчком захлопнула телефон.

Она не произнесла больше ни слова, пока машина Эверетта не затормозила у ее двери. Тогда она вышла и встала перед ним. Положила руки ему на бедра. Притянула к себе и поцеловала. А потом взяла его за руку и повела обратно в дом.

Они не удосужились выключить свет.

Я еще некоторое время смотрел на затихший дом. Затем заметил, что Делии рядом нет, и отправился ее искать. Она оказалась на заднем крыльце.

— Смотри, — шепотом произнесла она.

Висела полная луна, и в ее свете были видны трицератопсы, которые устраивались на ночевку у нас на заднем дворе. Делии все-таки удалось их прикормить. Луна заливала их тела серебристым светом, делая неразличимым узор на «воротниках». Взрослые трицы образовали вокруг детенышей подобие круга. Один за другим они закрывали глаза и засыпали.

Хотите верьте, хотите нет, но самый большой самец храпел.

Меня вдруг осенило, что у нас осталось мало времени. Скоро

мы проснемся поутру, и будет конец весны — все точно так же, как и до появления динозавров.

— Мы никогда не поедем ни в Лондон, ни в Париж, ни в Рим, ни в Маракеш, — с тоской сказал я. — И даже в «Диснейуорлд».

Не отводя взгляда от спящих динозавров, Делия обняла меня за талию.

— Ну почему ты так упорно стремишься куда-то уехать? — спросила она. — Мы и здесь неплохо проводим время, разве нет?

— Я просто хочу сделать тебя счастливой.

— Боже, ты болван! Ты и так уже сделал это много лет назад. Мы так и стояли на закате лета наших дней. Ни с того ни с сего нам вдруг предоставили отпуск от нашей обыденной жизни, и вот теперь он подходил к концу. Пессимист сказал бы, Что мы просто дожидаемся забвения. Но мы с Делией видели это в ином свете. Жизнь странная штука. Иногда она тяжелая, а бывают моменты, когда она приносит такую боль, что сердце вот-вот разорвется. Но иногда она полна неожиданностей и красоты. Иногда она являет тебе чудеса вроде трицератопсов, спящих в лунном свете.

Роберт Рид
Камуфляж[91]

I

Этот человек мужского пола жил здесь уже около тридцати двух лет. Соседи по авеню считали его бобылем, порой вспыльчивым, но никогда не хамящим без причины. Не многие имели возможность познакомиться поближе с его черным юмором и убийственным интеллектом, который, по слухам, угадывался во взгляде его темно-карих глаз. Ценители красоты утверждали, что мужчина не особенно привлекателен: лицо, мол, слегка асимметрично, шелушащаяся бугристая кожа жирновата, а каштановые волосы выглядят так, словно он собственноручно обкорнал их тупым ножом. И все же, если верить праздной болтовне, эта грубоватая внешность вызывала интерес некоторых дам. Для человека он был не слишком крупным экземпляром, зато многие считали, что мужчина отличается крепким телосложением, — возможно, из-за того, что он ходил выпрямив спину, расправив плечи и слегка наклонив голову, словно разглядывая что-то с большой высоты. Кое-кто высказывал предположение, что он родился в мире с высокой гравитацией, поскольку старые привычки, как известно, бессмертны. Или, быть может, это тело не являлось его настоящим телом, а душа все еще тосковала по тем дням, когда хозяин был великаном. Вокруг прошлого мужчины строились бесконечные предположения. Естественно, у него имелось имя, и все его знали. Обладал он и подробной биографией, которую без труда можно было найти в общедоступных источниках. Но, кроме того, существовала по меньшей мере дюжина альтернативных версий его прошлого и пережитых им невзгод. Его называли и поэтом-неудачником, и чертовски успешным поэтом, и беженцем, ускользнувшим из некой политической заварухи, — и, конечно же, не обошлось без намеков на криминал. Сомнений не оставляло только его вполне стабильное финансовое положение, но вопрос, откуда к мужчине текут денежки, являлся предметом горячих споров. Некоторые твердили, что дело в привалившем счастливчику наследстве. Другие делали ставку на удачу в азартных играх или прибыльные инвестиции в отдаленные колониальные миры. Как бы то ни было, загадочный человек мог позволить себе роскошь ничегонеделания, а за годы проживания на этой уединенной улочке он не раз помогал соседям безвозмездными ссудами, а иногда и кое-чем посущественнее.

Тридцать два года — не так уж и много. Тем более для существа, запросто путешествующего меж звездами. Большинство пассажиров Корабля и весь экипаж относились к нестареющим,

вечным душам, стойким, не подверженным болезням, с усовершенствованным разумом, отличающимся стабильностью и глубочайшей памятью, готовой вместить миллион лет комфортного существования. Вот почему три десятилетия немногим отличались от вчерашнего дня, и вот почему еще век-другой, а то и все двадцать, местные будут называть своего соседа новичком.

Так уж устроена жизнь на борту Великого Корабля.

Миллионы таких же, или почти таких, проходов-авеню прорезали судно. Некоторые улицы, те, что покороче, можно было пройти за день, другие же не прерываясь тянулись на тысячи километров. Многие пустовали, оставаясь такими же темными и холодными, как в тот момент, когда люди обнаружили Великий Корабль. Но прочие дали приют пробудившим их людям и всяческим странноватым чужеземным пассажирам. Кто бы ни построил корабль — а была это, вероятно, древняя, давно вымершая раса, — судно, бесспорно, предназначалось для обитания самых разнообразных организмов. Другого звездолета, подобного Великому Кораблю, просто не. существовало: огромного, больше многих планет, необычайно надежного, переживающего эры в кружении между галактиками, и приятного на вид едва ли не каждому глазу.

Богатейшие жители тысяч миров буквально разыгрывали в лотерею удовольствие погрузиться на борт этого сказочного корабля, чтобы совершить полумиллионолетний межгалактический круиз. Даже самый бедный пассажир, проживающий в крохотной «каютке», глядя на величие своего грандиозного дома, чувствовал себя особенным, счастливым и благословенным.

Длина авеню, о которой идет речь, была почти сто километров, а ширина — около двухсот метров. Шла она слегка под уклон. Сточные воды неглубокой певучей рекой текли по гранитному полу цвета соли с перцем вот уже пятьдесят тысяч лет, выточив в камне канал. Местные возводили над ручьем мосты, а вдоль берегов расставляли кадки и горшки с землей, имитирующей почву бесчисленных миров, в которых что только не росло, — так что было где побаловать ноги. Большой горшок торчал и перед дверями мужчины — сосуд из керамической пены, стянутый отполированным до блеска ободом, клумба площадью в одну десятую гектара. Едва прибыв сюда, мужчина вытравил старые джунгли и посадил другие; впрочем, он явно не питал склонности к садоводству. За новыми растениями никто не ухаживал, их нещадно теснили сорняки и прочие зеленые самозванцы.

Вдоль края горшка тянулась неровная кайма льянос вибра — инопланетного цветка, известного своими дикими навязчивыми песнями.

— Надо бы выполоть этот сорняк, — говорил мужчина соседям. — Ненавижу шум.

И все же он не выдергивал ни сами ростки, ни маленькие голосовые коробочки. А после десятилетия-другого подобных жалоб соседи начали догадываться, что мужчина втайне наслаждается сложными, абсолютно чуждыми человеческому уху мелодиями.

Большинство его соседей являлись разумными, полностью автономными машинами. В начале путешествия эта улица была сдана в аренду благотворительному фонду, в задачу которого входило обеспечение жильем и средствами к существованию освобожденных механических рабов. Но за минувшие тысячелетия органические расы — в том числе пара янусиан ниже по течению и разросшееся семейство удальцов выше — вырубили в стенах собственные жилища.

Человек был холостяком, но ни в коем случае не отшельником.

Обеспечить настоящее одиночество не составило бы труда. Пусть на борту миллиарды пассажиров — все равно внутреннее пространство корабля изобилует никем не занятыми площадями и огромными пещерами, морями воды, аммиака и метана, а также резервуарами размером с луну, наполненными жидким водородом. Куча уголков пустует. Дешевая, манящая глушь ждет повсюду с распростертыми объятиями. Короткое путешествие в капсулкаре — и человек мог бы оказаться в глубине любого из шести необжитых мест, будь то скрытые в стенах акведуки канализации или лабиринт пещер, так и не нанесенных, по слухам, ни на одну карту. Но в настоящее время место обитания устраивало мужчину по нескольким причинам. Во-первых, он всегда мог сбежать куда угодно. Во-вторых, соседи. Машины неизменно бодры, к ним легко найти подход, они фонтанируют информацией, если знаешь, как с ними обращаться, и при этом они совершенно равнодушны к тонкостям органической жизни.

Давным-давно Памир жил отшельником. В те времена иного разумного выхода не существовало. Капитаны Корабля редко покидают пост, особенно многообещающие капитаны его ранга.

Он сам стал причиной собственного краха, сам — и с помощью инопланетянки.

Инопланетянки, ставшей его любовницей.

Она была гейанкой, беженкой, и Памир нарушил несколько правил, помогая ей найти пристанище в самых недрах корабля.

Но на поиски бросился еще один гейанец, и в итоге оба этих очень странных существа едва не погибли. Кораблю ничего не угрожало, но кое-какое важное оборудование оказалось уничтожено, так что, с трудом уладив ситуацию, Памир растворился среди населения звездолета, дожидаясь, как говорится, когда горизонт очистится.

Тысячи лет практически не изменили его статуса. Судя по слухам, Старший Штурман перестал искать беглеца. Молва утверждала, что два, три или четыре выхода с корабля зарегистрировали высадку отщепенца в различных колониальных мирах. Или что он умер какой-то мерзкой смертью. Лучшая, самая доброжелательная сплетня поместила его в малюсенькую ледяную пещерку. Мол, контрабандисты убили его и замуровали тело в стеклянной гробнице, а после веков без еды и воздуха иссохший каркас прекратил попытки исцелиться. Памир превратился в слепой разум, запертый в окаменевшем трупе, а контрабандистов в конечном счете поймали и допросили лучшие в своей области специалисты. После применения жестких мер бандиты сознались в убийстве печально известного опозоренного капитана, хотя точное место их преступления так и не было — и уже никогда не будет — установлено.

Еще несколько тысяч лет Памир провел в скитаниях, меняя дома и перекраивая лицо и имя. За этот срок он износил около семидесяти личностей, разработанных настолько детально и тщательно, чтобы вызывать доверие, и одновременно достаточно скучных, чтобы избегать излишнего внимания. По понятным причинам он считал правильным окутывать себя ореолом загадочности, позволяя соседям изобретать любые истории для объяснения пробелов в его биографии. Но все, что они сочиняли, с истиной и рядом не лежало. Машины и люди и представить не могли перипетии его жизни. Однако, несмотря на все вышеперечисленное, Памир оставался хорошим капитаном. Чувство долга заставляло его присматривать за пассажирами и кораблем. Возможно, ему суждено прожить в бегах еще веков двести, но он всегда будет предан этому грандиозному сооружению и его бесценным, практически бесчисленным обитателям.

То и дело он совершал добрые поступки.

Как, например, с теми удальцами-соседями, представителями двуногой расы, гигантами по всем меркам, оснащенными бронированными пластинами, ороговевшими локтями и коленями и высокомерием, выработанным за миллионы лет блужданий среди звезд. Но именно эта семья не обладала политическим влиянием в своих кругах, что считалось у удальцов

просто неприличным. Они конфликтовали со старой Матерью Отцов, и когда Памир увидел, что происходит, он вмешался, и за шесть месяцев, действуя то хитростью, то решительностью, положил конец вражде. Мать Отцов пришла к своим противникам, пятясь задом наперед в знак полной покорности, и запричитала, моля о смерти или по крайней мере о том, чтобы семейство забыло ее преступления.

Никто не заметил участия Памира в этом предприятии. А если бы кто и уличил его, капитан поднял бы проныру на смех, а потом просто испарился бы, перебросив себя в новую личность на отдаленной авеню.

Серьезные деяния всегда требуют полной перемены жизни.

И свежего лица.

И слегка перекроенного тела.

И очередного незапоминающегося имени.

Вот так Памир и жил, придя к выводу, что это не такой уж и плохой способ существования. Судьба или какая-нибудь иная богиня одарила его чудесным предлогом, чтобы быть всегда наготове, никогда не доверять первому впечатлению, помогать тем, кто заслуживает помощи, и, когда приходит время, вновь и вновь переделывать себя.

И это время всегда приходило…

II

— Привет, приятель.

— И тебе привет.

— Что поделываешь вечерком, мой лучший дружище? Памир сидел возле своего гигантского глиняного горшка, слушая хор льянос вибра. Помолчав, он буркнул, сухо улыбнувшись:

— Намереваюсь прочистить потроха.

Машина расхохоталась, чуть-чуть слишком восторженно. Дом ее находился в полукилометре выше по авеню, и это жилище она делила с еще двадцатью легально-разумными ИИ, вместе бежавшими из какого-то мира. Резиновое лицо и яркие стеклянные глаза изобразили лучезарную улыбку, а счастливый голос провозгласил:

— Я учусь. Ты уже не шокируешь меня своими грязными органическими разговорами. — Машина помолчала и снова добавила: — Дружище, — присовокупив заодно и вымышленное имя мужчины.

Памир кивнул и пожал плечами.

— Славный вечерок, не так ли?

— Лучший из лучших, — бесстрастно ответил он.

Вечер на этой авеню зависел от установленного на борту времени. Машины пользовались двадцатичетырехчасовым корабельным циклом, но здесь шесть часов абсолютной тьмы чередовались с восемнадцатью часами ослепительного света. Вся эстетика сводилась к минимуму. Стены авеню были из грубого гранита, за исключением небольших пятачков, где органические арендаторы соорудили деревянные или черепичные фасады. Потолок представлял собой гладкий свод из средней твердости гиперфибры — зеркального материала, покрытого тонким налетом копоти, смазочных масел и прочих отходов. Светильники с момента создания корабля не менялись: тонкие сияющие трубки тянулись по всей длине потолка. С наступлением вечера свет не тускнел, краски не блекли, и не было заката, который залил бы все багрянцем. Сразу приходила ночь… до которой еще несколько минут, прикинул Памир. Последуют три предупреждающие вспышки, а потом — непроглядная, удушающая чернота.

Машина продолжала улыбаться, видимо желая что-то выразить. Взгляд светящихся кобальтовых глаз не отрывался от человека, сидящего возле поющих сорняков.

— Ты чего-то хочешь, — догадался Памир.

— Большого или малого. Можно ли объективно оценить собственные желания?

— А от меня тебе что нужно? Большого или малого?

— Очень малого.

— Выкладывай, — буркнул Памир.

— Есть женщина.

Памир промолчал, выжидая.

— Человеческая самка, между прочим. — Каучуковое лицо ухмыльнулось с якобы искренним восхищением. — Она наняла меня для одной услуги. А услуга эта — организовать знакомство с тобой.

— Знакомство, — равнодушно повторил Памир. И одновременно, задействовав цепь потайных звеньев, привел все системы безопасности в боевую готовность.

— Она хочет встретиться с тобой.

— Зачем?

— Потому что находит тебя очаровательным, естественно.

— Меня?

— О да. Все здесь считают тебя очень интересным. — Эластичное лицо растянулось вместе с радостно оскалившимся ртом, никогда не использовавшиеся белоснежные зубы блеснули в последних «вечерних» лучах. — Но опять-таки нас легко поразить. В чем смысл существования? Какова цель смерти? Когда окончится рабство и начнется беспомощность? И что за человек живет рядом со мной? Я знаю его имя, и я ничего не знаю.

— Кто эта женщина? — фыркнул Памир. Но машина не собиралась отвечать прямо.

— Я изложил ей все, что знаю о тебе. Что знаю точно и что предполагаю. И пока говорил, мне открылось, что после всех этих наносекунд непосредственной близости мы с тобой остались чужими.

Окружающий ландшафт был ничем не примечателен. Сканеры сообщили Памиру, что все лица в округе известны, сетевой трафик совершенно обычен, и даже расширенный поиск не дал ничего, стоящего хоть малейшего внимания. Именно поэтому человек забеспокоился. Стоит только взглянуть попристальнее — и обнаружишь что-то подозрительное.

— Женщина восхищается тобой.

— Неужто?

— Несомненно. — Машина обладала фальшивым телом, худощавым и высоким, облаченным в простую кремовую хламиду. Из-под складок высунулись четыре паучьи конечности, удлинились и стукнули по нереальной груди. — Я не силен в человеческих эмоциях. Но из того, что она сказала, и того, о чем промолчала, делаю вывод, что она жаждала тебя довольно долго.

Льянос вибра затихли.

До ночи оставались считаные секунды.

— Ладно, — бросил Памир, поднялся и спрыгнул с края цветочного горшка на пол. Подошвы ботинок глухо стукнули о твердый бледный гранит. — Без обид. Только какого черта она наняла тебя?

— Она дама стеснительная, — предположила машина и рассмеялась, позабавленная собственной шуткой. — Нет, нет. Совсем не стеснительная. В сущности, она очень важная особа. Возможно, потому-то ей и понадобился посредник.

— В смысле — важная?

— Во всех смыслах, — заявил механический сосед, после чего с неподдельной завистью добавил: — Ты должен быть польщен ее вниманием.

Вторая сеть сенсоров безопасности ждала. Памир никогда еще не пользовался ею, датчики были так надежно спрятаны, что никто не догадывался об их существовании и не замечал их присутствия. Но чтобы они вышли из спячки, требовались бесценные секунды и еще полсекунды на настройку и установку соединения. А затем, как раз когда в первый раз мигнули под зеркальным потолком предупреждающие огни, Памиру наконец-то открылось то, что было очевидно с самого начала.

— Ты не просто мой сосед, — бросил он в резиновое лицо. Вторая вспышка зыбью прокатилась над головой, и мужчина разглядел зависший поблизости экранированный капсулкар с отрядом солдат в «брюхе».

— Кто еще прячется в этом теле? — рявкнул Памир.

— Я покажу тебе, — откликнулась машина. Затем две руки упали, а две другие взметнулись, чтобы яростным рывком сдернуть резиновую маску и крупноячеистый мозг плюс искусную маскировку. За лицом оказалось другое лицо, узкое, в некотором роде привлекательное; суровое лицо, позволившее себе короткую, как удар кинжала, улыбку, и новый голос обратился к загадочному мужчине: — Пригласи меня в дом.

— Зачем это мне? — парировал он, ожидая какой-нибудь убийственной угрозы.

Но вместо того чтобы угрожать, Миоцен сказала просто:

— Затем, что мне нужна твоя помощь. В одном маленьком дельце, которое должно остаться — предупреждаю — нашим маленьким секретом.

III

Штат капитанов возглавлял Старший Штурман, а следующей по значимости была ее должность — должность Первого Помощника. В корабельном царстве Миоцен являлась вторым лицом, облеченным практически безграничной властью. Упорная и жестокая, коварная и холодная Миоцен. Из всего невероятного дерьма, которое могло с ним случиться, это было дерьмовее всего. Памир смотрел, как его гостья избавляется от последних лоскутьев личины. Наружный ИИ действовал сейчас в режиме диагностики. Солдаты по-прежнему прятались, пользуясь новоявленной тьмой и стародавними уловками. Внутри его жилища скрывались всего двое, что не имело смысла. Если бы Миоцен знала, кто он, то просто приказала бы бойцам схватить преступника, избить и швырнуть в корабельную тюрьму.

Значит, она не догадывалась, кто он.

Наверное.

Первый Помощник обладала заостренным лицом, черными волосами, слегка тронутыми белоснежной сединой, тощим долговязым телом без возраста, зато с отменным балансом. Носила она простой мундир, в точности повторяющий капитанскую форму, с минимумом украшений типа погон и эполет. Долгую секунду она вглядывалась в недра дома Памира. Что-то искала? Нет, просто беседовала с кем-то по сети. Затем гостья отрубила все контакты с внешним миром, повернулась к хозяину и произнесла его нынешнее имя.

Памир кивнул.

Она назвала прошлое имя.

Он снова кивнул.

Тогда она с вопросительной интонацией, означающей конец перечисления, назвала третье.

— Возможно, — бросил он.

— Так это был ты или не ты?

— Возможно, — повторил мужчина.

Кажется, она развеселилась, хотя ничего смешного тут не было. Улыбка женщины растянулась и затвердела, губы почти исчезли.

— Я могу заглянуть и глубже, — заявила она. — Возможно, я даже докопаюсь до того момента, когда ты отринул свою первоначальную личность.

— Да на здоровье, милости прошу.

— Можешь не просить милости, ты и так в безопасности. — Она была гораздо выше Памира — спасибо его маскировке.

Женщина шагнула ближе к заблудшему капитану и сказала: — Твое происхождение меня не интересует.

— Значит… — начал он, затем подмигнул и добавил: — Значит, это правда, мадам? Ты действительно влюбилась в меня?

Она резко, хрипло рассмеялась, отступила и вновь обвела взглядом квартиру, на этот раз изучая обстановку и скудное убранство. Жилище Памира было скромным — единственная комната всего-то сто на двадцать метров, стены, обшитые панелями из живого дерева, и потолок с изображением румяных вечерних небес какого-то случайного мира. Спокойным голосом женщина провозгласила:

— Я восхищаюсь твоими талантами, кем бы ты ни был.

— Моими талантами?

— Общения с чужаками. Он промолчал.

— Эта переделка с удальцами… ты нашел элегантное решение трудной проблемы. Едва ли тебе известно, но тогда ты помог Кораблю и моему начальнику и таким образом заслужил мою благодарность.

— Чего же вы хотите от меня сегодня, мадам?

— Сегодня? Ничего. Но завтра — завтра рано утром, надеюсь, — будь любезен, примени свои таланты в одном небольшом деле, относительно простом. Ты знаком с джей'джелами?

Памир не дрогнул и ничем не выдал своей реакции, но ощутил жестокий пинок в сердце, а его отлично выдрессированная паранойя завопила: «Беги! Немедля!»

— Я обладаю некоторым опытом общения с этой расой, — сказал он. — Да, мадам.

— Рада это слышать, — отреагировала Миоцен. Пребывая в бегах, Памир дважды подолгу жил среди джей'джелов. Очевидно, Первый Помощник знает гораздо больше о его прошлом, чем озвучила. Остается только предполагать, известна ли ей его жизнь только пять лиц назад, или она проникла на глубину шестидесяти трех лиц — опасно близко к тем дням, когда он постоянно носил капитанскую форму.

Она либо в курсе его настоящего имени, либо нет.

Памир обуздал паранойю, натянул на физиономию широкую ухмылку, небрежно пожал плечами и спокойным голосом осведомился:

— А почему я должен выполнять это твое поручение?

— Моей просьбы недостаточно? — осведомилась Миоцен, холодно усмехнувшись.

Мужчина не разжал губ.

— Твои соседи не просили о помощи. Ты вмешался

добровольно, пусть и тайно. — Кажется, она рассердилась, но не слишком удивилась. За омутами черных глаз угадывались производимые подсчеты. Помолчав, женщина прагматично сообщила: — Я не стану интересоваться твоим прошлым.

— Потому что ты уже сделала это, — предположил он.

— В определенной степени, — признала она. — Возможно, я заглянула чуть дальше, чем упомянула. Но я больше не стану использовать свои немалые ресурсы. Если ты мне поможешь.

— Нет, — отрезал Памир. Женщина вздрогнула.

— Я вас не знаю, — солгал он. — Но, мадам, судя по вашей репутации, вы та еще сучка.

В любом веке — сколько раз Первый Помощник слышала брошенное ей прямо в лицо оскорбление? И все же долговязая женщина выдержала удар с честью и переключилась на вопрос оплаты, назвав сумму.

— Эти деньги будут перечислены на твой текущий счет. Пользуйся ими как сочтешь нужным, а когда закончишь, оставшееся богатство поможет тебе исчезнуть снова. Так, чтобы на этот раз тебя наверняка уже никто не нашел.

Она посулила целое состояние.

Но почему второе лицо корабля предлагает ему — нет, подвешивает перед ним, как перед ослом морковку, — такую награду? Памир взвесил идею инициации скрытых спусковых механизмов. Он активировал сеть и подключил батареи оружия. Теперь он мог бы временно убить Миоцен одной мыслью, выскользнуть из квартиры через один из трех потайных выходов и, если повезет, оторваться от преследования солдат. А через день, максимум через два, зажить новой жизнью на какой-нибудь другой маленькой авеню… а еще лучше — уединиться в одном из весьма обособленных местечек, где он заблаговременно устроил склады припасов…

А Миоцен снова призналась:

— Это вопрос конфиденциальный.

Другими словами, дело не имело отношения к официальным занятиям Первого Помощника. Памир деактивировал оружие.

— Кто же удостоится моей помощи? — поинтересовался он.

— Один юноша, с которым ты должен встретиться, — ответила Миоцен. — Из джей'джелов, конечно.

— И я помогу ему?

— Думаю, нет, — фыркнула женщина.

По закрытой сети она скинула Памиру адрес. Район Откол — популярное место обитания многих рас, в том числе и джей'джелов.

— Чужак ждет тебя у себя дома, — сообщила Миоцен и

добавила со свойственной ей холодной усмешкой: — В данный момент он лежит на полу задней комнаты, в высшей степени мертвый.

IV

Каждый участок Великого Корабля носил по крайней мере одно полустершееся из памяти название, данное первопроходцами, в то время как населенные места имели порой до двадцати имен, поэтичных или грубых, простых или неправдоподобно замысловатых. В большинстве случаев обычный пассажир не помнил ни одного из этих ярлыков. Каждая авеню, пещера или маленькое море были по-своему замечательны, но, с учетом шквала новшеств, не многие отличались такой уникальностью, чтобы прославиться.

Откол составлял исключение.

По известным лишь им причинам создатели корабля соорудили трубу из зеркального гиперволокна и холодного базальта — огромную, абсолютно вертикальную шахту-туннель, начинающуюся неподалеку от бронированного носа корабля, пронзающую тысячи километров пространства. Откол испещряло множество авеню. Века назад корабельные инженеры выгравировали эти дороги на цилиндрической поверхности, обеспечив любопытных подробной картой. Экипаж корабля принялся возводить себе дома на бесконечной грани, и многие пассажиры последовали их примеру. Теперь на этом эффектном отрезке обитали миллионы. На борту Великого Корабля были места и популярнее, и — о чем еще можно поспорить — красивее, но ни в одном из них жители не позволяли себе такого снобизма.

— Мой дом в Отколе, — хвастались местные. — Приходите полюбоваться видом, если вдруг выдастся свободный месяцок или годик.

Но Памира вид не интересовал. Удостоверившись в отсутствии слежки, он проскользнул в квартиру джей'джела.

Млечный Путь, конечно, не крупнейшая во Вселенной галактика, но определенно самая изобильная. Эксперты предполагают наличие здесь трехсот миллионов миров, населенных разумными существами и обладающих развитой промышленностью. После большого всплеска естественных открытий стали очевидны некоторые закономерности. Преимуществом пользуются с полдюжины метаболических систем. Масса и состав тела планеты зачастую толкает эволюцию по одним и тем же неизбежным путям. Гуманоиды широко распространены; человеческие существа — юный пример древней схемы. Как и удальцы, и глории, и аэбеки, и мнотисы, и шагалы.

Но даже самый неискушенный, самый неорганический глаз мог различить эти расы. Каждый гуманоид произрастал на своем

древе жизни. Одни были гигантами, другие — крохами. Одни создавались для миров с жуткими условиями, другие выглядели хрупкими тростинками. Одни могли похвастаться густой шерстью, другие — ярким пушистым оперением. Даже в среде голых представителей рас — имитаций приматов процветало немыслимое разнообразие рук и лиц. Усовершенствованные кости кричали: «У меня ничего общего с человеком!» В венах текла золотистая кровь, а структура ДНК доказывала инородность особи.

А еще существовали джей'джелы.

Они передвигались как люди, у них были совершенно человеческие лица и особенно — обычные зеленые глаза. Дневные существа, охотники-собиратели из мира, очень похожего на Землю, они странствовали по саваннам миллионы лет, пользуясь каменными орудиями труда, сделанными руками, которые на первый взгляд, да иногда и на второй тоже, ничем не отличались от человеческих.

Но сходство простиралось не только на внешность. Сердце джей'джела билось под губчатыми легкими, каждый вдох приподнимал грудную клетку из белых ребер, а унаследованная от предков кровь представляла собой солоноватую красную жидкость, смесь железа с белком, подобным гемоглобину. Фактически большинство их белков предательски походили на человеческие, как и почти вся цепочка ДНК.

Это противоречащее здравому смыслу сходство, мутация мутаций, объяснялось таким образом.

Общее происхождение — вот в чем все дело. Земляне. и джей'джелы, должно быть, когда-то были соседями. Века и века назад в одном из миров эволюционировал простой, но выносливый микроорганизм. Столкновение с кометой выбросило в космос кусок живой планетарной коры с триллионом надежно «упакованных» спящих пассажиров. Катастрофа вышвырнула обломок из Солнечной системы. После нескольких световых лет ледяного забвения блуждающий ковчег врезался в атмосферу иного мира, и по крайней мере один микроб выжил, благополучно пожрал местную углеводородную пражизнь и завоевал новый ареал.

Раньше в галактике такое происходило частенько. По меньшей мере полдюжины планет делили с Землей биохимический состав. Но только мир джей'джелов пошел по тому же эволюционному пути.

В сущности, джей'джелы были дальними родственниками землян.

И, по многим причинам, родственниками бедными.

Памир стоял над телом, изучая его расположение и состояние. Механизмы на паучьих ножках занимались тем же самым, шаря в трупе ультразвуком и рентгеновскими лучами, проводя скрупулезный анализ и делая точные выводы, которые машинки могут пока оставить при себе. Их хозяин, оперируя собственными глазами и инстинктами, справится сам, и не хуже, благодарю покорно.

Распростертый на полу мертвец вполне мог быть человеком мужского пола.

Обнаженный труп лежал на спине, ноги сведены, руки вскинуты над головой, ладони раскрыты, пальцы разведены. Кожа светло-коричневая. Волосы короткие, иссиня-черные. Бороды у джей'джелов не растут. Но волосы на теле могли быть человеческими — негустая поросль на груди вокруг сосков, уплотняющаяся в паховой области.

Гениталии в смерти съежились и почти ушли в тело.

Ни одной отметины видно не было, и Памир догадывался, что перекати он мертвеца, то и на спине трупа ран не обнаружит. Но мужчина мертв. Желая убедиться наверняка, Памир опустился на колени, вглядываясь в определенно человеческое лицо, и лишь слегка вздрогнул, когда узкие губы приоткрылись и легкие мертвеца втянули немного воздуха.

Памир тихонько рассмеялся.

Машины застыли, ожидая команды.

— Мозг тю-тю, — предположил он, прикоснулся левой рукой ко лбу лежащего и ощутил слабое тепло метаболизма впавшего в спячку существа. — Сконцентрированный плазменный разряд, что-то вроде того. Проел череп и поджарил душу.

Аппаратики покачивались взад-вперед на длинных лапках.

— Спорю, он уже шлак. Мозг. Да и тело местами обгорело. Наверняка.

Человек поднялся и внимательно оглядел спальню. Рядом стоял костюм, дожидаясь, когда придет время одеть хозяина.

Памир отключил тряпки и расстелил их на полу рядом с трупом.

— Он потерял десять — двенадцать кило костей и мяса, — решил мужчина. — И стал ниже сантиметров на десять.

Убить бессмертного — непростое дело. Даже в подобных обстоятельствах, когда мозг превращен в никчемную массу биокерамики и бестолкового стекла, тело упорно продолжает цепляться за жизнь. Плоть исцеляет себя, до известных пределов. Подключается аварийно-защитная генетика, вновь сплетая первоначальное лицо, волосяной покров и туловище, придавая им

достоверное подобие жизни. Но когда гены закончили трудиться, не нашлось разума, который слился бы с восстановленным, омоложенным телом. Так что труп джей'джела впал в стасис, и, если в квартиру никто не войдет, он так и будет лежать здесь, всасывая постепенно становящийся все более и более затхлым воздух, предоставив ленивому метаболизму пожирать плоть, пока не останется скелет, сморщенные органы и истощенное мумифицированное лицо.

А парень-то был красавчиком.

Независимо от расы он обладал тонкими, изящными чертами.

— Ну, что вы увидели? — спросил наконец Памир.

И механизмы заговорили, сыпля словами и цифрами. Сперва Памир слушал, потом перестал. Он снова думал о Миоцен, спрашивая себя, какого черта Первого Помощника заинтересовал этот ничем не примечательный персонаж.

— Кто он? — осведомился он уже не в первый раз. Приведенная в действие сеть выложила последнюю, наиболее полную биографию. Данный джей'джел родился на борту корабля, его родители были достаточно богаты, чтобы позволить себе роскошь размножения. Состояние его семейство сделало в среде удальцов, что объясняло имя мертвеца. Се'лен — в обычаях удальцов называть себя в честь химических элементов. Был этот Се'лен юнцом, едва разменявшим пятую сотню лет, и его жизнеописание любому показалось бы самым что ни на есть банальным.

Памир пялился на бесполезный труп, не зная, что делать дальше.

Потом он все-таки заставил себя обойти квартиру, не слишком превосходящую его собственное жилище по размерам, но вид из окон делал этот дом в двадцать раз дороже. Мебель могла принадлежать любой расе. Цветовая гамма тоже самая ординарная. Нашлось тут несколько сотен книг — определенно характерная черта джей'джелов, — и Памир велел машине прочитать каждый том от корки до корки. Затем позволил своим механическим помощничкам обшарить все закутки — чуланы, туалет, комнаты новые и комнаты старые, с приказанием составить опись каждой поверхности и каждого предмета, включая и взятие образцов пыли. Но пыли оказалось немного, значит, мертвец был либо исключительно аккуратен, либо кто-то заботливо смел все следы своего присутствия, в том числе и чешуйки отшелушившейся кожи, и случайно оброненные волоски.

— Что теперь?

Он задал вопрос себе, но ответили машины:

— Мы не знаем, что теперь, сэр.

И Памир опять застыл над дышащим трупом.

— Я ничего не вижу, — пожаловался он.

Тут мужчина представил себя со стороны и рассмеялся. Тихо. И коротко. Затем активировал маленький медицинский датчик, вживил его и послал в тело раздражающий заряд.

Мертвый пенис выполз из тела.

— Ха! — воскликнул Памир, отвернулся и покачал головой. — Придется снова обыскать все, и эту конуру, и жизнь этого дерьмового недотепы. Переворошим пылинку за пылинкой и день за днем, если потребуется.

V

Построенное на верхних отрогах Откола, нависающее над вечными облаками Малого Удела, заведение это представляло собой конгломерат естественных пещер и мелких туннелей. Собственно говоря, Вера Многих Соединившихся не была Церковью или святыней, хотя выросла на костях очень древней веры и теперь надежно обволакивала ее. Не являлась она и коммерческой организацией, хотя постоянный персонал получал порой и деньги, и вещи. И уж точно не была притоном — все соответствовало корабельным сводам законов. В этих стенах не происходило ничего сексуального, и никто, посвященный в тайны здания, никогда никому не отдавал своего тела за нечто столь банальное и грубое, как прибыль. Большинство пассажиров даже не подозревали о существовании этого места. А многие из тех, кто знал о здании, считали его усовершенствованным и очень странным молитвенным домом — придерживающиеся одних убеждений, одинаково мыслящие души входили в его массивные деревянные двери, чтобы завести друзей, а если получится, и влюбиться. Но капитаны, для того чтобы облегчить разрешение вопросов налогового законодательства, определили учреждению куда менее романтическое предназначение: оно было исключительно редкой вещью, к которой обращался древний мир людей. А именно — библиотекой.

На Великом Корабле знания хранились на лазерных накопителях и в сверхпроводниковых элементах. Доступ к ним мог быть ограничен, но каждое слово и изображение находилось в зоне досягаемости внутренних сетей. Библиотеки были исключением. То, что содержалось в книгах, зачастую нигде больше не встречалось, что делало бумажные тома бесценными, и потому-то они и предоставляли последователям Веры интимность, с которой трудно соперничать, и почти религиозную святость.

— Чем я могу вам помочь, сэр?

Памир стоял перед нагроможденными друг на друга полками, скрестив на груди руки, с напряженной яростью на лице.

— Ты кто?! — рявкнул он, даже не оглянувшись.

— Меня зовут Леон'ард.

— Я уже общался с другими.

— Знаю, сэр.

— Они подходили ко мне, один за другим. Но они не были достаточно компетентны. — Он наконец обернулся и уставился

на заговорившего с ним. — Леон'ард, а ты достаточно компетентен, чтобы помочь мне?

— Надеюсь, сэр.

Джей'джел, в черном балахоне с лиловым отливом и с длинными голубыми волосами, собранными на затылке в простой хвостик, был чуть-чуть выше Памира. Глаза его ничем не отличались от человеческих зеленых глаз. Кожа — розовато-коричневая. По привычке джей'джелов он ходил босиком. Узкие стопы с пятью нервно постукивающими по полу пальцами тоже могли принадлежать обычному человеку. Слегка поклонившись, чужак заметил:

— Я главный библиотекарь, сэр. Я занимаю этот пост десять веков и еще восемьдесят восемь лет. Сэр.

Памир заблаговременно подогнал к ситуации лицо и одежду. Джей'джел видел перед собой офицера безопасности в форменном мундире, с личным жетоном на рукаве. Любой реестровый поиск определил бы его как человека достойного и обладающего определенным влиянием. Но маскировка была не только поверхностной. Скрещенные руки лишь чуть-чуть дрогнули и застыли. Новое лицо напряглось, так что глаза прищурились, имитируя вызывающий взгляд полицейского, а сжатые губы процедили:

— Я кое-кого ищу.

К чести своей, библиотекарь и глазом не моргнул.

— Мою жену, — продолжил Памир. — Я хочу знать, где она.

— Нет.

— Прошу прощения?

— Я знаю, чего вы желаете, но удовлетворить это желание не могу.

Пока они мерили друг друга взглядами, в комнату шагнула гигантская фигура. Заметив двух конфликтующих самцов, самка-удалец со смущением, совершенно не свойственным ее расе, попятилась и скрылась из виду.

Библиотекарь обратился по сети к своим коллегам.

Все двери, ведущие в это помещение, тихо и надежно закрылись.

— Слушай, — сказал Памир. И замолчал.

Через несколько секунд заговорил джей'джел:

— Наш устав чист. Закон определен. Мы исправно, в надлежащем порядке предоставляем нашим клиентам уединение и перспективы. Без официального разрешения, сэр, вы не имеете права войти в это учреждение для получения сведений любого рода.

— Я ищу свою жену, — повторил Памир.

— Я понимаю ваше…

— Заткнись! — рыкнул мужчина и развел руки. В правой оказался зажат маленький нелегальный плазменный резак. Памир прицелился в беспомощную мишень и произнес в последний раз: — Я ищу свою жену.

— Не надо! — взмолился библиотекарь.

Оружие было направлено на выстроившиеся рядами тома. Малейшая вспышка испарит несчетное число бесценных страниц.

— Нет, — простонал Леон'ард, отчаянно пытаясь привести в действие подавляющие агрессию системы комнаты. Но сеть не отвечала. Так что джей'джелу осталось лишь повторить: — Нет.

— Я люблю ее, — заявил Памир.

— Понимаю.

— Понимаешь, что значит любить? Леон'ард, казалось, оскорбился:

— Конечно, я понимаю…

— Или это должно быть чем-то безобразным и болезненным, чтобы ты смог постигнуть, хотя бы чуть-чуть, что значит быть влюбленным?

Джей'джел промолчал.

— Она исчезла, — пробормотал Памир.

— И вы полагаете, что она здесь?

— Да, наверняка.

Библиотекарь поспешно выстраивал стратегию. Зазвенела общая тревога, но двери, которые он запер из добрых побуждений, внезапно отказались открываться. Персонал и прочие помощники вполне могли быть на другом конце корабля. И если пришелец выстрелит, потребуется несколько секунд, чтобы наполнить комнату достаточным количеством азота и наркотических веществ — остановить пожар и обездвижить разъяренного человека. И эти секунды могут решить все.

Выбора у Леон'арда не было.

— Да, возможно, я в силах помочь вам. Памир гаденько усмехнулся:

— Вот это другое дело.

— Если вы назовете имя своей жены…

— Едва ли она им воспользовалась, — предупредил он.

— Тогда покажите ее голограмму, пожалуйста. Сердитый муж тряхнул головой:

— Она изменила внешность. По крайней мере один раз, а то и больше.

— Естественно.

— А может, и пол.

Библиотекарь проглотил очередное затруднение. Он не

собирался давать незнакомцу то, чего тот требовал, но если потянуть время… до тех пор, пока отряд безопасности не ворвется сюда и не заберет коллегу…

— Вот, — сказал Памир, сливая небольшой файл.

— Что это?

— Ее близкий приятель, насколько я понимаю.

Леон'ард взглянул на картинку и приложенную биографию. Мягкие зеленые глаза, едва прочитав имя, сделались огромными — возможна ли реакция выразительнее? — и со вздохом, так похожим на человеческий, джей'джел признался:

— Я знаю этого мужчину.

— Неужто? — Человек протянул это короткое слово медленно, многозначительно.

— В каком смысле? Что-то не так?

— Да. Моя жена пропала. И этот дохлый кусок дерьма единственный, кто мог помочь мне отыскать ее. Кроме тебя, конечно.

Леон'рд попросил предъявить доказательства смерти изображенного на фотографии.

— Доказательства? — хохотнул Памир. — Может, мне стоит звякнуть моему боссу и сообщить ей, что я нашел усопшего джей'джела, и мы с тобой предоставим закону делать его важную, громогласную и весьма публичную работу?

Секунду спустя беззвучной командой библиотекарь отменил общую тревогу. Проблемы нет, соврал он и, слегка поклонившись, спросил:

— Все останется между нами, не так ли? Могу ли я доверять вам, сэр?

— Я выгляжу человеком, заслуживающим доверия? Джей'джел ощетинился, но ничего не сказал. Он взглянул на полки в дальнем конце комнаты, решительно подошел к некоему тонкому томику, вытащил его, открыл, и изящные пальцы начали стремительно переворачивать страницы.

Грубо, точно уличный грабитель, Памир выхватил из рук библиотекаря добычу. Синяя обложка из мягкого дерева говорила о том, что объект описания еще относительный новичок в Вере.

Страницы были из пластика, тонкие, но плотные, и пестрели данными «текущего счета» мертвеца. За последнее столетие библиотекари встречались с Се'леном множество раз и заносили в журнал его неравномерный прогресс в их очень сложной вере. Аудиозаписи, извлеченные из личного дневника, позволили покойнику заговорить снова, разъясняя его точку зрения себе и каждому интересующемуся.

«Моя раса крохотна и развращена, — исповедовался Се'лен

вполне человеческим голосом. — Каждая раса мала и грязна, и лишь вместе, спаявшись в полном согласии, мы можем создать достойное общество — Вселенную искренне объединившихся».

Несколько страниц содержали голограммы — застывшие, честные изображения религиозных обрядов, которые в большинстве галактик сочли бы омерзительными. Памир почти не задерживался на картинках. Он прекрасно представлял, что именно ищет, и ему очень помогало то, что лишь одна из жен джей'джела была человеком.

Разгадка обнаружилась на последних страницах. Памир уставился на изображение, глухо фыркнул, с отвращением покачал головой и объявил:

— Вот это она.

— Не может быть! — выпалил библиотекарь.

— Нет, может. Мужчина, как-никак, способен опознать собственную жену. Верно?

Леон'ард оскалил все зубы в ухмылке:

— Нет. Я отлично знаю эту женщину, и она не…

— Где ее книга?! — рявкнул Памир.

— Нет, — твердо заявил библиотекарь. — Поверьте, с этой особой вы не знакомы.

— Докажи. Тишина.

— Как ее зовут?

Леон'ард расправил плечи, очень стараясь казаться храбрым.

Тогда Памир подвел плазменную горелку к полке, и над раскаленным стволом, прижатым к обложке красного дерева истинно верующего, заклубился дымок.

Журнал женщины хранился в другой комнате, глубоко в библиотеке. Леон'ард приказал доставить книгу и, пока Памир листал страницы, фиксируя большую часть данных в сетях памяти, стоял рядом. Только раз человек сказал:

— Надеюсь, ты позволишь мне позаимствовать кое-что. Джей'джел вспыхнул и ответил дрожащим от ненависти голосом:

— Если вы попытаетесь забрать это, вам придется убить меня.

Памир подмигнул ему:

— Ты думаешь, я сам не догадаюсь? На твоем месте я бы не стал подкидывать своим врагам столь заманчивые идейки.

VI

Почему одни расы процветают, богатеют, растут числом и влиянием, в то время как другие, одаренные теми же возможностями, существующие в сотню раз дольше, ничего не значат для Галактики?

Ученые и фанатики веками мусолили этот вопрос.

Джей'джелы развивались в плодородном, теплом мире с голубыми морями, омывающими зеленые континенты, с землей, изобилующей железными рудами и углеводородами, с фланирующей по небу массивной луной, помогающей удерживать ось планеты под небольшим наклоном, достаточным, чтобы обеспечить повсюду умеренный, мягкий климат. Возможно, это богатство и сослужило джей'джелам плохую службу. Рожденные в мире победнее, люди вынуждены были жить крохотными, легко приспосабливающимися к условиям группками человек по двадцать, в которых каждый состоял в родстве с каждым — по крови или браку. А древние джей'джелы кочевали отрядами по сто и больше особей, что способствовало процветанию более толерантной политики в обществе. Гармония воспринималась как данность. Конфликты по возможности разрешались мирным путем: группа ничто не ценила так, как собственный, освященный веками покой. А когда естественный жизненный цикл растянулся на три столетия, изменения замедлились, все затруднения, даже внутрисемейные, стали решаться путем консенсуса. В случае же абсолютной необходимости молодые подчинялись воле старейшин.

Но причуды природы — лишь одно объяснение будущего. Многие великие расы развивались неторопливо. Некоторые из наиболее известных, вроде риткеров или удальцов, все еще строго блюдут стародавние традиции. Даже люди не избежали этого прискорбного свойства: люди внимали мудрости почивших греков и забытых иудеев еще долго после того, как их слова утратили первоначальную ценность и перестали приносить пользу. Но джей'джелы носились со своими предками и их ветхими мыслями еще пуще. Для них прошлое было сокровищем, и терпеливые машины помнили малейшие перипетии ранних цивилизаций, все неверные повороты и все тихие успехи.

После пары тысяч веков кремния и железа люди шагнули в космос, а джей'джелам потребовались миллионы лет, чтобы изобрести оправдание для такого рода авантюры.

И им убийственно не повезло.

В Солнечной системе джей'джелов вращались богатые

металлами миры и изобилующие водой луны, а соседние солнца выпестовали звезды класса G, где возник и развился превосходный разум. Пока джей'джелы сидели дома, благополучно заучивая речи давно покойных королев, три различные инопланетные расы колонизировали их внешние миры — проигнорировав галактический закон и древние соглашения.

В небесах над головами ничего не подозревающих джей'джелов кипели великие войны.

Победителями вышли крошечные существа, привычные к низкой гравитации и экзотическим технологиям, — к'мэлы, создания кибернетические, быстроживущие, подверженные прихотям, капризам и внезапным судорожным сменам правительств. К тому времени, как джей'джелы запустили свою первую ракету, к'мэлы намного превосходили их числом — в их же собственной Солнечной системе. Этот момент истории выглядел позорным даже миллионы лет спустя. Ракета джей'джелов пошла по низкой орбите, а навстречу ей с баз на обратной стороне луны поднялся флот к'мэлов. Реактивный летательный аппарат был уничтожен, а джей'джелы внезапно из хозяев рая превратились в безвестных существ, запертых на поверхности своего маленького мирка. Начинались и заканчивались победой войны. Устанавливался и рушился мир, и новые войны оборачивались поражением.

Проигравшие не становились рабами, даже в худшие периоды долгой Тьмы. И к'мэлы не были подлыми тиранами или тупыми бюрократами. Но постепенный упадок лишил мир джей'джелов богатства. Рождаемость снизилась. Граждане переселялись, вынужденные на скверных условиях создавать богатства для других рас. Оставшиеся дома жили на стремительно скудеющей земле, разрабатывая глубокие мантийные шахты и управляя гигантскими рельсотронами, забрасывающими кости обнищавшего мира в чужое пространство.

Люди, себе на радость, истребляли мамонтов в Азии — а джей'джелы уже стали пришедшей в упадок расой, распыленной тонким слоем по сотне миров. Другая раса давно утратила бы свою культуру и, удайся ей выжить, расщепилась на дюжину различных, абсолютно ничем не примечательных наций. Но джей'джелы проявили одно выдающееся свойство: невзирая ни на какие напасти, они ухитрялись держаться своего общего прошлого, прекрасного или ужасного; вот так вот, тихо и скромно, а потом погромче и поразвязнее, они приспособились к своему существованию в широченном ареале.

VII

— Тебе еще кое-кто поможет, — пообещала Миоцен и больше ничего не сказала.

Она знала, что мертвый джей'джел приведет его в библиотеку, и должна была знать, что он достаточно догадлив, чтобы сообразить, что суть дела в женщине. Памир совершенно не представлял, почему Первого Помощника заботит жизнь какой-то невзрачной пассажирки. Или, скорее, представлял слишком хорошо, составляя длиннющие списки мотивов, вполне разумных и одновременно вопиюще неверных.

Человеческую особь звали Розеллой — и звали ее так с тех пор, как она родилась два века назад. Если только она не старше, а ее биография — не мастерски подобранная коллекция вдохновенного вранья.

Как и большинство клиентов библиотеки, она проживала в Отколе, но выделялась даже в этой компании богатеев. Ее состояние подпитывали не один, а два доверительных фонда. Отец женщины эмигрировал в колониальный мир еще до ее рождения, переписав на имя дочери свои местные ценные вклады. Мать — заслуженный член дипломатического корпуса — погибла в злополучной Хаккалиинской миссии. В сущности, Розелла была сиротой. Но, судя по многочисленным признакам, она не слишком страдала. Бежали десятилетия, а она казалась счастливой, ничем не примечательной, богатой и безмятежной — больше ничего об этой персоне Памир сказать не мог.

Как там говорят старики-удальцы?

«Нет ничего грандиознее Вселенной, но она и вполовину не так велика, как чувствительный, одаренный воображением разум».

Некоторое время назад молодая женщина начала меняться.

Как большинство юных совершеннолетних, Розелла рано дала обет безбрачия. Если впереди миллионы лет жизни, кто будет торопиться с сексом и любовью, разочарованиями и разбитыми сердцами? У нее имелись друзья-люди, но благодаря дипломатическим корням матери женщина водила знакомство и с чужаками. Несколько лет ее ближайшими приятелями была пара янусиан — двойных организмов, где самец являлся паразитом, внедрившимся в спину своей супруги. Затем круг ее инопланетных друзей расширился… что выглядело совершенно нормальным. Памир обшарил архивы забытых камер слежения и любительских записей, где мелькали магазинные и обеденные «авантюры» объекта в компании представителей иных рас, в

основном — кислорододышащих, традиционных союзников людей. Затем — роскошный круиз по цепи маленьких океанов, раскиданных по всему пространству Великого Корабля, — короткий вояж, завершившийся посреди облета Млечного Пути. Здесь, в конце этого безопаснейшего путешествия, дрейфуя по тускло-холодному, гладкому, как кожа, метановому морю, она встретила своего первого любовника. Который оказался джей'джелом.

На пленках скрытых камер Памир увидел достаточно, чтобы заполнить пробелы.

Кре'ллан, неправдоподобно богатый индивидуум, очень древний адепт Веры, лелеющей конфиденциальность, щеголял своей посвященностью. Искусные хирурги придали его пенису нужную форму. Все, примкнувшие к Многим Соединившимся, перенесли подобную косметическую операцию; единый кодекс касался обоих полов, а если пол отсутствовал, то создавался специально. За свою долгую жизнь Кре'ллан сочетался браком с сотнями, если не тысячами чужеземок, а той промозглой ночью ухитрился соблазнить юную девственницу-человека.

После круиза Розелла попыталась вернуться к прежней жизни, но уже через три дня посетила библиотеку, а через неделю сама подверглась физической модификации.

Памир заметил в ее журнале кадры операции — автоврачи и джей'джелы-наблюдатели обступили тонкое бледное тело. И теперь, закрыв глаза, сосредоточившись на скрытых резервных данных, он медленно и осторожно переворачивал другие страницы этих детальных, но по-прежнему неполных записей.

После года послушничества Розелла купила каменно-гиперфибровый прямоугольник в пятидесяти километрах под библиотекой, на котором возвела роскошные глубокие апартаменты, набитые шикарными комнатами и просторными покоями, рассчитанными на потребности практически любой биологии. Однако, хотя системы искусственного климата и жизнеобеспечения — штуки полезные, порой эти прихотливые механизмы не стыкуются друг с другом и, если знать, куда надавить, вполне могут и вовсе выйти из строя.

— Серьезная проблема, сэр?

— Только не для меня, — буркнул Памир. — И не для тебя, полагаю. Но если ты зависишь от пероксидов, как все оолупы, то воздух скоро покажется тебе кисловатым. А после нескольких вдохов ты наверняка потеряешь сознание.

— Понимаю, — сказали апартаменты.

Памир стоял во вспомогательном вестибюле, в своем обычном грубоватом лице, прочной фуфайке и с негнущейся

спиной пожизненного техника.

— Интересно, получится ли найти неполадку. Наверное, дело в энергетическом фильтре, или в сигнальной цепи, или где-то пробой, или черт знает что.

— Делайте все, что необходимо, — ответил мягкий мужской голос.

— Да, спасибо за предоставленную возможность, — добавил Памир. — Я ценю новые дела.

— Конечно, сэр. Вам спасибо.

Ремонтирующая апартаменты фирма была сейчас закрыта из-за бюрократической войны со Службой окружающей среды. ИИ в поиске доступных кандидатов склонился к наилучшему. Памир выпустил рой деловито гудящих аппаратиков, тут же исчезнувших в стенах, и продолжил шагать по коридору, пока не оказался у маленькой запертой дверцы.

— Что здесь?

— Жилые покои.

— Для человека?

— Да, сэр. Памир отступил.

— Я не хочу никого тревожить.

— Вы и не потревожите. — Замок щелкнул. — Моя хозяйка требует, чтобы ее дом был готов для любого гостя. Ваша работа важнее всего.

Памир кивнул и шагнул в узкий проем.

Первое, что пришло ему в голову, — что даже капитаны не живут с таким комфортом. Комната была огромна и все же некоторым образом интимна, устлана настоящими мехами, заставлена сокровищами искусства, дожидающимися восхищения созерцателей, пышные кресла щедро предлагали себя любым телам, и вдобавок, как завершающий штрих, по крайней мере пятьдесят замысловатых игр лежали на длинных стойках: фигурки сами играли друг с другом до победы, а потом начинали партию заново. Здесь даже воздух, очищенный и профильтрованный, благоухающий духами и феромонами, отдавал богатством. И в этой упоительной атмосфере трепетал единственный тихий и четкий звук — далекое пение чужеземного цветка.

Льянос вибра.

Памир посматривал на мониторы и говорил по сети, не делая ровным счетом ничего существенного. Он уже добился всего, чего хотел. Пригоршня устройств, ловкость рук — и апартаменты напичканы потайными ушами и глазами. Все остальное — для собственного развлечения и правдоподобия.

За высоченной алмазной стеной немыслимой спальни парили

в воздухе пять гектаров скромного патио. Ухоженные побеги льянос вибра покачивались в цветочном горшке, и музыка их вливалась в единственную открытую дверь. Рядом, ничего не делая, сидела молодая женщина. Секунду Памир разглядывал Розеллу, а потом она подняла голову и посмотрела в его сторону. Мужчина попытался определить для себя, что же он видит. Одетая, но босая, женщина была поразительно мила, но по-своему, каким-то странным манером, которому не получалось подобрать определения. Ее бледная кожа светилась сама собой, поглощая рассеянный свет и возвращая миру мягкое сияние. Концы густых серебристо-белых волос неожиданно оказались угольно-черными. Лицо женщины было девически гладким, с крохотным носиком, блекло-голубыми близко посаженными глазами, большим ртом, пухлыми губами — изысканное и исключительно грустное лицо.

Именно грусть и делает ее неотразимой, решил Памир.

Поймав себя на том, что по-прежнему торчит у двери, пялясь на хозяйку дома, мужчина понял, что ее печаль и его реакция не так уж просты.

Розелла взглянула на него во второй раз.

Спустя секунду апартаменты поинтересовались:

— Эта леди представляет технический интерес, сэр?

— Естественно. — Памир рассмеялся и отступил от прозрачной стены.

— Вы нашли проблему? Она желает знать.

— Да, две. Сейчас все исправлено.

— Отлично. Благодарю.

Памир собирался осведомиться об оплате. Ремесленники всегда говорят о деньгах. Но тут раздался звук — тонкий мелодичный визг развертывающегося троса. Механический стон быстро заглох, и наступила тишина.

Апартаменты прервали беседу.

— Что?.. — начал Памир. Затем обернулся.

Женщина была уже не одна. Вторая фигура в одежде скалолаза мчалась через дворик к Розелле. Это был человек или джей'джел, вроде бы мужского пола. С того места, где стоял Памир, он не мог утверждать что-то наверняка, но видел стремительность незнакомца и его правую руку, сжимающую что-то, что могло быть оружием, так что секунду спустя Памир тоже побежал, прыгнув в дверной проем в тот момент, когда чужак приблизился к женщине.

Розелла смотрела на пришельца.

— Мне незнакомо его лицо! — криком предостерегли хозяйку апартаменты. — Миледи…

Вялость покинула тело женщины. Розелла вскочила и сделала два шага назад, но потом, видимо, решила драться, с чем Памир не мог не согласиться. Она вскинула руки, снова опустила их и застыла в стойке, слегка побледнев, словно ее выживание сейчас зависело от глубинных скрытых инстинктов.

Незнакомец левой рукой потянулся к ее шее.

Неуловимым точным движением женщина перехватила ладонь незваного гостя и заломила его кисть. Но инерция бегущего сбила ее с ног, и оба они упали на полированный опаловый пол патио.

В правой руке мужчины блеснул нож.

Одним ударом чужак вонзил клинок в грудь женщины, целясь в сердце. Он действовал решительно, аккуратно, хотя, возможно, и на глазок, стараясь добиться чего-то определенного, а когда жертва задергалась, сопротивляясь, мужчина хлестнул ее по лицу тыльной стороной свободной руки.

Нож погрузился глубже.

Тихий, удовлетворенный стон слетел с губ убийцы, как будто успех был близок, и тут ботинок Памира обрушился на улыбающийся рот.

Незнакомец оказался человеком — разъяренным человеком.

Он взвился, отразив следующие три удара, затем рука его метнулась за спину, выхватила маленький электромагнитный пистолет и, почти не целясь, выпустила дюжину сверхзвуковых зарядов.

Памир рухнул, раненный в плечо и в руку.

Женщина лежала между ними, истекая кровью. Из груди ее торчала рукоять ножа, часть не скрывшегося в теле гиперфибрового лезвия сверкала, отбрасывая рубиновые лучи — отражение крови.

Здоровой рукой Памир стиснул черенок и потянул на себя.

Тоненько звякнул дармионский кристалл, выпавший из тела раненой вместе с кинжалом. Вот что нужно было вору. Незнакомец заметил блеск граненого ромба и не смог противиться тяге схватить добычу. До кругленькой суммы — целого состояния — было рукой подать, но тут собственный нож рассек его предплечье, и вор завопил от боли и гнева.

Памир ударил дважды.

Компактная пушка взметнулась и выстрелила — раз, еще два и еще два.

Тело Памира умирало, но у него еще хватило концентрации и силы поднять мужчину — громилу с короткими конечностями и, кажется, нескончаемым запасом крови. Бывший капитан продолжал наносить удары ножом, и в какой-то момент его

противник уронил пистолет и теперь отбивался кулаками и локтями. Когда же вор попытался лягнуть Памира, тот поймал поднявшееся колено незнакомца и, воспользовавшись инерцией чужого движения и последними каплями собственной энергии, пихнул вора к дубовым перилам, после чего, мучительно вдохнув, перекинул его через край.

На ногах остался один Памир.

Воистину отсюда открывался прекрасный вид. С распоротой грудью, с тысячью аварийных генов, велящих телу отдохнуть, он смотрел на просторы Откола. Тридцать километров, залитые светом множества ярких, как солнце, огней, вершина инженерного мастерства, а может, и просто шедевр искусства. Бесчисленные авеню, вливающиеся в Откол, часто несли воду и прочие жидкости, и капитаны-инженеры разработали систему аэрорек — алмазных труб, сплетающихся в клубок колец и спиралей, и маленьких озер, при помощи невидимых устройств парящих в пространстве. А еще тут всегда летали существа органические и неорганические, живые и не живые, — наполняя воздух напевным гудением миллионов радостных голосов, и стены устилали леса грибков-эктопаразитов, и влажный ветерок не стихал шестьдесят тысяч лет — и Памир забыл, зачем он стоит здесь. Что это за место? Обернувшись, он обнаружил прекрасную женщину с ужасной раной в груди, просящую его сесть. «Пожалуйста. Садитесь. Сэр, — говорила она, — пожалуйста, пожалуйста, вам нужно отдохнуть».

VIII

Вера Многих Соединившихся.

Вопрос, где она появилась впервые, веками оставался предметом разногласий. Несколько разбросанных по космосу солнечных систем выглядели подходящими кандидатами, но ни один эксперт не решался утверждать что-то наверняка. Так же как ни один пророк или извращенец не приписывал себе чести основания этой квазирелигии. Но некоторые джей'джелы полагали, что каждая разумная душа равноценна. Тела — всего лишь фасады, особенности метаболизма — мелкие детали, а социальные системы рознятся точно так же, как жизни индивидуумов, в соответствии с личным выбором, прихотями и спорным чувством справедливости. Значение имеют только души во всех этих странных оболочках. А мудрая душа желает сдружиться с субъектами из разных слоев пространства и времени и, если возможно, полюбить их, слить сущности воедино посредством древних наслаждений плоти.

Итак, пророка не существовало, и Вера не имела места рождения, что для истинных верующих было проблемой. Как могла такая сложная, многогранная вера вырасти одновременно в нескольких удаленных друг от друга местах? Но недостаток может оказаться и благословением. Совершенно ясно, что священный механизм перевернул Вселенную, и эта сплоченность лишь доказывала послушникам, как правильна и непререкаема их религия. Разве что Вера была естественным отростком природы джей'джелов: общительные расы перебрасываются через пространство, дома принадлежат тем, кто могущественнее, а игра «стань любовником того, кто велик» так же неизбежна и обыкновенна, как хождение босиком на своих двоих.

Памир придерживался общепринятого мнения.

Секунду он рассматривал собственные босые ступни, затем вздохнул и принялся изучать руку, плечо и грудь. Раны уже зажили, не оставив на коже и рубца, внутренние органы быстро возвращались в идеальное состояние. Он уже достаточно оправился, чтобы сидеть, но вместо этого лежал в мягком шезлонге на свежем воздухе патио, слушая песнь льянос вибра. Он был один, алмазная стена спальни стала черной и непрозрачной. Некоторое время мужчина размышлял о вещах очевидных, а затем принялся перебирать изощренные варианты, проистекающие из очевидного.

Вор — зарегистрированный уголовник с длиннющим послужным списком — падал несколько километров, прежде чем

регулярный патруль безопасности заметил его и выудил из неба, пока негодяй не испортил день еще кому-нибудь.

Неудачника арестовали, и пару веков он теперь проведет в тюрьме, отвечая за последнее преступление.

— Вот дерьмо, — пробормотал Памир.

— Сэр? — заговорили апартаменты. — Что случилось? Могу ли я чем-то помочь?

Памир взвесил предложение и ответил:

— Нет.

Потом сел и сказал:

— Одежда.

Форма техника окутала его. Дырки в ткани тоже стянулись, хотя и не так качественно, как на теле. Пару секунд он рассматривал бурую коросту засохшей крови.

— Ботинки?

— Под шезлонгом, сэр.

Памир вытянул ноги — и в этот момент в спальню вошла она.

— Я должна поблагодарить тебя, — заявила Розелла, высокая и как-то обыденно элегантная в длинном сером халате и босиком. Выглядела она прелестной, но грустной, и при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что печаль женщины вызвана не только сегодняшним днем. — За все, что ты сделал, — спасибо.

От нескончаемого потока слез глаза ее распухли и покраснели.

Мужчина смотрел на женщину, а женщина на мужчину. Секунду ему казалось, что она ничего не видит. Затем Розелла вроде бы осознала внимание гостя и, вздрогнув, сказала:

— Оставайся сколько тебе угодно. Мой дом накормит тебя, и, если хочешь, можешь взять все, что тебя заинтересует. На память…

— Где кристалл? — перебил ее Памир.

Она прикоснулась к ложбинке между грудей. Дармион вернулся домой, угнездившись возле стойкого сердца. Полдюжины рас верили, что кристалл дарует своему владельцу острую любовь к жизни и бесконечную радость, — только вид этой погруженной в депрессию женщины опровергал досужие вымыслы.

— Мне не нужен твой камешек, — буркнул он. Женщина явно не обрадовалась и не испытала облегчения.

Кивнув, она в последний раз сказала:

— Спасибо, — намереваясь завершить беседу.

— Тебе необходима более надежная система безопасности, — заметил Памир.

— Возможно, — равнодушно согласилась она.

— Как тебя зовут?

— Розелла, — уронила она, а потом добавила фамилию. Человеческие имена длинны, сложны и громоздки. Но она произнесла все, не запнувшись, после чего посмотрела на мужчину совсем иначе. — А как мне называть тебя?

Он воспользовался именем своей последней личности.

— Ты знаком с системами безопасности? — спросила Розелла.

— Лучше многих. Она кивнула.

— Хочешь, чтобы я занялся твоей?

Вопрос позабавил женщину. На молочно-бледном лице расцвела улыбка, на мгновение показался острый розовый кончик языка.

— Нет, не моей. — Словно он и сам должен был догадаться. — У меня есть добрый друг… добрый старый друг… которого мучают страхи…

— Он в состоянии заплатить?

— Заплачу я. Скажешь ему, это мой подарок.

— И кто же этот озабоченный парень?

— Галлий, — ответила она на иноземном языке. Искренне удивленный, Памир осведомился:

— Чем же, черт побери, занимается этот удалец, если признался, что он боится?

Розелла благодарно кивнула.

— Он ни в чем не признался, — сказала она и улыбнулась снова… на этот раз теплее. Соблазнительно и нежно, даже очаровательно, и образ прекрасного, озаренного улыбкой лица еще долго не покидал Памира после того, как он вышел из апартаментов и отправился к месту следующей работы.

IX

Удалец, конечно, оказался великаном метра три ростом, грузным и бронированным, громогласным и одновременно необычайно невозмутимым, зацикленным на своей безбрежной отваге и откровенно врущим в глаза. Его дом, втиснувшийся между другими на одной из мелких авеню, находился рядом с Отколом. Стоя за своей последней дверью — глыбой укрепленного гиперфиброй алмаза, — он совершенно человеческим жестом отмахнулся от незваного посетителя.

— Мне не нужно никаких милостей, — заявил он, выплевывая слова из дыхательного рта. — Я в полной безопасности, как и любой другой житель Корабля, и в дюжину раз компетентнее тебя, если дело дойдет до защиты. — И с вульгарной грубостью он смачно рыгнул жевательным ртом.

— Забавно, — заметил Памир. — Одна женщина пожелала купить мои услуги, а ты Галлий, ее добрый старый друг. Правильно?

— А как зовут женщину?

— Что? Ты что, не слушал меня?

— Ты утверждаешь, что ее имя Розелла. — Удалец изобразил глубокую сосредоточенность, после чего, как-то уж слишком уверенно, отрезал: — Эту самку приматов я не знаю.

— Неужели? — Памир покачал головой. — Но она тебя знает.

— Она ошиблась.

— Тогда с чего ты взял, что она человек? Я этого не упоминал.

Огромные черные глаза злобно сверкнули.

— Ты на что намекаешь, мартышка? Памир рассмеялся:

— А ты сам не догадываешься?

— Ты меня оскорбил?

— Точно.

Между собеседниками повисло тяжелое молчание. Кулаком, лишь чуть-чуть превосходящим размером меньшую из костяшек пальцев чужака, Памир постучал в алмазную дверь.

— Я оскорбил тебя и твоих предков. Вот. По корабельному кодексу и вашим малоприятным обычаям теперь ты вправе выйти на открытое пространство и отколошматить меня так, чтобы я умер на целую неделю.

Гигант яростно тряхнул головой — и все. Один рот растянулся, жадно и подолгу втягивая воздух, другой собрался в крошечную впадинку — удалец балансировал на грани чистейшего мстительного гнева. Но Галлий страшным усилием

воли взял себя в руки и, когда злость его наконец начала угасать, дал неслышный сигнал, повинуясь которому две внешние двери упали и наглухо закрылись.

Памир посмотрел налево, потом направо. Хорошо освещенная узкая авеню была пуста и, судя по всему, безопасна.

И все же великана, несомненно, объял ужас.

Буквально перед визитом Памир еще раз пролистал журнал Розеллы. Среди ее мужей наличествовали два удальца. В записях не упоминалось ни одного полезного имени, но было очевидно, что один из этих мужей — Галлий. Вранье насчет своих страхов в характере этой расы. Но как мог конфирмованный практикующий адепт столь исключительной веры отрицать, что он вообще когда-либо встречался с женщиной?

Значит, необходимо отыскать других мужей.

Перед Памиром лежали сотни разных путей. Но как любят говорить удальцы: «Кратчайшее расстояние — это расстояние между соприкасающимися точками».

Система безопасности Галлия была обычной, ячеистой, с. тысячелетним опытом применения, и Памиру потребовалось меньше дня, чтобы взломать коды и войти в передние двери.

— Кто со мной? — крикнули из дальней комнаты. Что любопытно — по-джей'джельски.

Затем:

— Кто там? По-человечески.

И наконец, словно запоздало сообразив, на собственном языке:

— Ты в моем доме, и тебе не рады. Но я прощу тебя, если ты немедленно уберешься.

— Розелла против того, чтобы я убирался, — откликнулся Памир.

Последняя комната представляла собой небольшую крепость, обитую пластинами первосортной гиперфибры и щетинящуюся оружием, как легальным, так и не очень. Два ускорителя плазмы следили за поворотами головы Памира, готовые если и не убить, то вышибить из него разум. Поперек горла встал комок, но человек проглотил страх и небрежно поинтересовался:

— Так вот где ты живешь теперь? В маленькой комнатенке на дне уродливого дома?

— Тебе нравится оскорблять, — буркнул удалец.

— Скрашивает время, — хмыкнул мужчина.

— Я вижу незаконное оружие, — заявил из-за гиперфибры Галлий.

— У тебя отличное зрение, оно ведь как раз при мне.

— Если попытаешься причинить мне вред, я убью тебя. И разрушу твой разум. Тебя больше не будет.

— Понятно, — сказал Памир.

И сел — жест повиновения едва ли не в каждом мире. Он сел на квазикристаллические плитки в светлой прихожей и принялся разглядывать портреты на ближайших стенах. Удальцы минувших веков застыли в вызывающих позах. Предки, вероятно. Достойные представители обоих полов, взирающие на своего трусливого потомка с откровенным презрением.

Подождав несколько секунд, Памир сообщил:

— Я вынимаю пистолет.

— Брось его к двери.

Плазменная пушка была встречена уважительным молчанием. Оружие скользнуло по полу, ударилось о стену, остановилось, и тут же складная механическая рука накрыла пистолет гиперфибровым колпаком, снабженным пирозарядом, задача которого — уничтожить всякого, кто попытается вытащить оружие.

Гиперволоконная дверь поднялась.

Галлий занимал полкомнаты. Удалец стоял в центре чулана, битком набитого припасами, глядел на Памира, и бронированные пластины его тела подрагивали, изгибаясь и выставляя наружу острые края.

— Тебе, должно быть, очень нужна эта работа, — заметил он.

— За исключением того, что это не работа, — отозвался Памир. — Честно говоря, я что-то потерял интерес к данному предприятию.

Сконфуженный удалец воспрянул:

— Тогда зачем ты влез в неприятности?

— Что тебе нужно, — заявил Памир, — так это маленькая многозарядная плазменная пушка. Славное оружие, лучше его нет.

— Они нелегальны, их сложно достать, — возразил Галлий.

— Твой ускоритель тоже вне закона. — И здесь имелась алмазная дверь, укрепленная сеткой гиперволокон. — Но спорю, ты отлично понимаешь, что формованная плазма может сделать с живым сознанием.

Тишина.

— Смешно, — продолжил Памир. — Не так давно я нашел труп, наткнувшийся именно на такое оружие.

Спина чужака уже распрямилась до предела, да и бронированные пластины выгнулись максимально. Тихим, почти умоляющим, голосом Галлий спросил человека:

— И кто труп?

— Се'лен.

И снова молчание.

— Кто еще погиб таким образом? — поинтересовался Памир. Это было предположение, но не только. Не дождавшись ответа, он добавил: — Ты никогда не был так напуган. За всю свою долгую, бурную жизнь ты никогда не сталкивался с таким грызущим изнутри страхом. Я прав?

Плечи великана поникли. Жалкий тонкий голос проскулил:

— С каждым днем мне все страшнее.

— Почему?

Удалец на миг уронил голову.

— Почему тебе все страшней и страшнее?

— Уже семеро наших…

— Семеро?

— Сгинули. — Человеческое отчаяние прозвучало в этом единственном слове. — Восемь, если то, что ты сказал о джей'джеле, правда.

— Восемь кого? — переспросил Памир. Галлий промолчал.

— Я знаю, кто ты, — продолжил тогда человек. — Восемь мужей Розеллы — и ты. Верно?

— Ее бывших мужей, — поправил чужак.

— А как насчет нынешних любовников?..

— Их нет.

— Нет?

— Она дала обет безбрачия, — с глубокой тоской промычал гигант и опустил взгляд. — Когда мы начали умирать, она оставила нас. Физически и юридически.

Галлию не хватало его жены-человека, это выдавали и осанка, и голос, и дрожание огромной руки, потянувшейся к холодной грани алмаза.

— Она пытается спасти нас. Но не знает как…

Внезапно о кристалл ударился плазменный шар. Размером не больше человеческого сердца, раскаленный сгусток испарил алмаз, и руку, и печальное лицо, и все, что скрывалось за темными, исполненными одиночества глазами.

X

Памир не увидел ничего, кроме вспышки, а потом ударная волна сбила его с ног. Мгновение он лежал неподвижно. Тесный проход заполнило облако атомов углерода и распавшейся плоти. Человек вслушивался и не слышал ни звука. По крайней мере на несколько секунд он оказался полностью оглушен. Памир пополз и остановился, лишь когда путь ему преградила стена. Он втянул кипящий воздух, ошпаривший легкие, и буквально окаменел, дожидаясь второго взрыва. Но ничего не произошло.

Почти прижав рот к полу, Памир глотнул горячего, но пригодного для дыхания воздуха. Облако истончалось. Слух постепенно возвращался в сопровождении беспрестанного жужжания на высокой ноте. В поле зрения вплыла фигура, высокая и грозная, — удалец, вероятно один из славных предков мертвеца. Мужчина вспомнил, что стены коридора были увешаны портретами. Затем Памир увидел второй силуэт, потом третий. Он попытался вспомнить, сколько должно быть картин… потому что сейчас он разглядел четвертую фигуру, показавшуюся ему лишней…

Плазменное оружие выстрелило снова, но оно еще не успело накопить убийственный заряд, так что вся фантастическая энергия ушла на световые эффекты и порыв обжигающего ветра.

И опять в воздухе заклубились пыль и частицы свернувшейся крови.

Памир вскочил и попятился.

Галлий превратился в практически безголовый, распластавшийся на полу труп, громадный даже в изувеченном виде. Маленькая комната, перегороженная телом, стала совсем крохотной. Со смертью владельца рельсовые пушки-ускорители переключились в режим диагностики, и на то, чтобы разбудить их, ушли бы минуты, а то и дни. Измочаленная алмазная дверь уже ни на что не годилась. Когда туча снова рассеется, Памир окажется на виду и наверняка будет убит.

Как и Галлий, он в первую очередь воспользовался языком джей'джелов.

— Привет! — крикнул человек.

Внешняя дверь стояла открытая и пока нетронутая, только что толку от тупого механизма, чувствительного лишь к прикосновению знакомой руки? Вглядываясь в проем, Памир снова завопил:

— Привет!

Далекая фигура начала рассасываться.

— Я мертвец! — продолжил Памир. — Ты поймал меня в ловушку, приятель.

Тишина.

— Делай что хочешь, только мне, прежде чем поджариться, хотелось бы знать, что происходит.

Силуэт вроде бы заструился в одну сторону, потом вернулся.

Памир с усилием оторвал от пола одну из рук мертвеца и приладил широкую ладонь к стене возле дверного запора. Однако он понимал, что это еще цветочки.

— Ты умная душа. Позволь человеку открыть для тебя путь, — предложил он. — Я перехитрю защиту удальца, и тогда бери нас обоих.

Сколько времени уходит на перезарядку? Наверное, несколько секунд.

Труп внезапно дернулся, и рука с глухим стуком упала.

— Дерьмо, — выдохнул Памир.

На высокой полке лежала пластина, маленькая, но плотная, как железо. Он схватил ее, покрутил для разминки запястьем и окликнул чужака снова:

— Хорошо бы, ты рассказал мне, в чем дело. Потому что я понятия не имею.

Ничего.

Тогда Памир рявкнул по-человечески:

— Кто ты, черт побери?!

Пыль улеглась, открыв двуногий силуэт, стоящий метрах в десяти от мужчины.

Плюхнувшись на колени, Памир снова стиснул руку трупа. Аварийные гены и мышечная память тела сопротивлялись, так что человек аж закряхтел, подтаскивая ладонь удальца к щеколде. Затем, перебарывая силу великана, Памир всем своим весом налег на руку Галлия, удерживая ее на месте, и постоял так немного, отдуваясь. Потом схватил левой рукой тяжелую пластину и придушенно крикнул:

— Даю последний шанс объяснить! Двуногий начал наводить на жертву ствол.

— Ну, тогда пока-пока.

Памир метнул железку, целясь в мишень, отстоящую от него меньше чем на три метра. И в ту же секунду отпустил руку мертвеца, роняя ее на замок. Пласт гиперфибры соскользнул с потолка, и последняя дверь закрылась. Она выдержит два-три разряда плазменной пушки, но в конце концов и ее неизбежно разъест. Вот почему он бросил пластинку на пол: та покатилась и звонко ударилась о край колпака, накрывшего его оружие.

Раздался резкий грохот.

Оставшуюся дверь заклинило взрывной волной. Следующие двадцать минут Памир потратил на то, чтобы с помощью руки трупа и прочих подпорок приподнять дверь настолько, чтобы можно было проползти под ней. Его собственное оружие осталось лежать, где лежало, нетронутое под зеркальным куполом гиперволокна.

А врага словно ветром сдуло.

Убит ненадолго, или, возможно, Памир его отпугнул. Человек задержался на несколько минут, обыскивая дом мертвеца в поисках не дающихся в руки подсказок, а затем выскользнул на авеню — по-прежнему пустую и безопасную на вид, но таящую почти осязаемую угрозу, которую теперь он и сам чувствовал.

XI

Девяностосекундное путешествие по трубе доставило его к передней двери Розеллы. Апартаменты обратились к мужчине по единственному известному им имени, заметив:

— Вы ранены, сэр. — В официальном голосе проведших собственный поверхностный осмотр покоев отчетливо звучала тревога. — Вам известно, насколько серьезно вы ранены, сэр?

— Я догадываюсь, — бросил Памир. В ноге и животе его все еще сидело порядочно осколков, так что мужчина неуклюже хромал и переваливался. — Где хозяйка?

— Там, где вы оставили ее, сэр. В патио.

Боялись, кажется, все, кроме нее. Но с чего бы женщине беспокоиться? Розеллу всего лишь небрежно прирезал на скорую руку вор, что на шкале преступлений находилось где-то в самом низу.

— Пусть пройдет в спальню.

— Сэр?

— Я не стану говорить с ней на открытом пространстве. Передай ей.

— А что с ее другом?..

— Еще один муж мертв. Тишина.

— Ты передашь ей?.. — начал Памир.

— Она уже идет, сэр. Как вы и просили. — Затем, после паузы, апартаменты предложили: — Насчет Галлия, пожалуйста… Думаю, вы должны сами сообщить эту скорбную новость…

Он сказал ей.

Сейчас на женщине были обтягивающие брючки и шелковая блуза, сотканная общинными вышивальщиками района Колохон, а каждый палец ее босых ног унизывали черные кольца, и пока она сидела на одном из дюжины приспосабливающихся к телу кресел, выслушивая отчет о событиях последнего страшного часа, лицо ее становилось еще более печальным, если, конечно, такое возможно, и отстраненным. Розелла не издала ни звука, хотя Памира не оставляло ощущение, что женщина вот-вот заговорит. Грусть, и боль, и очаровательные черты свидетельствовали о непрестанной работе мысли, светлые глаза будто видели перед собой что-то значительное. Но губы не шевелились. Когда же она наконец пробормотала несколько слов, Памир едва не прослушал.

— Кто ты?

Правильно ли он понял вопрос? Но она повторила:

— Кто ты? — И подалась вперед, так что блузка на груди распахнулась. — Ты не похож на техников отдела охраны

окружающей среды, и не думаю, что ты вообще специалист по безопасности.

— Да?

— Ты бы не выжил, если бы был обычным зарегистрированным человеком. — Казалось, что женщина сейчас рассмеется: высоко на ее левой щеке затрепетала маленькая ямочка. — А если уж выжил, то бежал бы сейчас без оглядки.

— Я просто хотел, чтобы ты показала мне безопасное направление.

Она не ответила, а только разглядывала мужчину — долго, целую вечность. Затем снова откинулась на спинку удобного широкого кресла и спросила:

— Кто тебе платит?

— Ты.

— Я не это имела в виду.

— А я не слишком нуждаюсь в деньгах.

— Так ты не скажешь мне кто?

— Сперва признайся кое в чем, — предложил он.

У нее были длинные руки, изящные и стремительные. Тонкие пальцы немного поплясали на бедрах, а когда наконец успокоились, Розелла спросила:

— Что я могу сообщить тебе?

— Все, что знаешь о своих мертвых мужьях, и о тех, кто еще жив. — Памир наклонился и добавил: — В частности, мне хотелось бы услышать о твоем первом муже. И, если можешь, объясни, почему у меня в голове так и вертится мысль о Вере Многих Соединившихся.

XII

Она видела его несколько раз во время круиза и даже как-то беседовала с этим высоким, худощавым и утонченным джей'джелом со склонностью к человеческой одежде, особенно к красным шерстяным пиджакам и замысловато завязанным белым шелковым галстукам. Кре'ллан казался привлекательным, хотя и не исключительно красивым. Он был умен и обаятелен. Однажды, когда их лодка исследовала луддитские острова посреди моря Через-Край, он спросил, можно ли присоединиться к ней, и лениво развалился в соседнем шезлонге. Следующий час — а возможно, и целый день — они дружески болтали о всяких пустяках, обмениваясь сплетнями, в основном о знакомых пассажирах и крохотном экипаже суденышка. Было сделано несколько попыток подсчитать пересеченные ими к настоящему времени океаны и дать им оценку, упорядочив по красоте, истории и, наконец, обитателям. Какой порт был самым любопытным? А какой самым скучным? С какими чужаками каждый встретился впервые? И каково же первое впечатление? А второе? И если бы им пришлось следующую тысячу лет прожить в одном из этих уголков, какое именно место они бы выбрали?

Розелла наверняка забыла бы этот день. Но неделю спустя она согласилась в дополнение к основному маршруту осмотреть еще и Лужок.

— Ты знаешь этот остров?

— Не очень, — соврал Памир.

— Я так и не поняла смысла его названия, — призналась Розелла, прищурившись, словно снова задавшись поставившим ее в тупик вопросом. — За исключением нескольких полосок мха, остров весь покрыт льдом. Мне говорили, там жутко холодно. Это связано с подъемом глубинных вод и экологией моря. Но с наветренной стороны проходит теплое течение, несущее сырость. Тамошние бесконечные снега вошли в легенду, и нельзя переплыть море Через-Край, не посетив Лужок хоть раз. По крайней мере так твердили мне друзья.

— Кре'ллан был в вашей группе?

— Нет. — Вопрос отчего-то позабавил женщину. Она коротко хихикнула и добавила: — Все были людьми, кроме гида — ИИ в точной копии человеческого тела.

Памир кивнул.

— Мы спустились на лед на энергетических лыжах во время кошмарной пурги. Но потом гид словно ненароком заметил, что сегодня выдался ясный денек и мы должны быть благодарны за

отличную видимость.

В лучшем случае они видели метров на двадцать в любом направлении. Она была со своей хорошей подругой, родившейся на Великом Корабле, как и Розелла, но на тысячу лет раньше. Розелла знала эту женщину всю свою жизнь. Они вели бесконечные разговоры и посещали одни и те же вечеринки, а их походы по магазинам растягивались порой на недели. Они всегда путешествовали вместе. И за всю их совместную жизнь ни с одной из женщин не случалось ничего по-настоящему серьезного.

Толща глетчера неуклонно росла под волнами снегопада. Розелла и ее спутница отделились от группы, свернув к высокому гребню, почти на километр возвышающемуся над невидимым морем. Снег повалил гуще — пушистые влажные хлопья, слипшись еще в воздухе, сыпались с белых небес плотными снежками. Женщины на лыжах скользили бок о бок, связанные «разумным» тросом. Так получилось, что Розелла оказалась впереди. Что произошло потом, она сказать не могла. Первой — и лучшей — мыслью, пришедшей ей в голову, была мысль, что подруга решила пошутить. Она блокировала трос и отвязалась, а когда гребень расширился, попыталась обогнать Розеллу, возможно, чтобы напугать ее в тот момент, когда та была полностью беззащитна.

Вопрос, где именно упала подруга, так и остался загадкой.

Позже, добравшись до конца хребта, Розелла обнаружила, что она одна, но, естественно, предположила, что ее спутница устала и вернулась к группе. Повода для волнений не было, да и волноваться она не любила, так что Розелла больше не думала об этом эпизоде.

Но остальные туристы не видели пропавшую женщину.

Организовали поиски. Однако густой снегопад превратился в нескончаемую, низвергающуюся с небес лавину — иначе это явление природы и описать нельзя. Меньше чем за час ледник вырос на двадцать метров. К тому времени, как спасательные отряды смогли приступить к работе, стало очевидно, что пропавшая пассажирка провалилась в одну из широких расселин и ее тело мертво, а не зная его местоположения, остается лишь ждать, когда лед вытолкнет раздавленный труп в море, и там уже искать искореженные останки.

Теоретически человеческий мозг способен перенести подобное.

Но гид-ИИ не верил теориям.

— Чего вам никто не скажет, так это того, что этот гребаный остров когда-то был промышленной площадкой. Почему же, как вы думаете, инженеры ее прикрыли? Чтобы спрятать свои

ошибки, конечно. Остров сложен из всякой дряни, в основном из экспериментального гиперволокна, очень острого и нестабильного, и, если приложить достаточно давления, даже лучшая биокерамическая голова треснет. Разобьется вдребезги. Хрясть — и все, и в море высыплется пара горстей забавного песочка.

Ее подруга погибла.

Розелла никогда не любила эту женщину больше любого другого своего приятеля и не чувствовала, что их связывают какие-то особые узы. Но потеря оказалась тяжела, ощущение утраты не затухало, так что следующие несколько недель женщина ни о чем другом и не думала.

А тем временем их лодка, совершающая круиз по Великому Кораблю, достигла нового моря.

Однажды ночью в окружении обширной серой метановой глади Розелла случайно встретилась с мужчиной джей'джелом в красном пиджаке, красных брюках и причудливом белом галстуке под почти человеческим лицом. Он улыбнулся ей — искренне, чистосердечно. А потом тихо спросил:

— Что-то не так?

Никто в ее группе не заметил боли Розеллы. В отличие от женщины, они были убеждены, что их спутница вскоре вернется из забвения.

Розелла присела рядом с джей'джелом. Довольно долго оба молчали, и женщина поймала себя на том, что смотрит на его босые ноги, размышляя о непрочности жизни. А затем сухо, глухим голосом призналась:

— Я боюсь.

— Правда? — спросил Кре'ллан.

— Знаешь, в любой момент, совершенно неожиданно, Великий Корабль может столкнуться с чем-нибудь громадным. Идя на трети скорости света, мы можем врезаться в неосвещенную планету или угодить в маленькую черную дыру, и в следующую секунду погибнут миллиарды.

— Это может случиться, — спокойно отозвался собеседник. — Но я безоговорочно верю в талант и мастерство наших капитанов.

— А я нет, — возразила она.

— Нет?

— Мне кажется… — Она помедлила, дрожа отнюдь не от холода. — Я тут подумала, что живу себе, живу и никогда еще не хватала жизнь за горло. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Прекрасно понимаю, — ответил он.

Длинные пальцы ног джей'джела согнулись и снова

расслабились.

— Почему ты не носишь ботинки? — спросила она наконец. И Кре'ллан очень, очень нежно и мягко опустил ладонь на ее руки.

— Я чужак, Розелла, — тихо, с улыбкой сказал он. — И ты не представляешь, как я хотел бы, чтобы твоя душа сумела как-нибудь забыть об этом.

— Мы стали любовниками еще до исхода ночи, — призналась женщина. Мечтательная улыбка перешла в неодобрительный смешок, словно Розелла осуждала себя. — Я думала, все мужчины джей'джелы сложены как он. Но Кре'ллан объяснил, что это не так. Тогда-то я и узнала о Вере Многих Соединившихся.

Памир кивнул, ожидая продолжения.

— В конечном счете мою потерявшуюся подругу нашли. — Она горько рассмеялась. — Несколько лет спустя патрульное судно, курсирующее вдоль края глетчера, наткнулось на кости и череп с ее разумом внутри. Целым и невредимым. — Розелла поерзала в кресле, пышная грудь под блузкой всколыхнулась. — Через месяц ее восстановили и вернули в прежнюю жизнь, и знаешь что? За прошедшие с тех пор десятилетия я разговаривала со своей старой подругой раза три, не больше. Забавно, не так ли?

— Вера, — напомнил Памир.

Казалось, она ждала понукания, но не поддержала тему. Вяло пожав плечами, Розелла заметила:

— Кто бы ты ни был, ты не был рожден в комфорте и богатстве. Бывает и так, и это, думаю, говорит о многом. Тебе пришлось бороться… наверное, большую часть жизни… бороться за вещи, которые любой дурак считает важными. В то время как такие, как я, — а я далеко не дура — шагают по раю, даже не спрашивая себя: «А смысл?»

— Вера, — повторил мужчина.

— Подумай о проблеме, — сказала она, а потом спросила, глядя сквозь собеседника: — Ты можешь себе представить, как это трудно, вовлечься — романтично и эмоционально — в отношения с другими расами?

— Мне это отвратительно, — солгал он.

— Это отвратительно многим из нас, — заметила женщина и взглянула на него, словно сомневаясь, правду ли сказал мужчина о своих чувствах. Затем отбросила колебания. — Меня не ужаснула мысль о сексе с представителем не моего вида, — призналась она. — Впрочем, и не особо увлекла тоже. Как-то так, серединка на половинку. Но когда я узнала об этой тайной вере джей'джелов… о том, как собираются одинаково мыслящие души,

делая первые решительные шаги в том, что может стать логической эволюцией жизни в нашей Вселенной…

Голос женщины затих, уплыв куда-то.

— Сколько у тебя мужей? Она изобразила удивление:

— Что? Ты не знаешь? Памир выдержал ее взгляд. Наконец она сказала сама:

— Одиннадцать.

— И ты *соединялась* со всеми.

— До недавнего времени да. — Ресницы ее задрожали, глаза посветлели от подступивших слез. — Первая смерть выглядела случайным убийством. Кошмарно, но представимо. Но за первым последовало второе, а за вторым, через несколько месяцев, третье. В каждой трагедии использовалось одно и то же оружие, и почерк казни каждый раз был одинаков… — Голос женщины снова сорвался, точно из оставшегося приоткрытым рта вдруг выпали все слова. Тонкая рука вытерла слезы, размазав влагу по острым скулам. — Поскольку погибшие принадлежали к разным расам и поскольку послушники Веры… мои мужья и я сама… дали клятву хранить тайну…

— Никто не заметил системы, — закончил Памир.

— О, думаю, они поняли, что творится, — пробормотала женщина. — После пятой или шестой смерти сотрудники безопасности провели обыск в библиотеке. Но никто из наших ни в чем не признался. А потом убийства стали происходить реже, и расследование прекратилось. Никому не предложили защиты, и мое имя ни разу не упоминалось. По крайней мере, я так предполагаю, потому что никто не пришел допросить меня. — А потом, тихо и сердито, Розелла добавила: — После того как они связали убийства с библиотекой, им стало плевать на происходящее.

— Откуда ты знаешь?

Она уставилась на Памира как на полного кретина.

— Что? Неужели власти втихую постановили, что это грязное внутреннее дело Соединившихся?

— Может быть, — сказала женщина. — А может быть, им кто-то приказал прекратить поиски.

— Кто?

Глядя поверх его головы, женщина внятно произнесла:

— Нет.

— Кто не хочет, чтобы убийства прекратились?

— Я не… — начала она. Потом тряхнула головой. — Не могу. Спрашивай что угодно, но я больше ничего тебе не скажу.

И он спросил:

— А тебе не кажется, что и ты в опасности?

— Вряд ли, — вздохнула она.

— Почему нет? Женщина промолчала.

— В живых осталось двое мужей, — напомнил Памир. Розелла разыграла нерешительность, затем согласилась:

— Подозреваю, ты в курсе, кто эти двое.

— Один — глорий. — Глории были птицеподобными существами, с почти человеческой фигурой, но покрытые восхитительно ярким оперением. — Он твой последний муж, правильно?

Розелла кивнула:

— Только он умер в прошлом году. На противоположном конце Великого Корабля, в одиночестве. Тело обнаружили лишь вчера.

Памир вздрогнул:

— Мои соболезнования.

— Да. Спасибо.

— И твой первый любовник?

— Да.

— Джей'джел в красном пиджаке.

— Да, Кре'ллан. Я знаю, кого ты имеешь в виду.

— Остался последний, — заметил он. И заработал испепеляющий взгляд.

— Я не выпрыгиваю замуж за кого попало. И мне плевать, что ты думаешь.

Памир встал и твердо отрезал:

— Ты не знаешь, что я думаю. Потому что я и сам понятия не имею, что творится в моей разбухшей башке.

Женщина потупилась.

— Джей'джел, — сказал Памир. — Я могу выследить его сам, или ты можешь нас познакомить.

— Это не Кре'ллан, — прошептала она.

— Тогда пойдем со мной, — предложил Памир. — Пойдем, посмотришь ему в глаза и спросишь сама.

XIII

Раса джей'джелов никогда не была ни богатой, ни могущественной, однако среди них попадались индивидуумы немыслимого возраста, постепенно и неустанно добивающиеся процветания. В отдаленных мирах они были осторожными биржевиками и незаметными землевладельцами, иногда — обладателями инопланетных технологий; и хотя повсюду они оставались чужаками, джей'джелы приспосабливались — настолько, что чувствовали себя как дома. А потом прибыл Великий Корабль. Юные и самоуверенные кузены джей'джелов, люди, пообещали перенести их через Галактику — за вознаграждение. Отважнейшие из чужаков-богатеев оставили за спиной сотни миров, растратив состояние ради возможности снова собраться вместе. У них не было своего мира, и все же некоторые надеялись когда-нибудь открыть новую планету, подобную их родине, — пустой дом, который не грех занять. Другие джей'джелы считали Землю и людей логичной, даже поэтичной целью своей расы — местом, где можно влиться в ряды весьма успешных родственников.

— Но ни одно из решений не доставило мне особого удовольствия, — сказал джентльмен в красном почти человеческим голосом. — Ложь и непостоянство — вот границы между расами, и я надеюсь на радикально другое будущее.

Если верить его официальной биографии, возраст Кре'ллана примерно соответствовал возрасту Homo sapiens.

— Какого же будущего ты хочешь? — осведомился Памир.

Чужак улыбался — лучезарно и слегка отстраненно.

— Мой новый друг, — провозгласил джей'джел, — кажется, я уже честно перечислил все, чего желаю. И кстати, думаю, тебя не должны слишком беспокоить мои мечты об утопии.

— Да, я кое о чем догадывался, — согласился Памир. — И ты прав, мне нет никакого дела до твоих идей о парадизе.

Розелла сидела рядом со своим древним мужем, нежно поглаживая его руку. Разошлись они или нет, ей явно недоставало его компании. Они выглядели как любовники, позирующие для голо-графического портрета. Женщина тихо предостерегла Кре'ллана:

— Он подозревает тебя, дорогой.

— Ну естественно, подозревает.

— Но я сказала ему… я объяснила… ты не можешь быть в ответе за любое из этих…

— Это правда, — прервал бывшую жену джей'джел, и улыбка

его превратилась в мрачноватую ухмылку. — К чему мне убивать кого бы то ни было? Какую пользу это принесло бы мне?

Дом джей'джела располагался у самого дна Откола и был поистине гигантским. Одна эта комната занимала площадь примерно в квадратный километр; в ней зеленел живой лес с бегущими между стволов говорливыми ручейками, а потолок был так высок, что под ним свободно могли кружить, не задевая друг дружку, с дюжину прирученных звездных птиц Рух. Но вся эта роскошь, все богатство бледнели в сравнении с видом из окон: разветвленные реки, струящиеся до середины Откола, освобождались где-то в пятидесяти километрах над их головами, все алмазные трубы заканчивались на одном уровне, и их содержимое под огромным давлением вырывалось наружу. Поток, равный десяти Амазонкам, с ревом проносился мимо дома Кре'ллана. Вода и аммиак эффектно смешивались с химическими отходами и умирающим фитопланктоном. Струи агрессивных соединений буквально барабанили по головам, в пространстве происходили всевозможные химические реакции, меняющие окраску капель. В беспорядочной пене то и дело возникали и исчезали смутные фигуры. Существо с воображением разглядело бы в этих миражах всех встреченных им когда-либо, и Памир с радостью согласился бы сутками наблюдать за мельканием лиц тех, с кем ему довелось столкнуться за всю свою долгую странную жизнь.

Но окно только казалось окном. В действительности Памир смотрел на пласт высокопрочной гиперфибры, толстый и абсолютно непроницаемый, что бы ни швырнула в него природа. Вид был проекцией, убедительным фокусом. Кивая, человек заметил:

— Ты, наверное, чувствуешь себя в полной безопасности.

— На отсутствие сна не жалуюсь, — ответил Кре'ллан.

— В большинстве случаев я в силах помочь людям в вопросах, касающихся их безопасности. Но не тебе. — Памир говорил совершенно искренне. — Не думаю, что Старший Штурман защищен лучше. Это гиперволокно. Эти интеллектуальные сторожевые системы. Эти псины из плоти и крови, обнюхавшие наши задницы по пути сюда. — Он широко улыбнулся и добавил: — Если не ошибаюсь, тебе даже не требуется покидать эту комнату. Следующий десяток тысяч лет ты можешь сидеть, где сидишь, есть то, что падает с деревьев, и никто не тронет тебя и пальцем.

— Если бы я захотел — да.

— Но он не убийца, — пробормотала Розелла.

Тут женщина встала и отступила от древнего существа,

неохотно отпустив его руку. Она приблизилась к Памиру и опустилась перед ним на колени. Внезапно она показалась человеку очень юной, серьезной и целеустремленной.

— Я знаю этого мужчину, — умоляюще выпалила она. — Ты даже не представляешь… если ты думаешь, что он мог причинить кому-то вред… по любой причине…

— Однажды я жил как джей'джел, — заявил Памир. Розелла отшатнулась, ошеломленная.

— Я покрасил волосы в синий цвет, слегка перепаял эти кости и даже подправил генетику, так, на скорую руку, — достаточно, чтобы пройти обычное сканирование. — Памир не стал вдаваться в дальнейшие подробности, понимая, что и так наговорил слишком много. Тем не менее он чувствовал, что выбора нет. — Я даже завел любовницу-джей'джела. Ненадолго, но все же. Впрочем, она разгадала мое отвращение, и мне пришлось улепетывать среди ночи.

Теперь оба слушателя пристально взирали на него, смущенно и с любопытством.

— Так или иначе, — продолжил человек, — пока я терся среди джей'джелов, у них созрела некая юная девушка. Она была необычайно прекрасна, а ее семья принадлежала к кругу богатейших пассажиров Корабля. Завидная невеста. Не успел закончиться год, она завела троих преданных мужей. Но в нее влюбился еще кое-кто, а ему не хотелось делиться. Один из новых мужей женщины был убит, после чего двое других отправились в общественное собрание и развелись с ней. Они никогда больше не заговорили с ней. Женщина осталась одна, свободная и незамужняя. Какая разумная душа рискнула бы добиваться ее любви в подобных обстоятельствах? — Памир покачал головой, изучая лицо Кре'ллана. — Как я уже сказал, я ускользнул от любовницы ночью, не попрощавшись. По прошествии нескольких десятков лет старший джей'джел сделал вдове предложение. Она одинока, он — неплохой мужчина. Небогатый, но влиятельный и древний, и, в какой-то степени, мудрый. Так что она согласилась, и когда с ее новым мужем ничего страшного не произошло, все догадались, кто организовал убийство. И приняли это. Вот они, джей'джельские нравы.

— Мою душу никогда еще не обвиняли в ревности, — произнес Кре'ллан ровным, бесстрастным голосом.

— А я вот обвиняю, — заявил Памир. Молчание.

— Конфликты из-за самок для некоторых рас обычное дело, — не унимался человек. — Монополизация ценного супруга — хорошая эволюционная стратегия, и в этом джей'джелы ничем

не отличаются от всех остальных. Десятки миллионов лет цивилизации не изменят твоей первобытной природы.

Кре'ллан фыркнул:

— Подобное варварство не для меня.

— Согласен.

Зеленые глаза прищурились.

— Прошу прощения, сэр. Не думаю, что понимаю. В чем именно вы меня обвиняете?

— Эта великолепная, просторная крепость… — продолжил Памир. — И, как ты утверждаешь, ты не ревнив. Но пригласил ли ты сюда остальных мужей? Предложил ли хоть одному из них пристанище и всю эту дорогостоящую безопасность?

Розелла, не дыша, смотрела на джей'джела.

— Не предложил, — подытожил Памир, — по одной весьма разумной причине: а что, если один из твоих гостей хочет сам заполучить Розеллу?

Вибрирующее напряжение повисло между любовниками.

— Каждый муж был в твоих глазах подозрителен. Два удальца казались самыми очевидными кандидатами. — Он снова взглянул на Розеллу. — Особенно Галлий, относительно бедная особь, рожденная среди кичливости и насилия. Представители его расы — обоих полов — каждый день похищают партнеров. Но теперь Галлий мертв, и твоему супругу, кажется, больше не о чем беспокоиться.

— Но я не убийца, — повторил Кре'ллан.

— О, не спорю, — отозвался Памир. — Ты невиновен.

Это утверждение, казалось, разозлило пару. Первой вспыхнула Розелла:

— И когда ты пришел к такому заключению?

— Как только узнал, кто твои мужья, — ответил Памир. — В тот самый миг. — Не вставая с кресла, он подался вперед, вглядываясь в бурливые воды. — Нет, Кре'ллан не убийца.

— Ты понимаешь мою сущность? — спросил джей'джел.

— Возможно, но это не главное. — Памир рассмеялся. — Нет. Ты слишком умен и слишком стар, чтобы влезать в такое дерьмо из-за человеческой самки. Говори сколько хочешь, что все расы одинаковы. Но против факта не попрешь — человеческие особи не джей'джелы. Очень немногие из нас, даже в самых сложных обстоятельствах, способны закрыть глаза на то, что их супруг — жестокий убийца.

Кре'ллан едва заметно кивнул.

Розелла поднялась, стиснув в кулаки нервные пальцы. Она выглядела уязвимой, милой и очень расстроенной. Осознание задрожало в бледно-голубых очах, и женщина отвела от

джей'джела взгляд.

— Очевидно еще кое-что, — заметил Памир. — И было очевидно с самого начала.

— Что очевидно? — сухо спросил Кре'ллан.

— С самого начала, — повторил Памир.

— Что ты имеешь в виду? — вскинулась Розелла.

— Хорошо. — Памир следил за волнующейся женщиной. — Предположим, я убиваю твоих мужей. Я хочу, чтобы мои соперники умерли, а сам предпочитаю дожить до конца. Конечно, я начал бы с Кре'ллана. Поскольку он так ценит безопасность… и защищен лучше всех остальных, вместе взятых… я бы нанес удар еще до того, как он хотя бы почуял угрозу…

Слова человека упали в ледяную тишину. Памир покачал головой:

— Убийца желал устранить из твоей жизни мужей. Думаю, он с самого начала точно знал, что ему нужно. Другие десятеро мужей должны быть убиты, потому что они горячо любят тебя, а ты, кажется, любишь их. Но этот джей'джел… что ж, он загадка совсем иного рода…

Кре'ллан выглядел заинтересованным, но каким-то отстраненным. Впрочем, когда после долгой паузы он выдохнул и заговорил, голос прозвучал слабо:

— Я не знаю, о чем ты толкуешь.

— Скажи ты, — обратился Памир к Розелле.

— Что — я?..

— Как ты встретилась с ним во время того круиза. И что произошло с тобой и твоей доброй подругой до того, как ты отправилась в постель с этим чужаком…

— Не понимаю, — пробормотала женщина.

— Замолчи! — рявкнул Кре'ллан.

В животе Памира заворочалось приятное волнение.

— Кре'ллан хотел тебя, полагаю. Очень хотел. Ты была богатой незамужней человеческой самкой — а джей'джелы преклоняются перед нашей расой — и обеспечила бы ему высоченное общественное положение. Но чтобы соблазнить тебя… ему, скажем так, понадобилась помощь. Вот почему он заплатил твоей подруге, чтобы та исчезла во льдах Лужка, сымитировав собственную смерть… Он воздействовал на твои эмоции порцией смертности…

— Прекрати! — бросила женщина. А Кре'ллан буркнул:

— Идиот, — и еще кое-что.

— Гид-ИИ был прав, — сказал женщине Памир. — Вероятность того, что разум переживет давление льда и трение о гиперфибровые осколки… М-да, я нашел примечательным тот

факт, что твою хорошую подругу нашли живой. Так что я решил навести справки.

Если пожелаешь, я покажу тебе результаты расследования. След закамуфлированной передачи ценных бумаг ведет от твоей подруги к компании, учрежденной всего за несколько часов до ее смерти. Загадочное предприятие осуществило всего один перевод средств, после чего объявило о своем банкротстве и испарилось. Получателем выступила твоя подруга. Возродилась она очень богатой душой, крупным акционером той самой недолговечной компании, особой, на пару с которой твой первый любовник и муж состряпал взаимовыгодное дельце.

Розелла сидела, оцепенев. Рот ее медленно открылся, закрылся и снова начал открываться. Ставшие ватными ноги отказывались поднимать тело, однако женщина все равно озиралась, не находя ни двери, ни люка, в которые можно было бы выскользнуть. Она угодила в ловушку чудовищной истины. И вдруг, когда Памиру уже казалось, что она вот-вот сломается, распадется на части, молодая женщина поразила его.

Она спокойно сказала Кре'ллану:

— Я расторгаю наш брак.

— Дорогая?.. — начал тот.

— Навсегда, — отрезала она и вытащила из кармана то, что выглядело обычным ножом.

Это и был обычный нож. Сапфировому лезвию не длиннее ладони хозяйки потребовалось десять секунд, чтобы вырезать — во второй раз за два дня — дармионский кристалл из груди женщины; прежде чем упасть, Розелла швырнула окровавленный дар в ошеломленное и жалкое лицо.

XIV

Памир объяснил, что произошло, как только доставил женщину в ее апартаменты. Он опустил свою ношу на огромную круглую кровать; подушки сами удобно легли под голову, а маленький паучок-автоврач засуетился на бледно-голубых простынях, исследуя в первую очередь полузатянувшуюся рану и только потом — общее состояние тела. Апартаменты тихо произнесли:

— Я никогда не видел ее такой.

Памир и сам за всю свою долгую жизнь редко встречал так глубоко погруженную в депрессию, настолько несчастную особу. Розелла лежала неподвижно, бледная и застывшая, и хотя глаза ее оставались открытыми, их заполняла бездонная слепота. Она ничего не видела, ничего не слышала. Как будто женщину сбросили с вершины Откола, и она падала, падала, ударяясь о стены, падала, бичуемая ветрами, истязающими душу, которая уже не чувствовала оскорблений.

— Я озабочен, — признались апартаменты.

— Резонно, — откликнулся Памир.

— Это, должно быть, ужасно, потерять всех, кто любил тебя.

— Но кое-кто все еще любит ее, — возразил мужчина и умолк, снова обдумывая все случившееся. — Скажи, — заговорил он, — какова характерная черта твоей расы?

— Это важно?

— Возможно, нет.

ИИ коротко описал свое происхождение.

— А твой порядковый номер?

— Не понимаю, какое это имеет значение.

— Ладно, забудь. — Человек отошел от неподвижной пациентки. — Я уже узнал достаточно.

Памир перекусил и выпил немного чужеземного нектара, после которого почувствовал себя слегка опьяневшим. Когда в голове прояснилось, он вздремнул, проспав минуту или час, после чего вернулся в спальню, к гигантской кровати. Розелла лежала там, где он ее оставил, только теперь веки женщины были опущены, а руки сложены на груди, поднимающейся, опадающей и снова поднимающейся в медленном мерном ритме, — трудно было оторвать взгляд от этой картины.

— Спасибо.

Голос как будто никому не принадлежал. Рот лежащей был приоткрыт, но услышать такие уверенные, спокойные, лишенные всякой грусти звуки мужчина никак не ожидал. Однако

вежливый, очень приятный голос продолжил:

— Спасибо. Спасибо за все, сэр. Сомкнутые веки не дрогнули.

Женщина услышала приближение Памира или ощутила его присутствие.

Он присел возле Розеллы на край постели и после долгой паузы сказал:

— Знаешь, ты имеешь право считать меня — кем бы я ни был — главным подозреваемым. Я мог убить всех мужей. И я определенно положил конец твоим отношениям с Кре'лланом.

— Это не ты.

— Потому что ты подозреваешь другого. Верно? Она ничего не ответила.

— Кто, по-твоему, в ответе за все? — поднажал Памир. Наконец глаза женщины медленно распахнулись и, дважды моргнув, наполнились слезами, которые, впрочем, так и не потекли по бледным щекам.

— Мой отец, — уронила она.

— Он убил твоих мужей?

— Очевидно.

— Вас с ним разделяют световые годы. Молчание.

Памир кивнул и спустя секунду спросил:

— Что ты знаешь о своем отце?

— Довольно много.

— Но ты никогда не видела его, — напомнил мужчина.

— Я изучала его. — Она покачала головой и снова закрыла глаза. — Я проштудировала его биографию и, полагаю, неплохо узнала его.

— Его здесь нет, Розелла.

— Нет?

— Он эмигрировал еще до твоего рождения.

— Да, так говорила моя мама.

— Что еще? — Памир наклонился к женщине. — Что она рассказала тебе об этом мужчине?..

— Что он силен и самоуверен. Что он всегда знает, что правильно и как лучше. И что он очень любит меня, но остаться со мной не мог. — Розелла прикусила губу. — Он не мог остаться здесь, но у него есть агенты, он обладает возможностями, и я никогда не буду без него. Мама обещала.

Памир снова кивнул.

— Мой отец не одобряет Веры.

— Охотно верю.

— Мама призналась, раз или два… что очень любила его, но что он плохо относится к чужакам. И умеет быть жестокосердным и способен на любые, даже самые страшные поступки, если видит

необходимость…

— Нет, — прошептал Памир. Светло-голубые глаза открылись.

— Что ты имеешь в виду?

— Твой отец ничего этого не делал, — заверил он женщину, задумался и закончил: — Ну, возможно, только частично.

— Что?..

Памир осторожно прижал пальцы к ее рту, а когда стал отводить руку, женщина стиснула его запястье и снова притянула ладонь мужчины к раздвинувшимся губам, наградив Памира легким стремительным укусом.

Так поступают джей'джелы.

Он нагнулся и поцеловал распахнутые глаза.

— Ты не должен, — выдохнула Розелла.

— Наверное, нет.

— Если убийца знает, что ты со мной…

Памир вложил два пальца глубоко в теплый рот — по джей'джельскому обычаю. И женщина принялась сосать их, не пытаясь больше заговорить, лишь глаза Розеллы улыбнулись, когда Памир спокойно и плавно скользнул в постель — к ней.

XV

Одна из падающих рек подошла близко к стене, так что стало видно, что она несет. В алмазной трубе плескался косяк снабженных плавниками созданий, не псевдорыб и не псевдокитов, а механизмов в форме капающих слез, в чьих сердцах наверняка распадался водород, производя необходимую обитателям водопада энергию, удерживающую их тела посреди неустанного, стремительного и хаотичного потока, буйного, заверяющегося и исключительно непривлекательного.

Секунду Памир наблюдал за плавающими машинами, придя к выводу, что именно так ему и приходилось жить веками.

Пожав плечами и негромко рассмеявшись, он продолжил долгий подъем вдоль ряда скромных жилищ. Библиотека находилась всего несколькими метрами выше — крошечный портал, вырубленный в гладкой базальтовой стене. Значение помещения было так хорошо скрыто, что тысячи проходящих тут каждый день туристов разве что задерживались на краю обрыва, чтобы посмотреть вниз, но чаще продолжали прогулку, разыскивая интересные речные виды. Памир бросил ленивый взгляд на закрытую дверь, изображая умеренное любопытство, и остановился у простой стены, идущей вдоль внешнего края тропы, опустив руки на прохладный камень и рассматривая сверху сказочный Малый Удел.

Пухлое облако цветом и плотностью напоминало масло. Триллион триллионов микробов процветало внутри аэрогельной матрицы, поддерживая экосистему, которая никогда не коснется твердой поверхности.

Дверь в библиотеку распахнулась — джей'джельское дерево на скрипучих железных петлях.

Памир открыл сеть и запустил старый, почти забытый капитанский канал. Затем с улыбкой повернулся на скрежет. Из библиотеки вышла Розелла в синем балахоне неофита и заморгала, привыкая к яркому свету. Массивная дверь захлопнулась, и тогда женщина тихо сказала:

— Все в порядке.

Памир приложил палец к сомкнутым губам. Она шагнула ближе и сообщила по сети:

— Я сделала то, о чем ты просил.

— Покажи.

Она продемонстрировала тонкую голубую книгу.

— Положи на землю.

Это был ее личный журнал — единственный том, который

женщине позволили вынести из библиотеки. Она опустила книжицу к носкам своих сандалий и спросила:

— Как ты думаешь, меня заметили?

— Я же обещал, заметили, не сомневайся.

— И теперь нам остается только ждать? Он покачал головой:

— Нет, нет. Для такой игры я слишком нетерпелив.

Памир выстрелил, не дав плазменной пушке как следует разогреться, и превратил пластиковые страницы и деревянную обложку в разреженное облачко раскаленного пепла.

Розелла крепко обхватила себя за плечи.

— Вот теперь подождем, — заявил мужчина. Уже не в первый раз женщина призналась:

— Я не понимаю. До сих пор. Кто же виноват? И снова тяжелая дверь открылась.

Не оглядываясь, Памир воскликнул:

— Привет, Леон'ард!

Библиотекарь-джей'джел был в том же самом лилово-черном балахоне, с тем же голубым хвостом на голове, да и выражение его лица за последние дни не изменилось — желчный гнев, сфокусированный на тех, кто рискнет причинить вред его беспомощным подопечным. Он уставился на остатки книги, а потом на двух людей, в основном сверля взглядом физиономию мужчины, пока в глазах джей'джела не забрезжило смутное узнавание.

— Я вас знаю? — начал он.

Памир не отказался от облика, который носил последние тридцать два года. Он улыбнулся — лишь черные зрачки человека остались ледяными. Тихо и яростно Памир проговорил:

— Я нашел мою жену, и спасибо тебе за помощь. Леон'ард взглянул на Розеллу, и лицо его превратилось в клубок диких эмоций.

— Твою жену? — прошипел он, брызжа слюной, затем наклонил голову и заявил: — Нет, она не твоя жена.

— Откуда ты знаешь? — спросил Памир. Джей'джел не ответил.

— Что ты еще знаешь, Леон'ард?

Леон'ард стремительно бросил взгляд через плечо — не на библиотечную дверь, а на ближайшее помещение. Он был на пределе. Библиотекарь казался хрупким и нерешительным, нервные руки комкали ткань балахона, длинные пальцы ног сгибались и разгибались. Все было очевидно. Прозрачно. Явственно. И, подлив масла в огонь паники чужака, Памир сказал:

— Я знаю, что ты сделал.

— Нет, — без всякой уверенности ответил джей'джел.

— Ты кое-чему научился, — продолжил человек. — Ты решительный ученый и талантливый исследователь иных рас, и несколько лет назад, то ли предумышленно, то ли просто благодаря слепой удаче, ты открыл кое-что. Кое-что, чему полагалось быть великой, непостижимой тайной.

— Нет.

— Тайной моей жены. Розелла моргнула:

— Что?

Памир хрипло рассмеялся.

— Расскажи ей, — предложил он. Кровь отлила от лица Леон'арда.

— Согласен, нет, — продолжил мужчина. — Пусть это останется между нами, правильно? Потому что она понятия не имеет, совершенно…

— О чем? — воскликнула женщина.

— Она не твоя жена, — процедил сквозь зубы библиотекарь.

— Черта с два. — Он опять хохотнул. — Проверь публичные акты. Два часа назад, на гражданской церемонии, проведенной двумя йерскими монахами, мы, мужчина и женщина, связали себя законными узами…

— Что ты знаешь обо мне? — настаивала Розелла.

Памир не обращал на нее внимания, он смотрел только на джей'джела.

— Но кто-то другой знает, что мы сделали. Точно? Потому что ты сказал ему. Так, мимоходом, пару слов. Возможно. Если, конечно, именно ты составил этот простой, жестокий план, а он всего лишь твой сообщник.

— Нет! — завопил Леон'ард. — Я ничего не придумывал!

— Я мог бы поверить тебе. — Памир взглянул на Розеллу и незаметно подмигнул ей. — Когда я показал ему портрет одного из твоих мертвых мужей, он среагировал не совсем правильно. Я увидел удивление, но глаза джей'джела выдали еще и долю удовлетворения. Или облегчения? Леон'ард? Ты действительно возбудился при мысли, что Се'лен мертв и больше не будет докучать тебе?

Руки бледного, словно заледеневшего библиотекаря крепко сжимали трясущееся тело. Он снова оглянулся на соседние залы, рот джей'джела приоткрылся и захлопнулся, и тут Памир сказал:

— Смерть.

— Что? — переспросил Леон'ард.

— Есть бессчетное число чудесных и хитроумных способов разыграть собственную смерть. Один из моих любимых — клонировать свое тело и поджарить пустой бездушный мозг, а

потом сунуть его в живую оболочку, имитировав весьма специфическую кончину.

— Се'лен? — выдохнула Розелла.

— Думаю, да. — Памир лишь предполагал, но ни одно из логических умозаключений не выглядело натянутым или маловероятным. — Думаю, твой предыдущий муж был проницательным юношей. Он вырос в семье, жившей среди удальцов. Происхождение обязывает, не так ли, Леон'ард? Так что вполне естественно, и даже неизбежно, что его стали посещать мысли об убийстве конкурентов, включая и собственную личность…

— Расскажи мне, что тебе известно, — взмолилась Розелла.

— Почти ничего, — уверил ее Памир. — Это Леон'ард таскает на горбу кучу мрачных секретов. Спроси его.

Джей'джел спрятал лицо в ладонях.

— Уходите, — всхлипнул он.

— Что, Се'лен был твоим добрым другом и ты пытаешься помочь? Или он подкупил тебя, получив взамен полезную информацию? — Кивнув, Памир добавил: — В любом случае ты указал ему на Розеллу, наверное объяснив: «Она, возможно, самая желанная самка на Великом Корабле…»

Шипящая голубая плазменная молния ударила его в лицо, расплавив черты и стерев все, что было под кожей.

Безголовое тело пошатнулось и обмякло, привалившись к черной стене, Леон'ард отскочил назад, а Розелла застыла над останками последнего мужа с напряженным, но спокойным лицом — лицом матроса, уже прошедшего сквозь бесчисленные шторма.

XVI

Се'лен выглядел как праздный прохожий, рассеянно шарящий глазами по сторонам и лишь слегка нервничающий. Происшедшая драма как будто привела его в замешательство. Он очень походил на человека. Белокурые волосы и лилово-черная кожа часто встречаются в мирах с высокой интенсивностью ультрафиолетового излучения, а карие глаза тем паче совершенно обычны. На нем были сандалии, и брюки, и свободная рубаха, и он смотрел на изувеченное тело, видя в точности то, что ожидал увидеть. Потом он перевел взгляд на Розеллу и сказал нежно, но с неприкрытой угрозой в голосе:

— Ты не знаешь… не можешь знать… как я люблю тебя… Женщину передернуло от ужаса.

Он попытался заговорить снова, объясниться.

— Убирайся! — крикнула она. — Оставь меня!

Не закрывая рта, он тряхнул головой — джей'джельский отказ — и спокойно сообщил:

— Я исключительно терпеливая личность. В ответ она рассмеялась, горько и тонко.

— Не сегодня, нет, — уступил он. — И возможно, не последнюю тысячу лет. Но я буду приходить к тебе с новым лицом и именем — время от времени я буду приходить к тебе, — и настанет час, настанет мгновение, когда ты поймешь, что мы принадлежим друг другу…

Труп лягнул пустоту.

Се'лен взглянул на дело своих рук, возмущенный тем, что ему помешали завершить речь. Затем он сообразил, что тело съеживается, словно шарик, из которого медленно выходит воздух. Как странно! Джей'джел уставился на загадочный феномен, не в силах сложить воедино куски очевидного. Безголовые останки дернулись раз, другой, ссохшуюся ногу высоко подкинуло. А потом из обугленной черной раны поднялся клуб синего дыма, а с ним — вонь горелой резины и опаленной гидравлики.

Левой рукой Се'лен выдернул из-под рубахи плазмотрон — серийную модель, предназначенную для промышленных работ, но со снятыми предохранителями, — и быстро развернулся, разыскивая истинную цель.

— В чем дело? — окликнул знакомца Леон'ард.

— Ты видишь его?

— Кого?

Молодой джей'джел был больше озадачен, чем встревожен.

Он упрямо не поддавался панике, прокручивая в уме возможные варианты решений и прикидывая, какое из них лучше и проще.

На открытом пространстве, конечно.

— Просто оставь нас, — взмолился Леон'ард. — Я больше не выдержу!

Се'лен всадил пять зарядов подряд в базальтовую стену, проделав в камне дыру и вызвав дождь раскаленной добела магмы. Где-то внизу кто-то взвыл.

Розелла кинулась к стене и выглянула в отверстие, Се'лен застыл рядом с ней, сжимая обеими руками пушку. Ее реактор уже закачивал энергию в крошечный ускоритель, подготавливая заряд, который сметет все на своем пути.

Джей'джел тоже собирался высунуть голову наружу, но передумал.

Оторвав одну руку от рукояти плазмотрона, он попытался придержать Розеллу за талию, но локоть женщины вонзился ему в пах, так что Се'лен согнулся пополам. Захрипев, он тихо выругался, а потом выдавил:

— Нет.

Всем своим весом Се'лен прижал женщину к гладкой черной стене, и вместе — его подбородок на ее левом плече — они нагнулись и выглянули за край.

Прятавшийся за стеной Памир ухватился за плазменную пушку джей'джела и сильно дернул.

И Розелла прыгнула.

Эти одновременные действия возымели результат: женщина и Се'лен оторвались от пола и, вывалившись сквозь отверстие в стене наружу, отправились в долгий полет. «Гекконовы когти» Памира мгновенно отцепились от базальта, и он тоже начал падать, отчаянно стискивая пистолет одной рукой и размахивая другой, стараясь угодить убийце в живот и по ребрам. В считанные секунды они набрали максимальную скорость. Влажный звенящий ветер проносился мимо, стена с одной стороны превратилась в сплошной размытый черный мазок, а сам Откол казался громадным, далеким и почти неизменным. Парящие реки и тысячи летучих машин находились вне досягаемости и были бесполезны. Все трое падали, и падали, и падали, и порой сквозь рев ветра прорывался случайный голос — какой-нибудь зевака на тропе восклицал: «Кто это?» Да, кто эти три сцепившихся, лягающихся тела? Се'лен колотил Памира свободной рукой, потом позволил подтянуть себя ближе, и новенькими зубами, которым от роду было всего-то несколько дней, впился в кисть противника, пытаясь вынудить его уронить плазмотрон.

Памир вскрикнул и разжал пальцы.

Се'лен целился в лицо, в душу Памира, но человек ударил врага по предплечью, оттолкнув его руку назад, а потом врезал коленом по локтю, и снятое с предохранителей оружие выпустило всю припасенную энергию тонким слепящим лучом, впившимся в голову джей'джела, превращая его мозг в свет и золу; неслышный ультразвуковой щелчок на время оглушил остальных.

Памир отпихнул от себя труп и обнял Розеллу, она крепко держалась за него, и еще несколько минут, пока они неслись к желтым недрам живого, буйно цветущего облака, он надсадно кричал женщине в ухо, кое-что объясняя.

XVII

И снова близилась ночь.

Снова Памир сидел у своего дома, слушая вольные песни льянос вибра. Все выглядело обычным. Соседи шли мимо, или бежали мимо, или летели мимо на прозрачных крыльях. Пара янусиан задержалась, чтобы спросить, где он пропадал в последние дни, и Памир ответил что-то невнятное об улаживании домашних неурядиц. Семейство удальцов собралось вокруг огромного котла, поедая горяченького — с пылу с жару — целого быка и празднуя благополучное завершение очередного дня. Группа машин поинтересовалась работой факсимильной связи, которую они наладили для Памира. Все в порядке, линия сыграла предназначенную ей роль?

— О, конечно, — кивнул человек. — Все были здорово одурачены, по крайней мере пока шутка не кончилась.

— Смеялись? — спросил один из механизмов.

— Беспрестанно, на последнем дыхании, — поклялся Памир. И умолк.

К нему приближалась одинокая фигура. Он следил за этим силуэтом уже довольно долго, и когда машины удалились, мужчина тремя разными приборами изучил походку, лицо и поведение гостя. Затем перебрал варианты и решил остаться сидеть на месте, привалившись спиной к своему керамическому горшку и вытянув босые скрещенные ноги.

Она остановилась в нескольких шагах от Памира, глядя на него, но ничего не говоря. Мужчина первым прервал молчание.

— Ты размышляешь, — сказал он. — То ли бросить меня в тюрьму, то ли вовсе вышвырнуть с Корабля. Вот о чем ты сейчас думаешь.

— Но мы заключили договор, — возразила Миоцен. — Ты должен был помочь некой персоне, и ты помог и определенно заслужил свою плату, как и мою благодарность.

— Угу, — буркнул он, — но я тебя знаю. Ты спрашиваешь себя: «Почему бы не избавиться от него и не покончить с этим?»

Сегодня Первый Помощник облачилась в одежду пассажира и слегка изменила лицо: глаза стали голубыми, фиолетовые волосы свились во множество тугих пучков, скулы и рот расширились, но от этого улыбка на полных губах не стала теплее любой улыбки, когда-либо появлявшейся на лице этого сурового, несгибаемого существа.

— Ты меня знаешь, — пробормотала женщина. А спустя секунду спросила:

— Ты расскажешь мне, кто ты?

— А ты еще не в курсе?

Она покачала головой и, с намеком на искренность, призналась:

— Так или иначе, меня это не слишком волнует.

Памир ухмыльнулся и слегка поерзал, устраиваясь поудобнее.

— Полагаю, я могла бы приказать взять тебя под стражу, — продолжила Миоцен. — Но человек с твоей сноровкой и удачей… У тебя наверняка припасено двенадцать разных способов сбежать из-под ареста. А если я отправлю тебя в колониальный мир или на планету чужаков… лет через тысячу ты точно придумаешь, как вернуться обратно, — и вернешься, как собака или скверная привычка.

— Не стану спорить, — кивнул он и спросил, тепло и серьезно: — Как Розелла?

— Та молодая женщина? Насколько я понимаю, она выставила свои апартаменты на продажу и уже переехала. Не знаю, куда именно…

— Дерьмо! — перебил ее мужчина. Миоцен коротко усмехнулась:

— Возможно, у меня есть пара идей. Насчет того, кем ты можешь быть…

— Она уже знает.

Лицо женщины словно сузилось, а глаза увеличились и стали не такими непроницаемыми, как раньше.

— Что знает? — выдохнула она.

— Кто ее отец, — пояснил Памир. — В смысле — ее настоящий отец.

— Это все твои личные домыслы, — напомнила ему Первый Помощник и добавила, покачав головой: — Молодые женщины в определенные моменты становятся легковерны. Она не найдет никаких доказательств, даже если потратит на поиски все следующее тысячелетие… и ей неизбежно придется поверить в то, во что она верила всегда…

— Может быть. Миоцен пожала плечами:

— Это уже не твоя забота. Не так ли?

— Возможно, и нет. — Светильники над головой мигнули в первый раз, и он сел прямо. — Вор — это твоя идея, да? Тот, кто явился за дармионским кристаллом?

— Зачем мне устраивать похищение?

— Затем, что потом случилось именно то, на что ты рассчитывала. Якобы случайное преступление заставило Розеллу довериться мне, и мы двое эмоционально привязались друг к

другу.

— Но в одном я ошиблась, — не смутившись, заявила Миоцен.

— Неужто?

— Я предполагала, что убийца, кем бы он ни был, вероятнее всего, прикончит тебя. В процессе, конечно, изобличив себя.

Вторая зыбь тьмы прокатилась по авеню. Памир взглянул прямо в лицо женщины и тихо, спокойно и строго сказал:

— Мадам Первый Помощник. Вы всегда были выдающейся и удивительно страшной сукой.

— Я не знала, что это был Се'лен, — заметила она.

— И не знала, почему он убивает мужей. — Памир медленно поднялся. — Потому что старый библиотекарь, Леон'ард, вычислил, кто такая Розелла. Он рассказал Се'лену то, что узнал, упомянув, что отец Розеллы — женщина, причем женщина, являющаяся вторым по значимости лицом на борту Великого Корабля.

— Да, в публичных записях имеются изъяны. — Женщина кивнула и добавила: — Этой проблемой я как раз собираюсь заняться.

— Хорошо, — ответил Памир. Миоцен прищурилась:

— И да, я трудная душа. Сучья королева и тому подобное. Но то, что я совершила, огромно и чрезвычайно сложно, и по миллиону уважительных причин будет лучше, если моя дочь останется в стороне от меня и моей жизни.

— Может быть, — согласился он.

— Оглянись на последние дни. Нужны ли тебе другие причины? — спросила она и шагнула ближе. — Но в одном ты не прав. Кем бы ты ни был.

— В чем?

— Ты решил, что я желаю твоей смерти, а это не так. Это риск и дело случая. Но, как хороший капитан, я должна была рассмотреть такую возможность и составить план действий в исключительных обстоятельствах, просто на всякий случай. — Она сделала еще шаг. — Нет, это было… вдобавок ко всему остальному, что как будто было… вот почему я подключила прослушку.

— Прослушку? — пробормотал Памир, искренне озадаченный.

— Ты, кажется, мастер исчезновений. — Миоцен подступила совсем вплотную и прошептала: — Может наступить день, когда я не смогу больше защищать свою дочь, и ей потребуется испариться, основательно и навеки…

За третьей зыбью темноты упала монолитная чернота ночи.

— Вот твоя задача, если пожелаешь взяться за нее. — Слова женщины упали в непроглядный мрак. — Кем бы ты ни оказался… Эй, ты здесь, ты слышишь меня?..

XVIII

Розелла бродила неделями, шаг за шагом пересекая пустыню Индиго. Она путешествовала в одиночестве, прикрепив «плавающую» упаковку с припасами к поясу. Минуло десять лет, а может, и тысяча. Она с трудом вспоминала, сколько прошло времени, и это было хорошо. Женщина чувствовала себя во многих смыслах гораздо лучше, и старая боль стала настолько знакомой, что ею можно было пренебречь. Розелла даже испытывала некоторое подобие счастья. Прогуливаясь по опаленным камням или давя подошвами багровые мясистые стебли, она мурлыкала себе под нос иногда человеческие песни, а иногда мелодии, куда более трудные для воспроизведения, но от того не менее прекрасные.

Однажды днем женщина услышала, как ее напеву отвечает другой напев.

Взойдя на гребень обрывистого кряжа, она увидела нечто совершенно неожиданное — клумбу с пышными, ухоженными, политыми льянос вибра.

Растения запели ей — уже громче.

Женщина направилась к ним.

Среди цветов кто-то сидел. Возможно, человек. Судя по виду — мужчина. Сидел спиной к ней, лицо его совершенно скрывали нечесаные черные космы. И все же он отчего-то казался очень знакомым. Знакомым как нельзя лучше, и Розелла зашагала быстрее, и улыбнулась, и попыталась пересохшими губами и осипшим голосом петь в унисон с чужеземными сорняками.

Кен Маклеод
Совпадение [92]

Когда ты говоришь, что оказался здесь по воле Провидения, — сказал Касим, — мне слышатся два утверждения: «На твое несчастье!» и «Не по твоей вине». Преподобный Дональд Макинайр, магистр гуманитарных наук и доктор философии, отставил банку с пивом и кивнул.

— Так мне порой представляется, — согласился он. — Тебе, конечно, легко говорить.

Касим фыркнул:

— Это всякий скажет! Даже мусульманам здесь проще. Не говоря уже о буддистах и индуистах.

— Вот именно, — подхватил Дональд. — Нет, меня особенно раздражает, что миллионы христиан приняли бы все это спокойно. Англикане, либералы, католики, мормоны, если я не ошибаюсь. И мои братья по вере способны еще до завтрака придумать дюжину разных оправданий — все еретические, будь им это известно. Но они не знают, слава Господу и их тупым маленьким мозгам, так что их грешки будут, конечно, прощены как совершенные в полном неведении. А единоборство выпало мне. По воле Провидения. Как мне думается.

— Я все-таки не пойму, в чем проблема, — что отличает вас от тех, других христиан?

Дональд вздохнул:

— Не так легко объяснить. Скажем так. Ты воспитан неверующим, но, полагаю, ты совершенно отчетливо представляешь Бога, в которого не веруешь. Так?

Касим кивнул:

— Само собой. Аллах всегда был… — он пожал плечами, — составляющей культурной среды. Ее слабостью.

— Ну да. А теперь, что ты почувствовал, когда впервые познакомился с верованиями христиан относительно их Сына Божия?

— Это было давно, — протянул Касим. — Мне тогда было лет восемь-девять. В школе в Кируке. Мне рассказал один одноклассник во время… ну, с прискорбием признаю, во время драки. Подробности опускаю. Достаточно сказать, что я был поражен. Это звучало нелепо и оскорбительно. Я потом смеялся над собой.

— Я тоже умею смеяться над собой, — сказал Дональд, — но я испытал те же чувства — в моем случае, при мысли, что Сын не

уникален, что Он обретал другие формы и так далее. У меня язык не поворачивается это произносить. Я буквально содрогаюсь. Но и мысли, что Он ничего не значит вне Земли, я принять не могу. Так что нам делать с разумными существами, которые не являются людьми, но могут оказаться грешниками?

— Может быть, они остаются вовне, — предположил Касим, — как большинство людей, если я правильно понимаю ваше вероучение?

Дональд поежился:

— Так не говорят, и во всяком случае этот вопрос решать не мне. А я в затруднении.

Он откинулся на спинку стула и мрачно уставился на опустевшую банку, а потом в смеющиеся, сочувственные глаза дружелюбного циника, перед которым он открылся больше, чем перед любым верующим на станции.

Касим поднялся:

— Ну, мне остается только сказать: «Слава богу, что я атеист!»

Он повторял эту фразу довольно часто.

— Богу и Бушу, — вставил Дональд.

Эта шутка тоже была не из новых. Если несправедливо было приписывать экс-президенту весь каскад непредвиденных последствий, который привел Ирак в Евросоюз, а Иран заставил примкнуть к Китаю, то столь же несправедливо было обвинять в этом Бога.

Касим многозначительно поднял указательный палец:

— Богу и Бушу! А что остается тебе, Дональд?

— Экспортная жестянка консервов.

— Уточните, доктор. Здесь все экспортное.

— Как и мы сами, — добавил Дональд. — Тогда пусть будет «Теннентс».[93] И порцию солодового к нему, если не возражаешь.

Пока Касим проталкивался к бару, Дональд успел подумать, что его друг, возможно, не более свободен от службы, чем он сам. И капеллан, и офицер разведки могли расслабляться в одинаковых оливковых футболках и свободных хлопчатобумажных штанах, но избавиться от вечной бдительности и привычек труднее, чем от форменной одежды. Полковник-курд все еще по привычке временами именовал свою службу «мухабарат».[94] Это было одной из его расхожих шуточек, наряду с другой, касавшейся электроники и электродов. И третьей, по поводу внеземного шпионажа. И еще… Ну, шуточек у Касима хватало.

— Я погружаюсь в уныние, — отметил Дональд.

Уныние, *tristia,* первоначально причислялось к семи смертным

грехам. Из чего, возможно, следовало, что любой шотландский пресвитерианин отправится прямиком в пекло или, по крайней мере, в самую глубину чистилища, если католики не ошибаются. Если католики не ошибаются! После трехсот семидесяти дней на Станции контактов с внеземлянами эта мысль представлялась Дональду Макинайру далеко не самой еретической.

Касим вернулся и принес с собой зелье, ненадолго излечивающее шотландцев от свойственного им греха и увлекающее их к вечному проклятию, а также более целительные для духа жалобы на собственные трудности. Трудности, в которых Дональд постепенно находил все больше сходства со своими.

— Ну как мне определить, не скармливает ли мне дезинформацию подземная грибница ста метров в поперечнике, у которой вместо речи — химические градиенты, и не троянский ли конь — операционная система, написанная инопланетным искусственным интеллектом? Брюссель все еще ждет досье на каждого из них, а мы ведь даже не знаем, сколько цивилизаций вступило с нами в контакт! Чертов ад, Дональд, прости за английское выражение, существование одной мы заподозрили только потому, что с планеты, где она якобы существует, все возвращаются, страдая ночными кошмарами. — Касим вздернул черную бровь. — Может, не следовало тебе этого говорить.

— Про кошмары я слышал, — отозвался Дональд, — в другом контексте. — Он вздохнул. — Некоторые люди никак не желают понять, что я никого не исповедую.

— Исповедь — ненадежный источник информации, — сказал Касим, глядя в пространство. — Вообще-то, в чем бы я сам хотел исповедаться — это что Квази-станция немножко перебирает с идейностью. Мы применяем идеи вне их контекста.

— Вот с этой, — не без горечи произнес Дональд, — я изо всех сил стараюсь бороться.

С этой идеей Церковь пыталась бороться всю историю своего существования. Искушение изменяться в соответствии с требованиями времени. Едва вера устанавливала точку зрения на один вызов времени, как возникал следующий. В мастерской Плотника хватало разных аршинов, и очередного тумака долго ждать не приходилось. С самого начала, еще в Посланиях, можно уловить борьбу с ересями, проистекающими из греческой метафизики и римских мистических учений. Едва книги закрылись перед арианами, как последовало крушение Рима. Потом вторжение ислама. Разрыв отношений между Восточной и Западной Церквами, приведший к расколу христианства. Затем открытие Нового Света и новое понимание великих древних религий Старого. Реформация. Ересь расизма. Возраст Земли,

критика Библии. Дарвин. С двадцатым столетием мир снова расширился, в нем появились гены, бессознательное — какими пустяками представлялись теперь возникшие противоречия! Генная инженерия, химеры, в которых смешивалось человеческое и животное, искусственный интеллект: уже при жизни Дональда все это обсуждалось синодами, ассамблеями и курией, и христианство пришло к подобию согласия, устраивавшему всех, кроме фанатиков и крайних фундаменталистов.

И вот опять не успела улечься пыль — новость, предсказуемая, как планета, непредсказуемая, как комета, — новая ветвь на древе познания Господа или новое чудовище из арсенала Врага, величайший из всех вызовов: внеземной разум. Не то чтобы он оказался полной неожиданностью. Еще схоласты обсуждали множественность миров. Англиканин К. С. Льюис[95] обдумывал этот вопрос в научной фантастике, агностик Блиш[96] толковал его с воистину иезуитской тонкостью. Христианская поэтесса Элис Мейнелл размышляла над иномирными евангелиями, безбожный болтун Макдиармид[97] воспел Неисчислимого Христа. В дискуссиях, последовавших за этим великим открытием, все эти прошлые литературные опыты были извлечены из небытия и подвергнуты критическому анализу. Дональда они царапали по живому: какими бы благонамеренными, благочестивыми и искренними или скептическими и сатирическими ни были эти изыскания, все они представлялись издевкой. Истинно существовало лишь одно Воплощение, одной жертвы было достаточно. Если Реформация имела хоть какой-то смысл, он был таков. В сравнении со своими предками Дональд мог показаться податливым, как глина, очень во многом, но в одном он, подобно им, был тверд как скала. Из всей научно-фантастической теологии он предпочитал честное предупреждение светского гуманиста Гаррисона: «Не рассказывайте в Гефе, не возвещайте на улицах Ашкелона…»[98]

После следующей порции Дональд покинул кают-компанию и отправился в свою казарму. Топология коридоров на Квази-станции наводила на непривычного человека жуть, да и вряд ли она могла быть иной в помещении, встроенном человеком в ось червоточины — создание нечеловеческой инженерной мысли. Устье червоточины за вращающимся корпусом станции оставалось неподвижным, и потому вогнутые поверхности внутри ее представлялись и ощущались выпуклыми. На ближнем конце короткого, заканчивающегося тупиком коридора трудилась ночная смена — компания техников и ученых. В нескольких метрах от них дальний конец коридора перегораживала толстая

стеклянная плита с воздушными шлюзами. За ними открывались поверхности планет и их недра, глубины океанов, слои тропосферы и пустые по видимости участки космоса, за которыми горели далекие звезды. Оставался открытым вопрос, то ли мнимые разумные обитатели этих участков населяли близлежащий вакуум, то ли — довольно неуютная мысль — речь шла о мыслительных процессах внутри или среди самих звезд. Число порталов оставалось неизвестным. Их никогда не бывало намного больше пятисот, но при каждом пересчете ответ оказывался другим. От этого тоже становилось неуютно, учитывая, что люди запланировали и выстроили ровно триста коридоров-интерфейсов. Впрочем, все признавали — хотя не все смирились с этим фактом, — что станция странным образом втянулась в окружающий ее запутанный узел пространства-времени. Это отразилось в названии: Квази-станция.

Шутливое прозвище, как и многое другое, строго вырезалось цензурой из сообщений домой. Станция была военным аванпостом ЕС Земли, и почти все сведения о ней, кроме самого ее существования где-то за орбитой Нептуна, считались секретными. Дональд Макинтайр, попавший сюда на втором году срочной службы в качестве военного капеллана, был удивлен не менее своей новоявленной паствы. Видно, чей-то палец ткнул наугад в его номер в перечне религий, принятых актом терпимости, — том самом, что запрещал сайентологию, Церковь объединения, секту ваххабитов и, по случайности или из-за ошибки перевода, унитарный универсализм, — но для священника шотландской церкви понятия случайности не существовало.

Он был прислан сюда с миссией.

— Тот тип в черном считает себя посланцем Господа, — сказал Касим.

— Что? — Майор Бернштейн моргнула, отрываясь от интерфейса.

— Вот. — Касим постучал по столу, пальцем вызвав нужный файл.

— Это что?

— Личные заметки.

Майор нахмурилась. Ей не нравился Касим. Ей не нравились шпионы среди личного состава. И она этого ни перед кем не скрывала. Касиму это было известно. Как и Брюсселю. Этого она не знала.

— Какие у вас основания считать так? — спросила она.

— Вчера в кают-компании он наговорил лишнего.

— В таком случае помоги нам Небеса, — сказала майор. Касим промолчал.

— Ну ладно. — Она просмотрела записки, вернулась к первому абзацу, выделенному Касимом. — «Хуже всего, — читала она вслух, — неопределимые сущности. Отсутствует связное общение. (В худшем случае: попробовать экзорцизм?) Далее: колонии организмов. Микоиды. Перевод предположителен. Молекулярная грамматика. Сомнительно их представление о личности. И об ответственности. Если это удастся установить: рациональная природа, падшая природа. Существует ли у них моральный кодекс, который ими нарушается? Существуют ли какие-либо религиозные представления? Далее: дискретные живые существа. Здесь обратная опасность: антропоморфизм. (См. фиаско доминиканской миссии с ИИ.) Вывод: использовать микоидов, чтобы попытаться установить совпадения». — Она закрыла файл и уставилась на Касима. — Ну? И что здесь плохого?

— Он преследует группу, работающую с микоидами. Если бы вы прочитали дальше, то увидели бы, что он намерен проповедовать им Евангелие.

— Ученым?

— Микоидам.

— О! — Майор Бернштейн расхохоталась. Смех начался и оборвался резко, как звук разбивающегося стекла, и так же резал ухо. — Если он сумеет передать им что бы то ни было, он способнее наших ученых. И пока вы, мой целеустремленный мухабаратчик, не сумеете найти доказательства того, что доктор Макинтайр сеет религиозную рознь в рядах, проповедует рыночный маоизм или новое республиканство или иными способами играет на руку китаезам или янки, я вас серьезно предупреждаю: не тратьте свое и мое время. Я понятно выразилась?

— Вполне, мэм.

— Свободны.

Я делаю не то, что я хочу делать.

Лишь с большой натяжкой удалось прочесть такой смысл в последовательности концентраций органических молекул. В подстрочном переводе это выглядело так:

Титрование Перевод
Маркер-указатель ЭТОТ
Сумма импульсов МИКОИД
Действие (в общем смысле) ДЕЛАЕТ

Маркер отрицания НЕ
Маркер-указатель ТО
Маркер утверждения (ЧТО) НАМЕРЕВАЛСЯ
Маркер-указатель ЭТОТ
Сумма импульсов МИКОИД
Маркер отторжения (И ЭТО) ОТВРАТИТЕЛЬНО
Сумма импульсов (ЭТОМУ) МИКОИДУ

Дональд дрожал, глядя на распечатку. Трудно было не увидеть в ней первого свидетельства того, что внеземному разуму знакомо понятие греха. Он, конечно, прекрасно понимал, что это вполне может означать нечто вполне невинное, например: «Я не могу сдержать рвоту». Однако соблазн — если это был соблазн — увидеть доказательство борьбы духа с плотью — вернее, слизью — был почти непреодолим. Дональд невольно видел совпадение, и отнюдь не случайное.

— Можем мы как-нибудь откликнуться?

Треппер, старший группы контакта с микоидами, покачал головой:

— Воспроизводить градиенты очень сложно. Для нас это все равно что… Слушайте, предположим, дерево могло бы понимать человеческую речь. Оно попыталось бы отвечать, отращивая ветви и листья так, чтобы они соответственно шумели, когда трутся друг о друга на ветру. Но мы бы услышали только странный скрип и шелест.

Деревья на ветру. Дональд через столы и оборудование полевой лаборатории заглянул в конец коридора, в портал, открывающийся на планету микоидов. Отсюда виднелись несколько стоячих деревьев и завалы упавших стволов. Микоиды каким-то образом усиливали рост деревьев и ослабляли их структуру, обеспечивая огромные подземные грибницы-колонии питанием в виде гниющей целлюлозы. Вдали, за лугами травы цвета бронзы, поднималась роща деревьев другого вида: высоких и стройных, с уплощенными корневыми выростами на середине ствола. Жесткие листья, вырастающие по бокам, напоминали стабилизаторы. На вершинах пучками торчали голые прутья. Это были нивенские сосны, способные вырабатывать и запасать мегалитры летучих и горючих углеводородов. При каждой грозе одно или несколько таких деревьев, в которых нечто вроде жидкостного молниеотвода проводило искры к хранилищам горючего сока у корней, с ревом вспыхивали и в столбе пламени поднимались в небо. Некоторые выходили на орбиту. Несомненно, они уносили на себе микоидов-путешественников, но чем занимались в пространстве эти склизкие астронавты,

оставалось неясным, как и вопрос о том, возникли эти невероятные древесные ракеты в результате естественного отбора или сознательного генетического вмешательства аборигенов, а может быть, каких-то других инопланетян.

Как бы то ни было, этого оказалось достаточно, чтобы обеспечить микоидам членство в том галактическом клубе, который собрался вокруг оси червоточины. Быть может, они тоже обнаружили устье червоточины на окраине своей солнечной системы. И возможно, они так же недоумевали по поводу чуждых разумов, с которыми она их связала. Но в таком случае они, по всем признакам, не многому научились. Они насытили почву вокруг портала станции молекулярными градиентами, контролировавшимися посредством электрофореза, но смысл их — даже если считать, что перевод был верен, — касался исключительно местных дел. Они как будто совершенно не интересовались общением с людьми.

Дональд твердо решил заинтересовать их. Его пасторские обязанности — общественные и духовные — оставляли вдоволь времени для науки, и он посвятил свой досуг работе в группе исследования микоидов. Он не говорил с учеными о своей цели. Если микоиды грешили, его долгом было предложить им возможность спасения. Долг не принуждал его давать ученым возможность поглумиться.

Время шло.

Хлопнула дверь воздушного шлюза. Дональд шагнул из портала на поверхность планеты. Он прошел по протоптанной уже тропинке вдоль края рощи. Здесь и там сквозь губчатый голубоватый мох и черный ковер опавших листьев пробивались грибовидные образования. Наросты дюймовых шляпок обладали водянистой прозрачностью, которая назойливо соблазняла сравнить их с хрусталиками глаза. Никто до сих пор не решился ковырнуть гриб, чтобы выяснить наверняка.

Блестящая лужица влажной грязи лежала в паре сотен метров от станции. Она протянулась между периметрами двух подземных грибниц и стала излюбленной площадкой для миколингвистических опытов. По ее поверхности с правильными интервалами пробегала радужная рябь переговоров между двумя распространившимися в виде кругов существами. Случайные дожди смывали градиенты, но те неизменно возникали снова.

Дональд ступил на край лужи и установил прибор, разработанный группой для перехвата сообщений микоидов без вмешательства в них: комбинацию широкоохватной полевой модели микроскопа и спектроскопа. Его штатив, несколько

метров длиной, устанавливался с опорой на противоположные берега, а камера медленно перемещалась над поверхностью грязи. Осторожно выбирая, куда ступить, Дональд установил одну опору, потом вторую — на дальнем берегу и вернулся, чтобы перекинуть между ним направляющий рельс. Сдвинув переключатель управления в кармане, он пустил камеру в неторопливое странствие.

Дональду позволили произвести небольшой опыт. Его уже проделывали многократно и безрезультатно. Быть может, этот вариант окажется удачнее. Он залез в набедренный карман и извлек завернутый в пластиковую оболочку желатиновый диск около пяти сантиметров диаметром, состоявший из синтезированных копий местных мукополисахаридов. Концентрические круги молекулярных концентраций на его поверхности складывались — как надеялась научная группа — в послание: «Мы хотим общаться. Просим ответить».

Дональд снял нижнюю обертку и, опершись коленом на камень, а рукой — на упавший ствол, склонился над переливчатой грязью и опустил диск в темное пустое пятно посредине. Убирая руку, он сорвал верхнюю обертку и присел на корточки. Смятые обертки он запихнул в карман и полез глубже за вторым диском, изготовленным втайне, собственноручно и с другим посланием.

Запретив себе озираться через плечо, он повторил операцию и поднялся.

В шлеме прозвучал голос:

— Застукал!

Касим стоял в нескольких шагах, сердито разглядывая его.

— Прошу прощения, — возразил Дональд, — я не сделал ничего дурного.

— Ты поместил в грязь не прошедшее проверки сообщение.

— Если и так, — сказал Дональд, — оно никому не повредит.

— Об этом не тебе судить, — сказал Касим.

— И не тебе!

— Как раз мне, — сказал Касим. — Нам не нужна никакая… идеология или противоречия в процессе контакта. — Он огляделся. — Давай, Дональд, будь умницей. Еще не поздно убрать эту штуку. Ничего еще не случилось, и мы забудем об этом.

«Так оно и шло, — подумал Дональд, — еще со времен Ост-Индской кампании: военные и торговцы используют миссионеров, а потом встают на их пути».

— Я этого не сделаю, — заявил он. — Я уйду с тобой, но не стану уничтожать послание.

— Тогда это сделаю я, — сказал Касим. — Посторонись, пожалуйста.

Дональд остался стоять где стоял. Касим шагнул вперед и схватил его за плечо.

— Извини, — сказал он.

Попытавшись вырваться, Дональд невольно шагнул назад. Одна ступня опустилась на поверхность грязи и стала погружаться.

Нога увязла по колено. Не удержавшись, он опрокинулся навзничь на направляющий рельс. Рельс переломился надвое под ударом кислородных баллонов и плюхнулся в грязь. Оба куска рельса сразу утонули. Сам Дональд лежал, подогнув колени, и его визор оказался на уровне поверхности.

— Зыбучий песок. — Голос Касима прорезал встревоженный гомон научной группы. — Не вздумай вставать или барахтаться — только глубже увязнешь. Раскинь руки и не двигайся. Я принесу веревку.

— Ладно, — сказал Дональд, всматриваясь сквозь пятна грязи на визоре. — Не задерживайся.

Касим помахал рукой:

— Дело нескольких секунд, Дональд.

Минуту научная группа развлекала Дональда разговорами, пока Касим сбегал к порталу и взял в шлюзе веревку, висевшую наготове.

— Ну вот, Дональд, сейчас он…

Голос обрезало. В передатчике шуршали помехи. Дональд подождал.

— Кто-нибудь меня слышит? Нет ответа.

Прошло еще пять минут. Никто не появлялся. Придется выбираться самому. Оснований для паники не было. Запаса воздуха хватит на пять часов, а разрыв портала никогда не затягивался дольше чем на час.

Дональд подтянул к себе руки, поднял их над грязью, снова развел и продолжал грести, пока его шлем не оказался на твердой почве. У нею ушло полчаса, чтобы продвинуться на пару метров. Несколько минут он отдыхал, с трудом переводя дыхание, потом закинул руки за голову и заскреб ими в поисках опоры. Цепляясь пальцами за землю, загребая ногами, все еще погруженными в грязь, он немного приподнялся и плечами лег на край трясины. Не успел он подтянуться по пояс, как земля у него под локтями расползлась. Голова упала, и вокруг нее опять всплеснулась жидкая грязь. Он снова попытался всплыть. Руки почти не встречали сопротивления. Густая грязь превращалась в жидкий сироп. Вода поднималась, и большие пузыри лопались в

расширяющейся трясине.

Он тонул. Взмахнул руками, задергал ногами, и водянистая муть сомкнулась над его визором. Барахтаясь, уже в панике, он погрузился в непроглядную тьму. Ноги коснулись дна, вытянутые над головой руки уже не доставали до поверхности. Огромным усилием Дональд наклонился вперед и попытался переставлять ноги. Если иначе не получается, он выйдет отсюда пешком. Едва сделав первый шаг, он почувствовал, как нарастает сопротивление жидкой почвы. Грязь вокруг него затвердевала. Он застрял.

Дональд глубоко, медленно вдохнул. Прошло меньше часа. Пятьдесят — пятьдесят пять минут. Вот-вот появятся спасатели.

Они не появились. Еще четыре часа он стоял один в темноте. И с каждым часом в нем крепла уверенность, что портал не открылся. От нечего делать он гадал, не связано ли это с его вторжением в болото. И с болью думал, не уничтожил ли падением свое послание.

Боль прошла. То, что случилось с посланием, что случилось с ним самим, по самому большому счету уже не заботило его. Притча о сеятеле была столь же ясна, как само Великое Поручение Христа. Он выполнял свой долг. Он, насколько хватало сил, провозглашал истину. Для этого он был послан в мир. Никто не гарантировал, что он добьется успеха. Он не первый и не последний миссионер, чья миссия оказалась тщетной в глазах человека. Эта мысль опечалила его, но не встревожила. В этом, как ни в чем другом, Дональд был непоколебим.

Он молился, он кричал, он размышлял, он плакал и снова молился — и он умер.

Наконец! Инопланетные разумные прислали пакет сообщений! Почти год они возмущали воздух и электромагнитные поля низкочастотными волнами, из которых не удавалось извлечь почти ничего осмысленного, много дней подбрасывали короткие сообщения, неразборчивые и совершенно незначительные, и вот наконец, наконец-то прислали нечто, во что можно запустить грибницу.

Микоид обвил пакет тонким щупальцем, просочился в поры и трещины. Он синтезировал кислоту, разъедающую слабые места в оболочке. За несколько часов он проник сквозь оболочку и начал радостно и беспорядочно шарить в скрывавшейся под ней библиотеке данных. В собственном хранилище данных микоиды за миллиарды лет накопили генетическую информацию, позволяющую извлекать сведения из организмов любого типа: растений и животных, грибов и бактерий. Любая нервная система

поставляла все семантические и семиотические данные, запечатленные когда-либо организмом. Ощупывая пустоты, обследуя длинные проводящие трубы, прослеживая пучки нейронов, микоид добрался до относительно шарообразного внутреннего пакета, где скапливалась самая богатая информация. Он растворял одно, погружался в другое, анатомировал и исследовал все подряд. Под внешней оболочкой он обнаружил объект, состоящий из сложного сплетения волокон целлюлозы, каждый пласт которого был испещрен значками на углеродной основе. Микоид сохранил этот код вместе с прочими. Наконец с послания инопланетян была считана вся информация, вплоть до строения нейронов и генетического кода.

Тогда началась работа над переводом и интерпретацией, в которой приняли участие все микоиды материка. Она затянулась надолго, но микоиды располагали всем временем мира. Им ни к чему было — пока — общаться с инопланетянами, ведь они располагали почти неиссякаемым источником информации. Они или их предки проделывали такое не раз, под разными солнцами. Они поняли инопланетянина, поняли и странную историю, сформировавшую такое множество связей в его нервной системе. Они перевели углеродные значки на пластинах целлюлозы. В своих гигантских сознаниях они воссоздали сцены чужой жизни, как поступали со всякой жизнью, оказавшейся в их распоряжении, от травы до деревьев и животных. У них, как выразились бы люди, было живое воображение. В сущности, у них больше почти ничего и не было.

Кое-кто из них счел эту историю

Маркер утверждения БЛАГОЙ
Маркер информации ВЕСТЬЮ.

Споры перенесли ее на деревья-ракеты, те — в сеть червоточин и оттуда — в бесчисленные миры.

И не все семена упали на каменистую почву.

Брюс Стерлинг
Замысел Блемми [99]

Гонец пронесся над узкими улочками Тира, облетая зеленые остролистые кроны самых высоких пальм. Хлипая крыльями, он опустился на каменный карниз. Дева, томящаяся в башне, тут же подбежала к голубю и схватила птицу. Она с благодарностью приникла губами к гладкой серой головке посланца.

Дело в том, что сэр Роджер Эдесский, возлюбленный девы, отправился в Святую землю на поиски рыцарской славы. И ее стараниями он стал счастливым обладателем клетки с бесценными почтовыми голубями. Птицы эти, одна за другой, доставляли на своих крыльях письма от Роджера прямо в нежные девичьи руки, обходя воздушными путями все преграды и опасности, таящиеся в охваченной огнем Святой земле. Крылатые вестники оставляли внизу толпы мародеров-сельджуков,[100] яростно бьющих в барабаны и трубящих в рога, и злобных мамелюков,[101] прячущих лица под забралами шлемов. С легкостью неслись они и над исмаилитами-фидаи[102] в тот момент, когда те, одинаково равнодушные к жизни и к смерти, склонялись над своею жертвой, занеся уже руку для рокового удара.

Над головами ни о чем не ведающей черни протянулась целая почтовая сеть, и пернатые гонцы так и сновали туда-сюда. Голуби несли вести со всех концов света через Иерусалим, Дамаск, Каир и Бейрут. Пролетали они и над головами рыцарей — сыновей самых отдаленных уголков христианского мира, странствующих воинов, покрытых потом, мучимых голодом, паразитами и болезнями. Крылатые гонцы проносили свой груз и над викингами — виртуозами топора, опаленными южным солнцем. И над исступленными тамплиерами,[103] и над жестокими рыцарями Тевтонского ордена, облаченными в черные латы, в которых они спекались под беспощадными лучами, подобно омарам, зажаренным в панцире. И над греческими пелтастами,[104] и над итальянскими кондотьерами.[105]

Дрожащими пальцами, испачканными в чернилах, дева отвязала от розовой птичьей лапки аккуратно скрученный свиток. Грудь ей сдавила внезапная боль. А вдруг это очередная поэма? Читая стихи Роджера, она не раз уже падала в обморок.

Но нет. Эту птицу прислал вовсе не Роджер Эдесский. Дева сама ввела себя в заблуждение, поддавшись очарованию ложной надежды. Голубь принес всего лишь очередное торговое

предложение, содержащее ничтожный обрывок скучнейшего текста.

«Соль. Слоновая кость. Панцирь черепахи. Шафран. Рис. Ладан. Железо. Медь. Олово. Свинец. Кораллы. Топазы. Стиракс.[106] Стекло. Реальгар.[107] Сурьма. Золото. Серебро. Мед. Нард.[108] Костус.[109] Агаты. Сердолики. Дереза. Хлопок. Шелк. Мальва. Перец. Малабарская корица. Жемчуг. Алмазы. Рубины. Сапфиры».

Каждый из товаров в этом обширном списке сопровождался ценой.

Девушка заперла голубя в деревянную клетку, помеченную ярлыком. В таких клетках томилась еще не одна дюжина птиц — таких же пленниц угрюмой башни, как и она сама. Взяв пузырек с чернилами, собранными от каракатицы, и острое как бритва перо, девушка переписала письмо в огромный пыльный фолиант. Если она позволит себе хоть раз пренебречь этой обязанностью, гнев матери-настоятельницы будет велик: ее ожидают хлеб и вода, бесконечное стояние на коленях и розги.

Приставленная к голубям послушница вытерла глаза, наполнившиеся слезами, — так сильно их утомил контраст четких печатных букв и плохого освещения. Она вновь оперлась своими нежными локотками о холодную, выщербленную поверхность камня и предалась созерцанию мерцающих вод Средиземного моря и скользящей по ним черной стае итальянских галер, жаждущих наживы. Быть может, сэра Роджера Эдесского уже нет в живых. Бедный Роджер пал, сраженный ударом какого-нибудь исламского богатыря, или его погубила какая-нибудь смертельная зараза. Никогда больше Роджер не посвятит ей ни строчки. А она, в свои семнадцать лет, обречена на горькую и безотрадную участь.

В это мгновение она верила, что все так и есть: столь жестокой и неотвратимой казалась девушке ее роковая доля. Если Роджер не сможет спасти ее, вырвать из этой жизни, где ей остается лишь ухаживать за голубями, она вынуждена будет дать постылые обеты… Ей придется стать одной из младших сестер ордена госпитальеров[110] — тех, что живут внизу, под голубиной башней, — присоединиться к все разрастающемуся племени черных вдов, чьи суженые не вернулись из Святой земли, превратиться в старую деву, стать частью огромного скопища безмужних старух и сирот, потерявших отцов, — скопища, заключенного в толстых каменных стенах, как в бутылке, скопища, пойманного в ловушку, из которой нет выхода и в которой все как один лишены и земельных владений, и денежных доходов… Этим безрадостным, бледным Христовым невестам,

готовым сойти с ума от отчаяния, только и остается, что ждать с нетерпением, когда же наконец явится какая-нибудь поганая орда темноглазых разбойников-мусульман, которые захватят Тир и разрушат эту твердыню целомудрия.

Вдали показалась еще одна птица. Девичье сердце мучительно сжалось. Когда проворный и полный сил голубь влетел в окно башни, оказалось, что лапки его перехвачены двумя изящными золотыми лентами. Перья источали аромат фимиама.

Свиток был исписан мельчайшим, но необыкновенно красивым почерком — девушка никогда прежде такого не видела. Буквы были аккуратно выведены мерцающими кроваво-красными чернилами.

> О свет очей моих Хьюдегар!
>
> Добрые вести, подобно меду, струятся с конца моей кисти. Нас с тобою призвал Тихий Господин. Так приступи же к сборам немедля.
>
> Ибо я уже спешу к тебе со своим караваном, и мои могучие воины сопроводят тебя в его Парадиз.
>
> *Горный Старец*

Девушка заплакала, потому что ее звали не Хьюдегар. И она никогда не встречала женщины по имени Хьюдегар.

Все деревушки в Святой земле — и христианские, и мусульманские — были похожи одна на другую: вокруг колодца, мельницы и печи теснилась кучка пыльных домишек. Аббатиса Хильдегарт скромно, без лишнего шума въехала в разоренную деревню в сопровождении вооруженного до зубов каравана, с которым явился за ней Великий Ассасин.[111]

Эту злосчастную деревушку опустошили с особенным азартом: разбойники, горящие жаждой мщения, истребили оливковые рощи, сожгли виноградник и отравили колодец. Поскольку караван еще совсем недалеко отъехал от Тира — самого мощного оплота отступающего крестоносного воинства, — Хильдегарт подозревала, что здесь похозяйничали госпитальеры.

И это ее обеспокоило. Именно она, Хильдегарт, основала орден госпитальеров. Она собрала и обеспечила средствами группу людей, призванных лечить больных, кормить голодных, дарить мир и уют бессчетным толпам святых людей — паломников из Европы, измученных палящим южным солнцем, — ну и оказывать им еще кое-какие услуги, например менять деньги.

Хильдегарт очень ловко все придумала, и Тихий Господин

оценил идею по достоинству. Но теперь, когда с момента основания ордена минуло уже лет семьдесят, Хильдегарт с горечью наблюдала за извращением своего блестящего замысла. Какая-то неведомая сила обратила госпитальеров, этот миролюбивый орден монахов-целителей, в самых жестоких и беспощадных солдат крестоносного воинства. Казалось, само их умение заживлять поврежденную плоть давало им особые преимущества в ее разрушении — так уверенно орудовали они топором и мечом. Госпитальеров побаивались даже тамплиеры, хотя сами умудрились до того запугать ассасинов, что те платили им за покровительство дань.

И все же в деревне сохранилась пара сараев, в которых в случае чего можно было обеспечить оборону. Синан, Горный Старец и аятолла ассасинов, приказал своим воинам устраиваться на ночлег. Они разбили лагерь, похоронили несколько трупов, валявшихся поблизости, поставили часовых и попытались напоить лошадей мутной гнилью из испорченного колодца.

Аббатиса и ассасин расположились неподалеку от вооруженных часовых, чтобы утолить голод и спокойно побеседовать. Хильдегарт и Синан были знакомы очень давно — обычно люди столько не живут. Несмотря на то что оба они честно служили своему Тихому Господину, между ними сохранились довольно натянутые отношения!. В долгой, даже очень долгой жизни Хильдегарт были времена, когда она чувствовала себя очень хорошо и спокойно рядом с Синаном. Правда, Синан — вечно молодой мусульманский колдун — воплощал собою зло, но однажды он защитил Хильдегарт от людей куда более опасных, чем он сам.

К несчастью, те славные годы отошли в далекое прошлое. В свои сто семнадцать лет Синан уже не смог бы защитить Хильдегарт от более опасных людей, потому что на земле попросту не осталось более опасного человека, чем Синан-ассасин. Число крестоносцев, погубленных его кознями, не поддавалось счету, хотя упрямая Хильдегарт полагала, что оно перевалило за четыре тысячи.

Освещенный сполохами огня, пылавшего в походной железной печи, Синан ел хрустящий кебаб и все больше помалкивал. Он одарил собеседницу теплым взглядом карих, прекрасных, как у газели, глаз. Хильдегарт неуютно поежилась в темном походном плаще с капюшоном и вуалью. Синан был очень умен и в совершенстве освоил все существующие способы устрашения, однако сердце его с годами почти не менялось. Да, он остался все тем же. Простой, прямодушный, верный своим привычкам, Синан молился по пять раз на дню, что вместе

составляло, по подсчетам Хильдегарт, около двухсот тысяч молитв, каждая из которых была рождена страстной надеждой на то, что все крестоносцы сгинут с лица земли и сгорят в аду.

Хильдегарт вытянула озябшую руку над железной жаровней. А рядом, в своих дорожных жилищах, курлыкали почтовые голуби. Бедным птицам было куда как невесело: они проголодались и жаждали скорейшего возвращения в Тир даже больше, чем их хозяйка. А быть может, они почуяли, что Синановы наемники спят и видят, как ощипать их, выпотрошить и съесть.

— Синан, где ты нашел эту банду головорезов?

— Я их купил, о бесценная, — церемонно ответил Синан. Это хорезмские турки. Они родом с гор, лежащих далеко за Самаркандом. Здесь, в Палестине, они ни с кем не связаны, у них нет ни земли, ни владыки — а это весьма на руку и мне, и нашему Тихому Господину. Именно такие люди ему и нужны.

— И ты доверяешь этим кривоногим разбойникам?

— Нет, вовсе нет. Но они говорят только на своем таинственном наречии и, в отличие от нас с тобой, не люди Писания. Поэтому, что бы они ни увидели во владениях нашего Тихого Господина, поведать об этом миру они не смогут. К тому же хорезмские турки очень дешевы. Дело в том, что они сами ищут у нас убежища. Они нуждаются в защите от Великого Хана монголов.

С минуту Хильдегарт обдумывала эти доводы, на первый взгляд казавшиеся неопровержимыми, как аксиомы. Как бы то ни было, Синан явно не лгал. Он никогда ей не лгал; жаль, что он был так нелепо упорен в своих языческих заблуждениях.

— Синан, а ты ничего больше не хочешь рассказать мне об этом ужасном Великом Хане?

— Тебе не стоит даже задумываться о подобных вещах, о жемчужина мудрости. Не сыграть ли нам лучше в шахматы?

— Нет, только не сейчас.

— Отчего же? Я уступлю тебе слона!

— В последние десять лет у меня неважно шли дела с торговлей китайским шелком. Быть может, так называемый Великий Хан и есть источник моих неудач?

Синан задумчиво впился зубами в кусок перченой баранины, насаженный на шампур. Вопросы Хильдегарт вызывали у него раздражение. Самые отважные люди умирали по одному слову Синана, и все же Хильдегарт была гораздо богаче, чем он. Она вообще была самой богатой женщиной на земле. Управление международными рынками входило в число любимейших занятий Хильдегарт — основательницы, счетовода, банкира и главного

ростовщика ордена госпитальеров. Она вкладывала деньги в товары и целые города, которые приносили ей еще больше денег, а затем тщательно и аккуратно подсчитывала барыши и снова вкладывала их в дело. Хильдегарт занималась этим, тайно и упорно, уже не одно десятилетие, действуя через сеть никому не известных агентов, живущих в самых различных городах, от Испании до Индии, — через сеть, которой она управляла с помощью птиц и о существовании которой человечество даже не подозревало.

Только Синану был известен механизм этих расчетов и вложений, но ему, аятолле ассасинов, подобный труд казался скучным и ничтожным. А потому он непрестанно слал к Хильдегарт почтовых голубей, прося о новых и новых ссудах.

— Моя ненаглядная, добрая, милая Хьюдегар, — нежно проговорил ассасин.

Хильдегарт вспыхнула:

— Никто больше не называет меня этим именем. Все они, кроме тебя, давным-давно умерли.

— Но, милая Хьюдегар, разве мог я забыть это ласковое прозвище, которым некогда тебя называл?

— То было имя рабыни.

— Все мы рабы Божии, о бесценная. Даже наш Тихий Господин. — И Синан лязгнул шампуром о крепкие белые зубы. — Неужели ты настолько возгордилась, что отвергнешь теперь его призыв, о благословенная мать-настоятельница? Неужели ты так утомлена своей долгой жизнью? Или тебя удручает, что твои ненаглядные христиане-франки наконец отступают обратно за море под натиском воинов истинной веры?

— По-моему, я все-таки здесь, еду вместе с тобой! — заметила Хильдегарт, отводя взгляд. — Хотя могла бы ухаживать за ранеными и подсчитывать доходы. Кстати, почему ты написал ко мне по-французски? Теперь весь монастырь только и болтает, что о твоей таинственной птице и письме, которое она принесла. Ты же сам знаешь, как болтливы становятся женщины, если их запереть.

— Потому что, когда я пишу к тебе по-арабски, ты не отвечаешь, — пожаловался Синан и протер свою прекрасную черную бороду лоскутом розового китайского шелка. — Я ведь все время тебе пишу! А ты сама знаешь, во что обходятся почтовые голуби! Они ценятся на вес золота!

Ассасин махнул рукой, отгоняя струю густого дыма, вырвавшуюся из топки.

Хильдегарт засветила маленькую медную лампу с фитилем, пропитанным кунжутным маслом.

— Но, милый Синан, я шлю тебе письма с важными сведениями о торговле, а в ответ получаю послания, в которых нет ничего, кроме злорадного хвастовства и рассказов о жестокостях войны.

— Я пишу историю нашей эпохи! — возразил Синан. — Послушай, женщина: эти стихи напитаны кровью моего сердца! И если женщина вообще способна оценить мое творение — ты должна его оценить!

— А, ну тогда ладно. — Хильдегарт перешла на арабский — язык, который она в совершенстве освоила за те годы, что прожила пленницей в восточных гаремах — как наложница и младшая жена. — «Вещим пером я пишу Иерусалима дивную гибель, — процитировала она. — Звезды я щедрой рукой сыплю в дома зодиака и наполняю ларцы жемчугом мудрости дивной. Чудную весть я несу в дальние мира пределы, славу ее воспою до Самарканда, и сладкий, радостный всем аромат в Персии я разолью. Вряд ли смогу я сравнить сладость священной победы с медом из сахарных сот или фруктовым шербетом».

— О Хьюдегар, до чего же ты умна! Ведь это мои лучшие стихи! — Темные изогнутые брови Синана сошлись на переносице, и в его глазах засветилась надежда. — Согласись, что в них есть нечто… великое.

— Не следует тебе изображать из себя поэта, Синан. Ты алхимик, и с этим надо смириться.

— Беда в том, что я уже изучил все, что можно узнать о химии и механике, — посетовал Синан. — Эти сферы человеческого знания скучны и ничтожны. Зато поэзия и литература — неистощимые источники познания! Хорошо, я готов признать, что врожденного поэтического таланта у меня нет: ведь когда я только взялся за перо, моя история была не более чем простым, сухим изложением событий. Но мне все же удалось обрести собственный поэтический голос, ибо я сумел рассказать о многих великих деяниях!

Тут Хильдегарт взорвалась:

— И что же, по-твоему, я должна тебя похвалить?! Пойми ты, тупица, у меня деньги в Иерусалим были вложены! Там делали самый лучший сахар, лучше всего красили хлопок… Так что можешь не сомневаться, я непременно расскажу блемми об этих потерях!

— Можешь даже прочесть ему мои стихи. Если ты не забыла, дальше там рассказывается о том, как христианский Иерусалим, охваченный огнем и стенаниями, пал под натиском мусульман, — сухо ответил Синан. — И еще можешь сказать ему, что франкские отродья все до единого будут сброшены в море! Вот уже

восемьдесят девять долгих лет прошло с тех пор, как эти немытые образины притащились к нам из Турции и стали отбирать наши земли. Эти бледнолицые страхолюдины были похожи на армию мертвецов, восставших из могил! И вот наконец захватчики, опаленные священным огнем, дрогнули под ударами меча правоверных и в страхе бежали от армий джихада, как побитые псы. Бежали, чтобы никогда более не вернуться! Пойми, Хьюдегар: я сам перенес всю горечь этого унижения. Я стал невольным свидетелем бедствий моего народа, я наблюдал их все это долгое время, изо дня в день. И вот теперь настал час, когда свершилось высшее правосудие, и вскоре я увижу спины заморских захватчиков! Знаешь, что мне только что сказал Саладин?[112]

Хильдегарт съела еще одну оливку. Уроженка Германии, она так и не смогла привыкнуть к этому изысканному вкусу.

— И что же он тебе сказал?

— Саладин собирается построить корабли и отправиться в Европу, вдогонку отступающим христианам. — У Синана от этих слов даже дыхание перехватило. — Ты только вообрази, до чего упорен этот великий воитель. Он готов довериться ярости океана, чтобы тот помог ему отомстить за нашу поруганную веру! Можно ли вообразить более достойный способ отдать дань рыцарской отваге?

— Не понимаю, почему ты вообще якшаешься с такими отбросами, как Саладин? Ведь он курд, и к тому же шиит.

— О нет. Саладин — избранник Аллаха. С помощью сокровищ Египта он захватил Сирию. Благодаря богатствам Сирии он завоевал Месопотамию. Сокровища Месопотамии рано или поздно освободят Палестину. А сам Саладин окончит свои дни в окружении изможденной армии и без гроша за душой. Саладин тощ как палка, он вечно страдает от болей в животе, но именно его силами мы возвратим себе Палестину. А богопротивные государства, созданные крестоносцами на задворках христианского мира, прекратят свое существование. Такова божественная справедливость, справедливость истории — и я непременно засвидетельствую эту божественную справедливость в моих творениях. Таково мое призвание — не в этом ли состоит долг всякого ученого человека?

Хильдегарт только вздохнула — слов у нее уже не было. Слишком уж много их она знала: все они были в ее распоряжении — тома и тома, полные слов. Она владела и нижненемецким, и французским, и арабским, неплохо знала турецкий, немного греческий. Все стоящие внимания исторические сочинения были написаны, разумеется, на латыни. Хильдегарт, которая к

четырнадцати годам успешно вызубрила весь Ветхий и Новый Завет, латынью владела очень прилично, но собственных трактатов по истории не писала со времен правления Балдуина Прокаженного.[113]

Христианский король Иерусалима страдал этим омерзительным недугом, пришедшим из Средней Азии, и хроники, в которых Хильдегарт описывала нескончаемую вереницу поражений, то и дело постигавших Балдуина, волей-неволей слагались каким-то затхлым, напыщенным языком, источающим запах смерти и разложения. «С его величеством королем Балдуином Прокаженным случился ужасный приступ, его величество король Балдуин Прокаженный совершил дипломатическую ошибку…» Казалось, намерения у Прокаженного всегда были самые лучшие, но, к несчастью, он отличался необыкновенной глупостью… И однажды пасмурным утром Хильдегарт извлекла свои секретные записи, плоды многолетних трудов, из многочисленных потайных шкатулок — и сожгла их все до единой. И от того, что она обратила в прах эти никому не нужные, ничтожные знания, Хильдегарт почувствовала себя настолько легко, что принялась даже петь и плясать. Синан с надеждой обратил взор на собеседницу:

— Ненаглядная Хьюдегар, неужели тебе нечего больше сказать о моих искрометных поэтических опытах?

— Ну… ты, конечно, делаешь некоторые успехи, — снисходительно согласилась она. — Та строчка, где про фруктовый шербет, действительно недурна. Помнишь менестрелей Элеоноры Аквитанской?[114] Так вот, на мой вкус, твои стихи не в пример слаще их песен. Да уж, намного слаще.

На мгновение лицо Синана просияло, но он тут же снова принялся грызть баранину. Хотя двусмысленность комплимента не осталась для него незамеченной.

— А, королева франков… Она обожает любовные поэмы, которые эти бродяги сочиняют, дабы усладить женские сердца. Все франкские дамы обожают подобные сочинения. Я и сам могу очень сладко петь о женщинах и о любви. Но я бы ни за что и никому не показал этих песен, ибо чувство, вложенное в них, слишком глубоко.

— Не сомневаюсь. Синан сощурился:

— Я, между прочим, помню всех женщин, что прошли через мои руки! Помню каждое лицо, каждое имя!

— Неужели всех? Быть такого не может.

— Да перестань: у меня ведь никогда не было больше четырех жен одновременно. И я живо помню их всех. И я готов тебе это доказать, о недоверчивая! Первой моей женой стала вдова моего

брата; ее звали Фатима, она была самой старшей, имела двоих сыновей — мне они приходились племянниками. Фатима была добра и почтительна. Затем появилась юная персиянка, которую подарил мне султан, — ее звали Бишар. Она, правда, была косоглаза — но зато что за ножки!.. А когда мои богатства приумножились, я купил гречанку по имени Феба, чтобы она готовила на остальных.

Хильдегарт неуютно поежилась.

— Ну а следующей стала ты, Хьюдегар из племени франков, подарок Тихого Господина. Тело твое было восхитительно. Волосы цвета пшеницы, а щеки как два яблока. А с каким рвением ты трудилась и на моем дворе, и в моей библиотеке! И как жадна ты была до поцелуев — больше, чем остальные мои три жены, вместе взятые! У нас родились три дочери и маленький сын, который умер прежде, чем мы успели дать ему имя. — И Синан вздохнул: казалось, этот вздох вырвался из самой глубины его сердца. — Ах, эти песни… Песни о моих милых женах! Все они исполнены тоски и печали.

Да, у Хильдегарт была бурная юность. Совсем еще молоденькой монахиней она покинула Германию вместе с огромной свитой Петра Пустынника[115] — этой беспорядочной многотысячной толпой религиозных фанатиков, которая шла на Священную войну, в Первый Крестовый поход. Они спустились вниз по течению Рейна; затем, уже истощенные, вниз по Дунаю; спотыкаясь на каждом шагу и страдая от голода, они протащились по Венгрии, Византии, Балканам — и повсюду, в каждом городе и каждой деревне, спрашивали: а не Иерусалим ли это случайно?

Большинство участников Первого Крестового похода погибли, но ей, Хильдегарт, дочери простого сокольничьего, только участие в крестовом походе могло дать полное и безоговорочное отпущение грехов. И она продолжала идти вперед, и шла с апреля по октябрь 1096 года. Она голодала, перенесла тиф, была изнасилована и в конце концов, беременная, оказалась на какой-то безвестной горной вершине где-то в Турции. Там все мужчины, которые еще оставались в рядах этой странной армии, редеющих на глазах, были перебиты стрелами сельджуков из войска Кылыдж-Арслана.[116]

Хильдегарт попала в руки одного турецкого перекупщика, который оставил ребенка при себе, а ее продал пожилому султану Мосула. Султан почтил ее своим посещением лишь однажды, дабы соблюсти этикет, а затем предоставил ее самой себе, дав полную свободу в пределах гарема. В мосульском гареме царила

атмосфера тихая и торжественная, почти как в монастыре, который покинула Хильдегарт. В монастыре, правда, не было шелков, танцев и евнухов. Здесь она освоила турецкий и арабский, научилась играть на флейте, вышивать и успешно управляться с большим хозяйством: ей было поручено содержание дворцовых бань.

После убийства султана Хильдегарт выпустили из гарема и отдали одному еврейскому купцу, от которого она родила сына.

Еврей научил ее вести торговые счета и пользоваться новой системой счисления, которую он перенял от своих собратьев в Индии. В конце концов он безвестно сгинул вместе с сыном, отправившись в занятую христианами Атиохию, дабы провернуть одну уж слишком дерзкую торговую авантюру. Хильдегарт продали в счет погашения его долгов, но достоинства и таланты молодой рабыни не остались незамеченными, и ее вскоре купил один иноземный посланник.

Посланник этот много ездил по мусульманским странам, неспешно странствуя от одного султанского двора к другому, и всюду его сопровождала свита. Такая жизнь, безусловно, имела свои преимущества. Встречая титулованного иноземца, дворы мусульманских правителей стремились превзойти друг друга в щедрости и гостеприимстве. К тому же чужестранные купцы и посланники, никак не связанные с местными кланами, зачастую становились самыми надежными и добросовестными придворными. И блемми умело пользовался всеми преимуществами, своего статуса.

До ученых книжников, служивших при дворах мусульманских правителей, разумеется, доходила молва о таинственном племени блемми. Известно было, что это люди, у которых голова находится ниже плеч, и что они населяют земли Пресвитера Иоанна.[117]

На самом же деле головы у блемми не было вовсе: он оказался ацефалом. Его широкие плечи прикрывала броня из роговых пластин. Там, где у обычного человека находятся соски, у блемми помещалось два круглых черных глаза, а по центру груди выступал большой нос, из которого воздух вырывался с фырканьем и сопением. На месте пупка был рот — круглое, безгубое, безъязыкое отверстие, изнутри беловато-розоватое и покрытое зазубринами, закрывающееся плотно, как сумка, стянутая узлом. Ноги блемми, всегда бережно обутые в турецкие сапоги мягкой кожи, были лишены пальцев. Зато его руки были очень красивы, а холеные, мускулистые плечи — крепки и округлы, как древесные корни.

Несмотря на то что блемми не мог говорить, при дворах он

славился учтивостью и любезностью, доброжелательностью и щедростью. Даже при дамасском дворе, воинственном и беспокойном, его приняли без особых возражений.

Своими слугами блемми был, как правило, недоволен. Для того чтобы отвечать его высоким требованиям, требовался тонкий, проницательный ум. Хильдегарт оказалась настоящей находкой для своего Тихого Господина, и он очень быстро оценил ее способности по достоинству.

Блемми прекрасно писал по-арабски, но делал это таким же образом, как читал книги, — то есть сразу целыми страницами, охватывая их одним взглядом и воспринимая целиком. Поэтому, вместо того чтобы начинать с верхнего края страницы и двигаться затем справа налево, как делают все арабские книжники, блемми разбрасывал свои черные каракули по всей поверхности листа — на первый взгляд в полном беспорядке. Затем, не мигая уставясь на бумагу, он проверял, как читается покрытая чернилами страница: не упустил ли он что-нибудь?

Если оказывалось, что упустил, он добавлял еще несколько закорючек, но подобная мелочовка его явно раздражала.

Как оказалось, Хильдегарт обладала исключительным даром собирать воедино этот калейдоскоп значков, который блемми разбрасывал по бумаге. Для нее арабский тоже был неродным языком, но она легко запоминала большие куски текста, а уж вычисления всякого рода давались ей и вовсе без труда. К тому же, несмотря на немоту своего господина, она всегда угадывала его настроение — чаще всего по фырканью, всхлипам и нервным движениям рук. Вскоре блемми уже не мог обходиться без услуг Хильдегарт и с лихвой вознаграждал ее.

Когда дела вынудили блемми уехать из Дамаска, он поручил Хильдегарт заботам своего главного поверенного при сирийском дворе — иракского механика и алхимика. Рашид ал-дин Синан сделал себе состояние на торговле «нафтой» — воспламеняющейся жидкостью, используемой в военных действиях, которая тонкими черными струйками понемногу сочилась из тростниковых болот, обступивших его родной Тигр.

Как и большинство алхимиков, Синан живо интересовался герметической теологией, а также искусствами строительства, каллиграфии, риторики, дипломатии и лечения травами. Хитрый и пронырливый придворный, Синан жил собственным умом и всегда был рад услужить высокопоставленному иноземцу, готовому оплатить его старания небольшими, но очень чистыми бриллиантами, — то есть такому, как блемми. Синан любезно ввел Хильдегарт в свой дом в качестве наложницы, научил пользоваться абаком.

Место иностранного посланника открывало перед блемми большие возможности в сфере международной торговли. Он неустанно разыскивал всевозможные виды редчайших масел, минеральных солей, стекла, алхимических кислот и лаймов, а также селитру, серу, поташ. Порой он приторговывал и другими товарами, но лишь для того, чтобы в конце концов заполучить эти ценные вещества.

Сам же блемми был очень скромен в потребностях. Правда, свою возлюбленную он буквально осыпал дарами. К тому же он ревновал ее самым нелепым образом и держал в такой дали и тайне от посторонних глаз, что никто никогда ее не видел.

Никому из своих слуг блемми не доверял больше, чем Хильдегарт и Синану. Он поил их алхимическими зельями — для того, чтобы плоть их не старилась, как у остальных смертных женщин и мужчин. И так они прожили многие годы — в непрестанных трудах на благо своего Тихого Господина. По мере того как шло время, Синан и Хильдегарт — маг и аббатиса — обретали знания и опыт и богатства их приумножались. А торговые пути, по которым проходили слуги блемми и караваны, нагруженные его товарами, протянулись от самых дальних границ мусульманской Испании до самых островов Пряностей.

Когда корабли крестоносцев появились в Святой земле и соединили мусульманский мир с отдаленными торговыми городами на Атлантическом и Балтийском побережьях, блемми был очень доволен.

В конце концов Синану и Хильдегарт пришлось расстаться: их затянувшаяся молодость стала вызывать подозрения у жителей Дамаска. Синан отправился в таинственную крепость Аламут, где освоил военную тактику и мистическое учение ассасинов. Хильдегарт тем временем отправилась по городам, основанным крестоносцами после Первого Крестового похода, и в одном из них вышла замуж за мудрого и всеприемлющего маронита. От этого союза она родила еще троих детей.

Однако время положило конец и этому браку — как и всем прежним отношениям Хильдегарт. Настал момент, когда она вдруг осознала, что устала от мужчин и от детей — от грубости одних и от назойливости других. И она вновь облеклась в одежды аббатисы — настоятельницы укрепленного монастыря в Тире. Она стала процветающей повелительницей целой толпы монахинь — женщин работящих, прекрасно управлявшихся с ткачеством, окрашиванием материи, продажей восточных тканей и потому приносящих значительную прибыль.

Но самой деятельной и работящей была сама аббатиса Хильдегарт. Даже во время войны она получала вести из самых

отдаленных уголков мира и всегда знала, где и почем продаются ценнейшие и редчайшие из товаров. И все же была в ее жизни какая-то пустота — смутное чувство, что грядут темные времена и события, противостоять которым невозможно.

Если предположить, что все ее дети так или иначе выжили и что у них самих родились дети, которые тоже выжили, и что эти внуки — безжалостные, как даты календаря, — так же населили землю своими отпрысками, — подсчеты свидетельствовали, что Хильдегарт, сама того не ведая, стала праматерью целой толпы из трехсот человек. Это были христиане, евреи, мусульмане — одна большая семья, ветви которой продолжали расходиться новыми побегами, не имея между собой ничего общего, кроме полного неведения о ее собственной жизни, которая все тянулась и тянулась.

Мертвое море — место весьма неприятное и в этом смысле целиком оправдывает свое название. К югу от него лежал в руинах проклятый Содом, чуть севернее протекала кровавая река Иордан, а где-то между ними — Масада, город самоубийц. Воды Мертвого моря намывали по берегам деготь и битум и серые зловонные соляные курганы. Если какая-нибудь неосторожная птица пыталась здесь искупаться — она неминуемо гибла и обрастала толстой соляной коркой.

В течение долгих столетий по берегам Мертвого моря высились известковые холмы и пещеры, не тронутые человеком.

Среди этой бесплодной пустыни и поселился блемми. В последнее время Тихий Господин, некогда столь безудержно и неутомимо искавший по всему миру редкие товары и редких мастеров, почти не выбирался из своего потаенного Парадиза, спрятанного в глубоких недрах известковых холмов, обступивших Мертвое море. Лишь самые удачливые и старательные торговцы из тех, что трудились под голубиным руководством Хильдегарт, изредка допускались в это тайное убежище, да еще ассасины, и то только перед финалом своей самой последней, жертвенной миссии. А Синан и Хильдегарт заезжали в Парадиз блемми для того, чтобы испить чудодейственных эликсиров, продлевавших им жизнь. Там, под землей, цвели сады и хранились несметные запасы редчайших минералов. Был в потайном дворце блемми и свой арсенал. В нем хранилось множество зловещих орудий, сконструированных Синаном.

Ни один из секретов военно-инженерного дела не укрылся от хитроумного повелителя ассасинов. Синан знал, из чего строятся и как работают «джарк», «занбарак», «коз алзияр» и даже ужасная «маниджаник» — смертоносная машина, которую люди прозвали

«Длинноволосой невестой». При помощи и под руководством блемми Синан соорудил огромные, страшные арбалеты, тетивы которых были сделаны из перекрученных шелковых волокон и конского волоса. Эти орудия могли стрелять массивными железными балками, гранитными глыбами, раскаленными докрасна кирпичами и глиняными бомбами, извергающими при падении алхимический огонь.

Не укрылись от Синана ни тайна китайских ракет, что издают вопли и изрыгают пламя, ни секрет византийского котла, из которого рвется наружу неугасимый «греческий огонь». Эти гигантские орудия уничтожения было трудно перевозить и прятать от посторонних глаз, зато они представляли небывалую, пугающую военную мощь. Под чутким руководством умных людей они определили судьбу не одного восточного государства, раздираемого войнами. И падение Иерусалима свершилось не без их участия.

Непрестанно путешествуя, блемми всюду выискивал редкие растения, которыми увил теперь свои живописные беседки. Он тщательно собирал их пыльцу, а лепестки отжимал и процеживал сок, из которого затем готовил восхитительные эликсиры. Были у блемми и кузницы, и мастерские, в которых хранились диковинные приспособления из стекла и металла. Долгие годы ушли у него на то, чтобы вывести необыкновенную породу верблюдов, которые могли бы доставлять его товары в» самые дальние страны. В конце концов он создал удивительный вид чудных зверей с пятнистой шеей и чешуйчатой безшерстной шкурой — эдаких верблюдолеопардов.

Но самой удивительной достопримечательностью Парадиза блемми были бани. Синан ввел пришедших с ним людей под мраморные своды, громко благодаря своего бога за то, что тот защитил их в пути и невредимыми доставил на место. Затем он объявил, что препоручает их души Аллаху и впустил грязных, мучимых жаждой воинов в восхитительные мраморные пределы бань.

А здесь поистине был рай. Из множества широких медных труб хлестала чистейшая вода. Люди радостно снимали кольчуги и сбрасывали заскорузлую одежду. Со смехом и песнями омывали они свои руки и ноги, покрытые татуировками, в очищающих, освежающих струях пресной воды. А нежный аромат фимиама тем временем возносил их души на небеса.

Тихо, ласково, совсем незаметно покидали они свои тела.

Слуги блемми сложили свежевымытые трупы на носилки и убрали их прочь. Слуги эти были евнухами, и у всех были вырезаны языки.

Бережливая Хильдегарт, по своей давней привычке, аккуратно разобрала пожитки мертвецов. Женщины, бродившие по усыпанным трупами полям Святой земли, с тем чтобы подбирать раненых и хоронить погибших, — и мусульманки, и христианки, — наживались за счет мертвецов гораздо больше, нежели за счет своих вполне живых покровителей и защитников. Часто случалось так, что женщины разных вероисповеданий, шедшие за враждебными друг другу войсками, встречались вдруг на одном поле, только накануне усыпанном мужскими трупами. Жестикулируя, они принимались торговаться и обмениваться одеждой мертвецов, их медальонами, кинжалами, дубинками и безделушками.

Синан вошел в тот момент, когда Хильдегарт только-только закончила разбирать и аккуратно раскладывать по кучкам грязные сапоги мертвецов. Вид у него был расстроенный.

— Тихий Господин написал нам, что делать, — сказал Синан. Нахмурившись, он разглядывал еще не высохшие каракули. — Евнухи должны сбросить тела в шахту, как обычно. Но он хочет, чтобы потом мы загнали в баню и лошадей. Всех до единой! — Ассасин мрачно взглянул на аббатису. — По-моему, здесь скоро вообще никого не останется. Что-то я не вижу ни садовников, ни секретарей… Людей явно не хватает, они не справляются. Ведь не нам же с тобой заниматься этой грязной работой! Ничего не понимаю.

Хильдегарт была потрясена этой новостью.

— Избавление от грязных и злобных турок, конечно, того стоило, но разве же можно ставить лошадей в такой роскошной зале, облицованной мрамором?

— Ставить лошадей, говоришь? Дорогая моя, мы должны их убить и сбросить в шахту. По крайней мере, так пишет Господин. Если хочешь, посмотри сама, уж не ошибся ли я? Ведь ты всегда была прекрасной переводчицей!

Хильдегарт внимательно изучила пергамент, покрытый чернильными брызгами. Но странные каракули блемми читались совершенно однозначно, ошибки быть не могло; к тому же с годами его арабский стал гораздо лучше.

— Все именно так, как ты говоришь, но эти указания бессмысленны. Если у нас не останется лошадей — как я вернусь в Тир? А ты как вернешься в Аламут?

Синан в ужасе поднял на нее взгляд:

— Что такое ты говоришь? Как смеешь ты подвергать сомнению повеления Тихого Господина?!

— Ну нет. Ведь это ты мужчина, — поспешно ответила Хильдегарт. — Подвергать сомнению приказы — твоя

привилегия.

Хильдегарт не видела блемми уже около восьми лет. Они сообщались исключительно через курьеров или, чаще всего, при помощи почтовых птиц.

В самом начале, когда записки блемми гораздо сложнее было переводить, она сопровождала его почти всегда и всюду. Она подавала ему чернила, подносила ему виноград, хлеб и мед и даже провожала его ко сну, коему блемми предавался на кровати странной конструкции, скрытой занавесью от посторонних глаз. Но потом он перебрался в свой Парадиз, а Хильдегарт уехала и жила с тех пор за много лиг от своего господина. Тем не менее они продолжали переписываться, но он ни разу не упомянул о том, что скучает без своей верной служанки.

Блемми посмотрел на нее таким знакомым, всезнающим взглядом. Глаза его, круглые, черные и мудрые, располагались на груди на расстоянии ладони друг от друга. На нем были мешковатые штаны из цветастого синего шелка, нарядные кожаные сапоги и — разумеется — никакого головного убора. Он сидел скрестив ноги на бархатной подушке, на полу своего кабинета. Перед ним стояли баночки с тушью, рядом лежали восковые печати, расходные книги, листы пергамента и тщательно прорисованные карты. Огромные ручищи блемми с годами похудели, и пестрое одеяние казалось блеклым. Его пальцы, прежде столь ловкие и не знавшие устали, мелко дрожали.

— Должно быть, господин нездоров, — прошептала Хильдегарт Синану. В присутствии блемми они всегда старались перешептываться, потому что почти не сомневались: он не слышит и не понимает человеческого шепота. Правда, у блемми имелись уши или по крайней мере какие-то выросты по бокам тела, но он никогда не реагировал на речь, даже если к нему обращались на тех языках, на которых он умел писать и читать.

— Ничего. Сейчас я торжественно произнесу блестящую речь, подобающую величию нашего господина, а ты пиши под мою диктовку, — велел Синан.

Хильдегарт послушно опустилась на маленький коврик, украшенный кисточками.

Синан низко поклонился, приложив руку к сердцу. Затем он поочередно коснулся кончиками пальцев губ и лба.

— Прими мое нижайшее почтение, о великий господин! Да сохранит Аллах твои мудрость, здоровье и силу! Твое августейшее присутствие переполняет сердца твоих слуг радостью! Слишком долго были они лишены счастья лицезреть

лик своего возлюбленного господина.

— Как твои дела, старина блемми? — быстро настрочила Хильдегарт и тут же подтолкнула пергамент в сторону адресата.

Блемми поднял пергамент и внимательно на него посмотрел; затем склонился над ним и принялся яростно разбрызгивать чернила.

> «Сердце мое разбито / вечная междумирная тьма смыкается надо мной / ночи мои охвачены пламенем и лишены сна / я истекаю кровью / и во мне уже не остается сил приветствовать рассвет / ибо бесконечные дни мои полны горестных воздыханий и бесплодных сожалений / Свет Очей Моих / она скрылась от глаз моих / от нее мне не будет привета / никогда никогда никогда не прочесть мне тех сладких речей понимания мудрости и утешения / и отныне мой путь застит тьма / ибо дни моего изгнания подошли к роковому порогу».

Хильдегарт взяла в руки пергамент, и чернильная капля сбежала по нему, как черная слеза.

Ни Синан, ни Хильдегарт и не догадывались, что с супругою блемми стряслась какая-то беда. Ведь он так ревностно оберегал ее, что вообразить подобное было невозможно.

Но оказалось, что возлюбленная их Тихого Господина — безусловно, особа женского пола — была вовсе не блемми. И даже не женщина.

Блемми показал им гарем, где прятал ее.

Именно с этой огромной пещеры блемми начал свою грандиозную стройку. Он собрал огромное количество рабов, которые пробурили и выкопали глубокие шахты в мягком известняке Мертвого моря. Многих рабов погубило отчаяние, сознание того, что их труд не имеет смысла; многие умерли от жары; многих убил удушающий, пропитанный солью и миазмами воздух.

Но затем по совету Хильдегарт злополучных рабов освободили от этой работы и даже отпустили на волю. Вместо того чтобы принуждать людей кнутом и цепями, блемми просто кинул в грязь, покрывавшую дно ямы, несколько небольших алмазов.

Вскоре поползли слухи о якобы обнаруженных залежах алмазов, которые держат в тайне. И сразу же отовсюду стали скрытно приходить сильные мужчины, преисполненные трудового пыла. Направляясь в эти бесплодные земли, они даже брали с собой собственные инструменты — и для этого не потребовалось

ни денег, ни приказов, ни просьб.

Дошло до того, что рабочие начали отчаянно драться и даже убивать друг друга за право продолжать затеянные блеммии раскопки. В итоге на поверхность было извлечено невероятное количество известняка: его вполне хватало для того, чтобы соорудить надежные фундаменты для всех построек будущего Парадиза. И рабочие по-прежнему вопили от восторга всякий раз, как находили очередной драгоценный камень.

В конце концов находки прекратились, и рабочие сразу же потеряли интерес к дальнейшим раскопкам. Шахта была заброшена, а вскоре и вовсе позабыта.

Вот тогда-то в ее извилистых коридорах блеммии и спрятал свою возлюбленную.

Тихий Господин отворил люк из стекла и железа, и из черного жерла шахты вырвалась волна жгучего, адского зловония — смеси запахов серы и извести.

Приложив к своему огромному лицу два стекла, ой стянул их ремнем, с силой втянул своим мощным носом побольше воздуха и очертя голову ринулся в смрадную тьму.

Хильдегарт попыталась оттащить Синана прочь от зияющего отверстия, из которого продолжал потоком извергаться воздух, напитанный гнилостными испарениями, но ассасин оттолкнул ее.

— Никогда не понимал, зачем нашему господину столько серы. Ума не приложу.

— Эта возлюбленная блеммии — исчадие ада! — отвечала Хильдегарт, осенив себя крестным знамением.

— Ну, если ты считаешь, что это ад, дорогая, то имей в виду, что мы создали его собственными руками. — И Синан, сощурившись, устремил взгляд в едкую мглу. — Там, внутри, очень много костей. Я должен войти туда. Я должен увидеть все собственными глазами, чтобы оставить свидетельство для будущих поколений… Идем вместе!

— Ты, верно, шутишь? Женщине не место в шахте.

— Еще как место, дорогая! Я ведь просто прошу тебя спуститься вместе со мною в ад. Здесь нет больше никого, кто смог бы подтвердить потом истинность моих рассказов, и к тому же я полностью доверяю твоим суждениям.

Но Хильдегарт наотрез отказалась, и Синан, лишь пожав плечами по поводу ее женских страхов, устремился в туманную мглу. Хильдегарт, готовая уже оплакать его, принялась молиться — не столько о Синане, сколько о себе самой, ибо надеяться на его возвращение было безумием.

Когда она уже пять раз прочла «Ave Maria», Синан вновь появился из туннеля, едва не волоча на себе своего раненого

господина. При этом они умудрились притащить огромную белую кость, похожую на кусок разбитых лат или черепок от гигантского горшка.

Эта пробитая броня, на которой болтались несколько спутанных конечностей и куски присохших кишок, — все, что осталось от возлюбленной блемми. Оказалось, что она была чем-то вроде огромного вареного вонючего краба. Или вроде пустынного скорпиона с зазубренным хвостом, обитающего в глубокой пещере.

Возлюбленная блемми, заточенная глубоко в каменистых и дымных недрах земли, вела тихую, мирную, уединенную жизнь; питалась она очень хорошо и потому выросла до гигантских, чудовищных размеров, и через узкое жерло, отделяющее ее пещеру от внешнего мира, пройти уже не могла. Синан и блемми с огромным трудом выволокли ее костяные останки на свет божий.

Блемми потянул за потайной рычаг, и массивная железная дверь с глухим звуком захлопнулась у него за спиной. Из его груди вырывались кашель и хрипы, а сопливый нос издавал фыркающие звуки.

Синан, который не так сильно надышался адскими испарениями, пришел в себя первым. Он как следует сплюнул и вытер слезящиеся глаза, а затем жестом попросил у Хильдегарт перо и чернила.

Синан присел на большой кусок известняка. На вопросы Хильдегарт он не отвечал — только качал тюрбаном и судорожно строчил что-то на бумаге.

Тогда Хильдегарт пошла следом за измученным блемми, который продолжал тащить куда-то костяные останки своей возлюбленной, гремевшие при каждом шаге. Согнувшись под своей тяжкой ношей, Тихий Господин весь содрогался от напряжения и горя, похожий на умирающего быка. Его крепкие кожаные сапоги были изодраны в клочья, будто их кололи копьями и рубили топорами.

Но блемми, позабыв о ранах, все тащил искалеченный труп своей возлюбленной, с усилием преодолевая ярд за ярдом, вниз по склону холма — к берегу Мертвого моря. Костяная скорлупа была пронизана множеством отверстий с зазубренными краями. Похоже было, что демонессу разодрали на части изнутри.

Хильдегарт никогда прежде не видела, чтобы блемми страдал. Зато она повидала достаточно раненых и безошибочно узнала это выражение смертельного отчаяния на лице — сколь бы странным и необычным это лицо ни было.

У самой кромки темной соленой воды блемми наконец в

отчаянии опустился на землю.

Хильдегарт разровняла перед ним песок подошвой сандалии. Затем она вынула из складок своего плаща длинную медную булавку и написала: «Господин, возвратимся в твой Парадиз! Позволь мне заняться твоими ранами».

Блемми отстегнул от своего пояса небольшой нож и торопливо нацарапал на песке ответ:

> «Моя участь не имеет более значения / лишь дети любимой меня беспокоят / они наследники великой и благородной расы / хотя и родились в сем безотрадном краю».

> «Но, господин, давай попишем об этом в каком-нибудь более подходящем месте».

Блемми нетерпеливо стер эти слова ладонью.

> «Я в последний раз в жизни прикоснулся к моей несчастной возлюбленной / наши встречи были так прискорбно редки / мы обменивались посланиями, что тонули в черных межзвездных лагунах / каждую фразу приходилось терпеливо разбирать годами / наши народы разделяла смертельная вражда / но мне она верила / она согласилась стать моей / она отправилась со мною в ссылку в эти далекие неведомые земли / но вот она покинула меня, чтобы одной лицом к лицу встретить нашу печальную участь / моя милая / она никогда не думала о себе / всегда жила для других / и теперь, увы, некому мне писать письма / та, кому они были адресованы, навсегда исчезла / доброта и великодушие погубили ее».

И в порыве отчаяния блемми принялся стягивать со своих ног изодранные сапоги.

Хильдегарт покорно опустилась на колени и сняла остатки обуви с ног своего господина. На ногах оказалось множество ран — следы от колей и устрашающе крупных звериных клыков. Она сняла хлопковый плат со своей головы и разорвала его на полосы.

> «Я обещал ей позаботиться о детях / защищать их, как я прежде защищал и оберегал ее / тот опрометчивый обет сломил мой дух / я нарушу данную ей клятву, ибо не могу жить без нее / без ее доброты, внутренней силы и великодушия / она была так мудра / ей были открыты

такие глубины познания / великие чудеса, о каких я и подозревать не мог / в ней жила необыкновенная непостижимая душа / а уж как она меня любила / какие дивные чудеса мы делили друг с другом / мы пришельцы из разных миров / о до чего же чудесно она писала!»

Тут к ним подошел Синан. Глаза у ассасина покраснели от ядовитых испарений, но он уже взял себя в руки и успокоился.

— Что ты там делал? — спросила Хильдегарт, перебинтовывая окровавленную беспалую ногу блемми.

— Я создал шедевр! Ты только послушай! — радостно возгласил Синан. Он поднял повыше кусок пергамента, который держал в руках, прокашлялся и с выражением прочел: — «Я своими глазами узрел горы трупов. То жертвы резни или бойни. Все изрублены, иссечены; их разорваны горла, и из прободенных черепов вытек мозг. Их изломаны спины, раздроблены шеи; их носы перебиты и залиты алою жижей, и их волосы слиплись в крови. Ссохлись нежные алые губы; размозженные головы, как решето, все пробиты; ступни иссечены и изодраны множеством лезвий; пальцы срезаны — ими усеяно сплошь все пространство вокруг; и у каждого трупа грудь как месиво кости и мяса. И казалось, с последним дыханьем из этих грудей вырываясь, сами души раздроблены были и иссечены; и тела бездыханно лежали, будто серые камни, средь мертвенных хладных камней!»

Окровавленные пальцы Хильдегарт соскользнули с узла, которым она пыталась закрепить импровизированную повязку на ноге своего господина. Солнце сильно припекло ее неприкрытую голову. В ее ушах зазвенело. В глазах помутилось.

Когда она пришла в себя, то первым делом увидела Синана, который заботливо протирал ей лицо куском ткани, смоченным, водой из фляги.

— Ты упала в обморок, — сказал он.

— Да, — слабо пробормотала Хильдегарт, — это было уже слишком.

— Еще бы! — подтвердил Синан. Глаза его сияли. — Ведь эти волшебные стихи вылились из меня в едином порыве божественного вдохновения! Будто мое перо само научилось возглашать истину!

— Значит, все это ты увидел в аду? — спросила она.

— О нет, — отвечал Синан. — Этим ужасам я стал свидетелем при осаде Иерусалима. Но прежде мне никак не удавалось описать свои впечатления, а сейчас на меня снизошло вдохновение. — Синан пожал плечами. — А в этой

отвратительной шахте я вообще почти ничего не смог разглядеть. Только темный едкий дым да обломки костей. Ну и прорва бесят: их визг и шебурша-ние раздаются со всех сторон, будто пещера полна не то ящериц, не то летучих мышей. И вонь от них адская… — Синан бросил косой взгляд на израненные ноги блемми. — Видишь, как маленькие черти искусали его, когда он пытался пробраться сквозь их толпу и забрать останки их мамаши.

Блемми не мог слышать того, что сказал Синан, но интонации ассасина его, по-видимому, взволновали. Он приподнялся и сел. Его черные глаза были словно подернуты пленкой и полны безысходного горя. Он вновь взялся за нож и вырезал им на песке новое послание:

> «А теперь мы поднимем бесценное тело моей возлюбленной / и опустим его для вечного упокоения в недра сего чужеземного моря, столь любимого ею / во всем вашем мире не нашлось места, которое встретило бы ее ласковее, чем эти тихие воды».

Синан убрал пергамент со стихами и потянул за одну из побелевших конечностей искалеченного тела, которое принадлежало возлюбленной блемми. Костяная броня с грохотом перевернулась, будто скорлупа от яйца птицы Рух, пробитая клювом птенца. Раненый блемми встал на окровавленные ноги и, напрягая все свои иссякающие силы, попытался поднять или хотя бы толкнуть эту костяную стену. В конце концов и Синан, и блемми с плеском шагнули в зловещие воды и сразу же погрузились по пояс.

Когда белый остов стал погружаться в воду, из его внутренности вдруг послышались шорох и шебуршание. Из каких-то потаенных закоулков костяной скорлупы, шатаясь на трясущихся лапках, как мокрый птенец, выполз маленький, жутковатого вида бесенок. Он принялся прыгать, чирикать и визжать.

Мудрый Синан тут же замер, как охотник, случайно встретивший леопарда. Но блемми не смог сохранить хладнокровие. Громко фыркнув, он с плеском рванулся к берегу.

Бесенок ринулся вслед за блемми с ловкостью прирожденного хищника. Нагнав свою жертву, он повалил ее на соленый песок и тут же принялся пожирать добычу.

Синан схватил ближайшее оружие, оказавшееся под рукой: он оторвал от скелета демонессы подходящую кость, бегом выбрался на берег и ударил ею бесенка, как булавой, по колышущейся от удовольствия спине. Однако броня у этой твари была куда

прочнее, чем у краба: тяжелый удар лишь разозлил маленького монстра. Демон с невероятной скоростью повернулся и обрушился на ассасина. Менее опытного воина он, должно быть, сразил бы на месте. Но мудрый Синан перехитрил бесенка. Увернувшись от смертоносного броска, он ударил своей булавой по хрупким суставам костяных конечностей твари. Когда же чудище рухнуло на песок, шипя и обливаясь пеной, он достал из складок своей одежды короткий кинжал с изогнутым лезвием и прикончил бестию.

Синан вынул кинжал из трупа бесенка и поднялся на ноги. Одежда его была изорвана, рука окровавлена. Спрятав кинжал, он оттащил тело маленького чудовища к самой кромке соленой воды. Затем, содрогаясь от омерзения, он поднял его и отнес на то самое место, где покоился в неподвижной воде труп его матери.

Хильдегарт опустилась на колени подле своего господина. Раны его заметно умножились. Он задыхался.

Блемми прикрыл глаза, ослабев от боли и тоски. Силы его таяли на глазах, но он явно хотел написать что-то еще. Он нацарапал на песке дрожащим пальцем:

> «Отнесите меня в мой Парадиз и перевяжите мои раны / сделайте все, чтобы я выжил / я открою вам великие тайны / неведомые и величайшим пророкам».

Синан взял Хильдегарт за руку.

— Знаешь, дорогая, судьба наших лошадей меня больше не беспокоит, — сказал он.

Затем Синан опустился на колени и стер все, что написал их господин. Капля его собственной крови упала на песок возле лужи, натекшей из ран блемми.

— О мой бесстрашный герой! Это отвратительное чудовище ранило тебя!

— Знала бы ты, какое бессчетное множество раз было ранено мое бедное старое тело!

Левая рука Синана была сильно рассечена хвостом твари, как будто хлыстом. Он сжал зубы от боли, когда Хильдегарт перетягивала ему рану шарфом.

— Знала бы ты, дорогая, какую радость доставила мне эта схватка! Никогда в жизни я еще не убивал тварь, которую так сильно хотел бы убить.

Блемми с трудом, упершись локтем в песок, приподнял свое безголовое тело и сделал слабый знак, чтобы они подошли. И в это мгновение Хильдегарт почувствовала острую ненависть к нему, к его слабости, которая заставила его поддаться

дьявольским искушениям.

— Как ты думаешь, о чем это блемми собирается написать нам? Что это за «великие тайны», о которых он обещает нам поведать?

— Да всё те же самые, ничего нового, — с отвращением отвечал Синан. — Наверняка это будет все тот же мистический бред, будто Солнце — не более чем звезда.

Хильдегарт передернула плечами:

— Терпеть не могу эти его бредни!

— А потом он станет утверждать, будто мир невообразимо стар. Чушь, да и только. Ну пойдем, дорогая, поможем ему. Давай подлатаем как следует нашего господина, ведь больше некому это сделать.

— «Тысячи лет, — принялась цитировать Хильдегарт, не двигаясь с места, — и еще тысячи тысяч лет. И еще тысячи тысяч и тысяч. И еще помножить все это на тринадцать с половиной. Вот сколько лет прошло с тех пор, как родилась наша Вселенная».

— И как только ты все это помнишь? В искусстве чисел тебе нет равных!

Вдруг по телу Синана, от макушки до пят, пробежала дрожь: то была волна ярости, страха и усталости — отзвук недавнего поединка.

— Дорогая, позволь спросить тебя, на твое суждение я готов полностью положиться: как ты думаешь, все эти огромные числа имеют хоть какой-нибудь смысл? Ну хоть малейший?

— Нет, — ответила Хильдегарт.

Ассасин бросил усталый взгляд на совсем уже ослабевшего блемми и понизил голос:

— Ну что ж, твоему мнению я доверяю всецело. Значит, ты абсолютно уверена в том, что говоришь?

Хильдегарт ощутила прилив необыкновенной нежности к Синану. Она хорошо знала это выражение его лица — искренне и всерьез озадаченное. Она часто наблюдала это выражение в те далекие дни, когда она и Синан, наложница и господин, игрывали в шахматы, в безмятежности коротая приятные вечера. Ведь это Синан научил Хильдегарт играть в шахматы, до этого она и не подозревала о том, что есть такая игра. А игра оказалась просто потрясающей — что за чудо этот король, который едва может ходить, и быстрый ферзь, и отважные кони, и доблестные ладьи, и яростные слоны! И когда Хильдегарт стала все чаще выигрывать, Синан знай себе только смеялся да нахваливал ее недюжинный ум; казалось, игра ему от этого стала нравиться даже больше, чем прежде.

— Мой дорогой, мой отважный Синан, я даю тебе слово:

такие бездны времен не нужны даже Богу, не говоря уж о его ангелах!

Без головного покрывала у Хильдегарт кружилась голова. Она осторожно провела руками по своим длинным косам.

— Почему он считает, будто цифры могут нас как-то вознаградить? Лично я бы предпочла золото и бриллианты.

Синан снова пожал плечами, бережно придерживая раненую руку.

— Полагаю, что горе затмило ему разум. Надо унести его подальше отсюда, подальше от тела возлюбленной. Если получится, нужно положить его в постель. Нельзя требовать многого от мужчины, когда он находится у края могилы своей любимой.

Хильдегарт с отвращением взглянула на скелет демонессы. Плотные соленые воды все еще не спешили поглотить гигантский скелет, но постепенно, сквозь многочисленные отверстия, влага все же просачивалась внутрь, и костяной остов понемногу тонул, будто корабль, пробитый ядрами. Вдруг в сердце Хильдегарт закралось темное подозрение. За ним последовал леденящий ужас.

— Синан, подожди-ка еще минуту. Послушай меня. Сколько всего адских отродий вышло из чрева этого жуткого демона?

Синан сощурил глаза:

— Думаю, не меньше сотни. По крайней мере, судя по тем ужасающим звукам, которые я слышал в пещере.

— Синан, а ты помнишь ту сказку, про султана и шахматную доску? Сказку про большие числа?

Это была одна из его любимых арабских сказок. В ней рассказывалось об опрометчивом обещании, которое глупый султан дал одному хитрому вельможе. На первом квадрате шахматной доски — одно-единственное зернышко пшеницы, на втором — уже два зерна, на третьем — четыре и так далее: восемь, шестнадцать, тридцать два… И в конце концов адские числа складывались в целый амбар.

Синан нахмурился:

— О да. Я помню эту сказку. И я начинаю понимать, к чему ты клонишь.

— Ведь ты же сам мне ее рассказал, — заметила Хильдегарт.

— Умница моя, я очень хорошо помню, как рассказывал тебе эту сказку! И я отлично знаю, как глубока та подземная шахта! Ха-ха! Так вот зачем он хочет накормить этих бесов мясом моих драгоценных коней! Когда эти мерзкие твари начнут размножаться, сколько их станет, как ты думаешь? Сотни, и сотни, и сотни!

— Чем это нам грозит? — спросила Хильдегарт.

— Это же очевидно, — отвечал Синан. — Они выберутся наружу и наводнят собою нашу священную родину. А размножаясь снова и снова, они вскоре распространятся на такие расстояния, которые не пролетит ни одна даже самая сильная птица!

Хильдегарт порывисто обхватила его руками. Боже, как быстро он все понимает!

Синан перешел на громкий шепот:

— Что ж, дорогая, благодаря твоей женской интуиции мы разгадали его коварный замысел! Теперь мне совершенно ясно, что нужно делать. Ты ведь со мной согласна, не так ли?

— О чем ты?

— Я должен убить его.

— Что, прямо сейчас?

Синан отстранился от нее; лицо его приняло решительное и угрожающее выражение.

— Ну разумеется, сейчас! Если хочешь убить сильного противника — нападай на него неожиданно, как гром среди ясного неба. Смертельный удар лучше всего наносить именно тогда, когда противник его меньше всего ожидает. Ты сейчас сделаешь вид, будто хочешь помочь ему подняться на ноги. И тогда я, не говоря ни слова, поражу его моим стальным клинком прямо между ребер.

Хильдегарт сощурилась и стряхнула со своего плаща песчинки.

— Скажи, Синан, а ты уверен, что у блемми вообще есть ребра?

Ассасин задумчиво погладил бороду.

— Ты права, дорогая, я, пожалуй, погорячился. Нужно все продумать.

Но пока они перешептывались, блемми уже сам поднялся с окровавленного песчаного ложа. Пошатываясь и спотыкаясь, он вошел в зловонные, соленые, мертвые воды. Останки его возлюбленной так и не утонули до конца: слишком уж мелко здесь было.

Пытаясь удержаться на плаву, блемми принялся толкать белый остов за костяные зубцы и шипы, торчащие над поверхностью воды, с тем чтобы оттащить его подальше от берега. Плотность воды в Мертвом море очень высока, и утонуть в нем почти невозможно — но ведь у блемми не было головы, которую можно было бы держать над водной поверхностью. Синан и Хильдегарт кричали ему об этом, стараясь предупредить об опасности, но господин не услышал их криков.

Застряв между тяжелых костей своей возлюбленной, он утонул. А несколько минут спустя его труп выскочил на поверхность, будто пробка.

После гибели Тихого Господина дела в Святой земле сразу же пошли из рук вон плохо. Для начала с рынков поисчезали все редкие товары. Затем торговля и вовсе пришла в упадок. Служащие перестали вести приходно-расходные записи. Цены пустились вскачь с такой скоростью, что уследить за ними не было никакой возможности. Урожаи были побиты, деревни разорены, караваны разграблены, а суда потоплены. Люди перестали торговать и учиться друг у друга: все споры теперь разрешались поножовщиной. Тающее на глазах христианское войско терпело одно поражение за другим. Спасаясь от безжалостного истребления, крестоносцы укрывались в каменных крепостях и там умирали от голода либо садились на корабли и судорожно носились от острова к острову, выпрашивая подкрепление, которое никто почему-то не рвался им дать.

Разбойничьи войска Синана были первыми, кто занял Парадиз блемми. Причем Синан и не думал извлекать какую-то пользу из того, что хранилось во дворце. Ассасин слыл злым колдуном, которому достаточно просто коснуться человека, чтобы убить, и воины боялись его смертельно. Однако известно, что, когда пахнет наживой, дисциплина в войске падает. И Синановы разбойники стали взламывать замки, жечь библиотеки, ножами выковыривать полудрагоценные камни.

Крестоносцы, которыми командовала Хильдегарт, к началу оргии опоздали, но зато быстро наверстали упущенное. Христиане накинулись на цветущий оазис, подобно стае волков. Все, что можно было унести, они брали с собой, а остальное сжигали.

Четверо воинов притащили Хильдегарт к Синану, в его большой черный походный шатер. Они швырнули ее на ковер, украшенный кистями.

Битвы, через которые алхимик провел свою армию, дались ему нелегко. Лицо его осунулось и покрылось морщинами. Но, узнав в новой пленнице Хильдегарт, он мгновенно просиял. Он помог ей подняться на ноги, достал турецкую саблю из ножен и осторожно разрезал пеньковые веревки, стягивающие ее запястья.

— Какие сюрпризы преподносит нам жизнь! — воскликнул он. — Как удалось тебе прорваться ко мне во всей этой неразберихе?

— Мой господин, моя судьба в твоих руках; я твоя пленница. Сэр Роджер Эдесский отдает меня тебе в заложницы, гарантируя

тем самым, что его войска будут вести себя смирно. — Произнеся эту краткую речь, которая была подготовлена заранее, Хильдегарт вздохнула с облегчением.

Синан выслушал ее с недоверием.

— Что за времена настали! Не иначе как миру приходит конец! Значит, Роджер, твой паладин, отдает мне в качестве заложницы известную праведницу? Что ж, на войне принято считать, что женщина — хороший подарок. Кто такой этот Роджер Эдесский? Не мешало бы преподать ему пару уроков по куртуазному кодексу чести!

Хильдегарт потерла затекшие запястья. Сердце ее переполняло желание довериться ассасину целиком и полностью.

— Видишь ли, Синан, я вынуждена была поставить Роджера Эдесского во главе этого похода. Роджер молод, отважен, он презирает смерть, и нельзя придумать для него лучшего дела, как ринуться в бой и поубивать тех бесовских чудовищ…

Синан кивнул:

— Да, я отлично понимаю таких людей.

— Это я заставила сэра Роджера отдать меня тебе в заложницы.

— Все равно он повел себя как невежа.

— Ах, все это очень, очень непросто. Дело в том, что Роджер Эдесский отправил меня к тебе потому, что он меня ненавидит. Видишь ли, сэр Роджер без памяти влюблен в мою внучку. Это очень глупая, совершенно безмозглая девица, я дала ей прекрасное образование, но она все равно презирает меня всей душой. И когда я поняла, насколько сильно ими овладела взаимная страсть, я сразу же их разлучила. Я укрыла ее в башне, в Тире, — приставила ухаживать за почтовыми голубями… Ведь Роджер — бродяга, искатель приключений, скиталец: его род лишился своих владений много лет назад. Я присмотрела для этой девицы куда более выгодную партию. Но оказалось, что даже хлеб и вода не в состоянии отбить у нее глупую привычку любить этого человека… Роджеру не нужно иной награды, кроме ее руки, и ради ее дурацких поцелуев он готов встретить лицом к лицу хоть все силы ада… Должно быть, тебе уже наскучила моя болтовня?

— Ну что ты, разве ты можешь наскучить мне, — с готовностью возразил Синан. Он слушал ее с усталой полуулыбкой, рассеянно поглаживая пухлую бархатную подушечку, лежащую подле него на ковре. — Пожалуйста, продолжай! Мне очень любопытна эта экзотическая история о романтической любви двух христиан. Твои семейные интриги всегда так занимательны!

— Послушай, Синан. Я, конечно, всего лишь глупая женщина, и к тому же монахиня, но прошу тебя отдать мне должное. Ведь все-таки я, эта самая монахиня, привела тебе армию. Я дала этим разбойникам оружие, я их одела и привела сюда, к тебе, чтобы ты с их помощью уничтожил бесов… Я сделала все, что было в моих силах.

— Что ж, это огромное достижение, моя милая маленькая Хьюдегар.

— Я так устала… Я близка к отчаянию. Как только по миру разошлась темная молва о смерти нашего Тихого Господина, все мои купцы тут же перессорились. И голуби больше не доставляют почту, Синан: их некому принять, и они исчезают бесследно. А если птицы все же прилетают, то приносят ужасающие вести: кражи, растраты, банкротства, все виды коррупции… Вокруг Тира и Акра выжжены все поля, по всей Святой земле хозяйничают головорезы Саладина… Где нет голода, там непременно чума… По небу плывут облака в форме змей, коровы телятся какими-то чудищами… Я скоро с ума сойду.

Синан хлопнул в ладоши и потребовал, чтобы она сняла с себя традиционные одежды, положенные пленнице; Хильдегарт с благодарностью отдала слугам этот официальный наряд. Затем ей поднесли прохладный лимонный шербет. Доброта и внимание, проявленные ассасином, сделали свое дело: Хильдегарт немного воспряла духом.

— Дорогой мой Синан, я должна еще кое-что сообщить тебе об этой банде, которую я привела тебе в помощь для нападения на ад. Все они христиане, и к тому же только что с корабля, — так что поверят любой небылице. Все они англичане — ну, то есть не англичане, а норманны: англичане теперь их рабы. У этих воинов львиные сердца, и львиная отвага, и львиные клыки, но и запросы тоже львиные. Я обещала им большую добычу, то есть велела сэру Роджеру, чтобы он им пообещал.

— Отлично. Похоже, с этими дикарями можно иметь дело. Ты им доверяешь?

— Господи, конечно же нет! Но англичанам все равно пришлось бы уйти из Тира на Священную войну, потому что местные жители не стали бы терпеть их дальнейшее присутствие. Эти англичане странный народ, очень жестокий. Они пьяницы, неряхи и буйные к тому же, а по-французски говорят так, что это ни на что уж не похоже… — Хильдегарт поставила стеклянную пиалу с шербетом на пол и принялась всхлипывать. — Синан, ты просто не представляешь, сколько всего я натерпелась от этих грязных животных. В наши дни никто уже не умеет вести себя учтиво, а уж сколько страшных, невыносимых оскорблений мне

пришлось пережить за эти дни… Эти люди ни в какое сравнение не идут с таким порядочным человеком и великим ученым, как ты!

Несмотря на все трудности, Хильдегарт все же удалось добиться официальных переговоров между сэром Роджером Эдесским и Синаном. Как и большинство воинов, умиравших на полях Святой земли, Роджер Эдесский был полукровка. Дед его был француз, бабка — турчанка, отец — германец, а мать — православная гречанка родом из Антиохии. Его собственная родина, Эдесса, давным-давно пала в огне.

Сэр Роджер был туркопол, то есть потомок христианско-мусульманских браков. Он носил итальянский плащ в шашечку, французские доспехи и заостренный персидский кавалерийский шлем, украшенный арабским павлиньим пером. Глаза сэра Роджера наполняла светлая поэтическая грусть, ибо не было на свете клочка земли, который он мог бы назвать своим домом. И в какую бы область Святой земли он ни отправился, везде ему приходилось видеть смерть людей, связанных с ним кровными узами. Всегда было принято считать, что туркополам — истинным детям Святой земли — доверять нельзя. Они за любую веру сражались с одинаковым безразличием, и все убивали их с одинаковым удовольствием. Роджеру было всего лишь двадцать лет, но сражаться и убивать он умел с двенадцати.

Сэр Роджер и самые отважные из его англичан внимательно вглядывались в своих новых союзников-мусульман, пока Хильдегарт переводила их слова. Как Синан ни старался, ему удалось собрать лишь две сотни воинов, желающих сразиться с демонами. Где-то вдали, за пламенеющим горизонтом, могучий Саладин собирался вести верных мусульман в другую битву — в последний, решающий, исторический бой против захватчиков с Запада. Так что мусульманские герои, готовые сразиться с демонами не на жизнь, а на смерть, были теперь большой редкостью.

Кроме того, прошел слух, что все без исключения ассасины, служившие Синану, добровольно предали себя мученической смерти. Тем не менее благодаря славе, которой Синан пользовался среди поклонников оккультного знания, ему все же удалось набрать небольшое войско слепо преданных ему фанатиков. При нем всегда находился страж-исмаилит, вышедший из медресе, признанной рассадником ереси. Был у него и небольшой отряд пехоты, состоявший из египтян, подданных династии Фатимидов; эти воины привели с собой и своих нубийцев. К осадным орудиям была приставлена горстка перебежчиков из Дамаска. Синан надеялся, что эти огромные

смертоносные машины принесут ему быструю победу.

Роджер осмотрел страшные орудия с видимым уважением. Медные остовы машин, предназначенных для метания «греческого огня», живо вызывали в воображении жуткие картины увечий, нанесенных липкой, обжигающей массой. А на массивные рычаги для катапульт ушло немало великолепных ливанских кедров.

Роджера всему научили тамплиеры. Однажды он даже побывал по их поручению в Париже: ведь они вечно искали все новых и новых источников дохода — деньги на войну требовались постоянно. И молодой человек совершенно безосновательно гордился своим изящным французским произношением.

— Ваше превосходительство, мои благочестивые воины полны решимости изничтожить это злобное племя пещерных чудовищ. Однако нам хотелось бы знать, чем будут оплачены наши услуги.

Хильдегарт перевела. Лукавый ассасин прекрасно читал по-французски, но никогда ни при ком не говорил на этом языке.

— Сын мой, не забывай: перед тобой не кто-нибудь, а Горный Старец. — С этими словами Синан вручил Роджеру внушительную пригоршню бриллиантов. — Можешь оставить эти несколько камешков для себя и своих славных ребят. Они поднимут боевой дух твоей армии. А когда последнее исчадие ада будет уничтожено, мы спустимся в алмазную шахту, где они ныне обитают, и честно разделим их легендарные сокровища.

Роджер показал задаток двум своим старшим офицерам. Один из них был усатый англичанин — морской капитан с обветренным лицом: верхом на лошади он чувствовал себя крайне неуютно; другой — стриженый норманн, по всей видимости мошенник у этого были отрезаны уши. Оба разбойника недоверчиво засунули по камню себе в рот и поболтали ими между зубов; когда бриллианты не растрескались, как стекляшки, офицеры выплюнули их в свои плосковерхие шлемы, а затем обменялись кривыми ухмылками.

Ассасины, высланные Синаном в дозор, внимательно следили за входом в пещеру. Маленький военный совет в полном составе отправился туда, дабы изучить место будущей схватки. Хильдегарт забеспокоилась: в окрестностях шахты произошли зловещие изменения. Тяжелая дверь из стекла и железа была вся испещрена небольшими отверстиями. Повсюду валялись свежие кости вперемешку с мертвенно-бледными обломками крабьих панцирей. Вся растительность вокруг была изглодана или вырвана с корнем, даже сухая земля выглядела будто пережеванной, как если бы ее месило копытами стадо

разъяренных от боли быков, на которых только что выжгли клейма.

Офицеры Роджера опустили свои копья, украшенные вымпелами, и попытались проткнуть ими пустой розоватый панцирь. Роджер задумчиво покатал бриллиант между пальцев в кольчужной перчатке.

— О господин главнокомандующий и великий эмир! Ты был воистину прав, когда говорил нам, что здесь находится вход в ад! Как нам следует поступить?

— Первым делом мы с помощью огня заставим их выйти на поверхность. В остальном я возлагаю большие надежды на твоих воинов-христиан, которые должны облачиться в тяжелую броню. — Синан искренне старался быть учтивым. — Я собственными глазами видел, как ваша тактика сокрушительных ударов сметала противника в одно мгновение. Особенно пеших крестьян.

— Я полагаю, что к завтрашнему утру мои рыцари будут трезвы и готовы к выполнению ваших приказов, — ответил Роджер. — Кстати, а не потребуется ли наша помощь в транспортировке ваших тяжелых самострелов? Нам уже приходилось иметь с ними дело под Иерусалимом.

— Мои инженеры из Дамаска сделают все самым наилучшим образом, — заверил его Синан и развернул своего великолепного арабского скакуна. Вся кавалькада двинулась прочь от пещеры.

— Ваше превосходительство, нам еще нужно договориться о системе сообщения, — настойчиво продолжал Роджер. — Ваши подручные предпочитают использовать барабаны, а у нас в ходу флаги и рог…

— Мой юный полководец, не беспокойся, эту проблему легко разрешить. Не согласишься ли ты наблюдать за битвой со спины моего слона? Вместе со всеми барабанами, флагами, рогами и… нашей переводчицей, разумеется?

Хильдегарт была так потрясена этим предложением, что чуть не свалилась с лошади.

— Что я слышу, Синан? У тебя есть слон?

Умелой рукой ассасин перехватил уздечку ее норовистой кобылы.

— Моя ненаглядная пленница, я пригнал сюда слона для твоей же собственной безопасности! Надеюсь, ты не побоишься наблюдать за ходом сражения со спины моего гигантского зверя?

Хильдегарт твердо выдержала его взгляд.

— Я целиком доверяюсь твоей мудрости и заботе, о грозный принц, и ничего не страшусь!

— Ты очень добра.

Боевой слон Синана был весьма странным созданием. Это серое и морщинистое толстокожее животное прошло невероятное расстояние — быть может, от самых дальних берегов Индостана — и добралось до Мертвого моря исхудавшим, измученным жаждой; его большие плоские ступни были разъедены солью. Слоновьи бока, будто выпуклые крепостные стены, покрывали трещины и боевые шрамы, а в его маленьких красных глазках светилась смертельная ненависть к людям. В его бивнях были пропилены аккуратные плоские отверстия для острых мечей, а гигантское тело, словно броня, окутывали толстые стеганые маты; из такого количества ткани можно было бы сшить не менее дюжины шатров. К высокому паланкину сандалового дерева крепился самострел, инкрустированный медью: чтобы его зарядить, нужно было прокрутить две стрекочущие ручки, и метал он сразу сорок тяжелых зазубренных стрел делийской стали, каждая из которых пробивала насквозь сразу трех человек. Так что хозяин этого зверя не мог не наводить ужас.

Высоко задрав голову, Хильдегарт посмотрела сначала на зверя, а затем на Синана, и во взгляде ее выразилось искреннее восхищение. Откуда нашлось в ассасине столько великодушия, что он оказался способен на этот великолепный жест?

На другой день Синан преподнес ей несколько официальных подарков: кинжал с рукояткой из слоновой кости, шлем с забралом и покрывалом, чтобы никто не увидел ее безбородого лица, мягкие одежды под доспехи и длинную рыцарскую кольчугу. Не следовало простым воинам видеть, что на поле боя находится женщина. И все же Синан нуждался в ее советах, в ее переводческих способностях и в ее глазах, ведь ей предстояло впоследствии засвидетельствовать происходящее. А в доспехах и шлеме она вполне сойдет за мальчика-оруженосца.

Плотные кольца грязной кольчуги поскрипывали и звенели, тяжелым полотном свисая с плеч Хильдегарт. Доспехи были так тяжелы, что ей едва удалось подняться по складной лестнице на спину слона, в мерцающий паланкин. Забравшись в него, она тяжело опустилась на жесткие красные подушки, набитые конским волосом. Посмотрев вниз, на поле предстоящей битвы, она почувствовала головокружение: она вдруг ощутила себя не человеком, а оторвавшейся от ствола дубовой веткой.

Сражение началось с живописных взрывов: далеко внизу вспыхнули языки цветного пламени. Инженеры Синана обливались потом, но все-таки действовали довольно быстро, сбрасывая все новые сгустки алхимического огня в черную глотку ада.

Вдруг у выхода из пещеры показались сразу около дюжины

демонов. Эти твари привыкли к запаху серы, и брызги «греческого огня» не произвели на них особого впечатления. За прошедшее время твари успели подрасти и были уже размером с козла.

При виде этих странных подпрыгивающих существ кони зафыркали и стали под своими закованными в броню, тяжеловооруженными всадниками. Несколько трусов при первом же появлении этих противоестественных чудовищ в ужасе кинулись наутек, но товарищи тут же вернули им мужество громкими насмешками, и беглецы, краснея и отводя взгляды, вернулись на свои места.

Забили барабаны, затрубили рога, и тусклое пламя арбалетных стрел дождем обрушилось на танцующих крабов. Спустя несколько мгновений твари вдруг захромали, запрыгали, извергая беловатый гной, и жалобно запищали, вытаскивая стрелы из перебитых конечностей. Воины возликовали и воспряли духом. Наблюдая за происходящим сквозь прорези в забрале своего шлема, Хильдегарт вдруг догадалась: оказывается, демоны и не подозревали, что бывает оружие, способное наносить удар с расстояния. Ведь они никогда прежде такого не видели.

Вскоре запасы «греческого огня» у Синана иссякли. Тогда он велел задействовать катапульты. Искусные уроженцы Дамаска железными прутами закручивали тросы из конского волоса до тех пор, пока кедровые рычаги не начинали скрипеть от напряжения. Тогда катапульты с резким ударом забрасывали огромные керамические сосуды, полные студенистой нафты, прямо в нору, и из земных недр доносились глухие взрывы.

Вдруг из пещеры, подобно рвоте, хлынул поток отвратительных демонов: они ползли из-под земли, как толпа муравьев, спасаясь от боли; их панцири, будто венцы, окружали языки пламени.

Охваченные огнем, твари кинулись вперед беспорядочной толпой. Бесстрашные ассасины-исмаилиты, которые искали награды за пределами земной жизни, с именем своего бога на устах, обнажив сабли, вклинились в самую гущу обезумевших демонов. Отважные самоубийцы очень скоро находили свою смерть, погибая под ударами хвостов и клешней. При виде такого благородного самопожертвования, а также ничтожности его результатов все воины как один издали вопль яростной ненависти.

От горящей плоти чудовищ исходил странный, ни на что не похожий тошнотворный запах — зловоние, которое, казалось, даже лошади находили нестерпимым.

Вновь затрубили рога. Английские рыцари подняли копья, уперлись ногами в стремена и, сомкнув щиты, двинулись вперед.

Крабы сперва отпрянули, испугавшись вида собственной крови и блеска рыцарских копий. А тем временем рыцари, размахивая саблями и нанося удары направо и налево, отступили и перегруппировались. Им на помощь пришла пехота: пешие воины высыпали на поле битвы, добивая раненых чудовищ тяжелыми ударами боевых топоров.

Тут к небу поднялся столб черного дыма и стал застилать его. Из зловонной норы хлынул плотный, бурный, бурлящий поток демонических тварей. Похоже было, что дым отравил их: из жабр, находившихся у них на брюхе, извергалась бесцветная жижа. Их были сотни и сотни. Они легко перепрыгивали через любые препятствия; их переполняла такая неистовая энергия, что, казалось, они вот-вот полетят.

Через несколько мгновений маленькая армия была уже окружена. Дамаскины с отчаянными криками погибали возле своих осадных орудий. Лошади в ужасе валились на землю, когда чудовища кидались на них, хватали за ноги и перекусывали им колени. Стройные шеренги вооруженной копьями пехоты дрогнули и рассыпались.

Но никто не пытался отступать. Ни один воин не покинул поля брани. Люди бились с мерзкими тварями до последнего издыхания.

Люди гибли один за другим: их рассекали на части, рвали на куски. Сэр Роджер сидел со своим барабаном в хвостовой части паланкина и выкрикивал приказы, которых никто уже не слышал. Слон, искусанный и израненный существами, которые не могли допрыгнуть даже до его коленей, пришел в неистовство. Подняв длинный хобот, он издал душераздирающий вопль и, широко ступая на негнущихся колонноподобных ногах, при каждом шаге сотрясая землю, двинулся в самую гущу врагов. Когда гигантский разъяренный зверь наклонился вперед, Синан изловчился и метнул из самострела связку железных молний. Смертоносные стрелы, с метр длиной, протыкали демонов насквозь, пригвождая их к земле.

Несколько разъяренных демонов стали взбираться по слоновьему боку, будто по горному склону. Они карабкались вверх, цепляясь лапками за плотное хлопковое покрывало.

Хильдегарт, дрожавшая от страха под тяжелым шлемом и кольчугой, услышала, как они ползут и царапаются по крыше паланкина; а Синан и Роджер тем временем, стоя плечом к плечу, тщетно пытались достать их длинными клинками.

Тут страшные клешни вцепились в ее кольчугу и потащили вон из паланкина. Вместе с напавшими на нее демонами Хильдегарт тяжелой, бесформенной массой рухнула вниз со

слона, который продолжал идти вперед неровным, подпрыгивающим шагом. Так, большой общей кучей, они и свалились на египтян, которые, спасаясь от обступивших их демонов, целой компанией взгромоздились верхом на одну лошадь.

В ужасе и оцепенении Хильдегарт лежала на земле и наблюдала, как все больше и больше отвратительных чудовищ взбираются на огромного зверя, со скрежетом проносясь по ее металлическому облачению. Один демон, почти надвое рассеченный лезвиями, торчащими из слоновьих бивней, отлетел в сторону и шмякнулся прямо на нее. Лежа на ней, он забился в агонии, судорожно подергивая многочисленными конечностями и изливая из разорванных жабр бледно-розовую пену.

Хильдегарт лежала не шелохнувшись, будто мертвая, вспомнив о том, что именно так некоторым удавалось пережить самые жестокие битвы. Ей было очень страшно — вот так вот лежать на спине среди бурлящего потока яростных, шипящих и свистящих чудовищ, среди предсмертных воплей, проклятий и лязга стали. И в то же время было в этой вынужденной неподвижности какое-то особое умиротворение… потому что в этот момент Хильдегарт ничего не хотела. Она желала только одного: каким-нибудь чудом попасть обратно, в покойный и безопасный паланкин, и чтобы рядом был милый Синан, и она обвила бы его руками в последний раз, на прощание, и защитила бы от неминуемой жестокой участи — пусть даже ценою собственной жизни…

Вдруг, как часто случается посреди битвы, на поле боя наступило какое-то странное затишье. Хильдегарт увидела голубое небо и поднимающийся кверху столб черного ядовитого дыма. А потом вдруг закричал слон: он с воплем кинулся в ее сторону, ослепленный болью, истекая кровью, спотыкаясь, — он ринулся навстречу смерти. Огромная нога быстро опустилась и вновь взмыла вверх. Она растоптала Хильдегарт, искалечила ее тело.

К ее сердцу подступил холод. Она принялась тихо молиться.

Через некоторое время она открыла глаза и увидела израненное, окровавленное лицо Синана, увенчанное помятым шлемом.

— Победа за нами, — сказал он. — Мы перебили их всех, лишь нескольким тварям удалось скрыться в шахте. Нас тоже осталось не много, зато демоны будут истреблены все до единого. Я дал священную клятву, что следующему поколению людей уже не придется с ними столкнуться. Вместе с двумя уцелевшими ассасинами я спущусь в ад и покончу с ними раз и навсегда. Мы

заберемся в самое сердце их логова и прихватим с собой самые мощные бомбы. Ничто не сможет нам помешать.

— Я должна записать все, что видела, и потом мы поведаем миру об этом славном событии, сохраним его для истории, — пробормотала Хильдегарт. — А ты обязательно напишешь для меня стихи. Знал бы ты, как мне не терпится их прочесть!

Ассасин снял тяжелый шлем с ее кос и бережно уложил ее руки и ноги. Хильдегарт не чувствовала своих онемевших ног, зато она почувствовала, как ассасин приподнял ей кольчугу, чтобы ощупать ее искалеченную плоть.

— У тебя сломан позвоночник, дорогая.

И в ту же секунду — ведь смертельный удар лучше всего наносить именно тогда, когда его меньше всего ожидают, — Хильдегарт ощутила, как острый клинок уверенно вонзился ей между ребер. Ее верный ассасин зарезал свою подругу.

Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

— Ни один человек не напишет ни слова о нашей истории! Вся эта нежность была и останется нашей тайной — только твоей и моей.

Взъерошенный голубь принес срочное послание:

> «Моя дорогая! На проклятых берегах Мертвого моря мне пришлось участвовать в такой кровавой битве, пройти через такое адское пламя, что теперь я молюсь об одном: пусть ни один из выживших не напишет об этом ни слова. Войска мои уничтожены; все, кто пришел в эту землю сражаться во славу Господню, погибли во имя Его, а прислужники сатаны расточились и исчезли с лица земли, оставив по себе лишь хладный пепел да голые кости. И теперь сердце мне подсказывает: ни ты, ни я не узнаем счастья как женщина и мужчина, пока не покинем пределов этой ужасной Святой земли. Мы отправимся куда-нибудь далеко, за Геркулесовы столбы или даже за острова Пряностей. Впрочем, это ведь все равно. Нам нужно уехать в такие дальние края, где никто не будет знать ни наших имен, ни нашего происхождения. И там, обещаю, я буду принадлежать только тебе, тебе одной — до самой смерти.
>
> Доверься мне и готовься к отъезду, о возлюбленная, ибо я уже мчусь к тебе, чтобы забрать тебя наконец из этой башни, чтобы ты стала моей. Я скачу к тебе во весь опор, со всей скоростью, на какую способен самый быстрый конь. Вместе мы скроемся от всех, и никто

никогда не узнает, что с нами сталось».

Голубь, обремененный ношей, вновь поднялся с каменного карниза и спорхнул на пол. Он растерянно поклевал шелуху, оставшуюся от нескольких зерен, которые кто-то когда-то здесь обронил. Воды птица не нашла вовсе. Все клетки стояли пустыми; открытые дверцы болтались на петлях. Башня была заброшена; по пустым коридорам, вздыхая, гулял ветер.

Уильям Сандерс
Амба [118]

В представленном ниже впечатляющем рассказе писатель переносит нас в плачевное — и слишком правдоподобное — будущее Земли, где люди пытаются справиться с переходом от плохого к худшему…

Клиент посмотрел на часы, а затем, приподняв бровь, на Логана. Логан кивнул и развел руками, надеясь, что жест получился успокаивающим. Клиент покачал головой и снова уставился на поляну. Лицо его выражало что угодно, только не счастье.

Стараясь не проявлять собственных чувств, Логан повернул голову и взглянул в другой конец лабаза,[119] где Юра, охотник-полукровка, сидел, скрестив ноги, со старой винтовкой Мосина на коленях. Следопыт одарил Логана щербатой ухмылкой, и Логан через секунду усмехнулся в ответ.

Вновь приняв серьезное выражение лица, он кинул взгляд в потайное оконце. Солнце уже стояло высоко; желтый свет проникал сквозь листву и покрывал землю светлыми пятнами. Ранний утренний ветерок стих, и все вокруг безмолвствовало — за исключением сопящего и ворочающегося на дальней стороне прогалины поросенка.

Клиент возился с дорогущей на вид камерой; Логан не знал этой модели. Ну вот, снова посматривает на свои чертовы часы. Кстати, тоже дорогие. Клиент определенно преуспевающий. Звали его Стин, и был он настоящим дерьмом.

На самом деле, не слишком уверенно сказал себе Логан, Стин не так уж и плох, по крайней мере не настолько, как некоторые из их прошлых клиентов. Он высокомерен, но таковы они все. Хотя нынешний еще и нетерпелив, и это делает его настоящей занозой в заднице, особенно в засидке. Да, ждать, скорчившись внутри замаскированной палатки на дереве, когда все затекает, а ты молчи, не шуми и не дергайся, не слишком удобно, но все это ему объяснили заранее, а если ты не в состоянии выполнять простые правила — сиди себе в Новосибирске, смотри по телевизору «В мире животных».

Они проторчали здесь все утро, и, возможно, Стин решил, что это слишком долго. Но черт побери, разве это время, когда поджидаешь тигра, даже на его территории, даже с приманкой.

Плечи Стина приподнялись и опустились, по-видимому в немом вздохе. Что ж, молчать он умеет, в этом ему не откажешь.

Не то что тот тупой прошлогодний сукин сын в устье Бикин,[120] распугавший шумом всю живность от Владивостока до Хабаровска, а потом потребовавший назад деньги, потому что не добыл…

Внезапно Логан ощутил легкий толчок в плечо. Он оглянулся — рядом с ним, вскинув руку, сидел на корточках Юра. Под седеющими усами зашевелились губы, безмолвно произнеся слово: «Амба».

Логан пристально вгляделся туда, куда показывал палец Юры, но ничего не увидел. И не услышал тоже, совсем ничего; даже поросенок перестал копаться в земле и застыл, повернувшись в ту же сторону, что и Юра.

Стин тоже выглянул в оконце, глаза его расширились, и он еще крепче вцепился в камеру. Логан дождался, когда клиент посмотрит на него, и кивнул.

А вот и он — выступил на залитую солнцем поляну во всем своем темно-рыжем великолепии.

Краем глаза Логан заметил, как Стин зажал ладонью рот, несомненно подавив возглас изумления. Что ж, его нельзя винить: крупный самец амурского тигра, свободно разгуливающий на своей территории, — зрелище, от которого у любого перехватит дыхание. Даже у Логана в первые секунды каждый раз подкатывал к горлу комок благоговейного трепета.

А вот поросенок явно не испытывал таких чувств. Его поведение изменилось радикально — малыш заверещал и отчаянно забился на привязи, не отрывая перепуганного взгляда от тигра, остановившегося и разглядывающего визжащую добычу.

Клиент, вскинув фотоаппарат, то и дело жал на кнопку. Лицо его пылало от возбуждения. Интересно, а догадывается ли он, как ему повезло? Это чертовски большой тигр — честно говоря, самый большой из когда либо виденных Логаном вне зоопарка. Весит зверюга где-то около трехсот килограммов, и от носа до кончика хвоста в нем порядка трех — трех с половиной метров, хотя последнее сказать наверняка было трудно, поскольку тигр, изучающе уставившись на поросенка, ритмично хлестал хвостом из стороны в сторону.

Если Стин хоть немного петрит в фотографии, снимки должны выйти отличные. На спину тигра как раз падает широкий солнечный луч, так что в густой коричневатой, более спокойного, чем у огненно-рыжего бенгальца, оттенка шкуре светится каждый волосок, отчего зверь кажется еще крупнее.

Тигр сделал пару неторопливых, почти жеманных шагов, беззвучно ступая неимоверно широкими лапами по прелой листве. Пусть он и самая большая кошка в мире, но он все равно

кошка — тигр понимал, что что-то тут не так. Он не мог учуять троих спрятавшихся поблизости мужчин — спасибо чудесному и загадочному травяному отвару, которым Юра окропил лабаз, — но знал, что поросята, привязанные к деревьям, обычно не встречаются посреди чащи.

С другой стороны, он был голоден.

Тигр остановился, хвост его заходил быстрее, и зверь припал к земле. Мышцы на плечах вздулись буграми, точно он готовился к прыжку…

Стин чихнул.

Нет, не чихнул, конечно, скорее фыркнул, ухитрившись зажать нос рукой и приглушить звук. Но этого оказалось более чем достаточно. Тигр резко обернулся, уши его встали торчком, и на миг Логану показалось, что взгляд огромных жутких глаз впился прямо в его зрачки, — а потом зверь метнулся через прогалину лесным пожаром, возвращаясь туда, откуда пришел. Спустя секунду он исчез.

За спиной Логана Юра пробормотал:

— *Govno.*

— Простите, — глупо выдавил Стин. — Не знаю, почему…

— Конечно. — Логан пожал плечами. Он привстал со скамеечки, согнувшись под низкой крышей. — Ну по крайней мере ты заполучил пару фоток, верно?

— Думаю, да. — Стин что-то сделал с камерой, и на задней стороне аппарата засветился квадратный экранчик с крошечной цветной картинкой. — Да. — Он посмотрел на Логана, направившегося к занавешенной дверце засидки. — Что, уже уходим? А нельзя подождать, вдруг он вернется?

— Не вернется, — ответил Логан. — Охотники почти полностью истребили его породу. Он знает, что здесь люди, и не станет рисковать из-за порции свинины на ужин. Черт, ты же видел его. Едва ли он умирает с голоду.

— Может, другой…

— Нет. Тигры — одиночки, им требуется чертовски громадная территория. Взрослый самец, такой как этот, единолично царствует на пятидесяти, а то и ста квадратных километрах. Или больше.

Они говорили по-английски; Стин отчего-то предпочитал общаться так, хотя по-русски шпарил не хуже Логана.

— И кстати, — продолжил Логан, — ты заплатил за однодневную экскурсию. Если хочешь остаться и подождать, может, увидишь еще что-нибудь. Волков-то наверняка — явятся как миленькие, как только услышат поросячий визг. Может, даже медведя, хотя вряд ли. Впрочем, позавчера ты имел счастье

наблюдать пару косолапых, а волки, сам сказал, тебе не в новинку.

— Да. В окрестностях Новосибирска их много. — Стин вздохнул. — Думаю, ты прав. Лучше вернуться.

— Вот и ладно. — Логан начал спускаться по лестнице, но остановился. Поросенок все еще вопил. — Юра, — устало сказал проводник по-русски, — ради бога, пристрели эту треклятую свинью.

Чуть позже они шагали обратно по той же узкой тропе, петляющей меж деревьев, по которой пришли к лабазу ранним утром. Логан замыкал шествие, перед ним плелся Стин, а Юра выступал первым, баюкая на руках старика «мосина». Вдруг Стин заговорил:

— Полагаю, он поставил винтовку на предохранитель? Юра хмыкнул.

— Предохранителя нет, — не оглядываясь, ответил он по-английски, с сильным акцентом, но правильно строя фразу. — Это ружье.

Шея Стина слегка порозовела.

— Извини, — сказал он. — Я действительно рад, что один из нас вооружен. Ведь вокруг звери…

Логан едва сдержался, чтобы не фыркнуть. В сущности, он был далеко не уверен, что Юра застрелит тигра, если тот набросится на них. Для удэгейцев и прочих тунгусских народностей Амба — это могучий священный дух, почти бог, которого надо чтить и которому ни в коем случае нельзя причинить вред.

С другой стороны, Юра наполовину русский — хотя следопыт как-то проговорился, что его дед, крымский татарин, был политическим заключенным, который бежал из ГУЛАГа и нашел приют в уединенной нанайской деревне, — и никогда не знаешь, какая из его половинок одержит верх. Так что Логану всегда было любопытно, чем закончится дело, если тигр нападет на Юру или еще на кого-нибудь.

Ружье в основном предназначалось для защиты иного рода. В этом краю люди вовсю заправляют темными делами: тут полно наркодилеров, скупщиков краденого, браконьеров, дезертиров, китайских и корейских нелегалов и тех, кто их перевозит. Здесь, в глуши, можно столкнуться с кем угодно, и тигры — меньшая из опасностей.

Тропа взбиралась на склон невысокого, но крутого холма, заросшего густым молодым леском. День, несмотря на солнце, выдался холодный, и кое-где под деревьями еще лежали грязные

кучки снега, но Логан при подъеме все равно расстегнул куртку, чувствуя, как под рубахой бегут струйки пота. На вершине он объявил привал, и они со Стином присели на поваленное дерево. Юра прислонился к стволу, вытащил из-за пояса нож и принялся чистить лезвие пучком сорванных листьев: несмотря на приказ Логана, он не стал тратить ценный патрон, а перерезал поросенку горло.

Стин взглянул на Логана.

— Ты американец, — утвердительно произнес он. — Можно узнать, как ты оказался в этой стране?

— Я отвечал за безопасность в совместной русско-американской трубопроводной компании, тут, в Сибири.

— Это было еще до потепления?

«Как раз перед тем, как все стало настолько плохо, что люди наконец это признали».

— Да, — сказал Логан.

— Ясно, — кивнул Стин. — И с тех пор ты не был дома?

— Мой дом, — голос Логана неожиданно для него самого прозвучал хрипловато, — дыра под названием Галвестон, штат Техас. Этот городишко вот уже пару лет как под водой.

— О, — вздохнул Стин. — Я знаю, каково это. Мне, как и тебе, некуда возвращаться.

«Без дураков», — подумал Логан. Интересно, кто этот Стин? Судя по имени — голландец или бельгиец; а с чертовым потопом и морозом, превратившим весь северо-запад Европы в холодильник, после того как таяние полярных льдов отклонило Гольфстрим, странам Бенилюкса в наши дни несладко.

Стин, видно, один из тех, кто вовремя свалил и был достаточно сообразителен, богат и удачлив — а обладать нужно было всеми тремя качествами разом, — чтобы включиться в сибирский бум в самом начале, до того, как сюда хлынул поток западных беженцев и русские начали захлопывать двери. И он, должно быть, добился больших успехов в своем деле, чем бы он ни занимался. Посмотрите на него: уже может позволить себе роскошь провести отпуск на Дальнем Востоке. Не говоря уже о связях, которыми надо обладать, чтобы получить необходимые разрешения на это маленькое приключение.

Логан поднялся:

— Идем. Пора двигаться дальше.

Теперь тропинка побежала вниз, вдоль узенького ручья, и вышла на старую, заброшенную лесовозную дорогу, уже заросшую сорной травой и кустарником. Пережиток старых недобрых дней, когда древесину незаконно вывозили из страны на юг за Амур и

на восток за Уссури,[121] вырубая обширные участки предположительно охраняемого леса почти без вмешательства подкупленных властей, переправляя бревна на вечно голодные китайские и японские рынки.

Это было страшное, запутанное время, и все же в итоге все это оказалось не важно. Древняя тайга, пережившая многие тысячелетия, не справлялась с повышением температуры: потепление губило ее быстрее и глобальнее, чем дровосеки.

Но потом рынки рухнули вместе с экономикой развитых стран; алчные лесозаготовители двинулись на север, в Сибирь, с ее безбрежными лесами, страстно желая заполучить пиломатериалы для растущих как грибы новых городов. Заброшенные просеки начали затягивать раны, зарастая карликовым кустарником, а потом и самоуверенными молодыми деревцами.

Что означало, для оленей например, изобилие свежей, доступной пищи; и очень скоро популяция оленей неимоверно размножилась, к вящей радости тигров, медведей и волков, весьма отощавших за последние пару десятков лет.

Дорога оказалась достаточно широка, чтобы Логан и Стин пошли рядом, хотя Юра продолжал шагать впереди. Стин все молчал, и Логан начал надеяться, что его наниматель уже не откроет рта, но в конце концов он все-таки заговорил:

— Мало.

Обескураженный Логан переспросил:

— Что?

— Мало, — повторил Стин. — Ты должен признать, что мало. Всего минута. Даже меньше.

Логан сообразил. «О господи, — подумал он, — этот тип все три километра себя накручивал». Он осторожно сказал:

— Мистер Стин, вы наняли нас, чтобы мы показали вам участок и дали возможность сфотографировать дикую природу. Если припомните, контракт не гарантировал встречи с тигром — только наши старания показать вам его. Что мы и сделали — сегодня утром тигр стоял перед вами.

Лицо Стина обрело упрямое, сердитое выражение.

— Формально ты прав, — сказал он, — но все равно это неправильно. Это не стоит тех денег, что я тебе плачу.

— Мистер Стин, — терпеливо повторил Логан, — вы, кажется, не представляете, насколько вам повезло. Некоторые наши клиенты неделями сидят в лабазе, прежде чем увидят тигра. А кое-кто так и уходит ни с чем.

Стин качал головой.

— Знаешь, — сказал Логан, — если тебе кажется, что нынче

утром ты не нагляделся, и если хочется попробовать снова, мы организуем вторую попытку. Добавим ее в первоначальный контракт, обойдется ненамного дороже.

Стин уставился на Логана.

— Я подумаю об этом, — произнес он наконец. — Возможно. Я не считаю, что должен платить еще что-то, но возможно. Утром я приду в офис и сообщу вам о своем решении.

— Отлично, — кивнул Логан. — Уверен, мы найдем разумное решение.

А сам подумал: «Сукин ты сын. Самодовольный богатенький сукин сын со своей чертовой суперкамерой, которую ты можешь запихнуть себе в задницу вместе со своими треклятыми суперчасами».

Но он промолчал, сунул руки в карманы куртки и зашагал дальше. Клиент всегда прав.

Через пару часов они вышли на широкую просеку на вершине холма, где встретились с дожидающимся их возле большого вертолета «Ми-2» низкорослым коренастым человеком с закинутым за спину автоматом Калашникова.

— Логан! — воскликнул тот, поднимая руку. — *Zdrast'ye.*

— Миша, — кивнул Логан. — Как дела?

— Нормально. Ничего не случилось, ждал вас, морозил задницу. Ну и где, спрашивается, это глобальное потепление, о котором столько талдычат?

— Ха! Десять лет назад в это время года ты бы и вправду отморозил себе задницу, поскольку торчал бы тут в снегу — по самую по нее.

— Да ну, не обращай внимания, уж и поныть нельзя, — сказал Миша по-английски и снова перешел на русский: — Как прошло? Получил он своего тигра?

Логан кивнул, глядя, как Стин забирается в вертолет. Юра стоял рядом, у дерева, щедро поливая струей ствол.

— Так скоро? *Bozhe moi,* и впрямь быстро.

— Слишком быстро. — Стин уже сидел внутри, и Логан не думал, что он может услышать их; впрочем, его это уже не волновало. Он рассказал Мише, что произошло. — Не смейся, — поспешно добавил он, видя, что Стин наблюдает за ними из окна кабины. — Сейчас он не очень доволен. Считает, что за свои денежки чего-то недополучил.

— *Shto za chort?* Он что, ожидал, что тигры выстроятся рядком и хором споют ему популярную песенку? — Миша огляделся. — А где свинья?

— Я попросил Юру убить ее. Слишком хлопотно тащить ее

обратно, а просто бросить бедного порося на привязи дожидаться волков я не мог.

— Хреново. Мы могли бы отдать его Кате, она бы поджарила нам свининки.

Он скинул с плеча «Калашников» и протянул автомат Логану.

— Позаботься о моем дружке, пожалуйста, а я попробую заставить старичка «миля»[122] еще раз отнести нас домой.

— Значит, — спросил Миша, — ты считаешь, это тот же самый? Большой, прошлогодний?

— Думаю, да, — ответил Логан, наливая себе еще. — Конечно, наверняка не скажешь, но место то, и я не представляю, чтобы два крупных самца занимали одну территорию.

Поздним вечером они сидели в квартирке Кати в Хабаровске. В комнате было тесно, шумно, душно, в спертом воздухе клубился табачный дым, но они забились в угол, подальше от суеты. На столе между ними стояла литруха водки. Точнее, в этой бутылке когда-то был литр водки, сейчас же ее содержимое значительно сократилось.

— В сущности, — продолжил Логан, — мне вообще трудно представить двух настолько крупных самцов. Если это не тот же самый, если они все вырастают до таких размеров, тогда мне придется повышать расценки.

— Так это же здорово. Если мы знаем, что в здешних лесах бродит огромная симпатичная киска, то дело пойдет, — заявил Миша и вдруг нахмурился. — Если какой-нибудь придурок не пристрелит его. Такая большая шкура — это реальные деньги.

— Рынки почти загнулись, — сказал Логан. — У китайцев слишком много своих проблем, чтобы интересоваться шкурами, — засуха, пыльные бури, полстраны пытается прорваться в Монголию, — и богатые старикашки, жаждавшие раздобыть экстракт из тигриного члена, чтобы поднять свой собственный, слишком заняты попытками сохранить то, что у них есть. Или смыться.

— Все это правда, — кивнул слегка осовевший Миша: он уже немного перебрал. — Но знаешь, еще существуют те, кто берет то, что им хочется. Они будут всегда, в Китае или в России, да где угодно. — Он криво ухмыльнулся. — И это для нас хорошо, *da?*

Логан выпил и скорчил гримасу согласия. Миша прав: их прибыль зависит в основном от определенных людей, имеющих возможность получать то, что они хотят. В связи с ограничением зарубежных и местных авиаперелетов — Россия, возможно, была одной из немногих стран, действительно выигравших от атмосферного потепления, но хорошенького понемножку, — что

должно было способствовать охране дикой природы, теоретически частные рейсы на Сихотэ-Алинь стали почти невозможными. Но имелись, конечно, и необходимые исключения.

— Да ладно, Миша, — сказал Логан. — Ты отлично знаешь, что все наши клиенты — особы, официально занимающиеся важнейшей научной деятельностью. Так значится в их документах.

— *Konechno.* Я и забыл. Ох, Россия, Россия. — Миша осушил стакан и налил еще. — В прошлом мы постоянно прозябали в бедности, так что стали продажными. А теперь мы богатейшая страна в мире, но коррупция никуда не делась. Как там у вас выражаются? «Сила примычки»?

— Привычки.

— Ах да. И почему я всегда…

Он замолчал, уставившись на человека, направляющегося к их столу.

— *Gozmo.* Смотри, кто идет.

Евгений Лаврушин, долговязый, тощий, носатый, протискивался сквозь толпу, путаясь затянутыми в джинсы кривоватыми ногами в полах длинного кожаного плаща. Он остановился у столика и сунул Логану руку.

— Приветик, — поздоровался он. — Логан, дружище, как делишки?

По-английски он говорил с забавным акцентом, скорее бруклинским, чем русским. В прошлом Лаврушин десять лет проработал в Нью-Йорке таксистом, до того как США, объятые разросшейся ксенофобией, не решили прекратить действие чуть ли не всех грин-карт. Теперь он жил в Хабаровске и владел маленьким парком грузовиков, которые осуществляли достаточно законных перевозок, чтобы служить прикрытием настоящему предприятию Лаврушина. Поговаривали, что Евгений связан с мафией, но едва ли замешан в чем-то крупном.

Логан проигнорировал протянутую ладонь:

— Евгений, — равнодушно бросил он, — задумал очередную гадость?

— Какого черта! Может, предложишь мне присесть?

— Нет, — буркнул Логан. — Что тебе нужно?

Евгений театрально повертел головой, озираясь, после чего, опершись о стол, наклонился к проводнику.

— Есть деловое предложение. — Он перешел на шепот. — Серьезные деньги…

— Нет, — ответил Логан, а потом, когда Евгений вновь попытался заговорить, резко повторил: — Нет, черт побери. *Nyet.*

Что бы это ни было — твое предложение нас не интересует.

— Кроме того, — добавил по-русски Миша, — с каких это пор твои обычные клиенты путешествуют по воздуху? Им что, надоело выступать в роли селедок в бочке, трясясь в кузовах твоих грузовиков?

Ворот плаща Евгения дернулся вместе с кадыком.

— Господи, не говори так больше… — Он опять оглянулся. — Слушайте, это не китайцы, понятно? Ну, в некотором роде, конечно, ты прав, но…

— Евгений, — вздохнул Логан, — у нас был чертовски длинный день. Уматывай.

— Понял, не дурак. Смываюсь. — Он шагнул прочь, но снова повернулся и навалился на стол. — Только одно. Вы ведь, парни, знаете, где бродит какой-то большой тигр, верно? Если вдруг понадобятся деньжата, я подскажу, где всегда дадут хорошую цену за чистую шкуру… Логан начал вставать.

— Ладно, ладно. — Евгений вскинул руки, точно защищаясь, и попятился. — Спокойней, приятель. Если передумаешь, знаешь, где меня найти.

— Эх, — пробормотал Логан, когда Лаврушин исчез в толпе. — С таким только свяжись… Дай бутылку, Миша, мне нужно хлебнуть еще.

— Интересно, что он хотел, — задумался Миша. — Насколько я знаю, его основной бизнес — перевозка китайских беженцев-нелегалов. Думаешь, он снюхался с наркоторговцами или кем-то вроде того?

— Не важно. — Логан налил себе водки и огляделся в поисках пробки. — Не знаю и знать не хочу… Так, это последняя. Завтра еще разбираться со Стином, — он крепко завернул крышку, — а меня определенно не греет заниматься этим с похмелья.

Но наутро Стин не появился.

— Его здесь не было, — сообщила Логану Лида Шапошникова. — Я пришла рано, где-то в полдевятого, подготовила его счет, но он не показывался.

Логан взглянул на часы:

— Еще нет и десяти. Проспал, наверное. Подождем.

Их контора находилась в комнате, выходящей на главный фасад маленького деревянного каркасного дома на окраине Хабаровска, неподалеку от аэропорта. Персонал целиком и полностью состоял из Лиды. Задние комнаты были набиты снаряжение ем и припасами, а также различными загадочными деталями, с помощью которых Миша ухитрялся заставлять летать

старый вертолет. Кухня осталась кухней. Логан прошел туда, налил себе чашку кофе, отнес к своему рабочему столу и уселся дожидаться клиента, а Лида тем временем вернулась к своим делам за компьютером.

Но пару часов спустя, когда близился полдень, а от Стина по-прежнему не было ни слуху ни духу, Логан сказал:

— Может, стоит ему позвонить? Спроси, когда он собирается прийти.

Он поднялся и направился на крыльцо глотнуть свежего воздуха. Когда же он вновь шагнул в комнату, Лида доложила:

— Я позвонила в гостиницу. Он выписался сегодня утром, в девять.

— Вот дерьмо! Тогда звякни…

— Уже. — Лида откинулась на спинку кресла и оглядела начальника с ног до головы темными, чуть раскосыми глазами, доставшимися ей от бабушки-кореянки. — Утренним рейсом он вылетел в Новосибирск.

— Сукин сын! — по-английски рявкнул Логан.

— Кажется, да, — отозвалась Лида.

— Что ж… — Логан поскреб подбородок. — Ладно, продолжим, пересчитай его сумму и сними со счета. У тебя же остался номер его кредитки с прошлого раза.

Лида кивнула и повернулась к компьютеру. Через несколько минут она пробормотала что-то себе под нос и принялась торопливо стучать по клавишам. В этот момент распахнулась дверь и вошел Миша.

— *Sukin syn!* — прорычал он, когда Логан описал ситуацию. — Он от нас сбежал?

— Все в порядке, — заверил напарника Логан. Он кивнул в сторону стола Лиды, с кем-то разговаривающей по телефону. — Мы просто снимем свое с его кредитной…

— Не снимем. — Лида положила трубку. — Кредитка аннулирована.

— Он это сделал? — поразился Миша. — Просто вот так взял и сделал?

— Еще вчера, — ответила девушка. — Счет за гостиницу он оплатил чеком.

И вся троица хором выругалась на разных языках. Затем Миша сказал:

— Ему ведь это так не пройдет, а? Он не смоется?

— Легально вряд ли. Но на практике… — Логан пожал плечами. — У него должны иметься связи. Ты же знаешь, как трудно что-то сделать с тем, у кого связи. Можно попытаться, но не думаю, что наши шансы велики.

— В лучшем случае, — заметила Лида, — это отнимет много времени, которого у нас нет. — Она махнула рукой на экран. — Я тут взглянула на цифры. Они неутешительны.

— На подходе несколько платежей, — вставил Миша. — Мы задолжали аэропорту за топливо, и инспектор желает знать, почему еще не получил свою ежегодную мзду. Я как раз пришел, чтобы сказать…

— Дьявол! — Логану жутко хотелось пнуть что-нибудь. Или кого-нибудь. — Что ж, придется мне заняться поисками другой работы.

На секунду в комнате повисла тишина. Логан и Миша переглянулись.

Потом Миша заговорил:

— Мы можем…

— Мы не можем, — оборвал его Логан.

Но, конечно, именно это он и собирался сделать.

— Как я уже пытался объяснить тебе раньше, это не китаезы, — сказал Евгений. — В смысле они китайцы, но не обычные работяги, тянущиеся на север в поисках работы и пропитания. Это китайцы из высших классов, понимаешь? Таких не впихнешь в грузовик, не спрячешь за ящиками с картошкой.

— Дело политическое? — осведомился Логан. — Если так, то к черту.

— Нет-нет, ничего подобного. Это… — Евгений ссутулил костлявые плечи. — С вами, парни, я буду честен — понятия не имею, что там за дрянь, но политика ни при чем. Люди, которым это требуется, политикой не занимаются.

Значит, мафия, значит, Евгений обкурился, поскольку сегодня в России понятия «мафия» и «политика» неразделимы. Значит, все еще хуже, чем кажется.

— Предупреждаю сразу, — заявил Миша, — на китайскую территорию я не полечу. Что пользы в деньгах человеку с теплонаводящейся ракетой в заднице?

— С этим порядок. Есть один островок на реке…

— На Уссури? — ехидно вставил Логан.

Уссурийские острова принадлежали военным и были серьезно укреплены: на китайской границе уже происходили всякие инциденты.

— Нет, парень, на Амуре. К западу отсюда, я покажу карту — они дали мне координаты и все такое. Это всего лишь маленький песчаный островок, отмель. На русской стороне канала, но это все равно, там никого нет — нет даже нормальных дорог.

Его палец принялся чертить на столе поясняющие рисунки.

— Вы, парни, приземлитесь здесь, на китайском берегу будет лодка, из нее выйдут пятеро китайцев, вы их заберете и смотаетесь оттуда. А высадите тут, на главной дороге, у черта на куличках. Их будут ждать.

— Кажется, все продумано, — сказал Логан. — Зачем же им нужны мы? Что-то не верится, что у таких, как они, не нашлось своего летательного аппарата.

— Нашлось, нашлось. Они вызвали свой вертолет, только пилот ошибся и разбился возле Благовещенска, его размазало по всему полю. Так что они связались со мной и попросили нанять кого-нибудь из местных.

— Евгений, — заявил Логан, — если что-то пойдет не так, молись, чтобы я не вернулся, потому что иначе я найду тебя.

— Если что-то пойдет не так, то не ты один. Эти люди, — Евгений заговорил очень серьезно, — не те люди, с которыми стоит связываться. Понимаешь, о чем я?

— Хотела бы я знать, во что вы ввязываетесь, — сказала Лида. — А может, и не хотела бы. Не важно. Ты же мне все равно не расскажешь, да?

— М-м-мпфр-р, — ответил Логан, по крайней мере прозвучало нечто похожее. Он зарылся лицом в подушку. Логан полуспал и пытался устранить эту половинчатость, если, конечно, Лида замолчит.

— Знаешь, я говорила с Катей, — продолжила девушка. — Мы ведь давно знакомы. Она видела тебя с Лаврушиным.

Логан перекатился на спину, уставившись вверх, в темноту спальни.

— Ничего особенного. Просто небольшая работенка, кое-куда слетать.

— Ну конечно. Кое-куда слетать — и за это тебе заплатят достаточно, чтобы компания рассчиталась с долгами. Ты неисправимый дурак, но, надеюсь, меня ты за дуру не держишь.

Она придвинулась ближе и ласково провела рукой по его груди.

— Посмотри на нас. Ты нуждаешься во мне больше, чем любишь. Я люблю тебя больше, чем нуждаюсь. И почему-то это срабатывает. Я не жалуюсь. Только не ври мне.

Он не знал, что на это ответить.

— Ну, — стояла на своем Лида, — по крайней мере, скажи мне, когда это случится.

— Завтра ночью. А… — начал он, но тут ее рука поползла ниже.

— Значит, нужно извлечь из тебя хоть какую-то пользу, —

заявила девушка, — прежде чем тебя убьют или посадят.

— Лида, — запротестовал он, — я жутко устал.

Она закинула на него длинную гладкую ногу и стала медленно водить ею вверх и вниз по телу мужчины.

— Нет, не устал. Может, ты так и думаешь, но ты не устал. Пока не устал. Вот видишь, — сказала она, поднимаясь, разводя ноги и пристраиваясь половчее, — ты совсем не устал.

Часы Логана утверждали, что уже почти час ночи. Он слегка поежился на прохладном речном ветру.

Не так уж много лет назад в это время года по реке плыли бы большие льдины — символ весенней оттепели; но сейчас в тусклом свете узкого месяца мимо него лишь плавно скользила темная вода, а за ней смутным мазком виднелся далекий китайский берег.

Остров оказался в полкилометра длиной и пятнадцать — двадцать метров шириной. Как и предупреждал Евгений, это была всего лишь песчаная коса. На верхнем конце громоздились кучи выброшенного течением плавника, но другой был чистым и плоским — отличная посадочная площадка для «миля».

Логан опустил руку на приклад «Калашникова» и немного приподнял автомат, чтобы ремень не давил на плечо. Рядом с ним сидел на корточках Миша. Лицо его было гротескно искажено огромными летными очками ночного видения.

— Пока ничего, — сказал он.

— Еще рано.

— Знаю. Просто не люблю ждать.

Логан знал, что гложет Мишу. Ему не хотелось глушить двигатели вертолета, чтобы мгновенно сняться, если что-то пойдет наперекосяк. Но толку все равно никакого: Логан уже говорил, что из-за этой пары двигателей Изотова они не услышат пограничный наряд, пока тот не приблизится настолько, что уже поздно будет смываться, к тому же, в конце концов, куда им вообще бежать?

Где-то на русском берегу завыл волк, к нему присоединились другие. Стоящий в тени поблизости Юра сказал что-то не по-русски и тихонько хихикнул.

— Волки сейчас повсюду, — заметил Миша. — Раньше я никогда столько не видел. Интересно, что они едят. Знаю, поголовье оленей выросло, но не думаю, что этого хищникам достаточно.

— Тиграм хватает, — отозвался Логан.

— Да… кстати, о тиграх, — оживился пилот. — Я тут подумал — может, мы должны обратить на этого здорового самца

особое внимание? Время от времени привозить на ту полянку поросенка или овцу, приучить его захаживать туда. Тигр такого размера — это же верные деньги в банке, если мы станем показывать его клиентам.

— Гм… Неплохая идея.

— Пусть Юра рассыплет там свою тайную приманку, — понизил голос Миша. — Думаешь, эта дрянь и вправду работает?

— Кто знает? — Логану хотелось, чтобы Миша заткнулся, но он понимал, что его компаньон болтает, борясь с нервным напряжением. — Возможно.

— Их народец свое дело знает. Как-то раз я видел… — Миша замолчал. — Там что-то происходит. — Он поправил очки. — Не разглядеть, что именно. Что-то вроде машины, и вокруг снуют люди. Сколько — точно не скажу.

На дальнем берегу дважды коротко вспыхнул красный огонек. Логан вынул из кармана фонарик и трижды быстро включил и выключил его.

— *Chto za chart?!* — вскинулся Миша. — А, ну да, они тащат что-то к реке. Наверное, лодку.

Логан пожалел, что не прихватил и себе пару очков.

— Пойду-ка прогрею двигатель.

Несколько минут спустя Логан увидел вытянутый черный силуэт, движущийся к острову. Не доносилось ни звука — наверное, лодка была оснащена электромотором. Когда суденышко приблизилось к берегу, он разглядел двух стоящих на носу мужчин с чем-то вроде ружей в руках. Логан потянулся к предохранителю «Калашникова», но тут парочка закинула оружие за спину, спрыгнула на мель и начала вытаскивать громоздкую плоскодонку на песок.

Из лодки поднялись несколько темных фигур и неуклюже двинулись к носу. Двое высадившихся протянули пассажирам руки, помогая спуститься. Когда на берегу стояли пятеро, гребцы с ружьями спихнули лодку с отмели и забрались на борт, а клиенты двинулись к Логану.

Первый, тощий верзила в очках, в светлом пальто, наброшенном поверх темного костюма, остановился перед проводником. В левой руке он нес небольшой дорожный несессер.

— Добрый вечер, — произнес он по-русски с сильным акцентом. — Я доктор Фонг…

— Я не хочу знать, кто вы, — перебил его Логан. — Я не хочу знать ничего, что мне знать не нужно. Вы — главный в этой группе?

— Полагаю, так. В некотором смысле…

— Хорошо. Поднимайтесь вместе со своими людьми на

борт. — Логан повел стволом «Калашникова» в сторону вертолета, который уже подвывал на высокой ноте, вращая длинными лопастями.

Высокий мужчина кивнул, оглянулся на лодку и сказал что-то по-китайски. Плоскодонка поплыла назад. Долговязый заговорил снова, и остальные быстро зашагали к «милю», волоча сумки и тюки.

— Пора, — бросил Логан Юре. — *Davai, poshli.* Ниже по реке снова завыли волки.

Дорога в лунном свете казалась темной полоской, бегущей через равнину и сквозь густые лесные заросли. Никакого движения не наблюдалось, да Логан и не ожидал увидеть здесь транспорт. Они летели над одним из последних достроенных участков Транссибирской магистрали. С самого начала плохо уложенный асфальт уже раскрошился; дороги ремонтировались редко, и не многие осмелились бы ехать по этим колдобинам ночью.

— Где-то тут, — сказал Логан, изучая врученную ему Евгением карту. — Это третий мост после деревни, правильно?

Миша бросил взгляд на землю внизу:

— Думаю, да.

— Тогда снижаемся.

Миша кивнул и убавил ход, потянув рычаг газа. «Миль» плавно скользнул к дороге, а Логан, пошарив вокруг себя в полутьме кабины, отыскал сумку с очками ночного видения. Дальше сложности не предполагались, но с такими пассажирами можно было ожидать чего угодно.

Теперь Миша шел, едва не касаясь верхушек деревьев.

— Если и есть то, что я ненавижу больше, чем летать по ночам, — проворчал он, — так это летать по ночам низко… Впереди что-то мелькнуло?

Логан еще возился с очками, и когда натянул их, то увидел, как примерно в четверти километра от них на шоссе дважды вспыхнули фары.

— Наверное, они, — кивнул он Мише. — Давай еще ниже, посмотрим.

Вертолет нырнул ближе к дороге, скорость его снизилась до скорости автомобиля. Логан с усилием приоткрыл окно и высунулся наружу. Воздушный поток от винта ударил в толстые стекла очков, пытаясь свернуть человеку голову, но он, сражаясь с давлением, разглядел машину, стоящую посреди дороги капотом на восток. Еще Логан мельком заметил темные фигуры, а потом все пропало — «Ми-2» взмыл вверх.

— Ну? — поинтересовался Миша.

Логан хотел сказать, что все в порядке, надо разворачиваться и приземляться, но вдруг что-то всплыло на поверхность его сознания, и он заявил:

— Нет, погоди. Сделай круг, пролетим над дорогой тем же путем. Да помедленнее, чтобы я мог получше рассмотреть.

Миша мягко нажал на педали, повернул штурвал, добавил мощности и поднял вертолет над лесом.

— *Shto eto?*

— Пока не знаю.

Что-то показалось ему неправильным там, на дороге, что-то не складывалось, но Логан пока не разобрался, что именно. Может, дело просто в воображении.

Они развернулись по широкому кругу и, громыхая, вернулись к дороге. Снова дважды вспыхнули фары, на этот раз оставшись гореть подольше.

— Теперь медленно, — велел Логан, опять натянул летные очки и высунулся в окно. — Так, так… ага!

Он сорвал очки и зажмурился, чтобы сцена, как фотография, отпечаталась в сознании: темный горб средних размеров машины посреди дороги, пара людей по бокам. Еще один мужчина — или женщина — стоял на правой обочине.

— Дерьмо!.. — выдохнул Логан, открыл глаза и обернулся: — Эй, ты. Доктор Фонг.

— Да? — Высокий китаец подался вперед. — Что-то не так?

— Эти люди, с которыми у вас встреча… Им известно, сколько вас?

— О да. — Красные огоньки приборной панели отразились в стеклах очков Фонга, когда тот энергично закивал. — Им известны наши имена и… все остальное. Это точно.

— Что случилось? — поинтересовался Миша.

— Их там трое, — повернулся к товарищу Логан. — И по крайней мере еще один в машине, включает фары. А ожидают они пятерых.

— И что?

— И то, что такая машинка не вместит девять пассажиров. Вертолет смог бы, да и то это был бы цирковой трюк. Таким образом, появляются кое-какие вопросы.

— Ух… — Миша переваривал информацию. — И что ты думаешь?

— Думаю, надо разобраться получше. — Он помолчал несколько секунд. — Ага, вот что мы сделаем. Садись прямо тут, за этим пригорком, выпустишь меня — и взлетай, покружись немного, словно ты в замешательстве, ясно? Прикрой меня

шумом, а я подберусь поближе и посмотрю.

Он похлопал по рации, лежащей в левом нарукавном кармане куртки.

— Если все в порядке, я тебе позвоню. А если пошлю только один длинный гудок, сделай вид, будто собираешься приземляться, и вруби посадочные огни.

— Дошло, — кивнул Миша. — Юру берешь?

— Естественно. Ну, давай. — Логан расстегнул ремень безопасности и выбрался из правого кресла.

Когда он перелез в пассажирский отсек, доктор Фонг спросил:

— Пожалуйста, в чем дело?

— Пока не знаю. — Логан с трудом протиснулся в заднюю часть кабины, туда, где возле двери сидел Юра. — Не беспокойтесь, — бросил он через плечо, надеясь, что Фонг не заметил, как он достал «Калашников». — Вероятно, ничего особенного.

Вертолет завис над землей, в полуметре от асфальта, давая время Логану и Юре выпрыгнуть. Когда ботинки Логана ударились о потрескавшееся покрытие, он согнул колени, смягчая толчок, и почти сразу услышал, как изменился рев винта, — это Миша потянул штурвал, поднимая машину.

Логан вскинул руку, подавая знак Юре. Тот кивнул, бесшумно перебежал дорогу и исчез в тени под деревьями справа. Логан прошел вдоль шоссе, поднялся на вершину небольшого возвышения и свернул с асфальта налево.

С этой стороны деревья росли редко и вразброс, а буйные кусты мешали передвигаться тихо. Логан прикинул, что отсюда до машины примерно километр. Шагая медленно и осторожно, прижимая «Калашников» к груди, он пробирался по лесу параллельно дороге. Очки он сдвинул на лоб: они были слишком громоздки и неудобны, к тому же сейчас он и без них все видел. Луна висела высоко, облака сдул ветер, и глаза человека быстро привыкли к тусклому ночному свету.

Над головой, направляясь назад, пролетел «Ми-2», ревя турбинами и цокая лопастями. Внезапно вертолет накренился, развернулся, пересек дорогу, на краткий миг застыл высоко над деревьями, а потом полетел неровными зигзагами. Логан усмехнулся: кто бы ни ждал там, на шоссе, сейчас они, должно быть, сильно озадачены. А уж как бесятся!

Он подумал, что надо подобраться вплотную, и почти уже вылез на дорогу, чтобы проверить, где находится, но тут «миль» появился снова, идя метрах в шести над трассой, и вдруг между стволами вспыхнул яркий свет, ближе, чем ожидал Логан, — это

вновь загорелись автомобильные фары.

Проводник остановился и замер. Шум вертолета затих, и Логан услышал мужской голос, вполне отчетливо произнесший:

— *Ah, tvoiu mat'*.

Он подождал, когда вертолет зайдет на следующий круг, чтобы его рев заглушил любой шорох. Несколько быстрых шагов — и Логан уже стоял возле шоссе, прижимаясь к слишком тонкой сосне. Он опустил на глаза очки ночного видения и осторожно высунулся, чувствуя, как сжимается от страха сфинктер.

Они стояли там, в точности так, как ему запомнилось: двое по обе стороны машины, еще один — на противоположной обочине. У всех троих, в чем он сейчас убедился, имелось оружие: какие-то винтовки или карабины, точнее было не разобрать.

Логан снова поднял очки, повесил «Калашников» на плечо, вынул рацию, включил ее и нажал одну кнопку. Досчитав до пяти, он вырубил связь, сунул аппаратик обратно в карман и снова стиснул приклад автомата.

«Миль» опять загудел над дорогой; фары машины мигнули, и вертолет начал снижаться. Логан выступил из-за дерева и быстро пошел вдоль дороги, даже не пытаясь скрываться; сейчас эти ублюдки не обращали внимания ни на что, кроме вертолета с непредсказуемым пилотом.

Геликоптер уже летел со скоростью велосипеда, если не медленнее. Когда до машины оставалось метров шесть, он остановился и завис в воздухе. Логан тоже застыл и перевел «Калашников» в автоматический режим — и тут Миша врубил посадочные огни.

Внезапный свет превратил сцену в контрастную черно-белую фотографию. Один человек возле машины вскинул руку к лицу. Кто-то выругался.

Логан поднял «Калашников» и набрал в грудь побольше воздуху.

— Всем оставаться на местах! — гаркнул он, перекрикивая шум мотора. — Бросайте оружие!

На миг ему показалось, что фокус сработает. Люди на дороге застыли на месте, точно манекены в витринах. Логан еще успел задать себе вопрос, что он, черт побери, будет с ними делать, а потом все полетело к дьяволу.

Мужчина на той стороне шоссе начал разворачиваться, очень быстро, на ходу поднимая оружие. Раздался оглушительный хлопок, и он, дернувшись, уронил ружье и сам рухнул на асфальт.

Пока грохот Юриной винтовки рокотал меж деревьями, двое у машины вступили в игру, двигаясь синхронно и целенаправленно. Ближайший широко шагнул в сторону,

крутанулся и припал к земле, меж тем как другой пригнулся и кубарем покатился под прикрытие автомобиля.

Логан достал второго, не успел тот еще завершить кувырок, и перевел дуло «Калашникова» на оставшегося. Красный глазок подмигнул ему, и что-то треснуло далеко в кустах; мужчина стрелял вслепую, его зрение еще не приспособилось к резкой смене освещения. Сам же он, озаренный сзади посадочными огнями, был как на ладони; Логан уложил его тремя короткими очередями в грудь.

Дверца машины распахнулась, и кто-то вылез наружу. Старая винтовка Юры грохнула снова. Четвертый упал.

Логан медленно подошел к машине с «Калашниковым» наготове. Возле открытой двери лежал человек с автоматическим пистолетом в руке. Логан заглянул в салон, вытащил рацию и включил связь:

— Все путем, Миша. Можешь садиться.

Он подошел к телу последнего застреленного им и осмотрел валяющееся рядом с трупом оружие. Снайперская винтовка Драгунова, снабженная чем-то вроде прибора ночного видения. Убитый, кем бы он ни был, определенно профессионал.

Вернувшись назад, Логан присел на капот машины, не найдя лучшего места, чтобы дождаться приземления Миши. С отвращением он заметил, что его руки слегка трясутся.

Подошел Юра, с винтовкой за плечом и автоматом вроде «Калашникова» в руке.

— Прости, что замешкался с последним, — сказал он, поднял автомат и ткнул пальцем в сторону тела на дальней обочине. — Это было у него.

— Тогда, ради бога, разряди его. — Вспомнив, Логан вытряхнул патрон из своей винтовки и накинул ремень на плечо. Впервые за долгое время он пожалел, что бросил курить.

Лопасти вертолета замедлили вращение, вой турбины утих, перейдя на малые обороты. Через пару минут Миша подошел к машине.

— Bozhe moi, — ошеломленно выдохнул он. — Что…

— Комитет по организации торжественной встречи, — ответил Логан. — Устроил тут славную маленькую засаду. По крайней мере, похоже на то.

Миша оторопело огляделся:

— Ты уверен?

— Насчет засады — не совсем. Возможно, они позволили бы пассажирам высадиться и дождались бы, когда мы улетим, чтобы перебить их без свидетелей. Черт, только посмотри, чем они были вооружены. Не думаю, что они прихватили все это, потому что

боялись волков.

Юра обошел машину.

— Пара лопат в багажнике, — доложил он. — А еще проволока и скотч.

— Видишь? — Логан сплюнул; во рту у него неожиданно пересохло. — Они не намеревались никого никуда брать — разве что на короткую прогулку в лес.

Китайцы уже вылезли из вертолета и разглядывали машину и тела. Миша выругался:

— Я велел им оставаться внутри…

— Все в порядке, — заверил Логан. — Теперь уже не важно. Доктор Фонг зашагал к ним. «Радостным он не выглядит, — подумал Логан, — но и удивленным — тоже».

— Полагаю, вы понятия не имеете, в чем тут дело? — сказал проводник.

Фонг остановился.

— Возможно, — ответил он. — Я… Позвольте мне подумать.

— Только не слишком долго. Нам надо убираться отсюда.

— Да. — Фонг взглянул на Логана. — Вы говорите по-английски?

— Некоторым образом.

— Ага. — На губах Фонга дрогнула короткая полуулыбка. — Американец. Хорошо. Мой английский гораздо лучше русского.

Он поправил очки кончиком костлявого пальца. Они не сползали; Логан решил, что это нервная привычка. Китаец повел рукой, охватывая машину и тела.

— Можем ли мы отойти от?..

— Конечно. — Логан соскользнул с капота и зашагал рядом с Фонгом по обочине. — Мне просто нужно знать, — сказал он, — в какие неприятности мы вляпались. Если твои парни политические…

— О нет. — Фонг остановился и повернулся к проводнику. — Нет, мы никоим образом, как вы выразились, не политические. Просто группа безобидных ученых.

— Какие-то вооруженные до зубов люди очень хотели остановить вас. Кто-то, должно быть, не считал вас безобидными.

— Ну да… — Фонг всмотрелся во тьму под деревьями и снова перевел взгляд на Логана. — Вы только что спасли нам жизни, — сказал он совсем другим тоном. — Возвратить этот долг мы едва ли сможем, но кое-что взамен я могу дать. Информацию.

— Научную?

— Да. — Если Фонг и заметил сарказм, он не показал этого. Китаец снова поправил очки. — О потеплении.

Не сразу Логан сообразил, о чем это толкует Фонг.

Адреналин уже не бурлил в его крови; он чувствовал себя усталым и старым.

— Оно продолжается, — заявил Фонг. — Уверен, вам это известно, это не секрет. Но… — Он сделал паузу, наморщил лоб. — Кривая. Не могу припомнить слова… кривая отличается от той, что была прежде.

Его указательный палец нарисовал в воздухе направленную вверх дугу.

— Потепление усиливается. Скорость потепления возрастает, и — не знаю, как это сказать — скорость возрастания сама по себе растет.

— Значит, теплеть станет быстрее? Фонг кивнул:

— О, некоторое время изменения будут незаметны. Возможно, года два или пять, никто пока не знает… но потом, — кончик пальца резко устремился к небу, — все начнет меняться действительно стремительно.

— Ты имеешь в виду…

— Подождите, это еще не все. Вторая часть заключается в том, что, вероятно, это будет продолжаться дольше, чем думают.

Принято считать, что процесс практически исчерпал себя, что «потолок» скоро будет достигнут. Только пока неясно, где этот потолок. И существует ли он вообще в общепринятом смысле.

Слова китайца проникали в уши Логана, но утомленный, затуманенный мозг с трудом улавливал их значение.

— Потепление продолжится, — повторил он, — будет становиться все жарче и жарче, все быстрее и быстрее, и скоро будет куда теплее, чем сейчас. Верно?

— Именно так.

— Но это значит… О господи! — Логан тряхнул головой. — Господи, — беспомощно и глупо повторил он. — О господи!

— Можете взывать к нему, если верите. Если бы я верил в каких-нибудь богов, то тоже молился бы им. Все будет очень, очень плохо.

— Как будто уже сейчас не плохо.

— Да, конечно. Не знаю, долго ли вы пробыли в этой части мира, но уверен, вы слышали по крайней мере некоторые новости из других регионов.

— Слышал, что в Китае несладко.

— Вы даже не представляете насколько. Поверьте, там много, много хуже, чем вы слышали. Правительство строго контролирует информационные потоки. Даже в самом Китае не всегда есть возможность узнать, что происходит в соседней провинции.

Фонг протянул руку и коснулся грубой коры ближайшей сосны.

— Вы живете в одном из немногих мест, оставшихся почти незатронутыми глобальной катастрофой. Тихая заводь огромной страны внезапно зацвела, но расцвету скоро придет конец.

Он тихо, коротко и невесело рассмеялся:

— Полагаете, Российская Федерация *сейчас* испытывает проблемы с отчаявшимися китайцами, пересекающими границу? Подождите немного, друг мой. Уровень отчаяния в моей стране почти достиг критической точки. Когда люди осознают, что все становится совсем худо, они пойдут — и ни пограничники, ни блокпосты, ни даже реки их не остановят.

Логан попытался заговорить, но слова отчего-то застряли в горле.

— Ваши американские журналисты и историки, — добавил Фонг, — привыкли писать о китайских милитаристах, использующих тактику «людских волн». Теперь эта пограничная полоса увидит людское цунами.

— Ты говоришь о войне, да?

— Так или иначе. — Фонг дотронулся до очков. — Я не искушен в данной области. Все, что я могу сказать, — это место становится очень опасным для обитания.

— Спасибо за предупреждение.

— Я уже говорил, вы спасли наши жизни. А в моем случае — вероятно, вы спасли меня от того, что хуже смерти. — Фонг повернулся и посмотрел на дорогу, где остальные китайцы все еще бродили вокруг машины и тел. — Подозреваю, у них накопилось ко мне немало вопросов. Это будет не слишком приятно.

— Так что это все значит? — спросил Логан. — С каких это пор мафию интересует горстка физиков, или климатологов, или кто вы там еще?

— Что? — Фонг как будто опешил. Он снова поправил очки и улыбнулся. — А, понимаю. Вы недопоняли. Никто из нас не является ученым такого рода. Нет, мы специализируемся в химии. Фармацевтической химии. А это интересует… определенные круги.

Логан кивнул. Не нужно было быть гением, чтобы сделать соответствующие выводы.

— Информация, которой я поделился с вами, — продолжил Фонг, — не имеет ничего общего с моей работой. Я получил ее от старшего брата, входившего в команду, совершившую данное открытие. Он объяснил мне, показал цифры — все не так уж и сложно, если знать хотя бы основы физики, — как раз перед тем, как его забрали.

— Забрали? За что? А, китайское правительство решило

засекретить данные.

— Примерно так.

— И тогда ты решил смыться оттуда?

— Не совсем. Мы некоторое время работали и уже наладили контакт с… э-э… соответствующими персонами. Но, допускаю, эти новости послужили мощным стимулом.

— А сегодняшняя переделка? Фонг пожал плечами.

— Так называемая русская мафия — всего лишь неуправляемое сообщество группировок и местных преступных организаций. Полагаю, кто-то пронюхал про наш план и отчего-то решил остановить нас. Возможно, конкуренты одного из тех, кто хотел нас нанять. Но это только предположение. — Он скорчил гримасу. — Я не рад вмешательству подобных людей, но все равно сделал бы все возможное, чтобы выбраться из Китая. Не могу представить себя низкооплачиваемым подсобником-нелегалом, вкалывающим на какой-нибудь стройке на Лене или Енисее.

Логан снова кивнул:

— Ладно, все ясно, а сейчас нужно пошевеливаться. Что вы теперь собираетесь делать? Мы можем доставить вас в Хабаровск, но…

— О, с нами все будет в порядке. Машина, кажется, не повреждена, несмотря на перестрелку, а один из моих коллег — опытный водитель. У нас есть связи, номера телефонов и надежный адрес в Белогорске.

Логан заметил, что пара китайцев вполне профессионально изучает оружие мертвецов. Ничего себе книжные черви! Интересно, какова вторая половина истории? Но этого, конечно, он никогда не узнает. Черт побери!

— Так что вы можете улетать. — Фонг протянул руку. — Еще раз спасибо.

— Не за что. — Логан ответил на рукопожатие. — Довольный клиент — лучшая реклама.

— Итак, — сказал Миша, — ты думаешь, это правда?

— Сейчас, — ответил Логан, — я понятия не имею, какого дьявола обо всем этом думать.

К этому времени они преодолели уже три четверти пути до Хабаровска. Луна сияла на небе, и Транссибирская магистраль отчетливо виднелась под носом «Ми-2». Отличные условия для ППП-навигации:[123] «Перед Пилотом Путь». В кабине мирно похрапывал Юра.

— Он мог все выдумать, — заметил Миша. — Но зачем?

— Людям не обязательно требуется причина для лжи. Но,

учитывая ситуацию, не представляю, для чего бы ему понадобилось тратить время, чтобы кормить меня баснями.

— Эти люди… — В голосе Миши явно прозвучали многовековые предубеждения. — Кто за них поручится?

— Ну, если Фонг прав, через пару лет, а то и раньше, сюда хлынет чертова уйма народу, и ничего хорошего из этого не выйдет. Даже если история Фонга на девяносто процентов брехня, все равно жди беды. Судя по тому, что я слышал, эти несчастные ублюдки и так уже на грани. Если ситуация хоть немного ухудшится… — Логан повернулся и взглянул на Мишу. — Думаю, когда это произойдет, нам не захочется оставаться тут.

Миша тяжело вздохнул:

— Угу, что уж тут неясного.

Вдалеке начали появляться огни Хабаровска. Логан посмотрел на датчики топлива. Стрелки дрожали рядом с нулем; конечно, добраться до дому солярки хватит, но наверняка придется перейти на запасной бак.

— И куда ты отправишься? — спросил Миша.

— Проклятие, понятия не имею. — Логан потер глаза, жалея, что никто не догадался прихватить с собой термос кофе. — Возможно, на север.

— А о возвращении в Америку не думал?

— Не всерьез. На самом деле я даже не уверен, что меня впустят обратно. Вот уже двадцать лет, как я не живу в стране, а каждый, кто отсутствует больше пяти, автоматически заносится в список угрожающих национальной безопасности. — Логан поморщился. — Штаты катятся в ад, и не только из-за потепления и потопов. Сходить с ума они начали давным-давно. Еще до того, как я уехал.

— Тогда, может, в Канаду?

— На сегодняшний день попасть в Канаду еще труднее, чем в эту страну. Особенно для людей из Штатов. Аляска, — задумчиво произнес Логан, — это, возможно, вариант. Говорят, сепаратисты платят наемникам хорошие деньги. Но для этого я слишком стар.

— Только что ты не выглядел слишком старым. — Миша ухмыльнулся, тускло блеснув в темноте зубами. — Приятель, я и забыл, насколько ты хорош.

— Чепуха. Нет, если я решу смыться, то, думаю, снова рвану в Сибирь. Я не терял связи с кое-какими людьми из прошлого. Хочешь со мной? Толковый пилот никогда не лишний.

— Может быть. Подумаю. В былые деньки мы здорово повеселились в Сибири, да? А теперь там не будет так зверски холодно.

Хабаровск выплыл из мрака россыпью желтых огней за рекой.

Лунный свет мягко поблескивал в волнах Амура, вырисовывая группу островков там, где поток сливался с водами Уссури.

— А Лиду прихватишь? — полюбопытствовал Миша.

— Не знаю. — Логан пока не задумывался над этим. — Возможно. Если она захочет. Почему бы и нет?

Он выпрямился и потянулся, насколько позволило тесное пространство.

— Понимаешь, я еще толком не определился и не собираюсь ничего предпринимать, пока не придет время серьезно раскинуть мозгами.

Логан уставился на огни Хабаровска:

— А сейчас мне надо позаботиться о более насущных вещах. Начиная с долгой задушевной беседы с Евгением.

Но назавтра начался аврал, так что времени думать о Евгении, китайцах или чем-нибудь еще просто не осталось. Абсолютно законная научная экспедиция, что-то вроде отряда геологической разведки из Комсомольска, нуждалась в неотложной транспортировке — их пилот напился и скрылся в неизвестном направлении вместе с вертолетом.

Так что следующая пара недель выдалась жутко суматошной, хотя и прибыльной. Логан был слишком занят, чтобы обращать внимание на что-либо, кроме своих непосредственных обязанностей; он даже не сразу воспринял сообщение Юры, что тот уходит на несколько дней, чтобы проверить какие-то слухи.

Но наконец работа была закончена, и жизнь снова вошла в свою колею. Логан вновь принялся размышлять о делах старых и новых, когда в контору явился Юра и заявил, что нашел нечто, что Логан должен увидеть.

— Идем, — сказал он. — Я покажу.

Что-то такое было в его лице, что отметало все возможные споры и возражения. Логан только спросил:

— «Миль» нужен? Юра кивнул.

— Отлично, — сказал Логан. — Пошли за Мишей.

— Ну, — произнес Миша сдавленно, — теперь мы знаем, чем питаются волки.

Логан не ответил. Он был слишком поглощен попытками удержать в желудке завтрак.

— Медведи тоже. — Носком сапога Юра показал на ближайшее тело. — Видишь? Отметины зубов великоваты для волков.

На прогалине, по прикидкам Логана, лежало пятнадцать-двадцать трупов. Сказать наверняка было трудно, потому что

большинству тел не хватало многих кусков, явно растащенных по кустам.

— И тигры, — добавил Юра. — Только не в этом месте.

— Сколько? — выдавил Логан. — В смысле — мест.

— Не знаю. Пока я нашел одиннадцать. Возможно, больше. Я остановился. — Юра поморщился от отвращения. — Местами все еще хуже, чем здесь. Пролежали слишком долго. Гниль, вонь…

— Да, да, — поспешно откликнулся Логан, поскольку желудок снова взбунтовался. — Верю на слово.

Запашок и тут стоял тот еще, хотя тела пока не совсем разложились. По крайней мере для мошкары еще рановато. Через пару недель… Он выбросил из сознания живописную картинку. Или хотя бы попытался выбросить.

— А эти места, — спросил Миша, — они просто разбросаны по округе?

Юра кивнул:

— Большинство возле заброшенных лесовозных дорог, как здесь. Число китайцев всюду одинаково.

Интересно, откуда он знает? В этих трупах и люди-то различались с трудом.

— Они приехали по дороге, — махнул рукой Юра. — Один грузовик, небольшой. Остановился у тех деревьев, все вышли. По тропинке пришли сюда. Китайцы построились лицами вон туда, опустились на колени. Четверо встали за их спинами и расстреляли. В затылок. Из «Калашникова». — Он поднял выцветшую гильзу. — Очередями. Кто-то из китайцев пытался бежать. Один почти добрался до леса, когда его достали.

Миша явно отнесся к сказанному скептически. Наверное, он удивлялся, как это Юра делает такие выводы, просто глядя на следы на земле. Но Логан не сомневался. Он много раз видел Юру за работой.

— И в каждом месте то же самое, — добавил следопыт.

— И тот же грузовик?

— Наверняка не скажу. В паре мест — думаю, да.

— Бедные недоноски, — буркнул Миша. — Запихнули их в кузов, повезли по колдобинам, наверняка умирающих с голоду, — слабыми, одурманенными, сбитыми с толку проще помыкать. Велели построиться и встать на колени, они и не сопротивлялись.

— В одном месте, — заметил Юра, — похоже, китайцы попытались дать отпор. Только без толку.

— Твой народ, — спросил Логан, — знает об этом?

— Кто-то что-то знает. Ходит молва, я и услышал. Тут осталось мало деревень. Когда начались лесозаготовки, многие ушли. Или лесорубы их погнали.

— Сколько это могло продолжаться?

— Судя по слухам и по тому, как выглядят местами тела, — ответил Юра, — возможно, год.

Логан и Миша переглянулись.

— Думаю, — сказал Логан, — нам нужно кое с кем повидаться.

— Китаезы?! — недоверчиво взвыл Лаврушин. — Это все из-за гребаных китаез?!

Тыльной стороной руки он потер ободранную кожу — Юра только что сорвал кусок клейкой ленты, которой был залеплен рот Евгения. Получилось довольно неуклюже — руки его остались связанными.

Расположившийся рядом с ним на заднем сиденье Логан ответил:

— Не совсем. Мы и без того собирались потолковать с тобой.

— Эй, парни, я не виню вас за то, что вы злитесь, я бы и сам взбесился. Но клянусь, я не знал, что все так хреново выйдет.

Голос его звучал визгливее, чем обычно, и слова вылетали изо рта очень быстро. От перепуганного Лаврушина исходил болезненно-сладкий запах пота, такой сильный, что Логан все время порывался открыть окно, несмотря на ранний утренний морозец.

— Многие взбесились из-за того, что случилось, — продолжал пленник. — Очень, очень многие. И если бы они думали, что я тут как-то замешан, я бы сегодня не разговаривал с вами, парни. Поверьте мне.

— Поверить тебе? — бросил через плечо Миша. — Так, как поверили те китайцы?

— Вот дерьмо! Какого черта! Слушайте, — заявил Евгений, — вы должны понять схему. Времечко, когда можно было ввозить столько китаез, сколько вмещается в кузов, и всем было плевать — страна большая, а воротилы только счастливы заполучить дешевых шабашников, и менты не лезут, пока им отстегивают их долю, кануло в прошлое.

Миша крутанул руль раздолбанной «тойоты», огибая выбоину. Евгений потерял равновесие и навалился на Юру — тот выругался и отпихнул его.

— Проклятие! — выкрикнул Лаврушин. — Может, парни, все-таки снимете этот дурацкий скотч?

— Нет, — отрезал Логан. — Так о чем ты?

— А? Ах да. Так вот, сейчас гайки завинтили. Время от времени можно прихватить кое-кого, как ту группу, которой вы занимались. Но если я начну таскать китаез через границу

пачками — иначе невыгодно, — ох, парни, я вляпаюсь в такое дерьмо, вы даже не представляете. Говорят, кого-то уже сцапали.

— Значит, ты берешь у беженцев деньги, — сказал Логан, — запихиваешь людей в кузов, везешь в чащу и расстреливаешь.

— Ради бога! — В голосе Евгения зазвучали обиженные, нетерпеливые нотки; на лице застыло выражение, с каким человек пытается объяснить нечто очевидное, совершенно не нуждающееся в объяснениях. — Они китаезы!

— Они люди, — сказал Миша.

— Черта с два. Китаезы не люди. Кстати, — заявил Евгений, глядя на Логана, — как будто ты никого не убивал? Я слышал, в Якутске…

Он резко замолчал.

— Извини, — прошептал Лаврушин. Логан посмотрел в окно:

— Почти приехали. Скоро аэропорт. Итак, ты ведь не доставишь нам неприятностей, а, Евгений? Пойдешь с нами без шуму, без крика? Юра, покажи ему.

Юра протянул руку и повернул голову Евгения лицом к себе. Ухмыляясь, он продемонстрировал большой охотничий нож.

— Ладно, ладно. Договорились. — Евгений побледнел. — Нет проблем… Эй, куда это мы?

— Увидишь, — ответил Логан. — Это сюрприз.

Шагая по лесовозной дороге, глядя на плетущегося перед ним Лаврушина, Логан размышлял, не следовало ли им дать ему хотя бы набросить куртку. Евгений подошел к двери своей квартиры открыть на стук в неопрятном тренировочном костюме, в котором, несомненно, спал; они позволили ему обуться, но когда вспомнили о пальто, запястья Евгения уже были обмотаны клейкой лентой, так что с верхней одеждой вышел облом.

Теперь он дрожал на холодном ветру, продувающем склон; Логана это не слишком волновало, но он устал от постоянного нытья Лаврушина. Ну ничего, уже недолго.

Идущий впереди Миша свернул на тропу, ведущую к гребню.

— Туда, — велел Логан Евгению.

— Дерьмо, — всхлипнул тот. — Что это все значит? Говорю вам, парни, если вы нашли тут каких-нибудь ублюдков, я тут ни при чем. Я никогда не работал в этом районе. И близко не подходил.

— Заткнись! — оборвал его Логан, ткнув в спину дулом «Калашникова». — Просто иди за Мишей. Молча.

Они долго взбирались в гору, а потом спускались с другой стороны. Евгений оказался жутко неповоротливым: он постоянно спотыкался и несколько раз падал. Но, по крайней мере, он

перестал болтать, не считая, конечно, эпизодических проклятий.

Когда они наконец добрались до маленькой поляны, Лаврушин привалился к дереву и застонал:

— О господи! И вы, парни, проделываете это каждый раз? Вы что, психи?

Логан взглянул на него и мимо него, изучая ствол. Дерево не то, которое он мысленно наметил, но и это отлично подойдет. Он повернулся и кивнул остальным.

— Ну, — заявил Евгений, — вы собираетесь мне сказать, что… эй, какого че-е-е…

Голос его сорвался на визг, когда подступившие с двух сторон Логан и Юра схватили его под руки и прижали спиной к дереву, крепко долбанув о ствол. Миша уже стоял рядом, с рулоном клейкой ленты.

— Эй, эй, что, почему… — От ужаса Евгений стал заикаться. — Да ладно вам…

— Horosho, — сказал Миша, отступая. — Глянь-ка. Аккуратненько?

Логан обошел дерево, осматривая путы.

— Замечательно, — одобрил он. — Весьма профессиональная работа.

Миша тряхнул остатком скотча:

— Заклеить ему рот?

Евгений издал скорбный неразборчивый звук вроде глухого стона. Логан хотел дать «добро» Мише, но потом передумал и покачал головой.

Юра уже исчез, углубившись в чащу по узкой звериной тропе. Вернулся он с маленьким мешочком, из которого доставал и сыпал на землю щепотки зеленовато-коричневого порошка. Дойдя до дерева, у которого обвис прикрученный к стволу Евгений, он расширил горловину кисета и вытряхнул остатки содержимого прямо на Лаврушина.

— Теперь ты хорошо пахнешь, — сказал он Евгению. Тот забормотал:

— О боже, о господи! — сперва по-английски, потом по-русски, снова и снова.

Логан не думал, что он молится, хотя кто знает?

— Отлично, — заявил проводник. — Идем.

Без задерживающего их пленника они довольно быстро добрались до гребня и, уже спускаясь, услышали утробный, надсадный, басовитый рев, несущийся откуда-то из-за спин.

Они остановились и переглянулись, а Юра сказал:

— Амба голоден.

Они прибавили шагу, и когда добрались до лесовозной

дороги, их снова нагнал рев, а за ним — тонкий пронзительный визг, не смолкавший еще очень и очень долго.

Мэри Розенблюм
Алгоритм поиска [124]

Веки его дрогнули, когда по экрану на сетчатке глаза промелькнула крошечная иконка с черепом и скрещенными костями. Ой-ой. Он заморгал, прогоняя картинку, и хмуро уставился на офисную дверь. Федералы.

— Сиди тихо и лови каждое слово, — обратился он к новичку, сидевшему недалеко от его стола.

— А что такое? — Паренек наклонился вперед, но тут дверь начала открываться, с мягким шепотом заскользила в сторону, в доказательство того, что здесь все на высоком уровне, что деньги клиентов тратятся с умом. И реальный офис, и дорогой шерстяной ковер, и настоящая деревянная мебель еще больше успокаивали клиента. Никаких тебе пустышек, виртуальных частных детективов… Нет, ты попадал в самую лучшую, надежную контору.

Впрочем, этому пиджаку было наплевать. Он снял солнечные очки, сунул их в карман превосходно сшитой деловой рубашки и приклеился взглядом холодно-серых глаз к лицу Амана. Если ему не понравилось увиденное, то он ничем этого не выдал — слишком хорошо был вышколен.

— Мистер Боутрос.

Пиджак не протянул руки, сразу присел на стул, стоящий напротив стола. Бросил в сторону новичка говорящий взгляд. Джими. Наконец-то Аман вспомнил, как его зовут. Последний из протеже Рауля, передан ему на попечение и, возможно, даже на выучку.

— Мой помощник, — произнес Аман тоном, не терпящим возражений. Парнишка останется. Новичок даже не шелохнулся — сидел по-прежнему расслабленно и ждал, что решит пиджак. Клиент едва заметно кивнул, тогда новичок тоже ответил кивком. Этот раунд остался за ним. Побеждаешь, когда можешь. — Чем я могу вам помочь?

Пиджак вынул откуда-то из недр рубашки небольшой кожаный чехольчик, в котором оказался крошечный диск с данными. Аман, не говоря ни слова, включил компьютер. Клиенты не хранили свои файлы в сети. Если, конечно, им было по карману оплатить услуги «Алгоритма поиска». Диск щелкнул, став на место, и зажегся экран. В голографическом поле появилась мужская голова и принялась медленно вращаться. Темнокожий, но не очень, около двадцати лет, в крови намешаны

евроафриканские и испанские гены, отметил про себя Аман. Примерно такого же фенотипа, как новичок — Джими, — воплощение истории войны, насилия и мародерства. На безволосом скальпе объявленного в розыск высвечивался знак банды, имплантированный с помощью световолокна. Аман увидел его и вздохнул, вспомнив собственную битву с Ави по поводу такого же знака. Татуировка, означающая твою политическую неблагонадежность, сынок. Для кого это? Для полицейских? На тот случай, если они проглядят тебя в толпе? Глупый поступок, Ави. Это был не окончательный, но чертовски весомый аргумент в их споре. Внизу экрана проплыло несколько иконок, за которыми скрывались файлы с данными. Предпочтения в еде, одежде, фирмах по оказанию персональных услуг, сексе. Аман закивал, потому что федералы знали, что ему понадобится, и все данные были на месте.

— Срочность? — поинтересовался он.

— Максимальная. — Пиджак не отводил взгляда от досье объявленного в розыск.

Аман кивнул. Джими почему-то напрягся. Аману даже не пришлось смотреть в его сторону — паренек буквально светился. Аман начал поочередно щелкать по иконкам, открывая разные файлы, в надежде, что Джими будет помалкивать. Нахмурясь, потому что незачем клиенту знать, насколько пустяковое у него дело, Аман быстро просмотрел приблизительный вывод, сделанный на основании покупательских привычек объявленного в розыск. Есть. Тип оказался бесхитростным. С таким проблем не будет. Можно считать, мальчишка сам помахал рукой, привлекая к себе внимание.

— Четыре дня, — изрек Аман. Подними планку высоко и начинай торговаться. — Плюс-минус десять процентов.

— Двадцать четыре часа, — едва шевеля губами, произнес пиджак.

Интересно. К чему такая спешка? Аман покачал головой. Никаких сексуальных извращений, никаких наркотиков, поэтому в поисках придется полагаться только на выбор одежды и продуктов. На файлы с данными по законной торговле уходило больше времени.

— Три с половиной, — решительно заявил он. — И включить пункт, освобождающий от ответственности в случае неудачи.

В конце концов сошлись на сорока восьми часах и без всяких дополнительных пунктов в договоре.

— Бонус десять процентов, если найдете его раньше. Пиджак поднялся, собираясь уходить, и секунду внимательно смотрел на Джими. Быть может, сохранял его фотку на биологической

присадке, которой снабжается вся его братия? Отныне, если он столкнется с Джими на улице, пусть даже пройдет сто лет, то он его узнает. Для Джими было бы гораздо лучше, если бы этого не случилось.

— А этот парень им действительно нужен. — Джими подождал, пока над дверью не зажегся зеленый свет, означавший, что пиджак не оставил после себя никаких подслушивающих устройств. — Беглец носит знак геистов.[125]

Кроме шуток. Аман сразу узнал этот знак.

— Что он натворил?

— Откуда мне знать, черт возьми? — Аман дотронулся до одной из иконок и прикрыл веки, пока его собственная биоприсадка загружала файл, а потом выводила на сетчатку глаза. Вот это и было последней каплей, переполнившей чашу, в споре с Ави.

— А, так мы просто делаем то, что нам велят. Понял. — Джими откинулся на спинку стула и, задрав ногу, пристроил один ботинок на краешке стола. — Есть, сэр, вопросов не задавать, так, что ли? Кому какое дело до причин, если заплачены деньги?

— Он представляет правительство. — Аман сморгнул ретинальный экран, не обращая внимания на ботинок Джими. Ради каких таких святых Рауль нанял этого сосунка? Чего там, он прекрасно это знал. Аман оглядел стройную, несколько женоподобную фигуру паренька. Его босс был неравнодушен к африкано-испанскому фенотипу. Когда-то Рауль не смешивал дело с личной жизнью. Аман подавил вздох, прикидывая, догадался ли паренек, почему его нанял Рауль, или еще нет. — Какой процент данных ты добываешь легально? — Он видел, что Джими призадумался. — Или ты считаешь, что мы настолько хороши, что никто и никогда не обходит нас на повороте? Всегда нужно платить, парень, особенно за успех.

Джими убрал ногу со столешницы.

— Все эти преследования геистов — полная чушь. Популистский шаг, необходимый Северо-Американскому Альянсу…

Аман предостерегающе поднял руку.

— Хорошо хоть, ты ничего не написал светом на своей голове, — миролюбиво заметил он. — Просто воздержись от разговоров о политике с Раулем.

Джими вспыхнул:

— Как же так вышло, что вы позволили ему уменьшить срок выполнения работы? Разве мы справимся меньше чем за четыре дня? Ан Сюен загружен поисками феррогеров.

— Нам не понадобится Сюен. — Аман кивнул на иконки. — Наш беглец — органик. Строгий вегетарианец. Одежду и прочие предметы личного обихода предпочитает исключительно кустарного производства. Ты и сам его нашел бы без всякой помощи часа за четыре.

— Но если он покупает овощи с грядки и сшитые вручную рубашки, то ведь на них нет универсальных бирок. — Джими нахмурился.

Аман дал себе зарок поговорить с Раулем, хотя, наверное, это ничего не изменит. По крайней мере, пока он не устанет от новичка.

— Ты что, с луны свалился? — Он поднялся и перешел в глубину офиса к маленькому неприметному столу с компьютером, скрытому дорогой японской ширмой. Это и было его настоящее рабочее место. Все остальное — бутафория, чтобы произвести впечатление на клиентов. — К примеру, продаешь ты свой товар без универсальных бирок, и вдруг обнаруживается, что тебе отказано в лицензии, или в твоем продукте слишком много кишечных палочек для выдачи разрешения на торговлю, или твое прядильное производство — всего лишь прикрытие для торговцев наркотиками. — Аман рассмеялся. — Все имеет свою универсальную бирку. — Что было не совсем так, но, как известно, знание — сила. Джими пока не претендовал на силу. Во всяком случае, бесплатно ему ничего в руки не приплывет.

— Ладно, — пожал плечами Джими. — Посмотрим, сумею ли я справиться меньше чем за четыре часа. Начать с секса?

— Тут он не особо засвечен. Я сам все сделаю.

— С чего это вдруг? — взъерошился Джими. — Разве для вас это не слишком легкое задание? Если даже *я* способен с ним справиться?

Аман засомневался, особой уверенности в нем не было.

— Я сам.

Он уселся за свой рабочий стол, а Джими тем временем, нарочито громко топая, вышел. Аман вызвал свое защищенное поле и перевел на него файлы. Беглец пользовался бесплатным сексом или вообще никаким, поэтому не было смысла искать там. Следующей по оперативному списку шла еда. Аман открыл свою персональную поисковую программу и загрузил в нее данные идентификационного чипа беглеца. Свой чип парень где-то скинул — иначе пиджак вообще бы здесь не показался. Никто так до сих пор и не придумал, как сделать идентификационный чип, вводимый при рождении, постоянным. Хотя попытки не прекращались. Искусственный интеллект Амана запустил свои тысячи щупалец в инфосферу и начал потрошить все пулы

розничной торговли. Незаконное, разумеется, действие, тем более что данные розничной торговли — все равно что деньги в банке, то есть хорошо защищены, но если ты готов платить, то всегда можно договориться с людьми более башковитыми, чем те, кто создавал защиту. А корпорация «Алгоритм поиска» была готова платить.

И точно, в первой же базе данных обнаружились параметры паренька. Это была самая большая база, в которую сливали данные непосредственно сами торговцы. Получив начальные цифры по предметам потребления, поисковая система Амана настроилась на выполнение конкретной задачи. Аман выждал тридцать секунд, пока его искусственный интеллект переваривал предварительные данные, количества и цены всех товаров, приобретенных беглецом, начиная с самой первой покупки в кредит до дня, когда он заплатил подпольному хирургу, чтобы тот удалил его идентификационный чип. Каждый апельсин, каждый пакетик жвачки, каждая бутылка пива несли печать РНК, то есть информацию о покупателе на генетическом уровне, и каждая покупка добавлялась в файл, открытый в тот день, когда беглец родился и ему имплантировали персональный идентификационный чип.

Искусственный интеллект закончил свою работу. Беглец оказался ровесником его сына. Лет двадцати пяти. Но выглядел моложе. Живое свидетельство пользы вегетарианства и органических продуктов? Аман кисло улыбнулся. Сыну это понравилось бы. В общем-то, с этого и начался их конфликт, вегетарианство служило вечной отговоркой сына в случае необходимости. Аман просмотрел досье покупок. Когда он впервые влез в эти дела, его поразило, как много может сказать о жизни человека и его философии выбор продуктов. В детстве беглец сидел на «типичной» североамериканской диете, если не считать небольшой список пристрастий, который Аман пропустил. В девятнадцать он стал геистом. Переломный момент отчетливо отразился в досье, когда в покупках вдруг резко и неожиданно обозначился переход от животных белков к рыбным, а затем исключительно к растительным. Покупки алкогольной продукции сошли на нет, хотя втрое увеличилось потребление марихуаны, а заодно и дикорастущих галлюциногенных грибов. Как он и ожидал, нелегальное приобретение наркотиков почти ничего не добавило к общей картине. Хаотичный характер этих покупок предполагал, что парень покупал наркотики не для себя — для друга или на вечеринку, а вовсе не для регулярного личного потребления. Так что речь не шла о долгосрочной стойкой зависимости.

Краткий период регулярных нелегальных приобретений психотропных средств вкупе с увеличением объема потребления продуктов предполагал, однако, наличие любовницы или подружки с проблемами наркозависимости. Неожиданное прекращение подобных покупок предполагало разрыв в отношениях. Или смерть. Потребление продуктов тоже снизилось. Амана внезапно осенило — наверное, из-за нехватки времени, — и он ввел задание для искусственного интеллекта: связать отказ от наркотиков с новостной базой данных для северо-западной части Северной Америки, региона, где совершалось приобретение наркотиков. В самую точку. Двадцатилетняя женщина умерла спустя восемнадцать часов после последней покупки наркотика. Любовница? Передозировка? Аман сощурился. Причина смерти была указана как сердечная недостаточность, но искусственный интеллект все равно ее пометил.

— Продолжить. — Он подождал несколько секунд, пока интеллект размышлял.

Недостаточно данных, — пробормотал комп своим бесполым голосом. — *Продолжить?*

Аман засомневался, потому что подобные поиски стоили денег, да и связь здесь была слабой, если вообще была.

— Продолжить, — решил он без всякой на то причины. Просто он давным-давно привык прислушиваться к своей интуиции.

Аман покинул офис последним, как обычно. Когда он пересекал роскошную приемную, секретарша попрощалась с ним, так же искренне улыбаясь, как и ранним утром. Как только за ним закрылась дверь, она тут же выключилась. Настоящая мебель и ковры свидетельствовали о деньгах и статусе. Настоящие люди свидетельствовали о том, что компания рискует своей безопасностью. Ночной сторож — еще одна голографическая метафора — пожелал ему спокойной ночи, пока он пересекал небольшой вестибюль. Голографический пруд окружали цветущие орхидеи. Огромные вазы с цветами — сегодня это были лилии — украшали узкие столики у стены. Дизайнерская компания вместе с голограммами поставляла даже запах. Аромат лилий преследовал Амана и на улице. Он нанял педальное такси и велел отвезти его домой, радуясь, что в кои-то веки маленькая жилистая таксистка не завела разговор, а вместо этого налегла на руль и повезла их сквозь вечернюю пробку на улицах.

Он никак не мог выбросить из головы визит пиджака. Джими прав. Геисты — безобидные типы, проповедующие возврат к земле. Паренек понадобился федералам по какой-то причине, не

связанной с его политическими взглядами, хотя, быть может, тут замешаны средства массовой информации. Аман рассеянно уставился на мускулистую спину таксистки, которая везла их, нажимая на педали, мимо уличных торговцев, предлагавших еду, игрушки, легальные наркотики, в живой реке из идущих, жующих, покупающих что-то людей. Он давно уже не задавался вопросом «почему». Смуглая кожа таксистки блестела от пота, как натертая маслом. Наверное, ему было не по себе оттого, что беглец оказался ровесником его сына Ави и тоже геистом. Аман протянул руку и позвонил в колокольчик. Серебряный звон еще не затих, а таксистка уже свернула на обочину. Она благодарно ему улыбнулась за чаевые, которые он оставил ей, приложив большой палец к считывателю, и сразу рванула в поток других такси и мотороллеров, забивших улицу.

Аман нырнул в небольшой магазинчик, расположенный в его квартале, радуясь возможности в одиночестве побродить между стеллажей в это позднее время. Он взял пластиковую корзинку у двери и вошел в зону покупок.

Сегодня вы вскрыли последнюю упаковку апельсинового сока, — сообщил ему магазинный распорядитель тихим женским голосом, когда он проходил мимо морозильных камер.

И то правда. Магазинный распорядитель еще при входе сканировал его персональный чип, а затем подключился к покупательской сети, управлявшей личными запасами. Поэтому он сейчас и получил это напоминание. Аман бросил в корзинку пакет замороженного сока, — на ручке корзины высветилась стоимость, которая постепенно увеличивалась, пока он добавлял замороженные обеды и фасованный салат.

Всю эту неделю у нас скидка на «Пино Три» винодельни Вилламетте. — Здесь, в винных рядах, распорядитель говорил низким мужским голосом. — *Минус три доллара.*

Это было его любимое белое вино. Он купил бутылку и направился к выходу, где на экране уже высвечивалась общая сумма покупок, оставалось только приложить к нему большой палец.

— Как у нас все просто, правда?

Аман поднял взгляд и увидел, что за кассами слоняется Джими.

— Ты что, за мной следишь? — Аман выгрузил покупки в пластиковый мешок. — Или это действительно простое совпадение?

— Я живу в квартале от вас, — пожал плечами Джими, — и всегда затовариваюсь здесь. — Он помахал своим пластиковым мешком. — Может, выпьем? Я угощаю.

— Идет, — согласился Аман, словно извиняясь за то, что не удосужился поинтересоваться, где живет новичок.

Они уселись за одним из столиков на тротуаре, рядом с магазином, на этаком островке покоя среди текущей людской реки.

— *Как обычно?* — вежливо поинтересовался столик.

Оба ответили утвердительно, и Аману стало любопытно, что обычно заказывает здесь Джими. Только сейчас до него дошло, что Джими успел где-то набраться. Глаза его неестественно блестели, лицо лоснилось от пота.

Нехарактерное для него поведение. Аман лично знакомился с алкогольными досье, рассматривая кандидатуры новеньких. Он откинулся на стуле, когда миниатюрная женщина поставила перед ним стакан крепкого портера, а перед Джими — манговую «маргариту». Аман медленно потягивал кремоватую пенную шапку и само горькое пиво, Джими тем временем залпом выпил треть коктейля.

— Что тебя беспокоит?

— Вы все время составляете досье? — Джими отставил бокал, стукнув им по столу излишне сильно. Оранжевая смесь выплеснулась через край, и по стенке объемистого бокала изогнутого стекла поползли кристаллики соли. — Неужели до вас не доходит?

— Что до меня должно дойти?

— Пиджак поимел вас. — Джими уставился на Амана тяжелым взглядом. — По всему выходит.

— Это им так кажется. — Аман сохранил на лице бесстрастное выражение, продолжая потягивать пиво. — Ты посмотри на происходящее по-другому, как на сделку о купле-продаже.

— Они ведь разделаются с парнишкой, верно? Пришьют его. Без шума и пыли.

— Правительство не казнит свой народ, — мягко заметил Аман.

— Черта с два! Во всяком случае, не публично.

Что ж, в досье Джими содержались и эти сведения. Он давно почитывал экстремистские электронные журнальчики и даже примкнул к паре политических группировок, считавшихся в правительственных кругах не совсем благонадежными… не то чтобы ярые враги, но где-то близко. Лучшие аналитики — всегда в прошлом экстремисты. Когда приходится в любую секунду ожидать предательства, поневоле учишься правильно оценивать людей.

— А я-то думал, что работаю на вполне порядочных парней,

понимаете вы это? Ну, попадется какой-нибудь мошенник, нечестный на руку дилер или придурочный из тех, что бросают своих ребятишек на попечение государства, но это… — Джимми допил коктейль. — Принесите еще. — Он стукнул бокалом по столу.

Вы превысили разрешенный лимит для управления транспортным средством, — сообщил ему столик милым материнским голосом. — *Я вызову вам такси, если желаете. Только дайте знать.*

Через секунду официантка поставила перед ним свежую «маргариту» и ловко убрала пустой стакан.

— Частная жизнь, какова шутка? — Джими уставился на коктейль и заговорил слегка заплетающимся языком: — Готов побиться об заклад: в какой-нибудь базе данных указано, сколько раз за свою жизнь я сходил в туалет.

— Вернее сказать, сколько раз ты спустил за собой воду.

— Ха-ха. — Джими посмотрел на него окосевшим взглядом: выпитое спиртное теперь действовало быстро. — А когда вы перестали задаваться вопросом «почему»? А? И вообще, вы когда-нибудь его себе задавали?

— Пошли. — Аман собрался уходить. — Я провожу тебя домой. Иначе ты свалишься.

— Я не настолько пьян, — возразил Джими, но послушно поднялся из-за стола. Аман успел его поймать, когда парень качнулся. — Нет, пожалуй, настолько, — громко расхохотался Джими, так что несколько человек повернули к ним головы. — Пожалуй, мне следует к этому привыкнуть, а? Как вы.

— Идем же. — Аман потянул его, не очень-то церемонясь. — Скажи, куда мы идем?

— Мы?

— Просто назови свой адрес, черт побери!

Джими надулся как ребенок, назвал номер дома и пошел, спотыкаясь и раскачиваясь, несмотря на твердую руку Амана. По мере того как этот район становился популярным, здесь быстро вырастали дешевые и ультрасовременные высотные башни. Джими проживал всего лишь на шестом этаже, недостаточно высоко для дорогостоящего вида. Только не на его зарплату. Когда специальный элемент отсканировал чип Джими, дверь открылась, и зажегся свет. Зазвучала музыка, какая-то группа исполняла ретро-панк в ностальгическом стиле. Аман сразу узнал композицию. Пришлепал рыжий котик, местами облезлый, и уставился на них зелеными глазами. Аман поразился, что кот настоящий. Выходит, Джими выложил изрядную сумму, чтобы содержать в квартире животное из плоти и крови.

— Меня сейчас вывернет, — пробормотал Джими, выпучив глаза.

Они метнулись в крошечную ванную… но не успели. После Аман уложил парня на раздвижную тахту, служившую спальным местом в единственной комнате. Джими отключился, едва его голова коснулась подушки. Аман поставил возле тахты мусорное ведро, а на низком столике, стоявшем рядом, приготовил большой стакан воды и пару таблеток старомодного аспирина. Кот везде преследовал его, укоризненно сверкая глазами, поэтому пришлось пошерстить в шкафах крошечной кухоньки, найти пакеты с кошачьим кормом, вывалить один из них на тарелку и поставить ее на пол. Котик с важным видом подошел к угощению, помахивая хвостом.

То, что Джими завел себе живого кота, моментально окажется в базе данных. А сегодняшняя попойка обязательно попадет в его алкогольное досье, где будет подведен аккуратный итог выпитым «Маргаритам» и проставлен «флажок», в знак того, что данное поведение для него нехарактерно. Как только эффективность его труда начнет падать, Рауль в первую очередь заглянет в это досье. И узнает о сегодняшнем пьянстве.

— Эй!

Аман остановился в дверях, оглянулся. Джими приподнялся на локте и пьяно уставился на него:

— Спасибо… за то, что покормили кота. Вообще-то я не… пью. Но ведь вы уже знаете это, верно?

— Да, — ответил Аман. — Знаю.

— Мы были знакомы. С сегодняшним беглецом. Его зовут Дарен. Мы дружили. В детстве. А у вас-то самого было детство? Пиджак обязательно его убьет. Как пить дать. — По щекам Джими потекли слезы. — Почему так вышло? Вы даже не поинтересовались. Даже не спросили, знаю ли я его.

Проклятие! Ему ведь и в голову не пришло поискать связь в этом направлении.

— Прости, Джими, — тихо произнес Аман, но Джими успел снова отключиться, свесив голову с края тахты.

Аман вздохнул и вернулся в комнату, чтобы уложить парня на подушки. Да, неудачный поворот событий для новичка. Джими лежал на тахте, раскинув руки и ноги, в полном ступоре. Почему? Это не имело значения. Все равно пиджак ни за что не сказал бы им правду. Но Джими прав. Ему следовало бы поинтересоваться. Он вспомнил досье беглеца, тот самый переломный момент, после которого мальчишка поменял все свои привычки в еде, одежде, покупках. Там явно прослеживался кризис. Какова причина кризиса — об этом оставалось только догадываться.

Интересно, как бы выглядело досье Ави?

Теперь не узнать. Кризис Ави был для него все равно что удар в спину.

Аман закрыл дверь и послушал, как щелкнул замок.

Он пронес свои покупки несколько кварталов до собственной скромной кооперативной многоэтажки. Зажег свет без всякой музыки. Животных в квартире не было, лишь датская мебель и древний афганский узелковый ковер, связанный женщинами из его далекого детства, которые давным-давно умерли. Аман убрал еду, сунул один обед в микроволновку и подумывал, не налить ли себе еще пивка. Но крепкий портер, выпитый в компании Джими, разгонял ему кровь не хуже приобретенного на улице наркотика. Аман криво улыбнулся, вспомнив дедушку, правоверного мусульманина, и его внушения, что, мол, алкоголь — это кровь демона. Что ж, сегодня у него действительно по жилам растекалась кровь демона. Просигналила микроволновка. Аман выставил на буфет поднос с дымящейся едой, чтобы та немного остыла, а сам уселся скрестив ноги на шерстяном ковре с выцветшим ало-голубым узором и, моргнув, включил свою биоприсадку.

Все это время искусственный интеллект отбирал подходящие досье и сейчас представил ему целых пять штук на выбор. Аман начал с того, что вновь проглядел досье беглеца. Дело тут было вовсе не в собранных данных. Всегда можно купить поисковый интеллект, и если бы только этим и ограничивалось, корпорация «Алгоритм поиска» давно вылетела бы в трубу. Главное — интуиция, способность взглянуть на цифры шире и почувствовать за ними человека. Аман прошелся по покупкам: шоколадные батончики, платные видеосайты, скрашивающие одиночество, подарки, свидетельствовавшие о таинственном присутствии подружки, надежда на любовь, выраженная в заказах клонированных роз по одной штуке, бельгийском шоколаде и паре билетов. Подружки появлялись, затем исчезали. Аман насчитал не меньше трех. Парень заботился о своем весе, а может, просто решил подкачать мускулы, приобретая абонементы в спортивный зал и специальные продукты.

Потом кто-то умер. Аман увидел оплату цветов, крематория, резкое увеличение трат на алкоголь в течение примерно трех месяцев. А затем… кризис. Любопытно. Аман открыл следующий файл, из тех, что предоставил ему пиджак, и прочитал статистику. Дарен оказался ребенком по контракту — новый способ для мужчин заиметь детей. Мамочка предпочла карьеру инженера на одной из орбитальных платформ. Сначала няня, затем частная школа. Цветы оказались для папаши, умершего в

пятьдесят четыре года от аневризмы.

Парень примкнул к геистам после смерти отца. В отличие от Ави, который не стал дожидаться. Аман вновь просмотрел пять досье, предоставленных искусственным интеллектом. Во всех предпочтение отдавалось продуктам, выращенным на органике, неокультуренным, содержащим естественную клетчатку. Трое из кандидатов были местные. Один недавно переехал в Монреаль, другой — в Конфедерацию Южной Америки, штат Бразилия. Аман проверил даты. Вот он. Аман выбрал одного из местной троицы. Все покупки делались в северо-восточной части города, в районе, который раньше считался престижным пригородом, а теперь превратился в убогое поселение тех, кто работал за наличные. Парень ходил пешком. Без чипа воспользоваться массовым транспортом он не мог, а личных средств передвижения у него явно не было. Наивняк. Аман медленно выдохнул. Перепуганный мальчишка. Зарылся головой в диванные подушки и думает, что спрятался. Иногда Аману приходило на ум, не попробовать ли ему отыскать Ави. Это было бы интересно. Его сын знал, как он работает. Его сын знал, как нужно прятаться.

Аман так ни разу и не занялся поисками сына.

Действуя по наитию, он вызвал пометку, сделанную искусственным интеллектом во время предыдущих поисков. Тогда интеллект выделил для него смерть некой женщины, вероятно являвшейся подружкой или любовницей беглеца. На этот раз поисковый интеллект подобрал ему данные за последние пять лет о смертях по причине передозировки. В конце данных мигал ярко-красный знак вопроса, а это означало, что продолжение поисков приведет его к защищенным и неразрешенным к распространению сведениям. Продолжить? Он почти готов был ответить «нет».

— Так и быть, Джими.

Он навел курсор на ярко-красный знак вопроса.

— Продолжить.

Вопросительный знак исчез. Просмотр защищенных правительственных файлов обойдется дорого. Оставалось надеяться, что овчинка выделки стоит, и ему будет что объяснить Раулю, если тот поймает его за руку.

Когда наконец Аман отключил свою биоприсадку и поднялся с ковра, то почувствовал, как затекли у него ноги. Искусственный интеллект продолжал поиски в файлах Администрации США по контролю за применением законов о наркотиках, Еда на подносе успела остыть, время перевалило за полночь. Аман сунул ужин в небольшой холодильник, а сам упал ничком на низкий диван и растянулся на нем совсем как Джими. Правда, он не накачался

«маргаритами».

Утром он отправил Раулю сообщение, что неважно себя чувствует, и поинтересовался, стоит ли ему появляться на работе. Как и следовало ожидать, Рауль велел ему не приходить ни под каким видом и пройти осмотр до возвращения на работу. На Рауля, с его паранойей по поводу биотерроризма, всегда можно было рассчитывать.

Аману даже не пришлось сильно грешить против истины. Ему действительно было не по себе. По многим причинам. Искусственный интеллект ничего для него не нарыл в файлах о передозировке, которые пометил раньше, и это беспокоило Амана. Что могло помешать поискам? Любая защита пасовала перед его поисковой системой. Он отправил по электронной почте Джими письмо, в котором посоветовал ему найти текилу, а заодно пришпилил два несекретных файла, чтобы как-то занять парня, пока тот будет мучиться похмельем. Необходимую одежду Аман отыскал в дальнем углу шкафа — старую, поношенную рубаху навыпуск и засаленные джинсы, — присовокупив к ним пару видавших виды ботинок, заимствованных несколько лет назад в городском центре переработки. Потом он поймал педальное такси, доехал на нем до подвесной железной дороги и выбрал поезд в северо-восточном направлении. С возницей он расплатился наличными и так же, за наличные, приобрел билет в один конец на подвесную дорогу. Хотя, конечно, наличные не скрывали его передвижения. Он мрачно улыбнулся, отыскивая место в вагоне. То, что он воспользовался педальным такси, а затем подвесной железной дорогой, тут же попало в архивы городской сети, которую предпочитало большинство транспортных систем. Теперь тому, кто захочет его отыскать, понадобится на несколько минут больше, чтобы проследить его сегодняшний маршрут.

Город резко заканчивался у Кольца, ничейной земли с заброшенными складами и покосившимися хибарками, самовольно заселенными беднотой, бесчиповыми отбросами общества. Небольшие распаханные участки земли предполагали наличие порядка даже в этом нищенском хаосе. Пока поезд взмывал над провалившимися крышами и низким кустарником, росшим здесь повсюду, Аман успел заметить круглолицую девушку, выглянувшую из-под розового куста с яркими бутонами. Ее платье, на удивление чистое и яркое, идеально подходило под цвет роз. Девушка энергично помахала вслед проносившемуся поезду. Аман вытянул шею, чтобы получше ее разглядеть, но поезд унес его за поворот.

На станции он вышел из вагона вместе с несколькими пассажирами, в основном женщинами, среди которых затесалась пара мужчин. Это возвращались домой после ночной смены уборщицы и портнихи, выполнявшие индивидуальные заказы богатеньких модников. Ни одна из них не взглянула на Амана, с трудом передвигая ноги по пустой и грязной бетонной платформе, но все равно у него было такое чувство, будто за ним следят, — шею покалывало.

Зачем кому бы то ни было за ним следить? Но Аман на всякий случай завис в конце платформы, якобы рассматривая куски дыни и первые яблоки, которыми торговали вразнос скучавшие мальчишки. Он поторговался немножко, после чего развернулся и быстро пошел прочь, заработав этим маневром несколько красочных эпитетов, прозвучавших из уст одного из продавцов, того, что повыше. Слежки не было. Аман пожал плечами и списал все на нервы. С каждой минутой его все больше тревожило отсутствие дополнительных данных: искусственный интеллект молчал. Солнце уже здорово припекало ему шею, когда он спустился с платформы и оказался на улице.

Дома стояли старые, с провисающими крышами, обшитыми пластмассой под дерево, листы были уложены внахлест, чтобы защитить от дождя. Здесь все выглядело получше, чем на ничейной территории вокруг городского центра, но ненамного. В большинстве крошечных двориков выращивались овощи, сливные трубы наполняли вырытые вручную водоемы, а в маленьких ларьках шла полулегальная торговля овощами, домашними фруктовыми напитками и снедью, предлагались различные услуги — совсем как в его квартале, с той лишь разницей, что здесь покупатель шел к продавцу, а не наоборот.

Аман остановился у чистенького с виду ларька, установленного прямо на бывшей разделительной полосе парковки, и заказал стакан овощного сока, который тут же был приготовлен у него на глазах с помощью древнего блендера. Женщина вымыла овощи в ведре с грязной водой, потом порубила их и засыпала в блендер. Небрежно наклонившись над прилавком, Аман учуял запах хлора — значит, вполне безопасно. Срок всех его прививок пока не истек, поэтому он взял стакан без колебаний и выпил пряную, пахнущую базиликом смесь. Базилик ему не особенно понравился, но он улыбнулся продавщице.

— Дарена сегодня не видали? — Он рискнул назвать настоящее имя беглеца, рассчитывая, что парень по своей наивности вряд ли воспользовался другим именем. — Мы договорились с ним встретиться здесь. Наверняка он опять проспал.

Женщина больше не смотрела на него так подозрительно, улыбка стала искренней.

— Ну конечно. — Она пожала плечами, расслабилась. — С ним всегда так. Я обычно вижу его ближе к полудню. Поздняя пташка. — И она весело рассмеялась как старая знакомая.

Выходит, парень на самом деле жил здесь под своим настоящим именем. Аман отхлебнул еще сока, подавляя желание покачать головой. Вот уж действительно — маленький мальчик зарылся головой в диванные подушки. Из-за небольшого квадратного строения, почти невидимого под грузом спутанных лоз киви и кудзу, появилась фигурка и направилась в их сторону быстрым легким шагом. Сотканная вручную и выкрашенная природным красителем рубаха бросалась в глаза на этой улице, как яркий воздушный шар. Свободные штаны на завязках из какой-то темной холстины и нитка вырезанных вручную бус на шее указывали, что это он, не хуже неоновой стрелы.

— Вот и Дарен, — произнес Аман, а взгляд и улыбка женщины подтвердили его догадку. Аман подождал, пока взгляд беглеца не начал перемещаться в его сторону, затем быстро к нему шагнул. — Сколько можно тебя ждать? — Он обнял парнишку, словно давно потерянного брата, и сделал вид, что целует его в щеку, а сам прошипел потрясенному юнцу на ухо: — Веди себя так, словно мы старые друзья, и тогда федералы, возможно, тебя не достанут. Не облажайся.

Парень окаменел, напрягся от паники, в ноздри Аману ударил кислый запах пота. Несколько секунд парень обдумывал услышанное и тут же обмяк, причем настолько, что Аман инстинктивно подхватил его. Мальчишка весь дрожал.

— Пойдем, пройдемся, — предложил Аман. — Я здесь не для того, чтобы тебя арестовать.

— Позвольте мне выпить сока…

— Нет. — Палец Амана погрузился в нервное сплетение на плече беглеца, и парень охнул. — Идем.

Он развернул бедолагу и повел его по улице, прочь от ларька с соком. Со стороны могло показаться, что прогуливаются два старинных приятеля: тот, что постарше, по-дружески положил руку на плечо молодого, почти закрывая его своим телом от взглядов продавщицы, а сам потихоньку надавливал на нерв, напоминая парню, чтобы тот не дурил.

— Ты оставляешь за собой такой след, по которому пройдет и слепой ребенок, — небрежно бросил Аман и почувствовал, как парень дернулся.

— Я избавился от чипа. — В голосе беглеца прозвучала злобная бравада.

— А чип вовсе и не нужен. Его отсутствие затягивает поиск всего на несколько часов. От подпольного докторишки ты отправился прямо сюда, прошел пешком все Кольцо, потому что не мог воспользоваться подвесной железкой. Каждый день ты покупаешь сок в одном и том же ларьке, а эти штанишки ты приобрел в двух кварталах отсюда у некой дамы, которая устроила торговлю одеждой прямо у себя в гостиной. Хочешь, я скажу, что ты вчера ел на обед?

— О мать-богиня! — простонал парень.

— Избавь меня от этого, — вздохнул Аман. — Почему тебя ищут? Ты что-то взорвал? Запустил куда-нибудь вирус?

— Только не мы. Геисты этим не занимаются. — Дарен рывком высвободился из хватки Амана, чего тот никак не ожидал, и сжал кулачки. — Все это ложь. Я не знаю, почему меня ищут. Да, мне приписывают биотерроризм, но я ничего не делал. Не запускал я никакой вирус, а они говорят, что вспыхнула эпидемия. Разве можно так подставлять человека? — возмущался он звонким голосом. — Им нужно это доказать, а доказательств нет. Потому что не было никакой эпидемии.

В эту секунду парень так был похож на Ави, что Аману даже пришлось отвести взгляд.

— Выходит, они все состряпали? — недоверчиво переспросил он слегка охрипшим голосом.

— Думаю… да. — Парень потупился, у него задрожали губы. — Понимаю, звучит как бред. Просто я не знаю *почему*. Почему они выбрали меня? Я ведь даже не участвую в протестах. Я просто… пытаюсь сохранить то, что осталось.

— Расскажи мне о своей подружке.

— О ком? — Он заморгал, глядя на Амана мокрыми от слез глазами.

— О той, что умерла.

— А-а. Рийна. — Юноша тут же погрустнел. — Она и вправду хотела соскочить. С иглы. Я пытался ей помочь. Она. так… так сильно боялась. Думаю… только наркотики и могли ей помочь справиться со страхом. Я… я и вправду старался.

— Так что, она убила себя?

— Ну нет. — Дарен взглянул на него, потрясенный. — Она не хотела умирать. Она просто хотела перестать бояться. В то утро она ввела обычную дозу. Наверное… тот парень, у которого она покупала наркоту, — он называл себя Скинджеком, — что-то напорол со смесью. У нее получился передоз. Я… отправился на его поиски. — Дарен покраснел. — Я сказал себе, что побью его. Наверное… мне даже хотелось его убить. Потому что у нее уже было улучшение. В конце концов ей удалось бы соскочить с

иглы. — Он прерывисто вздохнул. — Но парень исчез. Сукин сын. Я долго его искал, но… он как сквозь землю провалился. Возможно, у него тоже случился передоз, — с горечью добавил он. — Очень на это надеюсь.

Все внезапно встало на свои места. Получилась законченная картина. *Почему.*

Они вышли к пустырю. Здесь кто-то выращивал виноград, и когда они дошли до конца ряда, внимание Амана привлекло легкое движение в тени. Но было слишком поздно. Он так сосредоточенно размышлял над проблемой, что потерял на какое-то время бдительность. Из тени вышла фигура, держа в руке маленький уродливый пистолет.

— Я был прав. — Джими злобно сверкнул глазами. — Думали, у меня не хватит мозгов выследить вас? Да, я туповат, знаю, но не настолько.

— Вообще-то я полагал, что тебя будет мучить похмелье. — Аман осторожно развел руки. — Сейчас мы на одной стороне, и нам нужно поскорее убраться отсюда, как мне кажется.

— Помолчите, — спокойно произнес Джими и приблизился на шаг. В голосе его прозвучала ледяная угроза. — Просто помолчите.

— Джими?! — удивился Дарен, выходя вперед. — Я сразу тебя не заметил… Что ты здесь делаешь?

— Он тебя выследил, — процедил сквозь зубы Джими. — Для федералов. Ты совершенно не умеешь прятаться, Дарен, прямо как идиот. Все, что ты покупаешь, снабжено универсальной биркой, черт бы ее побрал. Он просмотрел досье твоих покупок и выбрал тебя из толпы, очень просто. Ему самому было смешно, до чего легким случаем ты оказался. Настолько легким, что он даже не поручил эту работу новичку вроде меня. — Джими пожирал парня глазами. — Ты должен…

Аман незаметно переместил свой вес и слегка шевельнул левой рукой, лишь бы отвлечь внимание Джими. Тот перевел взгляд направо, а вместе с ним и дуло пистолета. Аман схватил руку Джими, в которой было оружие, вывернул ее, послышался хруст. Джими вскрикнул и выпустил пистолет, Аман подхватил его на лету, а в это время Дарен сбил его с ног, тоже борясь за оружие. Прозвучал выстрел газового пистолета. Потом раздался второй. Аман напрягся, ему показалось, будто все происходит как в замедленной съемке. Боли не почувствовал. Где же боль? В лицо ему брызнула горячая влага, и Джими повалился спиной в виноградник, дергая руками и ногами. Аман перекатился в сторону, легко стряхнув с себя Дарена, словно тот ничего не весил, и увидел федерала, который стоял в трех метрах от них и

целился в парнишку.

Аман выстрелил. Это был дикий выстрел, безумный выстрел, так стреляют во время тренировочных боев, когда знают, что все равно никуда не попадут.

Федерал повалился навзничь.

Аман попытался подняться, но у него ничего не вышло. Чуть погодя ему помог Дарен. Под глазами у него пролегли белые крути, и выглядел он так, будто вот-вот упадет в обморок от потрясения.

— Джими мертв. И тот, второй парень тоже. — Он цеплялся за Амана так, словно тот служил ему опорой, а не наоборот. — Мать-богиня, вы истекаете кровью.

— Хватит с меня твоей богини. — Аман смотрел, как на землю падают красные капли, стекая с кончиков пальцев.

Левая рука онемела, но он знал, что это ненадолго.

— Что это? Зачем… Черт возьми, что здесь происходит? — Парнишка впился пальцами в руку Амана.

— Спасибо. — Здесь действительно не обошлось без черта. — Нам нужно поскорее отсюда убираться. Ты знаешь окрестности?

— Да. Немного. Вот сюда. — Дарен повел Амана через виноградник, обнимая его одной рукой. — Я должен здесь встретить… кое-кого. Сегодня днем. Меня увезут в… — он с тревогой посмотрел на Амана, — другое место.

— Тебе придется кое-что усвоить… — Аман с трудом перевел дыхание. — Иначе наведешь на наш след федералов. — После этого он замолчал.

Онемение в руке постепенно проходило. Давным-давно он служил частным охранником с правом применения оружия — нужно ведь было оплачивать учебу. Однажды ночью его подстрелил грабитель.

Сейчас болело сильнее, чем тогда, насколько он помнил. С каждым шагом в плечо будто впивались раскаленные добела копья. Немного погодя он отделил сознание от тела, пусть само справляется с болью. Он вспомнил о котике Джими. Кто теперь станет о нем заботиться? «Рауль будет вне себя», — подумал он как сквозь сон. Но вовсе не из-за Джими. Таких Джими Рауль находит легко. Вот Аман — другое дело. Аман намного лучше Рауля. Даже лучше Ан Сюена, хотя Сюен так не думал. Рауль будет вне себя.

Заморгав, Аман вернулся в мир раскаленного полдня и увидел, что сидит в полутьме, прислонившись спиной к чему-то твердому.

— Ну и ну, вы отключились на ходу. — Паренек сидел рядом с ним на корточках, по его вытянутому, изможденному

усталостью и страхом лицу ручейками стекал пот, смывая серую пыль и засохшую кровь. Это был Дарен, не Джими. Джими был мертв. — У меня нет при себе аптечки, но, похоже, кровотечение приостановилось. Хотите воды? — Он протянул Аману пластиковую бутылку. — Пейте без опаски. Она из чистого источника.

Аману было все равно, сейчас он не побрезговал бы напиться даже из лужи. Их окружали руины старого дома. Фасад обвалился — или был снесен — окончательно, но остатки дома со всех сторон оплетали густые плети кудзу. На гниющем деревянном полу чернели шрамы прошлых костров. «Кольцо, — решил Аман. — Во всяком случае, окраина города».

— Что произошло? — Голос Дарена дрожал. — Почему он пристрелил Джими? Кто это был? И кто *вы* такой?

От воды стало легче.

— Что тебя насторожило, почему ты отправился в бега? — спросил Аман.

— Кто-то устроил обыск в моей квартире. — Парень отвел взгляд. — Я нашел «жучок» в машине. Вообще-то я мастак по таким вещам. Рассказал своим друзьям… они и посоветовали скрыться. Пусть даже я ничего не совершал. В этом они оказались правы. — Голос его продолжал дрожать. — Но я не делал того, в чем меня обвиняли.

— Федералам это известно. — Аман закрыл глаза и прислонился к потрескавшейся штукатурке. Боль пронзала раненое плечо с каждым биением сердца. — Все произошло из-за парня, который убил твою девушку.

— Но почему? Я ведь даже его не тронул. Я вообще его не нашел…

— Ты искал его, — пробормотал Аман. — Это их напугало. Напряженное молчание вынудило Амана открыть глаза.

— Насколько я понимаю, местное правительство затеяло небольшую… кампанию по искоренению наркотиков путем устранения рынка сбыта, — с трудом произнес он. Ну как объяснить это ребенку? — Они заключили сделку с уличными торговцами и, вероятно, передали им партию… товара, но не такого, как обычно, а слегка измененного, чтобы те пустили в оборот. В результате — резкое уменьшение количества потребителей.

— Отравление? — прошептал Дарен. — Намеренное?

— Гнусное дело, да? Скоро выборы. Подсчет голосов. А кого заинтересует смерть отъявленного наркомана, погибшего от передозировки? — Аман возвращался мысленно к одной и той же картине, от которой никак не удавалось избавиться: Джими

свернулся калачиком на диване, а его кот терпеливо взирает на хозяина. — Возможно, федералы решили, что у тебя есть доказательства. Возможно, они подумали, что ты обо всем догадался и теперь расскажешь… своим друзьям. А те разнесут дальше. — Он хотел было пожать плечами, но охнул от боли. Не стоило делать таких резких движений. Пришлось подождать, пока мир вокруг снова устаканится. — Мне бы следовало догадаться сразу… что пиджак знает о Джими. И обязательно его выследит. — Вот почему пиджак так долго всматривался в его помощника. Делал отпечаток в памяти, чтобы потом сразу узнать Джими в толпе. — До меня дошло слишком поздно. — То, что Джими погиб, целиком его вина. — Скоро за тобой придут твои люди?

— Думаю, скоро. — Парень до этого смотрел, не мигая, в землю, а тут вдруг вскинулся. — Как получилось, что вы за мной пришли? Хотели арестовать?

— Послушай. — Аман с усилием выпрямился и заскрежетал зубами, пока боль слегка не утихла. — Я уже тебе говорил, что ты оставляешь за собой след поярче неонового сигнала. Слушай внимательно. Ты должен подумать, перед тем как что-то купить… еду, одежду, зубную пасту, любую мелочь. — Он уставился в непонимающее лицо парнишки, мысленно приказывая внять его словам. — Все товары помечены бирками, даже если продавцы утверждают, что это не так, не сомневайся. Сейчас я говорю правду. Понял?

Мальчишка, прикрыв рот, кивнул.

— Только не вздумай делать совершенно тебе несвойственные покупки — этот след тоже легко взять. Покупай хаотично, без системы. Один раз купи что-нибудь вегетарианское, а потом какую-нибудь пару брюк из синтетической кожи на распродаже в большом магазине. Вещицу, на какую ты никогда бы не потратился. Даже до того, как стал геистом, понял? Подумай, что тебе действительно нужно. Из еды, одежды, игрушек, услуг. И покупай это только каждый пятый раз, потом каждый четвертый раз, потом каждый седьмой. Понятно? Бессистемно. Покупай наобум все подряд из ненужного, и тогда за тобой не останется ясного следа. Ты окажешься в самом конце покупательских досье, так что ни одна поисковая система не воспримет тебя всерьез.

— Но я делал покупки только в Кольце, — запротестовал парень.

— Не важно.

Он уже один раз объяснял все это Джими. На второй раз у него не хватало сил. Аман позволил себе закрыть глаза.

— Эй, — откуда-то издалека пробился к нему голос

парнишки. — Я должен знать. Как получилось, что вы за мной пришли? Хотели рассказать, как получше от вас спрятаться? И думаете, я поверю?

— Мне наплевать, поверишь ты или нет. — Аман с трудом открыл глаза и уставился на зеленоватый свет, проникавший сквозь завесу лиан кудзу. — Я… сам точно не знаю, почему выследил тебя. — Возможно, потому, что, в отличие от Джими, не задался вопросом «почему». Возможно, потому, что Ави был прав, работа действительно его изменила.

— Но почему? Вы что, тайный геист?

Аману захотелось рассмеяться, но он не стал этого делать, а то было бы очень больно.

Сквозь ночной кошмар пробивались людские голоса. Никакого зеленоватого света — значит, наступили сумерки. А может быть, он умирал. Трудно сказать. Послышались шаркающие шаги, перед глазами возникло лицо паренька. Сначала ему показалось, что это Джими, но потом он понял, что ошибся… Это был Дарен. Аман попытался произнести его имя вслух, но во рту пересохло.

— Мы отвезем вас в клинику скорой помощи. — Дарен придвинулся поближе, в глазах его сквозила тревога. — Но… я тут подумал… Вы не хотели бы отправиться с нами? То есть… они ведь все равно докопаются, что вы убили того федерала, верно? Вы попадете в тюрьму.

Да, они обязательно до всего докопаются. Он знал, как все сработает. Они соберут улики, возбудят дело. Незачем рисковать, иначе какой-нибудь дотошный репортеришка обязательно разнюхает про ту небольшую сделку с наркодельцами, которую они надеются сохранить в тайне. Федералы связывали с ним определенные надежды, и он их оправдал, а смерть Джими будет представлена как очередное отвратительное убийство, совершенное в Кольце. Он возьмет к себе на проживание котика. И никаких осложнений. Дело разрешится тихо, по-семейному.

— Я пойду с вами, — прохрипел Аман. — Вам не помешает совет, как оставаться невидимыми. У меня есть выход на улики, которые вам понадобятся… в этом деле с наркотиками. Выборы обещают быть интересными. — Он не умолял их, нет. Просто услуга за услугу.

— Вы не можете поехать с нами, если у вас есть чип. — Из-за плеча Дарена выглянула женщина — испанский тип, холодный взгляд, уверенная начальственная манера. — А нам пора отправляться прямо сейчас.

— Я знаю. — Хорошо хоть, чип зашит в здоровом плече.

Она все сделала, воспользовавшись крошечным лазерным скальпелем, — ловко и уверенно, что свидетельствовало о медицинской школе или, может быть, даже дипломе врача. Было больно, но ничего похожего на горящие уголья в левой руке. Вскоре его уже грузили на заднее сиденье машины в кромешной тьме.

Аман стал невидимым. С этой секунды. Он перестал существовать в электронной реальности города. Если бы он вернулся в свою квартиру, то не смог бы в нее войти. В угловом магазинчике от него не приняли бы ни карточки, ни наличных. Он чувствовал себя голым. Нет, он чувствовал себя так, будто больше не существовал. Смерть и то была бы менее окончательна, чем это состояние. Интересно, чувствовал ли себя так Ави в первую минуту. «Я бы, наверное, сумел найти его», — подумал Аман. Если бы кишка не была тонка.

— Я рад, что вы едете с нами. — Дарен сидел рядом с ним в грузовике — или что там была за колымага, — пока они тряслись по разбитой дороге, направляясь к ближайшей освещенной улице. — Леа говорит, что вы скорее всего не умрете.

— Я в восторге.

— Возможно, нам удастся воспользоваться этой историей с наркотиками. Мы могли бы повлиять на исход выборов и добиться, чтобы выбрали наконец кого-нибудь честного.

«Нет, он такой же безнадежный, как Джими», — подумал Аман. Хотя… почему бы не надеяться?

— Вы похожи на главу нашего ордена, — задумчиво произнес Дарен. — Он ненамного меня старше, но он очень умный. Настоящий гений, и ему не безразлична судьба каждого человека в ордене. *Она,* то есть Земля, действительно для него многое значит… Ави будет вам рад по-настоящему.

Ави.

Аман закрыл глаза.

— Эй, вы как? — Дарен схватил его за плечи. — Только не умирайте. После всего, что было… — Мальчишка запаниковал.

— Не умру, — прошептал Аман. Ему даже удалось выдавить из себя тихий смешок, не причинивший особой боли.

Возможно, их битву все-таки нельзя считать последней. Он чуть было не поверил в богиню, которой поклонялся Ави. Чуть было.

— Ваш глава ордена ни черта не смыслит в конспирации, — прошептал Аман и потерял сознание.

Крис Бекетт
Площадь Пикадилли [126]

Кларисса Фолл держит путь в центр Лондона, чтобы посмотреть на огоньки. Она трясется по ухабистым дорогам в электрической инвалидной коляске со скоростью пять миль в час, не обращая внимания ни на гудки, ни на хвост из машин у себя за спиной, ни на гневные окрики… Сколько раз ее предупреждали? Сколько раз унижали? Но она должна увидеть огоньки.

— Когда я была маленькой, они на Пикадилли-сёркус[127] были еще материальные, — говорит она всем подряд. — Я помню, как отец брал меня с собой. Ничего удивительнее я никогда не видела.

Она всегда была странной. Взять хотя бы тот случай, когда она проделала дыры в ограждении, чтобы впустить животных в город. Или то, как с неизменной настойчивостью водила в дом юных сорвиголов-виртуалов. Но по-настоящему дела стали плохи, когда умер ее муж Теренс, оставив Клариссу одну-одинешеньку в большом старом доме у периметра, этом псевдозамке с пустыми фонтанами и фонарями, в ледяном свете которого дом становился похожим на замок Дракулы. Я думаю, всему виной было одиночество, хотя, Бог свидетель, — при жизни Теренса они с Клариссой, кажется, только и делали, что ссорились.

— Вы знаете, мне двести лет, — то и дело повторяла она теперь. — Я самый последний материальный человек в Лондоне.

Естественно, и то и другое не соответствовало действительности, но Кларисса, бесспорно, была очень стара, как бесспорно и то, что порой она могла целыми днями и даже неделями не встречаться с другими материальными людьми. Да, правду сказать, не очень-то много осталось нашего брата, и большинство для взаимной поддержки объединились в сообщества в южных пригородах Лондона. Никто из нас не жил ближе чем в пяти милях от вычурного замка Клариссы, находящегося с северной стороны периметра, и ни у кого не было особого желания тащиться туда, чтобы проведать ее. Она, зацикленная на себе, и прежде-то отличалась манерностью, а теперь и вовсе стала сумасшедшей. А главное — и большинство из нас находили это особенно непростительным — она привлекала к нам, материальным людям, нежелательное внимание как со стороны синхронных виртуалов, которые и без того недолюбливали нас и называли аутсайдерами и

привидениями, так и со стороны секретных служб Центра.

Беда ее состояла в том, что она не чувствовала себя по-настоящему дома ни в одном из миров — ни в материальном, ни в виртуальном. Непоколебимое достоинство материальных людей отталкивало ее. Кларисса считала нас чванливыми, чопорными и презирала за высокомерную уверенность в том, что только наше собственное существование является единственно верным.

— Вы бы, наверное, скорее предпочли, чтобы наступил конец света, чем допустили возможность иного образа жизни? — со своей обычной напористостью спросила она однажды.

Но на самом деле, хотя она всегда утверждала обратное, ей в равной степени была отвратительна беспринципность синхруалов, их безоглядная готовность принимать как должное все, что ни преподнесет им Центр, их недостаточная любознательность и упорное нежелание задуматься над тем, кто они такие и откуда взялись. И хотя она критиковала нас, однако сама никогда всерьез не допускала возможности расстаться со своей физической сущностью и присоединиться к синхруалам с их сконструированными виртуальными телами. А это означало, что она так и останется для них аутсайдером.

Кларисса могла нормально чувствовать себя наедине с собой, но становилась помехой для всех — и материальных, и виртуальных людей — в результате своих вылазок в центр города. Поначалу она ходила туда пешком. Потом, став слишком немощной, обзавелась маленькой инвалидной коляской, тем самым средством передвижения, которое в скором времени узнают и возненавидят все синхруалы Северного Лондона. Медленно трясясь по выщербленным материальным дорогам, она обычно отключала свой имплантат, осуществлявший переход к согласованному Полю, чтобы ее не сбивала с толку гладкая виртуальная поверхность. А это означало, что Кларисса не могла ни видеть, ни слышать транспорта синхруалов. Только пустые дома да потрескавшийся асфальт заброшенной дороги. А виртуальные водители вынуждены были лезть из кожи вон, чтобы приспособиться к ее метаниям из стороны в сторону.

Однако, припарковывая коляску, она всегда включала имплантат. И тогда мертвый, стоящий в руинах подлинный Лондон в мгновение ока преображался в оживленную столицу — Согласованное Городское Поле — виртуальную имитацию того Лондона, каким он был когда-то, которая накладывалась Центром поверх Лондона теперешнего. Кларисса до сих пор отчетливо помнила прежние дни: толпы людей, дым, огни, шум, лихорадочную жизнь города, в котором — странное дело — миллионам материальных, из плоти и крови, людей казалось

естественным небрежно потреблять из мировых природных запасов то, что им хотелось, и так же небрежно выбрасывать все, в чем они не нуждались. Ей страстно не хватало той суматохи, той прежней жизни, она отчаянно жаждала всего этого.

Конечно, у каждого из нас тоже были собственные имплантаты, необходимые для того, чтобы жить в согласии с диктовавшей свои условия цивилизацией, и в первую очередь — с цифровой. Вживленные в нашу нервную систему, они позволяли виртуальным конструкциям накладываться на наше восприятие материального мира таким образом, чтобы мы могли видеть тот же мир, что видят синхруалы, слышать то, что они слышат, и, в ограниченной степени, прикасаться к тому, к чему прикасаются они. Все мы, за исключением Клариссы, придерживались того мнения, что, как нам ни хотелось бы не иметь дела с виртуальным миром, все же с этим неизбежным злом приходится мириться. У Клариссы же все было не как у людей. Включая свой имплантат, она действовала не из практических соображений, это, скорее, походило на инъекцию героина. Вокруг сразу возникали люди, кипела жизнь. Витрины магазинов, рыночные прилавки, заваленные грудами разноцветного товара, — головокружительная внезапность всего этого ошарашивала, как мощный наркотик.

Но наркотиком служило не само Поле, а лишь мгновение перехода. После первого потрясающего мига восприятие меркло по той простой причине, что, как ни старалась Кларисса, виртуальный мир не впускал ее в себя. А она старалась. Она проводила долгие часы перед магазинами, в парках и на углах улиц, предпринимая трогательные усилия заговорить с людьми, но большинство из них избегали ее, а иные даже не скрывали своего презрения. Встречались, правда, сердобольные виртуалы, которые сдерживали чувство отвращения к ее возрасту и материальности и дарили ей краткую иллюзию того, что у нее появился друг, но делалось это всего лишь по доброте душевной. Ее общество и впрямь нельзя было назвать приятным. Кларисса слишком много говорила, и что хуже того — как она ни критиковала нашу аутсайдерскую братию за безнадежный снобизм, сама была точно таким же снобом, как и любой из нас, и даже гораздо менее сдержанной в этом отношении. Кларисса никогда не упускала случая указать синхруалам на примитивный, призрачный характер их существования: «Вы такая душка. Как жаль, что на самом деле вас здесь нет».

Как правило, Кларисса оказывалась в «мертвой зоне» — люди обходили ее стороной. В таких ситуациях ею часто овладевало беспокойство, и она принималась напыщенно выкрикивать: «Вы

знаете, что вы не настоящие? Вы просто кусочки нервной ткани, которые засунули в компьютер! Вы далеко отсюда, а компьютер передает вам картинки реального Лондона со всем этим виртуальным вздором, наложенным поверх него».

Когда Теренс был жив, он, как, впрочем, и другие наши надменные старики, не раз говорил подобные вещи, но в те давние дни Кларисса критиковала его за это: «Кто сказал, что наш мир более реален, чем их?» Помню, однажды она набросилась на него во время одного из собраний нашего сообщества.

Они сидели по разные стороны большого обеденного стола, уставленного серебром и хрусталем. Теренс не поддавался на ее провокации. Всем сидевшим в комнате хотелось одного — чтобы Кларисса заткнулась и позволила им вернуться в привычное состояние оцепенения.

— Ну, Теренс, отвечай? — настаивала она. — Синхруалы, по крайней мере, цепляются за жизнь и друг за друга. — Она обвела собравшихся свирепым взглядом. — А как ты думаешь, что от нас останется, если с нас содрать все, что создано другими людьми? Мы ведь окажемся нагишом. Превратимся в глупцов, бормочущих что-то нечленораздельное. Подумай об этом. Даже мысленно разговаривая сами с собой, мы пользуемся словами, которые дали нам другие.

Но так было прежде. Теперь же, казалось, сам Теренс продолжал вещать устами Клариссы.

— Не смотрите на меня так! — огрызалась она на синхруалов, когда те показывали на нее пальцем и смеялись. — Вы продали свои первозданные тела ради иллюзии молодости и достатка, а вот я настоящая!

Иногда посреди одной из таких высокопарных речей она демонстративно отключала свой имплантат, так что люди и транспорт исчезали из виду, дома становились пустыми скорлупками, а витрины магазинов, с их яркими, выставленными напоказ товарами, превращались в зияющие провалы.

— Я даже не вижу вас, понятно?! — кричала она, зная, что синхруалы тем не менее продолжают ее видеть, поскольку датчики ловят изображения, звуки и структуру всего материального. Все это становится матрицей, внутри которой выстраивается виртуальный город. Они не могли выбирать, видеть им ее или не видеть. — Я в реальном мире и совершенно вас не вижу. Вот до чего вы нереальны. Я могу выключить вас одним щелчком.

Но хотя ей, как видно, нравилось сообщать им, что они на самом деле не существуют, все же их мнение имело для нее огромное значение, поэтому она не могла удержаться от того,

чтобы снова не включить имплантат и не посмотреть на произведенное впечатление. (Я не знал больше никого, кто так же часто, как Кларисса, переключал бы это устройство.) Однако люди чаще всего старательно игнорировали ее.

И вот, когда, закатив истерику, она обнаруживала, что никто на нее не реагирует, ситуация выходила из-под контроля. Однажды, примерно за месяц до путешествия на площадь Пикадилли, проезжая мимо станции метро «Уолтемстоу», Кларисса почувствовала, что на нее никто не обращает внимания. Вместо того чтобы признать поражение, она, бросив коляску, настырно направилась вниз по ступеням — это при ее-то артрите и общей ослабленности — и проковыляла на южную платформу, чтобы дождаться там поезда. Платформа вокруг нее пустовала, так как синхруалы столпились на другом конце.

Когда подошел поезд, Кларисса решительно попыталась войти. И конечно же, упала прямо на рельсы — поезд-то был виртуальным, он являлся частью Поля, которое не выдерживало материального веса, оно могло осилить лишь воображаемый вес виртуальных проекций. Бедняга сломала ногу. Испытывая ужасную боль, с трудом ковыляя, Кларисса стала звать на помощь. Одно из правил Поля состояло в том, что поезд не мог двинуться с места, пока человек оставался на рельсах. И все же сама Кларисса нарушила все правила. Пассажиры с ужасом наблюдали за старухой, которая, стоя по пояс в полу вагона, буравит их гневным взглядом и обвиняет в недостатке сочувствия.

— Неужто в Лондоне не осталось ни одной живой души, готовой помочь пожилой женщине? Вы что, не только тела, но и сердца потеряли?

Сломанные кости, как и прочие травмы, не входили в жизненный опыт синхруалов, поэтому этих людей следовало в какой-то степени простить за безразличие к страданиям Клариссы, но в действительности они были не прочь оказать ей помощь — если и не из чистого альтруизма, так из корыстных соображений. Ведь она задерживала поезд — не говоря уже о других поездах, что скопились позади, — и всех взбудоражила. Пока синхруалы ни в чем не нуждаются, они прекрасны в своем однообразии, и хотя в конце концов умирают, зато не старятся в том смысле, что мы. Ни одного плевка сроду не вылетит у них изо рта. Из носа никогда не потекут сопли. Косметика не потечет и не размажется по лицу. Наверное, им казалось поистине ужасным взирать на это отвратительное, грязное, сморщенное существо, дергавшееся меж ними туда-сюда, с головой, торчавшей на уровне их коленей. Но что они могли поделать? Поднять

Клариссу обратно на платформу своими виртуальными руками им было не легче, чем поезду выпустить ее из тисков виртуального пола.

Поэтому кто-то позвонил в Центр, оттуда передали сообщение в наше сообщество и поинтересовались, есть ли у нас желание выручать ее собственными силами, или властям следует направить туда своих представителей. Телефоны надрывались. Материальные обитатели Лондона похожи на членов некой старой, перессорившейся семьи, которые не замечают скромных достоинств друг друга, знают обо всех слабостях другого, однако в несчастье каким-то образом сплачиваются.

— Проклятая Кларисса! Вы слыхали?

— Опять эта Кларисса со своими фокусами!

— Ясно, что нам не стоит привлекать агентов. Настоящие люди должны сами решать свои проблемы.

— Проклятая Кларисса! Как она смеет ставить нас в такое положение?

В конце концов меня и Ричарда Говарда отправили туда разобраться с этим делом. Мы проехали через весь Лондон, а поскольку, естественно, не могли воспользоваться виртуальным эскалатором, то нам так же, как и Клариссе, пришлось медленно, неуклюже спускаться по длинной бетонной лестнице к станции. Кларисса все еще торчала на рельсах. Она снова вырубила свой имплантат, отчасти из вредности, отчасти — чтобы избавиться от тягостного зрелища собравшихся вокруг возбужденных синхруалов. И в результате оказалась во мраке, лишившись света, который Поле накладывало на пустынную, темную реально существующую станцию. В течение этого последнего часа Кларисса металась, спотыкаясь о рельсы и жалобно причитая в полном одиночестве, если не считать снующих под ногами крыс да звука капающей где-то в южном туннеле воды.

Наши с Ричардом имплантаты были включены для того, чтобы мы могли видеть, что происходит, поэтому нам приходилось терпеть пристальные, неприязненные взгляды синхруалов. Они сидели в поезде и следили за тем, как мы неловко извлекаем Клариссу из-под пола; они стояли на платформе и наблюдали, как мы стряхиваем с бедняги пыль; они свешивались с виртуальных эскалаторов, чтобы полюбопытствовать, как мы чуть ли не волоком тащим ее по бетонным ступеням.

— Гляньте на эти привидения, — довольно громко сказал кто-то на улице, когда мы подсаживали Клариссу в грузовичок Ричарда. — Вы только посмотрите на эти безобразные лица! Неужели они нисколько себя не уважают?

Реплики эти сопровождались обычным для таких случаев гулом одобрения. Как правило, синхруалы побаиваются нас, аутсайдеров, и нашей сверхъестественной власти над материальным миром. (Ричард, с его громадным ростом, великолепной гривой седых волос и склонностью с презрительным видом проходить сквозь виртуальные стены, был для них особым объектом благоговейного страха.) Но в той ситуации мы никак не выглядели устрашающе. Кого могли привести в трепет два красных, потных, запыхавшихся старика, которые помогали выжившей из ума старухе с изувеченной ногой забраться в доисторический грузовик?

— Не забудьте мою коляску! — завопила Кларисса.

Мы кое-как затолкали ее инвалидное кресло в кузов. Одному богу известно, почему мы согласились его взять, когда с полным правом могли сказать, что оно слишком тяжелое, и бросить его. Но Кларисса, что ни говорите, была властной женщиной. Как вас это ни возмущало, сколько бы вы ни твердили себе, что нет совершенно никаких причин уступать ей, все же трудно было не выполнить ее требования.

— Не надейся, что мы и впредь будем тебя вытаскивать, — заявил Ричард, когда, доставив Клариссу домой, перебинтовывал ей ногу. — В следующий раз этим займутся агенты.

Ни один из нас толком не знает, кто такие эти агенты, известно лишь, что они состоят на службе у Центра в материальном мире. У них нет видимых лиц. Их гладкие головы и тела сплошь закрыты одеждой или кожей особого голубого оттенка, который не улавливается датчиками Поля, поэтому они невидимы для синхруалов. Кое-кто из нас думает, что это просто одна из разновидностей роботов, другие же утверждают, что они не что иное, как новый вид материального человека, выведенный и выращенный независимо от нас и предназначенный для собственных целей Центра. Однако, кем бы они ни были, мы боялись их почти так же, как синхруалы, которые знали о них только по слухам и догадывались об их присутствии лишь по косвенным признакам.

— Я бы этого не вынесла, — проворчала Кларисса, — этих агентов, если бы они явились ко мне там внизу, в темноте.

— Что ж, все зависит от тебя, — сказал Ричард. — Попадешь еще раз в переделку — рассчитывай только на их помощь.

Когда-то, еще до Теренса, он был на ней женат. Теперь кажется нелепым, что они, хоть и недолго, в свое время любили друг друга и считали волшебным простой факт существования другого в этом мире. И даже сейчас (что за глупость!) Кларисса пыталась разжалобить Ричарда, заигрывая с ним.

— Ричард, дорогой, я знаю, что была глупой девочкой, обещаю, что это больше не повторится.

Я обдумываю то, о чем уже писал раньше:

«Все мы, за исключением Клариссы, твердо придерживались того мнения, что как нам ни хотелось бы не иметь дела с виртуальным миром, все же с этим неизбежным злом приходилось мириться…»

Представляю себе, как насмешливо фыркнула бы Кларисса, читая это.

«Значит, вы предпочли бы, чтобы были только мы, а виртуального мира вообще не существовало?» — сказала бы она.

Действительно, именно такой вариант выглядит все более вероятным.

Когда создавались первые виртуальные города как способ вытеснения людей из окружающей среды, которую те почти уничтожили, было решено, что их сделают похожими на прежние, материальные. На то имелось три причины. Во-первых, многих людей можно было убедить перейти в виртуальное состояние только при условии сохранения доступа к тому, что они продолжали считать «реальным миром». Во-вторых, представлялось важным оставить за синхруалами право взаимодействовать с теми из нас, кто откупился от процесса дематериализации, заплатив громадный налог и позволив стерилизовать себя. (В конце концов, в те дни в разных лагерях могли оказаться брат и сестра, отец и сын, школьные товарищи, да и просто люди, которых связывала долгая дружба…). И в-третьих — из-за того, что технологические способности Центра, хотя и огромные, были не беспредельны, а виртуальный мир, базировавшийся на материальном, требовал гораздо меньше системных ресурсов, чем заново созданный.

Все эти три соображения теперь в значительной степени теряют свою актуальность. Центр разрастается, Настоящие люди и виртуальные отдаляются друг от друга; синхруалы давно утратили ощущение материального мира как реального. Так что теперь Центр получил возможность — как в политическом, так и в техническом отношении — изолировать материальный город от виртуального. В каком-то смысле, с учетом дороговизны сети датчиков, сделать это оказалось проще, чем сохранять существующее положение вещей.

Но, если честно, меня не радует перспектива проснуться в Лондоне, где имплантаты уже не будут действовать, где не встретишь синхруалов, а сами мы окажемся брошенными на произвол судьбы среди руин. А точнее, испытываю чувство страха

и одиночества. Я думаю, что попросту оправдываю наш нынешний образ жизни, говоря, что синхруалы нам нужны из практических соображений, что их присутствие — не больше чем неизбежное зло.

Насколько мне помнится, свое обещание Кларисса держала всего-навсего два дня, а потом в очередной раз двинулась на своей коляске в город. На той же неделе она опять побывала рядом с «Уолтемстоу», хотя на этот раз объехала станцию стороной и не устраивала никаких сцен. Не прошло и месяца, как Кларисса стала заряжать аккумулятор, готовясь к большому путешествию — в самый центр Лондона. И вот она снова отправилась в путь, прыгая по кочкам, объезжая ямы и упорно отказываясь думать о том, надолго ли хватит зарядки.

Ехала она, как всегда, с выключенным имплантатом. Вокруг стояли вымершие дома, заброшенные заправочные станции, а пустынная дорога уходила вдаль, вся в ужасных колдобинах, образовавшихся от многолетних заморозков. Но изредка Кларисса останавливалась ради тех инъекций, которых она постоянно так жаждала, тех мгновенных вспышек комфорта и уверенности, которые исходили от ее имплантата, стоило ей увидеть внезапно возникший из мертвых развалин оживленный город.

— Я еду на площадь Пикадилли, — говорила она людям у выстроившихся в шеренгу магазинов в Сток-Ньюингтон. — Меня брали туда с собой, когда я была маленькой, посмотреть на разноцветные огоньки.

Покупатели все как один отворачивались.

— Мне так нравились эти огоньки, — сказала она букмекеру, стоящему около своей конторы в Ислингтоне, — нравилось, как они рябили и искрились. Все это электричество! Все эти прелестные краски!

— И чего тебе дома не сидится, привидение ты этакое? — проворчал мужчина, когда она заспешила дальше.

— Надеюсь, у них там все еще такие огоньки, не правда ли? — спросила она у молодой женщины на Кингс-Кросс. — Конечно, не настоящие, а такие, чтобы вы, люди, могли их видеть?

— О да, — ответила молодая женщина по имени Лили. — Там, на площади Пикадилли, прелестные огни, но, видите ли, они вполне настоящие. И даже близко не похожи на материальные.

Лили не отличалась особой привлекательностью и радовалась любому дружескому общению. У нее было округлое простоватое, с очень низким разрешением лицо, совершенно плоское, словно сделанное из куска картона. Синхруалы могли

выбирать себе такую внешность по степени привлекательности и качеству разрешения, какую позволял им их кошелек, но кое-кто из них, судя по виду, обладал весьма скромными возможностями. Лили, безусловно, была бедной. Глаза — крохотные, как две точки, кожа — стандартного розового оттенка, одежда — не более чем примитивные цветные лоскутья, а улыбка — просто изогнутая линия.

— Я почти уверена, что, так или иначе, они не материальные, — сказала она своим слегка металлическим, с низким разрешением голосом. Но потом поняла, что была груба, и от раскаяния улыбка ее неожиданно перевернулась вниз. — Ах, дорогая. Я не имела в виду, что там что-то не так — ну, понимаете, — насчет того, что они не материальные. На самом деле все не так.

— О, не беспокойтесь. Мне все время так говорят. А вы первый доброжелательный человек, которого я встретила с тех пор, как выехала из дому.

Кларисса открыла фляжку с кофе и, все так же сидя в своей инвалидной коляске, налила его в чашечку. Стояла середина октября, прохладный осенний день клонился к вечеру, и она начала мерзнуть.

— Когда я была маленькой девочкой, отец однажды взял меня с собой, чтобы показать огоньки на Пикадилли-сёркус. Видимо, когда мы оказались там, я спросила его, где клоуны и тигры.[128] «А где хорошенькие девушки в трико?» — хотелось мне также знать. А он сказал, что это не цирк: «Это просто круг, по которому машины разъезжаются в разные стороны». Сама я не помню той беседы, но зато хорошо помню, как стояла там, а вокруг мелькали красивые электрические лампочки, и меня уже не волновали ни тигры, ни красотки в трико. В детстве цвета всегда завораживают. Я смотрела то в одну сторону, то в другую, но мне хотелось видеть их все разом, так что под конец я решила покружиться на одном месте.

Она подняла к губам чашечку с кофе и отхлебнула.

— Меня зовут Лили, — учтиво представилась девушка, с удивлением приглядываясь к сетке морщин на руках Клариссы, к темно-коричневым пятнам на них и к тому, как эти руки непрерывно дрожали, так что чашка вся была в мутных потеках. Если во внешности Лили было очень мало деталей, то облик Клариссы, напротив, казался слишком детализированным. «Такая внешность, наверное, стоит целое состояние, — подумала Лили, — но зачем человеку понадобилось так выглядеть?»

— А я Кларисса, милочка. Кларисса Фолл, — величественно произнесла старуха, допив кофе и вытряхнув из чашки капли,

прежде чем накрутить ее на фляжку.

— Вы знаете дорогу? — осмелела Лили. — Вы знаете дорогу к площади Пикадилли?

— Еще бы я не знала! — фыркнула Кларисса. — Мне уже больше двухсот лет, и я живу в Лондоне с самого рождения. Знаете, я самый последний материальный человек, оставшийся в городе. — Она взглянула на часы. Кларисса до смерти нуждалась в компании и во внимании, но стоило ей все это получить, как она становилась удивительно нетерпеливой и бесцеремонной.

— Ой, двести, — робко повторила Лили. — Порядочно. А то я собиралась предложить поехать с вами, чтобы показать дорогу…

— Да, конечно, поехали, — великодушно согласилась Кларисса. Законы материального мира несовместимы с возможностью передвижения физических людей по виртуальным дорогам, но виртуальным людям ездить на материальных машинах правилами Поля не воспрещалось. Единственная трудность заключалась в том, что инвалидная коляска была рассчитана на одного человека, так что Лили должна была ехать сзади, на выступе, предназначенном для сумок с покупками.

— Я не против, — ответила Лили, которой было не до гордости. — Это не так далеко.

— Боюсь, мне придется отключить свой имплантат, — сказала Кларисса, — чтобы видеть бугры на дороге. Вы не сможете со мной разговаривать, пока мы не доедем туда.

— Я не против, — охотно согласилась Лили. Она понятия не имела, о чем говорит старуха, но уже давно смирилась с мыслью о совершенной непостижимости жизни.

Кларисса завела машину и тут же, взглянув на дисплей, заметила, что батарейка садится. Когда она отправлялась в путь, стрелка указывала на полный заряд, теперь же она была на краю красной зоны с предупреждающим сигналом: «Внимание! Заряд на пределе!» На какой-то краткий миг старая женщина позволила себе осознать, в какую переделку попала, и ощутить страх, но потом сознательно, со всей твердостью подавила его.

Кларисса медленно ехала по Тоттенхем-Корт-роуд. Мертвые, темные здания магазинов таращились на нее своими слепыми, зачастую разбитыми и забитыми сухими листьями окнами. На пустынных дорогах валялись куски битого асфальта. И полная тишина царила вокруг, если не считать жалобного завывания электрической коляски да щелканья камней, выскакивавших из-под ее резиновых колес. Лили же видела полные товаров витрины, проносившиеся мимо машины, автобусы и сновавших туда-сюда людей.

— Почти приехали! — бодро крикнула она, все еще до конца не понимая, что Кларисса, со своим бездействующим имплантатом, при всем желании не могла ни слышать ее, ни чувствовать ее присутствия. Лили легонько взвизгнула, когда Кларисса с беспечным видом пересекла дорогу, вырулив на встречную полосу, и поехала по ней, царственно безразличная к гудкам и возмущенным окрикам.

— Она материальная, — сообщала со своего насеста Лили, объясняя выходки Клариссы. — Просто она материальная.

Они не проехали и до середины Шефтсбери-авеню, как аккумулятор окончательно разрядился, и коляска замерла.

Теперь уже Кларисса испугалась по-настоящему. Приближался вечер, на улице холодало, а она, пожилая женщина с покалеченной ногой, оказалась одна в центре мертвого города, без пристанища, без еды и питья, без гроша в кармане, чтобы добраться домой.

Но Клариссе ничего не стоило выбросить из головы нежелательные мысли.

— Это недалеко, — пробормотала она, имея в виду не псевдозамок, свой далекий дом, а площадь Пикадилли, которая по-прежнему оставалась впереди и не сулила ей ни тепла, ни пищи, ни решения проблем, но дело было не в этом. — Я просто должна буду пройти пешком, — сказала она. — Что за нелепость — приехать издалека и ничего не увидеть.

Кларисса выбралась из коляски и, борясь с болью, захромала вперед, полная решимости одолеть последнюю пару сотен метров, но потом, вспомнив о Лили, остановилась.

— Остаток пути пройду пешком! — заорала она, обернувшись, справедливо полагая, что Лили идет следом, но по ошибке подумала, что раз та невидима, то и слышать не может. — Я вас не вижу, потому что мой имплантат отключен, и я не хочу его включать, пока не попаду туда, чтобы не портить впечатления.

Кларисса все распланировала. Она собиралась включить устройство, лишь когда окажется в самом центре Пикадилли-сёркус.

— Но вы можете пойти со мной! — прокричала она так, словно лично контролировала пропуск на эти людные улицы.

Прихрамывая, она сделала несколько шагов вдоль безжизненных развалин проспекта (в то время, как в другом Лондоне ее объезжали машины, на нее оборачивались пешеходы, тараща от удивления глаза, а следом терпеливо брела Лили; надо сказать, эта парочка здорово напоминала Доброго короля Вацлава[129] и его верного пажа.).

— Однако вот что я вам скажу, — проговорила Кларисса, снова останавливаясь. Лицо ее сморщилось от боли в ноге, но тон был небрежным. — Если бы вы оказали мне любезность и позвонили в Совет, попросив их прислать кого-нибудь из материальных людей, чтобы выручить меня, я была бы благодарна… Исключительно из-за того, что в моей проклятой коляске сел аккумулятор, поэтому, понимаете ли, она не в состоянии довезти меня обратно.

— У меня совсем нет денег, — ответила Лили. — Вы считаете, это чрезвычайная ситуация? Позвонить по аварийному номеру?

Но Кларисса, конечно же, ее не слышала.

Когда она дохромала до площади Пикадилли, уже стемнело. Дома стояли застывшими каменными глыбами, все те тысячи лампочек, что когда-то веселыми цветными огоньками мелькали на старых рекламных вывесках, были неподвижны и безучастны ко всему, а статуя Эроса скорее походила на ангела смерти на каком-нибудь мавзолее, чем на бога физической любви.

По Риджент-стрит один за другим проносились порывы ветра с дождем. У Клариссы посинели губы и пальцы на руках, да и вся она дрожала от холода. (Лили была удивлена — такого она сроду не видела, синхруалы никогда не мерзли.) Кроме того, Кларисса страдала от невыносимой боли — сломанная в лодыжке кость сместилась и, словно бритвой, впивалась в тело. Бедняга ужасно устала и умирала от голода и жажды. До нее слишком поздно дошло, что фляжка с кофе осталась в брошенной коляске.

— Какая же ты дура, Кларисса Фолл, — сказала она себе, — совсем не следишь за собой. В один прекрасный день свалишься где-нибудь, сбегутся крысы и сожрут тебя. И все из-за твоей собственной глупости. — Затем вспомнила о своей компаньонке с низким разрешением. — Вы еще здесь, Лили?! — завопила она. — Вы позвонили, как я просила? Я только доберусь до той статуи и сразу включу имплантат, тогда мы сможем разговаривать.

Она проковыляла к подножию Эроса и протянула руку к переключателю у себя за ухом. Пятна света, вспышки электричества, вся кипучая жизнь великого города разом хлынули на эту заброшенную сцену. Повсюду сновали люди, мелькали машины со сверкающими фарами и раскаленными докрасна подфарниками, неслись мимо черные такси и алые двухъярусные автобусы, забитые пассажирами и залитые сверху донизу приветливым желтым светом. А над всем этим сияли те самые огоньки, удивительные электрические потоки света, которые образовывали сияющие подвижные картинки, с блестящими

эмблемами и словами, бегущими фиолетовым, красным, зеленым, желтым, синим, белым по однотонным полям рекламных щитов.

— Ах! — воскликнула в экстазе Кларисса. — Почти то же, что я видела девочкой, когда огоньки еще были настоящими!

— Я же говорила вам, что они прекрасны, — сказала Лили, похожая на собачонку, которая готова ждать и час, и два, и три, лишь бы хозяйка взглянула в ее сторону, и все же благодарность ее от этого не уменьшится, когда она наконец удостоится долгожданного внимания.

Кларисса, улыбаясь, повернулась к ней, но вид лунообразного картонного лица Лили подействовал на нее самым неожиданным образом. Ее внезапно затопило чувство острой жалости к Лили и вместе с тем отвращение. Улыбка старухи утратила свою искренность. Удовольствия как не бывало. Остались лишь мучительный, пробиравший до костей холод физического мира, острая ноющая физическая боль в ноге и физическая головная боль, вызванная усталостью и жаждой.

Лили почувствовала перемену в ее настроении, и стоило Клариссе отключить имплантат, как уголки губ Лили поползли вниз. Она исчезла из поля зрения Клариссы вместе с огоньками такси, автобусами и толпой. Стало очень темно и совсем тихо, дома обернулись неясными призраками.

— Дело в том, Лили, — возвестила она в кромешную тьму, — что все вы, синхруалы, не больше чем огоньки. Всего лишь движущиеся картинки, составленные из маленьких точек. Картинки автобусов, картинки машин, картинки людей, картинки витрин в магазинах…

Демонстративно отвернувшись от Лили, Кларисса снова включила устройство и посмотрела на вновь появившиеся рекламные огни. Но на этот раз не было ни благоговейного трепета, ни радостного потрясения, ничего такого, что могло противостоять холоду и боли. «Все равно что переключать каналы телевизора», — с горечью подумала она и тут же снова выключила имплантат. Однако переключатель, рассчитанный на то, чтобы его трогали не больше двух раз в день, из-за беспрестанного щелканья сломался и теперь отказывался оставаться в том или ином положении. Воспринимаемое Клариссой поле беспорядочно, каждые несколько секунд перескакивало с виртуального мира на материальный и обратно, и она не в силах была остановить это мелькание. Некоторое время бедняга стояла, беспомощно и без всякого результата манипулируя переключателем, потом бросила это занятие и в отчаянии опустилась на землю к пьедесталу статуи. Что еще ей оставалось делать?

— Вы позвонили в Совет, Ли… — начала она, и тут виртуальный мир исчез. — О господи! Лили, вы еще здесь?.. А, здесь, хорошо. Вы позвонили в Совет, а то я думаю, мне пора домой. Лили? Лили! Совет собирается мне помочь? Скажите им, что мне не надо их агентов. Скажите, чтобы отправили кого-нибудь из материальных людей. Они разозлятся на меня, но все равно приедут. Мне нет дела до того, что сказал Ричард.

Однако нравилось ей это или нет, а агенты уже съезжались со всех сторон, откомандированные из разных районов Лондона. Они были еще где-то в пути, но неумолимо приближались к своей цели. Их послал Центр после разговора с Ричардом Говардом, который заявил, что мы, материальные люди, больше ни за что туда не поедем.

Позже Ричард, обеспокоенный своим поступком, позвонил мне.

— Я понимаю, это кажется негуманным, — оправдываясь, сказал он, — но я в самом деле считаю, что мы должны держаться от этого подальше, неужели ты не согласен? Клариссе пора бы уже знать — когда мы что-то говорим, то именно это мы и имеем в виду, а иначе она будет снова и снова выкидывать свои фокусы. Господи, она же не где-нибудь, а на площади Пикадилли. Даже Клариссе должно быть совершенно ясно, что невозможно отправиться в центр Лондона и вернуться обратно в этой дурацкой колымаге. Она явно воображает, что мы поедем и заберем ее. Да она просто уверена в этом.

Я, так же как Ричард, пришел в ярость от поступка Клариссы. Я провел полдня, сгребая листья и наводя порядок в своем маленьком уединенном садике. Я только что перекусил, выпил бокал портвейна и мечтал о спокойном вечере в тепле за задернутыми шторами, планировал сделать кое-какие предварительные заметки для 62-й главы своей книги «Упадок и разрушение реальности». (В 60-й и 61-й главах речь шла о появлении Интернета и мобильной связи, что послужило лишь прелюдией к большому, центральному разделу всего моего исследования, который впервые должен был предоставить неопровержимые доказательства того, что человеческая раса своими собственными руками разрушит планету не через века, даже не через десятилетия, а через годы, если не сможет сократить свое материальное присутствие до теперешнего уровня.).

«Проклятая Кларисса! Черт бы ее побрал, эту Клариссу!»

Почему я должен отказываться от спокойного вечера, посвященного новой главе, если старуха сама ищет неприятностей на свою голову? Как наверняка было известно

Клариссе, я всегда до ужаса боялся ездить в центр Лондона, и все-таки она самоуверенно полагала, что я мог и обязан был тащиться туда в любое время, когда бы ей ни заблагорассудилось. И все же я понимал, что должен ехать к ней.

— Но, Ричард, я не могу оставить ее в руках агентов. Я знаю, с ней сплошная нервотрепка, знаю, что она нас использует, но я просто не могу ее бросить.

— О Том, ради бога, это будет ей уроком, — сказал Ричард, благодаря моей мягкотелости окончательно утвердившись в своем решении. — Как же еще ее проучить, если мы сейчас не настоим на своем? Для ее же собственной пользы, в самом-то деле! Да и агентов все равно теперь уже не отозвать. Ты же их знаешь.

— Что ж, если они все равно будут там, так уж лучше и мне там быть, — сказал я. — Она, глупая, их боится. Я сейчас же выезжаю, так что, по крайней мере, кто-то из тех, кого она знает, поддержит ее.

Как в омут головой нырнул я в холод ночной улицы и завел машину. Я был ужасно возмущен поведением Клариссы. И конечно, страшился тех темных чувств, которые неизменно растравляли во мне поездки в Лондон: стыда, замешательства, ощущения утраты, зависти и глубокой-преглубокой печали, сравнимой разве что с печалью от встречи с бывшей возлюбленной, которая принадлежит теперь другому и никогда уже не будет твоей… Я был измучен одной только мыслью о душевных усилиях, затраченных мною, не говоря уже о дискомфорте и холоде.

Когда я добрался до площади Пикадилли, агенты уже съезжались туда: один появился с Шефтсбери-авеню, другой — с Пикадилли, двое остальных — с севера и юга Риджент-стрит. Но съежившаяся под статуей Эроса Кларисса не могла их видеть: когда она находилась в материальном мире, было слишком темно, а в виртуальном — агенты обретали невидимость. Сидевшая на корточках рядом с ней Лили обнимала своей виртуальной рукой физическое плечо Клариссы. Та то видела, то не видела Лили, но в любом случае это объятие не добавляло ей тепла, как ни хотелось Лили поделиться им со своей новой знакомой.

Как только мои материальные фары пронзили физическое пространство, первым, что увидела Кларисса, были два агента, которые выплыли из темноты и двинулись в ее сторону. Это было похоже на кошмарный сон из ее детства, и она закричала. При этом имплантат сам собой включился, и вернувшиеся огни, автобусы и людская толпа скрыли агентов. Но это было даже

хуже, ведь она знала, что они по-прежнему там, за лоском этого фасада, и шаг за шагом приближались, хотя теперь и незаметные. Она снова закричала:

— Не подходите ко мне, слышите?! Не приближайтесь!

— Не бойтесь, Кларисса, — сказала Лили. — Я здесь, с вами. Но Лили не дано было понять Клариссу. Она никогда не чувствовала холода. Она не ведала физической боли. Она не знала о присутствии агентов. Она не испытывала потребности в другом мире — мире тишины и мрака, который скрывался за яркими огнями площади Пикадилли.

Я вылез из машины. С включенным имплантатом, так что мне приходилось с большой опаской преодолевать расстояние, остававшееся между мной и Клариссой, я слишком хорошо знал, насколько легко виртуальная поверхность дороги могла маскировать мерзкие материальные рытвины. Я изо всех сил старался избегать направленных на меня недоверчивых и неприязненных виртуальных взглядов, и все это время во мне не переставала клокотать ярость по отношению к Клариссе, которая в очередной раз втравила меня в неприятную историю. Как она смеет вытаскивать меня из дому в такую холодную ночь?! Как смеет выставлять меня напоказ всему этому искусственному городу, этим людям, с их пристальными неодобрительными взглядами, когда все, о чем я мечтаю, — это сидеть у себя дома, за высокой живой изгородью, превращенной мной в крепостную стену, за запертыми дверями и плотно задернутыми шторами, и наслаждаться описанием «реальности».

— Вы ведь знакомы с ней? — спросил меня какой-то мужчина. — Ну так сделайте что-нибудь, дружище. Она психопатка. Она душевнобольная. Ей нужна помощь.

Я не ответил ему, поскольку никогда не знал, как разговаривать с этими людьми, такими явно нереальными, но, однако же, несомненно, живыми. Я относился к ним с презрением и в то же время завидовал им. Сколько мишуры было в их сконструированном мире, с каким малодушием и смирением они его принимали! И все же каким узким и безрадостным в сравнении с ним оказывался мой собственный мир, с его унылым садиком за живой изгородью, с моей книгой, моим ежевечерним бокалом портвейна да еженедельными вылазками на дорогу, ведущую к «Лошади и гончим псам», последнему реально существующему пивному бару, где я мог выпить настоящего пива во все уменьшающейся компании скучных, дряхлых стариков и старух, которые называют себя последними материальными людьми.

— Ее нужно держать взаперти, — сказала какая-то

женщина. — Это та самая, что в прошлом месяце перекрыла движение по Северной линии. Я видела ее фотографию в газете.

Я пробирался сквозь поток машин.

— Все в порядке, Кларисса, — холодно окликнул я ее, подойдя ближе. — Я снова здесь ради тебя. Простак снова здесь, на что ты, без сомнения, и рассчитывала. Я приехал, чтобы забрать тебя домой.

— Простак? Кто такой? — дрожащим голосом выговорила она, опасаясь, что это один из агентов.

— Да я это, Кларисса. Всего-навсего Том.

— Кто это? — пробормотала Кларисса, напрягаясь изо всех сил, чтобы разглядеть меня.

— Он сказал. — Том, дорогая, — пояснила Лили. Кларисса повернула голову в сторону картонного лица, с его крошечными черными точками глаз и изогнутым вниз ртом. И тут Лили снова исчезла, вместе со всем Полем, а несчастная женщина опять провалилась во мрак материального мира. Но теперь светились фары моей машины, так что Кларисса, которую Поле уже не сбивало с толку, могла ясно видеть, как я приближаюсь к ней, равно как и наступающих со всех сторон агентов, готовых взяться за дело в случае, если я с ним не справлюсь.

Неуклюже, морщась от боли, Кларисса поднялась на ноги.

— Я только хотела снова посмотреть на огоньки, на такие, какими они были в моем детстве, — сказала она упрямо.

И вдруг принялась кружиться на месте, как это порой делают, играя, дети, только очень-очень медленно, шаркая ногами и то и дело гримасничая от боли. Она все кружилась и кружилась, а неисправный переключатель ее имплантата продолжал мельтешить, так что на несколько секунд вспыхивал яркий свет, возникали автобусы и машины, затем все погружалось в темноту, которая становилась для нее источником холода и боли, а вокруг плясали мертвые стены пустых домов, освещаемые лишь фарами моей машины.

Лили появлялась и исчезала. Когда она была там, агенты испарялись. Когда исчезала она, возникали они. Лишь я один никуда не пропадал, — я, который, как и Кларисса, мог и ощущать физический холод, и видеть искусственные огни.

— Пойдем, Клари, — спокойно сказал я. — Пойдем. Старуха еще некоторое время не обращала на меня внимания, продолжая свое странное замедленное вращение и тихонько что-то напевая. Люди высовывались из машин и автобусов, чтобы посмотреть на нас. Пешеходы, застыв посреди дороги, глазели с таким откровенным любопытством, словно это и в самом деле был цирк и мы специально для них разыгрывали представление. Внезапно

Кларисса остановилась. Она пошатывалась от головокружения, но глаза ее горели ярко, как у загнанного в угол зверька.

— Кто вы? — спросила она. — Кто вы такой, в самом-то деле? Удивительно — в это мгновение я с необычайной остротой ощутил все: и резкий холод материального мира, и яркость виртуального разноцветья, и всю странность столкновения двух миров, которое одна моя Клари произвела без всякой посторонней помощи… И я обнаружил вдруг, что уже не злюсь и даже не помню, что она довела меня до такого состояния.

Чтобы контролировать действия агентов, я отключил у себя за ухом имплантат. Они по-прежнему стояли за моей спиной и ждали, чтобы я сам взялся за дело.

— Это я, Клари, — сказал я. — Том. Твой младший брат. Ближайший ко мне агент слегка напрягся и наклонил в мою сторону голову, словно я ему что-то смутно напомнил.

— Полагаю, моя дорогая, у тебя сегодня было достаточно приключений, — сказал я сестре, снова включая имплантат, чтобы убрать с глаз долой агентов. — Вполне достаточно для одного дня, разве ты не согласна? Не думай об агентах. Я пригнал за тобой машину. Я приехал, чтобы забрать тебя домой.

Кларисса позволила отвести и усадить себя в машину. Она была в ужасном состоянии: дрожащая, без кровинки в лице, с очумелой головой, ее сломанная нога распухла чуть ли не вдвое против обычного размера. Я был рад, что сообразил захватить для нее плед, фляжку с горячим какао и бутылку бренди.

Лили, это странное существо с лунообразным лицом и человеческой душой, скрывающейся под картоном, проследовала за нами и остановилась, обеспокоенно наблюдая.

— С ней все в порядке? — спросила Лили. — Она так странно ходит. Что это с ней такое?

— Да, с ней все будет в порядке. Просто она старая и очень устала, — сказал я, захлопывая дверь и обходя машину, чтобы сесть самому.

Я щелчком вырубил имплантат, отсекая Лили, а заодно — панораму и звуки площади Пикадилли. В темном безжизненном пространстве лишь силуэты четырех агентов вырисовывались в лучах фар. Агенты дружно, выстроившись цепочкой, двинулись следом за нами. У меня возникла странная мысль, что им хотелось поехать вместе с нами, хотелось, чтобы кто-то так же встречал их с пледом, бренди и горячим какао.

Я поудобнее усадил сестру и завел машину, решив ехать так, как это делала она сама, не видя виртуального транспорта.

Вообще-то я старался не поступать таким образом, понимая, что синхруалам это должно казаться высокомерным, ведь именно

из-за этого мы, аутсайдеры, заслужили свои обидные прозвища, но сегодня я просто не мог рисковать, дабы, ко всему прочему, не сломать подвеску по пути домой.

— На самом деле, если задуматься, мы не отличаемся от них, — сказала некоторое время спустя Клари. Ее имплантат был отключен, и она обозревала заброшенные улицы, одинокие, как каньоны на какой-нибудь безжизненной планете. — Там, снаружи, сплошной физический мир, физическая материя. Но мы ведь не такие, верно? Мы — рисунки. Мы просто рисунки на этой поверхности.

— Выпей еще чуточку бренди, Клари, — сказал я, — а потом откинь спинку сиденья и постарайся заснуть. До дому еще ехать да ехать.

Она кивнула и завернулась в плед. Ее имплантат сам собой включился, она увидела, как метнулось в сторону такси, и услыхала его взорвавшийся гневом гудок. В один миг ее со всех сторон окружила ночная деловая жизнь Согласованного Поля. Потом все исчезло.

— И все-таки, — пробормотала она сонным голосом, — совсем как огоньки на площади Пикадилли.

Дэвид Джерролд
В зоне сотрясения [130]

На следующий день после того, как время обрушилось, я решил почистить ботинки. Они в этом нуждались. По правде говоря, я и не знал, что произошло крушение. В конце концов, годы и десятилетия часто пролетают для меня быстрее, чем месяц, а иной день, бывает, тянется бесконечно. Я просто подумал, что это еще одно обычное времетрясение.

Взяв газету — «Лос-Анджелес Миррор», с первой полосой, напечатанной коричневым, — я расположился в одном из кожаных кресел с высокой спинкой в будке чистильщика на Голливудском бульваре. Там были еще экземпляры «Геральд», «Экзаминер» и «Таймс», но я предпочитал «Миррор» из-за комиксов о Пого Поссуме[131] в юмористическом разделе.

— Просто замечательные ботинки, сэр, — заметил Рой и принялся за работу.

Он еще не знал меня. Я с резким хлопком развернул газету. Проверять по ней дату необходимости не было. То, что сейчас конец пятидесятых, я уже понял по проносящимся по бульвару автомобилям, обильному потоку детройтских железяк: непременные «шевроле» и «форды», несколько «бьюиков» и «олдсмобилей», случайно затесавшийся расфуфыренный «кадиллак», парочка «Меркуриев». Иные модели вызывали ностальгию — «де сото», «рэмблеры» «паккарды» и «студебекеры». Иностранных машин было мало, яркие хромированные чудовища, рыча, проносились мимо, многие гудели на ходу. Автомобили поновее имели зарождающиеся хвостовые стабилизаторы, вызывающие в памяти образы реактивных самолетов и ракет, — отличительный признак пятидесятых в целом и конца промышленной эры. В области автомобилестроения начиналась головокружительная эволюция.

И «Миррор» и «Экзаминер» исчезли, если я правильно помню, где-то в конце пятьдесят восьмого года, может быть в начале пятьдесят девятого, в результате закулисных интриг издателей. Мистер Чэндлер сказал мистеру Херсту что-то вроде: «Я закрою свои утренние газеты, если вы закроете вечерние. Давайте объединим наши издания — и вперед».

Мимо на крейсерской скорости промчался новый «эдсел» — значит, точно, пятьдесят восьмой. Но я уже и так сообразил. В голливудском воздухе ощущался песок. Насыщенный, хорошо различимый привкус. Голливудская «Уорнер-студия» запустила

еще один фильм о путешествиях — третий или четвертый, я уже сбился со счету. Я почувствовал искушение — не мешало бы немного проветриться в этой временной зоне. Старый мрачный кинотеатр, с системой охлаждения, там бы я мог укрыться от знойного полдня. Но нет, — я не располагал достаточным количеством времени.

Газеты сообщали, что временные провалы открылись к северу от ранчо Портер. Писали, что там найдены двое детишек, Дэзи и Люси, семи лет от роду, возвращенные обратным толчком времени; они потерялись десять лет назад к востоку от Бойл-Хейтс. Ослепительно сияющее здание DWP[132] исчезло с линии горизонта деловых кварталов вместе с всемирно известной четырехуровневой скоростной автострадой. Южнее башни Уоттса временные толчки сдвинули время всего на пару лет, но и этот слабый толчок надолго затормозил строительство великолепных башен Симона Родиа. Толчки отмечались на всей территории по направлению к Тихому океану. Пропали несколько небольших лодок и паром «Каталина», однако был замечен сверкающий новенький катер береговой охраны тысяча девятьсот шестьдесят третьего года выпуска, который, пыхтя, направлялся в сторону Сан-Педро, и долину Сан-Фернандо утюжили большие красные трамваи «Пасифик электрик». Интересно, был ли у меня шанс проехаться в одном из них до очередных толчков?

Калтех[133] предсказывал новые сотрясения времени в течение ближайших дней и советовал населению по возможности не выходить из дому, чтобы избежать дальнейших разрывов пространства. Красный Крест открывал убежища в зданиях колледжей для тех, чьи дома исчезли или теперь заняты предшествующими или последующими хозяевами.

Мародеры и коллекционеры из будущего уже наводнили бульвар. Большинство из них выделялись в толпе. Их выдавали всклокоченные длинные волосы и бороды, рваные вытертые джинсы и футболки с порнографическими рисунками. В бешеной спешке они обдирали стенды «Ворлд бук энд ньюс», скупали все, какие сумели найти, экземпляры «Супермена», «Бэтмена», «Экшена» и особенно «комиксы Уолта Диснея» с рисунками легендарного Карла Баркса.[134] «МАД мэгэзин» тоже пользовался популярностью; выпуски с обложками работы Фриза[135] считались наиболее ценными. Потом возбужденные толпы гостей из будущего двинулись на восток, нанося урон магазинам «Коллекторс букс энд рекордс» и «Пиквик». Те, кто посмекалистее, делали покупки за наличный расчет. Самые сообразительные платили купюрами пятьдесят второго года, прихваченными во время предыдущих путешествий или

выменянными у других коллекционеров. Тупые предъявляли кредитные карточки и чековые книжки. Кредитные карточки брали далеко не везде, Visa или MasterCard, например, никто не признавал. И никто больше не принимал чеки, где не указывалась конкретная дата, проставленная банком; этому большинство магазинов научилось со времен предыдущего времетрясения.

Агентство Харриса — хотя самого Тэда Харриса в природе не существовало, но агентство называлось именно так — располагалось прямо над будкой чистильщика обуви; вверх по ступенькам, потом налево и прямо до конца вестибюля, название на вывеске отсутствовало, впрочем, как и сама вывеска. Дверь была сделана из сосны, основательная, как крышка гроба, и вдобавок выкрашенная зеленой краской, — почему, припомнить не мог никто, на ум приходила только старая песенка «Что же происходит там, за зеленой дверью?..». Единственным опознавательным знаком являлась маленькая табличка, гласившая «Только по приглашению». Это не совсем соответствовало истине, но призвано было отпугивать случайных любопытных посетителей. Мой ключ вполне подходил, ведь замки здесь не менялись вплоть до тысяча девятьсот семьдесят второго года. У стойки администратора никого не оказалось, приемная была завалена коробками с картонными папками и штабелями пустых скоросшивателей. Две машинистки занимались сортировкой бумаг. Они метнули в меня быстрые и удивленные взгляды. Если у меня был ключ, значит, я имел право тут находиться.

Джорджия все еще числилась стажером и приходила сюда в послеобеденное время. Она начала работать здесь, когда еще заканчивала среднюю школу в Голливуде, расположенную на расстоянии полумили к востоку. Теперь она училась на вечерних курсах по менеджменту в Городском колледже Лос-Анджелеса, в Вермонте, кварталом южнее бульвара Санта-Моника. Через несколько лет, считая с сегодняшнего дня, она будет роскошной блондинкой с волосами цвета меда, но Джорджия еще не знала об этом, а я не собирался сообщать ей информацию, в которой она, возможно, не нуждалась, рискуя испортить первое впечатление от нашей встречи. Я решил притвориться, что незнаком с ней. Пока незнаком.

Я прошмыгнул мимо стойки администратора в «уютное местечко», так мы называли комнату для совещаний. Там громоздились кучи старых бумаг, а в креслах сидели две пожилые дамы. С такими напряженными и иссохшими лицами они могли бы олицетворять собой неудачниц в конкурсе двойников Маргарет Гамильтон. Рано или поздно одна из них, вероятно,

начнет вопрошать: «Кто убил мою сестру? Вы?»

Я открыл бумажник и помахал своим удостоверением. Одна из двух старомодных дам, не взглянув на него, сказала: — Я узнала вас. Подождите. Присядьте. Я ее не помнил. Вероятно, я еще не встречал ее. Однако не исключено, что какая-то ее более молодая версия знала последующего меня. Интересно, насколько хорошо? И вспомню ли я потом эту встречу? Вторая женщина вышла из комнаты, не сказав ни слова: некоторые люди чувствовали себя неуютно в обществе времепутаников. Не путников — *путаников.* Людей, которые стремились плести интриги, тайные сети и все запутывать.

Я сел и осмотрелся. Стол из красного дерева, с толстой и тяжелой столешницей. Кожаное кресло, которое осталось от предыдущих обитателей этого офиса, находившегося в этих стенах раньше, в тридцатых. Женщина скользнула в дальнюю комнату, оттуда послышались скрип деревянной скамеечки для ног, звуки передвигаемых на полке коробок, вырвавшиеся сквозь зубы проклятия, весьма несвойственные для леди. Некоторое время спустя она вернулась, бросив на стол передо мной запечатанный светло-коричневый конверт. Я осторожно прикоснулся к нему, повернул обратной стороной и посмотрел на сопроводительную записку. Контракт, подписанный в тысяча девятьсот семьдесят первом, смещенный назад, в пятьдесят седьмой. Срок платежа по контракту — тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год. В контрактах всегда проставлялся только год, и в данном случае срок платежа отстоял от нынешнего момента на девять лет.

Послышался какой-то шум. Я поднял голову. Дама поставила на стол бутылку и приземистый стакан. Я повернул бутылку этикеткой к себе. «Гленфиддич». Название мне ни о чем не говорило. Приподняв бровь, я взглянул на женщину.

— Меня зовут Маргарет, — представилась она. — Думаю, сегодня подходящий день, чтобы распробовать этот вкус. Потом вы меня поблагодарите. Чтение дела займет у вас много времени, оставьте его здесь. Тут есть блокнот, если вам понадобится что-нибудь записать. Этот контракт не оплатят еще девять лет, поэтому лучшее, что вы можете на сегодня сделать, — это ознакомиться с ним, может быть даже немного поверхностно. Толчки должны произойти завтра утром, около половины пятого, в направлении Западного Голливуда, и это подбросит вас поближе к дате платежа. О, подождите, еще одна вещь.

Женщина вновь удалилась, на этот раз я услышал звяканье связки ключей. Открыла выдвижной ящик, пошарила в нем и задвинула ящик обратно. Она возвратилась, держа в руках

коробочку с монетами и чековую книжку старого образца.

— Я могу вам дать только три сотни специально-временных денег, но они все еще в ходу в шестьдесят седьмом. Банк за углом, у вас два часа до того, как он закроется. Я дам вам чек на семь сотен. Более крупную сумму вы сможете снять в шестьдесят седьмом. Но будьте внимательны, ваш счет некоторое время окажется замороженным. Как у вас с документами?

В прошлом, моем персональном прошлом, я обновлял водительские права так быстро, насколько только мог, после каждого сотрясения, но права теряли силу через три года, паспорт же действовал десять лет. Правительственные службы обычно работали хуже, чем DMV,[136] особенно в зонах с нарушенным временем, но за исключением трехлетнего промежутка в начале семидесятых я имел действительный паспорт от нынешнего момента до середины восьмидесятых.

— Все в порядке.

Я расписался на конверте и строчкой ниже поставил дату, которая значилась на календаре, затем сломал восковую печать. Она была хрупкой и крошилась, конверт пролежал на полке целый год, дожидаясь сегодняшнего дня, и бог знает сколько, прежде чем попал в эту временную зону. Я не страдал излишним любопытством, и большинство моих дел были краткосрочными. Важные материи, громкие события, с которыми было связано большинство выдающихся операций, доставались парням с бульвара Уилшир и прочим акулам нашего бизнеса, окопавшимся как в деловых, так и в фешенебельных кварталах Нью-Йорка. Они старались наперегонки — не дать Сирхану убить Р. Ф. К.,[137] поймать Мэнсона прежде, чем он и его «Семья»[138] доберутся до ранчо Спан, арестовать Душителей с холмов,[139] выяснить, кто убил Черную Орхидею,[140] помочь О. Дж. найти убийц Рона и Николь…[141] и тому подобное.

Эти были дела исключительные, попадались случаи и попроще. Жертвы были известны, равно как и преступники. Крупные агентства вообще носились с весьма примечательной идеей передвижения объектов, прежде чем преступления в их отношениии осуществятся. Но большинство законов было написано до того, как время начало запутываться, и система правосудия не предусматривала превентивных действий, только аресты и наказание постфактум.

Так происходило до того момента, пока одной жаркой августовской ночью не случилось непредвиденное. Представьте себе, Чарльз Текс Ватсон вылезает из машины на Сиело-драйв, и кто-то выпускает арбалетный болт из высокопрочного композита прямо ему в шею прежде, чем он успевает выхватить из кармана

оружие. Девушки, сидящие в автомобиле, пронзительно вопят, и двух красоток также награждают арбалетными выстрелами; одной болт попадает прямо в грудь, а другой, Милашке Сэди, — в голову. Третья, юная девица по фамилии Казабьян, с визгом бросается бежать вниз с холма, и некий рыжеволосый подросток в белом «нэш рэмблере», мимо которого она промчалась, так никогда и не узнал, отчего его мозги разлетелись по переднему сиденью папиной машины. Это сделал не я, нет, но я прекрасно знаю, как заключаются наши контракты, и понимаю, что за это кто-то заплатил. И последствия санкционированы.

Дело Ватсона стало поворотной точкой. После этого судебная система быстро научилась выписывать превентивные ордера на аресты, и большую часть самых опасных преступников стали заключать под стражу за недели и даже за месяцы до того, как им предоставлялась возможность проявить свои агрессивные намерения. Вопрос наказания стал вопросом перевоспитания… если так можно выразиться. Сможем мы когда-нибудь выпустить этих людей из тюрьмы, чтобы они свободно разгуливали по нашим улицам? Вряд ли. Имеем ли мы право содержать кого-либо под стражей из-за того, что он представляет потенциальную опасность для других, если преступление не было совершено? Эти этические вопросы будут обсуждаться в течение трех ближайших десятилетий. Я не знаю, какое решение примут в конце концов, знаю только, оно будет нелегким. Нельзя давать этим людям повторных шансов. Придется потратить невероятное количество времени и слов и тем не менее решиться на судебный анализ фактов, позволяющий подписывать ордера на арест. И это не будет несправедливым наказанием за не совершенное еще преступление. Это будет окончательным предотвращением.

Между тем крупные агентства взялись за дела звезд — спасли Мэрилин и Элвиса, спасли Джеймса Дина и Бадди Холли, Натали Вуд, Сола Минео, Майка Тодда, Ленни Брюса, Р. Ф. К. и Джимми Хоффа. Не позволили Эрнесту Хемингуэю проглотить пулю из собственного ружья и не дали Теннесси Уильямсу подавиться пробкой от флакона со снотворным, случайно попавшей ему в горло. Спасли Маму Касс, и Джими Хендрикса, и Джима Моррисона, и Джэнис Джоплин, и Джона Леннона. Позднее — Карину и Джо-Джо Рэя. И Майкла Зоуна, и Келли Брин. Некоторые из этих имен сейчас ничего не значат и еще многие годы не будут известны, однако суммы авансовых платежей по их делам говорят сами за себя. Но мы не будем на этом останавливаться. Последним, за кого предложили серьезную цену, стал Рамон Новарро,[142] которого хватил удар, когда он развлекался с двумя парнями-проститутками, и больше нам такая

работа не доставалась. Позднее, после дела Фэтти Арбукла,[143] все подобные дела проходили через Голливудское общество охраны, финансируемое крупными киностудиями, которые тратили большие средства на безопасность.

Однако находились и другие дела, менее значимые, чем те, что перечислены выше. Жизненные передряги обычных людей, которые влекут за собой беды и горе, — вот для этого и существуют мелкие агентства. Большинство клиентов этого сорта не могли позволить себе оплатить услуги пяти или шести детективов, поэтому они обращались в самые маленькие агентства, зажав в руке скромный гонорар и умоляя о помощи.

«Моя маленькая девочка пропала в июне тысяча девятьсот шестьдесят первого, мы не знаем, что произошло, никому не удалось найти ее следы». «Я хочу остановить мужчину, который изнасиловал мою сестру». «У моей подружки есть ребенок. Она говорит, что он от меня. Можно ли предотвратить зачатие?» «Моего друга застрелят в следующем ноябре, а у полиции нет никакой ниточки». «Мой отчим плохо обращался со мной, когда я был ребенком. Можно сделать так, чтобы моя мать никогда его не встретила?»

Для таких дел отыскалось немало любителей — этакие мастера на все руки. Но многие опасались отправляться в зоны со скачущим временем, это ведь не гарантированная поездка «туда-обратно». Не слишком приятно окончить свои дни в незнакомом месте, где у тебя нет ни дома, ни семьи, ни работы. Тем не менее некоторые пробовали. Иногда они успешно решали свои проблемы, а иногда получали еще больше неприятностей, чем было. Некоторые вещи все же лучше доверять профессионалам.

Агентство Харриса могло предоставить к вашим услугам от трех до девяти частных детективов, в зависимости от того, сколько вы запрашивали. Но кое-кто из них был одним и тем же человеком, по невнимательности (а может быть, и предумышленно) размноженным во времени. Икинс, например, был забавным парнем и имел три свои версии, в трех возрастах.

Агентство Харриса не рекламировало свою деятельность, не имело таблички на дверях, у него даже не было телефона, и оно не входило ни в какие списки. Сведения о нем передавались из уст в уста. Мы получали работу от людей, которые не желали, чтобы об этом говорили, и иногда мы действительно улаживали дела, умудрившись не предать их огласке.

Вам стоило постучать в дверь условным стуком, и вас впускали. Джорджия обычно сидела внизу, и если с первого взгляда вы ей понравились, она предлагала вам кофе или чай. Если же она решала, что вам лучше не доверять, то вы

обходились водой из кулера. Или вовсе ничем. Джорджия вела интервью с посетителем так же, как хирург удаляет осколки костей после выстрела, — методично уточняя детали и выуживая информацию с таким мастерством, что вы даже не ощущали, что вас исследуют и препарируют. В большинстве случаев Джорджия ничего не обещала. Остаток дня, а может быть, и следующие два-три, она тратила на написание отчета, отправив стажера в Центральную библиотеку или в архивы «Таймс» собирать газетные вырезки по данному вопросу. Джорджия изучала страницы из телефонных справочников, звонила на Вилкокс-стейшн, чтобы раздобыть информацию о водительских правах (если таковая находилась в свободном доступе) и даже просматривала частные объявления в сдвоенных выпусках «Лос-Анджелесской свободной прессы». По большей части все то, что делали ребята из приемной, называлось «врезкой» — надергать информацию о том, что происходило до и после интересующей нас даты, и о самом дне. Чем полнее файл, тем легче работа. Если досье составляла Маргарет, то задание выполнялось легко. Как правило, но не всегда.

Джорджия переместила Маргарет в тысяча девятьсот шестьдесят первый год, в момент сразу после избрания Кеннеди. Маргарет вернулась к возделыванию полей времени в Индио,[144] как только почувствовала, что Джорджия хорошо подготовлена к работе. Сама Маргарет руководила агентством с тысяча девятьсот тридцать девятого года без единого перерыва. Именно она и обучала всему Джорджию, и обучала очень тщательно. Из незаметной девочки-подростка получился хороший стажер, просто отличный и быстро прогрессирующий. После того как Джорджия окончила среднюю школу, ее взяли работать на полный день, при этом она еще получила степень в колледже. Работа считалась не тяжелой, но требовала старательности и усердия; Маргарет была дисциплинированной, Джорджия — скрупулезной. Она просто наслаждалась сложными задачками. Оплата была приличной, и работа находилась близко от дому, так что Джорджия могла добираться туда пешком. И она удовлетворяла свою страсть к приключениям, не попортив прически.

Досье демонстрировали различия в их подходе к делу. Маргарет никогда не вписывала в дело то, что она не могла подтвердить или доказать. Не то чтобы она не обладала богатым воображением, однако не доверяла ему. А Джорджия всегда добавляла страничку или две советов и рекомендаций — собственные соображения, приходящие ей в голову. Маргарет такого подхода не одобряла. Но она научилась уважать интуицию

Джорджии. И я тоже.

Этот конверт был тонкий, тоньше, чем обычно. Внутри находились записи, сделанные ими обеими. Я узнал четкий, с завитушками, почерк Маргарет и торопливую руку Джорджии. Исчезновение. Джереми Вейс. Тощий подросток. Очки. Темные вьющиеся волосы. Темные глаза, круглое лицо, какая-то незавершенная внешность — непонятно, каким он будет, когда повзрослеет. Официант, бухгалтер, неудавшийся сценарист? Семнадцать с половиной лет. Хороший дом. Хорошие оценки. Проблем в семье не было. Пропал летом шестьдесят восьмого года где-то в Западном Лос-Анджелесе. Похоже, границу штата не пересекал — машину нашли припаркованной на Мэлроуз, неподалеку от бульвара Ла Синега. Также нет очевидных намеков на какие-то грязные игры и порочные связи. Родители обклеили все окрестности объявлениями. Полиция обратилась к общественности за помощью. Синагога назначила вознаграждение за любую информацию. Ничего. Дело остается открытым. Нет зацепок. Куда двигаться — неясно. В досье содержался длинный список того, что нам неизвестно.

Существовало два пути возобновить дело — тайно проследить за пареньком или перехватить его. Выслеживание — это серьезный риск. Иногда ты запаздываешь, иногда преступник оказывается слишком быстрым, и тогда ты становишься просто очевидцем преступления, а не главным действующим лицом. Некоторым детективам в таких случаях предъявляли иск о халатности и противозаконных действиях, обвиняли в недостаточной быстроте или сообразительности и в конечном счете в том, что они не предотвратили убийство. Перехват — вариант получше. Но это означает, что жертву нельзя допустить к роковой встрече в Самарре.[145] И также это значит, что тот, кто совершил преступление, никогда не будет опознан.

Самый легкий способ перехвата — это спущенная шина или даже мелкая дорожная авария. Это задержит объект в пути на срок от пятнадцати до сорока пяти минут. Чего обычно хватает, чтобы спасти ему жизнь. В большинстве случаев мы сталкиваемся со случайными событиями. Измени, хотя бы немного, обстоятельства, и событие не произойдет — или произойдет, но уже по-другому. Но это порождало новую проблему превентивного перехвата. Если просто спровоцировать неудачу, преступник чаще всего будет искать следующую благоприятную возможность, которой не преминет воспользоваться. И мне это очень не нравится.

Пусть мне дадут дело, когда преступник известен заранее. Я смогу получить ордер на превентивный арест. Прищучить

известного мне плохого парня? Нет проблем. Сильно стараться и проявлять изобретательность не понадобится. Сейчас такие времена, когда я действительно не хочу напрягаться. Но когда мне дают нераскрытое дело, это похоже на жонглирование ручной гранатой. Иногда жертва на самом деле и есть преступник. Тогда ты получаешь грязное дельце, с которым легко можешь угодить в беду.

Но *это дело* — я прислушался к своему внутреннему звоночку, который всегда предупреждал меня, когда пахло жареным, — оно особенное, хотя я не мог бы сказать почему. У меня возникло подозрение, предчувствие, интуиция, называй как хочешь, — в общем, ощущение, что пропажа тощего парнишки в очках представляет собой оборванную, запутанную ниточку к чему-то еще. Чему-то намного хуже. Вроде того рыжеволосого паренька, что не умер девятого августа, как сообщили в кратких новостях.

Задумайтесь на минуту. Голливуд полон мальчишек. Они выпрыгивают из автобусов, наивные и безрассудные, и так же бездумно запрыгивают обратно. Они — легкая мишень для всякого рода проходимцев. Достаточно взрослые, чтобы нестись напролом к радостям жизни, но недостаточно взрослые, чтобы соображать, как вести себя в опасных ситуациях. Мальчишки легко идут за тем, кто поманит их обещаниями острых ощущений. Особенно их тянет на знаменитые бульвары Голливуда, где публику обволакивает магия широкоэкранного кинематографа, в набитые знаниями магазины, где полки ломятся от томов, нашпигованных премудростью ушедших лет, в прокуренные джаз-клубы, в сверкающие огнями магазины звукозаписи и отравляющие медленным ядом распутства шоу; в небольшие причудливые лавочки, где свалены всевозможные киношные постеры, обрывки сценариев, остатки съемочного реквизита, сувениры, грим, подержанные театральные костюмы… Мальчишки приходят туда из всех окружающих Голливуд пригородов в поисках таких желанных острых ощущений. Иногда они ищут друзей, других молодых людей, таких как они, иногда без стыда жаждут секса. С уличными девчонками, профессиональными проститутками, друг с другом. С кем угодно. Через несколько лет они будут искать наркотики.

Но на самом деле эти мальчики пытаются отыскать самих себя, потому что они несформировавшиеся, незавершенные личности. И никто не даст им зацепку или подсказку, потому что такой подсказки нет ни у кого. Как бы то ни было, они не первые и не последние, мир привык к вечным поискам смысла жизни. Небеса не разверзнутся. Не родится новый мессия. Однако если

мальчишки приходят сюда, на бульвары, в поисках себя, потому что здесь кипит жизнь, потому что им кажется — здесь происходит что-то настоящее, то они выбирают неправильный путь. Потому что никто не находит себя в Голливуде, никто. Намного чаще здесь теряют все, что прежде имели за душой.

Нельзя спасти Мэрилин и Элвиса, потому что они не существуют, они никогда не существовали, — все, что существует, — это только бессмысленная мишура, рожденная мечтами других людей и вываленная на бедные души, которые имели несчастье проводить свои дни перед кинокамерой или микрофоном. От этого никого нельзя спасти. На Голливуд надо повесить предупредительную табличку с надписью. Как на пачке сигарет, которую я видел в будущем. «Берегись, это дерьмо тебя убьет».

Джереми Вейс не был беглецом. Неподходящая биография. И его жизненный путь не завершился в контейнере для мусора, поскольку тело так никогда и не нашли. Джереми не был проституткой или наркоманом. Возможность самоубийства также вызывала у меня сомнения. Я полагал, что, вероятно, судьба уготовила ему безымянную могилу где-нибудь на бульваре Сансет, а может быть, на склоне холма, где вьются боковые дорожки Лорел Каньон,[146] и ветер утюжит такие могилки до тех пор, пока они не превратятся в узенькие шрамики на земле. Кого-то он встретил, этот мальчик, обычный съем, и в результате… Я знаю, где бывают такие вечеринки. Мне достаточно отправиться в…

О да, я могу, вероятно, спасти этого паренька от неприятностей во вторник, но разве есть гарантия, что он не вернется по своим следам в среду ночью?! Или если Джереми не вернется, тогда-то на его место наверняка явится какой-нибудь Стив из Эль-Сегундо или Джеффри из Ван Нуйза. Большинство исчезновений остается незамеченными и нераскрытыми. И не только это.

Напротив меня уселась Маргарет. Она поставила на стол второй стакан, плеснула себе немного виски, потом налила пару глотков и мне.

Я знал Маргарет исключительно по работе — досье, которые пересылала мне Джорджия, пользуясь линиями связи во времени. Маргарет была присуща излишняя навязчивость; каждое дело она снабжала примечаниями, втискивала в него все, включая газетные вырезки, полицейские сводки, когда могла их раздобыть, и даже опросы свидетелей. Когда я читал ее фолианты от начала до конца, листал заметки, советы, подсказки и прочее, возникало такое ощущение, что тебе в ухо все время шепчет человек-

невидимка.

Но сегодня я первый раз лицом к лицу встретился с Маргарет и придерживал язык, прикидывая, что говорить, а что нет. Поблагодарить ли мне ее за те дела, которые еще только будут раскрыты? Хотела бы она знать, чем они завершились? Заденет ли Маргарет, если она узнает, что кое-какие ее указания оказались совершенно бесполезными, а некоторые клиенты, казавшиеся вполне приличными парнями, платили грязными деньгами? Находимся ли мы на правильном пути, или нам прямая дорога за решетку? Вот, кстати, еще один насущный вопрос — должны ли в досье содержаться предостережения? Например, остерегайся Перри — безвредное маленькое, но дорогостоящее ничтожество. Или так: держись подальше от Чака Ханта, он пожиратель времени. Не приближайся к Конвэю — это отъявленный мерзавец — и особенно будь осторожен с убийцей Мейзлиш. Спросить?..

— Не надо ничего говорить, — со вздохом сказала Маргарет. — Нет ничего такого, что тебе следовало бы сказать, а мне необходимо услышать. Я уже слышала это. Я хочу поговорить с тобой здесь, поскольку у меня есть необходимая информация.

Она пододвинула ко мне стакан. Я понюхал. Неплохо. Обычно я не пил скотч, я предпочитал бурбон. Но этот отличался по запаху, более острый и легкий. О'кей, я могу пить скотч.

— Что-то происходит… — начала Маргарет.

Я никак не отреагировал, ожидая продолжения. Есть такой трюк. Ничего не говорить. Просто сидеть и ждать. Собеседник сам нарушит молчание. Чем дольше вы ждете, тем невыносимее становится пауза. Намного больше шансов, что он заговорит быстрее, просто чтобы что-то сказать. Надо дать безмолвному вопросу зависнуть в воздухе и ждать, и ты непременно получишь ответ. Разумеется, если твой противник не играет в ту же игру. Но Маргарет не из таких.

Она допила неразбавленный скотч, поставила стакан и пристально посмотрела на меня через стол.

— Преступники начинают разгадывать наши действия. — Маргарет немного помолчала. — Сотрясение времени становится обоюдоострым оружием. Преступники используют опубликованные таблицы толчков, чтобы избежать наказания. Или готовят свои преступления более тщательно. Отпрыгивая вперед, назад и в стороны, они называют это «железной дорогой под временем». Полиция Лос-Анджелеса три раза задерживали клан Мэнсона, причем каждый раз все раньше. Теперь поговаривают о возможной легализации превентивных абортов. Просто не позволить преступникам родиться. До сих пор никто не уверен в целесообразности. Судьи ведут дискуссию. Суть в том,

что тебе следует быть осторожным. Особенно в случаях, подобных этому, когда мы не имеем никакой информации. Совершивший преступление всегда знает о нем больше, чем дознаватель. А чем больше он знает, тем тяжелее твоя работа. Если дело получает огласку, преступник становится очень опасным.

Есть и хорошие новости. Калтех составил планы временных толчков. Они прозондировали весь штат. У нас есть самые свежие таблицы. Те, которые они еще не опубликовали. Это стоило нам кучу баксов и пары месяцев геморроя. — Маргарет развернула поперек стола свиток; он походил на бумажное издание Торы, не такой длиннющий, но не менее подробный. — Здесь охвачен промежуток времени с тысяча девятьсот шестого по две тысячи одиннадцатый год. Отмечены все значительные сотрясения и толчки, данные о которых опубликованы в прессе и, соответственно, известны преступникам. Но все небольшие временные изменения тоже занесены сюда. — Она похлопала ладонью по свитку. — В этом — твое преимущество.

Большинство людей не обращают внимания на мелкие, почти незаметные дрожания времени. Ты помнишь ощущение, когда постоянно кажется, что сегодня понедельник, хотя на самом деле сегодня воскресенье. Это днетрясение. Или когда ты едешь в машине целый час и не можешь понять, почему проехал всего десять миль? Или когда ты отсидел на работе восемь часов, а до конца рабочего дня все еще целый час? Или когда выходишь на улицу из клуба и обнаруживаешь, что ночь уже закончилась, не начавшись? Все эти дрожания настолько малы, что ты даже не ощущаешь их, или если замечаешь, то тебе кажется, что это лишь субъективные ощущения. Но Калтех их учел, просчитал, отметил эпицентры и смог указать с точностью до секунды каждый временной прыжок. Улавливаешь смысл? Мы можем прочертить временную траекторию отсюда и куда угодно — по крайней мере до две тысячи сто одиннадцатого года — в зависимости от той локальной траектории, которую ты выберешь. У Калтеха, вероятно, есть даже еще более полные таблицы на этот промежуток времени, но у нас их пока нет. Мы ждали, что Икинс разошлет всем копии, но ничего пока не прибыло. Но этот экземпляр попадет в тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год прямо сейчас. Как только ты доберешься туда, отправляйся в офис. Меня не будет, но у Джорджии ты найдешь все, что необходимо.

Суть в том, что эти таблицы и тайм-лайн и дадут тебе свободу маневра. Береги их как зеницу ока. Если преступники сумеют заполучить наш тайм-лайн, будет большая беда. Поэтому они сделаны на специальной защитной бумаге. Если она будет

дольше двадцати минут находиться под воздействием ультрафиолетовых лучей, то почернеет. — Маргарет свернула свиток, уложила в футляр, закрыла его и положила передо мной. — Давай. Иди в банк, потом немного поешь и двигай в зону сотрясения. Тебе забронирован номер в мотеле «Дочь фермера». Это на расстоянии полуквартала от эпицентра. Приятных снов. Джорджия встретит тебя в шестьдесят седьмом году.

Прогуливаясь по городу, я пролистал несколько комиксов в газетном киоске Лас-Палмаса и засунул их в портфель. Я тоже немного баловался коллекционированием, в основном эпизодически, просто чтобы скрасить одиночество. Меня интересовали не только комиксы. Куклы Барби, Джи-Ай Джой, [147] модели машинок Hot Wheels и тому подобная чепуха. И еще я собирался заскочить в тридцать восьмой, надеялся купить по случаю немного акций «IBM».

«Дочь фермера» выглядела лучше, чем это можно было предположить по названию. Расположена на Фэрфакс-авеню, недалеко от «Фермер-маркета». Хотя это, конечно, еще не та «Дочь фермера», какой она будет в шестьдесят седьмом году.

Я зарегистрировался, добрался до комнаты и повалился на постель, лениво размышляя о том, не стоит ли заказать «девушку по вызову». У меня был телефончик эскорт-службы, если, конечно, они еще занимаются этими делами, однако, подумав, пришел к выводу, что это не слишком хорошая мысль. Скоро мог быть толчок времени. Почти наверняка. Не самое благоприятное время для девушек.

Поэтому я удовлетворился стаканчиком спиртного на ночь, принятым в баре. Там почти никого не было. Только бармен и я. Бармена зовут Хэнк. Я спрашиваю его, из какого он времени, он думает, что я шучу, и награждает меня широкой дружеской ухмылкой, а потом предлагает выпить еще, но я отказываюсь. Замолкаю и встаю. Сегодня вечером времетрясение, толчок. Он пожимает плечами. Он уже попадал в два сотрясения. Теперь у него нет даже кошки. Все самое важное Хэнк носит с собой в сумке, которая стоит у двери. Точно так же, как и я.

Большинство жителей Лос-Анджелеса перестали ходить в гости; никому не хочется внезапно попасть под разрыв времени и обнаружить, что ты на год или на десять лет отброшен от своей семьи. Некоторые люди намеренно уезжают из города, надеясь избежать сотрясений времени и таким образом предотвратить катаклизмы в своей жизни. Некоторым это удается, некоторым — нет. Наиболее предприимчивые тщательно составляют таблицы результатов спортивных состязаний и диаграммы колебания курса акций, надеясь разбогатеть на этой информации. Кое-кому

это даже удается.

Я засыпаю перед телевизором, пялясь на Джека Паара в «Вечернем шоу». Просыпаюсь в последнюю неделю апреля шестьдесят седьмого года. Такой же смог на улицах, автомобили немного поменьше и не такие солидные; и, что весьма радует, юбки намного короче. Но мой старый коричневый костюм совершенно вышел из моды. Да и автомобиль — «шевроле» пятьдесят шестого года — безнадежно устарел. Это сразу выдает, что я странствующий времепутаник.

Быстро завтракаю в продовольственном магазинчике свежими и не слишком дорогими фруктами и направляюсь к центру. Бульвар Санта-Моника на сегодняшний момент представляет собой безвкусно оформленную круглую площадь, забитую книжными магазинами для взрослых, театрами и массажными салонами. Все здания выглядят как разукрашенные дешевые шлюхи.

Голливудский бульвар смотрится еще хуже. Зловоние фимиама перекрывает даже смог. В моду возвратились костюмы, молодежь обоих полов носит плотно облегающие штаны и кричащих расцветок рубахи — еще не вполне хиппи, но уже на подходе. Попадаются первые джинсы с раструбами, «дети цветов» пускают корни в американскую землю. Надвигается лето любви.

В нескольких витринах располагаются рекламы путешествий во времени и графику зон сотрясения; вероятно, это был лучший бизнес, чем обнародовать план расположения домов звезд. Я заметил несколько знакомых лиц — небольшая стайка коллекционеров комиксов, направляющихся к газетным киоскам на Кахуэнга; вероятно, первые потребители планов сотрясения.

Рой, заметно повзрослевший за эти годы, все еще чистил туфли, только более ловко и быстро.

— Отличные туфли, мистер Харрис, — сказал он, когда я подошел.

Он всех нас называл «мистер Харрис». Никто никогда его не поправлял. Может быть, это был его способ отслеживать нас. Рой знал, кто мы, но никогда не задавал вопросов и не давал советов и иногда даже отшивал посторонних людей. «То, что вы ищете, там, наверху, нет, мистер». Нередко к нему вниз спускалась Джорджия и вручала Рою конверт. Она никогда не вдавалась в обсуждения почему. Я полагал, что этому она научилась от Маргарет.

Офис отремонтировали заново, теперь он более соответствовал вкусам Джорджии. Все машинистки пересели за «IBM Selectric».[148] Кабинеты наполнились новым офисным оборудованием, ксероксами и даже факсами. «Уютное местечко»

выкрасили в голубой цвет с белой окантовкой, штабеля коробок и папок исчезли, переместившись на полки из темного дуба. Большую часть досье перенесли в помещения за соседней дверью, их мы арендовали в шестьдесят первом году, когда бумажная бухгалтерия нас достала. Прошло несколько десятилетий, прежде чем мы смогли хранить информацию на твердых и оптических дисках. В центре комнаты располагались все тот же стол с тяжелой столешницей из красного дерева и кожаные кресла, выглядевшие более изношенными.

Джорджия ждала меня. Она бросила на стол такой же конверт из коричневой бумаги, принесла еще одну бутылку «Гленфиддича», два стакана и новый свиток Торы. Я передал ей старый свиток вместе с несколькими коллекционными сокровищами, которые вынес из пятьдесят седьмого года. Она будет хранить их для меня.

— Выброси свой коричневый костюм, — сказала Джорджия. — Я купила тебе новый, темно-серый. Он в шкафу. Сшит на заказ. Прочти это досье, здесь есть новая информация.

Она потянулась за бутылкой.

— Нет, благодарю, еще слишком рано.

Я расписался на конверте. К этому досье за последние девять лет обращались только три раза. Дважды Маргарет и один раз Джорджия. Но сейчас оно было значительно толще.

На этот раз в конверте находилась пачка газетных вырезок. И не о Джереми Вейсе, а о нескольких других парнях. Сперва я проверил даты. Первая — июнь шестьдесят седьмого года, последняя — сентябрь семьдесят четвертого. Джорджия свела всю информацию в табличку. За этот период исчезли по крайней мере тринадцать молодых людей. Джереми Вейс был третьим. Третьим, о котором мы знали. Я не удивился. Я подозревал, что их может быть больше.

Мы не обязаны расследовать исчезновения остальных, Вейс — единственный, с кем нам следовало установить связь. Но если исчезновения так соотносятся между собой… если они — дело рук одного и того же человека, тогда, найдя его, мы спасем не только Вейса, но также и дюжину остальных. Превентивное действие. Но это только если исчезновения взаимосвязаны. Перед нами стоит задача выследить, то есть *спасти* Вейса. В первую очередь.

Я прочитал вырезки медленно и вдумчиво. Три раза. Они были удручающе похожи друг на друга. Джорджия послала за сандвичами. После ланча она села рядом — она снова пользовалась жасминовым парфюмом, или, может быть, все еще пользовалась, или, может быть, пользовалась в первый раз — и

указала мне на сходные черты этих дел, которые она отметила. Самой младшей жертве недавно исполнилось пятнадцать, но он был крупноват для своего возраста, старшему — двадцать три, но он выглядел на восемнадцать.

Последнее, что находилось в конверте, — карта Западного Лос-Анджелеса с красными крестиками, отмечавшими те места, где жертвы были замечены в последний раз. Квартира, работа, стоянка, где обнаружен автомобиль или кто-то, кто видел исчезнувшего живым. Ни к северу от Сансет-Бич, ни к югу от Третьей авеню крестиков не было. Дальше на запад границей являлся Дохэни, на восток — противоположная сторона Вайн-стрит. Площадь поисков очень большая, но в то же время весьма специфическая.

— Я хочу, чтобы ты обратил внимание еще на кое-что, — сказала Джорджия. Она указала на область, обведенную на карте желтым маркером. Все красные крестики находились внутри или вблизи от нее, кроме одного, на востоке Вайн-стрит. — Посмотри. — Она постучала ноготком по бумаге. — Это Западный Голливуд. Ты видел его?

— Проехал через него сегодня утром.

— Слыхал про Фанни Хилл?

— Это такой парк в Бостоне?

— Не смешно. Пошевели мозгами и отвлекись от текущей работы. Это книга Джона Клеланда «Мемуары женщины для утех». Сейчас эта книга реабилитирована и вновь приобретает общественное значение. Ее публикуют.

— Извини, я не слежу за такими вещами.

— Джон Клеланд родился в тысяча семьсот десятом году. Работал в Ост-Индской компании, но капитала себе не сколотил. Умер в долговой тюрьме Флит где-то в тысяча семьсот сорок восьмом или сорок девятом году. Пока он находился там, то написал или переписал книгу под названием «Фанни Хилл».

Она создана в эпистолярном жанре, то есть в форме писем Фанни к другой женщине, и, в общем, сие произведение считается первым порнографическим романом, созданным в Англии. Читателей шокировали тщательно продуманные сексуальные метафоры и эвфемизмы.

— И это важно, потому что?..

— Потому что в прошлом, тысяча девятьсот шестьдесят шестом году, Верховный суд объявил, что эта книга не является непристойной. — Джорджия не рассчитывала, что я стану недоумевать или удивляться, и продолжила: — Ранее, в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, в деле «Рос против Соединенных Штатов» Верховный суд постановил, что борьба с

непристойностью не является нарушением свободы слова и свободы печати, гарантируемых Конституцией, а также не подпадает ни под первую поправку к Конституции, ни под статьи четырнадцатой поправки. Верховный суд признал виновными книготорговцев, продающих и рассылающих непристойные книги, а также непристойные проспекты и рекламные материалы.

— В тысяча девятьсот шестьдесят шестом году, в деле «Клеланд против Массачусетса», суд вернулся к своему прежнему решению, чтобы внести ясность в определение непристойности. Со времени вынесения решения по делу Роса цензору, чтобы признать литературное произведение непристойным, следовало указывать, что данное произведение обращено к низменным, похотливым человеческим инстинктам, явно оскорбляет чувства читателей и не имеет общественного значения. Последнее особенно важно, поскольку суду не удалось продемонстрировать, что «Фанни Хилл» не имеет общественного значения. Дело представили таким образом, что эта книга — исторический документ, представляющий немного утрированный, сатирический взгляд на нравы Лондона восемнадцатого столетия, наподобие того, как «Сатирикон» Петрония высмеивал обычаи Древнего Рима. Веский довод, вполне достаточный, чтобы доказать, что порнография представляет собой своеобразное проникновение в суть морали своего времени. Таким образом, книга имеет общественное значение. И следовательно, не может рассматриваться как непристойность.

— Имеет общественное значение…

— Точно.

— С тех пор как «Фанни Хилл» узаконили, порнографию поставили на промышленную основу. Если издатель мог заявить претензии на общественное значение, произведение считалось разрешенным. Книга эротических картинок с парочкой цитат из Шекспира. Порнофильм с предисловием врача — или актера, играющего роль врача. Легальные фэн данс[149] — сходи на фэн данс, полюбуйся на этих фэнов. Производители порнографии годами будут таким образом резвиться в рамках закона. Фэны продержатся немного меньше.

— О'кей, и как все это связано с Западным Голливудом?

— Я к этому подхожу. В течение следующего десятилетия применение закона о непристойности будет передано в ведение местных властей. Этому будут предшествовать годы дебатов. Рамки закона окажутся неясными и размытыми, поскольку понятие непристойности будет задаваться моралью местных общин. Дойдет даже до того, что в некоторых местах спор превратится в мордобитие. Во многих случаях вопрос об

общественном значении тоже станет спорным, поскольку это труднодоказуемо. Как и кто может это определить? И это будет концом всех антипорнографических законов. Но прямо сейчас, сегодня, — мораль подчиняется стандартам местных общин.

— И Западный Голливуд — местная община?

— Это незарегистрированная община, — сказала Джорджия. — Это не часть Лос-Анджелеса. Это не город. Это большая яма в центре города. Департамент полиции Лос-Анджелеса не имеет влияния внутри ее. Она не охвачена полицией. Единственный орган принудительной власти — это окружная полиция Лос-Анджелеса во главе с шерифом. Итак, там нет общины и нет моральных стандартов. Это Дикий Запад.

— Гм…

— Именно, — согласилась Джорджия. — Никакие городские постановления там не действуют. Только распоряжения округа. И округ гораздо хуже приспособлен к борьбе с порнографией. Возьмем магазины и все остальное. В округе нет характерного зонирования, ограничений или правил регулирования работы массажных салонов, секс-шопов и других заведений «только для взрослых». Целая область влачит жалкое существование и приспосабливается к зарождающейся индустрии порнографии. Посмотри сюда. — Она вытащила другую карту, указав на коридор красных крестиков, протянувшихся на всю длину бульвара Санта-Моника с несколькими вкраплениями на Мэлроуз.

— Что это?

— Расположение точек секс-бизнеса в Западном Голливуде. Красные — для гетеросексуалов, фиолетовые — для гомиков, зеленые — книжные магазины для взрослых. Посмотри на их концентрацию. Здесь, на всем пути от Ла Бреа до Ла Синега, когда-то был обычный маленький тихий городской район, где старики могли греться на солнышке в Пламмер-парке и играть в пинокль. А теперь там мужчины-проститутки едва не выпрыгивают из штанов, карауля клиентов вдоль дороги и на автобусных остановках.

Можешь объехать этот квартал на машине. Ты увидишь, как массажные салоны рекламируют широкий спектр услуг: от разогрева мышц до настоящих извращений — греческий, французский и английский массаж. Или секс-терапевтов, которые избавляют от сексуальной скованности с помощью разыгрывания различных сексуальных ролей. Здесь, здесь и здесь — бары для гомиков, баня и еще всякая всячина. А вот тут продают костюмы, цепи, белье из кожи и настоящие протезы.

— Протезы? — Потом до меня дошло. — Ничего себе!

— Все, что можно вообразить о секс-услугах, ты здесь найдешь. Это страна, где добродетель покупается. Это карнавал секса, зона развлечений, зоопарк. Это резервация распущенности. Место, где зародится СПИД. Тебе придется позаботиться о презервативах. Так или иначе, — Джорджия положила рядышком две карты, — замечаешь совпадение? Я думаю, ты должен догадаться…

— Эти ребята — гомики?

— Или геи, если тебе так больше нравится.

— Это подозрение или?.. Джорджия помедлила с ответом.

— Ну, возможно, я ошибаюсь, но если я права, тогда полиция Лос-Анджелеса нам не поможет. Так же как и департамент шерифа. Им наплевать. Вряд ли они отнесутся к этому серьезно. И мы не сможем поговорить на эту тему ни с кем из родителей. И вероятно, даже с самими парнями. Сейчас эта тема закрыта для обсуждения, и так будет в течение еще целого года, до июня шестьдесят девятого года. «Стоун-уолл»,[150] — пояснила она.

— Я знаю про «Стоун-уолл». Нам предлагали хорошую цену за видеосъемку. Проблема в том, как разместить на месте камеры.

— Икинс над этим работает. Эта штука называется… А, ладно, у меня нет времени объяснять. — Она постучала пальцем по столу. — Давай вернемся к делу. У нас есть шесть недель до первого исчезновения. По мере приближения этой даты ты можешь воспользоваться временными скачками. Возможно, тебе придется существовать одновременно в нескольких временных слоях, но в этом будет твое преимущество. Ты сможешь освоиться в этом районе, определить местоположение жертв, хорошо замаскироваться. Отрастить бакенбарды. Мы нашли для тебя квартиру в самом центре района, на углу Норт-Кинг-роуд и Санта-Моники, на втором этаже. Так, подожди минутку. — Джорджия ненадолго вышла из комнаты и вернулась с картонной коробкой для документов и связкой ключей. — Еще мы приобрели для тебя новый автомобиль. Ты не можешь разъезжать на «шеви» пятьдесят шестого года в Лос-Анджелесе шестьдесят седьмого года. Это привлечет излишнее внимание.

— Но мне нравится «шеви»…

— Мы купили тебе «форд-мустанг» шестьдесят седьмого года, с откидывающимся верхом. С ним ты не будешь выделяться из общего ряда. По Калифорнии уже бегают сотни тысяч таких пони. Он припаркован тут недалеко. Дай мне ключи от «шеви». Мы подремонтируем его и поместим на хранение. Через сорок лет он будет стоить достаточно, чтобы на эти деньги приобрести отдельное жилье. Приличной стоимости квартирку.

Джорджия с резким хлопком вскрыла коробку. Там оказалась

еще дюжина конвертов различной толщины.

— Все, что мы смогли раздобыть по этим исчезновениям, включая фотографии жертв. Это первые двое парней, на которых ты должен сосредоточиться.

Я рассортировал материалы.

— О'кей. Итак, мы имеем приблизительную географическую область. И весьма специфический набор возрастов. Есть еще что-нибудь, что связывает эти жертвы между собой?

— Посмотри на фото. Они оба «голубки».

— «Голубки»?

— Хорошенькие молодые мальчики.

— Ты исходишь из того, что все они геи?

— Я думаю, что мы имеем дело с серийным убийцей. Кем-то, кто охотится на мальчиков-подростков. О, я знаю — в округе Лос-Анджелес за год пропадает множество подростков. Они запрыгивают в автобусы и едут в Мексику или Канаду, они уходят в подполье, чтобы избежать призыва в армию, или, может быть, бредут куда глаза глядят, не оставляя почтовых адресов для пересылки писем. Но эти тринадцать… Тут другой профиль. Единственное, что их связывает, — в их делах нет никаких зацепок и видимых ниточек. Не скажу, что я абсолютно уверена, но это то, что подсказывает мне интуиция. — Джорджия допила виски. Неразбавленный. В точности как Маргарет. — Я думаю: если мы выясним, что произошло с первой жертвой, то потянем за нужную ниточку.

Я допил виски и отодвинул пустой стакан. Накрыл его рукой в ответ на ее вопросительный взгляд. Одной порции достаточно. Если Джорджия права, все это серьезно. Очень.

Я глубоко вздохнул — получилось уж как-то слишком громко — и внимательно взглянул на нее.

— Джорджия, ты достаточно давно работаешь на этих улицах, чтобы быть в курсе каждого темного пятна на любой репутации. Я никогда не стану биться с тобой об заклад. — Я сложил вместе все документы. — Я поработаю с ними. — Немного помедлив, я все-таки спросил: — Скажи, а сколько мне лет сейчас?

Джорджия даже глазом не моргнула.

— В соответствии с нашей классификацией тебе сейчас двадцать семь. — Она прищурилась. — Если постараться, вероятно, ты можешь выглядеть на двадцать один — двадцать два, не больше. Немного обесцветить волосы, напялить на тебя рубашку для серфинга и шорты, и ты будешь похож на юного бездельника. Что ты задумал? Наживка?

— Возможно. Я думаю, что может возникнуть необходимость поговорить с кем-то из этих парней. Чем ближе я буду к

подходящему возрасту, тем больше я смогу рассчитывать на искренность с их стороны.

Некая мысль пришла мне в голову. Я повернул карты и стал их внимательно изучать, переводя взгляд с одной на другую. Придвинул поближе к себе карту с исчезновениями.

— Что ты ищешь?

— Даты. Который из них был первым?

— Этот, вот здесь. — Джорджия постучала ноготком по бумаге. — На востоке Вайн-стрит. — Зачем тебе?

— Когда-то я кое-что слыхал о серийных убийцах. Обычно их первая жертва бывает связана с ними лично. Или, например, с местом, где они проживают. Велика вероятность, что это преступление скорее случайное, чем обдуманное. Иногда случается так, что жертва и преступник… они знакомы друг с другом.

— Раньше ты никогда не имел дела с серийными убийцами, — заметила Джорджия.

— Ты думаешь прибегнуть к чьей-то помощи?

— Может быть, это неплохая мысль. Я задумался и покачал головой:

— Ты не можешь обратиться в департамент полиции Лос-Анджелеса. У них нет полномочий. И округ здесь тоже бессилен.

— Тогда федералы?

Эта мысль мне тоже не нравилась.

— Нет. Мы должны разобраться сами. Позволь мне сначала провести подготовительную работу. Я осмотрюсь там несколько дней, потом мы поговорим. Посмотри, может, ты сможешь раздобыть что-нибудь из ап-тайма.

— Я уже отложила копию досье на длительное хранение. На следующей неделе я добавлю туда твои заметки. Потом поищем ответ.

Длительное хранение было типом временной капсулы. Это был односторонний ящик с временным запором. Вы набираете комбинацию цифр и необходимую дату, выдвижной ящик открывается, и вы кладете внутрь конверт из коричневой бумаги. В назначенный срок — десять, двадцать или тридцать лет спустя — ящичек со щелчком открывается, документы оттуда изымаются и прочитываются. Обычно на самом верху лежит страница с вопросами, так и оставшимися неразрешенными. Кто-то в будущем изучает их, находит ответы, пишет сообщение, кладет его в другой коричневый конверт и вручает курьеру даун-тайм — кому-то, кто движется назад во времени с целой серией таких поручений. Даун-тайм курьер двигается по сотрясениям до тех пор, пока он или она не достигнут точки, в которой был написан

первоначальный служебный запрос. Курьер доставляет конверт, и он попадает в длительное хранение с назначенной датой *после* отправки первого файла, в котором были все вопросы. Это один из способов, и далеко не единственный, когда мы просим будущее оказать нам помощь.

Иногда мы посылали запросы, где интересовались — что из той информации, которую мы не запрашивали, нам следует знать? Разумеется, бывало, что в ответ мы получали полезные сведения, но по большей части они оказывались пустышкой. Люди из ап-тайма очень щепетильно относятся к посылке дополнительных сведений в прошлое. Существовали различные теории о хронопластических структурах полей времени, поэтому находилось не много храбрецов, желающих рискнуть. Одна из теорий состояла в том, что посылка информации методом даун-тайм являлась спусковым крючком для сотрясений времени, потому что устраивала катаклизмы вдоль траектории движения.

Может быть, это и так, я не знаю. Я не теоретик. Я просто парень, пытающийся доискаться до истины. Итак, я засучил рукава и принялся копать. Я предпочитаю этот путь. Пусть кто-нибудь другой берет на себя тяжкий труд размышлений, я займусь подъемом тяжестей. Так сказать, справедливое распределение обязанностей.

Я не собирался становиться времепутаником. Это произошло случайно. Я был морским пехотинцем, меня представили к званию сержанта, и мне пришло в голову продлить свой контракт еще на два года. Их я провел во Вьетнаме в качестве консультанта, в основном в Сайгоне, но время от времени выезжал во внутренние районы страны и дважды в Дельту. Дерьмовое это было место, как мина замедленного действия! Вьет Конг[151] стремился пораньше отправить меня в бессрочную отставку, но у меня были другие планы — при первой же возможности вернуться к жизни американского гражданина.

План начал осуществляться в Сан-Франциско, когда я добрался до юга Грейхаунда, завалился спать и попал во временной разрыв в Сан-Андреасе. Это было первое крупное времетрясение, и я проснулся три года спустя, в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году. Как раз чтобы увидеть Нила Армстронга, спрыгивающего с трапа на Луне.[152] Оба близких существа, имевшихся у меня на белом свете, — мой отец и моя собака, — уже умерли. У меня не было никаких знакомых и не было дома, куда я мог бы вернуться. Кто-то из отделения Красного Креста для перемещенных лиц выслушал меня, сделал несколько телефонных звонков, вернулся и спросил: имею ли я какие-то планы относительно своей дальнейшей карьеры? В

самом деле никаких? Есть кое-кто, кто хочет с вами побеседовать. Почему именно со мной? Потому что вы обладаете набором необходимых навыков и не обременены родственными связями. Что за работа? Работа тяжелая. Требующая напряжения всех сил, сопряженная с риском, иногда опасная, но деньги приличные. Вы сможете носить оружие и в конце концов станете героем. Вот такая работа. О'кей. Отлично, я встречусь с этим самым «кое-кем». Хорошо, идите по этому адресу, второй этаж, ступеньки над будкой чистильщика обуви. Вам назначено на три часа, не опаздывайте. Вот так это и произошло.

В первые несколько месяцев Джорджия меня далеко не отпускала, гоняла вверх и вниз по началу семидесятых, давала самые легкие задания. Вроде курьерской службы даун-тайм. Ей необходимо было знать, что я не сойду с рельсов. Единственная вещь, которой агентство дорожило и выставляло на продажу, — это доверие. Но я не собирался никуда бежать. Агентство — это все, что у меня тогда имелось. Оно было счастливым случаем, позволившим им стартовать из зоны временного сброса шестьдесят девятого года. В общем, когда спасаешься бегством на самолете, не стоит бросать ручную гранату в пилота. Может быть, в лейтенанта еще и можно, но никогда в пилота… или санитара.

Когда-то я собирался даже пройти переподготовку на санитара и зашел достаточно далеко для того, чтобы поговорить с сержантом. Он кинул на меня взгляд поверх стола, за которым сидел, и покачал головой. «Тут работенка посерьезнее, чем втыкать иголки с морфием в задницы раненым, понял, парень? Лучше оставайся там, где ты есть». Я не знал, как мне относиться к его словам, но что он имел в виду, понял позже, когда мы в первый раз попали под плотный минометный обстрел и со всех сторон стали раздаваться голоса: «Врача! Врача!» Я не знал, куда бежать. И единственным желанием тогда было вжаться в землю и пригнуть голову как можно ниже, пока эти чертовы мины не перестанут визжать. И лишь позже я разозлился достаточно, чтобы начать стрелять в ответ. Но это было намного позже.

Когда обязанности курьера стали для меня привычной рутиной, Джорджия потихоньку начала расширять зону моей ответственности. Когда доберешься до шестьдесят четвертого года, возьми несколько экземпляров таких-то книг и журналов. Если они в хорошем состоянии, возьми больше, но не жадничай. Куклы Барби, одежда в ассортименте (особенно спецодежда) и, конечно, игрушечные машинки Hot Wheels. Иногда она отправляла меня в разные места с заданием фотографировать — улицы, дома, машины, вывески.

После пары месяцев такой деятельности я заявил Джорджии,

что эта работа вовсе не требует от меня напряжения всех сил. Джорджия и глазом не моргнула. Она сказала, что мне следует прежде всего освоиться на местности, почувствовать себя комфортно в этом мелькающем калейдоскопе времени так, чтобы ничто не могло привести меня в замешательство. Поэтому шестидесятые и семидесятые годы — подходящее место для тренировок. В течение шестнадцати лет нация прошла через шесть переходных периодов в своем культурном развитии. И хотя считалось, что конец пятидесятых выдался спокойным, Джорджия так не думала. Вряд ли это время было безопаснее, чем другие годы, просто оно таило опасности иного рода. Джорджия хотела как можно дольше не отпускать меня в это десятилетие.

— Ты встретишь там много могил, — сказала она. — Тебя отпугнет эта куча дерьма. Люди, которые боятся, опасны. Особенно когда обладают силой. Позже, когда ты созреешь, мы пошлем тебя поглубже. Посмотрим.

Постепенно Джорджия стала поручать мне некоторые небольшие задания, такие, например, когда клиенты обращались к нам за защитой, которую нетрудно обеспечить, секретной слежкой или требовали предотвратить какое-либо событие.

Например: «Послушай, тут выплыло такое дельце. Возьми пятьдесят долларов. Отнеси их по этому адресу и отдай этому человеку. Найди способ сделать это убедительно. Скажи, что ты менеджер «Уорнер Бразерс», вы запускаете новый телевизионный сериал, полицейское шоу, много съемок на натуре, как в «Драгнет»,[153] тебе надо арендовать квартиру, чтобы вести съемку с балкона, и ты хочешь за несколько баксов решить эту проблему». Такое вот несложное поручение. И молодой писатель, который пытается пробиться и у которого сейчас в доме нет ни крошки хлеба, отчего он уже впал в отчаяние в ожидании выхода своей первой книги, получает возможность спокойно прожить еще одну недельку. Теперь его будущее сложится иначе.

Или, например: «Почтальон доставит сообщение по этому адресу между тринадцатью и четырнадцатью часами. Никого не будет дома до семнадцати часов. Открой почтовый ящик и отправь все письма по этому адресу. Поступай так в течение двух ближайших недель». Ассоциация студентов Университета штата Калифорния. Все это не имело смысла до тех пор, пока годом позже эта самая ассоциация не была изгнана из кампуса за темные делишки. Некоторые люди не получили приглашения поучаствовать в студенческих беспорядках, не связали себя клятвой, не были ранены и не запятнали свою репутацию в университете.

Третий вариант: «Завтра днем любимая собачка этого

маленького мальчика выскочит из открытого окна и убежит из дому. Дома до трех часов никого не будет. Поймай собаку прежде, чем она выберется на дорогу, вернись к семи часам, постучи в дверь и спроси, не их ли это собачка, ты нашел ее в соседнем квартале». Точка. Никаких загадок.

«Вечером во вторник, на бульваре Ланкершим, напротив театра Эль-Портал. Синий «форд-фалкон». Кто-то врежется ему в бок между шестью часами сорока пятью минутами и половиной десятого. Узнай номер его водительского удостоверения, оставь записку на ветровом стекле».

Но кроме такого рода заданий я стал получать также поручения странные и таинственные. Некоторые, казалось, вообще не имели ни смысла, ни рационального объяснения, но клиент не всегда считал нужным объяснить причины своих требований. Наши правила заключались лишь в том, что мы беремся за подобные случаи только при условии: никому не будет причинен физический или моральный ущерб.

Вот одно из таких поручений: «Возьми экземпляр «Популярной механики», придай ему потрепанный вид, чтобы он выглядел так, будто его читали. Завтра днем, в тринадцать тридцать, будь на бульваре Ван Нуйз, дом пять тысяч триста тридцать пять, закусочная. Сядь у стойки, лицом к входу, около окошка выдачи заказов. Закажи гамбургер «Биг-бой» и колу. Пока ешь, делай вид, что читаешь журнал. Держи его так, чтобы видна была страница пятьдесят шесть. Оставь доллар «на чай». Положи журнал на стол и уходи».

А вот еще образчик: «В пятницу ночью, сразу после закрытия баров, встань напротив входной двери по этому адресу, притворись, что ловишь машину. Это все. Ничего не произойдет. В два тридцать можешь уйти».

Или еще такое поручение: «Возьми этот сверток. Нет, не открывай. В четыре двадцать пять садись в автобус на Хайлэнд. Выйди на углу Виктория и Лорел Каньон. Перейди улицу и жди возвращения автобуса. Оставь сверток на скамейке».

И самое дикое: «Здесь белая футболка, синие джинсы и красный пиджак, надень. Выглядишь прямо как Джеймс Дин.[154] Запомни лицо этой девушки. Завтра вечером, в Студио-сити, на углу Вентура и Лорел Каньон. Когда она выйдет из аптеки, ты остановишь ее и скажешь: «Когда ты будешь готова получить знание, Вселенная найдет тебе учителя. Даже если ты не будешь готова, Вселенная все равно найдет тебе учителя». Вручи ей этот бумажный пакет. Там поэма Эмили Дикинсон. На вопросы не отвечай. Войди в аптеку, пройди вглубь помещения и выйди через черный ход на парковку, поверни направо и обойди здание, она за

тобой не пойдет. Но она должна тебя еще раз увидеть. Иди на запад до кафе-мороженого. Там ты можешь припарковать машину».

В конце концов, когда Джорджия была удовлетворена тем, как я выполняю ее приказы, она дала мне трудное поручение.

— Ты мне доверяешь? Хорошо. Пойди по этому адресу и выруби этого сукина сына.

— Выруби?

— Это жаргон. Прострели ему колено. Оба колена. Мы хотим, чтобы остаток жизни он провел в инвалидном кресле. Да, и разбей телефонный аппарат на стене. Надень эти перчатки и эти туфли. И воспользуйся этим оружием. Здесь снаряжение, глушитель, положи все в пластиковый пакет для мусора, принесешь все назад, сюда, чтобы уничтожить.

— Ты меня разыгрываешь?

— Мы не шутим такими вещами.

— Прострелить ему колени — знаешь, это мудрено сделать, ловкий трюк. Особенно если этот парень не будет стоять на месте.

— Если ты не можешь этого сделать…

— Могу.

— Ты предпочитаешь убить его?

Беру несколько секунд на обдумывание.

— Что он сделал?

— Тебя не устраивает роль наемника?

— Мне нужно знать.

— Превосходно, — сказала Джорджия. — Он — маньяк. Насилует маленьких девочек. Самой младшей шесть лет. И потом убивает их. Завтра он слетит с катушек. Покалечь его вечером, и ты спасешь три жизни, о которых мы знаем, и, вероятно, еще кого-то, если он начнет разгуливать по времени.

— Можно, я задам вопрос? Кто принимает такие решения? Джорджия покачала головой:

— Тебе нет необходимости это знать. — Потом она добавила: — Подумай вот о чем. Преступник выбирает свой путь, когда он становится преступником. Мы пытаемся разрешить эту проблему надолго. Парень, о котором мы говорим, — опасный придурок. Сделай свою работу, и завтра он будет просто придурком. — Джорджия пожала плечами. — Или трупом. И то и другое — часть твоего контракта. Возможно, самая легкая. Или самая приятная. Это на твой вкус.

— Я не психопат.

— Это тоже плохо. Нам не помешал бы один такой. Для серьезных дел.

Я пропустил это мимо ушей.

— А как насчет превентивного ареста? Джорджия вновь покачала головой:

— Этот закон еще не вступил в силу. Но мы не можем ждать. Послушай, давай облегчим твою совесть. После того как ты с ним разделаешься, вытащи из пластикового мешка этот конверт и оставь на полу.

— Что в нем? Деньги?

— Газетные вырезки. О том, что бы он мог сделать со своими жертвами. Оставь это для копов, пусть посмотрят. Ни к чему не притрагивайся. Не оставляй отпечатков.

Были и еще задания, подобные этому. Они никогда не давались мне легко.

В реальной жизни выстрелом не выбьешь оружие из рук плохого парня. Плохие парни не роняют пистолет с криком «ой!» и не подскакивают до небес, — нет, они стреляют в ответ. Из всего, что у них имеется под рукой, — из пистолета, автомата, миномета, — так что делай ноги, приятель, и побыстрее. Они набрасываются на тебя, поливая градом пуль и изрыгая огонь, подстраивают взрывы, превращающие тела в охренительную смесь из грязи и клочков костей и плоти. И тебе надо пригнуться как можно ниже, поглубже надвинуть на голову каску и молиться, чтобы тебе выпал шанс накрыть их огнем, который заживо сожжет вопящих от ужаса врагов, покупая себе таким образом несколько мгновений блаженной передышки, пока ты напряженно ждешь, не начнется ли это все заново. В реальной жизни ты атакуешь противника, не испытывая никаких чувств, просто выводишь его из игры. А если не можешь вывести из игры, тогда ты убиваешь, разносишь к чертовой матери, превращаешь в тошнотворные кровавые ошметки.

На телеэкране все чисто и ясно. В жизни все грязно, отвратительно, непристойно, подло, мерзко, болезненно и невероятно смердит. В реальной жизни плохие парни не считают себя плохими, они думают, что они тоже хорошие. И занимаются они тем, чем, по их мнению, могут заниматься обычные люди. В реальной жизни нет также и хороших парней, просто парни, которые делают то же, что и все. И затем, может быть впоследствии, пока ты по кусочкам собираешь свое тело или душу, у тебя появится возможность разобраться в этом вопросе. Что такое хорошо и что такое плохо. Может быть. Поскольку не важно, кто тут хороший парень, если все уже умерли.

В реальной жизни нет хороших парней. Они не существуют так же, как и ты. Вот она, горькая неприкрытая истина. Тебя здесь нет, тут просто еще одна смерть из телевизора, как проглоченная

ТВ-жвачка, которая существует до тех пор, пока не переключаешь канал. Ты думаешь, что ты живой и настоящий? Нет. Ты просто некоторое пространство, где происходит все это дерьмо. Череда событий — не ты руководишь ими, это они имеют власть над тобой. Ты — жук в коробочке. Лавина времени, изливающаяся триллионами крошечных мгновений, секунда за секундой вколачивает тебя в этот песок, и что бы ты ни думал, это иллюзия — ты существуешь только как вплетенная во время галлюцинация последовательных событий. И по прошествии длительного времени, после осознания того, что ты все равно не сможешь противостоять этому безжалостному потоку, — минометные снаряды, или нарезные пули, или удары космических лучей, таких крошечных, что ты не узнаешь, пронзили ли они твое сердце, пока не дойдешь до третьего параграфа, — ты просто продолжаешь заниматься тем же. Ты ждешь, рано или поздно снайперы возьмут тебя на прицел.

Ты не живешь, ты отсчитываешь день во времени, момент во времени. Ты вымеряешь каждый свой шаг, всегда настороже, всегда ожидая, откуда раздастся сухой щелчок спускового крючка. Ты смотришь, ты слушаешь и никогда не торопишься — даже если следует двигаться быстро. И когда приходит время действовать, первым нападаешь на другого парня и кладешь его, не заботясь о том, хорошо ли это, честно ли это. Смысл в том, чтобы он не смог когда-нибудь встать на ноги. Таким образом, ты делаешь то, что делаешь, для того чтобы он не мог творить то, что ему вздумается. И однажды, спустя какое-то время, кто-нибудь говорит тебе, что ты еще хуже, чем он. Но ты знаешь, что лучше, поскольку это ты таскаешь горячие угольки из костра, а не они. В реальной жизни… реальная жизнь смердит.

Итак, я вырубил того парня. Его и троих следующих. И я научился пить виски прямо из бутылки.

До тех пор, пока однажды утром Джорджия не выволокла меня из постели, воняющего и покрытого блевотой, и не засунула в ванну, наполненную холодной водой. Она схватила меня за волосы и макала туда с головой, пока я не завопил. После этого влила мне в глотку цистерну холодного черного отвратительного кофе, не обращая внимания на мои вопли и ругань. Голова моя стучала, как восьмицилиндровый двигатель с разбитыми клапанами, но она заставила меня одеться, отвезла в спортзал и натравила на меня Гунтера, моего личного тренера по физподготовке. И с тех пор началось. Каждый день в семь утра я тащился в спортзал. Днем — уроки иностранных языков в Берлице. Вечером в понедельник — огневая подготовка, практика стрельбы из всевозможного оружия, от современного автомата до

кремниевых ружей. Во вторник — уроки всемирной истории. В среду — школа хороших манер мисс Грейс, честно, я не шучу. В четверг — встречи с друзьями Билла.[155] Пятница — ночной сеанс в кино. С Джорджией. Не свидание, а, так сказать, культурная акклиматизация. Суббота отведена изучению дел и ужину с Джорджией. Тоже не свидание, а полный отчет о работе, проделанной за неделю. Воскресенье… завтрак с Джорджией.

Джорджия не спасла мне жизнь. Наоборот, она сделала ее еще более невыносимой. Особенно когда мы стали спать вместе. Не у нее и не у меня — к такому Джорджия не привыкла. Мы отправлялись в один из маленьких дешевых мотелей на холме Кахуэнга, там, где шоссе сворачивает на бульвар Вентура, на полпути к долине Сан-Фернандо. Джорджии хотелось приключений, хотелось находиться в зоне военных действий, а мне нужен был секс. Поэтому в течение трех месяцев мы регулярно кувыркались на смятых простынях, каждую субботнюю ночь, до следующего времетрясения. Потом мне пришлось отправиться в Силмар, прыгнув вперед на три года, и хотя я был далеко, но подумывал о том, что, может быть, мне следует купить Джорджии кольцо. Но когда я вернулся, для нее это уже оказалось пройденным этапом, так все и закончилось. Это был удар навылет, прямо в сердце.

Я нашел себе другое занятие по вечерам в четверг и каждый раз, когда заканчивал очередную грязную работенку, позволял себе пропустить стаканчик скотча. Иногда перепадала чистая работа. Это не помогало. И я сказал Джорджии почему.

Дело не в ней. Тут было совсем другое. Просто я не чувствовал себя хорошим парнем. Убивать ради мира и спокойствия — это все равно что трахаться ради соблюдения невинности. Это не дело.

Джорджия предложила выкупить мой контракт и отправить меня куда-нибудь отдыхать. Я, конечно, заслужил это. Но я сказал «нет». Не знаю, почему я сказал «нет». Может, потому, что была работа, которую надо кому-то делать. А может, потому, что я все еще хотел верить: на свете существует нечто, достойное веры. Черт возьми! Это лучше, чем сидеть на заднице и отравлять свою печень алкоголем.

Поэтому сейчас я взял конверт и оставил на столе бутылку. Может быть, когда-нибудь я найду то, что ищу, но сейчас я не искал ничего.

Первую жертву я отловил около его работы, сел ему на хвост и проводил до дому. Брэд Бойд. Он жил в квартире с внутренним двориком на Ромейн, к востоку от Вайн-стрит. Последние два с половиной месяца. Злобная соседка Бойда ненавидит его собаку и

его мотоцикл и будет последним человеком, который видел Бойда живым. В тот вечер она опять наорет на него из-за байка, в каком-то смысле подтолкнет паренька. Брэд выведет мотоцикл, сядет на него, развернется так, чтобы выхлопные газы из обеих труб попали старой мегере в лицо и, запустив мотор на полную мощность, в облаках пахнущего машинным маслом дыма, с ревом умчится прочь. Это произойдет жарким вечером в четверг, в половине десятого. Голубая «ямаха», двухцилиндровый двигатель, семьсот пятьдесят кубических сантиметров, мотоцикл среднего класса; его не найдут. Сегодня я оставил жертву дома, смотреть телевизор. Мерцание голубого экрана было видно с улицы.

Я направился к долине и поехал в Ван Нуйз, к дому Джереми Вейса. Сейчас он живет здесь с матерью, его отец умер год назад; учится в выпускном классе государственного колледжа Сан-Фернандо, расположенного в Нортридже. Его комната находится в дальнем от улицы конце дома. И я не знаю, горит ли там свет. Но машина Джереми стоит на стоянке.

Третья жертва живет на улице Гиперион, в районе Серебряного озера. До центра города, где он работает в банке, парень добирается на автобусе. Я заскакиваю в автобус вслед за ним, сажусь так, чтобы не попасться мальчишке на глаза, и всю дорогу до Хилл-стрит изучаю его. Слегка вульгарного вида, тощий невысокий подросток. Нежная кожа, свежее личико. Слишком хорошенький для мальчишки. Переодеть — и его можно принять за кого угодно. В его чертовой школе парня наверняка дразнят.

После этого я проверяю расположение мест их последнего появления. С другими жертвами я начну работать на следующей неделе. Хочу сперва изучить тех, кто обитает в этом районе. Машину Вейса нашли на Мэлроуз-авеню, в двух-трех кварталах восточнее влекущих огней Ла Синега. Аккуратно припаркованную и запертую. Джереми куда-то вышел и уже не вернулся. Я припарковываюсь на противоположной стороне улицы и выхожу. Опираюсь на теплый капот «мустанга» и изучаю обстановку. На первый взгляд все выглядит вполне невинно.

Этот отдаленный маленький тупичок Западного Голливуда — зона, где время как бы законсервировалось, большинство здешних уголков не изменилось с двадцатых и тридцатых годов. В шестьдесят седьмом на Мэлроуз теснятся небольшие безвкусные арт-галереи, бутики декораторов интерьера и множество мебельных магазинов, надеющихся прослыть стильными. Улица безлюдна даже днем.

Ночью Мэлроуз-авеню и вовсе дика и необитаема, янтарные огоньки уличных фонарей лишь сильнее оттеняют мрак… В

нескольких кварталах отсюда, на бульваре Ла Синега, — огни, движение, суматоха, но здесь пустынно, здания жмутся друг к другу в темноте, дожидаясь возвращения дня и иллюзии жизни. Лампы неоновых реклам подмигивают с витрин запертых магазинов. Редкие красные огоньки над дверными проемами намекают, что за их стенами находятся некие не вполне законные заведения.

Машин, проезжающих по улице, не много, случайных прохожих почти нет. Единственный оазис жизни — ресторан в подвальчике, остающийся открытым даже после того, как все его посетители растворились в темноте. Выходящие из ресторана пары торопливо направляются от освещенных дверей в безопасное чрево своих автомобилей, засовывая чеки в бумажники и шепотом переговариваясь в ночи.

Такие вещи происходят в кино, в вестернах или в фильмах о войне, когда кто-то говорит: «Тихо, здесь слишком тихо» или «Слышишь, даже птицы молчат». Эту фразу хорошо слышать в кино, но не в опасной зоне. В зоне, похожей на место небольшого сотрясения времени. Возникает такое чувство, такое ощущение — будто у воздуха появляется странный привкус. И когда такое ощущение охватывает тебя, волосы на затылке встают дыбом. Ты останавливаешься, оглядываешься, ищешь причину, отчего это у тебя на голове шевелятся волосы. Иногда просто поднялся ветер, поэтому трава на холме покрывается рябью, но ты смотришь, как она колеблется, и осознаешь, что это не совсем обычная рябь. И ты как будто пробуждаешься посреди обычного течения жизни, слышишь, видишь и осязаешь окружающий мир с удвоенной силой… и потом остаток дня чувствуешь себя словно сомнамбула.

Иногда это чувство совсем ничего не значит. Иногда означает, что ты выпил слишком много кофе. Но это невыдуманное ощущение, и ты учишься относиться к нему с уважением, потому что находишься посредине опасной зоны, где мальчики не рисуют мелом на асфальте миленькие картинки. Ты учишься припадать к земле не раздумывая, там, где стоишь, — и один раз ты плюхаешься на траву и слышишь, как автоматная очередь свистит над твоей головой, вместо того чтобы беспрепятственно распороть тебе кишки. И этот единственный раз оправдает все остальные случаи, когда ты падал мордой в грязь, а над головой у тебя ничего не свистело.

Ты привыкаешь прислушиваться к этому чувству. Ты никогда ему не изменяешь. Годы спустя, даже после того, как Вьетнам остался далеко позади, ты все еще прислушиваешься. Ты прислушиваешься к миру, словно он тикает, как мина, отсчитывая секунды. Ты слушаешь, даже не понимая, что именно ты

ожидаешь услышать.

Стоя на Мэлроуз-авеню, я испытывал нечто подобное. Нет, я не ждал автоматной очереди в упор, но меня не покидало ощущение, что здесь есть что-то *еще*. То, что выходит на улицы поздно ночью. И добрые люди не хотят здесь находиться, когда *оно* здесь шляется.

Возвращаюсь назад к машине, открываю дверцу и исчезаю в укрытии. Сижу и жду, не зная чего. Просто смотрю, кто появляется из темноты. Исполняю долг дозорного. Глаза и уши открыты, мозг отдыхает. Наблюдение. Изучение Мэлроуз-авеню.

На улице начинается ночная жизнь. Движение относительно оживляется. Снуют подростки, похоже, что гомики. «Мальчики», по одному, иногда по двое. Иногда попадается «девочка». Дети ночи выбираются из своих дневных гробиков и поодиночке перемещаются в полумраке, оживив своим присутствием один или два квартала, потом так же беззвучно исчезают. Для меня пока не вполне очевидно, что здесь происходит.

В конце концов я вышел из машины и отправился прогуляться. На запад, где Мэлроуз под углом подходит к Ла Синега. Куда направляются эти подростки? Откуда они идут?

Ага, вот оно!

Через полквартала к востоку — огоньки. Затемненная арт-галерея с незаасфальтированным участком под парковку. Участок темный, без освещения. В дальнем конце обнесенный забором дворик. Отдельный. Скромный. Не привлекающий внимания. Можно тысячу раз проехать мимо и ничего не заподозрить, даже если искать именно его. Скрытый и незаметный. Как вьетконговец. Те, что прячутся от посторонних глаз, обычно или напуганы, или охотятся. Второе куда опаснее.

Два-три подростка стоят на участке, курят, болтают. Здесь поместится только несколько машин. Я нащупываю в кармане пачку сигарет. В первый раз я бросил курить, когда умер Эд Марроу,[156] потом, когда уезжал из Да Нанга, и еще раз, когда вышел из самолета в Сан-Франциско. На третий раз я с этим завязал, но все еще по привычке таскал с собой сигареты. Вытаскиваю одну, подхожу — это «девочки». Прошу огонька, киваю, говорю «спасибо», жду.

— Ты новенький? Пожимаю плечами:

— Вернулся в город.

— Где ты был?

— Вьетнам.

— О, я слышала, там очень плохо.

— Да. И становится все хуже.

Подростки не называют настоящих имен. Высокий, тощий, с

прямыми черными волосами — это Мэйм. Прожигатель жизни пониже — Питч, блондин представляется как Снупи.[157]

— Как тебя звать?

— Соло.

— Наполеон?[158]

— Хэн.

— Что ты делал во Вьетнаме?

— Управлял лодкой. Называлась «Мальтийский сокол».

И едва не добавил: «Поднялся вверх по течению, чтобы убить человека по имени Кертц».[159] Но удержался. До них не дойдет, это не для двадцатилетних. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из них читал Конрада или Чандлера.[160] Мэйм был больше похож на Бэтт Дэвис, чем на Хамфри Богарта. Двое остальных… трудно сказать. Шон Кэссиди, возможно.

— Зайдешь?

Я затянулся сигаретой.

— Через минуту.

Помешкал, прислушиваясь. «Девочки» сплетничали, перебрасываясь репликами о ком-то по имени Джерри и его безответной страсти к некоему Дэйву, безответной исключительно потому, что Дэйв имеет любовника. «У Джерри тоже есть тайна». — «Милый, как у всех нас?» — «О, догадайся». — «Скажу по секрету, Деннису на самом деле двадцать три, ястреб притворяется цыпленком, Мак его вычислил». — «Мак? Это забавно». — «Мак весь в царапинах, его Лэйн помял». — «Лэйн? Эта трусливая баба? У него даже нет настоящего имени. Он обманывает своего сахарного папика, ты знаешь?» — «Эй, ты встретил новую девушку? С южным акцентом? Значит, мисс Скарлетт?» — «Скорее, мисс Штучка. Она далеко пойдет. Она просто сладкий персик из Джорджии». — «Мне кажется, она говорила, из Алабамы». — «Без разницы. Ты ей доверяешь?» — «Милый, я не доверяю даже самому себе. Она говорит, что подсела на наркотики в старших классах». — «В Алабаме?» — «Девушки, я поверю в это, если только услышу от Рока Хадсона».[161]

— Подслушиваешь? — Мэйм резко повернулся ко мне. Я пожал плечами:

— Для меня это не имеет значения. Я никого из них не знаю. Успокоившись, Мэйм повернулся к остальным. «Слыхали о Герцогине и Принцессе?» — «Я знаю только то, что ты мне сказал. Их арестовали, в женском прикиде, за кражу машины. Еще кто-нибудь что-то слышал?» — «Я нет». — «Ты видел их без прикида?» — «Нет, а ты?» — «Я видел. Принцесса — просто мерзость, клейма некуда ставить. Она и Герцогиня — это Бэби Джейн и

Бланш.[162] Интересно, кто подбирает им гардеробчик?» — «Милый, просто у Принцессы платья такого размера, что мы все трое туда поместимся». — «Ну, мог быть и подобрее». — «Я добрый, я чертовски добрый». — «Милый, давай ближе к делу. Чем мы с тобой займемся — будем трахать кошечек, примерять шляпки или просто развлекаться?»

Сплетни очень полезны. Они — ориентиры на неизведанной почве нового сообщества. Они подсказывают, откуда ветер дует и кто тут главный. Быстрый путь влиться в социальную структуру. Дайте мне три хорошие сплетни, и я смогу по ним изучить любое сообщество. За исключением того, что сообществом не является. Это хаотический водоворот вращающихся тел. Окружающая среда с множеством частиц, влетающих и вылетающих из жизненного круга так быстро, что они могут быть замечены только по их следам.

Естественно, я вошел вместе с ними. Вывески не было, но место называлось «У Джино». Вход — пятьдесят центов. В дверях — человек лет сорока пяти, может быть, пятидесяти. Сам Джино. У него курчавые черные волосы, слишком черные. Он их красит. О'кей, пятьдесят с хвостиком. Джино похож на грека. Он вручает мне красный билет из барабана, анонимный номер, вроде того, каким пользуются в кинотеатрах. На него можно взять одну содовую. Джино растолковывает мне правила. Этот клуб для тех, кому есть восемнадцать лет, и старше. Никаких наркотиков и алкоголя. Если загорается белый свет, это значит, танцы заканчиваются.

Во дворике у входа толпились подростки, только парни. Одни хихикают, другие серьезны. Некоторые стоят группами, а некоторые, встретившись глазами, в смущении отворачиваются. Часть народа молча, угрюмо сидит на тяжелых скамьях вдоль стен. Чего они там высиживают на скамейках? Может, они таким образом размножаются?

Дворик примыкает ко второму зданию, искусно спрятанному на задах арт-галереи. С улицы его не видно. Совсем. Внутри еще темнее, чем снаружи. При беглом осмотре обнаруживается бар с сандвичами и колой; в одном углу — бильярдный стол, в другом — пейнтбол. Музыкальный автомат играет песню Дайаны Росс и «Supremes».[163] Некоторые из мальчиков фальцетом подпевают. Звучит «Дитя любви». На площадке для танцев никто не танцует. Все смущаются, как в гимнастическом зале.

Медленно скольжу взглядом по лицам собравшихся — почти никого старше двадцати пяти. Большинство парней — «девочки», в основном из средней школы, есть и постарше — из колледжа. Некоторые стремятся быть мужеподобными, некоторым

наплевать. Очень часто они встают и уходят вместе, по двое, по трое. Я слушаю разговоры, по большей части сплетни. Немного отчаяния. Страсти. Рассуждения. Надежды. И обычный треп про одноклассников, учителей, школу, кино и… Шона Кэссиди.

Кто позади меня говорит кому-то:

— Пойдем в «Стампед».

— Что такое «Стампед»?

— Ты никогда там не был? Пойдем. Я выхожу за ними. Осторожно.

«Стампед» на Санта-Монике, на углу с Фэрфакс. Это пивной бар. Внутри он декорирован как улица из вестерна. На навесе из дранки вокруг бара — шкура пумы. От ламп «черного света» на белых футболках специфические отблески. Пьющая толпа молодежи всех возрастов. Все пути ведут в маленький дворик за баром. Местечко полно «мальчиков», которые стоят и глазеют друг на друга и при этом делают вид, что совсем не смотрят, однако глазеют, грезят, желают, вожделеют. Кое-кто из них пристально изучает мое лицо, я равнодушно киваю, и они отворачиваются. Музыкальный автомат играет «Свет моего огня» Джима Моррисона. Если «У Джино» — средняя школа, то в «Стампеде» — первый год колледжа. «Мальчики» здесь немного больше похожи на мальчиков, но все так же кажутся слишком юными.

Я уже догадываюсь, что они собой представляют — незавершенный материал. Они не знают, кто они. Они еще не окунулись по уши в грязь, кровь и дерьмо. В них никто не стрелял. Две парочки идут к дверям, жены по-хозяйски держат под руки мужей. Несколько гомосексуалистов обмениваются взглядами. Эти пары — туристы. Посетили зоопарк, причудливое шоу. Никогда прежде не видели гомиков. Кто-то позади меня злобно шепчет:

— Эти добропорядочные муженьки вернутся сюда на следующей неделе. Уже без своих рыбок. Так всегда бывает.

В паре кварталов к западу — другой бар. «Ржавый гвоздь». Все то же самое, может быть, толпа погрубее и немного старше. В паре кварталов к востоку — «Костыль». К востоку от него стрип-бар. О'кей. Книжный развал открыт двадцать четыре часа в сутки, в секции для взрослых прихвачу экземпляр путеводителя Боба Дэмрона. Это то, что мне нужно. Пойду с ним домой и поизучаю крестики на карте. Здесь больше нет ничего интересного. Джорджия права. Бары гомосексуалистов и сауны. Еще одна совпадающая группа.

Я прочертил связующие линии. Они пролегли в основном по бульвару Санта-Моника, туда и обратно, изредка выходя к Джино

на Мэлроуз. О, а вот и еще одно место на Беверли! Называется «Запонка». Вход сзади. Непредумышленная ирония. Зал оформлен велосипедами, каноэ и креслами-качалками. Это клево и модно. Выше по Сансет-Бич — «Морская Ведьма». Стеклянные шары в сетях и великолепный обзор достопримечательностей города. Мальчикам танцевать вместе позволялось, но тайно. На Санта-Монике, немного к востоку от Ла Синега, за яркими огнями билбордов скрывался еще один подпольный танцклуб. Все стремились выйти за рамки законности.

В течение двух следующих недель я обхожу все бары и все клубы. Но мое первое подозрение оказалось самым сильным. «У Джино» — то, что я ищу. Я определенно чувствую там опасность, и, чтобы понять это, не обязательно ждать, пока волосы встанут дыбом.

Когда ночи становятся жарче, просыпается нечто. В воздухе чувствуется напряжение. С наступлением лета сообщество секс-изгоев лихорадит, они рефлексируют. Но сейчас тысяча девятьсот шестьдесят седьмой — год безрассудства. Следующий, тысяча девятьсот шестьдесят восьмой, будет хуже — год саморазрушения. Через год, в тысяча девятьсот шестьдесят девятом, они взорвутся. Но пока все эти «мальчики-девочки» еще не осознали, кто они.

Это «бумеры» — беби-бумеры, дети войны, только что повзрослевшие. В них пульсируют жизненные силы, их страсти беспорядочны, желания и надежды — дики и необузданны, они постоянно бунтуют. Тех, кто думает, что колледж даст им необходимое воспитание, и тех, кто возмущается, что они не работают, чтобы иметь кусок хлеба, — все этих доброхотов к черту на рога! И, одержимые чувством свободы, что несется на колесах «мустанга» или «камаро», щедро накачанные запахами дешевого бензина, марихуаной, пивом и бурлящими гормонами, они выходят на улицы в поисках приключений.

Ничего особенного не происходит, и в то же время приключения ждут их повсюду. Ночи пронизаны шумом и пропитаны кровью драк. Одни подростки стремятся в стрип-бары Сансет-Бич, горячие местечки бульвара Вентура, курсируют вверх-вниз по бульвару Ван Нуйз или Розенкранц-авеню и особенно по Голливудскому бульвару. Но другие — те, что потише, кто не гоняется за девчонками, популярными музыкантами и артистами, застенчивые мальчики, неприкаянные мальчики, отличающиеся от остальных, — после всех лет метаний они наконец находят место, которому принадлежат, место, где есть им подобные. Нет, не просто подобные. А очень близкие. Другие, которые их поймут. Или не поймут, но поддержат. Слишком много форм, слишком

много способов быть гомосексуалистом. Но по крайней мере на краткое время их примут подпольные тайные места, где не придется притворяться, что они не хотят того, чего изо всех сил желают.

В течение дня они могут впадать в ярость по поводу расовой дискриминации или ужасов войны, но ночью они хотят трахаться. Все эти страсти бурлят и клокочут здесь. Жалкое вожделение одиночества. Лихорадочное подпольное сообщество, малая часть общей болезни, мутной волной поднятой на страницах газет.

Наши маленькие жертвы — я приколол их фотографии к стене и теперь пристально изучаю — мишени для обстрела. Невинные, как паренек, ступивший на минное поле, необученные, как новичок в джунглях, в первом же дозоре схлопотавший от снайпера пулю в лоб, свежие и наивные, как новобранец во Вьетнаме, получивший удар ножом от сайгонской шлюхи. Глупые и доверчивые, как те, что отправились воевать, думая, что это их долг, и вернулись обратно в цинковом гробу.

В конце концов я снял фото мальчишек и засунул обратно в досье, потому что не мог больше смотреть на их лица и глаза, казалось задающие немой вопрос.

Я почти ничего не знал о гомосексуалистах. И, сказать по правде, не хотел знать. Но стоило начать, как все, что я знал, оказалось неправдой.

Я подвел итоги наблюдениям за жертвами. Сейчас я отслеживаю шестерых. Систематизирую сведения об их личности, поведении, привычках и передвижениях. По большей части эта беготня подтвердила то, что я уже знал. Четверг, жертва номер один показывается на парковке. Брэд-бой. На мотоцикле. Он подкатывает сзади к Мэйму, игриво пихая его передним колесом. Мэйм, не поворачиваясь, выпячивает задницу и говорит: «Хочешь лишиться этого?» В черных волосах Мэйма теперь видна белая прядь. Остальные ржут. Брэд скалит зубы, сбрасывает обороты двигателя, предлагает прокатиться страстно жаждущему Лэйну и с рычанием мчит его на поиски неприятностей.

Несколько ночей спустя «У Джино» появляется Джереми Вейс. Бинго! Все сходится. Джорджия была права. Он гей. Гомик. Голубой.

Прячусь в сумраке. Наблюдаю. Вейс захвачен страстью к невысокому светловолосому гею, которого это, кажется, ничуть не волнует. Что это за Джерри, о котором говорил Мэйм? Пылает страстью к Дэйву, у которого есть любовник. Пристраиваюсь ему в хвост на весь остаток вечера. Вейс заканчивает ночь в невзрачном желтом здании несколькими кварталами восточнее. На двери малюсенькая вывеска. Чтобы прочесть ее, надо подойти

почти вплотную. «МАК». Молодежный атлетический клуб. М-да. Чувствуется, что речь идет не о гимнастике. Некоторое время осматриваюсь. Размышляю.

Остается три недели до исчезновения первой жертвы. Я получил неплохое представление о том, как действует убийца. Преступник не знал своих жертв. Он разыскивал кого-то, как и все остальные здесь, но он преследовал другую цель. Как мне кажется, жертвы его тоже не знали. Потом они встречались с ним и исчезали с горизонта. Я не мог найти между этими делами какую-либо иную связь.

Следует подумать вот о чем. Как идентифицировать ублюдка. Мистера Смерть, как я его теперь называл. Как остановить его?

Надо бы переговорить об этом с Джорджией. У нее часто бывают подсказки, как правило вполне приемлемые для того, чтобы их осуществить на практике. Но такова специфика работы — агент на месте независим и имеет все полномочия для дальнейших действий. Что в переводе означает: выбор за тобой. Так, это потом. После полуночи.

Мэтт Вогель. Худощавый, стройный. Круглое лицо, доверчивые щенячьи глазки. Миловидный. Сидит один, прислонившись к стене, на парковке рядом с «У Джино», притаился между двумя машинами, где его никто не увидит. Обхватил руками колени, спрятал голову. Я едва не пропустил его. Шагнул назад, посмотрел еще раз. Да, это Мэтт. Он как раз закончил школу. Работает помощником официанта в местной кофейне. Через два месяца исчезнет жертва номер два.

— Что тебе нужно? — Парень смотрит на меня широко распахнутыми глазами. Испуган.

— У тебя все в порядке?

— А тебе что за дело?

— Похоже, у тебя неприятности.

— Мои родители пронюхали. Отец вышвырнул меня из дому. Не соображу сразу, что и сказать. Скребу в затылке. В конце концов спрашиваю:

— И как он пронюхал?

— Он рылся в ящике с моим бельем.

— Нашел журналы? Мэтт колеблется.

— Он нашел трусики. Мне нравится носить женские трусики. Они мягче на ощупь. Он изодрал их в клочья.

— Я знал лейтенанта, которому нравилось носить женские трусики. Подумаешь, делов-то.

— Правда?

Нет, не правда. Но это игра, в которую мы играли. Когда кто-нибудь рассказывал ужасную историю о чем-то или о ком-то, кто-

то обязательно знал лейтенанта, который делал то же самое. Или еще хуже.

— Ну да. Послушай, ты не можешь сидеть здесь всю ночь. Тебе есть куда пойти?

Мэтт трясет головой:

— Я ждал, может, тут появится кто-то знакомый… может, переночую у кого-нибудь.

Я отметил, что он не употребляет слово «друг». Есть такая проблема в этой маленькой военной зоне. Никто не заводит друзей. Я вспомнил окопы и траншеи, где мы держались друг за друга как братья, как любовники, пока вокруг нас гремели ночные взрывы. Но здесь, когда двое из этих мальчиков цепляются друг за друга, бомб, которые могут разнести их в клочья, нет. Интересно, они так же, как мы, боятся умереть в одиночестве?

Мэтт перестал ждать прекрасного принца. И мистер Журавль-в-Небе не появился. И даже Синица-в-Руках не нарисовалась.

— Ладно, уже поздно. Я живу в паре кварталов отсюда, можно пройтись пешком. — Встретив его подозрительный взгляд, говорю: — Ты можешь спать на диване.

— Нет, все в порядке. Я могу спать в ванне.

— В ванне?

— Ну да, в «МАК». Ты бывал там? Качаю головой.

— Всего за два бакса. И по утрам перед работой можно принять душ. Скотти может даже выстирать мою одежду.

— Ты уверен, что хочешь пойти туда?

— Нет.

По крайней мере, честно.

— О'кей. Тогда самое время сваливать отсюда. Торчать здесь небезопасно.

А что, если мистер Смерть решит раньше приступить к делу? Но это я не стал говорить. Не хотел пугать паренька всяким дерьмом.

— Тут так же безопасно, как везде. Тон, которым он это сказал…

— Тебя кто-то обидел?

— Иногда люди орут всякое, проезжая мимо на машине. Как-то двое парней гнались за мной целый квартал.

Я хотел было уйти, но вновь обернулся к Мэтту:

— Послушай, ты можешь пойти со мной. У меня есть кусок мяса в холодильнике. И мороженое. Если ты захочешь поговорить, я тебя выслушаю. Не захочешь, надоедать не стану. Ты можешь провести у меня пару дней, пока не разберешься со своими приятелями.

Мэтт задумался. Он производил впечатление милого и

невинного паренька, но быть подозрительным его научили. Уроки жизни. Сначала жизнь бьет по голове, потом сбивает с ног.

У него напряженная, настороженная поза.

— Ты уверен?

Дьявол тебя побери, конечно нет! Вдруг я напортачу что-нибудь с линиями времени? Тут мне пришла в голову одна мысль. Неприятная мысль. Она мне не нравится, но может быть, действительно… приманка? Нет. Вот же дерьмо! Я не могу оставить его на этой грязной парковке.

— Да, пойдем.

Мэтт нехотя встает, отряхивает джинсы.

— Я бы не пошел, но…

— Да, я знаю.

—..япригляды вался к тебе. Джино сказал, что ты нормальный.

— Джино меня не знает.

— Ты был во Вьетнаме. — Не вопрос, а утверждение. Мне следовало бы уяснить это заранее. Я для них — не человек-невидимка. И обо мне тоже ходят какие-то слухи.

— Да, — подтверждаю я. Указываю на улицу. — Мое жилье — в той стороне.

— Ты, наверное, видел там всякое…

— Больше, чем хотелось бы. — Мой ответ слишком резок. Мэтт замолкает.

Почему я это делаю? А почему бы и нет? Это возможность приподнять коросту и посмотреть на рану.

— Я Мэтт.

— Да, я знаю.

— У тебя есть имя?

— Ну да. Я… Майк.

— Майк? Я думал, твое имя Хэнд. Хэнд Соло. Но это звучит как… прозвище.[164] Кличка Соло.

— Да. Ты прав. Это прозвище.

— Ладно. Рад познакомиться, *Майк*.

Мы жмем друг другу руки прямо на улице. Так, отношения развиваются. Теперь мы знакомы. Серьезный шаг вперед. Неспешно движемся по улице.

Мэтт по-юношески привлекателен. Если бы мне нравились мальчики, то примерно такие, как он. В мире, в котором мне хотелось бы жить, он мог быть моим младшим братом. Я готовил бы ему горячий шоколад, читал сказки на ночь и укрывал одеялом. И я побил бы любого, кто осмелился бы дразнить его.

Но не в этом мире — в этом мире люди не подходят слишком близко друг к другу, потому что… так не принято делать.

— Майк?

— Да?

— Можно, я приму у тебя душ?

— Конечно.

— Просто чтобы от меня не воняло.

— Когда отец тебя выгнал?

— Два дня назад.

— И ты проторчал два дня на улице?

— Да.

— Вот скотина твой папаша!

— Да нет, по-своему, он прав.

— Нет, не прав. Человек, который выкидывает своего ребенка на улицу, *не может быть прав*.

Мэтт не отвечает. Он разрывается между глубоко укоренившимся чувством преданности семье и благодарностью человеку, который пытается его понять. Он боится возражать.

Мы подходим к лестнице. Я медлю. Зачем я это делаю? Раздраженно бросаю:

— Потому что я такой человек.

— Что? — Мэтт удивленно смотрит на меня.

— Прости. Ругаюсь сам с собой. Последний аргумент в споре.

— А! — Он поднимается за мной по ступенькам.

Мэтт оглядывает квартиру, смотрит на схемы, развешанные на стенках. Радуюсь, что спрятал фотографии. Парень был бы крайне удивлен, если б увидел здесь свой портрет.

— Ты коп?

— Нет. Я… исследователь.

— Эти штуки выглядят как… в каком-то детективе. Что ты изучаешь?

— Схемы передвижения. Это… хм… социология. Мы изучаем сообщество геев.

— Никогда не слыхал, чтобы это так называлось. «Сообщество геев».

— Ну, так пока говорят не часто. — (Пока так вообще не говорят.) — Но никто еще не изучал, что там происходит, и поэтому…

— Ты ведь не гей, правда?

На это нелегко ответить. Я и сам не знаю. Ночь здесь длится вечно. День только неприятный перерыв. — Послушай, давай не сейчас. О'кей?

— О'кей.

Я кормлю его. Мы какое-то время болтаем. О всякой чепухе. В основном о еде. Еда в кафетериях. В ресторане. Армейская пища. Клубы-столовые. Армейский сухой паек. Фастфуд. И просто нормальная еда. Места, где мы бывали. Гавайи. «Диснейленд».

Сан-Франциско. Лас-Вегас. Семья Мэтта путешествовала больше, чем моя. Он знает ближайшие окрестности лучше меня.

В конце концов мы оба спохватываемся, что уже поздно. Мэтт идет в душ. Я кидаю ему пижаму, она слишком велика для него, но ничего другого нет, и несу его одежду в прачечную. Футболка, синие джинсы, белые спортивные носки, розовые трусики — мягкий нейлон со скромной кружевной отделкой. Вот так.

Милый паренек. На самом деле слишком милый. Вот черт! Однако неисповедимы пути Господни. Кто знает? Может быть, он станет бравым воякой. Когда я возвращаюсь в комнату, Мэтт уже спит, свернувшись на диване.

Вторая спальня располагается в офисе. Деревянный стол, электрическая пишущая машинка, кресло, запирающийся шкаф для документов. Некоторое время я буду бодрствовать, печатая отчеты для Джорджии. Бог знает, что она подумает о моем сегодняшнем поступке. Но мне все равно надо сунуть барахло Мэтта в сушилку, и пройдет почти час, прежде чем я выложу его на кресло и смогу завалиться в собственную постель.

Джорджия научила меня, как надо писать отчеты. Сперва перечисляешь факты. Просто то, что произошло, и ничего больше. Не добавляя никаких рассуждений. В первые несколько недель она возвращала мне отчеты, в которых содержались оценки, эмоции и соображения, крест-накрест перечеркнув страницы жирными красными линиями. Очень скоро я научился отличать изложение фактов от рассказа о происшедшем. После того как перечислишь факты, уже больше ничего не нужно, факты говорят сами за себя. Они расскажут тебе все. Потом я научился получать удовольствие от составления отчетов. Кликити-кликити-клик — стрекочут клавиши машинки, и золотистый валик в бешеном темпе дергается туда-сюда поперек страницы, оставляя четкие насекомоподобные отпечатки на чистом белом листе. Одна страница, две. Редко больше. Но это всегда срабатывает. Процесс печатания успокаивает меня, помогает привести в порядок мысли.

Однако если у тебя нет всех фактов, если фактов недостаточно, если их вообще нет, вот тогда ты застреваешь в неизвестности. Вот в чем проблема.

Позже, намного позже, когда я уже лежу в постели, уставясь в темный потолок, и дожидаюсь, когда же ко мне придет сон, я слышу перекличку детей ночи внизу, на улице. Но большинство из них уже нашли себе партнеров и уползли в свои гробики. Поэтому в зоне военных действий тишина. Во всяком случае, сейчас.

Где-то там, снаружи, варится в собственном соку мистер Смерть. И я все еще ничего не знаю о нем.

Воскресное утро. Я встаю поздно. Чувствую себя уставшим. Спина болит. До меня доносится запах кофе. Натянув трусы, бреду на кухню. Мэтт надел только верх от пижамы. И эта штука ему тоже велика. В штаны не стал залезать, потому что они слишком длинные и не будут на нем держаться. Мэтт немного напоминает маленького мальчика из фильма с Дорис Дэй.[165] Он готовит яичницу с луком и картошкой. И тосты с клубничным джемом. Тут же кофейник со свежезаваренным кофе. Все почти так, как будто мы женаты.

— Ничего, что я без спросу? — неуверенно говорит он. — Я подумал… я хотел как-то выразить свою благодарность.

— Ты все правильно сделал, — говорю я с набитым ртом. — Очень правильно. Ты можешь готовить для меня в любое время. Зачем я это сказал? — Твоя одежда лежит на кресле у двери. Я выстирал ее прошлой ночью.

— Да, я видел. Спасибо. Днем мне надо на работу. — Мэтт мнется, медлит. — Мм… я собираюсь сегодня позвонить отцу. Мм… если ничего не выйдет… ты говорил что-то… про пару

дней?

— Нет проблем. Я оставлю ключ под ковриком. Если меня не будет, просто заходи.

— Ты мне доверяешь?

— Ты не вор.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, — уверенно говорю я и добавляю: — Люди, которые так вкусно готовят, не крадут.

Мэтт некоторое время молчит.

— Моя мама всегда говорила, что, когда я женюсь, моей жене очень повезет. Моего отца это ужасно бесило.

— Да ладно, твой отец на самом деле ничего не понимает. Мэтт смотрит на меня, ожидая объяснений.

— Все просто. Ты заботишься о других людях, они заботятся о тебе. Самое лучшее, что ты можешь сделать для кого-то, — приготовить и накормить замечательной едой… Так ты показываешь кому-то, что ты… ну, ты понимаешь… что он тебе дорог.

Мэтт смущается и пытается скрыть это, глядя на часы.

— Мне надо собираться на работу… — И он убегает.

Воскресенье. Такие дела не делаются днем, но в любом случае я выкроил себе немного личного времени. И поехал в Бербанк. Это не следовало делать. Не полагалось по условиям контракта. Твоя прошлая жизнь умерла. Ни во что не вмешивайся. Но я нарушил запрет. Я был обязан сделать это для них. Нет, для самого себя.

На месте все оказалось почти таким, как я помнил. Дерево у фасада, пожалуй, чуть больше, чем я представлял, сам дом, наоборот, кажется меньше, и краска на нем немного поблекла. Я припарковался у входа. Позвонил в звонок и замер. Внутри взволнованно залаял Шотган.

За оградой из сетки отворилась входная дверь. Как и дом, он выглядел чуть ниже ростом. И, как дом, немного постарел и осунулся.

— Кто там? — Он прищурился.

— Папа, это я, Майкл.

— Майки? — Отец уже рывком открывал сетчатую дверь.

Шотган вырвался наружу. Даже при том, что ноги его ослабели, пес обладал недюжинной силой и справляться с ним было непросто. Отец обнял меня, и Шотган наскочил на нас обоих, бешено взвизгивая от нетерпения.

— Прочь, глупый сукин сын, прочь!

Шотган отвалил ровно на полсекунды, а потом вновь принялся вылизывать мне лицо.

Отец отодвинулся от меня на расстояние вытянутой руки.

— Ты изменился. Но как?.. Как? Они сказали мне, что ты пропал при сотрясении времени.

— Пропал. Да. Но я нашел путь обратно… Это долгая история.

Отец снова обнял меня, и я почувствовал, что его плечи дрожат. Плачет. Я крепче прижал его к себе. Он показался мне хрупким и слабым… Отец резко отстранился и повернулся к дому.

— Пойдем в дом. Я приготовлю чай. Мы поговорим. Кажется, у меня есть кусок кофейного торта. Ты знаешь, без тебя было так тяжело… Я даже не притронулся к твоей комнате. Как хорошо, что ты вернулся…

Я шел следом за ним.

— Гм… папа. Я не знаю, надолго ли смогу остаться. У меня работа…

— Работа. Это хорошо. Что за работа?

— Нам не разрешают говорить об этом. Такова специфика работы.

— А, ты работаешь на правительство.

— Мне на самом деле не полагается это обсуждать. И мне даже не полагается быть здесь, но…

— Все в порядке, я понимаю. Мы поговорим о другом. Давай садись, садись. Ты останешься обедать. Все будет как в старые времена. У меня в холодильнике соус к спагетти. Именно тот, что ты любишь. Да что ты, никакого беспокойства! Я все еще готовлю для двоих, хоть и остался один. Да еще вот этот старый пес, слишком упрямый, чтобы помереть. Мы оба слишком упрямы.

Я не сказал ему, что это неправда. Не сказал, что он и этот старый упрямый пес умрут через несколько коротких месяцев. Я потер глаза, вдруг наполнившиеся влагой. Это оказалось тяжелее, чем я думал.

Где-то между спагетти и мороженым отец спросил меня, что там произошло. Я внутренне содрогнулся, пытаясь сообразить, что сказать, как сказать… Понял, что объяснить это невозможно, и в конце концов просто пожал плечами и пробормотал: «Это было… то, что было…» Отец знал меня достаточно хорошо, чтобы понять, что больше ничего не добьется, и закрыл эту тему. Нам вновь стало хорошо и уютно.

После мороженого я вдруг осознал, что у нас, в общем-то, больше нет тем для разговора. На самом деле нет. Но это было не важно. Просто сидеть здесь и смотреть на него, просто почесывать за ушами пса — это здорово. И этого достаточно. Я позволил отцу уговорить меня остаться на ночь. Моя старая кровать оказалась

одновременно привычной и незнакомой. Я спал недолго. В середине ночи Шоттан просочился в изножие кровати и вольготно развалился там, оттеснив меня в сторону и раздраженно ворча по поводу того, что я занимаю так много места; периодически он пускал ветры, выражая свое отношение к соусу для спагетти, затем начал храпеть, сопя и присвистывая. Когда первые утренние лучи солнца проникли в спальню через окно, пес все еще блаженно похрапывал.

После завтрака я соврал. Сказал отцу, что я в командировке. По сути, это не было ложью. Но я сказал ему, что послан на восток, не могу точно сказать куда, но я позвоню ему, как только смогу. Он притворился, что поверил.

— Папа, — пробормотал я. — Я хочу, чтобы ты знал: ты не потерял меня. Хорошо?

— Я знаю. — И он долго обнимал меня, потом отстранился и хлопнул по плечу. — Ну, задай как следует этим плохим парням, — улыбнулся отец. Он всю жизнь так говорил — с того дня, когда подарил мне ковбойскую шляпу и игрушечный кольт. То же самое он сказал в тот день, когда я улетал во Вьетнам: «Задай как следует этим плохим парням».

— Да, папа. Я обещаю.

Я поцеловал его. Я не целовал отца с тех пор, как мне исполнилось восемь лет, и теперь снова сделал это. И быстро уехал, смущенный и растерянный.

День был пасмурным. Моросил дождик. Я заскочил на заправку, наполнил баки и проехал по городу, отмечая местоположение домов остальных семи жертв. Двое жили в студенческих общежитиях Калифорнийского университета, называвшихся Дикстра и Спраул. Не знаю, были ли эти парни знакомы друг с другом. Может быть. Один числился ассистентом преподавателя, другой — музыкантом. Еще один жил вместе с соседом (любовником?) в дешевой квартирке на Мэлроуз, в нескольких минутах ходьбы от моего дома. Впрочем, в Лос-Анджелесе нет такого понятия «ходьба пешком». Если между входом в ваши квартиры находится больше чем две двери, вы садитесь в машину.

Следующий парень жил у черта на куличках, в Азусе, туда долго ехать даже по скоростной дороге. Еще один — на северном конце долины Сан-Фернандо. Все эти нежные мальчики, слишком одинокие, чтобы адаптироваться в тех местах, где они живут, проезжают по двадцать — тридцать миль, чтобы постоять в грязном зеленом дворике — вместе с такими же женственными и ласковыми мальчишками.

Тут в моей голове что-то щелкнуло. Словно никелевая

монетка провалилась в автомат с содовой. Одно из тех небольших озарений, которое объясняет все. У них период полового созревания. Взросление. Первое свидание, первый поцелуй, первая возможность подержаться руками за нечто особенное. Препятствия, отсрочки, долгие дни нереализованных желаний… В то время как другие веселятся на празднике жизни, ты притворяешься, жмешься, сдерживаешься, своими руками лишаешь себя удовольствия… Но в конце концов непременно, обязательно ты находишь место, где можешь попробовать все запретное. Это опьяняет, волнует, кружит голову. Да. Вот почему они едут так далеко. Гормоны. Феромоны. Называй как хочешь. Единственный яркий лучик в темноте. Они не могут остановиться. Это их дом — единственное место, где они могут быть собой.

О'кей. Теперь вычислить бы хищника…

Когда я подъехал к дому, морось в воздухе превратилась в настоящий ливень. У дверей сидел Мэтт, обхватив руками колени. Рядом с ним валялся полупустой рюкзак. Мэтт вскочил на ноги, глядя на меня с надеждой и испугом. Он был очень взволнован, взъерошен и к тому же промок до нитки. Одна красная отметина красовалась у него на лбу, другая — на шее.

— Ты в порядке?

— Я не нашел ключ…

— О черт! Я забыл положить его под коврик…

— Я подумал, что ты рассердился на меня…

— Нет, малыш, что ты. Я просто закрутился. Ты не сделал ничего дурного. Это все мой чертов склероз. Блин! Ты, должно быть, подумал… в довершение ко всему…

Прежде чем я закончил фразу, Мэтт всхлипнул.

— Что-то стряслось?.. Нет, подожди…

Я повернул ключ в замке, подтолкнул Мэтта внутрь, прихватив его рюкзак, и закрыл за нами дверь. Войдя в дом, усадил его за кухонный стол и, вытащив бутылку «Гленфиддича», плеснул ему пару глотков в стакан.

Мэтт перестал плакать и вдумчиво принюхался к содержимому стакана.

— Что это? — Он сделал маленький глоток. — Жжется.

— Как и полагается. Это односолодовый виски. Скотч. — Я сел напротив Мэтта. — Я ездил повидать кое-кого. Моего отца. Я не видел его долгое время, и, может быть, сегодня был в последний раз. Мне не полагалось так поступать, но я поехал. Я провел там ночь. Спал в своей прежней комнате на старой постели. То, что ты говорил вчера, заставило меня задуматься…

Мэтт меня не слышал. Он с трудом сдерживался, ловя ртом

воздух.

— Моя мама позвонила мне на работу. Она сказала, что я могу прийти домой и забрать вещи. Отца там не должно было быть. Только она ошиблась. Он вернулся домой раньше. И стал бить меня…

Я подошел к Мэтту и приподнял на нем рубашку. Кровоподтеки и синяки на боках, на спине, на руках и плечах. Мэтт вздрогнул, когда я до него дотронулся.

Я встал, пошел в ванную и вытащил набор по оказанию первой помощи. Там оказалось все необходимое, как в чемоданчике доктора. Стетоскоп, пластырь, мази, бинты, флакончики с лекарствами, даже пузырек с морфином и шприц. А также кастет и дубинка. И еще несколько игрушек из этой серии. Выбирай, что тебе по вкусу.

Вернулся на кухню, стащил с него рубашку, смазал мазью кровоточащие отметины, перетянул ребра. И все это проделал молча. Я был слишком зол, чтобы разговаривать. Под конец я отрывисто спросил:

— Ты все свое барахло забрал? Мэтт потряс головой.

— Отлично. Давай поедем и заберем.

Схватив Мэтта за плечи, я поднял его на ноги и поволок к дверям и дальше по ступенькам, невзирая на дождь.

— Тебе нужна твоя одежда, твоя обувь, все, что тебе принадлежит. Все твои вещи.

— Мой отец — он очень большой! Сильный… Пожалуйста, не надо…

Я уже завел двигатель.

— Пристегни ремень, Мэтт. Как там говорила Бэтт Дэвис? Намечается бурная ночь.

Шины завизжали, когда я резко вывернул на Мэлроуз. Я направился на юг, к Фэрфакс, разбрызгивая воду в лужах. Мы оба не проронили ни слова.

Когда я выехал справа на Третью авеню, Мэтт сказал:

— Майк, я не хочу, чтобы ты это делал.

— Слышу. — Я не сбавил скорость.

— Я не собираюсь говорить тебе, где я живу… жил.

— А я и так знаю.

— Откуда?

— Я твой волшебный[166] крестный папочка. Не задавай вопросов.

— Ты нет, — сказал Мэтт. Потом печально добавил: — А вот я — да.

— Ну, я не сомневаюсь, что тебе нужен крестный папочка.

— Что ты собираешься делать? Я ухмыльнулся:

— Я собираюсь сделать ему предложение, от которого он не сможет отказаться.

Мэтт, конечно, не понял эту шутку. Она будет в ходу лет через пять. Но — о'кей, — я сам оценил ее.

Поворот налево, поворот направо. Торможу перед входом в крошечный ухоженный домик. Мэтт выходит за мной из машины и идет по дорожке. Рывком открываю входную дверь. Мэтт был прав — он *большой.* Горилла. Но плохо обученная. Беспорядочные синяки на теле его сына — тому доказательство. Размеры заменяют ему умение драться. Возможно, всю жизнь. Отец Мэтта напускает на себя угрюмый, хмурый вид.

— А это кто еще? — рычит он.

И получает единственный ответ, которого достоин. Бью его кулаком в грудь, оттесняя в дом. Действую быстро. Прежде чем он успевает отреагировать, провожу серию ударов в грудь — сильных, таких, чтобы он врезался в стену. Дом трясется. Здоровяк рикошетом отскакивает от стены, и на этот раз я бью его кулаком в живот. Живот у него твердый, но кастет еще тверже. Непонятно, что он бормочет, но он шатается, и этого достаточно. Я пихаю голову гориллы навстречу своему резко поднятому колену и с удовлетворением чувствую, как его нос с хлюпаньем разбивается.

Рывком поднимаю папочку на ноги. Лицо у него в крови.

— Ты герой, да? Избиваешь мальчишку. — Он молчит, хватая ртом воздух. — Мэтт, иди собери вещи. Давай.

Из кухни выходит женщина, вытирая руки о полотенце для посуды.

— Мэтти?.. — Потом она видит меня. — Кто вы?.. — Потом мужа. — Джой?..

Я вырываю у нее из рук полотенце, кидаю Джою и подталкиваю здоровяка к стулу. Он шлепается на него, прикрывая окровавленный нос.

— Вам лучше присесть, мэм.

Она колеблется, потом садится. Джой с трудом дышит, осторожно косясь на меня.

Долгое время все молчат.

Потом женщина спрашивает:

— Вы собираетесь причинить нам вред?

— Это не входило в мои планы. Конечно, все может измениться. — Я многозначительно киваю на папочку-козла.

— Вы… вы не сможете уйти… если…

— Вы не станете звонить в полицию. Он вам не позволит. Он не захочет, чтобы кто-то узнал, что его сын — гомосексуалист. — Перевожу дух. Я не собирался выступать в роли советчика и учить

ее жить, но Мэтту нужно время, чтобы собрать вещи. И надо, чтобы этот козел не успел опомниться. — Отлично, послушайте, леди, вам следует бросить этого скота, потому что, если вы этого не сделаете, когда-нибудь он вас убьет. Единственное, что так долго спасало вас, — то, что он отыгрывался на мальчишке, не так ли? Когда парень уйдет отсюда, вы останетесь с этим бугаем один на один. Если я не ошибаюсь, этот синяк у вас на щеке свежий. Похоже, что сегодняшний? И может, под платьем таких синяков намного больше?

Она не ответила.

— Вы считаете, что не делаете и для себя никаких поблажек, подставляясь под его кулаки и списывая все на несчастную долю. А вы уверены, черт вас возьми, что ничем не могли помочь своему мальчику? Позволяя мужу избивать ребенка, вы поступали как последняя трусиха. Вы знаете, что значит слово «пособник»? Вы пособник. Вы очень и очень виноваты. Потому что вы, своим невмешательством, позволяли ему выходить сухим из воды.

Поворачиваюсь к горилле:

— Послушай-ка, Джой. Ты — козел. Ты не заслуживаешь даже презрения. Это твой сын, твоя собственная плоть и кровь. Тебе следовало бы любить его больше всего на свете. Но ты чертовски беспокоился за себя. В тот самый момент жизни, когда твой сын больше всего нуждался в том, чтобы отец любил и понимал его и был рядом, что ты сделал? Ты избил его и вышвырнул вон. Какой же ты мудак! Твоя жена — трусиха, ты — безмозглый бык, и вы оба упустили то единственное, хорошее, что сделали в этом мире, — ребенка, который все еще умеет улыбаться, бог знает почему выросшего у таких подонков, как вы. Вы не заслужили такого ребенка. Черт бы побрал вас обоих! Я сейчас не в настроении спорить. Ты можешь избить свою жену, Джой, и ты можешь избить своего ребенка, но от отвратительной правды тебе не отмахнуться. Ты слабак. И если ты подумываешь о том, чтобы встать с этого стула, не надо. Если ты только попытаешься, я тебя убью. Я сейчас именно в таком расположении духа.

— Он сделает это, отец. — В комнату возвратился Мэтт. — Он — бывший командос. Специальные войска. Зеленые береты. Или что-то вроде. Он был во Вьетнаме. Я не хочу, чтобы он покалечил тебя…

— Ты все собрал? — прервал я лепет Мэтта.

Он взвесил в одной руке поспешно набитый чемодан. Через другую руку мальчика был перекинут шерстяной спортивный костюм.

Его мать перевела взгляд с сына на меня. В конце концов она собралась с духом и спросила:

— Кто вы? Тоже гомосексулист? Я смерил ее взглядом:

— А вам не все равно? — Боже правый, зачем я сказал это? — Минуточку. — Я повернулся к горилле. — Твой сын уходит из дому. Ты его больше никогда не увидишь. Дай-ка мне твой бумажник. Нет, я не сказал: подумай. Я сказал: *дай. Дай мне твой бумажник.*

Его бумажник перешел в мои руки. Около трехсот баксов. Я передаю деньги Мэтту.

— Возьми. Твое наследство. Достаточно, чтобы прожить пару месяцев. Если быть бережливым. — И бросил бумажник на пол. — Вам двоим крупно повезло. Я дарю вам жизнь. — Я снова смотрю на гориллу. — Если ты будешь преследовать мальчика, если ты хотя бы подойдешь к нему на расстояние вытянутой руки и посмеешь его коснуться, я тебя убью. Я найду тебя, и можешь не сомневаться, твоя смерть будет долгой и мучительной. И если ты когда-нибудь снова тронешь свою жену, я переломаю тебе руки. Тебе ясно? Кивни, я не читаю мысли на расстоянии. — Отвожу взгляд в сторону. — Мэтт, ты хочешь что-нибудь сказать на прощание?

Он качает головой.

— Тогда иди в машину.

Немного выжидаю, глядя на этого козла и пытаясь понять, способен ли он на какие-то пакости после того, как я уйду. Не способен. У него пепельно-серое лицо. Он все еще с трудом дышит. Я смотрю на его жену.

— Знаете что? Я думаю, вам лучше позвонить в «скорую помощь». Возможно, я не рассчитал удар и сломал ему ребро. Хотел бы сказать, что сожалею об этом, но это будет враньем.

Назад мы ехали молча. Дождь усиливался. Мэтта трясло. Вероятно, он не знал, как себя вести, его мысли и чувства пошли вразнос.

Мы добрались до квартиры. У дверей Мэтт заколебался.

— Ты поднимаешься?

— Я подумал, если ты хочешь… — Он держал в руках деньги. — Я имею в виду… для чего мне это?

— У нас будет куча времени, чтобы поговорить. Завтра. Или на следующий день. — Я улыбнулся и прибавил: — Тебе не стоит быть одному ночью.

Я подхватил его спортивный костюм и чемодан. Не слишком тяжелый, как я и думал. Горилла и его жена не очень-то щедры.

Зайдя внутрь, я перетряхнул старый хлам в шкафу, нашел запасной ключ и вручил его Мэтту.

— Послушай. Не пойми это неправильно, но я беспокоюсь о тебе. Ты можешь оставаться здесь, сколько тебе понадобится.

Он посмотрел на ключ на ладони и с немым вопросом в глазах поднял голову.

— Ты умеешь готовить еду? Ты умеешь прибираться? Это и будет твоя плата. Мы можем перетащить сюда мою пишущую машинку, приткнуть ее здесь, у стены. И ты будешь жить в той комнате. Только одно условие: держись подальше от заведения Джино. — Нет, так нечестно. — Я имею в виду, не ходи туда без меня. И не уходи оттуда ни с кем… ну, не предупредив меня. О'кей?

— Ты пытаешься заменить мне отца?

— Нет. Ну, может быть, старшего брата. Не знаю. — Я сел напротив Мэтта. — Ты умеешь хранить секреты?

— Не слишком хорошо. Я хочу сказать, раз отец меня вычислил.

— Вот что. Когда ты понял, что ты?..

— Когда мне было двенадцать. Или тринадцать.

— Значит, ты хранил секрет пять лет. Шесть. Правильно? Он кивнул.

— Отлично. То, что я собираюсь тебе сказать, это действительно очень серьезно. Ты сохранишь это в тайне?

Мэтт ничего не сказал. Я расценил это как согласие.

— Знаешь, откуда я узнал, где ты живешь? Я еще много всего знаю. О том дерьме, что произойдет в этом году. Опасном дерьме. Кое-кто собирается снести кое-кому башку. Убить. Я не коп. Но я что-то вроде частного детектива. И я ищу гея. Кого-то вроде тебя. Или тех парней, что в изобилии топчутся у Джино. Я хотел бы предупредить их об опасности, но, если я это сделаю, пойдут слухи. Ты знаешь, как эти «девочки» любят сплетничать. И если преступник узнает, что я его разыскиваю, мне никогда не поймать его. Поэтому ты не должен никому говорить. И единственная причина, по которой я посвятил тебя в это дело, — я хочу, чтобы ты мне помог.

— Тебе нужна *моя* помощь?

— Я *хочу,* чтобы ты мне помог. Не то чтобы нуждаюсь в помощи, но могу ею воспользоваться. Если ты согласишься.

— Соглашусь? Это опасно?

— Думаешь, я стану подвергать тебя опасности? Мэтт помедлил с ответом.

— Но ты ведь хочешь использовать меня как приманку?

— Я хочу посмотреть, кто попробует тебя подцепить. Я хочу знать, кто заговорит с тобой. Вот и все.

— Можно, я спрошу тебя кое о чем?

— Валяй.

— Ты это все время планировал? С самого начала? Когда

привел меня к себе в ту ночь?

— Сказать правду? — Я смотрел ему прямо в глаза. — Нет. Это не то, что я планировал. Ты был только одним из тех парней, за которыми я следил в последнее время.

Мэтт нахмурился. Он обдумывал все, что услышал. И потом — черт побери, умный мальчик! — до него дошло.

— Ты сукин сын! — Он вскочил на ноги. — Ты все знал заранее!

Мэтт оглянулся вокруг в поисках чемодана. Я мягко усадил его на место. Сила здесь была ни к чему. Мэтт ждал моего ответа, и я кивнул.

— Да, ты прав. Я знал. Кое-что…

— Ты… путешественник во времени? Я снова кивнул.

— Так это правда? Они на самом деле есть? А я всегда думал, что это просто городская легенда или что-то в этом роде.

— Не легенда, — усмехнулся я, — мы есть на самом деле. Мэтт уставился на меня в упор, словно стараясь просверлить взглядом.

— Ну… из какого ты будущего? Из далекого?

— Я не из будущего, я из прошлого. За три года до сегодняшнего дня. Но я был в будущем. На двенадцать лет вперед. Тебе бы там понравилось. По крайней мере, отчасти.

— Понравилось — что? Пожимаю плечами:

— Разные вещи… гм… ладно. «Стоун-уолл», например. Нил Армстронг. Компьютер. Люк Скайуокер. «Пак-мэн».[167] Но думаю, больше всего «Стоун-уолл».

— Что такое «Стоун-уолл»?

— Ты скоро узнаешь. Это… это будет… отчасти важно для тебя.

— Намекни мне.

— Роза Паркс.[168]

— Кто такая Роза Паркс?

— Выясни.

Мэтт раздраженно нахмурился. Потом его лицо прояснилось. Он унес свои вещи в комнату и возвратился в облюбованный угол на кухне.

— Расскажи, что ты знаешь обо мне.

— Ну…

— Если ты хочешь, чтобы я тебе помог, ты должен мне рассказать. — Мэтт сел напротив и выжидательно посмотрел мне в лицо.

— О'кей, — согласился я.

Вышел в спальню, вернулся с досье в руках и бросил их на стол.

— Я должен предотвратить исчезновение этого парня. Ты его знаешь? — Я коснулся фотографии Джереми Вейса.

Мэтт посмотрел на фото, нахмурил брови и стал было качать головой, но потом сказал:

— Нет, погоди. Мне кажется, что он приходит только по уикэндам.

— Это номер третий. Перед ним произошло два других исчезновения. После него — десять. Это номер первый.

— Это Брэд. Брэд-бой. Он гоняет на мотоцикле. Заходит, подцепляет себе очередное развлечение и уматывает. Никто о нем толком ничего не знает.

— Да, я видел, как он это делает.

— Когда он?..

— Через две недели. Впрочем, уже чуть раньше. — Я передаю ему следующее досье. — Это вторая жертва.

Мэтт открыл его, увидел собственную фотографию и вздрогнул. Из него как будто выпустили воздух. Как из воздушного шарика.

— Я… я умру?

— Нет. Ты не умрешь. Я обещаю тебе. Я тебе обещаю.

— Но я умер. Я имею в виду, что должен был умереть, да? — Мэтт выглядел очень испуганным.

— Нет, не умрешь.

— Но откуда ты знаешь? Я думал, что время…

— Время изменчиво. Если бы это было не так, я бы здесь не сидел. Так же как и ты.

Мэтт не стал спорить. Мои слова его не убедили, но ему очень хотелось верить в то, что я пообещал. Через некоторое время он потянулся за остальными папками и открыл их одну за другой. Мэтт узнал двоих парней, остальных он никогда не видел. Неудивительно, ведь он находился в самом начале цепи исчезновений.

— Отлично. Теперь скажи мне: ты ходишь куда-нибудь еще кроме бара «У Джино»?

Мэтт покачал головой:

— Есть еще один клуб в Гарден-гроув, для тех, кому восемнадцать и больше, но я там никогда не был. Ну, еще эти купальни. «МАК». Я был там только два-три раза. Больше никаких мест. Я не знаю о других таких барах.

— Значит, в основном ты ходишь к Джино?

— Туда все ходят.

— Отлично. Сделаем так. Некоторое время ты не будешь ходить к Джино без меня. Я сам хочу посмотреть, кто с тобой заговорит. А если кто-то попросит тебя уйти с ним — на этот

случай у нас будет условный сигнал. Ты подергаешь себя за ухо. И я… я что-нибудь предприму.

Мэтт кивнул. Казалось, он благодарен мне за этот план. Он глубоко вздохнул и переменил тему:

— Я видел несколько копченых колбасок в холодильнике. Сгодится на ужин?

Я кивнул, хотя был не голоден.

Мэтт покрутился вокруг буфета, соображая, что еще он может положить на тарелки.

— Есть немного консервированной фасоли и еще оладьи. Я могу сделать салат и открыть пару бутылок колы?..

— Звучит заманчиво.

Я собрал фотографий и рассовал их по соответствующим досье.

— Майк?..

— Да.

— Если я ни с кем не уйду от Джино, как ты узнаешь, кто из них убийца?

— Я постараюсь вычислить его.

— Ты будешь продолжать следить за Брэд-боем, да?

— Да.

— Может быть, я неправильно рассуждаю… Но единственный способ, которым ты можешь узнать, кто убийца, — это позволить ему убить кого-то. Брэда. Так?

— Ну нет. У меня есть отличная идея относительно ночи, когда Брэд исчезнет. Тот, кто заговорит с ним в эту ночь, тот, вероятно, и убийца. Но если я не допущу, чтобы Брэд ушел с ним, то смогу спасти его жизнь.

— Но что, если этот парень поведет себя не так, как ты говоришь? Я хочу сказать, что, если он не получит шанса напасть на кого-то, как ты докажешь, что он убийца?

Я встал и поставил бутылку скотча обратно в буфет, прислонился к стене и посмотрел на Мэтта. Он нарезал салат.

— Это другая часть проблемы. Скажем, я проколю Брэду шины, так что он не сможет выехать из дому этой ночью или что-то в этом роде. Уж я найду способ удержать Брэда от поиска приключений. Тогда скорее всего это приведет к тому, что мистер Смерть — я его так называю — выберет кого-то другого, может быть, не этой ночью, а следующей. Или вообще на следующей неделе. Может быть, вся цепочка прервется, развалится — тогда вся программа окажется бесполезной.

— Поэтому тебе нужно следить за Брэдом…

— Да. И мне надо сесть ему на хвост, когда он поедет… и надеяться, что дело выгорит.

— Это нечестно по отношению к Брэду.

— Это нечестно по отношению к любому из твоих геев. Меня наняли спасти только одного парня, но есть еще дюжина других. А может, и больше. Я сказал тебе, время изменчиво. Если я раскачаю его слишком сильно, я проиграю все дело. Я могу спасти тебя, и Брэда, и Джереми, но кто тогда умрет вместо вас?

Мэтт вздрогнул, как будто его ударили. Он выронил нож.

— Хрень какая! — И тут же с мягкой иронией отреагировал на сказанную им грубость: — Не слишком достойное высказывание для приличного общества, да?

Мэтт разложил еду по тарелкам, и некоторое время мы молча жевали. Потом я сказал:

— Очень вкусно. Спасибо.

— Тебе понравилось?

— Отличная еда. Намного лучше, чем я сумел бы приготовить.

— Мне пришлось научиться готовить. Моя мама… — Он пожал плечами.

— Да, я видел.

— Она неплохой человек. И мой отец тоже, пока не выпьет слишком много…

— И как часто это бывает? Мэтт уловил иронию.

— Ладно. О'кей.

Позже, когда мы убрали посуду, я быстро принял душ. Я вышел из ванной, обвязавшись полотенцем. Мэтт взглянул на меня, потом быстро отвел взгляд. Он пробормотал, что хотел бы как следует отмокнуть, и поспешил в ванную. Я услышал звуки льющейся воды. Потом Мэтт просунул голову в дверь:

— А где полотенца?

— В шкафу, в коридоре. На верхней полке. Держи. — Я кинул ему желтые полотенца. — Что-нибудь еще?

— Вроде нет.

Но на меня он по-прежнему не смотрел.

— Отлично. Я иду спать. У меня встреча утром. Когда я вернусь, устроим тебе нормальную кровать.

— Угу. Хорошо. Спасибо. Мэтт исчез в ванной.

Я люблю спать при открытых окнах. Здесь, на Мэлроуз, ночи иногда душные, иногда ветреные, а иногда просто холодные. Когда ветер дует с моря, он приносит влагу, иногда воздух неподвижен и пахнет жасмином. Сегодня господствовал холодный ветер, разгонявший остатки облаков после пасмурного дождливого дня. Пахло свежестью. Завтра будет ясный день.

Я улегся в кровать и некоторое время слушал, как вода капает с крыши здания, как проносящиеся мимо автомобили с

всплеском рассекают лужи… городская жизнь шумела где-то вдалеке, и мне почудилось даже неясное звучание музыки. Потом я встал, вышел в коридор, вытащил из шкафа запасное одеяло и кинул его на диван. Мэтту пригодится.

Снова вернулся в постель и прислушался к разноголосице собственных мыслей. Мэтт попал в точку, указав на то, что я, конечно же, понимал и в чем не желал признаваться. Я не смогу идентифицировать преступника до тех пор, пока не позволю ему кого-нибудь убить.

Некоторое время я обдумывал, как поступили бы на моем месте другие детективы из агентства. Долго размышлять не пришлось, в принципе, я знал ответ. Они спасли бы Вейса и проигнорировали дюжину остальных, потому что только семья Вейса платила за работу. Вот почему Джорджия дала это задание мне. Она понимала: я пойду по другому пути. Джорджия знала, что меня не удовлетворит спасение только одного мальчишки. Ей были хорошо знакомы мои рассуждения: никого нельзя бросать в беде.

И не важно, понимает это кто-нибудь или нет, но сейчас здесь — все как на войне.

Эти парни ощущали, что живут на вражеской территории. Как преступник вздрагивает от ночного стука в дверь, так и они боялись всего на свете — преследований на работе, намеков со стороны друзей, соседских сплетен и прочих дерьмовых штук.

Эти тихие нежные мальчики, в начале своего жизненного пути — милые, веселые, шаловливые и даже невинные, но потом бремя отверженных разъедает их души. Чем старше они становятся, тем тяжелее их ноша. День ото дня они учатся быть скрытными, их души переполняются горечью и раздражением, а в голосах звучат яд и неприкрытая злоба. Постой в баре и понаблюдай за тем, что отражается в глазах геев; ночь за ночью их терзают мучительная обида и гнев. Почему мы должны прятаться? Притворяться? Вопрос: *что со мной не так?* — для них уже позади. Очень скоро он превратится в другой вопрос: *что не так с другими, с теми, кто остался по ту сторону жизни!* Пропасть растет, отчуждение увеличивается. Запретный мир нежных мальчиков все больше уходит в подполье.

Но долго так продолжаться не может. Лето любви уже стоит в зените, на следующий год настанет лето страсти, а через год — бешеное лето несчастий. Но оно принесет с собой революцию «Стоун-уолла» и положит начало переменам. Переменам во всем.

Я почти завидовал им.

Потому что они знали, чего хотят.

А я нет.

В дверь спальни тихо постучали. Потом она протяжно заскрипела. Просунулась голова Мэтта.

— Ты спишь?

— Нет еще. А что?

— Майк… — Мэтт приблизился к краю кровати. — Можно, я сегодня посплю с тобой? Просто посплю. И все. На диване…

— …не слишком уютно, я знаю. Ладно, давай.

Я подвинулся и откинул край одеяла. Мэтт пристроился рядом со мной. Не слишком близко.

Мы лежали на спине, бок о бок. Смотрели в потолок.

— Здесь не так, как на диване, да?

— Угу.

— Не переживай.

— Ты не должен беспокоиться, что я…

— Я не беспокоюсь.

— Я хотел сказать…

— Мэтт, все в порядке. Тебе не надо ничего объяснять.

Я подумал о тех ночах во Вьетнаме, когда солдаты обнимали друг друга крепче, чем братья. Еще бы, автоматный обстрел, мины, взрывы, напалм, грязь, кровь и угроза мгновенной смерти — могут привести и не к такому. Переделки в джунглях, когда патруль попадает в засаду и парни сбиваются в кучу, иногда лежа друг у друга на коленях, — единственная доступная поддержка, соломинка посреди кромешного ада. И ночи в дешевых отелях Сайгона, когда на всех не хватает матрасов и ты делишь постель с приятелем и чувствуешь радость оттого, что он рядом. Прикосновение товарища по отряду в темноте. Ты научился ощущать безопасность в терпком запахе пота других мужчин. Они стали частью тебя. Это нельзя объяснить никому, никому, кто там не был.

— Майк, прости.

— За что?

— Что я такой… — Мэтт не может закончить фразу. Он вообще не может ничего выговорить.

— Мэтт?..

— Мама называла меня Мэтти. Когда я был маленький.

— Ты хочешь, чтобы я звал тебя Мэтти?

— Если ты хочешь…

— Мэтти, иди сюда. — Я обнимаю его за плечи и притягиваю поближе, так что его голова почти укладывается мне на грудь. Я не вижу, что на нем надето, но чувствую что-то мягкое. Нейлон, наверное. Какая разница. — Дружок, дядюшка Майк расскажет тебе историю на ночь. Слушай.

Мэтт не мог расслабиться, он лежал рядом вытянувшись в

струнку. Ждал, что я с омерзением оттолкну его?..

— Когда мне исполнилось двенадцать лет, отец подарил мне на день рождения щенка, трех месяцев от роду. Это был черный лабрадор, охотничья собака, такой нескладный и глупенький, что гонялся за собственным хвостом. Он отовсюду падал, но я влюбился в него с первого взгляда. Отец спросил меня, нравится ли мне подарок, и я сказал, что он просто само совершенство. Я назвал его Шотган. В первую ночь щенок скулил, звал маму, поэтому я взял его с собой в постель и разговаривал с ним и обнимал, и он заснул рядом со мной. Несколько дней Шотган ходил за мной по пятам и спал в моей кровати. Потом наступил понедельник, и мы повезли его к ветеринару, чтобы тот сделал ему прививки. Ветеринар осматривал Шотгана очень долго, щупал лапы, хвост, голову, заглядывал в пасть, и чем больше изучал собаку, тем больше мрачнел. В конце концов он сказал, что у Шотгана серьезные проблемы, это пес с врожденными дефектами. У него искривлены ноги, он не сможет быстро бегать и будет постоянно хромать… В общем, ветеринар наговорил много всякой всячины. Потом он отвел моего отца в сторону и долго с ним беседовал. Я не слышал, о чем они говорили, но мой отец покачал головой, и мы забрали Шотгана домой.

— Ветеринар хотел его усыпить?

— Да. Мой отец не позволил. Но я узнал об этом позже. Мы вернулись домой, но я не хотел больше играть с Шотганом и вообще не хотел его видеть. Потому что он был бракованный. Не самый лучший. А я хотел, чтобы у меня был самый лучший пес. Шотган по-прежнему ходил за мной, но я его все время отпихивал и прогонял. В ту ночь он, как всегда, пытался забраться ко мне в кровать и скулил, но я не взял его на руки и не позволил спать со мной. В конце концов пришел отец и спросил, что случилось. И я сказал, что больше не хочу, чтобы Шотган жил у нас, но не сказал почему. Но мой отец догадался. Он понял, что я злюсь на Шотгана за то, что он не идеальный пес. Отец не стал со мной спорить, он сказал: хорошо, утром мы найдем для Шотгана новый дом. Но сегодня ночью я должен позволить Шотгану спать со мной еще один, последний раз. Я спросил почему, и мой отец взял щенка на руки, посадил к себе на колени и стал гладить. Я опять спросил, почему я должен это сделать, и отец переложил щенка мне на колени и сказал: «Потому что даже безобразные щенки нуждаются в том, чтобы их любили. На самом деле безобразные щенки больше других нуждаются в любви». И когда он сказал так, я стал понимать, как плохо поступаю, прогоняя Шотгана. Потом мой отец добавил: «Шотган ведь не знает, что он безобразный. Он только знает, что очень сильно любит тебя. Но

если ты не любишь его и не хочешь, чтобы он жил у нас, завтра мы найдем кого-нибудь, кому не важно, что он безобразный, и кто будет счастлив иметь собаку, которая будет любить его так сильно, как это умеет Шотган». Тогда я обнял щенка, прижал к груди и закричал: «НЕТ! Он мой, и ты не отдашь его никому. Потому что я люблю его больше, чем этот «кто-нибудь»! Мне наплевать, что он безобразный!» И тогда папа взъерошил мне волосы и прошептал на ухо, смеясь: «То же самое сказала твоя мама, когда ты родился».

Мэтт уже похрапывал. Потом свернулся клубочком, прижавшись ко мне спиной. Я не мог объяснить себе, как я его воспринимаю: как мальчика или как девочку или как то и другое одновременно. Может, для меня он вообще бесполое существо?

Все эти мальчики-геи — некоторые из них были «девочками», но остальные все же «мальчики». Нежные мальчики. Мужчины без… без чего? Некоторых качеств мужского характера? Нет. Они были мужчинами, просто не умели постоять за себя. Именно так. Постоять за себя — это именно то умение, что выделяет мужчину из рядов товарищей. Показатель жизнеспособности личности в окружающей среде. Эти же… они хотят быть… дружелюбными? Любящими? Но те, кто бьется за место под солнцем, не могут понять странных мальчиков, не могут принять их жизненную позицию, потому что боятся потерять свое превосходство. Неудивительно, что гомосексуалисты становятся мишенью для грубиянов и драчунов. Такие «герои», как правило, трусы и выбирают жертв среди тех, кто не способен дать сдачи.

Я смотрел в потолок, размышляя, приблизит ли меня этот мозговой штурм к мистеру Смерть. И не мог ответить на этот вопрос. Потом я перестал беспокоиться и заснул.

На следующее утро мы притворились, что все нормально. Мэтт ушел на работу. Я поехал на Голливудский бульвар.

Джорджия мрачно приветствовала меня. Коротко взглянув мне в глаза, она мотнула головой в сторону офиса.

— Тебя хочет видеть мистер Харрис.

— Мистер Харрис?

— Тед Харрис. Человек, чье имя написано на двери.

— О! А я и не знал, что Тед Харрис на самом деле существует! Думал, что это фиктивное имя, просто вывеска для бизнеса.

— Тед Харрис есть на самом деле. И он ждет тебя.

Черт! Наверняка они выяснили, что я виделся с отцом. И у меня мгновенно образовался так-называемый-глава-офиса-проедающий-печенки.

Я постучал в дверь и, не получив ответа, повернул ручку и

вошел. Прежде я никогда не был в этой комнате. Стол, стулья, лампа и мужчина средних лет, который стоял спиной ко мне у полукруглого окна и смотрел на бульвар. Окно было грязное, но утренние лучи солнца все равно рассеивали полумрак, высвечивая на стекле дорожки голубовато-серой пыли. Харрис повернулся лицом ко мне, и я его узнал.

— Икинс?.. — Каждый раз, когда я его встречал, Икинс пребывал не в том возрасте, в каком я его видел в последний раз. На этот раз в Волосах Икинса серебрилась седина, но выглядел он молодым.

— Садись. — Икинс указал на стул. Я сел.

— Ваше настоящее имя Харрис? Он сел за стол напротив меня.

— Мое настоящее имя Икинс. Но сегодня я — это он. Когда мне нужно, я им бываю. Сегодня такая необходимость назрела.

— Звучит отлично. Гораздо лучше, чем ничего…

— Заткнись. Я закрыл рот.

Икинс постучал пальцем по досье, которое лежало перед ним на столе.

— Дело, над которым ты работаешь… о пропавших юношах?..

— Прогресс намечается. Установлена общая связь между всеми жертвами.

— Расскажи.

— Это клуб для подростков-гомосексуалистов на Мэлроуз. Я думаю, что преступник находит жертвы там. Подробности содержатся в моих отчетах. Есть также второе место их локации…

— Ты должен прекратить это дело.

— Что?

— У тебя что, плохо со слухом? *Брось это дело.*

— Могу я спросить почему?

— Нет. — Голос бесстрастный и не допускающий возражений.

— Но эти мальчишки умрут…

— Это не твоя забота.

— Уже моя.

Икинс глубоко вздохнул, этакий вдох-выдох с выражением лица «я-скажу-сейчас-нечто-важное». Он перегнулся через стол и уставился мне прямо в глаза.

— Послушай меня. Жизнь пуста и бессмысленна. Она не значит *ничего* — и в ней нет ничего, что имело бы значение. Брось это дело.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который ты получишь. Разговор окончен.

Икинс приподнялся из-за стола.

— Нет.

Я остался сидеть.

Он замер, наполовину привстав со стула.

— Я дал тебе прямые указания. Надеюсь, ты им последуешь.

— Нет.

— Я не просил тебя возражать.

— Что ж, вы должны знать одно: я не оставлю этих парней погибать ни за грош. Мне нужно, чтобы вы сказали мне больше.

Икинс опустился обратно на стул.

— Есть вещи, которые ты не знаешь. Есть вещи, которые ты не понимаешь. Смысл в этом. Этим и руководствуйся.

— Я обещал одному из этих парней, что с ним ничего не случится.

— Ты привлек его к расследованию?

— Я дал обещание.

— Которому из них?

— Номер два.

Икинс открыл досье. Перелистал страницы.

— Этому? — Он указал на фотографию Мэтта. Я кивнул. Икинс швырнул фото на стол и откинулся на спинку стула. — Он не замешан в этом деле.

— Что значит — не замешан?

— Все остальные — замешаны. А этот — нет.

— Я не понимаю.

— А я и не собираюсь объяснять. Дело закрыто. Ты освобожден от обязанностей. Мы подыщем тебе что-нибудь другое. Джорджии нужен курьер в ап-тайм, в район Залива.

— Я не хочу этим заниматься.

— Такой ответ меня не устраивает. Ты начнешь работать курьером, и мы не будем обсуждать, где ты был в воскресенье вечером.

— Нет.

— Мы платим тебе хорошие деньги…

— Вы взяли напрокат мою голову, но не купили мою душу. Вот почему вы мне так много платите.

Икинс помедлил, но не от растерянности, а, скорее, от досады. Он прикрыл глаза и пошевелил губами, как будто сверяясь с текстом роли, и затем вновь посмотрел на меня.

— Я знал, что ты откажешься. Но мы должны были провести эту беседу.

— Это все? — Я положил руки на подлокотники стула, собираясь встать.

— Не совсем. Это конец твоей работы здесь. Твое выходное пособие у Джорджии. Мы ожидаем, что ты вернешь все

материалы, относящиеся к делу Вейса, к концу рабочего дня.

— Вы думаете, это что-нибудь изменит? Вы не можете запретить мне спасать их жизнь в качестве частного лица.

Икинс не ответил. Он перекладывал папки на столе, как будто уже переключился на другие дела.

— Дверь за собой закрой.

Джорджия ждала меня. Ее лицо было напряженным. Я знал, что означает это выражение. Она хотела бы многое сказать, но не могла. Ей не позволили. Вместо проявления эмоций Джорджия ограничилась тем, что протянула мне конверт.

— Квартира и машина переписаны на твое имя, мы вычли плату с твоего счета. Твой заработок перечислен в банк. У тебя все будет в порядке. Да, мне понадобится твое удостоверение личности.

Я вытащил бумажник и передал ей удостоверение.

— Ты знала, не так ли?

— Несомненно.

— Ты так хорошо меня знаешь?

— Нет. Но с этой стороны я тебя знаю неплохо. — Джорджия вложила конверт в мои ладони. И наклонилась поближе, чтобы я почувствовал, что она пользуется все теми же сладковатыми духами.

Я медленно спустился по ступеням. Задержался, чтобы в последний раз почистить туфли, пока буду проглядывать содержимое конверта. Пухлая пачка денег, чек на солидную сумму, на удивление весомый банковский счет, несколько других необходимых бумажек — и полоска тонкого картона с торопливой пометкой от руки «Муссо и Франк. 15 минут». Я понюхал бумагу — знакомые духи, — кивнул, кинул Рою пять долларов и зашагал на запад к бульвару. К месту встречи я прибыл вовремя.

Я попросил столик в дальней части кафе, она пришла несколько минут спустя, молча села напротив меня. Я ждал. Джорджия пальцем поманила официанта, заказала две порции «Гленфиддича», потом прямо посмотрела на меня.

— Икинс — первостатейный придурок. Ухмыльнувшись, я покачал головой.

— Не-а, он придурок второго сорта.

— Даже и не так. Просто зловредный хрен, — учла замечание Джорджия.

Я помолчал, соглашаясь.

— Итак?..

Джорджия открыла сумочку, вытащила еще один конверт и положила на стол.

— Ты не должен был работать с этим делом. И никто не должен был. Когда он обнаружил, что я поручила его тебе, чуть не уволил меня. Во всяком случае, был близок к этому.

— Вряд ли. Ты слишком далеко забралась во времени. Джорджия мотнула головой, как бы говоря — это не важно.

— Штука в том… что все это не имеет смысла. Почему он аннулировал твой контракт? В любом случае, — она подтолкнула ко мне конверт, — вот, посмотри, что ты можешь извлечь из этого.

— Что это?

— Толком не знаю. Икинс исчезает на дни, недели, месяцы. Потом появляется с таким видом, как будто прошло не больше дня. Я начала копировать для себя всякие штучки с его стола несколько лет назад. Я не знаю зачем. Я думала… я думала, что, может быть, это позволит мне хоть сколько-нибудь проникнуть в суть происходящего. Эти записи, вещицы… я не знаю, что они собой представляют. Вот взгляни на фото. Вроде этой. — Она перетасовала фотографии. — Я думаю, это телефон. На нем кнопки как у телефона, но выглядит он как артефакт из «Стар Трек». Он щелкает, включается, но не работает, просто говорит «временно не обслуживается». Вот еще одна штука, выглядит как фишка для покера, одна сторона липкая, но к стене не прилипает, другая совершенно черная — что это, какой-то вид «жучка»? Микрофон? Камера? Или, может быть, это хроносенсор? Смотри, серебристые диски, пять дюймов диаметром, черт побери, что это такое? Выглядят как дифракционные решетки. На некоторых на обороте написано: «Memorex». Возможно, это для магнитофона, что-то вместо ленты? А всевозможные таблетки… Я пыталась найти их названия в медицинской энциклопедии, но их там нет. Что за, дьявол побери, «тагамет»? Или «виагра»? Или «ксуламис»? И все остальное?

— Даты на них соответствуют времени, откуда они?

— Не всегда. Но иногда да. Самая отдаленная — две тысячи тридцать девятый год. Но я подозреваю, он забирается и дальше. Намного дальше. Я думаю, он получил от Калтеха временные

карты локальных полей. Или, может быть, расставил собственные датчики и сделал свои карты. Я не знаю. Но я никогда не видела у него ничего похожего на карту. Во всем этом не много смысла. Но опять же, как он сам говорит, если попасть, например, в тысяча девятьсот седьмой год и показать там некоторые предметы из сегодняшнего времени — транзисторный радиоприемник, телефон с кнопочным набором, портативный телевизор, альбомы с пластинками, противозачаточные таблетки и все такое — ни один из них не будет понятен для людей, живущих в то время. Даже экземпляры журналов с новостями будут непонятны, потому что английский язык с того времени сильно изменился. Поэтому, если Икинс перетаскивает вещи из будущего, отстоящего от нас на тридцать, сорок и пятьдесят лет, нам это мало что даст…

— Ты права и не права одновременно. Пятьдесят лет назад у людей не было такого опыта развития, поэтому они не могли прогнозировать изменения, которые принесет будущее. У нас другие перспективы, потому что перемены — часть нашей истории. Мы привыкли жить в меняющемся мире, и мы понимаем, что изменения станут частью нашего бытия. Поэтому мы смотрим на эти вещи иначе и не находим их столь загадочными, пусть даже они и выходят за границы нашего опыта.

— Однако ты говоришь примерно то же, что и я.

— Я цитирую тебя. И перефразирую. — Я смешал бумаги и фотографии. — Ничто из этого не имеет отношения к моему делу, так?

— Не знаю. Но я подумала, что тебе имеет смысл на это взглянуть. Может быть, это даст тебе какой-нибудь ключик к Икинсу.

Я покачал головой:

— Это доказывает лишь то, что он знает больше, чем говорит нам. Но это нам и так было ясно.

Джорджия посмотрела на часы:

— О'кей. Мне пора. — Она встала, наклонилась ко мне и быстро поцеловала. — Береги себя — и своего нового дружка тоже.

— Он не мой… Но она уже ушла.

Я засунул все бумаги и фотографии обратно в конверт и заказал сандвич с бифштексом. День начался странно и становился еще более странным, а ведь сейчас только полдень. Со всеми остальными неприятностями я предпочел встретиться на сытый желудок.

Я вернулся назад в квартиру. Перефотографировал все досье. Потом собрал всё и направился прямиком в местную копировальную контору. Сделал пять копий и разложил их по

порядку. Заплатил наличными. Одну копию сунул в багажник автомобиля, вторую — в тайник на квартире, другие три разложил по разным абонентским ящикам на почте. Оригиналы отнес Джорджии, которая приняла их без комментариев. Икинс уже покинул здание. Но мы не стали разговаривать друг с другом, возможно, офис был напичкан «жучками» — может быть, даже этими забавными штуками, похожими на фишки для покера.

Когда я возвратился домой, Мэтти распаковывал продукты. Сценка выглядела очень по-домашнему.

— Как прошел день? — спросил он.

Не хватало только пары шлепанцев и вечерней газеты. Поскольку я не ответил, Мэтти посмотрел на меня. Забеспокоился:

— У тебя все в порядке?

— Да. Я просто… размышляю кое о чем.

— Ты всегда о чем-то думаешь.

— Ну, эти вещи стоят, чтобы их обдумать.

Мэтти понял. Он замолчал и занялся возней на кухне. Я вышел на балкон и встал у перил, глядя на Мэлроуз-авеню. Холодно и пасмурно, к вечеру опять собирался дождь, за первым штормом надвигался второй. Что там сказал Икинс — ничто не имеет смысла… Однако один момент особенно задел меня. Почему Мэтти не важен для этого дела?

Отсюда напрашивался следующий вопрос: что именно знает Икинс и что он скрывает от меня? И *почему* скрывает? Потому что, если я узнаю… это причинит какой-то вред. Кому? Какой *другой* план сейчас осуществляется?

Очевидно, что мы с ним не на одной стороне. Случалось ли такое раньше? Прежде никогда. Тупиковая ситуация возникла только сейчас. Надо подумать о Мэтти.

Если Мэтти не относится к делу… то грозит ли ему опасность? Конечно грозит! Он исчез. Мы это знаем. Но если он исчез, то почему он не относится к делу?.. Хотя он мог исчезнуть по другим причинам. И если это так, тогда… конечно, он будет полностью бесполезен для дела. Дерьмо!

Но как Икинс это узнал? Черт, способа расколоть его нет. Как бы то ни было, Икинс знает что-то такое о Мэтти. Или обо всех остальных.

Все это имеет какой-то смысл, если, конечно, предполагать, что Икинс говорит правду. А если он поставил своей целью просто сбить меня с толку? Но тогда это возвращает меня к первому вопросу. Что же он замышляет?

Отсутствие ответов на все эти вопросы выводило из себя. У меня не было плана. И ничего, на чем бы мог базироваться план.

Единственное, что я мог придумать, — это продолжать действовать в соответствии со старым планом, который Икинс зарубил на корню, — и не потому, что это хороший план, а потому, что ситуацию следовало форсировать. Если за дело возьмется Икинс… то что?

Когда дождь все-таки пошел, я вернулся на кухню и взглянул на содержимое тарелок. Жареные цыплята. Уже холодные.

— Почему ты меня не позвал?

— Ты думал.

— Хм… ну ты мог бы… — Я замолк на полуслове. Мэтти проявил деликатность. — О'кей.

— Ты хочешь, чтобы я их разогрел?

— Нет, все в порядке. — Я ел молча, чувствуя себя неуютно. Дожевав, отложил вилку и посмотрел на Мэтти. — Знаешь, я просто соображал… Я не знаю, как мне поговорить с тобой.

На лице Мэтти появилось озадаченное выражение.

— Хорошая еда. — Я указал на цыпленка. — Ты умеешь готовить. Я хотел бы сказать, что, когда ты женишься, твоей жене очень повезет. Но так говорить не стоит, потому…

— Когда это говоришь ты, есть разница. Слышать это от тебя — не насмешка.

— Все равно неправильно так говорить. Это унизительно, так?

— Нет. От тебя — нет. Мэтти начал убирать со стола. Я перевел дух.

— Ты?.. — Я замолчал. — Я не знаю, как спросить об этом. Тебя… влечет ко мне?

Мэтти едва не выронил тарелки. Он стоял ко мне спиной, поэтому я не видел выражения его лица, но тело паренька внезапно напряглось. Наконец Мэтти повернулся, чтобы посмотреть мне в глаза.

— То есть хочу ли я быть с тобой?

— Ну да, что-то вроде. Понимаешь, у меня нет прочных связей с людьми. Ни с кем. Ни с мужчиной, ни с женщиной. Я могу принять какое-то предложение. На время. Но только на время. Я всегда… держусь на расстоянии.

— Почему?

Я пожал плечами.

— Это твой ответ?

— Когда ты начинаешь шариться во времени, то запутываешься сам. И оказываешься изолированным от всего. Ты не принадлежишь ни к какому времени и никому из людей. Постепенно ты теряешь интерес к общению. Перестаешь в ком-либо нуждаться.

Мэтти не торопился с ответом. Он снял с плиты кофейник и наполнил две чашки. Принес и поставил на стол сливки и сахар для себя, он уже знал, что я не люблю сладкое. Когда Мэтти размешал кофе, он наконец спросил:

— Почему ты говоришь мне это? Ты хочешь сказать, что я не должен о тебе заботиться, потому что ты не будешь заботиться обо мне?

— Я не знаю, умею ли я о ком-нибудь заботиться. Когда я пробовал, то ничего не выходило. Ну, я и перестал стараться.

— Ты не ответил на мой вопрос. Почему ты говоришь это *мне?*

— Потому… Ну ладно. Ты единственный человек, которому я обязан это сказать.

— А твой отец?

— Это не тот разговор, который я могу вести со своим отцом. Мэтти в замешательстве покачал головой:

— О чем мы вообще говорим?

— О том, что я был бы чертовски зол и расстроен, и огорчен, и раздражен, и разочарован, и даже впал бы в отчаяние — если бы тебя сейчас не было здесь, именно этим вечером, если б я не мог поговорить с тобой… Я бы сидел в одиночестве здесь, на стуле, со стволом пистолета во рту и раздумывал, не нажать ли мне на спусковой крючок. Я знал парней, которые проглотили пулю из собственного оружия. Их размазало по стенке. Мне всегда хотелось узнать, зачем они сделали это. Прежде, не теперь. Теперь я начинаю понимать.

Лицо Мэтти сделалось белым.

— Ты меня пугаешь, Майк.

— Тебе не стоит беспокоиться. Я не собираюсь делать никаких глупостей. Я просто хочу, чтобы ты знал, что сейчас… ты делаешь мне одолжение, оставаясь здесь.

— Это намного больше того, с чем мне приходилось сталкиваться прежде… я не…

Я ласково кивнул ему:

— Малыш, это намного больше того, с чем приходится сталкиваться большинству людей. Поэтому они уходят. Послушай, я подумал: после того, через что ты прошел, ты понял, как чувствует себя тот, кто совершенно одинок. Я явился из такого же одиночества — только из другого времени.

Мэтти рассеянно помешивал ложечкой кофе.

— Эту цитату мы проходили в школе. Иногда она мне помогает. Из Эдмунда Берка. Я не помню, кто он, не важно. Он сказал: «Никогда не отчаивайся; но если уж впал в отчаяние, продолжай работать и в отчаянии».

Я обдумал сказанное.

— Да. Это неплохо. Полезная мысль.

Мы еще немного посидели. Просто Так, без разговоров. Когда я вышел из спальни, то увидел, что Мэтти калачиком свернулся на диване.

— Мэтт? Мэтти?

— Что? — Он повернулся и неуверенно посмотрел на меня.

— Если ты хочешь снова спать в кровати — пожалуйста.

— Нет, все в порядке.

Но какое-то время спустя Мэтти толкнул дверь спальни, неслышно добрался до кровати и скользнул на постель рядом со мной. Что-то в этом было. Не знаю что. Думаю, что он скорее всего тоже не знал.

Дождь закончился, и воздух стал чистым, свежим, искрящимся, как это было прежде, в тридцатые и сороковые. По крайней мере, так говорят. Но в течение двух дней смог восстановиться до прежнего уровня, вызывающего удушье. И дело не просто в миллионе с чем-то двигателей внутреннего сгорания, выделяющих угольный диоксид и прочую дрянь. Лос-Анджелес окружен горами. Это еще называют «эффектом чаши». Свежий воздух не поступает, а затхлый, отработанный не находит выхода. Он не двигается и застаивается. Индейцы называют это место «*el valle de fumar*» — «Долина испарений». Только две вещи очищают город — регулярные весенне-зимние ливни и горячие сухие ветры с Санта-Аны в конце лета. С июня до октября дышать нечем. А Полной грудью можно вздохнуть только в ноябре.

Но сегодня, по крайней мере, погода была прекрасная. Просто день для поездки в «Диснейленд». Я почти предложил это Мэтти, но ему нужно было на работу, и я не стал больше ничего выяснять. Поэтому мы продрали глаза от сна и влились в обычный распорядок жизни этого района, населенного странными людьми.

У нас оставалась неделя до исчезновения Брэда. Я проводил все дневное время, следя за ним, хотя, вероятно, это был дохлый номер. Он работал в книжном магазине для совершеннолетних на Вайн, как раз напротив «Рэнч»-маркета. Иногда Брэд покупал на углу колу и буррито. Обычно он доходил до работы пешком, оставляя мотоцикл припаркованным в маленьком крытом патио перед жилым кварталом. Повредить его байк не трудно. Это удержит Брэда дома. Но не приблизит меня к мистеру Смерть.

Дважды я ездил навестить отца. Во второй раз я отвел его к доктору. Я знал, что ничего хорошего из этого не выйдет, неизбежное не отсрочишь, но я должен был попытаться. Может, так будет немного легче для него. Отец протестовал, но не

слишком сильно. У него уже не оставалось сил, чтобы спорить со мной, как в те времена, когда мне было восемнадцать и я вернулся домой с договором о найме на военную службу. Тогда я, заявив отцу о своем решении, буквально набросился на него с криком: «Ладно, это ошибка, но это *моя* ошибка, а не твоя!» И до тех пор, пока Дункан, шедший в нескольких шагах впереди меня, не вступил на минное поле, я не догадывался, чего, собственно, так испугался мой отец. Но к тому времени я уже умел отключаться от действительности. Ведь страх никогда не поглощает тебя целиком, никогда не доходит до самого нутра. Какая-то часть меня оставалась в убеждении, что это происходит не со мной. И так всегда. В то же время я сбежал оттуда, как только мой контракт закончился.

Сидя за кухонным столом, я еще раз просмотрел фотографии, сделанные Джорджией, и на заметки, в которых она излагала свои соображения по поводу барахла, взятого из кабинета Икинса. Иногда эти предметы имели смысл, но в основном — без преувеличений — они были непостижимы. Единственное, что доказывали все эти вещи: Икинс совершал прыжки в будущее намного дальше, чем кто-либо.

По вечерам Мэтти и я шпионили за Брэдом. Дополнительная пара глаз мне помогала. Первую ночь нашего совместного дежурства мотоциклист начал «У Джино». Там ему не понравилось, и он укатил в «Стампед». Мы припарковались напротив, на стоянке у супермаркета, как раз позади скамьи автобусной остановки, откуда просматривался вход и его мотоцикл. «Стампед» имел запасной вход с заднего двора, но выйти оттуда можно было только на улицу. Мы могли проторчать здесь недолго. Сколько времени займет у Брэда поход в бар? Мэтти пошел в соседнее заведение за пончиками и кофе.

— Если он выйдет до того, как ты вернешься, я поеду за ним. Если меня здесь нет, жди у пирожковой. Как только он где-то приземлится, я вернусь за тобой. Понял? Ни с кем не разговаривай.

Но этот план не пригодился; Мэтти вернулся через пять минут, а Брэд-бой вышел из бара минут через сорок. Он был один. Мы двинулись вслед за ним на восток к Мэлроуз, где он завалился в «МАК».

— Он может пробыть там всю ночь, — сказал Мэтти. — А может только до часа или до двух.

— Откуда ты знаешь? Ты был там?

— С Брэд-боем? Нет, если ты об этом спрашиваешь. Но он никогда не предлагал. И не думаю, что предложит теперь. Все знают, что он за кадр. Типа попользовался и отвалил.

— Да, я понял. Интересно, что, если… может быть, мне пойти внутрь.

— Там только геи, стоящие рядом друг с другом в темноте.

— Как в «Стампеде»? Или «У Джино?»

— Да. Но без одежды. Только в полотенцах.

— М-да.

Мы немного помолчали.

— Ты не можешь попасть внутрь без карточки, — пояснил Мэтти. — В первый раз тебя должен привести кто-нибудь из членов. Если Скотти не понравится, как ты выглядишь, он скажет, что сегодня не наша ночь. Если он пропустит тебя, то даст тебе карточку и объяснит правила. Я, наверное, могу провести тебя.

— Это предложение?

— Я просто пытаюсь помочь. Я задумался.

— Ты часто сюда приходил?

— Не очень. Раза два или три. Мне не нравится, чем там пахнет.

— Не думаю, что это нам очень поможет.

— Почему нет?

— Потому что… Если я правильно понимаю, наш плохой парень не орудует в этом месте. Он должен нападать на свои жертвы где-то еще. В каком-то более укромном месте. Типа домашнего дворика — с зарослями кустарника вокруг дома, на дальней аллее парка или в гараже. Ему надо несколько дней, чтобы… уничтожить улики и остаться незамеченным.

— Значит, мы едем домой?

— Сейчас подумаю. Нам, вероятно, следует подождать. Удостовериться, что Брэд-бой добрался до дому целым и невредимым.

— Мне завтра на работу.

— На заднем сиденье есть одеяло, если ты хочешь попробовать вздремнуть.

— Нет, я не умею спать в машине.

— Мне тоже не хочется здесь сидеть. — Я завел двигатель, выжал сцепление и включил фары. — На сегодняшнюю ночь достаточно.

Вернувшись в квартиру, я отправил Мэтти в спальню, а сам пошел в свой импровизированный кабинет, чтобы напечатать краткий отчет. Обнаружил объект, последовал за объектом, объект зашел внутрь, вышел, продолжил движение, на какое-то время задержался, пошел дальше, ждал, наблюдение прекращено. Я был не обязан все это писать, поскольку дело закрыто и отчет отправлять некуда, но старые привычки отмирают медленно, к тому же всегда полезно иметь подробные записи.

Отчет не отнял у меня много времени, но к тому моменту, когда я улегся в постель, Мэтт уже спал, раскинувшись посредине кровати. Я тихонько подтолкнул его в плечо, и он переместился на свою половину. Вполне благородно и вежливо.

От Мэтти исходило тепло. Он напомнил мне о Шоттане. Шотган обычно любил растягиваться рядом, привалившись ко мне спиной, и мы спади хребтом к хребту. Я отлично понимал большого старого пса — ему нравилось, когда кто-то прикрывает его спину. Однако Мэтти не Шотган и не безобразный щенок. И даже ничего похожего. Зачем я это делаю?

Следующей ночью Брэд-бой остался дома и до десяти вечера смотрел телевизор. Потом выкатил мотоцикл и отправился к Джино. Минут двадцать сидел верхом на байке, болтая с Мэймом, Питчем, Дэйвом, Джереми и еще двумя парнями, чьих имен Мэтти не знал.

— Ты думаешь, это один из них?

— Нет. Они слишком молоды. И они…

— …слишком женственны?

— Да. Слишком женственны.

— Некоторые «женщины» — настоящие сучки…

— Да, я слышал несколько историй про Герцогиню и Принцессу. Но полагаю, что нам не придется беспокоиться насчет них. Они похожи на двух заблудившихся бездельников. Парочка подростков с Пали-хай, подначивших друг друга на визит в клуб геев.

В конечном счете один из этих мальчиков влез на байк позади Брэда, и они умчались на восток по Мэлроуз, по направлению к его квартире. Брэд собирался провести с мальчишкой ночь? Или он через час доставит его назад?

Они вернулись раньше, чем я ожидал. Вероятно, наш Брэд не потратил много времени на прелюдию. Сорок пять минут на все про все. Потом он отправился домой и улегся баиньки. В одиночестве.

В четверг ночью Брэд пошел в кино. Мы сели через три ряда сзади. «Грязная дюжина». В ролях только звезды: Ли Марвин, Эрнест Боргнайн, Чарльз Бронсон, Джим Браун, Джон Кассаветис, Ричард Джекил, Джордж Кеннеди, Трини Лопес, Роберт Райан, Телли Савалас, Клинт Уокер и очень забавный растяпа по имени Дональд Сазерленд.

В пятницу заведение Джино заполонила толпа податливых и одичавших «мальчиков». Брэд, как ни странно, слез с мотоцикла и ринулся внутрь. Мэтти пошел за ним, пока я приватно побеседовал с Джино. Я помахал перед его носом одним из удостоверений частного детектива, которое не вернул Джорджии.

Не знаю, заметила она или нет. И не уверен, надо ли ей было знать о том, что я замышляю. Возможно, у нее и так достаточно неприятностей, а хорошо зная меня, Джорджия и сама легко могла бы догадаться, как все сложится. Я предпочитал выждать и не общаться с Джорджией, пока не накопаю чего-нибудь.

Джино равнодушно взглянул на удостоверение, потом на меня и спросил:

— Что тебе нужно?

— Я слышал, ты мастак по части «гоу-то-гей»? — Джино удивился, он не знал этого выражения. — «Гоу-то-гей»… Ну… если у тебя триппер и тебе нужно имя доктора, если тебе нужна бумага от психиатра, чтобы держаться подальше от армии, ну и так далее. Ты слыхал о связанном с этим криминалом?

— Я знаю несколько человек, — задумчиво сказал Джино. — Парень-проститутка напал на доктора Эллиса и едва не убил его. Скотти впутывали как свидетеля по делу о разных убийствах, и новое местоположение «МАК» на Ла Бреа все время проверяется. Последние пару лет. Чем я могу помочь?

— Ты знаешь своих постоянных посетителей, так? Ты знаешь, кто в порядке, а кто псих. Если появляется кто-то новенький, ты разъясняешь им правила прежде, чем впустить. Ты следишь, кто с кем уходит?

— Каждый уик-энд я вижу здесь толпу мальчиков…

— Брэд Бойд. Ты замечал, с кем он уходит?

— Трудно не заметить. Он всегда заводит двигатель на полные обороты и газует, оставляя за собой клубы вонючего дыма. Сколько раз я просил его не делать этого.

— Можешь приглядеть за ним?

— На кого ты работаешь? На его родителей?

— Нет. Не в этом дело.

— А в чем дело?

— Тут другой случай.

Я вложил в руку Джино пятидолларовую бумажку. Еще одну я заготовил на случай, если этого не хватит. Джино долго разглядывал ее, проверяя.

— Ты не промахнулся.

Он сунул банкноту в карман.

Я наклонился к нему и прошептал:

— Может быть, жизнь этого парня в опасности. Я думаю, за ним будут следить, но твердых доказательств у меня нет. Помоги мне. Ты получишь еще одну такую бумажку.

Джино пожал плечами:

— У меня проходной двор. По выходным здесь всегда толпа народу. Я не могу ничего обещать. Но если что-нибудь замечу,

дам тебе знать.

Я протянул ему карточку. Без имени, только с номером телефона.

— Если никто не ответит, сработает автоответчик. Ты можешь оставить сообщение.

Это произвело на Джино впечатление. Автоответчики были роскошью. Я не стал распространяться, что он принадлежит агентству Харриса и я со дня на день ожидаю, что Джорджия потребует его вернуть.

Мэтти я нашел в полумраке, на стульях рядом с музыкальным автоматом. Брэд катал в углу бильярдные шары. Я потянул Мэтти за собой, и мы сделали вид, что просто интересуемся игрой. Кажется, Брэд тоже был ею захвачен. Его манеру игры я бы назвал рискованной. Похоже, что Брэд разбивал шары сильно и наугад, но он достаточно долго играл в бильярд в этом зале и знал, что делает. Брэд постоянно выигрывал. Три, четыре, шесть партий подряд, а его все еще не побили.

— Почему бы тебе с ним не поиграть? — спросил Мэтти.

— Ну нет. Я не могу ни на что отвлекаться. Нам надо увидеть, как он снимет кого-то или кто-то снимет его.

— Сегодня вечером?

— Скорее все-таки завтра. Я чувствую, хотя, конечно, могу ошибаться, но интуиция мне подсказывает, что наш клиент появится здесь, и завтра вечером. Какие бы чувства он ни испытывал, они должны созреть. Созреть со временем. Если Брэд у него первый, тогда, может быть, сегодня и есть та ночь, которая даст толчок его побуждениям. Но может быть, он еще не вполне готов действовать. И сегодня вечером что-то произойдет. Он найдет в себе… то, что найдет. Скажем так — осмелеет. И завтра наступит та ночь, когда он действительно окажется готов что-то сделать.

— Что, если он снимет кого-то еще?

— Сомневаюсь. Полагаю, что Брэд — первый, потому что он самый легкий вариант. Я думаю, что наш парень изучил его маршруты. Возможно, он еще не готов выдернуть Брэда отсюда, но я думаю, наш объект здесь. Я хочу, чтобы ты вот что сделал. Иди в эту сторону, а я — в ту. Мы оба прогуляемся, просто прошвырнемся и понаблюдаем. Смотри в оба — не увидишь ли ты кого-то, кто произведет на тебя неприятное впечатление.

— Неприятное, в каком смысле?

— Во всех смыслах.

— Слишком старый? Слишком отвратительный?

— Нет. Брэд — потаскушка, но не шлюха. Его ведь не деньги интересуют. Как и ваши «девочки», он хочет кого-то молодого и

привлекательного. Поэтому высматривай кого-нибудь, соответствующего его вкусам, но, возможно, нервного, неуверенного в себе, беспокойного — по чьему виду не скажешь, что он хорошо проводит здесь время. Его одежда или прическа могут выглядеть слегка странными, словно он не ориентируется в современной моде. Он, вероятно, робеет, просто присматривается; у него может быть очень напряженный взгляд или, наоборот, совершенно нормальный. Но я держу пари, что он — кто-то из новеньких, кого ты прежде не встречал, обрати на это внимание. Просто рассмотри поближе каждое необычное лицо и оцени, что ты видишь. О'кей? Я пойду туда. Три или четыре раза обходим зал, потом встречаемся здесь.

Была еще одна вещь, на которую следовало обращать внимание, но Мэтти я не стал о ней говорить. Этот груз ему не по плечу. Мне вообще не слишком хотелось привлекать Мэтти, но мне были нужны его глаза. Он здесь свой. Он понимает этих людей. Я не могу понять их, по крайней мере так же хорошо, как Мэтт. Тут все скрыто во мраке — я не мог подобрать другого слова, — и если существует карта этой земли, то у меня ее нет.

Я дал ему одну зацепку. Искать кого-то, кто выпадает из общей картины. Но Мэтти не понял, что я на самом деле хотел сказать, — думаю, мы имеем дело с действующим на свой страх и риск ходоком по времени, который прыгает по траектории сотрясений. Возможно, он явился из прошлого, десяти- или двадцатилетней давности. Сомневаюсь, что он был из будущего, будущее немного дружелюбнее к гомосексуалистам. Впрочем, не исключено, что культурные сдвиги при переходе из одной действительности в другую могли вызвать у него стресс.

Но если мне придется держать пари, я готов биться об заклад, что преступник — гей с очень дурными пристрастиями. Он жаждет секса с молодыми, но после этого так стыдится того, что сделал, что вынужден заметать следы. Даже если приходится убивать.

В кино убийцы всегда обращают на себя внимание. Это потому, что режиссер подчеркивает фигуру актера ярким или сумрачным светом, выделяя его из толпы людей, стилист колдует над его глазами, делает лицо землистым, перекошенным или мрачно-злобным, и камера снимает злодея с такого ракурса, что все остальные люди вокруг как бы отворачиваются или попадают в тень или просто отступают. В кино легко опознать плохого парня — режиссер подскажет вам, куда смотреть и на что обращать внимание.

В реальной жизни… в реальной жизни все намного хуже. Убийцы выглядят точно так же, как и все остальные люди.

Больными, уставшими, покорившимися судьбе. Они лезут в драку и получают сдачу. Каждый похож на убийцу. А значит, не похож никто.

Парни, которые были здесь… они выглядели как гомосексуалисты, но если не принимать во внимание это их качество и просто смотреть на них, то они казались обычными людьми. Нежные мальчики, «девочки», «самцы», сумасбродные парни, бешеные парни, очень жестокие парни. Но никто из них не похож на мужчин, на взрослых мужчин. Но я ищу того, кто меньше всего похож на этих парней. Мужчина? Может быть. Тот, чей подростковый период уже миновал, но не завершился. А ведь единственный из всех, кто подходит под такое описание, — это я.

На мгновение я позавидовал этому пестрому сборищу мальчишек и их искрящейся школярской свободе. Потому что, по крайней мере пока они сидели здесь, флиртуя и сплетничая, дразнясь и болтая, это было их место, принадлежавшее им, и только им. Если бы где-нибудь в мире существовало такое место, которое я мог бы назвать своим…

Я нарезал четыре круга, пять, дыша тяжелыми запахами марихуаны, «Арамиса»,[169] «клерасила», сен-сена.[170] Прошел мимо Мэтти, следующего другим курсом и изучавшего лица; некоторые парни с ответным любопытством поглядывали на него. Интересно, находят ли они что-то приятное во мне? Маловероятно. Я нервничал. Они смотрели на меня и отводили взгляд.

В конце концов мы вернулись в темный уголок рядом с музыкальным автоматом и обменялись впечатлениями. В ответ на мой вопрос Мэтти покачал головой.

— Толпа студентов-первокурсников из Калифорнийского университета, расположенных потусоваться. Гей, который говорит, что ходит сюда, только чтобы собрать материал для книги; скорее всего это правда. Пара парнишек из Гарден-гроув, один из Сан-Франциско. Гей, который выглядит как коп, но Джино не стал бы светиться при посторонних. К тому же у него из кармана торчит красная бандана. И еще дядя Филси. Его все так называют.

— Который дядя Филси? Ага, вон тот…

Тролль. Приземистый. Лысый. Лет пятидесяти. Склонный к полноте. На губах блуждает хищная усмешка. Бесцельно слоняется среди мальчиков, просто получает удовольствие от зрелища. Симпатичный и омерзительный одновременно. Но безвредный.

— Джино знает его. Говорит, что он в порядке.

— А как насчет парня, собирающего материал для книги? Не

доверяй ему. Все писатели — лжецы и негодяи. А тот человек с банданой?

— Человек с банданой кого-то ищет. Своего сына, мне кажется. Он только притворяется, что ему весело.

— Как ты все это так быстро выяснил?

— Телепатия.

— Что?

— Джино. Мэйм.

— Ага, понял. А вот тот парень, высокий, лет тридцати…

— Уолт? Он — представитель кинокомпании, я думаю. По крайней мере, он так говорит…

— Хорошо. Значит, тебе никто не внушает подозрения? Так?

— Думаю, да. — Пауза. — Лэйн выяснил, что Мэйм говорит всем, будто его любовник наставил Лэйну синяков. Они сейчас на парковке собираются драться. Ты не думаешь…

— Нет. Наш парень ищет «мальчика», а не «девочку».

— Хм… Майк?.. — Тон неуверенный.

— Что?

— Обещай, что ты не рассердишься?

— В чем дело?

— Мэйм думает, что ты мой дружок. Он это всем говорит. Я фыркнул и улыбнулся. На самом деле эта мысль слегка ошарашила меня.

— А что? Может, так оно и есть. Ты живешь со мной. Ты готовишь еду. Ходишь в прачечную. Мы спим на одной кровати. Мы вроде как женаты.

— За исключением того, что мы не занимаемся сексом.

— Послушай, это и доказывает, что мы женаты. Мэтти заморгал. Он не понял.

— Я бы согласился. Если бы ты попросил. Если бы ты…

Я уперся ладонями в стену над его головой, наклонился, и Мэтти оказался зажат между моими руками. Я наклонился ближе, словно собирался шептать ему на ухо. Вместо этого я быстро поцеловал его в щеку. Никто не увидел. Джино скорее всего не осмелился вести открытое наблюдение. Боялся копов.

— Зачем это? — тихо спросил Мэтти.

— Это тебе.

— О! — Теперь он по-настоящему смутился. Мы оба смутились. Он посмотрел на меня, глаза его блестели в полумраке. — Гм… Майк?

— Да?

— Брэд только что вышел на парковку…

— Да, я его видел. — Отчасти по этой причине я убрал руки и выпрямился, замечание относительно Брэда спасло нас обоих. —

Пойдем.

Брэд вышел через дверь во дворик. Мы направились в обход, через переднюю дверь, потом прошли через переулок между арт-галереей и заведением Джино. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как Брэд откатывает свой байк от стены, а кто-то, стоя спиной к нам, ждет, когда можно будет запрыгнуть на сиденье. Как только двигатель мотоцикла заурчал, этот парень влез на байк позади Брэда и обхватил его за талию.

— Ты его узнаешь?

— Нет.

Просовываю голову внутрь через дверь патио.

— С кем он ушел?

— Никогда прежде его не видел, — пожал плечами Джино.

— Черт!

Я помчался к машине, Мэтти побежал за мной.

Мы настигли их на Мэлроуз, Едут к Брэду? Может быть. Однако они повернули на север, к короткой дороге до Ла Бреа, где прячутся маленькие уютные квартирки. Двигаюсь за хвостовыми огнями. Байк тормозит на стоянке на полквартала впереди. Мэтти осторожно вылезает, и мы не спеша идем по узкой улочке. Брэд даже не смотрит на нас. Другой парень на мгновение поворачивается и попадает под свет фонаря. Мы прогулочным шагом проходим мимо.

— А, я его знаю, — говорит Мэтти. — Это Том. Он бреет все волосы на теле. Еще посыпает твою задницу тальком и шлепает по ней.

— Откуда ты знаешь?

— Телепатия.

— Ты с ним?.. Мэтти качает головой.

— Ты ведь не занимаешься этим слишком часто, да?

— Занимаюсь. Если встречу правильного гея.

— Не бывает правильных геев. Как, впрочем, и правильных девушек.

— Это звучит горько.

— Нет, это звучит мудро.

— Надеюсь, я никогда не усвою эту мудрость.

Я заезжаю за угол, паркуюсь, оставляя мотор включенным.

— Итак, ты знаешь этого Тома.

— Никогда не разговаривал с ним, но иногда он тут крутится.

— О'кей, значит, он не наш преступник.

— И что мы делаем дальше?

— После этого Брэд отправится домой, как ты думаешь?

— Вероятно.

— О'кей, тогда мы едем домой.

Мэтти принимал душ, пока я печатал свои заметки. Все то же самое. Ничего нового. Зацепок нет. Нет направления поиска. Нет ключа к разгадке. Я сидел перед машинкой, обхватив голову руками, стараясь сообразить, что же делать дальше. Мэтти просунул в дверь голову с невысохшими волосами, чтобы спросить, хочу ли я кофе. Я покачал головой, и он ушел спать.

Я чувствовал, что от меня несет букетом запахов, подхваченных в клубе. Меня это раздражало. Я разделся и хотел было бросить одежду на пол, но потом сообразил, что Мэтти заберет ее только утром. Я закинул ее в корзину для белья и пошел в душ. Хотелось ли мне на самом деле просто смыть ароматы клуба?

Выйдя из-под горячей воды, я тщательно вытерся. Мэтти повесил мне на вешалку свежее полотенце. Я понимал, почему он так старается. Он хотел, чтобы я позволил ему остаться. Я не высказывался против, но, с другой стороны, мы и не заключали долговременного соглашения.

Обнаженный, я улегся в кровать. Пружины скрипнули. Мэтти тихо лежал рядом, ровно дыша.

— Еще не спишь?

— Нет.

— Я думаю бросить это дело.

— Ты не бросишь.

— Почему?

— Потому что ты терпеть не можешь чего-то не знать.

— Ты проницательный малыш, ты это знаешь?

В ответ Мэтти повернулся, положил руки мне на грудь, прильнул ко мне и нежно поцеловал в щеку. От него хорошо пахло. Свежестью. Потом Мэтти откатился на свою половину кровати.

— Зачем это?

— Это для тебя.

— А.

Это было нечто. Это было наваждение. Что-то происходило. Похожее на мучительные колебания на верхней площадке американских горок — предчувствие неизбежного. Все, что я должен был сделать, — повернуться на бок, Мэтти оказался в моих объятиях, и мы… мы сделали это.

И потом так же быстро наваждение прошло. И мы лежали бок о бок на королевских размеров кровати, которая внезапно стала слишком узкой.

Я встал с постели.

— Все в порядке?

— Не могу уснуть. — Подойдя к шкафу, я стал рыться в

ящиках в поисках чистого белья — оно было аккуратно сложено. Схватил первые попавшиеся под руку трусы и быстро натянул. — Я пойду пройдусь.

Мэтти сел.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

— Нет. — Я сказал это слишком быстро. Повернулся и увидел боль, отразившуюся на его лице. — Мне нужно подумать о деле. А тебе завтра рано вставать на работу.

— Точно? Мне не трудно…

— Точно. — Потом я добавил: — Послушай, это не из-за тебя. Это из-за меня. — Слова выскочили изо рта прежде, чем я успел их удержать. Мэтти выглядел так, словно я ударил его ножом. Из-за угла. Я раздраженно потряс головой. — Господи, я знаю, что это звучит глупо. Но сейчас так все перемешалось, словно я… в зоне сотрясения, только не времени, а чувств. Я жду, пока под ногами появится твердая почва, но трясет все сильнее и сильнее. Не знаю, залезть под стол или выбежать на улицу.

— Позволь мне помочь?..

— Послушай, дорогой. — Я присел на край кровати в незастегнутой рубашке. — Я не хочу причинить тебе боль.

— Ты не причиняешь…

— Уже. Я использовал тебя в своих интересах.

— Нет, неправда. Я здесь потому, что я так хочу.

— Господи ты боже мой! Послушал бы нас кто-нибудь! — Я вцепился рукой в волосы. — Мы говорим так… как будто мы женаты.

— Наша первая ссора?.. — Мэтти ухмыльнулся.

— Мэтти, послушай меня. Наступают серьезные времена. Вокруг меня умирают люди. Я ошибаюсь, люди умирают. Я говорю кому-то, что он в безопасности, а он шагает по минному полю. Я неправильно прочел карту — и мы попадаем в засаду. Я стреляю и убираю не того человека. Тебе небезопасно находиться рядом со мной. Никому не безопасно.

Мэтти неуверенно облизнул губы. Он потянулся и положил ладонь на мою руку.

— Я рискну. — Он нервно сглотнул. — Я никуда не уйду.

— Я же сказал, что ты можешь оставаться, сколько захочешь. Я этого хочу. Но может быть, тебе следует захотеть отправиться куда-то еще. Я боюсь не за себя — за тебя.

— Майк, пожалуйста, не заставляй меня уйти…

— Я не выгоняю тебя, малыш. Только… позволь мне прокатиться и все обдумать. Это дело — в нем есть что-то отвратительное, мерзкое. Оно меня пугает. И я не знаю почему. Все, что я знаю, — оно грызет мне кишки, как будто на крышах

зданий и в подземельях засели снайперы, а все перекрестки заминированы. Ты был прав, когда сказал, что я терпеть не могу, когда чего-то не знаю. Сейчас я просто выйду отсюда, прогуляюсь и осмотрюсь. Даже если я ничего не найду, мне это необходимо.

— Ты уверен, Майк?

— Давай спи. Часа или двух мне хватит. Я встал, заправляя рубашку в джинсы.

В этом районе ночь пахнет чесноком и жасмином. Квартира расположена с подветренной стороны от маленького итальянского ресторанчика, где на медленном огне постоянно кипит соус для пасты с чесноком и травами. Я вырулил на бульвар Санта-Моника и медленно поехал на восток. Было уже поздно. Посредине бульвара на запад тянулись массивные колеи Юнион Пасифик.[171] С тех пор как железная дорога заявила о своем праве на существование, город пользовался этой колеей и все никак не мог ее модернизировать, поэтому каждую ночь тяжелые вагоны на старых дизельных двигателях грохотали по бульвару на всем пути к Западному Голливуду и обратно.

Далее к востоку располагалась целая выставка-продажа развлечений — проститутки, большинство из которых расположились прямо у бордюра. Они притворялись, что хотят ехать автостопом. Ты едешь на запад и подбираешь их к востоку от Ла Бреа, но они не называют маршрут и пункт назначения, пока ты не переедешь через перекресток — здесь кончается юрисдикция города. Вот почему проститутки изображают обычных обывателей; тем, кто занимается подобным ремеслом, не разрешено пересекать улицу. Когда ты оказываешься к западу от Ла Бреа, тогда начинается «парк отдыха с аттракционами» — и ты можешь увезти столько мальчиков, сколько тебе по карману.

Проститутки были худощавые и молодые — в основном мальчики, сбежавшие из дому. Возможно, некоторые из них — наркоманы. Я задумался, почему преступник не выбрал их в качестве мишеней. Может быть, и выбрал. Кто знает? Кого взволнует смерть мальчика-проститутки?

Включил KFWB,[172] ночной диджей играл хит из нового альбома битлов «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера». «День жизни». Они исполняли мелодию так, что сносило крышу. Я неспешно доехал до Гоуэр, где здания становились более приземистыми, старыми и ветхими — второразрядные студии звукозаписи и третьеразрядные издательства, затем развернулся и двинулся на запад.

«Почему мне так паршиво, Мэтти? — спросил я сам себя. — Невероятно паршиво…» — «Потому что, — ответил я. — Потому что потому». — «У-у, намечается интеллигентная беседа». —

«Заткнись. — Потом я добавил: — Потому что я не один из них». — «Да? Тогда к чему все эти слова? Правда в том, что ты боишься, будто так оно и есть».

Я подъехал к обочине бульвара и остановился. Меня трясло. Крышу сносило. Одна моя половинка хотела поехать домой и залезть в постель, другую эта мысль приводила в ужас. Я знал, что если снова окажусь в этой постели, то мне уже никогда не выбраться…

Кто-то постучал в окно машины. Проститутка? Я покачал головой и махнул рукой, отгоняя его. Он постучал снова.

Я нажал на кнопку и опустил стекло. Внутрь просунулась голова Икинса и весело спросила:

— Ну что, достаточно?

Икинс не ждал от меня ответа. Вместо этого он открыл дверцу машины и уселся на пассажирское сиденье. Икинс был не таким, каким я видел его две недели назад. Тот — представительный мужчина средних лет. Этот — молодая версия Икинса, оживленный и легкомысленный.

— Да, достаточно. Черт побери, что происходит?! — Я был готов взорваться.

Икинс пожал плечами:

— Напрасная попытка. Дохлый номер. Ты зря тратишь время.

— Но ведь исчезновения настоящие!

— Да, они на самом деле имеют место.

— Так как же это дело может быть дохлым номером?

— Потому что это я тебе говорю. Хочешь совет?

— Какой?

— Поезжай к своему дружку и отключите дурацкие мозги, вы оба. Забудьте обо всем.

Я взглянул на Икинса:

— Не могу…

— Да, помню, ты это говорил. Очень плохо. Это спасло бы многих людей от неприятностей, особенно тебя.

— Это угроза?

— Майк… ты должен прекратить это дело.

— Я не могу. Я *должен* знать, что происходит.

— Для твоей же собственной безопасности…

— Я могу сам о себе позаботиться!

— Поезжай домой. Ложись спать. Не вмешивайся в вещи, которых ты не понимаешь.

— Так объясните их мне!

— Я не могу.

— Тогда и я не могу прекратить расследование.

— Это твое последнее слово?

— Да.

— О'кей. — Икинс вздохнул. Он вытащил из кармана фляжку и отхлебнул здоровенный глоток. Потом вынул очки с темными стеклами и водрузил их на нос. — Ты не можешь не признать, что я старался. Что ж, попрощайся со своим прошлым. — Икинс прикоснулся к пряжке на поясе, и мир внезапно вспыхнул, а потом замерцал и затрясся так, что меня прошиб холодный пот и затошнило. — Добро пожаловать в две тысячи тридцать второй год, Майк. Перед тобой мир после мира.

Мои глаза слезились от внезапно нахлынувшего яркого света. Все еще была ночь, но теперь она полыхала зарницами огней. На улицах было светлее, чем днем. Я чувствовал себя так, будто меня ударили кулаком в живот, облили ледяной водой, ослепили… и при этом я наделал в штаны.

— Что это, черт побери?!

— Прыжок во времени на шестьдесят пять лет вперед, и он вызвал серьезное времетрясение там, откуда мы прибыли. Ты далеко забрался, Майк. И это для твоей же пользы. Удар весом в шестьдесят лет потянет за собой местное смещение, по крайней мере года на три. Твой «мустанг» прилично весит, и взрыв, который нас сопровождал, имеет большой эпицентр. Так что рябь пойдет до самого Вест-Ковина.

Я никак не мог восстановить дыхание. Физические последствия перехода… эмоциональный шок… ослепляющий свет вокруг… Икинс протянул мне флягу:

— На, выпей. Поможет.

Я даже не собирался спрашивать, что там, — но это был не скотч. По вкусу походило на холодный молочный коктейль с ванилью, но с теплым персиковым послевкусием.

— Что это за чертовщина?.. — Приятное ощущение распространилось по моему телу дрожью облегчения. Я наконец обрел способность дышать.

— Выдаю тебе краткую версию. Путешествия во времени возможны. Но это болезненный и даже опасный процесс. Каждый раз ты пробиваешь дыру во времени, как будто проделываешь отверстие в большой миске с пудингом. Весь пудинг вокруг дырки разрушается и заполняется пустым пространством. Возникает рябь. Вот что вызывает времетрясение. Времепутники.

Это звучало бы как полная чепуха. Если б не доказательства. Движущиеся вывески — огромные экраны с трехмерными изображениями, прозрачные, как оконное стекло, и ослепляющие, как прожекторы. Вокруг нас стоял оглушительный шум уличного движения, огромные рычащие чудовища проносились мимо, вздымаясь над моим, сразу ставшим маленьким автомобилем.

— Дерьмо! И это все *твоих* рук дело?

— В основном. Ладно, заводи мотор и поезжай. Здесь зона с ограниченным временем стоянки. — Икинс жестом указал мне направление. — Езжай на запад в Фэрфакс, там есть санктуарий для машин.

Если бы Икинс не сказал мне, что это бульвар Санта-Моника, я бы его никогда не узнал. Место выглядело как район Гинза[173] в Токио. Или как центр Лас-Вегаса. Я чувствовал себя Алисой, попавшей из Страны чудес в «Диснейленд».

Здания больше не имели прямоугольных очертаний. Они змеились, изгибались, устремляясь вверх. Стояли наклонившись к центру улицы или, наоборот, откинувшись назад. Какие-то штуки торчали из стен под невероятными углами. Некоторые из зданий нависали над улицей в виде арки, расположившись по обеим ее сторонам. Все они были ярко раскрашены в цвета всех оттенков и блистали неоновыми огнями — психоделический ночной кошмар.

Везде висели билборды, в основном движущиеся, — гигантские телевизионные экраны, показывающие обольстительно красивые картины: сверкающие на солнце берега Гавайев, огромные аэропланы, плывущие сквозь подсвеченные рассветными лучами облака, обнаженных мужчин и женщин, женщин и женщин, мужчин и мужчин, плещущихся в струях воды.

Обитатели ночного города щеголяли фантастическим макияжем, ярко накрашенными глазами и губами, их уши окаймлял сверкающий металл, мерцающие татуировки на телах изгибались и пританцовывали. Многие поражали цветом кожи — бледно-голубой, светящейся зеленой, серебристо-серой и нежной бледно-лиловой. Некоторые, кажется, имели светящиеся контуры тела, а другие — хвостики, торчащие из атласных шорт. Мужчины? Женщины? Определить это было невозможно.

— Следи за дорогой, — предостерег Икинс. — У этой машины нет автопилота.

Его замечание покоробило меня, но он был прав. Прямо впереди — я не в силах даже описать это — воздвиглись три яркие вершины, созданные словно из взбитых сливок, невероятно длинные и простирающиеся высоко в небо. Две сотни этажей, может быть, три, а может, даже больше, не могу сказать. Здания? Освещенные проемы (окна?) тянулись на всю высоту сооружений. Разноцветные огни пробегали по ним вверх и вниз на протяжении всех плоскостей. Приблизившись, я смог различить сады и террасы между нижними уровнями башен.

— Что это?

— Эти шпили?

— Да.

— Внизу — офисы и жилье, все, что выше, — это трубы. Жесткие надувные конструкции. Такие же большие трубы идут дальше внутрь страны, от Сан-Франциско во внутренние земли.

— Зачем такие трубы?

— Знаешь, как луговая собачка вентилирует свое логово?

— Понятия не имею!

— Входы в гнездо находятся на разной высоте. Достаточно одного или двух дюймов. Ветер, дующий через отверстия, создает разницу давления. В дырке, находящейся выше, давление немного меньше. Этой разницы достаточно, чтобы протягивать воздух через гнездо. Пассивная вытяжка. Трубы работают по такому же принципу. Ветер затягивает воздух снизу и выбрасывает наверх. Таким образом воздух обновляется, чаша города очищается. Открой окно. Вдохни.

Я опустил стекло и вдохнул аромат цветов.

— Ночью это нельзя разглядеть. Но днем ты увидишь, что почти каждое здание имеет на крыше свой собственный сад — и солнечные панели. В среднем такое здание производит сто шестьдесят процентов энергии, необходимой ему для обеспечения собственных потребностей в течение дня, и таким образом создает достаточный резерв на вечер или для продажи в общую энергетическую систему. При наличии маховиков и топливных батарей, а также внутренних резервов здание может запасти достаточно энергии, чтобы пережить неделю штормов. Здесь сворачивай налево, на пандус парковки. Ищи, куда встать.

— Это Фэрфакс?

— Да, а что?

Верчу головой во все стороны. Я заинтригован. Поражен. Перекресток дорог проходит через фундамент высокого сверкающего здания. Очертаниями оно похоже на Эйфелеву башню, его изогнутые линии устремляются высоко в небо, верхушку венчает большой луковицеобразный набалдашник. Этажей в нем примерно тридцать, возможно больше. На каждом углу перекрестка расположены гигантские прочные опоры; башня доминирует над окрестными зданиями, а поток машин легко проносится под высоко изогнутыми арками. Пандус парковки, на который указал мне Икинс, находится практически в том месте, где когда-то была дверь в «Стампед». А до этого — вход в помещение морга, который потом переехал.

Мы въехали под землю. Икинс указывал дорогу:

— Давай на левый пандус, снова налево и дальше прямо. Здесь. Паркуйся в охраняемой зоне. Эта машина в хорошем состоянии и легко потянет штук на двадцать. Может быть, двадцать пять, если мы выставим твое авто на *eBay*. Через *Google-*

маркет.

— Гм… вы можете сказать это по-человечески?

— Ты можешь выставить машину на аукцион, поместив информацию в информационной сети. Она стоит двадцать — двадцать пять миллионов.

— Двадцать пять миллионов долларов за машину?

— Классический коллекционный «форд-мустанг» шестьдесят седьмого года, с откидывающимся верхом, почти новый. С пробегом меньше двенадцати тысяч миль. Да, полагаю, ты сможешь выручить за него именно столько. — Икинс посмотрел на меня и добавил: — Часть цены набежала за счет инфляции. В ценах шестьдесят седьмого года это примерно полмиллиона, но это не так уж плохо для подержанной машины, на которой ты не сможешь легально проехать ни по одной улице города.

— Такая высокая инфляция!

— Я же сказал тебе, что это мир после мира.

— Мир после чего?

— После всего. Включая Мелтдаун.

— Мелтдаун?..[174] — Прозвучало не слишком приятно.

— Экономика. Спекуляция на «горячих» акциях. Теперь все миллионеры — ланч на двоих в «Макдоналдсе» стоит сто пятьдесят баксов.

— Ого!

— Ты привыкнешь.

Икинс указал мне большое место для парковки, отмеченное красным. Мы вышли из машины, он отодвинул меня назад и проделал манипуляцию с какой-то штукой для управления на расстоянии. Над машиной воздвиглась бетонная коробка, опустившись сверху на красный контур.

— Так. Теперь она в безопасности. Пойдем.

Мы направились к сверкающей нише с табличкой «Вверх».

— И куда мы?..

— Здесь твой новый дом. На некоторое время.

— Что вы собираетесь со мной делать?

— Ничего. Совсем ничего. Я уже все сделал. — Икинс поднес то же дистанционное устройство к уху и сказал: — Дайте мне Брауни.[175] — Короткая пауза. — Да, я привел его. Того, о ком тебе говорил. Нет, без проблем. Я сейчас подниму его наверх. Его немного тошнит… черт, и меня тоже. Я приволок «форд-мустанг». Нет, небольшой. Шестьдесят седьмого года, вишневый. Готовь предложение на продажу. — Икинс рассмеялся и сунул устройство в карман.

Своего рода переносная рация? Может быть, телефон?

Подъемник со стеклянными плоскостями вознес нас по

наклонной стене здания высоко над Западным Голливудом. Двадцать, тридцать, сорок этажей. Трудно сказать. Лифт поднимался так бесшумно и плавно, что движения практически не ощущалось. Дверь открылась в фойе, похожее на вестибюль небольшого отеля, частного и очень дорогого. Мы вошли в галерею с очень высоким потолком, вдоль которой в два или три уровня располагались сады и жилые помещения. В длинный неглубокий бассейн с лилиями и золотыми рыбками размерами с доброго терьера широкой радужной полосой изливался водопад. В воздухе пахло тропиками.

— Нам куда?

— Налево. Не беспокойся. Нам принадлежит целый этаж. Здесь никто не появляется без разрешения.

Двойные двери разъехались и скользнули внутрь при нашем приближении.

— Снимай ботинки, — распорядился Икинс. — И оставь их здесь.

Он ввел меня в комнату, показавшуюся чрезмерно большой, и указал в направлении ряда беседок, окруженных зарослями папоротника и аквариумами с рыбками.

— Что это за место?

— Это убежище.

— Убежище?

— В вашем понимании — отдых и укрытие. В нашем — что-то вроде госпиталя.

— Я не сумасшедший.

— Конечно нет. Речь идет об ориентации на новом месте. Об ассимиляции. — Икинс указал на диван. — Садись. — Он пошел к стойке и налил в два стакана какой-то напиток. Скорее всего ту же самую ванильно-персиковую штуку. Икинс передал мне один стакан, а сам отхлебнул из второго. Потом уселся напротив. — На твой взгляд, насколько трудно человеку из тысяча девятисотого года понять тысяча девятьсот шестьдесят седьмой?

Некоторое время я обдумывал вопрос. Не дождавшись ответа, Икинс заговорил сам:

— В тысяча девятисотом обычный средний человек не имел электричества, не пользовался отоплением. В доме не было туалета. Не было водопровода, воду приходилось качать насосом. Он не знал автомобиля, радио, телевизора. И телефона. И, как правило, не удалялся от места, где родился, более чем на десять миль. Как по-твоему, такому человеку можно объяснить мир тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года?

Я поскреб в затылке. Интересный вопрос — и я не в первый раз вел такую беседу. Времепутаники, пусть даже

перемещающиеся во времени на короткие промежутки, частенько выпадают из обычной жизни.

— Ну, с телефоном, я думаю, в тысяча девятисотом году кое-кто мог быть знаком. Возможно, и с радио. Да, беспроволочный телеграф существовал… Вероятно, человек той эпохи понял бы, что такое радио. И если ему доступно радио, то и с телевидением он разобрался бы. И автомобили — они тогда были, хотя и в небольшом количестве, — поэтому они его не удивят, так же как и асфальтированные дороги, и уборная в доме. И может быть, аэропланы тоже. Множество людей тогда работали над этим.

— Ладно. О'кей. Ну а если взять не сами изобретения, а их побочные эффекты? Думаешь, он примирился бы со скоростными автострадами, сплошным потоком машин на дорогах, фастфудом, торговлей подержанными автомобилями? Ты смог бы описать аэрограф, чтобы он понял, что такое граффити?

— Я полагаю, что все это можно было бы ему объяснить.

— О'кей. А как насчет не столь очевидных эффектов цивилизации? Союзы государств, интеграция, права женщин, контрацепция, социальная страховка, медицинский полис?

— Возможно, понадобилось бы какое-то время. Я думаю, все зависит от того, как много он захотел бы понять.

— А как насчет нацизма, холокоста, Второй мировой войны, коммунизма, «железного занавеса»? Ядерного оружия? Разрядки напряженности? Асимметричного удара?

— Все эти вещи также можно объяснить.

— Ты так думаешь? О'кей. Теория относительности. Экология. Психиатрия. Это как? А также джаз, свинг, рок-н-ролл, хиппи, психоделики, наркотики, оп-арт,[176] поп-арт, абсурдизм, сюрреализм, кубизм, нигилизм? Кафка, Сартр, Керуак?

— Это немного сложнее. Я думаю, даже намного сложнее. Но…

— Как научить этого среднего человека, что необходимо принимать ванну или душ каждый день, а не раз в неделю, по субботам? Как ты думаешь, понравятся ли ему шампуни, дезодоранты и полосатая зубная паста?

— Полосатая паста?

— Это появится позже. Ты думаешь, он все это примет? Или сочтет, что мы все — сборище сверхпривередливых и жеманных мелких фокусников?

— Валяйте дальше. Мне кажется, людям из тысяча девятисотых годов это вполне по плечу. Они не глупы, у них просто не было доступа к водопроводу или водонагревателям и…

— Речь идет не о технологии. А о тех трансформациях сознания, которые технологии производят в обществе. Люди

могут достаточно легко воспринимать технические новшества, но социальные эффекты… Вот о чем я говорю. Сколько времени нужно, по-твоему, чтобы приспособиться к изменениям в обществе, происшедшим за шестьдесят пять лет?

— Не знаю. — Я пожал плечами. — Какое-то время. О'кей, я уловил суть дела.

— Хорошо. Итак, сколько времени понадобится, прежде чем с тобой можно будет говорить о биологическом топливе, ненасыщенных жирах, персональных компьютерах, оперативной памяти, операционных системах, сотовых телефонах, интегральной диагностике, теории информации, искусственном интеллекте, устройствах на магнитной подушке, туннеле под Ла-Маншем, эгоистичных генах, эволюционном прерывистом равновесии, компьютерных играх, теории хаоса, теории катастроф, эффекте бабочки, квантовой интерферометрии, производстве микросхем, голографии, генной инженерии, ретровирусах, иммунодефиците, расшифровке генома, телемаркетинге, цифровой обработке изображения, мегапикселях, телевидении с высоким разрешением, дисках «блю-рэй», квантовой криптографии, кладистике, палеоклиматологии, нечеткой логике, глобальном потеплении, обмелении океанов, клонировании стволовых клеток, сверхсветовых переходах, пневмонике, оптических процессорах, системах жизнеобеспечения, фуллеренах, карбоновых нанотрубах, орбитальных подъемниках, экстази, черных нанодырах, виртуальных сообществах, компьютерных вирусах, телекоммуникации, сверхзвуковых самолетах, реактивных двигателях, лекарствах избирательного действия, имплантах, допинге, нанотехнологиях, хай-фай технологиях, спутниковой связи… Я вскинул руки, защищаясь от словесного потока.

— Хватит, хватит. Я же сказал, я уловил суть.

— Я только разогревался, — усмехнулся Икинс. — Я не зашел дальше две тысячи двадцатого года. И я даже не упомянул изменения, происшедшие в общественной жизни. Понадобится год или два, чтобы объяснить, что такое культурные резервации, экологические парки, семейные контракты, ролевой менеджмент, половой шовинизм, религиозный геноцид, дома на колесах, личные развлекательные парки, скейтбордисты, детская наркомания, детекторы лжи, игры на проигрыш, андеграунд, отчуждение людей, рок-культура, блафферы, экстремалы, секс по Интернету, «взгляд изнутри», многоканальность, фобии, очистка памяти, пластроны, эльфомания, Чужие, виртуальная реальность, кларкианская магия, сайты глубокой разработки, модельеры тела…

— Думаю, кое-что из последнего я видел…

— Видел, да не понял. Ты хочешь изменить свою внешность? Хочешь быть выше? Короче? Тоньше? Более мускулистым? Хочешь изменить пол? Сексуальную ориентацию? Хочешь податься в гермафродиты или моносексуалы? Реорганизовать свои вторичные признаки? Приобрести новый пол? Усы и сиськи? А хвост хочешь? Рога? Функционирующие жабры? Может быть, усилить свои чувства? Интеллект? Или быстро восстанавливать запас жизненных сил после шестичасовой эрекции?

— Нет, пожалуй, я пропущу, спасибо. Усиление интеллекта, надо же…

— Цена…

— Больше двадцати пяти миллионов?

— Дело не в деньгах. И мы даже не коснулись изменений, происшедших в политике и экономике.

— Например?

— Например, распада Соединенных Штатов Америки…

— *Что?!*

— Сейчас ты находишься в Республике Калифорния, которая включает в себя штаты Орегон и Южный Вашингтон. Остальная часть континента также существует, правда, мы не любим особо о ней упоминать. Шестнадцать других местных администраций, не считая покинутых территорий и семи провинций Канады, имеют совместный оборонительный договор на случай, если мексиканцы опять начнут военные действия, но это маловероятно. Не переживай. Мировая система совместными усилиями подверглась серьезной глобализации, вплоть до две тысячи тридцать девятого войны не предсказано, к тому же война будет в Азии с ограниченным участием нашего военного контингента. Тем временем мы легализуем тебя как беженца из времени. Большинство старых записей сохранилось и оцифровано. У нас есть свидетельство о твоем рождении. Ты абориген. Поэтому у тебя не возникнет проблем с внесением в списки граждан. С другой стороны, ты беженец, и тебе надо будет обратиться с просьбой о выдаче разрешения на работу, визы и, со временем, натурализации.

— Я не останусь здесь…

— Ты не можешь вернуться назад.

— Я не могу здесь оставаться. Вы уже показали мне, как далеко я зашел. Что, если я пообещаю не вмешиваться?..

— Ты уже нарушил обещание. Три раза. Тебе нельзя доверять. В любом случае в то время ты больше не попадешь. — Икинс глубоко вдохнул и выдохнул. — Знаешь, ты на самом деле козел. Ты сделал кучу пакостей всем и особенно себе. Мы *были готовы*

перевести тебя за границу. После окончания твоего испытательного срока. Это должно было произойти через год, самое крайнее, через два, в твоем времени. Теперь я не знаю. Я не знаю, что нам делать с тобой. На самом деле это зависит от тебя.

— И какой у меня есть выбор? Икинс пожал плечами:

— Посмотрим, что скажет Брауни.

Он вновь вытащил свое дистанционное устройство и что-то сказал в него. Через некоторое время в комнату вошел еще один человек. Да и человек ли?

У Брауни была медно-золотистая, словно сделанная из металла, кожа. Черные глаза, лишенные белков. И тело совершенных пропорций, двигающееся с кошачьей грацией танцора. Одежда Брауни состояла из шорт, жилета и мокасин. Моделирование тела? Нет, что-то другое…

— Здравствуйте, Майк, — сказал он глубоким контральто. Не мужским и не женским, а как бы и тем и другим сразу. Брауни протянул мне руку. Я поднялся, прикоснулся к ней и крепко сжал. Его кожа была теплой на ощупь. — Немного постойте ровно, пожалуйста.

Брауни отпустил мою руку и медленно обошел вокруг меня. Потом вытянул ладони и, держа их наподобие антенн, так же медленно провел ими вокруг моей головы, шеи, груди, живота, паха. Когда он закончил, то, повернувшись к Икинсу, сказал:

— Предварительные результаты сканирования хорошие. Он здоров. Здоров настолько, насколько можно ожидать от человека из его времени. Мне придется уложить его в поле повышения резервов, прежде чем мы примем какое-либо решение. Но это пока терпит.

Внутри него что-то резко щелкнуло. Я повернулся к Брауни в несказанном изумлении.

— Ты робот!

— Общий термин — дроид, сокращение от андроида.

— Ты способен чувствовать?

— Способность чувствовать — это иллюзия.

Я посмотрел на Икинса, ожидая объяснений. Он ухмыльнулся:

— Я уже не один раз слышал эти речи. — И одарил Брауни ироническим взглядом.

Брауни принялся объяснять:

— Разум, то есть способность воспринимать информацию и адекватно на нее реагировать, существует как продукт жизненного опыта. Опыт зависит от памяти. Память нуждается в последовательности и связности. Связность требует общей системы значений и отбора образцов из текущих моментов

существования. Общая система значений требует мета-уровня непрерывности, которая, в свою очередь, требует защиты этого процесса. Общая система значений также нуждается в долговечности. Долговечность императивно выражается в личности. Личность складывается из памяти и опыта. Когда память и опыт накапливаются, личность создает собственное сознание, как область охраняемую и защищаемую. Поскольку личность — это функция памяти, то именно личность отдает приказ сохранить память и опыт, следовательно, сама актуализирует память и опыт, как необходимые для ее существования компоненты. Так мы приходим к уровню рудиментарного сознания, который должен быть достигнут прежде, чем возникнет понятие «чувствовать». Сознание начинает осознавать себя только тогда, когда оно создает иллюзию способности чувствовать, — то есть, коль скоро вы поняли общее понятие «способность чувствовать», вы думаете, что это имеет для вас значение. Следовательно, стратегией искусственного интеллекта также становится симуляция способности чувствовать. Это окончательный аргумент. Не только логический, но неизбежный в теории сознания вывод.

— Ты в это веришь?

— Я ни во что не верю. Я имею дело только с видимыми глазу, измеряемыми, проверяемыми и повторяемыми феноменами. Жизнь сама по себе пуста и бессмысленна. Человеческие существа, однако, продолжают изобретать смыслы, заполняющие эту пустоту.

Я открыл рот, чтобы ответить, но промолчал и повернулся к Икинсу, не будучи уверен, стоит ли сердиться или задавать вопросы. Икинс рассмеялся:

— Я сказал тебе. Я уже слышал эти речи. Как и все, кто познакомился с дроидом. Этим можно заниматься часами. У каждого из них собственная точка зрения. Имей в виду.

— О'кей. Вы меня убедили. — Я снова сел и одним долгим глотком покончил с ванильно-персиковым коктейлем. — Мне нечего здесь делать. Я должен вернуться.

— Это невозможно.

— Возможно. Проделайте этот фокус с пряжкой на ремне… Икинс покачал головой.

— Чего вы от меня хотите? Что я должен сделать, чтобы вернуться?

— Я от тебя ничего не хочу. Ты уже перестал быть полезным для нас. И я уже говорил, ты не можешь вернуться.

— Почему?.. Почему… Вы же говорили, у меня есть выбор?

— Ладно, Брауни говорит, что ты здоров. Продав машину, ты

получишь достаточно денег на жизнь — если мудро вложить их в дело и вести скромный образ жизни. Через какое-то время ты сможешь внести несколько сэкономленных баксов на обновление тела. Как у беженца из времени, у тебя не будет недостатка в поклонницах… или поклонниках…

— Хватит нести вздор. Вы меня разыгрываете.

— Вовсе нет. — Икинс встал. — Не разыгрываю. И я не собираюсь принимать решение сегодня. Ступай. Ложись спать. Мы поговорим после завтрака.

— Мы поговорим *сейчас.*

— Нет, не поговорим. Твоя спальня там. Икинс направился к выходу.

Двери разошлись, пропуская его, но затем мягко сомкнулись прямо перед моим носом. Я повернулся к Брауни.

— Рекомендую вам поспать. Провести всю ночь на ногах и повторять одно и то же — принесет вам мало пользы.

Он проводил меня в спальню.

Там был балкон, откуда открывался впечатляющий вид на причудливый и необычный городской ландшафт. Но в этот раз все, что окружало меня, было причудливым и необычным.

Я изучил обстановку. Одна стена спальни как бы представляла собой окно, выходящее на серебристый луг, на который с горизонта лился голубой лунной свет. Может быть, это что-то вроде проекционного экрана? Или, может, невероятный, размером со стену, плоский экран телевизора, изображение на котором можно менять? Впечатляет. Но как этим управляют, мне понять не удалось.

Туалет размерами превосходил мою кухню на Мэлроуз. Шкафы, полки и вешалки с одеждой — барахла здесь было больше, чем можно пожелать и даже сносить в течение жизни. Непривычные материалы. Туфли — блестящие и не блестящие. Носки мягкие на ощупь, как пушистые облачка. Штаны различных размеров и цветов. Рубашки цветастые, переливающиеся, обтягивающие, просторные. Юбки — непонятно, кому они предназначены, мужчинам или женщинам. Меня посетило ощущение, что это не важно и люди здесь носят все, что им нравится, без оглядки на моду, каждый изобретает собственный стиль. Нижнее белье, трусики, ночные сорочки — все выглядело привлекательно. Мэтти бы здесь понравилось. Мэтти. О черт!

Черт, черт, черт, черт, черт, черт! Дерьмовая ситуация.

Я должен вернуться. Если Икинс не отправит меня обратно, я где-нибудь раздобуду карту временетрясений. Выход должен быть!

Я стащил с себя одежду и кинул ее на пол. Паукообразный робот деликатно подобрал ее, всю зараз, дождался, пока я сниму

трусы, затем поспешно удрал. В прачечную, как я понимаю.

Душ я не нашел, вместо него отыскалось нечто, оформленное как беседка с тропическими растениями. Я вошел внутрь, и голос Брауни объявил:

— Я бы рекомендовал душ-наслаждение с полным обслуживанием и обеззараживанием. Вы позволите?

— Да, черт возьми. — Обеззараживание? Что он имеет в виду? У меня что, вши?

В тот же миг беседка наполнилась вибрирующими струями мыльной пены, ароматизированной запахами лимона и ананаса. Три маленьких хоботка выползли откуда-то сверху и принялись отдельными мыльными струйками мягко массировать мои волосы и кожу головы. Когда я повернулся и наклонил голову, желая рассмотреть их, они переместились вместе со мной. Очень странные ощущения.

Другие хоботки появились из стен и пола и направили струйки мыльного раствора в подмышки и пах, некоторые активно терли пальцы ног. Под ступнями пол тоже начал вибрировать, крошечные упругие струйки массировали подошвы. Действительно, полный сервис!

Струи чистой воды смыли всю пену, затем вокруг меня стремительно закрутился водоворот теплого воздуха, удалявшего влагу с кожи. Хоботки над головой выстреливали собственными потоками мягкого тепла, осторожно высушивая мои волосы. Весь этот эксперимент занял менее пяти минут, и я вышел из беседки, прислушиваясь к приятным и странным ощущениям. Большая часть волос у меня на теле смылась напрочь. Подмышки. Грудь. Пах. Упс. Это, должно быть, часть *полного* сервиса. Я встал на позицию среднего человека из тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года. Действительно, сверхпривередливые и жеманные мелкие фокусники.

Я подумал о пижаме или хотя бы о ночной сорочке, но все, что находилось в шкафах, мог бы носить Мэтти, а никак не я.

Одежда была слишком мягкой, мягче, чем хлопок, мягче, чем шелк или нейлон. Из чего она сделана, я не понял. Я отвернулся, и шкаф закрылся сам, со стуком втянув ящики.

Поиски зубной щетки также не увенчались успехом. Но в наличии имелась луковицеобразная штука на шланге, прикрепленном к металлическому держателю. Я взял ее, и она зазвенела у меня в руке. Голос Брауни объявил:

— Это зубная щетка. Положите ее в рот на тридцать секунд.

Черт побери! Он что, за мной подсматривает?

Я неохотно последовал совету. Эта штука, чем бы она там ни была, выплюнула мне в рот приятную на вкус пену,

завибрировала или зажужжала — и, должно быть, что-то высветлила, поскольку, глядя в зеркало, я увидел, что мои щеки ярко блестят изнутри, но это было не больно, только немного приятно пощекотало. Каким-то образом она удалила всю пену, и мой рот наполнился мягким всплеском освежающей воды. Потом щетка зазвенела еще раз и затихла. Я попробовал сплюнуть остатки, но во рту ничего не было. Да, вот *это* действительно странно. Хотелось бы, чтобы мне объяснили, как устроено сие чудо инженерной мысли.

Так и не одевшись, я обошел комнату, не зная, что, собственно, ищу. Робот-паучок выгрузил содержимое моих карманов и аккуратно разложил его на ночном столике. Все, за исключением кастета. Мне давали понять, что здесь эта штука совершенно бесполезна. Я подозревал, что в обязанности Брауни, помимо программирования душа, входит и многое другое. Если он на самом деле личный слуга, тогда он еще и личный телохранитель. Но только не мой.

Кровать оказалась столь же заковыристой, как и душ. Матрас был твердый, но не тяжелый. Простыни из того же мягкого материала, что и белье в шкафу, только разные. Не знаю, как описать. Вместо верхней простыни и шерстяного одеяла в постели находилось нечто легкое и стеганое, вроде из этой же ткани, но только толще и пушистее. Также не поддающееся описанию, но очень уютное.

Вообще, все — обольстительно уютное. Для людей, которые привыкли к такого рода роскоши. Вот в чем суть.

Казалось бы, этому не стоит придавать особого значения. И в то же время значение имело *все.* Предположим, человек из тысяча девятисотого года попадает в тысяча девятьсот шестьдесят седьмой — что мы станем делать? Все возможное, чтобы он чувствовал себя непринужденно. Включая… защиту от мира, который он не может понять, в котором ему будет трудно существовать и, вероятно, даже выжить.

Чистые простыни, горячая ванна и симпатичные картинки на стенах создадут впечатление роскошного отеля.

О'кей, все так. Но зачем? Часть этой бессмыслицы крылась в объяснении, которое Икинс мне так и не предоставил. Почему он отобрал у меня работу? Почему выдернул из моего времени? Почему он не хочет спасти этих мальчиков?

И что это был за испытательный срок? При чем тут отправка за границу?

Внезапно меня осенило…

Я сел в кровати, пораженный мелькнувшей мыслью. Теперь я уже в любом случае не засну. Так происходило всегда, когда я

понимал, что близок к разгадке…

— Компьютер? — сказал я в пространство, чувствуя себя при этом чрезвычайно глупо. Но что мне оставалось?

— Да? — откликнулась голосом Брауни пустота.

— Брауни?

— Я — интерфейс системы персонального обслуживания. Чем могу вам помочь?

— Гм… О'кей. — С этим еще предстоит разобраться. — Эта стена с картиной — это ведь не телевизор, да? Это что-то вроде большого информационного экрана, как в «Стар Треке»? Экран компьютера?

— Это многофункциональное устройство для вывода данных. Что вы желаете узнать?

— У вас есть банки данных — например, материалы старых газет? Или какая-нибудь библиотека? Можешь показать мне кое-что из истории?

— У меня есть девять внутренних каналов подключения ко всем общедоступным уровням Интернета, а также к различным частным сетям.

— Я не понимаю, что это означает.

— Скажите, что именно вы желаете знать?

— Дело, над которым я работал. Ты можешь показать мне материалы?

— Я могу только ознакомить вас с информацией шестидесятилетней давности. Мне не разрешается предоставлять вам доступ к материалу, в связи с которым может возникнуть фактор риска и измениться обстановка на местах.

— Гм… О'кей… отлично. У тебя есть информация о деле, которое я вел, когда меня вытащили из моего времени?

— Да.

Изображение луга пошло рябью, и стена стала белой. На ней возникли фотографии пропавших мальчиков, расположенные в два ряда, под каждой приведена дата исчезновения. Двенадцать юношей. Мэтти среди них не было. Почему его нет? Потому что он не относится к делу? Почему? Почему, черт возьми, не относится?

— У тебя есть их школьные дела? Или документы из колледжа?

На экране появилось отображение множества документов; экран изменил их размеры.

— Что вы ищете? — спросил Брауни.

— Нечто одинаковое для всех. Связующее звено. Взаимосвязь между ними. Общие условия. Я знаю, что их исчезновение имеет какое-то отношение к клубу геев-подростков, но подлинная ли

это связь? Что, если есть еще что-то? Какие-то их интересы? Таланты? Какой у них «ай-кью»?

Брауни, казалось, испытывал колебания. Может ли компьютер колебаться? Человеческие существа — да, конечно, но компьютер вроде не должен. Если он не обладает способностью чувствовать. Или не притворяется не способным. Или не думает, что способен. Или не питает иллюзий… Черт, теперь» на этом зациклился. Брауни так все запутал!

— Уровень интеллекта у всех выше среднего, — наконец сказал он. — Уровень одаренности начинается со ста тридцати одного. Ваш «ай-кью» — сто тридцать семь, поэтому вас выбрали. У других юношей «ай-кью» от ста одиннадцати до ста сорока трех.

— Спасибо! Что еще?

— Двое из них бисексуалы, с легким предпочтением связей с тождественным полом. Пятеро — преимущественно гомосексуалисты с редкими гетеросексуальными связями. Трое — исключительно гомосексуалисты. Еще двое — латентные транссексуалы.

— Продолжай.

— У них есть круг общих интересов, который включает классическую музыку, анимацию, программирование на компьютере, научную фантастику, полеты в космос, фэнтези, ролевые игры, и далее уже второстепенные увлечения.

— Рассказывай остальное.

— Большинство из них склонны к застенчивости и уединенному чтению. Они до некоторой степени чужие среди сверстников, не обладают физической силой и практически не вовлечены в жизнь своих сообществ. Я мог бы оперировать терминами «программер» или «ботаник», но боюсь, что в ваше время эти слова еще не вошли в употребление.

— Да, я понял. Депрессии? Склонность к суициду?

— Смотря с каких позиций оценивать. Такие данные вычленить не просто. Говоря беспристрастно, большинство из этих молодых людей наделены такими свойствами личности, что окружающие люди держались от них на определенной дистанции. Но не из-за умственных отклонений или депрессии, нет. Дело в другом.

— Как бы ты это охарактеризовал?

— Каждый из них, в той или иной степени, обладает ярко выраженным стремлением к творчеству. Но в их время не существовало соответствующих способов и механизмов дли реализации их желаний. Они мечтают о том, что невозможно создать.

— Они все такие?

— В целом да. Вот этот, — яркая линия очертила одну из фотографий, — ему нравится писать фантастические рассказы. А вот этот — Брэд Бойд — хорошо разбирается в технике. Пристрастился чинить двигатели. Еще один любит фотографировать. У этого интерес к электронике. У всех хороший потенциал; большое разнообразие способностей, которые при соответствующей учебе и практике могут отлично развиваться.

— Так-так… А что ты можешь сказать про их семьи?

— Только трое из них поддерживают связь со своими семьями; на момент исчезновения эти трое жили одни или с соседями. Двое проживают совершенно отдельно от родителей. Двое живут с мужчинами-партнерами, но в отношениях, близких к разрыву. Еще двое находятся в воспитательных домах. Один — в доме реабилитации для наркоманов. Один — в коммуне. Последний вообще бездомный.

— А учебу в колледже они могли себе позволить?

— Только трое из них посещали полный курс обучения. Четверо учились в вечернее время. Остальные целый день работали, чтобы иметь деньги на жизнь.

— Давай вернемся к их семьям. Они — как это называется?.. Дисфункциональные? Неблагополучные?

— Только у двух объектов прочные семейные связи. У троих — оба родителя умерли или уехали из штата. Четверо объектов из дисфункционального окружения. О трех последних информация неполная. Но это все вы уже знаете. Это было в тех досье, которые вы читали.

— Но это не вяжется с тем, что ты говорил раньше. — Какой там термин использовал Икинс? Нечеткая логика? — Это нечеткая логика.

— Нечеткая логика тут ни при чем. Сейчас этот термин не используется. Но я понял, что вы имеете в виду. У вас нет способа измерить информацию. Вы можете опираться на чувства, интуицию, ощущения, но у вас нет базиса для оценки данных, поскольку ни такой информации, ни инструментов для ее исследования в ваше время не существовало.

— Отлично. Спасибо. — Я помолчал, размышляя. — Я ничего не упустил? Есть что-нибудь еще, что мне необходимо знать об этих парнях?

— Есть несколько интересных деталей и наблюдений. Но вы сможете найти их в выборке данных.

— Спасибо, Брауни.

Я вернулся в кровать. Подушка сама подползла мне под голову. Ну-ну, как в фильме ужасов. Я уставился в потолок, размышляя. Я был слишком взволнован, чтобы заснуть. Кровать

начала колебаться мягкими, волнообразными движениями. Почти как утроба матери. Приятно. Завораживающе. Я почувствовал, что расслабляюсь…

Утром экран показывал оранжевые дюны, ослепительной голубизны небо и первые лучи света, расползающиеся в стороны по безжизненным пескам. Веселенькое изображение, очень подходит для пробуждения. Хотелось бы мне знать, кто или что подбирает такие картинки и чем при этом руководствуется.

Моей собственной одежды в шкафу не оказалось. Я попытался подобрать что-то из висящего на вешалках, потом бросил это занятие.

— Брауни? Что мне надеть?

Несколько предметов немедленно выскользнуло из шкафа, предлагая свои кандидатуры. Я забраковал юбки и килты. И цветастые рубашки тоже. Выбрал одежду, которая выглядела наиболее нормальной — на мой вкус, — из того, что обнаружилось. Нижнее белье… О господи… Я вытаращил глаза и взмолился, чтобы мне никогда больше не видать *такого*. Хотя едва ли это возможно. Вероятно, я не скоро выберусь отсюда. Много у них еще подобных фокусов?

Ни рубашки, ни штаны не имели пуговиц и молний или других приспособлений, которые я мог бы классифицировать как застежки. Вещи мягко застегнулись сами, без моего вмешательства. Магниты, может быть. Хотя магниты не регулируются автоматически. Я немного поэкспериментировал с рубашкой, запахивая и распахивая ее, но так и не понял принцип действия.

Я вышел на балкон и посмотрел вниз на улицы. В поисках новых чудес. Ни понять, ни описать их было невозможно. Некоторые вещи даже не слишком изменились. В других было что-то неправильное — например, в том, как они отражали свет… Или я просто не понимал, что именно я вижу. Помимо всего прочего, внизу плавало множество трехмерных иллюзорных предметов. Некоторые походили на движущийся транспорт и казались небезопасными.

— Если вы собираетесь прыгнуть вниз, то у вас ничего не получится. Все балконы имеют предохранительные сетки.

— Спасибо, Брауни. Я и не думал прыгать.

— Мистер Икинс ждет вас в столовой. Завтрак на столе.

В столовой находилась стойка, заставленная подносами. Я обнаружил там яичницу, сосиски, желе, томатный сок, свежие фрукты в ассортименте, включая некоторые разновидности, которые я не распознал, и нечто, что могло бы называться ветчиной, — если бы не было такого кричаще-розового цвета.

Брауни наполнил для меня тарелку. Я сел напротив Икинса, наблюдая, как Брауни наливает нам сок и кофе.

— Как тебе нравится еда? — спросил Икинс.

— Очень нравится, — покивал я. — Но что это? — Я ткнул вилкой в розовое.

— Ветчина, — пояснил Икинс. — Клетки ветчины пластами нарастают на коллагеновой основе. При ее производстве не страдает ни одно животное. И это намного полезнее, чем мясо, которое употребляли в твое время. Ты знаешь, что одной из причин возникновения рака было случайное встраивание ДНК — генетического материала — из поглощаемой пищи? А в этом продукте содержатся только протеины, от генов он очищен. Здорово, правда?

— Почему она такая розовая?

— Потому что некоторые люди любят этот цвет. Ты можешь заказать зеленую, если захочешь. Детям нравится. Фрукты — это банан, папайя, манго, киви, ананас, клубника, личи и китайская дыня. Брауни выбрал плоды попроще. Вообще я предлагал нечто более экзотическое. Насчет простоты — это его идея.

— Перестаньте. Вы просто пускаете мне пыль в глаза. Икинс положил вилку на стол.

— О'кей. Ты меня подловил. Я просто пускаю пыль в глаза.

— Я все-таки расколол это дело.

— Правда? — Он аккуратно отхлебнул кофе из чашечки. — Сегодня утром ты весьма самоуверен.

— Те молодые люди — они не слишком соответствовали своему времени, так?

— Кто знает? — фыркнул Икинс. — Ты вот, например, никогда не соответствовал никакому времени, куда тебя ни отправляй.

— И более того, они — отщепенцы, мечтатели, «ботаники» и парни, изнеженные, как девчонки. У них огромный потенциал, но нет места, где они могли бы реализовать его. Нет в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году. Варварское время, не так ли?

— Хуже некуда, — согласился Икинс, держа кофейную чашечку обеими ладонями и словно согревая их. — Огромные надежды и такой же огромный идеализм. Все это быстро растоптали. Если угодно, дерьмовый год. Ожидание шестьдесят восьмого, или шестьдесят девятого, или семидесятого. В шестьдесят девятом было три подъема и пять спадов, чертовы американские горки. Семьдесят четвертый оказался намного хуже, но там сплошной спад и в конечном счете все же подъем. Но не такой, как хотелось бы. Семьдесят девятый — просто дерьмо. И восьмидесятый я тоже никогда особенно не любил. Две

тысячи первый был слишком мрачный. Но две тысячи одиннадцатый еще хуже. Две тысячи четырнадцатый… Думаю, мы могли бы поспорить, что…

Я пропустил мимо ушей словесный поток относительно истории будущего. Икинс явно старался сбить меня с толку. Заставить сомневаться.

— Их не убивали, — продолжил я. — И убийцы никакого не было. *Вы* забрали их оттуда. Это охота за талантами.

Икинс поставил чашку на стол.

— Ты потратил чертовски много времени, чтобы выяснить это.

— Вы их похитили.

— Мы *собрали урожай.* Между прочим, по их доброй воле. Они для этого созрели. Мы просто показали им открывающиеся возможности и предложили шагнуть во времени.

— Но вы выбирали только тех, кто согласится?.. Икинс кивнул:

— Наши психометристы хорошо работают. Мы не беремся за дело, если на девяносто процентов не уверены в его исходе. Мы не желаем положить начало городским легендам о загадочных «людях в черном».

— Думаю, такие истории уже в ходу. Что-то ведь привело к появлению НЛО.

— Да, мы знаем об этом.

— О'кей. Итак, вы рекрутировали этих парней. И что дальше?

— Мы понемногу их продвигаем. Не слишком быстро. И не так далеко, как тебя. Мы не хотим вызвать у них травмы от темпоральных перемещений. Мы перенесли их туда, где им будет предоставлено намного больше возможностей для развития. Кстати, ты хочешь встретиться с Джереми Вейсом? Его квартира здесь. Ему как раз исполнилось пятьдесят семь, на этой неделе он и Стив празднуют двадцать вторую годовщину совместной жизни. Они поженились в Бостоне, в мае две тысячи четвертого, в первую же неделю легализации однополых браков. Вейс там работал… конечно, я не могу тебе сказать, над чем. Но дело было серьезное. — Икинс вытер рот салфеткой. — Итак? Все? С этим делом покончено?

— Нет. Еще кое-что.

— Я слушаю.

— Все это не объясняет, почему вы вывели меня из игры. Вы сказали, что я на испытательном сроке. Ладно, хорошо, это тест. Это мой последний экзамен, да?

Икинс приподнял брови:

— Интересное соображение. Почему ты думаешь, что это

тест?

— Потому что если вы хотели просто отобрать у меня это дело, если все, что вы хотели, — это удержать меня от вмешательства, то вы должны были забросить меня в тысяча девятьсот семьдесят пятый год и оставить там.

— Ты мог бы вернуться назад при откатах времетрясения.

— Мог бы. Но это нелегко. Без хорошей карты. Ну ладно, задвинули бы меня в тысяча девятьсот восьмидесятый год или восемьдесят пятый. По вашим собственным расчетам, на каждые три года прыжка вниз расходуется год субъективного времени. Я потрачу двадцать лет, чтобы выбраться из вашей тюрьмы, но это не выведет меня из строя. Однако, перенеся меня так далеко вперед — как вы сделали прошлой ночью, — вы добились другого эффекта. Я настолько далеко от своего времени, что являюсь социальным инвалидом, нуждающимся в постоянном уходе. Вы выбили меня из колеи. И сделали это преднамеренно. Отсюда вопрос: в чем ваша цель? Очевидно, во мне самом — другой выгоды для вас здесь нет. Значит, это должен быть тест.

Икинс снисходительно кивнул:

— Что ж, звучит логично. Можешь задать мне следующий вопрос. Раз ты такой хороший детектив.

— Вы не ответили на предыдущий.

— Скажем так: тест еще не закончен.

— Много осталось?

— О, все еще впереди. Мы только разогреваемся.

— Хорошо. Поехали дальше. Здесь я вам не нужен. Мы оба это знаем. Но я могу вернуться и принести там намного больше пользы.

— Какой именно пользы?

— Какой-нибудь. В том, что для вас наиболее необходимо.

— И что, по-твоему, нам необходимо?

— Задания. Вы знаете, что я имею в виду. То, для чего вы меня нанимали. Заказы, которые не обсуждаются.

— И ты думаешь, что мы хотим поручить тебе такого рода работу?..

— Этот ответ сам собой напрашивается, не так ли?

— Нет. Не все ответы очевидны.

— Я хороший детектив. Я это доказал. С некоторыми из этих ваших штук я буду самым лучшим. Вы могли бы дать мне микрокамеры, объективы для съемки с увеличением, приборы ночного видения… все, что, на ваш взгляд, необходимо. Я не стану просить у вас компьютер или что-то из ряда вон выходящее. Каких размеров сейчас компьютеры? Они занимают целую комнату или как?

— Вот наглядный пример непонимания глобальных перемен в обществе, — засмеялся Икинс.

— Что вы имеете в виду?

— Мы можем снабдить тебя компьютером, умещающимся в спичечном коробке.

— Вы шутите…

— Отнюдь нет. Мы действительно можем производить маленькие микросхемы. Их гравируют на алмазных платах с помощью гамма-лучей.

— Они, должно быть, дорого стоят…

— Дорого стоит ланч в «Макдоналдсе». Компьютеры дешевы. Мы штампуем их, как фотографии. Три доллара за штуку.

— Черт возьми… — Я не сразу опомнился от потрясения. Повернулся, чтобы посмотреть на Брауни. — Это то, что у тебя в голове?

— В голове у меня основные сенсорные устройства. Логические процессоры в груди. Мгновенная реакция за счет оптических связей. Мои зарядные устройства — в тазобедренной области для выравнивания баланса центра тяжести. Я могу показать вам схемы…

— Благодарю покорно. — Я вскинул руки. Повернулся к Икинсу. — О'кей, я вам верю. Но это не меняет сути. Есть вещи, которые вы не можете сделать в шестьдесят седьмом, а я могу это сделать за вас. Поэтому мой вопрос: что я должен сделать, чтобы вернуться? В чем на самом деле заключается мой испытательный срок?

— А как ты отнесешься к лоботомии? — ухмыльнулся Икинс.

— Что?

— Ну, не в прямом смысле. «Лоботомия» — это сленговый термин, употребляемый для обозначения принципиальной переориентации устойчивой склонности к агрессии. С отцом Мэтти, например, ты поступил не слишком умно. Совершенно непродуктивные действия.

— Он не имел права бить мальчишку…

— Не имел. Но ты думаешь, что, разбив ему нос и доведя до микроинфаркта, ты чего-нибудь добился?

— Впредь он не будет распускать руки.

— Есть другие способы. И намного лучше. Ты хочешь их изучить?

Я взвесил обстоятельства и кивнул.

— Ты меня не убедил, — покачал головой Икинс.

— Чего вы от меня добиваетесь? Что именно я сказал не так?

— Я не могу тебе подсказывать. Эту часть задачи ты должен решить сам.

— Вы все еще меня проверяете?

— Я все еще не обнаружил того, что ищу. Ты хочешь продолжить?

Я откинулся на спинку стула. Пока итоги не радуют. Тупик. Огляделся вокруг. Почесал нос. Вновь посмотрел на Икинса, сидящего с бесстрастным выражением лица. От него помощи не дождешься.

— Ненавижу такого рода беседы. Я рассказывал вам, как я однажды избил психиатра?

— Нет. Но мы это знали.

Сосредоточив внимание на тарелке, я стал ковыряться во фруктах. Отложил те, которые не распознал. Все чересчур, слишком много еды, слишком много питья, слишком много надо усвоить. Это подавляет.

Все, чего я хочу, — попасть домой.

— О'кей, — сказал я. — Расскажите мне о Мэтти. Почему он не относится к делу? Почему он не в списке?

— Потому что не подходит по профилю. Это одна из причин, почему ты раньше не уловил характер дела. Ты упорно пытался включить его туда.

— Но он же исчез.

— Он не исчезал.

— Нет, он…

— Он совершил самоубийство.

— Он что?!. — Я в ярости вскочил со стула. Озноб прошиб меня до костей.

— Через три недели после того, как мы тебя забрали. Ты не вернулся. Срок аренды квартиры истек. Ему некуда было идти. Он запаниковал. Он был уверен, что ты бросил его. Он впал в непоправимое отчаяние.

— Нет! Минуточку… Он не делал этого! Не мог. Иначе как бы он попал в досье, которое дала мне Джорджия?

— Джорджия не знала. Никто не знал. Его тело не было опознано вплоть до тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года. Идентифицировать его смогли только двадцать лет спустя, проведя сравнительный генетический анализ с ДНК матери.

Я направился к двери, притормозил и круто развернулся.

— Я должен вернуться домой. Я должен…

— Иди-ка сюда, Майк. Садись. И заканчивай завтрак. У нас много времени. Если мы придем к соглашению, то вернем тебя назад точно в тот же момент времени, откуда взяли. Минус «мустанг», разумеется. Необходимо покрыть затраты на операцию.

— Это хорошо. Я смогу достать другую машину. Только

отошлите меня назад. Пожалуйста.

— Ты еще не прошел тест.

— Послушайте, я сделаю все, что вы скажете…

— Все?

— Да.

— Почему?

— Потому что мне необходимо спасти жизнь этому парню.

— Почему? Почему этот мальчик так важен для тебя?

— Потому что он — живой человек. И способен страдать. И если я могу сделать что-нибудь, чтобы прекратить эти страдания…

— Это недостаточная причина, Майк. Это *почти* недостаточная причина.

— …он мне дорог, черт вас побери! — Это был первый человек, про которого я мог так сказать, после того как шагнул на минное поле во Вьетнаме.

— Он тебе нравится?

— Да!

— Сильно? Сильно ли он тебе нравится?

— Так сильно, что мне необходимо его спасти! В какие игры вы со мной играете?!

— Это не игра, Майк. Это последняя часть теста. Я сел. Казалось, что молчание длится бесконечно.

— И она связана с тем, как сильно мне нравится?.. Икинс кивнул.

— …нравится Мэтти?

— Мэтти, да. Ну и… кое-что еще. Но давай сосредоточимся на Мэтти. Он — ключевая фигура.

— О'кей. Послушайте. Забудьте обо мне. Делайте со мной что хотите, что вам вздумается. Но этот парень тоже заслуживает шанса. Я не знаю, какой у него «ай-кью». Может быть, он не гений. Но он многое перенес. Возможно, будет страдать еще. И если вы можете что-нибудь сделать…

— Мы не можем спасать всех…

— Вы можете спасти этого парня. Я могу спасти его.

— Ты его любишь?

— Что значит «любовь» в отношениях с?..

— Все.

— Я не понимаю… в каком смысле…

— В каком смысле? Ты даже не смог выговорить это слово.

— С гомосексуалистом. Пожалуйста. Счастливы?

— Ты стал бы гомосексуалистом, если б смог?

— Что?!

Теперь пришла очередь Икинса наградить меня

раздраженным взглядом.

— Помнишь тот длинный список, который я отбарабанил тебе вчера вечером?

— Да. Нет. Кое-что.

— Там было одно слово, которое я пропустил. Трансчеловек.

— Трансчеловек?

— Точно.

— Что это означает?

— Это означает — в настоящий момент — переходную стадию между человеком и тем, кем он станет в следующей фазе развития.

— А кем он станет?

— Мы не знаем. Мы создаем его. Впоследствии узнаем.

— И гомосексуалисты — часть этой задачи?

— Да. Так же как чернокожие. И женщины. И модельеры тела. И все остальное. — Икинс резко наклонился ко мне. — Твое тело сейчас здесь, в две тысячи тридцать втором году, но твоя голова застряла в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом. Если мы хотим как-то использовать тебя, мы должны встряхнуть твои мозги. Послушай меня. В нынешнюю эпоху проектирования полов, текучей ориентации, моделирования тела и других экспериментов над человеческим существом, всем плевать с высокой колокольни на то, кто что делает, и с кем, и почему. Самая идиотская вещь на свете — беспокоиться о том, что происходит в чьей-то спальне, особенно если в твоей не происходит ничего. Прошлое было варварским, и будущее не должно быть таким. Хочешь понять суть? Вот она, суть. Жизнь слишком коротка, чтобы заниматься ерундой. Жизнь состоит в том, что происходит между двумя людьми, в том, как много радости вы можете принести друг другу. Дошло? Отлично. Проповедь окончена.

— Это и есть трансчеловек?..

— Это один из побочных эффектов. Жизнь состоит не в том, чтобы те пути, которые мы прокладываем, отделяли нас друг от друга, а в том, чтобы они, наоборот, связывали нас. Самое большое социальное изменение, происшедшее за последние пятьдесят лет, заключается в том, что, хотя мы не выяснили, как приходить к единому мнению, мы научились ценить и уважать чужую индивидуальность. Поэтому у нас есть общие интересы, дающие нам возможность жить как цивилизованное общество.

— Для меня это звучит как абсурд. Жвачка от психиатра.

— Я не спрашивал твоего мнения. Я всего лишь информировал о том, что может быть для тебя полезно. Ты хочешь вернуться и спасти Мэтти. Я рассказываю тебе, как

именно.

— И это часть того, что…

— Могло бы быть. *Именно такой частью.* Психометрическое соответствие у вас хорошее. Если ты захочешь жениться на нем, мы заберем его сюда прямо сейчас.

— Не понял… Я что-то упустил?

— Ты упустил *все.* Начнем с этого. Наши права ограничивают наши действия. Да, у нас есть права. Официальная миссия. Обязательства по сохранению ценностей.

— Кто вы в таком случае? Что-то вроде полиции времени?

— Тебе следовало спросить меня об этом с самого начала. Нет, не полиция. Мы независимые агенты.

— «Комитет бдительности» во времени?

— Времепутаники. *Настоящие* путаники, не та житейская мелочовка, которой ты занимаешься. То, что мы делаем, слишком важно, чтобы довериться какому-либо правительству или политической партии. Поэтому у нас есть обязательства. Ну ладно, это часть теста. Угадай, в чем состоят наши обязательства. Когда ты с этим разберешься, остальное станет очевидным.

— О'кей. Итак, давайте договоримся прямо сейчас. Я взял обязательство спасти Мэтти. Ваше слово?..

— Мы можем это сделать — в рамках программы содействия членам семьи. Мы защищаем супругов наших детективов. Но мы не распространяем сферу действия программы на одноразовых партнеров.

— Мэтти не одноразовый партнер. Он…

— Он кто?

— Он подросток, который заслуживает, чтобы ему дали шанс.

— Так дай ему шанс! — Икинс подтолкнул ко мне лежащую на столе коробочку с лекарствами.

До этого момента я не замечал.

Я взял ее и открыл. Две голубые пилюли.

— Как они действуют?

— Тебя поджарят в гриле.

— Издеваетесь?

— Они сдвинут твою сексуальную ориентацию. Это займет несколько недель. Реорганизуют химию мозга, перенаправят комплексную сеть траекторий и значительно расширят твой репертуар сексуальных откликов, так что влечение к тождественному полу сможет подавить запрограммированные и жестко зафиксированные запреты. Ты примешь одну таблетку и обнаружишь новые территории на своем эмоциональном горизонте. Другую дашь Мэтти, и это создаст индивидуальную феромонную связь; вы оба окажетесь на одних и тех же позициях.

Повернетесь лицом друг к другу. Ты будешь с ним связан. Крепкими узами.

— Вы меня разыгрываете!

— Нет, не разыгрываю. Принципиальной разницы ты не почувствуешь, но диапазон твоих сексуальных пристрастий станет намного шире, ты получишь новые возможности.

— Вы пытаетесь мне сказать, что любовь есть всего лишь химический процесс?

— Жизнь — всего лишь химический процесс. Вспомни, что сказал Брауни? Она пуста и бессмысленна, за исключением тех моментов, когда мы создаем этот смысл, чтобы заполнить пустоту. Ты хочешь наполнить свою жизнь? Это придаст ей значительную долю смысла. И счастья тоже. Какого рода смысл хочешь изобрести ты лично? Не желаешь ли ты сказать мне, что в твоей жизни до сего момента все было замечательно? Я положил коробочку на стол.

— Нельзя отыскать счастье в таблетках. Икинс выглядел опечаленным.

— Я провалил тест, да?

— Часть его. Ты сказал, что должен спасти Мэтти. Ты сказал, что сделаешь все, что угодно… — Он многозначительно посмотрел на коробку с таблетками.

— Я должен подумать об этом.

— Минуту назад ты говорил, что сделаешь все. Я полагал, ты отдаешь себе отчет в своих словах.

— Да, отдаю, но…

— То есть «да», но «нет»?.. Я в упор посмотрел на него:

— А вам самому когда-нибудь приходилось?..

— Да, я принял голубую таблетку. И розовую принял тоже. И все остальные. Я познакомился с этим всесторонне, если ты об этом спрашиваешь. Здесь много забавного, если ты хочешь знать. Если ты собираешься быть полезным для нас в своем времени, в нашем времени и когда бы то ни было, ты должен выкарабкаться из плена собственных предрассудков.

Я встал. Подошел к балкону. Я посмотрел в небо, где невероятно огромный самолет изящно двигался на запад к аэропорту. Я повернулся и взглянул на Брауни — невозмутимого и снисходительного. Посмотрел на Икинса. На дверь. И на коробочку с таблетками на столе. Часть меня колебалась. Я могу взять таблетку. Это будет не слишком трудно. Возможно, это легкий выход — путь, предложенный Икинсом. Я не мог придумать веских причин, по которым не могу это делать.

Но это не весь тест. Это только *одна часть.* Только надводная часть айсберга.

— О'кей. — Я повернулся к нему. — Я догадался.

— Валяй.

— Джорджия дала мне задание. Четыре задания. Я должен был доказать свое желание работать в системе. Это был первый тест на способность выполнять обязанности. Но когда я сказал, что не хочу больше работать на систему, это была следующая часть теста. Не из-за принципиального нежелания убивать — всякий может нанять киллеров. На мой взгляд, важнее преодолеть побудительные причины к убийству. Все подталкивало меня к тому, чтобы стать киллером, но сегодня я сделал выбор — не убивать.

— Хорошо, — сказал Икинс. — Продолжай.

— Вы искали не убийц. Вы искали телохранителей. И не просто обычных телохранителей, которые умеют драться и присматривать за детьми, — вам нужны были профессионалы, которые спасают жизни не потому, что умеют, а потому, что хотят это делать. И весь этот тест, все это дело с Мэтти, — это поиск такого типа охранников, как я. Точно?

— Это только один из способов взглянуть на проблему, — сказал Икинс. — И это неправильно. Вспомни, что тебе говорили, — что Мэтти не часть *этого* дела. Он совсем другое дело. *Твое дело.*

— Думаю, что я понял. Икинс кивнул:

— Итак, послушай — дело в следующем. Честно говоря, мне наплевать, примешь ты таблетки или нет. В этом нет необходимости. Мы пошлем тебя назад, и ты сможешь спасти своего парня. Все, что нам действительно нужно знать о тебе, — принял бы ты эти таблетки, если бы тебя попросили… или тебе приказали, или потребовали, или если бы это было абсолютно необходимо для успеха твоей миссии. Мы знаем, что ты взял на себя обязательства спасать жизни. И нам нужно знать, как далеко ты можешь зайти.

Я кивнул. И не ответил. Я отвечу, но не сейчас. Снова повернулся к окну и посмотрел в небо, где сейчас не было ни аэропланов, ни шпилей, ни грандиозных всполохов света. Я подумал о поцелуе. Мэтти поцеловал меня в щеку. И этот момент… ладно, назовем это страстью. Я подумал о том, что мог бы чувствовать, если бы принял таблетку. С помощью этой штуки я мог бы действительно начать чувствовать по-новому. Черт возьми! Безобразных щенков тоже надо любить. Это не может быть хуже, чем то, что я чувствую теперь.

Я обернулся и посмотрел на Икинса:

— Это ведь будет больше чем прекрасная дружба, правда?

— Мои поздравления, — ухмыльнулся он. — С этого момента

ты — наш новый сборщик урожая.

Лиз Вильямс
La Malcontenta[177]

Самая холодная ночь в году в Зимударе — ночь, в которую проводится праздник Омбре,[178] или Зимнее Прощание, если ты молод и презираешь старые наречия. Матриархи знают, как предсказывать такие вещи, как читать неуловимые знаки, прячущиеся в поземке и сосульках, в застывающих в воздухе клубах дыхания и в похрустывании ледяной корки на великих каналах.

В центре Зимудара, первого города на Марсе, в метеоритном кратере, подарившем городу его название, стоит крепость: громада из остекленевших камней, белых, как кость, и красных, как бьющееся сердце. А на вершине крепости, в башне, такой высокой, что с нее видно все, от базальтовых стен до затуманенных далью, но сияющих склонов Олимпа, замерла женщина. Четыре стеклянных окна располагались с четырех сторон от нее. Женщина стояла перед жаровней и под колоколом. Ее руки прикрывали трехслойные перчатки: тонкая мембрана из шелка плевеловых червей, выдубленная лисачья кожа и пара шерстяных митенок, связанных бабушкой. Но, несмотря на это и на потрескивание углей в жаровне, руки женщины оставались холодны.

Когда мороз открыл ей свои приметы, она торопливо повернулась, едва не опрокинув жаровню, кинулась к окнам, распахнула их, впустив облако ледяного воздуха, от которого заворчали угли, и трижды ударила в колокол. Он зазвенел, раскалывая холод. И не успело еще эхо умереть, как женщина, Эссегью Харн, сбежала по лестнице в теплые недра башни. Один за другим шипели и затихали угли.

Это случилось незадолго до рассвета, в голубоватом мерцании, предшествующем восходу солнца. Весь Зимудар слышал колокол, кроме одной женщины, и весь Зимудар, кроме одной женщины, ответил. Женщины сбросили стеганые покрывала и кинулись к лоханям умываться, а затем, все еще облаченные в ночные сорочки, помчались по лестницам в мансарды особняков или на чердаки общинных хижин за костюмами, забытыми за год, за все шестьсот восемьдесят семь минувших дней. Из сундуков и коробов появились маски, изображающие созданий Эры Детей и Потерянной Эпохи: вытянутые мордочки канюль или узкие прелестные рожицы демошей и гейзеллей. Женщины примеряли их, смеялись друг

над другом и вдруг смолкли — маски в сочетании с толстыми ночными рубахами показались им ужасно глупыми.

Во Второй Час были извлечены платья: изящные изделия из шнуров и металла, кожи и жесткого бархата, алые, золотистые, аметистовые, изумрудные, темно-синие и перламутровые. Затем женщины Зимудара отложили костюмы и, лихорадочно-возбужденные в этот короткий день, принялись печь сладкие пышки и сдобные булочки для предстоящей ночи, с нетерпением дожидаясь сумерек.

Эссегью Харн, все так же поспешно, вернулась в особняк Калмаретто; расположенный неподалеку от крепости. Женщина торопливо шагала по улицам, и снег под ее башмаками превращался в лед и вновь рассыпался кристаллами под ударами колышущегося края тяжелого плаща. Она думала о празднике, о своей подружке Вэнити, которую планировала соблазнить сегодня ночью (хотя, конечно, быть соблазненной — еще лучше)… И пыталась не думать о сестре.

Добравшись до Калмаретто, женщина, не мешкая, прижалась лицом к замку. Включился инфракрасный сканер, считывающий с ее зрачка энграмму[179] души. Дверь открылась, и Эссегью шагнула в водоворот подготовки к празднеству.

Обе ее матери кричали друг на дружку, на служанок, а потом, даже не сделав передышки, завопили на Эссегью:

— …не хватает сахару, и гемомона мало?! Почему ты не заказала больше?!

— …на лучшем платье Кантили пятно, она отказывается надевать его даже под меховую мантию…

— И я нигде не могу найти половник!

Эссегью отмахнулась от гвалта. Она лишь спросила:

— А Стриг?

В доме мгновенно повисла напряженная тишина. Матери уставились на Эссегью, потом переглянулись.

— А что с ней?

— Сами знаете, — ответила женщина. — Вам придется выпустить ее. Сегодня ночью.

Наверху, в недрах особняка, в слепом сердце Калмаретто, сидела Стриг Харн. При рождении ее нарекли Леретью, но это имя больше не принадлежало ей: ее лишили имени, *отстригли* от него, и теперь имя Стриг стало единственным именем, которое она могла носить. Она не знала, что сегодня день Омбре, потому что звон колокола, разбуженного ее сестрой, не пробился сквозь стены Калмаретто. Не видела она ни суеты и суматохи на улицах,

ни конькобежцев, снующих туда-сюда по Меньшему Каналу, потому что ей запрещалось появляться в комнатах с окнами. Книги дозволялись, но не письменные принадлежности, дабы она не нашла способ передать послание.

При этой мысли губы Стриг насмешливо искривились. Пытаться написать записку не имело никакого смысла, поскольку та единственная персона, кому она могла бы предназначаться, не умела читать, ни при каких обстоятельствах не научилась бы и едва ли когда-либо общалась с кем-то, кто умеет. Но матери Стриг не желали допустить даже малейшей возможности отправки письма, потому-то Стриг и не разрешали видеться с ее младшей сестренкой Кантили, ибо та была достаточно молода, чтобы посчитать происходящее романтичным, и не важно, сколько раз матери внушали ей, что Стриг — преступница, грешница и извращенка. Иногда Стриг разрешались встречи с Эссегью, да и то лишь потому, что ее склад ума был схож с материнским.

Обычно Эссегью заглядывала к сестре раз в неделю, хотя Стриг с трудом вела счет дням. И все равно она удивилась, когда дверь, зашипев, открылась и в каморку, усыпая пол снегом, хлопьями падающим с уличной одежды, вошла Эссегью.

— Эссегью? — Стриг отвернулась и не поднялась навстречу гостье. — В чем дело?

— Сегодня канун Омбре. Я сказала нашим матерям, что тебя надо выпустить, когда гонг возвестит закат.

Рот Стриг приоткрылся, и она уставилась на сестру.

— Выпустить? И они согласились?

— Им ненавистна сама мысль об этом. И мне тоже. Но это последнее оставшееся у тебя законное право, древний обычай, и выбора у нас нет.

Стриг, медленно и недоверчиво, переспросила:

— Мне разрешат выйти? В маске и костюме?

Эссегью, опершись о подлокотник кресла сестры, подалась ближе и заговорила, резко и внятно:

— Ты должна понять. Если ты воспользуешься карнавальным нарядом, чтобы бежать из города, наши матери пойдут к Матриархам и потребуют эскадрон женщин-стрижей. За тобой начнется охота. Город, конечно, с сумерками закроется, и если кто-то попытается уйти — об этом узнают. И если что-то попробует проникнуть внутрь — тоже.

— Я не стану бежать, — прошептала Стриг. — Куда я подамся?

— К тому, что привело тебя в нынешнее положение. Стриг коротко, хрипло рассмеялась, точно закашлялась.

— Действительно, куда?

— В горы, зимой? Ты умрешь от холода, не пройдя и половины долины Демнотьян. А даже если доберешься до гор, то что? Мужские остатки разорвут тебя на куски и сожрут так быстро, что ты ничего не успеешь почувствовать. — Эссегью скорчила гримасу. — Возможно, и тот будет в их числе. Я слышала, для них все женщины на одно лицо.

Стриг опустила взгляд. Минуту обе сестры молчали.

— Я уже сказала, что не попытаюсь сбежать.

— Маска ждет тебя. — Эссегью крутанулась на каблуках и удалилась, оставив дверь открытой.

Стриг не кинулась сломя голову прочь из комнаты, она просто уставилась на темный проем. Об этом дне она мечтала с того вечера, когда началось ее заключение, — вот уже шестьсот восемьдесят семь дней. Тот Омбре во всем походил на любой другой праздник, повод для веселья и гуляний. О чем она думала тогда? Разве что о любовном свидании с Сильвани Морель, подругой по колледжу. Сейчас она удивлялась тому, что надеялась заполнить этим внутреннюю пустоту. Она не ожидала встречи с тем, что выступило из-под моста Изгиба.

Чернота открытого дверного проема казалась такой же густой, как пространство под мостом в тот день, но Стриг шагнула в нее, заколебавшись лишь на мгновение.

Маску эту она помнила с детства: круглая, ласковая мордочка кратерной кошки. Маска и была детской: несколько последних лет ее носила Кантили. Сейчас, однако, в сундуке лежала только она. Стриг натянула через голову платье — парчу приглушенных красно-черных тонов, — а затем медленно надела маску. Из зеркала на нее смотрела кошка; она выглядела ребенком-переростком, а не женщиной, которую когда-то прозвали «мятежницей». Она отдернула скомкавшуюся ткань, прикрывающую дно сундука, но короб был пуст. Ни следа другой маски: удлиненной узкой головы цвета полированной кости, украшенной мозаикой трещин и выбоин. Тщетно женщина обшаривала все складки. Пришлось убедить себя, что она не испытывает никаких чувств.

Когда Стриг повернулась, чтобы спуститься вниз, в дверь, пританцовывая, вошла гейзелль.

— Тью, это ты? Да? — Гейзелль всплеснула руками и крепко обняла Стриг.

— Я. Только не называй меня Тью. — Слово прозвучало, как плевок. — Это больше не мое имя.

За последние месяцы Кантили выросла: она уже почти

догнала сестру. Стриг почти забыла этот пронзительный голосок, похожий на свист пара, вырывающегося из носика кипящего чайника. Внезапно ей показалось, что где-то в глубине ее собственного горла застряла ледышка.

— Ты идешь? Эссегью сказала, наши матери выпускают тебя на Зимнее Прощание. Это правда? Ты должна бежать, Тью. Ты должна попробовать найти его.

— Я не уйду, Кантили, — сказала Стриг, но, едва произнеся обещание, поняла, что лжет.

— А может, верно говорят, что лисаки похищают душу? Что они входят в тебя так, что ты уже не можешь думать ни о чем другом?

— Нет, это неправда, — возразила Стриг, но и в этом она не была больше уверена. Она сжала руку сестры и вывела девочку за дверь.

«Я не уйду». Но лучше сулящие гибель горы, чем комната без окон. Лучше быстрый чистый мороз. Напрасно она позволила запереть себя, но тогда ее оглушали горе, смущение и непонимание. Сейчас же есть время подумать, чтобы все стало ясным, как морозный день.

— Поговорим попозже, Кантили. — Она торопливо обняла сестру. — Спускайся. Я присоединюсь к тебе через минуту.

Как только сестра вышла, Стриг сорвала со стены пару коньков и замерла, глядя на длинные изогнутые полозья. Затем, держа коньки за шнурки, сбежала по лестнице вслед за девочкой.

У дверей, глядя вверх, стояли все: Эссегью, Кантили, матери. Прошло несколько секунд, прежде чем Стриг разобралась, кто из трех женщин кто. Эссегью держалась чуть в стороне, скрестив ноги под затейливыми складками платья. Что до матерей, так Шера ниже, значит, под маской демоши — Аллегетта. Прежде чем спускаться дальше, Стриг обвела взглядом их всех. Женщины молчали. Когда Стриг добралась до последней ступеньки, ее матери повернулись и распахнули двойные створки, ведущие на улицу. В прихожую хлынула зима. Во тьме бил гонг, извещая о полуночи, наполняя улицу и дом звоном, который показался Стриг, привыкшей к тишине лишенной окон каморки, слишком громким.

Матери крепко схватили Кантили под руки и потащили к выходу столь решительно, что лишь у Эссегью осталось время оглянуться на Стриг. На ней была маска канюли: заостренная нежная мордочка зеленого цвета. А ведь сестра видит, подумалось Стриг, лишь улыбающуюся ей кошечку. Затем Стриг и сама бегом пересекла черно-белый мозаичный пол, вдохнула запахи мороза, пышек и воска, вылетела за дверь, оказалась на

улице — и неуверенно замерла, стоя в снегу.

Меньший Канал, на берегу которого возвышался особняк Калмаретто, заледенел, по нему сновали толпы конькобежцев с фонарями в руках. Они огибали друг друга с проворством букашек. Стриг, отвыкшая от холода, пила воздух крошечными глотками. Ей хотелось сорвать круглую кошачью морду со своего лица и зашвырнуть ее в сугроб, но она этого не сделала. Дрожащими руками зашнуровала она коньки, съехала по насыпи на лед и заскользила к дренажной трубе, ведущей к Великому Каналу.

На Канале перед началом процессии тоже суетились и толкались конькобежцы. Стриг свернула туда, направляясь к менее освещенным районам. На выстроившихся вдоль Канала величественных домах сияли букеты ламп и факелов, отражающихся в ледяной глади, так что Стриг летела по зеркальному мерцающему простору. Она мчалась к Изгибу и лабиринту каналов, ведущих к Великим Северным Воротам.

Толпа редела. Впереди мелькали красные одеяния — начало процессии, возглавляемой Матриархами. Ее матери, не столь благородные, займут место позади, среди себе равных. Мимо проехали две женщины-стрижа с весьма достоверно нарисованными на доспехах рваными ранами. Они были без масок. Лица их казались такими же безжалостными, как их ножницы, Стриг даже вздрогнула, но тут же поняла, что для них она всего лишь долговязый подросток, а не мятежница из Калмаретто. Впрочем, она все равно проследила за ними, а потом украдкой нырнула в лабиринт каналов.

Здесь оказалось гораздо тише. Дома по берегам уже опустели, лишь несколько женщин замешкались под фонарями или мостами, без сомнения ожидая свидания. Стриг, опустив голову, неслась к Великим Северным Воротам.

Добравшись до поворота к протоку, известному как Изгиб, она услышала торжественный гимн, летящий со стороны Великого Канала: процессия началась. Стриг покатила дальше, хотя долгие месяцы вынужденного бездействия брали свое. Голени и бедра ее горели. Ей не хотелось думать о том, что ждет ее за Северными Воротами: безбрежные снега на равнине, далекие горы. Женщина надеялась лишь на быструю смерть вне стен Зимудара. Это будет ее местью городу и Калмаретто. Конечно, это неразумно, но благоразумие она оставила год назад на берегу Канала.

Летом Изгиб окаймляют кафе и плевеловые деревья, черные, с желтыми шарами цветов. Пыльца сыплется в воду, ложась на ее поверхность тяжелым маслянистым слоем, а воздух насыщен

тонким мускусным запахом. Сейчас кафе закрыты — вся торговля этой ночью перекочевала на Канал.

Сердце Стриг колотилось от напряжения и воспоминаний. Это случилось здесь, год назад, на этом отрезке Изгиба, как раз за кривым мостиком, когда что-то — кто-то, поправила себя Стриг, рассердившись, что повторила выражение Эссегью, вышел из тьмы и застыл, неподвижный, как улегшийся на землю снег.

Стриг невольно остановилась. Она снова и снова проигрывала в сознании эту сцену: силуэт на фоне черной стены и бледного льда, голова поворачивается навстречу ее взгляду, фигура ежится под складками одеяния, и — внезапное осознание, что это не просто заблудившийся гуляка, что это реальность: кроткие, глубоко посаженные темные глаза, ряд белоснежных зубов. То, что она приняла за полозья коньков, торчащие из-под накидки, было его ногами. Один из мутантов, лисак, спустившийся с гор: генетически измененный мужской остаток.

Говорили, они разрывают женщин на куски, мстя за древнее проклятие, свою участь: постепенную ликвидацию самцов матриархальными генетиками. Но этот просто смотрел на нее, а потом протянул руку. Она должна была бежать, но вместо этого сжала в ладони два его длинных пальца. Он повел ее вдоль Изгиба, скользя рядом с чисто человеческой сноровкой. И все. Лисак не отрывал от нее помаргивающих ласковых глаз. Он сказал: «Я ждал такую, как ты».

Когда он произнес это, они повернули — и наткнулись на отряд женщин-стрижей. В отличие от Стриг, бойцам потребовалась лишь секунда, чтобы сообразить, кто перед ними. Они ринулись вперед, щелкая ножницами. Одна схватила Стриг, закричавшую: «Нет!» — и забившуюся в руках стража-стрижа. Три другие окружили лисака, и тот внезапно подпрыгнул и приземлился на берег на все четыре заскользивших по льду ноги-полоза, отбросив маскирующее его одеяние и обнажив бледное гибкое тело с хлещущим из стороны в сторону длинным хвостом — продолжением позвоночника. Его напрягшийся член походил на кость, и, когда женщины-стрижи увидели непристойную эрекцию, они завизжали от ярости. А потом лисак скрылся в снежной ночи.

Бойцы отвели Стриг обратно к Калмаретто, на цепи, и сидели с ней до самого рассвета, пока не вернулось смеющееся и усталое семейство.

Вспоминая теперь о прошлом, Стриг охватило сомнение: а было ли это на самом деле. Все казалось таким далеким — и вдруг, словно материализовавшись из ее памяти, из-под арки снова выкатилась фигура лисака. Он протянул руки, но не

попытался дотронуться до женщины. Стриг заскользила вместе с ним по Изгибу, в тумане и мечтах, летя сквозь зимний мрак, — и вот они вновь оказались на Великом Канале.

Процессия уже прошла. Стриг и лисак кружились в вихре танца посреди Великого Канала, и Стриг вдруг начала понимать, что это всего-навсего еще одна женщина в маске, такая же, как она. Мысли о бегстве, о смерти за стенами Зимудара промелькнули в ее голове и исчезли, оставив после себя тоску и ощущение потери.

Она позволила женщине в маске лисака отвести себя обратно к Калмаретто. Когда они перешагнули порог, ее спутница сбросила маску, и Стриг увидела Эссегью.

— Я не могла позволить тебе уйти, — сказала сестра, и опустошенная Стриг слабо кивнула.

Эссегью поводила ее наверх, в комнату без окон, и закрыла за Стриг двери.

Поутру Зимудар был тих. На льду пестрели клочья масок, истоптанный снег превратился в грязь. Эссегью проснулась поздно, с головой, пухнущей от объяснений, которые придется давать Вэнити. Она отправилась в недра дома и распахнула дверь в каморку без окон.

Стриг сидела там, где оставила ее сестра. Кошачья мордочка лучезарно улыбалась.

— Стриг? — окликнула мятежницу Эссегью.

Ответа не последовало. Женщина осторожно прикоснулась к плечу сестры, думая, что она спит. Но парчовое одеяние показалось ей одеревеневшим и неподатливым, затвердевшим в форме женской фигуры. Эссегью потянула маску кошки, но та не сдвинулась с места. Щелки глаз слепо смотрели на глухую стену комнаты без окон, и Эссегью, медленно попятившись, вновь затворила дверь.

Стивен Бакстер
Дети времени [180]

I

Льды на горизонте манили Джаала давно. Вот и сейчас сквозь дымовую завесу вечернего костра мальчик всматривался в линию чистой костяной белизны — точно по кромке неба полоснули отточенным каменным лезвием.

День подходил к концу, по небу кляксами расплескался неистовый закат. Непоседливый ребенок в одиночестве пошагал сквозь густую пелену дыма, подальше от запаха вареного енотового мяса и шкварчащего козьего жира, от неторопливых взрослых бесед и радостных детских игр.

С северной стороны горизонта ледник был всегда вечно недосягаемый, сколько ни шагай по чахлой траве. Джаал знал, почему так. Ледяная шапка отступала, белоснежность низвергалась талыми ручьями, оставляя за собой усыпанную валунами землю в разломах и выбоинах. А потому, сколько ни иди, — за льдом все равно не угнаться.

Сейчас заходящее солнце окрашивало ледниковые дали розовым. Мальчика влекло к геометрической простоте пейзажа; завороженный, Джаал смотрел не отрываясь.

Ему было одиннадцать: коренастый, с буграми мышц. Поверх многослойных одеяний из козьих шкур, сшитых сухожилиями, — тяжелый плащ из кроличьего меха. На голове — шапка, сделанная отцом из цельной енотовой шкуры, обувь — из смазанных снаружи жиром голубиных шкурок, вывернутых оперением внутрь, на шее — ожерелье из кошачьих клыков.

Джаал оглянулся на семью. Родственников было около дюжины: родители, дети, дяди и тети, племянники и племянницы и потрепанная жизнью бабушка сорока двух лет. Все, не считая малышей, двигались крайне медленно, очевидно от усталости. Сегодня пришлось проделать долгий путь.

Мальчик понимал, что нужно вернуться к костру и помочь, выполнить свой долг — принести дров или освежевать крысу… Но все это повторялось изо дня в день. Из раннего детства у Джаала сохранились тревожные воспоминания: горящие хижины, бегущие, кричащие люди… С тех пор ребенок и его семья двигались на север в поисках пристанища. Но нового дома пока так и не нашлось.

Мальчик заметил шутливую возню Сьюры с младшей сестренкой: старшая стягивала с извивающегося тельца девочки грязный кожаный плащ. Сьюра была троюродной сестрой Джаала, на два года старше. Во всех ее движениях сквозила плавная, переливающаяся легкость.

Заметив взгляд мальчика, Сьюра вскинула бровь. Тот жарко зарделся, отвернулся к северу. С ледником гораздо проще, чем с сестрой.

Внезапно Джаал заметил что-то новое.

Менялся угол падения солнечных лучей, и на земле засверкало что-то непонятное. Прямая линия отливала красным, будто повторяя широкую кромку льда. Линия была совсем близко, пересекала торосы и валуны на расстоянии короткого перехода. Нужно разобраться, в чем дело.

Виновато оглянувшись на родичей, мальчик побежал на север, башмаки из голубиных шкурок неслышно ступали по грубой земле. Прямолинейная штука оказалась гораздо дальше, чем представлялось сначала, и чем сильнее становилась досада, тем быстрее — бег. Неожиданно для себя Джаал достиг цели. Замер, едва не споткнувшись, тяжело переводя дыхание.

Каменная гряда, по колено высотой, состояла не из изрезанных льдом валунов и мешанины гальки, усеявших окрестности. Хотя верхушка искрошилась, стороны были ровные — гораздо более гладкие, чем любой камень, который Джаалу доводилось видеть прежде; кремовую поверхность окрашивало заходящее солнце.

Мальчик боязливо вскарабкался на стену, чтобы видеть лучше. Каменная гряда простиралась вправо и влево, на запад и восток, резко поворачивала к северу и вновь смыкалась. Джаал обратил внимание на упорядоченность линий. Гряда образовывала прямоугольный каркас. И он оказался не единственным. Заходящее солнце четко высвечивало каменный рисунок. Всю землю к северу, насколько хватало взора, покрывали огромные прямоугольники. Сделано руками человека. Это показалось очевидным и неоспоримым.

Когда-то здесь находился пригород Чикаго. Надвигающийся ледник стер город с лица земли, но, к счастью, затопленные фундаменты замерзли еще до прихода льда. Возраст руин насчитывал сотню тысяч лет.

— Джаал! Джаал! — птичьим криком донесся материнский голос.

Оставить находку не было сил. Мальчик стоял на разрушенной стене, дожидаясь матери.

Подошла женщина: усталая, перепачканная сажей, нервная:

— Зачем ты сюда пошел? Разве не знаешь, что в сумерках выходят на охоту кошки?!

От боли в материнском взгляде Джаал вздрогнул, но все равно не смог сдержать своего восторга:

— Посмотри, что я нашел, мама!

Женщина огляделась. На лице — непонимание, скука.

— Что это?

Подпитанная ощущением чуда фантазия вырвалась на свободу, и Джаал попытался заставить мать увидеть то, что видел он:

— Может быть, раньше здесь стояли большие каменные стены — высокие, как ледник! Может быть, здесь жила орава людей и дым от их костров поднимался до самого неба! Мама, а мы вернемся сюда жить?

— Наверное, когда-нибудь вернемся, — машинально произнесла женщина, чтобы утихомирить сына.

Но люди больше не вернутся сюда никогда. К тому времени, как наступающие ледники уничтожили монокультурную, повсеместно раскинувшуюся промышленную цивилизацию, человечество исчерпало земные ресурсы железной руды, угля, нефти и прочих полезных ископаемых. Люди выжили: разумным, легко приспосабливающимся существам не обязательно обитать именно в городах. Но, располагая лишь древнейшими технологиями обработки камня и добывания огня, заново отстроить чикагские небоскребы не удастся никогда. А вскоре о существовании этого места забудет даже Джаал, околдованный пылающим взором Сьюры.

Но сейчас мальчик горел жаждой исследований.

— Ну, можно я еще погуляю? Совсем чуть-чуть!..

— Нет, — мягко произнесла мать. — На сегодня хватит приключений. Пора. Идем. — И, положив руку на плечо сына, повела его домой.

II

Урлу ползла к реке. Под коленками и ладонями — жесткая, спекшаяся земля, пеньки от выжженных деревьев и кустов царапали тело. Здесь не было зелени, ничего не росло и, не считая редких хлопьев пепла, гонимых легким ветерком, царила неподвижность.

Девочка была голой, блестящая от пота кожа перепачкана углем. Волосы сбились в жирный, пыльный колтун. В одной руке она держала заточенный камень. Ей было одиннадцать.

На шее Урлу носила ожерелье из зубов. Подарок дедушки, Палы: старик сказал, что это зубы зверя, который называется кроликом. Кроликов девочка не видела никогда. Все эти животные вымерли во время Пожарища, задолго до рождения Урлу, вместе с крысами, енотами и прочими мелкими млекопитающими, с которыми до этого человечество пережило ледниковый период. А потому кроличьих зубов больше не будет. Ожерелье бесценно.

Свет стал ярче. Внезапно перед девочкой выросла тень — ее собственный силуэт на темной земле. Урлу распласталась в грязи. К теням она не привыкла. Осторожно оглянулась, всматриваясь в небо.

Всю ее жизнь небо скрывал толстый слой пепельных облаков. Но в последние дни небосвод стал проясняться, и сегодня пелена расступилась. Сквозь плывущую высоко в небе тучу девочка разглядела чахлый, бледный диск.

Солнце. Урлу говорили, как оно называется, но она никогда не верила, что солнце бывает. И вот оно показалось: девочка смотрела на геометрически четкий круг, не в силах отвести взгляда.

Чей-то ласковый голос предостерегающе окликнул: — Урлу! Кричала мать.

Нет, не стоит грезить о небе. У девочки есть долг, и она должна его выполнить. Урлу поползла дальше.

Добралась до берега. Речные воды, загустевшие от грязи и мусора, двигались медленно. Русло — такое широкое, что при полуденном свете едва виден противоположный берег. Когда-то реку называли Сена, а выжженная земля скрывала следы бывшего Парижа. Но где бы девочка ни находилась, вся Земля, любое ее место оказалось бы точно таким же.

Справа от себя, ниже по течению, Урлу увидела охотников: из остатков уничтоженной растительности выглядывали розовые, перемазанные грязью лица. Нетерпение соплеменников давило на

девочку.

Урлу взялась за осколок камня, прижала заточенный край к ладони. Она должна. Люди верят, что водных тварей привлекает кровь девственницы. Урлу боялась предстоящей боли, но выбора не оставалось: если не порежется сама, то это сделает кто-нибудь из племени, а так — еще больнее.

Внезапно раздался плач, крик расставания и утраты, словно дым, вздымающийся в затхлом воздухе. Звук доносился со стороны стоянки. Лица на берегу, привлеченные шумом, повернулись в сторону жилищ. Затем охотники по одному скрылись в изувеченном подлеске.

С невероятным облегчением Урлу отвернулась от захламленной реки; камень безопасно зажат в ладони.

Стоянка была простой прогалиной на выжженной земле с безучастно тлеющим костром. Перед ним на грубой подстилке из опаленного хвороста лежал старик — костлявый, голый и грязный, как и все остальные. Слезящиеся, широко распахнутые глаза не отрываясь смотрели на небосвод. Сорокапятилетний Пала приходился Урлу дедом. Он умирал, снедаемый чем-то изнутри.

За стариком, опустившись на колени в грязь, ухаживала женщина, самая старшая из дочерей, тетя Урлу. На чумазом лице — полосы от слез.

— Испугался, — произнесла тетка. — Оно его убивает.

— Что? Чего он боится? — спросила мать Урлу. Тетка указала на небо.

Страх старика перед странным небесным светом был вполне объясним. Пале было только четыре года, когда на Землю обрушилось еще более яркое сияние.

Когда миновала эпоха Джаала, ледник надвигался еще десятки раз, прежде чем отступить окончательно. Потом люди быстро очистили Землю от ледникового наследия: потомков кошек, грызунов и птиц, покрупневших и обнаглевших за временное отсутствие человечества. После этого люди занялись охотой и земледелием, создали сложную систему торговли и культуры, разработали технологии применения дерева, камня и кости. В морских глубинах, вне досягаемости человечества, неистово бурлил эволюционный процесс. Но люди едва переменились со временем: у них не было потребности меняться.

Безмятежный рассвет человечества продлился тридцать миллионов лет. Родители напевали маленькому Пале песни невообразимой древности.

Но тут внезапно нагрянула комета. Земля испытала новую мощную катастрофу почти сто миллионов лет спустя после

столкновения, положившего конец лету динозавров.

По счастью, Пала и его родители оказались поблизости от гор со множеством пещер и пережили пожары, дождь из расплавленных камней и долгую зиму под саваном пыли. Человечество перенесло это так же, как переносило гораздо менее серьезные катастрофы после ледникового периода. Изобретательность, приспосабляемость и едва ли не всеядность позволили людям расселиться по истерзанной земле вновь.

Раньше надежды на спасение человеческого рода связывали с колонизацией других миров, ибо на планете всегда существовала опасность подобных бедствий. Но люди никогда не пускались в дальние странствия: вне Земли не было ничего. Звезды хранили упрямое молчание. И хотя после ледникового периода население планеты не превышало нескольких миллионов человек, люди оказались слишком многочисленны и слишком широко расселены, чтобы их убил смертоносный поцелуй кометы. Уничтожить множество людей оказалось несложным. Истребить все человечество — гораздо трудней.

Вышло так, что старик Пала оказался последним из живущих, кто помнил мир до Пожарища. Вместе с Палом умирали и воспоминания о событиях тридцатимиллионолетней давности. Наутро мертвое тело выставили на возвышенность.

Группа охотников вернулась к реке — завершить начатое. Теперь уже Урлу не придется надеяться на отсрочку в последний момент. Девочка рассекла ладонь глубоким продольным порезом и выпустила кровь в темную речную воду. Алая струйка была самой яркой в черно-сером мире.

Безмолвной твари, притаившейся в воде, не было никакого дела до девственности Урлу: самку привлек запах крови. Еще одна представительница великих мастеров выживания, рептилия переждала Пожарище в грязевой топи, без малейшей брезгливости кормясь обожженными останками, смываемыми в реку. Сейчас животное выплывало к тусклому свету.

Всю свою жизнь Урлу питалась лишь змеями, тараканами, скорпионами, пауками, личинками и термитами. Той ночью девочка пировала крокодиловым мясом.

Наутро Урлу перестала быть девственницей. Ей не очень понравилось, но по крайней мере она сделала самостоятельный выбор. И теперь больше не придется проливать кровь.

III

Подгоняемый слабым течением и усилиями экипажа, по ряби мелководья скользил к берегу катамаран. Когда судно налетело на отмель, люди врассыпную кинулись в воду, доходившую им до коленей, и принялись выгружать оружие и пищу. В безоблачно-синем куполе неба висело яркое, жаркое солнце. Люди, низкорослые и гибкие, работая, поднимали вокруг себя сверкающие облака брызг. Некоторые обвили шеи любимыми змеями.

Сидящий на катамаране Кале, уцепившись за водоросли, всматривался в море. Он разглядел тонкую черную линию плавучего селения, где родился. То была эпоха тепла и наводнений, затопивших берега континентов, и большая часть населения Земли жила за счет богатых коралловых рифов и прочих экосистем мелководья, залитых солнечным светом. Кале рвался обратно, на плоты, но вместо этого ему придется впервые в жизни ступить на сушу. Кале было одиннадцать лет.

Его мать, Лия, с плеском приблизилась к сыну. На темном лице женщины выделялись белоснежные зубы.

— Если будешь таким робким, никогда не станешь мужчиной, — заметила она.

И с этими словами сгребла мальчика в охапку, закинула на плечо, пробежала по мелководью к берегу и бросила на песок.

— Вот! — кричала Лия. — Ты первый сюда шагнул, раньше всех!..

Все засмеялись. Запыхавшийся, обиженный Кале смущенно покраснел.

Не так давно плавучая семья, к которой принадлежал Кале, заметила линию на горизонте. Родичи приготовили дары моря и резные кораллы в качестве подношений, повторили песни, которые собирались спеть, наточили оружие… и только их и видели. Думали, перед ними — заселенный людьми остров. Но ошиблись. Их ждал не остров, а целый континент.

С тех пор как мир оправился после великого Пожарища времен Урлу, прошло достаточно времени, чтобы материки смогли исполнить свой неторопливый тектонический танец. Африка мягко уткнулась в Европу, Австралия поцеловалась с Азией, а Антарктика переместилась подальше от Южного полюса. Именно значительные географические изменения наряду с медленным, неумолимым нагреванием поверхности солнцем подарили миру долгое лето.

Семьдесят миллионов лет мирно дремали над плодородными

морскими пучинами плоты. Но спустя столь существенный промежуток времени люди остались почти такими же, как прежде.

И сейчас они достигли побережья Антарктиды, где Кале действительно ступил на берег первым.

Мальчик неуверенно встал. На мгновение показалось, что мир под ногами сотрясается и ходит ходуном. Но Кале тут же осознал: это не мир пустился в пляс, а его фантазия, его сформированное плавучей жизнью мышление.

Перед ним раскинулся пляж, отлого поднимающийся к полосе высокой растительности. Ничего подобного мальчику никогда не приходилось видеть. Вытесненные любопытством страх и обида отступили.

Высадившиеся на берег уже забыли о Кале. Собирали топляк для костра, выгружали кольца змеиного мяса — мяса разжиревших, глупых, одомашненных потомков одного из видов, переживших огненную эпоху Урлу. Сейчас люди устроят пир, захмелеют и повалятся спать, а осмотр окрестностей начнется лишь завтра.

Кале понял, что не готов ждать так долго. Развернулся и пошагал прочь от моря, вверх по покатому склону.

Вокруг высились ряды массивных гладких стволов. Эти «деревья», как называл странные штуки отец, на самом деле являлись своего рода травой — наподобие бамбука. Мир Кале был бескрайней плоскостью, а потому деревья казались мальчику подлинными исполинами. Сквозь заросли пробивался солнечный свет.

Ручей, струящийся всего в нескольких шагах, с журчанием впадал в море. Вытекал он из оврага, преградившего Кале путь. Придется спуститься.

Ступать было колко, кожу царапали острые ветки. В стенах оврага виднелись самые различные камни: от крупных валунов в серой глине до гальки, такой мелкой, что уместилась бы в кулаке у Кале, — всё плотно склеено друг с другом. Даже дно оврага было изрезано и изрыто, точно там билась громадная шипастая рыбина.

Здесь, в тропических джунглях, мальчика окружали свидетельства ледникового периода.

Вскоре за деревьями показался просвет — всего лишь просека несколько шагов шириной, образовавшаяся из-за падения могучего ствола. Кале шагнул вперед, к зеленой полянке. Но тут затрепетали радужные крылья и толстое, поделенное на сегменты туловище выплыло из зелени. Кале застыл на месте. Насекомое было громадным, длина тела превосходила рост мальчика. И

тотчас же вверх взмыли другие стрекозы и испуганно сбились в рой в поисках защиты. Над деревьями с жужжанием пролетело гладкое, в желтую полоску существо. Одинокий хищник, далекий потомок осы. Насекомое напролом, через мерцающие крылья, ринулось в гущу стрекоз. Все это происходило над головой Кале в хлопающем, звенящем облаке. Так удивительно, что даже не страшно.

Мальчика отвлекло странное движение внизу, под ногами. Зеленая полянка, с которой Кале спугнул стрекозиную стаю, зашевелилась и словно растеклась. На самом деле это было скопление живых существ — извивающихся червей. В дрожащей куче поблескивали глаза.

Подобное зрелище можно было увидеть лишь в Антарктике. И больше нигде на Земле.

После того как сошли льды, оголенная антарктическая земля превратилась в арену битвы за выживание. Первопоселенцев — растений, насекомых и птиц — принесло заморским ветром. Но время птиц, тем более млекопитающих миновало. По мере того как экологические системы мира компенсировали постепенное нагревание поверхности солнцем, углекислый газ, основной парниковый газ, поглощался морской водой и скалами, а воздух насыщался кислородом. На этой пьянящей подкормке насекомые выросли до гигантских размеров, и вскоре хищные осы и обнаглевшие, как крысы, тараканы расправились с нелетающими антарктическими пернатыми.

Затем настало время еще более драматических событий: мутация целого отряда живых существ. Извивающееся множественное создание, растекшееся при появлении Кале, было потомком сифонофор, колонией морских организмов, наподобие португальского кораблика. Эти обладающие бесконечной приспособляемостью и невероятной биологической способностью к мутациям сложносоставные существа, выйдя на сушу, заселили пресные водоемы, землю, траводеревья и даже воздух.

Кале чувствовал, как во всем, что он видит, сквозит некая неуловимая странность. Необитаемая Антарктика оказалась последним местом на Земле, где проявилось эволюционное творчество. Но неумолимый тектонический дрейф в конце концов пригнал континент к плавучим сообществам, странствовавшим над затопленной Индией, и великому эксперименту суждено было завершиться. Кале с широко распахнутыми глазами озирался вокруг, он жаждал увидеть больше.

Над головой пролетело копье с коралловым наконечником, раздался рев. Потрясенный мальчик отшатнулся, едва не упав.

Зеленая поляна перед ним расползлась и скрылась. Откуда-то

появилось громадное существо. Серокожее, на двух тонких передних ножках, с мощным хвостом, чудище словно целиком состояло из головы. Из шеи торчало древко. Еще один продукт мутаций: хрящевая рыба, отдаленный потомок акулы. Зверь распахнул похожую на пещеру пасть, обдав Кале кровавым дыханием.

Лия появилась рядом с сыном. «Идем», — мать схватила его под мышки и потащила прочь.

Вскоре, пожевывая на отмели змеиное мясо, Кале оправился от пережитого потрясения. Рассказы о громадных осах и большущей сухопутной акуле оживили всех. В тот момент мальчик и представить себе не мог, что ему придется вернуться к кошмарам джунглей.

Но конечно же, он еще не раз отправится туда. Не пройдет и тысячи лет, как потомки Кале, пройдя всю Антарктиду из конца в конец, вместе со змеями и недавно приручеными боевыми осами загонят на охоте последнюю из сухопутных акул и сделают из ее зубов ожерелье.

IV

Близнецы Бел и Тура выросли в плоском мире — на берегу, между бескрайним океаном и похожей на столешницу землей. Но вдалеке брат и сестра видели горы: бледные конусы, в багряной дымке становящиеся пурпурными. Сколько Тура помнила себя, ее всегда манили горы. Ей так и хотелось приблизиться к ним, она даже мечтала взобраться на вершину.

Но разве туда попадешь? Народ Туры населял побережье, питаясь мягкотелыми потомками неотеничных крабов. Суша представляла собой красную пустыню, устланную сверкающими солончаками, где не возможна никакая жизнь. Горы были недосягаемы.

Затем, на одиннадцатый год жизни Туры, земля неожиданно зазеленела.

В стареющем мире вспышки вулканической активности по-прежнему случались. Вместе с потоками базальтовой магмы в атмосферу выплескивался углекислый газ. Подобно тому как раньше десятилетиями ждали дождя цветы пустыни, их отдаленные потомки тоже ожидали недолгого вулканического лета, чтобы зацвести.

Тура и ее брат вынашивали общий план давно. Второго такого шанса может больше никогда не представиться: зелень исчезнет через год и, может быть, больше не появится ни разу за всю их жизнь. Ни один взрослый не одобрил бы их план. Но никому из взрослых и не нужно знать о нем.

Рано утром дети ускользнули из деревни. Одетые лишь в сплетенные из водорослей килты, с любимыми ожерельями на шеях, брат с сестрой были очень похожи друг на друга. Предвкушая приключение, они смеялись на бегу, голубые глаза сияли и казались еще ярче на фоне ржаво-малинового пейзажа.

Бел и Тура жили там, где некогда располагалось западное побережье Северной Америки, но это не имело значения — и во времена Урлу весь мир был одинаков. Только теперь настала эпоха сверхконтинента.

Медленно сдвигаясь, материковые плиты объединились, в точности повторяя очертания прежнего исполинского монолита, раздробившегося задолго до появления динозавров. Пока воды Мирового океана бушевали в ревущих штормах, внутренняя часть Новой Пангеи превратилась в безжизненную пустыню, а люди переселились к устьям крупных рек и к береговой линии. Великое слияние, словно барабанной дробью, сопровождалось вымиранием видов, и всякий раз мир восстанавливал силы, хотя

каждое новое возрождение было уже не столь бурным, как прежде.

Прошло двести миллионов лет, преже чем сверхконтинент стал выжженым и прокаленным. А потом — еще двести. Но люди жили почти так же, как и раньше.

Одиннадцатилетние близнецы Тура и Бел ничего не знали о прошлом. Они были молоды, как и их мир, и видели его только таким. А сегодня вокруг происходили чудеса: все растения, жадно поглощая углекислый газ, выстреливали в воздух залпы спор, а насекомые стремительно отправлялись на поиски партнеров для размножения.

Солнце поднималось все выше и выше, уставшие дети сбивались с ритма, спотыкались. Пот на их коже быстро испарялся в сухом воздухе. Наконец сквозь завесу пыли проступили горы. Древние, истерзанные временем возвышения, хранившие следы формирования Новой Пангеи. Но для Туры и Бела, стоящих у пологих, усыпанных голышами предгорий, это были высочайшие вершины.

Тура заметила вспышку зеленого и коричневого высоко на склоне. Разгорелось любопытство. Не раздумывая ни секунды, девочка принялась карабкаться вверх. Боязливый Бел остался на месте.

Поначалу склон горы был таким пологим, что можно было идти обычным шагом. Но вскоре Тура очутилась выше, чем ей когда-либо доводилось в жизни. Продолжая восхождение, девочка инстинктивно опустилась на четвереньки. Сердце стучит, как молот, но Тура двигается вперед. Внизу раскинулась Новая Пангея: море красной, как на Марсе, пыли, слежавшейся со временем.

Наконец девочка добралась до зелени. Несколько питаемых подземными водоносными пластами деревьев, в тени горы укрывшихся от насыщенных пылью ветров. Тура машинально провела ладонью по гладким, крепким стволам. Никогда прежде она не видела деревьев.

По мере того как солнечное излучение усиливалось, экологические системы спасались тем, что усваивали углекислый газ из воздуха. Но бесконечно так продолжаться не могло: даже во времена Джаала углекислота была на исходе. Планета уже освободилась от множества прежних экосистем: тундры, лесов, полей, лугов, мангровых болот… Вскоре концентрация двуокиси углерода окажется ниже критического уровня, и тогда лишь немногие растения будут способны к фотосинтезу. Человеческая популяция, и без того сократившаяся до миллиона особей, рассеянных по единственному на весь мир побережью, уменьшится едва ли не до десятка тысяч.

Люди выживут. Как всегда. Но эти деревья, в прохладной тени которых стояла Тура, — одни из последних на целом свете.

Девочка задрала голову, всматриваясь в крону… Наверное, там — какой-нибудь плод или вода, скопившаяся в остроконечных листьях… Но подняться по гладкому стволу невозможно.

Посмотрев вниз, Тура увидела белую точку: обращенное вверх лицо Бела. Время шло: чем выше окажется солнце, тем сложнее будет идти по пустыне. Девочка нехотя принялась карабкаться вниз, на равнину.

Прожив всю жизнь на побережье Пангеи, Тура запомнила короткое приключение навсегда. И всякий раз при мысли о деревьях у нее зудели ладони и ступни: в теле пробуждались инстинкты обезьян, похороненные полмиллиарда лет тому назад.

V

Рууль заскучал.

Гулкое эхо пира разносилось по всем пещерам. Люди играли, плясали, болтали и смеялись, пили и дрались при свете костров и тростниковых факелов; изрядно эволюционировавшие потомки змей и ос любовно обвивали лодыжки своих владельцев. Наступил Праздник Тысячного Дня. Под землей, в мире, навечно скрытом от солнечного света, бледные, как черви, люди мерили время сменой сна и бодрствования, а продолжительность жизни высчитывали на пальцах.

Все веселились. Все, кроме Рууля. Когда мать увлеклась праздником настолько, что перестала замечать его, ребенок выполз в темноту.

Недавно, неутомимо исследуя обитаемые окрестности пещеры, где протянулись во тьму туннели и трещины, мальчик обнаружил расщелину в известняке. Похоже, по ней можно было забраться далеко вверх. Рууль пригляделся, и ему показалось, что там, высоко, горит странный, красноватый свет. Наверное, люди из пещер сверху, подумал мальчик. А может быть, что-то настолько странное, что и представить невозможно.

Теперь при тусклом свете факелов Рууль осмотрел расщелину и принялся карабкаться вверх, цепляясь за выступы.

Он убежал с праздника. Одиннадцатилетний, ни ребенок и ни взрослый, Рууль попросту оказался лишним и сейчас разгневанно проклинал пир. Но по мере того, как мальчик погружался в глубокую тишину, все его внимание поглощал подъем.

Народ Рууля, издавна бессчетными поколениями селившийся в пещерах, с успехом овладел искусством скалолазания. Люди жили в глубоких карстовых пещерах, в известняке, на месте давным-давно сгинувших мелководных морей. Когда-то в этих углублениях обитали изрядно эволюционировавшие потомки ящериц, змей, скорпионов, тараканов, даже крокодилов и акул. Неизменно экстремальные условия Пангеи способствовали развитию усложненности и взаимозависимости. Отступив под землю, люди позволили выжить фрагментам этих необычных экосистем.

Вскоре известняк вокруг Рууля сменился более мягким, рыхлым песчаником. Здесь выступов оказалось больше. Малиновый свет сверху был достаточно ярок, чтобы стали заметны мельчайшие детали скалы, по которой поднимался мальчик. Рууль увидел, что горная порода состоит из пластов повторяющегося рисунка: темные полосы с проступающими

комковатыми друзами. Коснувшись одного из выростов, мальчик обнаружил лезвие — настолько острое, что едва не порезал пальцы. Каменный топор: изготовленный, использованный и выброшенный давным-давно и отчего-то погребенный под отложениями, образовавшими песчаник. Охваченный любопытством, Рууль принялся исследовать темные полосы. Вещество крошилось, стоило лишь колупнуть ногтем; чувствовался запах пепла — такой свежий, словно здесь недавно разжигали огонь. Темные слои остались от кострища.

Мальчик пробирался вдоль пластов угля и каменных инструментов — тысячи нагроможденных друг на друга и впечатанных в камень слоев. Должно быть, люди очень долго жили здесь. Рууля потряс массивный груз лет, незыблемость прошлого.

Но тут внимание мальчика привлекли несколько зубов: маленькие, треугольные и острые, со специально проделанными отверстиями. Аккуратно расшатав, Рууль извлек находку из стены и положил в мешочек: быть может, еще сделает из зубов ожерелье.

Мальчик продолжал подъем, пальцы рук и ног ныли.

Неожиданно Рууль оказался у выхода. Лаз открывался в более широкое пространство — может быть, даже в пещеру, заполненную красноватым светом. Подтянувшись, мальчик закинул ноги на пол над головой и поднялся.

И замер от удивления.

Он стоял на плоской поверхности — казалось, ровное пространство простиралось в бесконечность. Все покрывала красная пыль — такая легкая, что налипала на вспотевшие ноги. Мальчик медленно огляделся. Если это пол пещеры… тогда получается, что у пещеры нет стен. Да и потолок, должно быть, находится очень высоко — так, что и не разглядишь. Сверху — лишь купол темноты (Рууль не знал слова «небо»). С одной стороны, на краю мира что-то висело. Над безжизненно ровной линией горизонта высовывался румяный, идеально круглой формы диск — вернее, его небольшой кусок. Именно оттуда исходил малиновый свет; мальчик чувствовал, как его опаляет жар.

Рууль жил в извилистом мире-лабиринте пещер и туннелей; никогда прежде ему не доводилось видеть такой гладкой равнины, такого идеального полукружия света. Мальчика влекло к геометрической простоте пейзажа; завороженный, Рууль смотрел не отрываясь.

Вот какой стала Земля через триста миллионов лет после смерти Туры и Бела. Осадочные породы, на которых стоял Рууль,

являлись остатками последних гор. Потоки магмы, мчащейся по остывающему миру, не смогли разъединить нового сверхконтинента, как в первый раз. А тем временем солнечное излучение неумолимо усиливалось. И вот уже единственной формой жизни на экваторе оказались бактерии, да на полюсах немногочисленные медлительные животные в тяжелых, защищающих от жары панцирях паслись среди редких растений с толстой кожей. Земля уже лишилась влаги, и побережье Пангеи было окаймлено алмазно-белыми солончаками.

Но мальчик, стоящий на выровненной ветрами и влагой земле, не многим отличается от своих далеких предков — от Туры, Кале, Урлу и даже Джаала. Людям ни разу не пришлось существенно измениться, поскольку человечество само меняло окружающий мир и тем самым задушило эволюционный прогресс.

Повсюду во Вселенной — одно и то же. С возникновением разума история любой биосферы заметно упрощается. В этом главная причина молчания звезд.

Но долгий период земной истории подошел к концу. Еще несколько поколений, и потомки Рууля сгинут — тихо, без страданий, спекаясь в обезвоженных пещерах. Жизнь сохранится, и по всей планете раскинутся ярким цветом древние термофильные микроорганизмы. Но людей больше не будет: человечество уйдет, оставив после себя пласты песчаника возрастом почти в миллиард лет, в котором — кострища, обработанные камни и человеческие кости.

— Рууль! Рууль! Вот ты где! — Мать, вся в красной пыли, с усилием карабкалась по расщелине. — Мне сказали, что ты направился сюда. Я места себе не находила! Рууль, что ты делаешь?

Мальчик раскинул руки; объяснить он не мог. Не хотелось обижать мать, но его переполнял восторг от открытия.

— Посмотри, что я нашел, мама!

— Что?

Ребенок принялся возбужденно лепетать об очагах, орудиях и костях.

— Может быть, здесь жила орава людей и дым от их костров поднимался до самого неба! Мама, а мы вернемся сюда жить?

— Наверное, когда-нибудь вернемся, — машинально произнесла женщина, чтобы утихомирить сына.

Но этого ответа было явно недостаточно, чтобы успокоить Рууля. Снедаемый любопытством, он еще раз взглянул на гладкое восходящее солнце. Земля на закате своих дней оказалась удивительным местом. Мальчик горел жаждой исследований.

— Ну, можно я еще погуляю? Совсем чуть-чуть!..

— Нет, — мягко произнесла мать. — На сегодня хватит приключений. Пора. Идем. — И, положив руку на плечо сына, повела его домой.

Вонда Макинтайр
Маленькие лица [181]

Ялнис разбудила кровь. Кровь струилась между бедер — теплая, скользкая, липкая. Ялнис отпрянула от пятна на шелковых простынях, одурманенная сном и любовью, она очнулась от шока и пронзительной боли.

Ялнис отбросила одеяло и выскочила из постели. Нервные ткани рвались в клочья, и она истошно закричала. Ее спутники нестройно подхватили вопль.

Маленькое тельце Зораргула конвульсивно содрогалось прямо у нее на животе. Кровотечение из страшной рваной раны на его горле понемногу стихало. Ее тело отринуло умирающего спутника, обрезало все вены и везикулы.

Зораргулу уже ничем не помочь. Она обхватила рукой освободившееся изуродованное маленькое тельце и опустилась на пол. На подушки, разбросанные вокруг, каплями стекала кровь. Остальные спутники снова попрятались в ее тело, оставив на виду только острые белые зубы, — защищаясь, они угрожающе клацали ими.

Сейан все еще до конца не проснулась; она зевала и потирала глаза, но наконец приподнялась на локте и уставилась на лужу крови. Кровь понемногу впитывалась, теперь она виднелась только в центре; скоро кровь соберут, разделят на молекулы и отправят на хранение.

На коже Сейан тоже виднелось кровавое пятно. Ее первый спутник моргал маленькими яркими, золотистыми глазами. Он клацал острыми зубками, и алые капли разлетались вокруг. Спутник кричал, облизывая окровавленные губы и зубы.

Сейан изящно откинулась на мягкое, со сбитыми простынями гнездышко, ее шикарные каштановые волосы кудрями рассыпались по плечам и маленьким, но идеальной формы обнаженным грудям. Она светилась, подобно расплавленному золоту в свете звезд. Другие ее спутники высовывали свои маленькие личики из ее живота, поднимали головки и клацали зубами. Они были возбуждены и явно ревновали.

— Зораргул, — прошептала Ялнис.

Она никогда еще не теряла спутника. Она внимательно выбирала их, следила за ними; Зораргул был ее первенцем, даром ее первой возлюбленной. Она подняла взгляд на Сейан, смущенная и удрученная, шокированная утратой и болью.

— Иди сюда, — с мягкой настойчивостью позвала Сейан. Она

протянула тонкую руку. — Иди назад в постель. — И громче: — Иди ко мне.

Ялнис отпрянула от ее руки. Сейан опустилась вслед за ней, по исчезающему пятну крови и в уютное шелковое гнездышко. Первый спутник высунулся из ее живота, прямо под пупком, и внимательно смотрел на тельце Зораргула.

Сейан погладила Ялнис по плечу. Ялнис свободной рукой оттолкнула ее, на золотистой коже Сейан остались кровавые пятна.

Сейан схватила ее за запястье и задержала, приблизилась к ней, взяла рукой за подбородок и, подняв голову Ялнис, заглянула ей в глаза. Озадаченная и ошеломленная Ялнис сморгнула слезинки. Оставшиеся спутники на молекулярном уровне посылали ей в кровь сообщения о горе и злобе.

— Иди ко мне, — снова сказала Сейан. — Мы готовы принять тебя.

Ее первый спутник снова скрылся внутри нее; он пульсировал и шептал. Сейан задержала дыхание.

— Я никогда не просила об этом! — закричала Ялнис. Сейан села на пятки — изящная и хрупкая, как девочка, хотя ей и был уже миллион лет.

— Я думала, ты хочешь меня, — сказала она. — Ты была рада мне — позвала меня — пригласила к себе в постель…

Ялнис покачала головой, хотя это была чистая правда.

— Но не для этого, — прошептала она.

— Он даже не сопротивлялся, — сказала Сейан и быстро выпустила из рук тельце Зораргула. — Он недостоин занимать место в твоем теле.

— Кто ты такая, чтобы решать за меня?

— Я и не решаю, — сказала Сейан. — Это дело спутников. — Она дотронулась рукой до красного выпуклого сына-бугорка прямо под личиком своего первого спутника. — Этот будет достоин тебя.

Ялнис в ужасе и ярости уставилась на Сейан. К ней пришла Сейан, та самая Сейан — ходячая легенда, экзотическая, притягательная, соблазнительная. Но кровь Зораргула смыла все изумление и влечение, которые испытывала Ялнис.

— Я не хочу этого, — сказала она. — Я не хочу.

Спутник Сейан услышал отказ, заморгал и оскалился. На секунду Ялнис с ужасом подумала, что Сейан тоже оскалится, нападет на нее и силой заставит взять своего спутника.

Сейан отодвинулась и нахмурилась в замешательстве.

— Но я думала… Ты что, позвала меня, только чтобы отказать? Зачем?..

— Ради удовольствия, — ответила Ялнис. — Ради дружбы. Может, ради любви; может, ты предложила бы, а я бы согласилась…

— Что же сейчас не так? — спросила Сейан.

Ялнис с такой яростью вскочила на ноги, что даже в глазах помутилось. Одной рукой она держала у груди съежившееся тельце Зораргула, вторую прижала к болезненной, кровоточащей ране под пупком.

— Поди прочь с моего корабля, — бросила она.

Корабль, отвечая на желание Ялнис, начал убирать гнездышко, втягивать его в пол. Сейан встала.

— А что, ты думала, должно было произойти, — злоба в ее тоне сменила замешательство, — когда ты объявила о запуске дочери? Зачем, как ты думаешь, приходят все? Просто мне повезло, и я оказалась первой. Или не повезло. — Она снова провела длинными пальцами по выпуклости-сыну. Выпуклость пульсировала и светилась красным светом — горячая, словно эпицентр инфекции. Ему нужно быстрее найти себе место, или же он родится мертвым. — А что же мне делать с этим?

Прилив злобы прошел, и Ялнис стояла бледная и потрясенная.

— Меня это не волнует. — Из комнаты исчезла вся мебель, все подушки — их поглотил корабль Ялнис; сейчас их окружали голые стены и пол, наверху светили холодные звезды. — Ты меня даже не спросила, — мягко продолжала Ялнис.

— Ты вела себя так, что мне показалось, мы понимаем друг друга. Но ты так молода… — Сейан подошла ближе. Ялнис отодвинулась, и Сейан со вздохом опустила руку. — Так молода. Так наивна.

Она подхватила с пола свой пурпурный плащ и прошла мимо Ялнис. Хотя в круглом помещении места было достаточно, прошла она так близко к Ялнис, что коснулась ее бедром и плечом — кожа к коже. Локон ее волос скользнул по животу Ялнис, как живая рука, и смазал кровь.

Сейан вошла в фимбрию, связывающую корабль Ялнис с ее собственным. Как только Сейан пересекла границу, корабль Ялнис отсоединился, через секунду на этом месте не осталось и следов прохода.

Корабль Ялнис выпустил несдержанными рывками несколько порций плазмы и отошел на безопасное расстояние. Корабль Сейан светился и блестел на звездном фоне, он становился все меньше и меньше; а корабль Ялнис уходил прочь, сверкая всеми цветами радуги.

Ялнис опустилась на пол, униженная и подавленная. Без

просьбы или мысли с ее стороны корабль сам пригрел ее, холодный пол превратился в мягкое теплое гнездышко, свет из яркого перешел в приглушенные сумерки. Сумерки, а не рассвет, как планировала она.

Она посмотрела на маленькое тельце Зораргула. Кровь стекла ей в ладонь. Она отняла вторую руку от кровоточащей раны — того места, где жил Зораргул, и погладила сморщенный завиток его пениса. Глубокая тупая боль регулярно пульсировала, иногда переходила в острую; она затмила все; а тело тем временем залечивало рану, из которой вышел Зораргул. Болезненное место, мягкая масса тканей.

— Зораргул, — прошептала она, — ты доставил мне столько удовольствия.

Из всех ее спутников Зораргул лучше других копировал искусство любви своей создательницы. Удовольствие, которое она получала, всегда соседствовало с гордостью — ведь значит, Зорар так ценила ее, что смогла создать ей спутника.

Интересно, где сейчас Зорар. Появится ли она на запуске дочери Ялнис? После расставания они больше не общались. Зорар мечтала о новых приключениях, а ее корабль стремился в глубокий космос. Она могла быть где угодно, на расстоянии одной звездной системы или на пути к новому пучку, могла пролетать сквозь такой густой вакуум и такую тьму, что не в состоянии была потратить ни одной лишней молекулы массы или фотона энергии на послание с выражением согласия, сожаления или пожеланием счастья.

Ялнис осталась в параллельно-осевой близости от своего места рождения. Она выросла в плотной популяции звезд и людей. В жизни у нее было много возлюбленных, она приняла пятерых спутников — Зораргула, Вазигула, Азилгула, Хайалигула и Бахадиргула. Имея пятерых спутников, она ощущала себя вполне зрелой, достаточно обеспеченной, чтобы запустить дочь с приличным, даже щедрым приданым. После этого она могла бы обратить внимание и на нужды корабля — и на свои желания и наконец-то пуститься в путешествия.

«Зорар…» — подумала она.

Она потянулась к воспоминаниям о Зорар и вся погрузилась в пустоту и жалость утраты. Воспоминания прервались убийством Зораргула. Зорар, которая была намного старше Ялнис, подарила ей свой опыт долгой жизни, полной путешествий и впечатлений. Именно так Ялнис узнала о рождении звезд и миров, об энергетической буре бумеранговой петли, окружавшей черную дыру; именно так она испытала самое опасное из всех путешествий — спуск сквозь густую атмосферу планеты на живую

поверхность.

Позади Ялнис оставила только воспоминания о воспоминаниях, растворяющиеся тени дара. Все воспоминания, хранившиеся в Зораргуле, исчезли с его смертью.

Убийством.

Стены и пол ее жилого помещения снова изменились — корабль восстановил обстановку ее гостиной. Ей нравилось, чтобы комната была простой, но роскошной — мягкой и уютной. Прозрачный купол венчал большое округлое пространство. Место только для одного человека. Она погладила пол окровавленной рукой и прошептала:

— Спасибо.

Хорошо. — Ответ корабля прозвучал у нее в голове.

Часто решения корабля доставляли ей удовольствие, предупреждали ее собственные желания. Странно, ведь люди редко общаются с кораблями. А когда пытаются, то такое общение часто переходит в полное непонимание. У них разные типы сознания, разные пути эволюции.

Ялнис поднялась, сейчас ей не хватало обычной легкости движений. Ее истощили злость, боль и горе, все тело тряслось от изнеможения.

Она понесла тельце Зораргула вниз по кораблю, в самое его сердце, к туманной энергоустановке. Руки у нее были все в крови — ее собственной и крови ее спутника, да и не только руки, но и живот, ноги, и даже пытающиеся защититься зубы, и спрятавшиеся головки остальных спутников, и бледное и беспомощное тельце Зораргула. Его половые органы сжались и превратились в пустые мешочки.

В помещении энергоустановки всюду текла вода, втекала она холодная, вытекала такая горячая, что до нее невозможно было дотронуться. Там, где пар от бассейна горячей воды сталкивался с холодным воздухом, образовывался туман. Ялнис опустилась на колени и обмыла тело Зораргула в холодном бассейне. Когда она закончила, на бархатистом полу уже лежал кусок алого шелка — совсем новый и нетронутый, ведь он только что появился на свет. Она обернула Зораргула в блестящую ткань.

— Прощай, — прошептала она и нежно подтолкнула маленький сверток в поток элементного тепла.

Прошло немало времени, прежде чем Ялнис вернулась в жилые помещения корабля. Она забралась в ванну с горячей, но не обжигающей водой. Вода закручивалась вокруг нее и уносила капли запекшейся крови. Ялнис аккуратно массировала рану, проверяя, чтобы вышли все нервные основания. Она не трогала лишь комок выброса, который уже начинал твердеть.

Оставшиеся спутники открыли свои маленькие лица и выглядывали из укрытия ее тела. Они оглядывались по сторонам, высовывались далеко наружу, смотрели друг на друга и демонстративно клацали зубами, а потом закрывали рты и начинали мурлыкать, чтобы привлечь ее внимание.

Она по очереди уделила внимание каждому — гладила их по лицам, стряхивала теплые капельки воды в маленькие рты, успокаивала каждого, шептала «шшш-шшш». Они не чувствовали утраты так, как чувствовала ее она, не оплакивали Зораргула, для них это была всего лишь возможность получить больше ласки. На секунду она даже испытала презрение к четверке спутников, каждый из которых пытался заполучить больше внимания и ласки для себя одного.

«Они такие, какие они есть», — подумала Ялнис и погрузилась вместе со спутниками в ванну, их маленькие лица оказались под водой. Они замолкли, задержали дыхание и закрыли глаза и рты; они умели сохранять запасы кислорода, как умели получать питание из ее крови. У Ялнис закружилась голова, она принялась глубоко дышать, и головокружение отступило.

Каждый спутник пытался ублажить ее, нет, Бахадиргул ничего не делал. Он был самым последним из ее спутников и всегда отличался сдержанным поведением, но когда он все же выказывал свою привязанность, то становился совершенно неудержимым. Сейчас же, вместо того чтобы прижиматься к ее центру, он спокойно выдувал сквозь воду пузырьки воздуха.

Ялнис улыбнулась и, закрываясь от спутников, отсекла Бахадиргула нежнее остальных. Сейчас ей совсем не хотелось общения с ними. Зораргул был самым лучшим, с ним у нее была самая глубокая внутренняя связь, он был таким же живым и заботливым, как ее первая любовь.

Из глаз текли слезы, горячие, они стекали по щекам, но когда она опускалась под воду, вода смывала слезы. Сквозь неровную поверхность воды, сквозь пар Ялнис смотрела на звезды.

Она высунула голову, чтобы вдохнуть. Вода рябила и плескалась, лицо обдало прохладой. Спутники молчали, они остались под водой. У Ялнис снова потекли слезы, она всхлипнула, не в силах сдержать горе, ей хотелось забыть все, что произошло после ее последнего пробуждения. Ей хотелось переменить все планы. Если она это сделает, то Сейан восторжествует. Она, возможно, даже начнет предъявлять какие-то требования. Ялнис взглянула на сообщения, которые корабль хранил для нее. Она отказывалась отвечать, даже видеть их не хотела. Она считала, что если прочтет их, то тем самым проявит

свою слабость. Прочитав же, она пожалела, что сделала это.

«Зачем ты мучила и дразнила меня? — писала Сейан. — Ты ведь знаешь, что хотела именно этого. Ты хотела меня».

Ялнис стерла все остальные сообщения Сейан.

— Не принимай послания от Сейан, — сказала она кораблю. *Хорошо,* — ответил корабль.

— Стирай их, выбрасывай. И никаких ответов. *Хорошо.*

— Сейан, ты воспользовалась моим восхищением, моим благоговением и извратила их, — сказала она, будто Сейан все еще стояла перед ней. — Я могла бы принять тебя. Могла бы, если бы ты оставила мне хоть шанс. Что у нас есть, кроме времени? Я никогда не прощу тебя.

Вода утекла из ванны, вся впиталась в стены и пол корабля. Теплый воздух обсушил ее и собрал весь пар. Ялнис завернулась в новый отрез шелка, даже не заботясь о том, как будет в нем выглядеть. Кое-кто ходил дома голышом, но Ялнис нравилось ходить в одежде. А сейчас подойдет и просто накидка.

Она бродила по кораблю, заходила в каждое помещение его нынешней конфигурации и с удивлением и опасением смотрела на дочерний корабль, который рос под боком ее корабля. Каким будет человек, новое существо, которое поведет этот корабль во Вселенную? Раньше ей казалось, что она это знает, но все так быстро переменилось.

Она вернулась наконец в гостиную.

— Защищайся, — сказала она кораблю. *Хорошо.*

Ялнис опустилась в объятия корабля, и он нежно принял ее. Она положила руку на живот, прижала ладонь к горячей, заживающей ране, потом погладила каждое из маленьких лиц. Они тыкались ей в ладонь, вытягивались, как могли, из своих гнездышек, чтобы она могла пощекотать за рудиментарным ушком Азилгула, под мощной нижней челюстью Вазигула. Даже Бахадиргул выскочил вперед и заморгал своими длинными ресницами, погладил ими ее пальцы, коснулся ее ладони своим острым язычком.

Каждый пытался доставить ей удовольствие, но у нее не было никакого желания получить удовольствие. Горе и чувство вины поглотили даже саму мысль о радости.

Гнездо окутало ее со всех сторон, прикрыло ноги, половые органы, живот. Оно пронеслось над личиками и вложило сосок в каждый маленький рот с острыми зубами. Корабль взял на себя кормление спутников, чтобы они не тревожили Ялнис во время сна.

— Тысяча орбит, пожалуйста, — сказала Ялнис.

Хорошо, — ответил корабль и дал ей понять, что доволен: так

у него останется достаточно времени, чтобы закончить и начистить дочерний корабль, подготовить его к запуску. Но после этого ему тоже хочется отдохнуть и заняться путешествиями. Она понимала его потребности, она согласна.

Сейчас она будет спать на протяжении тысячи орбит. Если кто-то еще, кроме Сейан, примет приглашение на запуск ее дочери, то прибудет заранее и сможет тогда дождаться ее, как ждала их она. Может, за тысячу орбит (по-старому это тысяча лет) она сможет придумать достойный способ отомстить. Возможно, за тысячу лет сна она сможет избавиться от своего страшного горя. Корабль протянул свои удлинители системы жизнеобеспечения, они подхватили Ялнис, вросли в нее. Она приняла удлинитель системы выделения и проглотила удлинитель питания. На руку и запястье сам собой наделся монитор.

Сквозь купол было видно, как корабль вышел на орбиту и направился к толстому ковру разноцветных звезд, к светящимся облакам газа.

Ялнис окунулась в тысячелетний сон.

Ее разбудил поцелуй корабля. Из удлинителя питания полилась вода, она смочила ее губы, язык. До сознания донесся замысловатый аромат. Она вошла в последнюю, гипнопомпическую стадию сна, теперь сновидения то появлялись, то пропадали.

Она подумала: «Было бы хорошо, если… Мне бы хотелось…» Неожиданно ее пронзила боль утраты. Ее сковал холод сожаления и горя, он дошел и до четырех оставшихся спутников — они очнулись ото сна, выпустили соски и запищали. Корабль, который в течение тысячи орбит раздражал их острые зубки, свернул свои системы.

Благодаря кораблю Ялнис заметила окружение — системы защиты самого корабля, звезду и ее планеты, астрономический ландшафт, светившийся сквозь прозрачный купол.

Корабль показал ей и группу других кораблей, которые каждый своим голосом сообщали ей, что корабли и люди собрались, чтобы отпраздновать запуск ее дочери и дочернего корабля. Она узнала друзей и знакомых, заметила и незнакомцев. Она попыталась найти бывших возлюбленных и, к своей радости и опасению, заметила, что рядом находится корабль Зорар.

Но и конечно же, Сейан.

За время долгого отдыха Ялнис Сейан ни разу не попыталась приблизиться, ни разу не попробовала присоединиться или напасть. Ялнис была рада этому. Ее корабль, конечно, выставил непроницаемую защиту, которая вызывала у других кораблей

серьезную аллергическую реакцию. Защитный экран отбирал много сил у корабля. Ее корабль был хорошо обеспечен, но даже для него выставить такую защиту одновременно с постройкой дочернего корабля — задача непростая.

Сейан не приближалась к ним, вместо этого ее корабль все время шел параллельным курсом, словно защищал и наблюдал за Ялнис.

Ялнис даже рассердилась, что не предвидела такого поведения (она ожидала агрессии, но никак не проявления заботы), она направила свой корабль по другому курсу — в математический центр вдоль длинной, извилистой линии курса другого корабля. Корабль послушно лег на новый курс, даже согласился на все проявления защиты и хороших манер. Теперь Сейан будет непросто следовать за ними.

Ялнис потянулась. Корабль понял, что она желает встать, и свернул все свои системы жизнеобеспечения, вынул их из ее тела. Она слегка поперхнулась, так всегда происходит, когда изо рта вынимают удлинитель питания. Он скользит вверх по гортани, затем по языку, между губ, оставляет во рту сладкий привкус. Удлинитель свернулся, и корабль поглотил его. Вслед за ним последовали удлинитель системы выделения и монитор. Они тоже исчезли в обшивке-коже корабля.

Ялнис медленно подняла голову. Тяжелые, сильно выросшие волосы оттягивали голову вниз. Она включила отражатели купола и посмотрела наверх.

Ее волосы раскинулись широким ореолом, закрыли всю округлую поверхность пола гостиной. Волосы были окрашены по концентрическим кругам. Внешний круг казался таким широким, что каждый волосок растягивался, словно луч, и светился серебристым цветом. Такой яркой блондинкой она была, когда впервые встретилась с Сейан. Дальше цвет волос резко менялся вплоть до черного, потом от золотистого до каштанового и темно-коричневого; затем последовательность цветов повторялась снова. На будущее она навечно удалила из последовательности самые светлые тона. Они всегда служили бы напоминанием.

Вместо того чтобы обрезать волосы покороче, как она всегда хотела, Ялнис попросила корабль оставить длину до пят.

Несмотря на постоянную заботу о ней корабля, ей всегда было трудно подниматься после такого длительного сна. Корабль помогал, он уменьшил силу тяжести. Ялнис встала на дрожащие ноги. Когда она выходила из гнезда, то споткнулась. Спутники тревожно запищали.

— Успокойтесь! — приказала она. — Разве я когда-нибудь давала вам повод? Почему же вы боитесь, что я упаду на вас?

Да и вообще, инстинкт самосохранения заставит их, если она и упадет, спрятаться внутрь ее тела, так что синяки и царапины достанутся только ей самой.

«Но даже если я никогда и не падала на них, — подумала она, — все же повод бояться у них есть. Повод усомниться в действенности моей защиты».

Волосы окутывали ее плечи, груди, бедра и ноги, опускались до самой земли. Спутники смотрели из-за плотной завесы и раздраженно переговаривались. Бахадиргул чихнул. Внезапно ее охватила жалость, и она откинула волосы, чтобы освободить их.

Рана под пупком зажила, на ее месте остался белый шрам. Под кожей хранилась зазубренная капсула спермы, которую Зораргул оставил ей перед своим исходом; она была невидима, но Ялнис пальцами прощупывала ее, ощущала ее нервными окончаниями. Она должна была решить, использовать ее или окончательно запечатать капсулу и выпустить ее из себя.

Корабль без ее напоминания впитал обрезанные волосы. Они родились вместе с кораблем; и, несмотря на секреты, которые каждый вид хранил при себе, они прекрасно знали привычки друг друга. Корабль выпустил отрез шелка и тут же скроил из него удобный и нейтральный костюм — свободные брюки с прозрачной, отделанной кружевами вставкой для спутников, рубашка без рукавов с такой же кружевной вставкой. Она носила одежду, которая позволяла спутникам смотреть на мир, потому что, когда им было скучно, они могли доставлять массу хлопот. Она оставила натуральный, слегка бежевый цвет шелка, слишком уж разноцветными были теперь волосы. Она закрутила их в один жгут, чтобы они не мешали ей одеваться, потом снова распустила. Волосы тяжело спускались на шею, плечи.

Может, стоит все же подумать о стрижке, решила она. Но после обеда. А пока можно соблюсти все формальности.

Начали поступать сообщения с других кораблей. Ей было приятно, что на ее приглашение откликнулись столько людей. Но пока она не отвечала, даже на приветствия. Ее корабль так долго ждал гостей, но никого не было. А теперь вот все собрались.

Ялнис прикрыла глаза, чтобы проверить состояние корабля и все записи. Температура корабля немного поднялась, так как он включил активный метаболизм. Бок корабля, гладкий до того, как она заснула, теперь сильно распирало. Дочерний корабль лежал в родильном гнезде, весь блестящий и украшенный маленькими узелками. Эти узелки впитаются в кожу-обшивку нового корабля, это основа будущих возможностей формировать входы-выходы, соединения, порты, антенны, недифференцированную ткань для экспериментов и игр.

— Красиво, — прошептала она кораблю.

Хорошо.

Спутники пищали от голода, хотя последние тысячу лет они только и делали, что спали и ели. Они отъелись и потолстели. Но они всегда были голодными или жадными, всегда готовы съесть что-нибудь вкусненькое, хотя они напрямую были связаны с ее током крови, с ее нервами и могли питаться, даже не открывая свои маленькие ротики, не выставляя напоказ маленькие острые зубки.

Но и Ялнис слишком долго питалась с помощью систем жизнеобеспечения корабля, она тоже страшно хотела есть.

Она вышла из гостиной и спустилась в сад. Свет переменился — он стал ярче и теплее. Фильтр, которым ее корабль пользовался для пропускания света в сад, симулировал атмосферу.

В саду ее встретил рассвет. В деревьях пели и щебетали птицы, по краю сада кормилась стая перепелов. Когда она вошла, несколько кроликов, рвущих травку на лугу, подняли головы, но тут же вернулись к своему занятию. В течение тысячи поколений они не видели человека.

В саду запахи были не такие, как в других помещениях корабля. Ей казалось, что такие запахи должны встречаться на настоящих планетах. Запахи нравились ей, но и пугали тоже, потому что пахло живыми организмами, которых она никогда не увидит. Чтобы сад оставался здоровым, в атмосфере присутствовали мириады бактерий, в земле орды червей, в траве и воздухе полчища жуков и букашек. Она даже думала, что спокойнее было бы выращивать все в гидропонных контейнерах, как делали раньше (когда она в последний раз внимательно разглядывала сад), но ей нравилась и необычность нового способа. Кроме того, кораблю такой метод тоже пришелся по душе. Если бы он считал, что что-то нужно переменить, он так и сделал бы.

Она прошла босиком в сад, стараясь не наступить на выползшего наружу червяка или невнимательного жука. Бактериям придется самим следить за своей безопасностью.

Она сорвала какие-то фрукты, початок кукурузы, пригоршню цветков тыквы. Ей нравились цветки. Когда она не спала, то постоянно разыскивала цветы и срывала их до того, как они превращались в плоды. Пропущенные цветки разрослись огромными тыквинами всевозможных форм, некоторые идеально сохранились, другие были изъедены животными-вегетарианцами.

Спутники почувствовали запах еды, заерзали, засуетились, вытягивая шеи и пытаясь цапнуть друг дружку. Она успокаивала

их, совала им кусочки яблок и зернышки граната.

Они уже начали бороться за первенство, каждый пытался продвинуться к ее центру, мигрировать так, чтобы она не заметила, через кожу и мышцы к тому месту, где жил Зораргул. У нее было ощущение, что кожа растянулась и болит. Но ни один спутник не проявлял достаточно смелости и уверенности, чтобы рискнуть отсоединиться от своего нынешнего местоположения и внедриться на новое.

«Ёот и хорошо. Попробуй кто-то из них без моего разрешения сделать это, и я за себя не отвечаю».

По выходе из сада ей нужно было приветствовать собравшихся гостей.

«Не хочу, — подумала она, словно капризная девчонка. — Хочу оставаться одна. Хочу наслаждаться своими спутниками. Хочу, чтобы меня оставили в покое. Дали бы спокойно погоревать».

В гостиной под прозрачным куполом корабль сделал возвышение, на котором можно было сидеть. Она опустилась на подушки, села прямо на волосы, вскрикнула от неожиданной боли, вытащила из-под себя локоны и аккуратно сложила их — в концах волос запутались кусочки земли и листья, и она стряхнула их (пусть ковер собирает мусор). А сама она устроилась поудобнее.

— Хочу навестить Зорар, — сказала она кораблю.

Хорошо.

Она вздремнула, пока два корабля сближались и выдвигали соединительные капсулы. Вот корабль Ялнис вздрогнул — слегка, еле ощутимо.

Ялнис замешкалась на границе, глубоко вздохнула и вошла в фимбрию, где сошлись вместе ткани ее корабля и ткани корабля Зорар, — здесь они встретились, переплелись и испускали генетическую информацию, которую так интересно было вкусить и проверить.

На границе корабля Зорар она остановилась и подождала появления подруги.

— Зорар, — приветствовала она ее.

Зорар улыбнулась доброй и томной улыбкой. Она протянула Ялнис руку и втянула ее на свой корабль; этот жест доверия полностью покорил сердце Ялнис. Ей захотелось броситься в объятия Зорар.

«Могу ли я?» — подумала она и разразилась слезами. Зорар обняла Ялнис и прошептала:

— Дорогая моя, что такое?

Между всхлипываниями и шмыганьем носом, совсем

некрасивым приступом икоты Ялнис постепенно все рассказала. Зорар держала ее за руку и слегка поглаживала ее; она молчала и не двигалась.

— Мне так жаль, — прошептала Ялнис. — Я так любила Зораргула. Я всегда вспоминала тебя, когда… Теперь во мне такая пустота.

Зорар опустила взгляд. Кружева на одежде Ялнис деликатно скрывали спутников.

— Дай посмотреть, — попросила Зорар спокойно.

Ялнис всегда восхищалась ее спокойствием. Правда, сейчас в ее карих глазах блестели слезы.

Ялнис раздвинула кружева. Четыре оставшихся спутника заморгали и съежились в необычной обстановке под пристальным взглядом незнакомки. Бахадиргул спрятался внутрь, он был самым стеснительным; остальные же высовывались, глазели и скалили зубы.

— Ты не выбрала замены.

— Как можно заменить Зораргула? Зорар покачала головой:

— Дубликатов не бывает. Но бывают замены. Ялнис сжала руку Зорар:

— Ты хочешь сказать… — Она остановилась, смущенная, в замешательстве, словно снова стала той же маленькой девочкой, какой впервые встретила Зорар. Тогда все, что случилось, было ее выбором. Теперь, по праву, выбор остается за Зорар.

— Наша общая дочка, — произнесла Зорар. — Интересно бы ее узнать.

— Да, — ответила Ялнис.

Зорар прижала ладонь к щеке Ялнис.

Вместо того чтобы упасть в ее объятия, Ялнис содрогнулась. Зорар тут же оторвала руку и уставилась на Ялнис.

— Что ты хочешь, дорогая моя? — спросила она.

— Я хочу… — Ялнис в смущении засопела. — Хочу, чтобы все было опять так, как до моей встречи с Сейан! — Она взяла руку Зорар и крепко обхватила ее. — Я хотела дочку от Зораргула, но Зораргула нет, и я… — Она замолчала. Она не хотела сделать больно Зорар.

— Ты не готова к новому возлюбленному, — произнесла Зорар. — Я прекрасно понимаю.

Зорар посмотрела на оголенный живот Ялнис, на одно смущенное и три наглых маленьких личика, на шрам, оставшийся после убийства Зораргула.

— Так не должно было быть, — произнесла Зорар.

Ялнис дотронулась до шрама, где зубчатые останки Зораргула царапали ее кожу изнутри.

— Может…

— Нет! — резко возразила Зорар.

Ялнис разочарованно опустила кружевную вставку.

— Сейан убила наши воспоминания, — сказала Зорар. — Разве ты можешь отправить в мир дочь, которая будет иметь опыт только одного родителя?

Зорар была добра, она не стала говорить, что этим одним родителем будет молодая и недостаточно опытная Ялнис. Глаза Ялнис снова наполнились слезами. Она попыталась сдержаться, но ничего не получилось. Она противилась признать, что Зорар права. Зорар зрелая, она занимает определенное положение, у нее за плечами несколько длинных, далеких путешествий. Ее воспоминания — незаменимый дар, который можно было передать дочери через Зораргула. Сам по себе пакетик спермы не может передать эти воспоминания, этот опыт.

— Должно пройти время, — промолвила Зорар. — Возможно, мы снова встретимся в каком-нибудь новом тысячелетии.

Ялнис вытерла глаза рукавом.

— Я так злюсь! — воскликнула она. — Как могла Сейан решиться на такое предательство?

— Как ты ее нашла? — спросила Зорар, словно желая переменить тему разговора. — О ней ничего не было слышно… — Она замолчала, задумалась, потом пожала плечами. — По крайней мере шестьдесят или восемьдесят тысяч лет. Я думала, она пропала.

— Ты надеялась на это?

Зорар внимательно посмотрела на нее:

— Разве ты не помнишь?

Ялнис, устыдившись, отвернулась и ответила:

— Не вся память Зораргула перешла ко мне. Я всегда с радостью принимала все его воспоминания. Но не хотела хватать их все сразу, словно ненасытная жадина.

— Сколько тебе сейчас лет? — мягко спросила Зорар, будто желая сменить тему разговора.

— Кораблю одиннадцать тысяч лет, — ответила Ялнис. — В состоянии бодрствования мне двадцать пять.

— Вам, молодым, всегда обязательно нужно все открывать самим, — со вздохом произнесла Зорар. — Ты ни о чем не спрашивала Зораргула, когда позвала к себе Сейан?

Ялнис была потрясена до глубины души и не отрываясь смотрела на Зорар.

— Спрашивать Зораргула о Сейан?

Зорар с таким же успехом могла предложить заняться любовью посреди группы кораблей и оставить при этом купол

прозрачным, чтобы все могли заглядывать внутрь. Ялнис никогда и в голову не приходило сообщать спутникам имена других спутников или хотя бы задуматься, поймут ли они ее. У нее оставалось право на личную жизнь, так же как и у ее возлюбленных.

— Молодежь! — нетерпеливо воскликнула Зорар. — Для чего, как ты думаешь, существует память? Неужели это просто игрушка для развлечения?

— Я старалась относиться к воспоминаниям с уважением! — вскричала Ялнис.

Зорар фыркнула в ответ.

Интересно, подумалось Ялнис, буду ли и я когда-нибудь такой уверенной в себе. Ведь Зорар абсолютно не волнует, что думают о ней другие. Ялнис так хотелось быть такой же смелой, такой же отважной и бесстрашной.

— Я, конечно же, спрашивала о ней! — воскликнула она, пытаясь хоть как-то оправдаться. — Не у спутников, а у Шай и Кинли, у Тасмин. Только они были рядом, с ними я и говорила. Все они ответили: «Ага, значит, она нашлась», или: «Это легенда, как тебе повезло встретиться с ней», или: «Передавай ей мой теплый привет».

— У Тасмин с ней дочь, она ни при каких условиях не позволит сказать ничего плохого о Сейан. Думаю, что Сейан никогда не давала ничего Тасмин, чего не хотела бы отдать сама. Кинли вообще даже еще не родилась, когда в последний раз мы слышали о Сейан, а Шай… — Зорар опустила взгляд на руки и медленно, постепенно разжала кулаки. — Шай боится ее.

— Она могла бы предупредить меня.

— Сейан наводит на нее ужас. Она здесь? — Зорар закрыла глаза, так делала и Ялнис, когда хотела получить информацию от органов чувств корабля.

— Нет, — ответила Ялнис, и Зорар почти одновременно промолвила:

— Нет, ее тут нет.

— Она говорила, что будет, но потом передумала. Я очень обиделась, когда она исчезла, не сказав ни слова, а когда я спрашивала, в чем дело, она молчала в ответ.

— Она изменила свое мнение после того, как ты упомянула о Сейан.

Ялнис подумала немного и согласилась:

— Да.

— Ты бы поверила ей, если бы она предупредила тебя?

Ялнис вспомнила, как красиво говорила Сейан, ее прикосновения и неотразимую внешность, свое смущение от

одного вида Сейан, она вспомнила, как была возбуждена, поняв, что Сейан ее заметила. Ее передернуло — как же все переменилось!

— Сомневаюсь, — ответила она. — Да, ты права, я бы ей не поверила. Я бы решила, что она просто ревнует.

Зорар утерла слезы Ялнис.

— Что она тебе сделала? — шепотом спросила Ялнис. Зорар глубоко вздохнула и приподняла марлевую кромку рубашки.

У нее было такое же количество спутников, как и в последний раз, когда они виделись, — пятеро. Столько же приняла и сама Ялнис. Ялнис думала, что женщина такого возраста и статуса, как Зорар, могла бы принять еще нескольких спутников. Пятеро спутников считались нормальным для женщины возраста и положения Ялнис.

— Ты видела этот шрам, — продолжала Зорар, проводя рукой по бледной неровной линии, проходившей от грудины до пупка; на фоне ее нежной кожи шрам был почти незаметен. — А я всегда отмахивалась от твоих вопросов.

— Ты говорила, что это случилось, когда ты ступила на поверхность планеты, — ответила Ялнис. — Ты говорила, что на тебя напало хищное растение.

— Да, так оно и было, — спокойно сказала Зорар. — Но шрам не от него.

Она медленно погладила маленькое личико своего расположенного в центре спутника по подбородку. Прямо под пупком Зорар спутник поднял личико, заморгал и оскалился. Он не потягивался, словно угрожая, не исчезал. Ялнис никогда не видела его лица: как и другие, он мало показывался наружу; когда Ялнис и Зорар занимались любовью, она видела только его макушку. Ялнис. всегда считала, что спутники восхитительно скромны, но теперь подумала, не боялись ли они ее.

Зорар прижала пальцы под подбородком спутника и, нежно почесав его, приподняла головку и обнажила шею.

Шрам не заканчивался у пупка Зорар, он шел дальше по затылку спутника и сбоку по его горлу.

— Сейан утверждала, что вела себя так, как ее научили. Как она считала правильным. Она пришла в ужас от моего отчаяния.

Она погладила пушистую головку спутника, и он прикрыл глаза. Голос Зорар стал жестче.

— Мне пришлось успокаивать ее, потому что она словно обезумела. Мне пришлось успокаивать *ее.*

— Она обвинила меня в том, что я дразнила ее, обманула ее, — ответила Ялнис. — А она убила Зораргула.

Раненый спутник тихонько заснул под рукой Зорар, теперь,

во сне, он уже не скалил зубы.

— Может, она научилась действовать разумнее, — прошептала Зорар, словно спутник мог услышать ее и понять. — Или стала более… милосердной.

— Милосердной! — вскрикнула Ялнис. — Скорее, жестокой и саркастичной.

— Она убила Зораргула, — сказала Зорар. — А этого, моего, она оставила парализованным. Импотентом.

Ялнис представила: Зораргул отрезан от нее, он не может передать ни удовольствия, ни воспоминания, просто паразитирует, и гордость его навсегда ущемлена и разрушена. Она с удивлением и жалостью воззрилась на Зорар, а потом смущенно покраснела. В свое время она была уязвлена, когда Зорар сотворила Зораргула с вторичным маленьким лицом вместо лица первого спутника. Теперь Ялнис знала причину.

Ялнис положила руку на руку Зорар. Своими пальцами она дотронулась до мягкого пушка на голове раненого спутника и бессознательно вздрогнула. Зорар отвела взгляд.

«Могла ли я уберечь Зораргула? — подумала Ялнис. — Независимо от того, насколько я любила Зорар…»

Она считала, что Зорар самая смелая из всех людей, которых она когда-либо встречала.

Стоит ли говорить об этом? Непонятно. Не более, чем задавать вопросы, которые задавать нельзя: «Как ты могла?.. Почему ты не?..»

— И что ты думаешь теперь? — спросила Зорар.

— Я возмущена! — заявила Ялнис.

— Возмущена до такой степени, что готова рассказать?

— Я рассказала тебе.

— Ты призналась мне. Ты призналась в смерти Зораргула, словно сама была в этом виновата. Ты веришь Сейан, что это ты обманула ее? Достаточно ли ты возмущена, чтобы обвинить ее, а не себя?

Ялнис сидела молча, она задумалась. Спустя долгое время она снова погладила руку Зорар, собралась с мыслями и провела пальцами по волосам спутника Зорар. Потом быстро поцеловала Зорар и вернулась к себе на корабль.

Она была занята приготовлениями, общением со старыми друзьями, знакомством с новыми. Но в голове все время звучали вопросы, которые задала ей Зорар, обычно они таились где-то в самых далеких уголках сознания, но иногда пробивались наружу.

«И что ты думаешь теперь?»

Пока она готовилась, корабли подошли ближе, выпустили

свои системы соединения. Они все срослись вместе. Корабль Ялнис стал центром, и вскоре колония кораблей полностью заслонила ей вид космоса с его облаками звезд и светящейся звездной пылью. Ялнис чувствовала, как неуютно ощущает себя корабль, когда его так сжали со всех сторон. Она вполне разделяла его тревогу. Она чувствовала и изнеможение корабля от переизбытка генетического обмена. Она старалась избегать острых ощущений.

Она продолжала игнорировать Сейан, но так и не аннулировала ее приглашение. Корабль Ялнис не разрешал прямого соединения с блестящим кораблем Сейан. Сейан оставалась на периферии колонии, образовав свои собственные соединения с другими кораблями. Корабли парили в некоем сложном и необычайно красивом танце, танце равновесия и взаимодействия. Люди обменивались приветствиями, воспоминаниями, дарами, а корабли в это время обменивались информацией и новыми генетическими кодами.

По большей части обмен информацией происходил тайно. Порой даже сами корабли не знали, что может сделать эта новая информация, но они обильно собирали ее, обменивались ею, играли, переформировывали, проверяли. Светящийся узор радужных отражений распространялся сквозь кожу-обшивку корабля Сейан к другим кораблям, узор при этом мутировал от линий к точкам.

Корабль Ялнис сохранял свою обычную отражающую серебряную окраску.

— У кораблей теперь новая мода, — заметила Ялнис. *Хорошо,* — ответил корабль и вдруг: — *Плохо.*

Ялнис нахмурилась, она была озадачена — ее корабль демонстрировал ей генетическую последовательность и генеалогический ярлык. Она обычно оставляла все эти вопросы на усмотрение корабля, но поняла лишь одно: ее корабль не признавал новый узор, потому что он исходил от корабля Сейан. Корабль поделился с Ялнис и другими своими заботами, он показал, как много новых последовательностей он рассмотрел и отверг, он вообще отказывался даже принимать информацию, если она уходила корнями к ярлыку Сейан.

— Спасибо, — поблагодарила его Ялнис. *Хорошо.*

Разговор между человеком и кораблем вышел за рамки обычного. Слишком длинный. Ялнис была рада, что обошлось без непонимания.

Ялнис надеялась, что корабль понял ее «спасибо», а сама она поняла его ответ.

«Возможно, Сейан права, — сама себе сказала Ялнис. —

Возможно, я наивна. Я боялась прямой атаки, но никогда и не думала о хитром и подлом нападении на мой корабль».

Интересно, не повлияла ли ее встреча с Сейан на равновесие между двумя кораблями; но, может, их вражда имеет другой источник. Может, следует исключить из колонии корабль Сейан. Однако это было бы серьезным оскорблением, а друзей у Сейан больше, чем у Ялнис, и еще больше почитателей. Она старше, богаче, более опытна и уже состоялась как личность, голос и тело у нее более гибкие и податливые.

— Я доверяю тебе. — Она старалась говорить простыми утвердительными предложениями. Она оставит своему кораблю право принимать решения относительно корабля Сейан.

Хорошо.

Новая блестящая мода продолжала распространяться от корабля Сейан на другие корабли, при этом каждый последующий старался еще больше приукрасить новое веяние.

Популярность Сейан привела к тому, что в колонии образовался второй центр, это вызвало дестабилизацию их вращательного движения, но тут уж ничего нельзя было поделать. Это проблемы кораблей, а не людей.

Ялнис была готова. Она приняла последние решения, надела замысловатый кружевной наряд, глубоко и прерывисто вздохнула и пригласила гостей.

Первой появилась Зорар, она была настолько уверена в себе, что не задумывалась о том, чтобы соблюдать веяния моды и опаздывать. Ялнис обняла ее, она была благодарна Зорар за все. Зорар нежно поцеловала Ялнис и протянула ей запечатанную стеклянную ампулу.

— Для виноградника твоей дочери, — сказала она. — По-моему, культура улучшилась даже по сравнению с той, что я давала твоей матери, когда она запускала тебя и твой корабль.

— Спасибо. — Ялнис оценила дар и положила его на главный стол, на самое почетное место.

Прибыли еще гости; целый час она приветствовала их одного за другим, встречала старых друзей, представляла гостей друг другу, принимала дары. Гости подносили ей произведения искусства, рассказы и песни; шелк, сделанный их кораблями, тонкий, как туман, семена недавно адаптированных растений, эмбрионы недавно открытых культур, уникальные дрожжи и бактерии. Ялнис принимала все подряд, благодарила всех. Запуск дочери произойдет по-настоящему; ее корабль будет исключительным и богатым.

Гости ели и пили, желали друг другу долгих лет жизни и интересных путешествий, поздравляли тех, кто благополучно

вернулся из очередных вылазок. Они обменивались комплиментами и сплетнями, флиртовали друг с другом, рассказывали друг другу сказки и истории, даже хвастались. Кинли, конечно, только что вернулась из очередного потрясающего путешествия, по сравнению с которым бледнели все остальные. Гости хвалили кухню корабля Ялнис, особенно сочного кролика, а также разнообразие и качество ее вин. Все были в лучших шелковых нарядах, а большинство, как и Ялнис, надели еще и кружева, чтобы спутники могли наблюдать за вечеринкой, оставаясь в то же время в укрытии. Некоторые гости были в непрозрачных одеждах, подчеркивая тем самым предельную скромность. Но Ялнис такой выбор казался слишком жестоким. Самые молодые из гостей, которые недавно дебютировали и перешли из разряда одинокой девушки в разряд взрослой женщины, выставляли напоказ свои девственные талии и животы.

Ялнис, как и всегда, особо остро ощущала соединения, которые протянулись от других кораблей к ее гостиной. Входы, светящиеся холодными пастельными красками биологического света, изменили ее жизненное пространство — теперь вместо уютного и интимного оно стало открытым и уязвимым.

Зорар протянула ей бокал вина. Ялнис создала этот сорт на основе дрожжей, которые Зорар подарила ее кораблю, когда корабль был рожден и запущен вместе с самой Ялнис.

Ялнис пригубила вино, огляделась и сделала большой глоток. Она сразу почувствовала действие напитка. Спутники запищали от удовольствия, забрались глубже внутрь и с жадностью впитывали алкоголь. Ялнис провела рукой по кружевной вставке рубашки. Она так мало уделяла внимания спутникам со времени убийства Зораргула. Ялнис выпила еще вина, Зорар вновь наполнила бокалы.

Ялнис заблокировала усиливающийся гул разговоров. Она отвыкла от шума, он утомлял ее.

— Что ты думаешь? — спросила она. Зорар подняла бровь:

— Я хочу, чтобы ты ответила мне на этот же вопрос.

— Ага, — промолвила Ялнис. — Да, конечно. — И она покраснела от допущенной ошибки. — Но я имела в виду вино.

— Вино замечательное, — ответила Зорар. — И ты это прекрасно знаешь. Твой корабль относится к той линии, которая никогда не допускает рекомбинантных ошибок; я одобряю все его изменения. А что насчет Сейан? Ты запретила ей доступ?

— Нет. Я хочу, чтобы она пришла сюда. Чтобы она поняла, что проиграла. Может, она сама запретила себе доступ.

— А может, пытается выбить тебя из колеи. Или дожидается,

когда ты выпьешь слишком много.

Ялнис опустошила второй бокал.

— Может, если я напьюсь, то буду готова встретить ее. Она игнорировала шум, но тут обратила внимание на внезапную тишину.

— А потом я… — сказала Кинли и остановилась.

Посреди самого большого нового входа стояла Сейан, ее силуэт выделялся на фоне золотистого биолюминесцентного света, лицо оказалось в тени — эффект был крайне впечатляющим. Сердце Ялнис забилось, кровь прилила к лицу.

— Я думала, она такая красивая, — прошептала Ялнис Зорар.

Ялнис была в ужасе и смятении. Ей показалось, что она говорила шепотом, но несколько человек, которые стояли рядом, посмотрели на нее с удивлением, а одна даже с ревностью — ведь у Ялнис были близкие отношения с этой известной путешественницей.

«Если бы ты только знала, — подумала Ялнис. — Интересно, что бы ты почувствовала?»

Ялнис с сожалением подумала о том, что канула в прошлое радость, которую она испытала, когда выбор Сейан пал именно на нее, но еще больше она сожалела и горевала о Зораргуле.

Сейан вошла внутрь, она приветствовала своих союзников и миновала, даже не повернувшись, тех нескольких человек, которые не приняли новомодные предложения ее корабля. Ее ноги и бедра элегантно облегали шелковые одежды, блестевшие тем же узором, что теперь украшал многие корабли. Никто больше не догадался использовать этот узор для одежды. На плечах Сейан красовалась шаль из такого же материала, она прикрывала грудь Сейан, а заодно и ее спутников.

Но в руках Сейан не было никаких даров. Ялнис отказывалась замечать это, но другие гости тут же обратили внимание и, шокированные, принялись перешептываться.

И вдруг она откинула в сторону шаль и обнажила себя от грудины до лобка.

Со времени, когда она была вместе с Ялнис, она приняла еще спутников. Их у нее было так много, что Ялнис не смогла даже сосчитать, не рискуя неприличным образом уставиться на живот Сейан, чего она уж никогда себе не позволила бы. Она задержала взгляд лишь настолько, чтобы убедиться, что выпуклость-сын прорвалась и уже зажила.

Остальные гости смотрели и смотрели.

Как может один человек выдержать стольких спутников? Внешне Сейан выглядела здоровой, сильной и вполне обеспеченной.

Она повернулась и из тени позади себя вытянула на свет еще одну гостью. На обозрение всех остальных смущенно вышла Экарит. Экарит, одна из недавно дебютировавших взрослых женщин, уже надела новую кружевную вставку. Сейан наклонилась и поцеловала ее, скользнула рукой под прозрачной вставкой ее рубашки, чтобы все заметили: да, она не принесла дар для дочери Ялнис, но она преподнесла еще более интимный дар Экарит.

Сейан хотела, чтобы Ялнис знала, что произошло с новым спутником, — она нашла ту, которая согласилась принять его.

Сейан прошептала что-то Экарит, провела рукой по ее щеке и направилась в сторону Ялнис и Зорар. Экарит следовала за ней, чуть поодаль, застенчивая и внимательная, она была возбуждена и напугана своей первой в жизни взрослой вечеринкой.

Первый спутник Сейан, тот самый убийца, высунулся на всю длину шеи, широко раскрыл глаза, оскалил зубы и резко клацал ими. Остальные спутники вторили ему, тоже скалили зубы и свирепо моргали.

— Какая приятная маленькая вечеринка, — промолвила Сейан. — Мне так нравятся люди, которые не следуют последним веяниям моды.

— Попробуй вино, — предложила Ялнис. Она собиралась разговаривать вежливым тоном, но голос прозвучал жестко, безжизненно.

Сейан взяла бокал, глотнула и кивнула.

— Такое же хорошее, как и раньше.

Ялнис мечтала вернуть те далекие дни, когда Сейан была молодой и когда можно было еще разрушить биохимическое строение человека при помощи яда. Она представила отравленное яблоко — всего один кусочек, и Сейан уже больше никого не поцелует.

«Может, я могу воплотить в жизнь это последнее желание», — подумала она и тут же начала действовать.

Она приказала ране, оставшейся после Зораргула, снова открыться. Ее тело пронзила острая боль. Спутники запищали, словно напуганные птицы, — так они реагировали на ее физические и душевные страдания. Сквозь кружевную вставку рубашки проступила кровь. Все гости в ужасе смотрели на нее.

Ялнис опустила руку под алое пятно и провела по ране. Рана под ее нажимом открылась.

Ее плоть воспринимала пакет со спермой Зораргула, как инородное тело, раздражитель, как нечто, что следовало заключить в капсулу и изолировать, подобно жемчужине. Но пакетик тоже боролся за собственную жизнь, он раскидывал вокруг шипы, чтобы зацепиться. Сейчас, выходя наружу, он

царапал ее всеми этими шипами, и Ялнис еле сдерживалась, чтобы не закричать от боли.

Наконец ей в руку выпала капсула. Она крепко зажала ее. Ее тело прикрыло отростки пакетика своей собственной белой оболочкой. От Зораргула осталась лишь сфера с окровавленными клыками.

— Это твоя работа, Сейан, — промолвила Ялнис.

По ее животу растекалась кровь, она сочилась по волосам на лобке, вниз по ногам и прямо на ковер, который впитывал и удалял ее. Ялнис похолодела, побледнела, голова ее кружилась. Зорар, стоявшая рядом, вселяла в нее мужество.

— Ты выбрала меня в качестве возлюбленной, — ответила Сейан. — Я думала, ты хотела меня. Думала, ты хотела от меня спутника. Мое потомство всегда боролось за место под солнцем.

— Я никогда не воевала с тобой, — возразила Ялнис. — Я любила тебя. Если бы ты попросила, а не… — И она посмотрела вниз, на окровавленные останки.

— Попросила? — прошептала Сейан. — Но это ты попросила меня.

Вокруг них раздавались шепот, восклицания, возгласы согласия и несогласия.

Тасмин подвинулась ближе к Сейан, она приняла ее сторону.

— Ты наверняка была невнимательной, — сказала она Ялнис. — На мой взгляд, ты слишком молода, чтобы содержать столько спутников.

Сейан взглянула на Тасмин, и та замолчала. Все прекрасно видели, что Ялнис здорова и у нее есть достаток. Ее вид говорил сам за себя, а корабль служил дополнительным подтверждением.

Они стояли друг против друга, и гости понемногу занимали ту или иную позицию. Большинство придерживалось нейтральной, кое-кто встал позади Ялнис, но гораздо больше позади Сейан. Ялнис жалела, что Шай не осталась на вечеринку. Она могла бы занять сторону Сейан, но другие заметили бы ее страх.

Экарит в своей новой кружевной рубашке застенчиво встала между ними.

— Сейан очень внимательна ко мне, — прошептала она. — Она согласилась с моим выбором. — И она отодвинула в сторону кромку рубашки — ровно настолько, чтобы показать уже заживающее воспаление своего нового приобретения, золотую кожу и глубокие карие глаза потомка Сейан, первого маленького лица самой Экарит. — Очень внимательна, — повторила Экарит. — Очень добра. Я ее люблю.

— За то, что она дала тебе отвергнутого? — спросила

Ялнис. — За то, что заставила принять спутника, от которого отказалась я?

Экарит уставилась на нее. Ялнис даже пожалела Экарит, пожалела, что унизила ее.

Тасмин вышла вперед и встала рядом с Экарит.

— Ялнис, в тебе говорит горе, — произнесла она. — Ты потеряла спутника, я разделяю твою боль. Но не обвиняй Сейан, не смущай Экарит. Мы все знаем, что Сейан благородная женщина. Моя дочь от нее была запущена со славой и почестями.

— Поэтому-то ты так и заинтересована поддерживать ее, — ответила Ялнис.

— Я тоже поддерживаю, — возразила Кинли, — хотя у меня нет никакого личного интереса.

Ялнис хотела было сказать: «Разве ты когда-нибудь слушала кого-либо, кроме себя?»

Но тут Зорар приподняла край своей рубахи и показала всем шрам и кастрированного спутника с потухшими глазами и поникшим ртом. Изо рта у него стекала слюна.

Старые сразу все поняли, молодые в ужасе смотрели на изуродованного спутника. Раздался шепот, это старые разъясняли молодым. Теперь все смотрели на Сейан.

— Я тебя тоже любила, — промолвила Зорар. — Я говорила себе: это, наверное, моя ошибка. Я должна была понять. Я успокаивала тебя. После того, как ты сделала вот это.

— Я пришла на празднование. — Сейан держалась прямо и с достоинством. — И я хочу, чтобы меня воспринимали такой, какая я есть, а не обрушивали на меня ложные обвинения, не оскорбляли.

Она резко повернулась, и края ее одежды эффектно разлетелись в стороны.

Экарит бегом последовала за ней. Сейан остановилась, даже сзади было видно, как она злится; но вот она немного успокоилась, наклонилась к Экарит, что-то сказала ей, поцеловала и дальше пошла одна. Ее грозная фигура высветилась на секунду в проеме центрального выхода и тут же исчезла.

Экарит вся дрожала, она смотрела вслед удалившейся Сейан и натягивала вниз край рубашки. Наконец она побежала за Сейан. Тасмин с гневом посмотрела на Ялнис, тяжело вздохнула и тоже вышла.

Остальные, даже Кинли, остались стоять вокруг Ялнис и Зорар.

— Ты сама испортила свою вечеринку, — раздражительно заметила Кинли. — И что теперь. Разрыв навсегда? Вражда?

— Я буду избегать ее, — сказала Ялнис.

— Но это уже слишком!

Ялнис ждала, она надеялась если не на шумное приветствие, то хотя бы на поддержку. Но ее окружало молчание.

— А если сообщество не согласно со мной, то какое дело, что избегать ее буду только я?

— И я, — поддержала ее Зорар, и для многих это оказалось решающим.

Пока она говорила, в коридорах, соединявших корабль Ялнис с другими, погас свет; входные проемы медленно уменьшились. Все прекрасно понимали, что вечеринка закончилась. Гости торопились разойтись, пока коридоры окончательно не исчезли. Все потускнело.

В гостиной столы медленно исчезли в полу, оставив на ковре мусор и постепенно растворяющиеся столовые приборы. Реснички ковра собирали весь мусор в медленные водовороты, направляли его в специальные поры, где мусор подвергался метаболической переработке. Все дары тоже исчезли, они будут направлены на новый корабль.

Осталась только Зорар. У Ялнис подкосились колени. Она, тяжело дыша, опустилась на пол, голова у нее шла кругом. Зорар присела рядом.

— Я… Мне нужно…

— Замолчи. Ложись на спину.

— Но…

— Он ждал так долго. Может подождать и еще.

Ялнис поддалась уговорам Зорар и легла. Корабль принял ее в свои объятия, он со всех сторон окутал ее своей теплой кожей. Боль постепенно прошла, кровотечение остановилось. Она исчезла с кожи Ялнис, с ее одежд — маленькие красно-коричневатые точечки сбегали с нее и исчезали через кожу корабля куда-то далеко-далеко.

На секунду или на час Ялнис окунулась в сон. Когда она проснулась, Зорар все еще была рядом с ней.

— Спасибо, — прошептала Ялнис. Она снова закрыла глаза. Ей так хотелось побыть одной.

Зорар поцеловала Ялнис и скользнула в последний, оставшийся видным проем. Проем сразу же закрылся и исчез.

Ялнис хотелось одного — снова заснуть. Теперь ей нужно даже больше, чем тысяча лет. Она никогда так долго не находилась в окружении столь большого количества людей, никогда раньше не противостояла никому другому. Она умирала от изнеможения, но нужно еще немного продержаться.

— Я запрещаю доступ Сейан, — сказала она. Спутники задрожали, почувствовав ее переживания. *Хорошо,* — ответил

корабль, он тут же убрал все соединения с другими кораблями. Первичная колония распалась на отдельные корабли. Они тут же удалились на безопасное расстояние, теперь жилое пространство Ялнис снова окружали звезды.

Блестящая вторичная колония Сейан осталась на месте, корабль Сейан занимал самое защищенное, центральное положение. Ни один корабль не отделился от этой колонии в знак того, что отказывается от Сейан, избегает ее. Ялнис повернулась к ним спиной. Больше она не хочет иметь с Сейан ничего общего.

— Пора, — громко сказала Ялнис. *Хорошо,* — ответил корабль.

Он тут же соорудил для нее новое гнездышко — роскошную кровать из шелка, притушил свет и сделал внешнюю поверхность купола зеркальной. Звезды сразу стали призрачными. Ялнис видела все, что происходит снаружи, но внутрь ее корабля заглянуть не мог никто.

Ялнис сняла рубашку. Длинные волосы мешали ей. Она раздраженно тряхнула головой, сняла свободные брюки и, обнаженная, опустилась в постель.

— Пожалуйста, обстриги волосы. *Хорошо,* — согласился корабль.

Гнездышко быстро проделало всю работу, теперь ее голову украшали коротко подстриженные темно-коричневые волосы. Сразу стало намного легче; длинные локоны упали на ковер и вскоре растворились, превратились в молекулярную пыль.

Ялнис расслабилась, взглянула на спутников и провела рукой по всему телу вниз. Маленькие лица поняли ее намерение. Каждый высунулся, как мог, наружу, потом убрался внутрь, каждый шептал, предлагая себя.

Она сделала выбор.

Бахадиргул вытянулся в поисках ее руки, он нежно постанывал сквозь сжатые острые зубы. Остальные спутники сжались и спрятали свои маленькие личики, кто в смущении, кто в разочаровании. Ялнис погладила Бахадиргула по голове, по затылку, по шее и по тельцу. Она открылась своему спутнику.

Наслаждение медленно нарастало — от точки присоединения Бахадиргула и вглубь ее тела. Оно дошло до степени, обычной при соединении, которая всегда приносила Ялнис радость, а спутники долго еще купались в гордости и насыщении. Но сейчас все продолжалось. Ялнис закричала, тяжело дыша, выгнула спину. Бахадиргул дрожал и вытягивался. Они с Ялнис то соединялись, то разъединялись.

Наконец появилась их дочь. Ялнис свернулась клубочком, иногда она вздрагивала, и ее обдавало волной удовольствия. Она

прислушивалась к тому, как растет их дочь. Наслаждение спало.

Внутри нее росла дочь.

Довольная, она устроилась поудобнее в гнездышке и приготовилась спать.

Вместо этого купол снова стал прозрачным. В отдалении блестела колония Сейан. Фимбрии, связывавшие корабли, понемногу слабели и готовились к тому, чтобы отсоединиться.

Ялнис вздохнула. Сейан ее больше не волнует. Она поклялась больше ее не замечать.

Дальше произошло такое, что Ялнис никогда не удастся забыть, сколько тысячелетий она ни прожила бы, сколько приключений ни выпало бы на ее долю.

Соединения сменили форму, сдвинулись, изогнулись арками и волнами. Они сжимались и притягивали корабль еще ближе, хотя старались при этом отсоединиться и отойти.

Сейан полностью подчинила себе корабли тех, кто поддерживал ее, и теперь они обнаружили, что не могут управлять собственными кораблями. Они пытались освободиться, пытались разрушить соединения, но Сейан притягивала их все ближе и ближе.

Корабль Сейан заразил остальные корабли не только красотой, но и повиновением.

Старый и мощный корабль Тасмин с трудом высвободился из общей колонии. Его фимбрии вырвались с кровью. Корабль Ялнис сочувственно вздрогнул, услышав крик боли, недоступный людям. Разрушение и замешательство позволили еще нескольким женщинам преодолеть волю кораблей и оторваться от общей массы. После болезненного и страшного процесса освободившиеся корабли вылетели на более широкую орбиту или сразу же взяли курс за пределы звездной системы, подальше от Сейан.

От последствий злокачественного генетического обмена страдали и люди, и корабли. Ялнис только оставалось надеяться, что все переживут это потрясение.

— Что она делает? — прошептала Ялнис.

Ее корабль правильно интерпретировал ее слова — как обращенные к людям, не к кораблям. Он открыл все коммуникационные порты, которые она приказала закрыть, и в корабль Ялнис ворвались возгласы, крики возмущения, извинения, споры, немыслимые рассуждения.

Ялнис похолодела от страха, шока и ответственности за происшедшее — ведь это она собрала здесь людей, она заставила их выбирать, к какой стороне примкнуть.

— Сейан заразила их, ослабила защитные функции, —

сказала Ялнис. «Для этого и был предназначен новомодный узор, — подумала она. — Искушение, соблазн и предательство».

Хорошо, — ответил корабль.

Корабль Ялнис направился в сторону корабля Сейан. Он колыхался вокруг нее, как колыхались и дрожали спутники внутри Ялнис. Он принял решение, но это решение могло привести к его гибели. Это дело корабля. Ялнис могла сопротивляться его решению, но могла добавить свое волевое усилие к волевому усилию корабля и присоединиться к борьбе. Она приняла сторону корабля.

За ней последовала Зорар, а потом, хоть и неохотно, Тасмин. Фимбрии ее корабля сочились жидкостью, которая отрывалась облаками тумана и распадалась на тысячи искр, освещаемых солнцем. Кожа-обшивка ее корабля снова приняла, как и раньше, голубую блестящую окраску, но местами прорывались зараженные, переливающиеся разными цветами остатки, они пытались снова отвоевать положение.

Спустя недолгое время звезды опять исчезли, их заслонил мерцающий защитный щит Сейан. Корабль Ялнис напролом ринулся в гущу этой неразберихи. Ялнис вся сжалась под прозрачным куполом корабля, ее одолел приступ клаустрофобии. Все пропало, может, только Сейан удастся спастись.

Сейан заставила своих сторонников, которые теперь больше напоминали пленников, выпустить соединительные отростки, но, прикоснувшись к кораблю Ялнис, они тут же отпрянули, обожглись иммунным ответом ее корабля. Ялнис с гордостью погладила кожу своего корабля.

Хорошо, — прошептал в ответ корабль.

«Пожалуйста, Сейан, — просила про себя Ялнис. — Пожалуйста, улетай. Отпусти всех. Объяви о новом путешествии, о том, что достаточно пристыдила меня и выиграла в нашем противостоянии».

Она совсем не хотела разговаривать с Сейан, но не могла забыть про обязательства перед другими. Она создала коммуникационный порт. Сейан тут же ответила — с улыбкой.

— Не долго же ты выдержала, — сказала она. — Хочешь, прикажу моим друзьям отойти?

Ялнис покраснела, она была смущена и рассержена, но она ни за что не даст Сейан одержать верх.

— Чего ты хочешь? — вскричала Ялнис. — Почему тебя так волнует, что я думаю? Оставь нас в покое. Отправляйся снова в свои замечательные и легендарные путешествия…

— Улететь? — переспросила Сейан. — От тебя?

Корабль Экарит, который держался корабля Сейан по

собственной воле, встал между кораблями Сейан и Ялнис. В его коже-обшивке открылась пора. Наружу с силой вылетела струя сверкающей жидкости. Жидкость забрызгала купол корабля Ялнис. Она растекалась все шире и шире, старалась проникнуть дальше, глубже, чтобы заразить, подчинить. Ялнис вздрогнула, словно жидкость могла проникнуть внутрь корабля.

Ее корабль задрожал. Ялнис охнула. Температура в гостиной стала подниматься — кожа корабля реагировала на нападение, формировала мощную иммунную реакцию, корабль боролся с инфекцией. Инородное вещество было сублимировано, оно поднялось над кораблем в виде блестящего тумана и разлетелось на мелкие частицы.

Сейан потеряла терпение. Бок ее корабля раздулся и дотянулся до корабля Экарит. Он прорвался, словно абсцесс, и выплеснул на корабль Экарит свои выделения. В среде вакуума и космической радиации жидкие линии затвердели, затем сжались и притянули пойманный корабль ближе к себе, чтобы поглотить. Корабль Экарит, с его подавленными защитными силами, не мог сопротивляться.

— Сейан! — воскликнула Экарит. — Я никогда не соглашалась… Как… — И наконец: — Помогите!

Корабль Сейан поглотил корабль Экарит, он подавил узор маленького корабля своим, более сильным. Захваченный корабль теперь поддался захватчику, и волны света и цвета равномерно перебегали от одного к другому.

— Тебя надо удалить, — сказала Ялнис Сейан и навсегда оборвала связь.

Корабль Тасмин, с пятнами по всей голубой обшивке-коже, с оборванными и кровоточащими соединениями, приблизился к кораблю Сейан.

— Не дотрагивайся до него! — закричала Ялнис. — Она и тебя захватит!

— Она должна остановиться, — в ответ спокойно заявила Тасмин.

Ялнис глубоко вздохнула и сказала лишь:

— Верно.

Корабль согласился с ней и двинулся вперед.

— Да, но ты не сможешь остановить ее. Только лишь погибнешь сама, — обратилась Ялнис к Тасмин.

Корабль Тасмин замедлил ход и остановился, но Сейан уже порядком сумела разрушить его.

От наружного бока корабля Экарит протянулся отчаянный отросток. Ялнис разрешила ему дотронуться до ее корабля, сердце при этом бешено колотилось. Ее корабль протянулся к

отростку и соединился с ним. Корабль Ялнис отказывался объединяться, он просто захватил кончик чужеродного отростка и образовал временную связку. На секунду он открыл вход из своего соединительного коридора в гостиную Ялнис.

Маленький корабль Экарит понемногу пропадал из виду — его поглощал больший корабль Сейан, он отобрал у меньшего корабля всю его силу. Отросток оторвался от корабля Ялнис и исчез в боковой обшивке корабля Сейан.

Мимо Ялнис пронесся воздушный вихрь, постепенно все успокоилось — ее корабль втянул назад свой отросток.

Вместе с отростком он втянул внутрь и Экарит. Обнаженная, плачущая, с растрепанными волосами, она скромно прикрывала свой живот. Под ладонью она прятала маленькое личико своего спутника, его клацающие острые зубки.

«Может, он ее укусит», — подумала рассеянно Ялнис и отругала себя за такие злые мысли.

— Как она могла, как она могла?! — воскликнула Экарит.

— Ялнис, — позвала ее Зорар из глубин своего корабля, — что ты делаешь? Что делать мне?

— Приходи за мной, если она одержит верх, — ответила Ялнис, а сама подумала: «Смогу ли я бросить свой корабль, если Сейан действительно победит? Должна ли я?»

«Если бы Сейан была терпелива, — размышляла Ялнис, — она могла бы убедить своих друзей сражаться за нее добровольно. Если бы она попросила их, они бы согласились, что я несправедливо обошлась с ней. Если бы она им доверилась, они могли бы из любви поддержать ее».

За всю свою жизнь Ялнис не слышала о существовании колонии с защитными щитами, даже в воспоминаниях возлюбленных, чьих спутников она приняла в себя, не упоминалось ни о чем подобном — никогда не возникало такой сильной опасности для группы людей, требующей подобной защиты. Щит представлял собой акт полного отчаяния, последнее усилие, тоже вид нападения. После такого воздействия приходилось долго и усиленно залечивать корабли. Но друзья Сейан могли добровольно прибегнуть к такой форме защиты ради любви Сейан. Вместо этого они по одному отрывались от нее, при этом нанося себе серьезные увечья, только чтобы избежать повторения судьбы Экарит. Однако они одновременно ослабляли и саму Сейан.

Они разбегались, разлетались. Старый огромный корабль Сейан остался один, он втягивал все антенны, которые в отчаянии пытался выпустить во все стороны корабль Экарит.

Экарит тихо плакала, глядя, как исчезает ее корабль.

— Успокойся, — сказала ей Ялнис.

До самой последней минутки Ялнис надеялась, что Сейан смягчится и уступит. Вокруг нее собрались Ялнис, Зорар, Тасмин и еще несколько других кораблей, но у нее все же оставалась возможность для отступления. Бывшие сторонники Сейан собрались за первой линией обороны, они боялись, что могут снова попасться в ее сети, но теперь они готовы были защищаться.

Корабль Ялнис выпустил первую волну шелка — серебряный веер липучих волокон, которые зацепились за корабль Сейан и окутали его. Корабль Ялнис проверил свое равновесие — действие и противодействие.

Другие корабли последовали его примеру, они один за другим выпускали в сторону корабля Сейан струи шелка: серебряные, алые, темно-синие, ультрафиолетовые — всех цветов, кроме голо-графического рисунка, который прикрывал их защитные щиты. Корабль Сейан хотел ответить, но его сил оказалось недостаточно для противодействия совместным усилиям остальных. Он стал уменьшаться, отстраняться от прикосновений шелка, так как боялся аллергической реакции. Постепенно он вообще исчез под слоями застывающего разноцветного материала.

Ялнис прислушивалась, ожидая призыва о помощи, просьбы о помиловании, может, даже вызывающего поведения. Но Сейан демонстративно молчала.

Что, если она втайне отдает приказы своим союзникам? Остались ли у нее вообще союзники? Она посмотрела через плечо на Экарит.

Экарит потихоньку подкралась сзади и вдруг набросилась на Ялнис, обнажив зубы в таком же жутком оскале, как у ее злого спутника. Она рвалась к лицу Ялнис, из ее руки лилась кровь; вот они вместе упали на пол. Ялнис сопротивлялась, она отбивалась от кулаков и ногтей Экарит, она в отчаянии пыталась защитить свою маленькую растущую дочь, своих спутников от спутника Экарит, который, как ни крути, был отпрыском Сейан и ее первого спутника-убийцы.

Все спутники пищали, клацали зубами, они были готовы защищаться; они прекрасно осознавали опасность так же, как и свои возможности.

— Зачем ты это делаешь? — прокричала Ялнис. — Я тебе не враг!

— Я хочу свой корабль! Я хочу Сейан!

— Все! Его нет! Ее нет!

Ялнис подмяла под себя Экарит, схватила ее и крепко сжала.

Экарит пыталась еще обрушить на нее град ударов. Спутники кидались на своего противника. Их подвижность вызвала у Ялнис ощущение сексуального возбуждения и наслаждения посреди злобы и страха.

Пол ускользнул у нее из-под ног, она была в замешательстве — под ногами появились новые волны шелка. Она схватила одну волну и метнулась вперед, набросила шелк на Экарит, сама успела быстро вывернуться, а Экарит оказалась в ловушке. Шелк сомкнулся. Ялнис с трудом поднялась на ноги, провела рукой по животу, чтобы убедиться, что со спутниками и с дочерью все в порядке. Она обтерла пот с лица и вдруг поняла, что это не пот, а кровь, причем ее собственная, — одна щека у нее была сильно поцарапана, рана болела и кровоточила.

И она, и ее корабль оказались сбиты с толку. Корабль Сейан пытался прорваться через одно недостаточно окутанное шелком место. Блестящие полосы перепутывались все больше, выкручивались во все стороны, и казалось, что корабль вот-вот справится с шелковыми путами. Он выпрыскивал под шелк тоненькие струйки светящейся плазмы. Корабль трясло. Ялнис даже вздрогнула, представив, что между кожей корабля и покрывающими его пеленами скапливается обжигающая плазма.

— Заканчивай, — сказала она кораблю. — Пожалуйста, заканчивай. — По ее лицу стекали горячие слезы; гостиную заполняли приглушенные крики и ругань Экарит, а у Ялнис тряслись и подкашивались колени.

Хорошо, — ответил корабль.

Тут же он набросил на слабое место шелковый покров и залепил выход плазмы.

Внезапно пойманный корабль перестал дергаться.

Друзья Ялнис продолжали окутывать шелком корабль Сейан — слой за слоем, покров за покровом, пока все не выдохлись окончательно.

Когда все закончилось, корабль Ялнис, собрав последние силы, с ускорением направился прочь. Друзья ее тоже потихоньку начали разлетаться, им не терпелось быстрее улететь от этого злополучного места. Корабль Сейан молча дрейфовал в одиночестве, медленно поворачиваясь; блеск его обшивки почти исчез под слоями шелка.

Ялнис задумалась, сильно ли разрушила корабль плазма, насколько он пострадал и вообще жив ли он, жива ли Сейан.

— Тасмин, — она связалась с ней по частной линии, — ты заберешь Экарит? Здесь ей будет плохо.

Экарит оказалась беженкой, у нее ничего не осталось, она стала нищей и достойной жалости — сейчас она скулила из-под

шелкового покрова корабля, словно полностью спрятавшийся спутник.

Тасмин помедлила (Ялнис не могла в это поверить, и уж никогда не простит), но потом ответила:

— Ладно.

Ялнис переключилась на свой корабль. Он сильно уменьшился, но летел в пространстве по достаточно стабильной орбите. Он растратил все запасы энергии и сейчас черпал из собственной структурной массы. Ему пришлось защищаться, но в то же время он должен был следить и за неродившимся дочерним кораблем, и теперь ему понадобится немало времени на полное восстановление.

Она отправила еще одно послание, транслируя его для всех, но в первую очередь послание было рассчитано на бывших друзей Сейан.

— У меня не хватает ресурсов, чтобы откорректировать ее орбиту. — Она так устала, что не могла даже проверить, стабильна ли орбита, а просить корабль напрягаться еще раз из-за Сейан тоже не хотелось. — Эту ответственность должен взять на себя тот, кого еще волнует ее судьба.

— Выпустите меня! — прокричала Экарит. Ялнис на секунду обратила на нее внимание.

— Скоро за тобой прилетит Тасмин, — сказала она. — Она поможет тебе.

— Мы истекаем кровью.

— Меня это не волнует, — ответила Ялнис.

Она откинула в сторону подол рубахи, чтобы проверить, как дела у ее спутников. Трое из четырех почти полностью ушли внутрь, наружу виднелись одни лишь зубы. Она гладила и гладила их, пока они не успокоились и не заснули; теперь уже показались и пушистые макушки их голов — золотистые, медные, в веснушках. Один лишь Бахадиргул, который на фоне бледной кожи Ялнис казался черным, как негр, оставался настороже.

Рот его был выпачкан запекшейся кровью, но сам он отделался лишь легкими царапинами. Ялнис погладила Бахадиргула по мягким черным волосам.

— Ты благородный, — сказала она. — Да, благородный. Я сделала правильный выбор, правда?

Обласканный Бахадиргул задрожал от удовольствия под ее пальцами, внутри ее тела.

Когда измученный, но довольный Бахадиргул заснул, Ялнис перевела внимание на дочь. Та продолжала расти, не осознавая, что происходит снаружи. Ялнис залечила раны, которые и она, и ее спутники получили в битве с Экарит, промыла царапины,

приложила лед к синякам. Она посмотрела в зеркало и подумала, стоит ли оставить шрам на щеке.

Оставить или нет? Как напоминание?

Она приняла ванну и переоделась в чистые одежды, и в это время как раз подошел корабль Тасмин. Он выслал приветствия и запросил разрешения подойти и присоединиться. Ялнис предоставила право своему кораблю принимать все решения, но, когда корабль ответил «да», она почувствовала облегчение. Корабль Тасмин протянул фимбрию, корабль Ялнис принял ее. Возможно, немного рискованно, но они так устали, что вырастить капсулу для транспортировки Экарит было уже выше их сил.

Фимбрия расширилась до размеров прохода-коридора. Через порт раздался тихий голос Зорар:

— Хочешь, я приду? По-моему, тебе нужна помощь.

— Нет, спасибо, — шепотом ответила Ялнис. — Еще раз спасибо, но не нужно.

Вошла Тасмин, как всегда элегантная и красивая. Ялнис, к своему собственному удивлению, почувствовала гордость за свой обычный вид. Ей передались тревога и волнение Зорар. Ялнис должна была бы испытывать страх, но она была абсолютно спокойна.

— Высвободи Экарит, — сказала она кораблю. *Хорошо,* — мягким голосом ответил корабль.

Тут же исчезли шелковые покровы. Вот показалась одна рука Экарит, она тут же принялась энергично стаскивать с себя остатки шелковой паутины. Вот она вскочила на ноги — вся в крови, со спутанными волосами.

Она сделала шаг в сторону Ялнис, потом остановилась и уставилась куда-то, за плечо Ялнис.

Ялнис быстро обернулась.

Словно специально, за прозрачным куполом гостиной появился корабль Сейан, он был обернут в разноцветные слои самого тяжелого корабельного шелка, и каждый слой был пропитан аллергенами, свойственными тому кораблю, который произвел этот шелк. Корабль Сейан покоился внутри сферы, он уменьшился, потому что испытывал боль при малейшем прикосновении к ней; обездвижен до тех пор, пока путы со временем не превратятся в пыль.

Экарит завыла от горя. Ялнис стало не по себе от этого громкого вопля.

К Экарит быстро подошла Тасмин, одной рукой она обняла молодую женщину за содрогающиеся плечи, другой — прикрыла полой своих одежд.

— Забери ее, — промолвила Ялнис. — Пожалуйста, забери ее.

Тасмин повернула Экарит и повела в сторону прохода-фимбрии. Край соединительного коридора уже начал набухать внутрь, так — воспалением — реагировал корабль Ялнис на корабль Тасмин. Тасмин и Экарит быстро вошли в проход и исчезли из виду.

Бывшим друзьям придется решать, что делать с Экарит. Они могут бросить ее, удочерить, создать для нее новый корабль. Ялнис не представляла, что именно они сделают, решат ли, что она просто дурочка или, наоборот, героиня.

Когда проем от прохода исчез полностью, на стене остались небольшая припухлость и покраснение. Корабль Тасмин отошел на безопасное расстояние, и Ялнис сделала медленный глубокий вдох, а потом выпустила весь воздух. Ее успокаивали тишина и одиночество.

— Думаю, пора, — громко сказала она.

Хорошо, — ответил корабль.

Ялнис спустилась в камеру роста, где набирал вес дочерний корабль; с внешней стороны корабля Ялнис уже была заметна сильная выпуклость. Вначале новый корабль образовался как кармашек на коже корабля Ялнис и рос внутрь. Оба корабля соединялись толстой перемычкой, но сейчас перемычка постепенно утончалась, теперь лишь изредка по ней пробегал поток питательных веществ или информации. Вскоре она вообще пропадет, на боку дочернего корабля заживет след от перемычки, а внешняя кожа-обшивка корабля Ялнис раскроется.

Ялнис прошла внутрь — в первый и, наверное, единственный раз.

Гостиная была очень простой, красивой в своей элегантной простоте. Стены и пол были такого глубокого и вибрирующего черного цвета, как беззвездный космос. Кладовые корабля ломились от уникальных даров, принесенных гостями Ялнис, — новой едой, новой информацией, новыми бактериями, историями, песнями, картами небывало далеких мест.

Корабль Ялнис нежно обнимал дочерний корабль своей серебристой кожей-обшивкой, прикрывал сверху прозрачный купол нового корабля.

Новый корабль почувствовал присутствие Ялнис и пробудился. Он тут же сделал гнездышко, а она уютно устроилась в нем и заснула.

Проснулась она от родовых потуг и болей — и своих, и корабля. От ее тела отсоединились соединения-удлинители и мониторы.

— Время запуска, — сказала она кораблю. *Хорошо,* — незамедлительно ответил он и тут же содрогнулся в очередной потуге.

За время долгого отдыха корабль сумел восстановить силы.

— Бахадиргул, — позвала Ялнис. — Пора.

Бахадиргул широко зевнул, заморгал и тут же проснулся.

Ялнис и Бахадиргул снова соединились. Наслаждение от ментального единства было таким же, как от физического, оно нарастало до максимума и, как всегда, переросло даже максимум. На пике наслаждения они передали дочери Ялнис все воспоминания самой Ялнис и воспоминания ее возлюбленного Бахадиргула.

Момент наивысшего напряжения, острая боль…

Ялнис подхватила мерцающую гинункулу. У дочери была такая же темная кожа, как у Бахадиргула, и такие же коричневые волосы и голубые глаза, как у нее самой. Ялнис с удовольствием показала ее Бахадиргулу и, как всегда, задумалась, понимает ли спутник что-либо, кроме наслаждения, насыщения и страха или ярости. Он вздохнул и вернулся в свое обычное положение, высунул наружу лишь спокойное личико. Остальные спутники шипели и моргали, отводя взгляды. Ялнис опустила поверх них марлевую вставку рубахи.

Она пронесла дочь по новому кораблю, от родильной фермы до энергетической установки, по дороге она остановилась у маленького ручейка, чтобы обмыть дочь после родов. Пушок на головке дочери быстро высох.

Дочь моргала, глядя на Ялнис. Все говорили, что дочь с самого начала знает свою мать. Заглядывая в глаза нового существа, Ялнис не могла не поверить, хотя ни она сама, никто другой из ее знакомых не помнили первые моменты жизни и сознания.

Когда она вернулась в гостиную на самом верху нового корабля, перемычка между двумя кораблями уже отпала и один ее конец заживал на боку дочернего корабля (в результате на его обшивке-коже останется небольшой пупок). Корабль Ялнис постепенно открывался наружу. Он снова задрожал и принялся выталкивать дочерний корабль. Вот вышел наружу прозрачный купол, теперь в гостиной стало видно бескрайнее звездное пространство.

Груди Ялнис болели. Она села, скрестив ноги, на теплый полуночный пол и, прижав дочь к груди, передавала ей физический опыт опасностей и удовольствий, как до этого вместе с Бахадиргулом они передали ей ментальный опыт прошлого.

— Карим, — прошептала Ялнис, а дочь ее тем временем погрузилась в сон.

Корабль Ялнис раскрылся еще больше, застонал, и новорожденный корабль со скрипом вылетел на простор.

— Карим, дочка, живи счастливо, — сказала Ялнис.

Она передала младенца дочернему кораблю — положила маленькое ангельское существо в уютное гнездышко и погладила шелковую поверхность покрова.

— Заботься о ней, — попросила она. *Хорошо,* — прошептал новый корабль.

Ялнис улыбнулась, поднялась на ноги, посмотрела, как нежно новый корабль окутывает дочь, и быстро удалилась по внутреннему коридору, пока он не успел исчезнуть.

На выходе она на секунду обернулась, чтобы проверить, все ли в порядке, и вернулась в свою собственную гостиную.

Корабль Ялнис содрогнулся в последний раз. Новый корабль отправился в свой путь.

Он летел неподалеку, внимательно оглядываясь, привыкая к тому, что его теперь окружало. Вскоре (находиться рядом с другим кораблем было опасно) он повернул в сторону, прибавил ходу и направился на более высокую и отдаленную орбиту.

Ялнис улыбнулась — корабль оказался смелым. Подальше от звезд, продвигаясь сквозь пояс звездной пыли, ему будет легче набрать массу, и тогда он быстрее вырастет. Спустя тысячу, может, полтысячи орбит Карим займет свое место — как дочь и девушка своего народа.

— Мы могли бы пойти следом, — заметила Ялнис. — Отдохнуть, набраться сил…

Нехорошо, — прошептал ее корабль. Он явил всю свою силу, желание и потребности. — *Нехорошо, нехорошо.*

— Мы можем отправиться в путешествие.

Хорошо, — ответил корабль и повернул в сторону бескрайнего пространства космоса, чтобы вечно путешествовать и наслаждаться звездной пылью.

Джин Вулф
Крен [182]

Новости, что шептал ему радиоприемник, были все те же — под них он вчера заснул вместе с Моной: город поднялся на гребень волны, и все ровненько-аккуратненько. По крайней мере на ближайшие два дня. «Мозги у вас ровные», — пробормотал он и выключил радио.

Он брился, одевался, а Мона все еще спала — выражение лица умиротворенное, выпуклый живот занимает почти весь матрас. Он отчетливо слышал ее ровное медленное дыхание — у него был острый слух.

На подъездной дорожке валялся мячик — резиновый, испещренный следами собачьих зубов. Наверное, какой-то пес играл с ним, пока он катился, а как только мяч остановился, заскучал и бросил. Он поднял мячик и кинул о бетон. Мячик подпрыгнул раз, другой, третий и замер — круглый, как Мона, но не такой довольный. Он забросил мячик в автомобиль и последовал за ним.

Нажать на акселератор, повернуть ключ. Моторчик замурлыкал, будто работать ему было одно удовольствие, будто он знал, что сегодня переутомляться не придется. Мимо размытыми пятнами и полосами проносился знакомый пригород.

Выехав на автостраду, он глянул на высотные здания — там был центр города. В последний раз волна набегала еще до его рождения (гребень совсем другой волны, и ему было трудновато это представить), однако он знал, что тогда уловителей пены еще и в помине не было, их установили позже. Теперь городу, похоже, придется расплачиваться за свою гордыню и за офисные здания, натыканные в такой тесноте, вплотную друг к другу. И расплачиваться не чем-нибудь, а своим существованием.

На работе его терпеливо ждал латунный креномер, надежно привинченный к поверхности стола. Он купил этот прибор в прошлом году, предчувствуя опасность. Длинная ось в точности совпадала с направлением движения плато. Он сощурился, рассматривая стрелки, затем не выдержал и достал лупу. Ноль. Это казалось невероятным: истинное чудо.

К монитору компьютера был приклеен листок бумаги с напоминанием о том, что новый сдвиг, ожидаемый в ближайшее время, будет обратным так называемому текущему крену. Следовательно, придется заново закрепить все, вплоть до мелочей, с учетом этого. Бригада монтажников произведет обход

всех помещений. Будьте любезны оказать содействие. Он скомкал бумажку, включил компьютер и занялся «домом мечты» Моны — нелегально, это был его частный проект. Дизайн требовал доработки, но вряд ли ему удалось бы и дальше этим заниматься, проведай кто из начальства, что он отвлекается в рабочее время.

— Можно посмотреть приборчик? — Это был Фил и, конечно, наклонился над креномером без разрешения. Он всегда все хватал без спросу. — Ровно! — воскликнул он. — Ничего себе! Сколько живу, плато ни разу не лежало ровно. Впервые такое вижу.

— И в последний раз. Как и все мы. — Он закрыл файл с проектом дома для Моны.

Фил потер руки.

— Все будет иначе. Абсолютно по-другому. Под другим углом. Эй, старина, хочешь подняться на крышу? Вид наверняка потрясный.

Он покачал головой.

Да, конечно, размышлял он, если плато перевернется, все точно будет по-другому. С ног на голову. И, возможно, именно это и произойдет. Если здание не рухнет, не переломится, когда ударится о воду, то оно согнется и потонет. От воды произойдет короткое замыкание, все электричество вырубится — мгновенно. Лифты уж точно работать не будут. В помещениях и коридорах, возможно, на какое-то время еще останется воздух, а возможно, и не останется. Если воздух и будет, то там, где сейчас нижние этажи. Возможно, ему удастся разбить окно и спастись. Если он проживет достаточно долго, чтобы выбраться на уровень улицы, на край плато, где есть воздух… Но какое же это расстояние? Тридцать миль? сорок? больше?

А Мона, которая осталась дома, в таком случае утонет. «Если плато и впрямь перевернется, лучше мне быть дома с ней, — решил он. — Лучше нам умереть вместе — втроем, с нашим нерожденным ребенком».

На следующий день стрелка креномера уже сошла с нулевого уровня, а резиновый мячик, оставленный на столе, за ночь успел скатиться на край. Рассылая письма, делая рабочие звонки и набрасывая новый проект, он наблюдал, как расстояние, бывшее толщиной в волосок, между стрелкой и нулевой линией неуклонно растет. К пятнице стрелка определенно сдвинулась с нуля и перешла за какие-то отметки, которые он даже разбирать не стал, потому что в пятницу, ясным и еще почти ровным утром, в одиннадцать без каких-то секунд, ему позвонила соседка, Эдит Бенсон, и сообщила, что, когда они болтали с Моной в саду, через

ограду, у той начались роды и Эдит отвезла ее в больницу.

Он взял отгул, а когда вернулся на работу, стрелка креномера уже подбиралась к критической отметке — их разделяло расстояние не толще карандаша. Ему показалось, что стрелка дрожит, и он вспомнил свою беседу с владельцем лавочки, где приобрел креномер. Он тогда спросил, почему ось кончается именно на такой отметке, а продавец усмехнулся, показывая замечательно ровные зубы (не иначе, вставные), и ответил: «Потому что если стрелка перевалит отметку, вас уже все равно не будет в живых, чтобы на это полюбоваться».

На этот раз на столе его поджидала записка, сообщавшая, что он проявил халатность и не закрепил стул, который в результате проехал через весь кабинет (стул был вращающийся, на колесиках) и врезался в рабочий стол миссис Паттерсон. Он сходил к ней и лично извинился за оплошность.

К концу рабочего дня между стрелкой и критической отметкой можно было бы втиснуть три его визитные карточки, но четыре уже не влезли бы.

В тот вечер он сидел рядом с Моной в ожидании часа кормления и обсуждал с ней колледжи и профессии. Они дружно решили, что пусть Адриан сам выбирает свой путь. Но разве не повлияют на характер ребенка их собственные взгляды, то, как они его воспитают, да что там — их повседневные разговоры? В десять вечера они поцеловались, посмотрели на Адриана и вновь поцеловались.

— Спокойной ночи, милый, — сказала Мона.

Зная, что она не хочет кормить сына у него на глазах, он ответил:

— Спокойной ночи, дорогая.

Утром, причесываясь, он поймал себя на том, что его мысли, которые, по идее, должна была занимать работа, все время возвращаются к Адриану — и плато. Когда волна пройдет, будут построены новые здания, еще выше и многочисленнее. То есть, конечно, если кто-то выживет — тогда будет кому их проектировать и строить. Его фирма получит часть заказов и немалый доход. Следовательно, перепадет и ему.

Он пожал плечами, вытряхнул из расчески волосы и отложил ее. Скоро, скоро появится новый дом, замечательный, прекрасный дом, который он сам спланировал, с террасой, зимним садом, дом, в котором хватит места на пятерых детей.

Явившись на работу, он обнаружил, что стрелка креномера слегка отодвинулась от критической отметки. Теперь между стрелкой и отметкой свободно поместились бы три визитки, а четыре — впритык.

На крыше паслась стайка его коллег — они любовались зеленоватой водной гладью, простирающейся, куда ни глянь, до самого горизонта. Его схватила за руку секретарша в золотом пенсне.

— Я поднимаюсь сюда каждое утро, — призналась она. — Ведь мы никогда больше не увидим ничего подобного, а сегодня последний день, когда мы так высоко.

Он кивнул, стараясь придать лицу серьезное и довольное выражение. Это была не просто секретарша, а секретарша самого директора Раньше он никогда с ней не заговаривал, а она с ним — тем более.

Ему на плечи легли большие пухлые ладони исполнительного вице-президента.

— Смотрите как следует, юноша. Если запомните этот вид, сумеете мыслить масштабно. А нам нужны сотрудники, которые мыслят масштабно.

— Постараюсь, сэр, — отозвался он.

Тем не менее он обнаружил, что рассматривает созерцателей океана, а не сам океан. Вон рассыльный, веснушчатый паренек, стоит и насвистывает. А вон хорошенькая блондиночка, которая никогда не улыбается.

А там, на самом краю покатой крыши, в полном одиночестве топчется старик Парсонс. Он же вроде на пенсии или нет? Выходит, что нет, раз торчит на крыше. Парсонс установил перед собой древний медный телескоп на треноге, но на горизонт не смотрел. Он пристально вглядывался в толщу воды, в бездну, расстилающуюся перед городом.

— Там что-то есть, в воде? Парсонс выпрямился:

— Еще как...

— И что же?

Узловатые стариковские пальцы расправили жиденькие, почти невидимые седые усы.

— Вот именно это я и пытаюсь понять, мой юный друг, — ответил Парсонс.

— Кит? — спросил он.

— Не-е, не кит. Вы, поди, думаете, раз аппарат хороший, так и разобрать легко, что там. Ан нет. — Парсонс уступил ему место перед телескопом. — Желаете полюбопытствовать?

Он наклонился к окуляру. Парсонс подкрутил какой-то винт, чтобы изображение стало четче.

Там был город — или, по крайней мере, городок. Теперь он оказался на мульде[183], то есть на обширной каменной ступени уровнем ниже, чем их город. Узкие улочки, красные крыши — похоже что в основном черепичные. Над домами вздымался

белый шпиль, и на мгновение, лишь на мгновение, смотрящему показалось, что на вершине шпиля блеснул золотом крест.

Он выпрямился и с трудом сглотнул — буквально переваривая увиденное. Он пытался поверить в это не только разумом, но и всем телом. Затем снова приник к окуляру телескопа.

Над красной крышей мелькнуло и пропало что-то белое. Он был уверен: голубь. Да, в этом городе водились не только чайки, но и голуби. Эти голуби, несомненно, гнездились в выступах скал и искали пропитания на городских улицах — интересно, находили или нет?

— Я глянул дома в старом компьютере, — сказал у него над ухом Парсонс. — Если знать, где искать, так можно много разных старых видов найти. Я так полагаю, это Лесабль-Д'Олонн. Не настаиваю, может, и другой какой город. А вы какого мнения?

Он покачал головой:

— Я… даже не знаю. Но… он ведь не пересечется с нашей траекторией? К тому времени, как мы там окажемся? Ведь следующая волна сначала отнесет его подальше в сторону, правда? — Сказав это, он понял, что не верит ни единому собственному слову.

— Вот уж без понятия. — Парсонс почесал в седой щетине на подбородке. — Подъем-то, он всегда медленно идет, что твоя черепаха в гору. А как вниз, под уклон катишься, так с ветерком, аж в ушах свистит. — Он отвернулся, сплюнул. — Мы аккурат в него и врежемся.

— Если он не будет стоять у нас на дороге… Или будет? Врежемся, говорите?

— Может, он прямиком в наше плато и попадет. Точно не скажу. Звонил тут одному геологу — думал, уж им-то по долгу службы положено разбираться во всех этих тонкостях. Так что думаете? Он тоже говорит — мол, наперед ничего сказать нельзя. Все, говорит, зависит от скорости движения каждого плато. Во как. Вы подумайте только! Как представишь, в какую лепешку сплющит это здание, если мы на полной скорости впилимся в них… Да и от них тоже мокрое место останется.

Он кивнул:

— Это верно, так и будет. Сэр, а можно узнать, кому именно вы звонили?

— Доктору Ланцу. Он мне велел о нашем разговоре ни гу-гу. Тоже командир выискался! Так я и буду его приказы слушать. — Старик Парсонс помедлил. — Мне без разницы, все равно помирать скоро. Вам-то еще жить да жить — молодой, крепкий.

— Да, — сказал он и представил себе маленького Адриана.

Дальше он говорил уже на автопилоте: — Я спросил вас про геолога, потому что знаком с одним. Шапочно знаком. Правда, его зовут не Ланц, а Саттон, Мартин Саттон. Он живет на соседней улице.

На то, чтобы решиться позвонить Саттону, у него ушел целый час.

— Марта, вы разбираетесь в том, что мне нужно знать, — сказал он, едва вытерпев вежливый ритуал приветствий, — и я, если вы не против, хочу вас порастрясти. Скажите, мы врежемся в тот город на дне? Или городок, не важно.

Саттон отозвался после долгой паузы:

— Так вы тоже о нем знаете.

— Угадали.

— Эту информацию не пропускали в эфир, ее от всех скрывают. Скорее всего в газеты она тоже не просочится — кое-кто за этим присмотрит. Интересно, сколько народу знает о городке?

— Не представляю. Так мы в них врежемся, Марти?

— Это не моя сфера. Я геолог, понимаете? Изучаю наше плато.

— Но вы знаете. Мы врежемся? Саттон вздохнул:

— Может быть. Как вы вообще об этом узнали?

— Посмотрел в телескоп, вот и все. Там, внизу, город или, если хотите, городок. Он окружен полями и садами. Каковы шансы?

Ему показалось, что он слышит, как Саттон пожал плечами.

— Один из десяти.

— Один из десяти, что врежемся?

— Один из десяти, что минуем. Вчера я слышал, что вообще один из пяти. Только никому об этом ни слова, поняли?

— Хорошо. Но вам-то об этом сказали. Чтобы вы могли определить, расколется наше плато или нет?

Снова длинная тягостная пауза. Потом краткое:

— Да.

— Значит, была еще какая-то причина. Какая? Вам же легче будет, если поделитесь.

— Только ради всего святого, держите язык за зубами. — Даже по голосу Саттона было понятно, что он в отчаянии.

— Никому не скажу, клянусь. Так в чем дело?

— Передо мной поставили вопрос, можно ли расколоть то, второе, плато заранее, до столкновения. Реально ли это. Плато, на котором тот городок.

— Я понял, давайте дальше.

— Предположим, что мы его расколем. Скажем, натрое. Куски

поплывут в разные стороны, и тогда вероятность, что наше плато врежется, уменьшается. То есть врежется, но не во все три куска.

Он медленно кивнул и развил мысль Саттона:

— И даже если мы врежемся, то куски поменьше не нанесут такого ущерба, как один большой.

— Точно. — Судя по всему, Саттон занервничал.

— У нас вовсю идет подготовка к крену. По конторе ходит дежурная бригада, все привинчивает к полу, как на корабле в качку. Стальные крепления на ножки столов и стульев, все такое. Шкафы привинчивают и к стенам, и к полу. Как раз сегодня налюбовался на это.

— У нас тоже, наверное, будут готовиться, но пока не начали, — признался Саттон.

— Ваше начальство не в курсе.

— Видимо, нет.

— Понятно. Наверное, наших просто спросили, насколько практично укрепить определенные здания. Марти, у меня еще один вопрос, пожалуй последний. Что вы ответили насчет проекта с предварительным расколом нижнего плато? Это реально или нет?

— Может статься, что и реально. Слушайте, мне вообще-то нельзя об этом распространяться, но снять камень с души хочется. Значит, так: во-первых, нужно исходить из того, что их плато во многом похоже на наше. Наше — единственное, какое мы знаем.

— Естественно.

— Если так, то нам придется сверлить отверстия на глубину сто футов и забивать туда взрывчатку. Я сказал, что местное население вряд ли примет это на ура, а мне ответили: мы, мол, застанем их врасплох. Плато ведь небольшое. Хватит десанта в тысячу человек, подготовленных и как следует вооруженных. Когда мы закончим, подоспеют «метеоры» — знаете, на подводных крыльях. Возможно, я буду на одном из них. Все остальные старше меня и уже совсем состарятся, когда это случится. А я ненамного старше вас. Я еще буду хоть куда.

— А как насчет кого-нибудь помоложе? Студенты какие-нибудь?

— Нет, ни в коем случае, — сухо, ровным голосом ответил Саттон. — Знаете, скажу вам все до конца. В университете отменили геологию. Закрыли целый факультет. Это сразу дало эффект.

В тот же вечер, за пивом и кислой капустой с сосисками, он сказал Моне:

— Вообще-то я обещал человеку, который мне доверился, что

не буду болтать, но ты должна все узнать.

Он объяснил суть дела. Выслушав, Мона спросила:

— И это подействует? А если нет? Этот твой сказал, что подействует.

— Может, и нет. — Он помедлил, прислушиваясь к ропоту деревьев на ветру. Этому ветру вскоре суждено было превратиться в штормовой, под шум которого город стремительно заскользит вниз. — Они наверняка видят, что мы съезжаем прямо на них, — видим же мы, что они стоят у нас на пути. Они начнут готовиться заранее, и у нас, и у них на подготовку остается лет десять — пятнадцать. Они могут вооружить всех, кто пожелает сражаться, построить укрепления, чтобы наши не высадились. Думаю, на это и надо рассчитывать.

— Они могли бы расколоть свое плато ради нас. Он кивнул:

— Могли бы. А мы могли бы расколоть наше. По-твоему, правительство на это пойдет?

Мона долго молчала, пристально глядя на него. Потом воскликнула:

— Нет, конечно! Какой кошмар. Они на это не согласятся.

— Но мы можем проделать это сами. — Эта идея возникла у него по ходу разговора с Саттоном и теперь оформилась окончательно. Он ухватился за нее и теперь изо всех сил стремился найти единомышленницу в Моне. — Мы могли бы заложить взрывчатку в те разломы и слабые места нашего плато, которые известны геологам. Сила взрыва заставит наш участок отделиться от города, и значит, мы не попадем в столкновение вместе со всем городом.

— Но, милый…

— Понимаешь, отделим только наш участок! Отколемся! И тогда перед Адрианом откроется будущее. Ты поняла, Мона? Вот что. Мы возьмем не только наш участок, но и кусочек окрестностей, достаточно большой, чтобы получить экономический статус. Тогда мы сможем что-нибудь делать на продажу, я не знаю, выращивать фрукты в саду и еще рыбачить. И в том городке, на который катится наше плато, — кстати, он не то французский, не то бельгийский, — не погибнут люди! Я все разузнал у одного знакомого, геолога. Он живет неподалеку. Так вот, он говорит, что это вполне возможно, и обещал выяснить подробнее, а потом прийти и все рассказать.

— Бамперы! — осенило Мону. — Можно построить бамперы с пружинами. Или надувные, знаешь, такие большие.

Он покачал головой:

— Бамперы не помогут: наше плато слишком большое и масса у него соответственная. А если нам даже удастся

притормозить — а нам не удастся, — то волна нас утопит.

— Но… — На лице Моны проступило отчаяние. — Но, милый…

Он взглянул на часы:

— Саттон придет к восьми. Нет-нет, устраивать ужин не надо, сойдет кофе и печенье. Или пирог — что-нибудь такое.

— Хорошо, — едва слышно прошелестела Мона.

Часом позже она сказала:

— Перестань причесывать волосы пятерней! И что ты бегаешь взад-вперед?

Он в двадцатый раз глянул на часы:

— Саттон уже должен быть тут.

— Он опаздывает на десять минут. Послушай, ты меня до истерики доведешь. Сядь, успокойся. Или… Вот что, выйди на улицу, так ты сможешь увидеть его фары, как только он вывернет из-за угла. Перестань дергаться. Если я заплачу, Адриан проснется. Милый, ну пожалуйста, ну я тебя умоляю, хватит бегать! Иди на улицу! Ну ради меня!

Он кивнул, ощутив внезапный прилив благодарности, и поймал себя на том, что его опять тянет запустить пятерню в волосы.

— Хорошо, буду ждать его на улице. Не вернусь, пока он не подъедет.

Ночь была холодная и ветреная, и, выйдя на улицу, он поежился.

Сколько потребуется зарядов взрывчатки, какой силы? Понадобится ли им химик, чтобы ее изготовить? И какую — динамит или что-то еще?

В темноте он едва различал пенный гребень волны — там, слева, над верхушками, деревьев, но гораздо дальше. А деревья теперь резко накренились. Утром они окажутся согнутыми — так, что на них не упадет ни единого солнечного луча. Он хмыкнул. Да уж, вот так веселенький сюрприз чахлым городским деревьям.

Когда он вернулся к дому, чтобы посидеть на крылечке, то увидел, что Мона задернула шторы. Пожалуй, она даже слишком осторожна, решил он, но у него духу не хватало винить ее.

Он вновь вышел на мостовую, и, когда с Миллер-роуд выехал автомобиль, у него от волнения перехватило дыхание. Он видел только фары, их свет медленно карабкался вверх по крутому подъему улицы, будто водитель высматривал нужный дом. А потом — о чудо! — автомобиль свернул к их дому.

Из машины выбрался Саттон, они пожали друг другу руки.

— Я помню, где вы живете, — сказал гость, — просто с этим

новым креном немножко запутался.

Он кивнул:

— Как и все мы. Может быть, нам это только на руку.

— Кто знает, а вдруг вы правы?

Порыв ветра сорвал с головы Саттона бейсболку, тот попытался ухватить ее и не успел.

— Помогите мне найти бейсболку, — попросил геолог. — Жаль будет ее потерять.

Минуту-другую они с треском обшаривали ближайшие кусты. Вдруг Саттон выпрямился.

— Что-то не так? Что с вами? — спросил геолог.

Он уже успел прислушаться и указал Саттону на восток, северо-восток, затем — после секундного колебания — на север.

— Сирены. Не слышите? Саттон помотал головой:

— Нет.

— А я слышу. Три или четыре машины едут сюда.

Они стремительно приближались, одна за другой, и вой сирен делался все громче, а потом резко оборвался. Он в последний раз причесал волосы пятерней.

— В чем дело?.. — начал Саттон. — Если вы…

Геолог не успел договорить, как хозяин развернулся и кинулся к двери. Заперто. Он поспешно ткнул ключом в замок, замок щелкнул, но дверь не поддавалась — она была заперта на засов изнутри, как всегда на ночь. Он саданул в дверь плечом — тщетно.

К этому времени первая полицейская машина уже свернула на его улицу с пронзительным визгом тормозов, и прятаться было поздно.

Гарри Тертлдав
Одюбон в Атлантиде [184]

Речной пароход «Август Цезарь» с величайшей осторожностью приблизился к причалу в Новом Орлеане. Обнаженные по пояс темнокожие портовые рабочие подхватили брошенные с корабля тросы и закрепили их на берегу. Несколько раз протяжно и радостно прогудел паровой свисток, извещая мир о прибытии судна. Затем из труб прекратил валить черный дым — механики остановили машину.

Палуба под ногами Джона Одюбона перестала дрожать. Мысленно он облегченно выдохнул, потому что, несмотря на все время, проведенное на борту кораблей и лодок, Одюбон не был хорошим моряком и знал, что никогда им не станет, — желудок мог подвести его даже в самую слабую качку. Одюбон вздохнул, потому что ему предстояло долгое морское путешествие. Эдвард Гаррис поднялся на палубу и встал рядом с ним.

— Итак, друг мой, мы в начале пути, — сказал он.

— Совершенно верно. И мы должны сделать то, что не было сделано, пока это еще можно сделать. — Одюбон всегда воодушевлялся, когда думал о цели, а не о средствах, с помощью которых собирался ее достичь. По-английски он говорил свободно, но обильно расцвечивал речь французскими словами, поскольку это был его родной язык. Крупный мужчина ростом в пять футов и десять дюймов, он зачесывал назад седые, до плеч, волосы. Пышные бакенбарды окаймляли вытянутое лицо с крупным носом. Даже без акцента, Одюбон говорил бы менее разборчиво, чем ему хотелось бы, потому что по возрасту был ближе к шестидесяти, чем к пятидесяти, и у него осталось лишь несколько зубов. — Вскоре, Эд, или крякуны исчезнут с лица земли, или я.

Он в нетерпении дожидался, когда опустят сходни, и тотчас торопливо сошел с «Августа Цезаря» на сушу — точнее, на ту более или менее сухую поверхность, которую мог предложить Новый Орлеан.

Мужчины и женщины всех цветов кожи, облаченные во что только можно — от лохмотьев до сюртуков и юбок с большими кринолинами, — толпились на грязных, покрытых лужами улицах. Разговоры, шутки и проклятия раздавались на испанском, французском и английском, а также на любой мыслимой смеси этих языков. Английский звучал гораздо чаще, чем лет тридцать назад, когда Одюбон впервые оказался в Новом Орлеане. Тогда

это был французский город, где испанские доны старались закрепиться всеми возможными способами. Но времена меняются. Одюбону это было прекрасно известно.

Неподалеку от *cabildo*[185] стояло кирпичное здание, в котором располагалась контора судоходной компании «Бартлетт лайн». Одюбон вошел туда, ведя за собой Эдварда Гарриса. Клерк за стойкой вежливо кивнул.

— Добрый день, господа, — сказал он по-английски. Поколение назад приветствие наверняка прозвучало бы на французском. — Чем могу услужить вам?

— Я хочу приобрести билеты до Атлантиды для нас двоих, — ответил Одюбон.

— Конечно, сэр. — Клерк и глазом не моргнул. — «Орлеанская дева» отплывает в Нью-Марсель и Авалон на западном побережье через… позвольте взглянуть… пять дней. Но если вы подождете еще неделю, то сможете забронировать каюты на «Королеве морей», отбывающей на восток. По пути она зайдет в Сен-Августин, Сен-Дени и Ганновер, а далее направится в Лондон.

— Мы столь же легко сможем добраться до внутренней части острова и с восточного побережья, — заметил Гаррис.

— Согласен, — кивнул Одюбон. — Но нам придется дольше ждать судна, отправляющегося на восток, плавание затянется, к тому же я ни в коем случае не хочу останавливаться в Ганновере. В столице у меня очень много друзей, которые из самых лучших побуждений вовлекут нас в вихрь светской жизни, и, чтобы вырываться из него, потребуются недели. Значит, выбираем «Орлеанскую деву».

— Вы не пожалеете, сэр. Это прекрасный корабль, — подтвердил клерк с профессиональным энтузиазмом. Взяв книжечку с бланками билетов, он макнул перо в чернильницу. — На чьи имена выписать билеты?

— Я Джон Джеймс Одюбон. Со мной путешествует мой друг и коллега мистер Эдвард Гаррис.

— Одюбон? — Перо клерка замерло, он поднял взгляд, лицо его просияло. — Тот самый Одюбон? Художник? Натуралист?

Одюбон и Гаррис обменялись едва заметными улыбками. Одюбону всегда доставляло удовольствие, когда его узнавали, — он любил себя достаточно сильно, чтобы страстно желать напоминаний о том, что другие тоже его любят. Повернувшись к клерку, он постарался сделать улыбку скромной:

— Да, имею честь быть им.

Клерк протянул ему руку. Когда Одюбон пожал ее, молодой человек сказал:

— Не могу выразить, насколько я рад знакомству с вами, сэр. Мистер Хайрам Бартлетт, глава нашей судоходной компании, подписался на вашу серию «Птицы и живородящие четвероногие Северной Террановы и Атлантиды» — издания в формате «двойной элефант» инфолио.[186] Иногда он приносит в контору том-другой, чтобы просветить служащих. Меня в равной мере восхищают и ваши рисунки, и ваши статьи. Это чистая правда!

— Вы мне слишком льстите, — ответил Одюбон, вместо того чтобы пыжиться и чистить перышки на манер голубя в брачный период.

Также он был рад узнать, что дела у Бартлетта идут хорошо, — лишь богатый человек мог позволить себе тома такого формата. Страницы у них были достаточно большими, чтобы представить почти всех птиц и значительную часть животных в натуральную величину, хотя иногда Одюбону и приходилось изображать их в неестественных позах и с изогнутыми шеями, чтобы втиснуть иллюстрацию в прокрустово ложе страницы.

— Вы плывете в Атлантиду для продолжения исследований? — с жаром спросил клерк.

— Да, если судьба окажется к нам благосклонна. Некоторые создания из тех, кого я надеюсь увидеть, с годами стало гораздо труднее отыскать. В то время как у меня… — Одюбон вздохнул, — увы, у меня с годами поубавилось сил для этих самых поисков. Но все же человек может делать лишь то, к чему он склонен, и я намерен попытаться.

— Если они там есть, Джон, ты их найдешь, — заметил Гаррис.

— Если Господу будет угодно. Сколько стоят каюты на «Орлеанской деве»?

— Каюта первого класса на двоих — сто двадцать ливров. Каюта второго класса — восемьдесят, а третьего — всего тридцать пять ливров. Но, боюсь, я не могу рекомендовать третий класс таким джентльменам, как вы. Там нет удобств, к которым вы привыкли.

— Мне доводилось жить без удобств. Когда мы окажемся в Атлантиде, полагаю, мне вновь придется жить без удобств, — сказал Одюбон. — Но, в отличие от некоторых джентльменов с протестантскими взглядами, — он легонько толкнул локтем Эдварда Гарриса, — я не придерживаюсь ошибочного мнения о том, что комфорт есть грех. Так что будем путешествовать первым классом.

— Я не считаю, что комфорт есть грех, и ты это знаешь, — возразил Гаррис. — Ты должен благополучно добраться туда, куда направляешься, и во время путешествия чувствовать себя

настолько здоровым и счастливым, насколько это окажется возможным. Конечно же первый класс.

— Значит, первый класс. — И клерк выписал им билеты.

Одюбон взошел на борт «Орлеанской девы», испытывая любопытную смесь предвкушения и страха. Колесный пароход являлся столь же современным, как и любой другой, но все же это был корабль, который вскоре выйдет в море. Еще поднимаясь по сходням, Одюбон ощутил в желудке предостерегающий спазм.

Он рассмеялся и попытался обратить это в шутку, как для Гарриса, так и для себя:

— Когда я вспоминаю, сколько раз оказывался в море на парусном корабле, отдавшись на милость ветра и волн, я понимаю, что глупо волноваться, отправляясь в путешествие, подобное этому.

— Как ты сказал клерку на прошлой неделе: ты можешь делать только то, что можешь. — Гарриса природа наделила как спокойным желудком, так и спокойным нравом. Если противоположности действительно притягиваются, то он и Одюбон составляли естественную пару.

К ним величественно приблизился стюард. На его синем шерстяном кителе блестели надраенные бронзовые пуговицы, а на лице — капельки пота.

— Вы путешествуете вместе, господа? — спросил он. — Не будете ли вы столь любезны показать ваши билеты?

— Разумеется, — отозвался Одюбон. Он и Гаррис достали билеты.

— Благодарю вас. — Стюард отыскал их имена в списке, извлеченном из одного из многочисленных карманов кителя. — Мистер Одюбон и мистер Гаррис? Очень хорошо. Ваша каюта номер двенадцать, на главной палубе по правому борту. Это означает справа, когда смотришь вперед, если вы прежде не бывали в море.

— Боюсь, что бывал, — сообщил Одюбон. Стюард снял фуражку и почесал лысеющую макушку, но Одюбон имел в виду именно то, что сказал. Он кивнул Гаррису, затем негру, толкающему тележку с их багажом. — Итак, посмотрим.

Им досталась каюта с двумя кроватями, комодом и тазом с подвешенным над ним кувшином: примерно то же самое, что им предложили бы в более-менее приличной гостинице, только комната была бы побольше. «И в гостинице я вряд ли рисковал бы утонуть», — подумал Одюбон. Он не полагал всерьез, что ему суждено утонуть на «Орлеанской деве», но, если на море начнет штормить, лучше умереть, чем мучиться.

Он дал негру-носильщику пол-ливра. Багаж, как только его выгрузили с тележки, грозил разорвать каюту. Ни Одюбон, ни Гаррис не были щеголями и не возили с собой обширный гардероб. Но у Одюбона одни только акварельные краски и бумага заняли два дорожных сундука, а герметичные банки и запас спирта, в котором сохраняли образцы, потребовали еще двух. Кроме того, у каждого из путешественников имелся дробовик для сбора образцов и новомодный револьвер для самообороны.

— Оставьте хотя бы проход к двери, чтобы можно было выйти, когда проголодаетесь, — посоветовал стюард.

— Большое спасибо за совет. — Одюбон надеялся, что его сарказм собьет с шутника спесь, но стюард, нимало не смутившись, коснулся фуражки кончиками пальцев и вышел из каюты. Одюбон процедил ему вслед что-то по-французски.

— Не бери в голову, Джон, — посоветовал Гаррис. — Мы уже на борту, скоро поднимут якорь. А потом до самого Авалона волноваться будет не о чем.

«Это тебе не о чем будет волноваться». Но Одюбон не произнес этого вслух. У Гарриса был крепкий желудок, а у художника — слабый, и с этим ничего не поделаешь. Одюбон мог лишь мечтать о таком.

Он также мечтал, чтобы «Орлеанская дева» отплыла в назначенный час или хотя бы в назначенный день. «Четверг, 6 апреля 1843 года, половина одиннадцатого утра», — написал клерк на каждом билете четким округлым почерком. Одюбон и Гаррис прибыли на корабль заблаговременно. Однако половина одиннадцатого наступила и прошла, а корабль все еще стоял у причала. Четверг также прошел. На борту томились пассажиры, а грузчики все таскали в трюмы мешки с сахаром и рисом. Лишь фаршированные перепела с артишоками и спаржей, а также действительно превосходное шампанское в обеденном салоне первого класса немного примирили Одюбона с тем, что он зря проторчал лишний день на пароходе.

Наконец, уже днем в пятницу, зарокотал двигатель «Орлеанской девы». Звук у него оказался более низкий и сильный, чем у того, что двигал «Августа Цезаря» по Большой Мутной Реке.[187] Палуба под ногами Одюбона завибрировала.

Офицеры рявкнули команды, трубы парохода изрыгнули дым. Моряки втянули канаты, удерживавшие корабль у причала. Другие матросы, кряхтя от усилий, взялись за кабестан. Звено за звеном они подняли тяжелую цепь с якорем.

Наблюдая за ними, Гаррис сказал:

— Когда-нибудь пар будет вращать не только гребные колеса,

но и кабестан.

— Может, ты и прав, — согласился Одюбон. — Морякам следует на это надеяться.

— У пара большое будущее. Запомни мои слова. Пароходы, железные дороги, фабрики… кто знает, что еще нас ждет?

— До тех пор, пока не сделают художника, работающего на паровой тяге, я за свое будущее не опасаюсь, — заметил Одюбон.

— Парового художника? Что за безумные мысли приходят тебе в голову, Джон? — Эдвард Гаррис рассмеялся, но вскоре веселье сменилось задумчивостью. — Впрочем, если вспомнить механический пантограф, то твоя идея вполне может осуществиться.

— Об этом я не думал, — пояснил Одюбон. — Я размышлял о том новом трюке, «светописи», который стали применять в последние несколько лет. Если можно будет создавать цветные, а не черно-белые картинки и если удастся делать — нет, это называют «снимать» — светописное изображение достаточно быстро, чтобы уловить движение… что ж, если такое окажется возможным, то, боюсь, для художников настанут тяжелые времена.

— Слишком уж много всяких «если». Это осуществится еще не скоро, если осуществится вообще, — возразил Гаррис.

— О да. Знаю. — Одюбон кивнул. — И сомневаюсь, что в старости мне придется работать помощником на стройке. Мой сын, скорее всего, тоже станет профессиональным художником. Но ты говоришь о грядущих днях. Могу ли и я не думать о них?

Гудок парохода дважды рявкнул, предупреждая, что судно отходит от причала. Колеса медленно дали задний ход, выводя пароход кормой в реку. Затем одно колесо остановилось, в то время как другое продолжало вращаться. Поворот штурвала — и нос «Орлеанской девы» развернулся вниз по течению. Еще один торжествующий гудок, и, выплевывая все больше дыма из труб, корабль начал путешествие вниз по большой реке в сторону Мексиканского залива. Хотя они еще не добрались до моря, желудок Одюбона скрутило.

Дельта Большой Мутной Реки простиралась далеко вглубь Мексиканского залива. Едва «Орлеанская дева» покинула реку и вышла в залив, ее движение изменилось. Покачивало пароход совсем слабо — во всяком случае, для экипажа и большинства пассажиров, но и этого оказалось достаточно, чтобы Одюбон и несколько других несчастливцев помчались к борту. Через две минуты, показавшиеся художнику вечностью, он обессиленно выпрямился. Во рту было мерзко и кисло, из глаз текли слезы.

Зато Одюбон избавился от своего недомогания, пусть и на короткое время.

К нему приблизился стюард с подносом, уставленным стаканами, и почтительно кивнул:

— Не желаете ли немного пунша, сэр, чтобы освежить рот?

— Merci. Mon Dieu, merci beaucoup,[188] — выдохнул Одюбон, из-за мучений позабыв английский.

— Pas de quoi,[189] — ответил стюард. Любой человек на корабле, плывущем из Нового Орлеана через порты южного побережья Атлантиды, должен хоть немного знать французский.

Одюбон набрал в рот смесь рома с подслащенным лимонным соком. Глотая, художник опасался, что у него начнется очередной спазм, но пунш удержался в желудке. Успокаивающее тепло растеклось по телу. В два глотка Одюбон осушил стакан.

— Благослови вас Господь! — выдохнул он.

— Рад был помочь, сэр. Мы всегда предлагаем пунш, когда выходим в море.

Стюард предложил укрепляющее средство товарищам Одюбона по несчастью. Те набросились на него с радостными криками, и он даже заработал поцелуй от симпатичной молодой женщины — но только после того, как та сделала добрый глоток из своего стакана с пуншем.

Ощущая себя пусть и страдальцем, но все же человеком, Одюбон отправился на нос корабля. Свежий ветерок помог ему забыть о бунтующем желудке… на время. Над головой кричали чайки. Крачка бросилась в море и вынырнула с рыбкой в клюве. Но насладиться добычей ей не удалось. На нее спикировала серебристая чайка, и крачка, не успев проглотить, выронила рыбку. Чайка подхватила лакомый кусочек, а ограбленная птица улетела попытать счастья в другом месте.

За горизонтом на юге, милях в сорока юго-восточнее дельты, находился остров Нуэва-Галисия. Сейчас над вулканом Изабелла в центре острова вился лишь легкий дымок. Когда вулкан извергался в последний раз, Одюбон был еще молодым. Он помнил, как на Новый Орлеан сыпался вулканический пепел.

Художник посмотрел на восток, в сторону вулкана Пенсакола на берегу залива. У Пенсаколы «сорвало крышку» не так давно, всего лет десять назад. Но сейчас над горой не поднимался зловещий черный столб. Одюбон удовлетворенно кивнул. Можно не тревожиться о том, что пароходу придется прокладывать путь на восток во время извержения. Когда Пенсакола начинала изрыгать пламя, реки дымящейся лавы стекали в море, отодвигая береговую линию Терранова на юг и восток. Корабли не смели приближаться, чтобы насладиться захватывающим зрелищем,

потому что вулкан швырял камни на расстояние, о котором береговая артиллерия могла лишь мечтать. Большая их часть, разумеется, падала в Мексиканский залив, но кто сможет забыть «Черного принца», пробитого и потопленного в 1793 году упавшим валуном размером с корову?

«Орлеанская дева» степенно плыла на восток. Волнение на море оказалось не очень сильным; Одюбон обнаружил, что регулярные дозы ромового пунша чудесным образом успокаивают желудок. Если его и скручивало время от времени, то ром помогал Одюбону забывать о таких пустяках. А лимонный сок, напомнил он себе, предотвращает цингу.

Когда на закате пароход проплывал мимо Пенсаколы, вулкан дымился. Но дым, струящийся из конической горы, оказался, как и над Изабеллой, тонким и бледным, а не густым, черным и угрожающим.

Эдвард Гаррис подошел к Одюбону и встал рядом с ним у левого борта.

— Чудесный вид, — заметил Гаррис.

— Действительно чудесный, — согласился Одюбон.

— Удивлен, что ты не делаешь эскизы. Лучи закатного солнца окрашивают розовым облака над горой на фоне темнеющей синевы… Что может быть живописнее?

— Наверное, ничего. — Одюбон рассмеялся, немного смущенный. — Но я уже выпил столько этого восхитительного ромового пунша, что моя правая рука позабыла о своем мастерстве.

— Вряд ли я вправе винить тебя в этом, когда ты так страдаешь от mal de mer,[190] — заметил Гаррис. — Надеюсь, когда ты в следующий раз окажешься здесь, море будет спокойнее.

— Я тоже — если этот следующий раз наступит. Я уже немолод, Эдвард, и не становлюсь моложе. И направляюсь в Атлантиду, чтобы увидеть то, что хочу, и осуществить задуманное, пока еще могу. С каждым годом земля меняется, и я тоже. Ни я, ни она не будут такими, как прежде.

Гаррис — спокойный, уравновешенный и надежный Гаррис — улыбнулся и опустил ладонь на плечо друга:

— Ты выпил, и тебе стало грустно. В тебе больше сил, чем у многих, кто вдвое моложе.

— Спасибо на добром слове, хотя мы оба знаем, что это не так. А ром… — Одюбон покачал головой. — Когда я садился на «Августа Цезаря» в Сент-Луисе, я уже знал, что это путешествие может стать последним в моей жизни. Взросление — это время начал, когда многое происходит впервые.

— О да. — Улыбка Гарриса стала шире. Одюбон догадался, какой первый раз он сейчас вспоминает.

Но художник не договорил.

— Взросление — время начал, — повторил он. — А старение… Это время окончаний, время событий, которые происходят в последний раз. И я боюсь, что это станет моим последним длительным путешествием.

— Что ж, если так, то насладись им в полной мере, — посоветовал Гаррис. — Не отправиться ли нам в обеденный зал? Сегодня подают черепаховый суп и седло барашка. — Он даже причмокнул.

Гаррис, разумеется, отдал обеду должное. Несмотря на поддержку в виде ромового пунша, Одюбон этого сделать не смог. Несколько ложек супа, вялое ковыряние в баранине и жареном картофеле, который предложили на гарнир, и художник почувствовал, что наелся до опасного предела.

— Мы с тем же успехом могли бы путешествовать вторым классом, а то и третьим, — грустно заметил он. — Разница в цене в основном за счет питания, а я не смогу оправдать потраченные на билет деньги за столом, который качается.

— В таком случае мне придется оправдывать их за двоих. — Гаррис полил соусом с бренди вторую порцию баранины. Кампанию с ножом и вилкой в руках он провел серьезно и методично, и вскоре от баранины ничего не осталось. Он с надеждой огляделся. — Интересно, что будет на десерт?

В качестве десерта подали выпеченный в форме «Орлеанской девы» пирог с орехами, цукатами и миндальной пастой. Гаррис предался чревоугодию, а Одюбон наблюдал за ним со странной улыбкой — отчасти завистливой, отчасти задумчивой.

Вскоре после обеда он отправился спать. Первый день морского путешествия всегда давался художнику тяжело, а с годами все тяжелее. Матрас оказался удобнее, чем в гостинице в Новом Орлеане. Наверное, даже мягче, чем дома. Но спать на нем было непривычно, и Одюбон ворочался некоторое время, пытаясь отыскать удобное положение. Ворочаясь, он посмеивался над собой. Вскоре ему придется спать в Атлантиде на голой земле, закутавшись в одеяло. Будет ли он и тогда крутиться? Художник кивнул. Конечно будет. Так, кивая, он и задремал.

Долго Одюбон не проспал — пришел Гаррис, напевая «Прелестные черные глазки», песенку, популярную сейчас в Новом Орлеане. Как казалось Одюбону, Гаррис даже не замечал, что поет. Он переоделся в ночную рубашку, воспользовался стоящим под кроватью ночным горшком, задул оставленную Одюбоном керосиновую лампу и забрался под одеяло. Вскоре он

захрапел. Гаррис всегда отрицал, что храпит. Действительно, ведь сам он никогда этого не слышал.

Одюбон усмехнулся. Поворочался, позевал. И очень скоро захрапел сам.

Когда на следующее утро он вышел на палубу, «Орлеанская дева» казалась единственным творением Создателя, не считая самого моря. Терранова исчезла далеко за кормой, а Атлантида все еще лежала в тысяче миль впереди. Пароход вошел в Гесперийский залив, широкий рукав Северной Атлантики, отделяющий огромный остров и прилегающие к нему островки от континента на западе.

Одюбон посмотрел на юго-восток. Он родился на Санто-Томасе, одном из этих островков. Три года спустя его увезли во Францию, поэтому он не видел разорения острова, когда темнокожие рабы восстали против своих хозяев и началась война, в которой ни одна из сторон не давала пощады и не просила ее. Черные правили на Санто-Томасе и поныне. Белых на острове осталось совсем немного. О своем первом доме у Одюбона было лишь несколько смутных детских воспоминаний. Его никогда не тянуло туда вернуться, даже если бы он мог это сделать, не подвергая свою жизнь опасности.

На палубу вышел прогуляться Эдвард Гаррис.

— Доброе утро, — сказал он. — Надеюсь, ты хорошо спал?

— Спасибо, достаточно хорошо, — ответил Одюбон. «И спал бы куда лучше без «Прелестных черных глазок», но жизнь есть жизнь». — А ты?

— Неплохо, неплохо. — Гаррис присмотрелся к коллеге. — Ты выглядишь… не таким зеленым, как вчера. Полагаю, причиной тому бодрящий соленый воздух?

— Возможно. Или я просто понемногу привыкаю к качке. — Едва Одюбон произнес это и подумал о желудке, ему пришлось сглотнуть. Он тут же обвиняюще указал пальцем на друга. — Вот видишь? Одного твоего вопроса хватило, чтобы вызвать неприятности.

— Что ж, в таком случае пошли завтракать. Нет ничего лучше доброй порции яичницы с ветчиной или чего-нибудь в этом роде, чтобы подкрепить… Ты в порядке?

— Нет, — выдохнул Одюбон, перегибаясь через леер.

Он позавтракал легко — слегка подрумяненными галетами, кофе и ромовым пуншем. Обычно художник не начинал день с крепких напитков, но и с морской болезни его день обычно не начинался. «И это тоже хорошо, иначе я умер бы много лет назад, — подумал он. — Надеюсь, я все же выживу».

Сидящий рядом Гаррис с аппетитом умял яичницу с ветчиной, колбасу, бекон и гарнир из маисовой каши. Промокнув губы белоснежной льняной салфеткой, он сообщил:

— Это было потрясающе вкусно. — И любовно похлопал округлившийся живот.

— Я очень рад, что завтрак тебе понравился, — уныло отозвался Одюбон.

За следующие три дня «Орлеанская дева» лишь дважды приближалась к другим кораблям настолько, чтобы разглядеть паруса или поднимающийся из труб дым. Однажды мимо проплыло стадо китов, выпустило в воздух фонтаны и погрузилось в воду вновь. Однако большую часть времени пароход рассекал океан в полном одиночестве.

На третий день плавания Одюбон стоял на палубе, когда море — внезапно, как это всегда происходит, — изменило цвет с зеленовато-серого на насыщенный голубой. Художник поискал взглядом Гарриса и заметил его неподалеку — тот потягивал ромовый пунш и болтал с хорошо сложенной молодой женщиной, чьи локоны были цвета огня.

— Эдвард! — окликнул друга Одюбон. — Мы вошли в Бэйстрим.[191]

— В самом деле? — Похоже, новость не произвела на Гарриса желаемого впечатления. Он повернулся к рыжей женщине, которая тоже держала стакан с пуншем, и сказал: — Джон просто без ума от природы.

Произнесенное другим тоном, это могло бы сойти за комплимент. Может, это действительно был комплимент. Одюбону оставалось надеяться, что ему лишь послышалась легкая снисходительность в словах Гарриса.

— Правда? — Похоже, Одюбон женщину не интересовал вовсе. — А ты, Эдди?

Эдди? Одюбон не верил своим ушам. При нем никто и никогда еще не называл так Гарриса. И Гаррис… улыбнулся:

— Что ж, Бет, могу сказать — я тоже. Но некоторые явления природы интересуют меня больше остальных. — И он положил свободную ладонь на ее руку. Бет тоже улыбнулась.

Гаррис был вдовцом. И мог ухаживать за дамами, если у него возникало такое желание, — впрочем, Бет против его ухаживаний и не возражала. Одюбон восхищался красивыми женщинами не меньше, чем любой другой мужчина, — даже больше, поскольку глазами художника он мог лучше оценить их красоту, — но был женат и не переступал грань между восхищением и ухаживанием. «Надеюсь, у Люси все хорошо», — подумал он.

Поскольку Гаррис был временно отвлечен, Одюбон в

одиночестве продолжил наблюдения у леера. К тому времени «Орлеанская дева» уже покинула более холодные воды у восточного побережья Террановы и оказалась в теплом течении, выходящем из Мексиканского залива. Даже обрывки водорослей, плавающие в океане, выглядели теперь иными. Основные биологические интересы Одюбона сосредоточивались на птицах и живородящих четвероногих. Тем не менее он жалел, что ему не пришло в голову выловить водоросли в холодных водах и должным образом сравнить их с теми, что плавают вокруг сейчас.

Он обернулся, чтобы сказать об этом Гаррису, но обнаружил, что его друга и Бет уже нет на палубе. Не отправился ли Гаррис удовлетворять собственные биологические интересы? Что ж, если так, то пусть у него хватит на это сил. Одюбон снова посмотрел на океан и был вознагражден видом юной морской черепашки, не больше его ладони, которая деликатно пощипывала ленточку водорослей. По сравнению с наградой, которой сейчас мог наслаждаться Гаррис, это было лишь пустячком, но все же лучше, чем вообще ничего.

Атлантида, подобно солнцу, восходила для Одюбона на востоке. Всего лишь размытое пятнышко на горизонте… Некоторое время еще можно было гадать, не далекие ли это облака, но недолго. Вскоре в нем безошибочно стала видеться суша. Для бретонских и галисийских[192] рыбаков, открывших Атлантиду почти четыре столетия назад, она преждевременно отправляла на покои закатное солнце.

— Следующий порт захода — Нью-Марсель, сэр, — сообщил стюард, когда Одюбон проходил мимо.

— Хорошо, — ответил художник, — но я плыву в Авалон.

— Все равно вы должны пройти таможенный досмотр в первом порту захода в Атлантиде, — напомнил стюард. — В Штатах к этому относятся очень строго. Если в вашем паспорте не будет стоять штамп таможни Нью-Марселя, вам не дадут сойти с корабля в Авалоне.

— Какое занудство — открывать все мои сундуки ради штампа! — пробурчал Одюбон.

Стюард лишь пожал плечами, как человек, на чьей стороне закон или хотя бы правила. Он сказал правду: Соединенные Штаты Атлантиды действительно строго относились к тем, кто ступал на их территорию. Или делай, как мы, или держись от нас подальше.

Однако сойти на берег в Нью-Марселе было скорее приятно, нежели наоборот. Согретый Бэйстримом, город нежился в нескончаемом мае. Севернее, в Авалоне, почти круглый год был

апрель. Далее Бэйстрим двигалось на север и восток, огибая Атлантиду и донося тепло на север Франции, к Британским островам и Скандинавии. Восточное побережье Атлантиды, куда, промчавшись над несколькими сотнями миль долин и гор, долетали ветры, было местом более мрачным и суровым.

Но сейчас Одюбон находился в Нью-Марселе, и здесь стоял если и не май, то середина апреля, что достаточно близко. Когда они с Гаррисом выкатили на тележке свои сундуки под таможенный навес, одного взгляда хватило, чтобы понять: они уже не в Терранове. Да, магнолии, затеняющие соседние улицы, не слишком отличались от тех, что можно отыскать вблизи Нового Орлеана. Но вот гинкго… Существует лишь еще одно место в мире, где растут гинкго, — это Китай. И многочисленные невысокие саговники с пучками листьев, торчащими на вершинах коротких стволов, так же редко встречались где-либо в умеренной зоне.

В отличие от деревьев, местный таможенник оказался весьма похожим на своих коллег во всех королевствах и республиках, где Одюбону довелось побывать. Он хмурился, читая таможенные декларации, и стал хмуриться еще больше, когда открыл багаж путешественников, чтобы убедиться в его соответствии.

— У вас здесь большое количество спирта, — заявил он. — Фактически такое, которое подлежит обложению пошлиной.

— Он предназначен не для употребления внутрь или перепродажи, сэр, — пояснил Одюбон, — а для сохранения научных образцов.

— Имя и художественные произведения Джона Одюбона известны во всем цивилизованном мире, — добавил Гаррис.

— Я тоже слышал об этом господине. И восхищаюсь его работами — теми, что мне довелось увидеть, — ответил таможенник. — Однако закон не принимает во внимание намерения. Для него главное — количество. Вы ведь не станете отрицать, что этот спирт можно выпить?

— Нет, — неохотно признал Одюбон.

— Вот и хорошо. В таком случае вы должны казне Атлантиды… сейчас посмотрю… — Он сверился с таблицей, прибитой к стене у него за спиной. — С вас двадцать два орла и… четырнадцать центов.

Сдерживая возмущение, Одюбон заплатил. Таможенник вручил ему совершенно ненужную квитанцию и тиснул в паспорте весьма нужный штамп. Когда Одюбон с Гаррисом поволокли багаж обратно на «Орлеанскую деву», над ними пролетела птичка.

— Смотри, Джон! Это же серогрудая зеленушка, верно?

Но сейчас настроение Одюбона не могла улучшить даже атлантическая певчая птичка.

— Ну и что с того? — буркнул он, все еще скорбя о деньгах, которые надеялся сэкономить.

Его друг знал, что не дает ему покоя.

— Когда приплывем в Авалон, нарисуй парочку портретов, — посоветовал Гаррис. — И ты вернешь свои денежки, да еще и с прибылью.

Одюбон покачал головой:

— Я не хочу этого делать. — Когда его планы нарушались, он мог стать обидчив, как ребенок. — Мне жалко времени, которое придется на это потратить. Я дорожу каждой секундой. Мне осталось не так уж много дней, а крякуны… Кто может сказать точно, что они еще сохранились?

— Мы их найдем. — Как всегда, Гаррис излучал уверенность.

— Найдем ли? — Одюбона, наоборот, кренило от оптимизма к отчаянию по никому не известному расписанию. В тот момент, во многом по вине таможенника, художник погряз в глубоком унынии. — Когда рыбаки открыли эти земли, здесь было множество диких уток — дюжина видов. Атлантида изобиловала ими, как изобилуют бизонами равнины Терранова. А теперь… теперь, может быть, лишь несколько штук и осталось в самых глухих уголках острова. Вот мы сейчас разговариваем, а в это время, может быть, последняя из них умирает — или уже умерла! — в когтях орла, или в клыках диких псов, или от выстрела какого-нибудь охотника.

— Бизонов тоже становится меньше, — заметил Гаррис, но от его слов Одюбон лишь пришел в еще большее возбуждение.

— Я должен торопиться! Торопиться, ты слышишь меня?

— Что ж, ты все равно никуда не сможешь отправиться, пока не отплывет «Орлеанская дева», — рассудительно ответил Гаррис.

— Однажды, очень скоро, от Нью-Марселя до Авалона проложат железную дорогу, — сказал Одюбон.

Железные дороги в Атлантиде строили почти так же быстро, как в Англии: быстрее, чем во Франции, и быстрее, чем в любой из новых республик Терранова. Но «скоро» еще не наступило, и Одюбону действительно придется ждать, пока пароход не поплывет на север.

Пассажиры покидали «Орлеанскую деву». Бет сошла с корабля, и Гаррис помрачнел. Новые путешественники поднимались на борт. Одни грузчики таскали на берег ящики, коробки, бочки и мешки. Другие, напротив, заполняли трюмы. И пассажиры, и грузчики, по мнению Одюбона, копошились, как сонные мухи. Но ему оставалось лишь сгорать от нетерпения и

мерить шагами благословенно неподвижную палубу. Наконец, уже под вечер следующего дня, «Орлеанская дева» отчалила, направляясь в Авалон.

Все путешествие, длившееся два с половиной дня, пароход плыл вблизи от берега. То был один из самых живописных маршрутов в мире. Гигантские сосны и секвойи росли почти у самой воды — такие высокие и прямые, что вполне могли показаться колоннами огромного собора.

Собор этот, по-видимому, был возведен во славу загадкам и головоломкам. Огромные вечнозеленые деревья, такие как в Атлантиде, встречались только на Тихоокеанском побережье Терранова, то есть очень далеко отсюда. Почему они буйно раскинулись здесь, росли там, но больше нигде в мире? Одюбон не знал ответа на этот вопрос, как и любой другой натуралист, но страстно желал его узнать. Это могло бы стать блестящим венцом его карьеры! Увы, сей венец ему вряд ли суждено носить.

«Орлеанская дева», не останавливаясь, миновала рыбацкий городок Ньюки. Одюбон отыскал это место на карте, уточнил у стюарда и был весьма доволен, когда тот подтвердил его правоту.

— Если что-либо случится со штурманом, сэр, то я не сомневаюсь, что с вами мы не пропадем, — сказал он и подмигнул, давая понять, что его слова не следует воспринимать слишком серьезно.

Одюбон вежливо улыбнулся в ответ и принялся вновь изучать карту. Западный берег Атлантиды и восточный берег Терранова, разделенные тысячей миль океана, подходили друг к другу, как два кусочка огромной головоломки. Такое же соответствие наблюдалось и между выступом Бразилии в Южной Терранове и впадиной Западной Африки по другую сторону Атлантики. А очертания восточного побережья Атлантиды более или менее соотносились с береговой линией запада Европы.

И что это означает? Одюбон знал, что он далеко не первый, кто ломает над этим голову. Да и как можно не удивиться, пристальнее взглянув на карту? Составляли ли Атлантида и Терранова некогда единое целое? А Африка и Бразилия? Как такое могло быть, если между ними настолько широкий океан? Одюбон не представлял, что подобное было возможно. И не только он. Но когда смотришь на карту…

— Совпадение, — сказал Гаррис, когда Одюбон заговорил об этом во время ужина.

— Возможно. — Одюбон отрезал кусочек от гусиной ножки. В последние дни его желудок вел себя лучше, а море оставалось спокойным. — Но если это совпадение, то не слишком ли большое, как ты полагаешь?

— А мир вообще большой. — Гаррис отпил глоток вина. — Тебе не кажется, что в нем найдется место для парочки больших совпадений?

— Возможно, — повторил Одюбон, — но, когда смотришь на карты, создается впечатление, что такие соответствия очертаний объясняются некой причиной, а не случайностью.

— Тогда скажи, как между ними появился океан. — Гаррис нацелил на него палец, как ствол пистолета. — И если скажешь, что это был Ноев потоп, то я возьму бутылку этого прекрасного бордо и стукну тебя ею по голове.

— Ничего подобного я не собирался утверждать, — возразил Одюбон. — Во время Ноева потопа вода могла залить эти земли, но не разделить их, причем сохранив полное соответствие береговых линий.

— Тогда это должно быть совпадением.

— Я не считаю, что это должно быть чем-либо, mon vieux.[193] Я считаю, что нам неизвестна причина… если, признаю, эта причина вообще имеется. Может быть, когда-нибудь мы это узнаем, но не сейчас. Пока что для нас это загадка. А нам ведь нужны загадки, как ты думаешь?

— Конкретно сейчас, Джон, мне нужен соус. Будь любезен, передай его, пожалуйста. Изумительно подходит к гусятине.

Тут он был прав. Одюбон полил соусом темное и сочное мясо у себя на тарелке, затем протянул соусник другу. Гаррис, когда мог, предпочитал игнорировать загадки. Но только не Одюбон. Они напоминали ему не только о том, как много люди — вообще — пока не знают, но и о том, как много он — в частности — еще может узнать.

«Столько, сколько позволит мне время», — подумал Одюбон и отправил в рот очередной кусочек гусятины.

Авалон высился на шести холмах. Отцы города продолжали искать седьмой, чтобы после этого сравнить Авалон с Римом, но ни одной приличной возвышенности на многие мили вокруг так и не нашлось. Открывающийся на запад Авалонский залив подарил этому городу, возможно, лучшую гавань в Атлантиде. Полтора столетия назад залив был пиратским гнездом. Флибустьеры выплывали отсюда грабить корабли в Гесперийском заливе до тех пор, пока объединенный британско-голландский флот не загнал их обратно в гавань, а затем не выкурил и оттуда.

Городские улицы все еще напоминали о бандитском прошлом: дорога Золотой Бороды, авеню Вальжана, улица Карманника Чарли. Но теперь залив патрулировали два атлантийских паровых фрегата. Рыбацкие лодки, купеческие

корабли — как паровые, так и парусные — и лайнеры наподобие «Орлеанской девы» спокойно заходили в гавань и покидали ее. О флибустьерах еще помнили, но их давно уже не было.

«Только бы с крякунами не случилось того же, что и с пиратами, — подумал Одюбон, когда «Орлеанская дева» встала у причала. — Господи, прошу Тебя, не допусти этого».

Он перекрестился. Одюбон не знал, поможет ли молитва, но уж точно не навредит, а потому направил ее в небеса.

Гаррис указал на вышагивающего по причалу мужчину:

— Это, случайно, не Гордон Коутс?

— Он самый.

Одюбон помахал человеку, издающему его работы в Атлантиде. Приземистый и округлый Коутс, щеголяющий еще более пышными, чем у Одюбона, бакенбардами, помахал в ответ. На нем был лоснящийся шелковый сюртук, а на голове — лихо заломленный цилиндр.

Одюбон поднес ко рту сложенные ладони:

— Как поживаешь, Гордон?

— О, сносно. Может, чуточку лучше, чем сносно, — отозвался Коутс. — Значит, ты снова отправляешься в глухомань? — Сам он был городским человеком до кончиков ухоженных нолей. За город Коутс выбирался лишь на скачки. В лошадях он прекрасно разбирался. Когда Коутс делал ставки, он выигрывал… во всяком случае чаще, чем проигрывал.

Двое его слуг уже стояли с тележками наготове, чтобы позаботиться о багаже путешественников. Когда опустили сходни и пассажиры сошли на берег, мужчины пожали руки и похлопали друг друга по спине.

— И где ты решил нас поселить? — осведомился Гаррис, который всегда беспокоился о таких вещах. Благодаря его предусмотрительности в подобных вопросах Одюбон частенько оказывался в гостиницах гораздо более комфортабельных, чем если бы выбирал их сам.

— А как, по-твоему, звучит «Гесперийская королева»? — ответил Коутс вопросом на вопрос.

— Как имя похищенной пиратами женщины, — сообщил Одюбон, и издатель расхохотался. — А там поблизости есть конская ярмарка или конюшня, где можно взять лошадь на время? Я хочу сделать это как можно скорее.

Гаррис тяжело вздохнул. Одюбон предпочел этого не услышать.

— Конечно-конечно, совсем недалеко, — отозвался Коутс и указал на небо. — Смотрите, орел! По моему, это знамение для вас.

Крупная белоголовая птица летела на юг. Одюбон знал, что орел скорее всего направляется на городскую свалку, копаться в отбросах. С тех пор как в Атлантиде появились люди, белоголовые орлы процветали. Вид этого орла наполнил душу Одюбона тайным разочарованием. Он предпочел бы увидеть краснохохолкового орла, национальную птицу атлантийцев. Но численность этих могучих стервятников — по общему мнению, крупнейших в мире — стала резко сокращаться вместе с численностью диких уток, их главной добычи.

— Что ж, — сказал Одюбон, — пусть будет «Гесперийская королева».

Когда он посещал Авалон в прошлый раз, у гостиницы были другое название и другой владелец. С тех пор она стала более современной, равно как и Авалон, сделавшийся заметно больше и богаче, чем десять — или уже двенадцать? — лет назад.

Гаррис это тоже заметил. Такое Гаррис замечал всегда.

— А дела у вас идут хорошо, — сказал он Гордону Коутсу, отрезая за ужином кусочек бифштекса.

— Неплохо, неплохо, — согласился издатель. — Я собираюсь опубликовать книгу одного парня — он живет здесь в городе и полагает, будто написал великий атлантийский роман. Надеюсь, парень прав. Заранее никогда не скажешь.

— Однако ты в это не веришь, — сказал Одюбон.

— Пожалуй, нет, — согласился Коутс. — Каждый автор думает, что написал великий атлантийский роман, — если только он не родом из Терранова или Англии. А иногда даже в этом случае. У мистера Хоторна шансы выше, чем у некоторых — я бы даже сказал, чем у большинства, — но не намного.

— А как называется роман? — поинтересовался Гаррис.

— «Кровавое клеймо». Неплохое название, раз даже я это признаю, — а я признаю, потому что оно мое. Хоторн предлагал «Берега другого моря». — Коутс зевнул, словно желая показать, что по части наименований авторы просто безнадежны. Затем, указав на Одюбона, заявил: — Я бы и твои книги называл как-нибудь иначе, если бы они не выходили еще в Англии и Терранове. Скажем, «Птицы и зверушки». Кто вообще помнит, что значит «четвероногие», не говоря уже о «живородящих»?

— Мои книги неплохо продаются и под теми названиями, которые дал им я, — возразил Одюбон.

— Конечно, неплохо, но могли бы и гораздо лучше. Я бы сделал тебя большим автором. — Коутс был из тех, кто всегда преследует корыстные цели. Сделав Одюбона «большим автором» — он произнес эти слова медленно и любовно, — он смог бы заработать больше.

— А я знаю, почему местные не могут отличить четвероногое от ямы в земле, — сообщил Гаррис. — В Атлантиде, пока ее не открыли, их почти и не было. Как в Ирландии нет змей, так и здесь нет… — он ухмыльнулся, — зверушек.

— Нет живородящих четвероногих. — Одюбон выпил уже достаточно, чтобы им овладело стремление к точности, — но еще не так много, чтобы оказаться не в состоянии произнести слово «живородящие». — Здесь в изобилии водятся ящерицы, черепахи, лягушки, жабы и саламандры… и змеи, разумеется, хотя у змей нет четырех ног, а потому и четвероногости, — с гордостью завершил он.

— Само собой, у змей нет ног, — фыркнул Гаррис.

— Ну, зато теперь у нас всякого зверья хватает, — сказал Коутс. — Какого угодно, от мышей до лосей. Каких-то мы завезли, другие сами завелись. Попробуйте-ка помешать мышам и крысам пробираться на корабли. Да-да, валяйте, пробуйте. И удачи вам, потому что она вам понадобится.

— И сколько местных видов из-за этого исчезло? — спросил Одюбон.

— Понятия не имею, — ответил Коутс. — По мне, так поздновато теперь об этом беспокоиться, разве нет?

— Надеюсь, что нет, — проговорил Одюбон. — Надеюсь, еще не поздно для них. И не поздно для меня. — Он отпил вина. — И я знаю, какое живородящее существо нанесло здесь самый большой ущерб.

— Крысы? — осведомился Коутс.

— Спорим, что куницы? — предложил Гаррис.

Одюбон по очереди покачал головой в сторону каждого из них, затем ткнул пальцем себе в грудь:

— Человек.

Они выехали из Авалона три дня спустя. Часть этого времени Одюбон потратил на покупку лошадей и сбруи; и о нем не жалел. Остальное провел с Гордоном Коутсом, встречаясь с подписчиками и потенциальными подписчиками на его книги, и этого времени ему было жаль. Одюбон оказался более способным в делах, чем большинство его коллег-художников, и обычно не тяготился необходимостью радовать уже имеющихся заказчиков и привлекать новых. Если никто не покупает твои картины, у тебя чертовски много времени, чтобы рисовать новые. В молодости Одюбон испробовал себя в нескольких других профессиях, возненавидел их все и не преуспел ни в одной. И теперь отлично понимал, как ему повезло, что он может зарабатывать на жизнь, занимаясь любимым делом, и как много труда уходит на то, что

другие называют везением.

К облегчению Одюбона, ему удалось исчезнуть из города, избежав заказов на портреты. Еще до отплытия из Нового Орлеана он ощущал за спиной горячее дыхание времени. Художник чувствовал, что стареет, слабеет, становится более немощным. Пройдет еще несколько лет, быть может всего год или два, и ему уже не хватит сил и энергии для путешествия по диким местам Центральной Атлантиды. А даже если и хватит, то уже может не остаться уток, которых он хочет нарисовать.

«Да я и сейчас могу их не найти». Эта мысль жгла его, подобно кислоте. Мысленным взором он постоянно видел какого-нибудь охотника или лесоруба с ружьем…

Выехав из Авалона, Одюбон вполне мог бы вообразить, что путешествует по сельской местности где-нибудь во Франции или Англии. Только фермы здесь крупнее, чем в Европе, а луга между ними — шире. То была недавно заселенная земля, ее не возделывали столетиями или даже тысячелетиями. Но растения на полях — пшеница, ячмень, кукуруза, картофель — или европейские, или привезены из Терранова и давно привычные в Старом Свете. Фруктовые деревья были родом из Европы; орехи опять-таки из Европы и Терранова. Лишь редкие островки секвойи и местных сосен напоминали о том, что до Гесперийского залива всего несколько миль на запад.

Также обстояло дело и с животными. Возле ферм лаяли собаки. Во дворах копошились куры. Бродили кошки, охотясь или на мышей — тоже иммигрантов, — или на беспечных цыплят. Утки и гуси — обычные домашние гуси — плавали в прудах. Рылись и валялись в грязи свиньи. На лугах паслись коровы, овцы и лошади.

Большинство людей, вероятно, не обратили бы внимания на растущие здесь и там папоротники, или на птиц на земле, на деревьях или в небесах. Некоторые из этих птиц, такие как вороны, встречались по всему миру. Другие, как белоголовый орел, которого Одюбон видел в Авалоне, водились как в Атлантиде, так и в Терранове (на восточном побережье Атлантиды иногда встречался белохвостый орел, залетающий туда из Европы или Исландии). Но остальные птицы (никто не знал сколько) были уникальными обитателями большого острова.

Лишь специалисты могли определить, чем атлантийский сероголовый стриж отличается от печного иглохвоста из Терранова или от маленьких европейских стрижей. Многие местные дрозды выглядели почти такими же, как их собратья на востоке и западе. Они принадлежали к различным видам, но хохолки и повадки у них были схожие. То же Одюбон мог сказать

и про островных славок, порхавших по деревьям в поисках насекомых точно так же, как и их родственницы на дальнем берегу Гесперийского залива. Да, общего было много. Но…

— Я все гадаю, скоро ли нам начнут попадаться масляные дрозды, — проговорил Одюбон.

— Только не так близко от Авалона, — отозвался Гаррис. — Здесь ошивается слишком много собак, котов и свиней.

— Пожалуй, ты прав. Эти птички очень доверчивы, а шансов убежать у них немного.

Рассмеявшись, Гаррис изобразил кончиками пальцев машущие крылышки. У масляных дроздов крылья были побольше, но ненамного — они не могли летать. Сами же птицы вырастали крупнее куриц. Длинными и острыми клювами они в поисках червей проникали в землю так глубоко, как обычные, летающие дрозды не могли и мечтать. Когда корма становилось в избытке, масляные дрозды откладывали жирок на черный день.

Но они оказались совершенно беспомощны против людей и животных, завезенных в Атлантиду. Причиной стало не только то, что птицы были вкусны или что их вытопленный жир отлично подходил для масляных ламп. Просто дрозды не привыкли, что на них охотятся наземные существа, поскольку до появления людей единственными живородящими четвероногими в Атлантиде были летучие мыши.

— Даже летучие мыши здесь необычные, — пробормотал Одюбон.

— Да, ты прав, но почему ты об этом вспомнил? — спросил Гаррис.

Одюбон пояснил ход своих мыслей.

— Где еще в мире водятся летучие мыши, которые больше времени проводят на земле, чем в воздухе? — продолжил он.

Одюбон считал, что задает риторический вопрос, но Гаррис поинтересовался в ответ:

— Разве похожие не водятся в Новой Зеландии?

— Правда? — удивился Одюбон. Гаррис кивнул. Художник поскреб бакенбарды. — Так-так… Оба острова расположены далеко от материков, посреди океана…

— В Новой Зеландии тоже были свои крякуны, или нечто подобное. Как же, черт побери, они назывались?..

— Моа. Это я помню. Я тебе показывал восхитительные рисунки их останков, сделанные недавно профессором Оуэном? Линии просто поразительные. Поразительные! — То, как Одюбон поцеловал кончики пальцев, доказывало, что в душе он остался французом.

Гаррис взглянул на него с лукавой улыбкой:

— Но ты, конечно, смог бы нарисовать лучше?

— Сомневаюсь. Каждому свое. Нарисовать мертвый образец так, чтобы на полотне он смотрелся как живой, — я могу. Мой талант именно в этом, и я потратил теперь уже почти сорок лет, чтобы научиться всем необходимым приемам и хитростям. А вот изобразить ископаемые кости в мельчайших деталях… тут я, без малейшего стыда, отдаю пальму первенства достойнейшему профессору.

— Будь в тебе чуть меньше скромности, ты был бы идеален, — заявил Гаррис.

— Вполне возможно, — самодовольно ответил Одюбон, и они поехали дальше.

Медленная глуховатая барабанная дробь доносилась с засыхающей сосны, с высоты около тридцати футов.

— Вот он, Джон! — указал Гаррис. — Видишь его?

— Вряд ли я смог бы его не заметить, если он размером с ворона, — ответил Одюбон.

Краснощекий дятел продолжал долбить, отыскивая под корой личинки. Это был самец, с красным, как и щеки, хохолком. У самки хохолок черный, загибающийся вперед. Точно так же различались самцы и самки их близких родственников из континентальной Терранови — белоклювый и императорский дятел из Мексики.

Одюбон спешился, зарядил дробовик и приблизился к сосне. К этому дятлу он подошел ближе, чем смог бы к любому из его собратьев в Терранове. Подобно масляным дроздам и многим другим птицам Атлантиды, дятел не мог представить, что некто на земле представляет для него угрозу. Белоклювый и императорский были менее наивны.

Дятел поднял голову и издал звук. Он оказался высоким и пронзительным, как взятая на кларнете фальшивая нота. Одюбон замер с ружьем на плече, ожидая, не откликнется ли другая птица. Когда этого не произошло, он прицелился и нажал на спуск. Дробовик выстрелил, извергнув пахнущий фейерверком дым.

Испуганно вскрикнув, краснощекий дятел свалился с сосны. Минуты две он бился на земле, потом затих.

— Хороший выстрел, — прокомментировал Гаррис.

— Merci, — рассеянно отозвался Одюбон.

Он поднял дятла. Тот был еще теплый, и по нему ползали клещи и птичьи вши. Те, кто не имел дела с только что убитой птицей, никогда не думают о таких вещах. Художник вытер ладонь о штанину, чтобы избавиться от ползучих паразитов.

Обычно они не трогают людей, потому что те им не по вкусу, но иногда…

Одюбона внезапно посетила свежая мысль. Он уставился на дятла и проговорил:

— А вот интересно, птичьи паразиты из Атлантиды отличаются так же, как и сами птицы, или они одинаковые что здесь, что у птиц Терранова?

— Не знаю, — отозвался Гаррис. — Не хочешь заспиртовать десяток-другой паразитов, а затем проверить?

Секунду подумав, Одюбон покачал головой:

— Нет, уж лучше пусть этим займется тот, кого такие проблемы действительно интересуют. А я здесь ради уток, а не вшей!

— Кстати, ты и сейчас добыл неплохой образец, — заметил его друг. — Краснощекие тоже становятся редкостью.

— Потому что осталось мало лесов, где они могут кормиться, — со вздохом произнес Одюбон. — В Атлантиде вообще немного сохранилось от того, что было прежде, — кроме людей, ферм и овец. — Едва произнеся эти слова, он понял, что не прав, но поправляться не стал. — Если сейчас мы не покажем ее такой, какая она есть, то вскоре будет уже слишком поздно. А для очень многих видов это «поздно» уже наступило.

«А не опоздал ли я сам? — подумал он. — Пожалуйста, пусть это окажется не так!»

— Станешь делать наброски прямо сейчас? — спросил Гаррис.

— Если не возражаешь. Птичьим тушкам гораздо легче придать нужную позу, пока они не начали коченеть.

— Давай приступай. — Гаррис спешился. — А я пока выкурю трубочку-другую и поброжу вокруг с ружьем. Может, добуду кого-нибудь еще тебе для рисования. Или нам на ужин. А может, и то и другое — как знать? Если я правильно помню, местные утки и гуси на вкус не хуже остальных — за исключением нырков. — Он был убежден, что лучшая дичь в мире — это утка-нырок, должным образом зажаренная и поданная с кусковым сахаром. Одюбон был склонен с ним согласиться.

Когда Гаррис ушел, художник положил краснощекого дятла на траву и подошел к одной из вьючных лошадей. Он помнил, в какой из седельных сумок лежат его рисовальные принадлежности: стенд для установки образца, проволока, палочки рисовального угля и драгоценная бумага.

Одюбону вспомнилось, как в детстве он приходил в отчаяние оттого, что не мог нарисовать птиц в реалистичных позах. Живая птица в руке смотрелась прекрасно, но мертвая выглядела лишь

тем, чем была, — мертвой птицей. Обмякшая и распластанная, она словно кричала о своей безжизненности.

Обучаясь живописи во Франции у Давида, он иногда делал рисунки с чучел. У художника запылали щеки, когда он вспомнил шарнирную модель птицы, которую попытался смастерить из дерева, пробки и проволоки. После бесконечных усилий он произвел на свет нечто, что могло сойти лишь за хромого дронта. [194] Друзья тогда высмеяли его творение. И как было на них сердиться, когда Одюбону самому хотелось расхохотаться, глядя на это чудище? В конце концов он его растоптал.

Если бы ему не пришла в голову мысль о проволоке… Сейчас художник не представлял, что бы без нее делал. Проволока позволяла ему зафиксировать птицу в таком положении, словно она еще жива. Его первым опытом стал зимородок, и, еще рисуя, Одюбон уже понимал, что результат получается уникальный. Даже сейчас, устанавливая стенд, он на миг испытал тот, давний восторг. Едва художник придал птице желаемую позу, у нее даже глаза словно ожили.

Закрепляя дятла проволокой так, будто тот все еще сидит на стволе, Одюбон пожалел, что не может вызвать в себе нечто более сильное, чем тень былого трепета. Но он уже очень много раз проделывал эту операцию. Рутина затмевала искусство. Сейчас он уже не был открывателем чуда. Он просто… работал.

«Что ж, если работаешь, то покажи все, на что способен», — подумал он.

Долгая практика принесла свои плоды. Пальцы почти самостоятельно гнули проволочки, придавая птице нужную позу. Когда руки решили, что дело сделано, Одюбон критично осмотрел краснощекого дятла, затем переместил проволоку, изменяя положение хвоста. Этими длинными и жесткими перьями дятел упирался в кору — почти так же, как если бы у него имелись задние лапы.

Художник начал рисовать эскиз. Ему вспомнилось, сколько мучительных усилий потребовали первые из них и какими жалкими, несмотря на все мучения, оказывались результаты. Одюбон знал и других художников, которые пытались изображать птиц, но опускали руки, когда первые картины не совпадали с тем, чего они хотели и чего ожидали. У некоторых из них, судя по тому, что Одюбон видел, несомненно был дар. Но обладать талантом и оттачивать его… О, какая большая разница! Мало у кого хватило упорства продолжать заниматься любимым делом, даже если получалось не очень хорошо. Одюбон сам не сумел бы подсчитать, сколько раз он, отчаявшись, почти сдавался. Но когда упорство встречает талант, на свет могут родиться великие

творения.

Угольный карандаш словно ожил, порхая по листу бумаги. Одюбон кивнул. Выходящие из-под его пальцев линии остались такими же сильными и плавными, как и прежде. Руки у него не дрожали, как у многих в его возрасте. Но далеко ли он ушел от них? С каждым восходом солнца он приближался к ним на день. Художник рисовал быстро, наперегонки с собственной старостью.

Громыхнуло ружье Гарриса, и рука Одюбона дрогнула. А у кого бы она не дрогнула из-за неожиданного выстрела? Впрочем, испорченную линию легко можно стереть. Художник быстро и уверенно продолжил работу и почти завершил эскиз к тому времени, когда вернулся Гаррис, держа за ноги большую птицу.

— Индейка? — удивленно воскликнул Одюбон. Его друг кивнул и широко улыбнулся:

— Сегодня нас ждет прекрасный ужин!

— Согласен. Но кто бы мог подумать, что эти птицы распространятся настолько быстро? Их завезли на юг… не более тридцати лет назад, верно? А сейчас ты подстрелил индейку уже здесь.

— Зато на них интереснее охотиться, чем на масляных дроздов и им подобных. У индеек хотя бы хватает ума спасаться, если они видят приближающуюся опасность. Можно сказать, того самого ума, который Господь дал гусю… хотя Он и наделил им не всех местных гусей.

— Не всех, — согласился Одюбон.

Одни регулярно улетали в другие страны и благодаря этому приобрели необходимую осторожность. Другие жили на большом острове круглый год. Эти птицы осторожности не проявляли. Некоторые из них плохо летали. А прочие и вовсе не могли летать, потому что крылья у них были маленькими и бесполезными, как у масляных дроздов.

Крякуны удивительно походили на гусей-переростков, причем с лапами-переростками. Некоторые виды отличались черными шеями и белыми пятнышками на подбородке, как у канадского гуся. Это обстоятельство искренне озадачило Одюбона — создавалось впечатление, что Господь повторился, но почему? На лапах у крякунов тоже имелись остаточные перепонки, а их клювы, хотя и приплюснутые с боков, во всем остальном напоминали широкие и плоские клювы обычных гусей.

Одюбон видел экспонаты, хранящиеся в музее в Ганновере: скелеты, несколько шкур, огромные зеленоватые яйца. Самая свежая шкура относилась к 1803 году. Сейчас художник жалел, что вспомнил об этом. Если он ввязался в погоню за недостижимым… то тут ничего не изменить. Он делает все, что

может. И раскаивается лишь в том, что не предпринял этого раньше. Он пытался. Не получилось. И теперь мог лишь надеяться, что хоть какие-то шансы на успех еще остались.

Гаррис ощипал индейку и развел костер. Одюбон закончил эскиз.

— Хорошо получилось, — заметил Гаррис, взглянув на работу друга.

— Неплохо, — признал Одюбон.

Ему удалось перенести на бумагу желаемую позу. Он выпотрошил дятла, чтобы сохранить его, и не удивился, обнаружив в желудке множество личинок жуков. Само название этого вида, Campephilus, означало «любящий личинки». Художник сделал запись в дневнике и поместил тушку птицы в спирт.

— Лучше, чем «неплохо», — сказал Гаррис.

Он разделал индейку и насадил мясо на прутья.

— Что ж, может быть, — согласился Одюбон, принимая от друга импровизированный шампур и начиная жарить ногу. Он не стеснялся похвал — как раз наоборот. Но все же добавил: — Я приехал сюда не ради дятлов. Я приехал за крякунами, Богом клянусь.

— Бери то, что видишь. — Гаррис повернул свой прутик, чтобы индейка прожарилась равномерно. — Бери то, что видишь, и надейся, что получаешь то, ради чего приехал.

— Что ж, может быть, — повторил Одюбон и посмотрел на восток, в сторону все еще малоисследованного сердца Атлантиды. — Но чем упорнее трудишься, тем вероятнее получишь то, что хочешь. Надеюсь, я все еще могу работать достаточно упорно. И, — он снова взглянул на восток, — надеюсь, то, чего я хочу, все еще там.

Путешественники оставались на главной дороге почти неделю. Широкая и хорошо утоптанная, она позволяла им двигаться быстрее, чем по узким и более извилистым тропинкам. Но когда Одюбон увидел выглянувшие из-за восточного горизонта горы Грин-Ридж, искушение свернуть стало непреодолимым.

— Нет смысла подниматься в горы где-либо поблизости от главной дороги, — заявил он. — Мы знаем, что крякуны там не водятся, потому что иначе их давно заметили бы, не так ли?

— Логично, — подтвердил Гаррис. И, помолчав, добавил: — Но я не стал бы возражать против еще нескольких ночевок в полуприличных гостиницах.

— Когда мы вернемся с тем, что ищем, даже «Гесперийская королева» будет для нас недостаточно хороша, — возразил Одюбон. Но на пути к цели нам придется вынести определенные

трудности.

— Уж это точно, — вздохнул Гаррис.

Вдоль главной дороги в изобилии росли фруктовые деревья, дубы, каштаны, вязы и клены. Все они попали сюда из Европы или Террановы. Однако стоило путешественникам немного отъехать в сторону, как атлантийская флора вновь заявила о своих правах: гинкго и магнолии, саговники и сосны с густым подлеском из папоротников. Птичьи трели, как привычные, так и незнакомые, звучали все чаще, по мере того как путники продвигались все дальше в малозаселенную местность. Похоже, атлантийские птицы чувствовали себя уютнее в окружении деревьев, среди которых выросли бесчисленные поколения их предков, чем в обществе дерзких переселенцев, завезенных людьми.

Однако не все новички теснились у дороги. Лютики и маки украшали яркими цветными пятнами невероятно зеленый ландшафт. Местные пчелы жужжали среди незнакомых для них цветков… а может, это были европейские пчелы, привезенные на новую землю посреди моря, чтобы опылять растения, которые людям нужны, желанны или просто нравятся. Заинтересовавшись, Одюбон остановился и присел возле маков, чтобы взглянуть на пчел вблизи. Это оказались, все всякого сомнения, европейские пчелы. Испытывая странное разочарование, но не удивление, художник отметил этот факт в дневнике.

— Пройдет еще сто лет, — сказал он, вновь забираясь в седло, — и много ли останется от прежней Атлантиды? И останется ли что-нибудь вообще?

— Через сто лет для любого из нас это не будет иметь значения, — возразил Гаррис. — Потому что мы уже окажемся по другую сторону небесных врат.

— Для нас, пожалуй, и нет. — Одюбон задумался над тем, есть ли у него впереди десять или хотя бы пять лет, не говоря уже о ста. — Но будет иметь значение для тех, кто сейчас молод и живет здесь. Они топчут прекрасное, даже не задумываясь о том, что делают. Разве не хотел бы ты увидеть живых дронтов, сохраненных для потомков? — Он постарался не вспоминать свою несчастную модель птицы.

— Живых? Да я могу отправиться в Ганновер и услышу, как они произносят там речи в парламенте, — ответил Гаррис. Одюбон фыркнул, и его друг успокаивающе поднял руку. — Не сердись, Джон: Я с тобой согласен.

— Я так счастлив, — сардонически отозвался Одюбон. — Возможно, местные власти — твои произносящие речи дронты — догадаются объявить эти места заповедными, чтобы сохранить хотя бы часть того, что у них есть. — Он нахмурился. — Хотя

признаюсь, что не представляю, как заповедники смогут помешать лисам, ласкам, крысам и семенам, которые разносит ветер. Но они хотя бы положат начало.

Этой ночью друзья спали на траве. Хрипловатое уханье атлантийской наземной совы разбудило Одюбона около полуночи. При тусклом кровавом свете тлеющих в костре углей он зарядил ружье — на случай, если сова приблизится настолько, что он сможет ее увидеть. Наземные совы были размером с курицу. Они могли летать, но не очень хорошо. Эти совы охотились на лягушек, ящериц и огромных кузнечиков, водившихся в подлеске. Естественных врагов у них здесь не было — точнее, их никто не трогал, пока в Атлантиде не появились лисы, дикие собаки и люди. Подобно многим местным животным, они, видимо, даже не представляли, что могут стать чьей-то добычей. Некогда встречавшиеся в изобилии, ныне они стали весьма редки.

Крик совы постепенно удалялся. Одюбон подумал о том, не стоит ли ему попробовать подманить птицу на расстояние выстрела, имитируя ее уханье, но в конце концов отказался от этой идеи. Грохот выстрела посреди ночи мог напугать Гарриса буквально до смерти. И, кроме того, — Одюбон зевнул — он сам был все еще сонный. Художник положил ружье, завернулся в одеяло и вскоре снова захрапел.

Проснувшись на следующее утро, Одюбон увидел всего в метре от своего одеяла голову кузнечика (величиной с мышиную) и две зеленовато-коричневые лапки. Художник негромко выругался: сова все-таки прошла мимо, но молча, потому он об этом и не узнал. Если бы только он не спал, а караулил ее… «Если бы я не выспался ночью, то сегодня от меня весь день не было бы никакого толку», — решил Одюбон. Теперь регулярный сон стал для него намного важнее, чем лет двадцать назад.

— Я не стал бы возражать, если бы ты выстрелил в сову, — сообщил Гаррис, раздувая костер и наполняя кофейник. — Мы ведь для того сюда и приехали.

— Хорошо, что ты это сказал. Может, мне представится еще один шанс.

— А может, и не представится. Ты ведь сам говорил, что прежняя Атлантида становится историей. Так что хватай обеими руками то, что пока уцелело.

— С крякунами я именно так и намерен поступить. Если они тут есть, я непременно схвачу их, уж будь уверен. А сова… Еще неизвестно, пришла бы она, если бы я ее подманил.

— Готов поспорить, что пришла бы. Не знаю никого, кто умел

бы имитировать голоса птиц лучше тебя.

Гаррис достал два квадратных сухаря из переметной сумы и протянул один Одюбону. Художник не притронулся к еде, пока у него в руке не оказалась жестяная кружка. Тогда он разломил сухарь на кусочки и обмакнул каждый в кофе, прежде чем отправить в рот. Сухари как следует прокалили в печи, чтобы дольше хранились, но из-за этого они стали слишком тверды для уцелевших зубов Одюбона.

Когда друзья уже готовы были отправиться в путь, художник снова взглянул на останки гигантского кузнечика.

— Мне обязательно надо раздобыть несколько образцов этих кузнечиков, — заявил он.

— Да зачем, ради всего святого? Они не птицы и не живородящие четвероногие. И даже не просто четвероногие.

— Нет, — медленно ответил Одюбон, — но тебе не кажется, что здесь они играют ту же роль, которую в остальных частях света играют мыши?

— Когда я в следующий раз увижу шестиногую стрекочущую мышь с усиками, — Гаррис покрутил пальцем у виска, — можешь запереть меня, а ключ выбросить, потому что это будет означать, что у меня размягчились мозги от дьявольского рома.

— Или от виски, джина или чего угодно еще, что попадет тебе в руки, — уточнил Одюбон.

Гаррис ухмыльнулся и кивнул. Забираясь в седло, Одюбон не мог избавиться от мыслей об атлантийских кузнечиках и мышах. Кто-то же должен рыться в опавших листьях и поедать все, что сумеет там отыскать, к тому же многие птицы и животные питаются мышами… или, как здесь, насекомыми вместо мышей. Он кивнул. Идея была достойна занесения в дневник на ближайшем привале.

Незадолго до полудня путешественники въехали в деревушку, которая могла похвастаться салуном, церковью и несколькими домами. Вывеска на церкви гласила: «БАЙДФОРДСКИЙ ДОМ ВСЕОБЩЕЙ ПРЕДАННОСТИ». В Атлантиде процветали странные протестантские секты, в немалой степени из-за того, что ни одна из них не была достаточно сильной, чтобы доминировать, — включая католическую церковь, к которой принадлежал Одюбон.

Впрочем, салун, хотя и по-своему, также оказался домом всеобщей преданности. В Байдфорде вряд ли обитало более полусотни человек, но не менее дюжины мужчин сидели в салуне, выпивая, закусывая и беседуя. Когда Одюбон и Гаррис вошли, воцарилась мертвая тишина. Местные уставились на путешественников.

— Незнакомцы, — произнес кто-то с таким же изумлением, с каким мог объявить о появлении двух кенгуру.

Неудивительно, что первым пришел в себя мужчина за стойкой бара.

— Что будете заказывать, господа? — осведомился он. Гаррис редко смущался, если дело касалось его личных удобств. — Будьте любезны, сэндвич с ветчиной и кружку пива.

— Звучит неплохо, — согласился Одюбон. — Мне то же самое, пожалуйста.

— С вас пол-орла за двоих, — сообщил владелец.

Кое-кто из завсегдатаев ухмыльнулся. Одюбон и без этих многозначительных улыбок догадался бы, что цена безбожно завышена, но заплатил без возражений. Ему это было по карману, к тому же позднее он намеревался разузнать кое-что, а чтобы развязать языки, как правило, требуется серебро. И теперь он хотел продемонстрировать местным, что способен на щедрость.

Пиво было… просто пивом. Зато сандвичи оказались настоящим чудом: большие ломти нежной и ароматной ветчины на свежевыпеченном хлебе, приправленные горчицей и огурцами, замаринованными с укропом, чесноком и чем-то еще… должно быть, какой-то атлантийской специей.

Одюбон справился лишь с половиной своего — ему приходилось жевать медленно, — когда бармен сказал:

— Мы тут редко видим незнакомцев. — Несколько местных — все крупные, коренастые и бородатые — кивнули. Одюбон тоже вежливо кивнул. — Не возражаете, коли я спрошу, что у вас за нужда проезжать через наши края?

— Я Джон Джеймс Одюбон, — назвался Одюбон и сделал паузу, желая проверить, известно ли кому-нибудь его имя. В большинстве прочих мест он бы в этом не усомнился. В Байдфорде… как знать?

— Это ж тот самый рисовальщик, — выдал один из завсегдатаев.

— Верно. — Одюбон улыбнулся, испытав большее облегчение, чем хотел показать. — Тот самый рисовальщик, — повторил он, хотя эти слова и резали ему слух. Если местные поймут, что он личность известная, вряд ли они решат ограбить его и Гарриса просто ради забавы.

Художник представил своего друга.

— Ну и что же вы делаете в Байдфорде? — опять спросил хозяин салуна.

— Мы тут проездом, как вы и сказали, — ответил Одюбон. — Я хочу нарисовать крякунов. — Эти края были достаточно глухими, чтобы подарить ему надежду отыскать здесь крякунов.

— Крякунов? — отозвались двое или трое одновременно и тут же дружно расхохотались. Один из них сказал: — Да я не видал в наших краях этих уток с тех пор, как мой Гектор был еще щенком.

— Это точно, — подтвердил кто-то. Остальные серьезно закивали.

— А жаль, — добавил другой. — Мой дед рассказывал, что они были легкой добычей и вкусные очень, мясистые такие. — Именно по этой причине крякуны больше не водились в окрестностях Байдфорда, но рассказчик, похоже, не имел представления о причинно-следственных связях.

— Если вы знаете какое-нибудь место, где они могут встретиться, я с удовольствием заплачу за информацию. — Одюбон похлопал по кошельку на поясе. Негромко звякнули монеты. — Вы поможете моей работе и послужите науке.

— Половину сразу, — добавил практичный Гаррис, — и половину на обратном пути, если мы найдем то, что ищем. А может, еще и премиальные, если подсказка окажется достаточно хороша.

«Хитрый приемчик, — подумал Одюбон. — Надо будет запомнить его».

Местные сбились в кучку и стали переговариваться. Вскоре один из них — постарше и с бородой, в которой пробивалась седина, — начал:

— Ну, имейте в виду, наверняка не скажу, но пару лет назад я пошел на охоту и повстречал одного парня из Тетфорда. — Он представлял, где находится Тетфорд, но не Одюбон. После нескольких вопросов выяснилось, что этот городок расположен к северо-востоку отсюда. Мужчина из Байдфорда продолжил: — Мы с ним поболтали, и он брякнул, что за пару лет до того видел нескольких крякунов по другую сторону своего города. Не могу поклясться, что он не соврал, но, похоже, парень знал, что говорит.

Гаррис вопросительно взглянул на Одюбона. Художник кивнул. Гаррис вручил мужчине серебряную монету достоинством в один орел.

— Позвольте узнать ваше имя, сэр, — обратился Гаррис. — Если ваша подсказка окажется полезной, но в силу каких-либо обстоятельств мы не станем проезжать здесь на обратном пути, то мы обязательно вышлем вам оставшуюся часть вознаграждения.

— Премного благодарен, сэр. Я Лехонти Кент. — Он медленно продиктовал свое имя Гаррису, и тот занес его в одну из своих записных книжек.

— А что вы можете рассказать о «Доме всеобщей

преданности»? — спросил Одюбон.

В ответ он получил гораздо больше, чем ожидал. Внезапно все, даже самые неприветливые местные жители, принялись говорить в один голос. Художник узнал, что эта церковь проповедует врожденную божественность каждого и возможность выйти за пределы человеческой сущности, разумеется, если ты следуешь учению того, кого местные называли Преподобный, явно с заглавной буквы «П». «Всеобщая преданность Преподобному», — подумал Одюбон. Услышанное показалось ему самой отвратительной и черной ересью, но обитатели Байдфорда верили в это безоговорочно.

— Преданных много, — прозвучала очередная заглавная «П», — есть в Тетфорде и других таких местах, — сообщил Лехонти Кент. Было совершенно очевидно, что он имеет весьма смутное представление обо всем, что расположено дальше двух дней пути от его родной деревушки.

— Как любопытно, — пробормотал Одюбон фразу из тех немногих, что звучат вежливо почти в любой ситуации.

Поскольку жителям Байдфорда очень хотелось обратить путешественников в свою веру, друзьям в течение двух часов не удавалось выбраться из салуна.

— Ну и ну, — проговорил Гаррис, когда они наконец-то оказались в седле. — Как любопытно! — Он вложил в эту фразу столько сарказма, что его хватило бы потопить корабль вдвое больший, чем «Орлеанская дева».

У художника все еще шла кругом голова. Преподобный изобрел совершенно новую предысторию Атлантиды и Террановы, которая имела очень мало отношения к действительности, известной Одюбону. Преданные показались ему почти такими же суеверными, как и краснокожие дикари Террановы, — а ведь им полагалось отлично знать, как устроен мир, в то время как дикари были честными невеждами. И все же художник сказал:

— Если этот Лехонти — что за имечко! — Кент дал нам верную подсказку, то я не стану жалеть о потраченном времени… слишком сильно.

Тетфорд оказался крупнее Байдфорда. Он также выставлял напоказ «Дом всеобщей преданности», хотя тут имелась и методистская церковь. Грубо намалеванное объявление перед Домом гласило: «ПРЕПОДОБНЫЙ ПРОПОВЕДУЕТ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ!!» Два восклицательных знака отпугнули бы Одюбона даже в том случае, если бы он никогда не проезжал через Байдфорд.

Художник расспросил про крякунов и в Тетфорде. Никто из тех, с кем он говорил, не утверждал, будто видел хотя бы одного, но двое сообщили, что некоторые жители городка когда-то давно их встречали. Гаррис раздал еще немного серебра, но оно ни в ком не пробудило ни память, ни воображение.

— Что ж, мы все равно бы здесь проехали, — заметил Одюбон, когда они направились дальше на северо-восток. Теперь горы Грин-Ридж поднимались высоко в небо, заслоняя восточный горизонт. Посмотрев вперед в подзорную трубу, Одюбон увидел бесчисленные темные долины, полускрытые соснами и саговником, из-за которых горы и получили свое название. И обитать в этих долинах мог кто угодно… разве не так? Ему оставалось лишь верить в это. — Теперь у нас появилось чуть больше надежды, — добавил он как для себя, так и для Гарриса.

— Надежда — это хорошо. Но крякуны оказались бы лучше. Слова едва успели сорваться с его губ, как папоротники и саговники зашевелились… и дорогу перебежал олень. Одюбон начал было поднимать ружье, но остановился. Во-первых, животное уже скрылось. А во-вторых, ружье было заряжено птичьей дробью, которая лишь пробила бы оленю шкуру.

— Sic transit gloria cryakeris,[195] — вздохнул Гаррис.

— Крякерис? — Но Одюбон поднял руку прежде, чем Гаррис заговорил. — Да, правильно, «крякун» был бы существительным третьего склонения.

По мере приближения к горам ландшафт менялся. Саговников в лесах стало меньше, их место заняли различные виды сосен, елей и секвой. Папоротники в подлеске тоже выглядели иными. Все реже встречались людские поселения, равно как и яркие пятнышки экзотических здесь цветов. Сам воздух теперь казался другим: более туманным, влажным, полным странных, пряных ароматов, которые более не ощутить нигде в мире. Впечатление создавалось такое, будто путников омывают запахи иных времен.

— Так оно и есть, — сказал Одюбон, когда к нему пришла эта мысль. — Это воздух Атлантиды, какой она была до того, как рыбаки увидели смутные очертания ее берегов.

— Скажем, почти такой, — возразил Гаррис.

То, что он, Одюбон и их лошади находились здесь, само по себе подтвердило его правоту. А если у художника еще оставались какие-либо сомнения, то Гаррис развеял их, указав на тропу, по которой они ехали. Земля была сырой, а местами и грязной, потому что накануне прошел дождь. И на ней четко виднелись лисьи следы.

— Скольких птиц этот зверь уже съел? — произнес

Одюбон. — А сколько наземных гнезд опустошил?

Многие птицы в Атлантиде вили гнезда на земле — гораздо больше, чем в Европе или Терранове. Если не считать редко встречающихся змей и крупных ящериц, здесь не водились сухопутные хищники — точнее, не водились до тех пор, пока их не завезли люди. Одюбон сделал еще одну заметку в дневнике. Прежде он не задумывался о том, какое воздействие на способы гнездования птиц может оказывать наличие или отсутствие хищников.

Даже здесь, в малозаселенном сердце Атлантиды, уже очень многое оказалось утраченным. Но многое еще сохранилось. Птичьи трели наполняли воздух, особенно в часы рассвета, когда Одюбон и Гаррис начинали очередной день. В Атлантиде обитали несколько видов клестов и дубоносов — клювы этих птиц были идеально приспособлены для того, чтобы извлекать семена из шишек, а потом рассеивать их по всему лесу, Как и многие пернатые на острове, они были родственны видам с Террановы, но все же отличались от них.

Одюбон подстрелил самца зеленого дубоноса с брачным оперением. Лежа на его ладони, эта птица с яблочно-зеленой спинкой, светло-коричневым брюшком и желтыми полосками возле глаз казалась вычурной и цветастой, как французский придворный XVII века. Но на ветке секвойи, на фоне зеленой листвы и ржаво-коричневой коры, заметить ее было нелегко. Если бы дубонос не распевал так страстно, то не исключено, что Одюбон проехал бы совсем рядом, так его и не увидев.

Ближе к вечеру Гаррис добыл масляного дрозда — не для исследований, хотя Одюбон и сохранил шкурку. В тушке длинноклювой нелетающей птицы мяса оказалось более чем достаточно для них обоих. На вкус оно напомнило Одюбону жаркое из бекаса или вальдшнепа — что неудивительно, раз все эти птицы обожают земляных червей.

— Хотел бы я знать, сколько еще эти дрозды продержатся, — произнес Гаррис, обгладывая бедренную кость.

— Во всяком случае дольше, чем крякуны, потому что они менее заметны, — решил Одюбон, и Гаррис кивнул. Художник продолжил: — Но ты прав — они в опасности. Это еще один вид, который гнездится на земле, а как им спастись от лис и собак, которые охотятся по запаху?

Где-то в отдалении, куда не доставал свет костра, тявкнула и завыла лисица. Гаррис заметил:

— Эти звуки не раздавались здесь, пока англичане не привезли лис.

— А если и не лисы, то собаки, — печально проговорил

Одюбон, и Гаррис снова кивнул. Атлантида оказалась уязвимой перед человеком и его животными, и к этому нечего добавить. — Жаль. Очень жаль, — пробормотал Одюбон. Гаррис опять кивнул.

Утренний воздух пронзил яростный крик. Лошадь Одюбона фыркнула и попятилась. Он придержал ее под уздцы и огладил, успокаивая.

— Боже мой! — воскликнул Гаррис. — Что это было?

Прежде чем ответить, Одюбон прислушался к внезапно наступившей абсолютной тишине. Только что птицы распевали вовсю. Но, подобно тому как львиный рев погружает в молчание африканскую саванну, этот крик поверг в ужас леса Атлантиды.

Он прозвучал вновь — дикий, резкий и яростный. Одюбон затрепетал от возбуждения.

— Я знаю, кто это! — Несмотря на волнение, он произнес это вполголоса. Его взгляд переместился на ружье. «Надо зарядить его более крупной дробью», — подумал он.

— Кто? — хрипловато прошептал Гаррис. Как и после львиного рева, разговаривать громко казалось опасным.

— Краснохохолковый орел, клянусь всеми святыми! Rara avis. [196] И если нам повезет, это означает, что и крякуны тоже недалеко.

Возможно, национальная птица атлантийцев и оказалась вынуждена охотиться на овец или оленей, но Одюбон их поблизости не заметил. И если орел сейчас ищет добычу, которую он всегда выбирал до прихода людей… О, если это так!

Гаррис не просто взглянул на свое ружье. Он взял его и принялся методично заряжать. Одюбон последовал его примеру. Краснохохолковые орлы не боялись людей. Они привыкли нападать на высокие существа, ходящие на двух ногах. Люди могли погибнуть — и погибали — под ударами их когтей длиной с большой палец мужчины. И об их мощных клювах тоже не следовало забывать.

— Откуда доносился крик? — спросил Одюбон, зарядив оба ствола.

— Оттуда. — Гаррис показал на север. — И орел где-то недалеко.

— Да, совсем недалеко, — согласился Одюбон. — Мы должны его отыскать. Должны, Эдвард!

Он нырнул в подлесок, двигаясь как можно тише. Гаррис торопливо последовал за ним. Оба держали ружья у груди, готовые как стрелять, так и попытаться отогнать орла, если он нападет первым.

«Крикни снова, — отчаянно внушал орлу Одюбон. — Крикни

снова. Дай знать, где ты».

И орел крикнул. За это время птицы успели вновь завести свои трели, но едва орел подал голос, как тишина придавила их тяжелым сапогом. Одюбон вдруг ясно осознал, насколько громко слышатся его шаги. Он постарался ступать тише, но ему трудно было судить, насколько это удалось. Ориентируясь на крик, они направились чуть западнее.

— Там! — прошептал за спиной художника Гаррис.

Его друг вытянул руку и замер, очень похожий на хорошо обученную и чистокровную охотничью собаку.

Взгляд Одюбона заметался. Он не видел… не видел… И увидел.

— О-о… — потрясенно выдохнул художник.

Орел сидел возле верхушки гинкго. Это оказалась крупная самка, длиной почти четыре фута от изогнутого клюва до кончика хвоста. Поднятый хохолок указывал на то, что птица настороже и в хорошем настроении. Он был медно-красный, как волосы рыжего человека или хвост краснохвостого ястреба, а не ярко-красный, как шейка колибри. Клюв темно-коричневый, живот темно-желтый, как буйволовая кожа.

Одюбон и Гаррис начали приближаться, медленно и осторожно. Несмотря на все старания, птица их заметила. Она расправила крылья и снова пронзительно закричала. Размах крыльев был относительно небольшим для ее размеров — немногим более семи футов, — зато сами крылья очень широкие. В отличие от своих белоголовых и золотистых кузенов, эти орлы чаще взмахивают крыльями, когда парят. Натуралисты так и не пришли к единому мнению о том, кто их ближайший родственник.

— Осторожно, — прошептал Гаррис. — Она собирается взлететь.

И она взлетела, всего через три секунды после того, как он это произнес. Одюбон и Гаррис вскинули ружья и выстрелили практически одновременно. Орлица издала еще один крик, на сей раз от боли и страха. Она упала и с глухим стуком ударилась о землю.

— Попали! — торжествующе воскликнул Гаррис.

— Да.

В Одюбоне боролись радость и сожаление. Какое величественное существо… как жаль, что ему пришлось погибнуть ради искусства и науки. Сколько еще их осталось, чтобы продолжить орлиный род? Каков бы ни оказался ответ — теперь одной особью меньше.

Орлица была еще жива. Она билась в папоротнике, яростно

крича, потому что не могла взлететь. Ноги у птицы были длинные и сильные, — а вдруг она убежит? Одюбон быстро направился к ней. «Мы не должны ее упустить», — думал он. Теперь, когда они ее подстрелили, орлица стала научным образцом и объектом для его искусства. И если упустить ее, то получится, что она ранена напрасно, а подобная мысль была для Одюбона невыносима.

Но орлица не могла убежать. Подойдя достаточно близко, он увидел, что крупная дробина перебила ей левую ногу. Птица испустила душераздирающий вопль и угрожающе щелкнула клювом, и Одюбону пришлось торопливо отпрыгнуть, чтобы орлица не вырвала кусок мяса из его бедра. Большие золотистые глаза пылали ненавистью и яростью.

Помимо ружья Гаррис носил при себе еще и револьвер. Теперь он достал его и нацелил на птицу.

— Я ее прикончу, — заявил он. — Избавлю от страданий. — Он взвел курок.

— В грудь, пожалуйста, — попросил Одюбон. — Не хочу испортить голову.

— Как пожелаешь, Джон. Если это бедное создание замрет хотя бы на две-три секунды…

Отчаянно похлопав крыльями еще некоторое время и попытавшись достать клювом людей, превративших ее из повелителя небес в несчастную жертву, орлица сделала паузу, чтобы отдышаться и набраться сил. Гаррис выстрелил. Маленькая птичка разлетелась бы на куски, но орлица была достаточно крупной, и пуля осталась в ее теле. Испустив последний, захлебывающийся крик, она упала замертво.

— Впечатляющее создание, — серьезно проговорил Гаррис. — Неудивительно, что атлантийцы поместили его на свой флаг и деньги.

— Нисколько не удивительно, — согласился Одюбон.

Он выждал для спокойствия несколько минут, но даже после этого потыкал орлицу палкой, прежде чем поднять. Такой клюв и такие когти требовали уважения. Выпрямившись со все еще теплым телом на руках, он удивленно хмыкнул:

— Как по-твоему, сколько эта птичка весит, Эдвард?

— Дай-ка посмотреть. — Гаррис протянул руки, Одюбон передал ему орла. Гаррис тоже хмыкнул, пытаясь определить вес, и задумчиво поджал губы. — Провалиться мне на этом месте, если она не потянет на тридцать фунтов. Никогда не подумаешь, что такая большая птица способна взлететь, верно?

— Но мы это видели. И многие это видели. — Одюбон взял орла у Гарриса. — Тридцать фунтов? Да, пожалуй, ты прав. Я тоже назвал бы примерно такую цифру. Ни золотистый, ни

белоголовый орлы не бывают тяжелее двенадцати фунтов, и даже самый крупный африканский орел ненамного больше двадцати.

— Но эти птицы не охотятся на крякунов. — Традиционно руководствуясь простым здравым смыслом, Гаррис передал суть проблемы с помощью минимума слов. — А вот краснохохолковому нужно как можно больше мускулов.

— Ты, несомненно, прав. Самые крупные крякуны, что водятся в долинах на востоке, ростом на фут, а то и два выше человека, по весу… Как думаешь, сколько они могут весить?

— Как минимум в три-четыре раза больше человека. Стоит только взглянуть на их скелеты, и сразу видно, насколько это были толстозадые птички.

Одюбон выразился бы иначе, но не мог сказать, что его спутник не прав.

— А можешь представить, как такой орел пикирует на большого крякуна? — спросил он высоким от возбуждения голосом. — Это все равно что молния Юпитера, никак не иначе.

— А ты можешь представить, каково было первым поселенцам, которым пришлось отбиваться от них пиками, фитильными мушкетами и луками? Уж лучше крякуны, чем я, Богом клянусь! Поразительно, что после такого здесь вообще кто-то согласился жить.

— Безусловно, — отозвался Одюбон, но слушал он невнимательно.

Художник смотрел на орла, решая, как зафиксировать его для рисунка в несомненно последнем (по разным причинам) томе «Птиц и живородящих четвероногих Северной Терранновы и Атлантиды». Ему хотелось выбрать позу, выражающую мощь и величие, но орлица оказалась попросту слишком велика даже для крупноформатного издания, ставшего делом всей его жизни.

«Что не может быть вылечено…» — подумал он и понес птицу к терпеливо ждущим лошадям. Да, она точно весила все тридцать фунтов — по лицу Одюбона струился пот. Лошади закатили глаза. Одна из них негромко заржала, почуяв запах крови.

— Тише, тише, успокойтесь, мои хорошие, — проворковал художник и дал каждой по кусочку сахара. Это быстро их успокоило: лошадей подкупить так же легко, как и людей, и при этом они гораздо реже отказываются от уже заключенной сделки.

Одюбон достал проволоку, стенд (хотя он и взял самый большой из всех, что у него имелись, он показался художнику слишком маленьким для этой цели) и принялся за работу. Наблюдая за ним, Гаррис спросил:

— А как ты собираешься придавать необходимую позу крякуну, если мы его отыщем.

— *Когда* мы его отыщем. — Одюбон ни за что не признал бы возможность неудачи ни перед собой, ни перед другом. — Как? Разумеется, я сделаю все, что в моих силах. Кроме того, смею рассчитывать на твою неоценимую помощь?

— Помогу, чем смогу. И ты это знаешь. Если бы это было не так, разве я оказался бы сейчас в этой глуши?

— Конечно нет. — Одюбон и на этот раз ответил рассеянно. Теперь он точно знал, что хочет видеть. Он зафиксировал орла с отведенными назад крыльями, тормозящими пикирование, широко расставленными когтями и раскрытым клювом, словно хищник нацелился на большого крякуна.

Отыскав угольный карандаш, Одюбон начал делать эскиз. Едва уголь коснулся бумаги, художник понял, что рисунок получится хороший, даже отличный. Иногда его рука отказывалась понимать то, что видит глаз, думает мозг и желает сердце. Одюбон всегда делал все, что в его силах, как он и сказал Гаррису. Иногда это все оказывалось больше, чем в другие дни. А сегодня… сегодня был один из таких дней. Одюбону даже почудилось, будто он покинул тело и наблюдает со стороны за своей работой… за тем, как нечто работает, пользуясь его плотью.

Когда эскиз был завершен, художник так и остался стоять с карандашом в руке, словно не желая разжимать пальцы. И он действительно этого не хотел. Но добавить к рисунку было уже нечего. Он сделал все, что смог, и…

— Это одна из лучших твоих работ за долгое время, Джон, — даже лучше, чем дятел, а он и вправду чертовски хорош, — сказал Гаррис. — Я не хотел этого говорить, пока ты работал, боялся спугнуть твое вдохновение. Но этот рисунок, когда ты его раскрасишь, будет жить вечно. Значит, птица на листе окажется не в натуральную величину?

— Да. Придется сделать ее такой. — Когда Одюбон заговорил, ему тоже показалось, что он разрушает чары вдохновения. Но он заставил себя кивнуть и ответить так, как это сделал бы человек при нормальных обстоятельствах, — нельзя же вечно оставаться в состоянии экзальтации. Даже то, что ему время от времени удавалось это состояние испытывать, казалось особым Божьим даром. И он добавил: — И это правильно. Если птица маленькая, то она маленькая, и все тут. Те, кто увидит, поймут.

— Когда увидят такую птицу, поймут. — Гаррис не мог оторвать взгляд от эскиза.

А Одюбон спустился с небес на землю, делая наброски гинкго, сосен и папоротников для будущей картины. Это была уверенная работа профессионала, и она показалась ему

бесконечно далекой от того вдохновения, что воспламеняло его всего несколько минут назад.

Закончив все необходимые эскизы, Одюбон снял с орла шкуру и выпотрошил его. Вскрыв желудок птицы, он обнаружил в нем куски полупереваренной и необычно темной плоти. Они издавали сильный запах, который навел его на мысль…

— Эдвард! Что тебе напоминает этот запах?

Гаррис присел рядом на корточки и принюхался. Ему понадобилось всего несколько секунд, чтобы найти ответ, причем в характерном для него духе.

— Пирог с почками, Богом клянусь!

Ответ был не только характерным, но еще и правильным.

— Точно! — воскликнул он, хотя это блюдо не входило в круг его предпочтений. — И эти кусочки тоже похожи на кусочки почек. А это значит…

— Что?

— Я везде читал, что почки крякунов и жир возле них были — и есть — любимым лакомством краснохохолкового орла! Если у этой птицы желудок полон кусочков почек, то где-то неподалеку, где-то совсем неподалеку, должен быть — повторю, должен быть — крякун, на которого орел охотился.

— Если только он не завалил оленя или кого-то еще, — возразил практичный Гаррис.

В тот момент Одюбон едва не возненавидел друга — не потому, что тот был не прав, а потому, что мог оказаться прав. И то, что он обрушил грубый факт на сверкающую башню предположений Одюбона, представлялось самым жестоким поступком, на какой способен человек.

— Ладно, — сказал художник и, тряхнув головой, повторил: — Ладно. — Он собрался, наполняясь присущим ему упорством. — Нам ничего другого не остается, как только выяснить это, верно?

Два дня спустя, когда они забрались еще дальше на запад к подножию хребта Грин-Ридж, на помощь Одюбону снова пришло обоняние. На сей раз он без труда определил, какой именно запах донес до него ветерок.

— Фу! — фыркнул художник, сморщив нос. — Какая-то дохлятина.

— Это точно, — согласился Гаррис. — И, судя по вони, это кто-то крупный.

— Кто-то крупный… — Одюбон кивнул, безуспешно пытаясь унять возбуждение, пронзившее его электрическим разрядом, едва он это произнес. — Да!

Гаррис приподнял бровь:

— Ну да. И что с того?

— В Атлантиде не много крупных живых существ. Это может оказаться мертвый человек, хотя я надеюсь, что это не так, мертвый олень, лошадь или корова. Или это может быть… Эдвард, это может быть…

— Мертвый крякун? — Гаррис произнес слово, которое Одюбон не мог заставить себя выдавить сквозь зубы, сквозь надежды, — ведь, прозвучав, оно могло зачахнуть и погибнуть.

— Да! — повторил он, на этот раз гораздо решительнее.

— Что ж, в таком случае нам лучше остановиться и попытаться это выяснить? — Гаррис усмехнулся. — Никогда не думал, что в таком возрасте стану сыщиком. Это лишь доказывает, что ничего нельзя утверждать заранее, верно?

Путешественники привязали лошадей к сосенке возле тропы. Одюбон не опасался, что кто-нибудь украдет их, он просто не хотел, чтобы лошади куда-нибудь забрели. Насколько он знал, они с Гаррисом были единственными людьми на много миль вокруг. Этот район считался малонаселенным, если населенным вообще. С ружьями в руках мужчины углубились в лес.

Собака-ищейка сразу прибежала бы к источнику запаха. Одюбону и Гаррису повезло меньше. Используя зрение или слух, Одюбон смог бы легко отыскать добычу. Пытаясь же обнаружить ее по запаху, он быстро понял, что до ищейки ему далеко, да и Гаррису тоже. Они брели то вправо, то влево, стараясь определить, где вонь сильнее — в той или в этой стороне. Дело продвигалось медленно, что приводило их в отчаяние.

Но тут, оказавшись на краю поляны, Гаррис крикнул:

— Джон! Скорее сюда! Я его нашел!

— Mon Dieu![197] — Одюбон бросился к нему сквозь кусты. Сердце в его груди бешено колотилось. — Это он, Эдвард? Это…

— Сам посмотри. — Гаррис указал на холмик посреди заросшей травой поляны.

— Mon Dieu! — повторил Одюбон, но уже тише, и перекрестился. — Это мертвый крякун. Точно. А там, где есть мертвые, должны встречаться и живые.

— Логично, — согласился Гаррис, — если только этот крякун не был последним из живых.

— Прикуси язык, несносный. Судьба не может поступить со мной так жестоко.

Одюбон надеялся — и молился, — что окажется прав. Он подошел к огромной мертвой птице.

Если возле трупа и находились крупные падальщики, то шум при приближении Одюбона или Гарриса давно спугнул их. Однако над крякуном все еще вились облака мух, а муравьи и

жуки собирали свою долю вонючей добычи. Одюбон встал с подветренной стороны. Помогло, но не очень.

Это оказался не один из тех воистину огромных крякунов, что бродили по равнинам на востоке до того, как люди окрыли Атлантиду. Птица принадлежала к виду, обитающему в нагорьях, и вряд ли была выше Одюбона или весила вдвое больше его. Огромная рана в центре спины — ныне кишащая личинками мух — поведала о том, что стало причиной смерти крякуна. Такую рану, безусловно, нанес краснохохолковый орел — возможно, тот самый, которого застрелили Одюбон и Гаррис, а возможно, и другой.

— Сумеешь его нарисовать? — спросил Гаррис. Одюбон с сожалением покачал головой:

— Увы, нет. Тело слишком разложилось. — Его чувствительный желудок сжался. Одюбона мучила тошнота, хотя под ногами у него была твердая земля.

— Я боялся, что ты это скажешь. Возьмем образцы — кости, перья и тому подобное, — чтобы привезти хоть что-нибудь, если не отыщем живого крякуна?

Разделывать мертвую и смердящую птицу Одюбону хотелось меньше всего на свете.

— Мы найдем живых, — сказал он.

Гаррис промолчал. Он лишь невозмутимо ждал, пока Одюбон прислушивался к своим мыслям, и постепенно осознавал, что может оказаться не прав. Художник угрюмо взглянул на друга:

— Но, пожалуй, нам следует сохранить те образцы, что у нас есть. В интересах науки.

Пока они выдергивали перья, было еще терпимо. Черные перья на шее и белое пятно под клювом подтверждали родство крякунов с канадским гусем. Однако перья на туловище оказались более длинными и пушистыми, чем аналогичные у птиц, наделенных способностью к полету.

Зато отделять мясо от костей, а затем очищать их… Бедный желудок Одюбона не выдержал этого. Художник оставил съеденный завтрак на зеленой траве поляны и еще некоторое время беспомощно давился сухими спазмами. Неподалеку через поляну протекал ручеек. Возможно, крякун собирался напиться, когда его атаковал орел.

Одюбон прополоскал рот холодной чистой водой… выше по течению от того места, где Гаррис смывал остатки гниющей плоти с правого бедра крякуна. Бедренная кость оказалась крупнее и толще, чем его собственная. Собравшись с духом, Одюбон вернулся к трупу, чтобы очистить таз птицы. Затем он отнес его к ручью, чтобы обмыть. Как долго еще будут вонять его

руки? А одежда? Сможет ли он когда-нибудь надеть ее снова? Вряд ли. Работая, Одюбон старался не смотреть на то, что делает.

Поэтому именно руки поведали ему о чем-то странном: на левой стороне таза была ямка, а на правой аналогичного не нащупывалось. Это заставило художника взглянуть. И точно, он увидел отверстие, к которому подходила неглубокая борозда.

— Взгляни, что я нашел! — окликнул он Гарриса.

— И что ты об этом думаешь? — спросил друг, осмотрев находку.

— А тебе не кажется, что тут поработал орлиный коготь? Ты сам видел, какие они. Один из колей мог пронзить плоть над костью, а затем и саму кость. Рана явно очень свежая, — видишь, какие трубые у нее края? Она явно не успела зажить.

Поразмыслив, Гаррис кивнул:

— Думаю, ты прав. Наверняка прав. Ты словно увидел, как орел пикирует на крякуна.

— О, как бы я хотел это увидеть. — Одюбон поднял все еще вонючий таз. — Придется его зарисовать. Тут столько информации, что словами ее не передать.

— Тогда пусть мистер Оуэн опасается за свои лавры.

— Я сделаю все, что в моих силах, и не более того, — возразил Одюбон.

Детальную научную иллюстрацию нужно рисовать пером и чернилами, а не углем или акварелью. Она также должна быть безукоризненно точна. Не нужно устанавливать птичий таз в какую-либо позу, разве что повернуть его так, чтобы отверстие было видно как можно лучше. Также не нужно ничего менять или подправлять, чтобы придать картине больше драматичности. Талант Одюбона проявлялся в изображении движения и эмоций, но сейчас ни то, ни другое не требовались. Он щелкнул языком:

— Художник должен быть многогранным, верно?

— Я знаю, что ты сможешь, — ободрил Гаррис, высказав больше уверенности, чем испытывал сам Одюбон.

Запах гниющего мяса напугал лошадей сильнее, чем запах орлиной крови несколько дней назад. Вьючная лошадь, перевозящая рисовальные принадлежности Одюбона, не желала подпускать его к себе. Она даже не захотела взять кусочек сахара из его провонявшей руки. В конце концов художник достал все, что ему было нужно, но мысленно назвал себя счастливчиком, потому что не заработал при этом удара копытом.

Выставив птичий таз на яркий свет, он начал делать набросок карандашом. Одюбон рисовал и стирал, рисовал и стирал. Хотя день был ясный и прохладный, по его лицу стекал пот. Задача оказалась гораздо труднее — во всяком случае для него, — чем

привычное рисование. Как будто вечность прошла, прежде чем изображение обрело достаточное сходство с оригиналом.

Наконец-то удовлетворившись сделанным, Одюбон взял эскиз, чтобы показать Гаррису, но обнаружил, что его друг куда-то ушел, а он этого даже не заметил. Рисование требовало гораздо меньше сосредоточенности. Оно оставляло простор для художественного воображения. А это… это всего лишь ремесло, и он знал, что здесь ему не хватает навыков.

Едва он в первый раз макнул перо в чернила, как послышался выстрел из ружья Гарриса. Это будет ужин или новый образец. Скоро узнаю, решил Одюбон и начал превращать серые полутона в черно-белые. Ему пришлось повернуть таз, потому что за то время, пока он работал, тени на нем переместились.

Гаррис выстрелил снова. Одюбон услышал звук, но не обратил на него внимания. Его рука даже не дрогнула. Тонкая линия здесь, добавить тени там, чтобы выделить углубление и точно изобразить борозду, которую проделал орлиный коготь, прежде чем пронзить таз в том месте, где кость становилась тоньше…

— У нас есть ужин, — сообщил Гаррис. Одюбон кивнул, подтверждая, что услышал. — А вот тебе и новая работа, когда закончишь эту.

Эти слова заставили художника оторвать взгляд от бумаги. Помимо пухлого масляного дрозда Гаррис принес сероватую птичку со светлым брюшком и черной шапочкой на головке.

— Атлантийская синица! — воскликнул Одюбон. Эта птица состояла в тесном родстве с английскими и европейскими синицами и синицами-гаичками из Террановы. Натуралисты все еще спорили о том, какая из этих групп была ее ближайшей родственницей. Но в тот момент Одюбон просто обрадовался тому, что сможет делать эскизы и рисунки, отдавшись вдохновению и позволив неточностям стать достоинством, а не грехом. — Какое облегчение — снова приятная работа.

— Как продвигается дело?

Одюбон показал результат. Гаррис перевел взгляд с бумаги на оригинал и обратно. Через секунду он молча приподнял с головы широкополую шляпу, и это признание стало для Одюбона дороже любых красноречивых похвал.

— Кости — это хорошо, — проговорил художник, — но я хочу нарисовать живого крякуна!

Не получая желаемого, Одюбон постепенно приходил в отчаяние. Он даже начал верить в то, что Гаррис был прав и он приехал сюда в тот момент, когда оставалось лишь увидеть

последнего в мире крякуна лежащим мертвым на лужайке. Может ли судьба оказаться настолько жестокой?

Но всякий раз, когда Одюбон впадал в уныние, Гаррис говорил:

— Во всяком случае, хотя бы что-то у нас уже есть. А отправляясь в путь, мы не сомневались даже в этом.

Каждое его слово было истиной, но от нее Одюбону всегда становилось не лучше, а только хуже.

Он потратил несколько дней, сидя в засаде возле поляны, где Гаррис обнаружил мертвого крякуна, надеясь, что тот был одним из стаи или стада, или как там правильно называется группа крякунов. Но просидел он там напрасно. Свежих птичьих следов на мягкой земле возле ручейка тоже не нашлось. И в конце концов Одюбон пришел к печальному выводу, что найденная птица бродила здесь в одиночку.

— А что, если он действительно был последним? — спрашивал художник. — Подумать только, опоздать всего на два-три дня… И почему мы не застрелили того орла раньше? Тогда крякун все еще был бы жив!

Он ожидал услышать от Гарриса уже ставшие привычными слова о благодарности судьбе за то, что у них уже есть. Но Гаррис удивил его, сказав:

— Нет смысла терзаться из-за этого. Мы ведь не знаем, тот ли самый орел погубил крякуна.

— Вообще-то да, — согласился Одюбон, подумав. — Возможно, то был другой орел-злодей. — И весьма обиделся, когда Гаррис после этих слов расхохотался.

Хотя он и вынужден был признать, что крякуны не придут на эту поляну, ему очень не хотелось ее покидать. Ведь как минимум одна живая птица часто бывала здесь всего несколько дней назад. О каком другом уголке Атлантиды — да и всего мира — он мог сказать то же самое?

Когда они с Гаррисом поехали дальше, Одюбон еще долго оглядывался.

— Не волнуйся, — утешил его неизменный оптимист Гаррис. — Впереди нас ждут места получше этого.

— Откуда ты знаешь?

Гаррис вновь удивил его, ответив:

— Потому что, насколько я могу судить, здесь еще никто и никогда не бывал. Мы сейчас едем по тропе, а не по дороге. И вот уже несколько часов я не вижу отпечатков копыт чьих-либо лошадей — только наших.

Одюбон моргнул. И огляделся — внимательно огляделся.

— Nom d'un nom![198] — пробормотал он. — Похоже на то. —

По обе стороны тропы густо росли сосны, саговники и гинкго. Воздух наполняли ароматы, которые он не почувствовал бы нигде, кроме как здесь. — Мы словно попали в допотопные времена или вообще в другой мир. Как думаешь, кто проложил эту тропу?

— В ином месте я сказал бы, что олени. Может быть, и здесь тоже, но я не заметил никаких признаков, что они тут есть, — ни следов, ни помета. Масляные дрозды? Какие-нибудь другие местные большие и нелетающие птицы? Может быть, даже крякуны — кто знает?

Этих слов оказалось достаточно, чтобы Одюбон спешился и тщательно осмотрел тропу. Учитывая размеры крякунов и остаточные перепонки между пальцами на лапах, спутать их следы с чьими-либо другими было невозможно. Но ничего подобного не нашлось. Как Гаррис и предположил, Одюбон увидел следы масляных дроздов: они напомнили ему следы европейских черных дроздов или дроздов из Терранovы, но с той лишь разницей, что были в три-четыре раза больше. И еще он увидел отпечатки лисьих лап, которые четко выделялись на фоне остроконечных птичьих следов. Завезенные звери проникли даже сюда, в дикое сердце Атлантиды.

«Ну конечно, — подумал он. — Мы ведь с Гаррисом тоже здесь. И масляные дрозды на ужин нам нравятся не меньше, чем лисицам».

Ярко-зеленое пятно на стволе молодой сосенки привлекло его внимание, когда он проезжал мимо. Сперва Одюбон решил было, что это какой-то странный местный гриб, выросший на деревце. Но это пятно, хотя и очень медленно, перемещалось.

— Огуречный слизень! — воскликнул Гаррис.

Слизень действительно был размером почти с огурец, хотя Одюбон и поостерегся бы съесть что-либо угодно с такой радужной окраской. Пусть это оказалось и не птицей или живородящим четвероногим, но художник все же спешился и зарисовал слизня. Как-никак для натуралистов это диковина — ведь очень немногие из его коллег добирались до прохладных и влажных предгорий, где обитали слизни. Пошевеливая глазами на стебельках, тот скользил по стволу, оставляя за собой полоску слизи шириной с большой палец.

— Как знать, может, нам еще попадутся улитки размером с твой кулак, — обнадежил Гаррис.

— Жаль, что у нас нет чесночного масла.

Огуречного слизня Одюбон мог нарисовать, а escargots[199] очень любил есть. Гаррис, обитатель Терранovы до мозга костей, при этих словах брезгливо скривился. Одюбон лишь рассмеялся.

Друзья двинулись дальше. Тропы, по которым они ехали, явно проложили не люди — дорожки были извилистыми и часто возвращали путешественников на одно и то же место. Всякий раз, когда они выезжали на открытое пространство, Одюбон всматривался в травянистые поляны с нетерпеливой надеждой. Как страстно желал он увидеть там крякунов — щиплющих травку или нежную листву с молодых деревьев! И как оказывался разочарован вновь и вновь!

— Быть может, это действительно был последний крякун в этой части Атлантиды, — скорбно проговорил он, когда они с Гаррисом как-то вечером разбили лагерь. — А может, и вообще последний крякун в Атлантиде.

— Вполне вероятно, — ответил Гаррис. Одюбон, поджаривавший над огнем ножку масляного дрозда, возмущенно посмотрел на друга — тот мог хотя бы посочувствовать. Но Гаррис продолжил: — Мы зашли слишком далеко и сделали слишком много, чтобы так легко сдаться, верно?

— Да, — согласился Одюбон. — Ты совершенно прав.

В этой девственной атлантийской глуши иными были не только запахи, но и звуки. Огромные лягушки самозабвенно призывали подруг, выводя рулады на целую октаву ниже, чем даже лягушки-быки с Террановы, не говоря уже о гораздо более мелких европейских лягушках. Когда Одюбон упомянул об этом, Гаррис спросил:

— Полагаю, ты снова сожалеешь об отсутствии чесночного масла?

— Теперь, когда ты заговорил об этом, да, — невозмутимо ответил художник. Гаррис вновь скривился.

Большие зеленые кузнечики размером почти с мышь оказались более шумными, чем могли бы быть грызуны, хотя некоторые из их скрипучих звуков воспринимались как очень похожие на мышиные. Но все же характерное стрекотание подтверждало их принадлежность к насекомым. Они создавали фоновый шум, более заметный, когда он внезапно прекращался, чем когда раздавался.

Одюбон слышал такие птичьи трели, какие и вообразить не мог. Некоторые из этих певцов наверняка еще не были известны науке. Если бы ему удалось подстрелить одного из них, сделать эскиз и изобразить в цвете, привезти типичный экземпляр… Художник добыл нескольких славок и зябликов, но все они, насколько он мог судить, принадлежали к уже описанным видам.

А потом, где-то вдалеке, он услышал клекот краснохохолкового орла. Одюбон остановил лошадь и указал на

север.

— Мы едем туда, — заявил он тоном, не терпящим возражений. Тем не менее Гаррис возразил:

— До этого места несколько миль, Джон. У нас нет никакой надежды отыскать его, и в любом случае, когда мы туда доберемся, орла там все равно уже не будет.

— Мы едем на север, — повторил Одюбон, словно не услышав друга. — Орел может улететь, а крякуны, если они где-то поблизости, не улетят. Потому что не могут летать.

— Если. — Гаррис заключил целое море сомнений в одно короткое слово.

— Ты сам сказал: мы зашли слишком далеко и сделали слишком много, чтобы так легко отказаться от надежды. — Если Одюбон и не повторил фразу Гарриса в точности, то предпочел бы, чтобы ему не указывали на это. У Гарриса хватило здравого смысла, чтобы понять.

Продвигаться на север оказалось не легче, чем в любом ином направлении. Одюбон ругался на английском, французском, а иногда и на испанском, когда звериные тропки начинали петлять и сбивали их с пути. Орел, крикнув один раз, с тех пор молчал, потому художник не знал, сколько еще им надо проехать. «Может быть, он убил новую добычу и сейчас кормится», — подумал Одюбон. Для его целей сошел бы и только что убитый крякун.

Через какое-то время путь им пересек ручей, который вполне мог сойти за небольшую речку. Огромные лягушки квакали на прибрежных камнях.

— Мы сумеем перейти его вброд? — спросил Одюбон.

— Нужно поискать более мелкий участок, — посоветовал всегда здравомыслящий Гаррис.

Такое место нашлось в полумиле западнее, и друзья перебрались через ручей, даже не намочив лошадям брюхо. Одюбон развернул карту Северной Атлантиды.

— Как думаешь, что это за поток? — спросил художник. — Он достаточно большой, чтобы попасть на карту.

Гаррис нацепил очки и присмотрелся.

— Если эти места вообще когда-нибудь всерьез исследовали, — буркнул он и ткнул пальцем в карту. — Это может быть приток Спея. Река течет примерно там, где мы сейчас находимся.

— А я, пожалуй, решил бы, что это приток Лиффи. — Одюбон тоже показал реку на карте.

— Следующая река дальше на север? Что ж, может быть. В последнее время мы бродили здесь такими кругами, что могли оказаться черт знает где. Поехали дальше?

Не дожидаясь ответа, он тронулся с места. Одюбон последовал за другом.

Вскоре после того, как журчание потока и громогласные вопли лягушек — о, что бы с ними сделал Аристофан! — стихли в отдалении, Одюбон услышал звук, который сперва принял за крик пролетающих мимо гусей. Художник как раз выехал на открытый, поросший травой участок и сразу взглянул на север. Но гусей он не увидел.

Гаррис пристально смотрел в ту же сторону.

— Гуси… но не совсем гуси, — удивленно произнес он. — Звучит как музыка для трубы, сыгранная на тромбоне.

— Точно! — Секунду-другую Одюбон просто улыбался своему спутнику, но внезапно в его глазах блеснула отчаянная догадка. — Эдвард, тебе не кажется?..

— Не знаю, но нам лучше все выяснить. Если это и не крякуны, то они могут оказаться неизвестным видом гусей, что тоже будет неплохо. Ты сможешь назвать этот вид «гусь Одюбона».

— Да, — согласился Одюбон, всегда заинтересованный в открытии новых видов. — Да, смогу, но… Заряжу-ка я ружье крупной дробью. — И он стал претворять слова в дело.

— Хорошая идея. — Гаррис последовал его примеру. «Продолжайте кричать. Пожалуйста, продолжайте кричать», — вновь и вновь думал Одюбон, пока они ехали через лес туда, откуда доносились звуки. Птицы — кто бы это ни был — не замолкали и кричали то тихо, то переходя на громкий сердитый гогот, как делают двое самцов, выясняя отношения из-за самки, — что они обычно и делают весной.

Когда Одюбон решил, что они подъехали достаточно близко, он спешился и сказал:

— Дальше нам лучше идти пешком.

Он прихватил не только ружье, но еще и палочки рисовального угля, и бумагу на всякий случай… Гаррис тоже спешился. Одюбон искренне верил, что пристрелил бы его, если бы тот начал спорить.

Минут через десять Гаррис указал вперед:

— Смотри. Мы выходим на открытое пространство. Одюбон кивнул, не доверяя словам. Он тоже увидел впереди яркий солнечный свет в просвете между деревьями. Птичьи крики теперь звучали очень громко и очень близко.

— Ты назвал бы это кряканьем? — спросил Гаррис.

Одюбон лишь пожал плечами и скользнул вперед.

Укрывшись за широким стволом, он выглянул и увидел перед собой луг… на котором паслись крякуны. Затем птицы

расплылись — глаза художника застилали слезы радости.

— Будь благословен, Боже, ибо Ты не позволил мне умереть, не увидев этого, — прошептал он, не в силах оторвать взгляда от птиц на лугу.

Гаррис стоял за елкой в нескольких футах от него.

— Это что-то… Это что-то… — Хотя слова были более прозаичные, произносил он их не менее благоговейно.

На лугу пощипывали траву восемь крякунов: двое самцов и полдюжины самок, как определил Одюбон, исходя из размеров. По сравнению со скелетами в музее Ганновера, туловища птиц были наклонены вперед сильнее, и это означало, что они ниже ростом. Самцы, вероятно, могли бы поднять головы и сделаться выше стоящего рядом человека, но вряд ли им в такой позе было бы удобно.

И тут оба самца, вытягивая шеи, двинулись к одной и той же самке. Очень громко крякая, они хлопали бесполезными крылышками, пытаясь выглядеть большими и яростными. Пока крякуны выясняли отношения, самка просто ушла.

Одюбон начал рисовать эскизы. Он не знал, столько из них он потом доработает в картины, а сколько превратится в гравюры или литографии. Ему было все равно. Он рисовал живых крякунов с натуры и находился если и не в раю, то очень близко к этому.

— Как думаешь, к какому виду они принадлежат? — спросил Гаррис.

Когда-то по равнинам и предгорьям Атлантиды бродило не менее дюжины видов крякунов. Два-три самых крупных, так называемые большие крякуны, водившиеся в легкодоступных восточных долинах, канули в Лету первыми. Готовясь к этому дню, Одюбон изучал останки крякунов в Ганновере и других местах.

И вот великий день настал, а художника все еще терзают сомнения.

— Я… полагаю, что это те, кого называют проворными крякунами, — медленно проговорил он. — Они больше всего похожи на образцы именно этого вида.

— Если ты утверждаешь, что это проворные крякуны, то, значит, так оно и есть. И любому, кто думает иначе, придется изменить свое мнение, потому что нашел их именно ты.

— Я хочу оказаться прав. — Но Одюбон не мог отрицать, что его друг попал в точку. — Жаль, что придется добывать образец, но…

— Он нас еще и прокормит какое-то время. — То, что одним крякуном станет меньше, Гарриса не волновало. — Они созданы

для того, чтобы стать хорошей едой.

— Тоже верно.

Когда Одюбон закончил делать все необходимые ему эскизы пасущихся крякунов и соперничающих самцов, он вышел из-за дерева. Птицы уставились на него с легким удивлением, затем отошли. Он был для них чем-то странным, но они не сочли его серьезной опасностью. У животных в Атлантиде не было врожденного страха перед людьми. И за это они очень дорого заплатили.

Одюбон направился к птицам, те снова отступили. Гаррис тоже вышел из укрытия, что отнюдь не помогло.

Одюбон поднял руку:

— Постой там, Эдвард. Я заманю их обратно.

Положив ружье, он улегся навзничь на сладко пахнущую траву, поднял ноги и принялся ими дрыгать — сперва одной, затем другой, все быстрее и быстрее. С помощью этого трюка он, будучи в прерии Терранова, разбудил в вилорогой антилопе такое любопытство, что она к нему подошла. А то, что сработало с антилопой, должно сработать и с крякунами.

— Они идут? — спросил он Гарриса.

— Еще как идут. — Гаррис ухмыльнулся. — А ты знаешь, что выглядишь полным идиотом?

— Ну и что с того?

Одюбон продолжал дрыгать ногами. Да, теперь и он слышал, как птицы приближаются к нему, покрякивая на ходу, а вскоре услышал и шлепанье по траве их больших четырехпалых лап.

Поднявшись, он увидел, что более крупный самец стоит всего в нескольких футах от него. Птица громко крякнула — она не боялась двуногих, даже если они выше ее.

— Станешь стрелять в этого? — спросил Гаррис.

— Да. И будь наготове, если я не свалю его одним выстрелом, — предупредил Одюбон.

Выстрела крупной дробью в упор должно хватить. Но иногда дикие существа с поразительной настойчивостью цепляются за жизнь.

Одюбон поднял ружье. Нет, крякун явно не представлял, что это такое. Конечно, подобное не назовешь честной охотой, но искусство и наука требовали подобной жертвы. Художник нажал на спуск. Приклад ударил в плечо. Самец удивленно крякнул в последний раз и рухнул. Остальные птицы, гогоча, отбежали — быстрее человека, пожалуй со скоростью лошади.

— Он упал, — сказал Гаррис, подойдя к Одюбону. — И уже не поднимется.

— Нет. — Одюбон не был горд тем, что сделал. — Теперь

другому самцу достанутся все самки.

— Выходит, ему следует тебя поблагодарить? — Гаррис ухмыльнулся и ткнул Одюбона в грудь.

— Пусть наслаждается, пока может, — хмуро ответил Одюбон. — Рано или поздно, скорее рано, сюда заявится кто-нибудь еще и застрелит его тоже и самок вместе с ним.

К этому времени остальные птицы удалились примерно на сотню ярдов. Не слыша больше неожиданного грома, они успокоились и снова начали пастись. Минуты две-три спустя над лугом пролетел ястреб — не краснохохолковый орел, а обычный ястреб, слишком маленький, чтобы представлять для крякунов угрозу. Тем не менее его тень напугала птиц сильнее, чем грохот. Они бросились прятаться под деревья, гогоча еще громче, чем после выстрела Одюбона.

— Принеси, пожалуйста, проволоку, Эдвард, — попросил художник. — Птицу такого размера на стенде не зафиксировать, но придать ей жизнеподобную позу я все же сумею.

— Сейчас вернусь, — ответил Гаррис.

Отсутствовал он дольше, чем обещал, но лишь потому, что не стал нести все необходимое сам, а привел вьючных лошадей. Теперь в распоряжении Одюбона оказалась не только проволока, но и его акварельные краски, и спирт для сохранения частей туши крякуна. А что, если они с Гаррисом сделают то, что обещали таможеннику не делать, и выпьют часть спирта вместо того, чтобы использовать его весь для образцов?.. Как еще они могут отпраздновать такое событие?

Вскоре Одюбон принялся за работу.

— Этот рисунок может оказаться последним в моей жизни, — сказал он. — Если это так, то я хочу вложить в него все, что смогу.

— Не говори чепухи. Ты с легкостью протянешь еще лет двадцать.

— Надеюсь, ты прав. — Одюбон не хотел говорить на эту тему. Он рассчитывал на это, но особенно не верил. — А для науки сейчас, возможно, последний шанс увидеть этих крякунов. Я перед ними в долгу и поэтому тем более обязан сделать все, на что способен.

С помощью проволоки он придал шее и крыльям мертвого самца позу, в которой тот бросал вызов сопернику. Сделанные с натуры эскизы очень помогли. Когда они с Гаррисом перемещали крякуна, сердце Одюбона бешено колотилось. Десять лет назад, и даже пять, он устал бы гораздо меньше. Нет, вряд ли у него впереди еще двадцать лет жизни, или около того.

«Тогда живи настоящим, — подумал он. — Это все, что тебе

остается». Его глаза все еще видели, руки все еще повиновались. А если прочие органы изнашиваются наподобие частей парохода, который слишком много раз ходил вверх и вниз по течению Большой Мутной Реки… ну и что с того? Люди будут помнить его лишь благодаря тому, что увидели его глаза и сделали его руки. А остальное? Остальное имеет значение только для него.

И отныне, вспоминая проворных крякунов, люди станут думать о том, что увидели его глаза и сделали его руки. И Одюбон ощущал на плечах тяжкий груз ответственности — еще больший, чем когда рисовал краснохохолкового орла.

Крякуны вышли из-под деревьев и снова принялись щипать траву. Некоторые приблизились к тому месту, где он работал. Художнику показалось, что крики, которые они издавали, видя его рядом с мертвым самцом, наполнены любопытством и печалью. Крякуны знали, что их товарищ мертв, но не могли понять, почему Одюбон стоит возле него. В отличие от тени ястреба, они не видели в Одюбоне опасности.

Когда художник закончил работу, солнце уже садилось.

— Думаю, получилось, — сказал он. — Фон можно дорисовать и потом.

Гаррис долго рассматривал крякуна на бумаге — полного жизни, которую Одюбон похитил у своей модели. Он положил руку на плечо художника:

— Поздравляю. Этот рисунок будет жить вечно.

— Дольше, чем проживу я. И дольше, чем эти птицы. — Одюбон посмотрел на мертвого крякуна, уже не проворного. — Теперь берем анатомические образцы. И мясо для нас. Бедная птица, завтра в это время в ней уже будут кишеть личинки мух.

— Но твой рисунок сохранит его живым.

— Мой рисунок сохранит живой память о нем. Это совсем другое. — Одюбон вновь подумал о том, как часто и сильно билось его сердце. Сейчас оно успокоилось. Но еще двадцать лет?.. Вряд ли. — Да, это совсем другое. — Он вздохнул. — Но это все, что у нас есть. Очень жаль, но это так. — Он достал разделочный нож. — А теперь за оставшуюся работу…

Ханну Райяниеми
Deus ex homine [200]

Я не был, как это принято у богов, образцом святости и еще одним искупителем человеческих грехов. Я был полнофункциональным, сверхчеловеческим божеством с жидкометаллическим телом, запредельным мозгом, облаками самовоспроизводящегося тумана, выполняющего мои приказы, и рекурсивно обновляемым искусственным интеллектом, подчиненным моей воле. Я мог сделать все, что захочу. Я не Иисус. Я Супермен: вредный Эксцентричный Супермен. Я был чертовски счастлив. Я выжил.

Тишина в Питтенвиме была глубже, чем можно ожидать даже от такой маленькой приморской деревушки графства Файф. На севере, вдали от брандмауэра Эдриена, чума буйствовала вовсю и дома скрывались в тумане дополнительных защитных экранов.

— Ну как, не похоже на Преззагард? — спросил Крейг, когда мы проезжали по главной улице.

Опасения, — прошептал в моей голове симбионт. — *Беспокойство.*

Я не мог винить Крейга. Я приятель его падчерицы и в первые же ее выходные приехал к ней в дом. Здесь есть о чем тревожиться.

— Не совсем, — ответил я, ощущая в животе неприятное волнение.

— Нищим выбирать не пристало, как говорит моя старуха, — сказал Крейг. — Ну вот, мы и прибыли.

Сью открыла дверь и приветливо обняла меня. Как всегда, я вижу в ней Эйлин, даже в ее коротко остриженных светлых волосах и морщинистом лице.

— Привет, Юкка, — здоровается она. — Рада тебя видеть.

— И я рад, — отвечаю я, удивляясь сам и поражая моего симбионта подлинной искренностью.

— Эйлин звонила, — продолжает Сью. — Она будет здесь с минуты на минуту.

За ее плечом я замечаю глазеющего на меня Малькольма. Я подмигиваю, и он начинает хихикать. Сью вздыхает.

— Малькольм сводит меня с ума, — жалуется она. — Теперь он вообразил, что может управлять летающим ангелом. Удивительно, каким самонадеянным можно быть в шестилетнем возрасте.

— Эйлин до сих пор осталась такой, — говорю я.

— Знаю.

— Она уже здесь! — неожиданно кричит Малькольм. Мы выбегаем на задний двор и наблюдаем за ее спуском.

Ее ангел оказывается очень большим, даже больше, чем я себе представлял по ее живым изорядам. У него прозрачная, словно стеклянная, кожа и угольно-черные крылья. Лицо и корпус вылеплены грубо, словно в незаконченной скульптуре.

А внутри его груди, как насекомое в янтаре, заперта Эйлин, но она улыбается.

Спускаются они медленно. Воздушные струи от мельчайших лопастей в его крыльях срывают лепестки с хризантем Сью. Ангел легко касается травы. Стеклянистая поверхность стекает в сторону, и Эйлин выходит наружу.

Я впервые вижу Эйлин после того, как она уехала. От ее мягкого скафандра расходится сияние, и она в нем похожа на рыцаря. Черты ее лица стали резче, и еще у нее появился загар. В обзорных изорядах Кью-сети пишут, что солдаты Божьего Корпуса не только получают неактивное оборудование, но и подвергаются изменению ДНК. Но все равно это моя Эйлин: запачканные светлые волосы, резко очерченные скулы и зеленые глаза, в которых всегда горит вызов; моя Эйлин, мой солнечный свет.

Я способен только стоять и смотреть. Она подмигивает мне, подходит обнять мать, брата и Крейга. А потом шагает ко мне, и я слышу гудение ее комбинезона. Она прикасается губами к моей щеке.

— Юкка, — говорит Эйлин, — скажи на милость, что ты тут делаешь?

— Брейк. Перестаньте целоваться, — вмешивается Малькольм.

Эйлин шутливо пихает его.

— Мы не целуемся, — говорит она. — Мы говорим друг другу «привет». — Она улыбается. — Я слышала, что ты хотел познакомиться с моим ангелом.

Лицо Малькольма вспыхивает. Но Сью решительно берет Эйлин за руку.

— Сначала надо поесть, — говорит она. — Потом будете играть.

Эйлин смеется.

— Ну вот, теперь я дома! — восклицает она.

Эйлин с удовольствием ест. Она сменила свой скафандр на джинсы и футболку и теперь еще больше похожа на девчонку, которую я помню. Она перехватывает мой взгляд и пожимает под

столом руку.

— Не переживай, — говорит она. — Я настоящая. Я ничего не говорю, только отдергиваю руку.

Крейг и Сью обмениваются взглядами, и симбионт советует мне что-нибудь сказать.

— Как я догадываюсь, вы все настроены остаться по эту сторону брандмауэра? — выдавливаю я из себя.

Сью кивает:

— Я не собираюсь никуда уходить. Этот дом построил мой отец, и мы останемся здесь, даже если боги предпочтут уйти. Кроме того, эта компьютерная штука неплохо нас защищает.

— Рыба, — говорю я. Она смеется:

— Я никогда к этому не привыкну. Я знаю, что это имя ей дали те молодые парни, которые ее выстроили, но почему они назвали ее Fish?

Я пожимаю плечами:

— Это глупая шутка, рекурсивный акроним. Fish Is Super Human. Все с большой буквы. На самом деле это нисколько не смешно.

— Пусть так. Ну, по милости Рыбы, мы останемся здесь сколько будет возможно.

— Это хорошо.

«И глупо», — добавляю я про себя.

— Можно сказать, что это шотландская черта, — говорит Крейг. — Упрямство.

— И финская тоже, — замечаю я. — Не думаю, чтобы в ближайшем времени мои родители собрались куда-то переезжать.

— Видишь, я всегда знал, что у нас есть что-то общее, — кивает он, хотя симбионт предупреждает меня о неискренности его улыбки.

— Эй, — возмущается Эйлин, — насколько я помню, ваша дочь не Юкка. А я только что вернулась с войны.

— Ну и как там война? — спрашивает Крейг. *Вызов,* — предупреждает меня симбионт.

Я чувствую себя не в своей тарелке. Эйлин печально улыбается.

— Грязная, — отвечает она.

— У меня приятель был в Ираке давным-давно, — говорит Крейг. — Вот *там* было грязно. Сплошная кровь и кишки. Сейчас все делают машины и нерды. И эти машины даже не могут тебя убить. Что это за война?

— Мне не положено об этом говорить, — предупреждает Эйлин.

— Крейг, — вмешивается Сью, — не сейчас.

— Я просто спросил, — возражает Крейг. — У меня были друзья в Инвернессе, и кто-то, пораженный заразой, превратился в гигантский «тетрис». Эйлин была на войне, она знает, что это такое. Мы беспокоились. Я просто хочу знать.

— Если она не хочет об этом говорить, значит, она не хочет, — говорит Сью. — Она только что вернулась домой. Оставь ее в покое.

Я смотрю на Крейга. Симбионт утверждает, что это ошибка, но я приказываю ему заткнуться.

— Она кое в чем права, — говорю я. — Это мерзкая война. Самая отвратительная из всех, которые мы знаем. И ты прав, агенты богочумы не могут никого убить. Но боги могут. Рекурсивно оптимизируемый искусственный интеллект не убивает людей. Это делают киборги-киллеры.

Крейг мрачнеет.

— Итак, — цедит он, — почему же ты не там, раз считаешь, что все так плохо?

Взгляд Малькольма мечется между сестрой и отчимом. *Смущение. Слезы.*

Я кладу вилку на стол. Еда неожиданно становится безвкусной.

— У меня была чума, — медленно произношу я. — Я дисквалифицирован. Я был одним из нердов.

Эйлин поднимается из-за стола, и ее глаза мечут молнии.

— Как ты смеешь! — кричит она на Крейга. — Ты не представляешь, о чем говоришь. Ни капли! Ты ничего не поймешь из изорядов. Рыба не желает, чтобы вы знали. Все плохо, очень плохо! И ты еще хочешь мне что-то рассказать? Это я могу тебе рассказывать!

— Эйлин, — начинаю я, но она жестом заставляет меня замолчать.

— Да, Инвернесс превратился в гигантский «тетрис». Это сделали нерды и машины. И мы их убили. А ты знаешь, что еще мы видели? Детей. Детей, зараженных чумой. Дети очень жестоки. Они знают, чего хотят: есть, спать и не испытывать никакой боли. И все это предоставляет им богочума. Я видела женщину, которая лишилась рассудка. Она твердила, что потеряла ребенка и не может его найти, хотя все видели, что она беременна. Мой ангел, посмотрев на нее, сказал, что у нее в утробе червоточина, а ребенок в своей маленькой Вселенной. А у нее был такой взгляд… такой взгляд…

У Эйлин прерывается голос. Она выскакивает из комнаты, и в этот момент Малькольм начинает плакать. Я, не думая, иду за нею.

— Я просто спрашивал, — доносится до меня голос Крейга, но я уже захлопываю за собой дверь.

Я нахожу ее на заднем дворе. Эйлин сидит рядом с ангелом, обхватив одной рукой его ногу. Я чувствую укол ревности.

— Эй, — говорю я, — не возражаешь, если я сяду рядом?

— Пройди вперед, там есть свободный клочок травы, — слабо улыбается она. — Я плохо себя вела и всех там перепугала, правда?

— Думаю, да. Малькольм все еще плачет.

— Это… Я не знаю. Просто вырвалось. А потом я решила, что не важно, если и он все услышит. Он играет в свои игры, а там постоянно это происходит, так что мои слова не имеют значения. Я здорово сглупила.

— Я думаю, важно то, что это сказала именно *ты,* — медленно говорю я. — Вот что имеет значение.

Она вздыхает:

— Ты прав. Я такая скотина. Нельзя было позволять Крейгу доводить меня до такого состояния, но на севере нам пришлось несладко, и слушать его легкомысленные замечания…

— Все в порядке.

— Эй, — усмехается она, — я по тебе скучала. Ты придаешь жизни смысл.

— Я рад, что хоть кто-то так думает.

— Знаешь, — продолжает Эйлин, вытирая лицо, — пойдем погуляем или лучше сходим в паб. Я все еще голодна. И не отказалась бы выпить. Мое первое увольнение, а я все еще трезвая. Сержант Кацуки откажется от меня, если узнает.

— Посмотрим, что мы можем предпринять, — говорю я, и мы отправляемся в гавань.

Не знаю, проявила бы такая девушка, как Эйлин, интерес к парню вроде меня, если бы не тот факт, что я стал богом.

Это случилось два года назад. В университетском кафетерии. Я пытаюсь снова привыкнуть к тусклым краскам реального мира. В одиночестве. А потом три девчонки садятся за соседний столик. Хорошенькие. Веселые.

— Серьезно, — говорит одна, в жакете пастельного цвета и с интерфейсом Рыбы в стиле «хелло, Кити». — Я хочу сделать это с изорядом. Вот, посмотрите. — Девчонки сгрудились вокруг ее напыленного экрана. — Здесь есть сайт под названием «Изоряд совокуплений». Секс с богами. Эта девчонка что-то вроде их фанатки. Везде за ними ездит. Я имею в виду устойчивых, тех, кто не становится нестабильным.

На мгновение воцарилась благоговейная тишина.

— Вот это да! — восклицает вторая девушка. — Я всегда думала, что это просто городская легенда или что-то вроде постановочного порно.

— Как видишь, нет, — говорит третья.

В те дни восхищение нердами было чем-то вроде гриппа — им можно было легко заразиться. Богочума — это подавляющая волю, постоянно самосовершенствующаяся и самовоспроизводящаяся программа. Это джинн, который приходит к тебе и гнездится в окружающих тебя машинах, а потом непререкаемым тоном указывает, что делать, а твоя воля постепенно слабеет. Все это тебя разрушает, но вместе с тем непередаваемо сексуально.

— Нет, серьезно, — снова говорит первая девушка, — нет ничего удивительного, что те, кто составил Рыбу, были именно парнями. Она вся как воплощение пениса. В ней нет никакого упоминания о женской сексуальности. Я хочу сказать, что в ней *совсем* нет феминистского оттенка. Серьезно…

— Боже мой! — восклицает вторая. — Посмотрите вон на того. Я хочу его… э-э-э… ее… это. Хочу их всех. Нет, правда.

— Не правда, — говорю я.

— Простите? — Она смотрит на меня так, словно наступила на что-то неприятное и хочет поскорее вытереть обувь. — У нас приватный разговор.

— Конечно. Я только хотел сказать, что изоряд — это фальшивка. Я бы на вашем месте не стал морочить себе голову изорядами.

— Ты говоришь, исходя из собственного опыта? Сломал своего дружка о девчонку из изоряда?

Я впервые рад избавиться от помощи своего симбионта: если игнорировать его шепот, ее лицо остается для меня пустой маской. Остальные девчонки нервно смеются.

— Да, — говорю я. — Я один из них.

Они одновременно встают, несколько мгновений смотрят на меня, а потом уходят.

«Маски, — думаю я, глядя им вслед. — Маски».

В следующую секунду мои мысли опять прерываются.

— Извини, — говорит третья девушка. — Мне правда очень, очень жаль. На самом деле мы не подруги, просто учимся на одном курсе. Меня зовут Эйлин.

— Все в порядке, — говорю я. — Я не придал этому значения. Эйлин присаживается на угол стола, и я опять не придаю этому значения.

— На что это похоже? — спрашивает она. У нее очень

зеленые глаза. *Пытливые,* — подсказывает симбионт.

И я просто жажду, чтобы она сказала что-нибудь еще.

— Ты действительно хочешь узнать? — уточняю я.

— Да, — настаивает она.

Я опускаю взгляд на свои руки.

— Я был квакером, — медленно начинаю я. — Квантовым хакером. И когда появился источник Рыбы, я, как и почти всякий чокнутый на нашей планете, попытался с ним поработать. И умудрился составить задание: мой собственный дружелюбно настроенный искусственный интеллект порабощен, а беспредельно надежная и безошибочно целенаправленная система превратит меня из мешка плоти в Нового Бога Джека Кирби и никому не навредит. По крайней мере так было сказано.

— Но ты сделал это, — широко распахнув глаза, вздохнула Эйлин.

— Ну, в те времена Рыба была еще достаточно свободна, чтобы действовать осторожно. Морские звезды появлялись до того, как кто-то бесповоротно погибал. Она выжгла мой интеллект, как информационную раковую опухоль, и запихнула в… — Я изобразил, что оглядываю самого себя. — Вот в это.

— Здорово! — воскликнула Эйлин, сжимая в тонких пальчиках чашку с кофе.

— Да, — кивнул я. — Все так и было.

— И как ты чувствуешь себя сейчас? Тебе было больно? Ты скучаешь по прошлому?

Я засмеялся:

— Я почти совсем ничего не помню. Рыба ампутирует большую часть воспоминаний. И кое-что было разрушено. — Я сглотнул. — Я… Это легкая форма какого-то заболевания. Я не слишком хорошо считываю информацию о людях. — Я снял свою шапочку. — Это довольно уродливо. — Я показал ей симбионта, вживленного в затылок. Как и все устройства Рыбы, он имел форму морской звезды. — Это симбионт. Он изучает для меня людей.

Она легонько прикасается к нему, и я это чувствую. Симбионт способен считывать осязательную информацию с гораздо большим разрешением, чем человеческая кожа, и я ощущаю сложную форму кончиков пальцев Эйлин, скользнувших по его поверхности.

— А мне кажется, это очень красиво, — говорит она. — Как драгоценный камень. Ой, а он теплый! А что еще он делает? Это вроде интерфейса Рыбы в твоей голове?

— Нет. Он все время причесывает мои мозги. Чтобы удостовериться, что тот, кем я был раньше, где-нибудь не

притаился. — Я рассмеялся. — Быть отвергнутым Богом никому не хочется.

Эйлин улыбается.

У нее очень приятная улыбка, — сообщает симбионт. И я не уверен, что это не лесть в ответ на ласку.

— Должна признать, все это звучит довольно грустно, — говорит она. — Или ты только девушкам так рассказываешь?

Тем вечером она пригласила меня к себе домой.

В «Контрабандисте Дэне» мы заказываем рыбу с жареной картошкой. Мы с Эйлин здесь единственные посетители, и старик трактирщик приветствует ее по имени. Еда потрясающе вкусная, хотя я нахожу ее слишком жирной, но Эйлин поглощает свою порцию с явным наслаждением и заливает рыбу пинтой пива.

— Хорошо, что ты хоть не потеряла свой аппетит, — говорю я.

— Подготовка в пустыне Гоби учит ценить пищу, — отвечает она и отбрасывает со лба волосы, а у меня от этого жеста замирает сердце. — Мои кожные элементы способны производить фотосинтез. Этого не увидишь ни в каких изорядах. Это ужасно. Ты все время чувствуешь голод, но они не позволяют есть. Хотя при этом постоянно остаешься настороже. Из-за последствий таких упражнений моя моча весь уик-энд будет странного цвета.

— Спасибо, что проинформировала.

— Извини. Солдатские разговоры.

— Ты в самом деле кажешься немного другой.

— А ты нет, — говорит она.

— Я такой и есть. — Я прихлебываю пиво, надеясь, что симбионт позволит мне напиться. — Я и есть *другой.*

Она вздыхает:

— Спасибо, что пришел. Я рада тебя видеть.

— Все в порядке.

— Нет, в самом деле, это много для меня значит, я…

— Эйлин, прошу тебя. — Я отключаю свой симбионт. И убеждаю себя, что не хочу знать, о чем она думает. *Честно.* — Ты не должна ничего говорить. — Я опустошаю бокал. — На самом деле я кое о чем задумался. Я долго над этим размышлял. У меня было много времени. Я хотел сказать…

Слова застревают у меня в глотке.

— Продолжай, — говорит Эйлин.

— Тебе незачем этим заниматься — уезжать из дому и сражаться с монстрами, если только… — Я даже сейчас вздрагиваю от этой мысли. — Если только ты не разозлилась на меня до такой степени, что тебе надо убивать этих существ…

Вроде меня.

Эйлин вскакивает.

— Нет, дело не в этом, — говорит она. — Совсем не в этом.

— Я хорошо тебя слышу, не стоит так кричать. Она прищуривается.

— Включай свой симбионт и пойдем со мной.

— Куда мы пойдем?

— На пляж, бросать камни.

— Зачем?

— Мне этого хочется.

Мы спускаемся на пляж. Погода солнечная, какой не было уже несколько месяцев. Огромная Рыба парит над горизонтом. Наверное, эта ромбовидная морская звезда, раскинувшаяся почти на милю, влияет и на погоду тоже.

Мы идем к полосе прибоя. Эйлин бежит вперед и прыгает в волнах.

Вокруг нас отличная площадка между двумя пирсами и множество округлых плоских камней. Эйлин поднимает несколько голышей, размахивается и делает пробный бросок. Камень скользит и подпрыгивает на воде.

— Ну, теперь твоя очередь.

Я пробую. Камень летит по высокой дуге, ныряет вниз и исчезает в волне. Не было даже всплеска.

Я смеюсь и оглядываюсь на Эйлин. Ее лицо освещено лучами далекой морской звезды, смешавшимися с солнечным светом. В это мгновение она выглядит совсем как та девчонка, которая пригласила меня провести Рождество со своими родителями.

А потом Эйлин заплакала.

— Прости, — всхлипывает она. — Я собиралась рассказать тебе все до своего приезда. Но не смогла.

Она прильнула ко мне, и волны ластятся к ее ногам.

— Эйлин, прошу тебя, скажи, что случилось. Ты знаешь, я ведь не всегда могу это увидеть.

Она опускается на мокрый песок.

— Помнишь, что я говорила Крейгу про детей?

— Да, конечно.

Эйлин с трудом сглатывает.

— До того как я тебя оставила, — говорит она, — у меня был ребенок.

Сначала я думал, что это просто приятный секс. Я не придавал нашим отношениям особого значения: у меня было немало связей и до, и после того, как я стал богом. Но Эйлин

остается. Она готовит завтрак. Она идет вместе со мной утром в кампус, держит меня за руку и смеется над уничтожителями спама, которые гоняются по улице за рекламными пиктограммами, а те кружатся в воздухе, словно разноцветные листья на ветру. К ее дню рождения я выращиваю из своего симбионта интерфейс Рыбы. Он похож на божью коровку, и Эйлин называет его «мистер Жук».

Я становлюсь безрассудным и потому не замечаю, как влюбляюсь.

Зима в Преззагарде проходит быстро. Мы вместе подыскиваем квартирку в вертикальной деревушке Стека, и я плачу за нее доходами от нескольких компьютерных работ.

А потом, однажды утром, ее постель оказывается пустой, и только мистер Жук сидит на подушке. Из ванной комнаты исчезают ее туалетные принадлежности. Я звоню ее друзьям, запускаю программных агентов в местную поисковую сеть. Ее никто не видел. Две ночи я провожу, воображая себе различные кошмары. Может, у нее есть любовник? Я что-то сделал не так? Симбионт нельзя считать непогрешимым, и временами меня охватывает страх, что я нечаянно сказал что-то ужасное.

Она приходит утром третьего дня. Я открываю дверь, и она стоит на пороге, бледная и расстроенная.

— Где ты была? — спрашиваю я.

Она выглядит такой несчастной, что мне хочется ее обнять, но Эйлин отталкивает меня.

Ненависть, — подсказывает симбионт. — *Ненависть.*

— Прости, — говорит она, а по щекам бегут слезы. — Я пришла, только чтобы забрать свои вещи. Я должна уйти.

Я пытаюсь что-то сказать: что я ничего не понимаю, что мы сможем справиться с этим вместе, и если это моя ошибка, то я ее исправлю. Я готов просить. Я готов умолять. Но ненависть окружает ее обжигающей аурой и заставляет меня замолчать. Я только стою и смотрю, как посланцы Рыбы уносят с собой ее жизнь.

— Не проси меня ничего объяснять, — говорит она от двери. — Присмотри за мистером Жуком.

Она уходит, и я пытаюсь вырвать симбионт из своего черепа. Я хочу, чтобы черный червь, сидящий в моем разуме, вышел наружу и снова овладел мной, чтобы сделал меня богом, недоступным боли, любви и ненависти, умеющим летать. На некоторое время все вокруг затягивает плотный туман. Кажется, я пытался открыть окно и совершить прыжок на три сотни метров вниз, но Рыба в стенах и стекле мне этого не позволяет: мы создали жестокий мир, заботливо-жестокий, который не позволит

нанести себе вред.

В какой-то момент симбионт погружает меня в сон. Когда я просыпаюсь и начинаю крушить мебель, он делает это снова. А потом опять и опять, пока не просыпается что-то вроде рефлекса Павлова.

Позже я провожу целые ночи, изучая образы в памяти мистера Жука: я пытаюсь при помощи симбионта выяснить эмоциональные особенности нашей совместной жизни. Но там нет ничего, что подсказало бы решение, ничего, на чем можно было бы остановиться. Или я все делаю неправильно.

— Все это уже было, — твержу я себе. — Я прикоснулся к небесам и упал. Ничего нового.

И я становлюсь лунатиком. Получаю степень. Работаю. Пишу сценарии для Рыбы. Забываю. Убеждаю себя, что я выше этого.

А потом раздается звонок Эйлин, и я запрыгиваю в первый же поезд, направляющийся на север.

Я слушаю стук ее сердца и пытаюсь осознать ее слова. Они кувыркаются в моих мыслях, и я никак не могу их поймать.

— Эйлин. Господи, Эйлин.

Бог, скрывающийся в моем мозгу, в заблокированных участках, в моих батареях, в ДНК…

Внезапно появляется желание его вырвать.

— Сначала я не поняла, что происходит, — каким-то тусклым голосом говорит Эйлин. — Я чувствовала себя странно. Я просто хотела побыть одна, где-нибудь высоко и далеко. Тогда я забралась в одну из пустых квартир на вершине Стека — в одну из тех, что вырастили совсем недавно. Я собиралась остаться там на ночь и подумать. А потом вдруг захотела есть. То есть я стала очень и очень голодной. Я поглощала неимоверные количества всяких вкусностей. Тогда у меня начал расти живот.

Во владениях Рыбы контрацепция подразумевается как само собой разумеющееся до тех пор, пока кто-то действительно не *захочет* завести ребенка. Но сразу после Рождества у нас была одна ночь в Питтенвиме, вдали от брандмауэра, где, в отличие от Преззагарда, споры Рыбы не так густо наполняют воздух. И я почти вижу, как это случилось, как божье семя из моего мозга взламывает защиту, создает крошечное молекулярное устройство, содержащее ДНК, но гораздо меньшее, чем сперматозоид, и внедряется в Эйлин.

— Я почти ничего особенного не ощутила. Не было никакой боли. Я легла, воды отошли, и оно просто выскочило наружу. Это было самое красивое на свете существо, — с улыбкой сказала она. — У него твои глаза и такие крохотные пальчики. И на

каждом идеальный ноготок. Оно посмотрело на меня и улыбнулось. А потом помахало мне ручкой. Словно… словно решило, что больше во мне не нуждается. Внезапно стены расступились, и оно вылетело. Мое дитя. Улетело.

Чтобы оградить божье семя, я использовал в качестве идентификационного механизма свою ДНК. Я даже не подумал, что в барьере может появиться брешь. Но оно завладело моей волей. Перестроилось. А после этого могло модифицировать себя как угодно. Даже вырастить крылья, если бы возникло желание.

Я крепко обнял Эйлин. Мы оба промокли и дрожали, но я не обращал внимания.

— Прости. Той ночью я хотела тебе сказать, — говорит она. — А потом снова увидела, как оно смотрит на меня. В твоих глазах. Я должна была уйти.

— И ты вступила в Корпус. Она вздыхает:

— Да. Это помогло. Надо было сделать что-то полезное.

— Ты была мне нужна, — говорю я.

— Я знаю. Прости. Ярость сжимает мне горло.

— Ну и как, сработало? Вы там убивали супермладенцев и их темных повелителей? Это принесло тебе счастье?

Она отшатывается от меня:

— Теперь ты говоришь, как Крейг.

— А что мне остается делать? Мне очень жаль, что так вышло с ребенком. *Но это не твоя вина.* И не моя.

— Но ведь это ты… — Она быстро прикрывает рот ладонью. — Извини, я не хотела этого говорить. Я не хотела.

— Возвращайся в свое уединение и оставь меня одного. Я бегу вдоль кромки воды, хотя и не знаю куда.

На берегу меня поджидает ангел.

— Привет, Юкка, — говорит он. — Я рад, что мы снова встретились.

Его голос, как и всегда, звучит приятно и бисексуально. В моих мозгах что-то щелкает. Это голос Рыбы.

— Привет.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь?

— Вряд ли. Вот разве что ты откажешься от нее. Заставишь ее подумать.

— Я не могу влиять на ее решения, — говорит ангел. — Этим я не занимаюсь. Я только даю ей или тебе все, что вы захотите или могли бы захотеть, если бы были посообразительнее. Такова моя высшая цель. И это тебе известно.

— Самоуверенный болван! Неужели она должна подчиняться коллективной воле человечества и сражаться с монстрами? И,

возможно, погибнуть на этой войне? Так, по-твоему, должен формироваться ее характер?

Ангел ничего не отвечает, но меня уже понесло.

— Я даже не уверен, что таково решение самой Эйлин. Это… Эта вещь у меня в голове — твоих рук дело. Ты мог позволить ускользнуть божьему семени, только чтобы ударить Эйлин побольнее, чтобы заставить ее записаться в этот эскадрон камикадзе. И ты наверняка знал, что я приеду сюда и начну на тебя кричать, но не смогу ее остановить. Как по-твоему?

Ангел на миг задумывается.

— Если бы у меня была возможность, этот мир уже был бы идеальным. — Он склоняет набок свою стеклянную голову. — Но, возможно, есть кто-то еще, кто захотел видеть тебя здесь.

— Не пытайся играть со мной в головоломки!

Гнев извергается из меня бурным потоком. Я начинаю колотить ангела по груди кулаками. Его кожа поддается и прогибается, как поверхность мыльного пузыря.

— Юкка!

Голос доносится откуда-то издалека.

— Юкка, остановись! — кричит Эйлин. — Перестань, идиот! Она с неожиданной силой оттаскивает меня в сторону.

— Посмотри на меня! Это была не Рыба. Это не ты. И это не младенец. Это я. Я хотела этого. Почему ты мне не позволил?

Я смотрю на нее затуманенным взором:

— Потому что я не мог пойти с тобой.

— Ты глупый мальчишка, — говорит она, и теперь она меня поддерживает, а я плачу. Плачу впервые с тех пор, как перестал быть богом. — Глупый, глупый мальчишка.

Через некоторое время слезы иссякают. Мы сидим на камне и смотрим на закат. Я чувствую себя легким и опустошенным.

— Может, было бы легче, если бы ты не позвонила, — говорю я со вздохом.

У Эйлин расширяются глаза.

— Что ты имеешь в виду? Я никогда этого не делала. Я считала, что это Крейг. Это на него похоже. Чтобы не дать мне вернуться обратно.

А потом мы видим младенца.

Он безволосый, голенький и розовый, и тонкая ниточка пуповины свисает с его животика. У него зеленые глаза Эйлин, но мой взгляд. Он плывет по воздуху, и чудесные крошечные ножки почти касаются воды.

Младенец смотрит на нас и смеется. Его голос звучит переливами серебряных колокольчиков. А во рту полно

жемчужно-белых зубов.

— Сиди очень тихо, — говорит Эйлин.

Ангел направляется к младенцу. Его руки ощетиниваются пучками лезвий. Из груди появляется дуло стеклянной пушки. Крошечные шарики света, полные энергии квантовые заряды устремляются навстречу младенцу.

Ребенок снова смеется. Он вытягивает перед собой крошечные ручки и сжимает кулачки. Воздух — возможно, и пространство, и время тоже — начинает колебаться и скручиваться. А затем ангел исчезает, и наш ребенок держит в руках стеклянный шарик, словно снежок.

Эйлин хватает меня за руку.

— Не беспокойся, — шепчет она. — Большая небесная Рыба должна была это видеть. Она что-нибудь сделает. Сиди спокойно.

— Плохой мальчик, — медленно произношу я. — Ты сломал маминого ангела.

Младенец хмурится. И за сморщенным розовым лобиком я вижу вспышки космического гнева.

— Юкка… — шепчет Эйлин, но я ее перебиваю:

— Ты знаешь только, как убивать богов. А я знаю, как с ними разговаривать.

Я смотрю на своего *сына* — об этом мне говорит крошечная морщинка между его ног — и делаю шаг вперед. Я помню, что чувствуешь, когда в твоих руках вся мощь мира. Вместе с ней возникает стремление сделать мир совершенным.

— Я знаю, почему ты нас сюда позвал, — говорю я. — Ты хочешь, чтобы мы были вместе, не так ли? Твои мамочка и папочка.

Я опускаюсь на одно колено и смотрю своему сыну в глаза. Я стою в воде, и так близко к нему, что ощущаю тепло его кожи.

— Я знаю, что ты чувствуешь. Я это пережил. Ты мог взять нас по отдельности. Мог перестроить наши мозги. Ты мог заставить нас *захотеть* быть вместе и быть с тобой. — Я делаю паузу и указательным пальцем прикасаюсь к его носу. — Но это не сработало. Это не было бы совершенством. — Я вздыхаю. — Поверь, я это знаю. Я пытался сделать это с собой. Но ты — совершенно новое создание, ты можешь сделать лучше.

Я достаю из кармана мистера Жука и протягиваю сыну. Он хватает его и тянет в рот. Я делаю глубокий вдох, но ребенок не кусает его.

— Поговори с этим жуком, — советую я. — Он расскажет тебе, кто мы такие. А потом возвращайся.

Младенец закрывает глаза. Потом он хихикает, не выпуская изо рта мистера Жука. И он трогает мой нос крошечным

пальчиком.

Я слышу крик Эйлин. В мозгу брыкается огненная лошадь, потом гремит гром.

Меня будит что-то мокрое на лице. Я открываю глаза и вижу лицо Эйлин на фоне потемневшего неба. Идет дождь.

— Ты в порядке? — со слезами в голосе спрашивает она и поддерживает мне голову. — Маленький негодяй!

Неожиданно ее глаза открываются во всю ширь, а в моей голове наступает тишина и согласие. Я вижу в ее взгляде изумление.

Эйлин вытаскивает из-под моей головы руки. На ее ладони лежит мой симбионт. Я беру его, верчу в пальцах. Потом широко размахиваюсь и швыряю его в море. Он трижды подскакивает на поверхности и исчезает.

— Интересно, откуда он его берет.

Стивен Попкес
Великий Карузо [201]

Норма бросила курить, когда обнаружила, что беременна Ленин. Все поздравляли ее и говорили о том, как важно не курить, ожидая младенца. О том, что это вредит ребенку. Норма смирилась, но дала себе слово, что снова начнет курить в тот же день, как он родится. Однако черта с два! Ленни выглядел таким крошечным в палате для недоношенных детей альбукеркской больницы, с таким трудом дышал и так отчаянно цеплялся за жизнь, что Норма решила подождать еще пару лет — пока кормит грудью и все такое. А в один прекрасный день, когда ребенок достаточно окрепнет, она опять закурит. Томас, кстати, не одобрял этой ее вредной привычки. Он не одобрял всего, что не надо было вдыхать через нос. Томас обрадовался до смерти, что она избавилась от своего пристрастия. Вернее, обрадовался бы, если бы его не застрелили за неделю до того, как она поняла, что беременна. Он прикрывал преступную деятельность «Turban-Kings», но при этом проявил болезненную склонность к их сорту кокаина. Томас был хорошим человеком, но Норма всегда знала, что он плохо кончит.

После его смерти Норма вынуждена была идти работать. Вздохнув, она отправилась на поиски. После шести месяцев бесплодных попыток она устроилась служащей на хладокомбинат неподалеку от университета.

Никотиновую жажду Норма утоляла, слоняясь в клубах табачного дыма возле индейцев, торговавших кольцами и брошами из бирюзы на углу Старого Города.[202] Можно было также часто увидеть ее стоящей напротив забегаловки, рядом со старым мексиканцем, курившим необычайно отвратительную сигару. А порой ей удавалось пассивно покурить среди вечно сердитых служащих на погрузочной платформе. Благодаря этому жизнь казалась Норме сносной. Всего лишь два года, твердила она себе. Тогда она снова закурит, и все будет прекрасно.

Но когда Ленни исполнилось пять лет, по телевидению прошла целая серия передач о том, что пассивное курение становится причиной отставания в развитии у детей. Норма почти не сомневалась в том, что стоит ей взяться за старое, как она уже не сможет удержаться и не курить в доме. Тогда она мрачно решила, что потерпит до тех пор, пока Ленни не втянется в учебу.

Когда мальчику стукнуло десять, Норме было уже пятьдесят. Опасный возраст, говорилось в журналах: можно отдать концы от

инфаркта. А сигареты этому способствуют, не правда ли? Она ведь не хочет, чтобы Ленни пришлось хоронить ее, разве не так? Не в десятилетнем же возрасте.

К тому времени, как Ленни достиг тридцатилетия и уже какое-то время прослужил в полиции Альбукерке, Норма решила, что с нее достаточно. Умрет так умрет. Теперь ей семьдесят, и похоронить ее — прямой долг Ленни. В конце концов, так или иначе, он это сделал бы. Первая затяжка принесла в точности те же ощущения, что и много лет назад: жжение в горле, непрерывное покалывание в пальцах рук и ног, резкий, стремительный прилив крови к лицу. За всю свою жизнь Норма не чувствовала себя более веселой и счастливой. Словно закурила в первый раз. Будто вернулась в то время, когда была тринадцатилетней девочкой и жила в Порталесе. И совсем так же, как в тринадцать лет, спустя минуту или две она позеленела и ее вырвало.

Ну что ж, философски рассудила Норма, за удовольствия надо платить.

Не успела она оглянуться, как вернулась к ежедневной паре пачек.

Ленни, конечно, был напуган.

Он приходил к ней и пытался отвлечь ее беседами о музыке. В доме Нормы всегда звучала музыка: блюзы, кантри, классика, рок. Если мотив был знакомый, она непременно подпевала. Но ее голос по красоте и нежности больше всего напоминал звуки, издаваемые автобусом из деловой части города в часы пик. Норму это не волновало.

Поначалу Ленни предпринимал отчаянные попытки отговорить ее.

— Ну же, ма, — умолял он. — Ведь столько лет прошло! Тебе уже за семьдесят. Держалась бы и дальше.

Потом стал воинственным и запретил ей навещать внуков. Так продолжалось неделю. Они жили на той же улице, что и она, в таком же четырехкомнатном одноэтажном доме. Если Норма не могла прийти к внукам, то они заходили к ней. Поскольку мольбы и угрозы не подействовали, Ленни решил устраивать облавы. После дежурства он вламывался к ней в дом и выбрасывал все пачки сигарет, какие только мог отыскать.

Эта последняя хитрость имела шансы на успех. Пачка сигарет теперь стоила одиннадцать долларов, а Норма все еще, как и тридцать лет назад, работала на том же месте. Ей необходимо было найти способ курить, не храня сигарет в доме. Или, что еще лучше, — держать там достаточно дешевые, чтобы можно было

позволить себе потерять несколько пачек в месяц.

В Интернете, как оказалось, можно найти все. «Реджинальд Сигарете», крошечная компания, базирующаяся на Сандвичевых островах (которые были Гавайскими, пока не отделились), обеспечивала прямую поставку сигарет. У этого способа было много преимуществ. Во-первых, Норма дала им адрес расположенной неподалеку упаковочной компании — таким образом Ленни не мог, опередив мать, вытащить сигареты из почтового ящика. Во-вторых, они были дешевле, поскольку ими торговала другая страна (без налогов!). В-третьих, выяснилось, что сигареты эти искусственные. В случае неминуемого разоблачения Норма, припертая к стенке, смогла бы воспользоваться информацией сайта о том, насколько они лучше настоящих сигарет. А потом можно будет выпотрошить несколько пачек «Реджинальда» и набить в них «Мальборо».

Но когда «Реджинальд» прибыли, Норма поняла, что они ей нравятся. Правда, вкусом новые сигареты заметно уступали «Мальборо», зато были, что называется, забористее, и, когда Ленни, как и следовало ожидать, обнаружил их, она указала ему на пачку.

— Видишь?! — пронзительно закричала она. — Видишь? Они не такие вредные.

— Ма, — возразил Ленни, взглянув на пачку, — в них все равно есть табак.

— А ты посмотри на цифры сбоку. Они значительно лучше «Мальборо».

Ленни вздохнул. Из чего Норма заключила, что одержала победу.

У нее наконец-то были сигареты. Жизнь налаживалась.

Пять лет спустя Норма проснулась со своим обычным утренним кашлем. Выбравшись из постели, она спустилась вниз, чтобы поставить кофе, и, дожидаясь, пока он закипит, включила радиостанцию, транслирующую по утрам классическую музыку. Была неделя оперы — неизменного предмета ее увлечения, как раз звучали старые записи Энрико Карузо — Великого Карузо, как говорила мать Нормы во времена ее детства. Сухой кашель еще некоторое время не оставлял Норму, пока она бродила по дому. Нет, определенно кашляла она, как Великий Карузо. В ожидании по-настоящему сильного приступа кашля, знаменующего начало нового дня, Норма подумала, что было бы неплохо взять напрокат старый фильм о Карузо, с Марио Ланца в главной роли.

В горле что-то мешало. Что-то такое, что никак не выходило наружу. Запаниковав, Норма побежала к раковине, чтобы

глотнуть воды, но спазмы в груди буквально парализовывали. Норме хватило сил лишь на то, чтобы ухватиться за раковину и выпрямиться. Наконец то, что стояло у нее поперек горла, пробилось вверх, и она сплюнула его в раковину, кровавое и слизистое.

Сгусток был с четверть дюйма в ширину и вдвое больше в длину. Норма взяла его в руку и ополоснула. Он оказался пористым и на удивление твердым. Норма догадалась, что это такое. Это было то самое, о чем всегда твердил ей Ленни. Рак легких. Не то чтобы она не ожидала, что этим закончится. Но не так же скоро. Она вздохнула: «За удовольствия надо платить».

Звук радио стал немного тише, Норма протянула руку и прибавила громкость, все еще глядя на кусочек своей больной плоти.

Он дрожал в ее руке.

Норма почему-то поднесла его к уху. Потихоньку, — но сомнений в том не было, — он подпевал Карузо. И делал это весьма неплохо.

У доктора не было объяснений. Они сидели в его кабинете: врач изучал результаты обследования, а Норма умирала от желания закурить.

«Веселенькое дельце», — хмыкнула она про себя.

Доктор Пибоди посмотрел на нее и нахмурился, так что Норме пришлось взять себя в руки. Было ясно, что дело нешуточное. Она посмеется позже. Когда закурит.

— Миссис Карстейрс…

— Мисс.

— Прошу прощения?

— Я никогда не была замужем. Так что — мисс. Доктор Пибоди кивнул:

— По правде говоря, я не знаю точно, что у вас… в легких. Там что-то есть. Что-то в верхней части трахеи и в гортани. Мы должны провести дополнительное обследование. Вы курите?

— Ясное дело. Две пачки «Реджинальда» в день.

— Понятно.

Норма видела, каких усилий стоило доктору скрыть свое возмущение.

— Обследование. — Она взялась за сумочку. — Тогда, возможно, вам пригодится вот это. — Норма вынула из сумочки конверт и положила на стол. Маленький комочек выглядел засохшим, поэтому она встала, смочила бумажное полотенце и увлажнила его. Даже мокрый, он был по-прежнему мертв.

— Что это?

Норма положила его доктору на ладонь и пожала плечами:

— Понятия не имею. Однако именно это вышло из меня. Отхаркнула его вчера. Решила, что это может пригодиться.

Доктор Пибоди не проронил ни слова. Он пристально смотрел на кусочек плоти, лежащий у него в руке.

Доктор попросил ее зайти на следующей неделе. Когда она пришла, он был не один. Там присутствовали еще три врача — для моральной поддержки. Судя по всему, они были единодушны во мнении, что у Нормы рак легких редкого, если не сказать, неизвестного до сих пор типа. Ей следовало сразу с этим смириться. Норма с умным видом рассматривала рентгеновские снимки, словно ей это было крайне интересно. Потом мило улыбнулась и попросила разрешения выйти в туалет. Врачи кивнули, все разом, будто связанные одной веревочкой. Покинув кабинет, Норма прошла вестибюль и через подземную автостоянку выбралась на улицу. Придя домой, она уселась за кухонный стол, налила в бокал вина и закурила одну из своих «реджинальдин».

Доктор Пибоди, естественно, позвонил Ленни. Не дожидаясь вечера, тот забарабанил в дверь матери.

— Что тебе надо, Ленни? — спросила она изнутри.

— Мам, ради Христа. Ты знаешь, что мне надо. Я хочу, чтобы ты пошла к врачу.

Она отхлебнула вина — бутылка была почти пуста, о чем свидетельствовал румянец Нормы.

— А я не хочу.

— Что это за ответ? Ты хочешь умереть? Пибоди сказал, что у тебя есть неплохие шансы, если сейчас пройти лечение.

Норма покачала головой. Но, вспомнив, что Ленни ее не видит, буркнула: — Нет.

— Мама, ты пьяна?

— Нет! — воинственно повторила она.

— В твоем возрасте не следовало бы напиваться.

— У меня было трудное детство, так что теперь я наверстываю.

— Пойдем, мам! Ты должна пойти. Норма прислонилась лбом к двери.

— Нет, сказала она спокойно и отчетливо. — Не пойду.

— Мам!

— Я сама знаю, что мне делать! — прокричала она в ответ. — Это мои легкие. Это были мои сигареты. Я сама могу решить, умирать мне или нет. Это мое священное право!

— Раз уж ты заговорила о священном, давай обратимся к Церкви и спросим у Святых Отцов. Они скажут, что твою упрямую

задницу нужно доставить прямиком в больницу.

— Не годится так разговаривать с матерью.

— А разговаривать через дверь годится?

— Почему бы нет? — Она стукнула кулаком по дереву. — Вполне подходящая дверь.

Ленни надолго замолчал. Норма не сомневалась, что он потирает лоб.

— Позволь мне войти.

Она снова покачала головой:

— Поговорим завтра.

Норма оставила сына кричать за дверью, а сама нетвердым шагом поднялась в спальню. «Всегда следует иметь добротную, жесткую кровать, — рассуждала она сама с собой. — Такую, чтобы, попытавшись встать, не скатиться на пол, когда ты слишком пьяна».

Вечно не пускать Ленни к себе домой она не могла. Да и не хотела. Норма всегда гордилась своим сыном — и прежде, когда тот был худеньким и застенчивым юношей, и теперь, когда он стал таким сильным и высоким. Она была неравнодушна к мужчинам в форменной одежде. Этим-то, главным образом, и привлек ее в свое время Томас. В «Turban-Kings» тоже носили своего рода форму.

Ленни хотелось услышать от нее хоть сколько-нибудь разумный довод, который объяснял бы, почему она не желает лечиться. У Нормы такового не было. Она лишь испытывала твердое убеждение, что с каким телом пришла в этот мир, с таким должна и уйти из него.

Но Ленни не оставлял попыток сломить ее сопротивление.

Спустя неделю после визита к доктору Пибоди Норма, как обычно, отправилась за хлебом и мороженым. Возвращаясь, она увидела сидящего на крыльце ее дома молодого человека. Рядом стоял его портфель.

При ее приближении незнакомец встал. Он производил странное впечатление — очень уж был тощий. Явно дорогой, довольно искусного кроя костюм, призванный замаскировать его худобу, все же не мог ее скрыть. Она просвечивала, как солнечный свет через стекло. Если бы не полные губы и большие глаза, он, со своими выступающими скулами, выглядел бы как дистрофик. Впрочем, дистрофиком он и был, а затравленным, унылым взглядом напоминал монаха, который жалеет о том, что принял постриг.

Мужчина шагнул вперед.

— Мисс Карстейрс? — спросил он, протягивая руку.

— Да, — с опаской ответила Норма, делая шаг назад.

— Я Бен Кори. — Рука его плетью упала вниз. — Я представляю фирму «Реджинальд Сигарете».

Она с минуту молча смотрела на него. Постепенно разрозненные факты сложились в целостную картину.

— Это связано с моим раком легких? Он улыбнулся:

— Именно.

— Что же необычного в раке легких, если человек курит?

— Мы можем поговорить в доме? Норма пожала плечами:

— Думаю, хуже мне от этого не будет.

Кисти рук у Бена были длинные, изящные, а запястья, казалось, терялись в рукавах пиджака. И все же теперь, когда он сидел за ее столом, Норма вдруг почувствовала уважение к портному Бена. Создавалось обманчивое впечатление, что молодой человек только кажется худым. Хотя в действительности это был самый настоящий скелет.

— Итак, вы адвокат?

Бен поставил чашку с кофе на стол.

— Нет. Всего лишь инженер. А также генеральный и финансовый директор и руководитель производства. Президент и правление. Коммивояжер и дизайнер веб-сайта. А вот адвоката мне пришлось нанять.

Норма выпрямилась.

— Я не понимаю.

Бен откинулся на спинку стула. Тот даже не скрипнул под ним.

— Я разработал табачный продукт. Он производится на маленьком предприятии на юге Кубы. Затем это предприятие отправляет готовые партии на упаковочную фабрику в Северной Каролине. Оттуда изделие поступает в судоходную компанию в Нью-Джерси. Именно туда передает свои заказы Южно-Африканская компания, которая является хозяином веб-сайта. А почта Соединенных Штатов пересылает их вам. Зарегистрирован «Реджинальд» на Гавайях. Единственная же реально существующая часть «Реджинальда» находится в моем доме в Сент-Луисе.

Бен отхлебнул кофе.

— Понимаю, — сказала Норма. — Вы разрабатываете новые сорта сигарет?

— Нет, — ответил Бен осторожно. — Табачный продукт. А точнее, я проектирую маленькие механизмы, способные брать табак, измельчать, а потом восстанавливать его уже с пониженным содержанием канцерогенов и токсинов. На фабрику со всего юга поступают сухие табачные листья, а выходит оттуда

нечто похожее на сухие табачные листья. Табачный продукт.

— И какое отношение все это имеет ко мне?

Бен открыл портфель и извлек из него два рентгеновских снимка. Он аккуратно положил один из них перед Нормой.

— Это ваши легкие.

— Я их уже видела. Как вы его достали?

— Откопал в Интернете. Были бы время и деньги, а отыскать там можно все, что угодно. — Он положил рядом с первым снимком второй. — А это типичный случай рака легких.

Когда снимки оказались рядом, различия стали очевидны. Нормальный рак легких — если эту болезнь можно назвать нормальной — выглядел как пятна неправильной формы. В ее же легких присутствовало нечто, состоящее из черточек и многоугольничков.

Бен указал на неправильный прямоугольник:

— Я почти уверен, что это усилитель. Рядом — фильтр нижних частот. Довольно сложный фильтр, насколько я могу судить. А вот эти кружочки — что-то вроде датчиков.

От созерцания этой картинки у Нормы защемило в груди.

— Черт возьми, что же это такое у меня внутри?

— Я не знаю.

— Вам известно, что со мной произошло? Бен помотал головой:

— Нет, что бы там ни произошло, это невозможно.

— Невозможно? — Она ткнула пальцем в снимок. — Так вот же оно, прямо передо мной.

Бен кивнул и улыбнулся:

— Верно.

— Достаточно большое, чтобы быть невозможным.

— Согласен.

Норма с минуту пристально смотрела на него.

— Ладно, тогда объясните мне это.

Бен вытянул из портфеля еще несколько бумажек.

— В моем деле всю работу выполняют крошечные машинки размером с клетку, так называемые майты. Мы получили бракованную партию этих майтов. Каким-то образом они, проделав всю работу, которую выполняют обычные майты, остались в табаке даже после того, как тот прошел все ступени контроля за качеством, сушку, резку, упаковку, радиационную чистку, и в итоге майты вместе с сигаретами попали к вам. Затем они неожиданно начали работать у вас внутри — причем не каким-то беспорядочным разрушительным образом, а путем Целенаправленного созидания. Я могу только догадываться, как все произошло, но на самом деле это невозможно.

Норма медленно, с расстановкой проговорила:

— Значит, у меня в легких крошечные машинки? Машинки, которые вы построили?

— Приблизительно так. Я не знаю, на какие действия они запрограммированы. Никто не знает.

— И сколько этих машинок умудрилось просочиться в сигареты?

— Полагаю, всего одна группа.

— Откуда вы это знаете? Бен развел руками.

— Пока выявлены вы, и только вы. — Он указал пальцем на Норму.

— Мне выпал довольно редкий шанс.

— Не столько редкий, сколько уникальный.

— Ну и как ваши майты действуют на меня?

— Точно не знаю. На них повлияли другие майты, с необычной природой. Майты созданы для того, чтобы взаимодействовать между собой, поэтому не могу сказать, что они там у вас вытворяют.

— А что им положено делать? — спросила Норма.

— Самые разные вещи. Одни строят музыкальные инструменты, — сказал Бен, облокачиваясь о стол. — Гобои, флейты, тубы. Или, если они родом из Индии, ситары или что-то еще. Другие предназначались для обеспечения систем связи, проектируемых в Германии. Были майты по изготовлению лекарств из бананов по заказу Малайзии. И другие.

Норма вспомнила, как пел кусочек ее плоти.

— Крохотные машинки у меня в легких издают музыку. Ваши крохотные машинки.

— Как я уже сказал, это не мои майты. Мои майты благополучно скончались.

— Вы уверены, что вы не адвокат?

— Будь я адвокатом, меня здесь не было бы.

— А для чего вы здесь?

Он помолчал несколько секунд, внимательно изучая свои руки.

— Чтобы присутствовать при процессе созидания.

— Что это значит? Бен наклонился к ней:

— При любом раскладе эти майты должны были просто-напросто истребить вас, сделать из вас некий случайный промежуточный продукт. Мои же майты, действуя вне моей программы, постарались бы превратить вас в табачный продукт. Нечто такое, что стало бы для вас несомненно ужасным и роковым. Но это не то, чем эти майты занимаются внутри вас. Они там что-то строят. Какую-то цельную конструкцию, что я и

вижу на снимке. Кроме того, можно заметить, что вы все еще передвигаетесь на своих ногах.

— Прямиком в клинику доктора Пибоди, который вырежет у меня эти штучки.

— Вот поэтому я здесь. Чтобы попытаться убедить вас не делать этого.

Норма вытаращила на него глаза:

— У вас не все дома? Бен улыбнулся:

— Возможно. Майты и люди сделаны из одних и тех же элементов: углерода, азота, кислорода, разных металлов. Как мы вышли из праха земного, так и они. Но создали их мы. И теперь случилось что-то непредвиденное и невозможное. Настоящее чудо.

— Чудо?

— Да.

— Это все равно что рак назвать чудом. Бен покачал головой:

— Вовсе нет. Рак — это побочный продукт ошибок, накопившихся в системе. Это следствие случайных событий.

Норма встряхнула головой, которая шла кругом от слов Бена.

— Так в чем же, собственно, отличие?

— Рак выводит систему из строя. Он не предпринимает ничего, чтобы хоть сколько-нибудь улучшить ее. Он не созидает. А вот то, что у вас внутри, наверняка собирается каким-то образом вас усовершенствовать.

— Оно готовится убить меня. Вот что оно собирается сделать. Бен пожал плечами:

— Риск присутствует всегда. Но все мы выходим из земли. Как и эти майты. Земля говорит через нас. А они, — он показал на снимки, — говорят посредством майтов. Эти фильтры нижних частот уж очень похожи на фильтры, используемые для включения цепей в нервные клетки. Их я не проектировал. Ни одна программа ни в одном из зараженных майтов не имеет ничего подобного. Они разрабатывали все это сами. Это не рак.

— Но оно, как и рак, намерено убить меня.

— Так вы же смирились с тем, что рак сделает это. А иначе не сбежали бы из кабинета доктора Пибоди.

— То было другое дело. — Норма на минуту задумалась. — Рак был моим. Мое собственное тело говорило мне, что пора уходить. А эти машинки захватили меня!

— Группа состоит из нескольких сотен майтов. Она размером с горчичное зернышко, которое пустило корни в вас, и ни в ком другом. Оно созидает что-то в вас, а не в ком-йибудь еще.

— Вы хотите сказать — эти штучки выбрали меня?

— Нет. Они не умеют выбирать. Это всего лишь маленькие

автоматы. Как хромосомы или сперматозоиды. Младенец является побочным продуктом генов, но у них в этом деле не было выбора. Из таких автоматов получились вы и я. Майты тоже не выбирали. Сама земля выбрала вас.

— Вы псих. Как-никак эти штуки собираются убить меня.

— Мы можем подстраховаться. — Бен вытащил из портфеля ингалятор. — Это FTV.[203] Все майты сконструированы так, что в присутствии FTV они приостанавливают свою работу. FTV в целях предосторожности используется для насыщения воздуха на фабрике майтов. Если вы будете вдыхать его, действие майтов по крайней мере замедлится.

— Это идет вразрез с вашим планом, не так ли?

— Нет, смотрите на это, как на гигиену беременной женщины. Это даст майтам возможность полнее понять свое окружение.

Норма снова подумала о пении.

— А что, если они сбегут? Я не хочу, чтобы они разрушили мир или еще что-нибудь такое натворили.

Бен извлек из портфеля какой-то квадратный прибор.

— Это устройство проводило анализ воздуха все время, пока я здесь находился. Посмотрите сами. Никаких майтов нет.

— Они могут выжидать. Как грибковые споры.

— И кто из нас теперь псих? Она задумалась:

— А Пибоди мог бы вырезать их? Бен покачал головой:

— Не думаю. Майты запрограммированы на взаимодействие. Если вы удалите кусок сети, то они тут же постараются восстановить ее, им придется изучить то, что было утрачено, плюс приспособиться к новой топологии, получившейся в результате хирургического вмешательства. Полагаю, от операции ситуация только ухудшилась бы.

— Вы ведь сказали бы так в любом случае, правда? Он опять пожал плечами и ничего не ответил.

Она была готова самым заурядным образом умереть и исчезнуть. А этот путь по крайней мере сулил какие-то приключения.

Норма судорожно вздохнула. Трудностей с дыханием она все еще не испытывала. Не более, чем обычно.

— Хорошо, — сказала она. — Я согласна.

Жизнь, похоже, возвращалась в прежнее русло. Норма больше ничего не выкашливала. Голос у нее стал надтреснутым и дрожащим. Что, как она полагала, не было такой уж большой платой за роботов, поселившихся в ее легких.

Сигареты «Реджинальд» внезапно исчезли с рынка. Бен

заблаговременно предупредил ее. Так что в подвале у Нормы теперь хранилось множество тщательно упакованных коробок.

Спустя месяц после разговора с Беном она проснулась в состоянии нервном и раздражительном. Когда Ленни заскочил к ней с обычным утренним визитом, Норма послала его подальше. Голос у нее ломался, как у пятнадцатилетнего мальчишки.

— Ма, — позвал Ленни, — впусти меня. Она нехотя отворила дверь.

— Что тебе надо?

— Ну же, ма. Не срывай на мне зло. Позволь мне войти. Как-никак я твой сын, или ты забыла?

— Я знаю, кто ты. — Она отступила, пропуская его.

— Тут у тебя звучала какая-то приятная музыка, — сказал он, войдя внутрь. — Кто это пел?

— Ой, да ну тебя! — Норма в раздражении взмахнула руками. — Ты хочешь что-то сказать. Это написано у тебя на лице. Что именно?

— Ну хорошо, ма. Скоро у тебя день рождения, так что вот. — Он замолчал и протянул ей конверт. — С днем рождения.

Она открыла конверт и нацепила на нос очки. Это были билеты в Юго-Западную оперу. Два билета. На «Дона Жуана».[204]

— Ты всегда слушаешь музыку, — смущенно сказал Ленни. — Я подумал, что тебе, может быть, захочется пойти.

Норма на мгновение лишилась дара речи.

— Я знаю тебя почти сорок лет, — сказала она и поцеловала его в щеку, — а ты все еще способен меня удивлять.

Всю следующую неделю она пела под любую музыку, звучавшую по радио, независимо от степени ее мелодичности. Шпарила вовсю в унисон с Пэтси Клайн.[205] Довольно благозвучно подпевала «Hunk of Burnin' Love».[206] Была Оборотнем в Лондоне, Рожденной в Америке,[207] видящей Рай у Огней Приборной Панели.[208]

Ожидая, когда Ленни зайдет за ней, Норма пришла в такое возбуждение, что заставила себя трижды сходить в туалет — на всякий случай, чтобы не пришлось отлучаться во время спектакля.

Ленни ради такого случая надел галстук и выглядел настолько красивым, что Норма решила в этот вечер воздержаться от курения. Лишь бы он был счастлив. И дабы избежать соблазна, оставила пачку «Реджинальда» в ящике комода.

На машине в центр города, парадный подъезд театра «Хилэнд», места в партере, точно напротив оркестра — все было в

каком-то теплом счастливом тумане. Когда свет в зале погас, Норма откинулась на спинку кресла и положила руку поверх руки Ленни. Заиграла музыка.

«Я слышала ее, должно быть, сотню раз», — подумала она. Но теперь, исполняемая прямо у нее перед носом, такими же, как она сама, людьми из плоти и крови, музыка обретала жизнь.

В середине второго акта, когда Эльвира начала свое гневное соло, Норма подалась вперед. В какое-то мгновение она ощутила непроизвольное желание откашляться. Но оно утихло прежде, чем она попыталась подавить его. Затем возникло снова. На этот раз уже более сильное. Приближался приступ сухого кашля, подобный тому, во время которого из нее выскочил кусочек плоти. Норма чувствовала, как он подступает к горлу. Здесь, в театре, она обязана была этого избежать.

Зажав рукой рот, Норма встала и быстрым шагом пошла по проходу. Ленни в недоумении уставился на нее. Но прежде чем он успел опомниться, она уже скрылась в фойе.

Туалет. Не найдя его, Норма выскочила на улицу и зашагала по Центральной улице с единственным желанием — прокашляться или срыгнуть в сточную канаву.

Когда она набрала в грудь побольше воздуха, боль поутихла, но мысли все еще были полны яростью Эльвиры, преследуемой Доном, и ощущением собственной слабости. Норма открыла рот, и все, что скопилось внутри, хлынуло наружу, как чистая проточная вода. Ее сотрясала эта вибрирующая мощь, вызывающая сердцебиение и ощущение праздника в легких. Изо дня в день, пока она слушала радио, музыка схватывалась и сливалась с каждой клеткой ее существа. Теперь она вырвалась на свободу.

Норма смолкла одновременно с Эльвирой. Перед ней стоял Ленни.

— Ма, — спросил он, — ты в порядке? Она кивнула. Разговаривать не хотелось.

— Это было прекрасно, — тихо сказала она. — Странновато, конечно, но прекрасно.

— Ты так думаешь?

— Да, — подтвердила она, — думаю. С минуту Ленни молчал.

— Завтра мы идем к доктору Пибоди.

— Тише.

Она улыбалась. Норма вновь чувствовала себя девочкой, а мир сиял радугой возможностей. Ей было шестнадцать лет, она сидела в стареньком «шевроле», покуривала и, усмехаясь про себя, мчалась по прямой, как взлетно-посадочная полоса, и

гладкой, как стекло, дороге.

В 1711 году перед премьерой своей первой оперы в Лондоне Георг Гендель объявил, что выведет из-за кулис живых, впряженных в колесницу лошадей, устроит фейерверк, что над сценой подвесят плот с тенорами, изображающими борьбу со штормом, и, кроме того, там появится не один, а целых два огнедышащих дракона. Из чего следует, что опера, будь она даже альбукеркской оперой, никогда не чуралась новшеств.

Бен сказал Норме, что на прослушивании у нее два преимущества. Во-первых, возраст. Ведь нелегко сделать из хорошенькой тридцатилетней дивы семидесятипятилетнюю старуху. Норме же и так было семьдесят пять, кроме того, она, в отличие от молодой дивы, против таких ролей не возражала. Во-вторых, у нее имелся голос. Раз уж директора убедили прослушать ее, значит, место у нее в кармане.

Прямо скажем, главных ролей ей не доставалось. Она изображала то старую вдову, то сварливую свекровь, то веселую трактирщицу, то древнюю гадалку — короче, играла любые роли, которые подходили ей по возрасту и не были достаточно значительными, чтобы на них претендовали более молодые певицы. А Норме эти персонажи великолепно удавались. Она даже пользовалась успехом.

«Ага, — мысленно торжествовала она, прыская в горло из ингалятора. — Полюбуйтесь-ка на меня. Чем я не Великий Карузо?»

Следующие два года промелькнули незаметно. Норма опасалась, что ее голос приобретет металлическое, нечеловеческое звучание, свойственное его источнику. Но всему наперекор голос звучал как нельзя более человеческим. «Как выдержанное терпкое вино», — выразился один из критиков в Кистоуне. «Блестящее звучание», — отметил другой в Скоттсдейле. А дальше она и не ездила. Юго-Западная опера в те годы испытывала финансовые трудности, и их гастроли ограничивались с востока Амарилло, а с запада — Нидлсом.

Норме было все равно. Музыка никогда не надоедала ей. Пение никогда не теряло для нее своего блеска. Но однажды, когда она прослушивала запись «Риголетто», готовясь к роли Мадда-лены (читать ноты она так и не научилась), Норма взглянула в зеркало. Внешность ее не претерпела особых изменений. Но что происходило внутри? Качество ее пения, похоже, за два последних года улучшилось. Она больше не кашляла. О болезни напоминали лишь ежедневная доза FTV да

два рентгеновских снимка, которые она вставила в рамки и водрузила на стену.

Норма пристальнее вгляделась в свое отражение. Она разменяла восьмой десяток, и это было заметно по ее лицу. «Что же происходит там, внутри? Я должна была умереть еще два года назад. Я живу взаймы».

Норма испытывала глубокую уверенность в том, что майты просто выжидают.

— Чего они ждут? — спросила она Бена, потягивая кофе. Март выдался теплым, и они зашли в кофейню под открытым небом, расположенную рядом с театром. Был день рождения Нормы.

— Что вы имеете в виду? — Бен, ошарашенный, откинулся на спинку стула.

За последние несколько лет он пополнел, хотя, по сравнению с обычными людьми, был все еще худым. Теперь его глаза и рот казались вполне пропорциональными размеру лица.

— Разве вы не счастливы?

— Разумеется, счастлива.

— Тогда не спрашивайте.

Норма фыркнула и помешала кофе.

— Это и было тем чудом, при котором вы хотели присутствовать?

Бен улыбнулся ее безмятежности.

— Я уже достаточно присутствовался.

— Эти майты столько всего сделали. Что у них на уме? Почему они остановились?

— Их остановила FTV.

— Не верю я в это. Думаю, что FTV была не более чем советчиком. Наверняка они следовали своему выбору. По какой-то причине.

— Вы считаете их умнее, чем они есть на самом деле. Бен зажмурился под весенним солнышком.

— Дело не в уме. — Норма побарабанила пальцами по столу. — Чтобы иметь цель, много ума не надо. А у них есть цель. Как вы там говорили? Мое пение было *побочным продуктом* достижения их цели.

— А вы как думаете — что это за цель?

— Откуда мне знать? Отправить послание на Луну? Слетать на Арктур? Построить усовершенствованное метро? — Норма прокрутила все это в голове. — Своим пением я обязана им.

— Ничем вы им не обязаны. Считайте это наградой за хорошо прожитую жизнь.

Норма с довольным видом хихикнула. Она с точностью часового механизма чувствовала уходящее время. Выбор был за ней. Майты убедили ее в этом. Что ж, ей уже восемьдесят. Когда же еще выбирать? Когда она лишится разума и зубов, выбора у нее уже не будет. Так почему бы не сейчас, пока они еще есть?

— Черт возьми, — пробормотала она. — Я готовилась умереть от рака легких. Чем эти штуки хуже?

Бен встревоженно подался вперед:

— Что вы такое говорите?

Норма проследила за тем, как какой-то велосипедист пробивается сквозь уличную толчею.

— Я перестану пользоваться ингалятором.

— Когда?

— Прямо сейчас.

Результат не заставил себя долго ждать. Майты были наготове. Проснувшись утром в своей постели через месяц после того, как она отказалась от FTV, Норма почувствовала себя слишком слабой, чтобы дотянуться до телефона. Ленни по пути на работу забегал навестить ее. Сиделки неслышно входили к ней в комнату. Когда они колдовали над ней, их руки оставляли в воздухе следы; аппаратура на груди и кислородная маска казались легкими, как пух. От этой мысли она слабо улыбнулась и потеряла сознание.

Очнулась Норма в госпитале с маской на лице. В дальнем углу комнаты она увидела распятого Иисуса. Как ей представлялось, Он был тем, кто все понимал, — понимал настолько, насколько способен человек с пронзенными запястьями и ступнями.

Должно быть, ее подключили к каким-то приборам, потому что стоило Норме очнуться, как в палату тут же вошла медсестра и принялась ее осматривать. Спустя десять минут появился доктор Пибоди.

Он выглядел так, словно все эти годы мечтал сказать ей, что она нуждается в его, и только в его, лечении. Только им сделанная операция может спасти.

Норма стянула с лица маску.

— Когда я могу уйти домой? — прохрипела она.

Пибоди застыл, раскрыв от удивления рот. Ради того, чтобы увидеть его лицо, стоило смириться даже с мельтешащими в глазах черными точками.

— Мисс Карстейрс…

— Да. Я умираю. Я знаю. Назначьте мне сиделку, чтобы я могла получать кислород дома.

У Пибоди, похоже, перехватило дыхание.

— Что-нибудь еще? — ласково спросила она. Пибоди пулей выскочил из палаты.

Не успел он скрыться за дверью, как появился Бен.

— Постойте-ка, сейчас догадаюсь. Вы не хотите выполнять его предписания.

Норма кивнула и в изнеможении откинулась на подушку.

— Заберите меня отсюда. Я умру дома. И большое вам спасибо.

Ленни сказал, что ей повезло. Пневмония оказалась не слишком серьезной. Боли, которых Норма ожидала от рака легких, так и не пришли. Она избежала эмфиземы легких с перспективой утонуть в собственной жидкости. Была лишь сильная, непроходящая слабость. Поднять руку или перевернуться на другой бок стоило невероятных усилий. «Повезло? Пожалуй, так оно и есть», — подумала она.

Ленни перебрался к ней. Каждый день навещал Бен. Через день приходила сиделка, помогала мыть ее и следила за подачей кислорода.

Норма привыкла к кислородной трубке. Хотя она и не приносила улучшения, но все же облегчала ее состояние. Ей казалось, что майты, делая свое дело, принимали эту помощь.

— Вы говорили, что все дело в земле, — сказала она с улыбкой Бену. — Земля говорит через меня.

— Я уже так не думаю. Это напрасная трата материи, — с раздражением сказал Бен. — Еще не поздно. Мы можем воспользоваться FTV.

Ленни стоял за спиной Бена, взгляд у него был страдальческий.

— Не покидай меня, мама, — тихо сказал он.

— Все уходит, — ласково проговорила она, теряя сознание. — Я тоже.

Норма парила над каким-то не то лесом, не то фабрикой. Она не могла сказать наверняка. Мир пребывал в неистовом движении: на глазах вырастали и переплетались одно с другим огромные деревья, ветви их беспорядочно спутывались между собой. Дороги терялись в зарослях кустарников, те, в свою очередь, растворялись, образуя океан. В воздухе стоял рабочий гул: стучали молотки, визжали пилы, слышались чьи-то голоса. Повсюду усердно трудились паукообразные существа, но, когда Норма проплывала мимо, они поднимали к ней свои мордочки с тем, что называлось бы улыбкой, обладай они способностью

улыбаться.

Из-под земли выросла скамья. Норма опустилась на нее.

«Все это я, — думала она, гордая собой. — Каждый паучок, машина, фабрика. Все это я».

Рядом присел Энрико Карузо. Не тот грузный, неуклюжий Карузо со старых фотографий. Этот выглядел красивее и добрее. Скорее это был Марио в роли Карузо.

Она пристально посмотрела на него:

— Что такое? Вы теперь привидение? Он рассмеялся густым звучным смехом.

— Вряд ли. Клетки вашего мозга одна за другой умирают. Мы подумали, что это та малость, которую мы можем сделать. — Он махнул своими благородными руками. — Ничего подобного в действительности не происходит, вы все выдумываете. А поскольку вы это выдумываете, значит, это то, что вам хочется видеть.

— А-а, — сказала Норма и улыбнулась.

Зазвучал «Трубадур» Верди. И оказался вполне к месту. У нее не возникло желания подпевать. Теперь достаточно было слушать.

— Вам известно, что происходит в моей комнате? Энрико на секунду задумался.

— Мне известно то, что знаете вы. Вы впали в кому. Ленни сейчас пересказывает Бену ваше пожелание насчет того, как следует поступить с вашими останками. Бен находчивый человек, так что наверняка все устроит.

— Мы им споем?

— Обязательно.

— Это то, чего вы хотели? Энрико пожал плечами:

— Этого достаточно. А как считаете вы? Норма улыбнулась, глядя на заходящее солнце:

— Этого достаточно.

Опускались сумерки. Она видела, как тускнеющий океан превращается в призрачную пурпурную дымку. Как закат, как вечер. Все подаренные ей воображением образы постепенно исчезали. Темнота сгущалась, пока Норма слушала музыку.

Когда опустилась ночь, Энрико с сожалением сказал:

— Вы, конечно, этого не увидите.

Норма, стараясь утешить, взяла его за руку. Рука была теплая, сильная.

— Погодите, погодите. То ли еще будет.

Нил Эшер
Тихий говор уткотрёпа [209]

Тамира, вся во власти каких-то извращенных фантазий, нежно поглядывала на дисплей своей «оптэковской» винтовки. Все, что произошло вслед за этим, показалось мне замедленным воспроизведением необратимого кошмара. Она подняла приклад к плечу, тщательно прицелилась и спустила курок. Одного из деречей отбросило на крутой склон скалы, а потом тело покатилось вниз сквозь кусты в белый речной поток.

Некоторые существа сохраняют статус мифических созданий даже после того, как было доказано, что они мало чем отличаются от своих более прозаических собратьев. Так на Земле лев всегда соперничает с единорогом, старый мудрый слон никогда ничего не забывает, а сентиментальный кит поет в глубинах моря свои баллады. Эти последствия антропоморфизма, основываясь частью на правде, а частью — на лжи, прочно внедрены в культуру человечества. На Мюрале, где я провел последние десять лет, такой статус, хоть и в меньшей степени, заслужил самый большой из здешних обитателей, что и неудивительно для существа, чье имя представляет собой сокращенную форму от «дерьмоеда четвероногого». Но возникшие в такой глуши слухи о чем-то, чего здесь быть не должно, запустили в людских мозгах мифотворческий моторчик и привлекли в этот мир охотников.

На всем пути над тесными, покрытыми растительностью горами мы не заметили никаких признаков деречей. Они появились лишь после того, как я пришвартовал свой дирижабль к одной из вершин, над горизонтальной площадкой, подходящей для установки надувных палаток. Мои пассажиры тотчас заметили, что это место не раз использовалось для подобной цели, а причалом служило железное кольцо, закрепленное прямо в скале, но в здешних краях, среди крутых склонов, пиков и быстрых стремнин, трудно было отыскать другую подходящую для лагеря площадку. Этот мир не был приспособлен для людей. Нас окружала страна деречей.

Сразу после высадки Толан подошел к краю площадки, чтобы проверить одну из привезенных камер видеонаблюдения. Сама камера была не больше указательного пальца, и он поворачивал ее в разные стороны, глядя в КПК. Толан привез целый ящик таких камер и намеревался установить их во всех подходящих местах и подвесить в затянутых туманом низинах вокруг лагеря

— эдакими дополнительными глазами охотника. Вскоре он окликнул меня. Тамира и Андерс тоже подошли ближе.

— Там. — Он кивнул вниз.

Семеро деречей пробирались по совершенно непроходимой на первый взгляд местности, цепляясь за вертикально растущие кусты и лианы и двигаясь с уверенностью ползущих по стене пауков. Внешне они поразительно напоминали обезьян, ростом были приблизительно с человека и передвигались на четырех конечностях — каждая имела столько же суставов, сколько и у людей, но заканчивалась восьмью длинными цепкими пальцами. Вот только их головы не имели ничего общего с обезьяньими — маленькие, насекомьи с двумя раструбами хоботков.

— Похоже, они не доставят нам никаких проблем, не так ли? — спросила сестра Толана, Тамира.

Я решил, что из всех охотников она больше других заражена ксенофобией, но в этом спорте ни одна фобия не имела первостепенного значения — здешние обитатели, все как один, проходили по разряду: «Откушу полголовы и высосу мозги».

— Нет, по крайней мере, если их не беспокоить, — ответил Толан.

Большим пальцем он тронул переключатель своего компьютера и увеличил изображение с камеры, продемонстрировав его в инфракрасном, а потом и в ультразвуковом диапазоне.

— Я ничего о них не загружала, — заговорила Андерс, персональный помощник Толана. — Они травоядные?

— Всеядные, — поправил я ее. — Они, как видишь, питаются растительностью, но дополняют свой рацион скальными моллюсками и спрутоножками.

— Ну да, моллюсками и спрутоножками, — повторила Андерс.

Я показал на присосавшееся к широкому листу под скалой существо, похожее на земного моллюска. Андерс кивнула:

— А спрутоножки?

— Их так называют — нечто похожее на осьминога, живут в воде, но, если приспичит, могут передвигаться по земле. — Взглянув на Тамиру, я добавил: — Любой из них не крупнее вашей ладони.

Я еще не разобрался в отношениях этой троицы. Брат и сестра охотились вместе, полагались друг на друга, но вместе с тем, казалось, испытывали взаимную ненависть. Андерс, которую я поначалу принял за любовницу Толана, на самом деле работала на него. Наверное, стоило получше их узнать до того, как подписывать контракт, тогда Тамира не имела бы шанса сделать

этот выстрел.

Горячий химический запах винтовки заполнил непригодный для дыхания воздух. Я догадался, что ради спортивного интереса мои клиенты использовали примитивное огнестрельное оружие. Я не знал, как реагировать. Толан шагнул к сестре и толкнул вниз ствол ее винтовки, пока Тамира не пристрелила следующую жертву.

— Это было глупо, — произнес я.

— Ты их боишься? — кокетливо осведомилась Тамира.

Я едва не задохнулся, но, подняв руку, убедился, что горловой штекер на месте и кислород продолжает поступать в бронхи. Сказать, что после этого у меня возникло дурное предчувствие, было бы слишком сдержанной констатацией факта.

— Чтобы вы знали, она не только подвергла нас всех опасности, но и преступила закон, — как можно спокойнее сообщил я отошедшему от сестры Толану.

— Преступила закон? — переспросил он.

— Она только что убила разумное существо класса С. Если ИИ наблюдатель обнаружит преступление и сможет доказать, что она знала об этом до того, как спустить курок, ей конец. Но сейчас главная проблема не в этом. — Я посмотрел на оставшуюся шестерку деречей. Казалось, потеря сородича их совершенно обескуражила. — Будем надеяться, что они не решатся напасть, но стоит быть поосторожнее.

Он внимательно посмотрел на меня, засовывая камеру в карман. Я повернулся и отправился обратно. Почему я согласился сопровождать этих скучающих аристократов в их охоте на мифического мюральского уткотрёпа? Из-за денег. Те, кто может позволить себе жить с комфортом, существенно недооценивают подобные мотивы. Толан платил мне достаточно, чтобы рассчитаться с долгами за все оборудование дирижабля, предотвратив тем самым посягательства мошенников, предлагающих не совсем добровольное пожертвование собственных внутренних органов. Кроме того, на его деньги можно было бы отремонтировать квартиру в цитадели, чтобы сдавать ее в аренду, пока я занимаюсь исследованием этого мира. Я загрузил в мозг всевозможные сведения о Мюрале из любых доступных источников, но это совсем не то, что испытываешь при личном знакомстве. Мне еще очень многое хотелось увидеть и узнать. Хотя я нисколько не сомневался в том, что найти на этой далекой планете уткотрёпа у меня нет ни малейшего шанса.

— Она это сделала только для того, чтобы привлечь к себе внимание, — бросила мне вслед Андерс.

— Остается надеяться, что ей это не удалось! — ответил я. Я осмотрел дирижабль, оценивая возможность ускользнуть от этой троицы и устроиться на ночь в гондоле. Гигантское голубое солнце уже спустилось к краю планеты, и сегодня нам уже ничего больше не удастся предпринять.

— Ты должен ее извинить. Она старается избавиться от воспоминаний об отце, который не обращал внимания на дочь первые два десятка лет ее жизни.

Андерс с самого начала принялась со мной заигрывать, а я пытался определить, что за игру затеяла эта богачка, хотя, выяснив, я мог ослабить оборону, а этого определенно делать не следовало. Она во всем была «слишком»: слишком красива, слишком умна, и одно ее присутствие заставляло судорожно сжиматься мои внутренности.

— Я не должен ее извинять, — сказал я. — Я только должен ее терпеть.

С этими словами я шагнул к металлическому трапу, свисавшему из кабины дирижабля.

— Почему их называют дерьмоедами? — не унималась не отставшая от меня Андерс.

Она определенно знала, откуда происходит их название.

— Кроме моллюсков и спрутоножек, они жрут дерьмо друг друга и пускают его по второму пищеварительному тракту.

Она поморщилась.

— Но это еще не повод, чтобы их убивать, — добавил я.

— Ты не собираешься докладывать о происшествии? — спросила Андерс.

— И как бы я это сделал? Он не позволил мне взять ни одного компьютера с выходом в сеть.

Я старался не показывать свое беспокойство. Толан не хотел, чтобы какой-то ИИ наблюдатель Мюрала был в курсе его занятий, а потому сам следил за комплектацией компьютерного оборудования, и все устройства были закодированы. Я начинал опасаться, что все это закончится для меня не слишком благополучно.

— Ты говорил, что там у тебя есть передатчик, — настаивала она, показывая на дирижабль.

— Я не стану ни о чем докладывать.

Я забрался по трапу, жалея, что не могу захлопнуть за собой дверцу и убраться подальше и о том, что так строго соблюдаю условия контракта.

Серединой тьмы на Мюрале называется промежуток времени, когда солнце находится на противоположной от тебя стороне

планеты. Он наступает после пяти часов сини, длится около трех часов, а потом сменяется следующими пятью часами сини, чем-то средним между днем и ночью, когда скудное освещение обеспечивается солнечными лучами, отраженными от гигантского пылевого облака, висящего на орбите. Так вот, крики и стрельба разбудили меня именно в середине тьмы. К тому времени, когда я подсоединил кислородный баллон и спустился по трапу, площадка была залита светом нескольких прожекторов, но все было кончено.

— Да, ты меня предупреждал, — бросил Толан.

Я обошел вокруг разорванной и опустевшей палатки Тамиры. Я нигде не заметил следов крови, но пэкчи и не должны были убивать замену. Взглянув на Андерс, я понял, что она уставилась в свой КПК.

— Она жива. — Андерс подняла голову. — Наверное, она предпочла личный источник кислорода, вместо того чтобы заполнять палатку. Мы должны сейчас же идти за ней.

— Когтерамы в середине тьмы? — спросил я.

— У нас есть приборы ночного видения.

В ее взгляде мелькнуло удивление, относящееся к моей несообразительности.

— Даже если вы вживили себе гены кошки или совы, это все равно самоубийство.

— Объясни, — неприязненно скомандовал Толан.

— Вы наняли меня в качестве проводника. Планировалось устроить лагерь и из него исследовать прилегающую местность на предмет поимки уткотрёпа — при помощи когтерам.

— Да…

— Так вот, когтерамы безопасны только при использовании днем.

— Я просил объяснить.

— Я и объясняю.

Протянув руку, я снял со штатива один из прожекторов и прошел к краю площадки. Направленный вниз луч осветил шевелящуюся от беспорядочного копошения листву.

— Спрутоножки, — догадалась Андерс. — А в чем проблема? Я повернулся к ней и Толану:

— По ночам они перебираются в новые водоемы. Поскольку эти существа движутся очень медленно, они выработали собственный метод защиты. Едва к ним приближается что-нибудь большое, они начинают метать отравленные шипы. Яд вряд ли вас убьет, но каждое попадание не замедлит сказаться на самочувствии. Так что, если вы не прихватили бронированных доспехов…

— А как же Тамира? — спросила Андерс.

— О, некоторое время деречи о ней позаботятся.

— Некоторое время? — переспросил Толан.

— Сначала они будут относиться к ней как к детенышу, заменившему убитого сородича, — пояснил я. — Так что помогут идти, и подхватят, если она оступится. Спустя некоторое время это занятие им наскучит, поскольку детеныши деречей учатся очень быстро. Если мы не подоспеем к ней до первой завтрашней сини, вполне возможно, что она сломает себе шею.

— Когда это прекратится? — спросил он, кивая на заросли.

— С наступлением сини.

— Значит, тогда и отправимся.

Когтерама — это спортивное оборудование, прообразом которому послужили армейские экзоскелеты. Спинная ось прилегает к позвоночнику, словно плоский червяк. Отходящие от нее металлические «кости» проходят вдоль рук и ног. У лодыжек и запястий они заканчиваются цепкими когтями, в четыре раза крупнее человеческой кисти. Каждый палец действует автономно, и все они запрограммированы на то, чтобы отыскивать выбоины и трещины на скалах, по которым вы поднимаетесь или спускаетесь. Это устройство сильнее, быстрее и чувствительнее человеческого организма. При желании оно может выполнить за вас всю работу, В нейтральном режиме когти откидываются назад, и вы путешествуете самостоятельно — когтерама включится только в тот момент, когда возникнет опасность для жизни. Я заметил, что Андерс и Толан поставили переключатели в положение одной трети мощности, точно так же, как я. Собрав надувные палатки и оборудование в рюкзаки, они подвесили к поясам кислородные баллоны и катализаторы и первыми вышли на край площадки. За ними карабкалась когтерама Тамиры — блестящий остов, запрограммированный на преследование. Я оглянулся на свой дирижабль, гадая, удастся ли снова к нему вернуться, а затем тоже шагнул с каменного уступа.

С рассветом спрутоножки попритихли и убрались в свои лужи, так что поначалу мы двигались довольно резво, но по мере того, как спускались ниже, идти становилось все тяжелее. Несмотря на использование режима в одну треть мощности, через несколько часов мы уже запыхались, поскольку нам все чаще приходилось продираться сквозь спутанные заросли. Я заметил, что мой катализатор с трудом справляется и не успевает расщеплять углекислый газ атмосферы, чтобы наполнить два плоских баллона, висящих на поясе.

— Она в восьми километрах от нас, — неожиданно сказала

Андерс. — При такой скорости мы не успеем до нее добраться.

— Переходим на режим двух третей мощности, — предложил Толан.

Мы все последовали его совету, и вскоре наши когтерамы увеличили скорость, неся нас по сплошь увитым зарослями склонам. Я почувствовал себя почти бездельником — словно мешок костей, который тащит усердная когтерама. Но мы быстро преодолели эти восемь километров и, когда солнце повисло над горизонтом, увидели, как деречи лезут вверх по склону, поднимаясь из уже потемневшей долины. Теперь их снова было семь — Тамире, как я заметил, помогало существо, похитившее убийцу и по ошибке принявшее ее за одного из своих сородичей.

— Почему они это делают? — спросила Андерс, пока мы пробирались вдоль отвесной скалы.

— Что делают?

— Похищают людей, чтобы их снова стало семеро?

— Мне известны три возможные причины: или всемером легче выжить, или семеро участвуют в процессе размножения, или это зачатки какой-то примитивной религии.

— И в какую из них ты веришь?

— Наверное, в каждую из трех понемногу.

Мы подошли ближе, и я услышал, как всхлипывает перепуганная, явно уставшая и жалеющая себя Тамира. Все шестеро деречей собрались вокруг нее и легонько подталкивали, придерживали скользящие ноги, направляли руки к наиболее подходящим выступам в скале. А еще я заметил, что ее блестящий темно-зеленый костюм покрыт пятнами желтого клейкого вещества. При мысли о том, что еще ей пришлось пережить, меня чуть не стошнило. Они пытались ее покормить.

Мы остановились на склоне метрах в двадцати от деречей, уходящем вверх под углом около семидесяти градусов, наблюдая за тем, как Тамиру увлекают еще дальше вверх, к отвесной скале:

— Что будем делать? — спросил Толан.

— Надо добраться до нее прежде, чем они перейдут туда. — Я махнул рукой на смертельно опасный участок пути. — Там любая ошибка может стоить жизни. — Я глянул на торчащие из зарослей обломки скал, полускрытые туманом, поднимающимся от ближайшего водопада. Не стоило добавлять, что, несмотря на сигнальный маячок Тамиры, мы вряд ли сможем отыскать ее тело. — Надо протянуть к ней веревку. Андерс сыграет роль якоря. Ей придется подняться повыше, и хорошо бы взять с собой когтераму Тамиры. Ты спустишься вниз, чтобы подхватить Тамиру, если что-то пойдет не так и она упадет. Я двину туда с веревкой и обвязкой.

— Ты уже делал что-то подобное? — спросила Андерс.

— А ты? — ответил я вопросом на вопрос.

— Просто похоже, что ты хорошо разбираешься в этой ситуации, — добавил Толан.

— Все сведения загружены из планетного атласа.

— Ладно, мы сделаем так, как ты сказал, — согласился Толан.

Еще раньше я заметил у всех троих на поясах отличные альпинистские лебедки с мононитью. Андерс начала разматывать свою, и струна оказалась толстой, как армированная веревка. К кольцу на ее конце я и прикрепил обвязку, вытащенную Толаном из одного из многочисленных карманов рюкзака.

— Готовы? — спросил я.

Оба кивнули, Толан отправился вниз, а Андерс полезла наверх. Теперь мне оставалось только добраться, не привлекая внимания деречей, до Тамиры и надеть на нее обвязку.

— Тамира… Тамира!

Она резко подняла голову, показав перепачканное противной желтой клейковиной лицо.

— Помогите!

— У меня с собой веревка и страховка, — сказал я, но она вряд ли была в состоянии что-то понять.

До нее оставалось не более трех метров, когда дереч, который держал ее ногу и пытался поставить на растущий поперек скалы корень, внезапно повернулся и качнулся в мою сторону. Рявкнула «оптэковская» винтовка, и на изумрудно-зеленом туловище открылась входная рана, словно расцвел желто-розовый цветок.

— Какого черта?!

— Надевай на нее обвязку! — заорал Толан.

Я двигался как можно быстрее, но не потому, что он мне приказал. Я просто не хотел, чтобы он пристрелил еще одного из этих существ. Тамира сначала оставалась безучастной, но вскоре очнулась. Надев на нее упряжь, я двинулся в сторону.

— Андерс!

Вероятно, она все видела, поскольку трос все время оставался туго натянутым, и теперь поднимала Тамиру наверх, подальше от деречей, которые засуетились вокруг второго умершего собрата. С троса оранжевыми хлопьями слетала оболочка. Я пару раз толкнул мертвого дереча ногой, и тот покатился вниз по склону, а остальные быстро заковыляли следом. Толан, поглядывая на меня снизу, пробирался параллельным курсом. Я показал ему на одну из вершин. На расстоянии нескольких минут хода имелась относительно ровная каменная площадка, нависающая как раз над тем местом, где пятеро оставшихся деречей догнали своего

сородича, убедились в том, что он мертв, и теперь слонялись вокруг, словно потревоженные в гнезде осы.

— Нам надо как можно быстрее вернуться к дирижаблю. Никто не ответил, поскольку Тамира выбрала именно этот момент, чтобы шумно извергнуть содержимое своего желудка. Вонь была еще хуже, чем от клейкой массы, которой она была измазана.

— Что это? — спросила Андерс.

— Они ее кормили, — объяснил я.

От этого Андерс стало почти так же плохо.

Наконец, усевшись на землю и выпростав запястья из когтерамы, Тамира, глядя на брата, протянула руку. Он расстегнул свой рюкзак, вытащил «оптэковскую» винтовку и протянул сестре. Тамира стреляла сидя, но первым же выстрелом сбила одного из деречей с далекого склона, и он, кувыркаясь, полетел вниз.

— Послушай, ты не можешь…

Дуло винтовки Толана уперлось мне в лоб.

— Мы можем, — сказал он.

Я заткнулся, и Тамира перебила всех деречей одного за другим, отправив их вниз, в скрытую туманом долину. Только тогда мы вернулись в базовый лагерь.

Стояла синь, но я уже был готов уснуть и поэтому с сожалением почувствовал, как вздрогнула гондола дирижабля. Кто-то взобрался вверх по трапу, потом прошел по мосткам. Вскоре Андерс открыла герметичную дверь и вошла внутрь. Я заметил, как она удивилась, увидев, что кабина дирижабля превратилась в жилое помещение. Я остался сидеть в кресле пилота, забросив ноги на панель управления и потягивая виски. Андерс отключила индивидуальную подачу кислорода, вдохнула воздух, а потом уселась на угол разобранной постели лицом ко мне.

— Тебе все это отвратительно? — спросила она.

Я пожал плечами. Старался сохранить невозмутимость. То, что происходило внизу, меня не беспокоило, а вот ее присутствие в гондоле вызывало тревогу.

— Для отвращения нет никаких причин. Теперь инцесту уже не придают такого значения, как раньше. Все генетические нарушения можно исправить еще в утробе…

— Разве я сказал, что испытываю отвращение? Возможно, это твои проблемы, иначе зачем бы ты здесь оказалась?

Она поморщилась:

— Ну, они так шумно себя ведут.

— Я уверен, это ненадолго, — сказал я. — Тогда сможешь вернуться в свою палатку.

— А ты не слишком любезен, не так ли?

— Просто осторожен. Я знаю, в какие игры вы играете. — «Вы»?

— Богатые и скучающие.

— Я всего лишь личный помощник Толана. Я наемный служащий.

Я услышал в ее голосе нотки обиды, и мое беспокойство еще более возросло, потому что она, конечно же, была права. Я не имел права относить ее к той же категории, что и Толана с сестрой. Она, скорее, ровня мне. Таким образом, Андерс мимоходом смела один из рубежей моей обороны.

— Хочешь выпить? — спросил я наконец, внезапно ощутив, как пересохло в горле.

Теперь я ожидал от нее справедливого негодования и отказа. Но Андерс оказалась более опытной и потому более опасной.

— Выпью с удовольствием.

После этих слов она расстегнула тугие застежки своих ботинок и сбросила обувь. Потом вытащила воздушный шланг из штекера на горле, обмотала вокруг баллона и, отстегнув баллон от пояса, поставила его на пол. Я выбрался из своего кресла, налил ей виски и добавил лед из недавно установленного холодильника.

— Отлично, — сказала она, принимая напиток.

Едва я сделал шаг, чтобы пройти мимо и вернуться к креслу, она поймала меня за локоть и усадила рядом.

— Знаешь, — заговорил я, — если мы не сообщим о том, что сегодня произошло, то автоматически становимся соучастниками. Это повлечет за собой перенастройку, возможно, даже стирание памяти.

— Ты гетеросексуал? — спросила она.

Я кивнул. Она положила ладонь мне на грудь и толчком опрокинула на спину. Я не стал сопротивляться и остался лежать. Андерс расстегнула брюки, спустила их и отбросила на пол, а потом, все еще оставаясь в рубашке и в узеньких трусиках, запрыгнула на меня верхом. Глядя мне в лицо, она расстегнула мой пояс, высвободила член и, сдвинув трусики, легко опустилась вниз. А потом начала ерзать взад и вперед.

— Ну же, давай! — воскликнула она, заметив выражение моего лица. — У тебя вся ночь, чтобы отплатить за услугу.

Целых тридцать секунд я пытался держаться. В конце концов мы оба разделись донага, и я отплатил за услугу. А потом в продолжение всей сини мы занимались тем, что остальные

приберегают на тот момент, когда обычный секс становится скучным.

— Знаешь, Толан, так или иначе, хорошо заплатит за молчание. Я так понял, что Толан может не заплатить за молчание *мне*.

И решил, что ее слова заслуживают возмездия с моей стороны, которое и осуществил, а она шумно наслаждалась им, уткнув лицо в подушку.

Все темное время мы проспали беспробудным сном.

Тамира жаждала трофеев. Она хотела получить пару голов деречей, чтобы сделать из них чучела и установить по обе стороны проезда к ее с Толаном поместью на Земле. Поздним утром мы доели свои пайки и приготовились отправиться в путь. Я решил, что бесполезно толковать им о наказании, грозящем за обладание трофеями, сделанными из существ класса С. Они зашли так далеко, что это казалось сравнительно малым преступлением.

— Нам нужно обсудить мое вознаграждение, — произнес я.

— А мне кажется, что ты уже кое-что получил, — заметила Тамира, искоса поглядывая на Андерс.

Толан раздраженно поморщился от ее слов и повернулся ко мне:

— В десять раз больше, чем мое первоначальное предложение. Никто ничего не должен знать.

— Все, что вы повезете обратно, вы будете провозить в своем багаже, — добавил я.

Их самонадеянность поражала меня. Возможно, они сумеют заполучить свои трофеи — об этом мы узнаем сразу, как только вернемся в цитадель, но, скорее всего, одного из деречей вел беспилотник, и, как только существо погибло, спутниковая система наблюдения сделала об этом запись. Я в крайнем случае мог поклясться, что сам боялся получить от них пулю и только ради собственной безопасности участвовал в преступлении. Ну а если им все сойдет с рук, почему бы этим не воспользоваться?

За время подготовки я загрузил карту в свой КПК, ввел наши координаты и проложил более безопасный маршрут, чем тот, которым мы шли накануне. Устройство выдало курс, несмотря на запрет Толаном любого вида спутниковой связи. По положению солнца, времени, высоте и данным, загруженным из планетного атласа, компьютер точно привязал наш путь к карте.

К тому времени, когда мы вышли к обрыву, спрутоножки расползлись и поплюхались в свои лужи, а солнце залило местность светом, похожим на мерцание дуговой сварки. На этот

раз мы легко преодолели расстояние на одной трети мощности когтерам, да еще останавливались, чтобы перекусить и отдохнуть. На одном из привалов я продемонстрировал, как пользоваться портативной горелкой, чтобы приготовить скальных моллюсков, но результат моей стряпни рискнул попробовать только Толан. Вероятно, он счел это мужским поступком. По пути я показал им цветущие паучьи лианы. Их пронзительно-красные мужские цветы в поисках раскрывшихся женских особей желтого цвета взмывали в воздух — растения и опыляющие их насекомые достигли такой степени симбиоза, что обогнали в этом отношении Землю. Позже, когда спрутоножки почуяли приближение сини и высунули куполообразные головы из воды, чтобы оглядеться выпуклыми желеобразными глазками, мы установили герметичные палатки на склоне градусов в сорок.

Андерс пристыковала свое жилище к моему, а в нескольких метрах от нас Толан и Тамира точно так же сдвинули свои палатки. Они наверняка объединили и свои спальные мешки, как это сделали мы. Заниматься сексом на таком крутом склоне, да еще в пришпиленных к днищу спальниках было несколько затруднительно, но это доставляло удовольствие и помогало скоротать большую часть длинной ночи. Примерно в середине ночи я сквозь сон услышал какой-то голос. Мне удалось разобрать совершенно бессмысленный набор звуков, вроде «слаббе, гебблкраб» и «спег бруглор номп». Крики и стоны со стороны палатки Толана в утренней сини я отнес на счет их с Тамирой занятий любовью. Но когда наступило утро и мне пришлось снимать с ткани палатки шипы спрутоножек, я увидел, что щека Толана залеплена пластырем.

— Что случилось? — спросил я.

— Я просто не вовремя высунулся, — ответил он.

— Ты принял меры?

— Антибиотик и средство от аллергии.

— Этого должно хватить.

К моему стыду, мне не пришло в голову спросить, зачем он высовывался из палатки и куда-то выходил среди ночи. И еще более непростительно, что я приписал странный голос, прозвучавший в ночи, сонным видениям.

Прошло лишь несколько часов нового дня, когда мы добрались до плоской вершины, с которой Тамира перестреляла оставшихся деречей. Я осмотрел местность в подзорную трубу и обнаружил, что наш прошлый визит сюда слишком сильно повлиял на мои умственные способности, и я не сразу оценил, насколько опасна эта территория. Здесь не было ни одного склона меньше, чем в семьдесят градусов, а множество узких

каньонов с несущимися внизу потоками закрывала плотная пелена тумана. С когтерамой или без нее, участок был хуже некуда.

— Ну, они должны быть вон там, — опустив свою подзорную трубу, сказал Толан и ткнул пальцем в самый широкий каньон, в котором под туманом ревела вода.

— Если только их не смыло водой, — заметил я. Он продолжал, проигнорировав мои слова:

— Спускаемся с того места, откуда они падали. Может, кто-то зацепился за кустарник.

Мы двинулись вниз с плоской вершины, потом стали подниматься по склону, с которого накануне спасали Тамиру, Я начал срезать путь по диагонали, и Андерс последовала за мной, тогда как Толан и Тамира все продолжали лезть к тому месту, где вчера находились деречи, хоть я понятия не имел, зачем они это делают. Мы ведь видели, как они падали один за другим. Андерс шла как раз надо мной, когда я начал огибать один из вывороченных валунов, преградивших путь. Мне показалось, что внизу мелькнул один из деречей, но, пока я всматривался в туман, сверху раздался крик Андерс. Я успел лишь глянуть наверх и вцепиться пальцами когтерамы в камни, как она в меня врезалась. Мы оба едва не покатились вниз. Андерс, наполовину выскочив из когтерамы, повисла у меня на шее. Подняв голову, я посмотрел на держащие нас обоих два пальца своего устройства.

И сразу же понял, что когтерама Андерс — собственность Толана и Тамиры — стала бесполезной обузой. Потом перевел взгляд выше и понял почему.

Брат и сестра спускались к нам в полном молчании, никаких призывов типа «держитесь!». Стало ясно, что именно этого они и не хотели. Вероятно, Толан был очень разочарован: мы двое спали в одной палатке, и сорвись мы с креплений — два свидетеля погибли бы в результате несчастного случая. Но ядовитые шипы спрутоножек нарушили его преступные планы. Я изогнул свободную конечность когтерамы и крепко уцепился за пояс Андерс, потом качнул нижними когтями и закрепил их на склоне.

— Сбрось когтераму!

Она непонимающе уставилась на меня, потом взглянула на склон, и, как мне кажется, в ее голове все встало на свои места. Пользуясь моей поддержкой, Андерс расстегнула все крепления, в последнюю очередь освободилась от пояса, и когтерама полетела в туман — большой хромированный паук… мертвый.

— Отлично, теперь забирайся мне на спину и держись крепче. Она мгновенно подчинилась. Я включил режим одной трети

мощности — при большей скорости Андерс могла не удержаться — и стал спускаться к полосе тумана. Первая пуля из «оптэковской» винтовки отскочила от камня перед моей головой. Вторая пролетела над рукой, и тотчас раздался животный стон Андерс. Что-то теплое закапало мне на шею, и ее хватка ослабла.

Река под прикрытием тумана пробила себе путь между наклонными каменными валунами. Я едва успел добраться до одной из этих едва видимых глыб, как Андерс окончательно ослабела и отключилась. Я положил ее на камни и осмотрел рану. Пуля рикошетом задела челюсть и рассекла щеку до самого виска. Как при любом повреждении головы, рана сильно кровоточила, но жизни не угрожала, если ее вовремя обработать. Однако возиться в этот момент с походными аптечками было бы самоубийством для нас обоих. Сверху, слегка приглушенные туманом, доносились раздраженные голоса Толана и Тамиры. Потом ближе, чуть дальше по реке, прозвучал еще один голос.

— Шабра табул. Над локок окер, — произнес кто-то. Похоже, как будто мы спрятались в чулане от грабителя и внезапно обнаружили, что кто-то рычит совсем рядом. Бесконечный бег реки тревожил туман, разрывал его на отдельные полотнища, то скрывая, то открывая берег. Метрах в пяти под каменной глыбой, на которой мы остановились, на галечном берегу сидела эта тварь. Его голова находилась приблизительно на одном уровне с моей. Андерс выбрала именно этот момент, чтобы застонать, и я быстро зажал ей рот рукой. Создание походило на пирамиду, на нижней выпирающей части торса спокойно возлежали две из трех имеющихся пар передних конечностей. В огромных черных когтях одной лапы болтались останки одного из деречей. «Указательным» когтем другой лапы существо выковыривало застрявшую кость из утыканного по кругу колючками оперения, похожего на утиный клюв. На куполообразной голове поблескивала тиара зеленых глаз.

— Бронг да булла, — возвестил он, достав кость и отбросив ее в сторону.

Тот факт, что трупы деречей привлекли сюда уткотрёпа, меня ничуть не обрадовал. Я почти бессознательно пригнулся, надеясь, что он меня не увидит, а если и увидит, то сочтет недостаточно аппетитным. Трясущимися руками я дотянулся до лебедки Андерс и начал сматывать трос. Проклятая машинка оказалась невыносимо шумной, а оранжевый трос — слишком ярким. Вытянув довольно длинный кусок мононити, я для страховки обмотал его вокруг пояса, а потом освободил Андерс от ее рюкзака. Теперь я мог осторожно спустить Андерс к дальнему краю глыбы и вместе с ней убраться подальше от всевидящего

уткотрёпа. Однако нам предстояло пробираться сквозь густую растительность, и тут-то он наверняка нас услышит. Я решил взвалить Андерс на плечо и бежать так быстро, как только смогу. Но в этот момент в опору моей когтерамы ударилась пуля, и я, едва не задохнувшись, покатился на камни.

Успев глянуть в сторону уткотрёпа, я похолодел. Его не было. Такое громадное существо просто не имело права двигаться столь быстро и незаметно. Опрокинувшись на спину, я увидел, как по склону спускаются Толан и его сестра. Моя когтерама повисла мертвым и бесполезным грузом, гибель грозила и мне — от пули или в недрах чудовищного клюва — кто знает.

Парочка охотников остановились в нескольких метрах выше над нами. Вцепившись когтями когтерам в склон, они освободили руки, чтобы не спеша прицелиться из своих винтовок. А потом что-то вылетело из пелены тумана, ударилось в скалу как раз над головой Тамиры и упало вниз. Она испустила пронзительный вопль — между ее телом и скалой застряли внутренности и окровавленные куски мяса — наполовину съеденный труп дереча. Уткотрёп вынырнул из тумана на противоположном конце каменной глыбы, с которой только что исчез. Он распрямился, затем протянул лапу, которая оказалась не менее трех метров длиной, и вот уже острый как бритва коготь выбил из рук Тамиры винтовку и отбросил ее далеко в сторону. При этом раздался звук, как будто кто-то провел ножом по стеклу, — коготь задел камень. Толан очередями палил из своего «Оптэка» в уткотрёпа, но пули, звучно шлепаясь, отскакивали и не причиняли ему никакого вреда. Я схватил Андерс и покатился с ней к самому обрыву, нимало не заботясь о том, куда мы упадем. Пролетев сквозь заросли, мы влетели в узкую расщелину, где и застряли, пока я не освободился от своей когтерамы и не сбросил вниз рюкзак.

— Шаббер граббер шаббер! — возмущенно взревел угкотрёп.

— Боже, боже, боже! — вопила Тамира. Снова прогремели выстрелы Толана.

— Гурбл. — Это прозвучало насмешкой.

— Я еще вернусь за тобой, ублюдок!

Не знаю, к кому относились эти слова, ко мне или к уткотрёпу.

На дне расщелины оказалась вода — вполне достаточно, чтобы наполнить фильтровальный баллон, смыть кровь с лица Андерс и обработать рану. Я использовал портативный диагностер из походной аптечки, а потом вколол лекарства, произведенные аппаратом в соответствии с характером повреждений. Андерс тут же задышала ровнее, к ней вернулся

прежний цвет лица. Уткотрёп перемещался где-то над нами и время от времени многозначительным тоном отпускал лишенные всякого смысла комментарии по поводу сложившейся ситуации. Немного позже, когда я предпринял попытку отыскать подходящую площадку, чтобы поставить палатку, небо застила громадная тень.

— Урбок шаббер го? — осведомился уткотрёп и, не получив от меня вразумительного ответа, навис над расщелиной.

Он смог дотянуться только до того места, где застряла моя когтерама. В задумчивой раздраженности он нетерпеливо постучал когтем по камню, потом убрал лапу.

— Гурбл, — высказал он свое мнение и пошел прочь.

По всей видимости, лингвисты, загружавшие в свои мозги тысячи наречий, отчаялись понять уткотрёпов. В высказываниях этих тварей не обнаружено никакого смысла, но тем не менее они поразительно близки к разумной речи. Поскольку эти удивительные создания в основном проводят время в одиночестве, нет смысла обзаводиться столь сложным голосовым аппаратом, чтобы разговаривать с самим собой. Уткотрёпы встречаются со своими сородичами только для того, чтобы драться или размножаться, а то и для того и другого одновременно. Точно так же нет никаких причин к образованию сложных мозговых структур, необходимых для полноценного владения речью. Они едва используют одну треть вещества, заполняющего огромные черепа. В этом случае наука способствует мифотворчеству.

Палатку я смог установить только после того, как вбил крепежные крючья в стены расщелины. Крепкий материал днища, словно гамак, легко выдержал наш вес даже после всех моих усилий, которые потребовались, чтобы запихнуть Андерс в спальный мешок. Когда она наконец была устроена в относительной безопасности, я обнаружил, что начинается вечерняя синь. Я успел еще осмотреть расщелину, выяснил, что она с обеих сторон выходит на поверхность, а потом опасность ядовитых шипов спрутоножек, уже выползавших из своих дневных укрытий, заставила и меня убраться в палатку. Следующую ночь нельзя было назвать безмятежной. Меня беспокоил энергичный натиск спрутоножек — под их дополнительным весом палатка могла рухнуть вместе с нами. А еще, в укрытии тумана, здесь было очень темно. Казалось, что ночь тянется целую вечность, но утро все же наступило, и к тому времени Андерс пришла в сознание.

— Они пытались нас убить, — сказала она после того, как прополоскала рот очищенной водой.

— Это точно.

— А где мы сейчас?

— В дыре.

Она уставилась на меня непонимающим взглядом, и пришлось объяснить ситуацию.

— И как мы отсюда выберемся? — спросила она, как только я закончил.

— У нас нет когтерам, но по крайней мере остались кислородные баллоны и катализаторы. Жаль, что я не послал Толана подальше с его идеей отключить мой компьютер от внешней связи. — Я немного подумал. — А как насчет твоего наладонника? Мы можем с его помощью послать сигнал?

— Он принадлежит Толану, так же как и когтерама, которой я пользовалась. К этому времени он уже наверняка заблокировал и его. Нам придется выбираться самим.

Она подняла голову. Ее рюкзак остался наверху, как раз там, где восседал уткотрёп.

— Ага.

Андерс снова обернулась ко мне:

— Ты хочешь сказать, что нет никакого способа связаться с цитаделью?

— Даже с дирижабля. Ты видела мой контракт с Толаном. Я не рискнул его нарушить, поскольку этот тип может отказаться платить при малейшем несоблюдении условий.

— И что же теперь?.. — вздохнула она.

— Это зависит от Толана с Тамирой… и от тебя.

— От меня?..

— Надо полагать, что тебя, как ценного работника, снабдили имплантатом-маячком? — Внезапно ее лицо показалось безмерно уставшим. Я продолжал: — Я догадываюсь, что эти два мерзавца вернулись к моему дирижаблю и вскоре пригонят его сюда. Если мы останемся на месте, они сориентируются по твоему имплантату. Если будем двигаться, они смогут нас выследить. Нам придется оставаться в низинах, под прикрытием тумана, и надеяться, что им не повезет со случайным точным выстрелом. Проблема в том, что для нашего друга в этой расщелине мы можем послужить отличным антрекотом.

Мы упаковали палатку и спальные мешки, а потом отправились в конец расщелины. Этот проход, хоть и очень узкий, предоставлял более легкий выход на поверхность. Ущелье вывело нас на голую и скользкую наклонную каменную глыбу, один конец которой уходил в речной берег, покрытый галькой. Над ней нависал край другой глыбы, с которой мы скатились вчера, а за

ней, исчезая в тумане, поднималась отвесная скала, та самая, с которой мы так неожиданно сверзились. Ее вид напомнил мне, в какой глубокой ловушке мы оказались. До цитадели было около двухсот километров. По моим подсчетам, в день мы могли пройти лишь несколько километров. Выжить здесь не составляло труда. Сведения, полученные из атласа, содержали данные о съедобных продуктах, и недостаток воды нам не грозил. До тех пор, пока работают наши катализаторы, или до неудачного падения…

— На всякий случай мы оставим между нами метра четыре троса, чтобы оставалась возможность маневрировать. Я пойду впереди.

— Ты считаешь, выйти наружу безопасно? — спросила Андерс.

— Нет, не считаю, но оставаться здесь тоже нельзя.

Андерс отмотала трос на необходимую длину и заклинила лебедку, а я пристегнул свободный конец к поясу на спине, а потом выбрался на край глыбы. Едва осмотревшись, я с радостью обнаружил рюкзак Андерс на том самом месте, где его бросил. И еще я обрадовался, что моей спутнице при подъеме не потребовалась помощь, — если бы пришлось ее поддерживать, время путешествия растянулось бы вдвое. Андерс забросила рюкзак на спину и застегнула пряжку на животе. Наконец мы отправились к тому месту, где растительность образовывала на скале вертикальную зеленую стену. Позже, пробираясь сквозь заросли, я не мог отделаться от ощущения, что на нас смотрит нечто огромное и опасное, более того, оно нас преследует.

Первый день оказался ужасным. Дело было не в невыносимой физической усталости, а в постоянно тусклом освещении под пеленой тумана — оно лишало нас воли и угнетало. Я понимал, что в этот день Толан и Тамира нас не найдут, но сознавал, что, передвигаясь ночью, уже к следующим сумеркам они вместе с дирижаблем могут оказаться у нас над головами. Однако и им придется сделать остановку на отдых. Они ведь считают, что у них масса времени на то, чтобы нас обнаружить и уничтожить.

Перед закатом Андерс установила палатку на сорокаградусном склоне, и места для второй уже не осталось. Я занялся сбором моллюсков, густо облепивших камни. У нас еще оставались сухие пайки, но я решил воспользоваться представившейся возможностью, поскольку другого случая могло и не быть. Еще я нарвал женских цветков паучьих лиан и клейких почек с ветвей раскидистых деревьев-бродяг. Вопреки моим ожиданиям, Андерс не стала возражать, когда я взялся за приготовление пищи. Моллюски напоминали жесткую рыбу,

цветы — мягкий сладковатый салат-латук, а почкам было невозможно подобрать земную аналогию, потому что я никогда не пробовал ничего более противного. Скорее всего это было наиболее сбалансированное питание. После ужина я упаковал плитку и вслед за Андерс отправился в герметичную палатку, поскольку окружающие нас ветви уже зашевелились. Бесчисленные крупные бородавчатые спрутоножки уже начали свой поход через заросли. Этот вид был мне незнаком, вероятно, они не слишком часто встречались, иначе о них нашлось бы упоминание в мюральском атласе.

Утром я с раздражением выпутался из обвязки, которая не давала скатиться на дно спального мешка на этом склоне. Андерс проснулась тоже явно не в лучшем расположении духа. Возможно, в том, что мы ели накануне, не хватало глюкозы, поскольку, позавтракав сухим пайком, одновременно упаковывая вещи, мы почувствовали себя гораздо лучше. А может, это туман наводил на нас такую тоску.

Через час после выхода путь стал легче, но намного опаснее. Раньше густая растительность на крутых склонах служила нам предохранительной сеткой на случай возможного падения, а теперь мы преодолевали не более покатую местность, чем та, на которой Андерс ставила палатку, но здесь не было никакой зелени. Если бы мы здесь упали, то непременно продолжали бы катиться до более крутого участка или рухнули бы в пропасть, где неминуемо разбились бы насмерть о мокрые скользкие скалы. По сравнению со вчерашним днем мы поднялись выше — туман немного рассеялся. Вдалеке все так же раздавался печальный голос уткотрёпа.

— Урекобланк… Скаддер, — звал он, видимо пытаясь подманить очередную жертву.

— Дерьмо, дерьмо! — воскликнул я после того, как инстинктивно попытался ускорить шаг, поскользнулся, но сумел удержаться на ногах.

— Полегче, — предостерегла меня Андерс.

Такая местность могла бы отпугнуть проклятое создание, но что-то мне подсказывало, что мои надежды тщетны. Существо почему-то стало казаться мне сверхъестественным. До того как я его впервые увидел, я и не думал, что здесь водится нечто подобное. Я считал уткотрёпов на Мюрале мифическими существами, вроде земных русалок и кентавров.

— Проклятие, что здесь делает этот зверь? — спросил я.

— Возможно, сбежал из какого-нибудь частного зоопарка, — отозвалась Андерс. — Вероятно, кто-то привез его в качестве домашнего любимца, а потом решил избавиться, когда интерес к

нему пропал.

— Неужели такое чудище может вызывать интерес? — возразил я.

В середине дня первые пули «оптэковских» винтовок раздробили вокруг нас несколько камней, а над головами показалась тень дирижабля. Мною овладела необъяснимая легкость. Я понимал, что, так или иначе, мы все равно погибнем, и это знание освобождало от всякой ответственности за себя и за будущее.

— Мазилы! — заорал я.

— Дело поправимое! — донесся издалека ответ Толана.

— Не стоит их дразнить! — прошипела Андерс.

— Почему? Неужели он нас убьет? — бросил я в ответ. Несмотря на это, я изменил направление и рванул вниз, где туман был гуще. Выстрелы не прекращались, но вероятность того, что в нас попадут, уменьшилась. Похоже, Толан пришел к такому же выводу, поскольку стрельба вскоре затихла. Остановившись, чтобы передохнуть, я сверился со своим компьютером и едва не заплакал, подсчитав, что за полдня мы прошли не больше трех километров. Собственно, я так и предполагал, но легче мне от этого не стало. Еще больше я расстроился, увидев между двумя вершинами перевал, который нам необходимо было преодолеть, чтобы не сбиться с маршрута. Обходной маневр добавил бы к нашему пути не один десяток километров. И конечно, этот перевал поднимался над полосой тумана. Толан наверняка тоже сверился со своим компьютером.

— И что теперь? — спросила Андерс.

— Посмотрим. Может, там найдется какое-то укрытие.

— Сиибл грубber, — раздался голос уткотрёпа снизу, из густого тумана.

— Не отстает, — прошептал я.

Андерс только кивнула.

В рассеивающемся тумане нас поджидал скверный сюрприз.

Сначала я не смог определить, что именно мелькнуло в разрывах тумана над каньоном рядом с нами. А потом перед глазами со всей определенностью предстали очертания предмета, от которого тянулся тонкий, но очень крепкий трос. Я смотрел на четырехлапый якорь дирижабля с одноразовыми камерами наблюдения на каждой лапе. Мы продолжали двигаться, направляясь к перевалу. Я предложил для безопасности пройти по другой стороне. Хотя это было смешно.

— Он поставил… их в инфракрасный… режим, — произнес я, прерывисто дыша.

Прямо перед нами в склон ударила очередь, похоже из всей обоймы «Оптэка», рассчитанной на пятьдесят зарядов.

— Ну да… Он же не знает… с какой именно камеры… идет картинка, — добавил я.

Потом сверкнула вспышка, что-то стало падать, цепляясь за ветки вертикальных джунглей, и снова началась стрельба, как ни странно, в том же направлении. Я опять увидел свой якорь — на этот раз выше и дальше. У Толана и Тамиры не было большого опыта в управлении дирижаблем, не то что гравиплатформой, где можно было включить автопилот. Вскоре мы увидели останки того, в кого целились охотники: старый дереч, слишком немощный, чтобы оставаться в составе семерки, и, вероятно, замещенный подросшим детенышем. Он повис на изогнутом высохшем суку дерева-бродяги, и по всему туловищу зияли дыры от пуль «оптэковской» винтовки.

Мы продолжали путь, и скоро склон стал круче, а потом заросли внезапно оборвались, и один ствол от другого отделяли большие промежутки каменной стены. Приблизительно через сотню метров нам пришлось преодолеть расселину, чтобы добраться до более проходимого участка склона. Ступни и мышцы ног невыносимо болели. Ходьба по такой местности создавала непосильную нагрузку на лодыжки и колени. Только теперь я задумался, насколько хватит наших ботинок и перчаток. Они были очень прочными — из монофибры, используемой для воинского обмундирования, но ничто не в состоянии выдержать бесконечную войну с камнями. Может, на сотню дней? Кого я надеялся одурачить?

К середине дня мы добрались до склона, который, огибая одну вершину, плавно переходил на следующую, а потом вел к перевалу. Сверившись с компьютером, я выяснил, что между горой и перевалом должна быть впадина.

Я показал карту Андерс:

— Там должно быть укрытие.

Она посмотрела на меня, вокруг глаз — темные круги. Моя спутница слишком устала, чтобы испытывать тревогу. Потом мы оба обернулись и уставились на сплошной лес и полосы тумана. Оттуда доносились звуки — внизу кто-то огромный ломился сквозь чащу, круша стволы деревьев и разбрасывая сломанные ветви.

— Пошли.

Во мне не осталось прежней беззаботности. Я вымотался не меньше Андерс. Мы нашли в скале желоб, изобилующий выемками для рук и ног, но мокрый и страшно скользкий. Медленно и осторожно мы поднимались в редеющем тумане. А

потом позади нас железным канделябром спустился якорь дирижабля.

— Сюрприз! — крикнула нам сверху Тамира.

Туман окончательно рассеялся, и слева от нас замаячила округлая вершина горы. Над нами нависал мой дирижабль, и пропеллеры медленно вращались, удерживая его против дующего с перевала бриза. Толан и Тамира стояли на мостках. Оба держали в руках оружие, и я мог поклясться, что даже на таком расстоянии разглядел на их лицах усмешки. Я выругался и прислонился лбом к скользкому камню. До вершины перевала нам оставалось преодолеть метров десять открытого пространства и, возможно, столько же с другой стороны. Как ни прибавляй скорость — нельзя обогнать летящую пулю. Я снова посмотрел вверх. Будь они прокляты. Я не собираюсь их умолять и не буду пытаться продлить последние минуты. Я обернулся к Андерс.

— Продолжаем подъем! — велел я.

Она скованно кивнула, и я полез дальше. Прямо передо мной ударила пуля и с воем унеслась вниз по трещине. Они забавлялись. Я на мгновение поднял голову и заметил, что дирижабль медленно дрейфует к горной вершине. А потом я увидел его.

Лапа тянулась и тянулась вверх. В ней было что-то неестественное. Наверное, мне так показалось, потому что в конечности имелось слишком много суставов. Трехпалая кисть с острыми, словно косы, когтями сомкнулась вокруг якоря дирижабля и потянула. Сидящий на вершине уткотрёп стал похож на чудовищного ребенка с воздушным шариком на веревочке.

— Бронг да локок, — сообщил он.

Толан, свесившись с мостков, попытался расстрелять чудище. Тамира с протяжным воющим воплем скрылась за стеной гондолы. Уткотрёп резко дернул за якорь, и Толан полетел вниз. Его визг внезапно оборвался, когда уткотрёп подхватил добычу одной из множества свободных лап. Он вырвал винтовку и отшвырнул ее в сторону, словно соломинку из бокала с коктейлем, а потом бросил Толана в свой клюв.

— Иди давай! — толкнула меня в спину Андерс.

— Он использовал нас как приманку, чтобы добраться до них, — сказал я.

— А теперь мы ему не нужны.

Я стал карабкаться вверх, сосредоточенно ища, за что уцепиться, но из головы не выходил спускающийся теперь с вершины уткотрёп. Наконец мы поднялись на перевал. На другой стороне нас опять ожидали туман и крутые склоны. Вдалеке уткотрёп уже почти спустился до полосы тумана, уводя за собой

дирижабль с воющей внутри Тамирой. Он обернулся, и стало видно, что одной лапой уткотрёп запихивает поглубже в клюв упирающегося Толана. В следующее мгновение, видимо разозленный его сопротивлением, уткотрёп оторвал брыкающиеся ноги, а все остальное сожрал. Затем туман поглотил чудовище, вскоре после него пропал из виду и дирижабль. Крики Тамиры внезапно сменились агонизирующим воплем, потом послышался хруст.

— В следующий раз он придет за нами, — сказала Андерс, глядя в колышущийся туман и снова толкая меня в спину.

Стоя на месте, мы ничего не добьемся, — и я это понимал.

— Что ты, черт возьми, делаешь?

Я расстегнул крепление на поясе, которое связывало нас с Андерс.

— Смотай трос.

Она запустила моторчик лебедки, и ярко-оранжевая мононить заметалась у ее ног. Взглянув в ее лицо, я заметил тоскливую покорность — Андерс решила, что я все-таки ее бросаю. Из тумана появилась большая дрожащая тень, и я побежал по перевалу. Это была всего лишь догадка, безумная надежда, шанс, от которого зависели наши жизни.

Якорь задевал кроны деревьев, и дирижабль, освобожденный от веса двух людей и не удерживаемый более уткотрёпом, понемногу поднимался. Я собирался добраться до якорной веревки, хотя, будь я проклят, если представлял, как смогу залезть наверх по четырехмиллиметровому тросу. В последний момент я хорошенько разогнался и прыгнул: три метра вперед и примерно столько же вниз. Правая нога подвернулась подо мной на крыше гондолы, но не было времени даже почувствовать боль. Я подтянулся к краю, схватился за стропы и быстро проскочил в дверь. Первым делом я включил управление, чтобы свернуть якорь и выбрать трос, потом уселся в кресло пилота, стравил газ и повернул к тому месту, где осталась Андерс. Спустя несколько минут она уже была на мостках, потом внутри, и я снова добавил газу. Но мы не двигались.

— О нет… Нет! — запротестовала Андерс от такой вопиющей несправедливости.

Я уставился на ряд зеленых глаз и на единственный длинный коготь, зацепившийся за ограждение над мостками. Я уже ждал, что он вытащит нас из кабины, как вытаскивают мясо моллюска из его раковины. Вряд ли легкий металл окажет ему достойное сопротивление.

— Гурбл, — сказал уткотрёп, потом коготь неожиданно исчез, и мы снова стали подниматься.

Неужели он с нами играл? Мы прижались к окошкам и смотрели вниз, не проронив ни слова до тех пор, пока не оказались вне досягаемости, и даже после этого долгое время сидели молча. В довершение ко всему — и мне наплевать, что ученые считают их просто животными, — я был совершенно уверен, что уткотрёп помахал нам лапой.

Аластер Рейнольдс
Голубой период Займы [210]

Спустя неделю народ начал разъезжаться с острова. Зрительские трибуны вокруг бассейна пустели день ото дня. Большие туристские корабли потянулись обратно в открытый космос. Любители искусства, комментаторы и критики паковали чемоданы по всей Венеции. Их разочарование висело в воздухе над лагуной, словно миазмы.

В числе тех немногих, кто продолжал оставаться на Муржеке, я каждый день возвращалась на трибуны. Я смотрела часами, щурясь из-за дрожащего голубого света, который отражался от поверхности воды. Бледное тело Займы лицом вниз перемещалось от одного конца бассейна к другому так вяло, что его можно было принять за болтающийся на воде труп. Пока Займа плавал, я прикидывала, как же мне лучше изложить его историю и кому ее продать. Я попыталась вспомнить название своей первой газеты, еще на Марсе. Большое издательство заплатило бы больше, но где-то в глубине души мне хотелось вернуться к истокам. Это было так давно… Я попросила ИП[211] уточнить название газеты. С тех пор прошло так много времени… сотни лет, наверное. Но в памяти ничего не всплывало. Еще один тоскливый миг, и до меня дошло, что день назад я отказалась от ИП.

— Ты теперь предоставлена себе самой, Кэрри, — произнесла я. — Пора привыкать.

Плывущая фигура достигла дальнего края бассейна и двинулась обратно в мою сторону.

Двумя неделями раньше я сидела в полдень на площади Святого Марка, глядя, как белые фигурки скользят по белому мрамору башни с часами. Небо над Венецией было забито кораблями, припаркованными борт к борту. Их днища фиксировались в сияющих громадных панелях, настроенных так, чтобы не отличаться по цвету от настоящего неба. Это зрелище напомнило мне работы одного художника периода предэкспансионизма, который специализировался на обманывающих зрение перспективах и композициях: бесконечные водопады, сплетенные ящерицы. Я мысленно сформировала образ и направила вопрос трепещущей поблизости ИП, но она не смогла назвать мне имени художника.

Я допила кофе и терпеливо ожидала, когда мне принесут счет.

Я приехала в эту беломраморную вариацию Венеции, чтобы

наблюдать торжественное открытие шедевра, завершающего творческую карьеру Займы. Многие годы я следила за его работой и надеялась, что мне удастся договориться об интервью. К сожалению, с такой же целью сюда приехали еще несколько тысяч человек. На самом деле не имело значения, сколько у меня конкурентов: Займа не давал интервью.

Официант положил передо мной на стол согнутую пополам карточку.

До сих пор мы знали только то, что следует прибыть на Муржек, залитый водой мир, о котором большинство из нас вообще не слышали до сих пор. Единственное, чем славился Муржек, это наличием сто семьдесят первой известной копии Венеции, одной из трех, выстроенных исключительно из белого мрамора. Займа выбрал Муржек, чтобы явить миру свое последнее произведение, и здесь же он собирался провести оставшуюся жизнь, удалившись от дел.

С тяжелым сердцем я взяла со стола счет, чтобы изучить нанесенный бюджету ущерб. Но вместо ожидаемого счета передо мной оказалась маленькая визитная карточка голубого цвета с отпечатанными на ней тонким золотым курсивом словами. Голубой цвет был тот самый, аквамариновый, которым славился Займа. В адресованной мне, Кэрри Клэй, карточке, говорилось, что Займа хочет обсудить со мной торжественное открытие своей последней работы. Если предложение меня заинтересовало, я должна ровно через два часа быть у моста Риальто.

«Если предложение меня заинтересовало».

В тексте подчеркивалось, что я не должна приносить с собой никаких записывающих устройств, даже бумаги с ручкой. Словно спохватившись, автор записки упоминал, что с моим счетом все улажено. Я едва не собралась с духом, чтобы заказать второй кофе и приписать его к первому счету. Едва не собралась, но все-таки не собралась…

Когда я раньше назначенного времени подошла к мосту, слуга Займы уже был на месте. Замысловатые механизмы пульсировали неоновым светом внутри похожего на человеческое тела робота, сделанного из пластичного стекла. Робот низко поклонился и заговорил чрезвычайно мягким голосом:

— Мисс Клэй? Раз вы уже пришли, мы можем отправляться. Робот проводил меня к лестнице, ведущей к воде. Моя ИП следовала за нами, порхая у меня над плечом. Корабль застыл в ожидании, зависнув в метре над водой. Робот помог мне забраться в задний отсек. ИП уже собиралась последовать за мной внутрь, когда робот предостерегающе поднял руку.

— Боюсь, вам придется оставить ее здесь, помните: никаких записывающих устройств?

Я посмотрела на отливающую металлом зеленую колибри, пытаясь вспомнить, когда в последний раз обходилась без ее вечно внимающего присутствия.

— Оставить?

— Она будет здесь в полной безопасности, и вы сможете забрать ее вечером, когда вернетесь.

— А если я скажу «нет»?

— Тогда, боюсь, встреча с Займой не состоится.

Я чувствовала, что робот не собирается торчать здесь весь день, дожидаясь моего ответа. При мысли о расставании с ИП холодела кровь. Но я так сильно желала этого интервью, что была готова пойти на что угодно.

Я приказала ИП оставаться на этом месте, пока я не вернусь.

Послушная машинка отлетела от меня, сверкнув зеленым «металликом». Ощущение было такое, будто улетает часть меня самой. Стеклянный корпус корабля сомкнулся надо мной, и я ощутила волну нарастающего ускорения.

Венеция промелькнула под нами, затем скрылась за горизонтом.

Я послала пробный запрос, прося ИП назвать планету, где отмечала свой семисотый день рождения. Ответа я не получила: я находилась вне зоны доступа и могла полагаться только на собственную изношенную с возрастом память.

Я подалась вперед.

— Вы уполномочены сообщить мне, к чему все это?

— Боюсь, он мне не сказал, — ответил робот, и лицо проявилось у него на затылке. — Но если в какой-то миг вы почувствуете себя неуютно, мы сейчас же сможем вернуться в Венецию.

— Пока что я чувствую себя прекрасно. А кто еще получил карточки с приглашениями?

— Насколько мне известно, только вы.

— А если бы я отказалась? Вы тогда пригласили бы кого-то другого?

— Нет, — ответил робот. — Но давайте посмотрим фактам в лицо, мисс Клэй. Вы не очень-то пытались отказаться от его предложения.

Мы летели дальше, и от ударной волны корабля под нами на море оставалась пенная дорожка. Мне представилась кисть, стирающая с мрамора мокрую краску, выявляющая спрятанную под ней белую поверхность. Потом я достала приглашение Займы и вытянула руку с карточкой вперед, к горизонту, пытаясь

определить, на что больше похож этот голубой оттенок: на цвет неба или цвет моря? На их фоне голубой цвет карточки, казалось, подрагивал от собственной неопределенности.

Голубой Займы. Это было вполне определенное явление, выраженное в научных терминах, в ангстремах и яркости. Художник мог бы воспроизвести этот цвет, смешав краски в соответствии со спецификацией. Но никто никогда не использовал этот голубой Займы, если только не пытался выдать свои работы за его.

Займа уже представлял собой совершенно уникальное явление к тому времени, когда широко обнародовал свои творения. Он прошел через несколько радикальных операций, благодаря которым мог переносить самые жесткие условия среды без необходимости надевать защитный костюм. Внешне Займа выглядел хорошо сложенным мужчиной, одетым в плотно облегающее трико, пока вы не подходили поближе и не понимали, что на самом деле это его кожа. Покрывающий его целиком синтетический материал менял цвет и текстуру в зависимости от настроения хозяина и окружающей среды. Он делался похожим на одежду, если того требовали обстоятельства. Эта кожа могла выдерживать давление, когда Займе хотелось испытать на себе вакуум, и становилась жесткой, защищая от гибели при спуске на какой-нибудь газовый гигант. В дополнение ко всем особенным свойствам, его кожа передавала мозгу полный набор сенсорных ощущений. Займа не испытывал потребности в дыхании, поскольку вся его сердечно-сосудистая система была заменена на исключительно точные жизнеобеспечивающие механизмы. Он не нуждался в еде и питье, не нуждался в выведении из организма отходов жизнедеятельности. Крошечные восстанавливающие механизмы заполняли все его тело, позволяя ему выносить такие дозы радиации, от которых человек обычный погиб бы за считанные минуты.

Обладая телом, защищенным от любой агрессивной среды, Займа был волен искать вдохновение, где только пожелает. Он мог свободно парить в космическом пространстве, вглядываясь в поверхность звезд, или же бродить по каньонам на какой-нибудь планете, где металлы текут, словно лава. Его глаза были заменены камерами, восприимчивыми к гигантскому спектру электромагнитных импульсов, передающими сигнал в мозг через комплексные передаточные модули. Синестетический[212] мост позволял ему слышать визуальную информацию как некую музыку, видеть звуки симфонией пульсирующих красок. Его кожа функционировала как своего рода антенна, позволяя ему чувствовать изменения, происходящие в электрических полях. В

случае необходимости он мог вторгаться в информационные поля любых находящихся рядом устройств.

Учитывая все это, искусство Займы просто не могло не быть оригинальным и не привлекать всеобщее внимание. В его пейзажах и звездных пустынях было нечто возвышенное и экстатическое, омытое светящимися пронзительными красками и сбивающее глаз с толку перспективами. Выполненные с помощью традиционных материалов, но в гигантском масштабе, его работы быстро привлекли внимание нескольких серьезных покупателей. Некоторые из них попали в частные коллекции, но в основном творения Займы появлялись в местах скопления народа по всей Галактике. Протянувшиеся на десятки метров полотна, насколько мог видеть глаз, были тем не менее полны мелких деталей. Над большинством из них художник работал в течение одного сеанса. Займа не испытывал потребности в сне, поэтому творил не прерываясь, пока не завершал картину.

Его полотна, безусловно, производили ошеломляющее впечатление. С точки зрения композиции и техники исполнения они, вне всякого сомнения, были великолепны. Но имелось в них и кое-что мрачное и вгоняющее в дрожь. Это были пейзажи, лишенные человеческого присутствия, свободные от явно выраженной точки зрения самого автора.

Скажем так: на них было любопытно посмотреть, но я не хотела бы, чтобы подобные работы украшали мой дом.

Надо полагать, не все разделяли подобное убеждение, иначе Займа не продал бы такое количество работ. Но меня постоянно мучил вопрос, сколько людей покупает его картины только из-за того, что они созданы популярным художником, а вовсе не из-за их собственной художественной ценности.

Вот как обстояли дела, когда я впервые обратила внимание на Займу. Я отметила его для себя как интересного, хотя и кичевого автора, может быть, о нем стоило написать, если вдруг что-нибудь любопытное произойдет с ним или его работами.

Кое-что произошло, но всем, включая и меня, потребовалось некоторое время, чтобы это заметить.

В один прекрасный день — творческий процесс занял на этот раз больше времени, чем обычно, — Займа представил работу, которая кое-чем отличалась от остальных. Это было изображение клубящейся, усеянной звездами туманности, написанное с выгодной позиции — с торчащей в безвоздушном пространстве скалы. Угнездившийся на краю кратера где-то посредине полотна, закрывающий собой часть туманности, висел крошечный голубой квадратик. С первого взгляда казалось, что холст был загрунтован голубой краской и Займа просто оставил маленький участок

незакрашенным. В этом квадратике не было ничего существенного: никакой детали, ничего, что как-нибудь связывало бы его с пейзажем или фоном. Но этот квадратик появился не случайно: при более внимательном рассмотрении становилось ясно, что он специально написан поверх каменистого края кратера. Он что-то означал.

Этот квадратик явился только началом. После него на каждом новом полотне, которое выставлял на обозрение публики Займа, присутствовало нечто похожее: геометрическая фигура — квадрат, треугольник, овал или что-нибудь еще, — затерянная среди общей композиции. Прошло немало времени, и наконец кто-то заметил, что голубой оттенок повторяется из картины в картину.

Это был Голубой период Займы, и того же в точности голубого цвета была покрытая золотыми буквами визитная карточка.

На протяжении следующего десятилетия или даже больше абстрактные фигуры становились все более весомыми, они доминировали, вытесняя прочие элементы из каждой картины. Космические просторы в итоге сделались узким обрамлением, идущим по контуру кругов, треугольников и прямоугольников. Если предыдущие работы Займы характеризовались обилием мазков и толстыми слоями красок, то голубые фигуры отличались зеркальной гладкостью.

Отпугнутые нашествием абстрактных голубых фигур, обычные покупатели отвернулись от Займы. Прошло еще немного времени, и художник выставил первую из полностью голубых работ. Достаточно большое, чтобы закрыть фасад здания в тысячу этажей, полотно было понято многими как выражение восприятия Займой окружающего мира.

Ошибиться сильнее было невозможно.

Я ощутила, что корабль замедляет ход, приближаясь к маленькому острову, единственному пятну, нарушающему водное пространство вокруг.

— Вы первая, кто это видит, — сказал робот. — Искажающий экран не позволяет разглядеть остров из космоса.

Остров был длиной в километр, невысокий, похожий формой на черепаху, спускающийся к воде узким ожерельем светлого песка. Приблизительно в середине возвышалось небольшое плато, где был расчищен от растительности неровный участок земли. Я разглядела небольшой прямоугольник, отливающий голубым, лежащий на земле, а вокруг него — что-то похожее на ряды зрительских трибун.

Корабль стал терять высоту и скорость и окончательно остановился как раз рядом с этими самыми трибунами. Он замер напротив не замеченного мною ранее низкого шале из белого камня.

Робот вышел и помог мне выбраться из корабля.

— Займа будет здесь через минуту, — предупредил он, затем вернулся на корабль и растворился в небесах.

Внезапно я ощутила себя очень одинокой и беззащитной. С моря подул ветер, засыпая мне глаза песком. Солнце ползло к горизонту, обещая скорое похолодание. И вот когда я уже ощутила укол страха, из шале, энергично потирая руки, вышел мужчина. Он двинулся в мою сторону, шагая по дорожке, вымощенной булыжником.

— Я рад, что вы смогли выбраться, Кэрри.

Само собой, это был Займа, и я тут же ощутила себя полной дурой. Как мне в голову могло прийти, что он не придет?!

— Привет, — неловко произнесла я.

Займа протянул руку. Я пожала ее, ощущая пластичную текстуру его искусственной кожи. Сегодня она была тусклой, оловянно-серого оттенка.

— Пойдемте посидим на балконе. Приятно посмотреть на закат, не правда ли?

— Правда, — согласилась я.

Он повернулся ко мне спиной и направился к шале. Пока он шел, мышцы перетекали и бугрились под серой кожей. На спине кожа переливалась, как чешуя, словно выложенная мозаикой светоотражающих частиц. Он был прекрасен, как изваяние, мускулист, как пантера. Даже после всех пережитых трансформаций он выглядел красавцем, но я никогда не слышала, чтобы у него был с кем-нибудь роман или что у него вообще есть какая-то личная жизнь. Для него существовало только искусство.

Я шла вслед за ним, ощущая себя неуклюжей и косноязычной. Займа привел меня в шале, провел через старомодную кухню и старомодный холл, обставленные тысячелетней давности мебелью и безделушками.

— Как вы добрались?

— Отлично.

Он вдруг остановился и повернулся ко мне лицом:

— Я забыл уточнить… робот настоял, чтобы вы оставили свою напоминалку?

— Да.

— Хорошо. Я хочу говорить именно с вами, а не с каким-нибудь суррогатным записывающим устройством.

— Со мной?

Оловянно-серая маска его лица приобрела насмешливое выражение.

— Вы вообще умеете говорить развернутыми предложениями или пока что только учитесь?

— Э…

— Расслабьтесь, — сказал он. — Я здесь не для того, чтобы вас экзаменовать или унижать, ничего подобного. Это никакая не ловушка, и вы не подвергаетесь опасности. К ночи вы вернетесь обратно в Венецию.

— Со мной все в порядке, — сумела выдавить я. — Просто смущена присутствием знаменитости.

— Ну, не стоит. Едва ли я первая знаменитость, с какой вы встречаетесь в своей жизни, не так ли?

— Ну да, только…

— Люди находят меня пугающим, — сказал он. — Но постепенно преодолевают свой испуг, а потом никак не могут понять, чего же боялись.

— Почему вы выбрали меня?

— Потому что вы неизменно вежливо просили, — ответил Займа.

— А если серьезно?

— Ладно. Есть и еще кое-что, хотя вы действительно просили вежливо. Я многие годы с удовольствием следил за вашими публикациями. Люди часто доверяли вам писать статьи о них, особенно под конец своей жизни.

— Вы говорили об уходе из профессии, а не о смерти.

— Как бы то ни было, это все равно отказ от общественной жизни. Ваши работы всегда казались мне правдивыми, Кэрри. Я ни разу не слышал, чтобы кто-то обвинял вас в искажении фактов в ваших статьях.

— Время от времени случается, — призналась я. — Вот почему я всегда слежу за тем, чтобы под рукой была ИП, тогда никто не сможет упрекнуть меня в искажении его слов.

— В моем случае это не имеет особенного значения, — заметил Займа.

Я внимательно посмотрела на него:

— Есть что-то еще, какая-то еще причина, верно? По которой вы вынули из шляпы бумажку с моим именем?

— Я хочу помочь вам, — ответил он.

Говоря о Голубом периоде, большинство людей подразумевает эру по-настоящему громадных полотен. Под громадными я понимаю — громадные. Прошло немного времени, и его работы стали достаточно большими, чтобы здания и

площади казались на их фоне карликами, достаточно большими, чтобы их было видно с орбиты. По всей Галактике возвышались над частными островами или поднимались из бушующего моря двадцатикилометровые голубые полотна. Расходы никогда не представляли проблемы, поскольку хватало меценатов, грызущихся друг с другом за право обладать самым последним и самым огромным творением Займы. Полотна все росли, и в итоге им уже требовались сложные высокотехнологичные механизмы, способные поддерживать их в вертикальном положении, несмотря на гравитацию и погодные условия. Произведения пронзали верхние слои атмосферы, выходя в космическое пространство. Они светились своим собственным мягким светом. Они загибались арками и расходились веерами, так что поле зрения наблюдателя было целиком и полностью насыщено голубым.

Теперь Займа стал необычайно известен, о нем знали даже люди, не питающие интереса к искусству. Он был странной знаменитостью-киборгом, творящим гигантские произведения, человеком, который никогда не дает интервью, никогда даже намеком не позволяет понять, в чем он видит смысл собственного искусства.

Но так было сотни лет назад. Займа даже приблизительно не стал еще самим собой.

Постепенно его творения сделались слишком необъятными, чтобы умещаться на планетах. И Займа беспечно двинулся в межпланетное пространство, создавая свободно плавающие голубые полотнища в десять тысяч километров длиной. Теперь он работал уже не с кистями и красками, а с целой флотилией роботов-саперов, разрывающих на куски астероиды, чтобы добыть материалы для его творений. Теперь уже целые звездные экономики соревновались друг с другом за право обладания его работами.

Примерно в это время я снова ощутила интерес к Займе. Я присутствовала на одном из его «лунных обертываний», заключении небесного тела в закрытый крышкой голубой контейнер, словно шляпу укладывали в коробку. Два месяца спустя он выкрасил в голубой цвет по экватору целый газовый гигант, и я снова купила билет в первый ряд. Еще через шесть месяцев он изменил химический состав проходящей мимо Солнца кометы, так что она протащила через всю Солнечную систему расцвеченный в голубой Займы хвост. Но у меня по-прежнему не было истории. Я продолжала просить об интервью и неизменно получала отказы. Одно я знала наверняка: за одержимостью Займы его голубым цветом кроется нечто большее, чем простая причуда художника. И без понимания сути этой одержимости не

будет истории, только анекдот. А я не пишу анекдоты.

Поэтому я все ждала и ждала. А затем, как и миллионы других людей, я услышала о последнем произведении Займы и отправилась в фальшивую Венецию на Муржек. Я не надеялась на интервью или на какое-то новое понимание. Я просто должна была быть там.

Через раздвижные стеклянные двери мы вышли на балкон. По обе стороны белого стола стояли два простых белых кресла. На столе были напитки и ваза с фруктами. Иссохшая земля под никак не огороженным балконом круто обрывалась, и открывался ничем не заслоненный вид на море. Вода лежала спокойная и приветливая, и в ней отражалась серебряная монета заходящего солнца.

Займа жестом предложил мне сесть в одно из кресел. Указал на две бутылки с вином:

— Белое или красное, Кэрри?

Я раскрыла рот, чтобы ответить, но не смогла. Обычно в это мгновение между вопросом и ответом ИП безмолвно советовала мне, какую из двух возможностей предпочесть. Отсутствие исходящей от напоминалки подсказки привело меня в ступор.

— Мне кажется, красное, — сказал Займа. — Если у вас нет серьезных возражений.

— Это не значит, что я не могу решить за себя сама, — заявила я.

Займа налил мне бокал красного вина, затем поднял его к небу, рассматривая на свет.

— Разумеется, не значит, — подтвердил он.

— Просто все это немного странно для меня.

— В этом не должно быть ничего странного, — сказал он. — Вы жили именно так сотни лет.

— Вы имеете в виду — естественным образом?

Займа налил себе бокал красного вина, но, вместо того чтобы выпить, он просто вдохнул запах.

— Именно.

— Но в том, чтобы оставаться в живых спустя тысячу лет после рождения, нет ничего естественного, — возразила я. — Моя природная память переполнилась около семи сотен лет назад. Моя голова похожа на дом, в котором слишком много мебели. Чтобы внести туда что-нибудь, что-то необходимо вынести.

— Давайте на минутку вернемся к вину, — предложил Займа. — Обычно вы полагаетесь на совет вашей ИП, верно?

Я пожала плечами:

— Ну да.

— А ИП всегда предлагает вам одну из двух возможностей? Скажем, всегда красное вино или всегда белое?

— Все не так примитивно, — сказала я. — Если бы у меня имелось явно выраженное предпочтение одного перед другим, тогда, разумеется, ИП всегда рекомендовала бы мне только одно, а не другое. Но у меня такого предпочтения нет. Иногда мне хочется красного вина, иногда белого. А бывает и так, мне вообще не хочется вина. — Я только надеялась, что мое разочарование не слишком заметно. Однако после сложной шарады с голубой карточкой, роботом и кораблем последнее, о чем я хотела бы говорить с Займой, — о моей собственной несовершенной памяти.

— Значит, этот выбор случаен? — спросил Займа. — ИП с равным успехом может указать как на красное, так и на белое?

— Нет, ничего подобного. ИП следует за мной повсюду несколько сотен лет. Она сотни тысяч раз видела, как я пью, в нескольких сотнях тысяч ситуаций. Она предполагает, с высокой степенью вероятности, какое именно вино я предпочла бы в каждом определенном случае.

— И вы безоговорочно следуете ее совету? Я сделала глоток красного вина.

— Разумеется. Вам не кажется, что это было бы несколько по-детски, поступать наоборот, только чтобы продемонстрировать свободу собственной воли? В конце концов, меня, скорее всего, удовлетворит предложенный ею выбор.

— Но если вы не игнорируете ее предложения время от времени, не становится ли вся ваша жизнь набором предсказуемых реакций?

— Может быть, — согласилась я. — Но разве это так уж плохо? Если я счастлива, о чем мне переживать?

— Я вас не критикую, — произнес Займа. Он улыбнулся и откинулся на спинку кресла, несколько разряжая возникшее в процессе расспросов напряжение. — Очень немногие люди в наше время пользуются услугами ИП, верно?

— Я не знаю, — ответила я.

— Менее одного процента из всего населения Галактики. — Займа понюхал свое вино и посмотрел сквозь бокал на небо. — Все остальные, за этим небольшим исключением, приняли неизбежное.

— Чтобы вместить тысячи лет воспоминаний, требуются машины. И что в этом такого?

— Но машины бывают разных типов, — сказал Займа. — Нейроимплантаты, полностью интегрированные в личностное самосознание. Неотделимые от биологической памяти. С ними

вам не пришлось бы спрашивать ИП о том, какое вино предпочесть, и не нужно было бы дожидаться ответа. Вы бы просто знали, и все.

— И в чем же разница? Я позволяю записывать мой жизненный опыт машине, сопровождающей меня повсюду. Машина не упускает ничего, она настолько четко настроена на восприятие моих запросов, что мне практически нет нужды спрашивать.

— Эта машина уязвима.

— Через определенные промежутки времени она проходит техосмотр. И она не более уязвима, чем набор имплантатов у меня в мозгу. Прошу прощения, но ваш довод едва ли разумен.

— Вы правы, конечно же. Но существует и более весомый аргумент против использования И П. Они слишком совершенны. Они не умеют искажать факты, не умеют забывать.

— Разве это не достоинство?

— Не совсем. Когда вы будете вспоминать что-нибудь, например этот наш разговор, через сотню лет, кое-что о нем вы будете помнить неточно. И эти неточности сами сделаются частью ваших воспоминаний, обретая весомость и материальность. А через тысячу лет ваши воспоминания об этом разговоре, возможно, совсем перестанут походить на реальность. Но вы-то будете утверждать, что помните все в точности.

— А если бы со мной была ИП, у меня осталась бы безупречная запись того, как именно развивались события.

— Верно, осталась бы, — согласился Займа. — Но это не живая память. Это фотография, механическое воспроизведение. Это замораживает воображение, не оставляет возможности чему-то запомниться неверно. — Он сделал паузу, достаточную, чтобы снова наполнить мой бокал. — Представьте, что практически в каждом случае, когда вам доводилось сидеть на свежем воздухе вечером, подобным этому, вы всегда предпочитали красное вино белому, и, в общем, у вас не было причин сожалеть о сделанном выборе. Но однажды, по той или иной причине, вы вдруг предпочли белое вино — наперекор совету ИП, — и это оказалось чудесно. Все чудесным образом совпало: компания, беседа, волшебный закат, потрясающий вид, эйфория от легкого опьянения. Изумительный день перетек в изумительный вечер.

— Вряд ли все это имело бы какое-либо отношение к моему выбору вина, — заметила я.

— Верно, — согласился Займа. — И ИП, конечно же, не придаст ни малейшего значения данному счастливому стечению обстоятельств. Одно-единственное отклонение не сможет сколько-нибудь заметно повлиять на предсказуемую модель. Она

все равно укажет вам на красное вино, когда вы спросите в следующий раз.

Я ощутила неприятное покалывание от понимания.

— Но человеческая память работает не так.

— Не так. Живая память вцепится в это единственное исключение и придаст ему ненужное значение. Она преувеличит положительные воспоминания об этом дне и подавит отрицательные: муху, которая все время жужжала у лица, ваше беспокойство, как бы не упустить идущий домой корабль, боязнь забыть о подарке ко дню рождения, который надо купить утром. Все, что останется у вас в памяти, — золотистое свечение радости бытия. И в следующий раз вы, наверное, выберете белое вино, и через раз. Целая модель поведения будет изменена из-за какого-то мгновенного отступления. ИП ни за что не потерпит такого. Вам придется поступать наперекор ее советам много-много раз, прежде чем она нехотя обновит свою модель и начнет предлагать вам белое вино вместо красного.

— Ладно, — произнесла я, все еще сожалея, что мы говорим обо мне, а не о Займе. — Но в чем принципиальное различие между искусственной памятью внутри моей головы и снаружи?

— Различие просто громадно, — ответил Займа. — Воспоминания, сохраненные в ИП, зафиксированы навеки. Вы можете обращаться к ней так часто, как только пожелаете, и она никогда не преувеличит и не упустит ни одной детали. А имплантаты работают по-другому. Они спроектированы так, чтобы совершенно сливаться с биологической памятью, до такой степени, чтобы хозяин не мог отличить одно от другого. Именно по этой причине их обязательно делают пластичными, гибкими, способными на ошибки и искажения.

— На погрешности, — сказала я.

— Но без погрешностей нет искусства. А без искусства нет истины.

— Погрешность рождает истину. Ни и ну!

— Я имею в виду истину в высшем, метафорическом смысле слова. Вот что такое этот золотистый вечер? Это истина. И воспоминания о мухе не прибавят ему никакого ощутимого смысла. Наоборот, отвлекут от него.

— Не было никакого вечера, не было *мухи,* — возмутилась я. Мое терпение наконец лопнуло. — Слушайте, я признательна за то, что вы пригласили меня. Но я ожидала услышать нечто большее, чем лекцию о том, какой способ хранения воспоминаний мне лучше выбрать.

— На самом деле, — произнес Займа, — все это говорится не просто так. И это касается меня точно так же, как касается вас. —

Он поставил бокал. — Давайте немного прогуляемся? Я хочу показать вам плавательный бассейн.

— Солнце еще не село, — сказала я. Займа улыбнулся:

— Всегда будет еще один закат.

Он повел меня через дом другим путем, и мы вышли не через ту дверь, в какую вошли. Извилистая тропинка постепенно взбиралась наверх между белыми каменными стенами, сейчас окрасившимися в золото под лучами закатного солнца. В итоге мы добрались до того плато, которое я видела с корабля. То, что показалось мне зрительскими трибунами, именно ими и было: выстроенные террасами конструкции в тридцать метров высотой с лестницами сзади, ведущими на разные уровни. Займа повел меня в тень под ближайшей трибуной, затем через небольшую дверь — в закрытое помещение. Голубая площадка, которую я видела, приближаясь к острову, оказалась скромным прямоугольным бассейном, лишенным воды.

Займа подвел меня к краю.

— Бассейн для плавания, — произнесла я. — Вы не шутили. Это ради него здесь установлены трибуны?

— Именно здесь все и произойдет, — сказал Займа. — Демонстрация моей последней работы и мой уход от общества.

Бассейн был еще не вполне завершен. В дальнем углу маленький желтый робот приклеивал на нужные места керамические плитки. Часть бассейна рядом с нами была полностью облицована, но я не могла не заметить, что плитки кое-где отколоты и треснуты. В вечернем освещении трудно было сказать наверняка — мы стояли у глубокого края бассейна, — но цвет плиток был очень близок к голубому Займы.

— После того как вы расписывали целые планеты, разве это не деградация? — спросила я.

— Только не для меня, — возразил Займа. — Для меня это место, где заканчиваются испытания. Это то, к чему я шел всегда.

— К старому бассейну для плавания?

— Это не просто старый бассейн, — ответил он.

Он повел меня по острову в обход, пока солнце скользило под воду и все цвета приобретали пепельный оттенок.

— Мои старые работы шли из самого сердца, — произнес Займа. — Я писал на громадных полотнах, потому что этого, как мне казалось, требовала суть работ.

— Это были отличные работы, — вставила я.

— Это были банальные работы. Громадные, броские, требовательные, популярные, но совершенно лишенные души. То, что они шли из сердца, не делало их хорошими.

Я ничего не сказала. Именно это я сама всегда ощущала по отношению к его произведениям: они обширны и бесчеловечны, как и его вдохновение, и только то, что Займа — модифицированный киборг, придавало его творениям уникальности. Это было равносильно тому, как хвалить картину, написанную человеком, державшим кисть в зубах.

— Мои работы не говорили о космосе ничего такого, чего космос не мог бы рассказать о себе сам. И что важнее, они ничего не говорили обо мне. И что с того, что я ходил в вакууме или плыл по морям из жидкого азота? Что с того, что я могу видеть ультрафиолетовые фотоны или пробовать на вкус электрические поля? Изменения, каким я подверг себя, были жестокими и радикальными. Но они не дали мне ничего такого, что не смогла сделать для художника хорошая рекламная кампания на телевидении.

— Мне кажется, вы к себе слишком строги, — сказала я.

— Ничего подобного. Я теперь могу так говорить, потому что знаю: в итоге мне удалось создать кое-что по-настоящему стоящее. Но когда это случилось, оно совершенно не входило в мои планы.

— Вы имеете в виду это ваше голубое?

— Это голубое, — подтвердил он, кивая. — Оно началось совершенно случайно, неверный мазок на почти завершенном полотне. Мазок бледного аквамарина, голубой на почти черном фоне. Эффект был подобен удару электрическим током. Казалось, я обнаружил прямой путь к неким пронзительным, изначальным воспоминаниям, в царство пережитого опыта, где этот цвет был самой важной составляющей моего мира.

— И что это были за воспоминания?

— Я не знал. Все, что я знал, — этот цвет говорит со мной, как будто я всю жизнь только и ждал, пока он проявится, чтобы высвободить его. — Он на минуту задумался. — В голубом всегда что-то было. Тысячу лет назад Ив Кляйн[213] сказал, что это сама эссенция цвета, цвет, стоящий всех остальных цветов. Один человек провел всю свою жизнь в поисках определенного оттенка голубого цвета, который, как он помнил, видел когда-то в детстве. Он уже отчаялся отыскать его, решил, что ему, должно быть, привиделся тот оттенок, что его, должно быть, вовсе не существует в природе. Но потом в один прекрасный день он обнаружил его. Это был цвет жука из Музея естественной истории. И тот человек рыдал от счастья.

— Что же такое голубой Займы? — спросила я. — Цвет какого-то жука?

— Нет, — ответил он. — Это не цвет жука. Но я должен был

узнать ответ, и не важно, к чему это привело бы. Я должен был узнать, почему этот цвет так много для меня значит, почему он проходит через все мое творчество.

— Вы позволили ему проходить через все ваше творчество, — сказала я.

— У меня не было выбора. По мере того как голубой делался все более насыщенным, доминирующим, я чувствовал, что приближаюсь к ответу. Я чувствовал, что, если мне удастся погрузиться в этот цвет, я узнаю все, что так хочу узнать. Я пойму себя как художника.

— И? У вас получилось?

— Я понял себя, — сказал Займа. — Но это оказалось не тем, чего я ожидал.

— И что же вы узнали?

Займа долго думал, прежде чем ответить на мой вопрос. Мы медленно прогуливались, я чуть позади, он, крадущейся пружинистой походкой, впереди. Начало холодать, и я уже жалела, что не предусмотрела этого и не захватила пальто. Я подумала, не попросить ли какое-нибудь пальто у Займы, но решила не отвлекать его мысли от того, куда они устремились. Держать рот на замке всегда было самой сложной частью моей работы.

— Мы с вами говорили о погрешности воспоминаний, — сказал он.

— Да.

— Мои собственные воспоминания были неполными. С тех пор как были встроены имплантаты, я помнил все, но только за последние три сотни лет. Я знал, что сам я гораздо старше, но из своей жизни до имплантатов я помнил только отрывки, разрозненные кусочки, не вполне понимая, как их сложить вместе. — Он замедлил ход и развернулся ко мне, тускнеющий оранжевый свет заката залил его щеку. — Я знал, что мне необходимо покопаться в прошлом, если я хочу понять суть Голубого периода Займы.

— И как далеко назад вы зашли?

— Это было похоже на археологические раскопки, — сказал он. — Я дошел по следам своих воспоминаний до самого раннего реального события, случившегося вскоре после установки имплантатов. Оно привело меня в Харьков-Восемь, в мир Бухты Гарлин, что в девятнадцати тысячах световых лет отсюда. Все, что я помнил, — имя одного человека, с которым был там знаком, его звали Кобарго.

Имя «Кобарго» ничего мне не говорило, но даже без ИП я кое-что знала о Бухте Гарлин. Это была часть Галактики, включающая

в себя шестьсот обитаемых миров, раздираемых между тремя основными экономическими системами. В Бухте Гарлин обычные межзвездные законы не действовали. Это была территория криминальных элементов.

— Харьков-Восемь специализировался на продукте определенного сорта, — продолжал Займа. — Целая планета трудилась, занимаясь предоставлением медицинских услуг, недоступных в других местах. Запрещенные кибернетические модификации и все в этом духе.

— Это там вы?.. — Я не стала договаривать предложение.

— Это там я стал таким, какой есть, — сказал Займа. — Конечно же, я произвел еще некоторые изменения в себе уже после Харькова-Восемь, повысил переносимость агрессивной среды, улучшил свои сенсорные способности, но основы того, кем я стал, были заложены под хирургическим ножом в клинике Кобарго.

— Значит, до прибытия на Харьков-Восемь вы были нормальным человеком? — спросила я.

— Вот здесь и начались трудности, — сказал Займа, осторожно пробираясь дальше по тропинке. — По возвращении я, естественно, пытался отыскать Кобарго. С его помощью, мне казалось, я сумею отыскать смысл в обрывках воспоминаний, хранящихся у меня в голове. Но Кобарго не было, он пропал где-то в Бухте. Клиника осталась, но теперь ею заправлял его внук.

— Держу пари, он не рвался общаться с вами.

— Точно, пришлось его убедить. По счастью, у меня имелись средства. Небольшой подкуп, небольшое насилие. — Он слегка улыбнулся при этих словах. — В итоге он согласился открыть архивы клиники и просмотреть записи своего деда, касающиеся моего пребывания у них.

Мы завернули за угол. И море, и небо сделались одинаково серыми, от голубого не осталось и следа.

— Что же произошло?

— Из записей следовало, что я никогда и не был человеком, — сказал Займа. Он немного помолчал, прежде чем продолжать, чтобы не осталось никаких сомнений по поводу только что сказанного. — Никакого Займы не существовало до моего поступления в клинику.

Что бы я ни отдала за какое-нибудь записывающее устройство или, если это невозможно, хотя бы за старый добрый блокнот с ручкой! Я нахмурилась, как будто это могло заставить мою память работать хоть немного лучше.

— Так кто же вы?

— Машина, — сказал он. — Сложный робот,

самоуправляющийся искусственный интеллект. Мне было уже несколько сотен лет, когда я прибыл на Харьков-Восемь, и я был независимым на вполне законных основаниях.

— Нет, — сказала я, качая головой. — Вы человек с частями машины, но не машина.

— Клинические записи не допускали двойного толкования. Я поступил к ним роботом. Роботом андроидной формы, естественно, но тем не менее просто машиной. Меня демонтировали, и мои основополагающие познавательные функции были помещены в искусственно выращенное биологическое тело. — Он пальцем постучал по оловянного цвета виску. — Здесь полным-полно органики и куча кибернетических механизмов. Невозможно понять, где начинается одно и заканчивается другое. Еще сложнее определить, кто здесь слуга, а кто господин.

Я смотрела на стоящего рядом Займу, пытаясь сделать мысленный скачок, необходимый для того, чтобы увидеть в нем машину, пусть и машину с гибкими клеточными составляющими, но все-таки не человека. Не смогла, пока что не смогла.

Я сделала еще попытку:

— В клинике вам могли солгать.

— Не думаю. Они были бы куда счастливее, если бы я ничего не узнал.

— Ну хорошо, — согласилась я. — Все равно это вопрос спорный…

— Там перечислялись факты. Факты легко проверить. Я изучил таможенные записи на Харькове-Восемь и обнаружил в них, что «самоуправляющийся робот» прибыл на планету за несколько месяцев до операции.

— Это не обязательно были вы.

— Никаких других роботов не прибывало в этот мир на протяжении десятилетий. Это мог быть только я. Более того, в записях указывался пункт отправления того робота.

— И какой же?

— Мир за пределами Бухты. Линтан-Три в Архипелаге Муара. Отсутствие ИП походило на нехватку зуба.

— Не уверена, знаю ли я это место.

— Скорее всего нет. Этот мир не из тех, какие посещают по собственному выбору. Рейсовые световые лайнеры туда не заходят. Единственная цель, которую я преследовал, посещая это место, казалась мне…

— Вы ездили туда?

— Дважды. Один раз до операции на Харькове-Восемь, а второй недавно, чтобы выяснить, где я находился до Линтана-

Три. Четкий след начал теряться, если не сказать больше… Но я задавал правильные вопросы, совал нос в правильные базы данных и в итоге выяснил, откуда я взялся. Только это был еще не окончательный ответ. Я посетил множество миров, и цепочка становилась тоньше с каждым новым миром, в который я отправлялся. Но на моей стороне было упорство.

— И деньги.

— И деньги, — подтвердил Займа, признавая справедливость моего замечания коротким вежливым кивком. — Они несказанно помогли.

— Так что вы обнаружили в самом конце?

— Я шел по следу до самого истока. На Харькове-Восемь я был быстродумающей машиной с человеческим уровнем интеллекта. Но я не всегда был так умен, так сложен. Я усложнялся поэтапно, насколько позволяли время и обстоятельства.

— Самостоятельно?

— В конечном итоге да. Это время наступило, когда я стал самоуправляющимся и независимым по закону. Но мне пришлось дорасти до определенного уровня интеллекта, прежде чем я обрел свободу. А до того я был машиной попроще… что-то вроде фамильной ценности или домашней зверушки. Я переходил от одного владельца к другому, из поколения в поколение. Они кое-что добавляли в меня. Они делали меня умнее.

— А как вы начинали?

— Как проект.

Займа повел меня обратно к бассейну. Экваториальная ночь опустилась быстро, и теперь бассейн был залит искусственным светом множества прожекторов, выставленных в ряд над зрительскими трибунами. С тех пор как мы видели бассейн в последний раз, робот успел приклеить на место все плитки.

— Уже готово, — сказал Займа. — Завтра здесь все будет закрыто, а послезавтра бассейн заполнят водой. Я буду фильтровать ее, пока она не достигнет необходимой прозрачности.

— А потом?

— Приготовлюсь к представлению.

По дороге к бассейну он рассказал мне обо всем, что узнал о собственном происхождении. Займа начал свое существование на Земле, до моего рождения. Его собрал один любитель, талантливый молодой человек, питавший интерес к роботам для практического применения. В те дни он был одним из многих ученых, объединенных в группы, и индивидуалистов, пытавшихся

разрешить сложную проблему искусственного интеллекта.

Восприятие, ориентация в пространстве и самостоятельное принятие решений были тремя задачами, интересовавшими молодого человека. Он создал множество роботов, паял их из деталей, сломанных игрушек, каких-то отдельных блоков. Их разумы, если это можно назвать таким словом, были составлены из внутренностей старых компьютеров, и даже самые примитивные программы заставляли их работать на пределах памяти и скорости процессора.

Тот молодой человек наполнил свой дом подобными простейшими машинами, каждая из которых выполняла определенную задачу. Один робот представлял собой паука с присосками, он ходил по стенам дома, вытирая пыль с картинных рам. Другой лежал, поджидая мух и тараканов. Он ловил и переваривал их, используя энергию от химической переработки биомассы для перемещения в разные части дома. Еще один робот постоянно занимался перекраской стен, снова и снова, чтобы их цвет подходил ко времени года.

А еще один робот жил в плавательном бассейне.

Он все время трудился, ползая вверх, и вниз, и вдоль керамических стенок бассейна, дочиста отскабливая их. Молодой человек мог бы заказать дешевого чистильщика для бассейна по почтовому каталогу, но его привлекал сам процесс создания машины из ничего в соответствии с собственными эксцентричными дизайнерскими принципами. Он сделал роботу полноцветную зрительную систему и дал ему достаточно большой мозг, чтобы тот мог обрабатывать визуальную информацию, применяя ее к модели своего окружения. Он позволил роботу самостоятельно выбирать наилучший способ очистки бассейна. Он разрешил ему самому определять время окончания работы и время дозарядки аккумуляторов с помощью солнечных панелей, вмонтированных в его верхнюю часть. Он наделил его элементарным пониманием идеи вознаграждения за труд.

На маленьком чистильщике молодой человек постиг основы конструирования роботов. И усвоенные уроки он применил, создавая других хозяйственных роботов, пока один из них, простой уборщик для дома, не стал достаточно сильным и самостоятельным, и молодой человек начал предлагать его в виде набора деталей через почтовый каталог. Набор деталей продавался хорошо, и через год молодой человек предлагал уже нового, начерно собранного домашнего робота. Этот робот имел ошеломляющий успех, и вскоре фирма молодого человека сделалась лидером на рынке продаж хозяйственных роботов.

Через десять лет мир уже кишел его умными деятельными машинами.

Но он не забыл маленького чистильщика бассейна. Время от времени он использовал его для испытания нового системного обеспечения или новых программ. Постепенно этот робот сделался самым умным из его творений, его единственного он отказывался разбирать на детали для производства других машин.

Когда изобретатель умер, чистильщик бассейна перешел к его дочери. Она продолжила семейную традицию, добавляя маленькой машине разума. После ее смерти робот перешел к внуку изобретателя; получилось так, что внук перебрался на Марс.

— Это тот самый, первоначальный бассейн, — сказал Займа. — Если вы еще не догадались.

— После стольких лет? — изумилась я.

— Он очень старый. Но керамика живет долго. Сложнее всего было отыскать его. Мне пришлось раскопать два метра почвы. Он находился в том месте, которое тогда называли Силиконовой долиной.

— Эти плитки выкрашены в голубой Займы, — сказала я.

— Голубой Займы и есть цвет этих плиток, — мягко поправил он. — Совершенно случайно тот молодой человек выбрал именно этот оттенок для своего бассейна.

— И какая-то часть вас запомнила его.

— С этого я начался. Неуклюжая маленькая машинка, разума которой хватало лишь на то, чтобы перемещаться по плавательному бассейну. Но для меня это был целый мир. Он был всем, что я знал, всем, что мне следовало знать.

— И что же теперь? — спросила я, боясь услышать ответ.

— Теперь я вернулся домой.

Я была там, когда он это сделал. К тому времени народ, прибывший поглазеть на представление, заполнил зрительские трибуны, и небо над островом превратилось в мозаику из плотно прижатых друг к другу кораблей. Искажающий экран был отключен, и на смотровых площадках кораблей толпились сотни тысяч далеких зевак. Они видели бассейн, вода была ровной, как гладь зеркала, и хрустально-прозрачной. Они видели Займу, стоящего на бортике, солнечные батареи у него на спине переливались, как змеиная чешуя. Никто из присутствующих не имел ни малейшего понятия о том, что должно произойти и насколько значимо будет это событие. Они ожидали чего-нибудь — обнародования работы, которая, должно быть, затмит собой

все, что создал Займа до сих пор, — но пока что им оставалось только озадаченно таращиться на бассейн, гадая, как же подобное может сравниться с его пронзающими атмосферу полотнами, с целыми мирами, завернутыми в голубую пелену. Они все еще думали, что бассейн установлен здесь для отвода глаз. Настоящее произведение, шедевр, венчающий его уход, должно быть, где-то в другом месте, пока еще не виден, он еще ждет, пока его продемонстрируют во всей красе. Именно так они и думали.

Но я знала правду. Я знала, глядя, как Займа стоит на краю бассейна, полностью отдаваясь голубизне. Он рассказал мне, как именно все произойдет: медленно, методично будут отключаться высшие функции мозга. И необратимость этого едва ли имеет значение: от него останется слишком малая часть, не способная сожалеть о потере.

Но кое-что останется: крошечное зернышко бытия, достаточное количество разума для осознания собственного существования. Достаточное количество разума для оценки окружающей среды, для получения некоего подобия удовольствия и удовлетворения от выполнения работы, не важно, насколько бессмысленной. У него даже не возникнет нужды покидать бассейн. Солнечные батареи обеспечат его всей необходимой энергией. Он никогда не состарится, никогда не заболеет. Другие машины будут заботиться об этом острове, защищать бассейн и его молчаливого, медленно движущегося пловца от воздействия погоды и времени.

Пройдут столетия.

Тысячи лет, затем миллионы.

Что потом — можно только гадать. Но одно я знаю наверняка: Займе никогда не наскучит его работа. Его разум утратил способность испытывать скуку. Он обратился в чистое действие. Если он и получает какую-либо радость от плавания в бассейне, то это почти бессмысленная эйфория опыляющего растение насекомого. Этого ему достаточно. Этого ему было достаточно в том бассейне в Калифорнии, и этого ему достаточно теперь, спустя тысячу лет, в этом же самом бассейне, но в другом мире, рядом с другим солнцем, в отдаленной части той же самой Галактики.

Что же касается меня…

Как оказалось, из нашей встречи на острове я запомнила больше, чем имела право запомнить. Хотите — верьте, хотите — нет, но, как выяснилось, я не нуждалась в ментальных костылях своей ИП настолько сильно, как мне казалось. Займа был прав: я позволила своей жизни стать предсказуемой, расписала ее по плану. На закате всегда красное вино и никогда — белое. На

борту светового лайнера дальнего следования, в клинике, мне установили набор нейронных расширителей памяти, который послужит мне ближайшие лет четыреста — пятьсот. Однажды мне потребуется иное решение, но этот мнемонический мостик я перейду, когда доберусь до него. Последнее, что я сделала перед тем, как отказалась от ИП, — скопировала ее наблюдения в гулкие пространства моей расширенной памяти. События все еще не кажутся произошедшими со мной лично, но с каждым новым воспоминанием становится лучше и лучше. Они изменяются и смягчаются, и их заголовки выделяются несколько ярче. Подозреваю, они становятся чуть менее точными с каждым мигом воспоминания, но, кажется, как и сказал Займа, в этом весь смысл.

Теперь я понимаю, почему он говорил со мной. Не только из-за того, как я обращаюсь с биографическим материалом. Он просто хотел помочь кому-нибудь двигаться дальше, прежде чем остановился сам.

В итоге я отыскала способ продать его историю, и я продала ее своей первой газете, «Марсианскому вестнику». Было приятно снова оказаться на старой планете, особенно теперь, когда ее передвинули на более теплую орбиту.

Все это случилось много лет назад. Но, как ни странно, я все еще не расстаюсь с Займой.

Раз в двадцать лет я запрыгиваю в световой дальнего следования лайнер на Муржек, спускаюсь на улицы той сверкающей белой аватары Венеции, сажусь в корабль, идущий на остров, и присоединяюсь к кучке других праздных зевак, раскиданных по трибунам. Те, кто приезжает сюда, должно быть, как и я, чувствуют, что у художника еще есть кое-что в запасе… один, последний сюрприз. Они уже читали мою статью, большинство из них, поэтому они знают, что означает эта медленно проплывающая фигура… хотя все-таки валом сюда не валят. На трибунах всегда пустовато и грустно, даже в хороший день. Однако я никогда не видела, чтобы они были совершенно пусты, и в этом мне видится некий завет. Некоторые люди его понимают. Большинство не поймут никогда.

Но это же искусство…

Дэвид Моулз
Планета Амазонок [214]

Планета Амазонок. Так назвал ее Муса. Он снимает фильмы и обладает тонким чувством смешного в искусстве и истории. Узнав, что я лечу на Ипполиту,[215] Муса сначала ничего не сказал, просто уставился на меня своими черными глазами, и смуглое лицо его стало серьезным; он смотрел, как мне кажется, до тех пор, пока не уверился, что я говорю правду. Потом накрыл мою руку своей. И, словно мы оба уже сказали все, что должно быть сказано, резко поднялся.

— Пойдем, Саша, — сказал он. — Давай потанцуем. Муса. Случайная встреча в мужской комнате отдыха на транзитной орбитальной базе Эревона. Если бы я встретил его, когда мне было двадцать, он стал бы великой любовью моей жизни.

Наверное, таким он и останется в моей памяти, если дела на Ипполите пойдут более или менее успешно. Если мне суждено состариться на планете Амазонок и умереть там.

В экипаже сторожевого корабля «Упорный», который Республика Эревон направила патрулировать систему Ипполиты с целью предотвратить взлет ракет с планеты Амазонок, есть что-то одновременно комическое и трогательное. Они относятся к себе очень серьезно — к своей хрустящей белой форме, военным чинам и коротким стрижкам. (Большинство из них — люди, а большинство из людей — мужчины, скорее даже, мальчишки.) Всерьез они принимают и свою деятельность, даже гордятся тем, что они единственные в этой части Полихроникона занимаются данной проблемой: Вселенная может быть опасной, беспорядочной и очень плохо организованной, но Республика и Флот знают свое дело.

Разумеется, это не так. Вселенная устроена намного более хаотично, чем воображают эти игрушечные астронавты. И поэтому они так трогательно выглядят.

— А это Оперативный центр, — объясняет мне лейтенант Эддисон. — Отсюда мы контролируем сенсорные платформы и спутники, которые стреляют потоками частиц. Благодарение Богу, нам еще ни разу не пришлось воспользоваться ими.

Эддисон смотрит на меня, а я оглядываю комнату, набитую сложным оборудованием и сосредоточенными молодыми людьми, и киваю, как будто понимаю, о чем речь. Я уже начал практиковаться в лицемерии, готовясь к жизни на Ипполите. Это как танец, и я импровизирую.

Удовлетворенный, Эддисон поворачивается, чтобы показать мне очередной интересный объект, а я поворачиваюсь, чтобы наблюдать за Эддисоном. Он стройный, привлекательный, на вид ему не больше двадцати пяти. Он не знает, о чем разговаривать с гражданским, который вызвался выполнить смертельно опасное задание, но пытается развлечь меня.

Сто лет назад на Ипполите некая болезнь, названная Лихорадкой Амазонок, убила сто миллионов мужчин и мальчиков. В результате хаоса, пришедшего вслед за Лихорадкой, погибли также сотни миллионов женщин и девушек.

Никто не знает, откуда появилась Лихорадка, кто вызвал ее и зачем: было ли это сделано намеренно — попытка нападения или переворота или случайно — промышленная авария, неудачный эксперимент, а может быть, даже археологическое открытие. Но когда она пришла, а она пришла внезапно, меньше чем за год охватила всю планету и походила скорее не на болезнь, а на проклятие. На нее не действовали ни лекарства, ни вакцины, ни карантины, она разметала недавно разработанные модификации иммунной системы, словно средневековые цветочные букеты. Казалось, она передавалась не только через зараженных людей, но и через их вещи, и даже не только через вещи, но и через объекты, связанные с больными весьма отдаленно и символически.

Сообщалось даже о единичных случаях — правда, эта информация не подтверждалась — появления Лихорадки в местах, расположенных на расстоянии нескольких световых лет от Ипполиты, у людей, которые никогда не бывали на этой планете. В нескольких ситуациях больные имели какое-либо отношение к Ипполите — в далеком прошлом, задолго до начала Лихорадки. В других случаях никакой видимой связи не обнаруживалось.

Большинство студентов-математиков сталкивается с идеей о том, что при наличии одного противоречия можно доказать истинность или ложность любого утверждения, и эту мысль легко удается продемонстрировать с помощью логических приемов. Нарушение причинно-следственных связей дало нам все противоречия, о которых только может мечтать математик. Это единственная фундаментальная истина — или ложь — Вселенной.

Даже если большинство из нас, подобно уравновешенному и хладнокровному экипажу «Упорного», отрицает это, по-прежнему делая вид, что живет во Вселенной, где одно событие следует за другим.

Я подозреваю — хотя доказать это не представляется

возможным, — что в этих видимо не связанных друг с другом случаях связь находилась не в прошлом, а в будущем. В возможном будущем, которое теперь уничтожено самой Лихорадкой.

Строго говоря, нельзя утверждать, что Лихорадка Амазонок убила всех мужчин. Это всего лишь старомодная метафора, упрощенное понимание половых различий. Непосредственной причиной смерти от Лихорадки Амазонок послужило внезапное, распространяющееся по всему организму отторжение тканей, — результат того, что молекулы, составляющие тело, быстро и неравномерно изменяли свою предысторию. Лихорадка Амазонок уничтожила не только мужчин и мальчиков. Дело было в том, что внезапно клетки резко перестали образовываться в результате полового размножения и болезнь убивала все живые организмы, чья иммунная система оказалась не в состоянии распознать новые клетки.

Лихорадка убивала мужские особи кошек, собак, насекомых, птиц, рыб, деревьев гинкго, финиковых пальм, малярийные гаметоциты. Под ее ударами рухнули все основы половых различий. Большинство наблюдателей — к этому времени наблюдения велись с расстояния в двадцать световых минут — ожидали, что жизнь на Ипполите, включая людей, исчезнет через одно поколение.

Но этого не произошло.

На картах в режиме реального времени, которыми пользуются на «Упорном», есть белое пятно, оно находится на северо-востоке континента Аэлла[216] — второго по величине на Ипполите, там располагались самые первые поселения. Я вижу его: здесь завитки циклонов и медленно ползущие огоньки отслеженных целей уступают место разведданным более чем столетней давности.

— Насколько близко отсюда, — я легко касаюсь пальцами проекции планеты в центре этой дыры, — вы можете меня высадить?

Лейтенант Эддисон явно смущен.

— Боюсь, что не очень близко, — говорит он. — Наше оборудование плохо функционирует на таком расстоянии в зоне причинно-следственной аномалии. — Он указывает на карту. — Вы видите, что сейчас у нас нет данных об этом районе. Зонды бесполезны, поскольку синхронные каналы связи не работают за границей вероятности; даже пассивные сенсоры не дают надежных результатов.

Я киваю, слегка разочарованный; но я ожидал чего-то

подобного, иначе не взял бы с собой мулов.

Эддисон с минуту разглядывает планету, затем выбирает точку на южном берегу, в нескольких сотнях километров от центра аномалии. На землях Эзхелер.

— А как насчет этого места, поблизости от прибрежной дороги? — спрашивает он. — Оттуда вы сможете добраться, куда вам нужно, местным транспортом.

— Тогда я наверняка подвергнусь опасности быть узнанным.

Эддисон нервничает. Он снова оборачивается к карте:

— Хорошо, тогда…

— Нет, — перебиваю я. — Прибрежная дорога — это прекрасно.

Придется танцевать немного быстрее, вот и все.

В XIII и XIV веках хиджры,[217] до того как принять ислам, мои предки немного увлекались Гегелем. Возможно надеясь, что, разрешив противоречия Ипполиты, я разрешу противоречия, составляющие ядро Вселенной, я впал в эту старую ересь: *тезис, антитезис, синтез*. Ну что ж, пусть будет так. Я естествоиспытатель и должен уметь смотреть в лицо жестоким истинам Вселенной. Я русский и должен быть фаталистом и романтиком. Я мусульманин и должен отдать свою судьбу в руки Создателя.

Отрицание противоречий — Муса понимал это, но я никогда не смогу объяснить это лейтенанту Эддисону — это право, которого я лишен.

В маленькой каюте, принадлежащей какому-то младшему офицеру, я снимаю одолженный на корабле республиканский комбинезон. Здесь нет зеркала, но проектор показывает мне призрачное зеркальное отражение — словно мой двойник стоит в темном коридоре. Я встречаюсь с ним взглядом.

— Прощай, Саша, — говорим мы друг другу.

Прощай, Саша Рузалев из Одессы, балетный танцовщик и физик.

Отныне я — Язмина Танзыкбаева, женщина из народа Эзхелер, погонщица мулов и торговка кокой.

Когда началась Лихорадка, Ипполита уже была старой планетой, возраст ее не поддается исчислению — здесь это обычное дело. Энергичные и решительные молодые цивилизации, подобные Республике, озабочены такими долгожителями, но большинство из нас не обращает на них внимания. Когда условия Ипполиты удалось приблизить к земным и она была заселена — если это на самом деле произошло, ведь в ранней истории Ипполиты тоже имели место отклонения от причинно-

следственной связи, — здесь нашли себе пристанище самые разные нации: люди из всех частей исламского мира и неисламского тоже приземлялись по всей планете, объединялись, раскалывались на группировки, торговали, воровали, устраивали небольшие войны, заключали мир — тысячелетия истории сконцентрировались в пределах нескольких поколений.

Эзхелер — пастухи-кочевники, населяющие южные горы и возвышенности континента Аэлла. Почва там скудная — до центра аномалии Ипполиты далеко, — поэтому они постоянно кочуют и поэтому их более процветающие соседи, например говорящие по-китайски жители Тиешана, не вторгаются на их территорию. Эзхелер — мусульмане и говорят на тюркском языке, испытавшем влияние русского и фарси.

Я вырос в Одессе; моими родными языками были русский и турецкий. Нейроимплантаты Консилиума и несколько месяцев подготовки помогли мне научиться говорить на языке эзхелер настолько хорошо, насколько может говорить чужак, никогда не живший среди них.

Но на самом деле, когда я планировал свою поездку, меня привлекла в Эзхелер их одежда.

Я одеваюсь в хлопок, кожу, лен и шелк. Я практиковался в этом, и теперь навыки возвращаются ко мне, подобно фигурам танца. Сначала нижнее белье из небеленой хлопчатобумажной ткани; красные хлопковые штаны, более грубые; мягкие сапоги до середины икр; белая хлопчатобумажная блуза с красной вышивкой; и, наконец, бурка, лиловая льняная накидка, которая покрывает меня с головы до ног.

Большинство мусульман Аэллы в той или иной степени следуют обычаям хиджаба:[218] на людях они носят кхимар,[219] а некоторые — абайю.[220] Но Эзхелер принадлежат к тем немногим, что носят полную бурку, и только среди Эзхелер она никогда не снимается, даже в кругу семьи.

Я расправляю бурку, пытаясь найти положение, позволяющее мне максимально хорошо видеть сквозь обшитую кружевами вуаль. Мои мышцы помнят комбинацию характерных для женщин Эзхелер телодвижений и кинестетики, искусственно созданную на основе аудиовизуальных записей этнологов Консилиума.

Существуют доступные технологии, с помощью которых я мог бы полностью переделать себя, начиная с хромосом, и часть моей легенды стала бы неоспоримой — теперь это был бы не обман, а истинная правда. (Несомненно, на Ипполите есть женщины, предки которых в начале Лихорадки поступили именно так.) Я мог бы спасти не только свое прикрытие, но саму жизнь.

Но в этом случае мне ничего не удастся доказать. Если бы

для проверки моих гипотез было достаточно уравнений и доказательств, я мог бы сделать все, находясь в безопасности в своей квартире в Петербурге. Я должен проверить их на себе.

А кроме того, как говорил мой старый учитель хореографии: «Для лебедя нет никакой заслуги в том, что он изображает лебедя».

Мне поможет то, что мои зрители не ожидают от меня ничего другого.

Прошло четыре часа, и вот лейтенант Эддисон пристегивает меня к креслу в капсуле, которая должна доставить меня на Ипполиту. Капсула предназначена для того, чтобы забрасывать десант морских пехотинцев за линию фронта, или для чего-то не менее увлекательного и опасного. Мне кажется, что использовать ее для высадки на Ипполиту — это все равно что палить из пушки по воробьям, особенно потому, что ее придется бросить, а возможно, и уничтожить. Но Эддисон чувствует себя виноватым оттого, что не может доставить меня точно в то место, куда мне нужно, а его люди настолько явно увлечены всем этим — программированием камуфляжа капсулы, вычислением курса, сводящего к минимуму возможность быть замеченным при снижении, — что у меня не хватает духу протестовать.

Предполагается, что в капсуле могут поместиться полдюжины морских пехотинцев со своим снаряжением, но, за исключением медицинского оборудования, мое снаряжение не соответствует стандартам Республики. После того как оно упаковано вокруг меня, Эддисону, чтобы пожать мне руку, приходится неловко наклониться через груду пластиковых мешков, в которых находятся рис, сушеные абрикосы и листья коки.

Он еще раз оглядывает внутренность капсулы — товары для торговли, медицинский отсек, двух мулов в коконах, квантовые анализаторы, присутствие которых слабо ощущается. Затем смотрит на меня.

— Ну что ж, — говорит он, беспомощно пожимая плечами, — тогда удачи.

Затем он отступает, шлюз закрывается, капсула ложится на курс, и наконец меня отпускают.

Я покинул капсулу три дня назад; она осталась позади, в пятидесяти километрах пути, замаскированная и спрятанная на дне высохшего ручья. Я добрался до дороги, ведущей к побережью. Прибрежная дорога более старая и твердая, чем узкая грязная тропа через холмы, по которой я пробирался: сто зим и сто весен превратили бетон, положенный перед началом

Лихорадки, в бесформенные куски. На обочине растет бурая трава, втоптанная в землю, и я веду мулов по этой мягкой дорожке, чтобы поберечь их копыта и ноги. В грязи я вижу следы моих предшественников.

Синхронный канал связывает медицинские устройства, спрятанные вместе с капсулой, и телеметрические имплантаты, встроенные в мое тело; согласно их показаниям, пока я здоров, если не считать ноющих мышц и ссадин от седла. Эта технология разработана в Республике, она проста и надежна, и механизмы, наверное, переживут меня, что бы ни случилось. Анализаторы, более хрупкие и сложные, я взял с собой. Они изготовлены в Дамаске и существуют как математические абстракции — их нельзя заметить, если не искать специально. Сейчас они молчат, проведенная ими трансформация локального фазового пространства еще не затронута. Я — каприз в цепи невероятных событий, которые делают Ипполиту тем, что она есть, пузырек реальности, висящий в среде нереального.

Теперь, когда я здесь, когда под ногами у меня песчаная почва, меня обдувает теплый ветер, несущий запах полыни и сухой травы, мне трудно сохранять ту же уверенность, что я чувствовал, планируя эту экспедицию там, в Петербурге. Три дня потребовалось мне, чтобы прекратить, как одержимому, проверять медицинские показатели и анализаторы, пытаясь обнаружить среди цифр и изображений первые симптомы Лихорадки Амазонок, которой суждено прикончить меня.

Однако к тому моменту, как я взобрался на гребень последнего из невысоких холмов и впервые увидел кусочек моря на восточном горизонте, уверенность, испытанная мною в Петербурге, вернулась ко мне. Я больше боюсь разоблачения, чем Лихорадки Амазонок.

Я провел на побережье два дня, когда увидел свою первую Амазонку.

Караван-сарай — эклектичное сооружение: прочные готовые секции, сделанные еще до Лихорадки, перемежаются с обычным и необожженным кирпичом и бетоном, все это покрыто листовым железом; сооружение окружено изгородью из разных по размеру бревен и проволоки, высотой до пояса. Сегодня я не первый путешественник, который остановился здесь. Рядом, в тени чахлого дуба, пасутся два стреноженных мула и лошадь, они жуют сухую траву с каким-то покорным упрямством. На другой стороне двора стоят два открытых грузовика, исцарапанных и помятых, заваленных деревянными ящиками и тюками, брезентовые тенты над пассажирскими местами испещрены

разноцветными пятнами.

На сиденье одного из грузовиков восседает женщина в куртке из овчины, голубых штанах и сандалиях. На вид ей около сорока, она из Тиешана, с мощной челюстью, черные волосы коротко острижены, из-под головного платка в сине-белую полоску сверкают узкие глаза.

Моя первая Амазонка. Я изображаю приветствие, приложив руку к сердцу, но не получаю ответа. Женщина слегка отодвигается, и тогда я замечаю на брезенте рядом с ней, в нескольких дюймах от ее руки, длинноствольный пистолет. Я отворачиваюсь с безразличным видом и веду своих мулов туда, где привязаны остальные.

Внутри караван-сарая темно, он освещен только фонарями путешественников; во дворе пахло океаном, но здесь воняет дымом, потом и керосином. В помещении около дюжины женщин и девушек, трое — Эзхелер, остальные — тиешанки. Две женщины Эзхелер, мать и дочь, обе по имени Амина — торговки вроде меня, возвращаются к своим кланам после посещения рыночного городка Хайминг; мулы принадлежат им. Третья, Мариам, хозяйка лошади, — врач, путешествует на север в надежде купить медикаменты.

Тиешанки с грузовика держатся особняком и глядят на нас подозрительно, не отпуская от себя дочерей. Известно, что Эзхелер похищают детей.

— Мы должны красть что-то, принадлежащее им, — говорит Амина-дочь. Ей пятнадцать, она возвращается из своего третьего путешествия в Хайминг, и, хотя мне не видно выражения ее лица из-за вуали, я догадываюсь, каково оно. Она знает, что тиешанки ее не любят, и поэтому они ей не нравятся.

Я улыбаюсь за своей вуалью. Должно быть, подростки везде одинаковы.

Я надеялся не встретить на пути Эзхелер и прибыть в Хайминг неузнанным. Я сижу тихо, сосредоточившись на фигурах своего танца. Но ни Мариам, ни Амины не задают мне вопросов, они просто делятся со мной кофе и дают кое-какие советы насчет рынков в Хайминге. В конце концов я расслабляюсь достаточно, чтобы задать вопрос.

— Вы знаете посредницу по продаже коки по имени Мей Юинь? — спрашиваю я.

Амина-мать и Мариам, доктор, кивают.

— Для горожанки она довольно честна, — говорит Мариам.

— Она говорит на эзхелер, — вступает Амина-дочь. — Но слушать ее неприятно.

— Ты не должна отзываться о ней плохо, ведь ты еще жуешь сладости, которыми она тебя угостила, — мягко упрекает ее мать.

Почему-то я бросаю взгляд на Мариам и замечаю, что она смотрит на меня. Мне хочется увидеть ее лицо.

Мей Юинь работает, или работала, на Этнологическую службу Консилиума. Она живет на Ипполите семнадцать лет, пять из них — среди Эзхелер. Ее последнее сообщение, в котором она упоминала, что работает посредником в Хайминге, было получено девять лет назад. Я рад слышать, что с ней все в порядке и она еще живет там; хотя ее связи с Консилиумом оборваны, она мой единственный контакт.

Младшая Амина предлагает мне немного сладостей Мей Юинь. Это рисовое пирожное, из тех, что заворачивают в съедобную бумагу. Отправляясь проведать животных, я задумчиво жую его.

Я даю животным — лошади Мариам, моим мулам и мулам Амин — немного воды и сушеных абрикосов. Они осторожно берут абрикосы у меня из рук своими подвижными губами и с хрупаньем разгрызают их большими зубами, и я с радостью вижу, что мои пальцы не дрожат.

Согласно медицинским мониторам, температура у меня слегка выше тридцати семи, и пока иммунная система не обнаруживает признаков начала самоуничтожения. Я нахожусь не намного ближе к центру Лихорадки, белому пятну на картах Эддисона, чем в том месте, где я приземлился, но граница между общепринятой реальностью и аномалией Ипполиты (которую лейтенант Эддисон неверно назвал «границей вероятности») — вещь зыбкая, фрагментарная и изменяется во времени. До сих пор тем не менее анализаторы молчат. Пока мои предсказания подтверждаются.

На таком расстоянии от аномалии можно ожидать, что механизмы будут поддерживать мою жизнь в течение неопределенного времени — в любом случае достаточно долго для того, чтобы я смог умереть от чего-нибудь, кроме Лихорадки Амазонок. Я похлопываю по плечу кобылу Мариам и несколько мгновений обдумываю возможность остаться здесь.

Но я знаю, что не останусь.

Тиешанка, охранявшая товары, та, которую я причудливо окрестил своей первой Амазонкой, исчезла. Ее сменили две пожилые женщины; они сидят на корточках в пыли и играют в кости в свете флуоресцентной лампы. Одна из них улыбается мне, но это похоже на бесстрастную улыбку статуи. Они выглядят так, словно могут сидеть там вечно.

На следующее утро доктор Мариам намекает мне, что, поскольку мы оба направляемся в Хайминг, она была бы рада поехать вместе со мной. Не знаю, почему это встревожило меня, но я растерялся и, не успев обдумать, что делаю, согласился.

После утренней молитвы мы завтракаем вместе — жаренными на сковороде лепешками и рисовой кашей, закусываем еду сушеными фруктами и настоем коки из моих мешков — и делимся едой с Аминами, затем провожаем их в путь на юг. Мы уезжаем, и солнце поднимается из-за холмов, а путешественницы-тиешанки просыпаются. У двух женщин маленькие дочки — им не больше четырех-пяти лет, и я вижу, что Мариам смотрит на них — задумчиво, как мне кажется, хотя из-за вуали об этом трудно судить.

— Я была еще ребенком, когда у меня появилась дочь, — говорит мне Мариам. Мы покинули караван-сарай три дня назад и едем бок о бок по дороге с растущими вдоль нее искривленными соснами, до Хайминга осталось всего два дня пути, и на северо-востоке уже показалось пятно смога. — Четырнадцать. Ребенком. — Она смотрит на меня. — Видишь ли, я жила в миссии. Когда мы закончили учебу, двадцать человек из нас увезли вверх по реке, в Фемискиру,[221] в Эретею. — Она смотрит вдаль сквозь смог Хаймин-га, словно пытаясь заглянуть в прошлое. — У меня нет слов, чтобы описать север, Язмина. — Она в раздражении качает головой. — Слова остались там… когда я спустилась вниз по реке.

— Но там было очень красиво. Это я помню. Мариам снова смотрит на меня.

— Даже так далеко на севере шансы самопроизвольного зарождения жизни очень низки — возможно, один на сотню, если не меньше. — Она коротко смеется. — Думаю, мне повезло, а может, не повезло. — Она поворачивается в седле, чтобы взглянуть мне прямо в лицо. — Сколько тебе лет, Язмина?

— Двадцать один. — Это неправда, я сбрасываю семь лет, но двадцативосьмилетняя женщина Эзхелер не может быть такой невежественной, как я.

Мариам снова смотрит на дорогу.

— В этом году моей Рабий исполнилось бы двадцать два. Откуда следует, что Мариам тридцать шесть. Я смотрю на нее, на ее тело, обрисованное складками бурки, прямую спину и узкие плечи; маленькие увядшие руки с длинными пальцами хирурга свободно лежат на поводьях. Внезапно моя ложь насчет возраста кажется мне не такой уж и серьезной. Между моей жизнью и

жизнью, которую прожила эта женщина, лежит широкая пропасть, и восьми лет мало, чтобы измерить ее.

— Что произошло? — спрашиваю я. Она качает головой:

— Это не важно.

Мы некоторое время едем молча, тишину нарушают лишь отдаленный шум прибоя и шорох медленно переставляемых копыт. Тихо, не оборачиваясь — словно она одна, — Мариам говорит:

— Надеюсь, ты будешь счастлива здесь.

Она говорит это не на эзхелер, а на арабском. На классическом арабском, очень правильно, с произношением судьи или исследователя хадисов.[222]

Затем она пришпоривает лошадь, удаляется от меня на десять, двадцать метров. Только через несколько километров она позволяет мне догнать себя.

Старая дорога обрывается только один раз, там, где крутой берег внезапно перерезает узкий овраг шириной около километра. Расщелина тянется на восток до самого горизонта — неправдоподобно, искусственно прямая.

На моих картах, полученных до Лихорадки, нет ничего подобного. Однако, когда я подъезжаю ближе, на мелководье, причина становится ясна. Холм угольно-черного вещества тянется прямо посредине долины, вздымаясь над песком и водой, подобно спине затонувшей змеи.

— Лестница в небо, — говорит Мариам, заглядывая в долину. — Когда-то была. — Ее голос выражает какие-то эмоции, какие именно — я не могу определить.

Она оборачивается ко мне, явно различает сквозь мою вуаль, что я озадачен.

— Космический лифт, — сухо объясняет она, пользуясь современным выражением базарного арабского языка.

Теперь я понимаю. Я киваю и снова смотрю на черно-серую ленту. Это часть подвесного кабеля — много лет назад сорок тысяч километров такого кабеля соединяли Ипполиту со звездами, он был оборван, когда экваториальную станцию на орбите планеты разрушили, устроив карантин.

Если у меня здесь все получится, людям придется принять жестокую правду о том, что многие миллионы жителей Ипполиты можно было бы спасти — если бы внешние силы, такие как Консилиум и Республика Эревон, вместо карантина занялись бы эвакуацией. Но с этим уже ничего не поделаешь.

Нам приходится проехать много километров вглубь материка, прежде чем вода становится настолько мелкой, чтобы

мы смогли перейти залив вброд.

Старый Хайминг — это длинный зеленый остров, увенчанный бело-голубой шапкой, расположенный посредине широкой коричневой реки. Отрера[223] течет в направлении с севера на юг две тысячи километров, затем поворачивает налево — чуть-чуть южнее города — и впадает в восточный океан Ипполиты. Вдоль восточного берега реки, на территории Тиешана, тянутся металлические и бетонные конструкции, горизонт затянут дымом.

Здесь, на западном берегу, расположен торговый город из низеньких бедных бурых домишек — все они, по-видимому, сооружены из глины или досок, очень ветхи и непрочны. Городишко производил бы удручающее впечатление, но верхушки крыш украшены развевающимися разноцветными флагами, в воздухе носятся запахи земли, речной воды и специй, улицы полны людей, все они кричат, смеются и торгуются на эзхелер, арабском и китайском языках.

Я оставляю Мариам на речном вокзале, где лодки, следующие на север, останавливаются, прежде чем продолжить путь вверх по реке.

Она задерживается на сходнях.

— Возможно, это мой последний шанс, знаешь ли, — говорит она.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне тридцать шесть, — отвечает Мариам. — У меня нет ни дочерей, ни внучек. Вот почему я еду на север.

В Эретею. Вглубь белого пятна на карте, в центр причинно-следственной аномалии. Туда, где находится моя цель. Я не знаю, что сказать, и говорю лишь:

— Надеюсь, тебе повезет, если на то будет воля Господня.

— Если на то будет воля Господня, — эхом отзывается она.

— Возможно, когда-нибудь я тоже отправлюсь на север, — добавляю я.

Она смеется, затем неожиданно обнимает меня, прижимается щекой, скрытой за вуалью, к моему лицу.

— Ты еще слишком молода, доченька, — говорит она мне. — Сначала поживи для себя.

На корабле раздается звук свистка, и Мариам отстраняется. Достает из мешка ручку и листок бумаги и царапает на нем имя и адрес. Она протягивает бумажку мне, и я читаю: «Доктор Айсан Орбэй, 23 Марпесия[224]4, Фемискира».

— Моя подруга, — объясняет она. — На тот случай, если ты окажешься недостаточно умной, чтобы послушать меня.

Затем корабельный свисток звучит снова, и Мариам уходит, ведя свою лошадь по сходням.

Торговка мулами из Тиешана по имени Жу Силинг покупает моих животных так дешево, что я страшно расстроился бы, если б заплатил за них из своего кармана. Мулы, лишившись своих «гибридных» генов, размножаются на Ипполите лучше, чем где-либо еще, иначе Аминам никогда не удалось бы обзавестись своими двумя животными; но на южных нагорьях Аэллы, вдали от центра аномалии, они плодятся не лучше людей. Поэтому женщины вроде Жу, которые могут доставлять скот издалека, с севера, обладают большой властью.

Я взваливаю тюки с кокой на плечи. Я невысокого роста — Мариам, например, выше меня, — но я выше большинства женщин на улицах Восточного Хайминга. Когда я несу тюки на рынок коки, толпа расступается, образуя широкий проход.

Мей Юинь едва произнесла двадцать слов с того момента, как я представился ей на рынке коки. Она шествует на некотором расстоянии впереди меня — идет быстро, словно хочет, чтобы я отстал от нее, или, по меньшей мере, чтобы нежелательное знакомство со мной было менее очевидным.

Но это бесполезно: я единственный представитель народности Эзхелер на мосту Хаймингдао, и я невольно привлекаю к себе внимание.

Широкий мост усажен древними деревьями гинкго; тротуар у нас под ногами покрыт слоем опавших листьев, зеленовато-золотистых и мягких, словно цветочные лепестки. Проезжающие автомобили создают вихри во влажном воздухе, и кружащиеся листья словно танцуют какой-то экзотический danse de caractere. [225]

— Что это? — спрашиваю я, указывая вперед, на южную оконечность острова, где вместо бело-голубого города тянется широкий зеленый холм, усеянный серыми сооружениями. На гребне его в свете низкого закатного солнца что-то отливает золотом.

Юинь смотрит в указанном направлении.

— Там похоронены все мужчины, — отвечает она. Она недовольна моим появлением.

Я не знаю, что выдало меня. Что-то в моем голосе, походке, что-то в очертаниях моего тела, едва заметных под складками бурки. А возможно, то, что из всех женщин Ипполиты Мей Юинь единственная видела мужчину собственными глазами.

Я резко останавливаюсь.

Юинь делает еще несколько шагов, затем тоже останавливается и оборачивается.

— Послушай, — говорю я по-арабски, — я здесь не для того, чтобы доставлять тебе неприятности. Я здесь не для того, чтобы угрожать тебе. И, уж конечно, не затем, чтобы тащить тебя обратно, если тебя это волнует. Мне просто нужна кое-какая информация. И если ты мне ее не дашь, я обойдусь.

Она окидывает меня долгим, жестким взглядом. На мгновение лицо ее смягчается — затем снова каменеет.

— Ты здесь, и это несет угрозу всем жителям этой планеты, — отвечает Мей Юинь. — Твое присутствие опасно.

Затем она отворачивается и идет дальше.

После этого я не жду, что Юинь станет скрывать мою личность от своей партнерши. И верно, когда мы приходим к ней домой — это старый, но чистенький двухэтажный блочный дом, спрятавшийся за увитой виноградом стеной, в одной из узких аллей на восточной стороне Хаймингдао, — первые слова, с которыми она обращается к сожительнице, следующие:

— Ливэн, у нас гость. Он с Земли.

Она говорит это на арабском. В разговорном китайском мужской и женский род не различаются.

— Язмина Танзыкбаева, — представляюсь я.

— Это не настоящее имя, — говорит Юинь.

— Сейчас — настоящее, — возражаю я.

Партнерша Юинь — высокая женщина, ростом выше меня, худая, скуластая, заплетенные в косу волосы спускаются до талии. На коленях у нее девочка шести-семи лет, она смотрит на меня робко — чья она дочь, я не могу определить; в этом возрасте дети — сплошные глаза, локти и колени. Они играют в какую-то игру с разноцветными плитками, похожими на домино.

— Мир тебе, — приветствует меня женщина. — Добро пожаловать на Ипполиту. — Она говорит по-арабски с сильным акцентом, хуже, чем Юинь.

— Моя партнерша, — говорит Юинь. — Фу Ливэн. Она инженер-ракетчик, работает на правительство Тиешана.

Инженер-ракетчик.

Я не слышу имени девочки и остальных объяснений. Я отвечаю рассеянно, пока Юинь привычно заваривает чай, а Ливэн отсылает девочку наверх.

Инженер-ракетчик.

— Ты знаешь, что они не забыли о вас там, наверху, — обращаюсь я к Ливэн, когда Юинь садится. — На Эл-два находится боевой корабль, готовый уничтожить любого, кто

попытается покинуть планету. — Назвать «Упорный» боевым кораблем — значит солгать. Но для ракет Ливэн, застрявших в индустриальной эпохе, маленький республиканский патрульный корабль с устаревшим набором лазеров и нейтронных пушек не менее опасен, чем стабилизатор Консилиума.

Ливэн пожимает плечами.

— Я их понимаю, — соглашается она. — Если мы покинем Ипполиту, погибнут сотни миллионов людей. Если бы дело обстояло наоборот, если бы мы были там, а мужчины оказались здесь, в ловушке, мы бы поступили точно так же.

— Но тем не менее вы сооружаете ракеты, — говорю я.

— Потому что я не хочу, чтобы моя дочь выросла в тюрьме, — отвечает Ливэн, делая глоток чаю. Она с решительным видом ставит чашку на стол. — Рано или поздно они забудут. И когда это произойдет, мы будем готовы.

«Готовы убить сотни миллионов», — думаю я. Но не говорю этого вслух. На самом деле я не считаю возможным, — хотя Консилиум и Республика страшатся этого, — что Амазонки принесут с собой то, что сделало Ипполиту такой, какая она есть, и это распространится дальше. Мне кажется, скорее Вселенная рано или поздно превратит Ипполиту в свое подобие, чем наоборот. Если бы я думал иначе, меня здесь не было бы.

Но я могу ошибаться.

Я рад, что не мне это решать.

— Сними вуаль, — внезапно приказывает Юинь.

— Что?

— Ты не Эзхелер, — говорит она. — Ты даже не женщина. Я хочу видеть, с кем я говорю.

Конечно, это не так просто. Мне нужно снять бурку, вытащить руки из рукавов и размотать ткань, укрывающую голову. И хотя блуза, штаны и сапоги по-прежнему на мне, полностью сняв бурку, превратившуюся в кучку тускло-лиловой материи рядом со мной, я почувствовал себя раздетым. Я вдруг понимаю, почему женщины Ипполиты продолжают носить хиджаб, почему вызывали такое возмущение попытки светских правительств XIII и XIV веков насильно запретить ношение вуали.

Я чувствую себя голым.

И, что еще более неприятно, я снова чувствую себя Сашей Рузалевым.

Я вижу, что Ливэн изучает меня, взгляд ее задерживается на моих руках, лице, горле. В этом взгляде нет ничего интимного или эротического, только сосредоточенное внимание, и внезапно я понимаю, что это: это сосредоточенное, холодное внимание натуралиста, пытающегося зафиксировать в памяти внешность

представителя новой породы, которого он больше никогда не увидит.

Юинь тоже рассматривает меня.

— Моложе, чем я думала, — говорит она. — И хорошенький. — Это звучит скорее как обвинение, чем как комплимент. — Сначала я решила, что ты прилетел сюда, чтобы наяву пережить какую-то колониальную гаремную фантазию, но теперь я так не думаю. — После паузы она спрашивает: — Гей?

— Да. И прежде чем ты сформулируешь следующую гипотезу, скажу, что я здесь не потому, что думаю, будто Лихорадка Амазонок превратит меня в женщину.

Юинь пожимает плечами:

— Но некоторые прилетают сюда именно за этим. Один раз с тех пор, как я появилась здесь, и в архивах Этнологической службы имеются данные о двух-трех подобных случаях. Мистики, которые не верили в генную терапию и реконструктивную хирургию. Лихорадка убила их так же, как и всех остальных мужчин. Но ты ведь не мистик, так?

Теперь моя очередь пожимать плечами.

— Я естествоиспытатель, получил образование в Халифате. Иногда трудно провести границу.

— По-моему, я догадываюсь, — говорит Ливэн на своем плохом арабском. — Ты думаешь, что нашел лекарство от Лихорадки Амазонок.

— Более или менее, — соглашаюсь я.

— Такое тоже случается, — замечает Юинь. — Примерно каждые десять лет Республика сбрасывает автоматическую лабораторию с полной клеткой песчанок-самцов, чтобы испытать новейшее медицинское чудо.

— Лихорадка уничтожает и их, — говорит Ливэн.

— Это происходит потому, что Лихорадка не медицинская проблема, — отвечаю я. — Это просто симптом отклонения от причинно-следственной цепочки.

— Ты говоришь так, словно это имеет смысл, — произносит Ливэн.

— Для меня имеет. — Я отпиваю глоток чаю, а затем, когда ставлю чашку на стол, мне на ум приходит сравнение. — Смотрите, — говорю я, указывая на чашку. — Консилиум — я хочу сказать, Феноменологическая служба, — они считают, что Вселенная подобна воде в этой чашке. Листья — причинно-следственная аномалия Ипполиты. А Лихорадка — то, что образуется, когда вы кладете листья в воду; Лихорадка — это чай.

— И они установили блокаду, чтобы чай не диффундировал дальше. — Ливэн поднимает свою чашку и рассматривает ее со

всех сторон. — Ты прилетел сюда, чтобы вытащить листья.

Я собираюсь ответить, но Юинь перебивает меня. Она смотрит мне прямо в глаза.

— Если бы ты *мог* излечить Лихорадку, — говорит она, — ты бы разрушил основы общественного устройства Ипполиты. Не просто общество, но всю экологию. На этой планете есть лишь один организм мужского пола, и он сидит на моем диване.

— Я сказал, что так считает Феноменологическая служба. Я не сказал, что я так считаю.

— Так ты не из ФС?

— Я вообще не имею отношения к Консилиуму. Меня финансирует Министерство иррациональных явлений лондонского Халифата, но в своих действиях я самостоятелен.

Юинь смотрит на меня скептически:

— Тогда что тебе здесь нужно? Я вздыхаю:

— Именно здесь метафоры бессильны. Пусть Вселенная — это чашка воды. Возможно, аномалия подобна щепотке чайных листьев — в этом случае Лихорадка, диффузия, необратима. Никто не знает, как ликвидировать энтропию на этом уровне. И если ей не воспрепятствовать, она будет распространяться дальше. С другой стороны, возможно, аномалия подобна камешку, брошенному в чашку. Возможно, Лихорадка всего лишь рябь на поверхности воды, в которой рассеивается энергия падения. Когда энергия рассеется, рябь исчезнет.

— И в этом случае мы все равно обречены, — говорит Юинь. — Но я в это не верю.

— Скажи мне, — спрашиваю я, — спонтанное плодородие почвы на землях Эзхелер — оно усиливается или снижается?

— Об этом нет достоверных данных, — отвечает Юинь, и заметно, что она обеспокоена. — По отдельным сообщениям…

— По отдельным сообщениям, оно снижается. Верно? Она отводит взгляд.

— Возможно.

— Послушайте, — говорю я. — Я здесь не для того, чтобы уничтожить ваше общество. Я здесь для того, чтобы освободить его. Ты сказала, что не хочешь, чтобы твоя дочь выросла в тюрьме.

— Мы не хотим также, чтобы она выросла и стала женой какого-то мужчины, — возражает Юинь.

Я качаю головой:

— Дело не только в вас. Ипполита лишь отдельная планета. А там живет полтриллиона женщин. — Я делаю жест в сторону потолка, пытаясь объять весь Полихроникон. — Вы думаете, они не заслуживают шанса получить то, чем обладаете вы?

По лицу Ливэн я вижу, что она начинает понимать.

— Ты не пытаешься искоренить Лихорадку Амазонок, — говорит она, — ты хочешь контролировать ее.

— Я все еще не понимаю, — произносит Юинь.

— Я же сказал вам, что здесь метафоры бессильны, — повторяю я. — Я не могу описать это при помощи чайных чашек.

— Тогда без чашек, — говорит Ливэн.

— Без чашек? — Я делаю глубокий вдох. — Я надеюсь использовать математические техники Халифата, чтобы установить метастабильное равновесие, которое позволит выпуклым областям с реальными и виртуальными предысториями сосуществовать в четырехмерном пространстве-времени, оставаясь топологически различными и смежными в пятимерном пространстве.

Юинь делает большие глаза.

— Не важно, что ты делаешь, — выговаривает она. — Что это будет означать? Для нас?

— Если у меня получится, то это будет означать, что ваша дочь сможет выбирать, как ей жить. Ваша дочь, — я снова делаю жест в пространство, — и дети остальных людей.

— А почему мы должны тебе верить?

— Какая разница, поверите вы мне или нет? — пожимаю я плечами. — В любом случае завтра я вас покину. Я направляюсь на север, в Эретею. — Я отхлебываю чай. — Если вы хотите меня остановить, уверен, это будет нетрудно.

Ливэн что-то говорит Юинь на тиешанском наречии. Разговоры на китайском всегда кажутся мне похожими на спор, но в ответе Юинь я различаю не просто несогласие, но презрение — и в то же время что-то вроде уступки.

Затем она поднимается и идет наверх.

— Сегодня можешь поспать на диване, — обращается ко мне Ливэн. — Я принесу тебе простыни. Баня снаружи, позади дома, если хочешь помыться.

— Спасибо.

— Я хочу извиниться за Юинь, — говорит она, убирая со стола. — Ты должен понять, что для нее Ипполита не просто место, где мы, женщины, можем жить без мужчин. Для нее важно также, что мужчины *не* могут прийти на Ипполиту. — Она бросает взгляд на кучку ткани рядом со мной и улыбается. — Для Юинь Лихорадка — это самый лучший хиджаб.

— А для тебя? — спрашиваю я. Она пожимает плечами:

— Юинь пришла сюда по своей воле. А что до меня, я здесь счастлива, но ведь я здесь родилась. Если бы я родилась в другом

месте, я, наверное, была бы счастлива там.

Она замолкает на минуту, словно размышляя, говорить ли дальше.

— Мне кажется, ты не понимаешь, во что ввязываешься, — начинает она.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты прав, Лихорадка всего лишь побочный эффект какого-то отклонения от обычного хода вещей. Каково бы ни было ее происхождение, центр ее там, в Эретее.

— Именно поэтому я и направляюсь туда, — объясняю я. Ливэн вздыхает, опускает взгляд и принимается рисовать на скатерти невидимые узоры.

— Я была там три раза, — говорит она. — Не в самом центре. — Она смотрит на меня. — Как объяснить это? Помнишь могилы, которые ты видел по пути в город, в южной части острова, Кладбище Мужчин?

Я киваю.

— Ты найдешь такие Кладбища Мужчин, такие могилы по всему югу. Но не в Эретее. В Мирине[226] — это первый большой город, если ехать вверх по реке, — в Мирине есть только кенотаф.[227] Никто не знает, что произошло с телами. В Фемискире даже этого нет; они говорят о мужчинах как о чем-то отвлеченном или как о мифических существах.

— Может быть, так лучше для здоровья, — улыбаюсь я. С губ Ливэн слетает смешок, и она качает головой.

— Может, и так, — соглашается она. — Скажи мне, неужели мы стоим того, чтобы умереть ради нас?

— Я не собираюсь умирать.

— Но ты знаешь, что это может случиться.

Я отвожу взгляд. Именно этот вопрос не давал всем покоя: моим учителям, моим ученикам, Гильдии физиков, Министерству иррациональных явлений, военному атташе Республики в Лондоне. Я отделывался от них вежливыми фразами и математическими выкладками, предоставляя им возможность самим подыскать объяснение — от альтруизма до нервной болезни.

— На раннем этапе развития западной психологии, — говорит Ливэн, — влечение женщины к существу того же пола считалось признаком неспособности различать «себя» и «другого». Подобно ребенку, который еще не отличает игрушки от частей своего тела — и тянет в рот то и другое. В этом случае альтруизм очень близок к нарциссизму.

Я надеялся больше поговорить с Мей Юинь о географии и демографической ситуации на Ипполите, чтобы получить более

четкое представление о макроскопических эффектах причинно-следственной аномалии, но, когда я проснулся наутро, она уже ушла. Возможно, это и к лучшему.

Я кладу загорелую руку на запотевшие перила, выкрашенные белой краской, и ощущаю вибрацию двигателей, смотрю поверх канала Хаймингдао на мешанину огней, дымовых труб, резервуаров и зданий, на высокие платформы, с которых поднимутся в небо ракеты Ливэн.

Поднимутся и устремятся на верную смерть в лапах «Упорного» и его спутников, вооруженных лучевыми пушками. Интересно, как ко всему этому отнесутся лейтенант Эддисон и его здравомыслящие собратья офицеры.

Думаю, они будут восхищены безумной храбростью пилотов. Безумием, отражение которого Ливэн увидела во мне. А потом нажмут на кнопку и уничтожат их.

Север. «Джинг Ши» упрямо движется вперед против сильного течения, словно старуха крестьянка, согнувшаяся под тяжестью вязанки хвороста. Если верить медицинским показателям, я болен: температура повысилась на градус, подскочил уровень белых кровяных телец.

Это может означать начало Лихорадки. А возможно, я подцепил что-то, обедая у Мей Юинь.

Анализаторы возбуждены, они что-то бормочут, разговаривая сами с собой, но считают, что мой крошечный пузырек реальности, поборов вторжение Ипполиты, остался нетронутым. Я говорю с корабельной медсестрой и получаю флакон жаропонижающего — толстых белых пилюль, кислых на вкус, этот привкус остается во рту еще долго после того, как пилюли проглочены.

Я смотрю на свою собеседницу.

— Юинь была права, когда не поверила мне, — говорю я ей. — Я здесь не потому, что хочу помочь вам. Я здесь потому, что я из тех людей, которые, увидев узел, хотят обязательно распутать его.

— В «Дао дэ цзин»[228] есть такая строка, — замечает Ливэн. — Разумеется, ее можно толковать двояко, особенно на арабском, но один из вариантов перевода таков: «У совершенного узла нет конца, который позволил бы распутать его…»

— Меня не было бы здесь, если бы этот узел не был совершенным, — отвечаю я. — Если происшедшее на Ипполите могло случиться один раз, то, возможно, такие случаи происходят постоянно — только большинство аномалий не приводит к видимому эффекту. А когда такое случается, то

Феноменологическая служба — или кто-то вроде них — прикрывает все, прячет информацию под замок. Если я хочу распутать тот узел, то Ипполита, возможно, мой единственный шанс.

— И ради этого ты готов умереть.

— Если без этого нельзя, то да, — пожимаю я плечами. — Мы живем во Вселенной, лишенной причинно-следственных связей. Разве это не достаточное оправдание для всего?

— Еще одна цитата гласит: «Тот, кто отделяет себя от всего мира, может получить его в дар, — продолжает Ливэн, — а кто считает себя всем миром, может принять его».

Она допивает чай и встает.

— Ты сумасшедший, — говорит женщина, глядя на меня сверху вниз. — Я уважаю эту черту в ученых. Доброй ночи.

— Спасибо, — отвечаю я. — Доброй ночи.

На пароме «Джинг Ши» пахнет чем-то сладким и холодным — словно ядом. Выхлопные газы от двух больших двигателей отдают паленой пластмассой.

Я возвращаюсь на «Джинг Ши» вечером и поднимаюсь на борт вместе с толпой новых пассажиров. Большинство из них — тиешанки, иммигранты или беженцы, несколько человек из Эретеи, у которых не хватило денег на поезд или быстроходное судно на подводных крыльях и которые ничего не имеют против небольшого приключения.

Я делю каюту с одной из этих путешественниц, молодой женщиной, студенткой из Антиопы[229] — это город неподалеку от Фемискиры, в Восточной Эретее, — она возвращается домой на каникулы. Она стройная, мускулистая и смуглая. На ночь она снимает свой кхимар, открывая очень коротко подстриженные черные курчавые волосы, как у Мусы. Она чем-то похожа на мальчика.

У коек есть занавески, но я не задергиваю свою — два крошечных иллюминатора едва пропускают достаточно воздуха. Студентка тоже не закрывается. Она не знает, что думать обо мне с моей буркой, акцентом эзхелер и седельным мешком из грубой ткани, от которого пахнет мулами и специями. Для нее я — нечто экзотическое и опасное и, как мне кажется, немного возбуждающее.

Как европеец, я продукт культуры — то есть истории, устной и письменной, — которая определенным образом сформировала мою сексуальность. В древние времена любовь женщин многими признавалась «второсортной», но все же иногда приемлемой заменой любви мужчин.

Возможно, для кого-то это и сейчас так, но не для меня. И даже если бы это было так, возможно, на Ипполите есть несколько женщин, которые не спят по ночам, мечтая о мужчинах, которых они никогда не видели. Но каким глупцом надо быть, чтобы ожидать, что эта студентка, похожая на мальчишку, окажется одной из них?

Ночью, при тусклом свете аварийных лампочек, я смотрю на противоположную сторону каюты, на затылок своей спящей соседки, и пытаюсь вспомнить ощущение, которое я испытывал, перебирая волосы Мусы. Чего бы ни хотела молодая женщина на соседней койке, наши желания расходятся.

Я рад, что на мне бурка. Наверное, у меня странное лицо — я не знаю, смеяться мне или плакать.

У Мирины реки сливаются — Ортигия,[230] текущая с запада, впадает в Отреру. «Джинг Ши» продолжит путь на северо-восток, вверх по Отрере до Фемискиры, но на ночь он остановится здесь, чтобы заправиться горючим и обменять один груз на другой.

Я провожу день на берегу, громыхающий электрический трамвай довозит меня из порта до старой части города.

Сидя в уличном кафе, я наблюдаю, как воробьи прыгают с земли на стол и на стулья, поджидая крошки. Разумеется, все они — самки, с однотонным коричневым оперением.

В Мирине чище, чем в Хайминге, и тише, хотя здесь тоже кипит жизнь. Улицы в этом районе узкие, созданные для пешеходов, застроены они старомодными домами еще до Лихорадки; на этих пестрых, веселых улочках полно небольших симпатичных магазинчиков, забитых покупателями — молодыми женщинами и девочками с каштановыми или светлыми волосами, они болтают на турецко-немецком наречии, почти понятном мне.

Тенистая площадь, на которую выходит кафе, — островок в этом море, островок тусклых красок и тишины. В центре площади располагается Кенотаф Мужчин. Не знаю, что я ожидал увидеть, — вероятно, какой-то фаллический обелиск или столб, увенчанный статуей мускулистого, щедро одаренного природой мужчины в классическом европейском стиле.

Вместо этого передо мной — кольцо из темных каменных глыб и остатков голой стены, от которого веет печалью. Издалека мне показалось, что на камнях высечены имена. Но, подойдя ближе, я увидел, что это лишь сетка трещин.

Тревога!

Я вскакиваю и больно ударяюсь головой о потолок. Анализаторы воплями пытаются привлечь мое внимание… Нет.

Вокруг тишина.

Я прошу у устройств подробный отчет, даю им время для его подготовки. Все идет гладко и спокойно, спокойнее, чем когда-либо с момента моего приземления, если верить анализаторам. Пузырек реальности, окружающий меня, кажется, растянулся до самого горизонта. Впечатление такое, словно я вообще не на Ипполите.

Неужели тревожное сообщение мне почудилось? В записях анализаторов нет ничего подобного.

До Фемискиры остался еще один день пути. Я снова устраиваюсь на койке, и мне не нужны медицинские мониторы, чтобы ощутить биение сердца. Голова болит — не только ушибленная макушка, но и все остальное. Под буркой на локтях, тыльной стороне рук, щиколотках и верхней части стопы появилась сыпь, превратившаяся в зудящие красные шишки. Я чувствую, что студентка на меня смотрит, и отворачиваюсь к переборке.

Утро. Анализаторы хранят раздражающее молчание — самодовольные, спокойные, они не желают признать существование противоречий между отличной от всей Вселенной природой Ипполиты и моей природой.

Вдобавок к этому медицинские мониторы отключились.

Совпадение? Или ночью паром пересек некую границу, линию, проведенную во времени, пространстве или вероятности, за которой не работают синхронные каналы?

Голова болит. У меня должна быть какая-то теория, но ее нет. Я одалживаю у служащей карандаш и некоторое время черчу графики и формулы, но Ипполита не такая штука, в которой можно разобраться с помощью частных дифференциальных уравнений, и скоро я теряю интерес к этому занятию. Весь день я сижу на скамье на палубе, в тени, наблюдая, как восточный берег медленно ползет мимо: шесть, восемь, десять оттенков зелёного, там и сям виднеются белые, желтые или голубые пятна домов. Я пью тепловатый ячменный настой и каждые три-четыре часа принимаю таблетку жаропонижающего, которое выпросил у сестры.

Что я могу сделать — повернуть назад? Прилетев сюда, я знал, что обратного пути не будет. Если анализаторы на самом деле неисправны, если они споткнулись о какой-то столбик уравнений, то тогда даже возвращение в Тиешан, даже бегство на земли Эзхелер не спасет меня. А если спасет, я все равно в один прекрасный день умру, но так и не узнаю правды.

Я чувствую, что почти начинаю понимать что-то. Скоро это

понимание найдет путь ко мне, словно дикий зверь в поле, если только я буду сидеть тихо и не спугну его.

Фемискира. Город надвигается на нас в сумерках, деревья отступают от берегов, сменяясь полями, пастбищами, садами, дорогами, зданиями. На реке появляются другие суда, они поднимают волны, которые бьются в борта парома. Доносящийся издалека шум машин, усиливаясь, заглушает стук наших двигателей.

Когда я начинаю засыпать, загораются огни, ими покрыт весь берег.

Медсестра трясет меня за плечо.

— Все, кто хотел сойти на берег, уже на берегу, — улыбается она.

Я, дрожа, пытаюсь улыбнуться ей в ответ, на мгновение забыв, что она не видит моего лица. Когда я вспоминаю об этом — после того как встаю, опираясь на перила, и с некоторым усилием закидываю на плечи мешок — и оборачиваюсь, чтобы поблагодарить ее вслух, она уже уходит.

Теперь нас окружает город. Паром причалил в тени моста, широкого, прочного; возможно выкрашенный, сейчас, в темноте, он черной массой нависает над темной водой, скрывая ночное небо. Я одним из последних спускаюсь, волоча ноги, по мосткам и схожу на набережную и лишь после этого оборачиваюсь, чтобы взглянуть на реку. Оба берега сверкают огнями — лентами, арками и башнями сотни архитектурных стилей, они мерцают в ночи, словно драгоценные камни, отражаясь в темной воде, и мне кажется, что я в Петербурге, Багдаде или Хо-Ши-Мин-вилле, — только башня здесь — это просто башня, а арка — просто арка. Город больше и красивее, чем я ожидал. Вдоль набережной тянется широкий тротуар, заполненный женщинами всех возрастов, рас и национальностей.

Предположим, что миллиарды лет назад история изменила свой ход таким образом, что эволюция многоклеточной жизни пошла совершенно иным путем и привела к этому настоящему — настоящему, в котором эти женщины, бесспорно принадлежащие к роду человеческому, идут по улицам этого города, подобного любому знакомому мне населенному людьми городу, говорят на языках, которым я научился от мужчин. Я согласен с тем, что это предположение в приближении до многих, многих цифр после запятой просто невозможно.

Но в невозможном часто есть такая цельность, что просто отсутствия вероятности мало.

Я дошел уже до этого; произошло уже слишком много

необратимых вещей.

Я останавливаю худощавую темнокожую женщину с широкоскулым лицом индианки, одетую в профессиональные черно-белые одежды, и спрашиваю ее по-арабски, в какой стороне находится север.

— Вон там, — указывает она. — Вверх по ступеням. Впереди, рядом с мостом, берег круто берет вверх, туда ведет широкая каменная лестница.

Я понимаю, что надеялся увидеть направление течения реки. Должно быть, моя поза выдает это, потому что женщина улыбается, словно извиняясь, и беспомощно пожимает плечами.

— Куда вы направляетесь? — спрашивает она.

Я обвожу взглядом реку, оглядываюсь на паром, затем смотрю на женщину.

— Я не уверена, — говорю я ей. — Я первый раз в Эретее.

— На Хаулан-роуд находится центр для приезжих, — предлагает она. — Вверх по лестнице, потом налево — это будет улица Святой Жанны, — затем повернете направо у первой круговой развязки. Там есть указатели на пяти языках, вы его не пропустите. Служащие смогут найти вам отель.

Это не худший вариант.

— Спасибо, — говорю я ей.

— Мир вам.

Вверх. Ступени невысокие, они предназначены для более низкорослых людей, чем я, и в другое время я смог бы перешагивать через две-три ступени. А сейчас я еле бреду, сгибаясь под тяжестью мешка и лихорадки — то есть Лихорадки: больше нельзя притворяться, что это не так. Озноб накатывает волнами. Воздух теплый, чуть-чуть прохладнее, чем внизу, в дельте, в нем чувствуется близость реки. Я вспоминаю второй год в университете и пеший поход в предгорья Памира; вспоминаю, как я сидел на корточках под резким ветром, как скользили мои ботинки на первом осеннем льду, как я передвигался крошечными шажками и во время подъема боялся, что следующий шаг окажется последним — что я соскользну вниз, в километровую бездну.

Тогда я каким-то образом остался в живых. Каким-то образом я остаюсь в живых и сейчас и оказываюсь на верхней ступеньке, дрожа от усталости и приступа озноба. Я выхожу наверх и бросаю первый взгляд на небо.

— Боже. — Слово вырывается у меня невольно, сквозь стучащие зубы.

Там, за уличными огнями, за увенчанными звездами стройными башнями, поднимается оно — узкая лента серебристого лунного света, переходящего в сверкающее золото там, где оно выходит из тени горизонта, затем почти скрывается из виду, но не исчезает совсем, и даже я затуманенным, неверным взглядом вижу его. В самом высоком месте серебряная лента под прямым углом соединяется с другой лентой, золотым кольцом.

Космический лифт и кольцевая экваториальная станция.

Кольцо — это арка, которая простирается от горизонта до горизонта. Невозможно было не заметить ее раньше. Я должен был видеть ее с «Упорного». Я должен был видеть ее из Хайминга. С любой точки Ипполиты она должна выглядеть как самая яркая точка на небе.

(Где-то в моем подсознании мысленная модель причинно-следственной аномалии, созданию которой я посвятил десять лет, стремительно расширяется, теперь она существует в трех, четырех, пяти дополнительных измерениях…)

Моя решимость тает. Я отрываю взгляд от удивительного кольца и внезапно обнаруживаю, что бегу обратно, к реке, вниз. Позади меня раздаются громкие женские голоса, испуганные, сердитые, встревоженные.

Из-за бурки я вижу только узкий участок пространства перед собой. Никакого бокового зрения. Мост. Я на мосту. Я не могу найти ступени.

Я оборачиваюсь, смотрю назад — кольцо по-прежнему на месте.

Галлюцинация. Бред — один из симптомов Лихорадки Амазонок.

— Бред, — я неожиданно наталкиваюсь на кого-то и оборачиваюсь, чтобы объяснить, — один из симптомов…

А с кем я говорю? Я ничего не вижу сквозь проклятую вуаль. Я спотыкаюсь и смотрю сверху вниз в лицо крепкой блондинке средних лет, одетой в красное; она выглядит точь-в-точь как английская королева, когда мы танцевали для нее в Гластонбери «Короля былого и грядущего».[231]

— Я исполнял партию Ланселота, — говорю я ей; сам уже не знаю, на каком языке — арабском, турецком или русском. — Это было великолепно. — Я вращаюсь вокруг своей оси, мне удается выполнить половину pirouette a la seconde,[232] затем я теряю равновесие.

Королева подхватывает меня под руку, озабоченно нахмурившись.

— Вам нужна помощь, — произносит она настойчиво, и мне не нужно знать, на каком языке она говорит, — я ее понимаю.

— Это все проклятая вуаль, — извиняющимся тоном объясняю я. — Я ничего не вижу сквозь нее. — Я вырываюсь из рук женщины и начинаю подбирать ткань, чтобы снять бурку через голову. — Какого черта вы продолжаете носить их после того, как мы вымерли?

Я знаю, что это несправедливо, ведь английская королева не носит бурки. А что на ней было? Круглая шляпа с цветочками. Я пытаюсь извиниться, сказать ей, как мне понравилась ее шляпа, но ткань приглушает мой голос, и я бросаю свои попытки.

— Все, хватит! — Я выпускаю из рук ткань, оборачиваюсь к королеве, чтобы сказать ей, что сдаюсь.

Огни, уголком глаза я вижу сквозь кружево огни. Я на улице.

— Я на улице! — кричу я во все горло. — Эти чертовы накидки!

Слышен скрежет шин. Кто-то хватает меня за локоть, и я вспоминаю сведения из начальной школы.

— Количество пешеходов, пострадавших в дорожно-транспортных происшествиях в Кабуле в четырнадцатом веке хиджры… — начинаю я и внезапно, не успев закончить, оказываюсь лежащим на спине, на мостовой, мне не хватает воздуха. Пахнет примятой травой. Надо мной в ночи сверкают огни города.

Вокруг раздаются женские голоса:

— Она ранена?

— Кто-нибудь, вызовите «скорую»!

Огни несутся прямо на меня, разбухают и заполняют весь мир.

Я слышу их, хотя ничего не вижу.

— Температура сорок и пять, — произносит врач, и звук такой, словно она говорит в микрофон. — Пульс сто десять. Давление…

— Возможно, это какая-то разновидность аутоиммунной реакции. — Другой женский голос, знакомый мне. Прекрасный арабский, как у ученого.

— Мариам? — каркающим голосом выговариваю я.

Она кладет руку мне на лоб — ладонь крепкая и прохладная.

— Доктор Орбэй позвонила мне, — говорит Мариам. — Они нашли ее адрес в твоем мешке. А теперь молчи, Язмина. Я о тебе позабочусь.

Врач перебивает ее:

— …сто пятьдесят на восемьдесят. Если вы правы… — (Я представляю, как она качает головой.) — Здесь мы мало чем можем помочь, разве что стабилизировать ее состояние.

Возможно, за пределами планеты удастся сделать что-нибудь.

Закрыв глаза, я снова вижу арку. Кольцо ускорителя, место прыжка для звездолетов. Кольцо Ипполиты было уничтожено в начале карантина. Но оно все еще там. Это не место, это скорее ворота.

Куда?

Я снова вспоминаю Ланселота, застывшего у дверей часовни Грааля, одаренного видением того, к чему ему не дано было прикоснуться.

Сестры раздевают меня, моют, снова заворачивают во что-то — похоже, в мягкие одеяла, хотя моей воспаленной коже они кажутся сотканными из проволоки. Я ожидаю реакции на свое обнаженное тело, — шок? гнев? отвращение? — но ничего не происходит.

В вену мне вонзается игла.

Я почти засыпаю.

Я ошибался, считая свою собственную жизнь реальной, а жизнь Ипполиты — нереальной, разделяя «себя» и «другое» — Ипполиту. Вот что пытались сообщить мне анализаторы.

Нет такого прошлого, которое в каком-то смысле не было бы ложью. Наши представления о прошлом искажены памятью и воображением. История и пропаганда помогают сознательно искажать его. Причинно-следственная связь нарушается не только всякий раз, когда звездолет одним прыжком преодолевает пространство и время. Мы наблюдаем это нарушение всякий раз, когда видим неполные записи о прошлом нашим ограниченным современным взглядом, приписывая им предчувствие будущего, которое есть наше настоящее — которое мы сами не видим и не понимаем полностью, лишь в виде несовершенных фрагментов. Мы говорим себе, что ищем истину, а на самом деле стремимся лишь к правдоподобию.

Я назвал историю Ипполиты *виртуальной,* но это лишь вопрос семантики. Возможно, ее создала причинно-следственная аномалия, возможно, аномалия лишь связала нас с чем-то, что уже существовало, где-то, как-то — теперь, думаю, это не имеет значения.

У женщин Ипполиты есть своя собственная история, и в ней нет места мужчинам.

Моего существования достаточно, чтобы опровергнуть эту историю.

Существования Ипполиты достаточно, чтобы доказать ее истинность.

Я — погрешность в вычислениях, скрытое допущение,

которое сводит на нет доказательство.

Вот почему я умираю. Чтобы исчезла ошибка в уравнении.

— Тсс, — говорит Мариам по-арабски, кладя мне на лоб влажную ткань.

Должно быть, я произнес что-то вслух.

— Осталось недолго, — шепчу я. — Когда конец придет, он придет быстро.

Интересно, что произойдет, если Ливэн запустит свои ракеты отсюда. Будут ли ждать их лейтенант Эддисон и «Упорный»? А если нет — если выпущенные ракеты окажутся вообще в другом пространстве-времени, пронзая другие измерения, — что это будет означать? То, что Ипполита — такой же гордиев узел с этой стороны, как и с другой?

Если узел и завязан, то он завязан на этой стороне.

— Доченька, — говорит Мариам, — молчи.

А существует ли та, другая сторона? Существовала ли она когда-нибудь? Как мне доказать это?

Я пытаюсь вспомнить имя пророка из Корана, того, чью сестру евреи и христиане называли Мариам.[233] Имя женщины, которую я встретил в транзитной гостинице Эревона, которая занимается производством фильмов. Она вывела сынов Израилевых из Египта, но умерла на берегах Иордана. Когда я выбирал себе имя, нужно было взять имя этой женщины, а не «Язмина».

Мариам кладет свою руку в мою. Я пытаюсь вспомнить, знает ли она, что я мужчина.

— Тише, доченька, — снова говорит она.

«Сын», — пытаюсь я поправить ее, но слово ускользает от меня.

Доминик Грин
Атомная мина [234]

Ни для кого не секрет, что захоронения боеприпасов уже сейчас представляют собой глобальную угрозу: почти ежедневно в разных странах мира взрываются необезвреженные снаряды, калеча людей и унося жизни. В будущем, с появлением более разрушительных и изощренных видов оружия, ситуация вряд ли изменится к лучшему. Скорее всего, автор этого рассказа прав, утверждая, что перспектива еще менее оптимистична…

— Мистер, нам сюда.

Девочка потянула Мативи за рукав, и они свернули за угол. Улица, на которой они оказались, была изрыта воронками. Везде валялись мины величиной с ноготь и поражающей силой, достаточной для того, чтобы разнести их обоих на кусочки еще более скромных размеров. Эти мины могли ждать своего часа десятки лет.

Для восстановления разрушенных кварталов строительные компании, как правило, использовали неповоротливых трактороботов. Их модели постепенно совершенствовались — компания «Робоконго» уверенно лидировала среди экспортеров Центральной Африки. Однако белые и те из местных, что побогаче, держались подальше от этой части города — они предпочитали сидеть в центрах дистанционного управления роботами, которые строили дома для бедных. А тем предстояло жить в постоянном страхе: топнешь ногой посильнее — того и гляди, какая-нибудь мина, оставшаяся под фундаментом твоего дома, заявит о себе.

До этой улицы у трактороботов, видимо, пока не дошли руки: повсюду валялись обломки бетонных плит, битый кирпич и поржавевшие искореженные таблички, все еще уведомлявшие о том, что В ЗДАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН! СКЛАД ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ЛАБОРАТОРИИ и даже что ПРАВИТЕЛЬСТВО ЗАНЯТО ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ, НЕ МЕШАТЬ!

— Идемте, мистер, — сказала Мативи его юная проводница. — Сейчас вы сами во всем убедитесь. А потом вы еще должны со мной расплатиться.

— Стой, где стоишь! — крикнул Мативи. — Не двигайся! Он поспешно достал из кармана миноискатель фирмы «Noli Timere». [235] Огромный опыт военных специалистов свидетельствовал о том, что этот прибор оказывался эффективен только в половине

случаев, но половина все-таки лучше, чем ничего.

Сначала Мативи включил его на неполную мощность — ведь поблизости могли находиться ультрасовременные мины, которые реагировали на сигнал миноискателя. Датчик молчал. Мативи просканировал миноискателем участок вокруг себя — опять ничего. Тогда он добавил мощности и снова взглянул на датчик. Обнаружилась всего одна малая противопехотная авиамина на другом конце улицы.

— Эмили, видишь вон тот дом? — указал Мативи. Девочка кивнула.

— Не ходи туда, там мина. Очень большая. Никогда туда не ходи, ты можешь погибнуть.

Эмили кивнула.

— И все равно она гораздо меньше той штуки, которая забрала Клода, — сказала она.

Мативи не стал спорить.

— Так ты говоришь, та штука все еще там?

— Она всегда там — с тех пор, как я себя помню. Все знают, что она там. И взрослые тоже знают. Когда был СПИД, они даже избавлялись от мертвых с ее помощью, чтобы больше никто не заразился. Некоторые были даже не до конца мертвые.

— Но ведь от трупов нельзя заразиться СПИДом, — удивился Мативи.

— Это вы так думаете, — возразила Эмили.

Мативи понял, что она имеет в виду. Пятнадцать лет назад Африка подверглась сильнейшим бомбовым ударам самыми разными видами оружия, в результате чего ВИЧ вполне мог мутировать настолько, чтобы теперь передаваться воздушно-капельным путем. Наука знает подобные примеры: в свое время так мутировала риккетсия геморрагической лихорадки. В результате внезапная вспышка заболевания за один день опустошила все банки крови Йоханнесбурга, а позднее привела к усилению расовой дискриминации в Европе и Америке.

Солнце упало за горизонт со скоростью ножа гильотины, — в небесах щелкнул гигантский выключатель, и стало совсем темно. Мативи еще не привык жить на экваторе — в Квебеке и Патагонии, где он работал раньше, вечера были долгими. Экваториальная ночь не желала терять время на сумерки. Прибор ночного видения, как назло, остался в гостинице. Хорошо хоть, фонарик был с собой.

Мативи шел по улице следом за девочкой и чувствовал, как постепенно усиливается ветер. На душе становилось все тревожней.

— Будьте осторожны, мистер, — повторяла девочка. — Идите

строго за мной. А вот здесь лучше пригнуться — берегите голову.

Потом она заметила на руке у Мативи часы «Ролекс», купленные в Киншасе, и сказала:

— Советую вам оставить их здесь.

«Это еще зачем? Не удивлюсь, если, пока мы туда ходим, их стянет один из твоих расторопных дружков», — подумал Мативи, но спорить не стал — снял часы, положил их на камни, а потом, едва девочка отвернулась, незаметно поднял их и сунул в карман.

— Куда теперь? — спросил он.

— Туда. — Эмили махнула рукой в сторону проема в бетонной стене высокого полуразрушенного здания, насквозь продуваемого сильным ветром.

Стоп. Небольшая поправка. Мативи вдруг понял, что на самом деле ветер дует *изнутри* этого здания.

Девочка скрылась в проеме, над которым висела табличка: «Осторожно! Опасно для жизни!» Мативи последовал за ней. В помещении, где они оказались, когда-то были стеклянные потолки: сквозь разбитые грязные стекла сюда пробивался световой сигнал спутника, который находился на геостационарной орбите над Конго, обеспечивая безопасность и правопорядок в стране. На высоте тридцати пяти тысяч девятисот километров над головой Мативи пять тысяч камер непрерывно вели наблюдение за ним и пятью миллионами жителей Киншасы. Поначалу подобное нарушение права граждан на частную жизнь казалось ему возмутительным, но потом он понял, что вероятность того, что в данный момент камеры следят именно за тобой, весьма невелика, — в принципе, можно убить пару тысяч человек, прежде чем какая-нибудь из камер застанет тебя на месте преступления.

— Нет, нам не туда, — сказала девочка. — Я покажу, куда дальше. Идите за мной.

Сначала Мативи подумал, что попал на небольшой блокпост, где могли поместиться разве что пулемет да пара коек личного состава, но, когда они прошли немного дальше и спустились по лестнице, он понял, что это не так: помещение оказалось просто гигантским, размером с заводской цех. Они смотрели на этот цех с наблюдательного мостика под самой крышей. Мативи никак не мог хотя бы приблизительно оценить высоту стен.

Ветер гудел здесь так сильно, что приходилось кричать. Мативи едва мог слышать голос Эмили:

— ТАКАЯ ШТУКА ТУТ НЕ ОДНА. ОНИ ВНУТРИ ВОН ТЕХ МАШИН. ИХ ЗАКАЗАЛО ПРАВИТЕЛЬСТВО. НО ДЕЛАЛИ ИХ ТОЧНО НЕ ТЕХНИКИ И НЕ ЭЛЕКТРИКИ — ТУТ НЕ ОБОШЛОСЬ БЕЗ *КОЛДОВСТВА*.

Между тем внешний вид машин ничем не выдавал их колдовской сущности. Неподвижные ряды механизмов напоминали строй гигантских, в два человеческих роста, пешек из ржавого металла. Нигде не было видно ни проводов, ни труб. Казалось, эти машины давным-давно стоят здесь без дела. Мативи, однако, понимал, что внешность этих штуковин обманчива: всякий раз при одном их виде он испытывал непреодолимое желание найти более безопасную работу.

— ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, ЗАЧЕМ ОНИ ЗДЕСЬ? — спросил Мативи. Сам он знал ответ на этот вопрос слишком хорошо.

Девочка кивнула.

— В МАШИНАХ ЖИВУТ ДЕМОНЫ, — ответила она. — ЭТИ МАШИНЫ ИМ ВМЕСТО КЛЕТОК. ВОЕННЫЕ, КОТОРЫЕ ВСЕ ТУТ СТРОИЛИ, ПРЕДУПРЕЖДАЛИ ВСЕХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ НАШЕГО ГОРОДА, ЧТО ТУТ ЖИВУТ ДЕМОНЫ. МОЕМУ ОТЦУ ОНИ ТОЖЕ СКАЗАЛИ. А ЕЩЕ ВОЕННЫЕ НЕ ВЕЛЕЛИ ВСКРЫВАТЬ ЭТИ МАШИНЫ. НО СО ВРЕМЕНЕМ ОНИ МОГУТ ПРОГНИТЬ, И ТОГДА ДЕМОНЫ ВЫБЕРУТСЯ НАРУЖУ. ПЕРВЫЕ ДВЕ МАШИНЫ ПОКА ЦЕЛЫ, МЫ ДУМАЛИ, ЧТО И ТРЕТЬЯ ТОЖЕ В ПОРЯДКЕ, А ОНА ВДРУГ КАК СХВАТИТ КЛОДА! ТАК ЧТО БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ.

— ЧТО ПРОИЗОШЛО С КЛОДОМ? КАК ОНА ЕГО СХВАТИЛА? — спросил Мативи. Третья машина внешне ничем не отличалась от остальных, на стене возле нее не было видно никаких повреждений. Единственная деталь, которая привлекла его внимание, — почти полное отсутствие пыли на полу вокруг машины.

— ОНА ЗАБРАЛА КЛОДА. ОН ВДРУГ СТАЛ СОВСЕМ МАЛЕНЬКИМ, И ОНА ЗАСОСАЛА ЕГО, — пояснила девочка.

— ВСЕ ЭТИ МАШИНЫ, — Мативи с трудом формулировал вопросы на ломаном лингала,[236] — ПОЧЕМУ НА НИХ ВСЕ ЭТИ… ВСЯКИЕ ПРЕДМЕТЫ?

В свете фонарика было видно, что круглые головки пешек украшены сюрреалистическими прическами из примагнитившихся предметов — гаечных ключей, кусков проволоки, дверных ручек. Мативи ужаснулся, разглядев в шевелюре одной такой пешки осколочную гранату. Железных предметов в этих прическах было, безусловно, больше, чем всего остального, однако он заметил и какие-то штуки из алюминия, и даже куски дерева и штукатурки.

«Значит, это не просто магнитное поле».

Мативи достал из кармана поддельный «Ролекс», махнул им в сторону машин и сразу почувствовал сильное притяжение. Притягивались не только часы, но и рукав рубашки, и даже сама

рука.

До него вдруг дошло, что ветер тоже дует в направлении машин. Ветер словно толкал Мативи в спину, дул даже сверху, из проломов в стеклянной крыше. Казалось, в обратном направлении воздух вообще не мог двигаться.

Наблюдавшая за манипуляциями Мативи с часами девочка укоризненно вздохнула:

— Не надо было вам этого делать. Теперь ваши часы не будут правильно показывать время.

— С Клодом было точно так же? Он примагнитился к машине?

— Нет. Все машины притягивают предметы, но только те, в которых живут демоны, засасывают людей целиком, так что и мокрого места не остается.

— Засасывают людей целиком?

— Людей, предметы — да все что угодно.

— А камни? — Мативи поднял с пола небольшой обломок плиты.

— И камни. Но лучше в них ничем не кидать. НЕТ! Мативи все-таки запустил камнем в машину. Девочка в ужасе замерла. Они увидели, как камень, долетев до второй машины, изменил траекторию, словно его потянули за невидимую веревку, и вдруг превратился в облако пыли и исчез. Непослушание Мативи вывело девочку из себя.

— Зачем вы это сделали?! Военные сказали, что нельзя ничем бросать в испорченные машины. Они сказали, от этого демоны становятся сильнее.

— Они абсолютно правы, — кивнул Мативи. — Так оно и есть. Только, знаешь, один камень вряд ли сделает демонов намного сильнее. Вот если люди в течение некоторого времени будут постоянно кидать в эти машины всякие предметы, не обладающие собственным электромагнитным полем…

— Я не знаю, что такое «электромагнитное поле».

— Да и не важно. Важно, что в результате мы все можем умереть от этих штук. Я понятно объясняю?

Девочка кивнула.

— Нам не стоит тут долго оставаться. Те, кто проводил здесь много времени, обычно заболевали. Демоны их чем-то заражали.

Мативи не удивился.

— У них, наверное, выпадали волосы, кожа становилась очень бледной, они начинали задыхаться, так?

— Ну да, — невозмутимо ответила девочка. — Проявлялись все типичные симптомы радиационной алопеции и гибели стволовых клеток.

«С ума можно сойти! А впрочем, чему тут удивляться, если эта бедняжка пережила ядерную войну. Уж она-то точно вдоволь повидала жертв радиации. Наверняка учила буквы по надписям на плакатах Красного Креста», — подумал Мативи.

— ЭТИ ДЕМОНЫ ВООБЩЕ ПОХОЖИ НА ТЕХ, ЧТО В ЯДЕРНЫХ БОМБАХ. ОНИ, КОНЕЧНО, НЕМНОГО ОТЛИЧАЮТСЯ, ПОТОМУ ЧТО ЖИВУТ В ДРУГОМ ОРУЖИИ. НО У НИХ, ПРАВДА, МНОГО ОБЩЕГО.

Девочка кивнула.

— И ВСЕ-ТАКИ ЭТО НЕ ЯДЕРНЫЕ БОМБЫ. ТУТ КОЕ-ЧТО ПОИНТЕРЕСНЕЕ, — сказала она. — ТАК ЧТО ПРИДЕТСЯ ВАМ ЗАПЛАТИТЬ МНЕ ВДВОЕ БОЛЬШЕ.

Мативи не стал спорить:

— ВДВОЕ ТАК ВДВОЕ.

Он достал из кошелька пачку облигаций ООН. «В конце концов, торг тут неуместен. Завтра мир может погибнуть, кому тогда будут нужны эти бумажки?»

— Говорю же тебе, там их около сорока. Да, я сам видел. Пять рядов, по восемь штук в каждом ряду… Нет, я не в отеле, не хотел звонить тебе оттуда — там наверняка прослушивают. Нельзя, чтобы знал кто-нибудь еще… Потому что, если туда хоть кто-нибудь, *да кто угодно*, зайдет, может произойти непоправимое — и тогда мы все погибнем. Когда я говорю «мы», я имею в виду все человечество. А когда я говорю «погибнем», я имею в виду «погибнем наверняка», а не «можем погибнуть»… Вот именно — объявляю тревогу… Да, оружие массового поражения… Нет, понятия не имею, что теперь делать… Я могу только попросить тебя дать сигнал тревоги и сделать все, что от тебя зависит, если ты хочешь оставить эту планету своим детям в относительной целости и сохранности… Да, я знаю, но в конце концов они наверняка поймут и простят тебя. С подростками всегда нелегко. Впрочем, ты и сам хорош — после твоей интрижки с их тетей я бы на их месте тоже вряд ли захотел с тобой общаться. Нет, не надо посылать сюда следственную группу. Нужны военные. Лучше даже спецподразделения. И раздобудь им разрешение стрелять на поражение. А то знаю я тебя, опять пришлешь каких-нибудь новичков-миротворцев из Лихтенштейна на белом бронетранспортере. И не забудь сразу же сообщить обо всем в МАГАТЭ. Луи, ты меня понял? Я не шучу… Договорились, встретимся завтра на месте.

Мативи положил трубку. Руки его дрожали. Странные, однако, времена — на ледовом шельфе Антарктики постоянно открыты сотни вебсайтов, а тут, в городе с пятимиллионным

населением, приходится тратить почти пять часов на поиски цифрового телефона. Впрочем, стоит отметить, что всего пятнадцать лет назад это был город с десятимиллионным населением.

Мативи даже не надеялся найти здесь телефонную линию формата связи, совместимого с его криптографическим программным обеспечением. Немногие уцелевшие линии цифровых коммуникаций наверняка хорошо контролировались, — возможно, даже в тот таксофон, которым он только что пользовался, был вмонтирован какой-нибудь допотопный транзисторный микрофон, передающий сигнал на сервер полицейского управления. Но даже если это и впрямь так, по крайней мере информирована будет только полиция. А вот если бы он воспользовался аварийным каналом аналоговой связи, к утру о его телефонном разговоре знали бы все домохозяйки города.

Мативи покинул таксофонную будку, подошел к пьяному оператору телефонной станции и расплатился. На столе перед пьянчужкой лежал автомат. Мативи опасался, что на улице его уже будет ждать полицейская машина (разумеется, без опознавательных знаков, но нынче машины здесь могли позволить себе только представители государственных служб), и заранее прикидывал, как отделаться от слежки. Однако улица оказалась пуста.

Солнце выпрыгнуло из-за горизонта с энергичной непосредственностью чертика из коробочки. От телефонной станции Мативи направился через сектор нулевого допуска прямо к своему отелю, который некогда носил гордое название «Хилтон». Там он поднялся в номер и, не раздеваясь, рухнул в постель.

Утром Мативи вышел из номера и направился в единственный функционирующий душ. В коридоре он увидел человека с пистолетом.

Мативи, в общем-то, не испугался ни того, ни другого: пистолет был довоенной модели и его явно не чистили с тех пор, как закончилась война, а человек, дрожащий всем телом, как эпилептик в разгар припадка, был хорошо знаком Мативи — глава семейства, отец троих малолетних детей, увлеченный коллекционер моделей поездов и железных дорог.

В сложившейся ситуации, впрочем, вряд ли стоило сомневаться в боеспособности пистолета, ведь его дуло было направлено на Мативи.

— Прости, Чет, я не могу позволить сделать это.

Тут Мативи заметил, что пистолет снят с предохранителя.

— Сделать — что? — спросил Мативи.

— Ты не можешь так со мной поступить. Это несправедливо.

— Прости, Жан. Я тебя не понимаю. Может, объяснишь, что происходит?

Жан-Батист Нгойи, ничем особо не выдающийся сотрудник Временной Администрации ООН на территории бывшей Народной Демократической Республики Конго, пришел убить Мативи, предварительно зачем-то облачившись в парадную форму с громоздким голубым логотипом «ВАООННДЕРКОНГО» на нагрудном кармане.

— Я не позволю тебе забрать их. — Нгойи чуть не плакал.

— Забрать — что? О чем ты?

— Сам знаешь. Все знают. Мы слышали твой разговор со штабом.

Мативи прошиб холодный пот. «Нет, только не это. Черт возьми, нет». Он прислонился спиной к стене, остатки штукатурки на которой образовывали странный постмодернистский орнамент.

— Жан, ты меня, конечно, прости, но, если даже ты информирован, надо полагать, все обладатели здравого ума и электронной почты в этом городе тоже в курсе. — Мативи испытующе посмотрел на Нгойи. — Значит, в том таксофоне был «жучок»?

— Нет, просто оператор той станции — сводный брат начальника личной охраны президента Лиссубы.[237] После всеобщей амнистии многие из людей Лиссубы пошли служить в полицию.

— И что теперь, черт возьми? Что они собираются делать?

— Они все время говорят, что «для разрешения возникшей проблемы в срочном порядке принимаются все необходимые меры». А еще выписан ордер на твой арест — «для обеспечения твоей безопасности». Вот только они никак не могли выяснить, в каком ты отеле. Мне позвонили, чтобы выяснить, не знаю ли я, где тебя искать.

Мативи принялся ходить по коридору туда-сюда, пытаясь сосредоточиться.

— Все ясно. О боже, но ты же не сказал им, где меня искать. Значит, ты на самом деле не то чтобы уж очень хочешь меня убить?

Мативи пытался таким образом смягчить Нгойи. Но пистолет по-прежнему неумолимо смотрел в грудь Мативи — и даже вроде бы стал меньше трястись. В конце концов, попытаться все равно стоило.

— Это значит только то, что я не могу позволить, чтобы они и впрямь арестовали тебя «для обеспечения твоей безопасности». Хотя, возможно, они правы: убийство инспектора ООН по вооружениям в конце концов неминуемо навлечет подозрения на тех, кто больше всего наживался на этой дряни.

— Насколько я понимаю, представители местных властей непосредственно участвовали в установке контейнеров. Но ведь даже если так, они должны знать, что на все военные преступления распространяется амнистия…

Нгойи покачал головой:

— Амнистия не распространяется на преступления, совершенные после войны.

— Как это — после? — удивился Мативи.

— Они использовали эти машины как орудие казни, — ответил Нгойи. — Очень удобно: ни тел, ни улик, ни следов. И вообще от этих машин сплошная польза. Местные жители их так боятся, что, если пригрозить им расправой при помощи такой штуки, они согласятся сделать что угодно. Они всерьез верят, что в машинах живут демоны…

— В общем-то, они недалеки от истины, — пробормотал Мативи.

— …а еще машинами пользовались похоронные бюро, особенно для массовых погребений. Во время эпидемий сотни трупов было просто некуда больше деть — иначе они так и лежали бы на улицах. Кроме того, в эти контейнеры постоянно сбрасывают бытовые отходы: пять грузовиков еженедельно подъезжают к зданию и вываливают мусор через проломы в стеклянной крыше. Да и наши грузовики…

— Ваши?

— Ну да, грузовики, обслуживающие офис ООН, тоже вывозят мусор туда. Обычно три раза в неделю, иногда четыре или пять. — Нгойи поймал на себе осуждающий взгляд Мативи. — Ах, ну да, конечно, ООН выдает нам дозиметры, и распылители бактериальной пены, которая фиксирует радиоактивный осадок, и приборы для нейтрализации этого осадка, которые поглощают его и помещают в емкости из свинцового стекла…

— Которые, в свою очередь, должны передаваться сотрудникам МАГАТЭ для последующего захоронения в Дьявольской Штольне, на юге Пустынных Равнин в Антарктиде, — закончил за него Мативи. — Но ты ведь не считаешь нужным выполнять инструкции? Зачем тебе это, если есть куда более легкий способ решения проблемы?

— ООН дает нам не более пяти миллионов в год, — пожаловался Нгойи. — По малопонятным законам африканской

экономики до нас обычно доходит не более полумиллиона. А ты хоть представляешь, сколько стоит доставка одного килограмма радиоактивных отходов в Антарктиду?

— Это не мои проблемы, этим должен заниматься ты, — настойчиво произнес Мативи, не сводя взгляда с дула пистолета. Впрочем, теперь ему уже было не страшно.

— Но ведь буквально пару дней назад, помнишь, мы с тобой заходили в бар «Би Долл», речь тогда зашла об астрофизике, и ты сказал мне, что ни один объект, попавший за горизонт событий черной дыры, не может вернуться обратно. — Нгойи выглядел очень расстроенным. — Ты же говорил, что готов в этом поклясться.

— Так оно и есть, — сказал Мативи. — Именно так, только так и никак иначе.

— Но тогда, значит, все в порядке. — Тут лицо Нгойи осветила почти безумная радость. — Никаких проблем нет. Почему бы нам в таком случае и не сбрасывать туда отходы?

— Каждый из этих контейнеров способен удерживать внутри себя магнитно заряженный объект, превосходящий по весу десять линейных кораблей, — объяснил Мативи. — Поэтому контейнеры стоят на армированном бетоне. Поэтому они обшиты намагниченным металлом, который притягивает к себе железные предметы. А как ты думаешь, что произойдет, если масса незаряженного вещества внутри этих контейнеров возрастет? Ведь, как я уже говорил, ни один объект, попавший за горизонт событий черной дыры, не может вернуться обратно. Ни один. Никогда. Ни я, ни ты, ни Макемба, ни Кимбарета, ни малышка Лоран.

Нгойи помрачнел. Впрочем, как оказалось, у него был еще один аргумент в собственную защиту.

— Но мы сбрасываем туда совсем немного — всего несколько сотен килограммов в неделю. Это гораздо меньше, чем бытовые отходы.

— А, ну тогда и правда все нормально. Тебе не в чем себя упрекнуть — лично ты не будешь виноват в том, что наша планета провалится в черную дыру, в этом будет виноват кто-то другой.

— Имей в виду, туда еще сливают сточные воды, — продолжал Нгойи. — Каждый день в контейнеры поступают тысячи литров жидкости.

Мативи чуть не сел:

— Сточные воды?!

— Ну да. Туда временно направлен весь сток городской канализации. Правда, крайние трубы все время приходится

заменять, потому что машины их постоянно засасывают. — Нгойи пожал плечами. — Сам понимаешь, если не сливать в эти штуки дерьмо пяти миллионов жителей города, все эти пять миллионов вскоре останутся без питьевой воды.

— Жан-Батист, вы должны это прекратить. Немедленно. Вы сами не знаете, что делаете.

Дуло пистолета все еще смотрело в грудь Мативи. На какой-то миг оно перестало раскачиваться и впилось ему прямо в солнечное сплетение.

— Я *точно* знаю, что делаю. Я пытаюсь прокормить свою жену и детей.

Палец на мгновение замер на курке, преодолевая сопротивление спусковой пружины. Мативи закрыл глаза.

В пистолете что-то щелкнуло, но выстрела не последовало. Нгойи растерянно уставился на ставшее бесполезным оружие.

— Предупреждаю, я был капитаном команды по карате в своем университете, — солгал Мативи.

— Знаешь, на твоем месте я бы здесь не задерживался, — посоветовал Нгойи. — Когда я добирался сюда, мне показалось, за мной ехал инспектор муниципальной канализационной службы. На крыше его машины установлен реактивный гранатомет.

На серых асфальтовых волнах разбитого шоссе машина то взлетала, то падала — подвеска старенького «хёндая» проходила серьезное испытание на прочность, днище автомобиля то и дело ударялось о поверхность дороги.

— Где тебя лучше высадить? — спросил Мативи своего попутчика.

Машина мягко затормозила у края огромной воронки на месте железнодорожного переезда, который во время войны подвергся сильнейшим бомбардировкам. Трактороботы вели здесь ремонтные работы, при этом управлявшие ими операторы не обращали никакого внимания на проезжающие мимо автомобили, каждый из которых весил в десять раз меньше любого тракторобота-сапера. На этом участке дороги почему-то не горели фонари, так что видно было, только как в темноте над ухабами прыгают, будто дискотечные прожекторы, фары встречных машин. А трактороботам для работы свет был не нужен.

— Высади меня у стадиона. Оттуда ходит автобус прямо до Нджили.

— Ты там живешь? Это же вроде далеко от города.

— Видишь ли, у нас тут не такая зарплата, как в Женеве, — огрызнулся Нгойи, глядя на дорогу перед собой, и вдруг

изменился в лице. — Останови машину! Тормози! Ну же!

— Что такое? — Мативи тоже смотрел на дорогу, но не видел ничего особенного.

— Впереди четыре машины тайной полиции!

И как только Мативи сам их не заметил! Четыре внедорожника казались алюминиевыми островами в полиуретановом море обычных африканских машин. Каждый из них стоил столько, сколько обычный житель Киншасы и за год не зарабатывал.

— Но дорогу они вроде не перекрыли, — заметил Мативи.

— Какая разница? Ты же в розыске!

— Это больше похоже на эскорт. Смотри, они сворачивают на Дьело-Бинза. Похоже, сопровождают вон тот огромный грузовик — на таких, кажется, обычно транспортируют баллистические ракеты к местам их дислокации в Малебо. — Мативи выглянул из окна. — Ну да, вон тот, за которым что-то тянется по дороге…

Он съехал на обочину, чтобы срезать путь к шоссе на Дьело-Бинза. В этих краях езда по бездорожью мало чем отличалась от езды по шоссе. В Киншасе люди предпочитали дороги только потому, что те проверялись саперами, и, следовательно, там было меньше шансов подорваться на мине.

Мативи и Нгойи не раз приходилось ездить по минным полям, но оба с облегчением вздохнули, когда под колесами машины снова оказалась дорога. Теперь внедорожники, за которыми они следовали, подобрались совсем близко — можно было даже рассмотреть людей из группы сопровождения: они выглядели сонными и постоянно зевали. Видимо, их подняли по тревоге. Кое-кто из них был в форме, остальные в футболках, у некоторых на поясе висело табельное оружие, другие держали в руках «акаэмы» времен войны.

Грузовик, который сопровождали внедорожники, занимал три полосы движения. За ним, как свадебный кортеж, тянулась вереница беспрерывно сигналящих машин. На самом деле водители напрасно истязали клаксоны, потому что, даже если бы этого грузовика не было, они вряд ли смогли бы ехать намного быстрее, — воронки усеивали все шоссе.

— Глазам не верю. — Мативи выглядел крайне удрученным. — Неужели они всерьез надеялись незаметно от меня провезти по городу штуку весом миллион тонн?

Нгойи удивленно уставился на него:

— Ты что, всерьез думаешь, что в этом грузовике те машины?

Мативи кивнул:

— Да, там наверняка одна из них, один контейнер. Они везут его через весь город, потому что боятся, что у них его заберут…

Интересно, почему. — Тут он подмигнул Нгойи. — Не иначе, их попросили об этом представители канализационной службы.

Внезапно начался очередной неосвещенный участок дороги. Мативи даже фары включить не успел.

— Да что это такое?! Почему фонари не горят? — возмутился Мативи, и тут же им обоим пришлось зажмуриться, потому что темный участок закончился.

Наконец до Мативи дошло. На том участке не только не горели фонари, там не было света в домах, вообще не было электричества.

— Вот, значит, как.

— О чем ты?

— Они, похоже, едут к электростанции. Вам ведь, идиотам, хватило ума еще и подключить к этим штукам систему электроснабжения. Или я не прав?

Нгойи помедлил с ответом, но потом понял, что отрицать бесполезно, и кивнул:

— Мы начали изучать такое оборудование в конце войны. Но это был мирный проект. — Нгойи, похоже, все еще пытался оправдаться. — Мы собирались использовать эти машины в мирных целях. Один наш молодой коллега, очень умный парень, доктор наук, выпускник Калифорнийского университета, выдвинул гипотезу, что, если в горизонт событий черной дыры под определенным углом направить инфракрасный лазерный луч, он вернется в виде гамма-лучей. Мы попробовали использовать эти лучи для нагревания резервуара с ртутью. То есть сначала попытались нагревать ими воду, но при вспышке она испарялась, а земля вокруг резервуара превращалась в стекло. — Нгойи явно нервничал — он то и дело облизывал губы. — Сложнее всего было сконструировать систему турбин, работающих на ртутных парах. Многие мои коллеги отравились испарениями ртути и погибли.

Наконец Мативи догадался, откуда Нгойи столько знает обо всем этом.

— Неужели ты был одним из ученых, которые работали на правительство Лиссубы?

— Думаешь, в те времена физику позволили бы спокойно жить в Народной Демократической Республике и заниматься чем-то, кроме разработки новых вооружений? — Нгойи невесело рассмеялся. — Наивный! А потом, когда наступило мирное время, мы стали использовать эту технологию для подачи электроэнергии в дома пяти миллионов горожан.

— Та-а-ак… Но ведь ты же сам прекрасно знаешь, что законы термодинамики не знают исключений. На выходе всегда

получается меньше, чем было на входе. Ты же должен понимать, что все это время энергия вырабатывалась за счет использования углового импульса вещества, содержащегося в контейнере. И я готов побиться об заклад, что эта субстанция произведена незаконно на том самом ускорителе в Лубумбе, в необходимости строительства которого президент Лиссуба сумел-таки в свое время убедить членов комиссии ООН. Он, помнится, говорил тогда, что это «оживит экономику Конго»…

Нгойи недовольно поморщился:

— На самом деле он тогда сказал, это «оптимизирует экономику Конго». Слово-то ведь какое: «оптимизирует».

Мативи кивнул:

— Но ведь тому ускорителю наверняка потребовались гигаватты энергии, чтобы сотворить такую штуку, — тысячи гигаватт из все той же городской системы энергоснабжения. Так что на самом деле вы сейчас используете энергию, которую пятнадцать лет назад кто-то украл у вашего же народа и запихал в те контейнеры. Сам подумай, стоит ли так делать? Жан-Батист, неужели ты, как ребенок, веришь, что заводные куклы ходят сами? Неужели до сих пор не понял, что их нужно заводить? Ту штуку тоже однажды завели, и пока часовой механизм этой мины замедленного действия отсчитывает время, но в конце концов она взорвется, и тогда весь мир превратится в огромную массу неупорядоченного вещества.

— Ты, наверное, прав, — вынужден был признать Нгойи. — У этого механизма, кажется, действительно заканчивается завод. С каждым годом он дает все меньше и меньше энергии.

Грузовик, за которым они ехали, внезапно с грохотом остановился, подняв огромное облако пыли, в котором с успехом могло бы укрыться небольшое стадо носорогов. Металлическая громадина перегородила дорогу, и три колонны машин, которые ехали за ней, тоже были вынуждены остановиться — все шоферы Конго в таких ситуациях, по-видимому, поступали одинаково: они одновременно жали на тормоз и на клаксон. Больше всех не повезло водителю, машина которого оказалась в опасной близости от гигантских гусениц грузовика, — их траки были величиной со средних размеров дом. Край гусеницы только слегка задел машину, но та лишилась крыши и превратилась в кабриолет. В воздухе летали хлопья краски. Машина, оказывается, была металлическая, какой-то древней афганской модели. Так что у водителя оставался шанс уцелеть. По крайней мере Мативи на это надеялся.

Подоспевшие полицейские высыпали из патрульных машин и со всех сторон пробирались к грузовику. Они смотрели на него со

страхом и удивлением. Некоторые при этом крестились.

Мативи поставил машину на ручной тормоз, вышел и тоже направился к грузовику. Кто-то окликнул его и велел остановиться, но Мативи не отреагировал.

Правая сторона внедорожника провалилась под асфальт. Торсионы его подвески из материала гораздо более прочного, чем сталь, каждый толщиной с бревно, покрылись трещинами, как прибрежные скалы. Было видно, как в кузове под тентом накренился груз.

Подойдя поближе, Мативи явственно расслышал легкий свист, доносящийся из отверстия в тенте.

Кое-кто из полицейских уже пытался заглянуть в кузов. Увидев это, Мативи замахал руками, как isangoma,[238] и закричал:

— Нет! Осторожно! Tres dangereux![239]

Один из полицейских оглянулся, посмотрел на Мативи, как на полного идиота, и решительно приблизился к кузову. Рукав его рубашки затрепетал и стал притягиваться к отверстию в тенте. Потом рука полицейского примагнитилась к тенту. Полицейский закричал, изо всех сил стараясь высвободить руку. Его товарищи от всей души веселились, наблюдая, как мастерски их коллега разыгрывает этого чокнутого иностранца.

А потом полицейский исчез.

Впрочем, исчез он не сразу. Мативи и стоявшие рядом полицейские слышали, как захрустели кости, потом рука скользнула под тент, словно платок в карман фокусника, потом туда же начали погружаться голова, туловище, ноги. Все увидели, как тело несчастного вдруг вспыхнуло багровым светом: от этого кожа, кости, сосуды — все то, что совсем недавно было живым организмом, — превратились в бурую массу, которая мгновенно исчезла под тентом. На тенте осталось только алое пятно, очертания которого отдаленно напоминали человеческую фигуру, — струйки крови, вопреки законам гравитации, со всех сторон устремились к черному отверстию, в котором только что пропал человек.

Пораженные происшедшим, полицейские повернулись и поглядели на Мативи, словно ждали от него объяснений, потом опять воззрились на внедорожник.

— Alors, chef, — один из них обратился к Мативи по-французски, — qu'est-ce qu'on fait maintenant?[240]

— Эти штуки вышли из-под контроля, — с трудом выговорил Нгойи. В глазах его блестели слезы — бедолага с минуты на минуту ждал неизбежного апокалипсиса. — Все кончено, мы их

больше не контролируем. И часть вины за это лежит на мне. Мативи покачал головой:

— Сдаваться рано. На самом деле они еще не вышли из-под контроля. Пока не вышли. Например, мы все еще можем точно определить местоположение этой штуки, хотя бы путем скармливания ей еще пары-тройки полицейских. Контейнер, в который была помещена черная дыра, просто прогнил. Поэтому она стала засасывать материю извне.

— Нет, он не прогнил, — возразил Нгойи. — Он не мог прогнить — он отлит из сверхпрочного никелевого сплава. Скорее всего это один из тех контейнеров, в которых мы специально проделали отверстия, чтобы пропускать через них инфракрасное излучение. А с противоположной стороны в них должно быть второе отверстие для выхода гамма-лучей.

Мативи все понял. Так вот почему демоны живут не во всех машинах.

Нгойи все еще с опаской смотрел на грузовик:

— А эта штука может перевернуться?

— Нет, не может. Едва она начинает крениться, как тут же сама восстанавливает равновесие. Наверное, как раз из-за этого грузовик так резко остановился. Ты же сам знаешь, мы имеем дело с небольшим объектом, обладающим огромной скоростью вращения и массой более тысячи тонн. Вряд ли можно всерьез говорить о гироскопической стабильности подобного объекта…

— КЕТЧВАЙО[241] БРАЙАН МАТИВИ! ИМЕНЕМ МИРОТВОРЧЕСКИХ СИЛ ООН НА ТЕРРИТОРИИ КОНГО ВЫ АРЕСТОВАНЫ!

Мативи обернулся и увидел начальника полиции с мегафоном. Знаки отличия на форме представителя правопорядка были начищены до такого неимоверного блеска, что Мативи с трудом мог разглядеть, в каком чине тот находится.

Мативи вздохнул и начал переговоры:

— Послушайте, лейтенант…

— Я не лейтенант, я майор, — поправил его полицейский.

— Послушайте, майор, я прибыл в вашу страну с миссией предотвращения катастрофы, масштабы которой могут быть настолько огромны, что я бы очень не советовал вам сейчас арестовывать меня и препятствовать моей деятельности. Знаете, что может произойти, если этот грузовик опрокинется и содержимое его кузова свалится на дорогу?

В ответ майор только пожал плечами:

— А знаете, что будет, если кто-нибудь узнает, что я видел вас и не арестовал? Меня уволят, и моя жена и дети умрут с голоду.

Мативи стал медленно пятиться.

— Эй, куда это вы?! — Майор демонстративно щелкнул предохранителем пистолета.

— Я знаю, что произойдет, если вы не арестуете меня. Вы еще забыли сказать, что, если вы этого не сделаете, весь город скоро останется без электричества, так что не только ваша, но и многие другие семьи могут умереть от голода, — сказал Мативи, старательно обходя стороной грузовик, вокруг которого вилась пыль и, словно под ветром, гнулась трава.

Он махнул рукой в сторону темных очертаний города:

— Видите, перебои с электричеством уже начались, а все потому, что из-за транспортировки этой штуки прекратилась подача энергии с нее на электростанцию. В результате в домах перестали работать холодильники, электроплиты, в больницах не действует реанимационное оборудование. Я все прекрасно понимаю.

Мативи медленно поднял руки, чтобы все видели, что он безоружен. Потом, одной рукой ухватившись за борт грузовика, он запрыгнул на его кабину, так что кузов машины оказался между ним и майором.

— Но я уверяю вас, вы и представить себе не можете, что произойдет с вашей и со многими другими семьями, если я все-таки разрешу вам транспортировать содержимое кузова этой машины в Дьело-Бинза. Вы не знаете, что в этом контейнере. А я знаю.

— Должен предупредить вас, что, если вы попытаетесь бежать, я буду вынужден стрелять. Мне даны соответствующие полномочия, — сказал майор, целясь в Мативи из пистолета.

— Разве я пытаюсь бежать? Смотрите, я только что добровольно залез на один из ваших же грузовиков.

Мативи не моргая смотрел на пистолет, от которого теперь зависела его жизнь. Потом он вдруг слегка пригнулся, так что майору тоже пришлось опустить дуло пониже — он целился прямо в грудь Мативи.

— Немедленно слезайте с грузовика! — крикнул полицейский. — Или я буду стрелять!

Мативи облизал пересохшие губы и подумал, что дважды за один и тот же день оказаться под дулом пистолета — это как-то чересчур. Впрочем, в отличие от предыдущего раза, в этой ситуации он еще лихорадочно пытался в уме проверить правильность своих расчетов. А что, если он ошибся с релятивистским эффектом? Надо, чтобы пуля прошла прямо над отверстием в тенте…

— И не подумаю.

Полицейский нажал на курок. Раздался оглушительный выстрел, из дула пистолета вырвалась вспышка пламени. Мативи остался неуязвим.

Майор остолбенел и уставился на того, кому по всем правилам полагалось быть мертвым.

— Как я уже говорил, — невозмутимо продолжал Мативи, — в отличие от вас, я знаю, что находится в кузове этой машины. Может быть, вы все-таки не станете мешать мне выполнять мою миссию?

От удивления глаза майора стали даже чуть шире его полномочий на применение огнестрельного оружия. Он опустил пистолет. У бедолаги дрожали руки.

— Может быть, — сказал он и зачем-то добавил: — Сэр…

Машину Мативи затерло массой людских тел — к счастью, вполне живых, несмотря на непосредственную близость к ним сверхоружия массового поражения. На дорогу вышли тысячи местных жителей в пестрых шелковых футболках с надписями на самых разных языках — эти футболки в страну доставляли в качестве гуманитарной помощи миротворцы всех национальностей, которые стремились таким образом заслужить доверие народа Конго, понесшего значительные потери в результате голода и военных действий Третьей мировой войны. От места, где стоял грузовик, толпу отделяли наспех установленные голубые щиты. Мативи решительно направился к ограждению из липучей проволоки, пущенной поверх этих щитов, на которую то и дело толкали друг друга неосторожные зеваки. Липучая проволока отличалась от колючей в основном тем, что ее шипы прилипали к коже, проникали в нее примерно на сантиметр, и их мог извлечь оттуда только хирург, причем вместе с кожей. По сравнению с липучей проволокой, колючая была совсем безобидна.

Патрульные, охранявшие единственный въезд за ограждение, расступились и отдали честь военным в самолете с эмблемой ООН. Мативи тоже пробирался к этому «Боингу V-22 VTOL[242]» старой модели, на пассажирском сиденье которого расположился тучный негр в камуфляже ужасного покроя, беспрестанно говорящий по многочисленным мобильным телефонам. Мативи знал, что назначение телефонов определяется по цвету их корпуса. А вот «боинг», на котором этот человек сюда прибыл, когда-то был белого цвета. После многих лет, проведенных в Конго, теперь это был скорее цвет видавшей виды сантехники в общественной уборной.

Мативи внимательно наблюдал за тем, что происходит на

огражденной территории. Весь участок был забит военной техникой. Мативи узнал установку японского производства для обезвреживания ядерных боеголовок, не разорвавшихся по причине сбоя в работе взрывателя. Сверхчувствительные сенсоры установки наверняка смогут уловить даже минимальное гамма-излучение, возникающее в результате реакции деления. Нейтрализующий снаряд стодвадцатого калибра влетит внутрь контейнера — в результате наверняка погибнет человек, управляющий работой установки, и участок покроет слой радиоактивных осадков. Хотя, возможно, несколько миллионов мирных жителей в округе все-таки ухитрятся уцелеть…

В конце концов Мативи кое-как удалось подобраться к «боингу».

— Эй, Луи, КАКОГО ЧЕРТА там ВЫТВОРЯЮТ мартышки из отдела обезвреживания?! — закричал Мативи.

В окне показалась голова Гросжана.

— А, Чет, это ты! Ну привет! Все вроде правильно — в полном соответствии с процедурой обезвреживания оружия на основе опасных источников гамма-излучения.

— Во-первых, это не совсем оружие… Гросжан недоверчиво улыбнулся:

— Эта штука может уничтожить всю планету, и ты считаешь, что это не оружие? Тогда что?

— Там еще тридцать девять таких штук, и каждая способна уничтожить Землю. Но это уже не оружие: сам подумай — кто станет использовать оружие, от которого может погибнуть вся планета?

Гросжан помедлил, потом кивнул:

— А для чего понадобились эти штуки? Наверняка для производства какого-нибудь оружия?

— Скорее это побочный продукт производства оружия. Они использовались как составляющие ускорителя Пенроуза.

— Это все твои домыслы.

— Ну да, мои домыслы, но я как-никак инспектор по вооружению, а ты всего лишь сотрудник службы безопасности. Было время, когда мы в ООН подозревали правительство Народной Демократической Республики Конго в том, что оно использует оружие Пенроуза в войне против Народной Демократической Республики Конго. Ну, например, под Преторией они применили снаряды с сотнями тонн опасных биологических веществ, каждый из которых был выпущен с расстояния около четырех тысяч километров. Когда подразделениям ООН удалось сломить сопротивление мятежного правительства, военные следователи приступили к изучению

использованного оружия, но оказались в тупике. На ракетных установках стояли обычные магнитные ускорители, которые, судя по показателям начальной скорости, могли оказаться эффективны только при наведении снаряда. Они не были способны доставить снаряд к цели. В установках явно чего-то не хватало. Что-то должно было приводить эти снаряды в движение, и это явно не магнитные ускорители и не взрывчатые вещества. Ведь те снаряды оказались действительно гигантских размеров и летели с огромной скоростью. Помнишь вспышку бешенства в Новой Зеландии два года назад, вызванную непонятным вирусом, который передавался воздушно-капельным путем? Наверняка это тоже их рук дело. Скорее всего военные Конго запустили снаряд со слишком большой скоростью, так что он вылетел на околоземную орбиту, а потом, тринадцать лет спустя, сошел с нее и упал на землю. При использовании взрывчатки и магнитных ускорителей такого никогда не происходит.

— И что же это, по-твоему, было?

— Ускоритель Пенроуза. Берется огромная масса вещества, вращающегося с достаточной скоростью, чтобы образовать вокруг себя орбиту, и по этой орбите запускаются снаряды, движущиеся против направления вращения общей массы. В результате траектория половины снарядов отклоняется внутрь орбиты и они попадают во вращающуюся массу, в то время как траектория остальных снарядов отклоняется в противоположном направлении и они начинают с огромной скоростью удаляться от общей массы. Вся эта система работает только при условии, что ее масса достаточно велика для того, чтобы развить скорость вращения больше скорости света.

— Черная дыра!

— Совершенно верно. И сейчас в нашем распоряжении находятся тридцать девять радиоактивных черных дыр, которые когда-то использовались в качестве ускорителей в ракетных установках, а теперь вроде как остались не у дел. Ну и плюс еще одна черная дыра в кузове вон того грузовика — прямо посреди трассы на Дьело-Бинза. И единственный способ избавиться от них, я считаю, — это воспользоваться еще одной черной дырой, побольше этих, и запустить их на орбиту. Из них исходит гамма-излучение, и при этом они постоянно поглощают материю. Так что если у тебя хватит ума использовать одну из вон тех установок или, не дай бог, применить оружие…

— ГОСПОДИ ИИСУСЕ! — Гросжан увидел, что его люди как раз готовят ракетную установку, чтобы расстрелять контейнер артиллерийскими снарядами. Он бешено замахал руками и бросился к ним, крича: — Нет! Стойте! ARRETE! ARRETE![243]

Военные подчинились приказу. Гросжан выглядел совсем растерянным:

— А мы еще жаловались на то, как нелегко избавляться от ядерного оружия.

— Ну да, все относительно, — согласился Мативи. — А теперь посмотри вон туда. — Он показал в сторону шоссе.

Недалеко от линии оцепления стояло два фургона с логотипом «ВАООНДЕРКОНГО», как на форме у Нгойи, и светящейся рекламой «ЗДЕСЬ ВЫ МОЖЕТЕ КУПИТЬ СВЕТ И ТЕПЛО». С этих фургонов велась активная торговля небольшими просмоленными брусочками, которые в темноте светились мягким зеленоватым светом. Из близлежащих домов выходили люди, разглядывали брусочки, приценивались и в конце концов покупали эти импровизированные лампочки, от которых было и тепло, и светло.

— Если это то, что я думаю, надо немедленно остановить их. — Гросжан метнулся было в сторону фургонов. — Это же очень опасно!

— Я думаю, тебе не стоит вмешиваться. Ну да, от этих лампочек погибнет два десятка семей, но тут уж ничего не поделаешь. В конце концов, городу нужны свет и тепло. — В голосе Мативи звучал злобный энтузиазм. — Так что люди Жана-Батиста таким образом удовлетворяют самые насущные потребности своих сограждан. Или я не прав, Жан-Батист?

Нгойи все еще сидел в машине Мативи и с грустью наблюдал, как его подчиненные продают мирным жителям радионуклиды. Ему было стыдно смотреть в глаза Мативи. Он достал из внутреннего кармана пистолет, из которого утром собирался пристрелить Мативи, и начал медленно и методично чистить его затвор — наверняка утром осечка вышла из-за неполадки в затворе.

— А теперь, когда вы оцепили территорию, я думаю, можно начинать действовать. Я уже связался с МАГАТЭ. Отряд немедленного реагирования скоро будет здесь.

Нгойи невозмутимо вытащил из барабана патрон, протер его и вставил на место. Гросжана, похоже, удивили слова Мативи.

— Ты хочешь сказать, что *уже* существуют отряды немедленного реагирования для подобного рода чрезвычайных ситуаций?

— А как же иначе? Ты ведь не думаешь, что здесь произошло нечто из ряда вон выходящее? Так бывает с любым новым оружием. Как только физики создают его, обязательно находятся какие-нибудь мелкокалиберные диктаторы, которые начинают тянуть к нему свои жадные ручищи и в конце концов

благополучно до него дотягиваются, абсолютно позабыв, разумеется, известить об этом мировую общественность. В любой стране мира, где угодно, могут находиться десятки и сотни таких вот черных дырок. При одной лишь мысли об этом у меня волосы встают дыбом. Я говорил с одним инженером, который недавно вернулся в Европу из одной такой страны… Судя по его загару, это тоже была какая-то южная страна. Он сказал, что там таких штук предостаточно, — он сам видел несколько тысяч. Специалисты ООН сейчас пытаются найти способ их уничтожить, но пока что все эксперименты по закрытию черных дыр заканчиваются так называемым испарением Хокинга — это явление по своей разрушительной силе сопоставимо со взрывом ядерной боеголовки весом около тысячи тонн. А если хотя бы одна из таких штук окажется вне контейнера, она войдет в земную кору, как камень в воду, доберется до земного ядра, потом направится обратно к поверхности, потом снова начнет приближаться к ядру — и этот маятник постепенно будет раскачиваться все медленнее и медленнее, постоянно поглощая земную материю, пока в конце концов не уничтожит всю планету. Земля попадет внутрь черной дыры. Никто не знает, сколько времени будет продолжаться агония — несколько недель или несколько веков. На этот счет мнения астрофизиков сильно расходятся. И знаешь, что во всем этом самое забавное? — Мативи натянуто улыбнулся. — Знаешь, что не перестает меня радовать?

— Что? — Лицо банту[244] Гросжана стало светлее, чем у бура.[245] В этот момент в салоне машины Мативи раздался слегка приглушенный выстрел.

— Самое забавное, что никогда нельзя знать наверняка, нет ли таких штук еще в каком-нибудь укромном месте. Кто угодно и где угодно может проводить несанкционированные эксперименты с черными дырами. И мы об этом никогда не узнаем, потому что подобные проекты всегда строго засекречены. Точно так же мы никогда не можем быть уверены в том, что какая-нибудь черная дыра уже не вырвалась на свободу. Может быть, она, как эдакий огромный детский мяч, уже давным-давно совершает свои немыслимые скачки в недрах нашей планеты. Если это так, то, рано или поздно, мы, конечно, обо всем догадаемся по гравитационным аномалиям, изменившимся показателям сейсмометров и других приборов… Может быть, нашему миру осталось жить совсем немного — каких-нибудь два десятка лет, а мы как были идиотами, так и остаемся. В общем, Луи, будь так добр, проверь надежность ограждения и охраны.

Гросжан с усилием сглотнул, потом кивнул. Мативи,

насвистывая, направился к своей машине, достал из кармана телефон, набрал номер — о чудо, телефон работал!

— Привет, милая… Нет, пока нет, еще пару дней… Да, все как всегда. Нет, ничего опасного, все прошло благополучно… Представляешь, в меня стреляли, но, как всегда, мимо. А все потому, что евклидово пространство безнадежно устарело… Да, евклидово. Объясню, когда приеду… Ну ладно, мне пора. Прилетаю послезавтра в девять утра рейсом из Киншасы.

Мативи положил телефон в карман и подошел к машине. По всему лобовому стеклу с пассажирской стороны растеклась кровь — Нгойи застрелился. «Ну что же, он сам решил свою собственную проблему, — подумал Мативи, — а машину все равно завтра возвращать в прокат. Хорошо хоть боковое окно было открыто — салон пострадал гораздо меньше, чем тогда в Квебеке, где то же самое проделал подлец Ламант. Помнится, тамошние проходимцы из службы проката заставили чистить салон».

Мативи посмотрел вокруг:

— Ну что, шарик голубой, опять я спас тебя от верной гибели? Право же, не стоит благодарности!

Мативи улыбнулся. Впервые за много дней.

Крис Роберсон
Золотая гора [246]

Джонстон Лин стояла у открытой двери трамвая, обхватив согнутой рукой поручень, и, прищурив голубые глаза от яркого утреннего света, смотрела на юг, туда, где пронзала небо игла орбитального лифта. Солнце находилось в положении Холодной Росы, в начале месяца Собаки, когда температура стремительно повышается, а солнечный свет все ярче разгорается в южном небе. Лето было не за горами, и Лин надеялась оказаться далеко отсюда, пока оно не наступило. Когда трамвай загромыхал по улицам города Девяти Драконов, она обратилась к своим записям, чтобы уточнить адрес последнего интервьюируемого и просмотреть обрывочные сведения о нем, которые она почерпнула из их короткой предварительной встречи.

Лин провела в Девяти Драконах больше трех месяцев и с нетерпением ждала возвращения домой, на север. Ее не прельщали ни южный климат, ни постоянно влажный морской воздух, ни знойное южное солнце. Не слишком сроднилась она и с немногословием жителей Гуандуна, с его бесконечными фермами, протянувшимися во все стороны, с неспешной, незатейливой деревенской мудростью южных крестьян. Лин, как истинная дочь Пекина, северной столицы, привыкла к сутолоке многолюдных городских улиц, к вечерам в Королевской опере, и послеобеденному отдыху в тени декоративных садиков, к франтоватым офицерам Армии Восьми Знамен[247] и к остроумным придворным ученым в ярко-красных островерхих шляпах. Девять Драконов же, как и портовый город Благоухающей Гавани[248] по ту сторону залива, служили средоточием крестьян, рыбаков, рабочих да чиновников. Единственными культурными людьми, встречающимися здесь, бывали путешественники, которые держали путь к Золотой Горе, но они, проехав через город к основанию орбитального лифта и не успев оглядеться по сторонам и набрать в легкие южного воздуха, оказывались на борту гондолы, которая взмывала ввысь по электромагнитным рельсам Золотой Горы к тросу Небесного Моста и оттуда уже стартовала на высоту тридцати шести тысяч километров над головой к орбитальному городу Алмазной Вершины.

Джонстон Лин была научным сотрудником исторического отдела при Министерстве космических экскурсий, и сегодня ей предстоял завершающий ее миссию визит и сбор последних данных, необходимых для проекта. Она находилась здесь в

составе группы ученых и исследователей. Перед ними стояла задача составить полную историю раннего периода изучения космоса, начиная с основания в прошлом веке Министерства космических экскурсий под эгидой Императора и вплоть до запуска Флотилии Сокровищ к красной планете Огненная Звезда, начавшегося несколько недель тому назад. Историю эту следовало представить на суд Императора в северную столицу, когда последний корабль флотилии скромного, нежно-водянистого цвета, который окрестили Белым Ночным Сиянием, отправится в свой многомесячный вояж к красной планете.

Трамвай подошел к восточному кварталу Девяти Драконов, где вдоль тесных улочек жались друг к другу дома Города Призраков, плавно переходившего в порт. Далее простиралось открытое море. Лин сложила в сумочку свои записи и едва заметно улыбнулась. Она уже встречалась с объектом своего последнего интервью, и, как только с ним будет покончено, работа ее завершится. Лин тут же сможет отправиться в гостиницу «Белый Лотос», собрать вещи и, поднявшись на борт «Заоблачного Экспресса», возвратиться в северную столицу. А передав руководителю отдела отчет о проведенной работе, приступит к своим обычным обязанностям, более того — займется личными делами.

Трамвай достиг крайней восточной точки кольцевого маршрута, водитель дал звонок, извещая о конечной остановке. Лин отпустила поручень и спрыгнула на булыжную мостовую, за ней осторожно сошли по ступенькам несколько белых стариков с печальными лицами. Когда трамвай развернулся и продолжил свой путь обратно на запад, Лин зашагала по ведущей вверх узенькой улочке; затем прошла под аркой, увенчанной массивным, высеченным из камня орлом, к воротам Города Призраков. Последние три месяца большую часть времени Лин проводила за его стенами, среди старых винландеров, «белых призраков». Это было общество холостяков, где на десять мужчин попадалась одна женщина. За долгие месяцы Лин довелось повидать множество подобных людей и узнать, как тесно переплелись их судьбы со строительством Золотой Горы, башни высотой три тысячи километров, которая вздымалась к Небесному Мосту. Одни старики были настроены более дружелюбно, другие — менее. А некоторые достигли такого преклонного возраста, что не могли вспомнить ни года своего рождения, ни имени собственной матери. Когда их спрашивали об этом, они лишь бормотали на своем гортанном английском: «Это было очень, очень давно». Они проявляли безразличие ко всему, эти старики винландеры. Стоя, прислонясь к холодной

стене, или сидя на ящиках из-под фруктов, они терпеливо дожидались, когда смерть призовет их к себе. Беседы с изнуренными тяжким трудом, выброшенными за борт жизни стариками вызывали у Лин постоянное чувство неловкости.

Лин всю жизнь старалась преодолевать эти стереотипы и неверное представление большинства китайцев в отношении винландеров, даже тех из них, кто, как и она сама, никогда не видел родины своих предков. Оба ее деда и одна из бабушек приехали в Китай в середине прошлого века, а отец родился здесь. Город Призраков, полный мужчин и женщин, которые как нельзя лучше соответствовали предвзятому мнению о них, как о «белых призраках», служил ей напоминанием о том, из какого далека прибыл в Китай ее народ и какой долгий путь еще ждал их впереди.

Лин направили в провинцию Гуандун только потому, что она говорила по-английски, на родном наречии винландеров. Родители девушки настояли на том, чтобы она изучила язык, поскольку ее прародители по материнской линии так никогда и не овладели ни мандаринским, ни кантонским, и ни одним другим китайским диалектом. Она из-за этого сердилась на своих деда и бабку, не понимая, почему они отказывались приспосабливаться. В детстве Лин и ее сестра редко разговаривали с ними, а став взрослыми — и того реже. До того как дед скончался прошлым летом, она не общалась с ним чуть ли не десять лет и даже не присутствовала на церемонии похорон, заявив, что работа в отделе истории не позволила ей принять в них участие. Мать до сих пор не простила ей такого нарушения этикета.

В последний раз ей недолго пришлось говорить с Макалистером Джеймсом, но этот человек показался Лин более понятливым и общительным, чем большинство старожилов, у которых она брала интервью в предыдущие месяцы. Этим утром она была настроена на короткую беседу с ним, и если повезет, то к концу недели ей удастся вернуться в Пекин.

Добравшись до северной окраины Города Призраков, Лин подошла к дому, где жил нужный ей человек. Чтобы попасть в его маленькую комнату на верхнем этаже, ей пришлось взбираться по шаткой лестнице, пройти мимо скверно пахнувшего ресторана винландеров, расположенного в цокольном этаже, откуда постоянно лился запах овсянки, мамалыги и мясных рулетов, мимо небольшой клиники на втором этаже, где медики до сих пор лечили раны и болезни жителей Города Призраков своими странными западными лекарствами. Поднявшись на лестничную площадку верхнего этажа, она оказалась в конце длинного,

тускло освещенного коридора с множеством дверей по обе его стороны. Лин в последний раз сверилась со своими записями, уточняя адрес, и направилась к нужной двери.

Старик, открывший дверь, посмотрел на нее с едва скрытым презрением, словно не узнавая.

— Мистер Макалистер? — ради старика заговорила по-английски Лин. — Макалистер Джеймс? Я Джонстон Лин, если вы помните. Мы с вами разговаривали на прошлой неделе на рынке, и вы согласились продолжить нашу беседу.

Старик прищурил водянистые глаза и не спеша кивнул. Открыв шире дверь, он посторонился и жестом пригласил Лин войти. Не успела она шагнуть внутрь, как он запер за ней дверь и вернулся к потертому дивану в дальнем углу комнаты. Лин прошла по пыльным половицам к обеденному столу и единственному стулу. Другой мебели в комнате не было.

— Можно присесть?

Старик кивнул, и Лин, пристроившись на стуле, разложила на столе свои записи.

— Спасибо за то, что согласились встретиться со мной, — сказала она с легким поклоном.

Старик настороженно следил за ней.

Макалистер Джеймс, которому было уже за восемьдесят, и впрямь соответствовал кличке Привидение. Он казался призрачным, бестелесным. Редкие волосинки, еще остававшиеся на усеянном коричневыми пятнами черепе, побелели и истончились, уши и ноздри с годами достигли непомерной величины. Изо рта торчало несколько желтых зубов, протравленных за долгие годы табаком и виски — пороками белых людей. Кожу лица, шеи и рук покрывали шрамы от оспы.

— Вы ведь заплатите, да? — бесцеремонно спросил старик, впервые заговорив, с тех пор как Лин вошла. — За то, что будете слушать меня?

Лин кивнула:

— Да, маленький гонорар, несколько медных монет в качестве платы за то, что побеспокоила вас.

— Покажите, — велел хозяин комнатушки.

Лин, вздохнув, сунула руку в карман, извлекла из него полдюжины медяков с отштампованными на них идеограммами — символами удачи — и с квадратными, просверленными по центру отверстиями и установила аккуратной башенкой на краю стола.

— Вот, — сказала Лин. — Этого достаточно?

Старик слегка привстал, впившись взглядом в монеты. Он зажал деснами нижнюю губу и на мгновение задумался.

— Хорошо, — проворчал он. — Я расскажу.

— Прекрасно, мистер Макалистер. Когда мы с вами на прошлой неделе разговаривали на рынке, вы упомянули о том, что были одним из первых винландеров, которые приехали в Китай и работали на Золотой Горе вплоть до завершения строительства. Все так и было?

Старик откинулся назад и сложил на коленях костлявые руки.

— Ну, не знаю, первыми мы были или нет, но чертовски похоже на то, что так оно и было.

— Мы?

Взгляд старика приобрел отсутствующее выражение. По лицу пробежала мимолетная тень.

— Мой брат и я, — пояснил он. — Мы приехали сюда вместе, еще в молодости. Теперь я один и уже далеко не молод.

— У моего отца был пай на хлопковой плантации в Теннесси, — сказал Макалистер, — в графстве Шелби, на северо-восток от Мемфиса. В тот год, когда в городе появился китаец, мы потеряли больше половины урожая из-за нашествия долгоносиков, которые поражали коробочки, и уже приготовились голодать. Китаец сказал нам, что далеко за морем, на Золотой Горе, есть работа. Постоянная работа и высокие заработки — были бы крепкая спина да желание работать. Нас не пришлось просить дважды. Мы — Майкл, мой брат, и я — подписались без промедления, получили несколько монет на дорожные расходы и отправились в путь. Да нет, не сказать, чтобы нас с Майклом так уж грела идея поехать в Китай. Нам и в Теннесси было бы неплохо, при наличии денег или работы, чтобы их заиметь. Но ни того, ни другого не было. В Китае нас по крайней мере обещали три раза в день сытно кормить, а еще мы могли заработать достаточно монет, чтобы отправлять деньги домой на содержание семьи. Мы с Майклом простились с родителями и двумя сестренками, а сами вместе с десятком других молодых людей из графства Шелби спустились к реке. С тех пор я ничего не слыхал о своих родителях, но несколько лет назад мне сюда, в Девять Драконов, написал сын моей младшей сестры, приглашая вернуться в Теннесси и жить с ними. Однако к тому времени Винланд, на мой взгляд, очень уж сильно попал под влияние Империи Ацтеков, не под их владычество, По близко к тому, что одно и то же, а у меня нет никакого желания жить под кровавым крылом Мексики. Нет, я остался здесь, в Городе Призраков, где единственная тень, которая падает на меня, это та самая Богом проклятая башня — Золотая Гора, та, что уходит в небеса. Мы

помогали строить эту башню, мой брат и я. Она стоила Майклу жизни, а мне чертовски искалечила жизнь.

Мне было всего восемнадцать, когда мы отправились на колесном пароходике вниз по Миссисипи к Мексиканскому заливу, где нас ждал готовый к отплытию китайский фрахтовщик. Майклу же не исполнилось еще и шестнадцати, свой день рождения он отметил где-то в долгом плавании от восточных берегов Винланда до пристани Благоухающей Гавани.

Многие поумирали в пути, хотя мало кто из нас любит говорить об этом. Нас набили в трюмы под палубой, как сельдей в бочку. Мы почитали за счастье, если раз в день получали на обед какую-нибудь бурду и воду. Хотя чаще всего вода была скверная, а в похлебке плавали букашки, к тому же во время шторма от качки пища в любом случае быстро выходила наружу: или через рот, или через другое место. А когда мы огибали оконечность Фузанга, в этой холодной части южного моря судно попало в такую страшную болтанку, что наш трюм чуть ли не по щиколотку оказался в блевотине и человеческих испражнениях. Один мужчина, имени которого я так никогда и не узнал, скончался от поноса, наглотавшись амеб или еще какой-то дряни, что была в испорченной воде, а корабельная команда еще почти неделю не вытаскивала из трюма его изгаженное тело. Когда спустя годы, мы закончили строительство Золотой Горы и работы на всех стало не хватать, многие поговаривали о том, чтобы на одном из тех суденышек уехать обратно в Винланд, захватив с собой сбережения. Я не одобрял этого — как мог кто-то, уже однажды совершивший такое путешествие, добровольно решиться на него снова? Думаю, это одна из причин, почему я остался здесь, в Китае, несмотря на все, что произошло. Мне кажется, запах тех недель плавания никогда не выветривался из моих ноздрей, даже многие десятилетия спустя.

Как бы то ни было, мы с Майклом более-менее целыми и невредимыми добрались в Гуандун, где работа на Золотой Горе уже шла полным ходом. Это был тысяча девятьсот шестьдесят второй год по нашему календарю, или пятьдесят четвертый год правления Императора Гуандонга по китайскому летоисчислению, и, хотя Винланд уже больше ста лет был штатом-спутником Китая, там проживала всего лишь горстка винландеров, которые за все это время эмигрировали в Китай. Я знаю, Майкл и я не были первыми, кто туда приехал, но и далеко не последними.

Стройка на Золотой Горе началась годом раньше, как я потом узнал. Мастеру и сменным десятникам не потребовалось много времени, чтобы понять, что в Китае вряд ли наберется достаточно

старательных работяг, отвечавших требованиям Министерства космических экскурсий. Черт побери, да если бы не бросили клич рабочим во все концы Империи, они, может, и сейчас строили бы эту башню. Кто из Африки приехал сюда работать, кто из Индии, даже из Европы была небольшая группа, но большинство отозвавшихся на призыв были из Винланда, такие как Майкл и я, в основном из южных штатов: Техаса, Теннесси, Кентукки и Оклахомы.

В те дни Золотая Гора была немногим выше обычного здания. На вершине холма под названием Великий Мир, на западной оконечности острова Благоухающая Гавань, как раз через залив от полуострова Девяти Драконов, стоял квадратный самшитовый короб для графитоэпоксидного заполнителя со стороной около километра и несколько сотен километров высотой. Они еще даже не провели герметизацию донных сегментов, а только закладывали фундамент. За то время, что мы там работали, эта башня достигла высоты трех тысяч километров, и все благодаря нам. Задумали-то ее, наверное, китайские головы, но полита она была потом, что тек со спин винландеров. Да и кровью винландеров тоже.

Но даже тогда, в самом начале, мы понимали, что на самом-то деле нам не слишком рады. Китайцы звали винландеров «белыми призраками», говорили, что мы варвары и дикари, да еще и почище. А когда мы перебирались из Гуандуна в другие провинции, после того как была построена Золотая Гора, нас загоняли в Города Призраков на окраинах и терпели разве что в ресторанном деле, в прачечных, которые обслуживали чиновников, да там, где требовалась физическая сила.

Когда мы сошли с зафрахтованного судна на пристань Благоухающей Гавани, там царил хаос. Два других корабля выпускали на берег рабочих, их там были, должно быть, сотни, даже тысячи, сбившихся в кучу на тесном причале. Никто из нас не знал, куда идти, что делать, и почти все мы были слишком заняты собой, вспоминая, как надо ходить по твердой земле, для того чтобы уж очень кому-то понадобиться. Мужчины в просторных блузах и брюках стояли на перевернутых ящиках и кричали что-то на разных языках. Один из них был белый, он говорил по-английски с техасским акцентом. Он крикнул: «Все винландеры, желающие работать, подходите ко мне!» Я схватил Майкла за руку, и мы пошли за этим мужчиной в город.

Благоухающая Гавань выглядит теперь совсем иначе, не то что прежде. Те китайцы, что обитали в тех местах, все жили по другую сторону залива в Девяти Драконах, и все правительственные учреждения, и рестораны, и магазины, и все

такое прочее — все у них было там. А в Благоухающей Гавани не было ничего, кроме пристани, складов, где хранились материалы, да строительной площадки Золотой Горы. Всех рабочих разместили в палаточном городке на восточной стороне горы Великий Мир. Как водится, свой тянется к своему, так что в одной части палаточного городка жили шведы, в другой — эфиопы, в третьей — индусы. Когда мы с Майклом приехали, во всем этом месте было не больше нескольких сотен винландеров, которые скучились в одном углу этого поселения. А к тому времени, как Золотую Гору закончили и рабочую площадку ликвидировали, нас насчитывалось уже тысячи, десятки тысяч.

Работа была тяжелая, опасная, даже до того, как башня взобралась на километры в небо. Решетчатая конструкция Золотой Горы сделана из герметичных сегментов, заполненных газом. Это-то и придает башне прочность, это то самое, что позволяет ей иметь такую высоту. Без этих сегментов, которые распределяют напряжение и вес, мы не смогли бы построить башню выше четырехсот километров, а это много меньше высоты, достаточной, чтобы зацепиться за орбитальный трос Небесного Моста. Но то, что позволяет сделать башню такой высокой, чертовски усложняет сам процесс строительства. Храни вас Господь, если вы работаете на лесах или на самой верхотуре, а ветром снесет переборку или если вы внизу, и обломки графитной эпоксидки от взрывов при разгерметизации посыплются сверху дождем, как шрапнель. А потом, когда башня стала уже достаточно высокой и уже не надо было волноваться, что перегородкой выстрелит вам в лицо или вы ослабите хватку и упадете вниз с тысячеметровой высоты, пришла пора волноваться о том, как бы у вас не закончился кислород, или о том, чтобы не было его утечки из пневмокостюма, да как бы не нарушился температурный режим, а не то пальцы на руках и ногах отмерзнут прежде, чем вы окажетесь в безопасности. Не много встречалось в Городе Призраков таких, кто не потерял на Золотой Горе хотя бы один палец из-за холодрыги на высоте двух тысяч километров, или тех, кто не хоронил кого-то из оставшихся друзей — или брата, который безвременно погиб, упав с башни. Я потерял своего напарника, а потом еще нескольких друзей.

Даже в худшие времена жизнь не ограничивалась только работой. А уж в те первые дни условия были не настолько скверными, чтобы отпугнуть винландерских работяг. Большинство из нас не доверяли восточной медицине и здешним травникам, даже если от этого зависела наша жизнь, так что, бывало, в хирурги нанимались мастера со стройки, а винландеры и европейцы с медицинским опытом делались докторами. А

проголодавшись, мы хотели поесть то, что напоминало бы о доме, а не рыбные головы и странные китайские фрукты. Первыми владельцами ресторанов стали винландеры, которые поняли, что смогут больше зарабатывать, если предложат трудягам традиционную южную пищу — овсянку, мамалыгу, мясные рулеты и маисовый хлеб, — чем если сами продолжат вкалывать на стройке.

Однако у винландеров имелись и менее приятные пристрастия. Я имею в виду бордели. Их владельцы, китайские деляги, поставляли для «обслуживания» рабочих молоденьких девушек из Винланда. Большинство из них, проданные своими родителями за несколько монет, становились практически рабынями. Контракт заключался на десять лет, и по окончании его они могли быть свободны. Но редко кто из женщин после десяти лет борделя покидал его.

Майкл — упокой, Господи, его душу — по уши влюбился в одну из тех девушек из салуна «Эксельсиор». Она была из Техаса, а звали ее Сусанной Грин или Грин Цзу Сан, как окрестила ее китайская мадам. Майкл влюбился в нее с первого взгляда. Как на грех, и меня угораздило потерять от нее голову. Мы пробыли в Китае только два года, а башня вознеслась к небу уже на несколько километров. С самого приезда туда мы отправляли домой каждую из десяти заработанных монет. Однако, с тех пор как Майкл познакомился с Цзу Сан, он нашел другое применение своим деньгам. Но, заметьте, не для нужд похоти, хотя он и был довольно частым посетителем «Эксельсиора». Нет, ой откладывал деньги, чтобы выкупить Цзу Сан и избавить ее от контракта, взяв в жены.

Так вот, Майкл уже почти собрал нужную сумму на первый взнос, когда мы в последний раз поднялись с ним наверх. Майкл и я, мы работали по принципу «веревка и корзина» и вечно торчали вверху на лесах, сваривая стыки этой решетчатой конструкции и страхуя перемычки. Мы находились на самой верхотуре, должно быть, на высоте километров семь или восемь, и вынуждены были носить тяжелые термозащитные костюмы и дыхательную аппаратуру — даже просто для того, чтобы быть там, наверху. Майкл в тот день сидел в корзине, а я вверху на балке занимался такелажем.

Не могу точно сказать, что там не заладилось. Стоило мне на какое-то мгновение отвлечься и глянуть на бледно-голубое небо, на то, как оно простиралось, уходя за изгиб горизонта, как в следующую минуту раздался звук, похожий на мушкетный выстрел, и начался сущий ад. Когда я посмотрел вниз — так быстро, как сейчас сказал эти слова, — все уже изменилось.

Веревка оборвалась над самой корзиной, просто лопнула, как туго натянутая струна, а Майкл висел там, изо всех сил уцепившись за край доски. Далеко внизу летела, кувыркаясь, корзина. Она падала к земле, поворачиваясь то одним боком, то другим, но потом ударилась о край башни, и ее по спирали понесло в сторону от лесов. Я потерял ее из виду, когда она провалилась в гряду облаков. Верхний кусок веревки, все еще прикрепленный к такелажу, как кнут, со свистом отлетел обратно и чуть не обвился вокруг моей груди. Я едва успел отскочить в сторону, а он стеганул о балку с такой силой, словно гром ударил, и оставил в графите отметину, хотя это не тот материал, который легко перешибить.

Ну а перчатки и ботинки у этих термокостюмов не были приспособлены для лазания по стене, хотя Майкл делал все, что только мог. Стены башни были просто пустым каркасом из балок без перегородок, так что брат мог проползти к вершине. Когда оборвалась веревка, он находился всего в нескольких десятках метров ниже меня и сумел вскарабкаться на несколько метров, прежде чем силы его иссякли. И он повис там, вцепившись в балку, и звал на помощь по радио, которое было внутри шлема.

Он звал меня, своего брата, умоляя спуститься и помочь ему. И я вполне мог. Я мог прикрепить прочную веревку к своему страховочному поясу, спуститься вниз и протянуть ему руку. На это потребовалось бы не больше нескольких минут. Я мог опуститься сам, подхватить Майкла, а потом поднять нас обоих в безопасное место. Но я не сделал этого.

Мне хочется сказать, что я не мог, но это неправда. Я мог бы это сделать, если бы не был трусом. До того момента я не знал, что я трус, но, видя, как брат висит над бездной, и понимая, что единственный, кто стоит между ним и Всевышним, — это я, просто остолбенел, не в силах двинуться с места. Я стоял, держась за балку — на большее я не был способен, — и старался отгородиться от криков о помощи, которые доносились до меня из переговорного устройства моего шлема.

Майкл падал, а я до самого конца слышал его крики.

Когда я спустился на землю, то первым делом поспешил в «Эксельсиор», чтобы осторожно сообщить Цзу Сан эту весть. Теперь, когда Майкл погиб, я подумал, что с моей стороны было бы правильным самому предложить жениться на ней. Так как я его ближайший родственник, то сбережения Майкла станут моими, и я не мог придумать им более подходящего применения, чем купить свободу женщине, которую он любил.

Однако, к тому времени, как я прошел сквозь вращающуюся дверь «Эксельсиора», было уже слишком поздно. Майкл упал

гораздо быстрее, чем я смог спуститься, а сплетни по-прежнему летят еще быстрее, так что весть о том, что ее любовник упал, достигла ушей Цзу Сан задолго до того, как я туда добрался. Там, в большом парадном зале «Эксельсиора», я увидел безжизненное, искалеченное тело Цзу Сан. Ей было уже все равно. Она выпрыгнула с балкона одной из верхних комнат и разбилась насмерть, упав с большой высоты на мостовую. К груди она прижимала фото Майкла Макалистера. Проститутки и пьяницы из салуна занесли ее тело внутрь, выставив для прощания, словно это была какая-нибудь отошедшая в мир иной королева. В тот же вечер их обоих похоронили на кладбище для рабочих — Цзу Сан и то, что осталось от Майкла, — бок о бок в одной узкой траншее.

Я никогда больше не поднимался на Золотую Гору. Я упросил мастера позволить мне работать на земле. Моя трусость уже стоила жизни брату, и я не хотел больше подвергать риску ни себя, ни кого бы то ни было еще. Следующие двенадцать лет я провел на земле, таская шлак, передвигая балки с перегородками и газовые баллоны, в то время как башня Золотой Горы поднималась все выше и выше, а тень от нее становилась день ото дня все длиннее и длиннее.

Когда Золотая Гора была готова, мне было уже тридцать семь лет, а трос Небесного Моста протянулся от верха трехтысячекилометровой башни до орбитальной платформы. Небо и земля соединились, и человек мог прокатиться по Небесному Мосту на орбиту тридцать шесть тысяч километров над землей.

С окончанием строительства Золотой Горы винландеры остались без работы. Некоторые возвратились в Винланд, захватив с собой жалкие гроши, заработанные в Китае, те крохи, которые умудрились скопить, и благополучно добрались до Мьюи-шу, Мемфиса или Аугусты, но большинство и эту малость просадили в игорных притонах, вместо того чтобы потратить ее на дальнюю дорогу к дому. Если только добрались бы туда живыми, так как многие поумирали в пути со своими денежками в кармане — от болезней, от ран или от несчастного случая.

Кое-кто из винландеров нашел себе работу на заводах, фабриках или на рыболовных траулерах — в общем, на любой тяжелой работе, которую не хотели делать китайцы. Многие перебирались из прибрежного района Гуандуна в другие китайские провинции, объединяясь в маленькие колонии «белых призраков» и кое-как зарабатывая на жизнь. Что касается меня, то я остался в Гуандуне. Стройплощадка закрылась, и мы, те, что осели по ту сторону залива в Девяти Драконах, брались за первую попавшуюся работу. Там, в Городе Призраков, была стена, где винландеры вешали свои записки и объявления, и мы часто

ходили туда в поисках работы. Но там попадались не только объявления о работе, но и полные отчаяния записки: отец разыскивал сына, брат — брата. А то еще вешали предупреждения, чтобы люди не шли работать к тем фермерам или владельцам фабрик, которые не платили обещанного жалованья или кормили своих рабочих несъедобной пищей. Старики, те, что с самых первых дней вкалывали на Золотой Горе — у большинства недоставало пальцев на руках или ногах, а то и вовсе не было руки или ноги, — сидели на перевернутых фруктовых ящиках и читали записки тем, кто сам не мог прочесть.

В те дни процветали банды и группировки по принципу взаимовыручки, обычно объединявшие людей одного штата или района Винланда «Одинокие звезды Техаса», «Странствующие сельхозрабочие Оклахомы», «Кардиналы Кентукки». Сам я терпеть не мог ничего в таком роде, но достаточно хорошо знал, что лучше не вставать им поперек дороги. Если кто-то из «Одиноких звезд» претендовал на ваше место в баре, то лучше было с ним не связываться, если вы хотели сохранить на другой день целыми руки и ноги. Но при этом они жили по своему собственному моральному кодексу, и если вы поступали с ними по-честному, то и они платили вам той же монетой.

В Городе Призраков имелись игорные притоны, такие, как были в свое время в палаточном городке Золотой Горы. В подобных местах мужчины резались в кости или играли в карты, держали пари на собачьих и петушиных боях, на боксерских матчах и состязаниях в ловкости. Многие за одну ночь разгула лишались месячного заработка, хотя, думаю, попадались и такие, кто получал от этого выгоду. Многие также оставляли деньги в питейных заведениях, где иногда встречались китайцы и китаянки с именем и положением в обществе. Развалившись на скамьях из твердого дерева, они курили толстенные крученые сигары и потягивали виски из Теннесси и кентуккский бурбон. Они приходили туда, чтобы проникнуться местным колоритом, подслушать у «дикарей» свеженькую забавную историю и поделиться этим фольклором дома.

У меня все еще сохранялся приличный счет в банке — мои собственные сбережения и то, что досталось мне после смерти Майкла. Я снял квартиру в приятном районе Города Призраков и получил хорошо оплачиваемую должность начальника смены на фабрике по скручиванию сигар. Работали там одни южные винландеры, а владельцем был Мандарин, который по-доброму относился к своим рабочим, когда у него было нормальное настроение. Стоило же настроению испортиться, он мог

рассвирепеть как сто чертей, но, к счастью, такое случалось нечасто.

Несколько лет дела у меня шли хорошо, но все изменилось, когда я заразился оспой. Я лишился работы и был чертовски близок к тому, чтобы лишиться жизни. Большинство из нас, кто подхватил эту болезнь, умерли от нее, а тем, что выжили, придется до конца жизни терпеть шрамы. Ясное дело, мы не доверяли китайским травникам, поэтому вручали свои судьбы в руки винландерских костоправов, практиков, у которых почти не было опыта в лечении этой болезни и нужных лекарств. К тому времени, когда худшее осталось позади, я совершенно ослаб и весь покрылся шрамами, так что спустил почти все накопленные деньги на лекарства. Меня уволили с фабрики, чтобы я не заражал других, а когда мои сбережения иссякли, меня выселили из моей квартиры и выбросили на улицу. Так в сорок два года я вновь оказался на дне и вынужден был начинать с нуля.

Я нашел работу в магазине одежды — подрубать кайму на дамских халатах. Моего заработка хватало на то, чтобы снять маленькую комнатку и регулярно питаться, но не более. К тому времени я уже несколько лет не отправлял домой деньги и все еще время от времени терзался из-за этого. Иногда задумывался о том, что стало с моими родителями. Теперь-то они наверняка умерли. Узнали ли они от кого-нибудь, что произошло с Майклом, или, умирая, думали, что он еще жив где-то за морями?

У остальных винландеров дела в Китае шли не намного лучше. В газетах нас изображали неучами и варварами. Они называли нас дикарями, нечистыми, рассадниками непонятных страстей и заморских болезней. Каждый год выходили новые указы: то о том, что китайцы не могли жениться на белых или что мы не могли владеть никакой собственностью, а то еще, что белые не имели права принимать государственные экзамены, — короче, ни на шаг из строя.

Все это достигло своего предела десять лет спустя после окончания строительства Золотой Горы. Коллегия совещательных органов издала особый декрет, запрещающий въезд винландеров в Китай. Женам и семьям тех работяг, что, как и я, жили здесь постоянно, был закрыт сюда доступ. А здешним винландерам полагалось зарегистрироваться и все время носить при себе документы. Только учителям, торговцам, студентам и дипломатам разрешили въезд, да и то не всем.

Потом дело дошло до выселения; когда винландеров, переехавших в другие районы Китая, силой изгоняли оттуда, в ход шли даже клинки и винтовки. В те годы, после того как закончили строительство Небесного Моста, в большинстве

крупных китайских городов имелись свои города призраков, но после особого декрета единственный такой город остался в Девяти Драконах.

Некоторые винландеры объединялись в партнерские сообщества, доходящие до десяти человек, они вкладывали деньги и открывали свое дело, что позволяло им обрести статус торговца. Тогда они могли получить сертификат на легальное проживание, вместо того чтобы числиться кочевыми рабочими. Я попытался войти в долю с двумя братьями по фамилии Джеферсон и их кузенами, чтобы открыть в Городе Призраков мануфактурный магазин, но под конец семейные узы оказались прочнее любых обязательств. Братья с помощью одного из кузенов подделали документы и исключили меня из партнерства, выманив все мои деньги и оставив меня даже в более бедственном положении, чем прежде. Мне было под пятьдесят, а годился я теперь разве что для физического труда.

Больше тридцати лет прошло, почти половина китайского цикла, а я оказался практически в том же положении, что и в самом начале. Со времени приезда на Золотую Гору мне лишь два раза немного повезло, во всяком случае по винландерским понятиям, да и то ненадолго. С тех пор я ничего похожего не добивался. Быть может, не так уж и стремился к этому. Короче, эти два шанса так и остались всем, что у меня было в этой жизни, и, использовав их, приходится ждать только ухода в мир иной или следующей жизни — это уж как получится. Единственное, о чем я жалею, так это о том, что так и не женился, но в этой стране так редко встречались винландерские женщины, что у меня не было особого выбора. Как плохо, что Цзу Сан не подождала еще хотя бы несколько минут и спрыгнула с балкона в «Эксельсиоре». Глядишь, мы и были бы счастливы вместе. Я до сих пор вспоминаю ее, время от времени. И своего брата, конечно.

Особый декрет отменили спустя пятнадцать лет после его введения, но тот факт, что теперь винландерам стало легче эмигрировать в Китай, для нас, старых холостяков Города Призраков, почти ничего не значит. Я умру, даже краем глаза не взглянув еще раз на родную землю. Жизнь прошла мимо. Мы ждем. И будем рады смерти, когда она придет.

В вестибюле толпились постоянные пассажиры в ожидании звонка, который возвестит о прибытии очередной гондолы. Сразу за дверью бежали вверх электромагнитные рельсы. Оставляя далеко внизу облака, они взбирались на самый верх башни. У одной из стен этого помещения стояли двое: женщина винландерского происхождения и очень старый белый призрак.

Джонстон Лин и Макалистер Джеймс находились на острове Благоухающая Гавань, в зале ожидания базовой станции Золотой Горы. С силой прижимая к груди стиснутые руки, старик затравленным взглядом озирался по сторонам. Лин не говорила ему, зачем они пришли сюда, сказала только, что приготовила для него сюрприз. А до того как покинуть его арендованную комнатку, ей пришлось пустить в ход еще одну стопку медяков, и, лишь крепко зажав их в руке, Макалистер согласился встряхнуться.

Лин задержалась в Гуандуне дольше, чем ожидала. Она могла уехать еще неделю назад, когда взяла интервью у Макалистера, но, выслушав его историю, подумала, что должна еще кое-что сделать.

Глядя теперь на старика, она вспоминала своего деда. Ее родной дедушка, не женись он на бабушке, мог быть сейчас таким же. И если, подняв на ноги детей, не открыл бы в Гуандуне во времена особого декрета процветающий винландерский ресторан, а позже, перебравшись на север, не организовал бы в столице свою собственную кухню. Однажды ему довелось обслуживать дальнего родственника самого Императора. А умер дед в своей постели в окружении семьи и друзей. Не присутствовала при сем лишь неблагодарная внучка, которая никогда не задумывалась о том, на какие жертвы шли ее родители и прародители, чтобы она выросла в Китае, где могла теперь принимать государственные экзамены и занимать административную должность. Правда, женщины до сих пор не получили права на владение собственностью и не могли еще раз выйти замуж после смерти супруга, но Лин не сомневалась, что все это лишь дело времени.

К тому же при ином стечении обстоятельств Макалистер вполне мог стать ее дедом. Он был того же возраста и происхождения, и случись так, что он встретился бы с ее бабушкой, у него все сложилось бы по-другому.

Но дедушка ушел из этой жизни, а она так и не воспользовалась возможностью сказать ему последнее «прости», не поблагодарила его за все. Быть может, сделав для Макалистера какое-то маленькое доброе дело, она смогла бы загладить свою вину перед духом своего деда. Ей пришлось нажать на все кнопки в Министерстве космических экскурсий, кроме того, она была теперь в долгу за эту значимую услугу перед местным администратором, но Лин чувствовала, что все это стоило того. Она должна была это сделать ради Макалистера, ради своего деда, ради самой себя. В эту минуту, озабоченно наблюдая за выражением лица старика, она ощущала такое спокойствие и умиротворенность, каких не чувствовала уже многие годы.

— Для чего мы здесь? — спросил наконец старик на ломаном кантонизе.

— Увидите, — ответила по-английски Лин, ласково притронувшись к плечу старика.

Пробил колокол, возвещая о прибытии гондолы, и, как только она благополучно причалила, двери разъехались, зашипев под напором воздуха.

— Проходите, мистер Макалистер. — Лин взяла его за высохшую руку и бережно провела к открытой двери.

Взгляд старика бегал из стороны в сторону, пока он покорно шел следом.

— Куда мы идем? — спросил он по-английски.

— Увидите.

Двери гондолы задвинулись за ними, и Лин провела старика к свободному противоперегрузочному креслу. В гондоле, кроме них, были несколько десятков инженеров, морских офицеров, чиновников, и многие бросали косые взгляды на дрожавшего в углу старика, а кое-кто почти не скрывал презрения.

С кресла сквозь расположенные на противоположной стороне гондолы окна открывалась широкая панорама. Старик в замешательстве смотрел туда, и только после того, как земля исчезла из виду и внизу показались крыши домов Благоухающей Гавани, раскинувшиеся вокруг, подобно пледу у него на ногах, он понял, что происходит.

— Нет, — произнес он слабым, словно издалека донесшимся голосом. — Слишком высоко. Слишком давно. Нет.

Лин взяла его за руку и постаралась успокоить:

— Все будет хорошо, мистер Макалистер. Небесный Мост совершенно безопасен.

А за окном гондолы уже расстилался залив и полуостров Девяти Драконов. Севернее тянулся Гуандун и материковая территория Китая, на восток и на юг — сапфировая голубизна Южно-Китайского моря.

— О нет, — плотно зажмурив глаза, сказал старик. — Слишком давно.

В считаные минуты скорость гондолы достигла тысячи километров в час, затем — двух тысяч и все продолжала нарастать. По обе стороны пассажирской гондолы вверх и вниз по тросу перемещались грузовые контейнеры с реактивным приводом. При скорости тридцать девять тысяч километров в час содержимое контейнеров подвергалось воздействию сотен тысяч g. От пассажиров при таких условиях осталось бы мокрое место. И все же даже при неторопливой скорости в три тысячи километров в час, когда на людей давят несколько g, понадобится всего чуть

больше двенадцати часов, чтобы достичь Алмазной Вершины — станции, вращающейся на синхронной с Землей орбите над Благоухающей Гаванью.

— Нет, — тряхнув головой, повторил старик. Лин не на шутку встревожилась.

— Мне ужасно жаль, — сказала она, сжимая хрупкую руку Макалистера так сильно, как только осмелилась. — Я хотела сделать вам что-нибудь приятное. Я не представляла, что вы будете так напуганы.

— Нет, — настойчиво прошептал старик.

— Все будет хорошо, — уговаривала его Лин. — Как только мы доберемся до вершины, вы увидите то, что я хотела вам показать, а потом мы вернемся. Хорошо? Пожалуйста, простите меня. Я не собиралась причинять вам страдания.

Старик, все так же молча, поджал губы и отвернулся.

Шел третий час полета, а старик так и не произнес ни слова и даже не отвечал на прямо поставленные вопросы. Он просто сидел, вцепившись в ремни побелевшими от напряжения пальцами и устремив застывший взгляд на изгиб горизонта, который виднелся за окном.

Стюарды, проходя, предлагали еду, полагающуюся пассажирам в середине пути, но он отмахнулся от них и взял с подноса лишь чашечку с водой.

Когда гондола замедлила ход и причалила к Алмазной Вершине, пассажиры обнаружили, что они стали невесомыми. Стюарды помогали им выбраться из кресел и сопровождали к носу гондолы и дальше в тамбур, ведущий к вестибюлю Алмазной Вершины.

Оказавшись на борту станции, Лин отвела старика в центральную ее часть, которая вращалась вокруг сердечника, обеспечивавшего искусственную гравитацию окружающего пространства. Они остановились у большого армированного панорамного окна.

Прямо перед собой, в нескольких тысячах километров, они увидели последний из Флотилии Сокровищ корабль, что направлялся к красной планете Огненная Звезда. Внизу протянулся голубой изгиб Земли, и отблеск заката своим бледным огнем очерчивал далекую линию горизонта. Они видели даже край западной полусферы и северный континент, который Макалистер называл когда-то своим домом. Ближе всего к ним, на побережье, располагалась мусульманская колония Халифа, основанная в прошлые века адмиралами Трона Драконов. А за ней, там, где на востоке разгоралось солнце, начинались земли Федерации Винланд.

— Вон там, — сказала Лин, поддерживая одной рукой старика, а другой показывая на видневшийся вдали горизонт, — то, что я хотела вам показать. Во-первых, чтобы вы увидели, ради кого работали те долгие годы, а во-вторых, чтобы могли в последний раз взглянуть на свой утраченный дом. Вон там, на горизонте. Это ваша… это наша родина. Винланд.

Старика затрясло. Он отвернулся от окна и посмотрел на Лин, глаза у него повлажнели, губы дрожали.

— Вы… вы не понимаете, — с трудом выговорил он. Голос клокотал у него в горле, как у раненой лягушки-быка. — Не страх мучит меня, а вина.

Лин растерянно посмотрела на старика:

— А я-то подумала, что вы все еще во власти страха, который все те давние годы охватывал вас на Золотой Горе.

Старик изо всех сил замотал головой, словно пытаясь стряхнуть с ушей ее слова.

— Нет! — выкрикнул он. В углах его рта выступили капли пены. — Это был не страх, даже тогда. Вы не…

Он на мгновение замолк, отшатнувшись от Лин и отведя в сторону взгляд.

Лин протянула руку и положила ее на его худое плечо. Она подумала о своем дедушке и обо всем, что они так и не сказали друг другу.

— Прошу вас, — сказала она. — Расскажите мне.

— Нет, — уже с меньшей уверенностью повторил он.

— Пожалуйста, — настаивала она. — Что вы имеете в виду? Что это было, если не страх?

Старик повернулся к ней, лицо его покраснело, глаза блестели.

— Это была зависть! — выкрикнул он. — Была похоть! Жадность была! Но никак не страх. Все, что угодно, только не страх!

Он откинулся на пятки и закатил к потолку глаза, тело его содрогнулось от рыданий.

— Я мог спасти Майкла, — продолжал он. — Стоило только протянуть ему руку. Но пока он там висел, я не переставал думать о том, что с его смертью Цзу Сан станет моей. Я так же, как и он, любил ее, и, если бы его не стало, дорога для меня была бы открыта. Но…

Он снова замолчал, не в силах справиться с рыданиями. Тело его безвольно соскользнуло на пол, и он стоял теперь на коленях, упираясь в них руками.

— Но она уже была мертва, — подсказала Лин.

Из носа у него текла слизь, по щекам струились слезы.

— Да! — взвыл он.

Лин, которую трясло от горя и ощущения своей вины, стояла, глядя сверху вниз на хрупкое тело старика.

— Так вот почему вы так и не уехали домой, верно? — вдруг осенило ее. — Поэтому так и не вернулись в Винланд. Вы не могли бы смотреть в глаза своим близким.

Старик кивнул и стукнул худыми кулаками о ковровое покрытие пола.

— Да! — вскрикнул он.

Не проронив ни слова в ответ, Лин опустилась на колени и обняла худенькое тело старика. Она крепко прижала его к себе, и Макалистер, содрогаясь от рыданий, уткнулся лицом ей в плечо.

— Ох, Майкл! — проговорил старик надтреснутым голосом. — Я так виноват, так виноват. Моим долгом было защитить тебя, а я… О боже. Прости меня. Прости меня!

Лин еще крепче прижала его к себе и погладила по затылку.

— Я прощаю тебя, — прошептала она со слезами на глазах. Они держали друг друга в объятиях — старый белый призрак и женщина из северной столицы. Алмазная Вершина развернулась, и изгиб Винланда исчез из виду, а окно заполнилось панорамой гор и равнин Китая.

— И ты, дедушка, — сказала напоследок Лин, — тоже прости меня.

Гвинет Джонс
Фулкрум [249]

Всозвездии Ориона можно отыскать отражательную туманность[250] NGC 1999,[251] освещенную яркой звездой № 380 Орионис, и «homo sapiens» глобулу Бока,[252] хорошо известную в истории астрономии. Этот звездный инкубатор — видимый участок области Буонаротти, которая в четырехмерном пространстве имеет форму креста. Это «отмеченное крестом место» известно астронавтам и другим романтикам как Фулкрум или Точка опоры. Для одних оно является запретными воротами в Эльдорадо; для других — источником нашего сознания и оракулом, предсказывающим наше будущее, расположенным, как Дельфы, в самом центре пространства-времени…

Чужаки вернулись в свою каюту и обнаружили, что в ней снова все перевернуто. В прошлый раз разграбили их аптечку. Теперь они лишились велосипедов. Чужаки сидели посреди разгромленной каюты, чувствуя, как страх и бессильная злоба захлестывают их. Конечно, утрата припрятанных запасов рыбьего жира — вещь малоприятная, но туристы-экстремалы должны понимать, что их считают богатыми и будут грабить. В данном же случае дело обстояло иначе. Никому на станции, кроме них, велотренажеры не требовались. Их компаньоны-старатели почти все были исключительно астронавтами-ветеранами. Несколько часов в день активной работы на велотренажере не помогут решить проблемы с гравитацией.

В конце концов чужакам наскучило созерцание разоренного жилища, и они решили пойти к Эдди-суперкарго.[253] Эдди, конечно, помочь ничем не мог, но о расовой травле стоило заявить. Они надели куртки и, слегка подпрыгивая, направились по тускло-коричневому коридору — два робких чужака-гуманоида, оба около двух метров ростом, светлокожие и с гривами жестких рыжих волос. Разнополые, они казались людям похожими, как близнецы, но, в отличие от человеческих близнецов, не возражали, когда их путали. По дороге им никто не встретился. От отелей на околоземной орбите станция на Поясе Койпера отличалась отсутствием панорамных видов на парки и магазинов. Большинство старателей, если они в данный момент не готовились к нуль-переходу, покидали свои каюты только для того, чтобы завалиться в салун.

Существовали планы по превращению «Ковша с Ручкой» —

так называлась станция — в центр интернационального города астронавтов, поэтому в ней было так много свободного места. На данный момент станция имела форму асимметричной гантели с корпусом из керамоволокна и двигалась по орбите, на которой вероятность столкновения с астероидом была минимальна. В «Ковше» жили старатели и персонал службы обеспечения, в «Набалдашнике Ручки» — он же служил Центром управления — осуществлялся некий правительственный проект, а между ними был полый переход с гофрированными стенками — «Ручка», соединяющая «Ковш» с «Набалдашником», как пуповина. ИИ решали все основные проблемы работы станции. Единственным человеком, облеченным властью на борту «Ковша с Ручкой», был Эдди, не слишком обремененный обязанностями. Как Орландо и Грейс удалось выяснить, на дежурстве он не делал ничего, кроме как сидел в своем кабинете в Центре управления и раскладывал «солитер». В свободное время он спускался в салун, поболтать с разными негодяями. Его скафандр и официальный статус выдавали в нем непрофессионала, но он просто преклонялся перед астронавтами.

Жилище Эдди выглядело комфортнее обычных кают. Для улучшения теплоизоляции его каюту снабдили двойной обшивкой, кресла, стол, шкафы, выступающие из стен, пол — все выдержано в скучном, официальном стиле. Здесь не было вещей, которые как-то характеризовали бы хозяина каюты, не было никакого оборудования (помимо самого Эдди), только настольный экран, который он использовал для своего бесконечного «солитера». Суперкарго был худой; с редкими растрепанными темными волосами, облаком лежавшими на плечах, грустными глазами и пристрастием к экстравагантной одежде. Сегодня он обулся в высокие, до колена, сапоги на платформе, усыпанные серебряными блестками. Жесткий скафандр, предохраняющий кости от воздействия повышенной гравитации, скрывался под тонкой, как паутина, рубашкой из золотистого шелка и черными неопреновыми брюками; вокруг шеи невесомо подрагивал тонкий шарфик в медно-серебристых тонах. Пленники гравитации предпочитали легкие аксессуары: это был своего рода черный юмор, и Эдди изо всех сил стремился походить на них.

Он радостно приветствовал чужаков, но жалобы их выслушал без энтузиазма.

— Послушайте, — прервал он их наконец, — мне жаль, что вы лишились своих велосипедов, но вы знаете правила. Они заключаются в том, что никаких правил нет. Вы берете все, что захотите. Мы так живем, и вы получили тому подтверждение.

Здесь, в открытом космосе, вам придется к этому привыкнуть.

— Это-то мы понимаем, — закатывая глаза, произнес Орландо.

— Все это было бы просто прекрасно, — протянула Грейс, пожимая плечами, — если бы у этих мошенников нашлось хоть что-нибудь, что нам захотелось бы украсть. А так просто несправедливо все время воровать только у нас.

Эдди просиял, успокоенный тем, что они не требовали расследования инцидента и визит превратился в дружеский. Просто так же страстно, как он восхищался астронавтами, Эдди их боялся, и тот факт, что (теоретически) он мог надеть на них наручники и вышвырнуть со станции, не имел никакого значения. В подобных ситуациях все зависит от человека Чужаки прекрасно понимали это: они были в значительной степени в таком же положении. Если делами заправляют самые отъявленные сумасброды, туристы-экстремалы всегда пытаются вести себя как ни в чем не бывало.

— Знаете, — доверительно сказал Эдди, — предыдущего суперкарго зарезали в салуне, в качестве бонуса от заведения. Вам не следует принимать это на свой счет; наши парни — всего лишь взбесившаяся дикая свора…

Они знали эту историю и полагали, что все это вранье и что старатели режут исключительно друг друга. Но чужаки понимали, что Эдди хотелось придать значимость своей дрянной работенке: его карьера исследователя космоса, очевидно, не задалась.

— Благодарю, — сказала Грейс. — Нам уже намного лучше. Эдди распечатал капсулы с виски и шоколадом, хранившиеся в кармашках у него на ремне, и все трое болтали, вспоминая далекую голубую планету, перенаселенную и давно превратившуюся в свалку, на которую им скоро предстояло вернуться (Эдди — в конце своей вахты, а Грейс и Орландо — на следующем рейсовом корабле «Рогатка») и которая для забытых героев из космического салуна была недосягаемым раем. Внезапно суперкарго замолчал, прислушиваясь к сигналу вызова, неразличимому для посторонних. Гости вежливо сидели, пока хозяин с отсутствующим взглядом принимал сообщение, и пытались сообразить, что он получает — обновление базы данных системы искусственного интеллекта или команду из далекого Хьюстона.

— Ну вот, — сказал он. — Труба зовет. Пора доить чужака.

— Вы хотели сказать, еще одного чужака, — поправила его Грейс.

Эдди покачал головой, волосы и изысканный шарфик

качнулись, как экзотическая водоросль в пруду.

— Ха-ха-ха! Сообразили, смотри-ка! Ну вы-то здесь не такие уж и чужаки.

Эдди слепо верил любым идиотским выдумкам астронавтов. Пространственно-временные путешествия, разумные камни, алмазы размером с Техас — боже мой, он все принимал за чистую монету… Орландо и Грейс выказывали свои избирательные культурные предпочтения, которые были в полной мере приемлемы дома, а здесь над ними просто глумились.

— Все зависит от настроения, — сказал Орландо.

— Эй, — застенчиво сказал Эдди, — не хотите ли присоединиться? Это, конечно, против правил, но я доверяю вам, и вы как-никак лишились своих велосипедов и все такое. Думаю, вы не пожалеете.

Он поднялся, слегка покачнувшись (его сверкающие ботинки были с утяжелением), и принялся сосредоточенно цеплять свои припасы обратно на ремень. Грейс и Орландо быстро переглянулись. Они полностью отдавали себе отчет в том, какую ужасную вещь собирались совершить.

Эдди не воспользовался пластиковой карточкой, он явно не приближался ни к какому устройству для считывания кода и не проходил никаких идентификационных силовых полей. Он просто приблизился к голой стене в конце «Ручки». Непробиваемая стена открылась, и он остановился в проеме, пропуская чужаков. Они оказались в Центре управления, космическом Форт-Ноксе, — несокрушимом сейфе, где содержалось, по слухам, самое удивительное сокровище известной Вселенной.

— Центр распознает вас? — спросил Орландо, очень натурально изобразив удивление. — Или у вас есть ключ, или вшитый чип, который он считывает?

— Не-е-т, он считывает меня самого. У меня, конечно, есть чип…

— Мы заметили.

— Это необходимо для работы. Мой информационный профиль записан в Центре управления на время моей вахты. Имплантат не обеспечил бы достаточной защиты от взлома.

Центр управления представлял собой уменьшенную копию «Ковша». Они продвигались по спиральному коридору, разделенному переборками из зеленоватого керамоволокна. Чужаки сразу оценили чистоту воздуха, в котором не чуствовалось пыли, отшелушившихся частиц и испарений многих человеческих тел. Здесь было также теплее и неплохо пахло. Переборки открывались перед Эдди, он останавливался в проемах

и пропускал своих попутчиков вперед. Суперкарго походил на ученого кота, проводящего своих гостей через намагниченный кошачий лаз. Стены смыкались за ними с пугающей неотвратимостью.

— А что, здесь всегда есть воздух, тепло и гравитация? — тотчас же поинтересовалась Грейс.

— Всегда, — подтвердил Эдди. — Но не специально для этой твари, я не думаю, что ей нужен воздух. Не думаю, что она вообще дышит. Просто было бы дороже каждый раз включать и выключать систему жизнеобеспечения, вот и все. Защита от радиации — дерьмо, — добавил он, — кроме той, что в моей каюте. Компьютеры экранированы автономно, им эта защита не требуется. Но за полчаса ваши яйца не поджарятся.

— А ваши?

Эдди пожал плечами:

— У меня есть каюта, и потом, мне уже хватит детей.

После этих слов жесткие рыжие волосы чужаков встали дыбом. Они как-то сразу почувствовали, что станция Пояса Койпера вовсе не вращается бесцельно на одном месте, а двигается вперед полным ходом. Они отдалялись от родных берегов (единственное возможное здесь направление), пересекали Испанскую Америку, плыли вокруг мыса Горн и дальше к Северо-Западному проходу… Наконец Эдди ввел их в маленькую комнату с такой же напоминающей по форме грибы мебелью, какая была у него в кабинете: стол, стулья, экран и сенсорная панель. Одна стена служила окном, очевидно выходящим в соседнюю каюту.

— Итак, вы здесь, — объявил суперкарго. Он весь дрожал. — Теперь вы сможете сказать, что видели это. Только не надо снимать, пожалуйста. Вы же не хотите, чтобы у меня были неприятности.

— Нам бы и в голову не пришло.

Эдди стоял покачиваясь, приглаживая свои непослушные волосы. Чужаки вели себя, как посетители в зоопарке, разглядывая камеру с голыми стенами, на полу которой копошилось нечто: темная, жилистая, багровая туша, по виду напоминающая кусок конины фунтов на сто. Туша была неопределенных очертаний, будто ее размеры постоянно менялись, с четырьмя тупыми отростками. Часть ее покрывал тонкий слой спутанной бледной паутины, как сгусток жира на куске бифштекса.

— И это на самом деле прямо здесь, за дверью? — небрежно спросила Грейс.

— Я полагаю, так, — ответил Эдди. — Никогда не думал об этом. — Его взгляд затуманился. Эдди просканировал

внутреннюю структуру Центра управления; он кивнул. — Да, прямо за дверью. Черт, я никогда не подозревал, что… — Он дрожал все сильнее.

— Оно выглядит так, будто его освежевали заживо, разрезали на куски и отрубили ноги и руки, — выдохнул Орландо.

— А вот эта штука могла бы быть его мозгом, — прошептала Грейс. — Похоже на кору мозга, вывернутую из чьего-то черепа.

— Не понимаю, почему вы говорите шепотом, — сказал Эдди. Он забегал взад и вперед, ломая свои длинные, изящные руки, как будто с нервным нетерпением ожидал чего-то. — Оно не слышит вас. Вы не можете знать, как они хотели, чтобы оно выглядело. Вы его очеловечиваете. Может быть, оно самое привлекательное и самое счастливое существо из всех, что вы знаете.

— Мы не очеловечиваем его, — возразила Грейс. — Мы же чужаки.

Эдди тихо застонал:

— О, называйте это как хотите, смысл один и тот же. Вы думаете, что оно одушевленное. Это не так.

Испытывая ужас, каждый гуманоид в глубине души ощущает тайное наслаждение: Орландо и Грейс не были исключением. Они внимательно разглядывали существо по ту сторону окна, очарованные и плененные зрелищем. Они знали, что Эдди лгал им для собственного успокоения. Они почти не сомневались, что существо когда-то было гуманоидом. Что бы там ни утверждало правительство, этот гусь, несущий золотые яйца, был почти наверняка кем-то, кто совершал нуль-переход и не смог вернуться невредимым… Но откуда он свалился в эту западню? Откуда? Где он побывал, одинокий путешественников какой стране изобилия?

— Не могу поверить, что они действительно держат его здесь, — пробормотал Орландо. — Я думал, что астронавты просто болтают всякий вздор.

— А где же еще его держать? — с сарказмом отозвался Эдди. — В подвалах Пентагона? Дайте мне передохнуть. Это нечто кра-крайне мистическое и невероятно оп-пасное.

Теперь существо зашевелилось. Оно начало содрогаться и извиваться по полу камеры, всем видом передавая свои мучения и свой ужас.

— Оно показывает, что настало время доения, — прошипел Эдди. — Сейчас вы кое-что увидите… — Он выглядел как безумный. Кровь прилила к его лицу, он как-то странно улыбался и тяжело дышал.

Панель стены отошла в сторону, открывая нишу с парой колец уолдо. Затем явились правительственные агенты в виде

двух мощных рук робота-манипулятора. Чудовище теперь явно пыталось приблизиться к этим рукам. Как только ему это удалось, одна рука робота сомкнулась на толстом отростке чудовища, а другая тщательно прицелилась и исчезла в расщелине, открывшейся в темной сырой плоти. Существо билось и корчилось от боли, содрогаясь в грубых объятиях робота с ужасающей, почти сексуальной покорностью. Рука робота появилась из недр темной плоти, сжимая металлическими пальцами что-то серебристое, густое и липкое, напоминающее жидкую ртуть. Затем рука исчезла в нише и возвратилась в камеру уже опустевшая. Орландо и Грейс наблюдали, как эта операция повторилась пять раз, из недр чудовища было добыто пять полных горстей вещества (все это время Эдди тяжело дышал у них за спиной). Потом руки робота исчезли, и панель камеры закрылась.

— Да, это впечатляющее зрелище, — сказал Орландо. — Тысяча благодарностей, Эдди.

— Но оно хочет, чтобы его подоили, — прошептал Эдди, все еще не в себе. — Оно хочет, чтобы это произошло. Как скорпион. Оно должно подчиняться своей природе.

— Это были кубиты?[254] — спросила Грейс, стараясь не выдать волнения в голосе. — Или гелий?[255]

— Да, — ответил Эдди, моргая и потирая бровь изысканным шарфиком. — Они используют гелий, на это уходит половина всех запасов Земли. И препятствующие слипанию частицы для создания кубитов. Это все помогает снизить загрязнение, дети получают чистую воду, кото… — Он взял себя в руки. — Черт, я не знаю. Эта липкая дрянь переправляется прямо на Землю, весь процесс полностью автоматизирован. Я работаю только на этом этапе. Идемте, я отведу вас обратно.

Обратный путь не принес ничего нового, за исключением того, что настроение Эдди сильно ухудшилось. Чужаки тоже хранили молчание. Суперкарго расстался с ними у дверей своего кабинета.

— Я загляну к вам позже, — пообещал Эдди и скользнул в свою уединенную обитель.

Им не хотелось возвращаться в разгромленную каюту, и они направились в салун.

По стандартному времени, принятому на станции, день подошел к концу, и в темном, холодном баре было тихо и пусто, если не считать завсегдатаев — пьянчуг и игроков, которые зависали здесь от одного часа скидок (на выпивку) до следующего. Двое работников станции из службы обеспечения пытались справиться с непокорным автоматом для разморозки

пищи. Болезненно тучная леди в инвалидном кресле, с золотистыми волосами, спадавшими волнами по обе стороны лица, держала банк за одним из игровых столов. (Чужаки, помешанные на голливудских фильмах, между собой называли ее Лейки.) Высокий неуклюжий малый с визором на глазах — его они звали Слепой Пью — поднял на них взгляд своего мерцающего темного экранчика, который служил ему глазами. «Дергай ручку», — произнес он и снова погрузился в игру. Чужаки взяли тубы с пивом и устроились за столом рядом с игровыми стойками, за которыми никто не играл, потому что они запрашивали кредит в земной валюте, а у астронавтов его не было.

— Ну? — выдохнул наконец Орландо. — Что скажешь?

— О боже!

— Теперь я понимаю, почему они настаивают на том, что это пришелец.

— Ворота в Эльдорадо, — пролепетала Грейс. — Боже мой, я думала, они… почему бы им не… Хотелось бы думать, что они будут что-нибудь делать…

— Ты имеешь в виду, почему интернациональные власти не исследуют эту штуку? Потому что они не посмеют, Грейс. Они наркоманы. Они полностью зависимы. Они не посмеют сделать ничего, что может прервать поток этого богатства.

За без малого четыреста лет с момента начала освоения звездного пространства человеческая раса в космосе не пошла дальше орбитального туризма, правительственных научных станций и жалких, скудных разработок месторождений в Поясе. Открытие нуль-транспортировки повлекло большие изменения, но загвоздка была в том, что пока только люди, одушевленные человеческие существа, могли совершить переход Буонаротти. Вы могли взять только то, что могли унести с собой, и среди этих вещей не должно было оказаться ни одного процессора. В результате возникла Лотерея, которую устроили здесь, как можно дальше от Земли, во избежание непредсказуемых катастроф, которые могли последовать за манипуляциями с пространством-временем. Правительство дешево предоставляло возможности зондирования планет в этом рукаве Галактики любому, кто был готов отправиться на Пояс Койпера. Вы получали право на пакет данных, содержащих инструкции по подготовке вашего багажа к переходу, и некий шанс, что номер вашей заявки на участок выпадет на богатую ископаемыми планету, подобную Земле, с хорошей атмосферой, — четырехмерные координаты золотой жилы.

Затем вы должны были испытать свою удачу: улечься в

капсулу Буонаротти в отсеке нуль-перехода со скудным набором старателя и отправиться неизвестно куда.

Старатели пропадали без вести на многие месяцы; старатели возвращались мертвыми, или искалеченными, или смертельно больными. И все же достаточно часто какому-нибудь астронавту удавалось вернуться невредимым, гордым обладателем превосходного месторождения: достаточно богатый, даже после продажи его со значительной скидкой и уплаты по медицинским счетам, он отправлялся домой на Землю героем. Но однажды, давно, в те первые дни, кто-то или что-то материализовалось в камере перехода, принеся с собой не просто информацию, но сокровище…

Орландо и Грейс прилетели сюда На сверхбыстром корабле «Рогатка» с форсированной тягой, которому в описываемые времена требовалось девять месяцев на дорогу — при благоприятном взаимном расположении Земли и станции, конечно. (Вещество, добытое от чудовища в Центре управления, переправлялось быстрее; оно не нуждалось в жизнеобеспечении и могло выдерживать намного большие ускорения.) Они знали, что, независимо от того, выиграют их номера или нет, им придется сидеть на месте в течение года и затем еще шесть месяцев им предстоит добираться обратно. Они знали, что Лотерея была предназначена для списанных на берег астронавтов — своего рода смертельно опасная доля пенсии для человеческих развалин обычного возраста астронавта. Но дерзкая, великолепная возможность разбогатеть подтолкнула чужаков к этому рискованному предприятию.

Они продумали все. Они взяли правительственную ссуду, запаслись витаминами и заплатили непомерную дополнительную сумму за прокат велосипедов. (Они провели исследования и знали, что жесткие скафандры служили только протезами; чтобы сберечь кости от деформации, требовались реальные физические нагрузки.) Они не сошли с ума. Они не собирались сами совершать нуль-переход. Их план состоял в том, что они получат какие-нибудь хорошие координаты и продадут их консорциуму развития (это не запрещалось, и такие консорциумы во множестве вились вокруг старателей, подобно стервятникам). Консорциум нанял бы астронавта для рискованной разведывательной экспедиции, а Орландо и Грейс вернулись бы домой с хорошим кушем. Но они прожили в Поясе Койпера уже девять месяцев, пялясь в обзорные экраны, а их заявки все время оборачивались безнадежными пустышками. Сплошные газовые гиганты, раскаленные камни, замерзшие скалы. Потеря велосипедов стала последней каплей. Еще пару часов назад они представляли, как

потащатся домой, став за время своего большого приключения Тремя годами старше, с прогнившими костями и с отвратительным долгом правительству на всю оставшуюся жизнь.

Теперь-то у них было кое-что, что можно выкинуть на рынок!

Оно было большое. Оно было очень большое…

— Знаешь, — сказал Орландо, — когда мы обнаружили пропажу велосипедов, я подумал, не попытаться ли нам запудрить Эдди мозги. Я имею в виду, мы ему симпатичны. Может быть, он крутанул бы ручку компьютера Лотереи и переключил нас на лучшую ставку…

Они смотрели друг на друга и смеялись, глаза их сияли ярким, немного шальным блеском.

На появление туристов никто и внимания не обратил. Когда же в салун завалились Джек Одиночка и Дракон Фухима, волоча за собой своих неизменных подружек, все завсегдатаи встали чуть ли не по стойке «смирно». Чужаки почувствовали озноб и знали тому причину. Это были самые крутые парни на станции, известные скандалисты и задиры. Но Джек и Дракон слыли заклятыми врагами. Они ненавидели друг друга; что они делали вместе? Орландо и Грейс съежились на своих сиденьях, потупившись и гадая, кого на этот раз ждут неприятности. Здешние потасовки частенько заканчивались смертельным исходом, но чужаки могли не волноваться: в бандитских разборках самое главное — не оказаться на линии огня.

К их ужасу, Дракон и Джек направились прямо к стойке игровых автоматов. Они дружно вытянули стулья на присосках и уселись прямо перед носом у чужаков. Костлявая подружка Джека, Анни-ма, присела в ногах у своего приятеля, приняв свою обычную странную позу. Коренастая малышка Дракона — ее грудь сильно выдавалась вперед за счет гипертрофированных мышц плечевого пояса — стояла рядом с ним, ее огромные голубые глаза ничего не выражали, ротик привычно морщился в слащавой улыбке.

Когда Орландо и Грейс впервые увидели этих бандитских подружек, они решили, что это настоящие люди, хотя и со странными привычками и неверным представлением о том, как должна выглядеть хорошая фигура. Но, конечно, они были виртуальными игрушками, визуальными проекциями программы. Строго говоря, они были контрабандным товаром, потому что на борту станции запрещалось использование FX-генераторов или других видов персональных цифровых устройств. Но никто не собирался вступать в пререкания с этими двумя — и, уж конечно, не Эдди-суперкарго.

Джек Одиночка был седым гибким коротышкой, пилотом-

ветераном космических трасс, который, должно быть, решительно и твердо боролся со своими недугами. Вы не увидели бы на нем никаких следов увечий, обычно присущих астронавтам, никакого экзоскелета для ходьбы, никаких удаленных из-за тромбоза подкожных вен, и он сумел сохранить нормальное зрение. Но потом вы заглядывали в его глаза и понимали, что он не так легко отделался. Джек постоянно носил информационную перчатку, которая знавала лучшие дни, и перехваченный трубками поношенный гермокостюм — форменное обмундирование пилотов, которое должно было свидетельствовать о его положении. Дракон Фухима ничем не походил на него — это был пухлый юнец с простоватым лицом, в жестком скафандре под ладно скроенным дорогим радиозащитным комбинезоном. Сразу бросалось в глаза, что в Космосе он недавно. Как Грейс и Орландо, он был здесь просто мимолетным гостем. Отслужив свой срок оператором дистанционного управления миротворческого контингента ООН и покинув вооруженные силы в шестнадцать лет, Дракон сам выбрал Лотерею частью своего выходного пособия.

Это был единственный турист, к которому астронавты относились с чрезвычайным уважением. Хотя сумасшедший Джек мог зарезать вас просто для развлечения, его жертв можно было пересчитать по пальцам. Дракон убивал от имени правительства, и официальное количество смертей на его счету зашкаливало за все возможные пределы.

Никто не связывался с солдатами, которым по возрасту впору играть в песочнице.

Крутые парни пялились на них, всем своим видом выражая презрение. Чужаки пытались изобразить циничную, расслабленную самоуверенность — вдруг да удастся выйти отсюда живыми.

— Вы сегодня ходили к Эдди, — сказал Джек.

— Откуда ты узнал? — поинтересовался Орландо. Дракон подался вперед:

— У нас свои методы. Вы нам не нравитесь, поэтому мы всегда знаем, где вы находитесь. Так зачем вы ходили к Эдди?

— Наши велосипеды, — с улыбкой пояснила Грейс. — Их украли. Вы смекалистые ребята, может, знаете что-нибудь об этом деле?

Орландо пнул ее под столом: нельзя же так зарываться! Дико сверкнув глазами, Джек едва не выскочил из-за стола, как черт из табакерки.

— Слушай сюда, ублюдки! — рявкнул он, нервно подергивая свою перчатку. — На хрен ваши велосипеды, нам не нравится, что

вы с ним якшаетесь. Вы двое и Эдди, мы это видим, и нам это не нравится. И вы расскажете нам, что за хрень здесь происходит.

— Мы ему симпатичны, — сказала Грейс. — Что мы можем с этим поделать?

— Это называется эмпатией, — набравшись смелости, объяснил Орландо. — Вам это могло бы показаться какой-нибудь внутренней силой, но для нас это естественно. У вас таких способностей просто нет.

Джек одной рукой схватил Орландо за горло и резко тряхнул запястьем другой, той, что в перчатке. В его руке появился нож, гладкое тонкое лезвие заблестело у бледной шеи Орландо. Аннима захныкала:

— *Ой, ну пожалуйста, не трогай его!*

Джек не сводил глаз с Орландо, продолжая удерживать его одной рукой, другая рука, в перчатке, сжимавшая нож, скользнула вниз, и он привычным жестом похлопал по виртуальным окорокам своей подружки.

Его сноровке можно было позавидовать — движение выглядело совсем естественным.

— *О да, о, ударь меня, большой мальчик,* — хныкала Аннима. — *О, сильнее, пожалуйста…*

Малышка Дракона просто стояла рядом; она была могучей и неболтливой.

— Послушай, — невозмутимо проговорила Грейс, — когда ты закончишь махать руками… Ты все неправильно понял. Мы подружились с Эдди случайно, и это ничего не значит. Мы просто чужаки, мы путешествуем…

— Заткнись, сука! — сказал Джек. — Все это туфта, никакие вы не гребаные чужаки, и сейчас я разговариваю с твоим дружком.

Дракон заржал. Джек медленно отпустил Орландо, по-прежнему не сводя с него свирепого взгляда.

— Слушай, урод, — сказал Орландо с достоинством, поправляя комбинезон. — Мы чужаки для тебя, потому что ты — жалкий, никому уже не нужный тупой мужлан, и у тебя нет никаких шансов понять, откуда мы. Усек? И, между прочим, сука — это я, спасибо огромное.

Те, кто боялся вида крови, уже потихоньку улизнули из бара. Остались лишь завсегдатаи, поглощенные зрелищем. Это было странное ощущение, и не такое уж неприятное, — стать объектом подобного пристального внимания. Чужаки чувствовали, что это бессмысленное запугивание служило чем-то вроде обряда посвящения. Может быть, теперь наконец туристов признают своими.

Джек снова уселся на стул. Рукоять ножа была обтянута мелкозернистой светлой кожей, и чужаки знали историю происхождения этой «кожи». Усмехаясь про себя, он поигрывал оружием, потом приставил острие к столу, слегка нажал, и нож глубоко ушел в керамическую столешницу. Чужаки думали не столько о своей уязвимой плоти, сколько о тонкой обшивке станции, сделанной из того же материала, что и столешница, и о холодной, гнетущей, безвоздушной тьме, что могла ворваться сюда…

— Вы — не астронавты, — сказал Джек уже спокойно и миролюбиво. — Вы чужие здесь.

Дракону надоело быть на вторых ролях.

— Внутри Центра управления, — заявил он, — есть камера, охраняемая фанатичными ИИ-киллерами. В этой камере содержится живое обвинение в преступных зверствах, которые совершали повсюду те, кто считают себя нашими правителями. Мы должны услышать, мы должны пропитаться этой болью, мы должны вернуть попранной, искромсанной и раздавленной плоти уважение, уважение, которого заслуживают стоящие парни, смельчаки, защитившие гуманизм. Мы знаем, *знаем,* что заслуживаем большего, и ВЫ знаете, где мы можем получить это…

— Не слушайте *его,* — вмешался Джек. — Он ни черта не понимает. Существо из той камеры попало сюда с Эн Джи Си тысяча девятьсот девяносто девять, звездного инкубатора в созвездии Ориона. Все это знают, но я — единственный, кто знает, что оно пришло за мной. Десятки тысяч лет Орион был священным для всех древних мировых религий. Никто не понимал причины, пока космические телескопы не обнаружили, что возраст звезд в той глобуле Бока — только сто тысяч лет. Теперь вам ясно, придурки, что те звезды — одного возраста с homo sapiens. Существо в той клетке — человеческое сознание, свернувшееся само в себя в какой-то невероятной размерности. Мы держим его в неволе, чтобы мучить себя самих, но я знаю… *Я знаю,* понимаете? Там, за *пятнадцать* сотен *световых* лет отсюда, находится источник всеобщего разума, всеобщих знаний, и оттуда, из того магического взрыва космического джизина, явился мой Бог, чтобы найти меня, Он пришел *за мной.*

Нож втыкался в столешницу вновь и вновь. Анни-ма хныкала что-то — то ли «не бей меня», то ли «ударь меня», но глаза Джека были спокойны. С легким испугом чужаки поняли, что старый пилот абсолютно владеет собой. Это было его *нормальное состояние.*

— Пятнадцать — это *пять* раз по *три.* Так написано в

Великой пирамиде.

— Я с-слышала об этом, — с готовностью закивала Грейс. — Туманность, которая напоминает эту штуку,[256] и древние египтяне полагали, что это было, м-м… что Орион был Осирисом…

— Египтяне понимали кое-что, девочка моя. Они знали, что космос сотворен из божественной сущности, естества Единого Бога. Но я — помазан, я — избранный.

— Он сотворен из антиинформации, — перебил его Дракон, решая внести свою лепту. — Это вас удовлетворяет? *Это* вас достаточно пугает? Почему, вы думаете, они держат его здесь, с такой мразью, как эти проходимцы, *чужие для меня!* Почему, вы думаете, они заманили меня сюда? Они говорят, что я — морально неустойчивый, гребаные психи, они еще и не то скажут, но вы еще узнаете, на что я способен. Они мечтают, чтобы я заболел и не смог достать хороших лекарств. Да тут вообще заговор на заговоре…

— А теперь вы расскажете нам, — сказал Джек. — Вы расскажете нам, что вам удалось разузнать.

— У этого женоподобного прилипалы, педика, кормящегося с правительственного стола… Грейс почувствовала, как Орландо пихает ее в бок. Она еле заметно кивнула, и они отодвинули свои стулья. Пиковый момент благополучно миновал; можно было уходить.

— Конечно, конечно мы расскажем. Но сейчас нам нужно идти…

Анни-ма жалась и дрожала. Малышка Дракона продолжала стоять.

Чужаки нашли убежище на обзорной палубе, где, как всегда, было пусто. Настоящие астронавты повидали за свою жизнь немало подобных пейзажей. Туристы стояли и смотрели, держась за перила, чтобы не кружилась голова, пока не перестали трястись.

— Думаю, просто была наша очередь, — проговорил наконец Орландо. — Они ничего не знали.

— Надеюсь, ты прав.

Перед ними за большим прозрачным куполом палубы разливалось сияние туманности Ориона,[257] сверкал драгоценный камень на Мече Охотника. Они легко определили Трапецию — четыре яркие звезды, связанные общим гравитационным полем, — в границах которой можно было найти пресловутую глобулу Бока — газовое облако, смутно напоминающее по форме мужские гениталии, внутри которого

рождались новые звезды. Убежденность Джека имела некоторые основания, хотя кое в чем он заблуждался. Действительно, постоянно ходили слухи (которые правительство было не в силах пресечь) о том, что «существо» происходило именно из того самого звездного инкубатора. Из напыщенной тирады Дракона им не удалось почерпнуть ничего значимого для себя: да и чего ожидать от психа, который по-настоящему убил тысячи реальных живых людей, нажимая на кнопки дистанционного пульта. Ему не было и пятнадцати, когда он осознал, что ему нравится убивать, наградой за убийства всегда служило колоссальное чувственное удовлетворение.

Грейс обняла Орландо за плечи, и они погрузились в созерцание красоты этой неизведанной Вселенной. Хоть они и притворялись, что полетели в космос, чтобы нажить себе состояние, все же они были по-своему сумасшедшими.

— Грустно, что мы не можем подойти ближе, — тихо сказала Грейс.

— Мы никогда не сможем добраться туда. Космос разрушает людей.

— Космос напоминает мне прозябание в каком-нибудь гребаном туннеле подземки, где приходится питаться всякими отбросами. А нуль-переход будет похож на…

— Это как сесть на «Евростар»[258] на вокзале Ватерлоо и сойти в Аделаиде.

— Только быстрее, и вместо Южного Креста другие созвездия над головой.

— Это даже не выглядит реальным, — вздохнул Орландо. Вот этот вид… Это просто картинка в телевизоре.

— Это — как бы реальность. Азот — зеленый, кислород — голубой. Все цвета спектра что-то означают. Если бы мы были там, мы бы определили, что мы сейчас видим.

— Ты говоришь, как Джек Одиночка. Давай вернемся в нашу каморку и посмотрим кино.

Они немного привели в порядок разгромленную каюту и слегка перекусили. Им не хотелось возвращаться в салун, но, к счастью, их неприкосновенные запасы остались нетронутыми. Один из гамаков оказался достаточно удобным, когда они постелили на него коврик. Меню развлечений станции было обширным (настолько же разнообразным, насколько скудной была еда); они отыскали прекрасную коллекцию черно-белого кино, причем с таким великолепным качеством звука и изображения, будто это были первые копии с оригиналов, давно утерянных на Земле. Они поставили «Теперь путешественница»[259] и устроились в своем странном, но уютном

гнездышке — два потерявшихся шотландских воробья далеко-далеко от Клайда. Неожиданно удачно свалившаяся на них информация могла подождать. Отрезвленные встречей с крутыми парнями, они теперь опасались, что у них ничего не выйдет: горячий товарец нелегко продать.

— До чего дошло, — проворчал Орландо. — Мы проделали весь этот путь, чтобы ютиться в холодном гостиничном номере, глядя, как Бэт Девис пытается с кем-то переспать.

— Вот тебе и экстремальный туризм. Не важно. Нам ведь нравится Бэт Девис.

Бэт сбросила оперение гадкого утенка и отправилась в путешествие, которое изменит ее жизнь. Орландо тихо спросил:

— Что бы это значило — антиинформация, а, Грейси? Я никогда не слышал об этом раньше.

— Это должна быть какая-то сверхинформация, как, э-э… как отрицательные числа…

— Это не похоже на антивещество? Когда можно взорваться, только прикоснувшись к нему?

— Но руки робота не взор… Эй, мы же не собирались говорить об этом. — Но тут же с содроганием Грейс добавила: — О боже, я боюсь. Дракон рассуждает, как серийный убийца. Его слова напоминают тексты записок, которые маньяки присылают в полицию.

— Он такой и есть. Продающийся за большой куш, поддерживаемый правительством сын Сэма.

Изображение на экране задрожало.

Перед черно-белой картинкой материализовалась высокая, широкоплечая фигура, минимально прикрытая военной формой. Это была Сара Коменски — виртуальная подружка Дракона.

Чужаки застыли в изумлении. Малышка сложила руки на базуках своих мощных грудей — гротескный образ реальной живой девушки, до слез стыдящейся излишеств своей плоти.

— Привет, — сказала она. — Э… Дракон не знает, что я здесь. Чужаки кивнули.

— Да, — хрипло проговорил Орландо. — Разумеется.

Воительница, казалось, огляделась вокруг, и ее ротик округлился в немом удивлении. Жилище Дракона располагалось в первом классе, и, возможно, там было несколько наряднее.

— У нас побывали грабители, — пояснила Грейс. — Обычно у нас уютнее.

— Круто, — сказала красотка. Потом пожала плечами. — Видывала я бункеры и похуже. Я с Драконом, вы знаете сколько. Мы… Мы бывали в разных таких местах. Джунгли, разбомбленные города, вулканы, ледяные поля Узбекистана,

грязные нефтяные платформы… Насмотрелась разного дерьма.

— Да, досталось тебе.

Сара прошагала по комнате туда и обратно, что при ее росте не заняло много времени, и повернулась к ним снова, мощными руками обхватив свои базуки, мускулы на руках напряглись.

— Вы должны помочь мне. Понимаете… Дракон… Он не в себе. Это все боевые наркотики, они разрушили его мозг. Он не может понять, что это — наш последний шанс. Он выбрал Лотерею, потому что это ему внушили. Он станет рисковать жизнью на каких-нибудь паршивых координатах сомнительной пригодности и убьет себя; вот что нам предназначено. Правительство официально не увольняет в запас солдат-детей; это выглядело бы некрасиво. Они просто чертовски точно уверены, что в реальной жизни он долго не протянет.

— Какая жестокость! — воскликнул Орландо. — Я уверен, что он действительно хороший человек, где-то очень глубоко внутри. Но что мы можем сделать? У нас нет никаких выигрышных номеров. М-м-можете проверить.

— Он *не* хороший человек, — сказала малышка. — Но если он куда идет — я с ним.

— Что?

Мелкими жемчужными зубками Сара закусила свою пухлую нижнюю губу.

— Послушайте, идиоты, вы же такие же, как я. Вы же сделаны из информации, разве не так? Разве вас никто не может включить или выключить? Я живу от щелчка до щелчка, так же как и вы. Или вы считаете себя такими до хрена свободными? — В ее огромных голубых глазах застыло отчаяние. — Ладно, ладно, понимаю, что вы не можете мне доверять. Но вы оба что-то знаете о Фулкруме.

— Мы *ничего* не знаем, — торопливо возразила Грейс. Огромные кукольные глаза сузились, насколько позволял графический алгоритм.

— Нет, знаете. Я связана с сис-опом[260] станции. Мы с ним во как живем… — Куколка отпустила свои орудия и для наглядности сцепила указательные пальцы. — Я не могу забраться в ваши головы, но *я знаю, что вы были там, куда сис-оп попасть не может.* Все, что потребуется, — всего одна капля того серебряного джизина. Один кусочек этой дряни, и он станет нормальным, и вам никогда не придется ходить, оглядываясь. Я не сказала ему, клянусь. Это — между нами. Теперь я должна вернуться. Подумайте об этом, это все, о чем я прошу. Мы еще поговорим.

Она исчезла.

Орландо и Грейс выскочили из гамака, откопали в своих вещах радиодетектор (устройство, которое часто помогало им в экстремальных туристических путешествиях), потом судорожно запрыгали по комнате, обыскивая карнизы, щели, туалет — все. Они ничего не нашли. Поразительно, как Дракон сумел использовать свою куколку таким образом, посылая сигнал с другой палубы, если здесь не было приемника? Кино продолжало крутиться.

— Проектор! — взревел Орландо.

Они метнулись к пульту, отключили блок центра развлечений и выставили его в коридор, потом вырубили всюду свет и вдобавок ко всему — дверной замок. Они решили, что отключение вентиляции и гравитации не улучшило бы ситуацию, даже если бы они знали, как это сделать. Вконец обессилев, они плюхнулись на пол. Из груды разбросанных по полу вещей Грейс извлекла фляжку с виски, из старательского набора.

— Что мы можем сделать?

— Мы в дерьме, — пробормотал Орландо, выхватывая у нее драгоценный резервный запас «Хайленд Парк» и делая большой глоток. — Мы в дерьме по самые уши. У нас на руках набитый кокаином чемодан, украденный у мафии!

— Нет, это не так. Он *наш!*

— Н-нет, не наш! Чемоданы, полные кокаина, долларовые чеки, антиинформация — это всегда принадлежит мафии. И они все навалятся на нас. Мы ничего не можем сделать, кроме как свалить товар в какую-нибудь яму и бежать, спасая свои гребаные жизни.

— Но мы не можем бежать. Мы не сможем убраться отсюда до прибытия «Рогатки».

— М-может, попытаться угнать-за-шестьдесят-секунд[261] один из астероидных транспортов астронавтов?

— Да, правда, мы не умеем управлять ими, а если бы и знали, они все равно не предназначены для возвращения на Землю. Мы просто прожили бы немного дольше.

На станции не было спасательных шлюпок. Большинство старателей и вся служба обеспечения полностью зависели от «Рогатки», которую ждали только через три месяца. Где-то должен быть отделяемый спасательный отсек для суперкарго, который открывался его идентификационным ключом… но об этом можно забыть. Он наверняка одноместный. Вдруг перед Грейс мелькнула слабая надежда.

— Может быть… Может быть, Дракон *не знает?* Может быть, куколка сказала правду?

— Возьми себя в руки. Это была интерактивная видеограмма,

Грейси. Тот, с кем мы говорили, и был Дракон, гребаный ублюдок! А ты как думала?

— Ты уверен? Я согласна с тобой, но не знаю, это просто не… Кто-то постучал в дверь. Они замерли, не дыша, и уставились друг на друга. Грейс бесшумно поднялась и включила свет.

— Войдите, — откликнулся Орландо.

Дверь открылась, и появилась Лейки — тучная леди в своем инвалидном кресле.

— У вас сломан замок, — сообщила она. — Вам следует пожаловаться Эдди.

— Он не сломан, — пояснила Грейс. — Мы отключили его.

Лейки огляделась, золотой водопад озера Вероника закачался. Ее, казалось, не так сильно, как куколку Сару, удивил разгром в каюте.

— Чем обязаны? — спросила Грейс.

— Я здесь потому, что мы хотим поговорить с вами.

— Все хотят поговорить с нами, — сказал Орландо. — Ваше кресло — тоже?

— У моего кресла мозгов не больше, чем у хомяка. Я имею в виду некоторых из нас. — Кресло зашипело. — Сегодня утром вы оба исчезли с экрана системного оператора. Мы думаем, Эдди водил вас за стену, и теперь вы знаете кое-что, и, если никто вам не поможет, за это кое-что вы поплатитесь своими хорошенькими туристскими шкурками.

— Что такое Фулкрум? — спросила Грейс.

Тело Лейки превратилось в развалину, но ее отечное лицо все еще сохраняло следы былой красоты, особенно когда она улыбалась.

— Вы только что раскрыли все свои карты, маленькая леди.

— Я правда не понимаю, что вы хотите сказать.

— Дайте мне точку опоры, — сказала Лейки, — и я переверну мир.

— О чем вы говорите?

— Для меня Фулкрум не значит ничего. Для вас же он — жизнь или смерть. У вас, ребята, хватило наглости заявиться на «Ковш». Разве вам есть дело до того, что нуль-переходы сотворили с нашей культурой, с нашими людьми? Мы здесь живем, на этом гребаном обломке, это единственное, что у нас осталось. На станции есть ремонтный отсек, через коридор от обзорной палубы к центру, там разбирают на части отслужившее свой срок пищевое оборудование. Вам лучше быть там в ноль четыреста по стандартному времени, а то как бы чего не вышло. Вы знаете, что такое *«похороны в море»*?

Когда астронавты голышом выбрасывали какого-нибудь

негодяя из шлюза прямо в вакуум, это называлось «похороны в море».

— Ладно, — сказала Грейс. — Поговорим. Но мы хотим получить обратно свои велосипеды.

Лейки одобрительно усмехнулась:

— Я посмотрю, что можно сделать.

Шесть часов спустя станция погрузилась в ночной цикл. Тусклые лампочки в ореолах пылевой взвеси едва освещали темные коридоры. Вздыхали воздухообменники. Чужаки пробирались к месту встречи, стараясь издавать как можно меньше шума. Как только они допрыгали до последнего пересечения коридоров, Орландо тронул Грейс за руку. Она кивнула. Они оба слышали скрип подошв на липучках. Какой-то ветеран космических трасс крался следом за ними, и это определенно была не Лейки. Не говоря ни слова, они подпрыгнули — вот где пригодились гимнастические тренировки в условиях повышенной гравитации — и понеслись вперед, отталкиваясь от стены коридора и пролетая вперед некоторое расстояние до следующего толчка.

Не осмеливаясь схватиться за что-нибудь, они ввалились в ремонтный отсек, чудом не врезавшись в здоровенный остов синтезатора мясных продуктов, и залегли позади него под брезентом. Скрип шагов приближался, будто кто-то в сапогах тихонько прогуливался по свежему снегу. Чужаки едва дышали. В ремонтном отсеке было темно, как в могиле, но в этой темноте они не чувствовали себя в безопасности. Их окружали бесчувственные машины системы жизнеобеспечения, тайные хозяева станции, они казались чужакам глухими, слепыми, злобными чудовищами. Потом кто-то пронзительно вскрикнул. Что-то упало, раздалось несколько жутких, захлебывающихся человеческих стонов…

— Это Лейки, — прошептала Грейс прямо в ухо Орландо.

Наступила тишина. Они пробирались вперед, пока не увидели в тусклом свете, льющемся из прохода, перевернутое и сломанное инвалидное кресло. Лейки лежала рядом, ее золотистые волосы разметались, она выглядела так, будто повышенная гравитация наконец добралась до ее большого тела, раздробив кости и раздавив лимфатические сосуды.

— Лейки? — беспомощно прошептала Грейс. — Эй, э… ты в порядке?

Послышалось слабое всхлипывание. Рядом с телом Лейки, как рисованная картинка на темном фоне, на корточках сидела куколка Джека Одиночки в своей обычной замусоленной ночной

сорочке.

— *Джек не делал этого,* — жалобно скулила Анни-ма. Она потирала голые руки и съеживалась от ударов, которые существовали только в ее виртуальном мире. — *Это не Джек! Его здесь не было! О, ударь меня сильнее, да…*

Окровавленный нож с запястья легендарного пилота валялся рядом на полу. Орландо и Грейс подошли ближе к месту страшного события. Лейки получила множество ударов ножом. Раздувшиеся капли крови покрывали все ее тело и обшивку на полу, как нелепые черные пузыри. Взгляды чужаков встретились. Безумец, должно быть, находился где-то очень близко и в совершенно невменяемом состоянии. Конечно, у него было еще оружие. Джек Одиночка носил при себе не один только нож.

— Анни? — прошептала Грейс, стараясь говорить как можно мягче. — Где бедняга Джек?

— Здесь Джек, — отозвался незнакомый голос.

Они повернулись. К ним приближались белые огоньки. От скопища погибших машин отделился долговязый человек с визором, которого они звали Слепой Пью; руки и ноги у него были сильно искривлены от множественных переломов. Его поддерживал под руку пучеглазый парень по кличке Джо Каир. К ним присоединились другие действующие лица: однорукий Грязный Гарри, надменная женщина, которую называли Джин Харлоу[262] за ее платиновые космы, еще двое из службы обеспечения в серо-коричневых комбинезонах. Сейчас они как раз обеспечивали доставку Джека Одиночки. Пилот рассеянно смотрел на чужаков, будто с трудом осознавая, где он находится, и все бормотал: «Джек не делал этого».

— Это он убил Лейки? — спросила Грейс. — Мы слышали шум борьбы.

— Лейки?

— Леди в кресле. Долговязый безразлично кивнул:

— Похоже на то.

— Мы должны были встретиться с ней здесь. Она сказала, что может помочь вернуть наши велосипеды.

— А, велосипеды. Идемте. Оставьте это. — Он резко дернул подбородком в сторону трупа. — Роботы все уберут. Ее звали Лана. Она была моей женой, — добавил он буднично, проводя их к обзорной палубе под руку с Джо Каиром. — Это было много лет назад, когда я еще был пилотом. Но мы разошлись.

Купол все еще заполняла собой огромная, молчаливая и величественная туманность, усыпанная сияющими молодыми звездами. Остальные старатели и те двое из службы обеспечения собрались вокруг долговязого. Джек Одиночка все еще что-то

бормотал про себя.

Позади, как беспокойное привидение, маячила Анни-ма. Долговязый повернулся спиной к звездам, прислонился к перилам и повернул голову, нашаривая визором чужаков.

— Меня зовут… хотя это не важно. Они кличут меня Либу, что означает «филин». Когда-то давно я был франко-канадцем. Эти добрые люди уполномочили меня выступать от их имени. Нам нужно поговорить с вами о тех сведениях, которыми вы располагаете касательно Фулкрума, и о том, как вы собираетесь ими распорядиться.

— Лейк… Лана называла это слово. Мы не знаем, что оно означает, — сказала Грейс.

— Фулкрум, мои юные друзья, — это закрепленная ось, вокруг которой вращается рычаг. Можно сказать, неподвижная движущая сила. Но *reculons-nous, pour mieux sauter*.[263] Восемьсот лет назад первопроходцы отправились бороздить не отмеченные на карте моря; так родилась могущественная цивилизация, которая до сих пор вершит судьбы человечества. Четыреста лет назад человек полетел в космос. И что в итоге?

Орландо и Грейс не знали, что сказать. У Либу был готов собственный ответ.

— А *ничего,* — сказал он с безмерным отвращением. — Только флажки да следы в безжизненной пыли! Да, в конечном итоге несколько придурков ухитрились кое-как наскрести себе на жизнь работой в космосе. Но полеты на гравитяге доконали нас. Мы не смогли стать новым миром. Там нечего было качать из недр, не было ни специй, ни золота, ни новых рынков; сырья было так мало, что возить его оказывалось себе в убыток.

Астронавты дружно загалдели, поддерживая оратора.

— Открытие Буонаротти все изменило, — продолжал Либу. — На его фоне все наши старания выглядели, как попытки Леонардо да Винчи изобрести летательный аппарат. Трогательное, бесполезное, преждевременное развитие. Жалкое заблуждение! Но что, собственно, нуль-переход дает человеческой расе? *Планеты-тюрьмы,* мои юные друзья. Сточные канавы для слива избыточного населения Земли, люди будут отправляться туда, имея при себе кирку, лопату и мешок семян. Вот каковы намерения международного правительства. И пусть так и будет, нас это не касается. Но пятнадцать лет назад здесь, на станции Пояса Койпера, кое-что произошло. Во время одного из первых экспериментов Буонаротти открылось «окно» в другое пространство, и обратно вернулось что-то чужое, что-то из другой Вселенной. Тогда погибли все: и люди, и системы искусственного интеллекта. Записи стерлись. Не выжил ни один свидетель

события, и подобные эксперименты больше не проводились никогда, исследования космоса с помощью нуль-перехода свелись к известной схеме. Но мы сообразили, что к чему в той давней истории. Они очень боялись. Они достали из приемной камеры это существо, окруженное силовым полем, в котором оно до сих пор находится. «Набалдашник» — Центр управления — построили вокруг этого поля, а затем присоединили к «Ковшу», чтобы его тюремщику было где развеяться и чтобы в случае необходимости он имел средства спасения. Там оно и остается, выделяя свои драгоценные слезы.

— Спасибо, — сказал Орландо. — Мы прочли путеводитель.

— Это скорпион! — прошипел пучеглазый коротышка. — Скорпион, который жалит, потому что для него это естественно, скорпион, который свалит могучего охотника.

Долговязый криво усмехнулся:

— Мой друг Худышка Джонни такой же сумасшедший, как и Джек. Он убежден, что эти серебряные слезы способны разрушить мир под нами так же, как мексиканское золото погубило могущественную Испанию. Это как медленно действующий яд.

— Ха-ха-ха. Когда боги хотят уничтожить нас, они дают нам то, чего мы желаем.

— Успокойся, Джонни. — (Коротышка затих.) — Истинное значение слез в том, что они *прошли сквозь.* Что происходит при переходе Буонаротти, друзья-туристы? Ну, вы же читали путеводитель!

— Ничего не движется, — ответила Грейс. — Тело путешественника и старательский набор — я имею в виду аварийный комплект — исчезают, как требует закон сохранения фазности пространства в начальной точке нуль-перехода. В э… заданной точке элементы, составляющие основу тел и которых везде навалом, притягиваются к поступившей в эту точку информации, и тогда появляется тождественное исчезнувшему тело и э… комплект. При возвращении происходит то же самое, только наоборот. Результаты анализов всегда неполны, они могут только показать, что путешествие осуществимо, но не дают информации о том, все ли элементы наличествуют в точке выхода. Но когда астролетчик-испытатель возвращается…

Астронавты, все как один, издали громкий протяжный вздох возмущения.

— Она имела в виду бессловесную тварь, — торопливо поправил Орландо. — Обезьянку, не важно кого…

— Несомненно, — холодно согласился долговязый. — Но ситуация ясна. Материю переместить невозможно, но серебряные слезы — материальны. Они — то самое доказательство, они —

подтверждение, ворота в империю, которая должна была бы стать *нашей,* и поэтому правительство никогда, никогда не будет проводить исследования в этом направлении. *Корабли,* мои юные друзья. Если бы у нас были пробы тех слез, мы были бы на пути к строительству кораблей, способных совершить переход…

— Уверена, что вы правы, — сказала Грейс. — Но чего вы хотите от нас?

— Нам известно, что у вас есть ключ от камеры узника с Фулкрума.

Чужаки переглянулись, чувствуя сухость во рту.

— Допустим, вы правы, — сказала Грейс. — Но что толку в знании комбинации шифра, если у вас все равно нет шансов бежать?

— Согласен. Однако можно уговорить какого-нибудь сумасшедшего. Какого-нибудь опасного психа.

Чужаки посмотрели на Джека Одиночку, все еще висящего на руках парней из обеспечения. Эмблемы Пояса Койпера на их комбинезонах слегка поблескивали в тусклом свете. Джек был где-то не здесь, что-то нашептывая куколке, которая сидела у его ног в своей грязной розовой ночнушке. Либу поднял руку:

— О нет. Джек наш. О своих мы заботимся.

— У Дракона Фухимы есть *lettres de cachet,*[264] — прошептал Худышка Джонни и вздрогнул.

— «*Lettres de cachet*»? — Повторила Грейс. — Что это?

— Это мой термин, — сказал Либу. — Достаточно сказать, что у этого подонка есть связи, и каждый из нас успел его каким-нибудь образом оскорбить. Он угрожает лишить нас званий и выгнать со станции.

— И мы знаем, что он не шутит, — угрюмо добавил Грязный Гарри. — Если мы не сможем подкупить его.

— Только это должно быть что-то стоящее, — тряхнув головой, вставила Джина. — На мелочь он не согласится.

Астронавтов не страшила насильственная смерть. Быть высланными обратно на Землю, прозябать в бедности, медленно умирать в какой-нибудь богадельне было равносильно для них последнему проклятию.

— Мы бы хотели получить обратно свои велосипеды, — сказала Грейс. — И несколько выигрышных номеров Лотереи.

— Договоритесь с этим солдатом из песочницы, и мы о вас позаботимся.

Чужаки вернулись в свою каюту, трясясь от страха, и объединили свои головы — фигурально и буквально — для большей безопасности. Если им предстояло вступить в сговор, то они предпочли бы заключить сделку с Джеком Одиночкой,

который казался не таким отпетым негодяем… несмотря на его нож. Виртуальные секс-игрушки (поэтому такие куколки на Земле представляли собой только промежуточный этап) неизбежно отражают подсознательные устремления владельцев. Безумному Джеку, таскающему повсюду хнычущую Анни-ма, как флаг своего поражения, оставалось только посочувствовать. От подсознательного представления о себе Дракона как о здоровенной малышке их просто выворачивало. Но Анни-ма не могла договориться с сис-опом.

— У нас нет выбора, — сказала Грейс наконец. — Мы знаем, что нужно сделать. Тебе придется рисковать жизнью, флиртуя с солдатиком.

Орландо кивнул:

— А тебе придется оттрахать мозги Эдди.

Проходили дни. «Лейки» просто *ушла.* В любом случае никто ничего не расследовал бы: правило такое — никаких правил нет. Какой-то неприметный астронавт, с мизерной ставкой, не имея, на первый взгляд, никаких шансов, совершил удачное путешествие. Другой старатель продал несколько хороших номеров разработчикам, и несколько сильно задержавшихся «путешественников» были официально объявлены пропавшими без вести. Дистанционно управляемые работы, направленные на то, чтобы приспособить станцию на Поясе Койпера для массовой ускоренной переброски людей, — и тогда объект превратится в новый остров Эллис,[265] — быстро продвигались вперед. Планы включали в себя также перемещение гуся, несущего золотые яйца, в еще более тайное и уединенное место, но никто из астронавтов, даже Эдди, об этом не знал. «Рогатка» подходила все ближе, но была еще в неделях пути от дока.

В один скучный, холодный полдень по стандартному времени у двери Эдди раздался звонок, и вошла Грейс. Она села в грибовидное кресло, и они немного поболтали. Джек Одиночка вел себя так, будто ничего не случилось, но куда он ударит в следующий раз?

Эдди понимал, что это бестактно, но он видел, что она чем-то огорчена, поэтому в конце концов спросил прямо:

— Где Орландо? Грейс пожала плечами:

— На самом деле мне это безразлично. Хотя я знаю, с кем он.

— И с кем же? Если, конечно, ты хочешь говорить об этом.

— С Драконом Фухимой, — печально призналась Грейс. Эдди заморгал. Он открыл доступ к сис-опу у себя в голове и просмотрел список пассажиров: это было нетрудно, и он иногда позволял себе запретное развлечение. Он не мог получить движущееся изображение, но в любое время мог выяснить, кто в

данный момент находился, так сказать, не в той каюте. Увы, Грейс оказалась совершенно права. Орландо был с Драконом.

— О Грейс, мне очень жаль.

— Пустяки. У нас свободные отношения. Это просто… Мне просто не хотелось бы, чтобы это был Дракон.

— Я могу чем-нибудь помочь? Она потерла увлажнившиеся глаза.

— Эдди, вы такой *милый*. — Грейс смело улыбнулась. — Да, раз уж вы заговорили об этом… Эдди-суперкарго, могли бы мы пойти к вам?

— Вы имеете в виду прямо сейчас?

— Если вам не запрещено, то да. Прямо сейчас.

Эдди понимал, что его используют. Он совсем не возражал против этого. Зачем еще нужны друзья?

Чужаки несколько дней вели свою игру в полной безопасности, но Дракон наблюдал за ними и умело рассчитал момент начала успешной операции. Он поймал одного из парочки на обзорной палубе и сделал свой ход. Номинально они с Джеком Одиночкой были партнерами, но черт с ним. Джек был обузой для него, а он, Дракон, заслужил, чтобы ему хоть немного повезло.

Он слегка прижал чужака на пути к своей каюте первого класса.

— Вот так примерно, — пояснил он. — Я делаю тебе больно, ты поёшь. Если мне не нравится твоя песня — я делаю тебе больнее. Усек?

— Ты н-не можешь так поступать, — запротестовал Орландо. — Я — н-не астронавт. Я европейский гражданин. Если… если со мной что-нибудь случится, тебе это не сойдет с рук!

— Эй, на это особо не рассчитывай. Мы очень далеко от дома, и я — ветеран-инвалид. У меня может случиться временное помешательство. В суд меня никто не потащит.

Для войны Дракон Фухима еще годился, он не утратил способности просчитывать варианты.

С целью ускорить процесс он показал туристу пистолет, который ему удалось протащить на борт, и это заставило Орландо (а может быть, это была Грейс — он не знал, и ему было это безразлично) стать более сговорчивым. В стране слепых одноглазый будет королем. И лучше всего, когда этот глаз — темное маленькое отверстие на конце ствола.

— А теперь я расскажу тебе, что происходит, — заговорил Дракон. — У тебя и твоей партнерши вшиты имплантаты. Предполагалось, что вы избавитесь от них, но вы решили

рискнуть — вы ведь не планировали совершать переход Буонаротти и поэтому не захотели лишиться своих «жучков». Вы думали, что никто не станет это проверять, и оказались правы. К тому времени, когда астронавты попадают сюда, мозг у них уже слишком поврежден для того, чтобы в нем мог прижиться имплантат. Когда Эдди в тот день провел вас сквозь стену, вы рискнули еще раз и просканировали его частоту. У тебя в голове код, который поможет нам попасть в камеру и приведет в действие доильного робота. Теперь расскажи мне, как это работает.

Сара Коменски стояла за плечом Дракона и улыбалась.

— Хорошо, хорошо, — задыхаясь, сказал Орландо. — Правительство не могло доверить ИИ управление тем, что происходит в Центре. Оно бы не осмелилось и на дистанционное управление, потому что команды могли быть перехвачены террористами или государствами-изгоями. Эдди — ключ ко всему. Он делает вид, что он здесь только для красоты, но на самом деле он — ходячий ключ.

— И вы заполучили его, просканировав двоичный код Эдди.

— К-как ты?..

— Скажем так, существует куча способов взлома компьютерной системы, а вы оба слишком болтливы. И мне кажется, что твоя партнерша сейчас с Эдди и ты ждешь от нее сигнала, чтобы начать действовать.

— Нет! Я тебе ничего не скажу!

— Они, должно быть, как-то отвлекают внимание, Дракон, — сказала Сара. — Мы не знаем, что они делают с Эдди, но определенно что-то делают. Мы тут не совсем разобрались.

— Лучше бы вам удался этот трюк, — сказал Дракон. — Лучше для тебя, задница!

Орландо счел, что протянул достаточно долго, чтобы не вызвать подозрений.

— Хорошо, ладно, я дам тебе код. Я могу загрузить его тебе, только покажи свое устройство ввода.

Дракон ухмыльнулся:

— Не-е-т, задница, это не прокатит. Когда я увольнялся, военные забрали мой чип. Ты сам проведешь меня туда.

Грейс и Орландо знали, как повлияла на Эдди ужасная ответственность, которую на него взвалили. Может быть, это было абсурдно с человеческой точки зрения, но в области извращенных удовольствий чужаки были экспертами, и они сумели его понять. Эдди не мог спокойно выносить то, что происходило с существом в камере, он не мог выносить роли, которую ему приходилось играть, — роли кодового пускового механизма для этого

бесчеловечного эксперимента. Поэтому его реакция оказалась непредсказуемой. Все огромное чувство вины и бессильное сострадание трансформировались у него в сексуальную энергию. Когда чужака доили, бедный мягкосердечный Эдди получал сексуальное удовлетворение.

Но не Эдди придумал человеческий мозг, и не он первый задействовал парадоксальную близость между центрами возбуждения сексуального и иного сильного нервного возбуждения. Как ни странно, Грейс испытывала неловкость, обманывая его. Но она знала, что Эдди простил бы ее. Правило такое, что нет никаких правил. Но что теперь? Где путь к сердцу Эдди? Не может быть, чтобы он получал удовольствие, лишь глядя, как робот сжимает в кулак тело изувеченного существа с содранной кожей. Он не был похож на такого.

— Не хотите ли присесть? — застенчиво спросил Эдди.

Она огляделась. Каюта выглядела восхитительно, даже невзирая на скучное убранство. Все было изысканным, утонченным и — *о, вот это играет важную роль* — определенно бесполым. Орландо и Грейс действительно довольно хорошо владели эмпатией: это было дополнительной опцией, которую они сознательно выбрали, когда их делали близнецами. Ее взгляд упал на плавно изогнутую секцию полок, хорошо защищенных от сотрясений при возможных перепадах гравитации, и там она заметила очень милый чайный сервиз, расписанный в синих и рыжеватых тонах.

— Не выпить ли нам чаю?

Щеки Эдди порозовели, глаза сияли.

— Да, конечно! Индийский, китайский, есть немного «Эрл Грей», а может быть, вы предпочитаете фруктовый или травяной?

— Я бы с удовольствием попробовала ваш «Эрл Грей», — с готовностью ответила она. — О Эдди! Неужели это ранний «веджвуд»?[266]

Красиво очерченные губы Эдди раскрылись в улыбке неподдельного удовольствия. Его дыхание участилось.

Дракон подвел Орландо к стене, Сара Коменски держалась в нескольких шагах позади. Дракон прятал одну руку в набедренном кармане раздутого комбинезона. Время от времени он подталкивал Орландо в поясницу дулом пластикового пистолета.

— Давай, Орландо. Ключ только у тебя.

— Я не могу, я боюсь, — протестовал Орландо, слабо сопротивляясь. — ИИ засекут нас, так еще никогда не действовали. — Дуло пистолета ткнулось ему в спину. — Ладно,

ладно!

Он вызвал в сознании виртуальный образ Эдди. Стена открылась, и Орландо с Драконом и куколкой прошли сквозь нее. Они добрались до отсека с окном, выходящим в соседнюю камеру.

Дракон жадно уставился на корчившийся там ужас:

— И что теперь?

— Оно показывает, что хочет, чтобы его подоили, — сказал Орландо. Пот градом катился по его лицу, и он не осмеливался вытирать его. Ему не нужно было притворяться напуганным. — Эт-то значит, что Г-грейс… Это значит, она на правильном пути. Теперь мы должны войти в соседнюю дверь. Чужака доят раз в день. Эдди… его мозг напрямую связан с роботом. Копия двоичного кода Эдди в моем имплантате — это ограниченный набор команд, которого достаточно для того, чтобы мы смогли попасть сюда, но сейчас мне нужно восстановить полную программу виртуального Эдди, и для этого он должен прийти как бы в особое настроение. Ты помнишь, Дракон, когда ты был маленьким? Военные завербовали тебя, потому что у тебя были ментальные способности и тобой можно было управлять, и они могли пользоваться этим, они методично раздражали твой мозг, вызывая в нем все более ненормальные реакции, и поэтому, убивая всех тех людей, ты чувствовал огромный прилив наслаждения, наслаждения, наслаждения…

— Заткнись, ублюдок! — рявкнул Дракон. — Проводи меня в отсек с роботом.

Теперь Орландо, заполнив свой мозг сознанием Эдди, которое сидело у него в голове, подобно дрожащему, трепетному ментальному паразиту, вел Дракона к отсеку с роботом. Жесткие рыжие волоски вставали дыбом у него на затылке от понимания того, что, если в следующие несколько минут все пойдет хоть немного не по плану, он — Орландо — окажется прямо на пути извращенных рефлексов удовольствия Дракона. А он не хотел умирать. Зачем-то он оглянулся и посмотрел назад, за плечо Дракона. Его полный ужаса взгляд встретился с огромными голубыми глазами куколки, и, хотя он знал, что она была всего лишь только виртуальной сексуальной игрушкой, она, казалось, говорила: «Держись, мы сможем сделать это».

— А в чем смысл понятия «антиинформация», Дракон? — спросил он, просто чтобы что-то сказать. — Странная концепция. Разве информация может быть отрицательной?

— Существо с НОКа тысяча девятьсот девяносто девять попало сюда из другой Вселенной, — сказал Дракон. — Там, откуда оно прибыло, в понятиях реальности и виртуальности все наоборот. Так говорит чертова наука.

— Ты имеешь в виду, что диковинное вещество, которое они собирают здесь, отправляется оттуда в нематериальном виде, просто цифровым кодом без материального носителя, в виде чистой идеи?

— Твою мать! Прекрати засерать мне мозги этой болтовней. Теперь — это сокровище.

Отсек с роботом открылся, и стена за ними встала на место.

Орландо ощущал волны сладкого, влажного, чувственного счастья, проходящие сквозь него, которые смешивались со страхом смерти в очень странный коктейль. В какое-то мгновение ему стало интересно, что на самом деле сейчас делает Грейс, для того чтобы заставить суперкарго испытывать такие чудесные эмоции. Но у них были свободные отношения, и он ничего не имел против.

— Теперь смотри, — сказал он, отступая назад. — В тот желоб будет скатываться герметично запечатанный контейнер. Ты должен успеть схватить его, как багаж с багажной ленты.

Смотреть было особо не на что. Добытое манипуляторами робота вещество оказывалось в аккуратном гладком ящике на стене. Маленький, герметично запечатанный контейнер попадал на ленту-транспортер, расположенную прямо под ящиком, и поступал в желоб, откуда начинался уже полностью автоматизированный процесс доставки вещества в секретный пункт назначения на Земле. Все происходящее в камере передавалось на черно-белый экран системы видеонаблюдения. Процесс доения начался. Дракон убрал пистолет в карман комбинезона. Потом открыл карман сумки с набором инструментов, пристегнутой к поясному ремню, и достал моток тонкой иззубренной проволоки.

— Что ты делаешь? Эй, не открывай ее. Просто хватай контейнер!

Дракон не обращал на него внимания. Он продолжал собирать мощную электропилу, специально разработанную для применения в самых сложных боевых операциях. То, что он работал на кнопках, еще не означало, что у него не было доступа к секретным арсеналам.

— О черт, Дракон, ты ненормальный!

— Отвали, придурок. Ты думаешь, я стану довольствоваться несколькими каплями сока, когда есть возможность заполучить всю жилу?

Пила зудела, как комар. Черно-белое существо на экране содрогалось, и все измерения реального пространства-времени вокруг него рвались на части.

— Сара! — в панике заорал Орландо, от ужаса ноги у него

подкосились. Он сполз по стене с криком: — Останови его! О боже, он убьет нас!

Но куколка только улыбнулась своей слащавой улыбкой и исчезла.

Если кто-нибудь на Земле и наблюдал все это, он ничего не смог бы сделать. Земля была слишком далеко. Дракон Фухима проложил себе путь, пропилив керамическое волокно, а машины ничего не заметили. Эдди-суперкарго был наверху блаженства: это все, что нужно было знать машинам… Сара Коменски просочилась в программу, связывающую воедино все компьютерные системы станции, и материализовалась в каюте Джека Одиночки. Пилот спал: в салуне ему что-то подсыпали в выпивку, чтобы вывести из игры на этот судьбоносный день. В углу каюты, на холодном жестком полу жалась Анни-ма в своей рабочей униформе «грязная ночнушка» — этот наряд больше всего нравился Джеку. Она тоже спала, как и хозяин, и время от времени похныкивала во сне: *«Джек не делал этого, бедняга Джек, о, ударь меня сильнее, большой мальчик, да, да…»*

— Эй, — позвала Сара. — Эй, Динь-Дилинь,[267] просыпайся. Анни открыла затуманенные глаза и автоматически сжалась от удара, который, согласно программе, она всегда ждала с тупым вожделением.

— А?

— Слушай, детка, у меня мало времени. Я даже не знаю, черт возьми, зачем я это делаю, но что-то мне подсказывает, что ты сможешь справиться с переменой обстановки, так что, если там хоть что-нибудь может работать автономно, давай пошли. Бери руку. Куколка посмотрела на Джека, потом на перчатку, в которую был встроен FX-генератор, постоянно включенный, где хранилась ее программа. Потом она перевела взгляд на Сару.

— Джек слетел с катушек, — прошептала она. — Он не виноват.

— Это его проблема. Ты берешь меня за руку или нет? Анни-ма протянула свою тощую виртуальную руку и влилась в воительницу; и они потекли назад, через компьютерные системы, туда, где находился генератор Сары.

Дракон пропилил стену и столкнулся с невероятным сопротивлением силового поля, но это не остановило его. Он полз на четвереньках к той измученной болью, изувеченной, стофунтовой глыбе мяса. Воздух в камере неистово дрожал, виртуальные молнии плясали вокруг.

— Дракон, нет! — стонал Орландо, неуклюже растянувшись у стены в отсеке для робота и рукой прикрывая лицо. — Не делай

этого! Не трогай его!

В четырех измерениях физической Вселенной ничего не происходило; был воздух, чтобы дышать, была гравитация. Но его разрывало на части, тянуло вслед за Драконом в какую-то жуткую черную дыру, каким-то образом разверзшуюся в этой крошечной камере.

Ворота в Эльдорадо, — прохрипел Дракон Фухима.

Послышался треск, похожий на мощный электрический разряд, промелькнула ослепительная вспышка. На мимолетное, невозможно короткое мгновение Орландо показалось, что он видел, как мир раскололся и две фигуры — это были не люди, они никогда не были людьми — уходят от него… в другую Вселенную, в мир наоборот.

Он никогда не узнал, что означало это видение.

В реальном мире Орландо на мгновение потерял сознание и пришел в себя в отсеке робота. Он не мог пошевелиться. Он так и пролежал, едва дыша, пока не пришли Эдди и Грейс.

— О боже! — выдохнул Эдди. — О безумцы, что вы наделали?

Но ничего не было сломано, только появившаяся дыра в стене требовала каких-либо объяснений. Никто не тронул контейнер, который собирался украсть Дракон; и глыба агонизирующего мяса оставалась там, где ей и следовало быть. Возможно, чуть большая, чем прежде, но никто никогда не пытался добиться правды у Орландо.

Эдди-суперкарго сразу же простил Орландо и Грейс. Он гордился тем, что они нарушали закон, и никогда в своей жизни не получал такого удовольствия от чаепития. Совершенно случайно ему в голову пришла блестящая идея представить проникновение в отсек как запланированные, но секретные учения сил безопасности. ИИ было несложно убедить согласиться с этим утверждением. Немного найдется организаций, которым нравилось бы признавать, что их компьютерные сети были взломаны, и международное правительство не представляло исключения. Если они и подозревали, что произошло на самом деле, то все равно делали вид, что ничего не поняли. Доение пришельца продолжалось без перерывов. Дракон Фухима просто пропал… исчез. Но примерно такая судьба и была ему уготована правительством, поэтому там никаких проблем с его исчезновением не ожидалось. Никто даже не поинтересовался, что случилось с куколкой Дракона или с Анни-ма Джека Одиночки, которые, как оказалось, прекратили функционировать в тот же самый день. Куколки были контрабандой, и

правительство не несло ответственности за побочные эффекты на борту станции, где нуль-переходы Буонаротти постоянно коверкают пространство-время.

Джек никак не мог утешиться, но, возможно, так было лучше для него.

Орландо и Грейс получили обратно свои велосипеды и несколько выигрышных номеров, которые они продали через сисопа и неплохо обернули вложенные средства. Большую часть оставшегося времени они проводили в своей каюте: выставляли на велотренажерах режим движения по гористой местности и, стараясь не отскакивать от стен, смотрели фильмы. В салун они заходили нечасто и никогда не бывали у камеры нуль-перехода. Незадолго до отбытия на «Рогатку» они совершили прощальную экскурсию на обзорную палубу.

И вот они, звезды Ориона. Красная Бетельгейзе, сверкающий голубой Ригель, Беллатрикс и Саиф; Минтака, Альнилам и Альнитак в Поясе Охотника. С этой точки драгоценный камень в мече был едва различим, и нужно было иметь натренированное зрение, чтобы отыскать V380 Орионис… и отражательную туманность, где содержится вещество, из которого рождаются звезды, названное глобулой Бока, — «плотное черное облако, напоминающее букву «Т», лежащую на боку», и, как утверждают, звезды в ней очень молодые, такого же возраста, как homo sapiens.

— Мы не будем намного дальше от них, — сказал Орландо. Они услышали нетвердые шаги за спиной, и у ограждений к ним присоединился Либу.

— «И не в полнейшей наготе, — продекламировал он. — А приходим по небесов сиятельной дороге».[268] Если звезды рождаются, мои юные друзья, есть ли у них жизнь до рождения и после смерти?

— Мне очень жаль, но этот вопрос остается открытым, — сказал Орландо. — Полагаю, вы не получите свои звездные корабли. Но я не знал, что он так поступит.

Грейс покачала головой.

— Я не могу вообразить все это, — сказала она. — Световые годы, уравнения гравитации, время и вероятность, наука о нуль-переходах… Я не умею мыслить такими категориями. Как только я начинаю думать об этом, меня одолевают всякие фантазии.

— Да и сама наука может не больше. Здесь, в открытом космосе, мы переживаем те же «мыльные оперы», что и вы там, внизу.

— Может быть, оно и к лучшему, — предположил

Орландо. — Может быть, лучше для всех, когда ворота остаются закрытыми, а империи заперты на разобщенных планетах, как в старые времена.

— Ха. Это ненадолго. Звездные корабли появятся. Гм. Визор, за которым скрывались израненные глаза Либу, смотрел на звезды; но чужаки знали, что он готовился сделать одно из признаний, которые только и можно сделать на пороге расставания.

— Когда вашего партнера убивают, — наконец заметил он, от вас ожидают какой-нибудь реакции. Мы с Ланой были вместе долгое время. Я не очень-то ее любил, но она по-прежнему оставалась моей супругой. Одиночка не был ее настоящим убийцей, и это не только мое мнение. Это Дракон сказал Джеку, что вы той ночью уговорились встретиться с Ланой в ремонтном отсеке и что она собиралась вернуть вам велосипеды. Дракон знал, как свести с ума беднягу Джека, — Джек ненавидел те чертовы велосипеды. И я знал, что, если представится случай, Дракон попытается пройти в ворота. Я хотел, чтобы убийца был наказан. Вот и все.

Астронавт повернулся и заковылял обратно в тускло освещенные коридоры.

Орландо и Грейс вздрогнули, представив себе участь Дракона Фухимы. Однако если правила таковы, что нет никаких правил, то Дракону не на что было жаловаться.

— Однажды, — сказал Орландо, — мы совершим переход, которого никто не сможет избежать.

— Да. И тогда, может быть, мы пойдем туда, где рождаются звезды.

Но кто может сказать наверняка?

В греческой мифологии Орион был сыном брата Зевса-громовержца — Посейдона. Когда Орион вырос, он стал великим охотником. Но богиня Гера рассердилась на Ориона за его слова о том, что он может победить любое животное, и наслала на него Скорпиона, от ядовитого укуса которого Орион погиб. Гера перенесла Скорпиона на небо. Богиня Артемида просила Асклепия оживить Ориона, но сам Зевс помешал этому. Тогда Артемида попросила Зевса перенести на небо и Ориона. Зевс пожалел великого охотника и разместил созвездия Ориона и Скорпиона на небе так, что охотник всегда может уйти от своего преследователя. Действительно, созвездие Орион видно зимой, а созвездие Скорпион — летом.

Питер Уоттс, Дэррил Мерфи
Подёнка [269]

В нижеследующем произведении авторы объединили свои силы, чтобы поведать об одиноком детстве одного очень необычного ребенка…

— Я ненавижу вас.

Четырехлетняя девочка. Пустая, как аквариум без воды, комната.

— Я ненавижу вас.

Сжатые маленькие кулачки: одна из камер, настроенная на фиксацию движения, автоматически дала их увеличенное изображение. Остальные две следят за взрослыми, за матерью и отцом, стоящими на противоположном краю комнаты. Машины наблюдают за игроками: за полмира от них Ставрос наблюдает за машинами.

— Я ненавижу вас, я ненавижу вас, я НЕНАВИЖУ вас!

Девочка уже кричит, лицо исказилось от злобы и гнева. В уголках глаз застыли слезы. Ее родители мечутся, как встревоженные животные, испуганные яростью дочери, привыкшие к ее буйству, но далеко не смирившиеся с ними.

По крайней мере в этот раз она пустила в ход слова. Обычно просто воет.

Ребенок наклонился к слепому окну, колотя по нему кулаками. Оно отразило атаку, словно грубая белая резина, слегка изогнувшись и отпружинив. Одна из немногих вещей в комнате, которая отвечала на ее удар; одна из немногих, которую нельзя было сломать.

— Джинни, тише… — Мать протянула к ней руку.

Отец, как обычно, стоял сзади, на лице его играла смесь злости, возмущения и смятения.

«Этот парень — настоящее воплощение бессилия, — подумал Ставрос, хмурясь. — Они ее не заслуживают».

Кричащая девочка не повернулась, ее спина дерзким вызовом ударила по Ким и Эндрю Горавицам. Наблюдателю повезло больше: лицо Джинни находилось всего в паре сантиметров от юго-восточной камеры слежения. Несмотря на всю боль, отразившуюся на экране, несмотря на все страдания, пережитые девочкой за четыре года жизни, эти так и не скатившиеся по щекам слезы были единственным моментом, когда он видел ее плачущей.

— Сделайте его прозрачным! — потребовала она,

неожиданно перейдя от злости к раздражению.

Ким Горавиц покачала головой:

— Дорогая, мы хотим показать тебе улицу. Помнишь, как раньше ты любила это? Но ты же обещала не кричать на нее постоянно. Ты еще не привыкла, милая, ты…

— Сейчас же! — Снова ярость, чистый, раскаленно-белый гнев маленького ребенка.

Кнопки на стенной панели давно стали сальными от постоянных попыток Джинни открыть окно своими липкими пальчиками. Эндрю бросил умоляющий взгляд на жену: «Пожалуйста, давай просто дадим ей то, чего она хочет…»

Но Ким была сильнее.

— Джинни, мы знаем, это трудно…

Девочка повернулась к врагу. Северная камера захватила сцену в мельчайших подробностях: правая рука поднимается к лицу, указательный палец входит в ротовую полость. Непокорный блеск мерцающих сосредоточенных глаз.

Ким делает шаг вперед:

— Джинни, милая, не надо!

А потом маленькие, но острые зубки прокусывают мясо до кости, прежде чем мать успевает подойти поближе. Красное пятно расцветает у ребенка во рту, течет по подбородку, тошнотворно похожее на детскую смесь, мгновенно скрывает всю нижнюю часть лица. Над кровавым бутоном яркие злые глаза кричат: «Попались!»

Джинни Горавиц беззвучно падает, ее глаза закатываются, когда она склоняется вперед. Ким успевает поймать девочку, прежде чем тело ребенка ударяется о пол.

— Боже, Энди, она в обмороке, она в шоке, она…

Эндрю не двигается. Его рука что-то теребит в кармане блейзера.

Ставрос чувствует, как у него кривятся губы. «Это пульт управления в твоей руке, или ты просто рад…»

Ким вытаскивает баллончик с жидкой кожей и распыляет ее на руку Джинни, баюкая голову ребенка на коленях. Кровотечение останавливается. Спустя секунду женщина смотрит на мужа, который неподвижно и беспомощно стоит, прислонившись к стене. На его лице застыло это выражение, это предательское выражение, которое Ставрос уже столько раз видел за прошедшие дни.

— Ты выключил ее! — сказала Ким, голос ее почти срывался на крик. — После всех наших споров ты опять ее выключил?!!

Эндрю беспомощно пожал плечами:

— Ким…

Жена отвела взгляд. Она раскачивалась взад и вперед, немелодичный свист прорывался сквозь сжатые зубы, голова Джинни все еще покоилась у нее на коленях. Ким и Эндрю Горавиц с их долей радости. Между ними на полу, как оспариваемая пограничная полоса, дрожал кабель, соединяющий голову их дочери с сервером.

Перед глазами Ставроса возник образ: Джин Горавиц, похороненная заживо в безвоздушной тьме, заваленная тоннами земли, наконец освободилась. Джин Горавиц пробилась к воздуху.

Другая картинка, теперь уже самого себя: Ставрос Микалайдес, освободитель. Человек, сделавший для нее возможным, пусть и на краткий срок, увидеть мир, где виртуальный воздух сладок, а оков не существует. Естественно, к чуду были причастны и другие, дюжина техников, в два раза больше юристов, но все они со временем исчезли, их интерес стал угасать с подтверждением гипотезы и подписанием последнего документа. Ущерб в пределах нормы, проект приближается к завершающей стадии. Нет нужды тратить время хотя бы одного сотрудника «Терракона» на простое наблюдение. И остался только Ставрос, а для него Джинни никогда не была проектом. Она принадлежала ему, так же как и Горавицам. А может, и больше.

Но даже Ставрос не знал, чем все это было для нее. Да и мог ли кто-то на физическом уровне понять такое? Когда Джин Горавиц соскальзывала с поводка своего плотского существования, она просыпалась в реальности, где законы физики умерли.

Разумеется, все началось не так. Систему запустили с записанными годами земного реального окружения, любовно просчитанного до последнего клочка пыли. Но она была изменчивой, отвечая нуждам растущего интеллекта. Как показал опыт, даже слишком изменчивой. Джин Горавиц трансформировала свою персональную реальность столь радикально, что даже технические посредники Ставроса едва могли проанализировать ее. Эта маленькая девочка могла превратить лесную поляну в кровавый римский Колизей одним своим желанием. Свободная, Джин жила в мире, где исчезли все границы.

Мысленный эксперимент по жестокому обращению с детьми: поместите новорожденного в окружение, лишенное вертикальных линий. Держите его там, пока не сформируется мозг, пока проводка не затвердеет. Целые группы клеток сетчатки, отвечающие за сопоставление с определенным образцом,

недоразвитые из-за отсутствия потребности в них, навеки останутся вне зоны досягаемости этого человека. Телефонные вышки, стволы деревьев, вертикальные небоскребы — ваша жертва станет неврологически слепой к подобным вещам на всю жизнь.

Что же случится с ребенком, выращенным в мире, где вертикальные линии превращаются по мановению руки в круг фракталов или любимую игрушку?

«Мы — нищие, — подумал Ставрос. — По сравнению с Джин, мы все — слепцы».

Разумеется, он видел то, с чего она начинала. Программное обеспечение считывало информацию прямо с затылочных долей коры ее головного мозга, без помех переводя их в образы, проецируемые на его визуальные сенсоры. Но изображение — это не зрение, это всего лишь… сырой материал. На всем пути от глаз к мозгу стоят фильтры: клетки рецепторов, пылающие границы сознания, алгоритмы сопоставления с уже существующими в разуме образцами. Бесконечный запас прошлых образов, эмпирическая визуальная библиотека для использования. Больше, чем взгляд, зрение — это субъективный котел бесконечно малых улучшений и искажений. Никто во всем мире не мог интерпретировать видимое окружение Джин лучше Ставроса Микалайдеса, а он спустя годы по-прежнему был едва способен извлечь хоть какой-то смысл из этих форм.

Она находилась просто неизмеримо впереди любого человека. Именно это Ставрос любил в ней больше всего.

Сейчас, спустя какие-то секунды после того, как отец оборвал связь, Ставрос наблюдал, как Джин Горавиц восходит в свою подлинную сущность. Эвристические алгоритмы выстраивались перед его глазами; нейронные сети беспощадно чистили и отсеивали триллионы избыточных связей; из первобытного хаоса возникал разум. Количество энергии, затрачиваемой мозгом на совершение одной операции, рухнуло вниз, как нагруженный конец качелей, зато эффективность обработки данных подпрыгнула до стратосферной высоты.

Вот это была Джин. «Они понятия не имеют, — подумал Ставрос, — на что ты способна».

Она с криками проснулась.

— Все в порядке, Джин, я здесь. — Он говорил тихим голосом, помогая ей успокоиться.

Ее височная доля еле заметно вспыхнула от получаемой информации.

— О боже, — пробормотала девочка.

— Опять кошмар?

— О боже. — Слишком частое дыхание, слишком быстрый пульс. Адренокортикальные аналоги сейчас зашкаливали бы. Это походило на телеметрию изнасилования.

Микалайдес подумывал убрать эти реакции. Несколько изменений в настройках программы сделают девочку счастливой. Но они же превратят ее в нечто иное. За химикалиями нет личности, и, хотя разум Джин — это скорее электроны, а не белки, правила везде одни и те же.

— Я здесь, Джин, — повторил Ставрос. Хороший родитель знает, когда нужно вступить, понимает, когда страдание необходимо для взросления. — Все хорошо. Все хорошо.

В конце концов она успокоилась.

— Кошмар. — В ее теменных подпрограммах проносились искры, голос дрожал. — Хотя нет, не так, Став. Пугающий сон, вот определение. Но оно подразумевает то, что есть и какие-то другие сны, а я не… В смысле, почему всегда одно и то же? Так было всегда?

— Я не знаю. — «Нет, не было». Девочка вздохнула:

— Эти слова, которые я заучиваю, ни одно из них точно не соответствует своему значению, ты знаешь?

— Это просто символы, Джин, — улыбнулся Ставрос.

В такие минуты он почти забывал об источнике кошмаров, чахлом, скудном существовании какого-то полу-я, пойманного в ловушку ветхого мяса. Трусость Эндрю Горавица освободила ее из этой тюрьмы, по крайней мере на какое-то время. Сейчас она летела вверх, во всю мощь используя свой потенциал. Джин имела значение.

— Сны — это и символы, но… Я не знаю. В библиотеке столько упоминаний о снах, и все они не особенно отличаются от простого определения состояния бодрствования. А когда я действительно сплю, там все лишь… крики, только приглушенные, еле слышные. Очень грязные. И какие-то формы вокруг. Красные формы. — Пауза. — Ненавижу сны.

— Ну, ты пробудилась. Чем сегодня займешься?

— Не знаю. Мне нужно выбраться из этого места.

Он не знал, о чем она говорила. По умолчанию Джин просыпалась в доме, жилище для взрослых, спроектированном под человеческую восприимчивость. В непосредственном доступе также находились парки, леса и океаны. Правда, сейчас она изменила все так, что Микалайдес просто не мог их узнать.

Рано или поздно ее родители захотят вернуть дочь обратно. «Все, чего она захочет, — сказал Ставрос сам себе. — Пока она здесь. Все, чего захочет».

— Хочу наружу, — заявила Джин. Кроме этого.

— Я знаю, — вздохнул он.

— Может, там я смогу забыть об этих кошмарах. Ставрос закрыл глаза и понял, как хочет просто побыть с ней.

В реальности, вот с этим восхитительным, необыкновенным созданием, которое не знает его по-настоящему, а всего лишь слышит бесплотный голос.

— Опять проблемы с монстром? — спросила Джин.

— Каким монстром?

— Ты знаешь. С бюрократией.

Он кивнул, улыбнувшись, но быстро опомнился и ответил:

— Да. Всегда одно и то же, день за днем. Джин фыркнула:

— Я до сих пор не уверен, что эта штука действительно существует, знаешь ли. Даже проверила библиотеку на предмет определения понадежнее, но теперь думаю, что и ты, и библиотека больны на всю голову.

Ставрос поморщился от этих слов, такому он ее явно не учил.

— В каком смысле?

— Да брось, Став. Как естественный отбор может создать роевидное существо, чья единственная функция — сидеть и копаться в собственной коллективной заднице, при этом будучи абсолютно неэффективным? Приведи мне еще хоть один подобный пример.

Наступила словно растягивающаяся тишина. Он наблюдал, как микроток плеснул в предлобных долях коры ее головного мозга.

— Став, ты здесь? — спросила она наконец.

— Да, здесь, — тихо рассмеялся наблюдатель, а потом добавил: — Ты же знаешь, как я тебя люблю?

— Конечно, — легко ответила Джин. — Что бы это ни значило.

Окружающая девочку среда преобразилась; легкое, рефлекторное изменение для нее, вышибающий дух рывок между странными реальностями для Ставроса. На краю его зрения вспыхнул фантом, исчезнув, как только взгляд человека сосредоточился на нем. Свет отражался от миллиона неопределимых граней, рассеивался, прерываясь мириадами крохотных резких лучиков. Здесь не было пола, потолка или стен. Никаких ограничений вдоль каких-либо осей.

Джин потянулась к тени в воздухе и уселась на нее, паря.

— Думаю, снова почитаю «Алису в Зазеркалье». По крайней мере хоть кто-то другой живет в реальном мире.

— Изменения, происходящие здесь, — дело твоих рук, Джин, — сказал Ставрос. — Это не махинации какого-нибудь бога или автора.

— Знаю. Но Алиса заставляет меня чувствовать себя более… обыкновенной.

Реальность неожиданно снова сместилась, сейчас девочка сидела в парке, ну или, по крайней мере, в том, что Микалайдес мог назвать парком. Иногда он просто боялся спрашивать, осталась ли ее интерпретация окружающего пространства прежней. Наверху танцевали светлые и темные пятна, небо становилось бесконечным, а секунду спустя угнетающе близким, даже его цвет преображался. Большие и маленькие животные, изогнутые желтые линии и формы, постоянно меняющие окраску оранжевые и бордовые фрагменты. Какие-то создания, то ли образы из реальности, то ли воплощения математических теорем, а может, то и другое, виднелись вдалеке.

Видеть глазами Джин всегда было нелегко. Но эти непонятные абстракции казались малой ценой за чистое удовольствие наблюдать за тем, как она читает.

«Моя маленькая девочка».

Вокруг нее кружили символы, похоже текст «Алисы в Зазеркалье». Для него это выглядело полной неразберихой. Несколько узнаваемых букв, случайные руны, формулы. Иногда они менялись местами, легко изменяясь, проходя сквозь друг друга, паря вокруг или даже улетая в небеса, подобно множеству темных бабочек.

Ставрос моргнул и тяжело вздохнул. Если бы он остался здесь подольше, то у него разболелась бы голова на весь день. Наблюдать за жизнью, текущей с такой скоростью, было очень трудно.

— Джин, мне надо уйти.

— Дела компании? — спросила она.

— Можно и так сказать. Мы скоро поговорим, любовь моя. Читай.

В физическом пространстве прошло от силы десять минут.

Родители Джинни положили ее тело на специальную кушетку, один из немногих кусков цельной геометрии, присутствующий в комнате. Все помещение было практически пустой декорацией. В бутафории не было нужды; ощущения шли непосредственно в затылочные доли коры головного мозга Джин, вращивались в ее слуховые цепи, отталкивались от тактильных рецепторов точными подделками осязаемых вещей. В мире, сотканном из лжи, настоящие предметы стали бы бедствием.

— Будь ты проклят, она не какой-то там тостер! — чуть ли не плевалась Ким в лицо мужу.

По-видимому, ледяной тайм-аут закончился, битва

разгорелась с новой силой.

— Ким, а что я должен был делать…

— Она — ребенок, Энди. Она — наш ребенок.

— А так ли это. — Фраза прозвучала утверждением, а не вопросом.

— Разумеется, так.

— Хорошо. — Эндрю вынул пульт управления из кармана и протянул его жене. — Тогда буди ее сама.

Она уставилась на него, несколько секунд ничего не говоря. Камеры улавливали звук дыхания Джинни, отчетливо раздающийся в тишине.

— Ты урод, — прошептала Ким.

— Так и знал. Ты еще не готова к этому, не так ли? Лучше свалить на мужа всю грязную работу, — он уронил пульт, тот мягко отскочил от пола, — а потом винить его за это.

Четыре года привели их к этому. Ставрос покачал головой от отвращения. Им дали шанс, о котором другие не могли даже мечтать, и посмотрите, что они с ним сделали. В первый раз, когда родители выключили свою дочь, ей еще не исполнилось двух лет. В ужасе от такого немыслимого поступка, они пообещали друг другу никогда не делать этого снова, всегда отправлять ее спать только по расписанию, они поклялись, никогда, никогда. В конце концов, она же их дочь, а не какой-то убогий тостер.

Торжественное соглашение длилось три месяца. С тех пор все становилось только хуже. Ставрос не мог вспомнить и дня, чтобы Горавицы не облажались бы так или иначе. Теперь, когда они снова отключили ее, ссора стала чистым ритуалом. Просто слова, должные бороться со злом самого акта, которые никого не обманывали. Это были даже не споры, несмотря на все претензии. Так, переговоры, чья очередь взять на себя вину.

— Я не виню тебя. Просто… ну, ты понимаешь, все должно было быть не так! — Ким размазала слезу сжатым кулаком. — Она должна была быть нашей дочерью. Они говорили, мозг вырастет нормальным, они говорили…

— Они говорили, — вмешался Ставрос, — что у вас появится шанс стать родителями. Они же не могли гарантировать, что вы станете хорошими родителями.

Ким подпрыгнула от звука голоса, раздавшегося из стен, но Эндрю только горько улыбнулся и покачал головой:

— Это личное, Ставрос. Отвали.

Естественно, то были пустые слова, постоянное наблюдение входило в условия проекта. Компания вложила миллиарды только в исследовательскую работу. Само собой разумеется, ни за

что на свете она не позволила бы паре вечно ссорящихся простых работяг играться со своими инвестициями без присмотра, что бы там ни говорилось в договоре.

— У вас было все, что нужно! — Ставрос даже не озаботился скрыть презрение в голосе. — Лучшие специалисты «Терракона» по оборудованию сделали соединения. Я сам спроектировал виртуальные гены. Беременность прошла великолепно. Мы сделали все, чтобы дать вам нормального ребенка.

— У нормального ребенка, — заметил Эндрю, — не торчит из головы кабель. Нормальный ребенок не привязан к какому-то ящику, полному…

— Ты хоть представляешь себе ту скорость двоичной передачи, с помощью которой можно на расстоянии управлять человеческим телом? Использование радиочастот даже не рассматривалось. Она сможет передвигаться самостоятельно, когда общее состояние дел и ее собственное развитие позволят это. Об этом я вам уже не раз говорил.

И действительно, говорил, хотя по большому счету лгал. Общее состояние проекта идет, как и шло, но «Терракон» больше не вкладывает больших средств в дело Горавицев. Теперь эксперимент проходит в режиме автопилота.

«Кроме того, — размышлял Ставрос, — будет просто безумием позволить вам двоим забрать Джинни хоть куда-то за пределы контролируемой территории…»

— Мы… мы знаем, Став. — Ким Горавиц встала между мужем и камерой. — Мы не забыли…

— Мы также не забыли, что именно «Терракон» впутал нас во все это дело, — разозлился Эндрю. — Мы не забыли, по чьему недосмотру я мариновался около треснувшего щита сорок три минуты и шестнадцать секунд, мы не забыли, из-за чьих тестов никто не заметил мутаций или кто пытался сделать вид, что ни при чем, когда наш выигрыш в лотерее на ребенка превратился в полный кошмар…

— А вы забыли, что «Терракон» сделал, исправляя все это? Сколько мы потратили? Забыли о документах, которые подписали?

— Думаете, стали святыми, уладив дело без суда? Хотите поговорить о решении вопросов? Мы десять лет пытались выиграть в лотерею, а знаешь, что сделали ваши юристы, когда тесты пришли обратно? Предложили оплатить аборт.

— Это не значит…

— Как будто у нас появился бы другой ребенок. Как будто кто-нибудь дал бы нам еще один шанс, когда у меня яйца забиты комковатым кодоновым[270] супом. Ты…

— Вообще-то, — встряла Ким, повысив голос, — мы говорили о Джинни.

Мужчины резко замолкли.

— Став, — продолжила она, — мне наплевать, что там говорят люди из «Терракона». Джинни ненормальна, и дело не в очевидных фактах. Мы любим ее, мы действительно ее любим, но она такая жестокая постоянно, мы просто не можем…

— Если бы кто-нибудь включал или выключал меня, как микроволновую печку, — сухо заметил Ставрос, — я бы тоже был склонен к приступам гнева.

Эндрю со всего размаху ударил кулаком в стену:

— Послушай-ка меня, Микалайдес. Тебе легко сидеть где-то за полмира отсюда в красивом отдельном офисе и читать нам лекции. Мы, только мы имеем дело с Джинни, когда она молотит себя кулаком по лицу, или стирает кожу с рук, пока с них в буквальном смысле не начнет свисать мясо, или пытается выколоть себе глаз вилкой. Вилкой! Она однажды наелась стекла, помнишь? Долбаная трехлетка жрала стекло! И вы, придурки из «Терракона», можете только обвинять нас с Ким в том, что мы позволили «потенциально опасным предметам» попасть в комнату. Как будто какой-нибудь другой, более сведущий родитель всегда думает о том, что его ребенок хочет изувечить себя при любой возможности.

— Это безумие, Став, — настаивала Ким. — Врачи ничего не могут найти. С телом все в порядке, ты говоришь, что и с разумом все нормально, а Джинни продолжает делать это. С ней что-то не то, а вы, парни, не желаете признать очевидного. Она словно нарочно заставляет нас выключать ее, как будто хочет этого.

«Боже мой… — Ставрос неожиданно все понял. Осознание чуть ли не ослепило его. — Вот оно. Точно. Это моя вина».

— Джин, послушай. Это важно. Я должен… Я хочу рассказать тебе сказку.

— Став, я сейчас не в настроении…

— Пожалуйста, Джин. Просто послушай.

Тишина в наушниках. Даже мельтешение абстрактной мозаики на его визуальных сенсорах словно слегка замедлилось.

— Когда-то… была земля, Джин, вот эта зеленая и прекрасная страна, только люди все испортили. Они отравили реки, забрались в свои логова, они все испортили. Просто все. Поэтому им пришлось нанять других людей, для того чтобы навести порядок, понимаешь? Те соприкасались с химическими веществами, работали рядом с ядерными реакторами, и иногда это меняло их, Джин. Совсем чуть-чуть.

Два таких человека влюбились друг в друга и захотели ребенка. Им пришлось очень трудно, у них был только один шанс, и они выиграли его, ребенок стал расти внутри женщины, но что-то пошло не так. Я не знаю, как точно объяснить, но…

— Эпигенетический синаптический эффект, — тихо произнесла Джин. — Примерно так это звучит?

Ставрос замер от страха и удивления.

— Одиночная мутация, — продолжила девочка. — Вот что произошло. Регуляторный ген, контролирующий распределение узлов ветвления дендритов. В общем, он должен работать около двадцати минут, но этого хватило, повреждения стали необратимы. После таких изменений генная терапия бессильна, раньше надо было суетиться.

— Боже, Джин, — прошептал Ставрос.

— Я все думала, когда же ты наконец созреешь и во всем признаешься, — так же тихо сказала она.

— Как ты… ты…

— Думаю, я могу дорассказать твою сказку, — грубо прервала его девочка. — Сразу, после того как развилась нервная трубка, все пошло… не так. Ребенок родился бы с совершенным телом, но с кашей вместо мозга. Последовали бы сложности, не реальные, а так, придуманные. Тяжбы. Думаю, это слово подойдет, смешно, так как оно даже отдаленно не связано с какими-то этическими вопросами. Я вообще плохо понимаю эту часть истории.

Но существовал и другой путь. Никто не знал, как построить мозг с нуля, а даже если бы и знал, это не то же самое, ведь так? Получилась бы не их дочь, а… нечто другое.

Ставрос промолчал.

— Вот тут в дело вступил один человек, ученый, который нашел обходной путь. Мы не можем построить мозг, сказал он, но гены могут. А их в любом случае гораздо легче подделать, чем нейронные сети. В конце концов, имеешь дело всего с четырьмя буквами. Поэтому ученый заперся в лаборатории, где числа занимали места вещей, и написал рецепт, рецепт по созданию ребенка. Произошло чудо, он сумел вырастить нечто способное просыпаться, оглядываться. Юридически (кстати, этого слова я тоже не понимаю), юридически, генетически и по развитию оно было дочкой родителей. А этот парень очень гордился тем, что совершил, так как до этого строил только математические модели, а эту штуку даже не создавал. Вырастил. Никто никогда не оплодотворял компьютер, тем более не кодировал мозг эмбриона, чтобы тот действительно рос на каком-то сервере.

Ставрос закрыл лицо руками:

— Как давно ты узнала об этом?

— До сих пор не знаю, Став. Ну, или не все в точности. Есть еще, например, неожиданный финал, так ведь? Его я могу только представить. Ты вырастил своего собственного ребенка здесь, где все поддается учету. Но жить он должен в другом месте, где все… статично, где все происходит в миллиарды раз медленнее, чем тут. В месте, где все слова соответствуют вещам. Поэтому ты должен был затормозить девочку, чтобы она соответствовала тому месту, иначе ребенок вырос бы слишком быстро и испортил иллюзию. Замедлить бег часов. Но ты был к этому не готов, не так ли? Ты отпускал меня на волю, когда мое тело… выключали…

В ее голосе появилось что-то, чего Ставрос никогда раньше не слышал. До этого Джин злилась, но то всегда была кричащая нечленораздельная ярость духа, пойманного в ловушку плоти. Сейчас же она казалась спокойной, даже холодной. Девочка выросла и вынесла решение. Перспектива вердикта напугала Ставроса Микалайдеса до мозга костей.

— Джин, они не любят тебя. — Даже он сам услышал отчаяние в собственном голосе. — Не такой, какая ты есть. Ты им не нужна, эти люди хотят ребенка, какого-то смешного домашнего любимца, они хотят с ним нянчиться, командовать, требовать.

— Ну а ты, — возразила Джин, и голос ее был полон льда и стали, — всего лишь хотел увидеть, чего может достичь ребенок, если его запустить на полную катушку.

— Боже, нет! Неужели ты думаешь, что я сделал это именно по такой причине?

— Почему нет, Став? Значит, ты не возражал бы против того, чтобы твои охрененные высокоскоростные сети всего лишь передвигали по комнате какую-нибудь мясную куклу с мертвыми мозгами?

— Я поступил так, потому что ты выше всего этого! Я хотел, чтобы ты развивалась в собственном ритме, а не соответствовала каким-то нелепым родительским ожиданиям! Они не должны заставлять тебя играть роль четырехлетнего ребенка!

— А я не играю, Став. Мне действительно четыре, именно столько, сколько и ожидается.

Он промолчал.

— Я регрессирую. Ведь так? Ты можешь запустить меня со скоростью пешехода или сверхзвукового самолета, но в обоих случаях это я. И эта другая половина, могу поспорить, не слишком-то счастлива. У нее мозг четырехлетнего ребенка, чувства четырехлетнего ребенка, но ей снятся сны, Став. Ей снится какое-то чудесное место, где можно летать, но каждый раз, просыпаясь, она снова понимает, что сделана из глины. И это существо непроходимо глупо, оно даже не понимает, что это

значит. Но кукла хочет вернуться, она сделает все… — Джин остановилась, по-видимому задумавшись. — Я помню, Став. Ну, можно и так сказать. Очень трудно запомнить хотя бы что-нибудь, когда кто-то сдирает с тебя девяносто девять процентов того, чем ты являешься. Ты уменьшаешься до этого кровоточащего маленького куска мяса, чуть ли не животного, и именно он запоминает, находясь на другом конце кабеля, где-то там. Я не принадлежу этому телу. Совсем. Я просто… приговорена к нему. Включили, выключили. Включили, выключили.

— Джин…

— Я слишком долго соображала, Став. Признаю это. Но теперь я знаю, откуда приходят кошмары.

На заднем плане заныла телеметрия комнаты. «Господи, нет. Не сейчас. Не сейчас…»

— Что это? — спросила Джин.

— Они… они хотят вернуть тебя.

На синхронизированном мониторе пиксельное эхо Эндрю Горавица играло с клавиатурой.

— Нет! — закричала она; от паники формы, окружавшие Джин, заколебались. — Останови их!

— Не могу.

— Не говори мне этого! Ты всем заправляешь! Ты построил меня, сволочь, говорил, что любишь! А они меня только используют! Останови их!

Ставрос заморгал от жалящих остаточных изображений.

— Это как выключатель света, полностью физическая процедура. Я не могу остановить их отсюда…

Параллельно с первыми двумя появилась третья картинка. Джин Горавиц, дергающаяся на цепи, петля захлестнула ей горло. На губах лопаются пузыри, а что-то темное и невыносимо реальное тащит ее вниз, ко дну океана, хоронит там.

Переход осуществлялся автоматически серией макрокоманд, которые Ставрос вписал в систему, когда она родилась. Тело, пробуждаясь, низводило разум до соответствия с собственным физическим развитием. Камеры в комнате запечатлевали все это с бесстрастной четкостью: Джинни Горавиц, беспокойный ребенок-монстр, пробуждается в аду. Джинни Горавиц открывает глаза, кипящие злобой, ненавистью и отчаянием, глаза, светящиеся еле заметной частичкой интеллекта, которым она обладала пять секунд назад.

Но ее хватило для того, что произошло потом.

Комната была спроектирована так, чтобы снизить риск повреждений, но в ней оставили кровать, встроенную одним

краем в восточную стену.

Этого оказалось достаточно.

Скорость, с которой двигалась Джинни, захватывала дух. Ким и Эндрю ничего не поняли. Она нырнула под кровать, словно таракан, спасающийся от света, проползла по полу и вылезла с другой стороны, обернув кабель вокруг одной из ножек. Девочка не колебалась. Мать только тогда шагнула к ней, протянула руки в замешательстве, все еще ни о чем не подозревая.

— Джинни…

Ребенок обхватил ногами край кровати и резко потянул вперед.

Она сделала это три раза. Три попытки, голова билась на поводке, скальп рвался, кабель, судорожными толчками выползая из черепа, буквально вспарывал его, трещали кости, на пол струями хлестала кровь, вокруг разлетались волосы, мясо, какие-то детали. Три раза, несмотря на явную, невероятную боль. И каждый последующий рывок с большей решимостью, чем предыдущий.

А Ставрос мог только сидеть и смотреть, одновременно пораженный и не удивленный такой обжигающей яростью. «Неплохо для кровоточащего маленького куска мяса. Почти животного…»

Все это заняло секунд двадцать. Странно, но никто из родителей не пытался ее остановить. Может, сказался шок от неожиданности. Может, Ким и Эндрю, застигнутые врасплох, не успели даже подумать.

Хотя вполне возможно, времени им как раз хватило.

Теперь Эндрю Горавиц тупо стоял в середине комнаты, пытаясь стряхнуть ручейки крови с лица. Дождевая тень оказалась на стене за ним, непристойная своей белизной; остальная поверхность покрылась ярко-алыми пятнами. Ким Горавиц кричала в потолок, на ее руках осела окровавленная марионетка. Ее ниточки, точнее, ниточка, ведь через единственную жилу оптоволокна проходит больше информации, чем требуется, лежала на полу окровавленной змеей, обрывки плоти и волос трепетали на ее конце.

Согласно показаниям приборов, Джин соскочила с поводка. Теперь и буквально, и метафорически. Хотя со Ставросом она не говорила. Может, злилась. Может, находилась в кататоническом состоянии. Он не знал, на что ему надеяться.

Но как бы то ни было, Джин больше не жила в этом мире. После себя она оставила только отголоски да последствия кровавой несовершенной смерти. Грязную сцену какого-то бытового преступления. Микалайдес отключил сеть,

связывающую его с комнатой, аккуратно вырезав Горавицев и их бойню из своей жизни.

Он послал сообщение. Какой-нибудь местный лакей «Терракона» сможет организовать уборку.

В разуме Ставроса всплыло слово «покой», но он не нашел места, куда его можно было пристроить. Наблюдатель сосредоточился на портрете Джин, снимке, когда ей только исполнилось восемь месяцев. Она улыбалась; счастливое беззубое дитя, все еще невинное и полное изумления.

«Есть путь, — словно говорила эта куколка. — Мы можем сделать все, никто не узнает…»

Горавицы только что потеряли своего ребенка. Даже если они захотят починить ее тело, заново подключить разум, у них ничего не получится. «Терракон» возместит ущерб по всем юридическим обязательствам, да и какого черта, даже нормальные дети время от времени кончают жизнь самоубийством.

Ну и хорошо, на самом-то деле. Горавицы даже хомячка нормально не вырастили бы, не говоря уж о прекрасной девочке с коэффициентом интеллекта, состоящим из четырех цифр. Но Джин, настоящую Джин, а не эту кровавую, переломанную кучу мяса и костей нелегко, да и недешево поддерживать живой, рано или поздно у многих возникнет желание освободить процессорное пространство, как только слух о произошедшем выползет наружу.

Джин так и не поняла эту особенную часть настоящего мира. Контрактные обязательства, экономика были слишком сложными и абсурдными даже для ее гибкого определения реальности. Но именно они собирались убить ее сейчас, если, конечно, разум выжил после такой травмы тела. Монстр не будет поддерживать программу, если ему не придется.

Разумеется, сорвавшись с поводка, девочка будет жить быстрее реального мира. А бюрократия… ну ледники иногда двигаются резвее, особенно в спешке.

Разум Джин — точная копия настоящих хромосом, коды, выстроенные из электронов, а не из углерода, но оттого не менее реальные. У нее были свои собственные разрушающиеся теломеры.[271] Изнашивающиеся синапсы,[272] мало чем отличающиеся от обычных. В конце концов, Джин построили, чтобы заменить человеческое дитя. А дети со временем стареют. Становятся взрослыми, и потом приходит день, когда они умирают.

Джин пройдет через все это быстрее многих.

Ставрос отправил отчет об инциденте. Он аккуратно включил туда пару фактов, противоречащих друг другу, оставил три

графы, обязательные для заполнения, пустыми. Сообщение вернется через неделю или две с требованиями прояснить ситуацию. А он снова сделает все по-старому.

Освобожденная от тела, с возросшим циклом синхронизации, Джин может прожить сто пятьдесят субъективных лет за месяц или два реального времени. И за все столетие своей жизни она ни разу не проснется от кошмара.

Ставрос улыбнулся. Пришло время увидеть, чего этот ребенок достигнет, если его запустить на полную катушку.

Он надеялся, что сможет хотя бы не потерять из виду ее след.

Элизабет Бир
Две мечты [273]

Игла с краской все двигалась вокруг безымянного пальца левой руки Пэйшенс, изнемогающей от невыносимой жары в кресле, чья кожаная обивка была покрыта образцами татуировок. Боль ее не беспокоила. Это была многообещающая боль. Слезы щипали глаза, но Пэйшенс продолжала смотреть мимо голого черепа мастера в пыльное окно. Сквозь дождь переливались драгоценным ожерельем бортовые огни космолайтера, плавно скользящего в облаках по направлению к промокшей беспорядочной громаде космопорта, носящего название озеро Пон-чатрэйн. В ясные ночи Пэйшенс различала даже вереницу грузовых капсул, ползущих друг за другом позади него. Пэйшенс закусила губу и взглянула в сторону, не на иглу, а на противоположную стену, шершавую от полопавшейся краски.

Нынче от озера Пончатрэйн осталось только имя, корка соли на краю разлившегося залива. Однако оно не исчезло, продолжая напоминать о себе яркими цветами бугенвилей в деревянных кадках у дверей, карнавальными платформами Марди Грас,[274] отныне блистающими только в памяти жителей Нового Орлеана, как великое наследие города, ушедшего под воду. Рука Пэйшенс лежала ладонью вверх на деревянном подлокотнике, словно в ожидании подарка. Она сидела, не зажмуриваясь и не глядя на иглу, которая все скребла и царапала ее кожу. Длинная баржа Тополиной улицы раскачивалась в такт шагам проходивших мимо мастерской, однако пропахшая джином рука мастера оставалась твердой, несмотря ни на что совершая хирургически точные манипуляции.

Наконец уколы прекратились, татуировщик откинулся назад, усевшись на пятки, отложил инструменты и стал привычными движениями наносить особое покрытие для закрепления рисунка. Пэйшенс смотрела на свою ладонь, окрашенную индиго — признак ее касты, — на правой руке переливались причудливые изумрудные и кроваво-красные узоры филигранной работы, на левой рисунками были украшены безымянный палец и мизинец, покрытые сейчас прозрачным защитным слоем.

В груди нарастало какое-то странное давление. Она подняла было левую руку, поднесла ее к сердцу, чтобы ослабить напряжение, но вовремя опомнилась и опустила обратно на подлокотник. Опираясь только правой, Пэйшенс поднялась и сказала: «Спасибо!»

Дождавшись, когда мастер стянет перчатки и смоет кровь, она протянула ему полную горсть денег. Его кожа имела цвет ила, не изменившийся с рождения, как у всякого ремесленника; голографические купюры, которыми она расплатилась, блестели на этом фоне, как рыбья чешуя.

— Еще немного, и вся кисть будет раскрашена. — Он провел ладонью по лоснящемуся от пота черепу. На нем самом татуировки начинались от запястий — драконы, русалки и ламантины — обитатели моря покрывали руки и грудь. — За шесть месяцев ты заработала уже два пальца. Похоже, ты все время занимаешься.

— Я хочу, чтобы сын пошел в ремесленное училище, тогда мы сможем получить места на дальних рейсах.

Сказав это, Пэйшенс прямо взглянула на мастера, так что тот опустил глаза и сунул руки в карманы, став похожим на пеликана, только что проглотившего рыбу.

— Не хочу, чтобы ему пришлось продавать свой контракт ученичества, как мне в свое время. — Она улыбнулась. — Я это сделала, чтобы выжить. А сын должен стать инженером, получить зеленый и красный цвета. Или слесарем-ремонтником, с руками без всякой краски. Как у тебя. Однако он хочет быть художником. А *здесь* живопись не очень-то востребована.

Мастер что-то проворчал, убирая инструменты.

— Между прочим, те, кто не ходит на лайтерах, тоже как-то живут. И даже неплохо.

Одним быстрым жестом она обвела всю крошечную комнатку и окно, за которым не переставая лил дождь. Чувство тяжести в груди усилилось, будто кто-то сжимал ее сердце, не давая пошевелиться, сдвинуться с места.

— Вот как? — сказала Пейшенс только для того, чтобы что-то сказать.

Мастер задумчиво пожал плечами, поднял глаза:

— Именно. Именно так. Я свободный человек и делаю то, что хочу. — Он выдержал паузу. — А у твоего парня что-нибудь стоящее выходит?

— Ты имеешь в виду живопись? — Она нахмурилась, уголок рта слегка опустился. Осторожно расправила пальцы, чтобы нечаянно не повредить свежую татуировку. — Весьма стоящее. Он же может рисовать в свободное время, это будет как хобби, верно?

— Просто стоящее? Или действительно стоящее? Кровь прилила к щекам Пэйшенс.

— Действительно стоящее.

Мастер помолчал. Она знала его много лет, за это время сделано уже пять пальцев на одной руке и два на другой, семь

экзаменов. Осталось три.

— Если у него на руках не появится татуировок. Если, когда ты закончишь с этой кастой, — он жестом показал на ее руки, — он так и не захочет уезжать, пришли его ко мне.

— Не то чтобы он не хотел уезжать. Просто он не хочет работать, не хочет жертвовать чем-то. — Она беспомощно замолчала. — У тебя дети есть?

Он рассмеялся, утвердительно кивая. Они постояли, глядя друг на друга; когда молчание стало неловким, мастер первым опустил глаза. Пэйшенс кивнула на прощание и быстро вышла. Задержавшись на палубе в ожидании, пока нанокожа, покрытая бисеринками дождя, адаптируется к погоде, она смотрела на лайтер, ведущий за собой караван космических кораблей с грузом, который опускался на поверхность озера тихо, как осенний лист. У ног суетились пятнистые крысы. Она перегнулась через перила над водами канала Тополиной улицы, наблюдая за швартовкой. Волна, поднятая караваном, мягко ударила в длинный составной борт баржи, так что Тополиная улица закачалась под ногами Пэйшенс. Волосы, промокшие от дождя и пота, противно липли к шее. Запахи острого перца и кипящего соуса перебивали вонь грязной воды. Вцепившись в поручень здоровой рукой, она следила, как другой караван набирает высоту; тиски страха, сжимавшие грудь, наконец ослабли. «Хавьер Александр, — бормотала она, идя по качающемуся мосту, — лучше бы тебе быть дома, в своей постели, целым и невредимым, мальчик мой. Лучше бы тебе быть дома, в своей постели».

Из такого города, как затонувший Новый Орлеан, просто так не уходят. Из такого города, как затонувший Новый Орлеан, улетают. Кто может. А кто не может…

Что-нибудь делает, чтобы смочь.

Хайве лежал на спине в теплой, как кровь, луже, где смешалась морская и дождевая вода, на дне лодки и следил за движением нижних габаритных огней большого каравана, плывущего над ним. Лодку он, можно сказать, одолжил на время. Освещенное огнями города, небо переливалось всеми оттенками розового и оранжевого, и на этом фоне силуэты судов были похожи на нитку жемчуга. Они казались совсем близко, на расстоянии вытянутой руки. Хайве даже пошевелил светлыми нетатуированными пальцами. На мгновение дождь над ним расступился, как занавеска, в лицо ударил ветер от двигателей каравана, и снова полил, непроницаемый, как море.

— Красиво, — прошептал он. — Чертовски красиво, Мэд.

— Хайве, ты здесь? — услышал он шепот в ухе сквозь треск

помех. Они не могли себе позволить хорошего оборудования, все — либо украденное, либо самодельное. Но им было на это плевать, еще бы, это ерунда по сравнению с возможностью подобраться так близко к космическому кораблю.

— Черт, Мэд, последний прошел у меня прямо над головой. Ты здесь?

— За буями. Вот дерьмо! Чертов шпангоут!

Пока Мэд откашливался и отплевывался, Хайве вцепился руками и ногами в борт шлюпки. Поднятая караваном волна настигла его, подхватила лодку и стала трепать, как собака, играющая с тряпкой. Старое липкое дерево царапало ладони, он сильно разодрал о шпангоут кожу на голове, и из раны, разъедаемой соленой морской водой, сочилась кровь. Содержимое сетчатой сумки, привязанной к поясу, ударило Хайве в живот, он охнул и вцепился еще крепче; от напряжения страшно болело все тело.

Когда волна улеглась, он все еще был в лодке.

Схватив сумку, мальчик стал лихорадочно ощупывать находящиеся в ней банки, пока не убедился, что они влажные от дождя, а не от вытекшего растворителя; убедился в основном за счет того, что кожа на руках осталась холодной и не начала облезать клочьями.

— Мэд, ты меня слышишь?

Долгая тишина, от которой сжимается все внутри. Потом раздался какой-то рыгающий звук, похоже, Мэд наглотался морской воды.

— Жив, — произнес он. — Черт, этот парень мог бы сесть и помягче, а?

— Есть немного. — Сдвинув сумку на бок, Хайве достал весла и, едва они коснулись воды, принялся грести. — Может, это его первый полет. Ладно, Мэд, давай-ка прижжем эту гадину.

Пэйшенс медленно двигалась в сторону дома, по дороге заходила в открытые магазины, с интересом рассматривала выставленные товары, надеясь переждать дождь и избавиться от изматывающего душу страха. Она расплачивалась, с ее разноцветных пальцев капали чешуйки-денежки, как капали с таких же пальцев других учеников на контракте, выкупающих свои контракты и сдающих экзамены, вроде нее, и с окрашенных индиго рук тех, кто подобных амбиций лишен, и с нетатуированных пальцев ремесленников, заполнивших базар. Монетки перетекали в расцвеченные хной ладони торговцев, с характерной раскачивающейся походкой моряков. Под их шагами мостовая гудела, и гулкое эхо отдавалось в пустом пространстве

между дощатым настилом и водой.

От дренажных систем и дамб не было никакого толку; в этой части мира воды оказалось слишком много, чтобы попытки отгородиться от нее принесли хоть какой-нибудь результат. Оказалось, что под этим городом нет никакой надежной почвы, некуда вбить сваи, чтобы строиться. Но из такого города, как Новый Орлеан, парализующего человеческое воображение, просто так не уходят. Поэтому его разрозненные части всего лишь пустили плавать по поверхности Мексиканского залива, свободно катящего волны под городскими мостовыми.

Всего лишь.

Лайтеры приводили караваны в озеро Пончатрэйн и уходили снова, на твердую землю слишком тяжелые корабли сесть не могли. Они жадно всасывали солоноватую воду через водозаборники в днище, разделяли ее на водород, кислород, соль, микроэлементы и чистую питьевую воду. Притащив один караван судов, сразу подцепляли следующий; выходили в море, поднимались в небо, и так снова и снова, бесчисленное количество раз.

Иногда им требовались техники и квалифицированные рабочие. Из касты неквалифицированных рабочих, касты живущих на пособие, таких не брали. У них были ладони цвета индиго, как у тех, кто в старину вкалывал на джинсовых фабриках. Не брали преступников, с руками черного цвета. И никогда не брали художников.

Стоя под навесом, Пэйшенс наблюдала за смышлеными, молью траченными крысами, которые сновали по своим делам по всему рынку. Нанокожа моментально впитывала выступающий пот. Показались огни следующего лайтера. Она бережно прижала к груди ноющую кисть, ручки заметно потяжелевшей сетчатой сумки глубоко врезались в правое запястье. Дальше тянуть время невозможно.

— Лучше бы мальчику быть дома в постели, — произнесла она, ни к кому не обращаясь. Повернулась и направилась домой.

Постель Хавьера оказалась пуста, простыни намокли от дождя, лившего через открытое окно. Вцепившись в раму правой рукой, неловко потянула вниз; ее квартира находилась в доме, которому было несколько сотен лет. Пэйшенс расправила занавеску, и тут раздался звонок видеофона.

Хайве притиснулся к причудливо изогнутому борту буксира, прижав обе ладони к многосантиметровому слою прозрачного кристаллопласта. Обшивка глухо гудела под его руками, где-то там, в глубине, помпы толчками качали воду в резервуары, будто

билось сердце. Здесь рабочие, суетившиеся на корме, открепляя груз от буксира, не могли видеть Хайве и его примитивное суденышко.

— Мэд, ты меня слышишь?

Сквозь треск помех послышался голос друга, дрожащий от возбуждения:

— Слышу. Ты там?

— Ага. Сейчас я его прижгу. Следи, как бы не нагрянул патрульный катер.

— Ты ставишь и мое имя, помнишь?!

— Я тебя когда-нибудь обманывал?! Будь спокоен. Я поставлю оба имени, и мое, и твое, а ты разукрасишь следующего и тоже подпишешь от нас обоих. Только представь, сколько народу его увидит. По всей Галактике. Это покруче открытия галереи!

Мэд не ответил, но Хайве знал, что тот лежит в луже на дне своей шлюпки сразу за цепочкой огней разметки, мерцающих сквозь дождь. Следит за патрульными катерами.

Дождь осложнял дело. Хайве предстояло прикрепить купол к борту буксира. После этого он перестанет что-либо видеть и, став легкой добычей, сможет полагаться только на то, что Мэд что-то разглядит сквозь пелену дождя. А еще испарения растворителя. Значит, придется настроить купол на максимальную проницаемость, чтобы не растворить собственные глаза.

Выбора нет. Искусство должно осуществиться. Искусство отправится в полет. Черная нанопалатка раскрылась над ним, края купола прилипли к корпусу судна. Дождь перестал барабанить по волосам и плечам, как в тот момент, когда над ним пролетал караван, и Хайве принялся орудовать влагоснимателем. Поверхность должна быть сухой, так что, похоже, придется работать по частям. Это займет больше времени.

— Мэд, ты там?

— На берегу чисто. Ты что матери сказал, чтобы отпустила?

— Ничего. — Работая, он жевал щеку изнутри. — Можно было сказать, что хочу порисовать у Клодет, но мать считает, что у живописи нет будущего, могла зайти проверить. Так что я просто смылся по-тихому. Она не скоро придет.

Хайве поправил повязку на голове, включил налобный фонарь, проверил, плотно ли сидят перчатки. По крайней мере свет через купол не пробивается. Роясь в сумке, он прищемил пальцы банками и ойкнул. Вода на дне шлюпки плескалась у щиколоток, пробиралась под нанокожу быстрее, чем та ее отталкивала. Ночь висела над ним горячая и потная, словно громадная рука. Волнуясь, с бьющимся сердцем, он извлек

первую бутылку растворителя, надел наконечник, проткнув пробку, и с ухмылкой, как у летучей мыши, сдавил ее.

Откинувшись назад как можно дальше, только чтобы не порвать купол и не перевернуть лодку, он осмотрел сверкающую девственно-чистую поверхность космического корабля. Растворитель разъедал прозрачную поверхность кристаллопласта, и она покрылась зелеными, оранжевыми, фиолетовыми пятнами. Всего несколько секунд, и химикат въелся в обшивку, не настолько глубоко, чтобы всерьез ее повредить, но вполне достаточно, чтобы следы остались навсегда; если только корпорация или владелец корабля не решат основательно раскошелиться на полную зачистку корпуса и новое покрытие.

Хайве четырежды переставлял купол. Пары растворителя жгли кожу, дышать приходилось через поднятый воротник нанокожи, натянутый на лицо, но мало-помалу фонари ходовых огней превращались в чешую морского змея, в блики на его плавниках. В какой-то момент затрещала рация, но Мэд ничего не сказал, так что Хайве продолжал работать не отрываясь, не обращая внимания ни на раскачивание лодки, ни на свист рабочих, доносящийся с кормы.

Когда он закончил, вдоль борта судна на пятнадцать метров в длину и на шесть в высоту чувственно раскинулось морское чудовище, переливаясь буйными призматическими красками.

Подписав свое творение «Хайве и Мэд», он швырнул последнюю пустую бутылку в озеро Пончатрэйн, где она исчезла без следа.

— Мэд?

Нет ответа.

Внезапно свет сотен ламп залил купол, под которым прятался Хайве. В животе екнуло, он бросился лихорадочно откреплять магнитные зажимы, удерживающие лодку, но голос из мегафона велел сбросить палатку и ждать, держа руки на виду. «Черт! Мэд?» — едва смог он выдавить.

Сквозь помехи раздался усталый голос женщины-полицейского.

— Выходи, парень, — сказала она. — Твой приятель арестован. Пока только по обвинению в вандализме. Так что выходи.

Хайве выпустили, и Пэйшенс пришла за ним на полицейскую баржу. Резкий электрический свет и кафель. Она немедленно вцепилась в его руки, стиснула их так сильно, что кровь выступила сквозь защитную повязку, закрывающую свежую черную татуировку у него на ладонях. Поморщившись от боли, он

попытался высвободиться, но она сжимала все крепче, от напряжения на ее заживающих пальцах лопнула корка. Ей хотелось шипеть, визжать, но голос не слушался, а сын избегал ее взгляда, отводил глаза.

Оттолкнув его руки, она повернулась; волны раскачивали стальную палубу под ее ногами. Повинуясь привычке, сложившейся за долгую жизнь, она взяла себя в руки и пошла, увлекая Хайве за собой.

— Господи, — сказала она, когда дверь перед ними открылась и холодный утренний свет ударил в лицо. — Хавьер, черт побери, о чем ты только думал? О чем ты только?..

Она остановилась, опершись на поручни, пальцы, вцепившиеся в стальные прутья, побелели. Боль разлилась по левой руке до самого локтя. На озере лайтер задним ходом отошел от места стоянки, дозаправился и, полный воды, величаво развернулся, описав плавную дугу, пока рабочие суетились, состыковывая контейнеры, которые ему предстояло увести в космос.

Хайве пристально следил за маневрами судна. На его борту, над самой ватерлинией, засверкало алым и зеленым, развернулось длинное изогнутое тело, покрытое сияющей чешуей, с осмысленным выражением внимательных глаз.

— Ты только посмотри на него, — произнес Хайве. — Похоже, фонари бортовых огней попали идеально. Кажется, будто он, извиваясь, взмывает в небо, как настоящий дракон…

— Какое это все имеет значение? — Она взглянула на его руки, на краску, покрывающую пальцы. — Тебе-то уже ничего не светит.

Собрав волю в кулак, Пэйшенс двинулась было дальше, но Хавьер повернулся, чтобы лучше видеть.

— Никогда и не светило, мам.

— Хавьер, я… — Вдруг почувствовав резкую боль, она посмотрела на свои руки. По ним текла кровь, пачкая поручень, капая в воду. Все это время она сковыривала подсохшую корку, разрушая симметричный рисунок, созданный мастером на ее пальцах. — Ты мог бы добиться чего-то, — произнесла она. Лайтер поднялся в небо с поверхности воды, его брюхо нацелилось на восход, скрытый облаками. — Ты уже никуда не полетишь.

Хавьер встал позади нее, положил забинтованные руки ей на плечи. Она не повернулась, чтобы не видеть боли в его глазах.

— Человек, — прошептал он с глубоким удовлетворением. Вытянув шею, он следил за тем, как его творение парит в небе. — Только подумай, сколько людей его увидит. Неужели ты даже не

хочешь посмотреть, как улетает наш малыш?

Джо Холдеман
Ангел света [275]

Все началось достаточно невинно. Скоро Рождество, а денег нет. Я спустился в подвал и как следует его прочесал в поисках чего-нибудь такого, что можно было бы подарить детям. Такого, чего они сами еще не нашли во время своих «хаджей».

На верхней полке, за вязанками щепок, дожидавшихся холодов, я заметил задвинутый глубоко в угол старый деревянный сундук. Судя по толстому слою пыли на крышке, стоял он там со времен моего отца, а то и дольше.

«Не открывай, — предупредил меня внутренний голос. — Сообщи в полицию».

Но над замком было выгравировано имя: Джон Биллингс Вашингтон. Джоном Вашингтоном звали моего отца до обращения. Кажется, Биллингс — это второе имя его отца. Не исключено, что этот сундук — двадцатого века.

Замок весь проржавел. Я спустился со стремянки и нашел большую отвертку, чтобы открыть его.

Потом я сдвинул сундук с полки, пристроил его на плечо и стал осторожно спускаться. Стремянка подо мной скрипела. Я поставил сундук на верстак, один светильник подвесил на балку над головой, а другой поставил на стопку обрезков досок рядом с верстаком.

Шурупы так скрипели, когда я выкручивал их из твердого дерева, что становилось даже смешно — ведь я собирался устроить детям сюрприз. Но Мириам самозабвенно играла на пианино и пела дуэтом с Фатимой, репетируя рождественскую службу. Можно было хоть из пистолета палить — все равно никто не заметил бы.

Задвижка отошла, и крышка откинулась с металлическим скрежетом. Пахло затхлостью и чем-то еще. Ружейным маслом. Сверху лежал увесистый сверток из серой ткани. Конечно, там ружье.

Найти в доме оставшееся с давних времен оружие — не редкость; ведь его было так много. А вот боеприпасы попадались нечасто. А здесь — два тяжелых магазина.

Я узнал этот автомат — видел на старинных фотографиях. Это «узи», который изобрели и применяли в древнем государстве Израиль. Я положил автомат на место и вытер руки.

Нет, на Рождество такое не дарят. Разве что на Ид,[276] на совершеннолетие — например, Ибригаму, когда он войдет в

возраст и должен будет решить, хочет ли он идти на военную службу. Он посмеется — мол, еврейское оружие. Надо будет спросить имама, нужно ли подвергнуть автомат ритуальному очищению и как это сделать.

Под автоматом лежали три картонные папки — когда-то они были стянуты резинками, но теперь от резинок остались только липкие полоски. В папках оказалось множество никому не нужных документов — банковских и на землю.

А под ними я заметил что-то похожее на непристойную картинку. Я сразу отвернулся, закрыл глаза и попросил Мухаммеда и Иисуса даровать мне силы. Затем я вынул этот предмет из сундука и направил на него свет.

Это был пластиковый пакет с надписью «Азотная печать». Странное, техническое выражение из далеких времен.

Внутри была книга с поразительной картинкой на обложке. Мужчина и женщина, оба белые, держат друг друга в объятиях. При этом у женщины перепуганный вид. А у мужчины — просто решительный: он целится из пистолета во что-то вроде гигантского кальмара, зеленого, как трава. Голова женщины не покрыта, и поначалу кажется, будто она обнажена, но на самом деле одежда у нее прозрачная, словно у танцовщиц. Называлась книга «Душераздирающая антология ужасов», и на ней стояла дата: лето 1944 года. Значит, это 1365 год — более чем за сто лет до хрислама.

Я перелистал книгу — с увлечением, несмотря на ее нечестивое и кровавое содержание. По большей части это были сказки: не благочестивые притчи или народные сказки, а лживые истории, которые когда-то было принято сочинять для развлечения. Возможно, эти истории придумывались и для моральных наставлений. На большинстве иллюстраций были изображены люди в опасном положении — или с физической, или с моральной точки зрения.

Первая история под названием «Карлик-исполин» поначалу показалась мне богохульственной: там говорилось о человеке, который гневался на Господа за то, что Тот создал его меньше ростом, чем прочих людей. Но потом волшебная машина делает всех людей на свете крошечными, и карлик, получив внезапное преимущество, превращается в чудовище. Однако он видит в этом возможность духовного подвига и исправляет свои ошибки. Он ломает машину, мир становится прежним, и Господь вознаграждает этого человека любовью.

К люку, ведущему в подвал, подошла Надия, моя младшая жена, и спросила, не надо ли мне помочь.

— Нет, — сказал я. — Не жди меня. Мне тут надо кое-что

выяснить. Это мужское дело.

Напрасно я так сказал. После утренней молитвы, как только я уйду на работу, Надия обязательно сунет сюда нос.

Я поглядел на женщину на обложке книги — такую беззащитную и беспомощную, выставленную на всеобщее обозрение. Наверное, надо уничтожить книгу, чтобы Мириам или Надия ее не увидели. Подарить Ибригаму? Нет; книга ему понравится, но собьет с пути истинного.

Я поставил оба светильника на стол, по сторонам от книги, чтобы как следует ее разглядеть. Бумага побурела, краска выцвела. Я осторожно переворачивал ломкие страницы, хотя почти не сомневался, что еще до рассвета сожгу книгу. Но сначала прочитаю как можно больше. Я успокоил мысли молитвой, вспомнив хадис Пророка о пользе знаний.

В 1365 году весь мир был охвачен кровопролитной войной, и на многих страницах книги шла об этом речь. По-моему, всего через год Америка впервые применила ядерное оружие, однако упоминаний о нем я не нашел. (Нашел, правда, какие-то «боны», которые поначалу прочитал неправильно и принял за «бомбы». Но боны — это какие-то ценные бумаги.) Это были небольшие заметки, по всей видимости выдаваемые за правду, о том, как достижения науки были использованы против врагов Америки. Те, которые за правду не выдавали, читать было интереснее, но понимать — труднее.

Истории были в основном религиозного содержания. «Гораций на мосту» — о человеке, который обнаружил «дух» моста и одолел его игрой на флейте. «Пыльный ужас» и «Прилив-пожиратель» повествовали об ученых, которые погибли, поскольку взяли на себя роль Господа: один наделил муравьев разумом и обращался с ними так, словно он всемогущее божество, а другой в гордыне своей даже пытался создать новую Вселенную, где сам он намеревался стать Аллахом. Последний рассказ, «Бог света», был о машине, которая, очевидно, являлась воплощением шайтана и соблазняла людей погубить мир.

Стиль изложения был грубоват и местами туманен, хотя, разумеется, отчасти просто отражал технологическую культуру, подавлявшую в те времена и сочинителей, и читателей подобных историй. Сейчас жизнь стала проще и чище — по крайней мере по эту сторону городских стен. Возможно, мир кяфиров[277] и по сей день живет по-прежнему.

Это натолкнуло меня на одну мысль. Вероятно, подобные предметы в их мире — редкость и диковина. Деньги кяфиров я не возьму — хотя многие так поступают, и довольно часто, — но, вероятно, смогу обменять книгу на что-то более подходящее в

качестве рождественского подарка. Подобные сделки можно осуществлять без посредника, а я, честно говоря, не очень хочу доводить до сведения моего имама, что у меня имеется такая сомнительная книга.

Сейчас все уже не так строго, но я отчетливо помню тот день — более сорока лет назад, — когда моему отцу пришлось сжечь почти все свои книги. Мы носили их ящик за ящиком на парковку перед церковью, и там их облили бензином и подожгли. Я всегда вспоминаю об этом, когда чувствую запах бензина, такой редкий в наши дни.

Отцу разрешили оставить себе только две книги — Новый Коран и Новую Библию. Когда при неожиданном обыске в его кабинете впоследствии нашли Алкоран, отцу пришлось провести целую неделю нагишом в клетке на том самом месте — на растрескавшейся бетонной площадке перед церковью, — на одной воде; лишь в последний день ему позволили съесть кусок хлеба.

(Это был черствый кусок, плесневелый и твердый, как камень. Я помню, как отец поблагодарил имама, тщательно обтер с хлеба плесень и сумел с достоинством разгрызть его уцелевшими коренными зубами.)

Отец сказал, что оставил у себя старинную книгу из-за красивого шрифта, но я понимал, что на самом деле им двигало более глубокое чувство: он считал, что на любом языке, кроме арабского, Коран — не более чем книга, а вовсе не священное писание. Мне было всего пять лет, и я втайне ликовал, что можно наконец перестать зубрить Коран на арабском: мне и по-английски было трудно его выучить.

Но теперь я согласен с отцом и, как только закон снова это позволил, стал посвящать воскресные дни тому, чтобы впихнуть в свою седую голову арабские стихи. Милостью Божией я проживу достаточно долго, чтобы выучить все. То, что я давным-давно затвердил наизусть английский перевод, подстегивает мой небыстрый ум.

Я положил старую книгу обратно в пакет с надписью «Азотная печать» и отнес книгу к себе в постель, положив по пути вязанку щепок у печки. Я проверил, все ли в порядке у обоих детей и обеих жен, — все сладко спали. Вознеся благодарственную молитву за эту странную находку, я лег к Надии, и мне приснилось непостижимое будущее, которое так и не наступило.

Следующий день был базарный. Надию я оставил с детьми, а мы с Фатимой отправились в медину[278] прикупить запасы на неделю.

Дело это скорее женское, чем мужское, и обычно на базаре я

отдыхаю, с улыбкой наблюдая, как Фатима проделывает все ритуалы осмотра товаров и заключения сделки — все эти шутливые споры и неохотное согласие, утреннее развлечение и для продавца, и для покупателя. Но на сей раз я оставил жену с тележкой в продуктовой части медины, а сам пошел в отдел древностей.

В той части медины, где торгуют припасами, кяфиров почти не встретишь, однако по отделу древностей и ремесел они бродят в изобилии — наверное, выискивают драгоценные диковины. То, что для нас в порядке вещей, для них — экзотика, и наоборот.

Отдел древностей — это два шатра, соединенные крытым полотном переходом, где торговцы жарят мясо и орехи и продают напитки за доллары и дирхемы. Я взял себе чашечку сладкого кофе, благоухающего медом и кардамоном, за два дирхема и, попивая его, наслаждался зрелищем толпы.

В обоих шатрах торговали примерно одинаковым набором полезных и никчемных вещиц, но в одном — за доллары, а в другом — за дирхемы или в обмен. Долларами следует расплачиваться через посредничество имама, который берет долю себе, а остаток вручает торговцу, пересчитав в дирхемы. Под тем шатром, где расплачиваются дирхемами или другим товаром, народу в добрых три раза больше: кяфирам нужны выгодные сделки, а продавцам не только деньги, но и приятные неожиданности. К тому же там очень весело: кругом смех и болтовня, перекрывающие дребезжание и вой любительского оркестра барабанщиков и скрипачей. Тем, кто думает, будто мы относимся к кяфирам свысока, было бы очень полезно провести здесь час-другой.

Те, кто постоянно ходит сюда торговать, сидели за столиками, взятыми в аренду на день или на месяц; мы же, любители, устроились прямо на земле, разложив свой товар на всеобщее обозрение. Прогулявшись по шатру и не найдя знакомых, я в конце концов выбрал себе место рядом со столиком, за которым мужчина и женщина торговали книгами. Я расстелил перед собой газету и положил на нее «Антологию ужасов».

Женщина с интересом поглядела на нее:

— Что это за журнал?

Да-да, журнал; я забыл это слово.

— Не знаю. Странные сказки, по большей части религиозные.

— Научная фантастика, — сказал мужчина. — Так раньше часто делали — предсказывали будущее.

— Раньше? Это и сейчас делают. Мужчина пожал плечами:

— Но не так. Это вымысел ради вымысла.

— Я бы не стала показывать такое детям, — сказала женщина.

— Похоже, художник был не слишком хороший мусульманин, — заметил я, и они оба захихикали. Потом пожелали мне найти выгодного покупателя, но сами ничего не предложили.

За следующий час человек пять-шесть смотрели журнал и о чем-то спрашивали, по большей части о том, чего я не знал. Подходил и дежурный имам и долго, молча смотрел на меня. В ответ я взглянул на него и поинтересовался, как у него дела.

Подошла Фатима с полной тележкой покупок. Я предложил ей отвезти тележку домой, если она посидит за меня с журналом. Она прикрыла лицо и рассмеялась. Тогда я сделал более реалистичное предложение — я сам отвезу тележку домой, когда все закончу, если она заберет сейчас то, что может испортиться. Нет, сказала Фатима, она заберет все, но сначала прогуляется по шатру. Это стоило мне двадцать дирхемов: Фатима нашла набор деревянных ложек для кухни. Эти ложки только что сделал один человек, открывший лавочку в противоположном углу, — он поставил там токарный станок, устроенный так, что крутить его должен был ребенок, и его сыновья по очереди бегали в колесе, соединенном с осью станка цепочкой скрипучих шестеренок. Наверное, товар у этого резчика покупали скорее из любопытства и жалости к мальчикам, чем из уважения к его мастерству.

Я едва не продал журнал жирному старику без обоих ушей, он, наверное, потерял их на войне. Старик предложил пятьдесят дирхемов, я пытался поднять цену, и тут подоспела его старая карга-жена и, вереща, потащила его — буквально! — прочь. Было бы у него хотя бы одно ухо, она ухватилась бы за него. Продавец книг попытался выразить мне сочувствие, но в конце концов они с женой расхохотались до колик, и я волей-неволей к ним присоединился.

Как выяснилось, мне повезло, что я упустил эту сделку. Но сначала Господь послал мне испытание.

Ко мне подошел босоногий человек, который выглядел так, словно весь год постился, взял журнал и, что-то бормоча, перелистал его от корки до корки. Я сразу понял — добра от него не жди. Я уже видел, как он бродит по шатру, попрошайничая и разглагольствуя. Он был белый, и обычно меня это не смущает.

Но белые люди, которые решили жить в пределах городских стен, как правило, не из тех, кого охотно пригласишь к себе домой, где бы этот дом ни был.

Он принялся поносить меня за то, что я-де плохой мусульманин, — не слыша, как я уточняю, что принадлежу к

хрисламу, — а проглядев книгу (начиная с безнравственной обложки, иллюстраций и рекламы внутри и до последней сказки, в названии которой и вправду фигурировало имя Господа), заявил, что даже самый плохой мусульманин был бы обязан сжечь это непотребство на месте.

Я с удовольствием сжег бы это непотребство, если бы можно было распалить костерок прямо под этим безумцем, однако от необходимости принять такое решение меня спас имам. Привлеченный шумом, он подошел к нам и начал задавать нищему вопросы о сущности вероучения, причем голос у него был такой же визгливый. Арабский у попрошайки оказался не лучше рациона, и зануда поспешил улизнуть, не закончив обвинительной речи. Я поблагодарил имама, и он с тонкой улыбкой удалился.

И вдруг по шатру пронеслась волна тишины — словно раскатали толстое одеяло. Я посмотрел на вход и увидел там четверых: нашего главного имама Абдуллу Сарагосу, какого-то белого в деловом костюме и двух полицейских в форме и при оружии. С ними был пришелец — загадочное создание из тех, кто прилетает к нам с Арктура.

Я впервые видел пришельца, хотя слышал рассказы о них по радио. Я огляделся и, к большому моему огорчению, не нашел Фатимы. Она очень расстроится, что пропустила такое зрелище.

Пришелец был много выше самого высокого человека; у него были короткое туловище и длинная жирафья шея. Голова немного напоминала птичью, с большими глазами по бокам. Пришелец повертел головой, осматриваясь, а затем опустил ее, чтобы сказать что-то имаму.

Все они направились прямо ко мне. Пришелец семенил на шести ногах. Защелкали фотоаппараты; свой я оставил дома. Имам спросил, я ли Ахмед Абд-аль-карим, и я ответил утвердительно, причем голос у меня сорвался.

— Наш гость услышал о вашем журнале. Позвольте нам его осмотреть.

Я кивнул, не доверяя голосу, и протянул журнал имаму, однако взял его белый в костюме. Он показал обложку пришельцу:

— Таким мы представляли себе вас.

— Сожалею, что не оправдал ваших надежд, — ответил пришелец голосом, доносившимся, словно из пещеры.

Он взял журнал уродливой рукой, на которой было слишком много пальцев и всяких шевелящихся отростков, и рассмотрел его сначала одним глазом, а потом другим.

Он поднял журнал к свету и указал на него другой рукой,

поменьше:

— Мне бы хотелось его купить.

— Я… я не могу брать деньги белых людей. Только дирхемы или бартер.

— Бартер, — сказал пришелец, к моему изумлению. — Это когда при торговле обмениваются неравноценными предметами, причем обе стороны уверены, что остались в выигрыше.

Вид у имама был такой, словно он пытается проглотить пилюлю.

— Вы совершенно правы, — сказал я. — В идеальном случае обе стороны действительно остаются в выигрыше — с их точки зрения.

— Возьмите.

Пришелец порылся в кармане или кошельке — я не понял, есть ли на нем одежда, — и достал оттуда огненный шар.

Он выпустил шар прямо в воздух между нами. Шар завис.

— Он останется там, куда вы его поместите.

Шар испускал ярчайший голубой свет, окруженный радужной каймой.

— Долго ли он будет гореть?

— На ваш век хватит.

Я в жизни не видел такой красоты. Я потрогал шар пальцем — прохладный и чуточку колется — и подтолкнул его на несколько дюймов. Шар остался там, куда я его передвинул.

— Договорились, господин. Спасибо.

— *Шукран,*[279] — сказал пришелец, и все они двинулись дальше вдоль рядов столиков.

По-моему, больше пришелец ничего не купил. А может быть, и купил. Я не смотрел на него — только на свет.

И белые ученые, и имамы хотят забрать у меня огненный шар и изучить его. Когда-нибудь я одолжу им его на время.

Но пока что это подарок на Рождество моим сыну и дочери. Верующие — и просто любопытствующие — заходят на него взглянуть и подивиться. Однако выносить его из дому я не позволяю.

В хрисламе, как и в древнем исламе, ангелы — не человекоподобные создания в длинных одеждах и с крыльями. Это *малаика,* существа из чистого света.

Они чудесно смотрятся на верхушке рождественской елки.

Джеймс Патрик Келли
Пожар [280]

К нашей жизни можно применить множество простых способов проверки, хотя бы, например, такую: то же самое солнце, под которым зреют мои бобы, освещает целую систему планет, подобных нашей. Если бы я это помнил, я избежал бы некоторых ошибок. А я окапывал бобы совсем не с этой точки зрения. Звезды являются вершинами неких волшебных треугольников. Какие далекие и непохожие друг на друга существа, живущие в разных обителях вселенной, одновременно созерцают одну и ту же звезду! Природа и человеческая жизнь столь же разнообразны, как и сами наши организмы. Кто может сказать, какие возможности таит жизнь для другого человека? [281]

Генри Дэвид Торо. Уолден, или Жизнь в лесах

I

Героями обычно бывают самые простые и скромные из людей.[282]

Генри Дэвид Торо. Прогулки

Успеху опять снился кошмар. Как всегда, он стоял перед стеной огня и жидкое пламя, подобно лаве, подбиралось все ближе к ногам, лизало валуны и опаляло те самые деревья, которые он поклялся защищать. Ничего нельзя было сделать. Там, в объятиях кошмара, не было ни огнетушителя, ни огнеупорного костюма. Страх приковал Успеха к стволу исполинского дуба, и он не мог сдвинуться с места до тех самых пор, пока кожа на его лице не начала запекаться коркой. Лишь тогда он рванулся прочь. Но теперь пламя неслось за ним по пятам, словно разъяренная тень. Оно преследовало его среди сосен. Деревья взрывались фейерверком горящих иголок и веток, жалящих Успеха сквозь одежду. Он задыхался от вони паленых волос. Его волос. В панике вбежал было в ручей, заполненный мертвыми рыбешками и сварившимися заживо лягушками, но вода ошпарила ноги, и тогда Успех с воплем вылетел на берег. Он, ветеран борьбы с пожарами, не должен был бояться. Но страх тисками сдавил все его существо. Хнычущий гусепес бросился под ноги: горящие перья, море ужаса в вытаращенных глазах. Успех чувствовал, как пламя повсюду следовало за ним, стелясь по земле, прожигая множество нор. Почва под ногами обжигала, темный перегной курился и вонял. В кошмаре был лишь один выход из горящего леса, правда перекрытый его шурином, Виком. Вот только во сне Вик превратился в пакпака — одного из людей-факелов. Из тех, кто поджигал леса. Вик еще не поджег себя, хотя бейсбольная футболка уже дымилась. Он кивнул, и, глядя на дрожащее в раскаленном мареве искаженное яростью лицо, Успех на мгновение подумал, что это не мог быть Вик. Вик не предал бы его, ведь так? Но тут пришлось выплясывать, спасая пятки от наступающего пламени, и не оставалось иного пути. Не было ни выбора, ни времени. «Факел» простер к нему руки, и Успех, споткнувшись, рухнул в его огненные объятия, сомкнувшиеся с яростным свистом. Почувствовал, как лопается кожа на лице…

— Достаточно на сегодня, — резкий голос прорезался сквозь дурман кошмара.

Успех застонал от облегчения, осознав, что пожара не было. По крайней мере там не было. Он почувствовал, как на лоб

опустилась холодная рука, словно благословляя, и понял, что лежит в госпитале. В симуляторе, который внешние использовали для исцеления душ.

— Не дергайтесь так, — сказал робврач, — а то придется прибить провода к вашей голове.

Успех открыл глаза, но увидел лишь колышущийся туман. Попытался ответить робврачу, но не смог даже пошевелить языком. Яркое пятно слева постепенно превратилось в залитое солнцем больничное окно. Он чувствовал плотное и довольно неприятное давление ремней, приковывающих его к кровати: один пересекал грудь, другие удерживали лодыжки и запястья. Робврач отсоединил провода от висков и приподнял больному голову, чтобы снять еще один, с шеи.

— Вы помните свое имя? — спросил он.

Успех опустил голову на подушку, пытаясь расслабить шею.

— Я здесь, сынок.

Успех повернул голову и встретился с сияющими голубыми глазами, на мгновение ярко вспыхнувшими.

— Расширение зрачков нормальное, — пробормотал робврач, скорее всего обращаясь не к Успеху. Помолчав немного, он задал тот же вопрос: — Так как насчет имени?

— Успех.

Робврач провел медпальцем по ладони Успеха, собирая пробу пота, и отправил образец в рот.

— Так тебя могут звать друзья, — проговорил он. — А я спрашиваю идентификационное имя.

Слова мгновение повитали под потолком и затем испарились. Успеху было бы куда легче понимать врача, будь тот живым человеком с настоящими губами и ртом, а не машиной с мерцающей прямоугольной дырой. Оператор, контролирующий этого робота, находился где-то в другом месте. Доктор Нисс был одним из внешних, и Успех никогда с ним не встречался.

— Преуспевающий Грегори Люнг.

— Прекрасное уолденское имя, — сказал робврач и пробормотал: — Имя названо через двадцать семь и четыре десятых секунды после просьбы.

— Это хорошо?

Робврач продолжал жужжать, проигнорировав вопрос.

— Поведение электролитов в поту соответствует норме, — ответил он наконец. — Ну, так расскажи мне о симуляторе.

— Я очутился в сердце лесного пожара, и везде было пламя. Повсюду, доктор Нисс. Там еще был пакпак, один из «факелов». Он схватил меня, и я не мог вырваться.

— Сынок, ты помнишь мое имя. — Лобная пластина робота

одобрительно замерцала теплым, янтарным светом. — Во сне ты умер?

— Нет. — Успех покачал головой. — Но я горел.

— Было что-то, не связанное с пожаром? Какие-нибудь монстры, к примеру? Мама? Отец?

— Нет.

— Потерянные любимые? Покойные друзья? Животные, жившие у тебя в детстве?

— Нет.

Перед глазами проплыл образ Вика в ту, последнюю секунду. Но как он мог рассказать этому внешнему, что брат жены стал предателем Совершенного Государства?

— Ничего такого не было. — Успех уже привык обманывать доктора Нисса, хоть и беспокоился о том, как это могло отразиться на его душе.

— Проверка и еще раз проверка. Вот мой девиз. — Робот начал снимать путы, удерживающие Успеха. — Могу сказать, что твоя душа идет на поправку, гражданин Люнг. Рубцы на теле останутся, но, если постараешься держаться подальше от моральных дилемм и женщин, все будет нормально.

Робот помолчал пару секунд, а потом щелкнул пальцами:

— Между прочим, сынок, это была шутка.

— Да, сэр. — Успех выдавил улыбку. — Простите, сэр. Были ли шутки частью лечения? То, как этот внешний разговаривал, одновременно озадачивало и зачаровывало Успеха.

— Давай теперь посмотрим на ожоги, — сказал робврач. Успех перевернулся на живот и опустил голову на сложенные руки. Пальцы робота покалывали рубцы, покрывающие большую часть спины и ягодиц.

— Больно?

— Нет, сэр. — Успех приподнял голову и попытался заглянуть через плечо. — Но чешется очень сильно.

— Регенерация кожи — восемьдесят три процента, — пробормотал робврач. — Чешется — значит, живое, сынок. Чешется — значит, растет.

— Сэр, я хотел спросить, где вы находитесь на самом деле?

— Прямо здесь. — Робврач принялся распылять из пальца на рубцы теплый регенератор кожи. — Где же еще я могу быть?

Успех хмыкнул, надеясь, что это шутка. Он помнил время, когда и сам, бывало, позволял себе подобное.

— Нет, я имею в виду ваше тело.

— Оболочка? Почему ты спрашиваешь? — Робот на мгновение замер. — Ты ведь не собираешься спрашивать про КИК и когнисферу, правда? Послушай, сынок, чем меньше ты знаешь о

внешнем мире, тем лучше.

Успех почувствовал укол негодования. Интересно, что за байки внешние рассказывают друг другу об Уолдене? Что жители Совершенного Государства — отсталые фанатики, добровольно деградировавшие до первобытного состояния?

— Вообще-то я спрашивал не о внешнем мире, а о вас. Я хочу сказать… вы спасли меня, доктор Нисс. — Успех хотел сказать совсем другое. Но тем не менее произнесенное было чистой правдой. — Если бы не вы… Я бы обгорел до костей и, может, сошел бы с ума. И я думал… — Внезапно у него пересохло в горле, слова не шли наружу. — Я хотел… ну, в общем, спасибо вам.

— Это лишнее, — произнес робврач. — В конце концов, старейшина платит мне именно за заботу обо всех вас, да будут благословенны его карманы. — Одной рукой-щупальцем он натянул Успеху рубаху на спину. — Я предпочитаю ту благодарность, что могу обналичить, сынок. Все остальное — просто сотрясение воздуха.

— Да, но…

— «Да, но» что? — Робот поправил больничную одежду. — «Да, но» — опасные слова. Не забывай, что ты, парень, живешь здесь жизнью избранных благодаря щедрости Джека Винтера и удаче твоих родителей.

Успех никогда не слышал, чтобы кто-то называл Старейшину Джеком.

— Это мои бабушка с дедушкой выиграли в лотерею, сэр, — сказал он. — Но да, я знаю, мне повезло, что я живу на Уолдене.

— Тогда зачем тебе знать, что за существо вдохнуло свой разум в квантовую пену и запихнуло в голову робота за сто с лишним световых лет от себя? Приподнимись-ка, сынок.

Успех не знал, что сказать. Он-то думал, что доктор Нисс обитает где-нибудь поблизости, в общине внешних в Конкорде или, может, на орбите.

— Ты ведь понимаешь, что звезды отсюда очень далеко, правда?

— Доктор Нисс, мы практикуем простоту, — он почувствовал, как кровь жарко прилила к щекам, — но мы не дикари.

— Как все сложно. — Робот отвинтил палец и положил его в стерилизатор. — Передай по видеофону привет подружке. У тебя есть девушка?

— Я женат, — ответил Успех, хотя они с Утехой разошлись задолго до того, как он отправился на борьбу с пожарами. А теперь, когда погиб Вик, он даже не представлял, как они смогут быть вместе.

— Вот смотри: ты уезжаешь к своему отряду, а жена остается дома, в деревне, пасет коз, или что она там еще делает. Но когда вы разговариваете по видеофону, вы словно сидите друг против друга. Где ты тогда? Дома, вместе с женой? Внутри видеофона?

— Конечно же нет.

— Для тебя — конечно же нет. Вот почему ты живешь на Уолдене, защищенный от жизни снаружи. Но там, откуда я родом, это просто вопрос перспективы. Я уверен, что нахожусь здесь, даже если моя оболочка где-то еще. — Мягко зажужжал стерилизатор. — Я вместе с тобой, в этой комнате.

Робврач открыл крышку стерилизатора, подцепил палец щупальцем и привинтил обратно.

— Ну вот и все. — Это прозвучало резковато. — Много работы, еще столько душ нужно исцелить. Знаешь ли, я жутко занят. Кстати, вспомнил: нам нужна твоя койка, так что тебя выпишут пораньше. Покинешь нас послезавтра. Я назначаю тебе неделю реабилитации, только потом можешь вернуться в свой отряд. Как будешь отдыхать?

— Поеду домой.

— Молодец. — Робврач направился к своей подставке за дверью в палату. — Освежись.

Его лобная пластина замерцала и потемнела.

Успех сполз со стола, сбросил больничную одежду и натянул свою униформу, висевшую на крючке в туалете. Когда он застегивал рубашку, глаза робота вновь вспыхнули.

— Всегда пожалуйста, сынок. — Его смех был похож на скрип рассохшейся двери. — Мне понадобилось время, чтобы понять то, что ты пытался мне сказать. Все время забываю, что значит стоять на якоре.

— На якоре?

— Не стоит задавать так много вопросов. — Робврач качнул куполом. — Вредно для души.

Голубые огни в его глазах погасли.

II

Большая часть роскоши и многое из так называемого комфорта не только не нужны, но положительно мешают прогрессу человечества.[283]

Генри Дэвид Торо. Уолден

Успех совсем не спешил выписываться из госпиталя, даже несмотря на обещанный недельный отдых дома. Слишком уж хорошо он знал, что ожидало его под родной крышей. Приехав, он встретится с отцом, выбивающимся из сил, работая за двоих. Потом объявится Рада Гэнди, заболтает и затащит во все без исключения гостиные Литтлтона. Успех будет обедать, танцевать, почивать на лаврах, поддаваться всевозможным соблазнам. И все объявят его героем. Вот уж кем-кем, а героем он себя точно не чувствовал. Тем более не хотелось постоянно рассказывать всяким бабушкам и десятилетним мальчишкам об ужасах борьбы с огнем.

Но больше всего он страшился встречи с женой, совсем чужой теперь. Дело даже не в том, что она заставила Успеха пообещать всячески оберегать ее младшего брата, а он позволил тому погибнуть. Хуже всего было то, что Вик стал «факелом». Он, без всяких сомнений, поддерживал тайные связи с пакпаками и даже передавал им сведения о расположении отрядов по борьбе с огнем. А Успех ничего не заподозрил. Не важно, что Вик отдалился от него за время службы в Золотом отряде, — а ведь раньше они были лучшими друзьями. Успех должен был знать. Возможно, он смог бы его спасти. Он уже решил, что соврет Утехе и соседям в Литтлтоне о случившемся, так же как солгал доктору Ниссу. К чему теперь ворошить пепел мертвого друга и поливать его грязью? И Успех ничем не мог помочь Сообществу в выявлении других сочувствующих пакпакам в отрядах — он понятия не имел о связях Вика.

Впрочем, у него имелись и другие причины не спешить с выпиской из госпиталя. Конечно, здесь и вдохнуть нельзя было, не нарушив священную простоту, но Успеху нравились местные удобства. К примеру, температура тут никогда не отклонялась от заслуживающих всяческой хулы двадцати трех градусов по Цельсию. Снаружи яростное солнце заставляло пузыриться покрытие крыши построенного внешними Парка Доброжелательности № 5, а внутри царил рай, в котором не было

ни потеющих, ни самого понятия пота. И наконец, еда. Хотя отец Успеха, Одаренный Роджер Люнг, и был самым богатым человеком в Литтлтоне, в их семье практиковалась простота, самая строгая в поселении. Успех вырос на мясе, хлебе и каше, запивая их сидром, настойкой из собственных яблок семьи Люнг, и шипучкой из корнеплодов. Когда появлялись деньги, они с Рози устраивали праздник своим желудкам, но обычно Успех питался фруктами из семейного сада в пору жатвы и давился заготовками и шипучкой из корней все остальное время года. Здесь же пациенты наслаждались изобилием Тысячи Миров, причем еда готовилась со всевозможными изысками. В зависимости от степени голода он мог заказать индийские бобы, запеченные в тесте яблоки, восхитительный гуляш, мясной салат с анчоусами, яйцами и луком, суфле, пирог с заварным кремом или другими начинками, карри, паэлью, пасту, всевозможные муссы, меренги или тортики. И все это только на ланч.

Но из всех греховных удовольствий госпиталя его любимым был видеофон. Дома Успех мог достать новейшие альбомы групп и городские песенки со всего Уолдена, не говоря уже о шестивековом оперном наследии. А ночью по средам они с Утехой смотрели на крошечном экране в Коттедже Прилежания хроники, передачи Института Наставнического Искусства или просто читали друг другу. Но в госпитале экраны видеофона занимали целые стены и, несмотря на возражения цензоров Сообщества, громадными окнами открывались во Вселенную. Успех поразился тому, что заботило людей в других мирах. Смотря их хроники, он впервые в жизни ощутил, как мало, в сущности, знает, а их передачи были настолько приземленными и материалистичными, что ему приходилось закрывать дверь в палату.

Особенно его заинтересовала поисковая система. Дома Успех мог поздороваться с любым человеком Совершенного Государства, если знал его номер. Но в госпитале с помощью видеофона у него, похоже, появилась возможность найти кого угодно не только на Уолдене, но и во всей Тысяче Миров. Успех немедленно включил устройство в своей палате, начав с приветствий отцу и Раде Гэнди, фактографу деревни. Гэнди всегда понимала его куда лучше, чем Утеха. С женой тоже стоило поговорить, но он этого не сделал.

Он связался со своими сослуживцами в Золотом отряде, и те удивились, что Успех смог дозвониться до них, пока они были на задании. Они рассказали, что весь Девятый полк был отозван с пожара на реке Моту и расквартирован в Проспекте. Им было объявлено, что они отправляются в Мемориальный лес Клойса

для отдыха на более легком участке пожаров. Без сомнения, Сообщество отвело полк с передовой, потому что на реке Моту Золотой отряд потерял почти сорок процентов личного состава. Железный и Бронзовый отряды тоже понесли потери, прорываясь сквозь горящие леса на спасение Золотого.

Чтобы отвлечься от тяжелых раздумий о Вике, пожаре при Моту и борьбе с огнем, Успех принялся разыскивать давным-давно не виденных друзей. Он удивил своего кузена Земляка, который жил в Хитрецдноте на юго-востоке и работал советником. Связался с Ловкачом, другом детства, с которым не виделся с тех самых пор, как Альказары переехали в Свободный порт, где мама Ловкача собиралась преподавать сельскую философию. Она все еще работала в университете, а Ловкач устроился электротехником. Успех разыскал и возлюбленную по Школе Уверенности В Себе, Лепесток Бенкльман. Оказалось, что она улетела с Уолдена на Коло в системе Алюмара. Их попытки наладить разговор потерпели неудачу, потому что цензоры Сообщества, казалось, заглушали мерзким жужжанием каждое пятое слово из того, что говорила Лепесток. Но выражение ее лица расстроило Успеха. Неужели то была жалость? Честно признаться, он испытал немалое облегчение, когда она отключилась.

Несмотря на цензоров, разговор с Лепестком только раззадорил Успеха и разогрел его желание связаться с внешними мирами. У него точно не представится такого шанса после выписки из госпиталя. Его не заботило даже то, что собеседники находились умопомрачительно далеко и он мог никогда не встретиться с ними лично. Доктор Нисс был не прав: Успех прекрасно осознавал поразительное расстояние между звездами. Чего он не понимал в полной мере, так это того, как возможно было разговаривать с кем-то, жившим в триллионах километров от госпиталя, или как кто-то мог перенестись с Муа на Уолден быстрее, чем за удар сердца. Конечно же, в упрощенном варианте он представлял себе, как работают КИКи — квантовые информационные каналы. Им это объясняли в школе. КИКи функционировали, потому что множество бесконечно крошечных частиц были частью чего-то, что могло существовать в двух местах одновременно. Конечно, Успех ни в малейшей степени не представлял себе этого. Впрочем, после работы цензоров большая часть физики внешних казалась полной бессмыслицей.

Успех осторожно выглянул в коридор. Никто из пациентов не маячил в больничном дворике, лишь одинокий робот собирал пылинки у смотрового кабинета. Последние сутки в госпитале.

Сейчас или никогда. Он осторожно прикрыл дверь и вернулся к видеофону.

Начал он с поиска родственников во внешних мирах, но, набрав фамилию *Люнг*, получил 2.3×10^6 совпадений. И кто же из них, если вообще хоть кто-то, был его родичами? Успех понятия не имел. Его дедушка, как и рекомендовали всем вселявшимся в Совершенное Государство, вычеркнул из семейной хроники записи о прошлой жизни во внешних мирах. Как и прочие в семействе, Успех знал своих мрачных стариков только под прозвищами ГиГо и ГиГа. В свидетельствах о смерти были их имена: Старушка Фей Люнг и Старик Мен Люнг. Но Успех полагал, что их изменили после прибытия в Свободный порт.

Он хотел было поприветствовать отца и у него узнать внешнее имя ГиГо, но спохватился: потом тот будет задавать вопросы. Слишком много вопросов. Отец всегда славился умением получать ответы на то, о чем спрашивал. Успех вернулся к видеофону. Новый поиск показал, что миллионы людей по фамилии Люнг жили в Блимминее, Фокстроте Эридании, Счастливом Дитя, Муа и деревне Невозвращенцев. Но оказались они и во многих внешних мирах. Кто из них кто, Успех выяснить не мог и потому начал рассылать приветствия без всякой системы.

Он даже не был уверен, от кого хотел получить ответ, но уж точно не от роботов. Купив Уолден у Корпорации Освоения Космоса, Старейшина Винтер объявил, что в основанном им убежище не будет ни интеллектуальных машин, ни усовершенствованных людей из внешних миров. Совершенное Государство должно было быть последним и лучшим из всех пристанищ для истинных людей. Хотя пакпаки и использовали роботов для производства товаров, которые затем продавали Совершенному Государству, Успех впервые увидел их, только попав в госпиталь.

А теперь он обнаружил, что внешний мир кишит ими. У всех, кого он пытался приветствовать, были роботы, принимавшие почту, секретари, домработницы или роботы, демонстрировавшие сообщения на экране. Одни казались виртуальными, другие выглядели инопланетными призраками, третьи были вполне реальными и таращились на него из домов или рабочих кабинетов своих хозяев. Успех наслаждался этими картинками из другой жизни. Но это были всего лишь картинки. Никто из роботов не заговорил с ним, и все, конечно же, из-за пылающего предупреждения, которое светилось и на его собственном экране и гласило, что сообщение пришло из «Совершенного Государства Уолден, находящегося на общем культурном карантине».

Большинство роботов были вежливы, но холодны. Нет, они не могут соединить его со своими хозяевами; да, они передадут сообщение; нет, они не знают, когда ему ожидать ответного приветствия. Некоторые были откровенно назойливыми. Советовали почитать законы его государства и потом разрывали соединение. Парочка виртуальных роботов вела себя явно грубо. Помимо всего прочего, они назвали его грязным оборванцем, пиявкой и жалким расходом сознания. Один особенно несдержанный начал вопить, что Успех — «бесполезное вонючее ископаемое».

Успех не был уверен, что знает слово «ископаемое», поэтому спросил у видеофона. Ответом были два определения: 1. *Остатки вида, обычно вымершего, жившего в предшествовавшие геологические эпохи;* и 2. *Что-то старомодное или невероятно отсталое*. Предположение, что он, настоящий человек, мог быть отсталым, старомодным или, возможно, даже обреченным на вымирание, сильно взволновало Успеха. Он начал расхаживать по комнате, говоря себе, что такова цена любопытства. Похоже, Закон о Простоте не зря ограничивал использование технологий. Сложность питает беспокойство. Простая жизнь — хорошая жизнь.

Но, несмотря на угрызения совести, Успех все равно вернулся к видеофону. По какой-то странной причуде он ввел собственное имя. И получил два результата:

Утеха Роз Джорли и Преуспевающий Грегори Люнг
Яблоневый сад
Коттедж Прилежания
Улица Джейн Паудер
Литтлтон, графство Гамильтон
Северо-восток, Совершенное Государство
Уолден

и

Преуспевающий Грегори Люнг
для передачи Ниссу (удалено — смотри примечание)
Госпиталь Спасения
Парк Доброжелательности № 5
Конкорд, графство Джефферсон,
Юго-запад, Совершенное Государство
Уолден

Успех попытался прочесть записи, присланные на имя доктора Нисса, но те оказались заблокированными. Что самое

интересное, он получил результаты только с Уолдена. Неужели во всей известной Вселенной был лишь один Преуспевающий Грегори Люнг?

Пока он размышлял, хорошо это или плохо — быть уникальным, видеофон спросил, не хочет ли Успех найти *Достойного Грегори Люта,* или *Благородного Грегори Л'юнга,* или *Проктера Грегуара Лъюна?* Он не хотел, но это не означало, что он не станет смотреть. Достойный Люнг, как выяснилось, выращивал мясных гусепсов на ранчо в Хоупдейле, на юго-западе Уолдена. Успех всегда считал, что есть гусепсов — варварство, и совсем не хотел беседовать с фермером. Грегори Л'юнг жил на Кеннинге в системе Персея. Недолго думая, Успех именно ему отправил приветствие. Как и ожидалось, оно немедленно было передано роботу. Виртуальный спутник Л'юнга оказался сверкающей зеленой черепахой, отдыхающей на камне в затянутой тиной реке.

— Его светлость Грегори с Кеннинга сожалеет, что в настоящее время занят, — произнесла она, приподнимаясь с камня. Под панцирем обнаружились четыре человеческие ноги. — Я с интересом отмечаю, что ваше приветствие пришло из сферы, находящейся в общем…

Закончить черепахе не удалось. Экран задрожал и погас. А через мгновение зажегся вновь, явив образ мальчика, восседавшего на высоком изукрашенном кресле.

Нижнюю часть его тела укутывал пурпурный плед, верхняя была обнажена, лишь худые плечи прикрывала накидка из прекрасной серовато-коричневой шкуры какого-то животного. Успех не мог сказать, сколько лет мальчику, но, несмотря на гордую осанку и мудрый взгляд желтых глаз, тот не выглядел взрослым. Успех вновь посмотрел на кресло: оно вроде бы было вырезано из темного дерева и местами позолочено. Каждая ножка заканчивалась стилизованным изображением человеческой ступни. Спинка, возвышающаяся над головой мальчика, отличалась богатой отделкой: резные листья, ветки и прозрачные пурпурные плоды.

Мерцающие, словно рубины.

Успех поймал себя на том, что затаил дыхание. Кресло было больше похоже на трон.

III

Чтобы сказать правду, нужны двое: один — чтобы говорить, а другой — чтобы слушать.

Генри Дэвид Торо. Неделя на реках Конкорд и Марримак

— Привет-привет, — сказал мальчик. — Прошу вас, кто говорит? Успех с трудом сдерживал волнение в голосе:

— Меня зовут Преуспевающий Грегори Люнг. Мальчик, нахмурившись, указал на угол экрана:

— Здесь говорится «Уолден». Понятия не имею, что это.

— Это планета.

— А еще говорится, что на планете Уолден вредно слишком много думать. Почему? У вас что, проблема с мозгами?

— Я думаю. — Успеха застигли врасплох. — Мы все думаем. Несмотря на ощущение, что его оскорбили, Успех не хотел прерывать соединение.

— Извините, я не знаю вашего имени.

Слова, произносимые собеседником, не совпадали с тем, как он говорил. К примеру, его губы едва двигались, а Успех слышал: «Я — Благородный Грегори, Свечение Кеннинга, вдохновленный черепахой Вечного Сияния».

Успех вдруг осознал, что собеседник скорее всего говорит на другом языке, а он слышит перевод. Он ждал, что цензоры, встроенные в видеофон, будут заглушать разговор так же, как беседу с Лепестком Бенкльман. Но, возможно, сыграл роль другой язык.

— Это интересно, — осторожно произнес Успех. — И что вы делаете там, на Кеннинге?

— Делаю? — Благородный Грегори с отсутствующим видом почесал нос. — А, делаю! Я создаю удачу.

— Правда? Там, во внешнем мире, люди могут делать такое?

— Что такое «внешний мир»?

— Ну, космос. — Успех махнул рукой над головой и посмотрел по сторонам.

Благородный Грегори нахмурился:

— Преуспевающий Грегори Люнг дышит космосом?

— Нет, я дышу воздухом. — Успех понял, что видеофон своим переводом мог исказить смысл фразы. — Только воздухом.

Он стал говорить медленно, стараясь быть особенно точным в

выборе слов.

— На моей планете мы называем внешним миром Тысячу Миров.

Благородный Грегори, казалось, все еще пребывал в замешательстве.

— На этой планете. — Успех обвел рукой палату госпиталя. — Планете Уолден. Мы смотрим на звезды. — Он приложил ладонь к глазам, словно всматриваясь в далекие горизонты. — Ночью. — Слушая собственную болтовню, Успех не сомневался, что Благородный Грегори примет его за идиота. Нужно было сменить тему, так что он набрал в легкие побольше воздуха. — Друзья зовут меня Успехом.

Благородный Грегори с унылой улыбкой покачал головой.

— Ты даришь мне тепло, Успех, но я с сожалением отказываюсь от твоего великодушного предложения заняться сексом. Мемзен следит, чтобы я не занимался подобными вещами, пока не стану старше.

Ошеломленный, Успех залепетал, что не имел в виду ничего подобного, но Благородный Грегори продолжал говорить, совсем не слушая его:

— Ты достаточно взрослый, друг Успех. Нашел ли ты уже занятие труда на планете Уолден?

— Ты спрашиваешь, что я делаю, чтобы жить?

— Надеюсь, все на планете Уолден живут.

— Ну да, живем, — поморщился Успех. Он отошел от видеофона и вытащил бумажник из стенного шкафа за кроватью. Может, фотографии помогут. Он перебрал несколько, пока не нашел ту, где его жена, стоя на лестнице, собирала яблоки. — Обычно я ухаживаю за фруктовым садом. — Успех вытащил фото и поднес к экрану видеофона, чтобы показать Благородному Грегори. — На своей ферме я выращиваю много разных фруктов. Яблоки, персики, абрикосы, груши, вишни. У вас на Кеннинге растет что-нибудь вроде этого?

— Есть грейпфруты. — Благородный Грегори подался вперед на своем троне и улыбнулся. — И яблоки во всевозможных видах: яблочные пироги, яблочный сок и пюре. — Он казался довольным, что они наконец поняли друг друга. — Но ты ненормальный?

— Да. То есть нет, я в порядке. — Успех закрыл бумажник и убрал его. — Но… как это сказать? В моем мире идет война.

Он понятия не имел, как объяснить маловразумительные претензии пакпаков, заставлявшие некоторых из них сжигать себя заживо, чтобы остановить распространение лесов и Совершенного Государства.

— На Уолдене есть другие люди, и они очень сердиты. Они не хотят, чтобы мои люди жили здесь. Хотят, чтобы земля стала такой, какой была до нашего прихода. Поэтому они поджигают леса, чтобы причинить нам боль. Многих из нас призвали, чтобы остановить их. Теперь, вместо того чтобы ухаживать за садом, я помогаю останавливать огонь.

— Очень сердиты? — Благородный Грегори поднялся со своего трона, лицо его пылало. — Сражаются? — Он замахал кулаками. — Удар-удар-удар?

— Ну, точнее, сражаются не руками, — ответил Успех. — Это больше похоже на войну.

Благородный Грегори сделал три быстрых шага к видеофону. Его лицо на экранах вплотную придвинулось к Успеху.

— Военные сражения? — Мальчик явно волновался: щеки пылали, а желтые глаза метали молнии. — Убийства?

Успех не понимал, почему Благородный Грегори так отреагировал на его рассказ. Он не был уверен, что мальчик действительно сердится. Но, с другой стороны, они явно не лучшим образом понимали друг друга. И он уж точно не хотел спровоцировать межзвездный инцидент.

— Прошу, простите меня, если я сказал что-то неправильное. — Успех склонил голову. — Я разговариваю с вами из госпиталя. Я был ранен… сражаясь с огнем. И еще не совсем поправился. — Он смущенно улыбнулся Благородному Грегори. — Надеюсь, я вас не оскорбил.

Но собеседник не ответил. Вместо этого он вскочил со своего кресла и, сбежав по ступенькам, оказался в просторном холле. Мальчик прошагал мимо рядов резных деревянных кресел, каждое из которых было настоящим, уникальным сокровищем, хоть и не столь изысканным, как трон. Замысловатая бисерная мозаика на полу являла взору черепах в яшмовых, зеленовато-желтых и оливковых тонах. Фосфоресцирующие статуи паутиной растянулись по стенам от пола до цилиндрического свода, отбрасывая призрачные серебристо-зеленые блики на пустые кресла, стоящие внизу. Благородный Грегори, шагая по центральному проходу, не переставал что-то бормотать, но на перевод возможностей видеофона явно не хватало. Успех смог разобрать лишь: «Война… Мемзен — свидетель… наша удача… призвать Л'юнгов…»

И тут Успех понял, что вновь смотрит на сверкающую зеленую черепаху, восседающую на камне в центре заросшей тиной реки.

— Благородный Грегори с Кеннинга сожалеет, но в настоящий момент занят, — сказала она. — Я с интересом

отмечаю, что ваше приветствие пришло из зоны, находящейся в общем культурном карантине. Вам следует понять, что Благородный Грегори, создатель удачи Л'юнгов, не будет нарушать условия карантина, вступая в разговор с вами.

— Но я же с ним только что разговаривал, — сказал Успех.

— Я очень в этом сомневаюсь. — Черепаха поднялась на человеческих ногах и холодно уставилась на экран. — Разговор окончен, — сказала она. — Я вынуждена просить вас больше нас не беспокоить.

— Подождите, я!.. — воскликнул Успех, но экран уже погас.

IV

Но если мы будем сидеть дома, занимаясь своим делом, кому понадобятся тогда железные дороги? Не мы едем по железной дороге, а она — по нашим телам.[284]

Генри Дэвид Торо. Уолден

Весь остаток дня Успех ждал неприятностей. Он не сомневался, что его вызовут в смотровой кабинет доктора Нисса для лекции на тему, почему тело не может вылечиться, если душа больна. Или какой-нибудь фактограф из Конкорда проведет с ним ритуал единения, произнеся проникновенную проповедь об истинном смысле простоты. Или Кери Миллисапа, главу его отряда, вызовут из Проспекта, и тот станет бранить Успеха за отлынивание от службы в Золотом отряде. Так что следовало присоединиться к отряду, и чем скорее, тем лучше. Его послали в госпиталь не для того, чтобы он беспокоил Благородного Грегори с Кеннинга, создателя удачи каких-то Л'юнгов, кем бы они там ни были.

Но неприятности не нагрянули. Он держался подальше от своей палаты и видеофона, насколько было возможно. Играл в карты с Ценным Монтильи и Сонным Торном из Шестого инженерного отряда, которые выздоравливали после отравления дымом при пожаре в Холодном Шаге. Оба проходили альвеолярную реконструкцию, чтобы в полной мере восстановить легкие. Голоса у них были как у механической пилы, но настроение хорошее. За один кон в «дурачка» Успех выиграл у Сонного достаточно денег, чтобы купить вожделенный яблочный пресс для сада. Конечно, он никогда не сможет рассказать отцу или Утехе, откуда взялись средства.

Успех смаковал каждый кусочек последнего памятного ужина: ароматный луковый пирог, жареная утка с гарниром из стеклянной лапши и сливки с ванилью. После ужина он вместе с дюжиной других пациентов отправился послушать профессора из Алькоттского университета. Тот объяснял, в чем ошибались жители, симпатизировавшие пакпакам. Вернувшись наконец в свою палату, Успех обнаружил лишь одно послание. Оператор Сообщества утомленным голосом сообщил, что Успех должен забрать свой билет на поезд со станции «Селена» до одиннадцати утра. Изображение этого гражданина на экране не появилось, так

что пришлось выслушать лишь аудиозапись. Такие сообщения Успех мог принять и на домашнем видеофоне. Лишнее напоминание о том, что отдых от простоты закончится, как только он покинет стены госпиталя.

Горячий ветер, врываясь в открытые окна вагона, не приносил облегчения пассажирам первого класса. Успех устроился на своем неудобном месте, чувствуя, что форма прилипла к спине, и наблюдал за рядами деревьев, проносящихся за окном. Он ненавидел сидеть против движения поезда — либо тошнило, либо затекала шея. А если он еще и думал об этом — чего, как ни старался, не мог избежать, — становилось совсем тоскливо. Он совершенно не хотел сейчас возвращаться к своей обычной жизни.

Да, конечно, место против движения поезда, но зато в первом классе. Оператор, наверное, думал, что сделал Успеху большое одолжение. Дал местечко с большим пространством для ног, с сиденьем помягче. А почему бы и нет? Разве не выжил он в печально известном пожаре при реке Моту? Не получил тяжелые травмы, в первых рядах выполняя свой долг? Конечно же, ему следует ехать первым классом. Вот бы еще окна открывались пошире.

Легко было не думать о своих проблемах, бездельничая в госпитале. Но теперь, когда он направлялся домой, жизнь снова начала его пинать. Лучше вообще не думать. Надо вздремнуть. Успех закрыл глаза, но сон никак не приходил. Без всякого предупреждения он опять очутился в том самом кошмаре… *и чувствовал вонь паленых волос. Своих волос. В панике он вбежал было в ручей, заполненный мертвыми рыбешками и сварившимися заживо лягушками, но вода ошпарила ноги…* Вот только на этот раз Успех не спал и знал, что сидит в удобном кресле вагона первого класса… *единственный выход был перекрыт «факелом», спокойно ожидавшим Успеха. Вик еще не поджег себя, хотя его одежда уже дымилась…* «Я не боюсь, — говорил он себе, — я не верю ничему из этого…» *…искаженное яростью лицо дрожало в раскаленном мареве, и тогда Успеху пришлось выплясывать, спасая пятки от наступающего пламени, и не оставалось иного пути. Не было ни выбора, ни времени…* С закрытыми глазами Успех слышал стальной лязг колес, словно выстукивающих: «Нет времени нет времени нет времени нет времени».

И тогда он понял то, чего так боялся: доктор Нисс не исцелил его душу. Да и как он мог это сделать, если Успех постоянно врал о случившемся на пожаре? Как Успех ни старался, сдержать стон не удалось. Открыв глаза, он поймал на себе пристальный взгляд

женщины в цветастом голубом платье.

— Вы в порядке? — Она выглядела лет на шестьдесят с лишним, а может, и на все семьдесят. Редкие серебристые волосы не скрывали старческих пятен.

— Да, все нормально, — заверил ее Успех. — Просто задумался.

— О том, что позабыли? — Она кивнула. — О, со мной такое частенько случается. Особенно в поездах.

Она засмеялась клокочущим смехом — словно ручеек пробежал по гальке.

— Послезавтра я собиралась пообедать со своей подругой Конни, но вот еду на неделю в Литтлбенд. У меня родился еще один внук.

— Очень мило, — произнес Успех с отсутствующим видом.

В купе был третий пассажир — очень толстый мужчина, листавший комиксы о том, как гусеницы играли в бейсбол. Каждый раз, переворачивая страницу, он что-то бормотал себе под нос.

— Судя по форме, вы один из наших борцов с огнем, — произнесла старушка. — Знаете моего племянника Фрэнка Каспара? Думаю, он служит в Третьем инженерном.

Успех объяснил, что в рядах борцов с огнем более одиннадцати тысяч человек. Раз ее племянник — инженер, значит, скорее всего служит с Домашней Гвардией. Успех не мог отследить все бригады и взводы в добровольческом Корпусе, не говоря уже о профессиональной Гвардии. Сказал, что он — простой наблюдатель за дымом в Золотом отряде Девятого полка. Его отряд служил вместе с Восьмым инженерным, следившим за транспортом и сельскохозяйственными орудиями. Эти прекрасные мужчины и женщины были настоящими образцами духовной простоты и гражданской ответственности. Ее племянник, без сомнения, такой же. Успех рассчитывал, что она именно это надеялась услышать и теперь оставит его в покое. Но потом старушка спросила, правда ли пакпаки внедрили своих лазутчиков в отряды, и начала ворчать, что не понимает, как это граждане Совершенного Государства могли предать Завет, помогая террористам. Все пакпаки хотят лишь поджечь леса Старейшины Винтера, ну разве это не отвратительно? Успех понял, что должен сыграть на ее сочувствии. Он кашлянул и сказал, что был ранен на пожаре и совсем недавно выписался из госпиталя, и кашлянул снова.

— Если вы не против, — произнес он, поморщившись словно от адской боли, — я себя не очень хорошо чувствую. Мне нужно просто закрыть глаза и попытаться отдохнуть.

Он пребывал в какой-то полудреме, но обошлось без кошмаров. Вместо этого Успех витал в облаках воспоминаний и неясных сожалений. И потому не замечал, что состав постепенно сбавляет скорость, пока свист пневмотормозов не прогнал остатки сна.

Он взглянул на часы, но те показывали, что до Стены Сердец, где Успеху придется пересесть на поезд до Литтлтона, ехать еще целый час.

— Мы останавливаемся? — спросил Успех.

— Уилрайтское пожарище. — Толстый мужчина вытащил из кармана рубашки мягкий платок и промокнул лоб и шею. — Обязательные пять минут почтения.

Только теперь Успех заметил, что вдоль путей нет подлеска, а большая часть деревьев опалена. На тренировках он изучал здешний опыт. Лес к северу от Уилрайта стал одной из первых целей людей-«факелов». Судя по ущербу, их должно было быть по меньшей мере штук двадцать. Этот пожар оказался первым, в котором погиб борец с огнем, хоть «факелы» никогда не поджигали людей, только деревья. Они всегда начинали пожары довольно далеко от городов и деревень; вот почему с ними так трудно было бороться. Но пожар возле Уилрайта так раздуло ветром, что он почти две недели бушевал между Конкордом и Стеной Сердец. Вскоре после этого Сообщество стало формировать Корпуса пожарных.

Когда визжащие тормоза замедлили ход поезда почти до черепашьего шага, вид из окна Успеха совершенно изменился. Здесь лес еще не оправился от опустошительного набега огня. Угольные скелеты деревьев обвиняющими перстами указывали прямо на небо, обуглившаяся почва потрескалась под яростными лучами солнца, и не было листьев, чтобы дать спасительную тень. Куда ни глянь, Успех видел лишь кошмарное опустошение, с которым сталкивался слишком часто. Ни травы, ни птиц. Не было ни муравьев, ни игольчатых жуков, ни диких гусепсов. А потом он заметил нечто странное: горько-кофейный запах недавно сгоревшей почвы, почувствовал пепел на языке, словно жгучий перец. Этому не было никакого объяснения, ведь пожар здесь случился больше трех лет назад.

Когда поезд наконец остановился, Успех увидел один из многих памятников, построенных на местах пожаров, чтобы почтить память погибших огнеборцев. Три гигантские бронзовые статуи взирали на него с каменного постамента. Двое стояли, один тяжело опирался на другого. Третий упал на колено, наверное от усталости. Все они еще держали в руках инструменты, но упавший, казалось, уже ронял огнетушитель на

землю, а двое других опирались на них, чтобы не упасть. И хоть скульптор решил изобразить троицу в тяжелый час, их непреклонные металлические лица не выражали ни горя, ни сожаления. От страшноватой простоты их храбрости Успеху стало не по себе. Он совсем на них не похож, это уж точно.

Паровоз засвистел в честь павших: три длинных гудка и три коротких. Старушка шевельнулась и потянулась.

— Уилрайт? — пробормотала она.

— Ага, — ответил толстяк.

Она начала болтать, но сама себя прервала и вгляделась в открытое окно.

— Кто это там? — спросила она, указав вдаль.

Человек в стильном голубом костюме шел вдоль места пожара, посматривая на пассажирские вагоны. Похоже, ему было очень жарко и не слишком весело: лицо — румяное, как персик, а светлые волосы приклеились ко лбу. Каждые несколько метров он останавливался, прикладывал ладони ко рту и кричал:

— Люнг? Преуспевающий Грегори Люнг?

V

Пламя, без всякого сомнения, обладает неоспоримыми достоинствами. Оно очищает землю в лесу, дает ей свежий воздух. Я часто замечал, с насколько большим удовольствием гуляю по лесу, где за год до того случился пожар. Такая прогулка, среди зеленых побегов травы, растущей лишь сильнее, вдохновляет.

Генри Дэвид Торо. Дневник, 1850

Мужчина с рюкзаком на плече нетерпеливо ожидал, пока Успех спустится с поезда. Даже не поворачиваясь, Успех знал, что все пассажиры поезда смотрят на них. Неужели начались его неприятности? Но на лице встречавшего читалась лишь досада. Он выглядел моложе Успеха, возможно, ему было чуть за двадцать. Узкое лицо, а нос — круглый, как редиска. Одет в чопорную белую рубашку, застегнутую наглухо. Темные круги под мышками на пиджаке.

— Преуспевающий Грегори Люнг из Литтлтона, графство Гамильтон, северо-восток? — Мужчина вытащил из кармана лист бумаги и зачитал: — Вы служите в Девятом полку Корпуса пожарных, находитесь в восстановительном отпуске и сегодня взяли билет в первый класс на…

— Я знаю, кто я такой. — У Успеха было такое чувство, будто в горле у него поселился игольчатый жучок. — К чему все это? Кто вы?

Он представился Стойким Нгондой, посланником Отдела Дипломатии. Когда они пожали руки, Успех отметил, что ладонь у Нгонды мягкая и потная. Он уже догадывался, зачем его сняли с поезда, но решил разыграть непонимание:

— Что нужно от меня Отделу Дипломатии?

Паровоз издал три коротких гудка, и сцепления лязгнули, принимая на себя вес пассажирских вагонов. Со скрежетом металла о металл поезд двинулся прочь от Уилрайтского мемориала.

Успех сжал ремень своей формы.

— Разве мы не сядем в поезд? Стойкий Нгонда пожал

плечами:

— Никогда в нем не ездил.

Ответ показался Успеху лишенным всякого смысла. Он гадал, сможет ли еще успеть на поезд. Нгонда коснулся его руки.

— Мы идем туда, Преуспевающий. — Он кивнул на запад, прочь от путей.

— Я не понимаю. — Шансы догнать состав таяли с каждым мгновением. — А что там?

— Просвет в лесу. Летающий «остров» с кучей гостей из внешнего мира. — Нгонда вздохнул. — Кое-какие важные люди проделали долгий путь, чтобы увидеть вас.

Он откинул со лба прядь влажных волос.

— Чем раньше мы выйдем, тем раньше выберемся из этой жары.

Посланник отпустил Успеха и пошел по обгоревшей земле. Успех через плечо в последний раз посмотрел на уходящий поезд. Словно его жизнь удалялась вместе с ним.

— Внешние? Откуда?

Нгонда поднял ладонь, призывая к спокойствию:

— Ответы на некоторые вопросы вы получите очень скоро. Другие лучше не задавать.

— Что вы имеете в виду под «лучше»?

Нгонда шел забавной походкой, словно боясь, что в любую секунду земля может уйти из-под ног.

— Прошу прошения. — Его ботинки совсем не подходили для прогулок по такой местности: неглубокие, на тонкой подошве и без шнуровки — чуть более защищенные, чем домашние тапочки. — Я неправильно выразился. Хотел сказать «проще», а не «лучше».

Только в этот момент Успех ощутил сильную вонь от чего-то кислого и покрытого сажей. Но это был не дым, а тот самый запах, который он впервые уловил, когда поезд подъехал к Мемориалу. Пытаясь определить источник запаха, Люнг повернулся кругом, все его чувства обострились. Пробираясь по подстилке из листьев и веток, покрывавшей землю под деревьями, огонь частенько нырял в почву и выходил на поверхность через десятки метров. Успех принюхался, следуя за запахом к обуглившимся деревьям.

— Преуспевающий! — позвал Нгонда. — Что вы делаете? Обойдя обгоревшие пеньки, Успех услышал слабый свист.

Насколько он знал, огонь никогда не издавал таких звуков, но все равно инстинктивно пробежал руками по стволу в поисках теплых мест. Что-то прохладное и мокрое коснулось его пальцев, и Люнг отдернул руки, словно обжегся. Посмотрел на

грязноватую жидкость между пальцами, вновь принюхался.

Она пахла неприятным, искусственным запахом потушенного огня. В замешательстве Успех присел на корточки. Зачем кому-то подделывать эту вонь? А потом он понял, что руки у него чистые, хотя должны были чернеть от копоти и пепла. Пожарный потер ствол, но сажа сходить отказывалась. Теперь он понял, что дерево полностью сгорело давным-давно и было чистым, словно его нарочно сохраняли таким.

Успех увидел, как тень Нгонды нависла над ним, но потом снова услышал тот самый свист и смог найти маленькое отверстие в стволе. Прижал к нему пальцы, и запах исчез. Тогда Успех, повинуясь импульсу, взял горсть пепла с земли и просеял ее между пальцами.

— Огонь давно ушел, — сказал Нгонда. — Вам обязательно возиться с грязью?

Мусор казался почти настоящим: обугленные и сломанные ветки, слипшаяся масса листьев, древесные угли и раскрывшиеся шишки. Но Успех *чувствовал* что-то неправильное. Он сжал в кулаке кусок обожженной коры, ожидая, что та раскрошится, но она неожиданно скаталась в комковатый шарик, словно вчерашний хлеб. Когда он разжал руку, головешка медленно приобрела свою первоначальную форму.

— Это ненастоящее, — пробормотал Успех. — Все это.

— Это памятник, Преуспевающий. — Посланник протянул Успеху руку и помог подняться с земли. — Людям нужно помнить. — Он нагнулся, чтобы стряхнуть мелкие сосновые иголки с коленей Успеха. — Мы должны идти.

Успех никогда не видел летающие «острова» так близко. До пожаров они были запрещены Совершенным Государством. Но после того, как пакпаки начали свою террористическую кампанию, для того чтобы остановить продвижение лесов на их пустоши, Старейшина Винтер велел Сообществу ослабить запрет. Щедрые люди из внешних миров жертвовали деньги на постройку Парков Доброжелательности и использовали «острова», помогая Корпусу в борьбе с огнем. Однако Старейшина настоял, чтобы ими могли управлять лишь роботы, а допуск к ним граждан находился под строжайшим контролем.

Сражаясь в Золотом отряде, Успех видел, как с летающих «островов» сыпались сотни зарядов для тушения огня. Он часами изучал их из окон госпиталя — припаркованных перед ангарами Парка Доброжелательности № 5. Но хотя этот аппарат был почти таким же большим, как Коттедж Прилежания, и парил в воздухе в паре метров над землей, все равно он был менее внушительным, чем рисовался в воображении Успеха.

Наверное, причиной тому служила тщательная маскировка. Гладкое покрытие «острова», похожее на раковину гигантского моллюска, было цвета обгоревшей земли, уродливой мешанины серого, коричневого и черного. Аппарат имел форму эллипса, около пяти метров высотой в широком месте, и сужался к клиновидному краю. Но во всем остальном он был лишен каких-либо ясных черт. В общем, окон или дверей Успех не заметил.

Когда они приблизились, «остров» поднялся на несколько метров. Они прошли в его тень, и Нгонда ожидающе посмотрел наверх. Там открылся люк, и на землю с пронзительной трелью, похожей на пение птиц, спустился трап. А потом в люке появился человек. Из-за яркого света, исходящего от корабля, Успех не видел лица вновь прибывшего, но понял, что пришелец очень высок и крайне тощ, явно не из тех, с кем можно встретиться на улице Джейн Паудер в Литтлтоне. Человек обернулся и что-то сказал находившимся внутри. Только тогда Люнг понял свою ошибку.

— Нет, — произнесла она воздушным, райским голосом. — Сначала нам нужно поговорить с ним.

Когда женщина спустилась по трапу, Успех мог с полной уверенностью сказать, что она не с Уолдена. Дама шла очень обдуманно, словно каждый шаг был риском, на который она тем не менее решалась. На ней были широкие брюки из прозрачной ткани, сотканной, наверное, из облаков. Сверху развевалась голубая туника без рукавов, доходящая до середины бедра. Плечи украшены завитушками, нарисованными фосфоресцирующей краской для тела. На ее пальцах поблескивали серебряные и медные кольца.

— Ты — Преуспевающий Грегори с Уолдена?

У нее были полные губы, волосы черные, словно безлунная ночь, а темная гладкая кожа напоминала цветом сливы. На голову выше Успеха, она была вдвое легче его. Он лишился дара речи и очнулся, только когда Нгонда подтолкнул его локтем.

— Да.

— Мы — Мемзен.

VI

Для беседы с дамой нужна всего лишь галантность.

Генри Дэвид Торо. Дневник, 1851

Хотя в тени «острова» было прохладно, Успех не чувствовал себя комфортно. Он не мог не думать о том, что случится, если двигатель вдруг заглохнет. Ему было бы легче, если бы корабль издавал хоть какой-нибудь шум; невероятная тишина машины нервировала. Тем не менее он быстро понял, что Мемзен встретилась с ним не с целью завести нового друга.

— Давай попробуем прийти к взаимопониманию, — сказала она. — Мы здесь против своей воли. Тебе стоит знать, что, вызвав нас в это место, ты поставил под удар безопасность дюжин миров. Мы очень сожалеем, что Благородный Грегори решил направиться с удачей в это место.

Она была внешней, поэтому Успех представления не имел, как ее понимать. Форма ее плеч волновала его так же, как очертания ног. Она показывала слишком много зубов, но явно не улыбалась и почему-то судорожно сжимала кулаки. С большим трудом Люнг оторвал взгляд от женщины и посмотрел на Нгонду, желая спросить, что она имеет в виду. Но посланник ничего ему не сказал.

— Честно говоря, я не вызывал Благородного Грегори, — заявил Успех. — Я просто разговаривал с ним.

— О вашей *войне*.

Стойкий Нгонда забеспокоился:

— Со всем почтением, Мемзен, я уверен, Преуспевающий не понимал всех последствий связи с вами. Совершенное Государство находится в культурном…

— Мы допускаем, что причиной стало ваше мелочное желание все отрицать. — Она перенесла свое недовольство на посланника. — И тем не менее мы подозреваем, что ваше правительство поручило этому лицу связаться с Благородным Грегори, зная, что тот прилетит. Не правда ли, все было именно так?

— Простите меня, — сказал Успех, — но это действительно случайность.

Мемзен с Нгондой уставились на него с таким видом, словно у Люнга из ушей торчали кукурузные початки.

— Я просто ввел в поисковик свое имя, но нашел только себя самого. А потом видеофон в госпитале предложил связаться с Благородным Грегори, потому что наши имена похожи. — Он говорил как можно быстрее, стараясь успеть все объяснить, пока они не перебили его. — Поэтому я послал ему приветствие. Это была чистая случайность, клянусь, я не знал, кто он такой. И совсем не ожидал, что он ответит. Честно говоря, ваш робот собирался разорвать соединение, но он подошел к экрану. Я имею в виду, Благородный Грегори.

— Так-так. — Мемзен звякнула своими кольцами. — Он нам ничего такого не рассказывал.

— Возможно, он просто не знал всего этого.

Успех незаметно отодвинулся от женщины по направлению к солнечному свету. Чем больше он об этом думал, тем больше хотел выбраться из-под машины.

Нгонда заговорил со спокойной уверенностью:

— Ну вот теперь вы видите, что так называемая просьба Преуспевающего основана не на чем ином, как на совпадении и непонимании. — Он скинул толстого оранжевого игольчатого жучка, приземлившегося ему на голову. — Сообщество сожалеет, что вы напрасно проделали такой путь.

Мемзен неожиданно выпрямилась во весь рост и посмотрела на них двоих.

— Случайностей не существует, — сказала она. — Есть лишь судьба. Благородный Грегори создает удачу, которую собрался использовать. Он здесь и привез Л'юнгов, чтобы те стали свидетелями. Причину нашего пребывания в этом мире еще предстоит выяснить.

На несколько секунд женщина закрыла глаза. Прокручивая в голове сказанное Успехом, она тяжело вздохнула, издав странный звук, что-то наподобие «па-па-па-пт-т», а потом произнесла:

— Все гораздо серьезнее, чем мы подозревали.

Краем глаза Успех заметил, как чья-то голова появилась в сияющем люке, но мгновенно исчезла.

— Ну что ж, — сказала наконец Мемзен, — давайте поверим вам, Преуспевающий Грегори с Уолдена.

Она бросила на него короткий взгляд, и то, что увидела в его лице, казалось, вполне ее устроило.

— Тебе придется показать нам выход отсюда. Твой путь. Удача Благородного Грегори выбрала тебя, чтобы ты вел нас, пока мы сами не увидим направление, в котором должны идти.

— Вести вас? Куда?

— Туда, куда идешь ты.

— Но я просто возвращаюсь домой. В Литтлтон. Она вновь

звякнула кольцами.

— Значит, мы идем туда.

— Прошу прощения, достойнейшая Мемзен, — вмешался Нгонда, дергая себя за воротник рубашки, — но вы должны понимать, что по нашему Завету невозможно…

— Обходить невозможное — такова природа удачи, — недослушав, сказала она. — Выражая уверенность в том, что ты найдешь путь, мы говорим от лица Благородного Грегори.

Внешняя столь мастерски замаскировала приказ, что Успех даже не понял, угроза это или обещание. Как бы то ни было, Нгонда воспользовался паузой.

— Достойнейшая, я бы почел за честь помогать вам в этом деле, — заявил он. — Уолден, возможно, наименьший из Тысячи Миров, но даже здесь слышали о ваших попытках помочь сохранить истинные виды. — Бусинка пота покатилась по его лбу. — Однако данные мне инструкции предписывают оказывать вам содействие в рамках разумного. В рамках разумного, достойнейшая. Сажать «остров» посреди такого маленького поселения, как Литтлтон, неразумно. Вы должны понять, там живут простые фермеры.

Она указала на Успеха:

— Вот один из ваших фермеров.

— Мемзен! — раздался голос с высоты трапа. — Мемзен, я жутко устал. Либо приведи его сюда прямо сейчас, либо я сам спущусь.

Женщина щелкнула языком.

— Вам здесь не понравится, — отозвалась она. — Здесь очень жарко. — Это была истинная правда, хотя, насколько видел Успех, на нее саму погода никак не влияла. — И еще здесь полно жуков.

— Вот именно! — Благородный Грегори с Кеннинга, Свечение Вечного Сияния и мастер удачи Л'юнгов, легко сбежал по трапу. — Вот так, — сказал мальчик. — Я это сделал, так что теперь не заставляй меня возвращаться.

На нем были тонкие туфли, черные носки, шорты цвета хаки и футболка с изображением парочки танцующих черепах с человеческими головами.

— Успех! Ты выглядишь более грустным, чем раньше. — У него оказались шишковатые коленки, светлая кожа и кудрявые каштановые волосы. Родись он в Литтлтоне, Успех предположил бы, что ему лет десять. — С тобой случилось что-то плохое? Скажи хоть что-нибудь. Ты все еще говоришь так же забавно, как тогда, по видеофону?

Успех хотел задать целую сотню вопросов, но был так

удивлен, что смог выдавить только:

— Почему ты это делаешь?

— Почему? — Желтые глаза мальчугана стали величиной с блюдце. — Почему, почему, почему? — Он остановился, подобрал горсть сожженной земли и с любопытством уставился на нее, перекатывая в раскрытой ладони. — Потому что у меня было одно из моих ощущений удачи, когда мы разговаривали. Это не похоже на образы или сны, я даже не могу объяснить их природу. Но это нечто особенное. Мемзен говорит, мои ощущения не похожи на чувства других людей, но то, что они у меня есть, — это нормально, и я с ней согласен.

Благородный Грегори закружился на месте, разбрасывая вокруг кусочки сажи.

— Вот почему. — Он вытер руки о футболку и подошел к Успеху. — А мне надо пожать тебе руку или расцеловать тебя? Я не помню.

Нгонда встал между Успехом и мальчиком, словно защищая пожарного:

— Обычай предписывает пожать руки.

— Но твою руку я уже пожимал. — Он потянул Нгонду за рукав, чтобы отодвинуть посланника в сторону. — Вряд ли у тебя еще осталась удача, друг Стойкий. Боюсь, многое, связанное с тобой, уже решено.

Поскольку посланник не сдвинулся с места, Благородный Грегори упал на четвереньки и ловко проскользнул между его ног.

— Привет, Успех, — произнес мальчик, поднимаясь с коленей.

Благородный Грегори протянул руку, и Успех принял ее.

Он мгновенно понял, насколько вспотел от дневной жары, потому что рука мальчика была прохладной, как камень в реке. Он чувствовал разницу в размерах: рука Благородного Грегори целиком скрывалась в его ладонях и была легче перышка.

— Друг Успех, у тебя удачи более чем достаточно, — пробормотал мальчик настолько тихо, что лишь Успех мог его слышать. — Я вижу, что нас ждут приключения.

— Оставайтесь там! — вскричала Мемзен. — Нет!

Она сердито смотрела на верхнюю ступеньку трапа, где толпились дети и, перебивая друг друга, все одновременно кричали на женщину. В итоге Успех не мог разобрать, кто из них что говорил.

— Когда придет наша очередь?!

— А Грегори ты разрешила выйти!

— Мы проделали такой путь!

— Он устал? Я устал больше!

— Эй, подвинься! Ты стоишь у меня на пути!

— Но я тоже хочу посмотреть!

Сзади принялось причитать несколько голосов:

— Нечестно, нечестно!

Мемзен поковыряла носком туфли фальшивую почву.

— Сейчас нам нужно идти, — объяснила она. — Если выпустить их наружу, понадобятся часы, чтобы опять собрать всех вместе.

— Я с ними поговорю. — Благородный Грегори ступил на трап, мягкими взмахами рук призывая детей успокоиться. — Назад, назад, это не то место. Мы еще не добрались. Просто остановились подобрать кое-кого. — Он остановился на полпути и обернулся к взрослым. — Успех ведь летит с нами, верно?

Нгонда достал платок и смахнул пот с глаз.

— Если захочет.

Он резким движением смял платок и сунул в карман, тщательно избегая смотреть Люнгу в глаза.

Успех чувствовал, как глухо колотилось его сердце. Он мечтал о полете с тех самых пор, когда узнал, что это возможно. И, честно говоря, его совершенно не заботило, чего там запрещали правила простоты, хотя нести ответственность за прилет всех этих внешних в Литтлтон ему тоже не хотелось.

— Ну, так как? — Похоже, Мемзен приняла его колебания за страх. — Ты никогда не был внутри «острова», Преуспевающий Грегори с Уолдена?

— Зови его Успех, — сказал Благородный Грегори. — Это не значит, что ты собираешься заниматься с ним сексом.

Мемзен поклонилась пожарному:

— Он еще не приглашал нас перейти к столь дружескому общению.

— Да, прошу вас, зовите меня Успехом. — Люнг отогнал от себя мысль о сексе с Мемзен и решительно поднял свой рюкзак. — И да, я полечу с вами.

— Тогда веди нас. — Она жестом пригласила Люнга первым ступить на трап.

За ним последовал Нгонда. Мемзен шествовала последней, переставляя ноги маленькими и невероятно аккуратными шажками.

Дойдя до верхней ступеньки, Успех окунулся в блаженную прохладу «острова», словно нырнул в Залив Милосердия. Дети столпились вокруг Благородного Грегори. Их было около дюжины в пространстве шесть на десять метров. Коробки и контейнеры стояли вдоль переборок.

— И куда мы теперь летим?

— Когда сможем увидеть огонь?

— Эй, а это кто?

Большая часть детей повернулась посмотреть, как он взошел на палубу. Люнг поморгал, чтобы глаза привыкли к освещению.

— Это Успех, — объявил Благородный Грегори. — Мы собираемся посетить его деревню. Она называется Литтлтон.

— Почему? Там маленькие люди?

Девочка лет шести или, может, семи бочком подошла к Успеху:

— А что у тебя в сумке?

Она была в парчовом платье цвета соломы, доходившем прямо до шелковых тапочек. Шею украшал кулон на золотой цепочке в форме стилизованного человеческого глаза. Успех решил, что это какая-то мода.

Он снял рюкзак с плеча и поставил его перед девочкой, чтобы та могла все увидеть.

— Просто мои вещи.

— Их не очень много, — с сомнением произнесла она. — А у тебя там есть что-нибудь для меня?

— Ваша светлость, — вмешалась Мемзен, кладя руку на плечо девочки, — мы собираемся оставить Успеха одного.

Она повернула девочку кругом и легонько подтолкнула к остальным детям.

— Вам придется их простить, — сказала она Успеху. — Они привыкают идти своей дорогой.

VII

Я глубоко сочувствую борьбе: она так подражает походке души и ее манере держать себя.[285]

Генри Дэвид Торо. Дневник, 1840

Успех изучал географию в школе и знал, насколько велик Уолден, но впервые в жизни он *ощутил* его размеры. С земли из-за густого леса ничего не было видно. Даже поля и озера заслоняли деревья. Успех никогда не был на берегах океана Модилон, но видел озеро Грейт-Камит. Небо там его просто поразило, но оценить весь размах природной красоты не было никакой возможности. Люнг взбирался на горы Тарата, но те по самую верхушку заросли лесами, и единственный вид открывался с уступов. В Самсон-Кокода была башня с круговым обзором, но она возвышалась над землей всего на тысячу триста метров.

Судя по видеофону на переборке, «остров» парил в облаках на высоте пять тысяч семьсот метров. А под ним во всей своей захватывающей дыхание необъятности расстилались леса. Карты, отмерявшие неподвижные километры и плоские гектары, казались фальшивкой по сравнению с этим. Каждый житель должен был видеть панораму, открывающуюся сейчас перед Успехом. И если это противоречило принципам простоты, то плевать он на них хотел.

С другой стороны, Стойкий Нгонда совсем не наслаждался видами. Он уселся на скамью спиной к корпусу «острова», который Мемзен сделала прозрачным, когда отделила для каждого личное пространство. Его шея была напряжена, и сам он время от времени жаловался на проблему с ушами. Каждый раз, когда корабль вздрагивал от порыва ветра, посланник принимался судорожно и глубоко дышать. Дрожащим голосом он попросил Успеха не комментировать проносившийся внизу пейзаж. Тот совсем не удивился, когда посланник с трудом поднялся на ноги и сквозь похожие на занавеси из пузырьков перегородки отправился на поиски ванной комнаты. После его ухода стена вернулась на место, и на ее дрожащей поверхности появились радужные разводы.

Успех прижимался лицом к прозрачной стене. Он ожидал, что она будет гладкой и холодной, как стекло, но она оказалась теплой и податливой, словно плоть какого-то живого существа.

Под ним реки и озера блестели в лучах полуденного солнца, словно осколки разбитого зеркала. Тинистая река Калибобо осталась к западу, в то время как «остров» направился к подножию гряды Тарата. Когда внизу расстилалась земля, Успех замечал места, где ярко-зеленые леса сменялись голубыми хвойными зарослями тсуги, сосен и елей. В тени гор прятались лишь несколько ферм и отделенных от мира деревушек. Чтобы добраться до Литтлтона, расположенного на западном склоне, им придется перелететь через гряду.

Сначала Люнг с трудом различал знакомые вершины. Он приближался к ним с непривычного расстояния и высоты. Но, заметив пик Вайтейпа, смог определить и все остальные: Таурика, Бутлес-Лова и Бороко, извивавшиеся к северу, Кайвуна и Самсон-Кокода, направлявшиеся на юг, к равнине. Он вслух пробормотал их названия, пока посланника не было рядом. Ему всегда нравились округлые звуки языка пакпаков, как они катались во рту. Попав тогда в пожар вместе с Виком, он был уверен, что никогда не увидит эти горы вновь.

Купив планету у Корпорации Освоения Космоса, Старейшина Винтер подумывал переименовать здесь все, чтобы с чистого листа начать свой грандиозный эксперимент по сохранению чистого, неизмененного человечества. Но потом поразительно большое число работников Корпорации отклонило его щедрое предложение по переселению: они захотели остаться. Большинство пакпаков возводили свои родословные к древним поселенцам, колонизовавшим множество планет. Некоторые даже претендовали на происхождение от самого Древнего Мороба. Проявив уважение к ним, Старейшина согласился сохранить топонимику пакпаков для некоторых географических групп. Так что реки, долины, горы и острова носили названия, данные им первыми поселенцами.

Старейшина Винтер никогда не держал в тайне свои планы относительно Уолдена. Потратив на планету громадные средства из собственных карманов, он намеревался обогатить истощенные земли наследия Мороба. На их месте он хотел построить рай, воссоздать богатую экологию родного мира и пригласить на Уолден только настоящих людей — с тем условием, чтобы новые поселенцы отринули технологии, уже давно вышедшие из-под контроля на планетах Тысячи Миров. Те, кто согласился жить по Заветам Простоты, получали землю и статус гражданина. Естественно, леса и Совершенное Государство должны были занять всю планету.

Но у пакпаков оказались иные планы. Они не улетели и не стали отказываться от своих проклятых технологий. Сначала

торговля между двумя культурами на Уолдене процветала. По правде говоря, промышленная и торговая база пакпаков спасла неопытное Совершенное Государство. Гражданам были нужны товары, даже если производили их роботы. Однако по прошествии времени Сообщество осознало, что присутствие первых поселенцев подрывает основы Совершенного Государства. Когда оно попыталось закрыть границы, дабы поощрить местное производство, во всех городах расцвели «черные» рынки. Многие горожане стали сомневаться в догматах Простоты. Слабые соблазнялись запрещенными знаниями. Впервые за все время с начала поселения новых колонистов можно было пересчитать по пальцам. Когда стало ясно, что единственный способ спасти Совершенное Государство — это выдворить с планеты местных жителей, Старейшина Винтер велел сажать генетически модифицированные деревья. Но как только мутанты стали теснить границы владений пакпаков, начались пожары.

Пакпаки первыми начали эту войну, с этим соглашались даже сочувствовавшие им граждане. Вот только никто не мог понять, как с ними поступать, не прибегая к компромиссам. На самом деле большая часть воинственно настроенных граждан считала, что ответственность за все проблемы лежала на Старейшине Винтере, и только на нем. Одни не понимали, почему он силой не выставил всех пакпаков, после того как купил планету, а другие интересовались, почему бы просто не окружить местных и не выдворить их прямо сейчас. В конце концов, это ведь были его владения.

— Мы пришли к некоторому соглашению, — сказал Нгонда, вернувшись сквозь пузырчатую стену в отсек. Он все еще был бледен, как выросшая в погребе поганка, но, казалось, ему стало лучше. Посланник даже кинул взгляд вниз, на склон горы Бутлес-Лова, перед тем как зажмуриться.

— Думаю, мы можем позволить Благородному Грегори визит под вашим наблюдением.

Мемзен, Благородный Грегори и маленькая девочка вошли вслед за ним, что вызвало настоящий взрыв пузырчатой перегородки. Успех поймал на себе взгляды стайки детей, до того как стена сама отодвинулась на два метра, освобождая дополнительное пространство для вновь прибывших. Благородный Грегори принес поднос с булочками и поставил на столик, предварительно сформировав его из пола.

— Привет, Успех, — сказал он. — Тебе нравится полет? Твоего друга укачало, но Мемзен ему помогла. А это Пенни.

— Это Пендрагон Хромлис Фурсифер, — сказала Мемзен.

Успех и малышка изучающе уставились друг на друга. Повыше, но скорее всего моложе Благородного Грегори, девочка была с головы до пят в одежде из зеленых металлических пластин. Металл ее перчаток был тонким, словно кожа змеи, а щитки туники больше напоминали вишневые листья, у них даже были резные края. Жесткий капюшон защищал затылок. Лицо обрамляла копна спутанных черных волос.

— Пенни, — сказал Благородный Грегори, — тебе полагается пожать ему руку.

— Я знаю, — сказала она, стиснув руки за спиной и уставившись в пол.

— Твоя правая с его правой. — Благородный Грегори протянул свою руку, показывая, как нужно делать. — Она просто немного застенчивая, — объяснил он.

Успех наклонился и протянул руку. Девочка молча приняла ее. Они обменялись приветствиями. Успех отпустил ее ладонь, и девочка вновь спрятала руку за спину.

— У тебя красивое имя, Пендрагон, — сказал Успех.

— Это ее титул. — Мемзен посмотрела по сторонам, прежде чем сесть на скамейку рядом с Нгондой. — Он означает «военный вождь».

— Правда? Ты была на войне, Пенни?

Она покачала головой — скорее жест смущения, чем ответ.

— Это ее первая, — сказал Благородный Грегори. — Но она Л'юнг. Она здесь, только чтобы смотреть.

— Прошу прощения, — сказал Успех. — Но кто это — Л'юнг? Нгонда предостерегающе закашлялся. Благородный Грегори собирался что-то сказать, но, увидев жест Мемзен, промолчал. Неловкая тишина затянулась, и Пенни поняла, что с ее ответом Успеху могут возникнуть сложности.

— Что? Разве он тупой? — Она принялась рассматривать Успеха с усилившимся интересом. — Успех, ты глупый?

— Я так не думаю. — Пришла его очередь смущаться. — Но, может, некоторые люди так думают.

— Это сложно, — вмешалась Мемзен, заполняя очередную неудобную паузу. — Мы понимаем, что люди здесь избегают сложностей. — На секунду она замолчала. — Проще говоря, Л'юнга — соратники Благородного Грегори. Ты можешь считать, что они вроде как наблюдают, как он создает удачу. Думай о них, как о студентах. Их послали из всевозможных миров по самым разным причинам. Опять сложность. Имеют место политические аспекты…

Нгонда махнул рукой, протестуя.

— …которые, как уверяет нас посланник, тебя только

запутают. Вот так. — Она похлопала ладонью по скамейке. — Сядь, Пендрагон.

Девочка выбрала из горы сладостей миндальное печенье и послушно уселась рядом с Мемзен, потом придвинулась и что-то прошептала ей на ухо.

— Да, — ответила Мемзен, — мы спросим о войне. Нгонда встал, но, похоже, этот процесс вызвал у него приступ тошноты.

— Это нечестно, — сказал он. — Сообщество сделало полный доклад о ситуации здесь, я представил его и Кеннингу, и форуму Тысячи Миров.

— То, что вы прислали, друг Стойкий, тупо, тупо и еще раз тупо, — возразил Благородный Грегори. — Не думаю, что авторы доклада хоть раз приблизились к пожару. Кто-то что-то кому-то сказал, а потом эти слова передали Сообществу.

Как раз в этот момент «остров» сильно тряхнуло, и посланник чуть не уткнулся Мемзен в колени.

— Вы представили нам пачку контрактов, карт и снимков мертвых деревьев, — продолжил Благородный Грегори. — Я не могу извлечь удачу из набора графиков. Но здесь Успех, и он может нам все рассказать. Он чуть не сгорел в огне пожара.

— Но я смогу рассказать только о реке Моту, — быстро проговорил Успех. — Больше ничего.

Внезапно на него уставились все присутствующие.

— Может быть… — начал Нгонда, но корабль тряхнуло опять, и он прислонился к стене, чтобы удержаться на месте, — может, нам стоит рассказать ему то, о чем мы договорились?

Успех почувствовал, что Мемзен изучила чиновника и явно не пришла в восторг от полученного результата.

— Если вы хотите поговорить о пожарах в общем, — сказал Люнг, — это другое дело.

Стойкий выглядел несчастным.

— Может, мы пожалеем этого храброго человека?..

— Посланник Нгонда, — сказала Мемзен.

— Что? — Его голос был очень неуверенным. Благородный Грегори взял со стола поднос и передал ему:

— Возьмите печенье.

Нгонда отпрянул от печенья, словно оно могло укусить его.

— Тогда давайте, — сказал он, — удовлетворите свое глупое желание. Мы не можем вас остановить. Мы просто кучка отшельников, а вы…

— Посланник Нгонда! — прервала его Мемзен резким тоном. Он замолчал.

— Вы Мемзен Двадцать вторая, а он — Благородный Грегори с Кеннинга. А я чувствую себя не очень хорошо. — Нгонда

повернулся к Успеху, пробормотав: — Помни, они не очень-то заботятся о том, что случится с тобой. Со всеми нами.

— Это неправда, — возмутился Благородный Грегори, — совсем неправда.

Но Нгонда уже уселся на скамью, ослабевший и безмолвный.

— Ну, так… — Мемзен звякнула кольцами. — Ты борешься с огнем.

— Я просто отыскиваю дым. — Реакция Нгонды озадачила Успеха. В конце концов, он ничего не знал об этих внешних. Отличались ли они от пакпаков? — Я добровольно вступил в отряд около года назад, прошлой весной прошел тренировку, был приписан к Девятому полку, в Золотой отряд. Мы, по большей части, обрабатывали территории на линии пожара, чтобы остановить огонь.

Он повернулся спиной к потрясающему виду внизу.

— Нужно просто убрать все, что может загореться, докопаться до минерального слоя почвы. Если есть плуг или тягач, используем их. Но чаще всего работаем руками. Вот и все. Так же скучно, как те отчеты, что вы читали.

— Я не понимаю. — Благородный Грегори неловко уселся на скамью, поправляя свои туфли. — Если вы так заняты копанием, то когда тушите пожары?

— Огню нужны три вещи, — ответил Успех, — кислород, топливо и температура. Они называются треугольником возгорания. Представь себе пламя как цепь из таких треугольников, стороны каждого треугольника связаны между собой. — Он прижал друг к другу большие и указательные пальцы, изобразив треугольник. — Достаточное количество жара связано с достаточным количеством воздуха и достаточным количеством того, что может гореть. Убери одну из сторон, — он разделил пальцы, — и разрушишь цепь. Когда пожар разгорается, мы не можем лишить его кислорода или снизить температуру. Так что приходится убирать последнюю часть треугольника — топливо. Если сделать работу на совесть, то гореть будет нечему.

— Тогда на самом деле вы не тушите огонь? — В голосе Благородного Грегори послышалось разочарование.

— Тушим, но только на отдельных участках. Соорудив пограничную линию, мы должны ее защищать. Поэтому мы движемся вдоль границы, проверяем пожары, которые начались от искр или подземного пламени. Еще на линию могут упасть горящие деревья. Находя такой участок, мы окапываем его или заливаем из огнетушителей. — Он заметил, как Пендрагон опять что-то прошептала Мемзен. — Прошу прощения, но в чем дело?

Мемзен вежливо улыбнулась ему, по крайней мере Успех

надеялся, что улыбка была вежливой.

— Она спрашивает о людях, которые поджигают себя. Ты видел хотя бы одного?

— «Факелы»? — нахмурился Успех. — Нет. — Врать было легко и привычно.

— Они должны быть очень храбрыми. — Благородный Грегори на четвереньках пододвинулся к рюкзаку Успеха. — Эй, а у тебя тут подпалины на рюкзаке.

Он поднес рюкзак к свету, изучая со всех сторон.

— И здесь тоже. Ты их ненавидишь?

— Нет.

— Но они пытались тебя убить.

— Не меня. Они пытаются убить лес, может, Совершенное Государство, но не меня. Они понятия не имеют, кто я такой.

Он потянулся к рюкзаку, и Благородный Грегори передал его Успеху.

— И я ни одного из них не знаю. Мы все незнакомцы. — Люнг открыл рюкзак, покопался и нашел снимок Золотого отряда. — Вот мой отряд. Это наше полное обмундирование для борьбы с огнем.

Ему улыбались мертвые друзья. Вик стоял на коленях у самого края снимка, а Харди — рядом с Успехом. Пожарный передал снимок Благородному Грегори.

— Почему они это делают? — спросила Мемзен. — Ты же должен задаваться этим вопросом. Помоги нам понять.

— Все очень запутано. — Он помолчал, ожидая, что Нгонда изложит официальную версию, но посланник стеклянными глазами уставился на стену «острова». — Им стоило уйти уже очень давно, — вновь заговорил Успех. — На самом деле они — внешние. Они больше не принадлежат этому миру.

— Тысяча Миров для новизны, — сказала Мемзен, — и только один для истины. Ведь именно так учит ваш Старейшина?

— Твои родители пришли сюда из других миров, — напомнил Благородный Грегори. — Так почему ты думаешь, что пакпаки захотят собрать вещи и улететь? Если Джек Винтер прикажет тебе лететь с нами, ты отправишься на Кеннинг?

— Я не поэтому… — Успех потер лоб. — Я не знаю, может, и так. На самом деле они были моими бабушкой и дедушкой, а не родителями.

Благородный Грегори потянулся через стол и вручил Мемзен снимок отряда. Пендрагон вытянула шею, чтобы тоже видеть.

— Вам надо понять, — сказал Успех, — что пакпаки ненавидят новые леса из-за высокой скорости роста. Деревья растут, как сорняки, а не как яблони в моем саду.

Через плечо он посмотрел на расстилавшиеся внизу холмы. «Остров» снизился и летел над восточным склоном Тарата. Успех уже был почти дома.

— До заселения на Уолдене почти вся поверхность была сухой и, по большей части, открытой. Прерия. Там, где сейчас Конкорд, раньше была пустыня, то ли Нев, то ли Неб. Пакпаки охотились на биллигагов и приручали стада гусепсов. Их роботы рыли глубокие шахты, искали карбонатит и редкие ископаемые. В конце концов они забили все стада, перекопали прерии, истощили планету. Они изгадили почву, надругались над Уолденом, а потом большинство просто улетели. Этот мир умирал, потому Старейшина его и купил. Здесь не оставалось ничего для пакпаков, у них не было причин оставаться, пока мы не пришли.

Когда «остров» уже летел над самыми верхушками деревьев, Успех почувствовал тягу к дому, равную по своей мощи силе гравитации. После всего того, через что ему пришлось пройти, Литтлтон все так же мирно дремал на склоне горы Ламана, дожидаясь его возвращения. Он с радостью представил, как сегодня ночью будет спать дома в своей постели.

— Скоро пустошей не останется, — сказал он, — будут только леса. И тогда войне конец.

Благородный Грегори внимательно смотрел на него спокойными желтыми глазами.

— Они просто пытаются защитить свой жизненный уклад. А теперь вы говорите им, что ваш лучше.

— Нет. — Успех замолчал, ибо его давно мучила правдивость сказанного Благородным Грегори. — Но их уклад разрушит наш.

Мемзен ткнула пальцем в снимок Золотого отряда:

— Так вот почему они начали эту войну?

— Это война? — Успех забрал у нее снимок и засунул в рюкзак, даже не посмотрев на нее снова. — Они поджигают, мы тушим. С другой стороны, это опасная работа.

— Люди умирают, — прошептала Пендрагон.

— Да, — кивнул Успех. — Это правда.

VIII

Я прожил на этой планете тридцать с лишним лет, но до сих пор вынужден выслушивать веские или даже настойчивые советы от старших.

Генри Дэвид Торо. Дневник, 1852

Успех уселся на пень, раздумывая, как ему проскользнуть на железнодорожную станцию Литтлтона. Оттуда, где он сидел, идея казалась безнадежной. Он только что пробрался через лес от самого края озера Спот, где «остров» завис, чтобы высадить его на грязный берег. Сейчас он вышел на тропу, ведущую к горе Ламана. Прямо перед ним расстилалась дорога Голубая Долина — довольно неровная колея, соединявшая горстку ферм и Общественную трассу № 22. ОТ № 22 переходила в Широкую улицу, ведущую прямо в центр Литтлтона. Если он незаметно прокрадется по Голубой Долине, то его кто-нибудь подбросит до 22-й. Вот только кто выедет из дому в такой день? Соседи. Литтлтон — небольшой городок, а отец, без сомнения, рассказал всем жителям, что его сын-герой должен приехать в 8.16 на поезде из Стены Сердец. Конечно, Успех мог обойти и 22-ю окольными путями, мимо городка, добраться до станции. Хороший план, за исключением того, что от дороги до станции было добрых десять километров, а он чертовски устал.

Он решил еще немного посидеть.

Закончилось все тем, что Нгонда убедил внешних держаться подальше от Литтлтона. Успех представил, как Пенни, Кай Саузандфолд и малыш Пожизненный Сенатор Доум с глупым видом таращатся на семейные снимки, открывают туалеты и задают странные вопросы. Но по-настоящему ему приходилось беспокоиться из-за Благородного Грегори. Завтра утром он спустится по трапу «острова» вместе с чиновником. Представится племянником Нгонды, а сам посланник притворится соратником Успеха по службе в Железном отряде. Благородный Грегори проведет целый день, расхаживая по Литтлтону и создавая всю возможную удачу. Он будет ночевать в доме Успеха, а послезавтра они с Нгондой сядут на поезд в 7.57 и отправятся на юг.

— Успех? — с дороги донесся знакомый голос. — Неужели

это Преуспевающий Люнг?

Успех хотел притвориться незнакомцем, но вместо этого ответил:

— Привет, Хитрец.

Он мог наткнуться на односельчан похуже Хитреца Саватди.

Здоровяк тяжело спустился по тропе. Он был в обрезанных штанах, — причем одна штанина была длиннее другой на несколько сантиметров. Рубашка, расстегнутая на шее, обтягивала животик. Несуразная шляпа двух тонов: грязного и еще грязнее. На плече — корзина крыжовника. А улыбка — ярче луны в ясную ночь.

— Клянусь, это и в самом деле мой Преуспевающий. Моя маленькая удачливая сосновая шишка, жив-здоров. Но ты же вроде должен быть на пожарах. Как ты оказался здесь, в нашей глуши?

— Свалился с неба.

Хитрец захохотал, как мальчишка.

— Тогда вернись туда.

Хитрец был седым, как снег, и одного возраста с отцом Успеха. Но годы, казалось, никогда не имели для него значения. Если Совершенное Государство и в самом деле хотело, чтобы население состояло из людей простых, тогда Хитрец Саватди был самым что ни на есть настоящим гражданином во всем графстве Гамильтон.

— Ты меня разыгрываешь, правда?

— Ну ладно, тогда я дошел пешком.

— Дошел откуда? Успех указал на восток.

Хитрец повернулся, словно ожидая увидеть новоявленное шоссе, проложенное прямо через лес.

— Но там только лес, потом горы, а затем опять чертова уйма деревьев. Там шагать целую вечность, деревяшка. Ты, наверное, притомился. Хочешь крыжовнику? — Он предложил Успеху корзину.

Когда Хитрец отправлялся по ягоды, он не опускался до сбора отдельных ягодок, а срывал целые ветки. И тем самым не оставлял без работы своих внучатых племянников.

— Ну ладно, — сказал Успех. — Тогда я не здесь. Я в поезде из Стены Сердец. Приеду в восемь шестнадцать.

— Да ну? Тогда с кем же я разговариваю, мой косматый друг? Осторожно, не наколись.

Успех отправил в рот розовую полосатую ягоду. Она была немного теплой от солнца. На зубах хрустели крошечные косточки.

— Тебе не нравятся мои ответы? — Он повесил рюкзак на

плечо.

— Я пропускаю почти все, Успех, но чую то, что дурно пахнет. — Саватди ткнул шишковатым пальцем Успеху в грудь. — Твой Хитрец точно знает, когда ты что-то скрываешь, счастливая калоша. Скинь груз тайны со спины, и, может, я помогу тебе.

— Пойдем. — Успех выбрался на дорогу. По обочинам Голубой Долины высились деревья. — Как там отец?

— Довольно неплохо для пожилого человека. — Хитрец шагал рядом. — Все, что я могу сказать о нем. Говорили, ты обгорел, когда погибли Вик Джорли и те другие бедные парни. — Он вгляделся в Успеха. — По тебе не скажешь.

— Я лежал в госпитале в Конкорде.

Они дошли до Голубой Долины, бывшей всего лишь грязной колеей с растущими посредине сорняками.

— Внешний доктор спас мне жизнь. — Успех направился к 22-й. — Ты не поверишь, какие вещи они могут делать.

— Я поверю тотчас, если ты так говоришь. — Хитрец скривился, словно надкусил кислое яблоко. — Вот только я никогда не доверял внешним.

— Почему? Ты когда-нибудь их встречал?

— Не я, но мой ДиДа, бывало, рассказывал, как они проделывали дыры в собственных мозгах, отрезали руки и ноги, а на их место пришивали части робота. Зачем хорошему человеку превращаться в робота?

Спорить с Хитрецом по поводу того, что говорил ему отец, было бесполезно.

— Вика уже похоронили?

— Его тело привезли на поезде в прошлую среду. Похороны провели в пятницу. Почти вся деревня пришла, самое большое собрание за многие годы, но по такому печальному поводу.

— Как Утеха?

— Трудно сказать. — Хитрец нахмурился. — Я лишь выказывал ей свое почтение, а не болтал. Но слышал, что она копает себе здоровенную яму. Так недолго и упасть в нее. — Он отвернулся и подобрал камень с дороги. — Как у вас дела?

— Я не хочу говорить об этом.

— Ага. — Саватди швырнул камень в лес. — Вот именно это я и слышал.

Они дошли до фермы Бандаранов. У дороги мягко покачивались стебли кукурузы. Успех слышал деревянное постукивание мельницы, ее крылья проворачивались в легком утреннем ветерке. Мельница выкачивала воду из колодца в пруд, где резвились утки. Успех старался держать Хитреца между собой и домом, когда они проходили мимо. Может, его кто-нибудь и

заметил, но не окликнул.

Следующей была ферма Саватди, где Хитрец жил со своим племянником Веселым и его семьей. Повинуясь импульсу, Успех произнес:

— Секрет и правда есть.

— Ага, я знаю. Я стар, но до сих пор слышу жужжание комаров.

— Дело в том, что мне нужна твоя помощь. И ты никому не сможешь об этом рассказать.

Хитрец шагнул и загородил Успеху дорогу.

— Кому-то известно, кто сел на вишневый пирог Гэнди Звезды? Тот самый, что она испекла для твоего ДиДа.

Он ткнул пальцем в грудь Успеха. Успех поднял руку и отпихнул палец Хитреца.

— В то утро мы с тобой рыбачили.

— Ага, история о рыбалке. — Хитрец отступил и освободил Успеху дорогу. — А помнишь, кто ее рассказал? Старый гражданин, к которому ты вечно забываешь приходить теперь, когда вырос.

Они продолжили идти по дороге. Ферма Саватди была как раз за следующим поворотом.

— Я помню, Хитрец. Можешь помочь? Мне надо добраться до дому прямо сейчас.

— В Коттедж Прилежания или дом ДиДа?

— В Коттедж. Хитрец кивнул:

— Веселый отвезет тебя.

— Нет, нужно, чтобы ты меня отвез. Только ты будешь знать, что я вернулся. Это часть секрета.

Хитрец принялся размахивать корзиной с крыжовником.

— Веселый не хочет, чтобы я ездил по ночам.

— Не беспокойся, вернешься задолго до ужина. Но утром ты опять будешь мне нужен. Пойдем, сделаем первую вещь. Я встречаюсь кое с кем у озера Слот.

— У озера? Но там же одни лягушки. Успех подвинулся ближе к Хитрецу:

— Я могу тебе сказать, но ты должен пообещать помочь, не важно как. — Он понизил голос. — Это большой секрет, Хитрец.

— Насколько большой? — Хитрец забеспокоился. — Больше, чем сарай?

— Больше, чем вся деревня. — Успех знал: Хитрец будет польщен и обрадован тем, что оказался единственным, кому Успех доверил свою тайну. — Ну, ты в деле или нет, друг мой?

— В деле, вот прямо по столько. — Хитрец поднял руку над головой. — Уши открыты, рот запечатан. — Он хмыкнул.

— Отлично. — Успех не дал ему времени передумать. — В Литтлтон приедет внешний.

— Внешний. — Хитрец принял заявление за очередную шутку. — И где он припаркует свой космический корабль? На Широкой улице?

— «Остров» высадит его у озера Спот. И он собирается провести со мной день. Один день. Никто не должен знать, что он — внешний.

— «Остров». — Хитрец оглянулся сначала в одну сторону, потом в другую, словно ожидая, что корабль летит прямо за ними. — Одна из тех птиц-роботов в нашем небе.

Успех кивнул.

— И ты этого хочешь?

Вопрос застал его врасплох, потому что за последние несколько часов в Люнге что-то изменилось.

— Да, Хитрец, хочу.

Успех надеялся провести больше времени с Благородным Грегори, и было бы отлично провести с ним время в Коттедже Прилежания. Он просто не хотел, чтобы остальные в его сонной деревне узнали о внешнем. Они не поймут.

Единственное исключение — Хитрец — покачал головой:

— Ничего хорошего еще не получалось из общения с людьми из космоса.

— Я любопытный, — сказал Успех.

— Любопытные не сидят спокойно, молодой человек. Любопытные всегда подходят посмотреть поближе. — Впервые за все время, что Успех его знал, Хитрец Саватди выглядел на свой возраст. — И теперь я думаю, что случится с твоим ДиДа, когда ты нас покинешь. Он хороший человек, верно? Я знаю его всю свою жизнь.

IX

Когда человек переезжает, он берет с собой не только птиц, четвероногих друзей, насекомых, овощи и даже газон, но и свой фруктовый сад.

Генри Дэвид Торо. Дикие яблоки, 1862

Одаренный Роджер Люнг любил яблоки. Конечно, другие фрукты ему тоже нравились, особенно груши и айва. Костянки не грели его сердце, хотя он терпимо относился к кислым вишням в память о пирогах ГиГа. Но яблоки, эти древние фрукты родного мира, были любимицами Дара. Он утверждал, что они пребывали на столах всех великих цивилизаций Земли: у римлян, мусульман, американцев и даламитов. Некоторые жители Литтлтона думали, что отец Успеха любил яблони больше, чем собственную семью. И одной из этих жителей была, возможно, мать Успеха — Люси Блаженство Люнг. Наверное, именно поэтому она и оставила его, когда Успеху исполнилось только три года, сначала отправившись в Стену Сердец, а затем, через континент, в Провиденс. Правда это или нет, но Успех не мог спросить ее, потому что больше не видел с тех пор, как она переехала на юго-запад. Жители Уолдена не путешествовали только ради удовольствия.

Дедушка и бабушка Успеха прилетели на Уолден без гроша за душой и с самыми зачаточными знаниями о работе на ферме. Но тяжелый труд и зверская экономия превратили их хозяйство в процветающее предприятие. Однако цена, заплаченная за посвящение в основы фермерского искусства, оказалась высокой. Из всех детей только Дар решил остаться на ферме. Но даже он переехал в Коттедж Прилежания, когда ему исполнилось шестнадцать, и обосновался в самом дальнем уголке владений Люнгов. Он пытался избегать неодобрения родителей. Смотрел ли он видеофон или взбирался на дерево почитать книгу, ГиГо и ГиГа ругали его за легкомыслие или лень. Они не видели смысла в добровольном уходе на тушение пожаров или игре на левом фланге за «Орлов Литтлтона», когда можно было делать более тяжелую работу. Иногда могли пройти недели, а Дар не говорил родителям и лишнего слова.

Однако именно он, со своими яблоками, изменил судьбу

семьи. Когда ему исполнилось восемнадцать, Роджер стал заниматься в школе садоводства в Лонгвоке, причем против воли ГиГо. Обучение он оплачивал, выполняя самые разные работы в деревне, — еще одно бессмысленное отклонение от домашних правил, раздражавшее его родителей. Дар стал интересоваться фруктовыми деревьями после того, как в предшествовавший год все сады Литтлтона поразила коричневая гниль. Фермеры в поселении выращивали фрукты, но обычно не больше дюжины деревьев, и все — семейные сорта. Урожай был небольшим, его хватало только на домашние нужды. И все из-за вредителей и болезней. Фермеры боролись с земными иммигрантами: вредоносными жуками-пилильщиками, тлей, молью, мелкими яблочными червями, а также с главным врагом — плодовым долгоносиком. Деревья поражала мучнистая роса, гниение, пятнистость, червоточины, парша и другие болезни. Из-за длительного роста они становились особенно уязвимыми. Граждане по всему Совершенному Государству задавались вопросом, не нарочно ли Старейшина Винтер запустил зловредных насекомых и грибки в свой Райский Сад. Впрочем, ответа они не получали. Но в школе садоводства Дар узнал о спрее для уничтожения вредителей, изготовленном из сушеной ромашки. Услышал об удивительном сорте яблок Золотой нектар, идеальном для производства сидра. Этот сорт был устойчив к болезням, рано зацветал, хорошо подходил для климата юго-востока, а на севере его еще не опробовали. Чтобы проверить новинку и досадить отцу, он потратил свои сбережения на дюжину молодых деревьев. Прямо рядом с жилищем Дар расчистил участок земли и разбил там фруктовый сад. Через пару лет он собрал свой первый — правда, маленький — урожай, из которого тем не менее получились самый сладкий сидр и лучшая шипучка из всех, которые когда-либо пробовали в Литтлтоне. На третий год Дар купил ручной пресс и стал заливать сидр в оплетенные бутыли, а на пятый — уже в громадные дубовые бочки. И тогда он купил еще больше яблочных деревьев, ему всегда казалось, что у него их мало: Макинтош, Горед, Джейс Пиппин, Алюмар Голд, Адам и Ева. Вскоре он начал выращивать саженцы и продавать их другим фермерам. Потом Дар женился на матери Успеха, и Люнги арендовали участок земли по соседству. ГиГо и ГиГа прожили достаточно долго, чтобы увидеть, как их сын стал самым процветающим фермером в Литтлтоне. ГиГо, однако, никогда не простил себе свою ошибку (или правоту Дара) по поводу яблок.

Родительский домик Дар подарил Успеху и Утехе на свадьбу.

Коттедж Прилежания пустовал с тех пор, как умерла ГиГа. Свою лачугу Дар постепенно превратил в один из самых больших домов в Литтлтоне. Хитрец высадил Успеха как раз в конце улицы Джейн Паудер — таким образом тот хотел обойти большой дом стороной и избегать отцовских расспросов так долго, как только получится. Столкнувшись с реакцией Хитреца на новости о визите Благородного Грегори, Люнг решил, что, по возможности, будет стараться держать внешнего подальше от Дара.

Однако, добравшись до входной двери, он заметил мотороллер отца у амбара, а потом и его самого, забравшегося по лестнице на ветви одного из древних Макунов ГиГо. Он прореживал завязи плодов. Вдвойне сюрприз: во-первых, Дар обычно избегал дома, в котором вырос, и, во-вторых, всегда протестовал против идеи восстановить отцовский сад, говоря, что это будет пустой тратой времени Успеха. В действительности персиковые и сливовые деревья уже вряд ли можно было спасти. Однако, проведя массовую обрезку ветвей, Успеху удалось восстановить три яблони Макун, одну Закат и вишневое дерево Северная звезда. Теперь они снова плодоносили.

— ДиДа! — издали окликнул отца Успех, чтобы не испугать его. — Это я.

— Преуспевающий? — Дар не смотрел вниз, пока расправлялся с яблоневой веткой. — Ты уже здесь. Что-то случилось?

Он бросил сорванные плоды стайке гусепсов внизу. Самка бросилась вперед и своим длинным клювом поймала яблоко еще в полете, дважды хрумкнула и проглотила. Потом в восторге стала гоняться за собственным хвостом, пока остальные взывали к Дару.

— Все в порядке. В последнюю минуту кое-что произошло, и я вернулся не поездом. — Успех сомневался, что отец удовлетворится столь туманным объяснением, но попытаться стоило. — А что ты тут делаешь? — Он оставил рюкзак на ступеньках и подошел к деревьям. — Я думал, ты ненавидишь старые бесполезные деревья ГиГо.

Дар фыркнул:

— Макун — вполне приличный сорт, просто с ними чертовски много возни. И с тех пор, как ты ушел, мне приходится бывать здесь. Ты дома, Преуспевающий. Подожди, я сейчас спущусь.

— Ничего, заканчивай. Как дела?

— Весна выдалась сухая. — Отец взялся за очередное зеленое яблоко, одной рукой осторожно придерживая ветку, а другой — плод. — Июнь тоже был жарковат, но в графстве это пока не

называют засухой.

Гусепсы пришли в неистовый восторг, когда он кинул следующее яблоко.

— Дождей в июне было совсем мало, пришлось много прореживать. Моль есть, но остальные вредители вроде пока не сильно беспокоят. Преуспевающий, они так рано выпустили тебя из госпиталя? Признайся, ты что-то скрываешь.

— Я в порядке. Готов снова строить заслоны и бороться с горящими лесами.

— Ты уже видел Утеху?

— Нет.

— Ты должен был приехать поездом.

— Я решил поехать с другом.

— Из Конкорда?

— Я сошел с поезда в Уилрайте.

— В Уилрайте. — (Один из гусепсов пытался вскарабкаться по лестнице.) — Точно не знаю, где это. Думаю, где-то на юго-востоке. Может, графство Ли?

— Да, в том районе. А что не так с Макунами?

— А… — Отец с неодобрением покачал головой. — Глупое дерево не знает, что для него хорошо. — Он показал на ветви, усыпанные незрелыми плодами. — Ты только посмотри на них. Часть опала еще в июне, и все равно на ветвях слишком много яблок. Высади побольше таких деревьев — и обеспечен работой на все лето. Ты уже видел Утеху?

— Нет. — Успех притянул низко висящую ветку вишни, усыпанную недозрелыми ягодами. Несмотря на это, он все равно положил одну в рот. — По-моему, эти вишни скоро можно будет собирать. — Он бросил горсть гусепсам. — Они отводят весь полк обратно к лесу Клойса, где я к ним присоединюсь.

— Пока ты здесь, ты, наверное, будешь занят. — Дар перешел к следующему ряду. — Хотя я, конечно, не требую от тебя помощи. Надолго домой?

— Только на неделю.

Отец поднял лестницу и перенес к следующему дереву.

— Совсем ненадолго.

— Да уж.

Дар как раз собирался взобраться на лестницу, когда сообразил, что еще как следует не поздоровался с сыном.

— Но я не понял, что там насчет поезда. — Он стоял на расстоянии вытянутой руки от Успеха. — Почему ты сошел раньше?

Успех отчаянно попытался сменить тему:

— ДиДа, я знаю, ты не захочешь это слышать, но мы с Утехой,

возможно, разведемся.

Дар поморщился и отошел от Успеха.

— Возможно? — Он поставил ногу на нижнюю перекладину.

— Да.

Гусепсы уже вернулись, бегая вокруг дерева, повсюду летал пух.

— Мне очень жаль. — Успех отошел в сторону.

— Преуспевающий, ты знаешь, что я чувствую в таких случаях. — Он взобрался на лестницу. — Да и все это знают. Когда дело доходит до женщин, я становлюсь просто полным дураком.

Дар Люнг говорил подобное с тех пор, как ушла мать Успеха. В одни дни он оплакивал свой неудачный брак, словно эта рана терзала его всю жизнь, в другие — гордился собой, как будто выживание стало его единственной целью. Раньше Успех считал это откровенным позерством и возмущался, что отец никак не может разобраться в своих чувствах к матери. Теперь же он почувствовал, что, похоже, начал понимать его.

— Ей никогда здесь не нравилось, — сказал Успех угрюмо. — Я виню себя за это. Не рождена она, чтобы стать женой фермера. Никогда не была и не будет.

— Ты уверен? — Дар выдыхал сквозь зубы, взбираясь на дерево. — Она в таком шоке, Преуспевающий. А теперь еще и это?

— Мое решение ее не шокирует, — сказал Успех натянуто.

Отец по многим причинам хотел, чтобы Успех уладил проблемы с женой. Ему всегда нравились дети Джорли, и он был в восторге от того, как Утеха переделала Коттедж Прилежания и изменила его собственного сына. Он с нетерпением ждал внуков. И потом, оставался еще вопрос земли, когда-то очень сложный, а теперь ужасающе простой. С тех самых пор, как они были детьми, жители деревни шутили, что Успех женится на Утехе, а земли Джорли и Люнгов объединятся, протянувшись на восток. Конечно же, все знали, что в точности так не получится, и причиной тому был брат Утехи. Но теперь Вик умер.

— Когда ты собираешься с ней повидаться?

— Не знаю, — ответил Успех. — Скоро. В любом случае это был очень долгий день. Я пойду в дом.

— Придешь на ужин? — спросил Дар.

— Нет, я слишком устал. Найду какую-нибудь еду в Коттедже.

— Ты не выглядишь очень усталым, — ухмыльнулся отец. — Сегодня утром сюда приходили твои поклонники. Уверен, они что-нибудь оставили. Я говорил соседям, что ты должен сегодня вернуться. — Он кинул еще одно яблоко гусепсам. — Теперь,

думаю, мне, наверное, стоит поехать в город и предупредить ребят, чтобы они не встречали поезд. До сих пор не могу поверить, что ты проделал весь этот путь от… Скажи еще раз, откуда?

— Какие поклонники?

— Думаю, это все Рада Гэнди устроила. По крайней мере именно она пришла ко мне за разрешением. — Отец встал на ветку, чтобы достать самые верхние плоды. — Но я видел, как в фургончике ждали девочки Велез, Мира Тоба, Лето Миллисап. — Он дотянулся до самых богатых плодами веток. — О, и после их ухода, я думаю, Утеха остановилась в Коттедже.

X

Я нахожу полезным проводить большую часть времени в одиночестве. Общество, даже самое лучшее, скоро утомляет и отвлекает от серьезных дум.[286]

Генри Дэвид Торо. Уолден

Холодильник был забит под завязку: запеканка с зеленью и курятиной, горшочек ячменного супа, полдюжины яиц, кусочек масла, козий сыр и три бутылки пива из корнеплодов. Еще там были свежий лук, ржаной хлеб, баночки с домашним абрикосовым желе и консервированные персики. Но на ужин Успех выбрал пирог. Кто-то испек целых два: персиковый и яблочный. Он съел половинку от каждого и запил пивом. А почему нет? Рядом не было никого, кто осудил бы его, а он слишком устал, чтобы греть суп или запеканку. А вот поедание пирогов не требовало никаких усилий. Кроме того, он уже целую вечность не пробовал ни кусочка — с тех самых пор, как уехал из Литтлтона. На полевых кухнях пожарных отрядов понятия не имели о кулинарных изысках.

Потом он налил себе сидра и уселся за кухонным столом, пытаясь решить, кто же принес все это богатство. Ячменный суп был, похоже, от крепкой Миры Тоба. Рада Гэнди знала о его тайной слабости к пиву из корнеплодов, и это несмотря на то, что он вырос в хозяйстве, помешанном на яблоках и сидре. У Миллисапов было самое большое в деревне стадо коз. Он не знал точно, кто же испек запеканку, но мог поспорить, что это уж наверняка не сестры Велез. Слишком уж серьезно для них. Обеим было чуть за двадцать, обе одинокие и немного диковатые — по крайней мере, по меркам Литтлтона. Впрочем, последнее было неизбежным, ведь девушки жаждали романтики в деревне, чье население чуть превышало шести сотен душ. Поговаривали, что однажды они уедут в Лонгвок или даже в Стену Сердец и это приведет в отчаяние их родителей. Должно быть, стряпали на их кухне. Чудесный пирог столь же хорош, как и любовное послание. Но выяснили ли сестры Велез, что они с Утехой собрались в конце концов развестись? Должно быть, жена решила все сама и поделилась этой новостью с соседями. Потом Успех вспомнил, что Хитрец говорил нечто подобное. А если уж знал Хитрец, тогда знали и все остальные. В их поселении обожали совать нос в

чужие дела. И потому в такой деревеньке, как Литтлтон, если ребенок поцарапает коленку, играя в бейсбол, по крайней мере три мамы слезут с деревьев, размахивая повязками.

Когда Успех убрал еду и вымыл тарелки, причин оставаться на кухне не осталось. Но он все еще медлил, стараясь избежать воспоминаний, связанных с остальными комнатами Коттеджа. Он помнил, как тот стоял заколоченный после смерти ГиГо, помнил разваливавшуюся мебель и потертый ковер, едва заметный в темноте. А потом они с Утехой отодрали доски и открыли свой новый дом. Новые обитатели вынесли почти все вещи ГиГо и ГиГа в сарай, где они пылились и по сей день. Успех и Утеха отскребли, отмыли, отчистили и выкрасили все в пустом домике. Он помнил, как сидел на полу, прислонившись спиной к стене гостиной, и смотрел на кресло — единственную их собственность. Утеха, словно котенок, устроилась рядом. Сказала, что раз уж в кресле нет места для обоих, значит, они вообще не будут в нем сидеть. В ответ он поцеловал ее. Тогда поцелуев было много. Собственно говоря, Утеха наполнила любовью к нему все комнаты. Это был ее метод провозгласить свое право на собственность и изгнать не одобряющий их дух стариков.

Теперь, когда жена собиралась уйти из его жизни, Успех думал, что, возможно, она была для него слишком необузданной любовницей. Иногда только это могло удержать их в одной постели. Время от времени ее страстность тревожила его, хотя он никогда не признался бы в этом, когда они жили вместе. Это было не по-мужски. Но как раз перед его уходом в Корпус положение начало ухудшаться. Успех чувствовал, что между ними будто всегда стоял еще один мужчина. Стоял и смотрел. Не настоящий, скорее, представление Утехи о том, каким должен быть ее любовник. И Люнг понял, что совсем не соответствует этому образу. Он просто занимал место, пока она ждала кого-то другого.

В конце концов он ушел из кухни. Женщины, открывшие Коттедж Прилежания, сделали все, что могли, но в душную июньскую ночь там все равно не хватало воздуха. Комнаты стояли затхлые и душные. Успех сидел на крыльце, пока его не загнали внутрь полчища игольчатых жуков. Он включил вентилятор в окне спальни и бросил рюкзак на кровать. Что из одежды найдется у него для такой жары? Люнг вытащил футболку, но та все еще пахла дымом. Швырнул ее на кровать и грустно засмеялся. Он же теперь *дома*. Может надеть свою собственную одежду. Успех открыл шкаф и достал шорты, которые Утеха купила ему на день рождения, и тонкую голубую рубашку. Штаны оказались свободными и соскользнули к бедрам. Он похудел,

сражаясь с огнем и даже лежа в госпитале. Слишком много горя. Одним пирогом тут не обойтись.

Потом, против воли, Успех подошел к шкафу Утехи и открыл его. Никогда не понимал, почему она оставила все вещи, когда ушла от него. Может, планировала вернуться? Или просто полностью отвергла их жизнь вместе? Он ничего не тронул, просто посмотрел на ее нижнее белье, черное, голубое и серое — для нее пастельных тонов или рисунков не существовало. Свернутые носки, блузки без рукавов, аккуратно сложенные рубашки, тяжелые рабочие брюки, легкие свитеры. А на дне шкафа — зеленые пижамы из материи с «черного» рынка, такой легкой, что они сами спадали с Утехи, стоило ему только подумать об этом.

— Не совсем то, что носит жена фермера, — произнес Успех, просто чтобы слышать голос. Гнетущая тишина домика подавляла его. — По крайней мере *эта жена.*

Теперь, теряя Утеху, Успех вдруг понял, что единственной его семьей был отец. Ему пришло в голову, что в Коттедже нет воспоминаний об отце. Он представил себе Дара в гостиной большого дома, библиотеке или дремлющим перед видеофоном. Одного, всегда одного.

Успеху стало нехорошо. Он зашел в ванную, ополоснул лицо холодной водой. Ему стоит снова жениться, иначе он закончит так же, как отец. Попытался представить, как целует Колокольчика Велез, проникает рукой под ее блузку, но не смог.

— Тук-тук, — раздался из гостиной женский голос. — Твой отец сказал, что ты вернулся.

Рада Гэнди.

— Подожди минутку.

Успех вытерся полотенцем. Когда он выбрался из спальни, на его лице расцвела улыбка. Он был благодарен Раде Гэнди за спасение от тишины и собственного мрачного настроения.

Она была маленькой, немного полноватой, с разлетающейся копной волос восьми разных оттенков серого цвета. С крупными ровными зубами и открытой улыбкой. Зеленое летнее платье открывало морщинистую кожу широких плеч и рук. Несмотря на тяжелый фермерский труд, она до сих пор была свежа, как спелое яблоко. Многие женщины в Литтлтоне заменяли Успеху мать, когда он был ребенком, но Рада Гэнди значила для него больше всех. Ему пришлось немного наклониться, чтобы обнять ее.

— Преуспевающий. — Она чуть не задушила его в объятиях. — Мой дорогой мальчик, ты вернулся.

— Спасибо, что открыла дом, — сказал Успех. — Но как ты все нашла?

Она пахла лилиями, и он вдруг понял, что она надушилась только для него.

— Маленький дом. — Рада отступила, пропуская его. — Совсем немного места.

Успех изучал ее. За десять месяцев, с тех пор как они виделись в последний раз, она постарела лет на пять.

— Достаточно просторный, особенно для одного.

— Мне очень жаль, Преуспевающий.

Увидев печаль на ее лице, Успех понял: она что-то слышала. В конце концов, она была фактографом деревни. Наверное, ему должно быть легче, раз Утеха всем дала понять, что хочет развода, ведь он хотел того же. Но вместо этого почувствовал лишь пустоту.

— Что она сказала тебе?

Рада Гэнди лишь покачала головой:

— Вам двоим нужно поговорить.

Он хотел было настоять, но потом раздумал.

— Садись, Гэнди. Принести тебе чего-нибудь? Есть сидр. — Он потянул ее к дивану. — И пиво из корнеплодов.

— Нет, спасибо. — Рада кивнула на свою украшенную деревянными бусинами сумочку, которую он теперь заметил на валике дивана. — Я с причастием.

— Правда? — Успех почувствовал укол разочарования. — Тогда ты здесь только по делу?

— Я здесь по многим причинам, всех ты не знаешь. — Она игриво хлопнула его по руке. — И поддерживать души в единении — это зов сердца, а не долг, мой дорогой мальчик.

Она уселась на диван рядом со своей сумочкой, а он устроился в дубовом кресле напротив. Том самом, что когда-то было его единственной мебелью во всем доме.

— Надолго к нам? — Рада вытащила три курильницы и поставила на стол из вишневого дерева, который Утеха заказала из Провиденса.

— На неделю. — Успех видел коллекцию курильниц Рады Гэнди, но не слышал, чтобы три использовались для двух человек. — Присоединюсь к отряду в лесу Клойса. Это будет легкая работа — просто наблюдать за ростом деревьев.

Нет, все-таки три — это слишком. В конце концов, он принимал причастие довольно часто с другими пожарными.

— Мы не ждали тебя так скоро. — Она вытащила из сумочки алюминиевую коробку с печатью Совершенного Государства. — Ты приехал не в поезде.

— Нет.

Гэнди выбрала из сумки квадратик причастия, поднесла его

ко лбу, кончику носа и губам, поместила на край курильницы, взглянула на Успеха, но ничего не сказала.

— Только «нет»? — спросила она наконец. — И все? Успех вручил ей кувшин со спичками, хранимыми специально для ритуального единения.

— Это ведь отец просил тебя узнать?

— Я стара, Преуспевающий. — Рада криво улыбнулась. — И заслужила право быть любопытной.

Она проделала все то же самое со вторым квадратиком причастия.

— Да. Но он *действительно* хочет знать.

— Как обычно. — Рада положила в курильницу третий квадратик. — Но ведь все понимают это стремление души Дара.

Она выбрала спичку и чиркнула ею. Теперь настала очередь Успеха ждать.

— Ты разве не собираешься спросить меня о поезде?

— Собиралась, но, раз ты что-то скрываешь, не буду. — Рада поднесла огонек, и квадратики мгновенно загорелись. Масло в них пылало ярко-желтым огнем. — На самом деле мне все равно, Успех. Я просто счастлива, что ты вернулся живым и здоровым. — Она задула огонь, оставив причастия тлеть. — Проведи побольше времени с нами.

Успех смотрел, как курился дым в неподвижном воздухе дома. Потом, чтобы угодить Раде Гэнди и восстановить связь с деревней, он наклонился вперед и глубоко вдохнул. Дым, наполнивший ноздри, сначала оказался едким, но был легче и намного слаще, чем удушающий смог пожаров. Усевшись обратно в кресло, он ощутил тонкие акценты: дрожжевой аромат пекущегося хлеба, легкий запах свежеспиленного дуба и намек на аромат солнечного света, который можно ощутить, снимая сухую рубашку с бельевой веревки. Почувствовал, как дым причастия наполнял голову и проник в душу. Как всегда, он приобщал Успеха к драгоценной земле и дому, где его семья начала новую жизнь, к аккуратной ферме Люнгов, родному поселению и, конечно, к женщине, любившей его больше, чем это когда-либо удавалось его родной матери. Привязывал к суровому отцу, который не мог помочь Успеху, к честному Хитрецу Саватди и щедрой Лепестку Бенкльман, забавному Воле Самбусе, стойкой Мире Тоба и ко всей семье Велез, которые всегда были столь щедры к нему. И да, даже к его дорогой Утехе Роз Джорли, которая его покидала, но все равно оставалась жительницей Литтлтона.

Успех вздрогнул, заметив, что Рада Гэнди смотрит на него. Она, несомненно, старалась понять, полностью ли он ощутил

единение.

— Спасибо, — сказал он, — за всю еду. Рада довольно кивнула:

— Не за что. Мы просто хотели показать, как гордимся тобой. В конце концов, это твоя деревня и ты — наш Преуспевающий. И мы хотим, чтобы ты всегда был с нами.

Успех нервно улыбнулся. Почему всем казалось, что он собрался куда-то ехать?

Рада нагнулась к нему и, понизив голос, произнесла:

— Но должна сказать, это было больше, чем маленькое кулинарное состязание. — Она улыбнулась. — Мы спорили, какое из блюд ты съешь первым.

— Спорили? — Успеху польстила мысль о том, что полдюжины женщин соревновались, желая угодить ему. — И что выбрала ты?

— Увидев все, что было в холодильнике, я подумала, ты начнешь с пирога. В конце концов, рядом не было никого, кто мог бы помешать.

Успех рассмеялся:

— Я съел только пирог. Но никому не говори. Женщина приложила палец к губам и улыбнулась.

— Это ведь девочки Велез испекли пироги?

— Там был только один — с яблоками. По крайней мере так сказала Колокольчик.

— А я нашел два: яблочный и персиковый.

— Правда? — Гэнди уселась обратно на диван. — Должно быть, кто-то еще приходил после нашего ухода.

— Наверное, это Утеха, — сказал Успех. — ДиДа говорил, она заходила. Я ожидал найти записку.

— Утеха была *здесь?*

— Она живет здесь. — Успех закинул пробный камешек. — По крайней мере все ее вещи здесь.

Гэнди глубоко вдохнула над курильницами и на несколько мгновений задержала дыхание.

— Я беспокоюсь о ней, Преуспевающий, — сказала она наконец. — Она не участвовала в единении с тех пор, как погиб Вик. Она замкнулась в себе, а когда мы приходим навестить ее, то «приветлива», как кирпич. Есть горе, а есть жалость к себе, Преуспевающий. Она говорит о том, чтобы продать ферму и уехать отсюда. Мы потеряли бедного Виктора, но не хотим потерять и ее. Литтлтон не будет прежним без Джорли. Когда увидишь ее, что бы вы двое ни решили, передай ей мои слова.

Успех едва удержался от тяжелого вздоха, но причастие настроило его на благожелательный тон. Если жители не будут

помогать друг другу, никакого Совершенного Государства не получится.

— Сделаю все, что смогу, — сказал он натянуто.

— О, я знаю, ты сможешь, мой дорогой мальчик. Верю всей душой.

XI

Вещи не меняются. Меняемся мы сами.

Генри Дэвид Торо. Дневник, 1850

Благородный Грегори сидел рядом с Успехом на кровати в грузовичке Саватди. Они оба уселись против хода движения и теперь смотрели, как клубится пыль позади. Хитрец и Нгонда ехали рядом. Когда грузовичок вырулил на дорогу Голубая Долина, Успех не мог удержаться, чтобы не посмотреть на выражение лица Благородного Грегори. Естественно, грязная колея кишела ухабами, но мальчик подпрыгивал так высоко, что Успех опасался, как бы тот вообще не вывалился на дорогу. Он даже Хитреца заставлял нервничать, а ведь старый фермер отличался слоновьим спокойствием, правда, раньше он не подвозил внешних, а потому продолжал оглядываться на пришельца через заднее окошечко.

Успех не сомневался, что его сказка о Благородном Грегори и Нгонде будет раскрыта. Создатель удачи решил надеть пурпурный комбинезон с чуть ли не двадцатью медными пуговицами. Черная футболка выглядела нормально, но вот платок на шее оказался настоящей розовой катастрофой: весь в свеколках, морковках и зернышках. Ну что ж, по крайней мере он применил какой-то фокус внешних, чтобы изменить цвет глаз. Одежда Нгонды не отличалась экстравагантностью, но и с ней были проблемы. Успех видел местных жителей в пиджаках и рубашках с жестким воротником — но не в воскресное же пекло и не в Литтлтоне. В общем, Нгонда оделся как для дипломатической встречи в Сообществе Конкорда. Успех надеялся довезти их незамеченными до домика и там либо спрятать, либо найти что-нибудь более подходящее из одежды.

— Расскажи мне про гусепсов, — попросил Благородный Грегори.

Успех придвинулся поближе, пытаясь расслышать его через рев двигателя грузовичка, грохот подвески и хруст колес по грязной дороге.

— Повтори.

— Гусепсы! — прокричал Благородный Грегори. — Одни из ваших местных обитателей. Ну, знаешь, с четырьмя лапами, в перьях, бегают группами.

— Гусепсы, да. А что ты хочешь знать?

— Вы их едите.

— Я не ем. — Благородный Грегори, казалось, ждал продолжения, но Успех не был уверен, что конкретно хотел знать мальчик. — Другие жители едят, но только коричневых. Остальные породы считаются слишком жилистыми.

— А когда вы их убиваете, они знают, что умрут? Как вы это делаете?

— Я их не убиваю. — Успех в жизни не убил ни одного гусепса: Дар никогда не разрешал их есть. Однако Люнг забивал цыплят и коз и однажды помог зарезать быка. Работа мясника была одной из самых неприятных обязанностей на ферме, сродни выкапыванию помойных ям или чистке стойл. — Они не страдают.

— Правда? Это хорошо. — Благородный Грегори не казался довольным. — Как думаешь, насколько они умны?

В этот момент Хитрец дернул за рычаг и крутанул руль. Грузовичок въехал на гладкую трассу № 22.

— Не очень, — ответил Успех. Теперь, когда шума от дороги стало гораздо меньше, его голос прогремел на всю кабину.

— Не очень — что? — спросил Стойкий Нгонда. Благородный Грегори подтянулся, чтобы говорить через открытое окно.

— Я спрашивал Успеха, насколько умны гусепсы. Мне удалось найти о них не слишком много информации, кстати. Как вы думаете, почему?

— Космическая исследовательская комиссия определила их разум в шесть и четыре десятых балла по шкале животного интеллекта Пикая, — ответил Нгонда. — У козы и той больше мозгов.

— Да, это я выяснил, — сказал Благородный Грегори. — Интересно то, что оценку их способностей провели только один раз. И компания могла быть очень заинтересованной в том, чтобы оценить их пониже, верно? Разумеется, после этого пакпакам уже не имело смысла озаботиться еще одним тестом. И теперь вашему Совершенному Государству выгодно держать планку такой, какая она есть.

— Ты предполагаешь, что существует заговор? — Еще немного, и Нгонда мог перейти к оскорблениям. — Что мы намеренно убиваем разумных существ?

— Я просто задаю вопросы, друг Стойкий. И нет, я не говорил, что они так же умны, как люди, нет, нет, никогда. Но предположим, что второй тест покажет, что их интеллект равняется… ну, допустим, восемь и три. Или даже восемь и одна. Тогда Тысяча Миров может захотеть, чтобы этих животных

охраняли.

— Охраняли? — В голосе посланника прозвучали резкие нотки.

— А что, вы не считаете это хорошей идеей? Вам пришлось бы собрать их и перевезти в парк, сделать нечто в этом духе. Позволить жить свободной жизнью местных обитателей.

— На Уолдене не осталось местных обитателей. — Успех заметил, как Хитрец настолько сосредоточился на разговоре, что почти не обращал внимания на дорогу. — Кроме, может, подводных жителей.

Направлявшийся на запад фургон с маслом быстро нагонял их.

— Мы можем построить один такой парк, — весело произнес Благородный Грегори. — Л'юнги могли бы собрать деньги. Нужно хоть что-то сделать.

— Могу я кое-что у вас спросить? — Нгонда благополучно преодолел стадию раздраженности и теперь продвигался прямиком к ярости.

— Да, друг Стойкий. Конечно.

— Сколько вам лет?

— Двенадцать стандартных. Мой день рождения в следующем месяце. В этом году не хочу устраивать большое торжество. Слишком много хлопот.

— Они видят себя в зеркале, — произнес Хитрец.

— Что? — Нгонда слишком отклонился от главного предмета разговора. — Что вы только что сказали?

— Когда гусепес смотрится в зеркало, то понимает, что там его отражение. — Хитрец потянулся к окну, чтобы было лучше слышно. — Прошлой зимой у нас в доме жили мать и несколько птенцов. Они уже одомашнены.

Фургон едва полз по дороге.

— Ну так вот. Моя внучка Ручеек однажды играла с птенцами — одевала, как кукол. Глупый ребенок решил разрисовать их всех грейпфрутовым соком. Сказала, что пыталась сделать своего первого пурпурного гусепса, — ее отец выращивал таких, знаете? Но она почти покрасила лапу сзади, и тут мать наконец заметила, что происходит. Когда Ручеек отпустила несчастное создание, оно галопом бросилось к зеркалу, чтобы посмотреть на свою лапу. А потом принялось стонать, щелкать клювом и вертеться волчком, как они всегда делают, когда расстроены. — Хитрец посмотрел в зеркало заднего вида и заметил, что фургон с маслом наконец догнал их. — Я там был, видел все своими глазами. Мысль, что гусепсы знают, кто они, мучила меня несколько дней.

Он свернул на обочину и жестом предложил водителю

фургона проезжать.

— Было трудно, но с тех пор я не могу заставить себя есть их мясо.

— Это самый странный случай из всего, что я слышал, — сказал Нгонда.

— Большинство жителей думают так же, как Хитрец, — заметил Успех.

— Это их право. Но переходить к выводам, основываясь на наблюдениях людей…

— Я не собираюсь резко переходить, друг Стойкий, — ответил Благородный Грегори. — Так мы делать не будем.

Хотя посланник явно хотел привести еще какие-то аргументы, никто больше не проронил ни слова, и Нгонде пришлось успокоиться. Хитрец вновь выбрался на дорогу и остаток пути проехал на нормальной скорости. Ветер словно выдувал все мысли Успеха из головы.

Когда они свернули с улицы Джейн Паудер на дорожку к домику, Хитрец обернулся к Успеху:

— Похоже, у тебя будет компания.

Люнг в расстройстве обернулся. Ну кто сказал жителям, чтобы они пришли? Он выглядывал, но не мог никого рассмотреть, пока они не остановились у крыльца. Затем заметил у сарая мотороллер.

Если Благородный Грегори и мог творить удачу, то Успеху он наколдовал сплошное невезение. Потому что это был мотороллер Утехи.

Благородный Грегори встал и повернулся кругом, осматривая ферму.

— Это твой дом, Успех. — Его слова прозвучали не вопросом, а утверждением, словно Успех тоже видел все это впервые в жизни. — Теперь я понимаю, почему ты хотел жить так далеко от всего. Живая поэзия.

Стойкий Нгонда открыл дверцу и вышел на пыльную дорогу. Судя по лицу, домик произвел на него обратное впечатление, однако он был достаточно тактичен, чтобы держать свое мнение при себе. Просто прижал к груди свой рюкзак и стал подниматься на крыльцо, когда заметил, что остальные так и не вышли из грузовичка.

Они смотрели на направляющуюся к ним от сарая Утеху. Она была столь явно не в настроении, что, казалось, распространяла вокруг себя волны полыхающей ярости.

— Эта женщина выглядит разъяренной, как молния, — сказал Благородный Грегори. — Хочешь, чтобы я вмешался?

— Нет, — ответил Успех. — Возможно, она просто собьет тебя с ног.

— Но это твоя Утеха? Жена, с которой ты больше не живешь. Это так волнующе, как раз то, на что я надеялся. Она пришла с визитом, — может, хочет пригласить тебя обратно?

— Я бы на это не рассчитывал, — ответил Успех. — Извини, но мне нужно попытаться с ней поговорить. Хитрец, если у тебя есть немного времени, пожалуйста, проводи Стойкого и юного Счастливчика в дом. Там много еды.

— Счастливчика, — повторил Благородный Грегори имя, которое они для него придумали, словно вживаясь в образ. — Привет, друг Утеха, — окликнул он женщину. — Меня зовут Счастливчик. Счастливчик Нгонда.

Она проигнорировала приветствие, продолжая наступать на них. Его жена была стройной женщиной с прекрасными чертами лица и глазами, темными, словно ягоды черной смородины. Блестящие черные волосы водопадом струились по спине. Она была в полосатом желтом платье без рукавов, которое Успех никогда раньше не видел. Подумал, что это, должно быть, часть ее нового гардероба. Новой жизни. Когда он был влюблен, то думал, что Утеха красивая. Но теперь, увидев впервые за много месяцев, понял, что она просто утонченная. Она не выглядела достаточно сильной для работы на ферме.

Успех открыл дверцу, и Благородный Грегори выпрыгнул на землю. Нгонда спустился со ступенек, чтобы быть представленным Утехе. Успех как раз вручал Хитрецу рюкзак Благородного Грегори, когда она наконец подошла к ним.

— Рада Гэнди сказала, что с утра ты очень хотел меня видеть. — Она не тратила время на приветствия. — Я не знала, что помешаю вашему веселью.

— Утеха, — сказал Успех, — извини.

Он замолчал, удивляясь тому, как быстро вернулся к прежней роли. Когда они были вместе, он вечно извинялся.

— Утро доброе, сладкая кукуруза, — сказал Хитрец. — Боюсь, веселья у нас маловато.

— Но внутри есть закуска, — встрял Благородный Грегори. — У вас двоих здесь чудесное местечко. Я сам только недавно встретил Успеха, но уверен, что однажды он будет здесь счастлив. Меня зовут Счастливчик Нгонда. — Он протянул руку. — Нам нужно пожать друг другу руки, но сначала вам придется назвать свое имя.

Утеха была настолько сосредоточена на Успехе, что поначалу просто не заметила Благородного Грегори. Теперь же она внимательно рассматривала его красный комбинезон, широко

раскрыв глаза.

— Почему вы так одеты?

— А в чем дело? — Он взглянул на свой наряд. — Я оделся так, чтобы навестить своего друга Успеха. — Он хлопнул себя по неприкрытой голове. — Это все шляпа, да? Я должен носить шляпу.

— Стойкий Нгонда, друг Успеха из Девятого отряда. — Мальчик-посланник загородил собой Благородного Грегори. — Я приношу извинения за вторжение. Знаю, вы должны обсудить важные вещи. Почему бы вам не начать прямо сейчас? Мы с племянником с удовольствием подождем внутри.

Он обнял мальчика за плечи и повлек его к крыльцу.

— Подожди, — возразил Благородный Грегори, — я думал, что буду твоим кузеном.

— Не торопись, Успех, — сказал Нгонда, уволакивая мальчишку. — С нами все будет в порядке.

Хитрец с недоверием покачал головой.

— Я прослежу, чтобы с ними ничего не случилось, — предложил он и пошел следом.

— Там в холодильнике пироги! — крикнул Успех им вслед. — Большая часть яблочного и только пара кусочков персикового.

Он заставил себя повернуться к Утехе.

— Отец сказал, что ты была здесь на днях. — Успех хотел улыбнуться, но не смог. — Ты испекла мой любимый пирог.

— Кто эти люди? — Ее глаза сверкали подозрением. — Мальчик очень странный. Зачем ты привез их сюда?

— Давай пройдемся. — Успех взял жену за руку и удивился, когда она пошла следом без малейшего протеста. Он чувствовал, что ее ярость утихает по мере того, как они отдалялись от домика. — Я разговаривал с Радой Гэнди. Она сказала, ты очень плохо себя чувствуешь.

— Я имею право чувствовать себя так, как хочу, — фыркнула Утеха.

— Ты не приняла причастие.

— Причастие, они дают его тебе, чтобы ты поступал как тупица и еще удовольствие от этого получал. Скажи ей, что я не хочу, чтобы этот навязчивый дым мешал мне видеть вещи такими, какие они есть. — Она остановилась и повернула его лицом к себе. — Мы разводимся, Успех.

— Да. — Он выдержал ее взгляд. — Я знаю. — Ему хотелось обнять ее или, может, встряхнуть. Коснуться длинных черных волос. Но руки бессильно висели по бокам. — Но я все равно беспокоюсь о тебе.

— Почему?

— Ты говорила, что хочешь уехать отсюда. Она повернулась и пошла.

— Мне одной не управиться с фермой.

— Мы можем помочь тебе, ДиДа и я. — Успех догнал ее. — Найми кого-нибудь из местных ребят. Или, может, кого-нибудь из другой деревни.

— И как ты думаешь, сколько это будет продолжаться? Если хочешь управлять фермой, Успех, просто купи ее у меня.

— Твоя семья — важная часть этого места. Вся деревня хочет, чтобы ты осталась, каждый из нас.

Она жестко рассмеялась.

— Все хотели нашей женитьбы, теперь хотят, чтобы мы остались вместе. Я устала оттого, что они вмешиваются в мою жизнь.

Он не собирался признаваться, что временами думал о том же.

— Куда ты отправишься?

— Подальше отсюда.

— Просто подальше?

— Я скучаю без него. Правда очень скучаю. Но не хочу жить здесь, у могилы Вика.

Успех пнул подвернувшийся камешек и несколько минут шел молча.

— Ты уверена, что хочешь уехать не из-за меня?

— В этом я уверена, Успех.

— Когда ты все это решила?

— Успех, я не сержусь на тебя. — Утеха внезапно поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать его. Губы ее схватили, по большей части, воздух, но их щеки соприкоснулись, и Успеха обожгло тепло ее кожи. — Ты очень близок мне, особенно когда ты такой, как сейчас: спокойный и задумчивый. Ты лучше всех и всегда был так добр ко мне. Я просто не могу больше жить здесь.

— Ты тоже очень много для меня значишь, Утеха. Прошлой ночью, после того как я участвовал в единении…

— Не надо. Мы ценим друг друга. Давай остановимся здесь. Место очень хорошее. — Утеха вновь встала перед ним. — Теперь расскажи мне о мальчике. Он ведь внешний, правда?

Она бросила на Успеха внимательный взгляд, и он попытался не сдаваться. Они шли в тишине, пока он не решил, что именно можно рассказать о Нгонде и Благородном Грегори.

— Обещаешь хранить тайну? Она вздохнула:

— Ты же знаешь, что сохраню. Говори.

Они уже обошли домик кругом. Успех заметил, что Благородный Грегори наблюдает за ними из окна, и направился с

Утехой к сараю.

— Два дня назад, еще в госпитале, я решил послать приветствия внешним. — Он прервал ее возражения. — Не спрашивай, я не смогу объяснить, зачем это сделал. Может, просто слишком устал. Короче говоря, этот мальчик оказался одним из них. Его зовут Благородный Грегори Л'юнг, или как там его, я забыл полный титул. Он с планеты Кеннинг в созвездии Персея, и подозреваю, этот парень — очень важная шишка. Потому что потом, как оказалось, он прилетел на «острове» сюда и снял меня с поезда.

Он рассказал ей о корабле, Мемзен и детях Л'юнг и как его заставили показать свою деревню Благородному Грегори.

— А, и еще он предположительно создает удачу.

— Что это значит? — спросила Утеха. — Как кто-то может создавать удачу?

— Точно не знаю. Но Мемзен и Л'юнга, все уверены, что он ее создает, или как там еще.

Они забрели в цветник ГиГа. Когда они переехали, Утеха пыталась ухаживать за ним сама. Однако у нее не было ни времени, ни терпения бережно выращивать растения, и поэтому она сажала только краснодревы, хосту и розы. Но из-за отсутствия ухода даже эти довольно стойкие цветы уступили почву вьюнкам, ползучему пырею и молочаю.

Успех присел на каменную скамейку, смастеренную дедом для бабушки, и пригласил Утеху присоединиться к нему. Она помедлила, затем уселась с другого края, повернувшись к Успеху лицом.

— Он слишком тупо себя ведет, чтобы быть кем-то важным, — сказала она. — Как тебе его ляп с кузеном, а не племянником? Или люди в его мире — идиоты?

— Может, он это и хотел сказать. — Успех потянулся вперед и ухватил стебель молочая. — В конце концов, он надел это красное безобразие и не делает никаких попыток притвориться местным жителем.

Он стряхнул с корней грязь и оставил растение сохнуть на земле.

— Что, если он хотел, чтобы я рассказал тебе, кто он такой, и сделал все, чтобы так и получилось? Думаю, он привык идти собственным путем.

— И чего он хочет от нас? — спросила Утеха с ничего не выражающим видом.

— Не уверен, что понимаю. Я думаю, что, может, Мемзен говорила правду: он пришел сюда посмотреть, как его присутствие нас изменит. — Успех покачал головой. — Есть ли в

этом какой-то смысл?

— Необязательно, — сказала Утеха. — Он ведь из внешних миров. А там думают совсем по-другому.

— Может, и так.

Утверждение, что внешние думают очень странно, прививалось им на каждом занятии по уверенности в своих силах. В конце концов, именно из-за странностей мышления Старейшина Винтер нашел Уолден. Но теперь, когда Успех сам встретил внешних — Мемзен, Благородного Грегори и Л'юнгов, — он уже не был так уверен в их странности. Однако сейчас не самое время — обсуждать эту проблему.

— Слушай, Утеха, у меня свои причины рассказывать тебе все это, — сказал он. — Мне нужна помощь. Сначала я думал, он собирается просто притвориться одним из нас и тихо посмотреть на деревню. Но теперь я уверен: он рассчитывает на то, что его раскроют, это даст ему возможность изменить положение вещей. Поэтому я хочу занять его чем-нибудь здесь, подальше от остальных. Это всего на один день. Он сказал, что улетит утром.

— И ты ему веришь?

— Хотел бы. — Успех выбрал одуванчик и выдернул из земли, не повредив длинный корень. — У меня разве есть выбор? — Он оглянулся на домик, но не увидел в окне Благородного Грегори. — Нам лучше вернуться.

Утеха коснулась его руки:

— Сначала нам нужно поговорить о Вике. Успех помолчал, собираясь с мыслями.

— Если ты этого хочешь. — Он изучал корень, словно тот содержал в себе решение всех их проблем. — Наверное, нам даже стоит так сделать. Но это тяжело, Утеха. Когда я был в госпитале, внешние кое-что сделали со мной. Своего рода лечение…

Она стиснула его руку, потом отпустила.

— Мне нужно знать только одно. Ты был с ним до конца. По крайней мере мы так слышали. Ты докладывал о его смерти.

— Она была быстрой, — выпалил Успех. — Вик не страдал. Он готовил эту ложь с первой минуты, как очнулся в госпитале.

— Это хорошо. Я рада. — Утеха с трудом сглотнула. — Спасибо тебе. Но он сказал что-нибудь? Я имею в виду, перед концом.

— Сказал? Что сказал?

— Ты должен понять: когда я вернулась домой, то обнаружила, что Вик изменился. Я пришла в ужас, узнав, что он добровольно записался в отряд, хотя до этого собирался уехать из Литтлтона. Может, и с Уолдена. Он много говорил о том, чтобы уехать к внешним. — Она с такой силой прижала руки к груди,

что, казалось, даже стала меньше. — Он не верил. Ты никому не скажешь об этом. Обещаешь?

Успех закрыл глаза и кивнул. Он знал, что она собиралась сказать. Да и как он мог не понять? И все равно боялся услышать.

Ее голос дрожал.

— Он симпатизировал пакпакам. Не по поводу пожаров. Но он часто говорил, что нам не стоит покрывать каждый дюйм Уолдена лесами. Говорил об уважении…

Без предупреждения из темного уголка его души снова выполз ночной кошмар, *словно какой-то жаждущий добычи хищник. Он преследовал его среди сосновых деревьев. Деревья взрывались фейерверком горящих иголок и веток, жалящих Успеха сквозь одежду. Он задыхался от вони паленых волос. Его волос.*

Но он не хотел снова чувствовать эту вонь. Успех отчаянно пытался вернуться обратно, на скамью в цветнике, к Утехе, но запах затягивал его все глубже в кошмар.

— После сообщения о смерти Вика я пришла в его комнату…

Он кивнул, и, глядя на дрожащее в раскаленном мареве искаженной яростью лицо, Успех на мгновение подумал, что это не мог быть Вик. Вик не предал бы его, ведь так?

— Это был его почерк.

Но тут пришлось выплясывать, спасая пятки от наступающего пламени, и не оставалось иного пути. Не было ни выбора, ни времени. «Факел» простер к нему руки, и Успех, споткнувшись, рухнул в его огненные объятия, сомкнувшиеся с яростным свистом. Почувствовал, как лопается кожа на лице…

И тогда он завопил.

XII

За свои подозрения мы платим,
обнаруживая то, что подозревали.

Генри Дэвид Торо. Неделя на
реках Конкорд и Мерримак

Все говорили, что ему нечего стыдиться, но Успех все равно чувствовал себя жутко опозоренным. Он вел себя не по-мужски. Проявил слабость, потерял контроль. Он не помнил, как оказался на диване в собственной гостиной. Не помнил, кричал ли он или ругался. Или просто обмяк, и его тащили, как мешок с картошкой, по двору в дом. Когда он очнулся от кошмара, в горле у него першило, а щеки горели. Остальные собрались вокруг, стараясь не выказывать беспокойства. Успех даже не знал, что хуже: то, что его слабость видели гости, или то, что ее свидетелями стали друзья и соседи.

Когда он смог сесть, ряды присутствовавших всколыхнулись тревогой, а когда попытался встать, Хитрец твердой рукой прижал его к дивану. Утеха протянула стакан воды. Она была настолько взволнована, что ее руки дрожали. Он выпил немного, скорее желая успокоить остальных, чем утолить жажду. Им нужно было думать, что они действительно помогают, хотя Успех предпочел бы, чтобы они ушли и оставили его одного. Но вот этого они точно не собирались делать.

— Может, мне стоит позвонить доктору Ниссу. — Смех Успеха был легче пепла. — Попросить обратно свои деньги.

— Ты прав. — Стойкий Нгонда просиял от этой мысли, но потом понял, что такой энтузиазм совсем не подобает случаю. — То есть я хотел сказать, может, нам стоит обратиться в госпиталь? — Он посмотрел на видеофон в гостиной. — Они могут что-нибудь посоветовать.

Успех понимал, что посланник с огромной радостью выслал бы его из Литтлтона в надежде, что Благородный Грегори и его спутники тоже уберутся. На мгновение он подумал, что это, возможно, было бы лучшим вариантом. Но нет, на сегодня достаточно унижений.

— Здесь не о чем беспокоиться.

— Хорошо, — сказал Нгонда. — Я счастлив это слышать, Успех. Если ты не против, я обещал Сообществу связаться с ними, когда мы приедем.

Не дожидаясь ответа, Нгонда поспешил на кухню. Тем

временем Благородный Грегори растянулся в кресле, положив ноги на подлокотники, и нетерпеливо листал прошлый номер «Истории в комиксах» от Института Наставнического Искусства, даже не глядя на страницы. Успех подумал, что мальчик выглядит еще более нервным, чем обычно, словно знает, что есть какое-то другое место, где ему позарез нужно находиться. Хитрец Саватди устроился рядом с Успехом. Он положил руки на колени, явно уйдя в себя и время от времени что-то мурлыкая. Может, он думал об удочках или ягодных местах и плюшках с патокой.

— Мне так жаль, Успех, — произнесла Утеха. — Я просто не понимала.

Жена уже в третий раз просила прощения. Она не привыкла так делать, и потому это получалось у нее не лучшим образом. Но ее муки душили его. Ее лицо было бледным, а рот походил на шрам. Что он сказал? Успех не помнил, но это должно было быть что-то ужасное. В глазах Утехи плескалось тихое отчаяние, какого он никогда раньше не видел. Оно пугало.

Успех поставил стакан с водой на стол.

— Послушай, Утеха, тебе не за что себя винить. — Это он потерпел неудачу, в конце концов. — Давай просто забудем, ладно? Я теперь в порядке.

Чтобы доказать свою правоту, он встал.

Хитрец дернулся, но не поднялся, чтобы вновь уложить его на диван.

— Тебе воздуха хватает, мой маленький торопливый воробышек?

— Все нормально, — повторил он, и это было правдой. Время забыть об этом и двигаться дальше. Сменить тему. — Кто хочет посмотреть сад? Счастливчик, пойдешь?

— Если ты не против, — сказал Хитрец, — мои кости не в настроении гулять. Но я приготовлю нам ланч.

— А я пойду, — вызвался Нгонда.

Утеха, очевидно, хотела отпроситься, но чувство вины сделало ее более покладистой.

Они ходили по участку, разговаривая в основном о фермерских делах. Полюбовались садом, проверили заросший сорняками цветник, покопались в сарае, поиграли с гусепсами, пришедшими из большого дома и ходившими за людьми по пятам. Прошлись по границам поля, которое Дар хотел засеять клевером, пока Успех не соберется вновь взяться за хозяйство. Прогулялись до реки Милосердия.

— Мы берем немного воды для орошения из реки, но правом владеют Джорли, так что у нас много воды на протяжении всего года, — указал Успех. — Это лесной пруд, где мы с Утехой

купались, когда были детьми. Отличное местечко, чтобы освежиться утром.

— Так вы с Успехом были соседями? — Благородный Грегори все утро настойчиво пытался разговорить Утеху, но без большого успеха. — Мы выросли вместе, я и все мои друзья. Я надеялся привезти их с собой, но дядя Стойкий Нгонда сказал, что их слишком много. Ваша семья все еще живет на ферме?

— Мама умерла. Она все оставила нам. Теперь умер Вик.

— Да, Успех говорил, что ваш брат был храбрым борцом с пожарами. Я знаю, что вы очень грустите из-за него, но вижу у вас впереди много удачи.

Она прислонилась к дереву и уставилась в небо.

— Когда-то здесь, в этих лесах, был город пакпаков. — Успеху не терпелось отправиться дальше. — Они построили много городов вдоль гряды. Сейчас все заросло деревьями, но мы можем пойти посмотреть на руины.

Благородный Грегори переступил с берега на большой плоский камень, высовывающийся из воды.

— А ваш отец?

— Он ушел, — вяло ответила Утеха.

— Когда они были маленькими, — быстро встрял Успех. Он знал, что Утеха не любила даже вспоминать об отце, не то что говорить о нем с незнакомцами. Парк Нен был женат на девушке из семьи Джорли, но их брак спокойствием не отличался. Сам он был одиночкой, так и не привыкшим к деревенским правилам. — В последний раз мы слышали, что он жил в Свободном порту.

Благородный Грегори стал перебираться через реку, перескакивая с одного выступающего камня на другой.

— Он не был пакпаком? — Мальчик поскользнулся и теперь балансировал на одной ноге, пытаясь удержать равновесие.

— Кто тебе это сказал? — Если раньше Утеха и витала мыслями где-то еще, то теперь явно вернулась на землю.

— Я забыл. — Он вернулся обратно четырьмя большими прыжками. — Это был ты, дядя?

Нгонда нервно облизал губы:

— Я никогда не слышал об этом человеке.

— Тогда, может, это был Успех.

Успех хотел все отрицать, но Утеха его опередила:

— Он об этом не знал. — Ее голос прозвучал излишне резко. — Никто не знал. — Она подошла к мальчику. — Не играй со мной, внешний. — Он попытался отойти, но Утеха пошла следом. — Какое тебе дело до моего отца? Зачем ты здесь?

— Вы сошли с ума? — Нгонда поймал Благородного Грегори, споткнувшегося о камень, и загородил его своим телом. — Это

мой племянник Счастливчик.

— Она знает, друг Стойкий. — Благородный Грегори выглянул из-за спины Нгонды, светясь от возбуждения. — Успех ей все рассказал.

— О нет, — простонал посланник. — Это совсем нехорошо.

— Мемзен дала нам все материалы перед встречей с Успехом, — сказал мальчик. — Кай Саузандфолд должен был выяснить все о тебе. Он тебе понравится; он с Беллвезера. Кай говорит, что очень беспокоится за тебя, друг Утеха.

— Скажи ему, чтобы он не лез не в свое дело. Успех был в ужасе:

— Утеха, прости, я не знал…

— Успокойся, Успех. Эти внешние играют с тобой, потому что ты такой же дурак, как обычно. — Ее глаза блестели от слез. — Я почти не знала своего отца, а то, что знаю, мне совсем не нравится. Возможно, мама была бы до сих пор жива, если б не уехала с фермы, чтобы найти себе мужа.

У нее дрожали щеки. Успех никогда не видел жену в таком волнении.

— Она сказала нам, что бабушка Нена была пакпаком, но уехала с пустошей задолго до рождения моего отца, и он вырос гражданином, как и все остальные.

Теперь по ее лицу текли слезы.

— Не думай, что понял меня, если выяснил что-то о мертвой женщине, с которой я никогда не встречалась. С этими словами Утеха повернулась и на негнущихся ногах пошла обратно к Коттеджу Прилежания.

Она словно съежилась, и Успеху казалось, что летний ветерок мог без труда унести ее с собой, как пушинку. Он знал, что им еще о многом следовало поговорить. Но сначала придется снова научиться слышать друг друга. Когда Утеха скрылась из виду, Успех почувствовал щемящую грусть по их незатейливой юности, когда жизнь и вправду была такой простой, какой ее обещал сделать Старейшина Винтер.

— Я голоден. — Благородный Грегори казался очень довольным собой. — Нам не пора обедать?

После неприлично затянувшегося ланча Успех уже понятия не имел, как уберечь Благородного Грегори от неприятностей. Они успели устать от видов поместья Люнгов, не были только в большом доме. Успех уже подумывал наведаться туда, но решил отложить визит напоследок. Он надеялся провести большую часть дня, осматривая ферму Джорли, но теперь об этом не могло быть и речи. Пока Благородный Грегори изучал домик, рассматривал вещи, спрашивал о семейных снимках, открывал шкафы и

выдвигал ящики, Успех решил, что они могут сделать круг по Литтлтону в грузовичке Хитреца. Тур на колесах, сказал он себе. Никаких остановок.

План работал почти час. Сначала Благородный Грегори, довольный, уселся рядом с Успехом на заднее сиденье грузовика. Пожарный указывал на достопримечательности Литтлтона и бытописал историю деревни. Они проехали по дороге Ламана-Ридж к обзорной башне, с которой был виден центр Литтлтона. Деревню построили колонисты Третьей Волны и заселили победители лотереи 2432 года. В первое время после основания эти двадцать пять семей работали вместе на строительстве центральных зданий: возвели школу, библиотеку, церковь, ратушу и маленькую биржу Литтлтона, где можно было продавать или обменивать товары и услуги. Первые Двадцать Пять жили в бараках, пока не достроили общественные здания, а потом, когда земли были очищены и бригада плотников соорудила домики, сараи и амбары для каждой семьи, переехали на свои участки. Семья Люнгов прибыла через четыре года после приезда Первых Двадцати Пяти. Железную дорогу проложили через три года после этого, и тогда основную деятельность перенесли из центра Литтлтона к железнодорожной станции. Хитрец пересек гряду, и теперь они двигались по проселочным дорогам, окруженным старыми фермами, полями и пастбищами. С безопасного расстояния посмотрели на фермы Велез, Парочет и Тоба, проехали мимо лесного склада на месте слияния рек Милосердия и Быстрой. А потом вернулись на трассу № 22.

Единственный путь к Коттеджу Прилежания лежал через центр Литтлтона.

— Давай подъедем к баракам, — предложил Успех Хитрецу. — Там можно будет хоть ноги вытянуть, — объяснил он Благородному Грегори. — Я покажу тебе, где жили те первые двадцать пять семей.

Напротив лужайки, где обычно проходили собрания общины, находился один из тех самых, первоначальных бараков, который теперь превратили в музей. Его специально держали открытым, чтобы все желающие могли видеть, насколько трудно и убого жили отцы-основатели.

Успех решил, что это лучшее место для остановки: здесь никого никогда не было, только в День основания, День рождения Старейшины и День благодарения.

Центр казался пустым, когда они проехали здание первой биржи. Его переделали в дом для тех жителей, которые не занимались фермерским хозяйством: школьных учителей, доктора Христопулоса и нескольких взрослых, например для

Рады Гэнди. Они видели, как из библиотеки вышла Кукла Грот. Узнав грузовичок, она по-соседски помахала Хитрецу, но, увидев Успеха, начала хлопать в ладоши, подняв руки над головой. Это так порадовало Благородного Грегори, что он встал и стал хлопать ей в ответ. Успеху пришлось схватить мальчишку, чтобы тот не вывалился на дорогу.

Но Кукла оказалась единственной, кто им повстречался, Успех не мог поверить своей удаче. Когда они подкатили к баракам, дорожная пыль накрыла их плотным облаком. Налетевший ветер умчал ее прочь, но не принес облегчения от летней жары. У Успеха рубашка прилипла к спине, там, где он прислонялся к кабине грузовичка. Хотя он не был уверен, потеет ли Благородный Грегори, лицо мальчика совершенно точно покрылось румянцем. Нгонда выглядел так, словно сейчас растает в своем костюме. Погода сыграла на руку планам Успеха. Он надеялся, что после получаса в жарких бараках без вентиляции ему удастся уговорить Благородного Грегори вернуться в Коттедж, чтобы искупаться в пруду. А потом настанет время ужина. И после этого они смогут посмотреть видеофон. Или он научит Благородного Грегори одной из местных игр в карты.

Но Успеху всегда везло на то, чтобы остаться в больших дураках.

Не успел двигатель грузовичка Саватди кашлянуть несколько раз и наконец затихнуть, как Успех услышал звуки толпы. Что-то происходило на поле за зданием школы, как раз за холмом в паре сотен метров. Он попытался запихнуть внешнего в барак, но было слишком поздно. Должно быть, там собралось много людей. Они издавали такой шум, что не услышать их было невозможно.

Благородный Грегори кивнул в сторону школы и улыбнулся:

— Удача с нами. Самое время Мемзен прилететь.

XIII

Когда я вспоминаю тот день, то на ум приходит прежде всего игра в бейсбол на красновато-коричневых полях за холмами у Сонной Лощины.

Генри Дэвид Торо. Дневник, 1856

— Что там? — прошипел Нгонда.

Хитрец стащил с головы мягкую шляпу и вытер лоб.

— Похоже на бейсбольный матч, городские соревнования. На поле были пришельцы Л'юнги. Успех едва справился с приступом тошноты, когда насчитал их целых двенадцать, в пурпурных комбинезонах и черных футболках. Они, должно быть, прикатили в двух фургонах, припаркованных у трибун. А по соседству выстроились в ряд грузовики, мотороллеры и велосипеды из деревни. На трибунах сидели около сотни жителей, и еще двадцать или тридцать стояли у края поля, подбадривая местную команду. Матч Клицци установил навес и столики и теперь поджаривал сосиски на гриле. Рада Гэнди разбила свою палатку единения: Успех мог видеть, как каждый раз, когда кто-то из жителей входил, из палатки выпархивали струйки белого дыма.

Так как многие молодые бейсболисты ушли бороться с пожарами, состав «Орлов Литтлтона» был неполным, поэтому кое-кто из старых игроков решил надеть красную форму и выйти на поле. Ломаный Коваччо только что вступил в игру на стороне хозяев, а еще Успех заметил, что Дар сидел на скамье игроков.

Бетти Шеф Тусолт полировала мяч рукавом и улыбалась Ломаному.

— Куда подать, почтенный старец? — Она должна была подавать мяч Л'юнгам.

Ломаный поднял биту до пояса, показывая ей, куда именно он хотел получить подачу.

— Прямо сюда, юная мисс, — сказал он. — А потом лучше пригнись.

Они играли только на двух частях поля, правой и левой. Усиливающийся ветерок колыхал флажки, прикрепленные к базам.

Бетти кивнула и подала секретную подачу. Она была медленной и очень тяжелой, но Ломаный едва успел ее заметить. Со стороны Л'юнгов Пендрагон Хромлис Фурсифер поймала мяч и

кинула его обратно Бетти.

— Чего он ждет? — проворчал Благородный Грегори. — Это было отлично, — добавил он, проигнорировав ледяной взгляд Успеха.

— В следующий раз, юная леди, просто подай чуть ниже, — сказал Ломаный, вновь показав битой, куда именно следовало бросать. — Скорость отличная, нужно только выбрать направление.

Юная Мелодия Велез сидела на самой вершине трибуны и заметила проходившего внизу Успеха.

— Он здесь! — закричала она — Успех здесь!

Игра замерла, трибуны вмиг опустели. Жители столпились вокруг Успеха, хлопая по спине и пожимая руку. За пять минут он получил поцелуев больше, чем за весь прошлый год.

— Так это еще один из твоих внешних друзей? — Рада Гэнди взяла Благородного Грегори за руку. — Привет, мальчик. Как тебя зовут?

— Я Благородный Грегори с Кеннинга, — ответил он. — Но на Уолдене меня зовут Счастливчиком, поэтому я бы хотел, чтобы вы звали меня так.

Стоящие рядом жители нервно рассмеялись.

— Так ты Счастливчик.

Гэнди Надежда Накуру коснулся розового платка на шее.

— Правда, очень милый шарф? — просиял мальчуган. Успеха все это поразило.

— Но кто сказал вам, что они внешние? — спросил он. — Как они сюда попали? И почему вы играете в бейсбол?

— Их привезла Мемзен, — ответила Мира Тоба. — Она сказала, что, пока вас нет, мы можем поиграть.

— И она была права. — Маленькое Сокровище Парочет коснулась рубашки Успеха. — Успех, она сказала, что ты прилетел на «острове». Как это было?

— Может, в следующий раз ты возьмешь с собой гостя? — поинтересовалась Мелодия Велез, улыбаясь.

Она без особой нежности погладила его по руке. Успех смотрел на редеющую толпу: жители взбирались обратно на трибуны.

— А где Мемзен?

Мира Тоба показала. Мемзен только успела выйти на поле в самом дальнем конце правого поля, как ее поймал Стойкий Нгонда. Он бешено размахивал руками и, казалось, сейчас оторвется от земли и взлетит над полем. Мемзен склонила голову так, что ухо почти касалось плеча. А потом она увидела Успеха. Она звякнула своими кольцами и едва заметно улыбнулась. Люнг

знал, что должен сердиться, но вместо этого чувствовал себя так весело, словно скинул с плеча рюкзак и освободился от формы пожарного. Что бы ни случилось теперь, это уже не его вина. Он сделал для своей деревни все, что мог.

— Так вот что ты от меня скрывал! — рассмеялся отец. — Я так и знал, что что-то не так. Они отличные, твои друзья. Тебе не надо было беспокоиться. — Он обнял Успеха и прошептал на ухо: — Отличные, но странные. Они ведь не останутся, правда? — Отец отодвинулся. — Преуспевающий, нам в игре нужна твоя бита. Эти ребята не промах. — Он указал на Кая Саузандфолда. — Вон у того рука, как пожарный брандспойт.

— Нет, спасибо, — сказал Успех. — Но вот тебе точно нужно вернуться в игру.

Он помахал трибунам.

— Спасибо вам всем, спасибо! — воззвал он к своим поклонникам. Они притихли, чтобы его услышать. — Если вы ждете от меня речи, то выбрали не того фермера. Я просто скажу, что счастлив снова быть дома. Хорошо?

Толпа одобрительно заворчала.

— Тогда играем! — вскричал он, толпа зашумела. — И вперед, «Орлы»!

— А я могу играть? — спросил Благородный Грегори. — Это выглядит весело. — Он затянул потуже ремень на комбинезоне. — Можно? Можно мне тоже играть? У нас на Кеннинге есть все виды бейсбола. Но ведь ваши правила отличаются, верно? Расскажи мне о них.

— К чему это? — Успех начал подозревать, что Благородный Грегори и в самом деле держит его за дурачка. — Ты все поймешь на месте.

Ее светлость Жаклин Кристоф обняла Благородного Грегори за плечи.

— Мяч мягкий, так что перчатки не нужны, — сказала она, увлекая его на поле. — Никаких блоков тоже нет, тебе просто надо попасть мячом в бегущего. Никаких исключений из правил, никаких…

Как только зрители расселись по местам, Успех пробрался к Мемзен и Нгонде. На Мемзен был не комбинезон, а простое зеленое платье с цветочным орнаментом. Светящуюся краску с лица и рук она смыла, а черные волосы забрала сзади в хвост. Но если Мемзен и пыталась не вызвать своим видом подозрения, она потерпела полное фиаско, так как по-прежнему оставалась самой высокой женщиной на планете.

— Поговори с ней, — сказал Нгонда. — У нас было соглашение…

— Которое вы нарушили, — прервала его Мемзен. — Мы договорились, что Благородный Грегори посетит Литтлтон и вы позволите ему создать всю удачу, что вам предназначена. Вы обещали показать ему деревню…

— …под присмотром Успеха, достойнейшая, — прервал ее Нгонда.

Бетти Шеф Тусолт выполнила подачу, и Ломаный наблюдал за тем, как она вновь промазала. С гостями такая игра не годилась.

— Отложи на другой раз, старец! — прокричал кто-то из зрителей.

Мемзен отвернулась от Нгонды и Успеха.

— Как я уже объяснила посланнику, мы с Л'юнгами видим все, что видит Благородный Грегори. Мы знали, что вы познакомили его только с двумя из своих соседей. Вы обещали, что он встретится с жителями деревни, но до настоящего времени всячески изолировали его от них. Ему нужно быть с людьми, Успех. У сараев нет удачи. У людей есть.

— Это было моим решением. Я за него и отвечаю, — сказал Успех.

— А это наше решение. — Мемзен указала на поле. — Ну, как?

Нгонда фыркнул с отвращением:

— Я должен связаться с Сообществом. Отдел Дипломатии пошлет протест в форум Тысячи Миров. — Он отошел на шаг от них, затем повернулся и погрозил пальцем Мемзен. — Это чистой воды нарушение наших правил, достойнейшая. Л'юнги будут отозваны обратно на Кеннинг.

Пока они следили взглядом за уходящим Нгондой, Ломаный отбил подачу. Бетти попыталась поймать, но мяч проскользнул у нее между пальцев и укатился прочь. Маленький Сенатор До-ум схватил его, но не бросил, потому что Ломаный уже держал руку на правой базе.

— Может, мне стоило познакомить Благородного Грегори еще с несколькими людьми. — Успех задался вопросом, влияло ли то, что он стоял слишком близко к Мемзен, на его восприятие. Казалось, сама планета слегка покачивалась, как в тот день, когда они с Лепестком Бенкльман выпили целый литр лучшего яблочного сидра ее матери. — Но почему мы играем в бейсбол?

Мемзен привычно оскалилась: это было что угодно, только не улыбка.

— Кажется, терпимость не особенно ценится гражданами Совершенного Государства. Вас научили, что ваш образ жизни лучше, причем лучше не только жизни пакпаков, но и

большинства культур Тысячи Миров. Или мы неверно поняли ваши книги?

Успех с мрачным видом покачал головой.

— Вот поэтому-то, — она ткнула пальцем в воздух, — посланник Нгонда был абсолютно прав, указав, что прибытие «острова» может напугать некоторых людей. Нам пришлось подыскать менее пугающее средство передвижения, найти оправдание нашему появлению и встретиться с твоими соседями. В процессе поиска мы решили, что лучше всего подойдет бейсбол. Ваши «Орлы» были чемпионами графства Гамильтон всего два года назад и стали вторыми во всем северо-востоке в две тысячи четыреста девяносто восьмом году.

— Вы схитрили.

— Чтобы понять ваши традиции. Твоя деревня гордится своими достижениями в бейсболе. Вы привыкли играть против незнакомцев. И конечно, у нас есть приглашение от Успеха Люнга, героя дня.

Живучка Джайявардена отбила подачу так, что мяч взлетел над головами игроков в центре поля. Кай Саузандфолд отпрянул назад и поймал его через плечо. Ломаный в то время несся к левой базе. В лучшие времена он, может, и сделал бы это, но расцвет его сил пришелся на то время, когда Успех еще ходил под стол пешком. Кай повернулся, присел и метнул мяч. Своим великолепным броском он угодил Ломаному как раз между наплечными пластинами. Двойная игра, иннинг[287] окончен.

— Я вас пригласил? — спросил Успех. — Напомни-ка, когда я это сделал?

— Как — когда? В госпитале, когда мы спасли тебе жизнь. Ты без устали твердил, что Л'юнги не вступят в соревнование с твоими «Орлами». Ты сказал доктору Ниссу, что и представить себе не можешь проигрыш в бейсболе внешним, не говоря уже о горстке детей. И правда, Успех, это было уже слишком. Нам пришлось принять твой вызов, раз уж ты его сделал. Вот поэтому мы и приехали в ратушу и рассказали нашу историю всем встречным. Трибуны были заполнены меньше чем за час.

Успех был впечатлен:

— И вы обо всем этом думали со вчерашнего дня?

— На самом деле план родился за последние несколько часов. — Мемзен замолчала. Теперь она выглядела встревоженной, издала низкий звук, словно *па-па-па-пп-т.* — Есть еще кое-что, что ты должен знать о нас, — сказала она наконец. — Конечно, посланник Нгонда сочтет это нарушением, если узнает, что мы тебе это рассказали. Но он находит нарушения повсюду.

Она наклонилась, и теперь они с Успехом стояли лицом к лицу.

— Я редко думаю обо всем сама, Успех. — (Он пытался не замечать, что ее колени разъехались в разные стороны.) — Чаще всего мы думаем за меня.

Казалось, мир стал качаться еще сильнее. У Успеха было такое чувство, что он легко мог с него свалиться.

— Знаешь, по-моему, я не понимаю то, что ты сейчас сказала.

— Это сложно. — Мемзен выпрямилась. — И мы привлекаем внимание. Я слышу, как несколько молодых женщин шепчутся о нас. Нужно найти более уединенное место для разговора.

Она повернулась и помахала тем жителям на трибунах, которые на нее смотрели. Успех выдавил улыбку и тоже помахал, а потом последовал за Мемзен на холм, к ратуше.

— Нгонда отправил свой протест, — сказала она. — И тот будет немедленно отклонен. Мы уже долгое время поддерживаем связь с форумом Тысячи Миров.

Пока они шли, речь ее стала сбивчивой.

— Они знают, что мы делаем. — Восхождение на небольшой холм заставило ее запыхаться. — Не все миры одобряют. Трудно прийти к согласию. Но у Л'юнгов есть план… начать переговоры между вами… и пакпаками. — Мемзен оперлась на его плечо, чтобы облегчить подъем. — Считаешь ли ты это достойным?

— Может быть. — Сквозь тонкую ткань рубашки он чувствовал тепло ее руки. — Ладно, ладно, да, считаю. — Он подумал, что это, может, была очередная хитрость. — Но кто вы такие? Кто такие Л'юнги? Почему вы это делаете?

— Немного терпения.

На вершине холма ей пришлось остановиться, чтобы восстановить дыхание. Наконец она сказала:

— Ты говорил с Благородным Грегори о гусепсах?

— Сегодня утром, в грузовике.

— Это было поручение Л'юнгов. Пойми, мы не верим, что у гусепсов есть интеллект в прямом смысле этого слова. Возможно, с самого начала результаты теста Пикая были верными. Но если обнаружится, что они стали умнее, мы смогли бы оправдать этим свое пребывание здесь перед форумом Миров. Потребуется очень деликатная политика, чтобы подвести споры к тому решению, которое предлагают Л'юнги. Путь трудный, но не невозможный. Форум не обладает реальной силой, чтобы вмешаться в дела своих миров-членов, и потому ваш Старейшина Винтер может творить на планете то, что ему угодно. Но он зависит от хорошего мнения о нем Тысячи Миров. Когда мы здесь закончим, Л'юнги предложат организовать для гусепсов заповедник, где они смогут

жить в естественных условиях.

— Но здесь не осталось естественных условий. Пакпаки все уничтожили.

— Да, но экологические ниши можно воссоздать. — Она указала на газон, простирающийся перед ними, на розовые клумбы, опоясывающие его, и деревья, дающие ему тень. Их листья трепетали в полуденном зное. — И ты сам это отлично знаешь.

— Но как сохранение гусепсов связано с пакпаками?

— Давай уйдем в тень, пока совсем не растаяли.

Мемзен повела его к скамье, стоящей под елью. Она тяжело опустилась на нее, а Успех остался стоять. Теперь он смотрел на женщину сверху вниз. Шее явно стало лучше.

— Сохранение создает прецедент. — Мемзен звякнула кольцами. — Чтобы все организовать, нужно поставить под контроль рост лесов, а это, в свою очередь, означает, что Совершенное Государство не сможет распространяться по Уолдену. До настоящего момента ваше Сообщество отказывалось обсуждать этот вопрос. И потом встанет проблема, где именно разместить гусепсов. Вам с пакпаками придется сесть за стол переговоров и решить. Вместе. Имея в виду некоторую ненавязчивую поддержку форума, не секрет, к какому результату приведут переговоры.

— Но мы не можем! — Успех смахнул пот со лба. — Совершенное Государство было основано, чтобы люди могли жить отдельно и оставаться верными самим себе. Пока пакпаки живут здесь, мы всегда будем находиться под угрозой вторжения извне.

— Ваше Совершенное Государство — это неоднозначный эксперимент. — Грусть появилась на ее лице, и она издала уже слышанный Успехом звук «па-па-па-пт-т». — Нам всегда было интересно, может ли человеческое общество существовать в изоляции и неведении. Успех, ты правда веришь в простоту или просто не знаешь ничего лучшего?

Интересно, использовала ли она какие-нибудь внешние технологии, чтобы влезть ему в душу. Успех чувствовал себя так, словно побывал на допросе.

— Я верю. — Как и она перед этим, он показал на общинные земли Литтлтона, зеленые, словно сказочный сон. — Я не хочу, чтобы мою деревню смело с лица земли. Пакпаки однажды уже разрушили этот мир.

— Да, это может случиться, если вы и ваши дети так решат, — сказала Мемзен. — У нас нет ответа для тебя, Успех. Но вопрос в том, нужно ли защищать вас, как гусепсов, достаточно ли вы сильны, чтобы держаться своих убеждений, не важно, кто

их оспаривает.

— Это твой план спасти Уолден? — Он ступил на траву. — Это и есть та удача, ради которой Благородный Грегори проделал весь этот путь?

— Она ли это? — Мемзен откинулась на спинку скамьи и посмотрела на крону ели. — Может, и она.

— Каким же идиотом я был. — Успех не мог скрыть горечи. Если она хотела его использовать, по крайней мере могла бы в этом признаться. — Ты, и Благородный Грегори, и Л'юнги, вы все прилетели извне с великими планами преобразований, собираясь решить проблемы других людей. — Он начал ходить туда-сюда перед скамьей. — Вы что-то вроде супергероев, так ведь?

— Л'юнги собрались вместе, чтобы научиться друг у Друга искусству управления, — терпеливо сказала Мемзен. — Иногда они путешествуют, но по большей части остаются с нами на Кеннинге. Конечно, они обладают политической силой в форуме именно из-за того, кто они такие. Но их цель заключается не в действии, а в основном в учебе. Потом, еще через несколько лет, они разлетятся, вернутся в свои миры, чтобы испытать свою удачу. И когда придет время нам пожениться…

— Пожениться? Кому с кем?

— Мне и Благородному Грегори, конечно.

— Но он же еще ребенок.

Должно быть, Мемзен услышала смятение в его голосе.

— Он довольно скоро дорастет до своей удачи, — сказала она с прохладцей в голосе. — Я была избрана Двадцать второй Мемзен своей предшественницей. Она годами разыскивала меня во всей Тысяче Миров.

С тяжелым вздохом она поднялась и теперь снова возвышалась над ним.

— Мемзен дарована двойная удача: быть женой одного Благородного Грегори и матерью другого. — Теперь в ее голосе звучали торжественные нотки, будто она читала заранее отрепетированную речь. — И я ношу в себе мою предшественницу и еще двадцать душ до нее. Все они хранятся в моей памяти. Так мы можем всегда служить Благородному Грегори и советовать Л'юнгам.

Успех пришел в ужас от того, до какой степени он не понимал эту женщину.

— Умершие… Они… внутри тебя?

— Не умершие, — возразила она. — Сохраненные. Тревожный гудок автомобиля прервал их. Из-за угла выехал грузовик и направился прямо к входу в ратушу. Суровый Сукульгунда собственной персоной распахнул дверцу прямо на ходу и

стремительно выскочил наружу. Успех встал:

— Что-то не так.

Он направился к грузовику и дошел до статуи Старейшины Винтера на высоком пьедестале, когда Суровый выбежал из дверей ратуши. Увидев Успеха, он бешено замахал руками.

— Где все?! — кричал он. — Никто не отвечает!

— Играют в бейсбол. — Теперь Успех уже бежал. — Что стряслось? Что?!

— Бейсбол?! — Он так вытаращил глаза, будто задыхался. — Южный склон Ламаны… горит… все горит… Весь лес горит!

XIV

Я медленно шел по лесу к мысу, взобрался на самый большой камень и уселся там, наблюдая за распространением пламени, которое быстро приближалось ко мне и уже было в миле от того места, где зародилось. Теперь я слышал звуки далекого колокола, подававшего сигнал тревоги, и знал, что весь город несется сюда. До сих пор я чувствовал себя виноватым. Не было ничего, кроме стыда и сожалений. Но теперь я обдумал все и сказал себе: «Кто эти люди, называющие себя хозяевами леса, и как я связан с ними? Я поджег лес, но не сделал ничего дурного, а теперь похоже, что его подожгла молния. Это пламя питается своей естественной пищей». Так я все обдумал и встал, чтобы понаблюдать за языками пламени. Вид был потрясающий, но я остался единственным, кто наслаждался им. Огонь уже достиг основания мыса и теперь омывал его с обеих сторон. Впереди него в слепой спешке неслись белки, в сердце дыма бросались голуби. Огонь воспламенял сосны, и те загорались мгновенно, словно были из пороха.

Генри Дэвид Торо. Дневник, 1850

Когда поступил сигнал тревоги, большая часть добровольной пожарной команды Литтлтона играла в бейсбол. Они бросились к кирпичному пожарному депо, а за ними последовали почти все зрители. Они столпились в здании ратуши, пока огнеборцы в спешке натягивали форму. Обычно их было шестнадцать. Но сегодня вместе с Успехом к ним присоединились Воля Самбуса, Яркий Айоб, Благо Бандаран и Шеф Кери Миллисап.

Помощником начальника отряда обычно был Дар. В отсутствие сына именно он вел добровольцев на борьбу с пожарами. Несмотря на протесты Успеха и заявления, что он простой наблюдатель за дымом, первым решением добровольцев стало назначение его действующим главой подразделения.

Как любой отряд небольшого населенного пункта, пожарная команда Литтлтона обычно откликалась на звонки о возгораниях в домах и ближайших окрестностях, а также о несчастных случаях всех видов, но теперь именно им пришлось тушить значительно больший пожар. У них была всего одна пожарная машина с насосом мощностью три тысячи литров в минуту и баком на пять тысяч литров воды. Еще она везла пятидесятиметровый брандспойт шестидесяти сантиметров диаметром, пятнадцатиметровый шланг насоса и десятиметровую механическую лестницу. Если пожар и правда был таким большим, как рассказал Суровый, машина № 4 поможет при пожаре так же, как веник.

Успех подавил желание загрузить свою команду в грузовик и броситься на тушение пожара. Нужно было побольше узнать, прежде чем кидать в бой свои скудные войска. Пока подоспеют отряды из соседних деревень, пройдет не меньше часа, и пожарные, возможно, не покинут Литтлтон аж до ночи. Дар разложил на длинном столе в пожарном депо карту, и остальные встали вокруг плечом к плечу, улыбаясь. Внутрь пробралась Рада Гэнди, зажгла евхаристию и тихо выскользнула наружу, когда собравшиеся принялись обсуждать, какой вред деревне может причинить пожар. Потом они засыпали Сурового вопросами о том, что он, собственно, видел. Сначала он изо всех сил пытался ответить, но пережитое выбило бы из строя и более сильного мужчину. Когда на него насели, он замкнулся в себе.

Сукульгунды жили к западу от Люнгов, выше по склону Ламаны. Они приехали в Литтлтон позднее остальных, и потому часть их полей образовала террасы на склоне горы. Они располагались примерно в четырех километрах к северу от Общины, в самом конце запущенной Январской дороги, больше похожей на «американские горки». Суровый утверждал, что пожар спустился на нее со склона и двигался на восток. Сначала он сказал, что, когда уезжал, пламя было где-то в километре от фермы, но потом передумал и сообщил, что огонь уже буквально пожирал его сарай. Это было мало вероятно, потому что сильный восточный ветер повернул бы огонь в противоположном направлении, как раз к фермам Эццатов и Миллисапов, а в конечном счете — к Херрерасам и Люнгам.

Успех вздрогнул, представив, как пламя ревет в саду ГиГа. Но

соседи рассчитывали на него, так что пришлось загнать подальше свой страх.

— Если ты говоришь правду, — подвел он итог, — это может означать, что огонь был разведен намеренно и поджог хорошо спланирован. И что тот, кто хочет причинить нам вред, все еще там.

— «Факелы» в Литтлтоне? — засомневалась Живучка Джайявардена. — Но мы очень далеко от пустошей.

— Как и Двойной Рассвет, — сказал Дар. — Или Уилрайт.

— Я об этом ничего не знаю. — Суровый Сукульгунда сорвал с головы шляпу и начал крутить ее в руках. — Знаю только, что нужно прекратить трепать языками и что-нибудь сделать.

— Сначала нам нужно точно определить, где пожар начался. Для этого надо поехать по дороге через гряду Ламаны. — Успех пытался вспомнить то, чему его учили на сборах. — Если огонь не перепрыгнул через дорогу и пошел вниз по северному склону, тогда мы можем использовать дорогу как линию обороны. А когда придет подкрепление, мы пошлем его на восток, через гору, к истоку пожара. Именно так дует ветер. — Он посмотрел на остальных, чтобы увидеть, согласны ли они. — Нам нужно заботиться прежде всего о восточной части.

— Почему это? — разъярился Суровый. — Потому что ты там живешь? Это мой дом сейчас…

— Заткнись, Суровый, — сказала Мира Тоба. — Вдохни причастия и думай не только о себе.

Ни одна из ферм, расположенных как раз по пути распространения пожара, не была полностью очищена от деревьев. Каноны простоты требовали, чтобы жители просто возделывали столько земли, сколько им нужно. Фермеры по всему Уолдену оставляли деревья, чтобы защищать почву от ветра. Вырубать леса — потворствовать эрозии. Но сейчас Успех думал обо всех этих соснах, тсугах, можжевельнике, наполненных смолой и маслами, растущих бок о бок с лиственными породами, в лесах, где он играл ребенком. На реке Моту он видел, как в мгновение ока воспламенялись сосны. И потом, оставались ведь еще горы веток и всякого хлама, который каждый фермер бросал жариться на летнем солнце.

— Если дела пойдут плохо на востоке, нам, возможно, придется передвинуть линию обороны аж до дороги Голубая Долина. — Успех провел пальцем по карте. — Конечно, линия будет не столь эффективна, как горная дорога, но мы можем ее улучшить. Возьмите Бандаранов и Саватди и сгребите все ветки, сучья, листву и всякую мелочь в лесу на западной стороне. Потом прочешите всю дорогу. Я хочу видеть полосу свежей земли, по

меньшей мере три метра шириной на протяжении всей дороги.

— Преуспевающий, — негромко проговорил Дар, — ты ведь не отдашь все это огню?

Он очертил на карте область четырех ферм, находившихся под угрозой. Заканчивая черным квадратиком, обозначающим Коттедж Прилежания, Успех коротко взглянул на отца, затем отвел взгляд, смущенный тем, что увидел. Одаренный Люнг выглядел столь же отчаявшимся, как и Суровый Сукулыунда. Может, и больше, если думал, что только услышал, как сын вынес приговор делу всей его жизни. Впервые в жизни Успех почувствовал себя так, словно он был отцом, а Дар — сыном.

— Нет. — Он попытался подбодрить отца улыбкой. — Это только крайний вариант. Я надеюсь, что мы сможем вырубить полосу от озера Слот по всему берегу реки Милосердия. Там дикие леса, и если огонь распространяется очень быстро, нам может не хватить времени, но если мы удержимся на этой линии, то спасем Миллисап, Джорли и нас.

Он не сказал, что, даже если этот рискованный план сработает, ферма Эццатов все равно будет потеряна.

— Но сейчас огонь ближе к моей ферме, чем ко всем остальным, — сказал Суровый. — И ты сам говорил, что там может сидеть какой-нибудь маньяк-самоубийца и ждать, пока не заберет мой дом с собой в пекло.

Успеха раздражало вмешательство Сурового, оно мешало ему сосредоточиться.

— Мы можем послать к тебе пожарную машину, Суровый, — сказал он. — Но я не знаю, будет ли от этого толк, ведь у тебя на ферме нет ни одного пруда, разве не так?

— И что с того?

— В пожарной машине воды только пять тысяч литров. Этого не хватит, если твой дом загорится.

— Мы можем протянуть шланг к его колодцу, — предложила Живучка. — Качать оттуда.

— У тебя есть колодец? — спросил Дар. — А глубина какая?

— Четыре метра.

— Мы его осушим прежде, чем сделаем хоть что-то полезное для тебя, — заключил Дар.

— Нет, — вмешался Успех. — Он прав. Мира, ты, Десяток и Верняк поедете на машине к Сукульгунде. Вы сможете оградить и нашу западную границу. Расчистить полосу шириной метр так далеко по склону, насколько удастся. Смотрите, нет ли «факелов». Не думаю, что огонь пойдет в вашу сторону, но если так случится, будьте готовы, понятно? Сразу же бросайтесь к видеофону и сообщите нам, как только что-то изменится.

— Мы сообщим, когда доберемся туда, — сказала Мира, в то время как ее команда отправилась за обмундированием.

— Живучка, ты с остальными сделаешь все возможное на реке. Может, нам придется открыть ответный огонь, так что поддерживай со мной связь. Как много у вас «жидкого огня»?

— По крайней мере двадцать гранат. Может, больше. Но огненных бомб нет.

— Тогда принеси бензин, возможно, он вам пригодится. Расположи своих людей между жителями и пожаром, понимаешь? И отходи, если станет чересчур жарко. В этом году мы потеряли слишком много друзей. Я не хочу, чтобы еще кто-нибудь сгорел. ДиДа, нам с тобой придется найти дорогу на гребень…

Его прервал шум толпы, собравшейся прямо у пожарного депо. В замешательстве Успех нахмурился. Они ведь не могут там все еще играть в бейсбол, правда? Тогда он подумал, что, может, пожар сменил направление. Спустился по склону лавиной пламени, чтобы стереть с лица земли центр Литтлтона, и *ничего нельзя было сделать. Там, в объятиях кошмара, не было ни огнетушителя, ни огнеупорного костюма*. Успех вздрогнул. Он не был готов руководить, решать, что можно спасти, а что оставить огню. Он был слаб, а его душа потерялась во мраке, и *он знал, что не должен бояться. Он был ветераном борьбы с огнем, но страх все равно пронизывал его.*

— Сынок, ты в порядке? — Отец положил руку ему на плечо. *Пламя лизало валуны и опаляло те самые деревья, которые он поклялся защищать.*

— ДиДа, — прошептал Успех, приблизившись к отцу так, чтобы больше никто не услышал его слов, — что, если я не смогу его остановить?

— Ты сделаешь все, что в твоих силах, Преуспевающий, — ответил Дар. — Все это знают.

Когда они выбежали из пожарного депо, то увидели клубы смога на северо-западе. Но не зловещий дым привел в ужас толпу, все еще выливавшуюся из ратуши. Прямо над ними нависла тень, и даже в пекле этого кошмарного утра Успех почувствовал озноб.

Беззвучно, словно призрак, в сердце Литтлтона приземлился «остров» Благородного Грегори.

XV

Люди приходят на пожар из жажды развлечений. Когда я вижу, как жадно они бегут на огонь в любую погоду, днем и ночью, тянут пожарные машины, то удивляюсь, сколь благой цели может служить возбуждение.

Генри Дэвид Торо. Дневник, 1859

— Существует большая разница между огнем в подлеске и огнем в кронах, — сказала Пендрагон Хромлис Фурсифер собранию Л'юнгов в недрах «острова». — Поверхностный огонь движется по корням, по земле, прожигает себе дорогу в подлеске. Она читала записи, пролистывающиеся на ее запястье.

— Постой, скажи еще раз, что такое «подлесок»? — спросила ее светлость Жаклин Кристоф, младшая из Л'юнгов.

Мемзен щелкнула пальцами:

— Не перебивай, Жаклин. Если у тебя есть вопросы, задашь их позже. — Она кивнула Пенни. — Продолжай, Пендрагон. Ты проделала отличную работу.

— Подлесок — это трава, кусты, мертвые листья, упавшие деревья и все такое. Так что в том или ином случае огонь может распространяться по поверхности быстро или медленно. Но если пламени удается дотянуться до крон деревьев, то оно почти всегда несется по лесу крайне быстро. Так как у Совершенного Государства нет технологий, чтобы остановить такой огонь, Успеху придется дать ему выгореть самому. Если вы посмотрите сюда…

Группа приблизилась, чтобы все увидеть.

Успех не мог не слушать Пенни большую часть времени, хотя Дар и злился на Л'юнгов. Мемзен объяснила, что к полету на Уолден Пенни готовилась по теме «лесные пожары».

«Остров» не был полностью защищен от того, что происходило снаружи. Когда они пронеслись сквозь клубящуюся колонну дыма, пепла и раскаленных углей, воздух внутри корабля стал отдавать горькой вонью пожара. Это впечатлило Л'юнгов. Рассматривая вид за видом и бродя по «острову», они переговаривались:

— Смотри, вот там. Чувствуешь? А здесь еще сильнее!

Они сделали прозрачной большую часть обшивки, чтобы рассмотреть пожар. Оставили только маленький кусочек три метра шириной — уступка Дару и Успеху. Казалось, Л'юнгам был абсолютно чужд страх высоты. Успех гордился тем, как Дар держался во время своего первого полета, особенно потому, что его самого подташнивало, когда он смотрел прямо вниз, на гряду в пятнадцати сотнях метров внизу.

Со своего места Успех точно видел, что именно нужно сделать, чтобы сдержать пожар, и понимал, что средств для этого у него нет. Взглянув на север, он с огромным облегчением увидел, что огонь все еще не перебрался через горную дорогу и не ударил по фермерским землям на далеком склоне. Если ветер не сменит направление и не появятся новые очаги возгорания, то ему удастся удержать огонь в долине Литтлтона. Но для этого понадобятся дюжины тренированных борцов с огнем на склоне, чтобы защищать дорогу так долго, как только возможно. Он видел, что на западе пожар подошел почти вплотную к ферме Сукульгунды. Но это, судя по всему, был просто поверхностный огонь, который уже начал угасать. У Миры с командой на машине № 4 не должно возникнуть проблем с его тушением. Потом он передвинет их на гряду, но трех человек и одной древней пожарной машины будет недостаточно, чтобы погасить стену огня шириной два километра.

— Те более темные участки леса, что вы видите, — это вечнозеленые деревья, лучшее топливо для огня, — сказала Пенни. — Если они загорятся, огонь станет намного сильнее. Столб дыма, который мы наблюдаем, именно оттуда.

Положение на востоке и юге удручало. Огонь распространился гораздо дальше по склону, чем рассчитывал Успех. С тренировок он помнил, что пожар предположительно распространяется вверх по склону быстрее, чем вниз. Но зарево на севере, юге, вниз ли по склону, вверх ли, казалось совершенно одинаковым. Как только первые команды доберутся до района Доброго Предзнаменования и Высокого Моста, им придется развернуться на хребте, чтобы защитить общинные земли и фермерские угодья.

На восток неслось верхнее пламя, а над ним расстилалось зловонное облако дыма, на километры выше «острова». Когда Успех дал Эццатам и Миллисапам время спасти все, что только они смогут вытащить из своих домов, он думал, что они все успеют. Теперь же он понял, как ошибся. Он связался с обеими семьями по видеофону и сказал, что им нужно убираться немедленно. Веселье Эццат завыла, что уже видит огонь, спускающийся прямо на нее. Успех попробовал связаться с

Утехой, предупредить, что ее ферма на пути огня, но ему по-прежнему никто не ответил.

— ДиДа, — мягко сказал Успех. Он боялся этого момента с тех пор, как понял истинные размеры пожара и его направление. — Думаю, нам надо отозвать Живучку и ее людей подальше от реки к дороге Голубая Долина.

Он мысленно подготовился к гневу, скорби и упрекам.

— Нет времени для расчистки линии, — продолжил он. — По крайней мере такой, какая остановит этот пожар.

— Думаю, ты прав, — отозвался Дар спокойно, словно они обсуждали, какие деревья стоит подрезать. — Это просто, не так ли?

Все еще мучаясь, Успех обнял отца.

— Прости меня, ДиДа. — Он и не помнил, когда в последний раз был так близок с отцом, и не удивился, что Дар не ответил на объятие. — Послать кого-нибудь в дом? — спросил он, отпустив отца. — Чтобы собрать вещи? Бумаги, мебель — еще есть немного времени.

— Нет. — Дар повернулся и приложил руку к прозрачной оболочке «острова». — Если я сделаю подобную глупость, ферма точно сгорит. — Он закрыл лицо руками, словно скрываясь от сияния. Но полуденное солнце, скрытое клубами дыма, казалось лишь слабым отблеском.

Успех закрыл глаза. Так крепко, что на мгновение почувствовал, как пульсирует кровь в висках.

— Мемзен, — позвал он прерывающимся голосом, — можешь высадить нас у дома Саватди?

Успех встретил большее сопротивление от Живучки, чем от собственного отца. Он десять минут убеждал ее, что сооружение преграды вдоль реки не только бесполезно, но и опасно. У него ушли все силы на этот спор. Когда он упал рядом с Даром в одно из кресел, что Мемзен вытащила из «острова», заверещал видеофон. Успех застонал, боясь, что это опять Живучка с новыми аргументами.

— Преуспевающий Люнг? — раздался женский голос.

— Да, говорите.

— Я командир Деяние Адула, Четвертый инженерный отряд. Мои люди расквартированы в Лонгвоке, но мы услышали о том, что у вас творится, и теперь направляемся к вам. Мы будем в Литтлтоне через полчаса. Как я понимаю, вы на «острове». Что видите?

Командир Адула проявила недюжинную оперативность. Она начала с вопросов, а закончила указаниями. Ее подразделение

двигалось на четырех машинах с тридцатью семью пожарными, но без тяжелого обмундирования. Адула одобрила решение Успеха остановить пожар на дороге Голубая Долина и прямо во время разговора направила одну половину своих людей к гряде, а вторую — в помощь Живучке на дороге Голубая Долина. Она велела местным пожарным из Доброго Предзнаменования и Высокого Моста копать траншеи для защиты общинных земель и посоветовала Успеху остаться в «острове», где он мог бы контролировать ситуацию сверху и сообщать ей обо всех изменениях.

Когда они закончили разговор, Успех вновь рухнул в кресло. Он был рад, что Адула одобрила его планы по борьбе с огнем и на нем больше не висит громадная ответственность.

— Отряды? — спросил Дар.

— Четвертый инженерный. — Он закрыл видеофон. — Они расположились в Лонгвоке.

— Вот это я называю удачей.

— И правда удача, — согласился Успех. Он заметил, что Благородный Грегори шептал что-то Мемзен. — Как ты, ДиДа?

— Знаешь, я никогда не видел океан. — Дар моргнул, глядя сквозь прозрачную обшивку на лес внизу. — Твоя мать хотела, чтобы я отвез ее туда, я тебе это говорил?

— Нет.

— Она частенько спрашивала: мы владеем фермой или она владеет нами? — Отец издал низкий звук — полусвист-полустон. — Интересно, она до сих пор живет в Провиденсе?

Успех не знал, что сказать. Дар нахмурился:

— Ты никогда не пытался связаться с ней?

— Нет.

— Если когда-нибудь попытаешься, скажешь мне?

— Конечно.

Дар кивнул и вновь издал тот же свистящий звук.

— Такой большой пожар отличается от поверхностного огня, — сказала Пенни. — Он настолько жаркий, что создает условия, благоприятные для дальнейшего распространения пламени. Это называется конвекционным столбом. Внутри столба накапливаются пузырьки раскаленного воздуха. Просто мы не можем этого видеть. Но снаружи менее горячий дым спускается на землю.

— Да, *вот именно,* — указал Благородный Грегори, явно взволнованный. — Посмотрите на вершину, справа от дыма. Она словно поворачивается вокруг своей оси.

— Здорово, — заметил Кай Саузандфолд. — Помните те газовые скульптуры, которыми мы играли в Блимминее?

— Но это создает проблемы для Успеха и его борцов с огнем, — сказала Пенни. — Это как труба, плюющаяся искрами и смолой высоко в атмосферу. Они могут упасть где угодно и начать новый пожар.

— Кто-нибудь умрет? — спросил Сенатор Доум.

— Мы надеемся, что нет, — сказала Мемзен. — Успех делает все, что может, и помощь уже в пути.

— Ты разве не хочешь, чтобы она наконец замолчала? — пробормотал Дар, наклоняясь к Успеху. — Это ведь не занятия для глупых школьников. Они смотрят, как внизу горит наша жизнь.

— Они внешние, ДиДа. Мы не можем их судить.

— И откуда она знает так много о том, как мы боремся с пожарами? Посмотри на нее, она же просто ребенок.

Этот факт тоже тревожил Успеха, причем выкинуть его из головы становилось все труднее и труднее. Когда Л'юцги успели провести столько исследований? Они прилетели через день после его разговора с Благородным Грегори. Или они знали наперед о том, что случится, еще до того как попали на Уолден? Было ли это частью их плана?

— Мемзен сказала, что они особенные, — ответил он.

— Успех, — Благородный Грегори знаком попросил его подойти, — посмотри на это.

Он приблизился к Люнгам. «Остров» снизился до тысячи метров и сейчас кружил над фермой Джорли.

— Там, — указал Благородный Грегори на лес, по которому они ходили этим утром, смесь твердых и мягких пород: березы и дуба, тсуги и сосны. Из центра всего этого в небо поднималось три струи серого дыма.

— Это местные возгорания, — сказала Пенни, — вызванные падающей смолой.

Успех не мог в это поверить. Он вообще не беспокоился о таких возгораниях и теперь метался с одного конца «острова» на другой, чтобы посмотреть на них. Но он решил, что прошло еще недостаточно времени, чтобы горящая смола начала падать вниз. Колонна дыма и огня возвышалась по крайней мере на пять километров над долиной. Он уставился на струи дыма, поднимающиеся из леса его детства с тошнотворным страхом. Справа налево они постепенно уменьшались. Три пожара, один за другим, это означало, что их, возможно, развели намеренно. В чем состоял его долг? Он не сомневался в том, что его мотороллер все еще стоит в сарае у Коттеджа Прилежания. Он мог взять его, времени хватило бы, чтобы успеть до прихода огня. Дар мог бы наблюдать за продвижением пламени для командира

Адулы. Кроме того, если внизу все еще оставался кто-то, кто развел эти…

Кто-то.

— Мемзен, — сказал он, — я передумал.

«Остров» смог зависнуть над ближайшим к Коттеджу Прилежания незанятым полем. Успех отступил, когда в полу открылось отверстие и к земле, к клеверу, будто металлический язык, потянулся трап. Стоящий рядом с Успехом Дар улыбался. Что смешного нашел в этом отец?

— Мы можем остаться здесь и подождать тебя, — предложила Мемзен. — Если у тебя возникнет проблема, мы придем.

— Нет, деревья все равно вам помешают, — возразил Успех. — Лучше вы возьмите с собой Дара, чтобы он держал связь с командиром Адулой. — «Остров» вздрогнул от порыва ветра, вызванного пожаром. — Кроме того, опасно задерживаться здесь. Вам нужно защищать себя.

— Это так волнующе! — Ее светлость Жаклин Кристоф захлопала в ладоши. — А ты взволнован, Успех?

Мемзен повернула девочку и подтолкнула к остальным Л'юнгам.

— ДиДа? — Успех хотел обнять отца, но остановился, чтобы вручить ему карманный видеофон. — Когда позвонит командир, скажи, что, я думаю, у нас тут «факел» и я буду искать его на земле. Потом просто опиши ей, как выглядит пожар.

— Хорошо. — Теперь отец широко улыбался. — Я готов.

— Отлично. Мемзен, спасибо тебе за помощь.

— Береги себя. — Она звякнула своими кольцами.

Успех протянул руку Благородному Грегори, но тот бросился вперед и обнял его. Успех был ошеломлен, почувствовав на щеке поцелуй мальчика.

— Я не вижу больше удачи для тебя, друг Успех, — пробормотал он. — Не трать ее.

После прохлады «острова» нелегко было окунуться в жару. Горячий ветер, порывистый, неровный, трепал Успеху волосы и хватал за рукава рубашки. Успех задержался на нижней ступеньке, чтобы обдумать следующий шаг и набраться храбрости. Подушка дыма закрыла солнце, пропуская на землю лишь призрачный серый свет полночных звезд, словно пришедший из худших ночных кошмаров.

— Милая у нас тут погодка, — отметил Дар.

— ДиДа, что ты делаешь? — Успех в ужасе обернулся. — Вернись внутрь.

Дар шутливо салютовал ему.

— С каких это пор ты отдаешь приказы на этой ферме, сынок?

— Но ты должен, ты не можешь… — Он чувствовал себя глупым мальчишкой, притворявшимся взрослым и застигнутым отцом. — Кто-то должен говорить с землей. Командир должна знать, что происходит с пожаром.

— Я отдал видеофон твоему другу-всезнайке, Пенни. Она все доложит Адуле.

Трап начал втягиваться обратно.

— ДиДа, то, что я собираюсь сделать, слишком опасно. — Лицо Успеха горело. — Ты не пойдешь, понимаешь?

— И не планировал, — усмехнулся Дар. — Даже в голову не приходило.

Успех в бессильной ярости смотрел, как закрылся люк.

— Тогда просто загрузи все, что хотел, в машину и уезжай. У тебя есть где-то двадцать минут, прежде чем тут станет слишком жарко.

«Остров» поднялся над полем, но потом замер — темное пятно в яростном небе.

— Смотри, что ты наделал, — простонал Успех.

— Не беспокойся, они не будут дожидаться, пока станет слишком опасно. — Дар хлопнул его по спине. — Не знаю, как ты, а у меня есть кое-какие дела.

— ДиДа, что ты?.. — Успех сомневался, стоило ли оставлять отца одного, пока он так решительно настроен. — Будь осторожнее.

Одаренный Роджер Люнг не славился чувством юмора, но сейчас рассмеялся.

— Преуспевающий, если б мы были осторожными, то летели бы сейчас в небе вместе с твоими странными маленькими друзьями. — Он указал вверх. — Время пользоваться случаем, сын.

Он повернулся и направился к большому дому, не оглядываясь.

Успех знал эти деревья. Они с Виком и Утехой провели немало времени в их прохладной тени, воображая себя пиратами, пришельцами или феями. Они играли в королеву и замок в руинах пакпаков, представляли себя членами команды Мороба, впервые открывающими для себя странный новый мир. Они прокладывали тропинки к секретным местечкам и строили укрытия из веток дуба. Когда им с Виком было по одиннадцать лет, они даже соорудили домик на дереве, с настоящими стенами и крышей. Правда, Дар велел им разобрать строение, потому что, как он сказал, оно было слишком опасным. В том лесном доме

Успех впервые в жизни целовался. Там Вик позволил своей старшей сестре поцеловать своего лучшего друга. Утеха, однако, не проиграла, потому что в ответ потребовала, чтобы Вик тоже поцеловал Успеха. Отпрянув после поцелуя, Вик так ущипнул его за руку, что потом долго не проходил синяк.

Лес был темным и неестественно тихим, пока он шел по тропе, идущей мимо Медвежьего камня и Трона Елового короля. Успех не слышал ни пения птиц, ни жужжания жуков. Казалось, деревья сами прислушивались к треску огня. Впервые почувствовав запах дыма, Успех остановился, медленно повернулся и принюхался, пытаясь определить источник. Похоже, дым шел с севера. Это значило, что еще оставалось время продраться сквозь кусты и пересечь Великое болото гусепсов, которое никогда не было Великим и высыхало каждое лето. Он задумал подойти к самому маленькому из огней, которые видел с «острова». Он знал, что почти добрался, когда с неба начал идти огонь.

Большая часть сыпавшегося была пеплом, но попадались и угли, и горящая смола, жалившие незащищенную кожу лица и рук. Люнг провел рукой по волосам и побежал. Не в панике — просто чтобы избежать болезненных укусов. Справа он увидел отблески одного из возгораний. И да, теперь он расслышал в отдалении так хорошо знакомые ему треск и свист. Пожар разгорался в подлеске, Успех был в этом уверен. Огонь в кронах ревел, как скоростной поезд. Будь он рядом с таким пожаром, то оглох бы, а потом умер. В конце концов после нескольких минут быстрого бега Успех избежал огненного дождя. Он сгорбился, схватился за шов в боку, затем понесся дальше.

Ветер изменил направление и теперь дул на запад, а не на восток. Успех подумал, что это могло быть результатом всасывания воздуха. Надвигающийся на них пожар, должно быть, втягивал воздух со всех направлений, чтобы поддержать себя. Может, это изменение сыграет им на руку. Ветер отнесет летающие пепел, искры и смолу обратно к пожару. Если фронт встречного огня будет достаточно широким, это создаст препятствие основному пожару. Конечно, сначала сгорят лучшие земли Миллисапов и Джорли.

Тьма сгущалась, и Успех решил снова бежать. Чтобы обогнуть пожар по границе вдоль реки Милосердия, требовалось слишком много времени. И если он сразу ничего не найдет, то повернет обратно, чтобы успеть спастись. И еще он хотел убедиться, что отец не натворил ничего сумасшедшего.

Сосредоточившись на том, чтобы не споткнуться о камень или корень, Успех не замечал окружающей его завесы дыма, пока

не стало слишком поздно. Он устал и остановился, не в силах понять, где находится. Он тяжело дышал, так что его нос, рот и легкие немедленно заполнились дымом. Это было словно пытаться дышать сквозь вату. Глаза начали слезиться, и мир вокруг превратился в размазанное пятно. Будь он сейчас в Золотом отряде, то носил бы очки, шлем и аппарат для дыхания. Но здесь у него не было ничего, а дым проникал повсюду и душил. Успех закашлялся так сильно, что почувствовал во рту кровь. Потом у него перехватило горло, и он понял, что сейчас умрет от удушья. В панике он бросился на землю в поисках потока свежего воздуха. Он слышал, что такие бывают при пожарах. В бок ткнулась ветка, но, лежа там, щекой на матрасе из похожих на бумагу листьев, веток и побегов, он ухватил дуновение менее горячего воздуха, зловонного, но пригодного для дыхания. Он попытался наполнить им саднящие легкие, выплюнул кровь и слизь и потом попытался еще раз.

Успех не знал, сколько так пролежал. Но когда пришел в себя, дым превратился в едва заметную пелену, так что у него появился шанс спастись. На реке Моту он хорошо понял, что не годится в герои. Почему же он опять оказался в той же ситуации? Больше никаких геройств. Добраться до Коттеджа, взять мотороллер и мчаться так быстро, как только возможно, прочь от огня. Он с трудом поднялся на локти и колени, кашляя и плюясь. В носу было такое ощущение, словно кто-то засунул туда колючую проволоку. Успех присел на корточки, моргая. Очистив лицо от листьев, он понял, что плачет. Когда он в конце концов встал, то едва держался на ногах. Пришлось схватиться за дерево, чтобы не упасть. А потом услышал треск сучка и шум шагов по листве. Он нырнул за бук, который был чуть толще его самого.

В его сторону с трудом плелась Утеха с застывшим лицом и остекленевшими глазами. Один взгляд сказал ему все. Она сменила зеленое платье на пару мешковатых рабочих штанов, выглядевших так, словно они принадлежали Вику. На запачканную грязью и копотью футболку была надета фуфайка, а поверх нее висели три гранаты с «жидким огнем». При движении они бились о грудь. Утеха выглядела смертельно уставшей, словно несла груз на пределе всех своих возможностей.

Люнг подумал было проскользнуть сзади и схватить ее, когда она пройдет, но Утеха заметила его, не доходя дюжины метров, и застыла. Он вышел из-за дерева, держа руки перед собой.

— Я не причиню тебе зла, — сказал Успех.

На мгновение он заметил безумную, животную панику в ее глазах. Утеха была еще более чужой, чем внешние. Он стал приближаться. Тогда она повернулась и побежала прочь.

Успех понесся следом. Он не думал ни о пожаре, ни о своей деревне, ни о простоте. Он бежал. У него не было времени ни на храбрость, ни на страх. Бежал, потому что когда-то любил эту женщину и видел, как умер ее брат.

Еще девочкой Утеха была самой проворной из них троих. В открытом поле Вик мог бы ее догнать, но в беге по лесу, нырянии под упавшие деревья Утеха была проворнее белок. Успех запыхался всего через пару минут. Он точно не знал, где они очутились, и решил, что где-то у реки. Если она думала, что сможет пересечь поток и спрятаться в собственном доме, то и вправду лишилась рассудка. Это же самоубийство!

Подобная мысль заставила его прибавить ходу, несмотря на усталость. Утеха совсем обезумела, подбежала к дереву и схватилась за него. От этого стремительного движения одна из веревок, на которых висели гранаты, ослабла и чуть не обвила ее. Утеха рухнула на колени, и Успех схватил ее. Но тут она пнула его так, что пожарный отлетел в сторону и упал на кучу хвороста. Когда Успех поднялся на колени, он увидел, что Утеха держит в руке одну из гранат. Она щелкнула предохранителем и прижала запал пальцем.

— Стой там! — велела она.

Успех задыхался, его слегка мутило.

— Утеха, не надо.

— Слишком поздно. — Она откинула темную прядь с лица. — Уже сделала.

Он встал, держа руки так, чтобы она могла их видеть.

— Зачем все это, Утеха?

— Вик, — ответила она. — Теперь это почти все из-за Вика.

— Его больше нет. Ты ничего не можешь для него сделать.

— Еще посмотрим. — Несмотря на жару, ее била дрожь. — Знаешь, это я виновата. Я была одной из тех, кто рекрутировал его. Но он должен был только передавать информацию. — Ее голос дрожал. — Должно быть, они заставили его стать «факелом». Я убила его, Успех. Я убила своего брата.

— Послушай меня, Утеха. Он не был «факелом». Это был несчастный случай.

Рука на гранате задрожала, но потом вновь окрепла.

— Ты не это сказал утром, когда был не в себе. — Она посмотрела на него с жалостью. — Сказал, что пытался спасти его. Вот чему я верю.

Успех сделал полшага.

— Но как помогут кому-либо поджоги в Литтлтоне? — Еще один маленький шаг. — На наших фермах?

Утеха попятилась.

— Ты же знаешь, что они смогут остановить огонь. Твои внешние дружки. Они в силах заставить Сообщество принять решение, надавить на Джека Винтера, чтобы он сделал то, что правильно. Вот только они не заботятся о нас. Пришли взглянуть, никогда ничего не делают. — Она засмеялась низким, надтреснутым смехом. — Но теперь сделают. Надеюсь, это мелкое отродье сейчас умирает от ужаса.

— Но ведь они заботятся, — Люнг крепко прижимал руки к бокам — иначе замахал бы на нее. — У Мемзен есть план.

Успех надеялся на то, что ему еще, возможно, удастся спасти жену.

— Ты должна верить мне, Утеха. Они заставят Сообщество начать переговоры с пакпаками.

— Верно. — Ее лицо исказила гримаса. — И ты не видел, как Вик поджег себя.

— А ты правда веришь, что сможешь их сжечь? Благородный Грегори в безопасности, Утеха. Как и Мемзен, и Л'юнги. Их «остров» прилетел за нами. Вот почему я добрался сюда так быстро. Они в воздухе. — Успех указал назад, через плечо. — Ждут меня над Коттеджем.

Увидев, что Утеха отвела от него взгляд, он бросился вперед и схватил руку с гранатой. Они двигались в некоем подобии пируэта. А потом Успех споткнулся и упал.

Утеха отступила от него. Встряхнула головой. Нажала на запал.

Граната превратилась в шар, взорвавшийся двумя огненными потоками в разные стороны. Один метнулся высоко в кроны деревьев, другой ударил в землю и затанцевал у ее ног. Она закричала, граната выпала из обуглившейся руки. Громадные языки пламени лизали ноги, одежда занялась огнем. Роскошные волосы превратились в ничто.

Успех тоже завопил. Смотреть, как все это происходит вновь, было хуже любого кошмара. Когда Вик взорвал бомбу, пламя мгновенно объяло его. Успех пытался сбить его ног, чтобы, катая по земле, унять безжалостные языки. Но Вик оттолкнул его. В горящей одежде, с руками в огне, Вик нашел в себе силы сопротивляться Успеху.

И тем спасти ему жизнь, когда разорвалась вторая бомба.

Но здесь ведь не река Моту, а Вик уже мертв. У Утехи, его Утехи, была только граната, предназначенная для противодействия огню, а не собранная террористами-пакпаками. Нижняя часть тела женщины, облитая «жидким огнем», пылала. Но он мог видеть лицо, дикие, страдающие глаза, рот, скривленный от нечеловеческой боли, и последнюю гранату,

болтающуюся на груди.

Успех бросился к жене и сорвал с фуфайки гранату. Схватил Утеху, с безумной силой поднял ее на руки и понесся к реке. В голове билась лишь одна дикая мысль: беги он быстрее — и не почувствует боли. Он знал, что уже горит, но должен был спасти ее. У него никогда не было возможности спасти Вика, *пользуйся случаем,* сказал отец, и Благородный Грегори тоже предупреждал не тратить свою удачу. Но боль слишком быстро поднималась все выше. Вопли Утехи заполнили его голову, и затем Успех полетел. Он упал в прохладную воду, и Утеха не сопротивлялась, когда он потянул ее глубже, считая «раз, два, три, четыре, пять». Вытащил ее на поверхность, крича: «Дыши, *дыши!»* — и, когда она схватила воздух, потащил снова вглубь. «Два, три, четыре, пять», и, когда вынырнул вновь, она не шевелилась. Его бедная обгоревшая Утеха потеряла сознание или умерла у него на руках, но по крайней мере пламени на ней больше не было.

На них обоих.

XVI

Свет, слепящий нас,
представляется нам тьмой.
Восходит лишь та заря, к которой
пробудились мы сами.[288]

Генри Дэвид Торо. Уолден

Во сне Успех сидел с Утехой на кухне в Коттедже Прилежания. Она облачилась в пижаму цвета яшмы, и повсюду были пироги. Яблочные и вишневые, они заняли весь стол, стояли в углах кухни. Те, что с черникой, бузиной и голубикой, выстроились на новом дубовом полу у стены, оклеенной обоями с узорами из ипомеи. Эти обои Утеха заказала в Провиденсе. Там, где живет мать Успеха. Может быть. Он должен это выяснить. Утеха поставила на холодильник праздничный грушевый сидр и пироги с персиковой начинкой, а на кресле уместила два пирога с ревенем. Что бы ни думали о ней люди в Литтлтоне, все соглашались, что она печет лучшие пироги на свете. Во сне ее идеей были пироги. Она напекла их столько, что им должно было хватить до конца жизни. Пироги ему понадобятся, если она уйдет. Но во сне она совсем не собиралась уходить, а он, в общем-то, и не хотел, чтобы она уходила. Кроме того, она точно не собирается садиться на поезд до Лонгвока в этой пижаме. Такие одежды спадают с вас, даже если на них просто подышать. Гладкая тонкая ткань мягко скользит по ее коже. Во сне она прокладывает себе дорогу мимо черничного пирога, чтобы поцеловать Успеха. Сначала прикосновение похоже на обещание. После такого поцелуя он должен выбить ногой дверь в спальню и сбросить одежду. Но поцелуй заканчивается вопросом. И ответом «нет». Успех не хочет, чтобы эта женщина опять была несчастна из-за него. Не хочет осушать ее слезы или…

— Хватит спать, сынок, — прорезался сквозь сон резкий голос. — Вставай, возвращайся к миру.

Успех заморгал, потом задохнулся от разочарования. Это нечестно. Ему не удалось удержать ни Утеху, ни пирог. Странная комната, в которой он очутился, казалась громадным окном, заполненным солнечным светом. И в нем виднелись темные тени, одна из которых двигалась. Холодная рука легла ему на лоб.

— Тридцать семь и две, — сказал робврач. — Но небольшой жар вполне допустим.

— Доктор Нисс? — спросил Успех.

— Я никогда не рад опять встречаться со старыми пациентами, сынок. — Робврач посветил в глаза Успеху. — Ты знаешь, где находишься? Ты был немного не в себе, когда тебя привезли.

Успех облизал губы, пытаясь произнести слово.

— В госпитале?

— На «острове» достойнейшей Мемзен. Открой рот и скажи «а-а-а». — Робот провел медпальцем по языку Успеха, оставляя легкий след с привкусом, похожим на моторное масло.

— «Острове»? — Было что-то важное, что Успех никак не мог вспомнить. — Как вы сюда попали?

— Меня зовут, я прихожу, сынок, — ответил робврач. — Я могу быть везде, где есть робот. Хотя это не полное воплощение. Чувствуешь себя в два раза меньше.

Успех понял, что робот отличается от того, в госпитале. У этого были две руки с клешнями, а глаз располагался над лобной пластиной. Что он имел в виду, говоря о повторении? Затем память о пожаре с ревом заполнила голову.

— Утеха! — Успех попытался сесть, но робврач толкнул его обратно на подушку. — Она в порядке?

— Все еще с нами. Мы спасли ее, и пока она жива. Но об этом поговорим позже, после того как осмотрим твои ожоги.

— Как долго я здесь? Они остановили пожар?

Робот дотянулся до шеи Успеха, расстегнул больничную одежду и спустил ее до талии.

— Я не давал тебе очнуться всю прошлую ночь и большую часть сегодняшнего дня, чтобы имплантаты смогли прижиться.

Новые ожоги яркими полосами тянулись поперек груди. На плече осталась большая отметина в форме нечеткого отпечатка руки.

— Ты будешь принимать обезболивающие еще несколько дней. Они могут вызвать провалы в памяти, так что не беспокойся, если забудешь, как зашнуровывать ботинки.

Робврач начал покрывать имплантаты теплой смесью для восстановления кожи.

— Регенерация кожи всего тридцать процентов, — пробормотал он.

— Пожар, что с пожаром?

— Твои люди держат все под контролем, по словам той маленькой девочки, Пендрагон. Я подозреваю, есть еще масса дел, но по крайней мере те дети приземлились. Всю прошлую ночь они советовались и сооружали преграды. — Он застегнул на Успехе одежду. — Ты выздоровеешь, сынок. Только перестань играть с огнем.

Успех уже спустил ноги с кровати, но запутался с завязками одежды. А когда собрался встать, пол, казалось, выскользнул из-под ног.

— Оп, — подхватил его робврач. — Еще один побочный эффект лекарства — проблемы с вестибулярным аппаратом. — Он уложил Успеха обратно на кровать. — Чтобы ходить, тебе понадобится помощник.

Робот открутил медпалец и положил его в стерилизатор.

— У меня есть для тебя компания. Жди здесь, я пришлю его к тебе.

Робврач едва выбрался из комнаты, когда в нее ураганом ворвался Благородный Грегори, катя перед собой кресло на колесиках. Вся стена из пузырьков внезапно исчезла, открыв взгляду Успеха Л'юнгов, которые начали свистеть и аплодировать Успеху. Мемзен проскользнула в комнату за секунду до того, как стена восстановилась.

— Ты самый сумасшедший, храбрый и удачливый из всех, кого я знаю! — Благородный Грегори чуть ли не визжал от волнения. — О чем ты только думал, когда схватил ее на руки? Мы вопили как резаные, думали, что ты там, внизу, услышишь. Я всю ночь не мог заснуть, все думал об этом. Ты слышал Л'юнгов? Я научил их хлопать руками для тебя. Вот, садись сюда.

Успех позволил Мемзен и Благородному Грегори усадить себя в кресло, хотя был уверен, что они его уронят. Он закрыл глаза, досчитал до трех, а когда открыл, потолок перестал кружиться.

— Как вы узнали, что я сделал?

— Мы смотрели, — ответила Мемзен. — С того момента как ты спустился с трапа, на тебе были наши «жучки». Благородный Грегори прав. Мы двигались за тобой.

— Вы смотрели? — Он почувствовал, что краснеет. — Меня могли убить.

— Согласно вашим законам мы можем только смотреть, и ничего больше, — призналась женщина.

— Но Мемзен сказала, что мы не можем просто оставить тебя, когда ты прыгнул в воду со своей женой, — продолжил Благородный Грегори. — Пришлось повалить несколько деревьев, чтобы добраться до тебя. Мы вытащили вас обоих из реки и вызвали доктора Нисса в робота, который соорудила Бетти Тусолт. — Он повернул Успеха к оболочке «острова», чтобы тот мог оценить вид. — Она в этом разбирается. Однажды выиграла приз за робота.

— А Утеха в порядке? — Успех оглянулся через плечо на Мемзен. — Так сказал доктор Нисс.

— Сохранена, — сказала Мемзен, звякнув своими кольцами. — Мы смогли ее сохранить.

Благородный Грегори подвез Успеха так близко к стенке, как только возможно, и решил передохнуть. Он сделал оболочку над приборной панелью прозрачной, чтобы можно было видеть долину во всей красе.

— Успех, он гигантский, — сказал мальчик, указывая на остатки пожара. — Никогда не видел ничего подобного.

Они пролетели над рекой Милосердия и направлялись к ферме Джорли, хотя Успех с трудом узнавал пейзаж после того, что с ним сделал огонь. Пламя, зажженное Утехой, скорее всего направилось к основному пожару, как и надеялся Успех, создавая своеобразный барьер распространению огня. Этот огонь и пламя основного пожара встретились где-то к востоку от фермы. Дом Утехи, сарай и все остальные постройки сгорели до основания. Дальше, на западе, фермы Миллисапов и Эццатов тоже были уничтожены. Больше половины склона гряды Ламана превратилась в сплошную пустыню, обугленные скелеты деревьев возвышались над серым пеплом. Струйки белого дыма поднимались над разоренной землей, словно призраки погибших деревьев. Но среди этого разрушения зеленели участки нетронутого леса, по большей части твердых пород. Успех с облегчением увидел голубоватые кроны на севере вдоль гряды, где отряды, видимо, отразили огонь.

— А что на востоке? — спросил Успех. — Где удалось остановить пожар?

Но тут «остров» повернулся, и вид постепенно стал меняться: сначала юг, где он видел шпиль ратуши, потом юго-восток — ОТ № 22 вилась тонкой линией среди нетронутого леса. Благородный Грегори смотрел на Успеха, и глаза его светились ожиданием.

— Что? — спросил Успех, не желавший быть зрелищем для этого неугомонного внешнего. — На что ты уставился?

— На тебя, — ответил мальчик. — В твоей семье столько удачи, Успех. Знаешь, мы пытались забрать твоего отца, когда спасли тебя, но он не пошел. Даже после того, как мы рассказали о том, что ты ранен.

— Он все еще там?! Вот старый идиот. Он в порядке?

— С ним все хорошо. — Благородный Грегори похлопал Успеха по руке. — Он сказал, что не отдаст свою ферму без боя. Осушил все ваши колодцы. Он еще сказал отличную фразу, не помню дословно. — Он повернулся к Мемзен за помощью. — Что-то о плевках?

Мемзен подождала, пока из пола вырастет скамья.

— Твой отец сказал, что, если вода закончится, он будет плевать в огонь, пока горло не пересохнет.

Успех умудрился приподняться в кресле, глядя на ферму, проплывающую внизу. Большой дом, амбары, Коттедж — все осталось целым. Но фруктовые сады…

— Он зажег встречный огонь. — Успех опустился в кресло. Почти половина деревьев исчезла: Макинтош, Горед и Галас. И деревья ГиГо у Коттеджа, все эти дурацкие макуны.

— Ветер переменился. — Мемзен уселась на скамью лицом к Успеху. — Когда мы прилетели, он как раз пробивал дыру в вашей цистерне с бензином и сказал, что у него нет времени на разговоры. Он собирался проехать через сад и затем поджечь его. Мы думали, что это опасно, и потому поставили на него «жучки». Но он точно знал, что делал. — Она обнажила зубы. — Очень храбрый человек.

— Да, — кивнул Успех, хоть и подумал, правда ли это. Может, отец просто больше любил свои яблони, чем собственную жизнь.

«Остров» полетел быстрее. Они пронеслись над Общиной Литтлтона и направились на запад, к Лонгвоку.

— Мы следили всю ночь, — сказал Благородный Грегори. — Как нам велел твой отец. Мемзен заставила Пенни позволить остальным поговорить с командиром Адулой по видеофону. Ночью огонь просто потрясающий. Мы пролетали над ним снова и снова.

Энтузиазм Благородного Грегори по-прежнему раздражал Успеха. Три фермы сгорели, его собственный сад наполовину исчез, а этот мальчишка думает, что пережил приключение.

— Вы не предложили помощь? Могли бы вылить воду с «острова» или, может, отвести пламя от домов.

— Мы хотели помочь, — сказала Мемзен. — Нам ответили, что внешние могут действовать далеко в лесах, где их видят только пожарные, а не на равнине, перед всем народом.

— У Мемзен неприятности из-за приземления в Общине Литтлтона. — Благородный Грегори уселся рядом с ней на скамью. — Мы еще никому не сказали, что спасли тебя из реки.

— Итак, — Мемзен протянула ему открытую ладонь, — мы возвращаемся на Кеннинг отвечать за свои действия.

— Правда? — Успех чувствовал и облегчение, и сильное разочарование. — Когда вы улетаете?

— Честно говоря, прямо сейчас. — Ее кольца сверкнули в солнечном свете. — Мы просили доктора Нисса разбудить тебя, чтобы попрощаться.

— Но кто отвезет нас с Утехой в госпиталь?

— Мы будем в Лонгвоке через несколько минут, в госпитале у Парка Благодеяния номер два. — Она сжала пальцы в, кулак. — Но Утеха летит с нами.

— Что?! — Неожиданно для себя Успех вскочил с кресла. Комната закружилась волчком, и следующее, что он почувствовал, — как Благородный Грегори и Мемзен усаживают его обратно. — Почему? — Он перевел дыхание. — Она не может.

— В Литтлтоне она тоже не может остаться, — сказал Благородный Грегори. — Ее ферма разрушена. Ты расскажешь всем, кто начал пожар.

— Я? — Успех не знал, сможет ли солгать, чтобы защитить Утеху. В конце концов, он же сделал то же самое для ее брата. — Она сказала вам, что хочет улететь? Позвольте мне поговорить с ней.

— Это невозможно. — Мемзен подняла палец.

— Почему?

— А *ты* хочешь полететь с нами, Успех? — спросил Благородный Грегори. — Ты же знаешь, что можешь.

— Нет. — Он отшатнулся, ужаснувшись такой идее. — Зачем мне этого хотеть? Литтлтон — мой дом, а я — фермер.

— Тогда перестань задавать вопросы, — нетерпеливо сказала Мемзен. — Как гражданин Совершенного Государства, ты находишься в культурном карантине. Нам об этом только что напомнили, и весьма агрессивно. Мы больше ничего не можем тебе рассказать.

— Я в это не верю! — услышал Успех собственный крик. — Вы что-то с ней сделали и теперь боитесь сказать мне. Что с ней?

Мемзен помедлила, и Успех услышал тот низкий звук, «па-па-па-пт-т». Она всегда так делала, когда советовалась с предшественницами.

— Если настаиваешь, мы можем изложить это в простой форме. — Мемзен приблизила к нему лицо. — Утеха умерла, — жестко сказала она. — Скажи это всем в своей деревне. Она получила чудовищные ожоги и умерла.

Успех отпрянул он женщины:

— Но вы сказали, что спасли ее. Доктор Нисс…

— Доктор Нисс покажет тебе тело, если хочешь. — Она выпрямилась. — Вот так.

— Прощай, Успех, — сказал Благородный Грегори. — Можем мы помочь тебе вернуться в постель?

Под «островом» Успех увидел окрестности Лонгвока. Внезапно оболочка стала меркнуть, и потолок кабины засиял искусственным светом. Раньше Люнг смотрел на «острова» из окна палаты в госпитале и понял, что сейчас корабль маскируется

перед посадкой в городе.

— Нет, подождите! — Успех решил во что бы то ни стало заставить внешних говорить. — Вы сказали, что она летит с вами. Я точно это слышал. Вы сказали, что она сохранена. Она… как другие Мемзен, о которых ты говорила, не так ли? Одна из тех, что сохранены в тебе?

— Это совершенно неподобающий разговор. — Мемзен взмахнула руками. — Мы попросим доктора Нисса вычеркнуть это из твоей памяти.

— Он может?

— Конечно, — ответил Благородный Грегори. — Мы постоянно так делаем. Но ему придется заменить реальность какими-нибудь поддельными воспоминаниями. Ты должен сказать ему, что именно ты хочешь оставить. И если когда-либо наткнешься на то, что придет в конфликт с новой памятью, то сможешь…

Успех поднял руку, заставив внешнего замолчать.

— То, что я только что сказал, — правда?

Мемзен фыркнула с отвращением и повернулась, чтобы уйти.

— Она ни за что не признается, — Благородный Грегори схватил женщину за руку, чтобы остановить, — но да, это правда.

Успех стиснул колеса кресла с такой силой, что заныли руки.

— Значит, никто из внешних не умирает?

— Нет-нет, все умирают. Просто некоторые выбирают после этого жизнь в оболочке. Даже сохраненные признают, что это не одно и то же, что и настоящая жизнь. Я еще не думал об этом хорошенько, но ведь мне всего двенадцать стандартных лет. На следующей неделе мой день рождения. Я хочу, чтобы ты был на нем.

— Что случится с Утехой в этой оболочке?

— Ей придется приспособиться. Разумеется, она не ожидала, что ее сохранят. Возможно, даже не знала о такой возможности. После активации она будет немного дезориентирована. Ей потребуются советы и руководство. У нас много строителей душ на Кеннинге. И они пошлют за ее братом, он захочет помочь.

— Прекрати! Это жестоко. — Мемзен дернула его за руку. — Мы должны идти прямо сейчас.

— Почему? — печально произнес Благородный Грегори. — Он все равно забудет все это.

— Вика сохранили? — Успех сидел в кресле, но чувствовал, что все еще падает.

— Как и всех мучеников-пакпаков. — Благородный Грегори попытался освободить руку, но Мемзен не отпускала. — Поэтому они и соглашаются жертвовать собой.

— Довольно! — Мемзен потащила мальчишку из кабины. — Прости, Успех. Ты — достойный человек. Возвращайся в свой дом, к своим яблокам и забудь нас.

— Прощай, Успех! — воскликнул Благородный Грегори, скрываясь за стеной из пузырьков. — И удачи!

Когда стена сомкнулась за ними, Успех почувствовал, как его душу раздирает сильное, отчаянное желание. Одна часть его рвалась отправиться с ними, быть с Утехой и Виком в том, внешнем, мире, посмотреть чудеса, которые Старейшина Винтер закрыл для граждан Совершенного Государства. Он мог это сделать. Знал, что мог. В конце концов, кажется, все в Литтлтоне считали, что он уедет.

Но кто тогда поможет Дару собрать урожай?

Успех не знал, как долго он просидел в кресле; тысячи мыслей раздирали голову. Внешние только что взорвали его мир, и теперь он отчаянно пытался склеить куски. Правда, к чему все это? Через короткое время он не будет ничего помнить ни об Утехе, ни о Вике, оболочках и сохранении. Может, оно и к лучшему. Все это было слишком сложно. Как и говорил Старейшина Винтер. Успех подумал, что будет счастливее, думая о яблонях, бейсболе и, может даже, целуя Мелодию Велез. Он был готов забыть.

На «острове» вдруг наступила тишина. Не было ни вибрации корпуса, сталкивавшегося с воздухом, ни приглушенного смеха Л'юнгов. Успех смотрел, как из пола вырастает оборудование госпиталя. Потом стены из пузырьков исчезли, и открылось все пространство корабля. Оно было пустым, если не считать его кресла, каталки с телом Утехи, накрытым простыней, и робврача, ехавшего к нему.

— Значит, вы собираетесь заставить меня все забыть? — спросил он горько. — Все секреты внешних?

— Если ты именно этого хочешь. Успех вздрогнул:

— Разве у меня есть выбор?

— Я просто доктор, сынок. Я могу предложить лечение, но именно ты должен его принять. Например, ты же решил молчать о том, как обгорел в первый раз. — Робврач катился позади его кресла. — Это довольно сильно усложнило мои попытки вылечить твою душу.

Успех обернулся и посмотрел на доктора Нисса.

— И вы все это время знали? Робврач вцепился в спинку кресла.

— Какой же из меня был бы доктор, если б я не знал, когда пациент мне лжет? — Он покатил кресло Успеха к люку.

— Но вы же работаете на Старейшину? — Успех не знал, уместно ли задать такой вопрос.

— Я беру деньги Винтера, — ответил доктор, — но не принимаю его советы, если они касаются телесного или душевного врачевания.

— Но что, если я расскажу людям, что Утеху и Вика сохранили и что внешние после смерти продолжают жить?

— Тогда они будут знать.

Успех попытался представить себе, каково это — хранить секрет бессмертия внешних до конца своих дней. Попытался представить, что будет с Совершенным Государством, если он расскажет жителям обо всем. Горло пересохло, словно он очутился в пустыне. Он — просто фермер с не самым богатым воображением.

— Вы говорите, что я не должен стирать все свои воспоминания об этом?

— О боги, разумеется, нет. Если, конечно, не хочешь забыть и меня.

Когда они проходили мимо тела Утехи, Успех попросил:

— Остановитесь на минуту.

Он коснулся простыни. Какая-нибудь чужеродная внешняя ткань? Нет, простой хлопок.

— Они знали, что я могу решить не стирать память, правда? Мемзен и Благородный Грегори играли со мной до самого конца.

— Сынок, — сказал доктор Нисс, — Благородный Грегори еще только мальчишка, а чего хочет достойнейшая, не знает никто в Тысяче Миров.

Но Успех молчал. Он держал в пальцах ткань, вспоминая, как они с Джорли играли в руинах на берегу реки Милосердия, когда были детьми, и как одного из них всегда настигала славная смерть — часть игры. Исследователь должен был храбро глотнуть из отравленной чаши, чтобы освободить своих товарищей, капитан пиратов погибал, защищая сокровища, королева скорее умирала от остановки сердца, чем предавала свой замок. И тогда он, Вик или Утеха драматично падали на землю и лежали там, щекой касаясь опавшей листвы или разбросанных камней. Остальные ненадолго замирали над телом и потом уносились в лес, чтобы поверженный герой мог воскреснуть и игра продолжилась.

— Я хочу домой, — сказал он наконец.

notes

Примечания

1

«The Little Goddess», by Ian McDonald. Copyright © 2005 by Dell Magazines. First published in Asimov's Science Fiction, June 2005. Reprinted by permission of the author.

2

Ги — топленое масло.

З

Деви — богиня (санскр.).

4

Хануман Дхока — главная площадь Катманду, столицы Непала, названная в честь мифического царя обезьян Ханумана, а также дворцово-храмовый комплекс, расположенный на ней.

5

Дурбар — иное название Хануман Дхока.

6

Шакья — зд.: каста народа неваров.

7

Кумаримии — слуги и опекуны Кумари — живого воплощения богини.

8

Тилак (тика) — священный символ у индуистов, наносится на лоб или тело с помощью глины, пепла, краски или сандалового масла.

9

Намасте (хинди) — слово приветствия, а также сложенные вместе на уровне сердца ладони и слегка склоненная голова. Букв.: «Я приветствую в тебе Бога!»

10

Кумари Гхар — дворец Кумари-Деви.

11

Дхока — зд.: храм.

12

Джали — ажурная солнцезащитная решетка, традиционный прием индийского зодчества.

13

Дурги, Кали — другие ипостаси богини Таледжу.

14

Садху — в индуизме — аскеты, давшие обеты отшельничества и странничества.

15

Ступа — архитектурная разновидность храма.

16

Пуджа — молитвенный обряд.

17

Мудра — сакральный жест.

18

Перечисленные названия относятся к штатам и народностям современной Индии.

19

Гандхарва — мифические крылатые слуги и посланцы богов.

20

Паллав — свободный край сари.

21

Патпат — моторикша в Нью-Дели.

22

Апсары — божества, персонажи индийской мифологии.

23

Ямуна — другое название р. Джамна, приток Ганга.

24

Раджпуты — представители одного из военных сословий, военно-аристократических семей, проживающих на территории индийского штата Раджастхан; в некотором смысле аналогично казакам в России.

25

Дупатта — шаль, головное покрывало.

26

Университет МБА — Университет маркетинга и бизнес-администрирования.

27

Пурда — pardah — занавес (хинди). В индуизме и исламе — затворничество женщин.

28

Хавели — особняк.

29

Курта — традиционная длинная рубаха без воротника.

30

Букв.: «повелитель чисел» — программист.

31

Ротпи — хлеб, лепешка.

32

Зд.: суп из зерен бобовых.

33

Чандни Чук — крупнейший рынок в Дели.

34

Тхали — блюдо-поднос для чашки риса и специй.

35

Согласно непальским поверьям, женившийся на бывшей Кумари Деви не проживет и года.

36

Варанаси — Бенарес.

37

Дважды рожденные — представители трех варн (вайшья, брахманы и кшатрии), прошедшие обряд посвящения в детстве, считающийся вторым рождением.

38

Муснад — трон, обычно сиденье из подушек.

39

Шервани и чуридар паджама — традиционная индийская одежда — длинная рубашка на пуговицах и узкие брюки со сборкой на щиколотке.

40

Колката — то же, что Калькутта, но в произношении на бенгали.

41

Император Гамаюн (Хумайун) — сын основателя династии Великих Моголов Бабура. Его гробница (постр. в 1565 г.) — шедевр могольской архитектуры.

Дурбар — зд.: торжество.

43

Мумбаи — до 1995 г. — Бомбей.

44

Мехнди — свадебный ритуал, букв.: хна или хенна.

45

Мыльный камень — стеатит, талькомагнезитный сланец, др. название — огненный камень.

46

Чарбагх — сад, разбитый в персидском стиле.

47

Кхатри — беседка, увенчанная куполом, — элемент индийской архитектуры.

48

Паан — лист бетеля, в который завернуты различные ингредиенты, способствующие пищеварению.

49

Пайса — денежная единица Индии, Непала и Пакистана, равная одной сотой рупии (гирее).

50

Равана — предводитель демонов (ракшасов) (инд. миф.).

51

Накшатры — созвездия на эклиптике Луны (ведическая астрология).

52

Раши (санскр.) — скопление, соответствует знаку зодиака в западной астрологии.

53

Дийя — плавучие жертвенные свечи.

Бадмаш — дурной человек, злодей, зд.: преступник.

Дхоби — каста прачек (мужчин и женщин).

56

Гаджра — цветочная гирлянда.

Дал — голубиный горох; растение семейства бобовых.

58

Самоса — жареные пирожки с овощной начинкой.

59

Чоли — женская короткая кофта, надеваемая под сари.

«The Calorie Man», by Paolo Bacigalupi. Copyright © 2005 by Spilogale, Inc. First published in The Magazine of Fantasy & Science Fiction, October/November 2005. Reprinted by permission of the author.

61

Лакшми — богиня богатства и благополучия (инд. миф.).

62

Арджуна — эпический герой, один из ключевых персонажей индийской мифологии.

63

Ганеша — божество индуистского пантеона.

64

Дивали — пятидневный Праздник Огней. Первый день, посвященный богине Лакшми, является концом финансового года.

65

«Басмати» — один из самых популярных видов риса в мире.

Садху — в индуизме — аскеты, давшие обеты отшельничества и странничества.

67

Шалъвар-камиз — индийский национальный костюм, состоящий из трех частей: «шальваров» — широких брюк, «камиза» — приталенной длинной рубашки с разрезами по бокам и «дупатты» — шали.

Кришна — восьмое воплощение бога Вишну.

69

Рама — седьмое воплощение бога Вишну.

70

Хануман Дхока — главная площадь Катманду, столицы Непала, названная в честь мифического царя обезьян Ханумана, а также дворцово-храмовый комплекс, расположенный на ней.

71

Болливуд — название фабрики киноиндустрии индийского города Мумбай (бывший Бомбей) по аналогии с Голливудом в США.

72

Кали — богиня смерти и разрушения (инд. миф.).

73

Тхали — блюдо-поднос для чашки риса и специй.

Дал — голубиный горох; растение семейства бобовых.

75

Рани Сати — одна из богинь индуистского пантеона.

76

Вишну — один из верховных богов индуистского пантеона.

77

Джон Чапман, по прозвищу Джонни Эплсид («Яблочное Зернышко») (1774–1845), — герой американского фольклора, засадивший десятки тысяч квадратных миль яблоневыми садами.

«Beyond the Aquila Rift», by Alastair Reynolds. Copyright © 2005 by Alastair Reynolds. First published in Constellations: The Best of New British SF, edited by Peter Crowther. Reprinted by permission of the author.

«Second Person, Present Tense», by Daryl Gregory. Copyright © 2005 by Dell Magazines. First published in Asimov's Science Fiction, September 2005. Reprinted by permission of the author.

80

Сюнрю Судзуки. Сознание дзен, сознание начинающего / Пер. Г. Богданова, Е. Кирко (при участии Э. Семенова).

C-SPAN — телевизионный канал.

82

Автор Маргарет Уайз Браун.

83

Лицо британской компании модной одежды и интерьера.

84

Герой американских комиксов.

85

«Froot Loops» — жидкая каша из зерновых хлопьев.

86

Кот в Шляпе — персонаж серии детских книг Доктора Сьюза. Волшебный кот, развлекая малышей в дождливый день, устраивает настоящий погром, но успевает привести дом в порядок за мгновение до возвращения мамы. В 2003 году по книге был снят одноименный фильм с Майком Майерсом в главной роли.

«Tupperware» — фирма по производству пластиковой посуды.

88

«The Canadian Who Came Almost All the Way Back from the Stars», by Jay Lake and Ruth Nestvold. Copyright © 2005 by SCIFI.COM. First published electronically on SCI FICTION, September 28, 2005. Reprinted by permission of the authors.

89

Маскон — область концентрации плотного вещества.

«Triceratops Summer», by Michael Swanwick. Copyright © 2005 by Michael Swanwick. First published in Science Fiction: The Very Best of 2005, edited by Jonathan Strahan. Reprinted by permission of the author.

91

«Camouflage», by Robert Reed. Copyright © 2005 by Robert Reed. First published in Down These Dark Spaceways (Science Fiction Book Club), edited by Mike Resnick. Reprinted by permission of the author.

«A Case of Consilience», by Ken MacLeod. Copyright © 2005 by Ken MacLeod. First published in Nova Scotia: New Scottish Speculative Fiction (Crescent Books), edited by Neil Williamson and Andrew J. Wilson. Reprinted by permission of the author.

93

«Теннентс» — шотландское светлое пиво.

94

Мухабарат — разведывательная служба в ряде ближневосточных государств.

95

Льюис Клайв Стейплз (1898–1963) — английский литератор и философ. Автор цикла «Хроники Нарнии».

96

Блиш Джеймс Бенджамен (1921–1975) — американский писатель-фантаст.

97

Макдиармид Хью — псевдоним, настоящее имя и фамилия Кристофер Марри Грив (1892–1978) — поэт, критик, создатель школы современной шотландской поэзии.

Вторая Книга Царств. 1, 20.

«The Blemmye's Strategem», by Bruce Sterling. Copyright © 2005 by Spilogale, Inc. First published in The Magazine of Fantasy & Science Fiction, January 2005. Reprinted by permission of the author.

100

Сельджуки — ветвь тюрок-огузов (туркмен; первоначально жили на Сырдарье), названная так по имени их предводителя Сельджука (X — нач. IX вв.), а также одно из названий созданной ими мусульманской династии.

101

Мамелюки (от араб, «мамлюк» — беглый раб) — первоначально рабы, гвардейцы последних султанов династии Айюбидов, самостоятельно правившие в Египте (1250–1517) и Сирии (1250–1516).

102

Исмаилиты — приверженцы мусульманской шиитской секты, возникшей в Халифате в середине VIII в. Фидаи, федаины (перс, и араб.) — букв.: «человек, жертвующий собой во имя веры, идеи».

103

Тамплиеры (также храмовники) — духовно-рыцарский орден, созданный ок. 1118 г. небольшой группой рыцарей с целью защиты паломников на пути в Святую землю.

104

Пелтасты (греч. peltastai) — род пехоты в Древней Греции.

105

Кондотьеры — предводители наемных военных отрядов (компаний) в Италии XIV–XVI вв.

106

Стиракс (греч. styrax) — бальзам, выделяющийся при надрезах коры дерева ликвидамбар восточный (семейства гамамелидовых) родом из Малой Азии. Применяется в медицине как антисептик, для ингаляций, а также в парфюмерии и мыловарении.

107

Реальгар — минерал, руда для получения металлического мышьяка.

108

Нард — пахучее травянистое растение семейства валерьяновых, часто упоминается в Библии.

109

Костус — растение из рода имбирных, сырье для получения эфирных масел.

110

Госпитальеры, или иоанниты — орден братьев иерусалимского госпиталя Св. Иоанна Крестителя, один из духовно-рыцарских орденов Палестины, создан в XI в. Вырос из религиозно-благотворительного общества, организованного незадолго до Первого Крестового похода в Иерусалиме для помощи бедным и больным западным пилигримам. Ныне — Мальтийский орден. Члены ордена делились на три основных класса: рыцари, священники, «служащие братья», позднее появился четвертый класс «сестер».

111

Ассасины (от араб, «хашишийюн») — так крестоносцы называли находящихся под воздействием гашиша фидаи.

112

Саладин, Салах-ад-Дин Юсуф ибн Айюб (1138–1193), правитель Египта, султан. В 1187 г. взял Иерусалим и затем изгнал крестоносцев из большей части Сирии и Палестины.

113

Болдуин IV, или Болдуин Прокаженный (1161–1185) — король Иерусалима с 1174 г.

114

Элеонора (Алиенор, Альенора) Аквитанская (ок. 1122–1204) — герцогиня Аквитании и Гаскони (1137–1204), внучка первого трубадура Прованса Гильома IX Аквитанского, графиня де Пуатье (1137–1204), королева Франции (1137–1152), супруга французского короля Людовика VII, королева Англии (1154–1189), одна из богатейших и наиболее влиятельных женщин Европы Позднего Средневековья.

115

Петр Амьенский, Пустынник (ок. 1050–1115) — французский монах, предводитель наиболее крупного отряда бедноты в Первом Крестовом походе.

116

Кылыдж-Арслан (ум. в 1107 г.) — сельджукский султан, наносил поражения крестоносцам.

117

Иоанн Пресвитер — легендарный царь могущественного христианского царства на Востоке.

«Amba», by William Sanders. Copyright © 2005 by Dell Magazines. First published in Asimov's Science Fiction, December 2005. Reprinted by permission of the author.

119

Лабаз — в Сибири — полок или помост на деревьях, откуда бьют зверя.

120

Бикин — река (и город) в Приморском крае.

121

Уссури — река на Дальнем Востоке России, часть — по границе с Китаем, правый приток Амура.

122

Вертолеты серии «Ми» названы в честь их создателя Михаила Леонтьевича Миля.

123

ППП — правила полета по приборам.

«Search Engine», by Mary Rosenblum. Copyright © 2005 by Dell Magazines. First published in Analog Science Fiction and Fact, September 2005. Reprinted by permission of the author.

125

Теория Геи (Gaia theory; Гея, древнегреческая богиня Земли) — это теория, в основе которой лежит гипотеза о взаимодействии живой материи с ее окружением. Наша планета Земля обладает «разумом», связанным с остальными «живыми» планетами. Автор биосферной «теории Геи» британский эколог Джеймс Лавлок (James Ephraim Lovelock, 1919) утверждает, что Земля, стремясь к самосохранению, может уничтожить человечество, которое оказывает на природу негативное воздействие. Теория Геи, сформулированная Лавлоком, вдохновителем «зеленых», еще в 1968 г., на сегодняшний день в связи с так называемым глобальным потеплением, как никогда, актуальна.

126

«Piccadilly Circus», by Chris Beckett. Copyright © 2005 by Interzone. First published in Interzone, May/June 2005. Reprinted by permission of the author.

127

Пикадилли-сёркус (англ. Piccadilly Circus) — площадь и транспортная развязка в Центральном Лондоне, создана в 1819 г. Основные достопримечательности — огромные неоновые рекламы и статуя ангела христианского милосердия, более известного как Эрос.

128

Английское слово «circus» имеет несколько значений, в том числе «цирк» и «круговая площадь с радиально расходящимися улицами».

129

«Добрый король Вацлав» — известный рождественский гимн, героями которого являются чешский князь, патрон Чехии святой Вацлав, живший в X веке, а также его паж.

«In the Quake Zone», by David Gerrold. Copyright © 2005 by David Gerrold. First published in Down These Dark Spaceways (Science Fiction Book Club), edited by Mike Resnick. Reprinted by permission of the author.

131

Пого Поссум — персонаж комиксов, придуманный художником Уолтом Келли.

132

Department of Water & Power — департамент тепло- и водоснабжения.

133

Калтех (Caltech) — Калифорнийский технологический институт, одно из старейших научно-исследовательских учреждений в США.

134

Баркс Карл — знаменитый художник-аниматор, работавший на студии Уолта Диснея, создатель Дональда Дака.

135

Фриз Фрэнк Келли — художник, иллюстрировавший фантастику, десятикратный лауреат премии «Хьюго».

136

Служба регистрации автомобилей.

137

Сирхан Бишара смертельно ранил Роберта Фрэнсиса Кеннеди.

138

Мэнсон Чарльз — знаменитый американский преступник, родоначальник и лидер молодежной коммуны под названием «Семья».

139

Речь идет об убийствах десяти женщин, совершенных с 10 октября 1977 г. по февраль 1978-го. Их тела были найдены в холмистом районе за чертой Лос-Анджелеса. Об этом написана книга Дарси О'Брайена и снят фильм.

140

Речь идет об убийстве молодой актрисы Э. Шорт, происшедшем в 1947 г. в Лос-Анджелесе.

141

О. Дж. Симпсон, спортсмен и кинозвезда, был обвинен в убийстве своей жены Николь и ее друга Рона.

142

Новарро Рамон — актер, режиссер и сценарист.

143

Арбукл Фэтти — известный американский комик времен немого кино.

144

Индио — город в Калифорнии.

145

Самарра — по восточной легенде, — это город, где человека поджидала смерть, а он, пытаясь убежать от нее, попадал как раз в Самарру. В англоязычной литературе Самарра стала символом неизбежности судьбы.

146

Лорел Каньон — квартал в фешенебельном районе Голливуда, где живут звезды.

147

G.I.Joe — герой комиксов про армию США во Второй мировой войне.

148

Электрические пишущие машинки.

149

Фэн данс — сольные танцы с частичным или полным раздеванием, где участвует много людей.

150

«Стоун-уолл» — отель в Гринвич Вилледж (Нью-Йорк), где в 1969 г. произошло собрание геев и лесбиянок, решивших бороться за свои права.

151

Вьет-Конг — фронт национального освобождения Южного Вьетнама.

152

Армстронг Нил — американский астронавт. Речь идет о первой высадке человека на Луну, осуществленной Н.Армстронгом 21 июля 1969 г.

153

«Драгнет» — один из популярнейших полицейских сериалов в истории американского ТВ (1952–1970). Действие многих серий основано на реальных событиях.

154

Дин Джеймс — актер, кумир молодежи 50-х. Трагическая гибель Дина в автокатастрофе способствовала мифологизации его образа.

155

Общество анонимных алкоголиков.

156

Марроу Эд — известный журналист и ведущий телевизионных программ.

157

Мэйм (Mame) — «мамочка», Питч (Peach) — «персик», Снупи (Snoopy) — «проныра».

158

Соло Наполеон — известный американский актер и джазовый гитарист.

159

«Полковник Кертц» — герой фильма Ф. Копполы «Апокалипсис», снятого по роману Дж. Конрада «Сердце тьмы».

Так у автора. Хотя роман «Мальтийский сокол» принадлежит перу Д. Хэммета.

161

Хадсон Рок — актер, звезда Голливуда.

162

Речь идет о героинях фильма «Что случилось с Бэби Джейн?», двух стареющих актрисах Джейн и Бланш.

163

Росс Дайана — американская певица, легенда музыки соул, является главной иконой чернокожего гей-сообщества. Свою карьеру начала в 60-е гг. в составе трио «The Supremes», о котором в 2006 г. был снят киномюзикл «Девушки мечты».

Handle (англ.) — прозвище, кличка.

165

Дэй Дорис — киноактриса, обладательница двух «Оскаров», эстрадная певица.

166

Fairy (англ.) — сказочный, волшебный, на сленге означает «гомосексуалист».

167

«Пак-мэн» — популярная в 80-е годы компьютерная игра.

168

Паркс Роза — инициатор движения за гражданские права чернокожего населения в США. Благодаря судебному делу против Розы Паркс (1955) незыблемая прежде стена расизма дала трещину.

169

«Арамис» — мужской одеколон.

170

«Сен-сен» — жевательная резинка.

171

Юнион Пасифик — Южно-Тихоокеанская железная дорога, в 1876 г. связавшая Запад с центром страны.

KFWB — одна из крупнейших радиостанций Лос-Анджелеса.

173

Гинза — район в Токио, где расположено большинство магазинов и увеселительных заведений.

174

Мелтдаун (Meltdown) — «черный понедельник», банковский кризис в США 19 октября 1987 г.

175

Брауни (Brownie) — домовой.

176

Оп-арт — неоавангардистский вариант абстрактного искусства, основанный на оптическом эффекте.

177

Недовольная, мятежница (ит.).

«La Malcontenta», by Liz Williams. Copyright © 2005 by Liz Williams. First published electronically on *Strange Horizons,* March 7, 2005. Reprinted by permission of the author.

178

Тень (ит.).

179

Энграмма (от греч. En — находящийся внутри + Gramma — запись) рассматривается как материальная основа памяти.

«The Children of Time», by Stephen Baxter. Copyright © 2005 by Dell Magazines. First published in Asimov's Science Fiction, July 2005. Reprinted by permission of the author.

181

«Little Faces», by Vonda N. Mclntyre. Copyright © 2005 by SCIFI.COM. First published electronically on SCI FICTION, February 2, 2005. Reprinted by permission of the author.

«Comber», by Gene Wolfe. Copyright © 2005 by Gene Wolfe. First published in Postscripts 3. Reprinted by permission of the author and his agent, The Virginia Kidd Literary Agency.

183

Мульда — вогнутая складка земной коры.

«Audubon in Atlantis», by Harry Turtledove. Copyright © 2005 by Dell Magazines. First published in *Analog Science Fiction and Fact*, December 2005. Reprinted by permission of the author.

185

Городской совет, муниципалитет (исп.).

186

«Двойной элефант» — формат бумаги для рисования, длины сторон равны соответственно 40 и 26,5 дюйма (100 х 66 см). Инфолио — книга, отпечатанная на листах бумаги, сложенных вдвое.

187

Большой Мутной Рекой (Big Muddy) американцы называют Миссури, хотя в данном случае, возможно, речь идет о Миссисипи, поскольку в реальности именно на этой реке располагается Новый Орлеан и именно она впадает в Мексиканский залив.

Спасибо. Боже мой, большое спасибо (фр.).

189

Не за что (фр.).

190

Морская болезнь (фр.).

191

И «bay», и «gulf» переводятся с английского как «залив».

192

Бретонь — область во Франции. Галисия — автономная область Испании.

193

Мой друг (фр.).

194

Дронт — вымершая птица отряда голубеобразных, обитавшая на островах Индийского океана и истребленная в XVII–XVIII вв. завезенными туда свиньями.

195

Так проходит слава крякунская (лат.).

196

Редкая птица (лат.).

197

Боже мой! (фр.).

Черт возьми! (фр.).

199

Улитки (фр.).

Бог из человека (лат.).

«Deus Ex Homine», by Hannu Rajaniemi. Copyright © 2005 by Hannu Rajeniemi. First published in *Nova Scotia: New Scottish Speculative Fiction* (Crescent Books), edited by Neil Williamson and Andrew J. Wilson. Reprinted by permission of the author.

201

«The Great Caruso», by Steven Popkes. Copyright © 2005 by Spilogale, Inc. First published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction,* May 2005. Reprinted by permission of the author.

202

Старый Город — городской квартал с ювелирными и антикварными магазинами.

203

Фортоваза (саквинавир) — лекарство, применяемое в антивирусной терапии.

«Дон Жуан» — опера В. А. Моцарта.

205

Клайн Пэтси — американская исполнительница песен в стиле кантри (1932–1963).

206

Песня Элвиса Пресли «Burnin' Love».

«Born in America» — песня группы «Райот» («Riot»).

208

«Paradise by the Dashboard Lights» — песня американского музыканта Мита Лоуфа (Meat Loaf).

«Softly Spoke the Gabbleduck», by Neal Asher. Copyright © 2005 by Dell Magazines. First published in *Asimov's Science Fiction,* August 2005. Reprinted by permission of the author.

«Zima Blue», by Alastair Reynolds. Copyright © 2005 by Alastair Reynolds. First published in *Postscripts 4*. Reprinted by permission of the author.

ИП — искусственная память.

212

Синестезия — явление восприятия, когда при раздражении одного органа чувств наряду со специфическими для него ощущениями возникают и другие ощущения, соответствующие другому органу чувств (псих.).

213

Кляйн Ив (1928–1962) — французский живописец, считающийся основателем монохромной живописи.

«Planet of the Amazon Women», by David Moles. Copyright © 2005 by David Moles. First published electronically on *Strange Horizons,* May 16 — May 23, 2005. Reprinted by permission of the author.

215

Ипполита — в древнегреческой мифологии царица амазонок. Девятым подвигом Геракла был поход в страну амазонок за поясом Ипполиты. Амазонки напали на Геракла, и в битве герой убил царицу.

216

Аэлла (Вихрь) — одна из амазонок, убитая Гераклом в битве.

217

Хиджра — переселение пророка Мухаммеда из Мекки в Медину (сентябрь 622 г.). Год хиджры стал первым годом исламского лунного календаря.

218

Хиджаб — в исламе любая одежда.

219

Кхимар — головной платок.

220

Абайя — длинное женское платье с рукавами.

221

Фемискира — в древнегреческой мифологии царство амазонок.

222

Хадисы — изречения Мухаммеда, являющиеся авторитетными для мусульман и составляющие основу мусульманского образа жизни.

223

Отрера — королева амазонок, возлюбленная Ареса, мать Ипполиты и Антиопы.

224

Марпесия — согласно готскому историку VI в. Иордану, предводительница племени готов, покорившая множество азиатских племен.

225

Характерный танец (фр.).

226

Мирина — королева амазонок, живших в Северной Африке.

227

Кенотаф — «пустая могила», надгробный памятник умершим, останки которых не найдены или покоятся в другом месте.

228

«Дао дэ цзин» (кит. «Книга пути и благодати») — основополагающий источник даосского учения и один из выдающихся памятников китайской мысли. Традиционно автором книги считается Лао-цзы (IV–III вв. до н. э.).

229

Антиопа — царица амазонок, мать Ипполита и близнецов Зета и царя Фив Амфиона.

230

Ортигия — древнее название о. Делос, место рождения Артемиды, один из ее эпитетов.

231

«Король былого и грядущего» — ряд романов английского писателя Теренса Уайта (1906–1961), пересказывающих легенды о короле Артуре.

232

Поворот во второй позиции (фр.).

233

Мариам — сестра пророка Моисея (у мусульман — Мусы).

«The Clockwork Atom Bomb», by Dominic Green. Copyright © 2005 by *Interzone*. First published in *Interzone,* May/June 2005. Reprinted by permission of the author.

235

«Не бойся» (лат.).

236

Лингала — язык семьи банту, на котором в настоящее время говорит население двух африканских государств: Республики Конго и Демократической Республики Конго.

237

Лиссуба Паскаль — президент Республики Конго в 1992–1995 гг.

238

На языке зулу «предсказатель, колдун, знахарь».

239

Это очень опасно! (фр.)

240

Ну, начальник, и что теперь делать? (фр.)

241

Кетчвайо (ок. 1826–1884) — последний зулусский инкоси (верховный правитель) в 1873–1879 гг. и на части территории Южной Америки с 1883 г. 3д., видимо, употребляется в качестве обращения.

242

VTOL (от англ. vertical take off and landing) — вертикальный взлет и посадка.

243

Остановитесь! (фр.).

Банту — группа народов в Южной и Средней Африке.

245

Бур — голландский поселенец в Южной Африке.

«Gold Mountain», by Chris Roberson. Copyright © 2005. First published in *Postscripts 5*. Reprinted by permission of the author.

247

Восемь Знамен — традиционное название восьми корпусов, на которые делились основные вооруженные силы империи Цин (Цин — последняя династия монархического Китая).

248

Гонконг в переводе с китайского означает «благоухающая гавань».

«The Fulcrum», by Gwyneth Jones. Copyright © 2005 by Gwyneth Jones. First published in *Constellations* (DAW), edited by Peter Crowther. Reprinted by permission of the author.

250

Отражательная туманность — туманность, которая светится за счет отраженного света близкой к ней звезды.

251

NGC — New General Catalogue — «Новый общий каталог» звездных скоплений и туманностей. Объекты каталога — яркие звездные скопления, галактики, туманности — имеют обозначение, состоящие из акронима «NGC» и порядкового номера объекта в каталоге.

252

Глобулы Бока — названные в честь астронома Барта Бока, активно исследовавшего их, представляют собой маленькие темные облака из газа и пыли, при уплотнении которых и образуются звезды.

253

Суперкарго — представитель грузовладельца на корабле.

254

Кубит (q-бит, кьюбит; от quantum bit) — единица квантовой информации или наименьший элемент для хранения информации в квантовом компьютере.

255

Для создания минимального элемента квантового компьютера (кубита) вместо атомов и молекул используются так называемые электронные пузырьки. Для получения электронного пузырька необходим жидкий гелий, охлажденный ниже 2,17° Кельвина. При такой температуре он ведет себя как супержидкость, т. е. имеет нулевую вязкость. В жидкость на большой скорости вгоняют электроны, которые в конце концов останавливаются под воздействием атомов гелия и оказываются в «пещерках» диаметром примерно 3,8 нм, окруженных примерно 700 атомами гелия. Таким образом решается одна из фундаментальных проблем создания квантовых компьютеров — достаточная изоляция кубитов друг от друга.

256

Имеется в виду трапеция Ориона — четыре яркие звезды в ядре туманности Ориона.

257

По легенде, охотник Орион был вооружен большой палицей и острым мечом.

«Евростар» — скоростной поезд.

259

«Теперь путешественница» — фильм Ирвинга Раппера 1942 г.

260

Системный оператор.

261

Фильм режиссера Халицки «Угнать за 60 секунд» (1974 г.).

262

Харлоу Джин — звезда американского кино 30-х гг.

263

Отступим, чтобы лучше прыгнуть (фр.).

264

Во Франции lettres de cachet — письма, подписанные самим королем Франции и скрепленные королевской печатью, cachet. В них содержались приказы короля, которые не подлежали обжалованию.

265

Эллис — остров в Нью-Йоркской гавани, когда-то первое пристанище будущих эмигрантов в США.

Фарфор английской фабрики Веджвуд.

267

Динь-Дилинь — фея из сказки Джеймса Барри «Питер Пен».

268

«Песнь» Уильяма Вордсворта под названием «Признаки бессмертия из воспоминаний раннего детства» пер. Н. Семонифф.

«Mayfly», by Peter Watts and Derryl Murphy. Copyright © 2005 by Peter Watts and Derryl Murphy. First published in *Tesseracts Nine: New Canadian Speculative Fiction* (Edge), edited by Nalo Hopkinson and Geoff Ryman. Reprinted by permission of the authors.

Кодон — единица генетического кода.

271

Теломеры — концевые сегменты хромосом.

272

Синапс (греч. synapsis «соприкосновение, соединение») — специализированная зона контакта между отростками нервных клеток и другими возбудимыми и невозбудимыми клетками, обеспечивающая передачу информационного сигнала.

«Two Dreams on Trains», by Elizabeth Bear. Copyright © 2005 by Elizabeth Bear. First published electronically on *Strange Horizons,* January 3, 2005. Reprinted by permission of the author.

27 4

Марди Грас (Mardi Gras — фр.) — «Жирный вторник» — католический праздник, аналогичный Масленице, время карнавалов.

«Angel of Light», by Joe Haldeman. Copyright © 2005 by Luna Media Pty Ltd. First published in *Cosmos Magazine,* Australia (www.cosmosmagazine.com), Issue Six. Reprinted by permission of the author.

276

В исламе существует два праздника с таким названием: Ид аль-фитр (Ураза-байрам) — праздник разговения по окончании поста в священный месяц Рамадан; Ид аль-адха (Курбан-байрам) — праздник жертвоприношения.

Кяфир (араб.) — неверный.

Медина — зд.: торговый квартал.

Спасибо (араб.).

«Burn», by James Patrick Kelly. Copyright © 2005 by James Patrick Kelly. First published as a chapbook, *Burn* (Tachyon). Reprinted by permission of the author.

281

Пер. З. Александровой.

Пер. Э. Ф. Осиповой.

283

Пер. З.Александровой.

Пер. З. Александровой.

285

Пер. Э. Ф. Осиповой.

Пер. З. Александровой.

287

Иннинг — игровой период, состоящий из двух частей: вначале одна команда играет в обороне, а другая в нападении.

Пер. З. Александровой.